

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ

ПИСЬМА · ДОКЛАДЫ · ДОКУМЕНТЫ

В настоящем, 80-м, томе «Литературного наследства» печатаются эпистолярные и другие документальные материалы, которые широко и разносторонне освещают отношения Ленина и Луначарского, их совместную деятельность как в дооктябрьский период, так и в годы Советской власти. Большинство материалов публикуется впервые.

Первый раздел тома составляет переписка Ленина и Луначарского (с 1905 по 1922 г.). Переписка отличается многообразием и значительностью затрагиваемых вопросов: от важнейших проблем философии марксизма до конкретных задач социалистического строительства. Особое место занимают здесь темы культуры, литературы, искусства, науки и народного образования.

Во втором разделе тома публикуются 19 докладов Луначарского Ленину (1919—1921 гг.) о поездках на фронт и в различные города Советской республики. Доклады являются ценнейшим источником для изучения эпохи.

Третий раздел тома посвящен теме «Ленин редактирует статьи Луначарского в газетах „Вперед“ и „Пролетарий“» (1905 г.). Здесь публикуются все сохранившиеся статьи Луначарского с редакторской правкой Ленина.

Том завершается четвертым разделом «Разыскания и сообщения», построенным на неизданных материалах. Сюда входят, в частности, документы о первом знакомстве Ленина и Луначарского и о начале их совместной деятельности (декабрь 1904 г.), письма Луначарского с Штутгартского конгресса (1907 г.), материалы о встрече Луначарского с Лениным накануне отъезда большевиков из эмиграции в Россию (1917 г.).

В томе более ста пятидесяти иллюстраций (автографы, портреты, рисунки и т. д.); многие из них печатаются впервые.

Книгу можно приобрести в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 8; Ленинград, Литейный проспект, 57.

Для получения книги почтой заказы направлять по адресу: Москва — Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», или в ближайший магазин «Академкнига».

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

В. И. ЛЕНИН
И
А. В. ДУНАЧАРСКИЙ

ПЕРЕПИСКА, ДОКЛАДЫ, ДОКУМЕНТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ВОСЬМИДЕСЯТЫЙ

РЕДАКЦИЯ

В. Г. БАЗАНОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, С. А. МАКАШИН, К. Д. МУРАТОВА,
Р. М. САМАРИН, Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (глав. ред.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 1

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

В. И. ЛЕНИН
И
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ПЕРЕПИСКА, ДОКЛАДЫ, ДОКУМЕНТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 7 · 1

7-2-2
121a-71 (11)

ГОД ИЗДАНИЯ Сороковой

В. Г. Губинин (Александр)
1882 года

Александр Иванович Губинин
Кавказский и др.

О Т Р Е Д А К Ц И И

В настоящем томе «Литературного наследства» собран обширный документальный материал, освещающий ряд сторон совместной деятельности В. И. Ленина и А. В. Луначарского как в дооктябрьский период, так и в годы Советской власти.

Большинство материалов тома публикуется впервые. Для их выявления было проведено тщательное изучение документов, относящихся к данной теме, которые хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: прежде всего — в фонде Ленина, где находится и часть писем к Ленину, в фонде Луначарского, в фондах газет «Вперед» и «Пролетарий», в фондах Совнаркома и его Комиссии (Малого Совнаркома), Совета Труда и Оборона, а также в фондах видных деятелей Коммунистической партии. В ряде случаев приходилось обращаться к материалам фонда ЦК КПСС.

Большая поисковая работа проводилась в других архивохранилищах страны: прежде всего — в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР, Центральном государственном архиве РСФСР, Архиве внешней политики Министерства иностранных дел СССР.

Многие ценные материалы извлечены также из личного архива Луначарского, часть которого А. А. Луначарская передала бывшему секретарю наркома В. Д. Зельдовичу (в настоящее время все эти документы находятся в Центральном партийном архиве).

Таким образом, в результате разысканий, проводившихся в течение нескольких лет, удалось обнаружить, исследовать и объединить огромный новый материал на тему «Ленин и Луначарский».

Том открывает «Переписка Ленина и Луначарского» (1905—1922 гг.). Сюда входит 265 писем, большая часть из них (около 200) печатается впервые. В раздел «Переписки» включено также несколько документов из весьма значительного числа обращений Луначарского в Совнарком по вопросам, в решении которых принимал участие Ленин.

Дошедшие до нас письма Ленина к Луначарскому в основном опубликованы (они входят в Полное собрание сочинений Ленина); в дальнейшем при ссылках на это издание указываются том и страница). До сих пор остаются неразысканными 40 писем Ленина, которые Луначарский, находясь в эмиграции, оставил в Италии.

В письме В. Д. Бонч-Бруевича к Луначарскому 7 июня 1932 г. говорится об этих письмах: «Вы мне рассказывали, что когда вы жили в Италии, вам пришлось волею-неволей оставить вашу корзинку с вашими документами, письмами, рукописями, среди которых, как вы тогда говорили, находится не менее 40 писем Владимира Ильича, — у какой-то итальянки, у которой нужно просто выкупить эту вашу драгоценную корзинку, уплатив ей за пролежалое то, что она захочет. Дорогой Анатолий Васильевич, позвольте мне просить вас совершенно немедленно сообщить, сколько нужно в ваше распоряжение прислать денег, чтобы вы эту корзинку могли бы сейчас же выкупить, съездив туда или сами или послав того, кого найдете нужным. И, пользуясь вашей дипломатической неприкосновенностью, привезти всю корзинку без всяких досмотров иностранных таможенных властей к нам сюда, в СССР. Вопрос этот до чрезвычайности важен. Я думаю, и вы сами не имеете покоя оттого, что этот груз залежался там, в Италии. Представьте себе ту величайшую радость, которая будет среди всех наших самых ответственных товарищей, когда эти письма Ленина будут вами вручены в Ленинский

Институт. Я не говорю уже о всех тех других материалах, которые находятся там, — ведь это целая эпоха вашей личной жизни, эпоха вашей политической борьбы, эпоха наших политических отношений и жизни нашей партии. Надо принять решительно все и всяческие меры, чтобы эта корзина немедленно очутилась в ваших собственных руках. Ведь и та итальянка, которая хранит ваш груз, — смертна и, знаете, могут распорядиться с содержимым этой корзинки совершенно не так, как нам это хотелось бы, и уничтожат эти драгоценные документы.

Очень прошу вас прислать мне дипломатической почтой ответ на это письмо и, верьте мне, что совершенно немедленно, в тот же день, вам будут переведены деньги, которые нужны, чтобы выкупить этот драгоценный груз <...>» (ГБЛ, ф. 369, ед. хр. 170, л. 32).

В эту пору Луначарский был уже серьезно болен, и нам неизвестно, что сумел он сделать для исполнения своего давнего намерения.

Как видно из материалов настоящего тома, не все письма Ленина к Луначарскому дошли до нас и за советский период (см., например, стр. 333).

В процессе подготовки тома были выявлены 11 неопубликованных записок Ленина, 3 мандата, выданных Луначарскому за подписью Ленина, и 22 письма Луначарского с надписями и пометками Ленина. Одно из таких писем (5 марта 1920 г.), обнаруженное в ЦГАОР, передано в ЦИА ИМЛ. (Следует иметь в виду, что надписи Ленина «в архив», встречающиеся на различных документах, в том числе и на тех, которые публикуются в настоящем томе, не означали, что Ленин считал данное дело законченным. Напротив, это было указание секретарю *хранить* документ, держать его поблизости, чтобы можно было быстро проверить исполнение или навести какую-либо справку.) В томе впервые публикуется 170 писем Луначарского к Ленину и в Совнарком, а также множество новонайденных его писем к разным лицам, в том числе — с упоминаниями о Ленине.

В настоящей публикации писем Ленина к Луначарскому важны не только новые документы. Издание двусторонней переписки позволяет глубже понять содержание уже известных писем Ленина, так как они даны в непосредственной связи с письмами его корреспондента.

Переписка Ленина и Луначарского поражает многообразием и важностью затрагиваемых проблем: это вопросы русской революции и международного рабочего движения, стратегии и тактики большевистской партии, задачи партийной публицистики (особенно в период сотрудничества Луначарского в газетах «Вперед» и «Пролетарий»), марксистской теории, критика Лениным философских заблуждений Луначарского; в послеоктябрьские годы — борьба за установление Советской власти, вопросы народнохозяйственные и военные.

Особое место в переписке занимают темы народного образования, социалистической культуры, науки, литературы и искусства. Материалы переписки существенно дополняют представление об отношении Ленина к Пролеткульту и футуризму. (Много новых документов по этим вопросам содержится также в сообщении «Борьба реалистов и футуристов во ВХУТЕМАСе».)

Забота Советского правительства о сохранении театров и других очагов культуры, об улучшении условий жизни ученых, писателей, деятелей искусства раскрыта в переписке Ленина и Луначарского.

Переписка в полной мере показывает плодотворную и руководящую роль Ленина — вождя партии, главы Советского государства. Программные указания Ленина, его конкретные советы в области политической, военной, хозяйственной, в деле народного образования и культурного строительства, как наглядно убеждают материалы переписки, были основополагающими для всей деятельности народного комиссара по просвещению.

Ленин высоко ценил и любил Луначарского — пламенного борца революции, разносторонне талантливого человека, но был неизменно требователен к нему, строго высказывая за упущения, за недостатки в работе Наркомпроса. В отдельных случаях суровая принципиальная критика Ленина, необходимые организационные меры, сдерживающие увлекующуюся «художественную» натуру Луначарского, воспринимались последним болезненно. Но над всем этим всегда было чувство долга, партийной дисциплины.

лины, глубокое уважение к Ленину, восхищение им, вера в его правоту и дальновидность.

Комментарий к разделу «Переписка» построен преимущественно на неизданном материале. Бумаги, относящиеся к переписке Ленина и Луначарского, приходилось нередко разыскивать в самых разных архивах нашей страны, пока, наконец, не удалось восстановить «цепь» документов, выяснить всю историю вопроса.

К «Переписке» примыкает второй раздел — «Доклады Луначарского Ленину». Здесь впервые печатаются 18 докладов-отчетов Луначарского, адресованных Ленину, о поездках на фронт, в прифронтовые районы и другие города Республики (1919—1920 гг.). Ленин внимательно читал доклады Луначарского. На одном из них (об общем политическом положении Николаевской и Одесской губерний от мая 1920 г.) сохранилась надпись Ленина. В «Речи на Втором Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г.» Ленин сослался на сообщения Луначарского, только что вернувшегося с Украины (см. настоящ. том, стр. 450).

Луначарский не раз писал о том глубоком интересе, который проявлял Ленин к его отчетам: «Когда я вернулся из Тулы, я сейчас же, по обыкновению, отправился к Владимиру Ильичу, чтобы рассказать ему о всех моих впечатлениях» (стр. 446). В статье «Брянский район» Луначарский сообщил: «По возвращении моем в Москву я сделал обо всем этом доклад тов. Ленину» («Известия», 1919, № 246, 2 ноября).

Н. К. Крупская вспоминала, с каким вниманием слушал Ленин такие доклады Луначарского: «Помню, как однажды — кажется в 1919 или 1920 году — Анатолий Васильевич, вернувшись с фронта, описывал Владимиру Ильичу свои впечатления и как блестяли глаза у Владимира Ильича, когда он его слушал» («Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., Госполитиздат, 1968, стр. 298). К этому яркому эпизоду Крупская еще раз обратилась, рассказывая о годах гражданской войны: «Присутствовала я раз также на докладе Ильичу т. Луначарского, ездившего на фронт. Насчет военных дел небольшой спец был, конечно, Анатолий Васильевич, но Ильич все время ставил ему такие вопросы, так связывал воедино ряд явлений, так направлял доклад в определенное русло, что доклад вышел исключительно интересным. Ильич знал, кого о чем, как надо спрашивать» (там же, стр. 561).

Доклады Луначарского Ленину являются историческим источником. В этом же разделе печатаются статьи Луначарского, написанные для РОСТА и местной печати по живым впечатлениям от поездок по стране. Тексты статей посылались Ленину.

Доклады, так же как и письма, ясно показывают, что сферой деятельности Луначарского были не только народное образование и строительство новой, социалистической культуры, при всей громадной сложности этих задач. В те годы, когда Луначарский работал под руководством Ленина, он был активно причастен ко всем областям партийной и государственной деятельности. Это, в свою очередь, оказало определяющее влияние на научное и литературное творчество Луначарского — теоретика искусства, писателя, критика.

В третьем разделе «Ленин редактирует статьи Луначарского в газетах „Вперед“ и „Пролетарий“ (1905 г.)» печатаются 15 статей Луначарского с редакторской правкой Ленина. До сих пор в «Ленинских сборниках» опубликованы редакторские исправления Ленина в пяти статьях Луначарского, причем печатались только те абзацы, в которых имеется правка.

В настоящем томе статьи Луначарского печатаются полностью, что дает более точное представление о характере редакторской работы Ленина над статьями Луначарского и о публицистической деятельности Луначарского в газетах «Вперед» и «Пролетарий».

Впервые публикуются ранее никогда не издававшиеся две статьи Луначарского с правкой Ленина: «Цветы либеральных словопрений» и «Столетний юбилей Мадзини в Риме» (принадлежность последней Луначарскому установлена в связи с подготовкой данной публикации). Интерес представляет также впервые публикуемое предисловие Луначарского к предполагавшемуся в 1925 г. переизданию его статей в газетах «Вперед» и «Пролетарий».

Разделу «Ленин редактирует статьи Луначарского...» предпослана исследовательская статья.

Разнообразен по содержанию четвертый раздел тома, основанный на неизданных материалах.

Здесь впервые печатаются замечания и пометки Ленина на книгах о Короленко, отрывки из писем Н. К. Крупской к родным и друзьям от конца декабря 1904 г. с отзывами об отношении Ленина к Луначарскому, о первых выступлениях Луначарского в Женеве и их роли в борьбе против меньшевиков.

Большой интерес представляют письма Луначарского к жене со Штутгартского конгресса 1907 г., участником которого он был. Письма рассказывают об обстановке работы конгресса, происходивших на нем дебатах, о деятельности Ленина и беседах Луначарского с ним. Учитывая, что в исторической литературе работа Штутгартского конгресса освещена скупо из-за отсутствия источников, публикуемые письма Луначарского приобретают важное значение.

Особое место занимает публикация «Ленин и Луначарский накануне отъезда из эмиграции в Россию (март — апрель 1917 г.)», где впервые приводится письмо Луначарского с замечательной характеристикой вождя революции: «Ленин грандиозен».

О помощи Ленина и Луначарского Горькому в его издательской деятельности первых лет Советской власти повествуют многочисленные новые материалы.

В заключительном разделе тома печатается неизданная «Автобиография» Луначарского и его не публиковавшиеся ранее воспоминания о Ленине.

В некоторых документах даются сокращения в тех случаях, когда текст не имеет прямого отношения к теме настоящего тома.

Настоящий том «Литературного наследия» создавался совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В его подготовке принимали участие научные сотрудники Центрального партийного архива ИМЛ и Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР. Составители тома — В. Д. З е л ь д о в и ч и Р. А. Л а в р о в.

Письма Ленина и Луначарского готовили к печати В. Д. З е л ь д о в и ч, Л. М. Р о з е н б л ю м, А. П. Т р о ш и н а, Л. М. Х л е б н и к о в, а также Т. Ф. А в р а м е н к о, Е. А. Д и н е р ш т е й н, Н. С. З е л о в, Л. А. Ш а п и р о, М. Н. Ф и л а т о в.

В других публикациях, кроме составителей, принимали участие Г. А. Б я л ы й, В. Я. З е в и н, В. М. Д а л и н, С. Ф. Н а й д а, А. П. Т р о ш и н а, А. В. Ф е в р а л ь с к и й, Л. М. Х л е б н и к о в.

Вступительная статья к тому написана В. Р. Щ е р б и н о й.

Большую научно-исследовательскую и редакторскую работу по подготовке тома провела Л. М. Р о з е н б л ю м.

Редакторы тома — И. С. З и л ь б е р ш т е й н и А. А. С о л о в ь е в.

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ

Статья В. Р. Щ е р б и н ы

Публикуемые в настоящем томе «Литературного наследства» материалы представляют большую историческую ценность и имеют очень важное значение для современности. В многочисленных документах раскрывается руководящая роль Ленина в основных свершениях нашей эпохи. Воскрешаются живые страницы истории Коммунистической партии, пролетарского освободительного движения в России, развития революционной мысли, философии, эстетики и критики.

Ленин — создатель Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, корифей революционной мысли. Его творческий гений обогатил все области человеческих знаний и практики. Еще на заре русской пролетарской революции он показал реальные пути слияния научного социализма с движением самих масс, повернувшего ход истории человечества. Во всем объеме Ленин поставил задачу коренного преобразования самых глубинных основ жизни трудящихся. И, возглавляя борьбу партии, самых передовых сил общества, он теоретически и практически руководил процессом создания нового, социалистического мира, его экономических, политических и духовных основ.

В своей многогранной деятельности Ленин выращивал и сплавивал кадры выдающихся работников партии нового типа, превосходно проявивших себя в сфере государственного, хозяйственного и культурного строительства.

Луначарский принадлежал к выращенной основателем нашей партии блестящей плеяде выдающихся политиков и литераторов-большевиков, представленной именами В. Воровского, М. Ольминского, П. Лепешинского, И. Скворцова-Степанова, С. Шаумяна и других. Сам Луначарский — оригинальная колоритная индивидуальность, на редкость одаренный человек, отдавший всю свою жизнь делу победы идей революции, созданию новой, социалистической культуры.

Совершенно обоснованно Горький писал Луначарскому, предлагая создать книгу воспоминаний: «Вы прожили тяжелую, но яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечом в плечо с Лениным и наиболее крупными, яркими товарищами...»¹. По убеждению Горького, содержание такой книги должно далеко выходить за пределы биографии автора, принести особенно большую пользу молодым для изучения замечательной истории старшего поколения большевиков.

Жизненный путь того поколения большевиков, к которому принадлежал Луначарский, неразрывно связан с личным примером, борьбой и идеями Ленина, который настойчиво собирал и закалял кадры пролетарских революционеров.

Переписка Ленина и Луначарского, связанные с ней документы наглядно показывают, как складывались биографии старшего поколения деятелей Коммунистической партии. Здесь публикуется ряд ценных материалов, относящихся к огромной работе по созданию партии, к борьбе с меньшевиками и ликвидаторами, к борьбе за теоретические основы марксистского материалистического мировоззрения.

Жизненный путь Луначарского, смысл его деятельности нельзя всесторонне понять вне широкого общего процесса формирования мировой и русской марксистской мысли, эстетики и критики. В России процесс этот неотделим от гигантской борьбы за идеи социализма, которую вели партия, Ленин, группа его соратников — партийных литераторов-большевиков.

При всей общности мировоззрения, задач борьбы и жизненных целей облик каждого из названных выше представителей старой большевистской гвардии отличался своей неповторимой индивидуальностью, имел свой круг интересов, в которых наиболее полно выявлялись личные дарования. Такой своеобразной, отчетливо выраженной индивидуальностью был и Луначарский. При всей целеустремленной разносторонности его интересов как профессионального революционера, он наиболее ярко раскрыл себя как выдающийся деятель социалистической культуры.

Систематизация и осмысление материалов, связанных с темой «Ленин и Луначарский», не только правомерно, но и необходимо, особенно в сфере изучения проблем культуры, литературоведения и искусствоведения. Именно с Луначарским Ленин чаще, нежели с кем-либо, обменивался мнениями по вопросам общей и художественной культуры не только вследствие длительных близких отношений, но прежде всего по характеру государственной деятельности Луначарского как народного комиссара по просвещению. Именно ему Ленин наиболее часто высказывал свои программные идеи по вопросам народного образования, культуры, литературы и искусства.

Луначарский — человек огромной эрудиции и таланта, многосторонних энциклопедических знаний. Поразительно обширна и многообразна сфера деятельности Луначарского: в его лице сочетались партийный пропагандист и организатор, историк и теоретик, критик и ученый, высокообразованный знаток литературы и всех видов искусства: живописи и скульптуры, театра и кино, музыки и архитектуры. Но во всем этом он всегда являлся целеустремленным революционером, пламенным проповедником идей и культуры социализма.

Советская общественность заботливо относится к наследию Луначарского. Издано много книг и статей, посвященных его литературной деятельности, его работе по строительству советской социалистической культуры. В ряду этих изданий можно отметить сборники произведений Луначарского, содержащие статьи по вопросам эстетики, теории и истории литературы. Кроме широко известных, в эти книги вошли также многие несобранные и забытые его работы. Следует выделить издание восьмитомного собрания сочинений Луначарского (М., «Художественная литература», 1963—1967), в которое включено наиболее значительное из написанного им.

Однако ряд документов, связанных с деятельностью Луначарского, до сих пор не собран и не систематизирован, находится в архивах, разбросан по разным газетам, журналам и другим периодическим изданиям. В этом смысле настоящий том «Литературного наследия» приобретает особую значительность. Содержащиеся в нем материалы раскрывают как многосторонность, так и основное движущее начало всей деятельности одного из соратников Ленина.

Самое же главное — роль Луначарского как деятеля партии и литературы не может быть понята без глубокого освещения воздействия на него Ленина, которое имело постоянный, всесторонний и непосредственно личный характер.

Как свидетельствуют многочисленные документы, Ленин высоко ценил литературный талант Луначарского, доверял ему ответственнейшие партийные поручения, тепло отзывался о нем. Даже в период его «богостроительских» заблуждений Ленин, резко критикуя их, вместе с тем находил добрые слова о нем: «На редкость богато одаренная натура. Я к нему питаю слабость <...> Я его, знаете, люблю, отличней товарищ!»² — так характеризовал Луначарского Ленин в беседе с Горьким.

Находясь в постоянных философских поисках, в поисках новых организационных форм работы, Луначарский иногда заблуждался. Но он всегда обретал опору, внутреннюю уверенность и силу в идеях Ленина, во все обогащающемся опыте действительности.

Отношение Ленина и Луначарского — новый тип отношений деятелей, отношений, рожденных партийной работой, идеями революции и борьбой за утверждение социализма. При всем своеобразии личности Луначарского он открыто говорил о зависимости основных моментов своей политической и духовной биографии, ряда творческих замыслов, характера решений многих вопросов общественной жизни, культуры и искусства от влияния Ленина. И это вполне естественно, так как голосом Ленина говорила самая высокая правда истории, к которой все время так неустанно стре-

мился Луначарский. Ленин для него был высшим авторитетом, воплощением искания истины, наиболее глубокого познания противоречий действительности, законов движения социалистической революции.

* * *

Настоящий том открывается разделом, посвященным переписке Ленина и Луначарского с 1904 по октябрь 1917 г. Это — время борьбы Ленина за идейные и организационные основы большевизма, за выраживание и сплочение кадров партии, за подготовку социалистической революции. Наиболее полно представлены здесь материалы, относящиеся к сотрудничеству Луначарского под руководством Ленина в газетах «Вперед» и «Пролетарий».

Безусловно, документы, включенные в этот и другие разделы тома, не представляют полного систематического свода, претендующего на исчерпывающее освещение того или иного вопроса. Некоторые новые материалы носят сравнительно частный характер, касаются отдельных эпизодов истории партии, деятельности Ленина, становления советской культуры. Но рассматриваемые в ряду уже известных документов, в связи с совокупностью всех материалов на данную тему, они помогают более полно осмыслить важнейшие явления и вопросы.

Литературной и публицистической работой Луначарский занимался еще в вologодской ссылке (1902—1904 гг.). К этому времени относятся его ранние литературно-критические статьи, первые беллетристические опыты и полемические выступления, направленные против социально-философских взглядов Н. Бердяева, С. Булгакова. Здесь же написана его теоретическая работа «Основы позитивной эстетики». Но только после сближения с Лениным вся деятельность Луначарского приобретает свою революционную целеустремленность.

Сам Луначарский живо рассказывал о первой встрече с Лениным, предложившим ему переехать в Женеву и вступить в редакцию центрального органа большевиков газеты «Вперед». Осенью 1904 г. Луначарский выехал за границу, но направился не сразу в Женеву, а решил остановиться в Париже, чтобы разобраться в разногласиях меньшевиков и большевиков. «Я получил два письма от самого Владимира Ильича, — вспоминает Луначарский. — Письма были короткие. Они торопили меня поскорее приехать в Женеву. Я обещал, но все задерживался».

В начале декабря 1904 г. Ленин приехал в Париж читать реферат о внутрипартийном положении и сам пришел к Луначарскому. «В 1904 г., — пишет Луначарский, — в одно раннее (<...> утро ко мне в дверь комнаты в отеле „Золотой лев“ около бульвара Сен-Жермен в Париже постучались. Я встал. На лестнице было еще темно. Я увидел перед собой незнакомого человека в кепке, с чемоданом, поставленным около ног».

Взглянув на мое вопросительное лицо, человек ответил: — Я — Ленин»³.

В то время обстановка в партии была чрезвычайно сложной, а позиции Луначарского, по его признанию, не вполне отчетливыми. Меньшевики захватили «Искру» и повели борьбу против решений II съезда партии. Позднее, к январским событиям и революции 1905 года они окончательно выявили свою линию на союз с либералами и поддержку грядущей революции как типично буржуазной, от которой, по их мнению, можно ждать лишь изменения политического строя России.

При всех колебаниях Луначарского для него тем не менее уже в то время было ясно, что так называемая «широкая партия» не могла быть последовательно революционной. Но его мировоззрение тогда далеко не отличалось последовательностью. Об этом он самокритично писал в статье «Воспоминания из революционного прошлого» (1919 г.):

«Все мое мирозерцание, как и весь мой характер, не располагали меня ни на одну минуту к половинчатым позициям, к компромиссу и затемнению ярких максималистских устоев подлинного революционного марксизма. Конечно, между мною, с одной стороны, и Лениным — с другой, было большое несходство. Он подходил ко всем этим вопросам как практик и как человек, обладающий огромной ясностью так-

тического ума и поистине гениального политика, я же подходил, как ... артистическая натура, как назвал меня как-то Ильич.

Моя философия революции иной раз вызывала у Ленина известную досаду, и наши работы — я говорю о группе: Богданов, Базаров, Суворов, я и некоторые другие — действительно ему не нравились. Однако он чувствовал, что груша наша, ушедшая от близкой ему плехановской ортодоксии в философии, в то же время обеими ногами стоит на настоящей непримиримой и отчетливой пролетарской позиции в политике (<...> Я немедленно выехал в Женеву и вошел в редакцию газеты „Вперед“, а позднее — „Пролетарий“»⁴.

Ленин заставил Луначарского покончить с сомнениями, увлек своими планами партийной работы, создания центрального органа большевиков — газеты «Вперед». Встреча эта сыграла огромную роль в дальнейшей судьбе Луначарского, окончательно утвердила его на большевистских позициях.

Публикуемая переписка вносит много нового в освещение истории сотрудничества Луначарского под непосредственным руководством Ленина в газетах «Вперед» и «Пролетарий». Мы видим, с какой настойчивостью Ленин собирал кадры ранней большевистской печати, как целеустремленно направлял их революционный энтузиазм и творческие силы.

Луначарский работает по заданиям Ленина, выполняет его самые разнообразные поручения — пишет брошюры, статьи, памфлеты, выступает с докладами, рефератами, ведет полемику с противниками большевизма. В настоящем томе печатается ряд публицистических работ Луначарского, посвященных актуальным вопросам русского и международного революционного движения, строительству партии нового типа, воспитанию и сплочению новых борцов за преобразование страны. Большинство этих работ писалось не только по поручению, но нередко при участии Ленина. Многие письма Ленина этого периода не сохранились. Но по ответным письмам Луначарского можно составить представление об общем характере деятельности Ленина. Уже первое сохранившееся письмо Луначарского, относящееся ко времени его сотрудничества в «Пролетарии», свидетельствует, что по непосредственному заданию Ленина он писал серию популярных статей из истории борьбы революционного пролетариата. Пять этих статей, объединенные в брошюре «Очерки по истории борьбы европейского пролетариата», были изданы ЦК РСДРП в 1905 г. без имени автора.

Другие материалы переписки говорят о заинтересованности Ленина еще одной работой Луначарского — серией статей под заглавием «Массовая политическая стачка» («Пролетарий», 1905, №№ 1, 4, 9, 12, 17). Ленин не только предложил общий план работы, но редактировал ее и написал заключительную часть. Кроме того, он снабжал Луначарского необходимыми литературными источниками. При всем разнообразии поручений Ленина Луначарскому в это время, они объединялись задачами обобщения опыта революционного движения прошлого и современности, утверждения большевизма, борьбы с меньшевиками, которые старались повернуть революционное движение на путь оппортунизма. И Луначарский выполнял задания Ленина с большим темпераментом бойца партии, активно выступал против меньшевиков, воинственно отстаивая принципы большевизма. Он принимает участие в подготовке III съезда РСДРП, по заданию Ленина выступает с политическими докладами в Швейцарии, Франции, Бельгии, Германии, Италии. На съезде ему поручается доклад о вооруженном восстании. Н. К. Крупская свидетельствует, с какой убежденностью и остроумием обрушился на этом съезде Луначарский на меньшевиков, «страстно защищая Ленина и всю большевистскую линию»⁵.

Ленин одобрительно отзывался о деятельности Луначарского в это время. 19 июля/1 августа 1905 г. он пишет Луначарскому: «Из России есть письма ЦК, уповающие на Вашу литературную работу. Трудно нам очень без Вашего постоянного и близкого сотрудничества. Газета, правда, идет, но и в ней есть некоторое однообразие. Это раз. А второе: брошюр нет, особенно популярных. Необходимо бы Вам продолжать в духе „Как петербургские рабочие к царю ходили“» (настоящ. том, стр. 8). Ленин имеет в виду написанную по его заданию брошюру Луначарского, вышедшую в свет в марте—апреле 1905 г. (Женева, изд. «Вперед»).

Пристальное внимание Ленина к деятельности Луначарского и других партийных литераторов, его стремление наиболее полно и плодотворно использовать их дарования во многом определялись особым значением партийной печати. В органах партийной печати Ленин видел важнейшее средство выращивания и сплочения большевистских кадров, политического воспитания масс, подготовки социалистической революции.

Переписка Ленина с Луначарским содержит обширный и разнообразный материал, характеризующий их сотрудничество в борьбе против меньшевиков. Для понимания сложности этого момента в истории партии очень важно письмо Ленина Луначарскому 20 июля/2 августа 1905 г. Говоря о серьезности борьбы, о беззащитной демагогии меньшевиков, Ленин с горечью отмечает неумение бороться, неподвижность, робость многих «наших». В связи с этим особенно подчеркивает он ущерб, причиненный отъездом Луначарского в Италию:

«Помните, Вы писали: ущерба от моего отсутствия из Женевы не будет, ибо пишу много и издали. Это так, что пишете много, и газету вести кое-как (но не более, чем кое-как, а нам чертовски нужно большее) можно. Но ущерб-то не только есть, но громадный ущерб, который яснее ясного чувствуется с каждым днем. Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим» (настоящая том, стр. 12).

Приведенное письмо Ленина показывает, как пронизательно он выделял сильные стороны каждого человека, его способности и склонности. Высоко ценил Ленин Луначарского как оратора-полемиста, его сатирическое дарование, его умение сочетать широту духовного кругозора с политической целеустремленностью.

Уже после Октябрьской социалистической революции Луначарский вспоминал о своей деятельности этого периода: «Как публицист, я не был особенно плодовит — рядом с Лениным не приходилось писать слишком много: он с поразительной быстротой и уверенностью отвечал на все события дня. Много писал также Галерка. Зато как пропагандист идей большевизма, как устный полемист против меньшевиков я занял первое место и в Женеве, и в других городах Швейцарии, и в колониях русских эмигрантов во Франции, Бельгии и Германии. Разъезжал я неутомимо, повсюду посещая наши, порою столь крошечные, но всегда энергичные, большевистские организации, повсюду грудью встречая натиск несравненно более компактной меньшевистской и бундовской публики и повсюду читая рефераты <...> Жизнь эта меня утомила, но я считал своим долгом исполнять мою миссию странствующего проповедника и полемиста со всяческим рвением»⁶.

Вдохновленный революционной мыслью Ленина, Луначарский смело шел в бой, оружием своего литературного дарования разил противника. Силу блестящих образных выступлений Луначарского в полемике с меньшевиками отмечали многие представители старшего поколения большевиков. Н. К. Крупская так характеризовала приезд и женевский период сотрудничества Луначарского в редакции газеты «Вперед»: «Первое впечатление, которое осталось от Анатолия Васильевича, — это впечатление — приехал в Женеву товарищ, который встал рядом с Владимиром Ильичем и с небольшой тогда группой большевиков и весь свой талант, все свои силы отдавал на борьбу за правильную марксистскую линию, на борьбу против меньшевизма. Анатолий Васильевич много писал в тот период в газете „Вперед“. В то время писать во „Вперед“ — это не означало просто писать статьи. Каждая статья была боевой политической статьей, было орудием борьбы с меньшевиками. И кличка была тогда у Анатолия Васильевича — „Воинов“ — не случайная кличка. Это кличка, которая определяла весь характер его тогдашней деятельности»⁷.

П. Н. Лепешинский вспоминает: «Великолепные, точные, отчеканенные формулировки Владимира Ильича и блестящие фейерверки политической мысли Воинова положительно расстраивали ряды меньшевиков»⁸.

Луначарский был мастером литературных типов, портретов, памфлетов. Образно, метко он характеризовал сущность партий и групп, социальные и индивидуальные особенности человека, будь то политический деятель или писатель, рельефно воссоздавал его своеобразие. Ленин тонко понимал особенности таланта Луначарского,

всемерно старался их развивать и использовать в политической публицистике и литературной критике. В письме к Луначарскому, определяя, какой должна быть брошюра, направленная против меньшевиков, Ленин отмечал необходимость, во-первых, «написать «ясно, точно, сжато», во-вторых, добавлял он, «нужна живая, резкая, тонкая и подробная характеристика (литературно-критическая) этих черносотенников (<...>) Надо бы собрать ряд таких статей и брошюр, осветить грубую ложь, поймать ее так чтобы вывернуться было невозможно, пригвоздить и заклеить именно как „черносотенную литературу“...»

«За первую тему я, — пишет далее Ленин, — может быть, возьмусь, но не сейчас, не скоро; некогда (а там, пожалуй, опоздает совсем!). За вторую я бы не взялся и думаю, что могли бы сделать это *только* Вы. Невеселая работа, вонючая, слов нет, — но ведь мы не белоручки, а газетчики, и оставлять „подлость и яд“ незаклейменными непозволительно для публицистов социал-демократии. Подумайте об этом и черкните» (настоящ. том, стр. 22).

Предложение Ленина вызвало живой отклик Луначарского. «Дорогой Владимир Ильич! — вскоре отвечает он Ленину. — Написать вместе с Вами ответ меньшевикам я хотел бы. Но в таком случае приступите немедленно к первой части брошюры и, как только кончите, присылайте ее мне — я в два-три дня напишу вторую часть, т(ак) к(ак) подготовлю план и материалы, но, не имея перед глазами 1-ой, невозможно начинать писать. Кроме того, я начал популярную брошюру под заглавием „Три революции“» (там же, стр. 24).

Задуманная совместная брошюра написана не была. О причинах этого Ленин сообщает Луначарскому в письме, относящемся к концу августа 1905 г.: «Чрезвычайно обрадовался Вашему плану брошюры: „3 революции“ (<...>) А потом еще насчет раскола. Вы меня не поняли. Ждать Вам меня нечего, ибо это темы разные: одна — история (постараемся ее наладить); другая — очерк их приемов полемики. Литературно-критический очерк на тему: скажем, „Лубочная литература“. И тут уже разобратъ, в нескольких главах на целую брошюру, с цитатами и с разъяснением всю эту пошлость Старовера, Мартова и др. в их полемике с „Пролетарием“, а также перепевы в „Большинстве или меньшинстве“ и т. д. Пригвоздите их за их *мизерный* с п о с о б войны. Сделайте из них *тип*. Нарисуйте их портрет во весь рост по цитатам из них же. Я уверен, это у Вас вышло бы, только капельку пособирать цитат» (стр. 27—28).

Приведенные строки не только подтверждают высокую оценку богатых возможностей и особенностей литературного дарования Луначарского, но и его большой престиж как партийного публициста. Эти мысли Ленина имеют также общее принципиальное значение для осмысления природы типического как специфической формы литературного обобщения. Из них следует вывод о социальной и психологической воздействующей силе типических образов, созданных на почве широкого жизненного обобщения. Действительно, все выдающиеся произведения революционной литературы и публицистики отличаются выразительностью изображения характеров и социально-исторических сил. Истоки действительности этих произведений определяются прежде всего тем, насколько глубоко отражаются в них внутренний смысл явлений и наиболее характерные конкретно-исторические черты человека.

Ленин утверждал необходимость использования в политической борьбе всего разнообразия литературных форм. И Луначарский охотно отзывался на его предложения о пропаганде и агитации средствами живого образного слова. Вскоре после писем Ленина о создании критических портретов типов меньшевиков и либералов Луначарский сообщает о посылке конца статьи, посвященной массовой стачке, и баллады «Два либерала», в которой метко высмеивалась политика лидеров кадетов Трубецкого и Петрункевича. Ленин одобрительно отнесся к «балладе», напечатал ее в «Пролетарии» (№ 16, 1905 г.).

Еще ранее Луначарский выступил в «Пролетарии» с обличительным стихотворением «К юбилею 9 января» (№ 13), посвященным полугодовщине со дня расстрела рабочих у Зимнего дворца. На экземпляре рукописи стихотворения надпись Ленина: «К набору непременно в № 12» (см. фото в настоящ. томе, стр. 507).

Ленину также чрезвычайно понравилась брошюра Луначарского «Об отношении партии к профессиональным союзам»: «Преинтересная и отлично написанная вещь». К этой брошюре Лениным было написано специальное предисловие. Но одновременно он предлагает Луначарскому: «Не тряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними (кадетами и меньшевиками.— В. Ш.) в стихах?» (настоящ. том, стр. 33—34).

О размахе и напряженности работы Луначарского в партийной печати можно судить уже по тому, что в газетах «Вперед» и «Пролетарий» им было напечатано более 40 статей и иных материалов. Эти статьи навсегда останутся в истории большевистской печати.

Материалы, помещенные в настоящем томе в разделе «Ленин редактирует статьи Луначарского...», представляют огромный интерес. Здесь публикуются статьи Луначарского, написанные по плану Ленина или с его исправлениями и дополнениями. Это — листовка «Объявление об издании газеты „Вперед“», «Сомнения двуглавого орла», «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», «Твердый курс», «Корреспонденция из Петербурга», «Банкротство полицейского режима», «Как петербургские рабочие к царю ходили», «Возрождение православной церкви», «Массовая политическая стачка», «Столетний юбилей Мадзини в Риме», «Парижская коммуна и задачи демократической диктатуры», «Победа Японии и социал-демократия», «Парламентаризм и революция», «Парламент и его значение», «Цветы либеральных словопрений».

Хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС рукописи Луначарского дают возможность увидеть тщательность и целеустремленность редакторской работы Ленина над статьями Луначарского. Но, конечно, это лишь небольшая часть огромной деятельности Ленина как организатора и редактора большевистской периодической печати. Однако и здесь чрезвычайно отчетливо видны характерные черты Ленина-редактора, его стремление уточнить и обогатить текст, придать ему целенаправленность. Уже в исправлениях, внесенных в текст «Объявления об издании газеты „Вперед“», проявились его требовательность, умение ставить конкретные задачи, придавать тексту глубокий политический смысл. Когда было нужно, Ленин многое изменял в первоначальном варианте. По свидетельству Луначарского, редактируя его первую передовую статью «Твердый курс» («Вперед», № 5), Ленин «внес в нее много своего, так что в том виде, в каком она была напечатана <...>, она, по моему мнению, чуть ли не могла быть подписанной его именем. Кое-что от основного плана и отдельные пассажи остались от моей первоначальной статьи. Многое было вставлено Ильичем» (настоящ. том, стр. 599).

Но Ленин-редактор бережно относился к литературному тексту. Как правило, он ограничивался только безусловно необходимыми поправками, стараясь сохранить индивидуальные особенности языка и стиля автора.

Газеты «Вперед» и «Пролетарий» сыграли громадную роль в истории пролетарского революционного движения, возродили и продолжили традиции старой «Искры», способствовали развитию принципов большевизма в борьбе с меньшевиками, содействовали формированию и укреплению партии нового типа. По словам Луначарского, именно в Женеве под руководством Ленина он впервые прикоснулся к настоящей большой партийной работе. Ленинская мысль приобщала всех, кто с ним работал рядом, к подлинно историческому делу. В одном из выступлений более позднего периода Луначарский ярко характеризовал эту деятельность большевиков во главе с Лениным:

«Маленькая группа — человек всего 20—25, маленькая редакция — 6—7 человек, маленький журнал, который выходил с большой натугой, — приходилось вытягивать в типографии каждую полосу» — выполнял для партии большое дело, и «у нас было впечатление, что мы делаем историю, и все это благодаря Владимиру Ильичу. Владимир Ильич одним своим присутствием придавал всему характер необычайной крупности <...>. У него была твердая и абсолютная уверенность в том, что мы делаем всемирно-историческое дело», «... у него была глубочайшая уверенность, что единственно правильная линия развития рабочего движения и всей революции у нас в руках» (настоящ. том, стр. 500).

* * *

Луначарский завоевал видное место в истории революционной критики и эстетики. Поэтому облик Луначарского трудно воссоздать вне верного представления о соотношении этой сферы деятельности с его партийной политической публицистикой, с его работами, посвященными и историей современных проблемам революционного движения.

В первом разделе настоящего тома, посвященном дооктябрьской переписке Ленина и Луначарского, материалов, непосредственно затрагивающих эстетические проблемы, не содержится. Документы этих лет касаются главным образом работы Луначарского как большевистского публициста, сотрудника органов партии «Вперед» и «Пролетарий». Они преимущественно относятся к активной борьбе большевиков с либералами и меньшевиками, марксистов-материалистов с махистами. Однако их необходимо рассматривать в связи с эволюцией и особенностями эстетических взглядов Луначарского. При всей многогранности работы Луначарского немислимо верное представление об его творческом облике в любой период биографии вне его деятельности как выдающегося марксистского критика, теоретика и историка искусства. Самое же главное — что далеко не всегда учитывается — решающее значение для развития эстетических воззрений Луначарского имел весь характер его деятельности профессионального революционера, широта кругозора большевистского публициста. И включенные в настоящий том историко-партийные материалы наглядно раскрывают движущие начала, формировавшие Луначарского.

Развитие философских и эстетических взглядов Луначарского, как известно, отличалось противоречивостью. Большое воздействие здесь оказывали на него взгляды Авенариуса, философия эмпириокритицизма. Длительное время Луначарский ошибочно сближал ее с революционным мировоззрением, полагая, что «эмпириокритицизм является самой лучшей лестницей к твердыням, воздвигнутым Марксом». Но и для большинства его ранних работ характерна резко бросающаяся в глаза двойственность, своеобразное внутреннее противоречие между умозрительными схемами эмпириокритицизма и жизненностью проблем, на которые стремился дать ответ Луначарский с присущим ему боевым пафосом революционера.

Противоречивость взглядов Луначарского рельефно проявилась уже в ранней его работе «Основы позитивной эстетики»⁹, которую характеризует стремление автора найти некий синтез материалистической эстетики с биологическими субъективными схемами эмпириокритицизма. Вместе с тем в ней отчетливо выражена боевая революционная целеустремленность. Переиздавая в 1923 г. эту работу без всяких изменений, Луначарский писал, что в ней он видит элементы наиболее плодотворных тенденций в своем творчестве. Экземпляр книги «Основы позитивной эстетики» хранится в Кремлевской библиотеке Ленина с надписью: «Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрял, с глубокой любовью А. Луначарский» (настоящ. том, стр. 366).

Мы не располагаем прямыми свидетельствами, что Ленин одобрил «Основы позитивной эстетики». Однако то, что книга с приведенной авторской надписью была направлена непосредственно Ленину и была ему известна, а также некоторые общие данные позволяют нам высказать ряд предположений по этому вопросу. Ленин, высоко оценивая талант и познания Луначарского в сфере искусства, не отождествлял полностью его философские и эстетические взгляды. Можно полагать, что отношение Ленина к «Основам позитивной эстетики» связано со следующим его суждением, относящимся к более позднему времени: «Ежели бы Луначарского <...> отделить от Богданова на эстетике <...>»¹⁰, — писал Ленин Горькому в феврале 1913 г. Смысл этого письма свидетельствует, что Ленин видел отличие философских махистских увлечений Луначарского от его эстетических взглядов, в которых более ощутимо сказывался реальный опыт жизни и искусства, его позиция убежденного революционера. В эстетике Луначарского во все периоды его деятельности можно отчетливо выделить следующие важнейшие черты: защита реализма, критика декаданса в его

различных формах, стремление связать искусство с идеями социализма, включить его в процесс революционной борьбы.

Увлечение Луначарского эмпириокритицизмом порождало явные отступления от марксизма. Но его деятельность как большевистского публициста, общение с Лениным, работы по истории революционного движения и его современным проблемам вносили в эстетические и критические взгляды Луначарского идею революционной активности художника, убеждение о великой миссии искусства в борьбе за преобразование общества, за утверждение социализма.

Революционный пафос политической публицистики Луначарского, его борьба против либералов и меньшевиков содержит в себе ключ к пониманию его позиции в вопросах культуры и искусства. Либералы и меньшевики, против которых воинствующе выступал Луначарский, считали буржуазию не только решающей политической силой, но и основной силой в области культурной жизни. Поэтому они отрицали возможность создания народными массами новой, социалистической культуры и нового, социалистического искусства. В противоположность таким взглядам Луначарского, вслед за Лениным, утверждал основы новой культуры и искусства социализма. Постоянный всепроникающий пафос деятельности Луначарского в сфере эстетики, напротив, состоял в утверждении революции как решающей силы прогресса искусства современной эпохи. Именно это определяло движение его эстетической мысли, многогранность интересов, представления о предназначении, главных проблемах и центральном герое искусства XX столетия. И действительно, в этой сфере наиболее устойчиво раскрывались сильные стороны таланта Луначарского. Поэтому он, даже находясь вне партии, в борьбе против декадентства, всяких видов «литературного распада» выступал в одном ряду с критиками-большевиками — В. Воровским и М. Ольминским, а затем был привлечен как сотрудник в центральный орган партии — газету «Правда».

Позиция Луначарского как партийного публициста заметно влияла на характер его работ по вопросам эстетики, литературы и искусства, способствовала выходу за пределы эмпириокритических схем. Свойственное Луначарскому влечение к человеку-герою, человеку-борцу, преданному идее гражданского служения, явно противостоит основам философии Авенариуса и Маха. В его выступлениях по вопросам искусства отчетливо выявлена тема революционной борьбы, пропаганда героических характеров. Пафос борьбы рабочего класса, свет социалистического идеала проникает его выступления по вопросам искусства с самого начала его литературной деятельности.

Еще в «Основах позитивной эстетики» он утверждал, что «искусство активных душ», «изображение стремящегося человека» с его боевыми инстинктами, с его напряженной мыслью и волей «присуще обществам и классам, развивающимся путем борьбы»¹¹. Идеи борьбы находят свое возрастающее развитие в дальнейших работах Луначарского.

Утверждение Луначарским взгляда на жизнь как борьбу со всякими видами угнетения, прославление героического человека, окрыленного великими целями, имело особое значение для развития его взглядов по вопросам эстетики.

Уже в «Диалоге об искусстве» (1905 г.) автор отстаивает идею связи искусства с борьбой пролетариата за социализм: «Жизнь — борьба, поле битвы: мы этого не скрываем, — радуемся этому, потому что сквозь тяжесть трудов и, быть может, реки крови видим победу более грандиозных, прекрасных и человеческих форм жизни (<...> Мы за жизнь, потому что жизнь за нас»¹².

Мысль о единственно достойной человека позиции — позиции борьбы со злом — Луначарский органически связывает с борьбой за новый, героический тип человека, с революционными идеями, с общими задачами социализма. «Перспективы грандиозны, размах борьбы все увеличивается, великая цель рождает тот энтузиазм, без которого ни одна великая цель не может быть достигнута. Но если растит душу уже тот идеал, который вырастает из пролетарской критики существующей мастерской, то еще больше растит ее борьба, в которой личность теряется в коллективе, естественно становится самоотверженной, активной, героической»¹³. Это обусловило отрицательное отношение Луначарского к декадентству, к различным упадочническим течениям в литературе и искусстве. Против них, в частности, направлены наиболее значитель-

ные работы дореволюционного периода: «Диалог об искусстве», «Задачи социал-демократического художественного творчества» (1907 г.) и ряд других последующих работ Луначарского.

Ленин указывал, что «строгая партийность есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы»¹⁴. Соответственно новым историческим условиям он выдвинул новый идеал литературы, в котором социалистическая идейность и тенденциозность художника находят свое выражение в позиции открытого служения народу. Ленинские мысли, наиболее полно развитые в статье «Партийная организация и партийная литература», имеют огромное историческое значение в определении места художника в общественной жизни, основных путей дальнейшего развития литературы и искусства. Особое значение здесь имела ленинская идея социалистического искусства, предназначенного для народа, своими глубочайшими корнями уходящего в почву революционной действительности, оплодотворенного передовой мыслью человечества. Ленин рассматривает обращенность художника к народным массам как живой источник вдохновения, поднимающий его силы, дающий подлинную свободу творчества.

Принципиальная, последовательная позиция Ленина, точность его определений главного направления развития пролетарской революции и культуры социализма помогла Луначарскому в выяснении самых острых и сложных вопросов.

В отличие от критиков-меньшевиков, считавших героические образы революционеров Горького порождением умозрительного схематизма, Луначарский высоко оценивает его произведения, в которых изображены борцы нового типа. Содержание лучших страниц «Диалога об искусстве» созвучно духу ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература», призывавшей писателей посвятить свой талант служению не пресыщенной верхушке, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее.

Для Луначарского было характерно стремление максимально тесно связать литературу и искусство с идеями и деятельностью партии, поставить их на службу интересам широких народных масс. Но наиболее решительно в дооктябрьский период идея партийности искусства выражена в его статье «Задачи социал-демократического художественного творчества», ставшей одним из замечательных явлений истории русской марксистской критики и эстетики.

Многие положения этой статьи прямо перекликаются с содержанием ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература». Темпераментно говорит здесь автор о развращающей власти капитала в буржуазном искусстве, сказывающейся «не только унижительной нищетой, в которой пребывают артисты в большинстве, но и в моральном их рабстве»¹⁵. Из статьи следует вывод, что только социалистическая революция, только власть народа освободит искусство от пут старого мира. Идея партийности искусства, его предназначенности народу определяет у Луначарского дальнейшее развитие революционного художественного творчества.

Статью «Задачи социал-демократического художественного творчества» можно назвать вершиной эстетической мысли Луначарского дооктябрьского периода. В ней менее всего видно воздействие эмпириокритической философии Авенарюса и Маха, чем она заметно отличается от других его работ, написанных с неправильных позиций, к которым прежде всего относятся «Социализм и искусство», «Религия и социализм».

С другой стороны, в этой статье и в других родственных по направленности эстетических выступлениях Луначарского наиболее полно воплощены сильные стороны его пытливой, ищущей мысли. И есть основания полагать, что именно эти сильные стороны взглядов Луначарского на искусство, сочетание темперамента бойца с артистичностью натуры вызвали известное замечание Ленина о желательности отделить Луначарского от махистов по линии эстетики.

Свои революционные взгляды в области эстетики Луначарский продолжал развивать в «Письмах о пролетарской литературе» (1914 г.). Для этой работы также характерна глубокая убежденность в творческих силах социалистической революции, взгляд на искусство как на могучее оружие в духовной жизни народных масс.

При всей сложности путь Луначарского отличается все более глубоким и последовательным овладением ленинским принципом партийности. Немыслимо понять ни жизненный путь, ни литературное наследие Луначарского вне воздействия на него Ленина, партии. Именно Ленин, партия взрастили талант Луначарского, дали ему прочную жизненную почву, вооружили его целеустремленностью, навсегда связали с самыми реальными и самыми возвышенными идеями современности.

* * *

Ленин постоянно содействовал Луначарскому в поисках наиболее плодотворных творческих путей, содействовал в его многогранном труде, выдвинувшем его в ряд крупнейших деятелей революционной культуры. Характерно, что наиболее продуктивными были периоды, когда он работал под непосредственным руководством Ленина. И, напротив, Луначарский был непоследователен тогда, когда отходил от него, поддавался влиянию чуждых марксизму субъективистских представлений.

После поражения революции 1905 года Луначарский переехал в Италию, теснее сблизился с группой Богданова, которого знал еще с 1900 г.

Показательно, что как раз в это время отдаленности от Ленина наиболее остро проявляются в его воззрениях «богостроительские» заблуждения. Сам Луначарский пишет, что «первое время моего пребывания за границей (в Италии) я не принимал почти никакого участия в политической работе. Я сидел над моей книгой „Религия и социализм“, которой придавал очень большое значение...»¹⁶. Как раз именно эта книга принадлежит к ряду работ, в которых наиболее отчетливо проявились слабые стороны теоретических взглядов Луначарского. Влияние философии эмпириокритицизма сказалось на эстетике Луначарского в попытках трактовать природу искусства в свете субъективистских биологических принципов. В этом нашли своеобразное выражение общие основы теории Авенариуса и Маха, рассматривавшие объективный мир лишь как совокупность «явлений-ощущений», из которых будто складывается действительность.

Как видно из переписки 1905—1908 гг., Ленин, несмотря на философские заблуждения Луначарского, борется за него, всемерно старается сохранить его как деятеля партии и талантливого публициста. Письма этого времени полны заботы о продолжении сотрудничества Луначарского в «Пролетарии». В письмах Ленина содержится ряд боевых предложений и поручений.

«Дорогой Анатолий Васильевич,— обращается он к Луначарскому в январе 1908 г.— Черкните, устроились ли вполне и стали ли работоспособны? Мы рассчитываем на Вас для „Пролетария“ 4) на итальянские корреспонденции дважды (примерно) в месяц 8—12 тысяч букв. Первую — недели через три. 2) На политические фельетоны от времени до времени» (настоящ. том, стр. 38).

Следующие письма Ленина содержат напоминания о необходимости срочной присылки материалов для «Пролетария». «Очень гад,— пишет Ленин,— что за „Пролетарий“ Вы беретесь. Необходимо это крайне, и именно темы, Вами намеченные, + итальянские корреспонденции особенно нужны. Смотрите же, не забывайте, что Вы — сотрудник партийной газеты, и окружающим не давайте забывать» (настоящ. том, стр. 42).

Задуманные статьи и итальянские корреспонденции были Луначарским написаны и опубликованы в «Пролетарии». На основании материалов, напечатанных в последующих номерах «Пролетария», можно полагать, что темами, которые наметил Луначарский, были: «Конгресс земледельческого пролетариата в Италии» и «Расстрел народа в Риме». Позднее, в октябре — декабре 1908 г. в «Пролетарии» были опубликованы еще три итальянские корреспонденции Луначарского под общим заглавием «Италия».

Переписка Ленина с Луначарским и Горьким вносит много ценного в понимание сложности, порой противоречивости процесса утверждения марксизма в идеологической жизни России между двумя революциями. Налицо отчетливо выраженное своеобразие, своего рода неравномерность развития в различных сферах духовной жизни, в политике и философии, в литературе и искусстве, критике и эстетике.

В период реакции после поражения революции 1905 года особое значение приобрели вопросы философии. Большевик Луначарский в области теории поддался воздействию идеалистических взглядов. Характерно, что, борясь с меньшевистскими взглядами Плеханова, Ленин в то же время поддерживал его материализм, критическое отношение к эмпириокритицизму, к зарубежным и русским апологетам модных идеалистических течений.

Ряд писем Ленина Луначарскому этого времени не сохранился. Но из дошедших до нас писем видно, что между ним и Луначарским в 1907 и начале 1908 г. шла полемика по философским вопросам. Видимо, в январе 1908 г. Ленин послал еще одно письмо, нам неизвестное, в котором содержалась критика идеалистических увлечений Луначарского. 7 февраля 1908 г. Ленин делится с Горьким своими взглядами на эту тему: «... как рядовой марксист, я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др.— и все мои симпатии они толкают к Плеханову!<...> В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм против „эмпирио-“ и т. д.»¹⁷

Выход в свет сборника «Очерки по философии марксизма» обострил противоречия в области теории. Авторы этого сборника (Базаров, Богданов, Луначарский и другие) не остановились в своей проповеди махизма, в стремлении соединить марксизм с религией. Распространение антиматериалистических воззрений начинало наносить урон развитию революционного сознания. Это вызвало решение Ленина вступить в борьбу по философским вопросам. «Некую драку,— писал он Горькому,— между беками по вопросу о философии я считаю теперь совершенно неизбежной»¹⁸.

Переписка Ленина и Луначарского прерывается на несколько лет. Причины этого можно определить по последнему письму Ленина 3/16 апреля 1908 г. «Насчет философии *приватно*: не могу Вам вернуть комплиментов и думаю, что Вы их скоро назад возьмете. А у меня дороги разошлись (и, должно быть, надолго) с проповедниками „соединения научного социализма с религией“ да и со всеми махистами» (настоящем, стр. 42).

Освещение проблем эстетики, прежде всего отношения искусства к действительности, всегда зависит от характера трактовки основных вопросов теории познания. Было бы антиисторичным всюду усматривать прямую и непосредственную связь между определенными философскими системами и эстетическими явлениями. Но для антиреалистических течений в литературе периода реакции 1907—1910 гг. было характерно тяготение к субъективному идеализму, стремление найти в нем теоретическую опору для своих эстетических концепций и, в частности, подчеркивание своего духовного родства с эмпириокритицизмом. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» много раз обращает внимание на органическую связь эстетических взглядов с теорией познания. На связь гносеологии с эстетикой он указывал, критикуя как философов типа Авенариуса и Маха, так и эмпириокритиков из социал-демократического лагеря — Богданова, Луначарского и др. Характеризуя эстетические воззрения Луначарского периода его богостроительских блужданий, Ленин категорически отвергал попытки сочетать марксизм с идеализмом, раскрыл их махистский, субъективно идеалистический смысл. При этом он определил своеобразие эмпириокритических взглядов Луначарского, взаимоотношения в них теоретико-познавательного и эстетического начала. «Надо быть слепым,— замечал Ленин,— чтобы не видеть идейного родства между „обожествлением высших человеческих потенций“ Луначарского и „всеобщей подстановкой“ психического под всю физическую природу Богданова. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической»¹⁹.

При всей обостренности борьбы характерно стремление Ленина сохранить для партийной печати литературные таланты Горького и Луначарского, направить их по верному пути.

Нет никаких оснований выпускать из поля зрения факт влияния на Луначарского идеалистических философско-эстетических течений, от которых он постепенно освобождался под воздействием Ленина и всей живой революционной логики исторического движения действительности. Но безусловно, несмотря на свои колебания и

заблуждения. Луначарский — замечательный представитель марксистской публицистики и критики, внесший в них свой большой вклад.

Наблюдая путь Луначарского, мы как бы становимся свидетелями напряженных исканий, когда восхождение к вершинам революционного сознания, подлинные открытия сопровождалось разного рода духовными срывами и отклонениями.

При всей бескомпромиссности, порой резкости критики увлечений Луначарского, Ленин всегда высоко ценил его способности, относился к нему лично с симпатией. И в период богостроительских блужданий Луначарского он писал Л. Каменеву в 1912 г.: «Луначарский пишет в „Киевской мысли“ о „научном мистицизме“. Достаньте и посмотрите его публично отечески»²⁰. Это «отечески», «посеките его публично» чрезвычайно характерно для отношения Ленина к Луначарскому.

Ультралево политические воззрения участников группы Богданова сочетались с философским идеализмом эмпириокритицизма, пропаганда которого большой вред делу идейного воспитания рабочих масс.

Как известно, Горький усиленно звал Ленина на Капри с целью добиться его примирения с Богдановым и участниками его группы, к которым питал внутреннюю склонность. Ленин решительно отказался от этого компромисса: «Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедовать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду»²¹.

Переписка Ленина с Луначарским 1907—1908 гг. с разных сторон освещает сущность разногласий, смысл резкой критики Лениным политической и теоретической позиции группы «Вперед», одним из лидеров которой был Луначарский.

Следует отметить, что состав группы «Вперед» был неоднороден. И Ленин в известной мере отличал Луначарского от остальных ее участников, прежде всего от Богданова. Горький, повествуя о своих встречах с Лениным на Капри, приводит его слова, что Богданов и Базаров уже не пойдут, не могут пойти с большевиками. Исключение он сделал только для Луначарского.

«— Луначарский вернется в партию, он— менее индивидуалист, чем те двое<...>»²².

Ленинское предвидение сбылось, так как в личности и деятельности Луначарского были заложены качества бойца партии, беспредельная преданность делу революции и социализма.

Одно из свидетельств тому — совместные действия Луначарского с большевиками на Международном Копенгагенском съезде. Перед съездом, — вспоминает Луначарский, — «не доезжая Копенгагена, уже в Дании, мы встретились с Лениным и дружески разговорились. Мы лично не порвали отношений и не обостряли их так, как те из нас, которым приходилось жить в одном городе»²³. Более подробно об этом Луначарский рассказывает также в недавно опубликованной в «Литературном наследстве» (том 82) статье «К вопросу о философской дискуссии 1908—1910 гг.». Это время он характеризовал как эпоху «аккумуляции всевозможных ошибок» — близости к эмпириокритицизму, причастности к ложным взглядам «ультиматистов» и к группе «Вперед».

Благотворное воздействие Ленина на взгляды и судьбу Луначарского совсем не совкупность нескольких, хотя важных самих по себе эпизодов. Это отчетливо выраженная линия, определившая, можно сказать, сущность духовной биографии Луначарского. Сам Луначарский в своих статьях и воспоминаниях утверждает роль Ленина в своей судьбе, в решении вопросов литературы и искусства.

В своих воспоминаниях, отмечает трудности своего пути, и огромное воздействие на него Ленина. Обобщая свой жизненный опыт, он с удовлетворением заключает: «Хорошо, что после дальнейшего блуждания по левым ошибкам подход к новой грандиозной революционной волне бросил меня опять на правильные пути, на которых я нашел привлекательный прием со стороны Ленина»²⁴.

В отношении Луначарского к Ленину органически сливались как признание Луначарским величия вождя социалистической революции, так и глубочайшая любовь к нему, восхищение его высокой человечностью, жизнелюбием и отзывчивостью. Весьма показательны письма Луначарского к жене со Штутгартского конгресса. В них содер-

жится много живых штрихов, характеризующих перипетии борьбы с оппортунизмом. Луначарского радует хорошее к нему отношение Ленина. Он пишет об этом несколько раз:

«Ленин мил по-прежнему, хочется ему проучить немцев, как и мне. Троцкий страшно консервативен, закоснелый немцефил. Меньшевики на первых же порах закатили истерику из-за голосов. Но, кажется, это уладилось. Плеханов алится. Пока он заменен в Интернациональном бюро Лениным».

«<...> Дела мои пока идут как по маслу. С Лениным вчера установились великолепные отношения. Он ужасно мною доволен. Я буду вести по предложенному мною плану всю баталию против Плеханова по вопросу о милитаризме в русской делегации. Я буду представителем РСДРП по вопросу о синдикализме в международной комиссии».

«<...> Сейчас, вечером, я долго разговаривал с Лениным. Я высказал ему почти все мои новые идеи. Указал и на то, что разрыв между нами, „еретиками“ — в глазах Плеханова, — и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б<ольшевизма>, а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов <...> Он страшно внимательно меня выслушал и сказал: „Это все очень похоже на правду. Это ново и важно“ <...>» (настоящ. том, стр. 619—625).

Учитывая особенности развития русской революции после 1905 года, Ленин считал политические и философские позиции группы «Вперед» неприемлемыми, обреченными историей. Вместе с тем он следил за нарастающими противоречиями между участниками этой группы, одобрял тенденции некоторых из них возвратиться на марксистскую точку зрения. Первая мировая война обострила эти противоречия в среде «впередовцев», еще нагляднее обнаружила их дифференциацию. Ленина несколько сблизила с Луначарским его антимилиитаристская линия, его решительные выступления против шовинизма и социал-патриотизма.

Февральская революция в России создала новую историческую ситуацию, определившую дальнейший решительный поворот Луначарского на сторону большевиков.

На основании содержания письма Ленина к В. Карпинскому 12/25 марта 1917 г. можно полагать, что, получив сообщение о свержении в России самодержавия, Луначарский обратился к Ленину с предложением созвать совещание находящихся в эмиграции русских социал-демократов. В ответ на это, не дошедшее до нас письмо, Ленин поздравил Луначарского и его семью с Февральской революцией. Но по поводу созыва совещания он выдвинул ультимативное требование — никакого сближения с другими партиями и выразил свою готовность к личной встрече с Луначарским:

«С людьми и группами, согласными в этом, основном, я бы лично был за совещание.

Просто переговорить нам с Вами, без всяких формальных совещаний, я был бы очень рад, и считал бы это для себя лично (и для дела) *полезным*» (настоящ. том, стр. 44).

Встреча Луначарского с Лениным состоялась 2 апреля. Большой интерес представляет письмо Луначарского к жене, в котором сообщается о беседах с Лениным. Главной, волнующей темой переговоров был предстоящий отъезд в Россию, определение общей линии поведения. В письме 2 апреля содержатся превосходные строки, рисующие облик Ленина, всем своим существом устремленного к грядущим боям за победу социалистической революции, его решительность и дальнорзкость.

«Ленин произвел на меня прекрасное, даже грандиозное, хотя и трагическое, почти мрачное впечатление.

Впрочем, наст<оящая> беседа с ним будет у нас только завтра <...>

Подробности при свидании. Приеду в среду. Завтра ряд полит<ическ>их разговоров большой важности, в кот<орых>, т<ак> сказ<ать>, решится моя судьба» (настоящ. том, стр. 637—638).

Судьба Луначарского скоро решилась. Преодолев некоторые колебания, он делает окончательный выбор. Он безоговорочно отказывается от всех разногласий и вступает в ряды ленинцев. Символично, что следующим поездом за тем, который увез Ленина в Россию, выехал и Луначарский.

Эти новые материалы дополняют известное ранее по воспоминаниям Луначарского. В них перед нами встает волнующая картина проводов первого эшелона эмигрантов-большевиков, направляющихся на родину для выполнения своей всемирно-исто-

рической роли. Ярко воссоздается облик Ленина, словно пылающего внутренним огнем, и, как железо к магниту, стремившегося к революции.

«Ленин ехал спокойный и радостный.

Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мыслью: „Наконец, наконец-то пришло, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной“»²⁵.

* * *

Сразу же после Великой Октябрьской революции Ленин привлекает Луначарского в состав первого правительства Советской республики. Второй Всероссийский съезд Советов назначил его народным комиссаром по просвещению. Луначарский писал:

«Мне сказали, что ЦК партии, подбирая состав правительства, решил поручить мне Народный комиссариат по просвещению. Новость была волнующая, даже пугающая той громадной ответственностью, которая возлагалась, таким образом, на мои плечи.

Значительно позднее я совершенно случайно (все мы были в то время завалены всяческой работой), опять-таки в коридорах Смольного, встретил самого Владимира Ильича. Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе и сказал:

— Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени, да и не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле. Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию (...) Желаю вам успеха. Первая победа одержана, но если мы не одержим еще вслед за этим целого ряда побед, то худо будет. Борьба, конечно, не окончилась, а только еще находится в самом, самом начале.

Владимир Ильич крепко пожал мне руку и своей уверенной, быстрой походкой пошел в какой-то из многочисленных тогда кабинетов, где роились и строились новые мысли и новая воля только что родившегося пролетарского государства»²⁶.

Действительно, трудно было найти политическую фигуру, наиболее подходящую для руководства народным просвещением. Деятельность Луначарского — первого народного комиссара по просвещению — прочно вошла в историю Советского государства. Только человек столь широкой одаренности и эрудиции мог соответствовать многосторонности задач, которые революция выдвинула в этой области. В ведении комиссара по просвещению находились вопросы народного образования, печати, культурно-просветительной работы, науки, искусства. И естественно, в послеоктябрьский период наиболее многогранно раскрывается талант Луначарского — работника партии, строителя новой, социалистической культуры. К этому времени относится также и расцвет деятельности Луначарского — выдающегося литератора, теоретика и критика искусства.

Основой плодотворной работы Луначарского, залогом доверия к нему Ленина явились не только его выдающиеся личные качества, но глубочайшая преданность делу развития новой культуры, нового искусства, рожденных революцией, предназначенных для народных масс. В этот период, несмотря на известные колебания, он еще прочнее опирается на идеи и непосредственные указания Ленина, на коллективный опыт партии, живой опыт революционного строительства.

И в полной мере смысл публикуемых в настоящем томе документов, замечаний и указаний Ленина, относящихся к проблемам становления советской культуры, возможно раскрыть лишь в свете его общей концепции культурной революции.

Проблема «народ и культура» приобрела невиданную обостренность непосредственно после Октябрьской социалистической революции. Ленин, провозглашая право трудовых масс на все богатства литературы и искусства, настойчиво развивая

мысль о решающей роли освобожденного народа в формировании социалистической культуры, давал ответ на существенные вопросы духовной жизни эпохи.

Для Ленина формирование социалистической культуры — составная часть общего процесса революционного преобразования жизни, раскрепощения творческих талантов, энергии и инициативы. Поэтому он считал необходимой исторической основой строительства новой культуры приобщение ранее угнетенных трудовых масс ко всем достижениям мировой культуры, вовлечение их во все сферы творчества.

Определение принципов и путей развития новой, социалистической культуры с первых дней существования Советского государства становится одной из центральных проблем революции. Ленин говорил, что нигде народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас, и нигде вопросы культуры не ставятся так последовательно, так глубоко.

Основы этой политики партии, направленной к обогащению духовной жизни народных масс, выражены в основополагающих словах Ленина: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений, творили только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»²⁷.

Развитие культуры рассматривается Лениным как необходимая движущая сила новейшей истории, выражающей особенности и пути революционного прогресса освобожденного общества. Для Ленина формирование социалистической культуры, ее проникновение в самые глубины повседневного бытия народных масс являлись жизненной потребностью и непременным условием построения нового мира. В 1919 г. Ленин говорил: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»²⁸.

В этом Ленин видел своеобразие эпохи строительства социализма по сравнению с периодом вооруженной революционной борьбы. Именно перенесение центра тяжести на «культурничество» в широком смысле слова создало основу для развития созидательных, активных, творческих возможностей народных масс, подготовило духовную почву для развития социалистического искусства.

Идея приобщения миллионов трудящихся ко всем благам цивилизации, духовного возвышения народных масс, всемерного развития их творческих возможностей вдохновила Луначарского, составляла пафос его деятельности как народного комиссара просвещения и как литератора.

Весь облик Луначарского — соратника Ленина, видного профессионального революционера, определяет его общий подход к явлениям культуры. Луначарский всегда рассматривал большой комплекс задач просвещения в свете ленинской идеи органической связанности новой, социалистической культуры с исторической задачей революционного изменения самых коренных основ жизни народных масс, их пробуждения к созидательному историческому творчеству. Все многообразие проблематики его работ в этой области объединяется вокруг центральной, всепроникающей темы «культура и революция», «искусство и революция». И это вполне закономерно, поскольку с самых ранних лет дело социалистической революции было главным делом всей жизни Луначарского: он активный участник подготовки и свершения революции, а затем после Октября — ее социально-экономического и идейного утверждения. В этом плане, «под углом зрения революции и ее великих задач»²⁹, он подходил к решению всех основных проблем художественного творчества и эстетики — проблемы природы и предназначения искусства, его связей с действительностью, отношения к наследию прошлого, путей развития новой, социалистической художественной культуры.

Определение конкретных путей культурного развития огромной страны было задачей новаторской, чрезвычайно сложной. И далеки от истины авторы ряда работ о Луначарском, не учитывающие этих исторических трудностей, постоянного воздействия на Луначарского ленинской мысли, дававшей верный выход порой из очень сложных положений. Но и сам Луначарский был личностью крупного масштаба, и

было бы упрощением воспринимать это как некое элементарное ученичество. Луначарский сам превосходно определил сущность этого процесса в образных словах, что его точка зрения исправлялась, «выравнивалась под необычайно четкую, смелую линию, которую вел Ленин»³⁰. Это «выравнивание», начавшись с раннего времени общения, продолжалось и в новых условиях послеоктябрьского периода.

Ряд документов, включенных в настоящий том, наглядно раскрывает перспективность мысли Ленина, способствовавшей выработке верной точки зрения, сложность восприятия Луначарским реальных трудностей развития истории и культуры.

Ленин всегда видел своеобразие артистической природы Луначарского. Его обостренная впечатлительность, эмоциональность порой вызывали склонность поддаваться власти настроения, односторонним увлечениям. Это проявлялось не раз в разные периоды его биографии. Показателен в данном случае эпизод, относящийся ко времени революционных боев в октябре 1917 г. В это время буржуазная печать усиленно раздувала версию об огромных разрушениях памятников культуры, якобы производимых революционным народом. Например, журнал «Аполлон» в сентябрьской книжке, вышедшей в ноябре 1917 г., опубликовал выдержки из специального обращения собрания Союза деятелей искусства: «В междоусобной борьбе, — жаловались участники собрания, — разграблен Зимний дворец. Подверглись разрушению московский Кремль, соборы Василия Блаженного и Успенский — художественные сокровища мирового значения»³¹.

Под влиянием потока клеветнических слухов, обильно распространяемых буржуазной и «социалистической» печатью, Луначарский 2 ноября 1917 г. подал в Совнарком заявление о сложении с себя обязанностей народного комиссара по просвещению. Заявление Луначарского было опубликовано в «Новой жизни» (3 ноября 1917 г.) и других газетах (см. настоящ. том, стр. 46).

Луначарский был не одинок. На заседании Совнаркома 3 ноября 1917 г. был поднят вопрос о настроении некоторых членов большевистской партии, на которых произвели впечатление ложные слухи о мнимых разрушениях культурных ценностей в Москве. Ленин сказал по их адресу: «Что же — революция пройдет мимо них!»³².

Таким настроениям противостояла убежденность Ленина в плодотворной, решающей, творческой сущности социалистической революции. Историческая обоснованность позиции Ленина одержала верх.

Имея в виду упомянутый выше эпизод, Луначарский в одной из своих статей рассказывает о том, какое огромное культурное значение Ленин придавал социалистической революции. «Пишущий эти строки, — вспоминает Луначарский, — был испуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками Временного правительства, и подвергся по этому поводу весьма серьезной „обработке“ со стороны великого вождя. Между прочим ему были сказаны тогда такие слова: „Как вы можете придавать такое значение тому или иному старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?“»³³

Перспективность мысли Ленина оказала в данном случае свое плодотворное воздействие. Луначарский признал ошибку и принял самые действенные меры для сохранения культурного достояния страны. Он пишет обращение: «Берегите народное достояние», опубликованное в газете «Новая жизнь» (4 ноября 1917 г.), призывающее бдительно беречь унаследованные народом культурные богатства (настоящ. том, стр. 46—47).

И в последующей деятельности Луначарского, народного комиссара по просвещению, высокая историческая задача приобщения масс трудящихся к богатствам культуры находит свое многостороннее осуществление как в организации новой системы и содержания народного образования, так и в научной, и культурно-просветительной работе, а также и в области литературы и искусства.

О бережном отношении Советского правительства к сокровищам народной культуры свидетельствует подписанный Лениным декрет «О сохранении художественных ценностей и памятников старины». В самые тяжелые дни разрухи и гражданской вой-

ны Советское правительство делало все от него зависящее для сохранения и поддержания в порядке ценнейших произведений искусства. И в этом благородном деле огромная роль принадлежит Луначарскому. Убежденно разъяснял и отстаивал он политику Советского государства в отношении к культурному наследию.

Ленин много раз отмечал огромное культурное значение художественных ценностей для обогащения духовной жизни освобожденного народа. Выступая в марте 1919 г. на конференции, проходившей во Дворце труда в Петрограде, Ленин отметил их новую социальную и культурную функцию:

«Мне особенно отрадно видеть, что здесь, в Питере, где так много прекрасных зданий, дворцов, имевших совершенно неправильные назначения, — сказал он, — товарищи поступили правильно, отобрав эти дворцы и превратив их в места собраний, съездов и совещаний как раз тех классов населения, которые на эти дворцы работали и в течение веков эти дворцы создавали и которых на версту к этим дворцам не подпускали!»³⁴

Отвечая на инсинуацию реакционной прессы, обвинявшей революционный народ в разрушении реликвий культуры, Луначарский писал в статье «Советская власть и памятники старины»:

«Мы можем с гордостью и уверенностью отвести от себя это обвинение и сказать, что мы совершили чудеса в деле охраны таких памятников. Конечно, я отнюдь не хочу этим сказать, что за время русской революции не погибли отдельные художественные ценности <...> Не на отдельные разрушения надо обращать внимание <...>, но на то, что в стране, преступно задержанной в своем развитии на стадии варварства, это разрушение не приняло широких размеров и было превращено силой рабоче-крестьянского правительства в мощную охрану народного достояния»³⁵.

В дни опасности, нависшей над Петроградом со стороны войск Юденича, Луначарский обращается в Совет Народных Комиссаров с предложением об организации комиссии по эвакуации художественных ценностей Эрмитажа, являющихся достоянием народа.

7 марта 1918 г. на докладной записке Луначарского значится резолюция Ленина «Утверждаю».

Когда опасность миновала, Луначарский настойчиво ставит вопрос о реэвакуации художественных ценностей Эрмитажа в Петроград. Здесь он действовал в полном контакте с Горьким, принимавшим участие в судьбе замечательного русского национального художественного хранилища.

Как видно из переписки, Ленин проявил большое, непосредственное внимание к нуждам Эрмитажа.

Документов подобного рода сохранилось большое количество. Многие из них демонстрируют интенсивную деятельность молодого Советского правительства, напряженность поисков новых плодотворных путей обогащения духовной жизни народных масс. Советское правительство, во главе с Лениным, издало ряд декретов, направленных к осуществлению программы сбережения культурных ценностей, реального приобщения трудящихся к богатствам мирового искусства. Обращает на себя внимание огромный размах и многосторонность этой деятельности революционной власти. Были изданы декреты о национализации и охране основных историко-художественных ценностей, о признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием, о сооружении памятников выдающимся деятелям освободительного движения, общественной мысли, науки, литературы и искусства.

За лаконичными строками каждого документа скрывается кипучий труд, проявление проникательного, нового отношения Советского правительства к художественным ценностям, революционная политика приобщения народных масс к высотам духовной жизни.

Несмотря на трудности времени гражданской войны, Советское правительство, во главе с Лениным, всемерно стремилось содействовать обогащению культурной жизни страны. В пределах реальных возможностей удовлетворялись нужды школ, различных научных и учебных, культурно-просветительных учреждений.

Большая инициатива в постановке этого дела принадлежит Луначарскому. Для примера приведем одно из многочисленных обращений Луначарского в Совнарком (26 мая 1918 г.):

«Прошу срочно (ввиду скорого моего отъезда) поставить в М(алой) К(омиссии) Совнаркома прилагаемые дела:

- 1) О субсидии Московской консерватории.
- 2) О национализации Третьяковской галереи.
- 3) О восприятии продажи и вывоза произведений искусства.
- 4) О кредите в счет неустановленных точно остатков сметы 1917 г.

Нарком Л у н а ч а р с к и й (настоящ. том, стр. 65).

Совет Народных Комиссаров утвердил проект национализации Третьяковской галереи, причем Ленин собственноручно внес многозначительную поправку в текст этого решения. В первый параграф декрета, гласивший: «Московскую городскую художественную галерею П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской республики», Ленин вписал слово «имени»: «имени П. и С. М. Третьяковых».

В этом изменении проявляется характерная черта Ленина, его уважение к личности и труду людей, посвятивших себя благородному делу, внесших свой вклад в развитие культуры родной страны.

На том же заседании СНК 31 мая 1918 г. было принято постановление по пункту 3 проекта Луначарского — о восприятии продажи и вывоза за границу произведений искусства (настоящ. том, стр. 65).

Декреты Советской власти о сохранении исторических и художественных ценностей, о превращении их в подлинное достояние народа, кроме своей непосредственной задачи, имели огромное значение для сплочения кадров художественной интеллигенции. Задача эта была особенно актуальной, поскольку нигилизм орудовавших в области культуры всяких псевдоноваторов дезориентировал многих художников, отталкивал их от задач революции. Авторы ряда воспоминаний подчеркивают инициативу Ленина в деле национализации и охраны художественных ценностей.

Например, видный деятель художественной культуры И. Э. Грабарь вспоминает: «... По мысли В. И. Ленина еще во время пребывания первого советского правительства в Петербурге, бывшем уже тогда „Петроградом“, А. В. Луначарский организовал в ноябре 1917 года при Наркомпросе „Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины“ (<...> Одним из первых больших дел „Отдела“ была разработка декретов о национализации крупнейших частных художественных собраний, об учете и охране произведений искусства и о национализации Троице-Сергиевской лавры. Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина. Они шли от нас к нему на утверждение, и некоторые из них, как декреты о национализации частных собраний и лавры, он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих за сохранность. Особенно много исправлений он внес в декрет о национализации Троицкой лавры»³⁶.

Глубочайшим уважением к памяти великого писателя и заботой о просвещении и эстетическом воспитании народных масс проникнуты впервые публикуемые исторические документы «О национализации дома Льва Толстого» (Хамовнический переулок, Москва). О государственной и культурной важности данного мероприятия говорится в прилагаемой к письму Луначарского в Совнарком докладной записке В. Ф. Булгакова, заведующего домом-музеем Л. Н. Толстого. В этой записке национализация усадьбы Толстого характеризуется как жизненно необходимый государственный акт, создающий благоприятные условия для того, чтобы наследие великого писателя в полном смысле слова стало принадлежностью духовной жизни народных масс (настоящ. том, стр. 171).

Многие документы в этом, как и в ряде других разделов тома, касаются отдельных эпизодов, часто их содержание имеет личный характер, относится к биографии того или иного художника. Но поставленные в ряд с другими фактами, взятые как часть всей совокупности явлений такого рода, они приобретают особое значение как прояв-

ление широких процессов, последовательной политики в сфере художественной культуры революционной эпохи.

Среди первых указаний Ленина наркому просвещения, опубликованных в настоящем томе, содержится предписание от 26 декабря 1917 г. о немедленной выдаче представителям мусульманского населения России «Священного Корана Османа», который хранился в Государственной публичной библиотеке.

Документ этот, взятый сам по себе, на первый взгляд может показаться имеющим частный смысл. Но он примыкает к ряду подобных актов молодой Советской власти, провозгласившей право народов на принадлежащие им исторические и культурные ценности. Напомним решение Советским правительством вопроса о передаче в Киев украинских национальных исторических сокровищ — пушек, знамен, булавы, которые во время царствования Екатерины II были перевезены в Петербург как символ подчинения Украины России.

24 ноября 1917 г. Совнарком постановил передать эти реликвии Украине, опубликовать заявление об обязательном выполнении этого решения, подтвержденного ВЦИКом. В постановлении ВЦИКа было отмечено, что передачу реликвий следует провести в форме торжественного народного праздника перед Преображенским собором, с участием воинских частей. Предполагалось также вместе с реликвиями передать украинцам специальную грамоту с подписями председателей ВЦИК, СНК и ряда других должностных лиц.

Лишь нежелание представителей буржуазной Всеукраинской рады признавать Советскую власть в России помешало тогда передать национальные реликвии украинскому народу. Председатель Совнаркома Ленин, а также народные комиссары по иностранным делам, по просвещению и по делам национальностей решили вести дальнейшие переговоры о сроке и порядке передачи этих реликвий с украинской фракцией Всероссийского Центрального Исполнительного комитета³⁷.

19 января 1918 г. Лениным и рядом членов Совнаркома был подписан декрет «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу»³⁸. На основе этого декрета летом 1918 г. Наркомпросом было издано соответствующее распоряжение. Прием предметов искусства и старины до окончательной сдачи их представителям польского государства поручалось осуществлять Польскому комиссариату при СНК. Однако в силу условий гражданской войны работа эта была временно приостановлена. В октябре 1920 г. Ленин обращается в Наркомнац с запиской относительно художественных ценностей, вывезенных во время империалистической войны из Варшавского дворца: «Отобрать чисто польское имущество для возврата полякам»³⁹.

Именно к названным мероприятиям Советского правительства относятся строки из воспоминаний Н. К. Крупской, повествующие, как Владимир Ильич «однажды рассвирепел, когда я ему рассказала, что в Наркомпросе идут колебания по вопросу, отдавать ли полякам какие-то ценные для них памятники старины. Страстно ненавидел Ильич великодержавный шовинизм, страстно хотел, чтобы империалистической политике угнетения более слабых национальностей Республика Советов противопоставила политику полного раскрепощения этих национальностей, политику товарищеской заботы о них»⁴⁰.

После окончания гражданской войны Советское правительство передало Польше огромные исторические и художественные ценности.

Приведенные выше факты наглядно раскрывают, насколько решительно Советское правительство во главе с Лениным порвало с прежней политикой угнетения слабых национальностей. Новая национальная политика на деле устанавливала подлинно равноправные отношения всех народов, на основе взаимопомощи и дружбы.

* * *

И в советский период Луначарский не ограничивается своей работой в сфере народного просвещения, культуры и искусства. Он так же, как и раньше, выполняет задания Ленина, ЦК партии и правительства. 13 апреля 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б)

было вынесено решение о командировании крупнейших работников партии, в частности народных комиссаров, в различные области для борьбы с дезертирством и решения наиболее существенных текущих вопросов.

Командированные лица были наделены полномочиями действовать от имени ЦК, Совнаркома и ВЦИКа. В списке командированных, подписанном Лениным, был и Луначарский.

Большой исторический интерес представляют его доклады Ленину (1919—1921 гг.) из различных городов и областей страны, с фронтов гражданской войны и прифронтовых районов, куда он ездил по поручениям партии и правительства.

В настоящем томе «Литературного наследия» впервые публикуются доклады Луначарского Ленину из Ярославля и Костромы, Рязани и Тамбова, Саратова и ряда прилегающих к ним уездов. В сообщениях Луначарского дается подробная характеристика политического и хозяйственного положения, состояния партийных организаций и органов Советской власти, ставятся наиболее острые проблемы местной жизни, требующие разрешения. Много внимания уделяется анализу партийных и советских руководящих кадров. Со свойственной ему наблюдательностью Луначарский освещает экономическое, социальное своеобразие каждого края, особенности культуры и просвещения, настроения различных слоев населения. В его докладах содержатся также меткие характеристики типов коммунистов и представителей других групп общества. Но в некоторых случаях Луначарский со свойственной его художественной натуре эмоциональностью рисует мрачные картины действительности, сгущая краски.

Ряд докладов и отчетов Луначарского Ленину посвящен положению на фронтах и в прифронтовых районах (1919—1920 гг.). Это общий доклад о поездке на фронт, в район Двенадцатой армии (Чернигов, Киев — Житомир), отчеты о поездке в расположение частей Красной Армии под Харьковом, об общем политическом положении в Николаевской и Одесской губерниях, а также несколько докладов из Ростова-на-Дону. Сам Луначарский в воспоминаниях о гражданской войне сообщает о своей деятельности в это время:

«В течение почти всей гражданской войны я почти непрерывно отрывался от своего наркомата и в качестве представителя Реввоенсовета Республики ездил на разные фронты. Моей обязанностью было освещение различным красноармейским частям общей политической ситуации. Само собой разумеется, что за это время у меня накопилось очень много воспоминаний, которые, может быть, и будут когда-нибудь мною напечатаны.

Правду сказать, наезды пропагандиста на фронт, рядом со всей гигантской эпопеей гражданской войны, и его воспоминания, рядом с сокровищами воспоминаний подлинных бойцов фронта, представляют нечто весьма второстепенное и бледное. Поэтому до сих пор я не считал важным обрабатывать относящиеся сюда мои воспоминания»⁴¹.

При всей скромности автора, его работа на фронтах гражданской войны, как и всюду, была значительной. В своих воспоминаниях Луначарский освещает лишь некоторые ее эпизоды, в частности, свою поездку в Тульский укрепленный район, в напряженное время, когда ему угрожала серьезная опасность со стороны наступавшей денкинской армии. По возвращении из Тулы Луначарский по обыкновению, направился к Ленину, чтобы рассказать о своих впечатлениях (см. настоящ. том, стр. 446—447).

Совет Обороны, председателем которого был Ленин, командировал Луначарского и на другие фронты и в прифронтовые районы не только как блестящего агитатора. Для успеха дела чрезвычайно важны были верная ориентация партийного и государственного руководства, широкое развертывание политической и культурно-просветительной работы среди бойцов Красной Армии и всей массы населения. Существенна была также правильная информация ЦК партии и правительства о положении на фронтах и в прилегающих районах. Доклады Луначарского содержали необходимую ценную информацию, пронизательный анализ положения. Об этом Ленин упоминает в речи на Втором Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне (12 июня 1920 г.). Об интересе Ленина к сообщениям Луначарского о поло-

жени на фронтах гражданской войны свидетельствует также Н. К. Крупская в статье «Страстный агитатор» («Комсомольская правда», 28 декабря 1933 г.) и ряде других выступлений и статей. Н. К. Крупская писала: «Помню, как однажды — кажется в 1919 или 1920 году — Анатолий Васильевич, вернувшись с фронта, описывал Владимиру Ильичу свои впечатления и как блестели глаза у Владимира Ильича, когда он его слушал»⁴².

Отчеты Луначарского о работе в Тамбове и Саратове демонстрируют еще одну сторону работы Луначарского как политического деятеля, его активную позицию в борьбе с троцкизмом и так называемой «рабочей оппозицией». Он выступает на собраниях партийного актива с защитой линии ЦК, разъясняя взаимоотношения рабочего класса и крестьянства, политику партии в профсоюзном движении.

Одновременно большую работу Луначарский проводит с местной интеллигенцией. Посещает университеты, школы, театр, культурно-просветительные учреждения. В отчете из Саратова он сообщал:

«В 4 часа состоялась лекция „Революция и искусство“, которая продолжалась 2½ часа и на которой присутствовал весь художественный мир Саратова. Лекция прошла с очень большим успехом и содержала в себе главным образом развитие картины постепенного упадка содержания искусства в буржуазном обществе, революционную идею как единственное спасение искусства от окончательного падения в полную бессодержательность и декадентство, а с другой стороны, потребность революции в искусстве как в самом могучем агитационном языке» (настоящ. том, стр. 491).

Такие выступления были в высшей степени необходимы, поскольку в сфере искусства, в культурной жизни вообще происходили сложные процессы: с одной стороны, наблюдалось воздействие старых реакционных представлений, с другой — отрицательную роль играли различные виды псевдореволюционного левачества.

Подобные материалы раскрывают несостоятельность бытующего представления о Луначарском как человеке, замкнутом в кругу эстетических интересов. Ленин направлял его на путь всестороннего изучения действительности, непосредственного участия в политической борьбе. И это помогало Луначарскому находить верные решения сложных вопросов государственного и культурного строительства.

* * *

Большое количество впервые публикуемых документов значительно обогащает наше представление о проблемах, которые Ленину, Советскому правительству приходилось разрешать в первые послеоктябрьские годы в сфере школьного дела, строительства новой системы образования.

Положение в этой области некоторое время осложнялось тем, что Луначарский, будучи назначен народным комиссаром, в течение года после переезда Советского правительства в Москву оставался в Петрограде, выполняя важные партийные и государственные задания.

О размахе и многогранности его работы красноречиво говорит его письмо в Совнарком. Луначарский пишет в нем о своей тревоге за дальнейшую судьбу Петрограда, мирового революционного центра. По мысли Луначарского, в сложной экономической и политической обстановке было бы опрометчивым возлагать всю полную ответственность только на председателя Петроградского Совета. «Я решаюсь предложить товарищам народным комиссарам лично себя на пост их официального представителя в Петрограде <...>. Прошу Совет Народных Комиссаров рассмотреть это мое заявление и дать свое заключение в кратчайший срок», — пишет Луначарский (настоящ. том, стр. 58—59).

Ленин согласился с предложением Луначарского. Его заместителями в Москве по Народному комиссариату просвещения были утверждены Н. К. Ульянова (Крупская) и М. Н. Покровский. Луначарский продолжал работать в Петрограде до начала 1919 г., приезжая в Москву периодически.

Н. К. Крупская в статье «Три года работы народного комиссариата просвещения» писала: «Переезд в Москву разбил на время нашу работу. Народный комиссар по

просвещению продолжает работать в Петрограде, и отсутствие его сильно сказывается на работе комиссариата»⁴³.

Но и в это время Луначарский многое делал для строительства советской школы, для создания новой системы просвещения.

Большую роль для решения коренных задач школы, определения ее новых путей должен был сыграть I Всероссийский съезд по просвещению.

На заседании Совнаркома 26 августа 1918 г. Луначарский обращается к Ленину с просьбой принять участие в работе съезда:

I

Луначарский

«Владимир Ильич,

Еще раз *покорнейше* прошу от имени всего Всероссийского съезда по народному образованию приехать в любой день и час и сказать пару слов 700 учителям (советским), которые собрались со всех концов.

II

Ленин

На какую тему?

III

Луначарский

На какую угодно. Текущий момент и пара слов о том, что завоевание народом знания тоже не последнее дело» (настоящ. том, стр. 77).

27 августа Луначарский сообщает Ленину, что он единогласно избран почетным председателем I Всероссийского съезда по просвещению и выражает просьбу всех участников съезда посетить хотя бы одно заседание.

Ленин выступил 28 августа. Его речь на I Всероссийском съезде по просвещению — один из выдающихся документов, содержащих анализ политической обстановки, определивший пути решения новых задач, поставленных революцией перед фронтом народного просвещения.

Ленин и в дальнейшем принимал деятельное участие в строительстве советской школы и политико-просветительной работы. В статье о работе Наркомпроса, опубликованной в «Правде» 9 февраля 1921 г., Ленин конкретизировал многие положения программы партии в области народного просвещения, политехнического образования, принципы разработки школьных программ; наметил перспективы развития сети культурно-просветительных учреждений. В противовес различного рода вульгарным, сектантским тенденциям, он подчеркивал значение опыта специалистов-педагогов, необходимость включения их в решение задач строительства советской школы. Отметив высокую компетентность Луначарского и Покровского, Ленин в своей речи подверг критике недостатки в работе Наркомпроса.

В связи с этим Луначарский обращается к Ленину с чрезвычайно характерным письмом (9 февраля 1921 г.):

«Владимир Ильич!

Ужасно скверно, что я не умею достаточно настойчиво проводить свою линию. Ваша сегодняшняя статья меня восхищает (простите за это признание), я всегда так думал и говорил (год тому назад еще). Но правильно ругать меня, ибо провести этой линии я не сумел. Теперь исправим» (настоящ. том, стр. 244).

Как мы видим из ряда документов, Луначарский всемерно старался проводить в жизнь принципы политехнического образования, хотя и не всегда был последователен в этом отношении.

Вместе с тем важно отметить сложность конкретного осуществления задачи строительства новой трудовой школы. Так, Луначарский информирует Ленина о

разногласиях в среде руководящих работников Комиссариата просвещения по вопросу о путях развития школы и об особой позиции члена коллегии О. Ю. Шмидта, который настаивал на ранней профессионализации учащихся. Дискуссия привлекла внимание Ленина, поскольку этот вопрос имел огромное значение для постановки всего дела народного образования. Ленин, Луначарский, Крупская выступали за всестороннее гармоническое развитие учащихся. Естественно, левацкие попытки строить школу на основе ранней специализации отрицательно сказались бы на общем духовном формировании молодых поколений.

Дальнейший опыт развития советской школы убедительно подтвердил плодотворность принципов политехнического образования.

Об остроте споров вокруг определения основных принципов советской школы свидетельствует также то, что псевдорадикализмом отличались взгляды ряда других видных работников народного образования, в частности, Потемкина и Познера, которые внесли предложение произвести революционный переворот в школе. Смысл таких разногласий определен в словах Луначарского о разрушительной нетерпимости Потемкина и Познера в деле постановки народного образования. Можно полагать, что с этими спорами связана записка Ленина Луначарскому 12 июля 1918 г.: «Как стоит дело с Познером?» и ответ Луначарского: «Познера я приструнил. Тут дело наладится» (настоящ. том, стр. 75).

Ленин постоянно следил за состоянием дел в Наркомпросе, обращал внимание на организацию его аппарата и направление его работы. Запрос Ленина руководителям Наркомпроса 8 апреля 1921 г. показывает его неудовлетворенность.

«Тт. Луначарскому, Покровскому и Литкенсу

Множатся признаки, что по части систематичности и планомерности работы дела в Наркомпросе не улучшаются, вопреки директивам ЦК и специальным заданиям ЦК при реорганизации Наркомпроса».

Упомянутая о директивах ЦК в области народного образования, Ленин имел в виду постановления пленумов ЦК 8 декабря 1920 г. и 26 января 1921 г. о реорганизации Наркомпроса, «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» 5 февраля 1921 г. и ряд постановлений Политбюро Центрального Комитета партии по персональному составу руководящих работников Наркомпроса (февраль — март 1921 г.).

Ответ Луначарского на этот запрос 12 апреля показывает, что был намечен ряд мероприятий, способствующих улучшению руководства Народным комиссариатом просвещения. Но при правильности общей позиции, Луначарскому и аппарату Комиссариата по просвещению не хватало должной организованности. Возникал ряд внутренних конфликтов и разногласий.

Порой сталкивались эмоциональная впечатлительность наркома с педантизмом его первого заместителя Литкенса. В отношении к этим конфликтам Ленин исходил из потребности наиболее плодотворного использования сильных сторон каждого из руководителей Наркомпроса. Поэтому в вопросах административно-организационных он поддерживал Литкенса и предоставлял ему определенные полномочия.

В связи с жалобой Луначарского на невыполнение некоторых его распоряжений, Ленин писал членам Политбюро, что Луначарский «безусловно неправ. Административные и организационные дела (а в том числе безусловно и пайки) не могут вершиться им без Литкенса, и распоряжения Луначарского не могут быть признаны обязательными для Литкенса»⁴⁴.

Переписка показывает проницательность Ленина в решении драматических эпизодов во взаимоотношениях людей и его дар объективно судить об индивидуальных особенностях и способностях каждого.

Ленин считал необходимым укрепить руководство Наркомпроса в административной, организационной части, что никогда не было сильной стороной Луначарского.

Впервые публикуется его письмо Ленину об освобождении от руководства Наркомпросом: «... я просил бы Вас, Владимир Ильич, взвесить такой план: освободите меня от Наркомпроса, который уже имеет своего руководителя, и используйте мои силы следующим образом: зачислите меня в Президиум ВЦИК, там людей недостаточно, и я буду полезен, прежде всего, как всякий другой член его, но, во-вторых и глав-

ным образом, я буду полезен как пропагандист. Тут уж, кажется бесспорно, я являюсь значительной силой в руках партии» (настоящ. том, стр. 320).

Как всегда, Ленин реагировал на это письмо, превосходно зная особенности натуры Луначарского, его склонность отдаваться во власть эмоций. На письме есть несколько пометок Ленина.

Несмотря на большие недостатки в организации народного образования, слишком трудно было бы представить на посту народного комиссара по просвещению в то время кого-нибудь другого — столь одаренного, столь духовно разностороннего и эрудированного деятеля социалистической культуры, каким был Луначарский. Для характеристики отношения Ленина к деятельности Луначарского советского периода существенно привести свидетельство О. Ю. Шмидта, которого, как указывалось выше, нарком по просвещению критиковал за упрощенное и утилитарное понимание задач народного образования. По его словам, в ответ на какие-то упреки по адресу Луначарского Ленин сказал: «Этот человек не только знает все и не только талантлив — этот человек любое партийное поручение выполнит и выполнит превосходно»⁴⁵.

* * *

Ленин знал склонность Луначарского порой увлекаться какой-нибудь одной стороной деятельности. Например, желая предоставить лучшим художественным коллективам и наиболее талантливым деятелям искусства все необходимое, Луначарский иногда не учитывал возможности страны, находившейся в состоянии голода и разрухи.

Иногда эта увлеченность Луначарского проблемами искусства отрывала его от других важных областей государственного и культурного строительства. И многие критические замечания Ленина в адрес Луначарского вызывались необходимостью обратить внимание на самые решающие проблемы, на первоочередные потребности политической и культурной жизни.

Только учитывая суровость обстановки первых лет существования советского строя, а также особенности личности Луначарского, можно понять смысл широко известных критических строк Ленина о том, что наркому по просвещению нужно меньше заниматься театрами, а больше — делами народного образования. Об этом говорилось в записке к Покровскому:

«Тов. Луначарский приехал.

Наконец!

Запрягите его, Христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр.

Не позволяйте на театр!»

В ответ на письмо Луначарского 26 августа 1921 г. Ленин направляет ему телефонограмму:

«т. Луначарскому

Принять никак не могу, так как болен.

Все театры советую положить в гроб.

Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте»⁴⁶ (см. настоящ. том, стр. 313).

«Все театры советую положить в гроб» — данная строка подверглась различным толкованиям. Наивно полагать (как это выглядит у некоторых искусствоведов), будто бы Ленин недооценивал значение театрального искусства. Также наивно старания других искусствоведов в противовес таким скороспелым или тенденциозным мыслям доказывать, что Ленин не отвергал театрального искусство, понимал его значение. Гораздо существеннее учесть конкретную историческую обстановку, в которой происходило обсуждение вопроса о субсидиях театрам, о реальных причинах, вызвавших эти слова Ленина. Лишь такой всесторонний исторический подход может дать ключ к пониманию реального смысла указания Ленина.

Как известно из многих свидетельств — писем и воспоминаний, Ленин любил театр, ценил его роль в духовной жизни людей; широко известны его отзывы о ряде

спектаклей. По его убеждению, победа Октябрьской революции создала самые благоприятные условия для развития всех видов подлинно народного искусства, предназначенного для миллионов трудящихся. Для этого должно быть преодолено вековое расхождение между высотой достижений мирового искусства и культурной отсталостью ранее угнетенных народных масс. В слиянии духовной жизни миллионов трудящихся с творчеством высших духовных ценностей Ленин видел первейшее предназначение и миссию социализма.

Столь резкий ответ Луначарскому по поводу субсидий театрам имел свои конкретные причины и смысл, вызванные определенной обстановкой. Но в нем содержались и общие принципиальные указания о путях и проблемах формирования новой культуры, на которых должно было быть сосредоточено внимание Наркомата. Для Ленина развитие культуры было процессом многосторонним. Самой необходимой жизненной почвой, предпосылкой приобщения трудящихся к высоким художественным ценностям, расцвета социалистического искусства Ленин считал широкую постановку дела просвещения масс, ликвидацию их темноты и неграмотности, которая создает почву для восприятия эстетических богатств человечества и выдвижения новых талантов.

И в свете этой реалистической и в то же время революционно перспективной ленинской идеи становится понятным подлинный смысл позиции Ленина в вопросе, касающемся как академических театров, так и всей деятельности Комиссариата просвещения.

Программную мысль о правильной организации просвещения, необходимости подъема культурного уровня масс как первооснове развития искусства Ленин высказывал много раз, настойчиво старался как можно полнее довести ее до сознания работников школы и политпросвета, всего фронта народного просвещения.

Выдвижение Лениным на первый план задачи общего подъема культурного уровня народа органически связано с его убеждением о праве народа на настоящее большое искусство. Без этой общекультурной основы народ обречен на всякого рода примитивное псевдоискусство. Ленин категорически не признавал упрощенные, псевдонародные приниженные издания, ремесленнические поделки. Именно потому, в интересах приобщения народных масс к подлинным эстетическим ценностям, он выдвигал в первую очередь задачу самого широкого народного образования и воспитания. Такова реальная почва, на которой должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создает форму соответственно своему содержанию. Такова ленинская исторически обоснованная постановка проблемы «искусство и народ». В непосредственной обращенности к художественному творчеству идея эта изложена Лениным в известной беседе с К. Цеткин.

Ленин говорил: «Для того чтобы искусство могло приблизиться к народу и народ к искусству, мы должны сначала поднять общий образовательный и культурный уровень <...>

Конечно, мы ведем настоящую упорную войну с безграмотностью. Устраиваем библиотеки, „избы-читальни“ в крупных и малых городах и селах. Организуем самые разнообразные курсы. Устраиваем хорошие спектакли и концерты, рассылаем по всей стране „передвижные выставки“ и „просветительные поезда“. Но я повторяю: что это может дать тому многомиллионному населению, которому недостает самого элементарного знания, самой примитивной культуры? В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре,— миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что Земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьма, и не колдуны совместно с „отцом небесным“ <...>

Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры,— конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве долж-

но вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию»⁴⁷.

Большой интерес представляют документы, относящиеся к политике партии и Советского государства в общих вопросах театрального искусства. Совнарком 26 августа 1919 г. принял декрет «Об объединении театрального дела». О внимании Ленина к проблемам театрального дела, театрального искусства свидетельствует тот факт, что этот и ряд других документов неоднократно обсуждались правительством при его непосредственном участии.

Разъясняя политику Советского государства в этом вопросе, Луначарский в ряде статей того времени отмечал, что революционное правительство считает театр не только развлечением, но и великой школой жизни и, несмотря на тяжелые условия периода гражданской войны, делает все возможное для его плодотворной работы.

Развивая лучшие традиции театрального искусства, Советское правительство проводило огромную работу по приближению театра к массовому зрителю, помогая внедрению нового репертуара, очищая театры от буржуазно-коммерческих нравов.

Общезвестна выдающаяся роль Луначарского в сохранении лучших театров страны и обеспечении работников сцены пайками и необходимыми условиями работы. Следует отметить, что в обстановке гражданской войны, голода и разрухи это была задача нелегкая. Неоднократно ставился вопрос о закрытии столичных государственных театров, в частности, Большого, Художественного театров в Москве и Мариинского театра в Петрограде. Но, при содействии Ленина, вопрос находил положительное решение.

Публикуемые в настоящем томе документы показывают, насколько сложной была обстановка и с какими усилиями Советское правительство находило пути для сохранения лучших театров Москвы и Петрограда. Эпизод с Большим театром освещен в печати достаточно широко. Много нового для истории советского театра содержат впервые публикуемые документы, касающиеся Художественного и Мариинского театров.

Об отношении Ленина к судьбе театров объективно свидетельствует П. Н. Лепешинский, присутствовавший на заседании Совнаркома как представитель Наркомпроса. На этом заседании председатель подготовительной комиссии Галкин сурово говорил о том, что бывшие императорские театры показывают «буржуазные» пьесы, которые ничего не дают трудовому зрителю, что нельзя «бросать драгоценное топливо в прожорливые печи московских государственных театров для питания перлов буржуазных барынь...»⁴⁸ П. Н. Лепешинскому казалось, что «судьба театров, видимо, предопределена».

Владимир Ильич ставит вопрос на голосование. И только лишь как бы мимоходом, в форме маленького вотабене, бросает перед голосованием две-три фразы:

— Мне только кажется, — говорит он, сверкнув своими смеющимися глазами, — что т. Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра (...). И наследство от буржуазного искусства нам рано еще сдавать в архив... Итак, кто за предложение т. Галкина, прошу поднять руки.

Само собой разумеется, что после сказанных „мимоходом“ слов Ильича т. Галкину не удалось собрать большинства. Театры были спасены»⁴⁹.

Из ряда документов видно, что отношение Ленина к театру в тяжелые годы блокады и голода было гораздо сложнее, нежели то, что следует из однолинейных упрощенных истолкований возмущенных слов в записке Ленина.

В письме Луначарского, на которое отвечал Ленин, содержалось предложение для спасения Художественного театра разбить его на три труппы — заграничную, столичную и провинциальную, которые будут постоянно меняться местами. Ряд мероприятий такого рода был осуществлен при поддержке Ленина. В частности, за границу была направлена труппа актеров Художественного театра во главе с В. И. Качаловым. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, «с особой оживленной радостью встречал Владимир Ильич всякое известие о возвращении в свое отечество деятелей нашего искусства и очень заботливо расспрашивал, что предпринято, чтобы их волушке устроить».

Заботу Ленина о театре подтверждают следующие строки из «Тетради записей поручений Владимира Ильича» Управляющего делами Совнаркома и СТО Н. П. Горбунова 10 марта 1922 г.:

«Аванесову.

Провести через Комиссию Политбюро и СНК вопрос об ассигновании 1250 р. для проезда в Россию артистов Художественного театра.

В Политбюро решен положительно»⁵⁰.

Ряд других выразительных исторических документов обогащают наше представление о реальных условиях начального периода развития советского театра. Мы видим, что, несмотря на большие трудности, советская культура развивалась и победно себя утверждала.

В истории нашего театра можно найти ряд драматических страниц, но целеустремленная политика Советского правительства помогала преодолению трудностей, являлась основой сохранения и обогащения культурного достоинства народа, дальнейшего плодотворного развития сценического искусства.

* * *

Переписка Ленина с Луначарским и связанные с нею другие документы вносят много нового в освещение судьбы интеллигенции после Октября, демонстрируют огромную заботу партии и правительства о наиболее плодотворных путях ее развития. Для Ленина характерны бережный подход к интеллигенции, стремление теснее связать ее с революционным творчеством народных масс, поставить ее силы на службу делу строительства социалистического общества.

Объективный ход истории, по мысли Ленина, оказывает определяющее воздействие на позиции интеллигенции, дифференцируя ее, отсеивая реакционные элементы, привлекая на сторону народа наиболее честных и чутких ее представителей. Переход передовых слоев интеллигенции на сторону революции и ее участие в решении новых социально-экономических и духовных задач — одна из необходимых предпосылок строительства социалистической культуры.

Луначарский играл выдающуюся роль в осуществлении этой линии партии в формировании новой интеллигенции из низов освобожденного народа.

В переписке Ленина с Луначарским идет речь о гражданском пути и творческой деятельности крупнейших ученых, писателей, художников. Многие из них представляют цвет культуры страны. Здесь встречаются имена людей разных убеждений, биографий, но все они выступают на фоне исторических процессов революционной эпохи, в переломный момент их судьбы.

Революционные сдвиги в общественном бытии определили их гражданскую, духовную, эмоциональную эволюцию, привели большинство из них на позиции служения освобожденному народу.

Поистине неопенимое историческое значение имеют документы, освещающие отношение партии и правительства к крупнейшим представителям духовной культуры. Множество новых документов, включенных в настоящий том, свидетельствуют, насколько глубокими и сложными были изменения, вызванные революцией в среде интеллигенции, насколько органически были втянуты в процесс преобразования всех основ жизни различные ее слои.

В переписке Ленина и Луначарского фигурирует огромное количество имен, представляющих различные области науки и искусства. Перед нами исторически конкретно, в лицах, представлены все сферы культуры. Здесь прославленные ученые — физиологи Павлов и Бехтерев; физики — Иоффе и Неменов; математик Стеклов; историки — Ольденбург и Платонов; известные русские и иностранные писатели: Горький, Короленко, Блок, Бальмонт, Вяч. Иванов, Зазубрин, Эптон Синклер, Гильбо; художники — Дени, Кустодиев, Бродский, Бенуа, Малявин; архитекторы — Щуко, Фомин, Романов, Преображенский, Веснины; скульпторы — Алешин, Меркуров, Матвеев; мастера сцены — Станиславский, Немирович-Данченко, Шаляпин, Ермолова, Давыдов; композиторы — Глазунов, Метнер и другие.

Совокупность документов различного характера убедительно раскрывает чуткость, заботливость и требовательность, с которыми Ленин и другие работники партии относились к решению проблем культуры, к судьбе деятелей науки и искусства.

Для политики партии в сфере науки чрезвычайно характерны документы, связанные с отношением Ленина и всего Советского правительства к работам академика И. П. Павлова.

Впервые публикуемое письмо Луначарского к Ленину 21 июня 1920 г. содержит в себе характеристику реальной сложности не только общей обстановки того времени, но и настроения определенной части старой интеллигенции (настоящ. том, стр. 190).

24 января 1921 г. Совнарком под председательством Ленина выносит постановление «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников», в котором отмечаются заслуги Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира. В этом же постановлении указано, что создана специальная комиссия под председательством Горького, которой поручается в кратчайший срок обеспечить условия для работы Павлова и его сотрудников, поручается Госиздату отпечатать роскошным изданием труды Павлова и провести другие мероприятия⁵¹.

9 ноября 1920 г. шведский Красный Крест обратился к Советскому правительству с предложением разрешить Павлову выезд в Швецию, где ему была бы предоставлена возможность в благоприятной и спокойной обстановке проводить свои великие исследования. В письме подчеркивалось, что «эта идея возникла в научных кругах Института Нобелевских премий и была подхвачена шведским Красным Крестом; профессору Павлову ничего о ней неизвестно»⁵².

В ответном письме шведскому Красному Кресту 2 февраля 1921 г. Ленин, выразив благодарность за предложенную помощь, вместе с тем отклонил его предложение, указав, что «теперь, когда военные нападения всех врагов России отбиты», будут созданы необходимые условия для развития науки и такой выдающийся ученый, как Павлов, займет достойное место в русской науке⁵³.

Академику Павлову были созданы благоприятные условия жизни и научной деятельности. Преодолевались его болезненные настроения. Впоследствии ученый с благодарностью отзывался о дальновидности и исторической роли Советского правительства в развитии науки. На приеме Советским правительством делегации XV Международного конгресса физиологов в Москве Павлов заявил: «...Мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство»⁵⁴.

Замечательным свидетельством огромного уважения Советского правительства к выдающимся деятелям культуры и признания их заслуг является декрет о присвоении М. Н. Ермоловой звания народной артистки.

В письме Луначарского в Совет Народных Комиссаров (16 февраля 1920 г.) говорится:

«Через несколько дней предстоит торжественное чествование знаменитой русской артистки Марии Николаевны Ермоловой.

Ходатайственную перед Малым Советом Народных Комиссаров от имени Центротрагтеатра и Коллегии Наркомпроса о уполномочении меня к дарованию артистке Ермоловой в день ее юбилея именем рабоче-крестьянского правительства звания Народной артистки.

Напоминаю, что до сих пор звание это носит в России только один Федор Иванович Шалапин» (настоящ. том, стр. 151).

20 февраля 1920 г. Малый Совнарком единогласно принял постановление, подписанное Лениным: «Ввиду заслуг перед русской сценой артистке Малого Государственного театра Марии Николаевне Ермоловой и в ознаменование ее 50-летнего юбилея СНК постановил: присвоить ей звание Народной артистки» (там же, стр. 151).

Несколько позднее Советское правительство назначило Ермоловой персональный оклад, чтобы освободить ее от надобности заниматься побочным заработком.

Торжественное чествование М. Н. Ермоловой стало поистине праздником советской культуры.

Большой цикл документов, содержащихся в настоящем томе «Литературного наследства», наглядно показывает огромный труд партии и Советского правительства в области развития литературы послеоктябрьского периода.

Эти документы вносят в известное ранее новые сведения, как бы вписывают новые страницы в историю литературы революционной эпохи. При всем разнообразии, пестроте, часто эпизодичности, эти документы объединяются ленинской идеей принадлежности искусства народу, борьбы за богатство духовной жизни масс, за повышение их эстетической культуры.

Реализация этого основополагающего ленинского тезиса требовала напряженного труда, борьбы с враждебными, антинародными явлениями, чуткой поддержки всего талантливого, пронизательности в оценке различных тенденций в литературе, развитие которой революция властно направляла по новому пути.

Победа Октябрьской революции породила новые процессы и условия развития литературы. Прежде всего она создала благоприятную почву для выдвижения из народных масс писателей нового типа, для формирования новаторской советской литературы.

В переписке Ленина с Луначарским встречаются имена революционных писателей различного масштаба. Здесь Горький и Блок, Маяковский и Зазубрин, Белоусов. Упоминаются фамилии и произведения оставшихся неизвестными начинающих авторов. Но они интересны как явление формирования новой, советской литературы.

Оценка Лениным романа Зазубрина «Два мира», его интерес к публикации этого произведения вполне обоснованы. При всех недостатках роман Зазубрина наглядно воплощает в себе типичный процесс перехода от очерка к созданию художественных произведений широкого, обобщающего характера — повести, романа. Роман «Два мира» прочно вошел в историю советской литературы как одно из первых реалистических произведений, пролагавших пути героическому эпосу социалистического реализма.

Как известно, Ленин заботился о художественных талантах, выдвигаемых из толпы народных масс. Большой цикл документов, относящихся к этой стороне деятельности Ленина, в настоящее время можно дополнить еще следующим. Письмо Луначарского Ленину 11 января 1922 г. позволяет установить, что он содействовал улучшению бытовых условий народного поэта Белоусова. На запрос Ленина по этому поводу Луначарский отвечал:

«Тов. Ленину.

В ответ на фрагменты письма к Вам Окулова сообщаю: старого народного поэта Белоусова тов. Покровский соглашается взять на академический паек, но необходимо сообщить нам его адрес» (настоящ. том, стр. 346).

Диапазон литературных явлений, затронутых в переписке Ленина с Луначарским, чрезвычайно широк. И закономерно ленинские принципы развития художественной культуры нашли у Луначарского — критика и исследователя — разностороннее выражение. В своих ярких, по форме образных статьях и выступлениях Луначарский трактовал самые различные вопросы художественной жизни и всей культуры современности — от общих проблем мировой литературы до рецензий на одну книгу начинающего писателя; от античности до текущего дня.

Внимание к живой динамике литературы и искусства, в первую очередь, к новым, возникающим и развивающимся художественным явлениям, органически сливалось у Луначарского с постоянной, глубокой заинтересованностью всем происходящим вокруг, в международной жизни, во всем мире. И темпераментность его суждений исходила не только из артистичности и эмоциональной природы его личности, и не только из богатства его воображения, но из глубокого убеждения в жизненной необходимости передового искусства для духовного вооружения масс и формирования нового человека — строителя социалистического общества.

Включенные в настоящий том материалы, касающиеся объединения сил зарубежной прогрессивной литературы, носят эпизодический характер. Тем не менее они ценны как документы, воссоздающие конкретные факты и реальные черты великого исторического процесса формирования социалистической литературы.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция до предела обогнала наметившиеся в предреволюционные годы расхождения в литературной среде, развела многих писателей в противоположные классовые лагеря, поставила по разные стороны баррикад. Одни писатели, не колеблясь, стали на сторону революции. Другие не сразу определили свои новые позиции, старались разобраться в гигантских событиях, найти верный путь. Нередко их искания оказывались очень сложными, сопровождались заблуждениями. Но преданность истине, народу и своему искусству помогали им выйти на просторы революционного творчества.

Переписка Ленина с Луначарским демонстрирует трудность задач, которые должна была разрешать революционная власть в области литературы. Мы видим, насколько дифференцированным был реальный состав художественной интеллигенции, насколько индивидуально своеобразны и предельно противоречивы были пути многих крупных писателей старшего поколения.

Некоторые субъективно гуманные мастера слова, раньше внесшие свой серьезный вклад в сокровищницу литературы, не поняли подлинный смысл социалистической революции, остались на общедемократических или отвлеченно гуманистических позициях. По отношению к таким литераторам Ленин проявлял чуткость и терпение, всемерно старался привлечь их на сторону революции.

Одним из таких писателей, многие годы мужественно выступавших против угнетения, защищавшим достоинство человека, но не понявшим исторической необходимости революции, был В. Г. Короленко, пользовавшийся любовью и уважением широких кругов демократической интеллигенции. Произведения и судьба Короленко издавна интересовали Ленина. Ленину был близок реализм его произведений, в частности, жизненная правдивость «Павловских очерков». Об этом он говорит в труде «Развитие капитализма в России». В проекте речи по аграрному вопросу во Второй Государственной думе (1907 г.) он называет Короленко «прогрессивным писателем».

Судьба и позиция писателя, одного из видных представителей русской гуманистической интеллигенции, привлекали внимание Ленина и в послеоктябрьский период, несмотря на предельную занятость делами партийного и советского строительства. В то же время Ленин всегда ясно отмечал противоречивость мировоззрения Короленко, разграничивал его сильные и слабые стороны, никогда не соглашаясь с безликим, туманным славословием его в либерально-народнической и эсеровской прессе.

Короленко все время выступал против антигуманной политики империалистов, обличал жестокость захватнической войны, разоблачал эгоизм и лживость буржуазных партий. И тем не менее, вследствие противоречивости своих взглядов, в августе 1917 г. он напечатал статью, «Война, отечество и человечество», изданную затем отдельной брошюрой, в которой высказывал оборонческие идеи, превратно трактовал позицию большевиков, их лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

Ленин понимал его личную честность. Но, когда было необходимо, он изложил свое мнение об объективном смысле этих политических суждений Короленко. Оценка позиции Короленко со всей откровенностью высказана Лениным в письме к Горькому 15 сентября 1919 г. Она имеет особое значение для выяснения отношения Ленина к настроениям довольно широких кругов интеллигенции в первые годы после революции. Письмо было ответом на жалобу Горького по поводу якобы необоснованных арестов некоторых представителей «околокадетской» интеллигенции.

«Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, — пишет Ленин, — я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу:

„Мы, художники, невменяемые люди“.

Вот именно! Неввероятно сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околкадетских господчиков посидят несколько дней в тюрьме для предупреждения заговоров вроде сдачи Красной Горки, грозящих гибелью десяткам тысяч рабочих и крестьян.

Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость! Несколько дней или хотя бы даже недель тюрьмы интеллигентам для предупреждения избития десятков тысяч рабочих и крестьян!

„Художники невменяемые люди“.

„Интеллектуальные силы“ народа смешивать с „силами“ буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 г., брошюру „Война, отечество и человечество“. Короленко ведь лучший из „околокадетских“, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, меркая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами! <...> Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистской войне — дело, заслуживающее поддержки (делами, при слащавых фразах „против“ войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики»⁵⁵.

Назвав Короленко интеллигентом «околокадетского» типа, Ленин имел в виду реальный смысл его общественной позиции в 1917—1920 гг. Писатель объективно повторял идеи кадетской пропаганды, выдвигавшиеся тогда в защиту продолжения империалистической войны.

Об отношении Ленина к утопической позиции Короленко в то время рассказывает в своих воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевич: «Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробнее. Надо просить А. В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как Комиссару народного просвещения и к тому же писателю»⁵⁶.

Именно с поручением Ленина Луначарскому вести переписку с Короленко, чтобы разъяснить, что делается в стране и политику Советского правительства, связано публикуемое в настоящем томе письмо Луначарского Ленину 7 июля 1920 г. Это письмо Луначарского иллюстрирует доброту Короленко, и в то же время его отвлеченность от реальности классовой борьбы (стр. 198).

Луначарский продолжает информировать Ленина о Короленко и в дальнейшем.

«Дорогой Владимир Ильич,

Вы не вернули мне первое письмо Короленко, хотя я очень просил об этом <...> А теперь направляю Вам копию второго. <...> Письмо, представляется мне, сравнительно мало интересно, но тем не менее заслуживающее того, чтобы Вы его прочитали» (настоящ. том, стр. 207).

Во время пребывания в Полтаве в 1920 г. Луначарский дважды встретился с Короленко. В результате бесед было решено, что Короленко пришлет Луначарскому несколько писем, в которых откровенно изложит свою точку зрения на происходящие в России события. Предполагалось, что Луначарский оставляет за собой право ответить на них, как найдет нужным.

Таким образом, проектировалось издание писем Короленко с ответами на них Луначарского. Но были получены только первое, второе и четвертое письма. Обращение к семье писателя после его смерти с просьбой разыскать остальные письма успешно не увенчалось. Неожиданно затем, в 1922 г., письма без ведома Луначарского были изданы за границей, в Париже, издательством «Задруга».

Серьезное значение для научного освещения истории русской литературы XX в. имеют также впервые публикуемые заметки Ленина на полях сборника, посвященного Короленко, в сентябре 1922 г. Ленин делал пометки на книгах «В. Короленко в письмах», 1883—1921 (изд-во «Задруга», 1922 г.), «Короленко. Петербургский сборник под редакцией А. Д. Петрищева» (изд-во «Мысль», 1922 г.), «Письма Короленко к И. П. Белоконскому».

В пометках Ленина выражены его взгляды на некоторые основные суждения Короленко, на сильные и слабые стороны подхода его к политическим проблемам.

В письме к Д. С. Протопопову (из сборника под редакцией Петрищева) Ленин сочувственно выделяет обличение писателей столыпинской реакции. Подчеркивает Ленин также его слова в поддержку левых партий, хотя они были раздавлены в годы реакции после 1905 г. «Бороться и быть побежденным не так глупо», — пишет Короленко. Данные мысли, безусловно, вызвали одобрение Ленина, который тогда настойчиво боролся против ренегатских, пессимистических представлений о путях развития освободительного движения.

Одновременно Ленин пронизательно подметил утопические моменты социального мышления Короленко, его попытки установить какую-то внеклассовую точку зрения. Высказываясь по поводу создания газеты «Русская воля», писатель правильно отмечал ее связанность с буржуазией, с кругами банкиров и промышленников. Однако он, неправомерно отвергая классовую точку зрения вообще, советует редакции подчеркнуть особо и сугубо, что газета постарается отделиться от классовой точки зрения.

Выделив эти слова, Ленин обнаружил слабую сторону политических взглядов Короленко, позднее приведшую писателя к позиции отрицания правомерности социалистической революции. В сборнике писем В. Г. Короленко к И. П. Белоконовскому протест Ленина вызвала кадетская фальсификация мировоззрения писателя, попытки растворить в общих фразах его конкретно-исторические противоречия и своеобразие.

Критические замечания Ленина относятся к основной мысли предисловия от редакции выраженной в утверждении, что в результате чтения этих писем «отчетливее и яснее станут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, — того писателя, которому в последние его годы единодушно глас родной литературы присвоил имя „совести русского общества“».

Ленин сопроводил это место замечанием: «... А брошюра его *за* войну 1917 года?!» (настоящ. том, стр. 724—725).

Тем не менее Ленин при самом критическом отношении к слабым сторонам взглядов Короленко чутко учитывал противоречивость духовных процессов в среде старой прогрессивной интеллигенции, трудность ее отрешения от исторически сложившихся предрассудков, от привычных прекраснородушных иллюзий. И это определяло в высшей степени бережное отношение Ленина к такой искренне правдоискательской старой интеллигенции. Заботой о писателе проникнута записка Ленина народному комиссару здравоохранения Н. А. Семашко с просьбой назначить специальное лицо, лучше известного врача, известного за границей, для отправки в Германию на лечение вместе с группой других советских деятелей и В. Г. Короленко.

С непосредственными впечатлениями от бесед с Лениным, от пронизательности его анализа противоречий в сознании интеллигенции в переломную революционную эпоху связан замысел пьесы Луначарского «Освобожденный Дон Кихот» (1922 г.). «Идея современного донкихотизма, — рассказывал Луначарский, — особенно ярко возникла в моем уме, когда я присутствовал при беседе между Владимиром Ильичем Лениным и М. Горьким»⁵⁷. В этой беседе Ленин говорил о «славных, добрых людях» из петроградской интеллигенции, сочувствие которых «всегда с угнетенными» и которые «всегда против преследований». Поэтому они готовы помогать и контрреволюционерам, если их преследуют революционные органы, и тем самым во имя абстрактно понятой добродетели обезоруживать революцию. Сам термин «донкихотство» стал тогда своего рода синонимом стремлений ряда представителей гуманистической интеллигенции стать над борьбой основных социальных сил. «Славным, добрым» человеком, осуждавшим насилие, но далеким от логики революции, был и Короленко.

Настоящий том «Литературного наследства» содержит новые ценные материалы для понимания характера и остроты дифференциации в писательской среде первых послеоктябрьских лет. Революция обострила, вывела наружу много лет назревавшие противоречия внутри разных литературных течений, разрушила узлы мучительных отношений. С большой искренностью сказал об этом А. Блок в ответе З. Гиппиус, ушедшей в стан белой эмиграции:

«Также только вкратце хочу напомнить вам наше личное: нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й, когда я еще мало видел и мало сознавал в жизни. Мы встре-

чались лучше всего во времена самой глухой реакции, когда дремало главное и выпалось второстепенное. Во мне не изменилось ничего (это моя трагедия, как и Ваша), но только рядом со второстепенным проснулось главное.

В наших отношениях всегда было замалчивание чего-то; узел этого замалчивания завязывался все туже, но это было естественно и трудно, как все кругом было трудно, потому что все узлы были затянуты туго — оставалось только рубить.

Великий Октябрь их и разрубил»⁵⁸.

Писатели, наиболее прочно связанные со старым миром, не приняли революцию, заняли враждебные антинародные позиции. Порвали связь с Родиной, эмигрировали Д. Мережковский, З. Гиппиус, А. Ремизов, К. Бальмонт, А. Аверченко, И. Бунин, Вяч. Иванов, Б. Зайцев, И. Шмелев, Е. Чириков, М. Арцыбашев, И. Северянин. Большинство из них яростно клеветали на революцию, всячески старались очернить русский народ, на все лады писали о «гибели» России.

Вплоть до настоящего времени идеологическая реакция навязывает свою тенденциозную концепцию развития Блока и ряда других писателей старшего поколения в революционную эпоху.

Вопреки исторической истине пытаются утверждать, будто бы во время тяжелой болезни Блока Советская власть не желала в чем либо идти ему навстречу. Реальные исторические факты и документы опровергают эту версию. Среди них видное место занимает впервые публикуемое письмо Луначарского в ЦК РКП(б) (копия В. И. Ленину), в котором высказывалась тревога о состоянии здоровья поэта: «По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем (...» (настоящ. том, стр. 292).

Политбюро ЦК РКП(б) под председательством Ленина 12 июля 1921 г. рассмотрело ходатайство Луначарского и Горького. Было вынесено решение поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении снабжения Блока продовольствием. Затем Политбюро постановило разрешить выезд Блока за границу, в Финляндию. Однако состояние здоровья поэта быстро ухудшалось, и он скончался 7 августа 1921 г. Вскоре после этого Луначарский выступил в Доме печати, где с горечью говорил, что друзья поэта недостаточно своевременно и настойчиво сообщали правительству о его болезни.

Публикуемые документы говорят о доверии советских руководящих кругов к Блоку, несмотря на то, что в то время были литераторы, которые, выехав по разрешению правительства за границу, выступали с разного рода антисоветскими акциями.

* * *

Политическая дифференциация и борьба в литературной среде с первых послеоктябрьских лет отражена также в ряде документов, относящихся к писателям, не принявшим революцию. В настоящем томе помещены материалы, касающиеся Арцыбашева, Бальмонта, Вяч. Иванова. В них воссоздается ход событий, о которых в историко-литературных изысканиях зарубежных «советологов» написано много тенденциозного, далеко от истины. Особенно настойчиво они распространяют версию о якобы сплошном недоверии Советского правительства к писателям, о полном запрещении их выезда за границу и общения с иностранными деятелями культуры, что будто бы создавало невыносимую атмосферу для их творческой жизни. В действительности же дело обстояло совершенно иначе.

2 июля 1920 г. М. Арцыбашев просит через некую Элеонору Диксон отпустить его за границу. Копия из секретариата Совнаркома прислана Луначарскому для решения вопроса по его усмотрению (настоящ. том, стр. 206). Даже при всем своем доброжелательном отношении к художественной интеллигенции Луначарский характеризует настроение Арцыбашева «в достаточной мере обывательски брюзгливым», не вызывающим желания заниматься устройством его личных дел. Но и это в тяжелых условиях блокады Советской страны не вызывает у народного комиссара намерения ограничить свободу Арцыбашева, запретить ему выезд за границу

Луначарский также содействовал выезду за границу К. Бальмонта. Понятно, он больше верил ему, нежели Арцыбашеву, поскольку Бальмонт многократно демонстрировал свои симпатии к революции, заигрывал с рабочей аудиторией, сочинял стихи во славу пролетариата. В письме к Луначарскому с просьбой о разрешении выезда с семьей за границу он уверял в своей симпатии к Советской власти, даже просил дать ему поручения учено-литературного или дипломатического свойства. Однако, вскоре после отъезда Бальмонта, в Москву дошли сведения о политически компрометирующем интервью, данном им в Ревеле одной из буржуазных газет. Луначарский болезненно переживал этот слух и принял меры, чтобы проверить его обоснованность. Узнав об этом, Бальмонт прислал наркому письмо (22 июля 1920 г.), где уверял в своей лояльности по отношению к Советской власти и благодарил за помощь в осуществлении заграничной поездки. Письмо заканчивалось словами: «До свидания в Москве. Преданный Вам К. Б а л ь м о н т» (настоящ. том, стр. 210).

Но свидание в Москве не состоялось. Бальмонт не выполнил своих обещаний. В дни кронштадтского мятежа, когда белая эмиграция вообразила, что Советская власть обречена, Бальмонт выступил с грубой антисоветской статьей. Затем последовали другие антисоветские акты, в частности, вместе с И. Буниним он напечатал в журнале «Avenir» (12 января 1929 г.) открытое письмо Р. Роллану, в котором порицал его приветствие «Русским братьям» в связи с 12-летием Октябрьской социалистической революции.

Из письма Луначарского Вяч. Иванову видно, что народный комиссар настойчиво хлопотал об увеличении ему денежного содержания для пребывания за границей. Когда, ввиду нехватки валюты, это оказалось невозможным, Луначарский обращается к Иванову с письмом, в котором подробно рассказывает о ходе дела, об участии Ленина, специально вызвавшего к себе для решения данного вопроса заведующего Госбанком т. Шейлмана: «Тов. Ленин,— сообщает Луначарский Вяч. Иванову,— сам попытался при мне найти какой-нибудь исход, но никакой исход найден не был. Возможна лишь посылка за границу лиц, имеющих свои собственные средства существования или возможность существовать с заработком заграничным. Мы со своей стороны можем давать только деньги думского образца» (настоящ. том, стр. 189).

Содержание и тон этого письма весьма показательны. Они иллюстрируют всюсокую гуманность Советского правительства даже к литераторам, политически далеким, но субъективно честным в своих воззрениях. Вяч. Иванов не возвратился в Советскую Россию, все более углубляясь в свои религиозно-мистические изыскания. Но он не участвовал в каких-либо антисоветских выступлениях.

Обращение к историческим документам показывает, что судьба подобных писателей реально совершенно не похожа на тенденциозную картину или схему, которую назойливо штампуют предвзятые литературоведы-советологи. Ряд писателей выпал из литературного процесса своей страны не вследствие лишения их условий для творческой деятельности, а в силу антиреволюционности своих позиций, стремления противопоставить себя советскому строю.

* * *

Формирование социалистической культуры явилось сложным процессом. Непосредственно после Великой Октябрьской социалистической революции, а также в начале 20-х годов существовали различные направления и группировки, пытавшиеся под видом революционной культуры развивать односторонние сектантские взгляды. Футуристы, теоретики Пролеткульта, кубисты и сторонники других ультралевых группировок старались направить развитие молодой советской культуры и искусства по ложному пути.

Еще в 1919 г. Ленин говорил о выходцах из буржуазной интеллигенции, которые сплошь и рядом самые нелепые кривлянья выдавали за что-то новое, «и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преносилось нечто сверхъестественное и несурзное»⁵⁹.

Ряд документов, включенных в настоящий том «Литературного наследства», воскрешает эпизоды последовательной борьбы Ленина против вульгарных установок руководителей Пролеткульта. Раскрывая сектантский характер взглядов теоретиков Пролеткульта, он резко критиковал их претензии на автономию и вульгаризаторские взгляды на пути развития революционного искусства.

Луначарский не разделял сепаратистских стремлений руководителей Пролеткульта, их сектантских представлений о пути развития революционной культуры. Тем не менее он некоторое время занимал в этом вопросе примирительные позиции, не давая сразу отпора автономистским настроениям Пролеткульта, его далеко идущим претензиям.

Выступая, по поручению Ленина, на 1-м Всероссийском съезде Пролеткульта, он сделал явные уступки домогательствам руководителей Пролеткульта. Ошибочность примирительного выступления Луначарского была еще более очевидна в появившемся на следующий день отчете в газете «Известия», что, естественно, вызвало осуждение Ленина.

В ленинском проекте резолюции о Пролеткульте в 1920 г. подчеркивается необходимость связи искусства с идеями партии и Советского государства: «... Всероссийский съезд Пролеткульта самым решительным образом отвергает, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру, замыкаться в свои обособленные организации, разграничивать области работы Наркомпроса и Пролеткульта или устанавливать „автономию“ Пролеткульта внутри учреждений Наркомпроса и т. п.»⁶⁰

Сам Луначарский так вспоминал об эпизоде со съездом Пролеткульта: «Расходился со мной довольно резко Владимир Ильич и по отношению к Пролеткульту. Один раз даже сильно поборнил меня <...>

Владимир Ильич во время съезда Пролеткульта в октябре 1920 г. поручил мне поехать туда и определенно указать, что Пролеткульт должен находиться под руководством Наркомпроса и рассматривать себя как его учреждение и т. д. Словом, Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его и к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я средактировал довольно уклончиво и примирительно. Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес»⁶¹.

Совокупность этих обстоятельств вызвала объяснительную записку Луначарского «Необходимая поправка», датированную 8 октября 1920 г. и направленную в Совет Народных Комиссаров.

Луначарский писал:

«Довольно часто в газетных изложениях официальных выступлений на различных съездах и конференциях смысл речей оказывается измененным и подчас довольно значительно. Так случилось и с моей речью на конференции Пролеткульта, которая изложена в „Известиях“. Смысл изложения получился почти прямо обратный тому, что я сказал <...>

Смысл моей речи заключался <...> в указании на необходимость организационного сближения Пролеткульта с соответственными органами Наркомпроса.

В изложении же речь сводится чуть не к провозглашению еще большего отрыва работ Пролеткульта от общегосударственного русла, чем это было до сих пор» (настоящ. том, стр. 219—220).

Не исключая неточностей в изложении речи Луначарского в «Известиях», можно все-таки сделать вывод о том, что она была сформулирована недостаточно определенно.

Заявление Луначарского, что смысл его речи в газетном изложении оказался в значительной мере искаженным, еще более укрепило Ленина в необходимости исправить положение, и на съезде Пролеткульта была принята резолюция, правильно ориентирующая в путях развития новой, социалистической культуры.

В первые послеоктябрьские годы первостепенными вопросами в области культуры, на которых закономерно сосредоточилось внимание Ленина, были, с одной стороны, задачи критического усвоения наследия прошлого, с другой — определе-

ние основных принципов и путей формирования новой культуры революционной эпохи. Именно вокруг этих задач концентрируются политические и практические указания Ленина, круг и содержание принимавшихся под его руководством партийных и государственных решений, относящихся к вопросам культурного строительства.

Теоретики Пролеткульта, футуристы и другие пропагандировали вредную теорию искусственного лабораторного создания пролетарской культуры. Сектантски трактуя идею классовости искусства, они внушали нигилистическое отношение к искусству прошлого, отрицали значение классической литературы и революционных традиций.

Сложность положения в первые послеоктябрьские годы состояла в том, что нигилистическое отношение к классике многими воспринималось как выражение подлинно революционного отношения к наследию старого мира. С такой точкой зрения был связан один из главных тезисов пролеткультовцев и футуристов, утверждавших обособленность и замкнутость развития пролетарской культуры, необходимость варыва культурных ценностей прошлого. Ленин последовательно разоблачал несостоятельность, сектантский характер подобных теорий.

Столь большое внимание, которое Ленин уделял проблеме усвоения культурного достояния человечества, вызывалось жизненной потребностью обогащения духовного бытия народных масс.

Речь шла не только о сохранении культурных ценностей прошлого, но и об определении характера и содержания основных новаторских путей развития советской культуры. Отрицание накопленных человечеством духовных ценностей — давняя характерная черта всех декадентских и вульгарных нигилистических течений прошлого и современности, резко выявившаяся еще в конце XIX в. и особенно в первом десятилетии настоящего столетия.

Ленин показал, что пролетариат не сможет выполнить роль передового борца в строительстве социализма, если он в своей исторической миссии создателя социалистического общества не будет опираться на все подлинные завоевания предшествующей человеческой культуры.

В свете настойчивой борьбы Ленина за богатство культурного достояния народа, против нигилистических посягательств теоретиков Пролеткульта и футуристов на классическое художественное наследие, можно наиболее полно раскрыть смысл его отрицательного отношения к изданию большим тиражом поэмы Владимира Маяковского «150 000 000» (настоящ. том, стр. 281—282).

Критическое отношение Ленина к названной поэме Маяковского вызывалось серьезными причинами. В поэме «150 000 000», как произведении крупного художника, бесспорно можно найти замечательные строки и образы. Но в этом произведении, исполненном революционного энтузиазма, содержались нигилистические выпады против классиков, призывы к низвержению ценностей классической культуры. Пафос борьбы против буржуазной цивилизации порой перерастал у Маяковского во всеобщее отрицание классической культуры, в призывы разгромить, пустить по ветру «культурности конфетти» и т. п.

Футуристы демонстративно провозгласили себя единственными последовательными революционерами в сфере искусства. Претензии футуристов в этом смысле были поистине непомерными. Так, например, в одной из статей в газете «Искусство коммуны» заявлялось: «„Футуризм“ не только художественное движение, это целое мировоззрение, лишь базирующееся на коммунизме, но в итоге оставляющее его как культуру позади; футуризм — движение, углубляющее и расширяющее культурную базу коммунизма...»⁶²

Взгляды Луначарского на природу и место футуризма в развитии советского искусства не оставались одинаковыми, изменялись под воздействием пронизательной мысли Ленина и живого опыта художественного творчества революционной эпохи. В начале он возлагал надежды на активность футуристов, их стремление к раскрепощению творчества, которое дало бы свободу развития всех художественных течений. Если в 1918 г. в предисловии к сборнику произведений футуристов «Ржаное слово» он аттестовал их как воплощение революционной молодежи, то вскоре он приходит

к другим выводам. И нужно отметить, что во многом критическое отношение к футуризму вызывалось разрушительным характером шумной деятельности его приверженцев. Особенно наглядно сектантский смысл программы футуристов раскрылся в линии руководства ИЗО (Отдел изобразительных искусств) Наркомпроса. Наиболее подходящим руководителем ИЗО Луначарскому вначале казался назначенный на этот пост Д. Штеренберг. В настоящем томе впервые публикуется рекомендательная записка Луначарского Ленину с характеристикой Штеренберга, относящаяся к декабрю 1918 г. (стр. 93).

Под крылом Штеренберга ИЗО Наркомпроса возглавляли столь же воинствующие футуристы — О. Брик, Н. Пунин, Н. Альтман, В. Татлин, К. Малевич, подобравшие соответствующий по духу весь аппарат этого отдела. «Штеренберг, — сообщает об этом Луначарский, — немедленно принялся за освободительную реформу в русском искусстве. Вокруг „решительного модерниста“ Штеренберга сразу же образовалась группа „крайне левой“ молодежи. Поэтому народный комиссар просвещения, по его разъяснениям своей художественной политики, решительно поддерживал эту молодежь, собравшуюся вокруг т. Штеренберга, хотя часто видел и теоретические ошибки (выразившиеся, например, в заносчивых футуристических статьях петроградской газеты „Искусство коммуны“), и ошибки практические. <...>

Штеренберг много раз уверял наркома, что он держится в этом отношении нейтральной точки зрения на вещи, он указывал также, что крайние левые до переворота были в постоянном угнетении и самом обидном пренебрежении и что покровительство им объясняется необходимостью хотя бы на первое время выровнять линию, но, вопреки его собственной воле, молодые энергичные помощники его, так сказать, несли его слишком налево»⁶³.

Руководство Отделом изобразительных искусств провозгласило своей целью произвести революцию, «освободительную реформу в русском искусстве»⁶⁴.

Революция в искусстве ими понималась прежде всего как полное вытеснение реализма и других направлений в живописи, яковы как буржуазных, утверждение футуризма как государственного искусства. Столь разрушительные претензии высказывались даже в официальном органе Наркомпроса «Искусство коммуны». «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку»⁶⁵, — декларировал Н. Пунин, один из лидеров группы футуристов в ИЗО Наркомпроса. Выражая общую позицию претендентов на диктатуру в искусстве, Пунин заявлял: «...Мы действительно претендуем и, пожалуй, не отказались бы от того, чтобы нам позволили использовать государственную власть для проведения своих художественных идей»⁶⁶.

Сколько-нибудь действенных мер против безграничных претензий футуристов со стороны руководства Наркомпроса предпринято не было, что способствовало распространению их сектантских взглядов, болезненно сказывалось на настроениях широких кругов художественной интеллигенции.

Многие документы, относящиеся к переписке Ленина с Луначарским, раскрывают эту, мало освещенную сторону шумной псевдореволюционности футуристов. Нигилистическое отношение футуристов к подлинным духовным ценностям, призывы к взрыву классического наследия мешали сплочению творческих сил вокруг реальных задач социалистического искусства, вызывали превратное представление о сущности революции, о культуре новой эпохи. Не все, кому дороги были достоинства и судьбы художественной культуры, смогли сразу рассмотреть ложность ультралевых лозунгов футуристов, их чуждость подлинной созидательной сущности социализма. И это дезорганизовывало и оскорбляло многих художников, приводило к недоразумениям, подрывало их творческие силы.

Специфический характер состава и направленность ИЗО Наркомпроса привлекали пристальное критическое внимание Ленина и в дальнейшем. Показательна его запись во время доклада Луначарского на III сессии ВЦИКа 26 сентября 1920 г. о работе Наркомпроса. В этом докладе Луначарский, в частности, возражал против обвинений его в потворстве футуристам. «...Я никогда футуристом не был, — говорил он, — не являюсь футуристом и не буду футуристом. Я написал целый ряд статей,

в которых объявил футуризм своеобразным выражением буржуазной культуры» (настоящ. том, стр. 652).

Но в записях Ленина в связи с докладом Луначарского значится: «Художественный» отдел (футуризм)» (стр. 657).

В связи со сложившимся положением в ИЗО и реорганизацией Наркомпроса, Ленин дает указание Луначарскому:

«Художественный сектор оставить как единый сектор, поставив „политкомов“ из коммунистов во все центральные и руководящие учреждения этого сектора»⁶⁷.

Как народный комиссар по просвещению Луначарский, проводя политику объединения различных групп художественной интеллигенции, порой проявлял явное попустительство чрезмерным притязаниям ультралевых течений, их претензиям на монопольную руководящую роль в советском искусстве. Он не всегда учитывал, что на фронте художественной культуры сложилось весьма трудное, обостренное положение.

Действительно, Луначарский был сторонником реализма, часто критиковал крайности ультралевых течений. Убедительная логика жизни заставила его изменить свое отношение к футуристам. После письма ЦК РКП(б) о пролеткультах, в декабре 1920 г., Луначарский дает следующую критическую оценку футуризма:

«...» «Я хотел бы только, чтобы товарищи „левые“ в кавычках и в то же время левые без кавычек усвоили себе тот простой факт, что „левизна“ в искусстве явилась плодом нездоровой атмосферы бульваров буржуазного Парижа и кафе буржуазного Мюнхена, что этот футуризм с его проповедью бессодержательности, чистого формализма, с его криклянием, перескакиванием одного художника через голову другого, при поразительной монотонности приемов,— что все это есть продукт разложения буржуазной культуры»⁶⁸.

Совершенно очевидно, что и оценки Лениным явлений футуристического ультралевого характера не были результатом его чисто субъективных вкусов, а органически вытекали из его общего мировоззрения, неразрывно соединены с его общими принципами, которые он развивал в самых разных аспектах.

«Совершенно необходимо,— говорил В. И. Ленин,— приложить все усилия, чтобы не упали основные столпы нашей культуры, ибо этого нам пролетариат не простит»⁶⁹.

Изучение судьбы литературных группировок требует самого внимательного учета их дифференциации, их изменения под влиянием идей революции. Отношение Ленина к группировкам, к ряду их участников в послеоктябрьские годы наглядно раскрывает их эволюцию в условиях новой общественной и литературной среды.

Взгляды большинства наиболее талантливых и чутких художников не оставались неизменными, развивались. В частности, на Маяковского огромное воздействие оказали идеи и облик Ленина. Напомним его слова: «Я себя под Лениным чищу». Положительный отзыв Ленина вызвало его сатирическое стихотворение «Прозаседавшиеся». Причиной изменения отношения Ленина к Маяковскому (по словам Н. К. Крупской, Ленин «подобрел к Маяковскому»⁷⁰) явилось развитие под влиянием революции его творчества, органическое включение в строительство социалистической культуры.

Совершенно не случайно Луначарский в докладе Ленину об общем политико-экономическом и военном положении в Саратовской области дает отзыв о пьесе одного из «будетлян» Василия Каменского «Паровозная обедня», о которой тогда шли горячие споры. В. Каменский в то время уже являлся автором одной из первых историко-революционных пьес «Разин». Его пьеса «Паровозная обедня» была одной из первых попыток воплотить в сценических образах тему труда, могущество рабочего класса как основной созидательной силы истории.

«В Саратове,— сообщал Луначарский,— среди других, более важных дел натолкнулся я и на дискуссию в партийной среде по поводу незадолго перед тем поставленной в театре имени Карла Маркса драмы В. В. Каменского — „Паровозная обедня“.

Одни видели в ней прекрасный образец пьес в характере производственной пропаганды, другие усматривали какую-то мистику, фетишизм, поклонение предметам и т. п.

Я был очень благодарен товарищам, что они дали мне возможность лично посмотреть эту пьесу. Ни о какой мистике, ни о каком фетишизме тут не может быть и речи. <...>

Резюмируя, скажу: „Паровозная обедня“ — не шедевр, но как первое произведение в явно коммунистическом, пропагандистском и производственном духе это довольно удачно.

Ставить ее можно лучше, чем в Саратове (где, за исключением 3 актеров, она идет, впрочем, недурно), и ставить ее стоит, во всяком случае безусловно стоит напечатать и предоставить в распоряжение наших Политпросветов, ибо среди того водопада художественно абсолютного неудачных попыток производственного театра пьеса Каменского дадеко выдвигается вперед» (настоящ. том, стр. 494).

Этот отзыв Луначарского чрезвычайно интересен как документ истории советской драматургии. «Паровозная обедня» написана в индустриально-космическом духе, отличается отвлеченностью образов, символически воплощающих социальные явления и силы. Тем не менее пьеса эта иллюстрирует первые шаги, разнообразие творческих исканий молодой советской драматургии, первые попытки создания искусства, соответствующего революционной эпохе.

Произведениям В. Каменского свойственна пролеткультовски-футуристическая условность. Однако лучшие из них отличаются пафосом революции. По свидетельству Луначарского, Ленин знал Каменского и хорошо относился к некоторым его поэтическим произведениям. В статье о Каменском Луначарский утверждал:

«Самая ценная служба поэта Октябрю была именно поэтическая служба. Он чрезвычайно много выступал на широких народных собраниях и украшал их своим узорным, летучим, звенящим словом. Он написал первую производственную пьесу — „Паровозную обедню“, он написал первую революционно-историческую пьесу — „Разина“. Его сразу и сильно полюбили. Он стал известен и Владимиру Ильичу, которому его поэзия нравилась, хотя, как известно, вообще к „гражданам будетлянам“ Ленин относился критически и даже у самого Маяковского ему нравилось немного»⁷¹.

Движение времени, история неопровержимо раскрыли, насколько широкое, принципиальное значение имеют ленинские оценки футуризма, как глубоко определил Ленин сущность основных направлений развития художественной культуры современности.

Убежденность в том, что всестороннее развитие культуры народных масс возможно лишь на почве критического освоения всех духовных богатств человечества, всегда была глубоко присуща Луначарскому. Как литератор, ученый, государственный деятель, он проводил большую работу по осуществлению этой идеи.

В статье 1919 г. «Художественные задачи Советской власти» он писал: «Искусство прошлого все целиком должно принадлежать рабочим и крестьянам. <...> Нет такого произведения истинного искусства, т. е. произведения, действительно отражавшего в соответственной форме те или другие глубокие переживания человечества, которое могло бы быть выброшено из памяти и должно было бы рассматриваться как запретное для наследника всей старой культуры — трудового человека»⁷².

Ленин видел в социалистической революции гигантскую созидательную силу, и всякого рода нигилистические воззрения, трактующие революцию лишь как сплошную ломку и разрушение, — для него были неприемлемы. «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно „старое“, — говорил он. — Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что оно „старо“?.. Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде...»⁷³.

Основываясь на взглядах Ленина, Горький и другие выдающиеся революционные писатели ставили вопрос о путях дальнейшего восхождения социалистического искусства, о творческом овладении всеми богатствами художественной культуры человечества. Свою статью «О „Библиотеке поэта“» Горький заканчивает такими многозначительными словами: «...отказ от „истинно прекрасного как от исходного пункта для дальнейшего развития“ Владимир Ильич назвал „бессмыслицей, сплошной бессмыслицей“»⁷⁴.

Для осуществления широкой программы приобщения народных масс к богатствам художественной культуры прошлого и созданию нового, социалистического искусства под руководством Ленина был намечен и осуществлен ряд практических мероприятий.

Программный смысл в этом отношении имеет опубликованное в августе 1918 г. постановление Совета Народных Комиссаров о сооружении памятников деятелям культуры и искусства. В ряду их упомянуты имена Толстого, Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, Некрасова, Рублева, Кипренского, Мусоргского и других.

Последовательность взглядов Ленина на классическое художественное наследие прошлого наглядно сказалась на примере его отношения к изданию произведений Толстого. В условиях царской России было невозможно издание полного собрания его сочинений. В статье «Л. Н. Толстой» (1910 г.) Ленин писал: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету. нужен социалистический переворот»⁷⁵. После свершения этого революционного переворота Ленин явился инициатором издания полного (90 томов) собрания сочинений Толстого, которое осуществлено Государственным издательством художественной литературы (1928—1958 гг.).

Луначарский, председатель первой Государственной редакционной комиссии, писал об этом в статье «По поводу юбилейного издания сочинений Л. Н. Толстого»: «Вопрос о государственном издании полного собрания сочинений Л. Н. Толстого изучался и подготавливался Наркомпросом и другими государственными и партийными инстанциями в течение многих лет. Первый раз вопрос этот в государственном порядке стал на очередь еще в 1918 г., причем возбужден он был по личной инициативе В. И. Ленина»⁷⁶.

Большой научный и общественный интерес имеют впервые публикуемые документы, касающиеся отношения Советского правительства к 50-летию со дня смерти великого русского писателя-социалиста Александра Ивановича Герцена. В ознаменование этой даты Совет Народных Комиссаров 17 января 1920 г., под председательством Ленина, принял постановление об увековечении памяти Герцена и текст приветствия дочерям Герцена Наталье Александровне Герцен и Ольге Александровне Моно (настоящ. том, стр. 140).

3 августа 1920 г. М. П. Сажин (Арманд Росс) обратился к Ленину с докладной запиской, содержащей предложение об издании полного собрания сочинений М. А. Бакунина и просьбу о командировке за границу для использования архивных материалов.

На докладной записке Сажина с надписью «Луначарскому, 4 августа 1920 г.» — резолюция Ленина: «Я за разрешение. Прошу отзыва ВЧК и НКПрос. 4/VIII Л е в и н» (настоящ. том, стр. 211).

На запрос Ленина последовал ответ Луначарского 11 августа:

«Против самой посылки т. Сажина за границу Наркомпрос не протестует, но о сумме в 5 с лишком тысяч фунтов стерлингов из средств Наркомпроса сейчас невозможно и думать. потому что вообще при нынешнем финансовом состоянии Республики у нас не может специально найтись столько золота на издание сочинений Бакунина. Народный комиссар А. Л у н а ч а р с к и й» (стр. 214).

Через некоторое время Сажин обратился к Ленину с повторным заявлением — жалобой на Наркомпрос, который выделил валюту на меньшую сумму, нежели та, которую он запрашивал. На следующий день после получения письма Сажина Ленин направил записку на имя заместителя управляющего делами Совнаркома т. Смольянинова: «т. Смольянинов! Надо: 1) ускорить дело, 2) передать суду виновных за волокиту <...>»⁷⁷. По этому делу было произведено расследование, установившее, что никакой волокиты не было, что Наркомпросом было сделано все возможное, в пределах ограниченного запаса золотой валюты, находившегося в его распоряжении.

По возвращении из-за границы Сажин представил заместителю народного комиссара по просвещению М. Н. Покровскому докладную записку, из которой следовало,

что издание собрания сочинений Бакунина для него практически было непосильным (настоящ. том, стр. 302).

В следующем 1923 г. Совнарком предложил привлечь Сажина к изданию собрания сочинений Бакунина, которое было уже начато и позднее осуществлено Госиздатом.

Как известно, в настоящее время различные тенденциозные «советологи» усиленно распространяют вздорную концепцию, основанную на сближении взглядов Ленина и Бакунина. Освещение Лениным истории русского и международного социалистического движения неопровержимо раскрывает фальшивость этой концепции. Всячески разоблачая чуждость анархизма научному социализму, Ленин в то же время требовал изучения освободительного движения на основе последовательного историзма, воссоздания подлинной объективной его картины в различных направлениях, исканиях, заблуждениях, в борьбе различных тенденций. Этим объясняется его сочувственное отношение к замыслу издания сочинений Бакунина. Оно говорит об объективности и многосторонности восприятия Лениным процесса развития революционной общественной мысли, который он рассматривал в реальных противоречиях и сложности.

На примере творчества ряда писателей Ленин наглядно показал, что классические ценности — не мертвое наследие прошлого, а живая сила воздействия на общество, образное обобщение огромного жизненного опыта, содействующего решению актуальных вопросов современности.

Впервые в настоящем томе так обстоятельно освещена история создания под руководством Горького монументального плана издательства «Всемирная литература» и внимательного, непосредственного содействия Ленина его осуществлению.

* * *

Ленину принадлежит инициатива разработки плана монументальной пропаганды — установки в публичных местах памятников борцам освободительного движения, выдающимся деятелям общественной мысли, науки, литературы и искусства. Ленинский план монументальной пропаганды предполагал, кроме установки памятников, также создание мемориальных досок с надписями, изречениями, афоризмами передовых мыслителей и художников, содействовавших духовному обогащению народа, развитию его творческой инициативы.

Соответственно ленинскому замыслу, Луначарский представил в Совет Народных Комиссаров записку, в которой просил представить на обсуждение правительства вопрос о снятии памятников царям, не имеющих художественной ценности, и построении памятников борцам революции.

На основе приложенного к записке проекта постановления СНК 12 апреля 1918 г. с небольшими поправками принят декрет о памятниках борцам революции, подписанный Лениным, Луначарским и Сталиным. Специальной комиссии поручалось мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс проектов памятников. Той же комиссии поручалось спешно подготовить декорирование города и замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России.

Ряд записок Ленина Луначарскому и других документов показывают постоянное пристальное его внимание к реализации плана монументальной пропаганды. Вопрос этот много раз рассматривался на заседаниях Совнаркома. 20 июля 1918 г. Совет Народных Комиссаров утвердил список лиц, «воим предположено поставить монументы в городе Москве и других городах Российской Советской Республики».

Представители антиреалистических течений мешали осуществлению плана монументальной пропаганды, создавая чуждые народу произведения. Теоретики футуризма пытались также положить тень на сам замысел этого плана. «Сама идея ставить памятники великим героям революции не вполне коммунистическая идея»⁷⁸, — писал Н. Пунин.

В то же время лидеры футуристов пытались свалить вину за недостатки в области монументальной пропаганды на художников-реалистов. Так, Д. Штеренберг в «Отчете о деятельности отдела ИЗО Наркомпроса»⁷⁹, игнорируя творческие возможности скульпторов-реалистов, утверждал, будто бы неудовлетворительность работы по выполнению монументальной пропаганды связана, главным образом, с отсутствием художественных сил, что на всю Россию можно найти всего только трех-четыре скульпторов. Понятно, говоря о мастерах скульптуры, он имел в виду только представителей левых течений, создавая впечатление о несостоятельности художников других направлений. Однако один список видных скульпторов того времени, выразивших готовность участвовать в создании памятников деятелям революции, науки, общественной мысли и искусства, показывает необоснованность такого утверждения. Достаточно назвать такие имена, как Н. А. Андреев, С. М. Волнухин, С. Т. Коенков, И. Я. Гинцбург, Л. В. Шервуд, А. Т. Матвеев, С. Д. Меркуров, В. И. Мухина, С. С. Алешин, В. Ливев, В. А. Синайский, М. Г. Манизер, В. Н. Домогацкий, Т. Залькалнс, М. Я. Блох, А. Н. Блажиевич. Столь тенденциозный отчет Д. Штеренберга был подвергнут критике. Некоторые из авторов критических выступлений возлагали на ИЗО Наркомпроса прямую ответственность за срыв важного культурного задания Советского правительства.

Ряд публикуемых в настоящем томе документов связан с сооружением памятника Карлу Марксу. Советское правительство обсудило несколько проектов этого памятника скульпторов Меркурова, Алешина, Матвеева. В Петрограде, около Смольного, был установлен памятник Марксу работы скульптора Матвеева.

В результате переговоров для Москвы памятник К. Марксу был заказан Алешину в группе сотрудничавших с ним скульпторов. 1 мая 1919 г. состоялась торжественная закладка памятника, на которой выступил с речью Владимир Ильич Ленин.

Несмотря на большие трудности в ее осуществлении, сама идея монументальной пропаганды исторически выявила свою плодотворность. Она явилась одним из основных направлений реализации ленинского положения о принадлежности народу всех достижений культуры и искусства. На основании этой идеи в последующие годы развивались все виды советского монументального искусства.

* * *

Ленинская политика в области литературы и искусства предусматривает свободное творческое соревнование художников, создание наиболее благоприятных условий для выявления и расцвета художественных талантов.

Многие документы свидетельствуют о стремлении Луначарского обеспечить благоприятные условия для деятельности художников различных направлений, всячески поддерживать таланты выдающихся представителей русского искусства — Горького, Станиславского, Немировича-Данченко, Ермолову, Глазунова, Давыдова, Бенуа, Кустодиева, Метнера, Меркурова, Дени. Впервые публикуются обращения Луначарского к Ленину с просьбами о содействии как творческого, так и материально-бытового характера. Ленин обычно внимательно реагировал на подобные обращения наркома по просвещению.

Внимание к творчеству художников-реалистов Ленин проявлял многократно. В 1921 г. он оказывает помощь скульптору И. Я. Гинцбургу, работавшему над портретным бюстом Г. В. Плеханова.

Есть свидетельства, что Ленин с интересом относился к политической сатире Дени. В каталоге библиотеки Ленина в Кремле значатся номера журналов РОСТА — «Красная звезда» с карикатурами Дени. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о пребывании Ленина в 1923 г. в Горках сообщила: «Смотрел также дружеские шаржи Дени и всякие иллюстрации, которые раздобывала ему Мария Ильинична»⁸⁰.

Как и в других случаях, Ленин, в связи с просьбой Дени, дал указания, чтобы был правильно разрешен вопрос об удовлетворении нужд художника, внесшего значительный вклад в советскую политическую сатиру.

В свете новых материалов, публикуемых в настоящем томе, известные отрицательные суждения Ленина о Пролеткульте и футуризме получают более разностороннее осмысление в конкретной исторической взаимосвязи. Они с новой стороны свидетельствуют об активном содействии Ленина развитию реалистической литературы и искусства. Отдельные факты раскрываются как часть широких определяющих процессов в своем общем принципиальном значении.

Публикуемая в настоящем томе переписка по поводу заявления художников-реалистов Ленину о положении во ВХУТЕМАСе всесторонне характеризует обстановку, сложившуюся тогда в области искусства. Выясняются также некоторые обстоятельства, связанные с известными записками Ленина Луначарскому и Покровскому по поводу издания большим тиражом поэмы «150 000 000» Маяковского, с требованием «найти надежных антифутуристов». Существенные дополнительные оттенки вносятся в освещение известного по свидетельствам современников эпизода посещения Лениным ВХУТЕМАСа вечером 25 февраля 1921 г., характера содержания его беседы со студентами.

Материалы данного тома наглядно показывают, как исторически реализовалась идея партийности в решении вопросов культуры, литературы и искусства. Ленинская идея партийности предстает в своем живом конкретном движении как в указаниях общего характера, в широких теоретических установках и процессах, так и применительно к частным фактам явлениям и лицам. За деловыми, часто лаконичными строками партийных и государственных решений указаний, писем развертывается подлинная картина утверждения марксистской идеологии, формирования новой, социалистической культуры, литературы и искусства. Процессы исторического масштаба, определяющие жизнь миллионов людей, предстают в конкретных биографиях, судьбах и отношениях. Перед нами борьба, огромный труд, преодоление всякого рода противоречий, в которых история осуществляла свое поступательное революционное движение.

Документы показывают революционный ход истории, деятельность Ленина, партии, советского государства в борьбе с реакцией, разрухой, бедностью, отсталостью, социальной и духовной косностью. Из совокупности материалов рельефно вырисовывается могучий творческий пафос революции, пробуждение живых сил народных масс. В противовес всякого рода однобоким нигилистическим представлениям о революции как акте разрушения, Ленин подчеркивал созидательную сущность социалистической революции, ее великие «силы возрождения и обновления»⁸¹. Пониманием революции как могучей движущей силы освобождения и развития творческих сил народных масс определена историческая деятельность Ленина, его позиции во всех областях жизни — экономики, политики, культуры, литературы и искусства.

Публикуемые материалы касаются различных сторон деятельности Ленина, коллектива его сотрудников. Но повсюду исторически-конкретно воплощена важнейшая черта ленинского гения — сочетание трезвой бескомпромиссной правды с реальным конкретным действием во имя претворения в жизнь революционного социалистического идеала. Это отличает как постановления съездов и ЦК партии, государственные законы, подготовленные Лениным, так и его частные записки, касающиеся отдельных фактов и лиц.

Обращенность в будущее, перспективность характеристик и прогнозов развития социалистической культуры Ленин сочетал с трезвым пронизательным учетом конкретных условий реальной действительности. Он указывал на то, что рождение новой культуры социализма — процесс чрезвычайно сложный, полный противоречий и напряженных исканий.

Ленин утверждал, что в творчестве необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям художника, простора мысли и фантазии, формы и содержания. Но это не означает стихийности процесса формирования социалистического искусства. В известной беседе с К. Цеткин Ленин говорил о необходимости целеустремленного партийного руководства этим процессом.

Наши противники пытаются очернить принцип партийности, представить его predetermined сводом умозрительных правил, навязываемых работникам литературы и искусства.

Бесспорная истина документов показывает несостоятельность этой враждебной версии. Партийное руководство исходит из потребностей жизни, дает возможность наиболее полного выявления таланта и творческих возможностей художника. Мы видим, что ленинское партийное руководство процессами развития литературы и искусства прежде всего основано на верной ориентировке художника в сложных процессах действительности, направленности его на служение самому высокому идеалу искусства.

Ленин указывал молодой советской культуре путь наиболее плодотворного и свободного развития. Поэтому он настойчиво предостерегал работников культуры от двух опасностей — от идейной бесформенности, анархического индивидуализма и от сектантства. Он говорил Луначарскому:

« — Если вы позволите произойти процессу рассасывания наших коммунистических начал, если вы растворитесь в беспартийной среде, это будет величайшее преступление. Но если вы замкнетесь в сектантскую группку, в какую-то касту завоевателей, возбудите к себе недоверие, антипатию среди больших масс, а потом будете ссылаться на то, что они-де мешане, что они чуждый элемент, классовые враги. то придется спросить с вас со всей строгостью революционного закона»⁸².

Луначарский также подчеркивал необходимость величайшего такта в области руководства искусством. Он говорил об опасности администрирования, пристрастий, злоупотребления готовыми формулами, что может омертвить искусство, породить схематизм, ремесленничество.

В принципе партийности Луначарский видел высшее проявление революционной идейности и действенности художественного творчества. Он считал необходимой принадлежностью подлинного передового искусства высоту общественно-политического и этического идеала: «Наша партийность, — утверждал Луначарский, — входя в искусство, подымает его до высокого участия в переделке мира и человечества»⁸³.

Революция, по мысли Луначарского, в корне изменила отношение между государством и писателем, возвысила миссию художника, укрупнила его цели. Потому так много усилий крилик уделял определению нового типа художника, призванного запечатлеть рождение новой, социалистической эры.

Суждения Луначарского по вопросам литературы и искусства вызывают в наше время широкий общественный интерес. К сожалению, некоторые авторы и в наши дни, для подкрепления своих субъективных взглядов выдвигали на первый план как раз слабые, ошибочные его высказывания, которые сам он преодолел, считал пройденными в своей духовной биографии. Такие тенденциозные авторы специфически трактуют неверные формулировки Луначарского, противопоставляют период, когда он руководил искусством, последующим периодам истории советского искусства. В подобных сочинениях 20-е годы изображаются как время господства либерализма, а последующие периоды — как время утраты свободы развития советского искусства. Особенно настойчиво воскрешаются в таких сочинениях некоторые односторонние суждения Луначарского о свободе художника, его взаимоотношении с обществом и государством.

Как известно, наблюдаются некоторые попытки представить Луначарского чуть ли не сторонником автономности искусства от партии и государства, сторонником позиции незначительства в вопросы художественного творчества. Зачастую тенденциозно подчеркивается его «терпимость» к псевдоноваторским, антиреалистическим формам искусства, причем обычно эти рассуждения произвольно переносят на развитие художественного творчества наших дней. Встречавшиеся у Луначарского неясные формулировки нередко использовались для полемики с самим принципом партийного руководства литературой.

По вопросу о художественной политике были у Луначарского иногда и неверные высказывания. Так, одно время он склонен был отстаивать тезис о нейтральности государства по отношению к разным художественным направлениям. Это выливалось

на практике в примиренчество и чрезмерную терпимость к уродливым крайностям футуристов или ошибкам пролеткультовцев.

Но в основном позиция Луначарского была здоровой и плодотворной.

Зачастую весьма тенденциозно упоминаются слова Луначарского, что Ленин не считал себя специалистом в области искусства и свои художественные вкусы не считал обязательными для всех. «...В конкретных вопросах искусства, — писал Луначарский, — в вопросах вкуса Ленин был до чрезвычайности скромнен. Всякое свое суждение он обыкновенно сопровождал словами: „Я тут совсем не специалист“, или „это мое личное мнение: легко может быть, что я ошибаюсь“»⁸⁴.

Как правило, особенно старательно ссылались на это положение сторонники модернистских течений для оправданий разных видов безыдейности, пренебрежения к форме, безкрылого подражания чужим образцам, для обоснования своих попыток отвергнуть сам принцип партийного руководства искусством.

«Вместе с тем, — продолжает далее Луначарский, — я должен подчеркнуть, что лично я питаю огромное доверие к вкусу Владимира Ильича, и считаю, что и в этих областях, где он высказывался с такой чрезвычайной осторожностью и скромностью, он <...> неизменно был прав в своих суждениях»⁸⁵.

Мы видим, что обращение к авторитету Луначарского в тенденциозных целях совершенно необоснованно. Он искренне внимал голосу Ленина, всемерно старался проводить политику партии в сложнейшей литературно-политической обстановке послеоктябрьских лет. Под воздействием идей Ленина Луначарский определил свои более четкие позиции в вопросах художественной политики и решительно отверг попытки обосновать независимость искусства от государства, раскрыл иллюзорность беспринципного понимания «свободы» творчества. В своей государственной и литературной работе он основывается на ленинской идее о необходимости планомерно руководить процессом художественного развития.

Характеризуя значение статьи «Партийная организация и партийная литература», он пишет: «Несмотря на то, что со времени написания этой статьи прошло больше четверти века, она до сего времени ни на йоту не потеряла своего глубочайшего значения. Более того, основной принцип партийности литературы, служащей делу социалистического переустройства мира, в настоящее время так же актуален, как и разнурная в статье жесточайшая критика буржуазной литературы, как и пламенная характеристика будущей социалистической литературы, служащей миллионам и десяткам миллионов трудящихся. Статья „Партийная организация и партийная литература“, содержащая руководящие указания по вопросам литературной политики партии, лишний раз свидетельствует о том, как огромно было бы участие Ленина в тех жгучих литературных спорах, которые особенно широко развернулись после его кончины»⁸⁶.

Всегда свойственная Луначарскому большая любовь к Ленину, искреннее стремление глубже понять ход его мыслей, осуществлять его советы и указания, явились одним из главных движущих начал его деятельности в области культуры. Можно сказать, что самые блестящие выступления Луначарского связаны с творческим восприятием ленинских идей, способствовавших наиболее полному выявлению сильных сторон его литературного дарования.

Совокупность разнообразных исторических и человеческих документов наглядно показывает конкретно-историческое своеобразие формирования советской культуры.

Мы видим, как партийное руководство развитием советской культуры представляло совсем не сумму каких-то готовых определений, а напряженный, живой процесс, осуществлявшийся партией, большим коллективом людей, во главе с Лениным, основанный на творческом решении сложных вопросов. Процесс этот включал в себя непрерывные поиски, опирался на опыт реального развития нового искусства.

Ленинские принципы партийного руководства искусством не имеют ничего общего с менторством, администрированием, с какими-либо умозрительными догматическими ограничениями. Ленинское руководство литературой и искусством состоит прежде всего в умении вооружить его деятелей передовыми воззрениями, помогать им верно

разбираться в сложных процессах действительности, давать основанные на глубоком знании жизни и природы мастерства убедительные ответы на самые насущные, самые острые и сложные вопросы, встающие перед человечеством, и тем самым верно направлять их творческую деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы». М., «Наука», 1969, стр. 376.
- ² Там же, стр. 308.
- ³ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. М., «Советская Россия», 1968, стр. 84.
- ⁴ Там же, стр. 34.
- ⁵ Там же, стр. 34 — 35.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах. т. 2. М., Изд-во Академии педагогических наук, 1958, стр. 651.
- ⁸ П. Н. Лепешинский, На повороте. М., Госполитиздат, 1955, стр. 205.
- ⁹ Опубликовано в кн.: «Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни». СПб., изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904.
- ¹⁰ Ленин, т. 48, стр. 161.
- ¹¹ Луначарский, т. 7, стр. 93.
- ¹² А. Луначарский. Отклики жизни. СПб., 1906, стр. 160.
- ¹³ Там же, стр. 188.
- ¹⁴ Ленин, т. 12, стр. 133.
- ¹⁵ А. В. Луначарский. Критические этюды. Л., 1925, стр. 8—9.
- ¹⁶ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, стр. 43.
- ¹⁷ Ленин, т. 47, стр. 135.
- ¹⁸ Там же, стр. 144.
- ¹⁹ Там же, т. 18, стр. 367.
- ²⁰ Там же, т. 48, стр. 75.
- ²¹ Там же, т. 47, стр. 155.
- ²² «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 308.
- ²³ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, стр. 47—48.
- ²⁴ Там же, стр. 117.
- ²⁵ «Красная газета», 1946, № 87, 16 апреля.
- ²⁶ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, стр. 175—176.
- ²⁷ Ленин, т. 35, стр. 289.
- ²⁸ Там же, т. 38, стр. 55.
- ²⁹ А. Луначарский. Искусство и революция. М., «Новая Москва», 1924, стр. 37.
- ³⁰ А. В. Луначарский. Европа в пляске смерти. Изд-во «Международные отношения». М., 1967, стр. 9.
- ³¹ «Аполлон», 1917 № 6—7, стр. 84.
- ³² «Как работал В. И. Ленин». Сборник статей и воспоминаний. М., Партиздат, 1933, стр. 14.
- ³³ А. В. Луначарский. Ленин и литературоведение. М., 1934, стр. 39.
- ³⁴ Ленин, т. 38, стр. 24.
- ³⁵ «Коммунистический Интернационал», 1919 г., № 7—8, стр. 1071, 1076.
- ³⁶ И. Э. Грабарь. Моя жизнь. Автобиография. М.—Л., «Искусство», 1937, стр. 272, 274.
- ³⁷ Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, стр. 168—170.
- ³⁸ Там же, стр. 343.
- ³⁹ Ленин, т. 51, стр. 72.
- ⁴⁰ Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, стр. 332.
- ⁴¹ А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления, стр. 229.
- ⁴² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., Политиздат, 1968, стр. 298.
- ⁴³ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения, т. 8, стр. 93.
- ⁴⁴ Ленин, т. 52, стр. 133—134 и т. 53, стр. 179.
- ⁴⁵ «Вестник Коммунистической академии», 1935, № 3, стр. 39.
- ⁴⁶ Ленин, т. 53, стр. 92, 142.
- ⁴⁷ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. II, М., 1957, стр. 458.
- ⁴⁸ П. Н. Лепешинский. На повороте, стр. 111—112.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 11.
- ⁵¹ Ленин, т. 42, стр. 262—263.

- 52 «Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 682.
- 53 Ленин, т. 52, стр. 302—303.
- 54 И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. I, изд. 2, 1951, стр. 22—23.
- 55 Ленин, т. 51, стр. 47—48.
- 56 «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников». М., 1962, стр. 508.
- 57 А. В. Луначарский. На Западе. М., ГИЗ, 1927, стр. 84—85.
- 58 Александр Блок. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1955, стр. 729.
- 59 Ленин, т. 38, стр. 330.
- 60 Ленин, т. 41, стр. 337.
- 61 «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1967, стр. 667.
- 62 «Искусство коммуны», 1919 г., № 7, 19 января.
- 63 «Новый мир», 1966, № 9, стр. 238.
- 64 Там же, стр. 237.
- 65 «Искусство коммуны», 1918. № 1, 7 декабря.
- 66 Там же, № 4, стр. 6.
- 67 Ленин, т. 52, стр. 22.
- 68 Луначарский, т. 2, стр. 230.
- 69 «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1967, стр. 681.
- 70 «Воспоминания родных о В. И. Ленине». Госполитиздат. 1955. стр. 195.
- 71 Луначарский, т. 2, стр. 541.
- 72 А. В. Луначарский. Статьи об искусстве. М.—Л., 1941, стр. 507.
- 73 «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 456.
- 74 М. Горький. Собрание сочинений, т. 26, стр. 185.
- 75 Ленин, т. 20, стр. 19.
- 76 «Известия», 10 февраля 1928 г.
- 77 Ленин, т. 53, стр. 70.
- 78 «Искусство коммуны» 1918 г., № 4, 29 декабря.
- 79 «Изобразительное искусство». Пг., 1919, № 1, стр. 71—72.
- 80 «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1968, стр. 596.
- 81 Ленин, т. 35, стр. 258.
- 82 «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., «Художественная литература», 1967, стр. 677.
- 83 «Ученые записки Академии общественных наук при ЦК КПСС», вып. 39, 1958, стр. 331.
- 84 Луначарский, т. 8, стр. 456.
- 85 Там же.
- 86 Там же, стр. 463.

I
ПЕРЕПИСКА
ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО
(1905—1922 гг.)

ПИСЬМА
(1905—1917 гг.)

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ
(1917—1922 гг.)

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Флоренция. Вторая половина июня н. ст. 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам две статьи: одну, маленькую, о Мадзини¹, другую побольше — фельетон².

С тем вместе кончается первая серия исторических фельетонов и можно печатать брошюру³.

О возвращении моем в ближайшем будущем говорить не приходится⁴. Мне совершенно необходимо пожить около моря, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ к немалому моему огорчению здоровье мое оказалось несравненно более пошатнувшимся, чем я предполагал. Но ущерба Вам никакого не будет, писать буду много: статьи по три в неделю. К осени с рефератами приеду.

Будьте любезны, распорядитесь, чтобы мне выслали из библиотеки⁵ 2-томную историю 48 года на франц⟨узском⟩, кажется, Robinet⁶. Пусть вышлют также Лассалеву «Сущность конституции»⁷. И, если можно, на 3—4 дня 5 № «Русского богатства»⁸. Буду крайне благодарен. Там Русанов и Пешехонов machen sich breit* на наш счет.

Сегодня же переезжаю в Viaregio, и адрес мой будет (сообщите его и экспедиции) Viaregio. Poste Restante. Lunaciarsky⁹.

Крепко жму Вашу руку и очень желал бы письма от Вас, Василия Васильевича¹⁰ или Шварца¹¹ о том, каковы дела, что Плеханов, что наша Россия и т. п.?

Ваш В о и н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 169, лл. 1—2.

Является ответом на недошедшее до нас письмо Ленина к Луначарскому.

Вверху письма печаткой проставлена дата: 28 июня 1905 г. Очевидно, что это дата регистрации письма в женевской экспедиции газеты «Пролетарий».

Настоящее письмо — первое из немногих сохранившихся писем из переписки Ленина и Луначарского в период сотрудничества Луначарского в газете «Пролетарий» и самое раннее из сохранившихся писем Луначарского Ленину.

«Пролетарий» — нелегальная большевистская еженедельная газета, центральный орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Решением Пленума ЦК партии 27 апреля/10 мая 1905 г. ответственным редактором ЦО был назначен Ленин. «Пролетарий» издавался в Женеве с 14 мая по 12 ноября 1905 г. Вышло 26 номеров. Постоянное участие в газете в качестве редакторов и авторов принимали В. В. Воровский, Луначарский и М. С. Ольминский. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и был прямым преемником большевистской газеты «Вперед».

¹ Рукопись статьи Луначарского о Мадзини впервые обнаружена А. П. Трошиной. До последнего времени статья приписывалась Воровскому (см. настоящ. том, стр. 572—574).

* распространяются (нем.).

² Речь идет об окончании пятой и последней статьи под названием «Падение королевской власти» из первой серии статей «Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата». Эту серию популярных исторических статей для русских рабочих Луначарский писал по прямому заданию Ленина (см. настоящ. том, стр. 527). «Очерки» начали публиковаться (без подписи автора) в газете «Вперед». (Предисловие. — I. На заре Великой революции — № 2, 1/14 января 1905 г.; II. Взятие Бастилии — № 9, 23 февраля/8 марта; III. После взятия Бастилии — № 12, 16/29 марта; IV. Поход годовых женщин на Версаль — № 17, 9/22 мая и были затем продолжены в газете «Пролетарий» (V. Падение королевской власти — № 7, 27 июня/10 июля 1905 г.). Печатаение этой статьи было закончено в газете «Пролетарий», № 10, 20 июля/2 августа 190 г.

³ Все пять указанных выше статей составили вышедшую без имени автора брошюру «Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата», изданную ЦК РСДРП в Женеве в 1905 г. и представлявшую собой популярно написанную историю Великой французской революции.

Вслед за этой первой серией «Очерков» должны были, как видно из последующей переписки Ленина и Луначарского, появиться еще две серии статей: вторая — посвященная истории европейских революций 1848 г., и третья — об истории I Интернационала (1864—1876 гг.).

Первая статья из второй серии «исторических фельетонов» под заглавием «Февральская революция и ее последствия» была напечатана в «Пролетарий» № 20, 27 сентября/10 октября 1905 г. Затем, вследствие развития революционных событий в России и выезда Ленина в Петербург, издание газеты «Пролетарий» было прекращено, и вторая серия «Очерков» закончена не была.

Краткая история I Интернационала под заглавием «Из истории рабочего движения» появилась в самом конце 1905 г., в кратковременный период существования бесцензурной социал-демократической печати, в петербургском журнале «Образование» (1905, кн. 11—12, отд. I, стр. 257—286) и в следующем году была переиздана в виде отдельной брошюры под заглавием: «Очерк развития Интернационала» в издательстве О. Н. Поповой.

К заданию Ленина написать популярную историю революции 1848 г. в Европе и историю I Интернационала Луначарский вернулся вскоре после Октябрьской революции. В 1923 г. в коллективном сборнике «К 75-летию революции 1848 г. (1848—1923)» (М., «Красная новь», 1923, стр. 199—239) была напечатана его статья о революции 1848 г. в Италии, а в 1924 г. вышла его работа «Первый Интернационал. Инструктивный доклад на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП». М., «Рабочая Москва», 1924, 44 стр.

⁴ В начале июня 1905 г. у Луначарского обнаружили симптомы нервного переутомления и болезни сердца — следствие напряженной работы по подготовке III съезда партии. Тогда же он решил переехать в Италию для отдыха и лечения. В недошедшем до нас письме Ленин, очевидно, писал о том, что необходимо личное присутствие Луначарского в Женеве.

⁵ Речь в этом и других письмах идет о «Библиотеке и архиве РСДРП» в Женеве, где большевики-политэмигранты при активнейшем участии Ленина собрали большое количество литературы и документов по истории международного революционного движения. Подробную историю этой замечательной библиотеки написал В. Д. Бонч-Бруевич («Библиотека и архив РСДРП в Женеве». — «Красная летопись», 1932, № 3, стр. 106—134).

⁶ Очевидно, имеется в виду Шарль Робен (Charles Robin), автор книги «Histoire de 1848». Paris, 1849—1850, 2 v.

⁷ По-видимому, речь идет о брошюре: Ф. Л а с с а л ь о сущности конституции. Речь, произнесенная в одном Берлинском бюргерском окружном собрании в 1862 году. Женева, изд. Г. А. Куклина, 1903, 29 стр. («Ба-ка русского пролетария». № 33).

⁸ В № 5 «Русского богатства» за 1905 г. были напечатаны статьи Н. Кудрина (Н. С. Русанова) «Задачи современного мировоззрения труда. (Письмо из Франции)» и А. В. Пешехонова «Хроника внутренней жизни». Поскольку журнал вышел в условиях царской цензуры, вычеркивавшей любые упоминания о русской социал-демократической партии, находившейся в подполье, оба автора прибегли к «эзопову языку»: Пешехонов полемизировал с публицистом «Вестника Европы» Кузьминым-Караваевым, а Русанов писал о двух фракциях французского социалистического конгресса, так называемых «революционерах» и «реформистах». В действительности имелись в виду идейные и тактические разногласия между русскими большевиками и меньшевиками.

⁹ Виареджо — маленький курортный городок в Средней Италии на берегу Лигурийского моря, неподалеку от г. Лукка. Луначарский вместе с женой жил там в июне — октябре 1905 г. Об этом городке есть очерк Бориса Зайцева «Виареджо» («Петербургский альманах», кн. 1, Пб.—Берлин, 1922).

¹⁰ Василий Васильевич — псевдоним М. С. Ольминского.

¹¹ Шварц — псевдоним В. В. Воровского.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. 19 июня/2 июля 1905 г.⟩

Весьма благодарен Вам, дорогой Владимир Ильич, за книгу¹. Напишу еще 2—3 статьи о массовой политической стачке, а затем переделаю все пять в брошюрку². Только матриц не снимайте, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ нужна будет некоторая переделка и перестановка. Послал Вам статейку о Коммуне³, кажется, довольно доказательно. А Одесса, р⟨еволюция⟩!!!⁴

Ваш В о и н о в

ВВ. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне немедленно выслали №№ с обеими моими статьями о масс⟨овой⟩ пол⟨итической⟩ стачке⁵.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 175, л. 1. Почтовая открытка.

Является ответом на недошедшее до нас письмо Ленина к Луначарскому. Датируется на основании почтового штемпеля. Отправлено из Виареджо 2 июля 1905 г. В Женеве получено 3 июля 1905 г.

¹ По заданию Ленина Луначарский летом 1905 г. работал над серией статей о массовой политической стачке, публиковавшихся на страницах «Пролетарий» (см. наст. ящ. том, стр. 560). Ленину принадлежал не только общий план работы; он также рекомендовал или посылал Луначарскому различные литературные источники, необходимые для работы над статьями. Об этом сохранилось указание Луначарского в предисловии к невышедшему сборнику его статей из газет «Вперед» и «Пролетарий» 1925 г. (см. наст. ящ. том, стр. 599).

Какая книга была выслана Лениным в Виареджо, установить не удалось. Возможно, что это книга Ф. Лассаля «О сущности конституции» (см. и. 1, примеч. 7) или книга Г. Роланд-Гольст «Всеобщая стачка и социал-демократия» на немецком языке (см. и. 3, примеч. 1).

² Серия больших статей Луначарского под общим заглавием «Массовая политическая стачка» начала печататься (без подписи автора) с первого номера газеты «Пролетарий», вышедшего в свет 14/27 мая 1905 г. Следующие статьи печатались в № 4, 4/17 июня (статья вторая), № 9, 13/26 июля (статья третья), № 12, 3/16 августа (статья четвертая) и в № 17, 1/14 сентября 1905 г. (статья пятая). Очевидно, статьи предполагалось объединить в отдельную брошюру, и Ленин, как можно судить об этом по ответным письмам Луначарского (письма 9, 10, 13, 14, 16), был недоволен задержкой с печатанием статей и требовал быстрее их прислать, чтобы выпустить брошюру.

³ Статья «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» была напечатана в «Пролетарий» № 8, 4/17 июля 1905 г. без подписи автора. Ранее считалось, что автор ее неизвестен (см. Л е н и н, т. 11, стр. 462, примеч. 66).

Статья представляет собой историческую справку о деятельности Парижской Коммуны, о составе ее правительства, в которое вместе с представителями мелкой буржуазии входили рабочие-социалисты, видные деятели рабочего движения. Основная цель статьи — доказать ошибочность тактической линии меньшевиков, отрицавших возможность участия социал-демократов во временном революционном правительстве.

Сохранившаяся рукопись статьи носит следы редакторской работы Ленина. Он изменил ее заглавие, внес ряд поправок в текст и написал заключительную часть (см. наст. ящ. том, стр. 574—582).

⁴ Речь идет о восстании на броненосце «Потемкин», которое началось 14/27 июня 1905 г.

⁵ См. выше, примеч. 2.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. 5/18 июля 1905 г.⟩

Многоуважаемый Владимир Ильич!

Я Вам посылаю 2 статьи о Р⟨оланд⟩-Гольст, но теперь я узнал, что, быть может, вся книжка¹ выйдет на русском языке. Если Вы находите, что при таких условиях давать изложение ее в «Пролетарий» бесполез-

но², то я вышлю лишь одну статью о ней с критикой не совсем правильных мыслей автора об отнош(ении) всеобщ(ей) стачки и вооруженного восстания в России³. Черкните.

Ваш В о и н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 184, л. 1. Почтовая открытка. Является ответом на недошедшее до нас письмо Ленина Луначарскому. Датируется на основании почтового штемпеля. Отправлено из Виареджо 18 июля 1905 г. Получено в Женеве 19 июля 1905 г.

¹ Речь, по-видимому, идет об издании: Н. R o l a n d - H o l s t. Generalstreik und Sozialdemokratie. Mit einem Vorwort von Karl Kautsky. Dresden, Kaden, 1905.

Издания на русском языке 1905 г. не известны. В 1906 г. книга вышла в разных переводах на русский язык сразу в нескольких петербургских издательствах: Сирмунга, «Работник», «Молот», «Библиотека для всех» и др. В издательстве «Знание» перевод вышел под редакцией Луначарского: Г. Р о л а н д - Г о л ь с т. Всеобщая стачка и социал-демократия. С предисл. К. Каутского и вступ. статьей Г. Роланд-Гольст. Пер. с нем. СПб., 1906. 4, XXXII, 308 стр. (Дешевая б-ка т-ва «Знание», № 207).

Есть основания думать, что в качестве редактора серии популярных брошюр, выходящих в «Дешевой библиотеке» издательства «Знание», Луначарский был привлечен Лениным. См. Л е н и н, т. 12, стр. 417—418.

² Очевидно, Ленин писал об этом в недошедшем до нас письме Луначарскому. ³ Вероятно, Ленин (в утраченном письме) предложил автору выслать обе статьи о Роланд-Гольст, так как в третьей статье Луначарского из цикла «Массовая политическая стачка» («Пролетарий», № 9, 13/26 июля 1905 г.) имеются следующие строки:

«На днях на немецком языке вышло превосходное, крайне богатое содержанием исследование голландского товарища Генриетты Роланд-Гольст. Перевод этого сочинения на русский язык вряд ли может скоро воспоследовать, и мы считаем необходимым теперь же — и настолько, насколько это для нас возможно — ознакомить читателей „Пролетария“ с существеннейшими доводами и выводами книги („Генеральная стачка и социал-демократия“).

Критика ошибочных высказываний Г. Роланд-Гольст по поводу всеобщей стачки и вооруженного восстания в конкретных условиях России была дана Луначарским в пятой статье из той же серии «Массовая политическая стачка» («Пролетарий» № 17, 1/14 сентября 1905 г.). Луначарский писал: «Восстание народа и победа над верной правительству армией — вздорная утопия, но восстание народа и значительной части армии против кучки деспотов и грабителей — это действительность завтрашнего дня».

4

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. 14/27 июля 1905 г.⟩

Стихи Илиара (?)¹, дорогой Владимир Ильич, — испорченная публицистика, и их переводить не стоит. Мой приятель прислал мне стихотворение, которое я сегодня вышлю Вам². Анюте³ оно так понравилось, что она предлагает мне выдать его за свое и подписать: Воинов. Если оно понравится и Вам — тисните его в «Пролетарии». Во всяком случае, воспользуйтесь или нет, перешлите его Бончу для сборника⁴. Крепко, крепко жму Вам руку, дорогой товарищ. Брошюра Ваша⁵, как всегда, — прелесть.

Ваш В о и н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 188, л. 1. Почтовая открытка. Является ответом на недошедшее до нас письмо Ленина Луначарскому. Датируется на основании почтового штемпеля. Отправлено из Виареджо 27 июля 1905 г. Получено в Женеве 28 июля 1905 г.

¹ Фамилия (или псевдоним) написана крайне неразборчиво и чтение предположительно.

² О каком стихотворении идет речь — установить не удалось, но по контексту ясно, что автор его — сам Луначарский. В «Пролетарии» кроме стихотворения

«К юбилею 9 января» и баллады «Два либерала», принадлежавших перу Луначарского, других стихотворений нет.

³ *Анюта* — Анна Александровна, жена Луначарского.

⁴ *Бонч* — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Жена Бонч-Бруевича — Вера Михайловна Величина (псевдоним: В. Перова) в это время готовила к печати сборник революционных песен и стихотворений, который вышел в конце 1905 г.: В. П е р о в а. Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Женева, изд. «Искры», 1905.

В издательстве меньшевистской «Искры» сборник вышел без ведома его составителя. В 1903 г. Ю. Мартов был редактором первого варианта сборника, и, оставив его у себя, через два года неожиданно выпустил в свет. См. В. Д. Б о н ч - Б р у е в и ч. Избранные сочинения, т. II. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 286—287.

⁵ Речь может идти только о книге Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшей в свет между 19 и 25 июля/1 и 7 августа 1905 г. Возможно, Ленин послал ее Луначарскому еще в корректуру. В литературе сохранились свидетельства о том, что Ленин любил посылать своим близким товарищам работы, готовившиеся им к печати.

5

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. 19 июля/1 августа 1905 г.〉

Дорогой Анатолий Васильевич!*

Посылаю Вам новую брошюру Плеханова¹. Как мелки его выходки и «уколы» против махистов!² Для меня они тем досаднее, что, по существу, критика Маха мне кажется у Плеханова верной.

Думаю написать статью: «Новое выступление Г. Плеханова»³. Готовьте предисловие к своей брошюре: «Очерки из истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата»⁴. О французской революции выпустим особо⁵.

Из России есть письма ЦК, уповающие на Вашу литературную работу⁶. Трудно нам очень без Вашего постоянного и близкого сотрудничества. Газета, правда, идет, но и в ней есть некоторое однообразие. Это раз. А второе: брошюр нет, особенно популярных. Необходимо бы Вам продолжать в духе «Как петербургские рабочие к царю ходили?»⁷.

Моя брошюра выйдет на этой неделе. Пришлю Вам⁸.

Протоколы съезда⁹ в августе, верно, выйдут.

Василий Васильевич¹⁰ весь увяз в мелкой работе и не пишет, что крайне досадно.

Жму руку. Ваш Л е н и н

Л е н и н, т. 47, стр. 51—52.

Первое дошедшее до нас письмо Ленина Луначарскому. Отправлено из Женевы в Виареджо.

Датируется на основании п. 6, имеющего авторскую дату 2 августа 1905 г., где Ленин сообщает: «Вчера я отправил Вам „деловое“ письмо и просил отправить „Искру“ № 105 и Л. Фейербаха Плеханова». Речь идет о поручении Ленина экспедиции «Пролетария» или библиотеке РСДРП в Женеве отправить Луначарскому в Италию номер «Искры» и брошюру Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» в переводе и с предисловием Плеханова. Сам Ленин с этим номером «Искры» еще не успел ознакомиться (см. его примечание в тексте п. 6).

¹ Речь идет о втором издании на русском языке книги: Ф. Э н г е л ь с. Людвиг Фейербах. Пер. с нем. Г. Плеханова. С двумя прилож., с новыми объяснительными прим. и с новым предисловием переводчика. Женева, 1905. (См. Г. П л е х а н о в. Сочинения, т. XVIII, стр. 253—273).

² Предисловие Плеханова представляет собой критику русских учеников Э. Маха, которых Плеханов упрекал в незнании и непонимании Маркса и в эклектизме.

Пользуясь тем, что некоторые из большевиков, в частности Богданов и Луначарский, находились под влиянием идеалистической философии Маха и Авенариуса, Пле-

* Сокращенные написания имени и отчества Луначарского в письмах Ленина даются полностью.— *Ред.*

работу. Мыслью вам очень бы
намек и возражения и бы как
взвешивает. Гарма, правда, идея,
но и в ней есть и другое одно
разе. Это раз. А второе: про-
шорк ибу, осов. ионфедерак.
Непрямое да вам иродотель
вдурт "Как по рие х царю
годуба?"

Моя дружба будет на
эти недра. Прислать вам.

Продать сюда в абурт,
Сидур, Сидур

Нам. Нам. Нам. урду в иелко
раббат и не мина, что крайне
досадно.

Или руку Прислать

ханов неоднократно пытался перенести спор с большевиками по вопросам тактики революционного движения в философскую плоскость.

Ленин своевременно заметил соответствующим образом оценил эту новую тактику Плеханова. В докладе на III съезде РСДРП по вопросу об участии социал-демократии во временном революционном правительстве, 18 апреля/1 мая 1905 г., Ленин говорил:

«Не имея возможности доказать, что „Вперед“ хочет „критиковать“ Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенариуса. Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре. Уж не известно ли Плеханову, что Парвус стал сторонником Маха и Авенариуса? (С м е х.) Или, может быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенариуса» (Л е н и н, т. 10, стр. 134).

³ Статья, посвященная критике предисловия Плеханова к книге Ф. Энгельса, Лениным написана не была. Критику отдельных положений Плеханова в этой работе см. в «Материализме и эмпириокритицизме» (Л е н и н, т. 18, стр. 155—156).

В той же книге (стр. 377) Ленин отметил: «Плеханов в своих замечаниях против махизма не столько заботился об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму. За это мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий он уже поделом наказан — двумя книжками меньшевиков-махистов».

⁴ См. п. 1, примеч. 2. Первый цикл «Очерков из истории революционной борьбы европейского пролетариата», посвященный истории Великой французской революции, был закончен публикацией последней статьи в № 10 «Пролетария» 20 июля/2 августа 1905 г. О брошюре, составленной из этих статей, см. п. 7, примеч. 1.

⁵ Речь идет о второй серии статей Луначарского, посвященных истории европейских революций 1848—1849 гг. См. п. 1, примеч. 3.

⁶ Возможно, Ленин имеет в виду письмо члена ЦК РСДРП Д. С. Постоловского 26 мая 1905 г., в котором тот писал: «Было бы крайне желательно, чтобы под Вашим руководством Воинов по крайней мере раз в неделю писал общеполитический листок, который в рукописях рассылался бы по организациям для напечатания» (Л е н и н, т. 47, стр. 332, примеч. 61).

⁷ Ленин имеет в виду небольшую, написанную по его предложению брошюру Луначарского (В. Воинова), вышедшую в свет в марте — апреле 1905 г., «Как петербургские рабочие к царю ходили». Женева, изд. «Вперед», 1905. Текст брошюры с пометками Ленина см. в настоящ. томе, стр. 546—558.

⁸ Речь идет о книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

⁹ Книга «Третий очередной съезд Росс. соц.-дем. рабочей партии. Полный текст протоколов», Женева, изд. ЦК РСДРП, 1905, вышла в свет между 29 сентября и 3 октября/12 и 16 октября 1905 г. (См. Л е н и н, т. 47, стр. 392).

¹⁰ *Василий Васильевич* — М. С. Ольминский. Он исполнял обязанности ответственного секретаря «Пролетария».

6

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Женева. 20 июля/2 августа 1905 г.⟩

2.VIII.05

Дорогой Анатолий Васильевич! Вчера я отправил Вам «деловое» письмо ¹ и просил отправить «Искру» ² № 105 * и Л. Фейербаха Плеханова ⁴. Сегодня хочется побеседовать вне текущих делишек.

Плохое настроение у нашей публики в Женеве. Я удивляюсь часто, как немногого нужно, чтобы люди, не вполне самостоятельные и неприличные к самостоятельной политической работе, падали духом и ксерли. А киснут у нас женевские большевики отчаянно. Борьба идет серьезная, III съезд ⁵ вовсе не закончил ее, разумеется, а только открыл новую фазу ее, искровцы подвижны и суетливы, беззастенчивы по-торгашески, искушенные долгим опытом демагогии, — а у наших преобладает какая-то

* Говорят, передовица отчаянный вздор! Не напишете ли поскорее против нее? Если да, телеграфируйте ³.

«добросовестная глупость» или «глупая добросовестность». Не умеют бороться сами, неловки, неподвижны, неуклюжи, робки... Милые ребята, но ни к дьяволу негодные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты. Василий Васильевич⁶ крайне типичен в этом отношении: милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать *политиком*. Добер он уж очень, — даже не верится, что «Галеркины» брошюры⁷ писаны им. Боевого духа он не вносит ни в орган⁸ (все жалеет, что я не даю ему писать добрых статей о Бунде!⁹), ни в колонию.¹⁰ Какой-то дух нытья царит, и меня (я всего три недели на даче и езжу в город на 4—5 часов по *три*, а то и по *четыре* раза в неделю!) все упрекают, что у них дело не ладится, что меньшевики бойчее и т. д. и т. п.!!

А наш ЦК¹¹, во-1-ых, тоже не очень-то «политик», тоже добер слишком, тоже страдает недостатком цепкости, оборотливости, чуткости, неумением политически использовать каждую мелочь в партийной борьбе. А, во-2-х, он выпендренно презирает за границу¹² и всех лучших людей упорно не пускает сюда или берет отсюда. И мы оказываемся здесь, за границей, позади. Недостает фермента, толчков, импульсов. Не умеют люди действовать и бороться сами. Недостает ораторов на своих собраниях. Некому влить дух бодр, поставить вопрос принципиально, уметь поднять над Женевским болотом повыше, в область интересов и вопросов посерьезнее. И все дело страдает. В политической борьбе остановка есть смерть. Запросов тьма и они все растут. Новоисковцы не дремлют (теперь они еще «перехватили» прибывших в Женеву матросов¹³, заманивали их, вероятно, со свойственным им торгашеским рекламизмом в политике и усиленно *marktschreien* *, «утилизирюя» задним числом одесские события в пользу своей теории **). У нас сил *невозможно* мало. Вас(илий) Вас(ильевич) не знаю, когда будет писать, а как оратор и политический центр он ниже всякой критики, скорее сам распускает нить, чем встряхнуть людей и дать им педагогической нахлобучки. Шварц¹⁴ в отсутствии: пишет он отсюда усердно и хорошо, даже как будто лучше, чем здесь, но только пишет. А лично воздействовать на людей и уметь направлять публику и собрания он редко в состоянии даже тогда, когда в Женеве. Центр здесь большой, серьезный. Масса россиян. Тьма едущих. Лето даже особенно бойкий момент, ибо из бездны туристов-россиян, наезжающих в Женеву, есть известный процент людей, которых надо и можно использовать, встряхнуть, привлечь, направить.

Подумайте обо всем этом и черкните мне поподробнее (лучше по личному адресу: 3. Rue David Dufour). Помните, Вы писали: ущерб от моего отсутствия из Женевы не будет, ибо пишу много и издали¹⁵. Это так, что пишете много, и газету вести *кое-как* (но не более, чем кое-как, а нам чертовски нужно больше) можно. Но ущерб-то не только есть, но громадный ущерб, который яснее ясного чувствуется с каждым днем. Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим. А при противнике, располагающем за границей большими силами, мы с каждой неделей теряем столько, что и в месяц, пожалуй, не нагоним. Борьба за партию не кончилась, и до действительной победы ее не доведешь без напряжения всех сил...

Жму руку. Ваш Н. Ленин

Ленин, т. 47, стр. 52—54.

Письмо было послано из Женевы в Виареджо.

* зазывают в свою лавочку (нем.).

** *coterie* (франц.) — кружок, сплоченная группа лиц, преследующих узкогрупповые своекорыстные цели.

¹ См. п. 5.

² Имеется в виду меньшевистская «Искра». № 52 «Искры» вышел под редакцией одного Плеханова, а 13/26 ноября 1903 г. Плеханов единолично, нарушив волю II съезда партии, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков Аксельрода, Потресова и Засулич. С № 52 меньшевики превратили «Искру» в орган борьбы против марксизма, против партии, в трибуну для проповедей оппортунизма.

³ В № 105 «Искры» 15/28 июля 1905 г. была помещена передовая статья «Не начало ли поворота?», в которой проводилась мысль о необходимости для пролетариата после победы революции поддерживать буржуазное временное правительство. Критика этой передовой была дана Луначарским в статье «Они не оправдали ни надежд, ни опасений» («Пролетарий», № 13, 9/22 августа 1905 г.), где, возражая меньшевикам, он писал: «Веря слову врага, давать ему власть, требовать от него, ждать от него, что он будет служить той революции, которая несет ему смерть, — это план премудрый».

О работе над этой статьей см. п. 9.

Телеграмма Луначарского Ленину не сохранилась.

⁴ См. п. 5, примеч. 1.

⁵ Речь идет о борьбе большевиков с меньшевиками по вопросам теории и тактики русской революции.

III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12—27 апреля/25 апреля — 10 мая 1905 г. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в съезде и собрали в Женеве свою конференцию.

⁶ М. С. Ольминский.

⁷ *Галерка* — литературный и партийный псевдоним Ольминского в 1904—1907 гг.

В 1904 г., в период подготовки III съезда партии под этим псевдонимом были изданы две брошюры Ольминского «Долой бонапартизм!» и «На новый путь», направленные против меньшевиков. В том же году совместно с Рядовым (псевдоним А. А. Богданова) им была написана брошюра «Наши недоразумения». Ссылки на эти три брошюры имеются в работах Ленина периода 1904—1905 гг. Почти все статьи и брошюры Ольминского этого периода были собраны в 1933 г. в книге: М. С. О л ь м и н с к и й. Борьба за партию после II съезда РСДРП. (Сб. статей 1904—1905 гг.). М., Партиздат, 1933.

⁸ «Пролетарий».

⁹ *Бунд* («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России»), организованный в 1897 г., объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На II съезде РСДРП после того, как съезд отверг требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата, Бунд вышел из РСДРП. В 1906 г., на основании решения IV (Объединительного) съезда, Бунд вновь вошел в состав партии.

Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. Программному требованию большевиков о праве наций на самоопределение Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии.

¹⁰ Речь идет о женевской колонии политэмигрантов-большевиков.

¹¹ Имеется в виду Центральный Комитет партии, избранный на III съезде РСДРП.

¹² Большая часть членов ЦК (А. А. Богданов, Л. Б. Красин, Д. С. Постоловский, П. П. Румянцев) находилась в подполье в России.

¹³ Имеются в виду участники восстания на броненосце «Потемкин». После поражения восстания броненосец был интернирован в румынском порту Констанца, а члены его команды, объявленные царским правительством государственными преступниками, разъехались по разным городам Европы.

¹⁴ В. В. Воровский. По партийным делам он находился в Берлине в августе, сентябре и начале октября 1905 г.

¹⁵ Ленин цитирует по памяти письмо к нему Луначарского (см. п. 1).

7

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<Виареджо. Между 20 июля/2 августа и 3/16 августа 1905 г.>

Дорогой Владимир Ильич!

Вышлите мне все мои исторические фельетоны в корректуре что ли, вообще оттиском, и тогда я напишу предисловие или послесловие¹.

Брошюру, продолжение т(ак) ск(азать) первой², я могу написать только в таком случае, если Вы вышлете мне из библиотеки «Matin»³ за последние два месяца. Я, конечно, верну по использованию.

Прочитали ли Вы в 70 № «Рев(олюционной) Росс(ии)» заметки читателя, направл(енные) против нас? ⁴ Не думаете ли отвечать? ⁵

Плеханову я отвечу, но легально ⁶.

Передовицу ⁷ постараюсь прислать на днях, сейчас высылаю две небольшие статьи ⁸.

Как нашли стихи? ⁹

Жму Вашу руку.

Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 173, л. 1—1 об.

Является ответом на письмо Ленина (см. п. 5). Отправлено из Виареджо в Женеву.

Датируется на основании следующих данных: письмо не могло появиться ранее 20 июля/2 августа 1905 г., так как оно было непосредственным ответом Луначарского на письмо Ленина 19 июля/1 августа 1905 г. Одно из следующих писем Луначарского Ленину (п. 9), где говорится о высылке передовой статьи для «Пролетария» (в настоящем письме эта статья только обещается), написано не позднее 3/16 августа 1905 г.

¹ Речь идет об отдельном издании «Очерков из истории революционной борьбы европейского пролетариата» (см. п. 1, примеч. 2 и 3). К «Очеркам» Луначарским было написано «послесловие», и они были изданы отдельной брошюрой в Женеве в 1905 г. в издательстве ЦК РСДРП без обозначения автора.

² См. п. 5, примеч. 7.

³ «*Le Matin*» («Утро») — французская ежедневная буржуазная газета; основана в 1884 г. Последний номер вышел в августе 1944 г. В 1905—1907 гг. в газете помещались содержательные информационные статьи о революционных событиях в России, регулярно присылавшиеся петербургским корреспондентом газеты Гастоном Леру (Leroux). Эти корреспонденции использованы в ряде статей Ленина (см. Ленин, т. 10, стр. 508—509, т. 11, стр. 524).

⁴ «*Революционная Россия*» — нелегальная газета партии социалистов-революционеров; издавалась с конца 1900 г. в России. С января 1902 по декабрь 1905 г. выходила в Женеве как официальный орган партии эсеров.

В № 70 «*Революционной России*» 18 июня/1 июля 1905 г. напечатана анонимная статья «Из дневника читателя» (стр. 10—13), направленная против большевиков.

⁵ Эсерам Ленин ответил немного позднее в «Пролетарии» (№ 24, 25 октября/7 ноября 1905 г.), в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (Ленин, т. 12, стр. 39—48). В статье подверглась критике передовая «Ортодоксальные марксисты и крестьянский вопрос» из газеты «*Революционная Россия*» № 75, 2/15 сентября 1905 г.

⁶ Возможно, речь идет о предисловии Плеханова ко второму русскому изданию книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (см. п. 5, примеч. 1).

О каком ответе Луначарского Плеханову в легальной печати идет речь, — не установлено. В 1905—1907 гг. в своих философских работах Луначарский сначала защищал Маха и Авенариуса от критики марксистов, в том числе и плехановской критики, а затем излагал «богостроительские» идеи, неоднократно полемизируя с Плехановым.

⁷ Имеется в виду статья Луначарского с критикой передовицы меньшевистской «Искры» № 105 (см. п. 6, примеч. 3, п. 9, примеч. 1 и 2).

⁸ Ранее было известно, что памфлет «Свидание в Бьеркоз», напечатанный в «Пролетарии» № 12, 3/16 августа 1905 г., принадлежит Луначарскому. Из публикуемого письма мы впервые узнаем, что им послана еще одна «небольшая статья». Быть может, это статья «Фридрих Энгельс».

В этом же номере «Пролетария» появились две другие работы Луначарского: окончание статьи «Победа Японии и социал-демократия» и третья статья из цикла «Массовая политическая стачка», но они не могли быть названы «небольшими».

В статье «Фридрих Энгельс» можно отметить характерные для стиля Луначарского эпитеты и обороты речи: «Энгельс — один из замечательнейших людей последнего времени», он добился «изумительной, универсальной учености», работа — «могуче повлиявшая», «ни один педант, прилипший к своему письменному столу», «этот колоссальный человек» и т. п.

⁹ Возможно, запрос относится к стихотворению, которое было послано Луначарским Ленину 14/27 июля 1905 г. (см. п. 4, примеч. 2).

В «Пролетарии» № 13, 9/22 августа 1905 г. было напечатано стихотворение Луначарского «К юбилею 9 января».

ЛУНАЧАРСКИЙ
 Фотография
 Италия, 1905 г.

8

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈Виареджо. После 21 июля/3 августа 1905 г.〉

Дорогой Владимир Ильич!

Ваше письмо меня очень огорчило ¹. Я думал, что дела в Женеве идут лучше. Как я уже писал ², я непременно приеду осенью прочесть рефераты как в Женеве, так и в других крупных заграничных центрах ³.

Вы зовете меня в Женеву и ожидаете многого от моего личного воздействия. Владимир Ильич, я хорошо помню ⁴ это личное воздействие, — колоссальнейшая трепка нервов без всяких осязательных результатов. В Женеве я чувствовал, что глупею и слабею, здесь, в Италии, я пропасть

работаю⁵ и нагуливаю телесные и духовные силы, которые, несомненно, страшно понадобятся мне, когда нам, наконец, можно будет переехать в Россию. От переезда в Женеву я могу ждать только очень большого ущерба для меня как рабочей силы. Я, конечно, смог бы при этом непосредственно больше дать в той гвериллье⁶, которая там ведется, но, взвешивая про и contra*, думаю, что самое лучшее — поддерживать эту борьбу издали и наездами. Вы скажете, что это эгоизм. Пожалуй: но это разумный эгоизм, тот самый, который лучше всего совпадает с пользой делу. Инстинкт духовного самосохранения кричит во мне против Женевы и тем сильнее, чем больше я чувствую внутренний рост здесь. Весьма возможно, многие из моих здешних работ вам показались бы «излишнею роскошью», как пишет Плеханов о своей брошюре⁷, но я-то не разделяю этого мнения.

Мне будет очень горько, если Вы и другие мои дорогие друзья и товарищи по делу будут на меня сердиться, но so denke ich, anders kann ich nicht! **

Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Л.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 185, лл. 1—2.

Является ответом на письмо Ленина Луначарскому (п. 6). Отправлено из Виадреджо в Женеву.

Датируется на основании п. 6.

¹ Имеется в виду письмо Ленина 20 июля/2 августа 1905 г. (п. 6). Ленин обращал внимание Луначарского на важное значение, которое имеют в политической борьбе выступления на собраниях и личное воздействие на массы, и просил подумать о возможности возвращения в Женеву.

² Луначарский имеет в виду свое письмо Ленину (см. п. 1).

³ Кроме Женевы, большие колонии русских политических эмигрантов в 1905 г. находились в Цюрихе, Берне, Льеже, Париже, Брюсселе, Берлине, Мюнхене, Дармштадте и других городах Западной Европы.

⁴ Уже после Октябрьской революции Луначарский не раз вспоминал о своих рефератах 1904—1905 гг.:

«Как публицист я не был особенно плодovit — рядом с Лениным не приходилось писать слишком много: он с поразительной быстротой и уверенностью отвечал на все события дня. Много писал также Галерка. Зато как пропагандист идей большевизма, как устный полемист против меньшевиков я занял первое место и в Женеве, и в других городах Швейцарии, и в колониях русских эмигрантов во Франции, Бельгии и Германии. Разъезжал я неутомимо, повсюду посещая наши, порою столь крошечные, но всегда энергичные большевистские организации, повсюду грудью встречая натиск несравненно более компактной меньшевистской и бундовской публики и повсюду читая рефераты. <...> Жизнь эта меня утомила, но я считал своим долгом исполнять мою миссию странствующего проповедника и полемиста со всяческим рвением» (А. В. Луначарский. Воспоминания и впечатления. Сост., предисл. и примеч. Н. А. Трифонова. М., «Советская Россия», 1968, стр. 34—35).

В. Д. Бонч-Бруевич, вспоминая об одном из скандалов, которые устраивали меньшевики во главе с Ю. Мартовым в женевской колонии политэмигрантов в 1904—1905 гг., и об отношении к ним Ленина, писал: «Если уж Владимир Ильич, этот испытанный боец и полемист, не мог более вытерпеть этой полемики, — а что только не приходилось ему выслушивать в своей жизни на рефератах! — не мог отнестись иначе как с отвращением ко всем нападкам этого более чем истеричного человека <Мартова. — Ред.>, дававшего тон всей меньшевистской женевской колонии, то всем станет ясно, что делалось, что творилось и какова была атмосфера в нашей политической жизни того времени в этой далекой Женеве... Совершенно будет всем понятно, что всякий малейший повод, и личного и общественного характера, тотчас же давал импульс к новым и новым историям, отравлявшим всю нашу жизнь, от которых так хотелось уйти без оглядки» (В. Д. Бонч-Бруевич. Избранные сочинения. Том II. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 324—325).

* за и против (лат.).

** я думаю так, иначе я не могу (нем.). Луначарский перефразирует известные слова Мартина Лютера: «На том стою и не могу иначе».

⁵ В Италии Луначарский много занимался философией, историей итальянской литературы и историей искусства.

⁶ *Гверилья* или, правильное, *гверилья* (исп. *guerilla*, от *guerra* — война) — партизанская война в Испании и странах Латинской Америки. Луначарский здесь употребляет это слово, имея в виду борьбу большевиков против оппортуниста меньшевиков.

⁷ О какой своей брошюре и в какой статье Плеханов иронически отозвался как об «излишней роскоши», не установлено. В предисловии Плеханова к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» это выражение не встречается.

9

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Впярעדжо. Между 20 июля/2 августа и 3/16 августа 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам статью, если хотите передовую ¹. Она мне много крови испортила: я ее три раза переделывал, кажется, теперь удовлетворительна. Статьи искровской ² не исчерпал — не ⟨успел?⟩, но постарался нанести возможно более сильный удар в самое слабое место.

У меня есть к Вам большая просьба: заставьте кого-ниб⟨удь⟩ справиться и сообщить мне цифры: военно-морской бюджет России и ее бюджет по Мин⟨истерству⟩ нар⟨одного⟩ пр⟨освещения⟩ и затем % грамотности ³. Очень прошу.

На днях вышлю 2-й фельетон о 1848 г. ⁴ Этим годом занимаюсь серьезно, он для нас необыкновенно поучителен. Кроме того, вышлю конец о стачке ⁵. Попрошу затем выслать мне по экземпляру тех №№ «Пролетария», где напечатаны статьи о стачках, чтобы переработать все в брошюрку ⁶.

Плеханову готовлю ха-арошенькую отповедь ⁷. В пределах сыновнего почтения, разумеется.

Ваш А. Л.

Поклон Надежде Константиновне!

Р. С. С нетерпением жду нашего плана ответа на Булыгинский обман ⁸. План «Искры» широк и смел, хотя ужасно обще и нелепо намечен ⁹. Я в этом вопросе еще совсем не разобрался. Думается, что «сорвать» Думу надо во всяком случае, тут 106 № заврался, но нам бы так сорвать, чтобы самим вперед рвануться! ¹⁰

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 191, лл. 1—2. Послано из Впярעדжо в Женеву.

Датируется на основании следующих данных: письмо не могло быть отправлено ранее 20 июля/2 августа 1905 г., так как оно написано после п. 7, где Луначарский еще только обещает выслать передовую статью, которая высылается вместе с настоящим письмом. Не могло оно быть написано и позднее п. 11 (3/16 августа 1905 г.), так как в нем говорится об «Искре» № 106, в то время как письмо 3/16 августа 1905 г. передает впечатление Луначарского от знакомства с только что полученной «Искрой» № 107.

¹ Статья Луначарского «Они не оправдали ни надежд, ни опасений» с критикой оппортунистической тактики меньшевиков по отношению к временному революционному правительству была напечатана в «Пролетарии» № 13, 9/22 августа 1905 г. в виде фельетона (см. п. 6, примеч. 3).

² Луначарский писал о передовой статье «Искры» № 105 «Не начало ли поворога?»

³ В статьях Луначарского, напечатанных в «Пролетарии», так же как и в тексте других анонимных статей газеты, этих данных о бюджете царской России не обнаружено.

⁴ Возможно, что этот «2-й фельетон о 1848 г.» написан не был. В «Пролетарии» (№ 20, 27 сентября/10 октября 1905 г.) был напечатан (без подписи) первый и единственный фельетон Луначарского о революции 1848 г. под заглавием «Февральская революция и ее последствия».

⁵ Речь идет о пятой и последней статье Луначарского из серии статей «Массовая политическая стачка», печатавшихся в «Пролетарии» (см. п. 2, примеч. 2).

⁶ См. п. 2, примеч. 2. Последнюю статью о стачках Луначарский, ушедший с головой в занятия философией (см. п. 14), написал с большим запозданием, и его брошюра о массовой политической стачке издана не была.

⁷ Речь идет об ответе на предисловие Плеханова ко второму русскому изданию работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» (см. п. 5, примеч. 1, и п. 7, примеч. 6).

⁸ Чтобы сорвать нараставший в России революционный подъем, по указу царя 18 февраля/3 марта 1905 г. под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина была создана особая комиссия из крупных помещиков, которая должна была подготовить закон о созыве Государственной думы. 6/19 августа 1905 г. были опубликованы царский манифест и закон об учреждении Государственной думы. Избирательные права для выборов в эту Думу были предоставлены только помещикам, капиталистам и небольшому числу крестьян-домохозяев. Характеризуя булыгинскую Думу, Ленин писал, что она представляет собой «самое наглое издевательство над „народным представительством“» (Л е н и н, т. 11, стр. 182—183).

Большевики призвали рабочих и крестьян к активному бойкоту булыгинской Думы, сосредоточив всю агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство.

План действий большевиков по отношению к булыгинской Думе был впервые определен в статье Ленина «Бойкот булыгинской Думы и восстание», опубликованной в № 12 «Пролетария» 3/16 августа 1905 г. (Л е н и н, т. 11, стр. 166—174).

⁹ В передовой статье «Искры» № 106, 18/31 июля 1905 г. «Оборона или наступление» была изложена тактика меньшевиков по отношению к выборам в булыгинскую Думу. Поддерживая бойкот выборов в Думу, «Искра» со своей стороны предложила организовать в противовес Думе «революционное самоуправление» в качестве «возможного пролога восстания». Меньшевики предложили создать рабочие агитационные комитеты для выборов своих народных депутатов, чтобы вслед за тем «покрыть страну сетью органов революционного самоуправления».

В отличие от Луначарского, который называл план «Искры» широким и смелым, Ленин в указанной выше статье «Бойкот булыгинской Думы и восстание» подверг уничтожающей критике этот путанный и явно авантюристический план меньшевиков: «Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождем революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления. Заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто вроде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух» (Л е н и н, т. 11, стр. 172).

¹⁰ По этому поводу Ленин писал в той же статье: «... Мы должны приложить все усилия, чтобы бойкот принес реальную пользу в смысле расширения и углубления агитации, а не остался простым пассивным отстранением от выборов. Эта идея довольно широко уже распространена, если мы не ошибаемся, среди работающих в России товарищей, выражающих свою мысль словами: *активный бойкот*» (Л е н и н, т. 11, стр. 169).

О политике «активного бойкота» писал также В. В. Воровский (псевдоним: П. Орловский), по заданию Ленина выпустивший в августе 1905 г. в Женеве брошюру «О Государственной Думе».

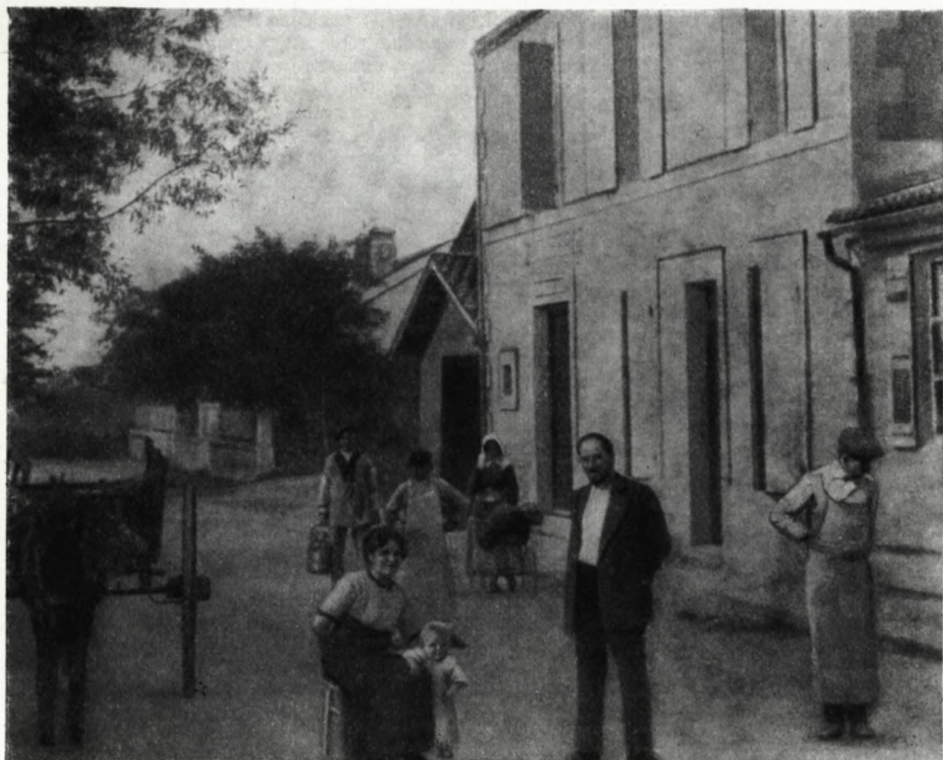
ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. Между 3/16 и 6/19 августа 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Высылаю Вам послесловие¹ и прокорректированные «Очерки»², ужасно обидно, если нельзя уже произвести корректурных поправок.

На днях вышлю конец статей о стачке³ и тогда попрошу выслать мне то, что было напечатано, + статью Шварца о стачке железнодорожников⁴; я переработаю все немного, и у нас будет еще одна популярная брошюра⁵. Вульгаризацию разногласий Кострова прямо читать не могу⁶. Чем думаете ответить? Ведь эта нахальная лжи и подлости может на некультурные умы, на мало осведомленных производить впечатление: ведь это черносотенная литература!

ЛУНАЧАРСКИЙ
Флоренция, 1905 г.
Фотография

Вашу брошюру еще не кончил⁷. Мне очень она нравится, но прочтут ли ее там, где будут читать костровский яд?⁸

Отчего так редко печатаете фельетоны? 48—49 год(ы) у меня будут интереснее прежних⁹. Хотя, перечтя, я вижу, что мои очерки удовлетворительны во многих отношениях.

Передайте мой привет Василию Васильевичу¹⁰ и Надежде Константиновне.

Напишите, на какую тему хотели бы Вы иметь брошюру?¹¹

Ваш В о и н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 202, лл. 1—2. Послано из Виареджо в Женеву.

Является ответом на недошедшее до нас письмо Ленина к Луначарскому с просьбой быстрее выслать предисловие к «Очеркам из истории революционной борьбы европейского пролетариата», так как текст брошюры уже набран.

Датируется на основании следующих данных: письмо могло быть написано не ранее 3/16 августа 1905 г., так как в п. 7 (между 20 июля/2 августа и 3/16 августа 1905 г.) Луначарский просил Ленина выслать ему все «исторические фельетоны» для того, чтобы он мог написать к ним предисловие. Письмо не могло появиться позднее 6/19 августа 1905 г., так как ответ на него Ленина (п. 12) был написан не позднее этого дня.

¹ Речь идет о послесловии к отдельному изданию «Очерков из истории революционной борьбы европейского пролетариата», печатавшихся Луначарским в газетах «Вперед» и «Пролетарий» (см. п. 1, примеч. 2 и 3, п. 5, примеч. 4).

² Рукопись прокорректированных Луначарским «Очерков» в архиве газеты «Пролетарий» не сохранилась. Текст отдельного издания «Очерков» совпадает с газетным текстом, очевидно, брошюра была сверстана до того, как автор прислал свои поправки вместе с послесловием.

³ См. п. 2, примеч. 2, и п. 9, примеч. 5.

⁴ Имеется в виду статья Воровского «Стачка железнодорожных рабочих в Италии», напечатанная без подписи автора в № 3 «Пролетария», 27 мая/9 июня 1905 г.

⁵ См. п. 2, примеч. 2, и п. 9, примеч. 6.

⁶ Речь идет о брошюре грузинского меньшевика Ноя Жордания (партийная кличка: Костров) «„Большинство“ или „меньшинство“», напечатанной с предисловием Ф. Дана в типографии «Искры» в Женеве в 1905 г. В брошюре проводилась меньшевистская точка зрения на историю раскола РСДРП с рядом лживых обвинений в адрес большевиков, как виновников раскола партии.

⁷ Имеется в виду работа Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», изданная в Женеве в начале августа 1905 г. (см. п. 4, примеч. 5).

⁸ Брошюра Ноя Жордания была адресована русским рабочим. Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», кроме Женевы, была издана в конце 1905 г. одновременно в Москве и Петербурге и выдержала еще несколько изданий. Таким образом, опасения Луначарского, что русские рабочие будут знакомы только с брошюрой Жордания, не оправдались.

⁹ См. п. 1, примеч. 2 и 3.

¹⁰ М. С. Ольминский.

¹¹ Очевидно, в недошедшем до нас письме Ленин предложил Луначарскому написать еще несколько брошюр.

11

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. 3/16 августа 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич! С отвращением и тяжелым чувством прочел 107 № «Искры»¹. Какое паскудное кривлянье у Мартова, какая прокурорская злоба у Старовера!² Какой, наконец, наглый тон по поводу нашего Портсмута³. Сдается, что наши Комитеты⁴ слишком утонченно дипломатничают. У коренных, вонючих искряков тон прямо уличающий и торжествующий. Зато Ваша победоносная брошюра меня утешила⁵.

Ваш А. Л.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 205, л. 1. Почтовая открытка.

Датируется на основании почтового штемпеля.

Отправлено из Виареджо 16 августа 1905 г. Получено в Аньере (Швейцария), где в это время находился Ленин, 18 августа 1905 г.

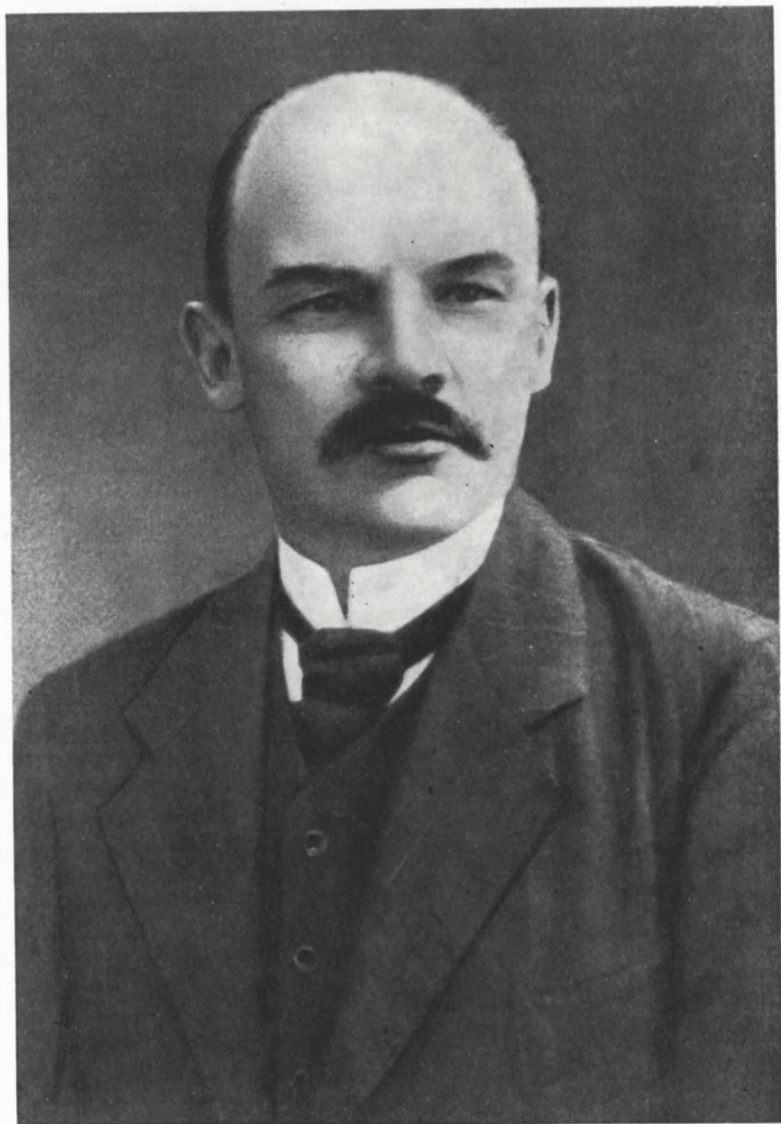
¹ В № 107 «Искры» 29 июля/11 августа 1905 г. среди прочих материалов были опубликованы: 1) статья Л. Мартова «На очереди. По поводу революционной репертуры», где он грубо издевался над брошюрой большевика В. Северцева (В. В. Филатова) Приложение тактики и фортификации к народному восстанию», изданной в 1905 г. в Женеве, и 2) статья Старовера «Наши злоключения. О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии».

² Старовер — псевдоним Александра Николаевича Потресова, одного из лидеров меньшевизма.

³ В г. Портсмуте (США) в это время происходили переговоры между правительственными делегациями России и Японии о заключении мирного договора.

Луначарский имеет в виду первое совещание ЦК РСДРП и меньшевистского центра — Организационной комиссии по вопросу объединения РСДРП, состоявшееся 12 июля 1905 г. Протокол этого совещания с соответствующими комментариями был опубликован в «Искре» № 107. Большевики на этом совещании выдвинули план объединения партии «путем достаточных взаимных уступок обеих частей партии»; протокол предусматривал организацию Центрального Комитета из представителей большевиков и меньшевиков, сохранение в качестве официальных органов партий «Искры» и «Пролетария».

⁴ Луначарский говорит о примиренцах из ЦК РСДРП (Л. Б. Красин, А. А. Богданов и др.), которые без ведома Ленина согласились на все условия меньшеви-

ЛЕНИН
Париж, 1910 г.
Фотография Е. Валлуа

ков об объединении партии (без съезда). Ленин узнал о ходе этих переговоров, как и Луначарский, только из протокола, опубликованного в № 107 «Искры». См. об этом письмо Ленина в Центральный Комитет РСДРП 1/14 августа 1905 г. (Л е н и н, т. 47, стр. 54—56). Точки зрения Ленина и Луначарского на поведение представителей ЦК РСДРП тут совпадали.

⁵ Книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (см. п. 4, примеч. 5).

12

ЛЕНИН—ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. Между 4/17 и 6/19 августа 1905 г.〉

Дорогой Анатолий Васильевич!

Получил Ваше письмо ¹. Пишите лучше на мой личный адрес: 3. Rue David Dufour.

Насчет костровской брошюры ² не знаю, как быть. Я еще не читал ее в печати, но по старой рукописи знаю, что это за фрукт. Вы вполне правы, что это именно «черносотенная литература». Как ответить?—спрашиваете Вы.

Василий Васильевич ³ написал заметку в «Пролетарий» — бледную, мне не хочется ее печатать. Олин ⁴ читал реферат и пишет тоже, — но он не сумеет. Тут нужны, по-моему, две вещи: во-1-х, «краткий очерк истории раскола». Популярный. С начала, с экономизма. С точными документами. С разделением на периоды: 1901—1903; 1903 (II съезд); 26. VIII. 1903—26. XI. 03; 26. XI. 03 — I. 04; I — VIII. 04; VIII. 04—V. 05; V. 05 (III съезд) ⁵.

Я думаю, это можно бы написать так ясно, точно, сжато, что прочли бы и те, к кому обращается Костров ⁶.

Во-2-х, нужна живая, резкая, тонкая и подробная характеристика (литературно-критическая) этих черносотенников. Ведь, в сущности, эта фальшь лежит в основе и у Л. М. ⁷ (читали безобразие в № 107? ⁸ Шварц отвечает статьей ⁹. Не знаю, стоит ли?) — и у Старовера ¹⁰. Надо бы собрать ряд таких статей и брошюр, осветить грубую ложь, поймать ее так, чтобы вывернуться было невозможно, пригвоздить и заклеить именно как «черносотенную литературу». Материалу теперь новоискрывцы дали массу, и если бы тщательно обработать его, осветить эти паскудные приемы *сплетни*, *наушничества* etc. etc. во всей их прелести, — то могла бы выйти сильная вещь. Одни эти глухие «личные намеки» Л. М. — какая это беспредельная гадость!!

За первую тему я, может быть, возьмусь, но не сейчас, не скоро; некогда * (а там, пожалуй, опоздает совсем!).

За вторую я бы не взялся и думаю, что могли бы сделать это *только* Вы. Невеселая работа, вонючая, слов нет, — но ведь мы не белоручки, а газетчики, и оставлять «подлость и яд» незаклейменными непозволительно для публицистов социал-демократии.

Подумайте об этом и черкните.

Брошюру о массовой политической стачке следует дать, — это Вам не трудно будет ¹³.

* Я теперь засяду за ответ Плеханову («Социал-демократ» № 2) ¹¹. Его надо разделать вовсю, ибо у него тоже тьма гнусностей и жалкие аргументы. Надеюсь, это мне удастся.

Затем у меня бродит в голове план популярной брошюры: «Рабочий класс и революция» ¹² — характеристика демократических и социалистических задач, затем выходы о восстании и временном революционном правительстве и т. д. Думается, такая брошюра необходима.

Следовало бы Вам непременно продолжить и популярные брошюры, выбрать какую-нибудь из тем повзлободневнее. Какую именно, — уже не знаю. О булыгинской Думе? Надо дожидаться опубликования¹⁴.

Хорошо бы об организации рабочих. Сопоставить наш устав (III съезд)¹⁵ и устав конференции¹⁶, разжевать, разъяснить идею, важность и способы *революционной* организации пролетариата (особенно для восстания), отличия партийных и примыкающих к партии организаций и т. д. Это бы отчасти и ответ Кострову был, популярный, для массы, на злободневную тему. Попробуйте-ка!

Крепко жму руку. Ваш Н. Ленин

Ленин, т. 47, стр. 57—59.

Является ответом на письмо Луначарского Ленину, написанное между 3/16 и 6/19 августа 1905 г. (см. п. 10). Послано из Женевы в Виареджо.

Датируется на основании следующих данных: письмо не могло быть отправлено ранее 4/17 августа 1905 г., так как содержит в себе замечания по вопросам, поднятым Луначарским в письме, которое могло быть получено Лениным не ранее 4/17 августа 1905 г. В то же время письмо нельзя датировать позднее 6/19 августа 1905 г., так как в нем Ленин предлагает подождать появления в печати положения о булыгинской Думе, а оно было обнаружено 6/19 августа 1905 г.

Во всех предыдущих изданиях, а также и в последнем (Ленин, т. 47, стр. 57—59) это письмо датировано не ранее 2/15 августа 1905 г. на основании упоминания Лениным № 2 «Дневника социал-демократа» Плеханова, вышедшего из печати 2/15 августа 1905 г.

¹ Речь идет о п. 10.

² См. п. 10, примеч. 6.

³ Ответ Ольминского в «Пролетарии» помещен не был.

⁴ *Олин* — псевдоним Пантелеймона Николаевича Лепешинского. В 1903—1905 гг. Лепешинский жил в Женеве, где принимал активное участие в устных и печатных дискуссиях с меньшевиками. Написал воспоминания об этом периоде истории партии (см. его книгу «На повороте», М., Госполитиздат, 1955).

⁵ Дата 26 августа 1903 г. связана с неудавшейся попыткой привлечь к работе в «Искре» литераторов-меньшевиков; дата 26 ноября 1903 г. — с последней попыткой, путем ультиматума ЦК РСДРП удержать меньшевиков в рамках устава партии. Об этом периоде Ленин говорил в письме к Г. Грейлиху: «... Меньшинство после съезда отказалось работать под руководством выбранных съездом центров.

Этот бойкот продолжался три месяца, с конца августа 1903 г. по конец ноября 1903 г.» (Ленин, т. 9, стр. 233).

Другой период: «26.XI.03—1.04», т. е. начиная с выступления Плеханова в № 52 «Искры» со статьей «Чего не делать» и кончая январской (1904 г.) сессией Совета партии, определен Лениным в письме к Грейлиху как период измены Плеханова и новой «Искры» идеям старого искровства (см. там же, стр. 234—235).

Период «I—VIII.04» — период развертывания дезорганизаторской деятельности тайной меньшевистской организации, заканчивающийся изменой со стороны примиренческого ЦК.

Наконец, период «VIII.04—V.05» — период консолидации большевистских организаций на местах, ознаменовавшийся созданием Бюро комитетов большинства (БКБ) и газеты «Вперед» и закончившийся созывом III съезда партии.

⁶ Т. е. рабоче.

⁷ Л. М. — Мартов. См. п. 11, примеч. 1.

⁸ Ленин и Луначарский (см. п. 11) одновременно делятся своими впечатлениями о только что прочитанном № 107 «Искры».

⁹ Статья Шварца (Воровского) с критикой Мартова в «Пролетарии» не обнаружена. Ленин ответил на выпады Мартова в статье «Черные сотни и организация восстания», напечатанной в «Пролетарии» № 14, 16/29 августа 1905 г. (Ленин, т. 11, стр. 189—193).

¹⁰ См. п. 11, примеч. 1 и 3.

¹¹ Ленин имеет в виду «Дневник социал-демократа», неперIODический сборник, издававшийся Плехановым в Женеве с большими перерывами. С марта 1905 по апрель 1912 г. вышло 16 номеров и в 1916 г. еще один номер.

О первом выпуске «Дневника» Ленин писал в апреле 1905 г. П. А. Красикову: «Видели плехановский „Дневник“? Какой грустный тон резиньяции! Жаль старика, сердится зря, а хорошая башка...» (Ленин, т. 47, стр. 28).

За полгода, однако, Плеханов настолько отделился от большевиков, настолько враждебно повел себя по отношению к ним, что Ленину пришлось взяться за перо, чтобы «разделать» его «вовсю» за «тьму гнусностей и жалких аргументов».

В № 2 «Дневника социал-демократа» (август 1905 г.) Плеханов поместил две большие, направленные против большевиков, статьи: «Враждующие между собою братья» и «Выбранные места из переписки с друзьями. (Письмо в редакцию газеты „Пролетарий“)» (см. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XIII, стр. 273—318). В «Выбранных местах» Плеханов, отвечая на статью Ленина «О Временном революционном правительстве. Статья первая. Историческая справка Плеханова» (см. Л е н и н, т. 10, стр. 227—241), обвинял большевиков в бланкизме.

Сохранилось два наброска статьи или брошюры Ленина с заголовком «Плеханов и новая „Искра“» («Ленинский сб.», V, стр. 360—366), однако работа осталась незаконченной, хотя о своем намерении написать ответ Плеханову Ленин сообщил также Воровскому (см. Л е н и н, т. 11, стр. 434).

¹² План брошюры на тему «Рабочий класс и революция» Ленин разработал (см. Л е н и н, т. 11, стр. 410—411), но брошюра на эту тему написана не была.

¹³ См. пп. 2, 9 и 10 и примеч. к ним.

¹⁴ См. п. 9, примеч. 8.

Царский манифест, закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в нее впервые были опубликованы в «Правительственном вестнике» № 169, 6/19 августа 1905 г.

16/29 августа 1905 г. в «Пролетарии» была напечатана статья Ленина об этих документах под ироническим заглавием «Единение царя с народом и народа с царем» (Л е н и н, т. 11, стр. 179—188).

¹⁵ См. п. 6, примеч. 5.

¹⁶ Имеется в виду конференция меньшевиков, происходившая в Женеве одновременно с III съездом РСДРП (съездом большевиков) в Лондоне.

13

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. Между 6/19 и 9/22 августа 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Написать вместе с Вами ответ меньшевикам я хотел бы ¹. Но в таком случае приступите немедленно к первой части брошюры и, как только прочтете, присылайте ее мне — я в два-три дня напишу вторую часть, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ подготовлю план и материалы, но, не имея перед глазами 1-ой, невозможно начинать писать ².

Кроме того, я начал популярную брошюру под заглавием «Три революции» ³. План: 1) К какой революции стремятся рабочие (Революция социальная), 2) Какую революцию могут рабочие сделать теперь же (Революция демократическая), 3) Какую революцию хотят подсунуть рабочим (Революция либеральная). Одобряете ли?

Из Вашего письма ⁴ я умозаключил, что Плеханов выпустил второй выпуск «Дневника» ⁵. Я его не получил, а очень хотел бы прочесть. Посылаю Вам статью о Кузьмине-Караванове ⁶. Завтра или послезавтра вышлю конец о массовой политической стачке ⁷. Когда вы напечатаете давно уже высланный мною 1-й фельетон о 48 годех? ⁸ Напечатаете ли статью о № 105 «Искры»? ⁹ Если нет — напишите сами: без ответа нельзя оставлять этого бессознательно изменнического шага ¹⁰. Напечатаете ли стихи? ¹¹ Если нет — перешлите их Бончу! ¹²

Ваш В о и н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 190, лл. 1—2.

Является ответом на письмо Ленина (п. 12). Послано из Виареджо в Женеву.

Датируется на основании следующих данных: письмо не могло быть послано ранее 6/19 августа 1905 г., так как это наиболее поздняя дата письма Ленина (см. п. 12) и одновременно самая ранняя дата возможного ответа на письмо Ленина 4/17 августа, так как из Виареджо в Женеву и обратно письма, судя по сохранившимся почтовым штемпелям, шли не менее двух суток. Письмо не могло быть отправлено позднее 9/22 августа 1905 г., так как в нем содержится запрос о статье, написанной Луначарским о № 105 «Искры». Статья же эта («Они не оправдали ни надежд, ни опасений») была напечатана в «Пролетарии» № 13, 9/22 августа 1905 г.

ЛУНАЧАРСКИЙ
Выборг (?), 1906 г.
Фотография

¹ См. п. 12.

² Совместная брошюра Ленина и Луначарского написана не была. См. п. 15.

³ Брошюра «Три революции» Луначарским написана не была, хотя общий план ее был одобрен и детализирован Лениным (см. п. 15).

⁴ См. п. 12.

⁵ Речь идет о втором выпуске «Дневника социал-демократа» (см. п. 12, примеч. 11).

⁶ Статья Луначарского о кадетском публицисте В. Д. Кузьмине-Караваеве «Цветы либеральных словопрений» не была напечатана; авторская рукопись сохранилась в личном архиве Луначарского, куда была передана из Института В. И. Ленина в 1925 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 2—7).

Известен другой экземпляр (список) этой статьи с правкой Ленина (см. настоящ. том, стр. 595).

⁷ См. п. 2, примеч. 2.

⁸ Статья Луначарского «Февральская революция и ее последствия» была напечатана в «Пролетарии», № 20, 27 сентября/10 октября 1905 г.

⁹ Речь идет о статье Луначарского «Они не оправдали ни надежд, ни опасений».

¹⁰ См. п. 6, примеч. 3.

¹¹ См. п. 7, примеч. 9.

¹² См. п. 4, примеч. 4.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Виареджо. Между 9/22 августа и 23 августа/5 сентября 1905 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Извините, что я не выслал до сих пор конец о массовой стачке¹, придется подождать с этим пару дней, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ я теперь захвачен первой главой большой легальной статьи под заглавием «Философские предпосылки марксизма»². В частности, глава, о которой я говорю, называется: «Два материализма, или Дитцген³ против Бельтова»⁴. Глава эта скоро будет окончена. Статья, кроме того, будет касаться и Богданова⁵ во второй главе: «Эмпириокритицизм и эмпириомонизм» и, наконец, неокантианских марксистов Нежданова⁶ и Давыдова в третьей главе: «Мы материалисты и идеалисты».

Вся эта очень трудная и очень увлекательная работа отнюдь не помещает моей работе в «Пролетарии» и задуманным брошюрам⁷. Дня через 2—3 я непременно вышлю большую статью о стачке⁸. Пока посылаю заметку о Кузьмине-Караваеве⁹.

Плеханов злится¹⁰. Очевидно, боги решили погубить его, ибо отняли у него разум¹¹. С нетерпением жду Вашего ответа¹². После него, быть может, я со своей стороны сделаю пару замечаний. О философии в нелегальной печати — ни гугу! Но в легальной — держитесь, почтенный метафизик-спинозист!¹³ Мы вас вашим же (и нашим, конечно) Энгельсом и учеником его Дитцгеном и собственными вашими ученическими противоречиями допечем! Заметили ли вы огорчительнейшие для соц⟨иалистов⟩-рев⟨олюционеров⟩ решения крестьянского конгресса в Москве?¹⁴ Надо бы отметить¹⁵.

По окончании конференции¹⁶ напишу статью «Портсмутская трагикомедия»¹⁷. А что происходит в нашем Портсмуте, где наши Ц-ковские Комуры обмениваются нотами с меньшевистскими Витте?¹⁸

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В о и н о в

Анюта¹⁹ кланяется.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 211, лл. 1—2.

Послано из Виареджо в Женеву.

Датируется на основании следующих данных: письмо отправлено не ранее 9/22 августа 1905 г., поскольку в нем упоминается «заметка о Кузьмине-Караваеве». Такое же упоминание содержится в п. 13, датируемом между 6/19 и 9/22 августа 1905 г. Письмо могло быть послано не позднее 23 августа/5 сентября 1905 г., так как оно написано до окончания Портсмутских мирных переговоров.

¹ См. п. 2, примеч. 2.

² Статья Луначарского «Философские предпосылки марксизма» напечатана не была.

³ Правильнее — Дитцген.

⁴ Бельтов — литературный псевдоним Плеханова.

⁵ От увлечения эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса А. А. Богданов пришел к созданию своей философской системы — эмпириомонизма («Эмпириомонизм. Статьи по философии», кн. 1—3, 1904—1906). Превосходство своей системы над системой эмпириокритицизма Богданов видел в том, что она не ограничивалась констатированием двух рядов опыта — физического и психического, а устанавливала генетическую связь и зависимость между ними путем отнесения «физического» ряда (природы) к опыту коллектива, а «психического» — к индивидуальному опыту. При идеалистическом понимании опыта эта теория приводила, в конечном счете, к отрицанию материалистической диалектики, к идеализму.

⁶ П. Нежданов — псевдоним Федора Андреевича Липкина — одного из лидеров меньшевизма, публициста, более известного под псевдонимом «Н. Череванин».

⁷ Речь идет о брошюрах «Три революции», «Массовая политическая стачка» и второй брошюре из серии «Очерки из истории революционной борьбы европейского

пролетариата». Сначала увлечение философскими вопросами, а затем отъезд Луначарского в Россию привели к тому, что ни одна из задуманных им и одобренных Лениным брошюр в свет не вышла.

⁸ См. примеч. 1.

⁹ См. п. 13, примеч. 6.

¹⁰ Луначарский имеет в виду выпады Плеханова против большевиков в статьях, помещенных в № 2 «Дневника социал-демократа» (см. п. 12, примеч. 11).

¹¹ Имеется в виду латинская пословица «Deus quos vult perdere dementat prius», т. е. «Кого бог хочет наказать, того сначала лишает разума».

¹² О своем намерении написать ответ Плеханову Ленин сообщал также Воровскому (см. п. 12, примеч. 11), но ответ не был написан.

¹³ «Метафизиком-спинозистом» Луначарский называет Плеханова в ироническом смысле, намекая на известную ошибку Плеханова, переоценивавшего материализм Спинозы. В ряде своих работ Плеханов утверждал, что «материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма», что «современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм» и т. п.

¹⁴ 31 июля — 1 августа (ст. ст.) 1905 г. в Москве состоялся учредительный съезд «Всероссийского крестьянского союза», прошедший под сильным влиянием либералов и носивший антиэсеровский характер. Многие крестьянские делегаты на съезде с неодобрением высказывались против нападков революционных агитаторов, главным образом, эсеров, на «батюшку-царя». В резолюциях съезда было записано решение об «известных границах» выкупа частновладельческих земель, выгодное либеральным помещикам.

¹⁵ Статья об уроках крестьянского съезда в Москве была написана В. А. Карпинским и появилась в № 25 «Пролетария» 3/16 ноября 1905 г.

¹⁶ Речь идет о русско-японских мирных переговорах в Портсмуте. По условиям договора царское правительство передавало Японии права на аренду Порт-Артура и Дальнего, уступало Южно-Маньчжурскую железную дорогу и южную часть Сахалина. За Японией признавалось право преобладающего влияния в Корее. Подписывая Портсмутский мирный договор, царизм стремился развязать себе руки для борьбы с революцией внутри страны.

¹⁷ Статья осталась ненаписанной. Вместо нее в «Пролетарии» (№ 17) появилась статья Воровского «Мир и реакция», характеризовавшая отношение большевиков к Портсмутскому мирному договору.

¹⁸ Луначарский имеет в виду переговоры о сотрудничестве, которые в июле-августе 1905 г. вели представители большевистского ЦК РСДРП и меньшевистской Организационной комиссии, уподобляя их тем дипломатическим переговорам, происходившим в Портсмуте между русской делегацией во главе с С. Ю. Витте и японской, которую возглавлял министр иностранных дел Японии Д. Комура (см. п. 11, примеч. 4).

¹⁹ См. п. 4, примеч. 3.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. Конец августа 1905 г.〉

Дорогой Анатолий Васильевич!

Чрезвычайно обрадовался Вашему плану брошюры: «3 революции»¹. Бросьте-ка Вы лучше пока ответ Плеханову²: пусть этот обозлившийся доктринер лает себе. В такой момент залезать специально в философию!? Надо всю работу делать с.-д. — не забывайте, что Вы ангажированы на *все Ваше рабочее время*³.

А за 3 революции беритесь поскорее вплотную. Эту тему надо *обстоятельно*, хорошо разработать. Я уверен, что она могла бы у Вас выйти. Популярно рассказать задачи социализма, сущность его и условия осуществления. Затем — победа в теперешней революции, значение крестьянского движения (особая глава), в чем может быть *теперь* полная победа? временное правительство, революционная армия, восстание — *значение и условия* новых форм борьбы. Революции à la 1789 и à la 1848⁴. Наконец (это лучше второй частью сделать, а предыдущую третьей), о буржуазном характере революции, подробнее об *экономической* стороне, а затем освобожденцев⁵ разоблачить по косточкам во всех их *интересах*, тактике, политиканстве.

Право, богатая тема и боевая против пошляков «Искры». Беритесь, пожалуйте, скорее, и поработайте над ней побольше. Крайне важно дать содержательную популярную вещь на эту тему.

А потом еще насчет раскола ⁶. Вы меня не поняли. Ждать Вам меня нечего, ибо это темы разные: одна — история (постараемся ее наладить); другая — очерк их приемов полемики. Литературно-критический очерк на тему: скажем, «Лубочная литература». И тут уже разобрать, в нескольких главах на целую брошюру, с цитатами и с разъяснением всю эту пошлость Старовера ⁷, Мартова и др. в их полемике с «Пролетарием», а также перепевы в «Большинстве или меньшинстве» ⁸ и т. д. Пригвоздите их за их *мизерный способ* войны. Сделайте из них *тип*. Нарисуйте их портрет во весь рост по цитатам из них же. Я уверен, это у Вас вышло бы, только капелку пособирать цитат.

Жму крепко руку. Ваш Л е н и н

Р. С. Статью насчет Кузьмина-Караваева ⁹ получил. Фельетон 48 г. тоже ¹⁰.

Л е н и н, т. 47, стр. 62—63.

Является ответом на письма Луначарского Ленину (см. шп. 13 и 14). Послано из Женевы в Виареджо.

Датируется по содержанию.

¹ См. п. 13, примеч. 3.

² О своей работе над большой статьей по философии, первая глава которой «Два материализма, или Дитцген против Бельтова» должна была быть направлена против Плеханова, Луначарский писал Ленину в п. 14.

³ Ленин имеет в виду постановление пленума ЦК РСДРП от 27 апреля/10 мая 1905 г., в котором, в частности, говорилось: «Центральный Комитет постановляет предложить т. Воинову <...> отдавать по возможности все свои литературные силы на службу партии и жить на ее средства» («Ленинский сб.», V, стр. 281).

⁴ Краткий набросок статьи Ленина на эту тему под заголовком «Перспективы русской революции (типа 1789 или 1848 года)» опубликован в «Ленинском сб.», V, стр. 439—441.

⁵ Освобожденцы — группа либерально-монархической буржуазии, объединившаяся вокруг журнала «Освобождение»; журнал издавался за границей в 1902—1905 гг. под ред. П. Б. Струве. Освобожденцы составили позднее (в октябре 1905 г.) ядро главной буржуазной партии в России — кадетов.

⁶ См. п. 12.

⁷ См. п. 11, примеч. 3.

⁸ См. п. 10, примеч. 6.

⁹ См. п. 13, примеч. 6.

¹⁰ См. п. 13, примеч. 8.

16

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<Виареджо. Последние числа августа 1905 г.>

Дорогой Владимир Ильич!

Рад, что Вы одобряете план брошюры ¹. Конец о «Массовой стачке» снова задержался. Вышлю его непременно в субботу. Он большой: не менее 12 000 букв.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 534, л. 13. Автограф без подписи. Датируется по содержанию. Написано на обороте первой страницы рукописи Луначарского «Тревоги господ либералов». Статья напечатана в «Пролетарии» № 16.

¹ Имеется в виду план брошюры «Три революции», о которой Луначарский подробно писал Ленину в начале августа 1905 г. (см. п. 13).

² Последняя статья из цикла о «Массовой политической стачке» была помещена в «Пролетарии» № 17, 1/14 сентября 1905 г.

17

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

«Виареджо. Между 16/29 августа и 1/14 сентября 1905 г.»

Дорогой Владимир Ильич!

Завтра вышлю Вам конец о массов(ой) стачке¹. Сегодня посылаю балладу «Два либерала»². Если она Вам понравится — напечатайте, а нет — отошлите Бончу³. Могу передать Вам очень важное и, как кажется, достоверное известие, которое до Вас, может быть, еще не дошло. Ред(актор)-изд(атель) Кожевников сообщил мне, что русские меньшевики решили совсем закрыть «Искру»⁴. Он говорит, что ему передавал это Иорданский, который едет за границу с соответствующим вердиктом. Это ужасно невероятно, но Кожевников утверждает, что точно!

Неужели меньшевики сосредоточатся на одном «Соц(иал)-демократе»?⁵ Есть также основания думать, что происходит большая мобилизация меньшевиков-литераторов в легальную печать⁶.

Вышлите мне брошюру: «Рабочие о партийном кризисе»⁷.

Жму руку.

Ваш А. Л.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, он. 5, ед. хр. 206, лл. 1—2.

Послано из Виареджо в Женеву.

Датируется на основании следующих данных: письмо не могло быть написано ранее 16/29 августа 1905 г., так как в нем содержится просьба выслать брошюру «Рабочие о партийном расколе». Объявление же о выходе этой брошюры в свет появилось впервые в «Пролетарии» № 14, 16/29 августа 1905 г. О том, что Луначарский узнал о выходе брошюры из печати именно из этого номера «Пролетария», а не из других источников, свидетельствует объявленное здесь ее название «Рабочие о партийном кризисе» (брошюра называлась «Рабочие о партийном расколе»). В письме упоминается баллада Луначарского «Два либерала», которая еще только высылается в Женеву Ленину. Следовательно, письмо написано ранее 1/14 сентября 1905 г., когда вышел номер «Пролетария» с напечатанной в нем балладой.

¹ См. п. 2, примеч. 2.

² Баллада Луначарского «Два либерала» очевидно понравилась Ленину, так как он впоследствии цитировал ее (см. настоящ. том, стр. 509).

³ См. п. 4, примеч. 4.

⁴ См. п. 6, примеч. 2.

⁵ Издание «Искры», действительно, было прекращено, последний номер газеты (№ 112) вышел в октябре 1905 г. Меньшевики, вошедшие в блок с либеральной буржуазией, получили возможность проводить свои взгляды в десятках русских легальных изданий.

⁶ «Социал-демократ» — орган меньшевиков, имел подзаголовок «Рабочая газета». Издавался в Женеве с октября 1904 по октябрь 1905 г. Вышло всего 16 номеров. Главным редактором его был Ф. Дан.

В связи с тем, что меньшевики стали выступать в русской буржуазной легальной печати, эта нелегальная газета, так же как «Искра», утратила свое значение, и издание ее было прекращено.

⁷ Предположение оказалось верным. С октября 1905 г. почти во всех либеральных буржуазных журналах появились статьи видных меньшевистских литераторов: Мартова, Дана, Аксельрода, Засулич, Валентинова, Потресова, Маргянова и др.

Одновременно с ноября 1905 г. меньшевики наладили выпуск двух легальных ежедневных газет — «Московской газеты» и «Начало» (в Петербурге).

⁸ Брошюра «Рабочие о партийном расколе» была издана под редакцией и с предисловием Ленина в Женеве в августе 1905 г. В нее вошли: Предисловие от редакции газеты «Пролетарий», написанное Лениным (см. Ленин, т. 11, стр. 159—165), письмо «Ко всем товарищам сознательным рабочим» за подписью «Рабочий, один из многих». Письмо «Рабочего» напечатали в № 105 меньшевистской газеты «Искра» с ответом на него редакции этой газеты. Этот ответ Ленин критикует в своем предисловии к брошюре. В брошюру вошло также напечатанное в № 11 «Пролетария» 27 июля/9 августа 1905 г. «Открытое письмо ЦК РСДРП к Организационной комиссии», избранной меньшевиками на Женевской конференции. В «Открытом письме» Центральный Комитет

предлагал начать переговоры по вопросу об объединении партии на основе решений III съезда РСДРП и принятого им устава партии. В письме указывалось, что такое объединение дало бы новые силы партии для борьбы с врагами пролетариата, упрочило бы связи партии с широкими пролетарскими массами (см. Ленин, т. 11, стр. 465).

18

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. 28 сентября/11 октября 1905 г.〉

11 окт.

Дорогой Анатолий Васильевич! Статья Ваша берет чрезвычайно интересную тему, крайне своевременную¹. Недавно «Leipziger Volkszeitung» в передовой высмеивала земцев за их сентябрьский съезд, что они «играют в конституцию», корчат из себя *уже* парламентариев etc. etc.² Ошибка Парвуса³ и Мартова⁴ необходимо требует разбора с *этой* стороны. Но у Вас не вышло разбора. По-моему, надо переделать статью в одном из двух направлений: либо перенести центр тяжести на наших «играющих в парламентаризм» новоискровцев, показать подробно условное, временное значение парламентаризма, пошлость «парламентских иллюзий» в эпоху революционной борьбы и т. д., разъяснив это с азав (для россиян zelo полезно!) и привлеки Гильфердинга⁵ лишь для иллюстрации, совсем слегка. Либо взять Гильфердинга за основу и тогда меньше придется переделать статью, дав ей другое заглавие, но обрисовав яснее самую постановку вопроса Гильфердингом. Конечно, может быть, Вы найдете и другой план переделки, но, пожалуйста, непременно возьмитесь за нее сразу. Время есть, ибо в этот № статья не могла бы пойти (московские события⁶ + старый материал заполнили все). Значит, срок ее присылки — вторник 17. X. Убедительно прошу сделать обстоятельную статейку и прислать к 17. X. Лучше бы в первом направлении переделать, авось передовая выйдет!⁷

Будь у нас уже парламент, мы обязательно бы поддержали кадетов. Милюкова⁸ и К⁰ contra «Московских Ведомостей»⁹. Например, при перебаллотировках etc. Там это ни капли не нарушило бы самостоятельности классовой партии с.-д. Но в эпоху не парламента, а революции (у Вас это различие намечено уже в заглавии) поддержка людей, *не способных бороться революционно*, есть 1) нарушение самостоятельности нашей партии. Сделка не может быть ясна и открыта. Это именно «продажа» своих прав на революцию, как Вы говорите, а не *приложение* своих прав для поддержки. В парламенте мы поддерживаем, ни капли не исчезая. Теперь мы исчезаем, *обязывая* Милюковых говорить *за нас* на известных условиях. Затем, главное 2) такая поддержка есть измена революции. Парламента еще нет, есть только *иллюзии* у Милюковых. Надо бороться революционно *за* парламент, а не парламентски за революцию, бороться революционно за *сильный* парламент, а не в *бессильном* «парламенте» за революцию. Теперь в России *без* победы революции *все победы* в «парламенте» (Государственная дума или в этом роде) *ноль*, хуже ноля, ибо засоряют глаза *ф и к ц и ей*, Парвус не понял этого.

Кадеты уже стали *regierungsfähig** (Трубецкие и Мануйловы в роли ректора etc.), уже влезли на второй этаж свободы собраний (ценой опошления собраний), на этаж квазипарламентаризма. Им только того и надо, чтобы пролетариат, оставаясь *на деле в подвале*, возомнил себя на втором этаже, сфантазировал себя парламентской силой и пошел на «условия» о «поддержке» и проч. Это — богатая тема! Мы сильны теперь

* способными участвовать в правительстве (нем.).

ЛУНАЧАРСКИЙ С СЫНОМ

1911 г.

Фотография

революционной борьбой народа и слабы в квазипарламентском отношении. *Кадеты наоборот*. Им весь расчет перетянуть нас на квазипарламентаризм. «Искра» дала себя одурачить ¹⁰. Тут именно уместно *обстоятельно* разобрать отношение «парламентаризма» к революции ((ср. Магх о классовой борьбе во Франции в 1848 году)) ¹¹.

Вот эти мысли (я их излагаю, конечно, крайне обще и неточно), у Вас намеченные, надо развить, разжевать, в рот положить. Россияне страшно нуждаются теперь в пояснении с азов соотношения между парламентаризмом и революцией. А Мартов и К^о истеричничают, вопя: скорее бы легально! скорее бы открыто! хоть как-нибудь, да легально! Нам именно теперь нужна выдержка, нужно продолжение революции, борьба с жалкой полуподелальностью. «Искра» не поняла этого. Как все ошпортунисты, они не верят в энергию и упорство революционной борьбы рабочих. Москва — урок им. А тут еще пошляк Парвус переносит на Россию тактику мелочных сделок!!

Получили ли мое письмо? ¹² Жму крепко руку. Привет Анне Александровне ¹³.

Ваш Ленин

Л е н и н, т. 47, стр. 85—87.

Является ответом на недошедшее до нас письмо Луначарского к Ленину, посланное вместе с его статьей «Парламент и его значение». Отправлено из Женевы во Флоренцию.

¹ Здесь и в дальнейшем тексте письма говорится о статье Луначарского «Парламент и его значение».

² Речь идет об обзоре политического положения в России, помещенном в немецкой газете «Leipziger Volkszeitung» № 230, 4 октября 1905 г.

³ *Парус* — литературный псевдоним А. Л. Гельфанда.

⁴ См. п. 11, примеч. 1.

⁵ Ленин имеет в виду статью Гильфердинга «Parlamentarismus und Massenstreik» («Парламентаризм и массовая стачка») в № 51 газеты «Neue Zeit», 13 сентября 1905 г. Поводом для статьи Гильфердинга послужили споры на поднятую Жоресом тему: Почему столь сильная германская социал-демократия имеет так мало влияния на государственную жизнь Германии?»

⁶ Московские события — начавшиеся стачки и демонстрации московских рабочих. Им Ленин посвятил две статьи — передовую «Политическая стачка и уличная борьба в Москве» («Пролетарий» № 21, 4/17 октября 1905 г.) и «Уроки московских событий» («Пролетарий» № 22, 11/24 октября 1905 г.).

⁷ Статья Луначарского «Парламентаризм и революция» была напечатана в № 23 «Пролетария», 18/31 октября 1905 г. Возможно, что в недошедшем до нас ответном письме к Ленину Луначарский предложил вместо переделки статьи «Парламентаризм и революция» прислать новую статью, написанную по предложению Ленина. Статья Луначарского «Парламент и его значение» появилась в «Пролетарии» (№ 25, 3/16 ноября 1905 г.), последнем номере газеты, отредактированном Лениным. В качестве передовой здесь помещена статья Ленина «Приближение развязки».

⁸ П. Н. Милоков редактировал центральный орган партии кадетов — газету «Речь».

⁹ «Московские ведомости» — орган ярых монархистов.

¹⁰ Публицисты меньшевистской «Искры», в противовес активному бойкоту большевиков выдвигали лозунг участия в буржуазно-монархическом правительстве.

¹¹ Ленин ссылается на работу К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 5—110).

¹² Письма Ленина к Луначарскому во Флоренцию (так же, как и ответы Луначарского) периода сентября—октября 1905 г. до нас не дошли. Публикуемое письмо — единственное сохранившееся из переписки этих месяцев.

¹³ См. п. 4, примеч. 3.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Куоккала. Между 20 октября/2 ноября и 29 октября/11 ноября 1907 г.⟩

Дорогой Анатолий Васильевич!

Получилась, наконец, Ваша брошюра ¹ — первая часть пришла довольно давно. Я все ждал конца, чтобы прочесть в целом, но так и не дождался. До сих пор нет третьего приложения («Как смотрел Маркс» и т. д.). Это крайне печально, ибо, не имея полностью всего, боюсь сдать издателю для набора. Если не послали еще этого третьего приложения, то постарайтесь, пожалуйста, послать поскорее ². Деньги (200 р.) Вам высланы; получили ли?

Что касается до содержания Вашей брошюры, то мне она чрезвычайно понравилась, как и всей нашей публике ³. Преинтересная и отлично написанная вещь. Одно только: неосторожностей много внешних, так сказать, т. е. таких, к которым *придираться* будут всякие эсеры, меньшевики, синдикалисты etc. Мы совещались коллективно, ретушировать или в предисловии оговорить? Решили последнее, ибо ретушировать жаль; это значило бы слишком много нарушить цельность изложения ⁴.

Разумеется, добросовестный и внимательный читатель сумеет правильно понять Вас, но следовало бы Вам все же *отгораживаться специально* против лжетолкователей, ибо имя им легион. Например, Бебеля ⁵ мы, разумеется, должны критиковать, и я не одобряю Троцкого, приславшего нам недавно одно сплошное славословие по поводу Эссена и немецкой социал-демократии вообще. Вы правы, отметив, что Бебель неправ был в Эссене и в вопросе о милитаризме, и в вопросе о колониальной политике (вернее, о характере борьбы радикалов в Штутгарте по этому пункту). Но надо оговорить при этом, что это ошибки человека, — с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути. Ибо у нас много людей (Вы, вероятно, не видите их литературы), злобно хихикающих над Бебелем *ради прославления* эсерства, синдикализма (à la Езерский, Козловский, Кричевский — см. «Образование» ⁶ и т. д.), анархизма.

По-моему, *все* Ваши мысли можно и должно излагать всегда так, чтобы критика направлялась не на ортодоксию, не на немцев вообще, а на *оппортунизм*. Тогда Вас *нельзя* будет перетолковать вкривь. Тогда ясен будет вывод: большевизм, учась не только у немцев, но и на немцах (это Ваше требование тысячу раз верное!), сумеет взять *все живое* у синдикализма, *чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм*. Именно нам, большевикам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма. И только мы

можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К⁰, опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы (для России особенно опасной).

Вышел № 17 «Пролетария» и послан Вам. Вышли «Зарницы»⁷ и посланы Вам. Получили ли? Читаете ли «Товарищ»?⁸ Как нравится он теперь? Не тряхнуть ли Вам стариной, посмеяться над ними в стихах?⁹ Пишите, пожалуйста.

Крепко жму руку. Ваш Л е н и н

Л е н и н, т. 47, стр. 114—116.

Является, возможно, ответом на несохранившееся письмо Луначарского Ленину, посланное из Флоренции. Датируется на основании упоминания о посылке Лениным Луначарскому № 17 «Пролетария», вышедшего в свет 2 ноября 1907 г. Следующий — 18-й — номер газеты датирован 11 ноября. Письмо Ленина, очевидно, написано между 20 октября/2 ноября и 29 октября/11 ноября 1907 г.

¹ Речь идет о брошюре Луначарского «Об отношении партии к профессиональным союзам». В 1926 г. в ответ на запрос Института Ленина Луначарский сообщил следующее: «Из Италии я вскоре был вызван партией для участия в Штутгартском съезде. Там мне было поручено представлять нашу партию в комиссии по профсоюзам, где мне пришлось вести непосредственную борьбу против Плеханова, стоявшего на точке зрения безусловного отделения профессионального движения от партийного. Ленин поручил мне тогда изложить всю эту дискуссию в особой брошюре, что было мною сделано. Хотя я получил затем от Ленина записку (сейчас мною утерянную) с одобрением этой брошюры, тем не менее она так и не была издана, вероятно, затерявшись в ходе дальнейших событий» («Ленинский сб.», XXVI, стр. 32—33; цит. по автографу, напечатанному в конце настоящего тома, стр. 736—742).

К брошюре Лениным было написано специальное предисловие, впервые опубликованное в 1933 г. (см. об этом ниже, примеч. 4).

В ноябрьском номере (№ 3) за 1907 г. женевского сборника «Радуга» (стр. 45—78) за подписью «Воинов» была опубликована статья Луначарского «Новые пути. Введение в отчет делегата РСДРП по вопросу о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе». Возможно, что это та первая часть брошюры, «довольно давно» присланная Луначарским, о которой упоминает в комментируемом письме Ленин. Такой вывод позволяет сделать текстуальное совпадение некоторых мест из брошюры Луначарского, цитируемых Лениным в своем предисловии к этой брошюре и имеющихся в тексте статьи Луначарского «Новые пути».

² Третье приложение к своей брошюре о профессиональных союзах Луначарский выслал Ленину в конце декабря 1907 г. (см. п. 20).

³ Кроме Ленина, который был ответственным редактором «Пролетария» (1906—1909 гг.), в работе редакции участвовали большевики: М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский, Н. А. Семашко, С. А. Лозовский, М. Н. Лядов, В. Л. Шапгер и другие.

⁴ В предисловии к этой брошюре Ленин оговорил все «неосторожности», допущенные Луначарским (см. Л е н и н, т. 16, стр. 183—191).

⁵ На съезде Германской социал-демократической партии, состоявшемся 21—23 сентября 1907 г. в Эссене, выступил Вебель, который критиковал будущих основателей Коммунистической партии Германии К. Либкнехта и Р. Люксембург за их блок с большевиками на Штутгартском конгрессе против социал-шовинистов и социал-империалистов.

Об ошибках Бебеля на Штутгартском конгрессе и на съезде в Эссене Ленин писал в предисловии к брошюре Луначарского о профессиональных союзах (см. Л е н и н, т. 16, стр. 183—191).

Штутгартский Международный социалистический конгресс II Интернационала состоялся 18—24 августа 1907 г.

Позиция Луначарского на Штутгартском конгрессе в основном близка к ленинской. Но здесь уже намечались некоторые существенные разногласия. По двум важнейшим вопросам международного рабочего движения: отношению к синдикализму и общей оценке германской социал-демократии. Об этом свидетельствуют впервые публикуемые в настоящем томе письма Луначарского к А. А. Луначарской со Штутгартского конгресса (см. стр. 619—626). Сочувствуя синдикалистам, Луначарский, однако, не раскрыл до конца свои взгляды на конгрессе: «Он (Плеханов) все воображает, что я за подчинение союзов партии, то же воображают поляки и бундисты. А для меня такое подчинение — нож вострый» (стр. 624). После конгресса, в том же 1907 г., Ленин твердо высказал иную точку зрения: «Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня прийти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов *принципиально* отстаивать нельзя (...). Стремление сблизить и связать союзы с партией — такова должна быть наша политика...» (Л е н и н, т. 16, стр. 108). С вопросом о синдикализме тесно свя-

зана и оценка немецкой социал-демократии. Здесь отразились разногласия среди русских большевиков по поводу приемлемости парламентской борьбы, германского опыта. Критикуя анархо-синдикалистские нападки на «парламентаризм», Ленин предостерегал и Луначарского против преувеличений в критике вождей немецкой социал-демократии.

⁶ Имеются в виду следующие статьи из журнала «Образование» за 1907 г.: 1) Ф. Е з е р с к и й. Стачка французских рабочих (№ 1); 2) Б. К р и ч е в с к и й. Границы парламентаризма (№ 8—9). Л. Козловский в 1907 г. в журнале не печатался. Возможно, Ленин имеет в виду рецензию Д. Зайцева на книгу Л. Козловского «Очерки синдикализма во Франции» (М., «Свободная мысль», 1906), напечатанную в журнале «Образование», № 8 за 1907 г.

⁷ «Зарницы» — большевистский легальный сборник, вышел в Петербурге в 1907 г. Здесь была напечатана статья К. Цеткин «Международный социалистический конгресс в Штутгарте».

⁸ «Товарищ» — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге в марте 1906 — декабре 1907 г. Прикрываясь маской «беспартийности», газета была фактически органом левых кадетов. Она яростно нападала на большевиков, изображала революционных рабочих грабителями и насильниками. В газете печатались и некоторые меньшевики, в частности, Плеханов.

⁹ Ленин имеет в виду сатирическую балладу Луначарского «Два либерала», в которой он высмеял кадетов Трубецкого и Петрункевича.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. 31 декабря 1907/13 января 1908 г.〉

13.1.08.

Дорогой Анатолий Васильевич!

Вот уже несколько дней, как мы с женой сидим в Женеве...¹ Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву, да ничего не поделаешь! После разгрома Финляндии ничего не осталось, как перенести «Пролетарий» за границу. Так коллегия и решила. Вопрос только в том, в Женеву или иное место. Наводим пока справки, но я-то лично думаю, что Женева и Лондон — единственные места, где свободно. А Лондон дорог.

Вашу брошюру о Штутгарте прочел всю: III приложение пришло крайне поздно, и я перед самым отъездом едва успел прочесть². По-моему, очень хорошо у Вас вышло, и все товарищи были очень довольны брошюрой. «Исправлять» ее все мы сочли излишним: уж очень жаль стирать Ваши краски и портить живо написанную вещь. Да в ней нет синдикализма: есть только, по-моему, ряд больших неосторожностей «на использование» Плеханова и К^о. Видели его придирки и подлые зацепочки в «Образовании» или «Современном Мире»?³ Мы всегда будем иметь таких противников и должны быть вдвое осторожнее. Кроме того, Вы и об эсерах забыли, которые давненько уже нападали на немецких с.-д., пользуясь критикой синдикалистов и *извращая* критику в *разнос* марксизма.

Не знаю, удастся ли нашим теперь издать Вашу брошюру. Трудно теперь издавать⁴.

Получили ли мой 1-ый том?⁵

Как живете? Как наследник?⁶ Говорят, Вы отлично поездили с Горьким?⁷

Пишите, что работаете. Мы на Вас непременно рассчитываем и для сотрудничества в «Пролетарии» и для рефератов. Неправда ли?

Где Горький? Я ему писал на Капри (villa Blaesus)⁸. Дойдет ли?

Жму крепко руку.

Ваш Ленин

Адрес: Mr. Vl. Oulianoff.

17. Rue des deux Ponts. 17.

(chez Küpfer). Genève.

Ленин, т. 47, стр. 120—121.

Послано из Женевы в Италию.

¹ По возвращении с Лондонского съезда партии Ленин поселился в Финляндии близ Петербурга (Куоккала). В связи с начавшимися арестами, Большевицкий центр постановил перенести издание газеты «Пролетарий» из Финляндии за границу. Ленину, а также Богданову и И. Ф. Дубровинскому было поручено выехать в Швейцарию. Ленин вместе с Н. К. Крупской прибыл в Женеву 25 декабря 1907 г./7 января 1908 г.

ЛЕНИН И А. А. БОГДАНОВ ИГРАЮТ В ШАХМАТЫ

Сзади слева направо: И. П. Ладыйников, А. М. Горький, З. А. Пешков, Н. Б. Богданова
О. Капри (Италия), между 10/23 и 17/30 апреля 1938 г.

Фотография Ю. А. Желябужского

² См. п. 19.

³ Ленин имеет в виду статью Плеханова «Критика теории и практики синдикализма», напечатанную в № 11—12 журнала «Современный мир». В статье Плеханов резко критиковал книгу А. Лабриолы «Реформизм и синдикализм», вышедшую в русском переводе в 1907 г. под редакцией и с послесловием Луначарского.

«Современный мир» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издававшийся в Петербурге с октября 1906 по 1918 г. Ближайшее участие в журнале принимали меньшевики. В период блока большевиков с меньшевиками-партияцами в «Современном мире» сотрудничали и большевики. С 1914 г. — орган социал-шовинистов.

⁴ Брошюра Луначарского издана не была.

⁵ Речь идет о первом томе сочинений Ленина (Вл. Ильина) «За 12 лет». Том был издан в ноябре 1907 г. (на обложке указан 1908 г.) в Петербурге. Кроме Луначарского, этот том по поручению Ленина был выслан также Горькому (см. *Ленин*, т. 47, стр. 120).

⁶ Речь идет о первом сыне Луначарского.

⁷ В октябре — декабре 1907 г. Горький путешествовал по Италии. Во Флоренции он встретился с Луначарским.

⁸ Письмо Ленина Горькому 9 января 1908 г. см. *Ленин*, т. 47, стр. 119—120.

21

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Женева. 2/15 января 1908 г.⟩

*Анатолию Васильевичу*¹

Дорогой Анатолий Васильевич!

Одно важное дело. Знаете ли Вы во Флоренции Василия Васильевича Карякина?² Как его найти? Пришлите, пожалуйста, адрес или указание, *как его найти*, через кого бы то ни было во Флоренции. Ответьте, пожалуйста, немедленно³.

Жду от Вас вестей (и ответа) насчет «Пролетария» и Ваших планов в связи с ним.

Ваш Ульянов

Ленин, т. 47, стр. 122.

Послано из Женевы в Италию.

Записка, очевидно, была вложена Лениным в конверт, адресованный Горькому с письмом к нему 2/15 января 1908 г. Следовательно, и записку Луначарскому можно датировать тем же числом. (В полном собрании сочинений Ленина она отнесена ко времени между 13 января и 12 февраля 1908 г.)

¹ 31 декабря 1907 г./13 января 1908 г. Ленин предложил Луначарскому сотрудничать в «Пролетарии», а в настоящем письме запросил ответа насчет «Пролетария».

² Кто такой В. В. Карякин, установить не удалось.

³ Ответ Луначарского, как и все его письма Ленину 1903 г., не сохранился.

22

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Женева. 20 января/2 февраля 1908 г.⟩

*Анатолию Васильевичу*¹

Дорогой Анатолий Васильевич! Черкните, устроились ли вполне и стали ли работоспособны?² Мы рассчитываем на Вас для «Пролетария» 1) на итальянские корреспонденции дважды (примерно) в месяц 8—12 тысяч букв. Первую — недели через три. 2) На политические фельетоны от времени до времени. Выдаете ли русские газеты (у Горького их много)?³

Пишите.

Жму руку. Ваш Старик

Ленин, т. 47, стр. 123.

Послано из Женевы на о. Капри (Италия).

Записка Луначарскому, по-видимому, была вложена в один конверт с письмом Ленина Горькому и М. Ф. Андреевой 20 января/2 февраля 1908 г. (см. *Ленин*, т. 47, стр. 123—124). В полном собрании сочинений Ленина записка Луначарскому датирована 13 февраля 1908 г. См. п. 23, примеч. 1.

¹ См. п. 21, примеч. 1.

² Очевидно, в недошедшем до нас письме Луначарский жаловался Ленину на бытовые неурядицы и свое расстроенное здоровье.

³ С января 1908 г., когда Луначарский со своей семьей поселился на Капри, началась его дружба с Горьким.

23

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. 31 января/13 февраля 1908 г.〉

Анатолию Васильевичу¹

13. II. 08

Дорогой Анатолий Васильевич!

Вчера отправил Вам писульку насчет Брингмана². Спешу ответить на Ваше письмо от 11. II.

Не совсем понимаю, чего бы Вам огорчаться моим письмом?³ Не из-за философии же!

Ваш проект беллетристического отдела в «*Пролетарии*» и поручения его Алексею Максимовичу превосходен и меня необычно радует. Я именно мечтал о том, чтобы *литературно-критический* отдел сделать в «*Пролетарии*» постоянным и поручить его Алексею Максимовичу⁴. Но я боялся, страшно боялся прямо предлагать это, ибо я *не знаю* характера работы (и работосклонности) Алексея Максимовича. Если человек занят серьезной большой работой, если этой работе повредит отрыванье на мелочи, на газету, на публицистику, — тогда было бы глупостью и преступлением мешать ему и отрывать его! Это я очень хорошо понимаю и чувствую.

Вам на месте виднее, дорогой Анатолий Васильевич. *Если Вы считаете, что мы не повредим* работе Алексея Максимовича, ежели запряжем его в регулярную партийную работу (а партийная работа от этого массу выиграет!), то постарайтесь это наладить.

«*Пролетарий*» № 21 выходит 13 (26) февраля. Значит, время еще есть. Желательно иметь рукописи к *пятнице*, чтобы свободно поспеть к номеру, который выходит в среду. Если спешно, можно поспеть и тогда, когда рукопись приходит в воскресенье (для скорости пишите и посылайте прямо на мой адрес), — даже (крайность!) в понедельник.

Пишите непременно и Вы. Не пришлете ли к № 21 либо политического фельетона о русских делах (10—16 тыс. букв)? либо статьи об уходе Ферри (8—10 тыс. букв)? Еще лучше не «либо — либо», а «и — и»⁵.

Жму крепко руку и прошу ответить, налаживается ли сотрудничество в «*Пролетарии*» Алексея Максимовича. Если да, пусть начинает тотчас, *не дожидаясь «съезда»* и сговора⁶.

Л е н и н, т. 47, стр. 135—136.

Послано из Женевы на о. Капри.

¹ Надпись свидетельствует о том, что настоящее письмо было вложено в один конверт с корреспонденцией, посланной Лениным на о. Капри. Сохранившееся письмо Ленина к Горькому, тоже 31 января/13 февраля 1908 г. (см. Л е н и н, т. 47, стр. 136—138), подтверждает, что в начале 1908 г. Ленин пересылал свои письма Луначарскому через Горького.

² Это письмо Ленина к Луначарскому до нас не дошло. Не дошло до нас также и письмо Луначарского Ленину от 11 февраля 1905 г.

³ Вероятно, в январе 1908 г. Ленин написал Луначарскому еще одно письмо, нам неизвестное, в котором содержалась первая критика Лениным философских взглядов Луначарского. 25 января/7 февраля 1903 г. Ленин писал Горькому: «... Как рядовой марксист, я читаю внимательно наших партийных философов, читаю внимательно эмпириомониста Богданова и эмпириокритиков Базарова, Луначарского и др. — и *все* мои симпатии *они* толкают к *Плеханову!* (...) В философии он отстаивает правое дело. Я — за материализм, против „эмпирио.“ и т. д.» (Л е н и н, т. 47, стр. 135).

⁴ В том же письме Горькому Ленин писал: «Ох, несть добра в особях, длинных литературно-критических статьях — рассыпающихся по разным полупартийным и внепартийным журналам! Лучше бы нам попробовать сделать шаг дальше от этой интеллигентской старой, барской замашки, сиречь связать и литературную критику *теснее* с партийной работой, с руководством партией. (...) Систематические статьи, периодические, в концерте политической газеты, в связи с партийной работой, (...) — скажите, есть у Вас охота к этому или нет?» (Л е н и н, т. 47, стр. 134).

⁶ Имеется в виду отказ Энрико Ферри — в то время руководителя центристского большинства Итальянской социалистической партии, от редактирования центрального органа партии — газеты «Avanti!» («Вперед!»).

Статья Луначарского об Э. Ферри «Кризис в Итальянской рабочей партии» — первая его статья в новом «Пролетарии», помещена в № 23, 27 февраля/11 марта 1908 г.

⁸ В не дошедших до нас письмах Ленину в январе 1908 г. Горький неоднократно просил его приехать на о. Капри, чтобы встретиться с Богдановым, Луначарским и другими партийными литераторами с целью устранения философских и тактических разногласий, возникших в среде большевиков. Встреча с Лениным на о. Капри состоялась в апреле 1908 г., но к примирению не привела (см. настоящ. том, стр. 43).

24

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Горький — Луначарскому

<Женева. 12/25 февраля 1908 г.>

Анатолию Васильевичу ¹

Дорогой Анатолий Васильевич! Что же Вы не посылаете статью о Ферри? ² Ждем — не дождемся. Пожалуйста, пошлите *немедленно*. Если, паче чаяния, она задерживается, — обязательно черкните об этом тотчас пару слов, чтобы мы знали, как нам быть с № 22 ³.

Жму руку. Ваш Н. Ленин

Дорогой Анатолий Васильевич!

Пожалуйста, прошу, *немедля!*

Ибо — скандал!

Нужно говорить нам, весьма нужно, ей же богу!

А. <Пешков>

Записка Ленина опубл.: Ленин, т. 47, стр. 138. Записка Горького к Луначарскому — на обороте записки Ленина. Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2355, л. 1 об.

Послано из Женевы на о. Капри.

Очевидно, записка Луначарскому была вложена в один конверт с письмом Ленина к Горькому 12/25 февраля 1908 г. (см. Ленин, т. 47, стр. 141—145). Следовательно, ее можно датировать тем же числом: 12/25 февраля 1908 г. (В полном собрании сочинений Ленина письмо датируется между 5/18 и 13/26 февраля 1908 г.)

¹ См. п. 21, примеч. 1.² См. п. 23, примеч. 5.³ Речь идет о № 22 газеты «Пролетарий», который тогда готовился к печати и вышел в свет 20 февраля/4 марта 1908 г.

25

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<Женева. 14/27 февраля 1908 г.>

27.II.08

Дорогой Анатолий Васильевич! Паки и паки напоминаю Вам о Ферри ¹. Если не послали, это просто беда!

Затем хотелось бы нам очень заказать Вам к 3-му (23) номеру «Пролетария» (юбилейному) статейку о *Парижской Коммуне* ². Может быть у Вас есть новая книга Jaurès и Dubreuil ³, — хотя вряд ли сии господа могли верно оценить Коммуну. Вот письма Маркса к Кугельману ⁴, о коих мы не раз с Вами беседовали, безусловно следует помянуть паки и процитировать в поучение оппортунистам.

Размер сей юбилейной статьи — 15 тысяч букв максимум. Срок — *следующая среда* (4. III). Пожалуйста, ответьте *немедленно*, пришлете ли. Присылайте!

Жму руку. Ваш Ленин

МАТЕРИАЛИЗМЪ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ

критическія замѣтки объ одной реакціонной философiи.

ИЗДАНИЕ „ЗВЕНО“
МОСКВА
1909

— 2 —

знанія 20-го вѣка». Опираясь на всё эти якобы новыя ученія, наши истребители диалектическаго материализма безбоженно договариваются до прямого фидеизма¹⁾ (у Луначарскаго всего дѣла, но вовсе не у него одного), но у нихъ сразу пропадаетъ всякая смѣлость, всякое уваженіе къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, когда дѣло доходитъ до прямого опредѣленія своихъ отношеній къ Марксу и Энгельсу. На дѣлѣ — полное отреченіе отъ диалектическаго материализма, т. е. отъ марксизма. На словахъ — безоглядная увертка, попытка обойти суть вопроса, прикрыть свое отступленіе, поставить на мѣсто материализма вообще кого-нибудь одного изъ материалистовъ, рѣшительный отказъ отъ прямого разбора безчисленныхъ материалистическихъ заявленій Маркса и Энгельса. Это — настоящій «бунтъ на кораблѣхъ», по справедливому выраженію одного марксиста. Это — типичный философскій ревизионизмъ, ибо только ревизионисты приобрѣли себѣ печальную славу своимъ отступленіемъ отъ основныхъ воззрѣній марксизма и своей божею или своей неспособностью открыто, прямо, рѣшительно и ясно «разсчитаться» съ покинутыми взглядами. Когда ортодоксамъ случалось выступать противъ устарѣвшихъ воззрѣній Маркса (например, Мерингу противъ нѣкоторыхъ историческихъ положеній), — это дѣлалось всегда съ такой опредѣленностью и обстоятельностью, что никто никогда не находилъ въ подобныхъ литературныхъ выступленияхъ ничего двусмысленнаго.

Впрочемъ, въ «Очеркахъ по философіи марксизма» есть одна фраза, похожая на правду. Это — фраза Луначарскаго: «можетъ быть, мы» (т. е., очевидно, всѣ соотрудники «Очерковъ») «заблуждаемся, но ищемъ» (стр. 161). Что первая половина этой фразы содержитъ абсолютную, а вторая — относительную истину, это и постарайся со всей обстоятельностью показать въ предлагаемой вниманію читателя книгѣ. Теперь же замѣчу только, что еслибы наши философы гово-

¹⁾ Фидеизмъ есть ученіе, ставящее вѣру на мѣсто знанія или вообще отводившее извѣстное значеніе вѣрѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣлый рядъ писателей, желающихъ быть марксистами, предприняли у насъ въ текущемъ году настоящій походъ противъ философіи марксизма. Менѣе чѣмъ за полгода вышло въ свѣтъ четыре книги, посвященныя главнымъ образомъ и почти всецѣло нападкама на диалектическій материализмъ. Сюда относятся прежде всего «Очерки по (?) надо было сказать: противъ философіи марксизма», СПб. 1909, сборникъ статей Базарова, Богданова, Луначарскаго, Бермана, Гельфонда, Юшкевича, Суворова; затѣмъ книги Юшкевича: «Материализмъ и критическій реализмъ», Берманъ: — «Диалектика съ точки зрѣнія современной теоріи познанія», Валентинова: «Философскія построенія марксизма».

Всѣ эти лица не могутъ не знать, что Марксъ и Энгельсъ десятки разъ называли свои философскіе взгляды диалектическимъ материализмомъ. И всѣ эти лица, объединенныя — несмотря на рѣзкія различія политическxъ взглядовъ — враждой противъ диалектическаго материализма, претендуютъ въ то же время на то, что они въ философіи марксисты! Энгельсовская диалектика есть «мистика», говоритъ Берманъ, взгляды Энгельса «устарѣли» — мимоходомъ, какъ нѣчто само собою разумѣвшееся, бросаетъ Базаровъ, материализмъ оказывается опровергнутымъ нашими сѣмьями новинками, которые гордо ссылаются на «современную теорію познанія», на «новѣйшую философію» (или «новѣйшій позитивизмъ»), на «философію современного естествознанія» или даже «философію естество-

— 3 —

рѣли не отъ имени марксизма, а отъ имени нѣсколькихъ «ищущихъ» марксистовъ, то они проявили бы болѣе уваженія и къ себѣ самимъ и къ марксизму.

Что касается до меня, то я тоже — «ищущій» въ философіи. Именно: въ настоящихъ замѣткахъ я поставилъ себѣ задачей разсказать, на чѣмъ свѣхнулись люди, преподносящіе подъ именемъ марксизма нѣчто неправомерно сбивчивое, путанное и реакціонное.

Авторъ.

Сентябрь 1908 года.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМЪ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ»
Москва, 1909 г.

Титулъ и предисловіе, въ которомъ дана критическая оценка философскихъ ошибокъ Луначарскаго

Л е н и н, т. 47, стр. 146.
Послано из Женевы на о. Капри.

¹ См. п. 23, примеч. 5.

² «Юбилейным» был № 24 «Пролетария», посвященный 25-й годовщине со дня смерти К. Маркса. Луначарский написал Ленину, что заказанную ему статью прислать не может. См. письмо Ленина Горькому, написанное в начале марта 1908 г.: «Получили ли „Пролетарий“? Какие же у Вас намерения насчет него? А у Ан. Вас.? Его отказ писать о Коммуне получил с сожалением» (Л е н и н, т. 47, стр. 147).

³ Ленин имеет в виду книгу французского историка Louis Dubreuil «La Commune (1871)», вышедшую в серии «Histoire socialiste (1789—1900)» под ред. Ж. Жореса (Париж, 1908). В том же году книга в переводе вышла на русском языке в Петербурге.

⁴ Имеются в виду письма Маркса к Л. Кугельману 12 и 17 апреля 1871 г., в которых Маркс дал характеристику Парижской Коммуны как начала революционной битвы рабочего класса с классом капиталистов и его государством (см. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. 33, стр. 172—173 и 175).

26

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Женева. 3/16 апреля 1908 г.〉

Анатолию Васильевичу ¹

16.IV.08

Дорогой Анатолий Васильевич!

Получил Ваше письмо ². Очень рад, что за «Пролетарий» Вы беретесь. *Необходимо* это крайне, и именно темы, Вами намеченные, + итальянские корреспонденции *особенно* нужны ³. Смотрите же, не забывайте, что Вы — сотрудник партийной газеты, и окружающим не давайте забывать.

Жму крепко руку. Ваш Л е н и н

Р. S. Насчет философии *приватно*: не могу Вам вернуть комплиментов и думаю, что Вы их скоро назад возьмете ⁴. А у меня дороги разошлись (и, должно быть, надолго) с проповедниками «соединения научного социализма с религией» ⁵ да и со всеми махистами.

Л е н и н, т. 47, стр. 154—155.
Послано из Женевы на о. Капри.

¹ Записка была вложена в один конверт с письмом Ленина Горькому. См. Л е н и н, т. 47, стр. 155—156.

² Ни одно письмо Луначарского к Ленину 1907—1908 гг. до нас не дошло.

³ О темах, которые наметил Луначарский, можно судить по двум его статьям в «Пролетарии»: «Конгресс земледельческого пролетариата в Италии» (№ 26, 19 марта/1 апреля 1908 г.) и «Расстрел народа в Риме» (№ 29, 16/29 апреля 1908 г.). О последней Ленин запрашивал 6/19 апреля 1908 г. Горького: «От Ан. Вас. ждем обещанной статьи о римской стачке поскорее» (Л е н и н, т. 47, стр. 157). Значительно позднее, в октябре—декабре 1908 г., в «Пролетарии» были опубликованы еще три итальянские корреспонденции Луначарского под общим заглавием «Италия» (в № 37, 16/29 октября и № 40, 1/14 декабря 1908 г.).

⁴ Можно предполагать, что в первые месяцы 1908 г. между Лениным и Луначарским происходил обмен мнениями по философским вопросам, который после их свидания на о. Капри в апреле 1908 г. привел к разрыву дружеских отношений.

⁵ Ленин имеет в виду известный тезис Луначарского о том, что социализм есть высшая форма религии, в отличие от старых форм обожествляющая духовные и физические потенции человека, впервые выдвинутый им в статье «Атеизм» (Сб. «Очерки по философии марксизма». СПб., «Зерно», 1908, стр. 107—161) и подробно развитый в двухтомном труде «Социализм и религия» (ч. 1—2. СПб., «Шиповник», 1908—1911).

О своем крайнем возмущении этими работами Ленин неоднократно упоминает в письмах Горькому в феврале—апреле 1908 г. В частности, в письме 3/16 апреля 1908 г. он писал Горькому: «Получил сегодня Ваше письмо и спешу ответить. Ехать мне бесполезно и вредно: разговаривать с людьми, пустившимися проповедывать соединение научного социализма с религией, я не могу и не буду. Время тетрадок прошло. Спорить нельзя, трепать зря нервы глупо. Надо *отделить* от партийных (фракционных) дел философию...» (Л е н и н, т. 47, стр. 155).

Однако после настойчивых уговоров Горького Ленин все же на несколько дней

приезжал на о. Капри, но к его примирению с Богдановым и Луначарским эта встреча не привела: слишком серьезны были разногласия.

Вспоминая свою первую беседу с Лениным на Капри, Горький писал: «...я сказал ему, что А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров — в моих глазах крупные люди, отлично, всесторонне образованные, в партии я не встречал равных им.

— Допустим. Ну и что же отсюда следует?

— В конце концов я считаю их людьми одной цели, а единство цели, понятое и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философские противоречия...

— Значит — все-таки надежда на примирение жива? Это — зря, — сказал он. — Гоните ее прочь и как можно дальше, дружески советую вам!» («Ленин и Горький», стр. 306).

* * *

Наступил длительный перерыв в отношениях Ленина с Луначарским, связанный с глубокими идейными и политическими разногласиями. В это время Луначарский отошел от позиции Ленина. Вместе с А. Богдановым, Г. Алексинским и другими Луначарский выступил за отказ от легальных методов борьбы, за отзыв большевистских депутатов из Государственной думы. Ленин назвал отзовистов «ликвидаторами наизнанку». Луначарский стал одним из активных участников фракционной группы «Вперед». В статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», написанной во второй половине 1908 г., Ленин объявлял «самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам слева, и ликвидаторам справа».

В области философии Луначарский примкнул к направлению русских махистов, представленному А. Богдановым, В. Базаровым, Н. Валентиновым и др. Его статья «Атеизм», напечатанная в программном сборнике махистов «Очерки по философии марксизма», подверглась сокрушительной критике в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Уже в предисловии Ленин цитирует Луначарского, вскрывая самое существо разногласий:

«... в „Очерках“ по „философии марксизма“ есть одна фраза, похожая на правду. Это фраза Луначарского: „может быть, мы“ (т. е., очевидно, все сотрудники „Очерков“) „заблуждаемся, но ищем“ (стр. 161). Что первая половина этой фразы содержит абсолютную, а вторая — относительную истину, это я постараюсь со всей обстоятельностью показать в предлагаемой вниманию читателя книге. Теперь же замечу только, что если бы наши философы говорили не от имени марксизма, а от имени нескольких „ищущих“ марксистов, то они проявили бы больше уважения и к себе самим и к марксизму. Что касается меня, то я тоже — „ищущий“ в философии. Именно: в на стоящих заметках я поставил себе задачей разискать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное» (Л е н и н, т. 13, стр. 10—11).

В тексте книги Ленин вновь обращается к словам Луначарского, чтобы показать объективный идеалистический смысл, неизбежный реакционный результат махистских «исканий». Он пишет: «Не вы ищете, а вас ищут, вот в чем беда! Не вы подходите к вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма» (там же, стр. 364). Касаясь «богостроительства „Луначарского, рассуждающего об „обожествлении“ высших человеческих понятий», о „религиозном атеизме“, Ленин приходит к выводу: «Позорные вещи, до которых опустился Луначарский — не исключение, а порождение эмпириокритицизма, и русского, и немецкого» (там же, стр. 366).

Ленин, резко критикуя Луначарского, сохранял уверенность, что он искренне предан делу революции и поэтому сумеет преодолеть серьезные заблуждения. «Луначарский вернется в партию», — говорил он тогда же Горькому («В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 308). Предвидение Ленина полностью оправдалось. Уже в период первой мировой войны Луначарского сблизил с Лениным непримиримая антиимпериалистическая, интернационалистическая позиция. Победа Февральской революции 1917 г., решение Ленина немедленно вернуться в Россию стали поворотным моментом в судьбе Луначарского (см. об этом подробно в публикации «Луначарский о Ленине накануне возвращения в Россию» — настоящ. том, стр. 628—644).

Отказавшись вести какие бы то ни было переговоры с группой «Вперед», Ленин дает согласие на беседу лично с Луначарским (именно об этом идет речь в первом дошедшем до нас письме Ленина Луначарскому от марта 1917 г.; см. следующую страницу). После встречи с Лениным в Цюрихе Луначарский выражает свое незабываемое впечатление в коротких словах: «Ленин — грандиозен...» (настоящ. том, стр. 638). Вторым эшелонем, вслед за Лениным, едет в Россию и он. Здесь на родине под руководством Ленина Луначарский становится одним из выдающихся деятелей Октябрьской революции и социалистического строительства.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Цюрих. Март, не позднее 12/25 марта 1917 г.〉

Уважаемый товарищ Анатолий Васильевич!

Относительно совещания ¹ мое *личное* мнение (я пересылаю Ваше письмо Зиновьеву ²), что оно целесообразно теперь лишь между людьми, готовыми предостеречь пролетариат не только против гвоздевцев ³, но и против *колебаний Чхеидзе* ⁴.

В этом гвоздь, по-моему, нашего внутривластьного и, если можно так выразиться, околовластьного положения.

Именно поэтому я *не* теряю времени ни на одно совещание с Мартовым и К^о ⁵.

Самостоятельность и особность нашей партии, *никакого сближения с другими партиями* — для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через *демократический* переворот к *коммуне* нельзя, а другим целям служить я не стал бы.

С людьми и группами, согласными в этом, основном, я бы лично был *за* совещание.

Просто переговорить нам с Вами, без всяких формальных совещаний, я был бы очень рад, и считал бы это для себя лично (и для дела) *полезным* ⁶.

От всей души поздравляю Вас ⁷, с своей стороны, и крепко жму руку, шлю привет и от Н〈адежды〉К〈онстантиновны〉 Вам обоим ⁸.

С товарищеским приветом. Ленин

Адрес мой:

Wl. Ulianow. Spiegelgasse 14^{II} (bei Kammerer).
Zürich. I.

Л е н и н, т. 49, стр. 410—411.

Послано из Цюриха в Женеву.

Является ответом на недошедшее до нас письмо Луначарского к Ленину. Датируется на основании сообщения Ленина в письме к В. А. Карпинскому 12/25 марта 1917 г.: «Луначарский писал мне, предлагая „совещание“. Я ответил: лично с Вами (с Луначарским) говорить согласен. (Он будет в Цюрихе.) На совещание же согласен *лишь* при условии предостеречь рабочих *против* колебаний Чхеидзе. Он (Луначарский) *промолчал*» (Л е н и н, т. 49, стр. 411—412).

¹ Как можно понять из ответного письма Ленина, Луначарский предлагал устроить в Швейцарии совещание всех русских социал-демократов, стоящих на интернационалистских позициях.

² Зиновьев в 1915—1917 г. был членом большевистского ЦК и поддерживал постоянную связь с Лениным. В феврале-марте 1917 г. он находился в Женеве, где в это же время жил Луначарский.

³ «Гвоздевцы» — русские шовинисты, которые возглавлялись меньшевиком Гвоздевым, председателем «рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете, созданном русской буржуазией в 1915 г.

⁴ Во время Февральской революции Н. С. Чхеидзе был избран председателем первого Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и проводил политику активной поддержки Временного правительства.

“...„МІР для ПРОЛЕТАРІАТА—ЭТО

БЕЗПРЕДЪЛЫЙ

БЕЗПРЕРЫВНЫЙ

ПОТОК СИЛ, ВЪЧНЫЙ
КАСКАД НЕИСТО-
ЩИМОЙ ЭНЕРГИИ,...

ЦИРК „МОДЕРН“ в СУБ. 11ГО НОЯБРЯ, в.ч.
ЛЕКЦІЯ

А. ЛУНАЧАРСКАГО
„В ЦАРСТВѢ ==
== СОЦІАЛИЗМА.“

В ПОЛЬЗУ ПРОЛЕТАРСКАГО
ФИЛОСОФСКАГО КРУЖКА
(ЧЛ. КРУЖКА ВХОД БЕЗПЛАТНЫЙ.)

ПЛАКАТ — ОБЪЯВЛЕНИЕ О ЛЕКЦИИ ЛУНАЧАРСКАГО «В ЦАРСТВЕ СОЦИАЛИЗМА»
Выступление состоялось 11/24 ноября 1917 г. в цирке «Модерн» в Петрограде

⁵ Мартов во время первой мировой войны занимал колеблющуюся позицию. С одной стороны, он выступал как активный противник мировой бойни, поместив в газетах «Голос», «Наше слово», «Новый мир» и ряде других эмигрантских интернационалистских изданий цикл антивоенных статей «Война и российская демократия», с другой, — он был против разрыва с оборонцами, на котором, в частности, настаивал Луначарский в публицистических статьях 1914 — 1916 гг.

⁶ О встрече Луначарского с Лениным перед отъездом большевиков из эмиграции в Россию см. настоящ. том, стр. 637 — 644.

⁷ Ленин поздравил Луначарского с происшедшей в России Февральской революцией.

⁸ Луначарскому и его жене Анне Александровне.

23

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

<2/15 ноября 1917 г.>

Я только что услышал от очевидцев то, что произошло в Москве. Собор Василия Блаженного, Успенский собор разрушаются. Кремль, где собраны сейчас все важнейшие художественные сокровища Петрограда и Москвы, бомбардируется.

Жертв тысячи.

Борьба ожесточается до звериной злобы.

Что еще будет? Куда идти дальше!

Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилён.

Работать под гнетом этих мыслей, сводящих с ума, нельзя.

Вот почему я выхожу в отставку из Совета Нар<одных> Комиссаров.

Я сознаю всю тяжесть этого решения. Но я не могу больше.

А. В. Луначарский

2 ноября 1917 г.

«Новая жизнь», № 171, 3/16 ноября 1917 г. под заглавием «Отставка А. В. Луначарского». Сообщение начиналось словами: «А. В. Луначарским в Сов. Нар. Комиссаров подано следующее заявление».

Совет Народных Комиссаров не принял «отставки» Луначарского. Через много лет, в статье «Ленин и литературоведение» (см. «Литературная энциклопедия», т. 6. М., 1932, стр. 211 — 212) Луначарский писал: «Я позволяю себе привести здесь личное воспоминание, которое особенно ярко запало в мое сознание и которое прекрасно характеризует широту и торжественность той борьбы за социалистическую культуру, которую вел Ленин. Пишущий эти строки был напуган разрушениями ценных художественных зданий, имевшими место во время боев революционного пролетариата Москвы с войсками Временного правительства, и подвергся по этому поводу весьма серьезной „обработке“ со стороны великого вождя. Между прочим ему были сказаны тогда такие слова: „Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?“»

Эта беседа, имевшая большое влияние на Луначарского, определившая перемену его решения, произошла, очевидно, в тот же день, когда было подано заявление об отставке. Уже 3 ноября 1917 г. им было написано обращение «Берегите народное достояние». Приводим его текст, напечатанный в «Новой жизни» № 172, 4/17 ноября 1917 г., «Известиях ВЦИК» № 216, 4/17 ноября и в др. газетах.

БЕРЕГИТЕ НАРОДНОЕ ДОСТОЯНИЕ

(от Народного комиссара по просвещению)

К рабочим, крестьянам, солдатам, матросам и всем гражданам России.

Товарищи! Трудовой народ становится теперь полновластным хозяином страны. Она обнищала. Ее разорила война. Но это преходяще, ибо она богата неисчерпаемыми возможностями. Велики ее естественные сокровища, и, при правильном упорядоченном хозяйстве, ведущемся в интересах общих, народы России будут еще благоденствовать.

Но, кроме богатств естественных, трудовой народ унаследовал еще огромные богатства культурные: здания дивной красоты, музеи, полные предметов редких и пре-

С О В Е Т Ъ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ

Всероссийская Комиссия
по делам о выборах в
Учредительное Собрание
9. ноября 1917 г.
Вход. № 2106

Петроградъ

6 Ноября 1917 г. Всероссийской Комиссии по выборамъ
въ Учредительное Собрание

СОВЕТЪ НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ симъ уполномо-
чиваетъ Управляющаго дѣлами Совета товарища
Владимира Дмитриевича Бончъ Бруевича установитъ
точные данныя о работѣ Комиссии ^и вообще о
тѣхъ мѣрахъ, которыя ею принимаются для прове-
денія выборовъ въ назначенный срокъ.

Предсѣдатель Совета Народныхъ Комиссаровъ

Народные Комиссары

В. Луначарский (Секретарь)
А. Луначарский
С. С. Станиславский - Секретарь

3 секретаря И. Кузнецов

МАНДАТ, ВЫДАННЫЙ В. Д. БОНЧЪ-БРУЕВИЧУ ЗА ПОДПИСЬЮ ЛЕНИНА,
ЛУНАЧАРСКОГО И СТАЛИНА 6 НОЯБРЯ 1917 Г.

красных, поучительных и возвышающих душу, библиотеки, хранящие огромные ценности духа, и т. д.

Все это теперь воистину принадлежит народу.

Все это поможет бедняку и его детям быстро перерасти образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком, обладателем старой культуры, творцом еще невиданной.

Товарищи! Надо зорко, бдительно беречь это достояние народа.

Все говорят: позор вору, который присваивает чужое достояние. И вы обещаете жестокую кару грабителю.

Но во сто раз позорнее быть вором и грабителем народного, всеобщего достояния, обкрадывать молодого хозяина — восставший, героически борющийся трудовой народ.

Да, вы — молодой хозяин страны, и хотя о многом вам сейчас нужно подумать и позаботиться — вы сумеете защитить и это ваше художественное и научное имущество.

Товарищи! Стряслась в Москве страшная, непоправимая беда.

Гражданская война привела к бомбардировке многих частей города. Возникли пожары. Имели место разрушения <...>

Товарищи, это страшно! Народ, молодой царь, прежде чем надеть на голову корону — вынужден был своей рукой навсегда вырвать из нее лучшие камни. Народ в борьбе за власть изуродовал Москву, свою славную столицу.

Очевидно, роковые обстоятельства в том виною. Если бы существовали личные виновники этих несчастий, то имена их были бы проклинаемы детьми вашими и детьми детей.

Когда я, народный комиссар по просвещению, узнал о московском побоище и страшном разрушении достояния народа — я был сражен этим.

Непередаваемо страшно быть комиссаром просвещения во дни свирепой, беспощадной, уничтожающей войны и стихийного разрушения.

В эти тяжелые дни только надежда на победу социализма, источника новой, высшей культуры, которая за все вознаградит нас, дает утешение.

Но на мне лежит ответственность за охрану художественного имущества народа, а тут при полном бессилии моем горит, распадается великое наследие истории.

Нельзя оставаться на посту, где ты бессилён. Поэтому я подал в отставку.

Но мои товарищи, народные комиссары, считают отставку недопустимой.

Я остаюсь на посту, пока ваша воля не найдет более достойного заместителя.

Но я умоляю вас, товарищи, поддержите меня, помогите мне. Храните для себя и потомства красу нашей земли. Будьте стражами народного достоинства.

Скоро и самые темные, которых гнет так долго держал в невежестве, просветятся и поймут, каким источником радости, силы, мудрости являются художественные произведения.

Русский трудовой народ, будь хозяином рачительным, бережливым.

Граждане, все, все граждане, берегите наше общее богатство.

Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский

3 ноября 1917 г.

Через несколько дней, 7 ноября, Луначарский напечатал в «Известиях», № 218, статью под названием «В трудный час», где содержится, в частности, такое важное признание: «В тяжелую минуту, когда до меня дошли (притом как рассказ очевидца) вести о страшном разгроме памятников в Москве, я решил уйти с поста комиссара, который непосредственно отвечает за художественное достоинство народа. Этим я хотел подчеркнуть весь ужас создавшегося в этом отношении положения. Но, конечно, я нигде не ушел бы от борьбы вообще.

Дела в Москве оказались не так плохи.

А главное — пролетариат так трогательно и вместе так решительно выразил свое огорчение, даже перед таким шагом самоустранения лишь от специальной задачи, — что для меня более ясно, чем когда-либо, стало, что рабочие и солдаты Петрограда, герои восстания, с тревогой спрашивают себя в эти дни: окажутся ли на высоте положения партийные интеллигенты, составляющие их штаб?

Каковы бы ни были наши разногласия — мы не смеем дезорганизовывать тот центральный государственный аппарат, количественно и так слабый, которым вынужден пока пользоваться трудовой народ в своей первой самостоятельной борьбе.

Все слухи о том, что в результате боев были повреждены здания Кремля и храм Василия Блаженного, оказались ложными (см. об этом во вступительной статье к настоящ. тому, стр. XXV). Выступление Луначарского в газете «Известия» подтвердило это и показало, что автор признал опрометчивым и ошибочным свое заявление об отставке.

29

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

МАНДАТ

О НАЗНАЧЕНИИ ЛУНАЧАРСКОГО НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

18 ноября 1917 г.

У д о с т о в е р е н и е

Настоящим удостоверяется, что предъявитель этого мандата А. В. Луначарский назначен Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов — народным комиссаром по просвещению.

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров

Вл. Бонч-Бруевич

Секретарь Н. Горбунов

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 1104, л. 65. Машинописная копия.

На документе — расписка Луначарского: «Подлинник получил. А. Луначарский».

26 октября/8 ноября 1917 г. декретом Второго Всероссийского съезда Советов было образовано рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным. Съезд постановил: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, Временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться

18 Ноября 7

№ 26.

Удостоверяется

Настоящим удостоверяется, что предъявитель
этого мандата **Л. В. Луначарский** назначен
Всероссийским Съездом Советов Рабочих и Солдат
ских Депутатов - Народным Комиссаром по Про-
свещению.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВЪ

В. Улитин (Ленин)

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДѢЛАМИ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВЪ

А. Г. Гурьев

СЕКРЕТАРЬ

М. Гурьев

Подлинник погашен

А. Луначарский

КОПИЯ МАНДАТА, ВЫДАННОГО ЛУНАЧАРСКОМУ О ЕГО НАЗНАЧЕНИИ
НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Подлинник подписан Лениным 18 ноября 1917 г.

Советом Народных Комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении рабочих, работниц, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров». Луначарский был назначен народным комиссаром по просвещению (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 20—21).

30

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

9 декабря 1917 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛУНАЧАРСКОМУ

В Совет Народных Комиссаров поступило отношение от краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа, в котором, во исполнение чаяния всех российских мусульман, вышеназванный съезд просит выдать во владение мусульман «Священный Коран Османа», нахо-

дящийся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке.

Исполнение настоящего постановления съезд поручил председателю съезда, товарищу председателя Всероссийского мусульманского военного Шуру, Усману Гидаятулличу Токумбетову и члену Национального парламента Кериму Мухамедшичу Сагидову.

Совет Народных Комиссаров постановил немедленно выдать краевому мусульманскому съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной публичной библиотеке, ввиду чего просит Вас сделать надлежащее распоряжение.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. У л ь я н о в (Л е н и н)
Управляющий делами Совета Б о н ч - Б р у е в и ч
Секретарь Н. Г о р б у н о в

«Исторический архив», 1957, № 5, стр. 13—14.

20 ноября/3 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров обратился с призывом «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» поддержать русскую революцию и Советское правительство. В обращении говорилось: «... тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, — ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет Народных Комиссаров, против захвата чужих земель. Константинополь должен остаться в руках мусульман» (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 113—115).

Воззвание призывало мусульман к совместной работе с Советской властью.

1/14 декабря 1917 г. председатель Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского Совета Ахмед Цаликов обратился в Наркомат по национальным делам со следующим ходатайством мусульманского съезда Петроградского национального округа:

«Народному комиссару по национальным делам

В настоящее время в Государственной публичной библиотеке хранится священное сокровище, достояние всего мусульманского мира — Коран Османа.

Священные реликвии мусульман должны находиться в руках самих мусульман — все мусульмане России желают этого.

Во исполнение чаяния всех российских мусульман, краевой мусульманский съезд Петроградского национального округа единогласно постановил:

- 1) Достояние всех мусульман — священный Коран Османа должен немедленно перейти во владение мусульман.
- 2) Священный Коран Османа должен быть краевым съездом вручен национальному парламенту мусульман Внутренней России и Сибири, заседающему в настоящее время в г. Уфе.
- 3) Исполнение настоящего постановления поручается председателю съезда» (см. «Ленинский сб.», XXXV, стр. 10).

2/15 декабря 1917 г. «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» в № 242, стр. 3, сообщили:

«Совместная работа с мусульманским Советом

Вчера председатель Исполнительного комитета Всероссийского мусульманского Совета, Ахмед Цаликов, вошел в Комиссариат по национальным делам с предложением совместной работы на почве деловых вопросов. Народный комиссар Сталин высказал полное согласие, заявив, что для совместной работы с властью отнюдь не требуется от Исполнительного комитета мусульман тот или иной партийный ярлык, — достаточно простых лояльных отношений, чтобы совместная работа в интересах мусульманских трудящихся масс пошла полным ходом.

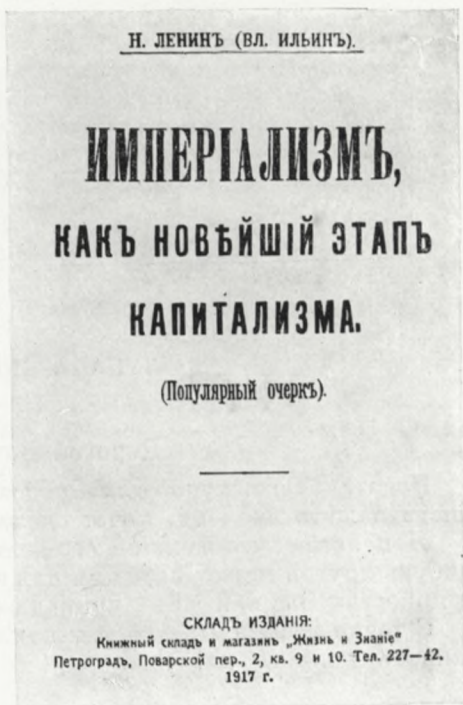
Вчера же было заявлено тов. Цаликовым, что мусульмане хотели бы вернуть себе отобраный у них в прошлом Османский Коран, хранящийся в Эрмитаже. Народный комиссар Сталин заявил, что если этого потребуют мусульмане, их национальная реликвия будет им торжественно возвращена.

Сталин обещал по этому поводу снестись с Народным комиссаром по просвещению А. Луначарским, в ведении которого находится Эрмитаж. 6/19 декабря Ленин подписал распоряжение по поводу Корана: «Выдать немедленно» (см. «Ленинский сб.», XXXV, стр. 10). 9/22 декабря Совет Народных Комиссаров направил наркому просвещения Луначарскому публикуемое предписание. «Известия» в № 248, 10/23 декабря напечатали следующее сообщение за подписью Ленина:

«Удовлетворение ходатайства мусульман

В Совет Народных Комиссаров поступило отношение от краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа, в котором, во исполнение чаяний всех российских мусульман, вышеназванный съезд просит выдать во владение мусульман

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ЛЕНИНА
«ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ
СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА»
Петроград, 1917 г.

«Священный Коран Османа», находящийся в настоящее время в Государственной публичной библиотеке.

Исполнение настоящего постановления съезд поручил председателю съезда, товарищу председателя Всероссийского мусульманского военного Шуро Усману Гидаятуличу Токумбетову и члену национального парламента Кериму Мухамедшичу Сагидову.

Совет Народных Комиссаров постановил немедленно выдать краевому мусульманскому съезду «Священный Коран Османа», находящийся в Государственной публичной библиотеке.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета Бонч-Бруевич
Секретарь Горбунов

9 декабря 1917 г.» (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 195—196).

31

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

23-го декабря 1917 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Прошу утвердить при Комиссариате по народному просвещению правительственными комиссарами:

т. Н. К. Ульянову,
т. П. И. Лебедева-Полянского,
т. В. М. Познера,
т. Л. Р. Менжинскую,
т. И. Б. Рогальского.

Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский
Секретарь Дм. Лещенко

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 37, л. 3.

Заявление Луначарского было рассмотрено и утверждено на заседании Совета Народных Комиссаров 30 декабря 1917 г. (прот. 37, п. 1). В тот же день Лениным было подписано совместно с Луначарским, Бонч-Бруевичем и Горбуновым постановление об этих назначениях (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 587).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈Петроград. Начало 1918 г.〉

Дорогой Владимир Ильич!

Податель сего, художник Бродский, один из талантливейших артистов кисти нашего времени, хочет сделать с Вас портрет.

Я полагаю, что желание его должно быть удовлетворено. Вряд ли кто-нибудь другой может передать для истории со всей желательной полнотой и яркостью Вас как лицо, принадлежащее отныне не себе, а человечеству.

С точки зрения этической и политической, художник Бродский заслуживает полного доверия.

А. Луначарский

«Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников». Под ред., с предисл. и примеч. И. С. Зильберштейна. М.—Л., Госиздат, 1928, стр. 52.

Исаак Израилевич *Бродский* (1884—1939) — живописец и график, в советское время много работал над воплощением образа Ленина, в 1919—1921 гг. неоднократно рисовал Ленина с натуры.

В своих воспоминаниях, впервые опубликованных в указанной книге в 1923 г., Бродский рассказал об обстоятельствах появления этого письма Луначарского Ленину: «К концу 1917 года в Петербурге был организован так называемый „Исполнительный комитет по делам искусств“. Сюда входили лучшие представители самых различных отраслей искусств. Комитет этот, председательское место в котором обыкновенно занимал А. В. Луначарский, собирался в те месяцы довольно часто и почти всегда на квартире у А. М. Пешкова (Максима Горького), который жил тогда на Петроградской стороне, в доме № 23 по Кронверкскому проспекту. До того времени с А. В. Луначарским я не был знаком и знал только его печатные работы. Частые встречи на заседаниях Комитета сделали нас знакомыми, и когда однажды А. В. в разговоре сказал, что мои работы ему хорошо известны и что он считает их интересными, я попросил его помочь мне сделать ряд зарисовок некоторых деятелей Октябрьского переворота. Пообещав свое содействие, Анатолий Васильевич попросил зайти к нему в Зимний дворец, где в то время находился Наркомпрос.

Я не заставил себя долго ждать и через несколько дней зашел к А. В. Луначарскому. Наша продолжительная беседа по целому ряду вопросов жизни, творчества и искусства, тогда нас волновавших, закончилась тем, что при прощании я обратился к Анатолию Васильевичу с просьбой».

Бродский просил у Луначарского рекомендации к Ленину, чтобы сделать его портрет.

«Когда я через некоторое время после получения этих рекомендаций (в конце весны 1918 года), — вспоминал художник, — решил направиться к Владимиру Ильичу, оказалось, что его уже нет в Петербурге и что Совнарком переезжает в Москву» (Указ. изд., стр. 51—52).

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

26/13 февраля 1918 г.

При постановлении об обложении особым налогом роялей Совет Народных Комиссаров отнесся, очевидно, к этому инструменту единственно как к предмету роскоши, между тем для целых категорий лиц, как-то—

№ 365
39 I - 18.

Увольнение и назначение

Директору Кудрявцеву Самойловичу Кудрявцеву
увольняется по соглашению Директорского совета
Самойловича назначаются Аркадий Турецкий.

Куд. С. Н. К. В. Турецкий (Иванов)
Куд. Кем. — Кудрявцев А. В. Владимирский
Заведующий делами С. Н. К.

Секретарь Турецкий

Агенту-делу Ивану Турецкий Кудрявцев
увольняется по соглашению. Все его дела переданы
записи оваломов Турецкий.

Куд. С. Н. К. В. Турецкий (Иванов)
Куд. Кем. — Кудрявцев А. В. Владимирский
Заведующий делами С. Н. К.

Секретарь Турецкий

Комиссару от Кудрявцев. Мухоморов (Иванов)
увольняется по соглашению с Кудрявцевым

Куд. Кем. — Кудрявцев А. В. Владимирский
Секретарь Мухоморов.

артистов, учителей музыки, учащихся, инструмент этот является единственным источником заработка, и высокий налог на него подрывает часто в корне их трудовое существование. Ввиду этого я прошу Совнарком дать разрешение мне как Народному комиссару по просвещению выдавать трудовым музыкантам особые удостоверения, согласно которых их инструменты освобождались бы от налога.

Народный комиссар А. В. Луначарский
Секретарь Дм. Лещенко

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 1064, л. 11
27 февраля 1918 г. Малый Совнарком (прот. 7, п. 5) рассмотрел ходатайство Луначарского и вынес решение: «Предложить Комиссариату труда освободить всех трудовых музыкантов от налога на их инструменты» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 2, ед. хр. 7, л. 1). В этот же день Совнарком (прот. 71, п. 1) под председательством Ленина утвердил это постановление.

34

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА

Марта 7 дня/22 февр. 1918 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Ввиду спешной и в то же время недостаточной эвакуации художественных и исторических ценностей из Петрограда и огромной опасности, которой подвергнутся в Петрограде в ближайшем будущем государственные, общественные и частные имущества этого рода, в сущности все целиком являющиеся важным достоянием народа, я считаю совершенно необходимым немедленно и экстренно организовать сроком пока на 1 (один) месяц особую комиссию по охране вышеуказанных ценностей, снабдив ее соответственными полномочиями.

Для этой цели выделяются из числа служащих художественного отдела три лица, к которым будет присоединено 7 художников или археологов — в качестве членов комиссии, 10 сотрудников и небольшая канцелярия.

Художественный отдел не располагает в настоящее время наличными средствами для покрытия расходов этой экстренной комиссии, в силу чего я ходатайствую об ассигновании из средств казначейства в распоряжение заведующего Художественным отделом тов. Д. П. Штеренберга суммы по следующей смете:

7 членов комиссии по 450 руб.	Руб. 3 150
10 сотрудников » » 350 руб.	» 3 500
На разъезды в Петрограде и окрестностях	» 5 000
На канцелярские расходы, включая сюда и содержание канцелярии	» 3 000
На непредвиденные расходы	» 1 000
Итого:	Руб. 15 650

Руб. Пятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят рублей.

Народный комиссар А. В. Луначарский
Секретарь П. Дрейцер

На ходатайстве Луначарского сбоку резолюция:

«Утверждено. Ленин»

11 ^{на 1000 7609} стр. 2.
 Государственный Комитет по
 Проведению работ по ко-
 дафикации от 9 февраля 1918
 г. Луначарский имеет удовол-
 ствие в том, что Комиссия
 утвердила, как Комиссия по
 в Москве, так и в Петрограде
 свои работы и удачи в СНК.
 Член комиссии Ис. Комиссия
 И. К. Троцкий.

Утверждено През. СНК.
 Луначарский (Ленин)

РАСПОРЯЖЕНИЕ ПО НАРКОМПРОСУ, НАПИСАННОЕ ЛУНАЧАРСКИМ
 И УТВЕРЖДЕННОЕ ЛЕНИНЫМ 9 МАРТА 1918 г.

Смирнов, стр. 326.

Эвакуация художественных и исторических ценностей была вызвана угрозой немецкого наступления на Петроград.

10 марта 1918 г. ассигнование 15 650 руб., предоставленное в распоряжение заведующего Художественным отделом Народного комиссариата по просвещению, было оформлено специальным постановлением (см. «Декреты Советской власти», т. I, стр. 596).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА

⟨9 марта 1918 г.⟩

Государственная Комиссия по просвещению постановила ходатайствовать об оставлении за т. Луначарским общего руководства делами комиссариата и утвердить как заместителя его в Москве, для заведования текущими делами и участия в СНК — члена коллегии Гос. комиссии Н. К. Ульянову.

Внизу рукой Ленина:

«Утверждено. Предс(едатель) СНК В. У л ь я н о в (Л е н и н)».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 5456.

Подпись Ленина — автограф, текст — рукой Луначарского. Ленин в «Заметках об организации аппарата управления» 25 или 26 октября 1917 г. написал: «Надежда Константиновна — товарищ министра при Луначарском» («Ленинский сб.», XXI, стр. 92).

1 ноября 1917 г. Луначарский опубликовал следующий приказ:

«Приказ народного комиссара просвещения о назначении Н. К. Крупской заведующей отделом внешкольного образования при Государственной комиссии по просвещению.

1 ноября 1917 г.

Я, народный комиссар по просвещению, именем Правительства Российской Республики назначаю Н. К. Ульянову заведующей отделом внешкольного образования при Государственной комиссии по просвещению.

Народный комиссар по просвещению А. Л у н а ч а р с к и й»

Идентичные приказы были даны 1 ноября за № 2210 о назначении заведующим отделом статистики П. И. Лебедева-Полянского и за № 2211 о назначении заведующим отделом школ В. М. Познера.

9 марта 1918 г. на заседании СНК Луначарский обратился к Ленину с публикуемой запиской ввиду того, что Советское правительство переезжало из Петрограда в Москву, а Луначарский оставался в Петрограде (см. его письмо в Совнарком на стр. 58—59 настоящ. тома).

Ленин принял предложение Луначарского. В дальнейшем текст этой записки лег в основу постановления Совета Народных Комиссаров (см. «Известия ВЦИК», № 54, 22 марта 1918 г., стр. 3).

РЕЗОЛЮЦИИ ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО НА ХОДАТАЙСТВЕ
ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ

⟨9 марта 1918 г.⟩

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ПО НАРОДНОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

8 марта 1918 г.

В середине января текущего года Институт гражданских инженеров был переведен из Комиссариата по внутренним делам в Комиссариат по народному просвещению, причем перевод этот состоялся неожиданно, без предварительного обсуждения способов передачи дел и сумм, необходимых для дальнейшего существования Института. Между тем представленная еще в июле 1917 года в бывшее Министерство внутренних дел смета на необходимые в 1918 году расходы по Институту не была проведена Министерством, и таким образом Институт к моменту передачи его в Комиссариат по народному просвещению остался без каких бы то ни было средств и в настоящее время находится в совершенно безвыходном положении, не имея совершенно кредитов для уплаты жалования служащим, для выдачи стипендий и пособий студентам и для раслаты с поставщиками и подрядчиками за разного рода учебные и хозяйственные потребности.

№ 2 Раздел 2.
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДѢЛЪ.

ИНСТИТУТЪ
ГРАЖДАНСКИХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

8/23 Марта 1918 г.

№ 240

Петроградъ

*Учредительное собрание
Ленин
Луначарский*

УПРАВЛЕНИЕ ДѢЛАМИ
Министерства Внутренних Дѣлъ
России
8/23 Марта 1918 г.
Вход. № 5434

*Подпись Валентина Соболева
в Круглый столъ Коп. Кош. Л. Луначарский*
Народному Комиссару по Народному Просвѣщенію.

Въ срединѣ Января текущаго года Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ былъ переведенъ изъ Комиссаріата по Внутреннимъ Дѣламъ въ Комиссаріатъ по Народному Просвѣщенію, причемъ переводъ этотъ состоялся неожиданно, безъ предварительнаго обсужденія способовъ передачи дѣлъ и суммъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго существованія Института. Между тѣмъ представленная еще въ Іюль 1917 года въ бывшее Министерство Внутреннихъ Дѣлъ смѣта на необходимые въ 1918 году расходы по Институту не была проведена Министерствомъ, и такимъ образомъ Институтъ къ моменту передачи его въ Комиссаріатъ по Народному Просвѣщенію остался безъ какихъ бы то ни было средствъ и въ настоящее время находится въ совершенно безвыходномъ положеніи, не имѣя совершенно кредитовъ для уплаты жалованья служащимъ, для выдачи стипендій и пособій студентамъ и для расплаты съ поставщиками и подрядчиками за разнаго рода учебныя и хозяйственныя потребности.

Въ виду изложеннаго, представляя при семъ общую смѣту на содержаніе Института въ текущемъ полугодіи, расчетъ вознагражденія служащимъ въ Институтѣ, пояснительную къ нему записку и смѣту на хозяйственныя расходы, прошу Васъ исходатайствовать въ спѣшномъ порядкѣ ассигнованіе Институту исчисленной по общей смѣтѣ суммы 556434 руб. 40 к. на первую половину 1918 года.

Директоръ *Соболевъ*

РЕЗОЛЮЦИИ ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО НА ХОДАТАЙСТВЕ
ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКИХЪ ИНЖЕНЕРОВЪ 8 МАРТА 1918 Г.

Ввиду изложенного, представляя при сем общую смету на содержание Института в текущем полугодии, расчет вознаграждения служащим в Институте, пояснительную к нему записку и смету на хозяйственные расходы, прошу Вас исходатайствовать в спешном порядке ассигнование Институту исчисленной по общей смете суммы 556 434 руб. 40 к. на первую половину 1918 года.

Директор <подпись>

Сверху — надпись Луначарского:

«Подлежит рассмотрению Совнаркома в кратчайший срок.

Нарком А. Луначарский».

Сбоку, кроме подписи П. П. Прошьяна, его рукой:

«Удовлетворить»

Затем подпись:

Ленин

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 5454.

На следующий день, 10 марта, было принято постановление Совнаркома об ассигновании Институту гражданских инженеров на первую половину 1918 г. 556 434 руб. 40 коп. Постановление подписано Лениным (см. «Декреты Советской власти», т. 1, стр. 596).

37

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

<Март, не позднее 10, 1918 г.>

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Дорогие товарищи!

Правительство твердо и совершенно правильно решило покинуть Петербург и перенести столицу Советской России в Москву даже в том случае, если мы получим более или менее длительное замирение.

Но, конечно, правительство не может остаться равнодушным к дальнейшей судьбе громадного, первоклассного мирового революционного центра. Петербургу придется круто. Он вынужден будет болезненно пережить процесс свертывания и в экономическом и в политическом отношении.

Конечно, правительство всемерно постарается облегчить этот мучительный процесс, но все же нельзя будет спасти Петербург от обострения продовольственного кризиса, от дальнейшего роста безработицы, а в связи с тем недовольства остающихся на месте масс и поредения их в ущерб революционности населения в целом.

Все это и тяжело само по себе для жителей и чревато опасностями для судеб Советской власти в Петербурге.

Конечно, с отъездом Совета Народных Комиссаров и ЦИК вся власть окончательно перейдет в руки Петербургского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но было бы опрометчиво возлагать ответственнейшую роль руководителя советской жизни в Петербурге только на председателя Совета т. Зиновьева <...>. Тут необходима коллегия. И в коллегия эту, по-моему, должен быть введен один из народных комиссаров, и при том сравнительно популярных в Петербурге. Он может быть оставлен в качестве Народного комиссара Северной области для координации деятельности Советов этой области и постоянных сношений с Правительством в Москве. Третьим в коллегия мог бы войти любой энергичный и опытный товарищ.

Я решаюсь предложить товарищам народным комиссарам лично себя на пост их официального представителя в Петрограде. Я думаю, что известие о том, что я остаюсь в городе, хоть немного смягчило бы горечь покидаемого правительством центра. Не берусь за администрацию

Правительство отбыло в Москву. Всю почту, телеграммы и прочее присылать в Москву Совету Народных Комиссаров.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Владимир Ленин - Ульянов

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
Бонч-Бруевич

(«Декреты Советской власти», т. I, стр. 578).

После переезда правительства в Москву был создан Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны, а при нем — Малый Совет, решавший текущие дела.

29 апреля 1918 г. второй съезд Советов Северной области, в которую входили Петроградская, Псковская, Олонеккая, Архангельская, Вологодская, Череповецкая, Новгородская и Северодвинская губернии, постановил создать Союз коммун Северной области и областной Совет комиссаров. В мае 1919 г. Союз коммун Северной области был ликвидирован и управление этими районами осуществлялось при непосредственном подчинении краев и областей центральной власти.

Луначарский оставался на работе в Петрограде до начала 1919 г., руководя Комиссариатом просвещения Союза коммун Северной области. Москву он посещал периодически.

Крупская в статье «Год работы Народного комиссариата просвещения» так характеризует то время, когда Луначарский оставался в Петрограде: «Переезд в Москву разбил на время нашу работу. Народный комиссар по просвещению продолжает работать в Петрограде, и отсутствие его сильно отзывается на работе комиссариата» (статья впервые напечатана в «Известиях ВЦИК», 1918, № 245, 10 ноября. См. Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах. М., Изд-во Академии педагогических наук, 1958, т. 2, стр. 93).

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

<9 апреля 1918 г.>

Прошу поставить на повестку Совнаркома 10/IV следующие вопросы:

1) О предложении Академии наук работ по учету естественных богатств России.

2) О поручениях Комиссариату Нар<одного> просв<ещения> мобилизации научных сил для обслуживания разл<ичных> нужд Советской власти.

Нар<одный> комиссар А. Луначарский

9/IV

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 94, л. 35. Автограф.

Вместе с протоколом Совнаркома сохранился текст предлагаемой Луначарским резолюции (черновой автограф): «Заслушав доклад нар. комиссара по просвещению о предложении Академией наук ученых услуг Советской власти по исследованию естественных богатств страны, Совнар<ком> постановляет пойти навстречу этому предложению, принципиально признать необходимость финансирования соответственных работ Академии и указать ей как особенно [желательную для] важную и неотложную задачу систематическое [расследование] разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил. Луначарский. 12 а<п>р. 1918 г.»

В тот же день на заседании Совнаркома резолюция была принята как постановление (прот. 94, п. 11). Ленин подписал протокол (см. «Известия», 1918, № 77, 19 апреля, а также «Декреты Советской власти», т. II, стр. 94).

С принятием этого декрета связан написанный Лениным «Набросок плана научно-технических работ» (Ленин, т. 36, стр. 228—231).

Постановлению Совнаркома 12 апреля 1918 г. предшествовали следующие события.

В январе 1918 г. Наркомпрос через своего представителя предложил Академии наук войти в сотрудничество с Советской властью (см. «Известия Российской Академии наук». Серия VI, 1918, № 14, стр. 1391—1392). 24 января непреходящий секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург сообщил об этом на экстраординарном заседании общего собрания Академии. Собрание вынесло постановление: «Уполномочить непреходящего секретаря ответить, что ответ Академии может быть дан по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии и от наличности тех сил, которыми она располагает».

5 марта Луначарский вновь поднял вопрос о сотрудничестве в большом письме к нему президента Академии наук А. П. Карпинского. Он писал: «Чрезвычайная серьезность народнохозяйственной проблемы и самый объем стоящих перед страной экономии-

ческих задач требуют постановки исследования столь широкого, что вне коллективно организованной работы, вне планомерной координации отдельных усилий исследование это неосуществимо. <...>. В этих условиях Народный комиссариат просвещения счел наиболее правильным обратиться к Академии наук, инициатива и организационные возможности которой получили такое яркое выражение в работе, совершенной за годы войны образованной при ней комиссией по изучению естественных производительных сил России.

Комиссариат, конечно, понимает те неизбежные затруднения, которые при этом должны были бы встретиться у Академии, в связи с тем, что центр тяжести научного интереса Академии, как она ныне конструируется, лежит в области теоретических наук, в частности, физико-математических и историко-филологических. От него не скрыто, что распространение организационной инициативы Академии на область наук социально-экономических потребовало бы значительного напряжения сил и создания организационной связи с дисциплинами, ныне мало представленными в Академии.

Тем не менее Комиссариат решается сделать Академии наук это предложение, находя себе опору в тех энергичных попытках выйти за пределы своих основных научных интересов, которые были сделаны Академией за время войны, и в тех удивительных достижениях, которыми эти попытки в результате были ознаменованы. <...>

Ко всему этому надо прибавить, что в тяжелой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой, независимой научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны» («Известия РАН», 1918, № 14, стр. 1387—1391). Отвечая на письмо Наркома просвещения, президент Академии наук А. П. Карпинский выражал готовность ученых безотлагательно заняться изучением естественных производительных сил страны в интересах народного хозяйства. «Милостивый государь, Анатолий Васильевич, — писал Карпинский. — Письмо Ваше на мое имя было доложено конференции Российской Академии наук, которая всесторонне его обсудила и поручила комиссии по изучению естественных производительных сил страны, уже с 1915 года ведущей ряд работ, объединяющих русских ученых на почве использования для нужд народных естественных производительных сил страны, составить записку с изложением того, к чему Академия могла бы приступить немедленно, развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею» («Известия РАН», 1918, № 14, стр. 1393).

Как установил И. С. Смирнов, Луначарский обратился к председателю ВЦИК Я. М. Свердлову с предложением сделать доклад об отношениях с Академией наук, предложившей свои услуги Советской власти. Доклад на пятом заседании ВЦИК IV созыва состоялся 11 апреля 1918 г. В резолюции отмечалось:

«Одобрения в целом деятельность Комиссариата по просвещению, ЦИК с полным удовлетворением отмечает прекращение саботажа и со стороны профессиональных ученых. ЦИК вполне одобряет решение Народного комиссариата по просвещению о привлечении к работе Академии наук» (С м и р н о в, стр. 262).

39

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телеграмма

Москва 13 мая 1918 г.

Петроград

Смольный

Народному комиссару просвещения Луначарскому

Удивлен и возмущен бездеятельностью Вашей и Малиновского в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы.

Николай Розенфельд просит дать ему заказ по росписи каких-либо общественных зданий. Дайте ваше заключение.

Л е н и н

Л е н и н, т. 50, стр. 73.

Луначарский в статье «Монументальная агитация» в № 11 журнала «Пламя» за 1918 г. писал о тех мероприятиях, которые будут положены в основу задуманной Лениным монументальной пропаганды. Статья написана Луначарским в дни, когда к монументальной агитации лишь приступали, и в памяти Луначарского были свежи воспоминания о недавних разговорах с Лениным.

К протоколу Совета Народных Комиссаров № 94, п. 4 приложена записка Луначарского, в которой он просил поставить на заседании СНК 10 апреля вопрос об уничтожении памятников царям и о построении революционных памятников и представил

соответствующий проект. 12 апреля Советом Народных Комиссаров проект Луначарского был принят (с небольшими поправками) как «Декрет о памятниках Республики», подписанный Лениным, Луначарским и Сталиным.

Между 1 и 13 мая Ленин послал запрос П. П. Малиновскому, бывшему тогда комиссаром имуществ Республики: почему, несмотря на безработицу, не выполняется постановление Совета Народных Комиссаров (Л е н и н, т. 50, стр. 68—69). Получив ответ от Малиновского, Ленин сделал на нем ряд надписей (см. «Советская культура», 1963, № 49, 20 апреля). Ленин отмечает, что нужны «революционные и социалистические надписи на общественных зданиях». «Надо выбрать комиссию и тотчас составить список, проект надписей, изречений и цитат». 13 мая Ленин послал публикуемую выше телеграмму Луначарскому в Петроград. 15 июня Ленин отправил письмо в Наркомпрос и в Наркомат имуществ, предлагающее представить сведения о выполнении декрета, указав на «двухмесячную проволочку». 21 июня Луначарский обратился в Малый Совнарком, ссылаясь на Ленина, с просьбой об ассигновании на 20 скульптур 100 тыс. руб. и аванса 30 тыс. руб.

29 июня по докладу Ленина вопрос был срочно рассмотрен на заседании Совнаркома (прот. 150, п. 2). СНК постановил ассигновать 30 тыс. руб., предложив Луначарскому представить полную смету и собрать комиссию в составе Луначарского, Покровского, представителей Московского Совета и Наркомата имуществ для ускоренного выполнения декрета. В постановлении было оговорено специальным пунктом снятие памятника Александру III в Москве. 2 июля Ленин подписал постановление СНК от 29 июня о выдаче аванса на работы по постановке временных памятников великим деятелям Русской революции (см. «Декреты Советской власти», т. II, стр. 644). 8 июля на заседании Совнаркома было принято, по предложению Ленина, постановление о невыполнении «Декрета о памятниках Республики», в котором ставилась на вид Наркомпросу, Комиссариату имуществ, президиуму Московского Совета «их совершенно недопустимая бездеятельность...». Предложено было этим учреждениям к следующему дню выделить ответственное лицо для надзора за выполнением декрета с обязательством два раза в неделю докладывать Ленину. В протоколе СНК от 8 июля хранится записка Луначарского с вопросом об исполнителях поручений, адресованная, очевидно, председателствующему — Ленину. 10 июля Луначарский и его помощники обратились с письмом к Ленину, в котором указывали, что совместные мероприятия с Московским Советом затруднены, и просили поручить дело о памятниках либо Московскому Совету, либо Наркомпросу.

12 июля Луначарский повторно в записке просил Ленина разрешить вопрос о том, кто будет заниматься выполнением декрета в Москве. 12 июля на заседании Совнаркома произошел обмен записками между Луначарским и Лениным о предстоящей встрече архитектора Виноградова (секретаря комиссии по снятию памятников) с Луначарским.

17 июля Совнарком (прот. 158, п. 3) заслушал доклад М. Н. Покровского о постановке в Москве 50 памятников и вынес ряд решений, связанных с выполнением этой работы, утвердил условия конкурса Московской художественной коллегии Отдела изобразительных искусств (см. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 47—48).

Ленин многократно напоминал Луначарскому об отсутствии надписей и цитат. В «Известиях ВЦИК» (№ 152, 20 июля 1918 г.) было напечатано обращение Луначарского о конкурсе на лучшие надписи и изречения для монументальной пропаганды. Всем и каждому предлагалось «отыскивать и присылать короткие, яркие, глубокие изречения, способные заставить задуматься прохожего человека и зародить искру светлой мысли или горячего революционного чувства в его душе».

30 июля Совнарком (прот. 168, п. 2) принял постановление об утверждении представленного Наркомпросом списка памятников великим деятелям, внеся ряд изменений и поручив Наркомпросу договориться с Московским Советом о немедленном производстве работ по установке памятников. В «Известиях» от 2 августа 1918 г. за подписью Ленина был опубликован список лиц, которым должны были быть поставлены монументы в Москве и других городах республики.

16 августа Ленин послал предписание Наркомтруду об условиях привлечения безработных к постановке и снятию памятников («Декреты Советской власти», т. III, стр. 219). 22 августа Малый Совнарком (прот. 101, п. 3), заслушав доклад художника Н. Альтмана по смете Отдела изобразительных искусств, постановил ассигновать на 80 памятников (по Москве и Петрограду) авансом 560 тыс. руб. и поручил Наркомпросу «снять безобразных истуканов, деятелей старого режима и реакции в двухнедельный срок». Ленин подписал это постановление (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7022, л. 1). В конце августа зав. Отделом изобразительных искусств В. Е. Татлин написал письмо Луначарскому о том, что к ноябрю в Москве будет готово 30 памятников. По словам Татлина, художники работают с большим подъемом, но Виноградов тенденциозно информирует Ленина о ходе и качестве работ. Татлин просил поставить Ленина в известность о действительном положении дел. Это письмо Луначарский переслал Ленину (см. стр. 78 и 80). В архиве Ленина сохранился документ: 28 изречений Маркса, Дантона, Чернышевского, Лассалья, Цицерона, Гейне, Томаса Мора, Шиллера и др. с надписью Луначарского о том, что эти изречения одобрены в качестве текстов для монументальной пропаганды им, В. Я. Брюсовым и В. М. Фриче (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 30896).

*Дорогому
товарищу
Ивану
Скворцову
автор
29.9.1918*

Книгоиздательство «ЖИЗНЬ И ЗНАНИЕ»
Петроградъ, Пискаревской пер., д. № 2, кв. 2, 10 и 11. Тел. 237—42.

В. ИЛЬИНЪ (Н. Ленинъ).

ГОСУДАРСТВО
И
РЕВОЛЮЦІЯ.

Ученіе марксизма о государствѣ и задачи
пролетаріата въ революціи.

Цѣна 2 р. 50 к.

83

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ЛЕНИНА «ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ»
С ДАРСТВЕННОЮ НАДПИСЬЮ И. И. СКВОРЦОВУ-СТЕПАНОВУ
«Дорогому товарищу Ивану Ивановичу Скворцову от автора. 19/V 1918»

На заседании Совнаркома 9 сентября 1918 г. Каменев на письме комиссии по монументальной пропаганде сделал запрос Луначарскому, знает ли он что-либо о подготовке надписей. Луначарский ответил, что комиссия (Фриче, Покровский, Брюсов) представила 28 изречений, которые, как он отмечает, «одобрены мною и Ильичем» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 193, л. 69).

18 сентября Ленин послал телеграмму Луначарскому, выражая возмущение, что в области монументальной агитации месяцами ничего не делается, а если делается, то плохо. 19 сентября, присылая Ленину материалы по проектам герба и печати Совнаркома, Луначарский заверял: «Принимаются все усилия к тому, чтобы как можно скорее осуществить планы монументальной пропаганды» (стр. 84).

1 октября Малый Совнарком (прот. 131, п. 2) ассигновал на памятники и тексты 55 тыс. руб. Ленин при подписании протокола внес изменение, увеличив сумму до 165 тыс. руб. 12 октября Ленин получил от Моссовета выписку из постановления Президиума от 7 октября, в котором Моссовет снимал с себя ответственность за постановку бюстов, ввиду того, что Наркомпрос не представил ему их. В ответ на это Ленин написал письмо Президиуму, указав, что такая форма действий напоминает поступки «капризных барышень», а не «взрослых политиков». «Ответственность вы с себя не снимете, а втрое ее усилите» (Ленин, т. 50, стр. 191—192).

На рукописи Ленина сделана отметка: «Заслушано в президиуме 14 октября». 19 октября Наркомпрос препроводил в Совнарком отношение Отдела изобразительных искусств, извещавшего, что Виноградов по поводу выдачи бюстов Робеспьера и Никитина в отдел не обращался и что бюсты по мере изготовления передаются Моссовету. Отдел просил поставить об этом в известность Ленина (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 33415, л. 1). К материалам был приложен список изготавливаемых памятников с указанием фамилий скульпторов и их адресов (там же, лл. 3—4).

Большой интерес представляют статья Луначарского «Ленин о монументальной пропаганде», напечатанная в «Литературной газете», № 4—5, 29 января 1933 г., письмо Луначарского в Институт Ленина 5 января 1927 г. («Новый мир», 1965, № 4, стр. 254—255), а также статья «Ленин и искусство», много раз переиздававшаяся. Они дают представление о всех сложностях, достижениях и неудачах, сопровождавших большую работу Наркомпроса и художников в области монументальной пропаганды.

В адресной и справочной книге «Вся Москва» на 1925 г. в IX разделе «Архитектура и исторические достопримечательности Москвы» под заголовком «Достопримечательности исторического характера, памятники и монументы за время революции», между прочим, отмечены некоторые из памятников, поставленных в 1918—1924 гг. Там же на стр. 588 помещен перечень «Доски и надписи на стенах и зданиях», оставшиеся в 1925 г. Конечно, этот перечень не дает полного представления о том, какая работа была проведена в Москве, но свидетельствует, что надписи нередко были случайными, что делали их самые различные организации и люди (до анархистов включительно). Качество и содержание изображений, сопровождавших надписи, часто оказывались невысокими.

40

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

(Между 16 и 30 мая 1918 г.)

Покорнейше прошу М<алую> ком<иссию> Совнаркома ввиду сильного голода среди детей Петрограда в срочном порядке рассмотреть настоящее ходатайство.

<Нарком по просвещению А. Луначарский>

На обороте ходатайства (текст см. ниже) имеется надпись Ленина:

«Москва. Гос<ударственная> К<омиссия>»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6009.

Обращение в Малый Совнарком написано Луначарским как резолюция на тексте ходатайства делегации работников культурно-просветительных учреждений при районных Советах Петрограда. 16 мая 1918 г. эта делегация совместно с Дошкольным отделом Наркомпроса обратилась к Луначарскому со следующим заявлением:

«Комиссару народного просвещения г. А. В. Луначарскому

Делегации, выбранной на совместном с Дошкольным отделом Комис<сариата> народного просвещения представителями от культурно-просветительных организаций при районных Советах собрания

Заявление

Мы, работники культурно-просветительных организаций при районных Советах, получив через Комиссариат народного просвещения денежные кредиты на организацию детских летних площадок в Петрограде, убедительно просим дать возможность организовать при площадках питание для голодающих детей города, так как убеждены, что при отсутствии питания посещение площадок сократится до минимума, что показывает опыт целого ряда детских учреждений (школьные очаги для неимеющих соответственной домашней обстановки, детские клубы и т. п.) и суммы, потраченные на организацию площадок, будут непроизводительным расходом. В посещениях площадок по приблизительному расчету нуждается 23 160 детей от 3-х до 12 лет (1/15 часть всех детей города). Исходя из опыта работы в детских питательных пунктах, стоимость питания ребенка один раз в день выразится в сумме 1 р., следовательно, питание всех детей, посещающих площадки, потребует в месяц 694 800 р., а в 3 1/2 месяца — 2 431 800 р., каковая сумма и испрашивается вышеуказанными работниками.

16 мая 1918 г.

По поручению делегации член культурно-просветительного отдела при Выборгском районном Совете Е. Шалагинова.

41

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ
И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА

22 мая 1918 г.

Государственная комиссия по просвещению постановляет: за отказом настоящего заместителя Н. К. Ульяновой, просить Совет Народных Комиссаров утвердить заместителем Народного комиссара по просвещению М. Н. Покровского.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Секретарь Государственной комиссии по просвещению Альтер

Снизу резолюция Ленина:

«Утверждено. Ленин»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6069.

42

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

28 мая 1918 г.

Прошу срочно (ввиду скорого моего отъезда) поставить в М(алой) К(омиссии) Совнаркома прилагаемые дела:

- 1) О субсидии Московской консерватории.
- 2) О национализации Третьяковской галереи.
- 3) О воспрещении продажи и вывоза произведений искусства.
- 4) О кредите в счет неустановленных точно остатков сметы 1917 г.

Нарком Луначарский

О дне рассмотрения этих вопросов, как равно и ранее мною поставленных прошу поставить меня в известность накануне.

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 938, л. 26. Автограф, карандаш.

Все четыре вопроса, поставленные Луначарским, были включены в повестку заседания Малого Совнаркома 30 мая 1918 г. (прот. 46, пп. 3, 4, 5, 7).

Ходатайство Московской консерватории о выдаче ей 400 000 р. субсидии было удовлетворено наполовину. В протоколе читаем: «Утвердить субсидию Московской консерватории в половинном размере — всего в сумме 200 000 руб.» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6131, л. 1 об.). Следует отметить, что 12 июля 1918 г. Совнарком под председательством Ленина утвердил декрет о переходе Петроградской и Московской консерваторий в ведение Наркомпроса (См. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 11—12).

Проект декрета о национализации Третьяковской галереи был утвержден.

С поправками был утвержден и декрет о воспрещении продажи и вывоза за границу предметов искусства и старины.

31 мая на заседании Совнаркома под председательством Ленина были утверждены решения о субсидии Московской консерватории, о национализации Третьяковской галереи и о запрещении продажи и вывоза за границу художественных ценностей (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6148, л. 1 об.).

В текст декрета о национализации Ленин собственноручно (чернилами) внес поправку. В п. 1: «Московскую городскую художественную галерею П. и С. М. Третьяковых объявить государственной собственностью Российской Федеративной Советской Республики ...» Ленин вписал слово «имени»: «имени П. и С. М. Третьяковых».

Третий вопрос, поставленный на заседании Малого Совнаркома, был связан с его решением 28 мая, когда (прот. 44, п. 4) было принято постановление о запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (Тондо), принадлежавшей Е. П. Мещерской: «Ввиду исключительного художественного значения картины картины Боттичелли (Тондо),

принадлежащей в настоящее время гражд. Е. П. Мещерской, предполагающей, по имеющимся сведениям, вывезти картину за границу, Совет Народных Комиссаров постановляет: картину эту реквизировать, признать ее собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в один из национальных музеев Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Исполнение сего постановления возложить на Комиссариат по народному просвещению. Поручить Комиссии по народному просвещению разработать в 3-дневный срок проект декрета о запрещении вывоза из пределов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики картин и вообще всяких высокохудожественных ценностей — и проект этот представить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров». Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6104, л. 1 об.).

30 мая Малый Совнарком рассмотрел и утвердил проект декрета, но 31 мая на заседании Совнаркома под председательством Ленина (прот. 129, п. 6) в проект были внесены поправки и его текст был возвращен Наркомпросу «для исправления редакций и принятия во внимание замечаний Комиссариата торговли и промышленности о необходимости затребовать мнение таможенного отдела при Комиссариате торговли и промышленности».

Проект декрета рассматривался затем неоднократно на заседаниях: Совнаркома — 8 июля (прот. 153, п. 3), Малого Совнаркома — 10 июля (прот. 72, п. 7), 16 сентября (прот. 118, п. 5). Все протоколы подписаны Лениным. 19 сентября Совнарком под председательством Ленина утвердил «Декрет о запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения, который был опубликован в «Известиях» 24 сентября, № 207 (см. также «Собрание узаконений», № 69, ст. 75 и «Декреты Советской власти», т. III, стр. 352—354).

Четвертый пункт записки Луначарского предусматривал ходатайство об отпуске из сумм государственного казначейства в распоряжение Наркомпроса аванса в 20 000 000 руб. Малый Совнарком рекомендовал обратиться за разрешением в Народный комиссариат финансов (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6131, л. 2). На заседании Совнаркома 31 мая (прот. 129) было сделано добавление: перед словом «разрешением» поставлено: «предварительным» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6148, л. 2).

43

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12 июня 1918 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Мне кажется, что между гг. Цюрупой и Малышевым есть какое-то недоразумение, которое мне хотелось бы выяснить до дна. Тов. Малышев производит на меня впечатление очень дельного человека. Работа по сбору товара для Вятской губ. кипит у него в руках. Мы могли бы уже двинуться при самых благоприятных предзнаменованиях через какую-нибудь неделю. Но, усмотрев в телеграмме тов. Цюрупы как бы некоторое недоверие к себе, тов. Малышев колеблется относительно рациональности при таких условиях участия своего в моей экспедиции. Я же в таком участии крайне заинтересован. Одновременно с выяснением этого недоразумения тов. Малышев переговорит с Вами и тов. Цюрупой и о некоторых других сторонах дела. Смету по моей экспедиции вместе с просьбой авансировать для меня известные суммы я Вам представлю в кратчайший срок.

Надеюсь, что статью мою «Зачем мы едем в Вятскую губернию» Вы уже прочли. Как я убедился, она произвела среди петроградских рабочих самое благоприятное впечатление.

Прошу Вас отнестись к тов. Малышеву с доверием и дружелюбием, какого заслуживает этот опытный работник.

Горячо Вас любящий

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30898.

12 июня 1918 г. Советом Народных Комиссаров (прот. 155, п. 6) был принят за подписью Ленина декрет, в вводной части которого было написано: «Ввиду временной не-

в приложении № 15

РОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
РАБОЧЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
Почтовый ящик Прог. Зав. № 1
Республики и Рес. Прог. Зав. № 1
22 мая 1918 г.
19 мая 1918 г.
Бход. № 413

22 мая 1918 г.

№ 487
Исх. № 80

Государственная комиссия по просвещению постановляет на отказом настоящих заявителей Н. К. Чамзовой просить Совет Народных Комиссаров утвердить заместителем Народной Комиссии по просвещению М. Н. Покровского.

Народный Комиссар по просвещению: *И. Луначарский*

Секретарь Государственной Комиссии по просвещению

И. Луначарский

И. Луначарский

И. Луначарский

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРКОМА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ, ПОДПИСАННОЕ ЛУНАЧАРСКИМ И УТВЕРЖДЕННОЕ ЛЕНИНЫМ 22 МАЯ 1918 Г.,

возможности вести заготовку хлеба в Западной Сибири, занятой мятежными бандами чехословаков и белогвардейцев, и необходимости обратить особенное внимание на извлечение хлеба из ближайших к столицам хлебных губерний, Совет Народных Комиссаров 12/VI 1918 г. постановил: 1. Включить в сферу действий чрезвычайного комиссара по продовольствию в Сибири тов. А. Г. Шлихтера губернии: Пермскую, Вятскую и Вологодскую». Далее декрет предоставлял Шлихтеру, «... в деле заготовки хлеба и скорейшей его доставки в голодающие столицы и неземледельческий центр» всю полноту власти. Шлихтер и Цюрупа отрицательно относились к предложениям С. В. Малышева (см. ниже), воспринимая его инициативу как нежелательную, ведущую к сепаратным действиям.

В ЦПА ИМЛ (ф. 461) оп. 4, хранятся письма С. В. Малышева Ленину. Приводим текст одного из них (ед. хр. 30980):

«Из Петрограда

Председателю Совета Народных Комиссаров Ленину,
копия Свердлову

Более месяца тому назад был одобрен Советом Комиссаров Северной области мой план хлебных заготовок посредством передвижных государственных барж. Мною обследована была для этого Вятская губерния, уезды рек Камы и Вятки, где имеется до 6 миллионов пудов хлеба. Правильность этого плана была признана многими товарищами продовольственного органа и тов. Лениным, а тов. Луначарский тогда же согласился поехать со мною в качестве чрезвычайного комиссара. Тогда же мною с санкции Луначарского был набран торговый штат, военная охрана и вообще весь аппарат. Для этих государственных лавок подобраны тогда названия товаров крестьянского употребления. Вот уже вторую неделю поезд с людьми и товарами стоит на станции. Смета за подписью тов. Луначарского представлена тов. Цюрупе. Уже две недели по этому делу в Москве находится помощник тов. Шкалов и ничего не может добиться. Теперь, оказывается, тов. Шлихтер сам начал организовывать баржу-лавку. При личном свидании со мною Шлихтер на просьбу мою прикомандировать меня к себе отказал. Теперь оказалось больше этого, мною подобранный товар Шлихтер или Цюрупа приказали отправить для него, Шлихтера. В чем тут дело, я положительно не понимаю. Прошу дать мне указание, как мне быть дальше. Людям надо платить жалованье, нужно ехать и работать, уже все готово, а меня задерживают и разбивают дело. Прошу утвердить смету возможно скорее и дать мне довести начатое мною дело до конца.

Сергей М а л ы ш е в

Передал Оржа

Принял Половинкин

1918 г. 15.VII»

В статье «Зачем мы едем в Вятскую губернию?», помещенной в «Правде» 16 июня 1918 г. (№ 120), Луначарский писал, что целью этой экспедиции является товарообмен.

«По нашим сведениям, Вятская губ. могла бы дать еще довольно значительное количество хлеба, которое для Петрограда и отчасти для Москвы явилось бы подлинным спасением». И далее: «...из числа имеющихся у нас на различных складах продуктов будут выбраны в первую голову по 18 вагонов тех товаров, в которых, по нашим данным, особенно нуждается Вятская губ. Цены на товары будут поставлены настолько низкие, насколько это мыслимо без прямого убытка для государства. Для продвижения товаров потребителю будут использованы не только железные дороги, но и водные пути — по рекам Каме и Вятке будут пущены баржи-лавки вместе с баржами для приемки хлеба. Мы предполагаем устроить на баржах как амбулаторный пункт, так и небольшие культурно-просветительные ячейки, и, наконец, кружок пропагандистов-рабочих, для разъяснения идей, лежащих в основе нашей советской политики.

Я постараюсь разъяснить населению, особенно крестьянам, идеалы и цели, а также горькие нужды Советской республики. Я укажу им на то, что в настоящий момент является заслугой всемерно пойти навстречу этим нуждам; я буду настаивать на той мысли, что поднятие твердых цен на хлеб могло бы быть только выгодно исключительно для лиц, владеющих значительным его количеством. Отряд, который я беру с собой, служит исключительно для охраны грузов от хищников, а входящие в него рабочие войдут вместе с тем в живое общение с крестьянами.

Вот та связь, которая единственно может послужить прочным основанием дальнейших успехов социализма в России. Я прошу Центральный Совет Народных Комиссаров дать мне полномочие, достаточное для того, чтобы и другие каналы продовольственного характера Вятской губернии направлялись согласно с духом выраженной здесь общей продовольственной политики.

Я желал бы, чтобы все газеты, желающие быть лояльными, напечатали это мое разъяснение.

Луначарский

В письме Н. П. Горбунову 26 июня 1918 г. Луначарский пишет: «При всем моем желании как можно скорее ехать в Вятку, я вынужден ехать в Москву на несколько дней, так как накопилось множество недоразумений» (см. настоящ. том, стр. 72).

По получении Лениным писем Луначарского и Малышева вопрос о поездке был согласован, и так как Луначарский задерживался по важным делам, Малышев отправился во главе экспедиции.

В воспоминаниях «Встречи с Лениным» (см. «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 106—116) Малышев сообщает:

«Первую баржу с хлебом я сам отвез на станцию Увек, перегрузил на железную дорогу и маршрутом отправил, куда мне было указано. Когда мы послали Владимиру Ильичу телеграмму о том, что в закупке хлеба посредством баржелавок успех получился больше, чем мы ожидали, он немедленно же прислал нам телеграмму» (стр. 110—111). Текст телеграммы гласил: «Екатериноград (Екатериинштадт) Самарской. Сергею Малышеву 17 августа 1918 г. Москва. Приветствую успех. Телеграфируйте срочно и регулярно сколько именно сыпано и доставлено в Саратов и когда. Особенно важно не разбрасываться, а собрать полностью все излишки хлеба сначала в одной волости и дать ей громадную премию. Телеграфируйте исполнение. Предсовнаркома Л е н и н» (Л е н и н, т. 50, стр. 153).

44

ЛЕНИН — В КОМИССАРИАТЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И ИМУЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ

<15 июня 1918 г.>

Предлагается Вам незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета от 13.IV.1918, особенно по 1) снятию старых памятников, 2) по замене их хотя бы временными, новыми и 3) по замене старых надписей на общественных зданиях новыми (§ 5 декрета).

Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды и с точки зрения занятия безработных — непростительна.

Пред. СНК

15 июня 1918 г.

Л е н и н, т. 50, стр. 101 (см. п. 39 и примеч. к нему).

45

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

21 июня 1918 г.

Дорогой Анатолий Васильевич,

Ваше письмо за № 1466 было нами получено 12 июня. По поручению Владимира Ильича Ленина, согласного с Вашим предложением заменить слово «Республика» в надписи на новых образцах почтовых марок словом «Советская», я запросил народного комиссара почт и телеграфов Вадима Николаевича Подбельского, настаивавшего, как видно из Вашего письма, на соответствующей замене словом «Социалистическая». Вадим Николаевич ответил мне, что не настаивает на своем требовании и согласен с Вашим предложением, а также просил меня довести об этом до Вашего сведения. Таким образом, надпись на новых марках будет: «Советская Россия».

С товарищеским приветом

Секретарь Совета Народных Комиссаров <Н. Г о р б у н о в >

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

УПРАВЛЕНИЕ ДѢЛАМИ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль

2 июля 1918 г.

№ 1430.

Ленин
от имени комиссии
М. В. Луначарский
Оригинал

73'

43 Н. К. по Просвѣщенію.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

Совет Народныхъ Комиссаровъ въ засѣданіи отъ 29-го

іюня с/г. постановилъ:

Ассигновать авансомъ Нар.Комис. по Просвѣщенію
30.000 руб./тридцать тысячъ рублей/ на работы по постанов-
кѣ временныхъ памятниковъ великимъ дѣятелямъ Русской Револю-
ціи съ тѣмъ, чтобы Нар.Комиссаромъ по Просвѣщенію тов. А.В.
Луначарскимъ немедленно была представлена полная смета
на всю требующуюся сумму.

Предсѣдатель Совѣта
Народныхъ Комиссаровъ

В. Г. Червильев (Ленин)

Секретарь Совѣта

И. П. Голубин

Введенъ въ народномъ
управленіи по Просвѣщенію
1918 г.
3/июль
№ 17827

Вход. № 1430
3. июля 1918
Управленіе по Просвѣщенію

Сметы Комиссии

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ ОБЪ АССИГНОВАНИЯХЪ
НА УСТАНОВКУ ПАМЯТНИКОВЪ ВЕЛИКИМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
2 ІЮЛЯ 1918 Г., ПОДПИСАННОЕ ЛЕНИНЫМЪ

«История СССР», 1965, № 2, стр. 77. Письмо Луначарского, на которое ссылается Горбунов, не обнаружено.

В 1918 г. была выпущена первая серия советских почтовых марок, состоящая из двух марок (по 35 и 70 копеек) с изображением руки с мечом, разрубающим цепь. Марки печатались с несколько видоизмененных клише, заготовленных еще Временным правительством в 1917 г., с надписью сверху марки по старой орфографии «Россія». Возможно, в письме речь шла о подготовке новой серии марок, которая должна была заменить эту серию. Первая советская оригинальная серия почтовых марок (РСФСР) появилась только в 1921 г. Надпись на этих марках была: «РСФСР».

46

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

21 июня 1918 г.

Препровождая при сем отношение Академии наук в Совет Народных Комиссаров за № 988 от 7 июня с. г., сообщаю мнение Председателя Совета Народных Комиссаров о желательности превращения Петроградской духовной академии из оплота клерикализма в орган, способный объективно научно заняться анализом и изучением всяких религий. О последующем не откажите поставить в известность Управление делами СНК и Академию наук.

Секретарь Совета Народных Комиссаров <Н. Горбунов>

«История СССР», 1965, № 2, стр. 76.

47

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

21 июня 1918 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
В МАЛУЮ КОМИССИЮ

Ввиду того, что коллегия по делам искусства при Народном комиссариате Союза Сев<ерных> коммун, согласно идее тов. Ленина, немедленно приступает к постановке временных памятников великим деятелям русской революции, причем к осуществлению памятников Радищеву, декабристам, народолюбцам, Белинскому, Добролюбову и Чернышевскому фактически уже приступлено, прошу об ассигновании на 20 изображений этого типа суммы в 100 000 рублей или по крайней мере немедленном ассигновании аванса в 30 000 рублей.

Обращаю внимание Малой комиссии на данное мне Председателем Совнаркома обещание всемерно поддержать это дело.

Народный комиссар А. Луначарский
Секретарь

Сверху — надпись:

«Вносится в Мал<ую> комис<сию> без всяких формальностей по распоряжению Председат<еля> Сов. Нар. Ком.

Н. П. Горбунов. 29/VI—18 г.»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 150, л. 13.

РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
СОВѢТА
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

Москва, Кремль
2 июля 1918 г.
№ 4940.

*Сделано
по распоряжению
Ленина*

75

В. И. Ленин

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Совет Народных Комиссаров в заседании от 29-го
июня с/г. постановил:
Ассигновать авансом Нар.Комис. по Просвѣщенію
30.000 руб./тридцать тысяч рублей/ на работы по постанов-
кѣ временныхъ памятниковъ великимъ дѣятелямъ Русской Револю-
ціи с тѣм, чтобы Нар.Комиссаромъ по Просвѣщенію тов. А.В.
Луначарскимъ немедленно была представлена полная смета
на всю требующуюся сумму.

*Скопировать
В Комиссию
Комиссару по Просвѣщенію
и Финансам (сметы)
Ленина*

Председатель Совѣта
Народных Комиссаров

В. И. Ленин

Секретарь Совѣта

Т. Г. Давидович

Однимъ изъ Народныхъ Комиссаровъ по Просвѣщенію
1918 г.
3/июль
№ 17225

Вход. № 1430
3 июля 1918
Секретарь Совѣта

Сметы Комиссии

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ ОБ АССИГНОВАНИЯХЪ НА УСТАНОВКУ ПАМЯТНИКОВЪ ВЕЛИКИМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, 2 ІЮЛЯ 1918 Г., ПОДПИСАННОЕ ЛЕНИНЫМЪ

ЛУНАЧАРСКИЙ — ГОРБУНОВУ

СЕКРЕТАРЮ СОВНАРКОМА тов. ГОРБУНОВУ

26 июня 1918 г.

Дорогой товарищ,

Покорнейше прошу Вас не только позаботиться о том, чтобы прилагаемое ходатайство, близкое между прочим и сердцу Владимира Ильича, было рассмотрено в Малой комиссии как можно скорее, но и о том, чтобы оно <было> приведено в исполнение немедленно.

При всем моем желании как можно скорее ехать в Вятку я вынужден ехать в Москву на несколько дней, так как накопилось множество недогазумений.

Между <тем> вопиет к небу тот факт, что мы до сих пор не получили 670 000 р., ассигнованных Совнаркомом на июнь месяц для подкорма голодающих детей на наших городских площадках. Умоляю Вас со своей стороны содействовать возможно скорейшему переводу соответственной суммы на текущий счет тов. Антиповой, нынешней заведующей Областным дошкольным отделом.

Ваши жалобы на наш научный отдел находят во мне живейший отклик и по приезде в Москву я специально поставлю этот вопрос на обсуждение.

Жму Вашу руку.

Народный комиссар А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 33708. См. письмо Луначарского в Малый Совнарком между 16 и 30 мая 1918 г. и примечания к нему.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телеграмма

27 июня 1918 г.

Петроград, Библиотечному отделу Наркомиссариата просвещения, копии Луначарскому и Рязанову

Вызываются в Москву на совещание по вопросу о централизации библиотечного дела и введения швейцарско-американской системы в России — понедельник 1 июля пять часов в помещении Наркомиссариата просвещения, Остоженка, 53 — представители библиотек Публичной, Академической, Университетской, Политехникума, Путей сообщения, Технологического института, Духовной академии, бывших Государственного совета и Государственной думы, также Книжной палаты. Неисполнение этого предписания повлечет за собой тяжелые революционные кары.

Заместитель наркома просвещения Покровский
Председатель Совнаркома Ленин

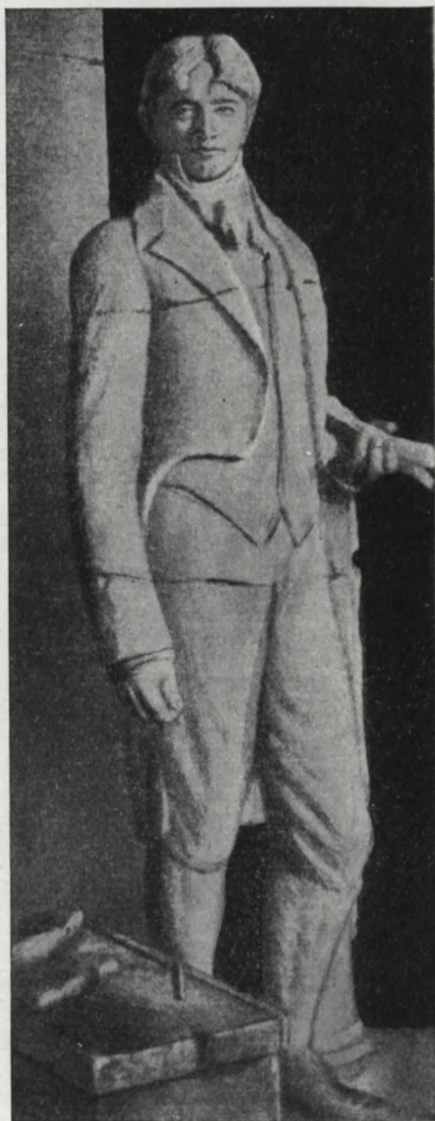
«Декреты Советской власти», т. II. М., 1959, стр. 624.

27 июня 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров был заслушан доклад заместителя народного комиссара просвещения М. Н. Покровского о принятых Наркомпросом мерах о введении швейцарско-американской системы в библиотечном деле (прот. 148, п. 1). На заседании СНК было принято решение о посылке телеграммы Луначарскому и Рязанову за подписью Ленина и Покровского.

Луначарский в выступлении на заседании Госиздата в 1924 г. говорил: «Владимир Ильич обращал сугубое внимание на все, что имеет отношение к книге. Его с первого дня переворота волновал вопрос о библиотеках и изданиях. В следующую после

ПАМЯТНИК О. А. КИПРЕНСКОМУ
РАБОТЫ СКУЛЬПТОРА
Ю. Н. РУСЕЦКОЙ

Фотография Л. Я. Леонидова
Журнал «Пламя», 1918, № 32

взятия Зимнего дворца ночь, часа в 4 или 5, он отвел меня в сторону, после того, как состоялось мое назначение комиссаром по просвещению, и сказал: „Постарайтесь обратить в первую голову внимание на библиотеки. Надо заимствовать в передовых буржуазных странах все те формы широкого распространения библиотечных книг, которые там выработаны. Поскорее надо сделать книгу доступной массе“. И потом, как бы спохватившись, добавил: „Нашу книгу надо постараться бросить в возможно большем количестве и во все концы России“. Так что не о ликвидации безграмотности как таковой, но о другом, не менее настоятельном вопросе народного просвещения заговорил со мной Владимир Ильич в первый день, когда он в качестве руководителя правительства обратился ко мне, к своему помощнику по народному просвещению, — он заговорил со мной как раз о библиотеках и издательствах» («Книга о книге», 1924, № 5—6, стр. 75—76).

17 июля Совнаркомом был принят «Декрет об охране библиотек и книгохранилищ Российской Социалистической Федеративной Советской республики» («Декреты Советской власти», т. III, стр. 41—42).

Совещание представителей центральных библиотек, состоявшееся в июле 1918 г., разработало «Положение об обмене книгами», «Положение о справочном бюро» и приняло ряд других решений, способствующих дальнейшему развитию библиотечного дела.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨8 июля 1918 г.⟩

И кому же мы поручим эти 3 дела:

- 1) надписи,
- 2) врем⟨енные⟩ памятники,
- 3) снятие памятников.

Публикуется впервые. Автограф, без подписи. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 153, л. 72.

Записка Луначарского находится в материалах, приобретенных к протоколу заседания Совнаркома 8 июля 1918 г. (прот. 153, п. 4). В протоколе зафиксировано: «Слушали: Запрос председателя Совета Народных Комиссаров тов. Луначарскому и тов. Малиновскому о причинах неисполнения ими постановления Совета Народных Комиссаров, выраженного в декрете „О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции“ (там же, л. 4).

Совнарком под председательством Ленина поставил на вид Наркомпросу и Президиуму Московского Совета их „совершенно недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 14 апреля 1918 г.“ и предписывал им завтра же, 9 июля, выбрать по соглашению одно ответственное лицо для энергичного надзора за выполнением декрета и проведением его в Москве в жизнь...».

В связи с этим решением Луначарский, по всей вероятности, написал публикуемую записку Ленину.

См. также настоящ. том, стр. 61—64.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

10 июля 1918 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ⟨СОВЕТА⟩ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

Согласно постановлению Совнаркома от 8-го июля, вчера, 9-го июля, я запросил представителя Московского Совдепа тов. П. П. Малиновского, которому поручено было привести это постановление в действие о предпринимаемых им шагах для совместного с Комиссариатом по просвещению выбора лица, ответственного по снятию и постановке памятников в пределах города Москвы.

Товарищ Малиновский ответил мне, что Президиум Совдепа, отклоняя такие выборы, возбуждает вновь ходатайство перед Совнаркомом о передаче этого дела целиком в руки Московского Совдепа.

Я сказал, что по существу, как я уже о том и заявил на заседании Совнаркома 8-го июля, я не протестовал бы против такого решения, но что я считаю вряд ли возможным уклониться хотя бы и Московскому Совдепу от категорического предписания Совнаркома.

Сегодня 10-го июля товарищ Малиновский, с одной стороны, предъявил мне решение Московского Совдепа о вышеупомянутом ходатайстве, а, с другой стороны, заявил, что во исполнение декрета четвертое лицо, как он почему-то называет ответственного заведующего, уже выбрано.....* тем же Совдепом, т. е. без всякого участия Комиссариата просвещения! Я заявил, что такое двусмысленное решение является прямым издевательством. В свою очередь прошу, ввиду совершенно выяснившейся для меня невозможности сойтись на чем-нибудь с Московским Совдепом,

* Так в подлиннике.

поручить дело о памятниках либо всецело Московскому Совдепу, либо всецело Комиссариату просвещения. В последнем случае, конечно, беру на себя ответственность лично и полностью.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Заведующий отделом музеев и памятников старины <подпись>
Заведующий отделом изобразительных искусств Татлин
Секретарь

Смирнов, стр. 357.

52

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<12 июля 1918 г.>

Лун(а)ч(арско)му

Как стоит дело с Познером?

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6559.

Датируется по протоколу Совнаркома № 55 12 июля 1918 г., к которому была приложена записка.

Выяснить, по какому поводу Ленин запрашивал Луначарского о Познере, не удалось. Луначарский ответил Ленину: «Познера я приструнил. Тут дело наладится» (см. п. 53).

О давних разногласиях с Познером по вопросам школьного образования Луначарский писал в МК РКП 21 марта 1925 г. (в связи с новым составом Коллегии Московского отдела народного образования): Возражая против введения в Коллегию Наркомпроса В. П. Потемкина, Луначарский сообщал: «Н. К. Крупская напомнила нам, что В. П. Потемкин в свое время, опираясь на авторитет Московского Совета, требовал от Коллегии Наркомпроса в годины наиболее острых реформ в школьном деле разрешения идти собственным острым, революционным путем, не считаясь с той осторожностью Наркомпроса, которую он характеризовал как некоторый оппортунизм. В результате произведена была ужасающая ломка школьной жизни в Москве, временно отбросившая Москву в смысле народного образования далеко назад. Единственный член Коллегии Наркомпроса, поддерживавший тогда Потемкина, был Познер, позднее по принципиальным разногласиям ушедший из Наркомпроса. Всю политику Познера и Потемкина Коллегия Наркомпроса признает вредной и неправильной и считает себя виноватой (я персонально тоже) в том, что мы допустили подобное исключение для Москвы, в том, что мы не пресекли вовремя разрушительной нетерпеливости этих наших сотрудников» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3420, л. 101 об.).

53

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12 июля 1918 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Я не хочу, чтобы Вы меня еще ругали. Сегодня решайте: либо все отдавайте Совдепу (тогда разрушите начатое дело), либо позвольте мне поручить это от Комиссариата просвещения Н. Ив. Троцкой, у которой хороший аппарат. Мы бы все сделали недорого, скоро и хорошо. Но как-нибудь решите. Все дело стоит!

Познера я приструнил. Тут дело наладится.

Публикуется впервые. ЦПАИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30899. См. п. 52 и примеч. к нему

54

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

<12 июля 1918 г.>

I

Ленин

Я сегодня говорил с *Виноградовым*¹. Производит хорошее впечатление.

Он обещал сговориться с Вами.

Говорил ли с Вами?

Сговорился ли?

Если не сговорился, то в чем?

II

Луначарский

Еще не говорил с Виноградовым. Если правда, что сговоримся, то — хорошо.

III

Ленин

Когда вы едете?²

День и час?

IV

Луначарский

Завтра в 12 ночи.

V

Ленин

Можете ли созвониться с Виноградовым и назначить ему свидание завтра?

VI

Луначарский

Конечно.

VII

Ленин

Имеете его № <телефона>?

VIII

Луначарский

Узнаю у Малиновского.

IX

Записка Ленина секретарю

Виноградову позвоните от моего имени: почему он не сговорился с Луначарским? Луначарский здесь.

Переписка сохранилась при протоколе СНК 12 июля 1918 г. (прот. 155). Опубл. в «Ленинском сб.», XXI, стр. 209—210. Первая записка напечатана: Ленин, т. 50, стр. 120. Текст записки секретарю Лениным перечеркнут.

¹ Н. Д. Виноградов был секретарем комиссии по снятию памятников.

² Луначарский должен был возвратиться в Петроград, где он руководил Народным комиссариатом просвещения Союза коммунистической Северной области. См. п. 37.

55

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

24 августа 1918 г.

Срочная В. И. Ленину

С 26 августа по 5 сентября сего года будет происходить в Москве 1-й Всероссийский съезд по просвещению. От имени Народного комиссариата по просвещению обращаюсь к Вам с усердным приглашением не отказать принять непосредственно участие в занятиях съезда во время, которое Вы найдете наиболее удобным для Вас.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 657, л. 50.
См. ниже пп. 56 и 58.

56

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

<26 августа 1918 г.>

I

Луначарский

Владимир Ильич,

Еще раз *покорнейше* прошу от имени всего Всероссийского съезда по народному образованию приехать в любой день и час и сказать пару слов 700 учителям (советским), которые собрались со всех концов.

II

Ленин

На какую тему?

III

Луначарский

На какую угодно. Текущий момент и пара слов о том, что завоевание народом знания тоже не последнее дело.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7063.

Документ сохранился вместе с протоколом Совнаркома 26 августа 1918 г. Очевидно, что на этом заседании Ленин и Луначарский обменялись записками.

Первый Всероссийский съезд по просвещению проходил 25 августа — 4 сентября 1918 г. в Москве в здании Высших женских курсов (ныне Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина). В работе съезда принимали участие делегаты от отделов народного образования, учителей, работников культурно-просветительных организаций. Всего на съезде присутствовало свыше 700 делегатов. Съезд избрал Ленина почетным председателем и пригласил его на свои заседания (см. наст. том, стр. 79). Ленин выступил на съезде 28 августа. (Текст речи см. Ленин, т. 37, стр. 74—78). Отчет о работе Комиссариата народного просвещения сделал Луначарский. На съезде были заслушаны доклады: Н. К. Крупской — о внешкольном образовании, М. Н. Покровского — о реформе высшего образования, П. Н. Лепешинского — об основных принципах реформы школы, В. М. Познера — о единой грудной школе, Д. А. Лауркиной — о дошкольном воспитании, В. П. Потемкина — о настроениях русского учительства и другие.

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<26 августа 1918 г.>

На эти вопросы Ваш ответ, т. Луначарский?
Знаете ли Вы, как было дело в Питере с разрешением 1 пуда?

- 1) Было разрешено?
- 2) Когда?
- 3) Проводилось в жизнь?
- 4) Отменялось?
- 5) Когда?

«Ленинский сб.», XVIII, стр. 221—222.

Записка сохранилась вместе с протоколом заседания Совнаркома 26 августа 1918 г. Очевидно, она была написана во время обсуждения вопроса, внесенного Моссоветом, о льготном провозе хлеба. Ответ Ленину написал Н. Н. Крестинский, возможно, при участии Луначарского, исполнявшего в Петрограде (помимо руководства Комиссариатом просвещения Союза коммун Северной области) функции заместителя председателя Петроградского Совета.

Ответ гласил: «Было разрешено президиумом Совета Комиссаров совместно с областным Компродом и затем подтверждено Петроградским Советом в мае (приблизительно около 20-го), до сих пор не отменено, то есть отменено декретом о заградительных отрядах, где уменьшена норма.

Первые дни вызвало благоприятный для нас политический перелом и частичное облегчение продовольственного кризиса, но потом дело еще ухудшилось, а сейчас никакого значения не имеет» («Ленинский сб.», XVIII, стр. 221—222).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

27 августа 1918 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ТОВАРИЩУ В. И. ЛЕНИНУ

Уважаемый Товарищ!

Президиум 1-го Всероссийского съезда по просвещению уведомляет Вас, что на пленарном заседании 26-го августа единогласно было принято постановление избрать Вас почетным председателем съезда и просить Вас от лица всех участников его — посетить хотя бы одно из заседаний.

Президиум съезда выражает надежду, что Вы не откажетесь выполнить это желание деятелей народного образования, собравшихся в Москву в числе около 700 человек.

С товарищеским приветом
Члены президиума съезда

А. Луначарский
Мих. Покровский
В. Потемкин <и др.>

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ. ф. 2, оп. 4, ед. хр. 3397, л. 1.
См. примеч. к пп. 55 и 56.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ В. Е. ТАТЛИНА

<Конец августа 1918 г.>

Переслать т. Предс(едателю) Совнаркома В. И. Ульянову (Ленину)
для сведения.

А. Луначарский

Проект № 155

июль 11 1918

Д Е К Р Е Т

О МОСКОВСКОЙ И ПЕТРОГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИЯХ.

~~НО ПОСТАВЛЕННЫЕ~~ ^{Вопросами} СОВЕТЫ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ПЕТРОГРАДСКАЯ И МОСКОВСКАЯ КОНСЕРВАТОРИИ ПЕРЕХОДЯТ В ВЕДЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ НА ~~НАЧАЛАХ АВТОНОМНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ~~ ^{НАЧАЛАХ АВТОНОМНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ} С УНИЧТОЖЕНИЕМ ИХ ЗАВИСИМОСТИ ОТ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА. ВСЕ ИМУЩЕСТВО И ИНВЕНТАРЬ ЭТИХ КОНСЕРВАТОРИЙ, НЕОБХОДИМЫЕ И ПРИСПОСОБЛЕННЫЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЯВЛЯЕТСЯ НАРОДНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ . -

Вруч. С. И. Луначарский (Ленин)

Наз. Ко. и. П. У. С.

С. Луначарский

Управление Делами С. И. Луначарского
Секретарь Советов Народных Комиссаров

Москва Кремль
12 июля 1918г.

В протокол № 155
Минию 11

11 июля 1918

Многоуважаемый Анатолий Васильевич!

Во время Вашего пребывания в Москве Вы уделите особое внимание вопросу о постановке памятников и выразили желание, чтобы часть этих памятников была бы по возможности закончена к октябрьским празднествам.

Отдел изобразительных искусств, так же как и профессиональный союз скульпторов, принял все меры к наиболее полному осуществлению поставленной задачи. Темп работы ускорен до пределов, гарантирующих высоту и тщательность художественного исполнения, и в настоящее время мы можем сообщить Вам, что около 30 памятников будут закончены к ноябрю.

Вместе с представителями союза скульпторов я объехал всех скульпторов, занятых работами по созданию памятников, и с чувством глубокого удовлетворения могу сказать, что эти работы явятся не только памятниками отдельных выдающихся деятелей, но в то же время — памятниками русской революции, памятниками небывалого до настоящего времени отношения государства к искусству, памятниками свободного творчества в социалистическом государстве.

Работы над памятниками ведутся художниками с большим подъемом и напряжением; моральной поддержкой в этой трудной работе служит сознание сочувствия трудящихся масс в лице их представителей — Народных комиссаров — к творчеству художников. К сожалению, за последнее время это сознание омрачается печальными явлениями. Нам стало известно, что т. Виноградов (помощник т. Малиновского) тенденциозно освещает направление и результаты работ по созданию памятников, свое ни на чем не основанное мнение доводит до сведения т. В. И. Ленина и таким образом пытается набросить тень на деятельность Отдела изобразительных искусств.

Мы надеемся, что Вы не откажете пойти навстречу нашим желаниям, не откажете взять на себя труд рассеять слухи, распространяемые недоброжелателями нашего отдела, и ознакомите т. В. И. Ленина с истинным положением дел.

С совершенным уважением Т а т л и н

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2174. Датируется по содержанию.

О мероприятиях Советского правительства в области монументальной пропаганды и о постановке памятников выдающимся деятелям революции см. стр. 61—64.

60

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

10 сентября 1918 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Препровождая при сем текст договора, имеющего быть заключенным между Комиссариатом народного просвещения и тов. Максимом Горьким об организации издательства «Всемирная литература», прошу об утверждении вытекающей из этого договора и при сем прилагаемой сметы.

Коллегия Комиссариата по просвещению выразила пожелание, чтобы 1) т. Максим Горький не был связан ни с какой определенной группой в качестве коллективной редакции издательства, 2) чтобы приглашение редакторов и комментаторов происходило с ведома Комиссариата, 3) чтобы текст предисловий и сопроводительных статей проходил предварительно через Комиссариат.

Тов. Максим Горький согласился на эти условия, взяв на себя соответственное обязательство перед Народным комиссаром по просвещению дополнительно к прилагаемому договору.

Народный комиссар А. Луначарский

ДОГОВОР

августа 1918 года. Комиссариат народного просвещения Российской Федеративной Республики в лице комиссара просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, с одной стороны, и литературно-издательская группа в лице Алексея Максимовича Пешкова (Горького), с другой, — заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. А. М. Пешков берет на себя обязанность образовать под своим руководством при Комиссариате народного просвещения издательство «Всемирная литература» для перевода на русский язык, а также для снабжения вступительными статьями, примечаниями и рисунками и вообще для приготовления к печати избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII и всего XIX века; Комиссариат народного просвещения обязуется на свой счет все эти произведения издать.

2. Указанные выше произведения издаются книгами двух типов: а) в форме брошюр, размером в среднем около двух печатных листов, считая в печатном листе 60 000 знаков, и б) в форме томов, содержащих в среднем около 20 печатных листов, считая в печатном листе 30 000 знаков. Общее количество брошюр должно быть не менее 2000 номеров; общее количество томов — не менее 800.

3. Из приведенного выше числа книг издательство «Всемирная литература» в течение первого года обязано приготовить к печати не менее 800 брошюр и 200 томов, а в течение первых 4 месяцев, считая от 1 сентября по 31 декабря 1918 года — не менее 200 брошюр и 60 томов. Комиссариат народного просвещения обязан все приготавливаемые издательством, соответственно вышеприведенным цифрам, рукописи сдавать полностью в печать без всякой задержки.

4. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова в осуществлении своих задач пользуется полной автономией. А. М. Пешкову, а также его доверенным лицам, предоставляется право заключать от имени издательства «Всемирная литература» всякие договоры и обязательства, относящиеся, по их мнению, к деятельности издательства. А. М. Пешкову предоставляется полная свобода в организации издательства, как-то: в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства и в установлении размера и порядка их вознаграждения в пределах общей сметной ассигновки.

5. Все средства для выполнения своих задач издательству «Всемирная литература» предоставляются Комиссариатом народного просвещения согласно приложенной при сем договоре смете. Установленные сметой суммы расходов по административно-литературной части, согласно отделам I, II, VIII и IX прилагаемой сметы, вносятся полностью Комиссариатом в банк на текущий счет А. М. Пешкова. Расходование внесенных в банк денег производится по усмотрению А. М. Пешкова, а также лиц, им на это особо уполномоченных, и по чекам, подписанным А. М. Пешковым или этими лицами.

6. Издательство обязано вести точный бухгалтерский отчет о всех израсходованных им средствах и представлять через каждые 6 месяцев полный финансовый отчет с приложением оправдательных документов.

7. Комиссариат народного просвещения обязуется принять все меры к тому, чтобы предоставить в полное пользование издательства «Всемирная литература» государственную или частную типографию или, в крайнем случае, в полное пользование — часть типографии.

8. Выполнение всех технических работ по набору и печатанию произведений «Всемирная литература» производится техническими средствами и за счет Комиссариата народного просвещения, но под непосредственным руководством литературно-издательской группы в лице А. М. Пешкова. Группе предоставляется право для каждой стадии этих работ иметь своих инструкторов, которые могут остановить впредь до усовершенствования те работы, исполнение которых, по их мнению, не стоит на должной технической или художественной высоте.

9. Срок настоящего договора трехлетний, считая со дня его подписания.

10. Если до истечения трехлетнего срока Комиссариат народного просвещения пожелает отказаться от настоящего договора, он обязан известить об этом А. М. Пешкова не менее как за 3 месяца.

11. Если А. М. Пешков пожелает отказаться от настоящего договора до истечения трехлетнего срока, он обязан предупредить об этом Комиссариат народного просвещения не позднее как за 3 месяца до своего выхода и передать последнему в полном порядке все дела и отчеты по издательству «Всемирная литература».

12. Во всех случаях отказа одной или обеих сторон от договора или прекращения его силы по другим обстоятельствам, Комиссариат народного просвещения или орган, его заменяющий, обязан принять на себя полностью все обязательства, выданные А. М. Пешковым или лицами, им на то особо уполномоченными, от имени издательства «Всемирная литература».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 195, л. 29. Договор опубликован в «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 72—73. 4 сентября договор был подписан Луначарским и Горьким. О мероприятиях Советского правительства, связанных с издательством «Всемирная литература», см. статью в настоящ. томе, стр. 668—703.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Середина сентября 1918 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Не могу сказать, чтобы я был в восхищении от пестрого списка пятидесяти героев, который составлен в Москве ¹, да еще к тому же снабжен безграмотной парафразой моего объявления, над которой справедливо хихикает буржуазная пресса. Но это все делается пока помимо меня.

В Петербурге на этой неделе будет поставлен чудный бюст Радищева работы Шервуда ². Он так хорош, что я буду немедленно ходатайствовать об отливке его из бронзы. Фотографии с него я вышлю Вам на днях. Несколько хуже, но очень недурны бюсты Рылеева и Добролюбова; наполовину готов бюст Герцена. На днях поставлен будет матвеевский бронзовый Маркс у Смольного ³. Подготавливается проект памятника Володарскому на месте, где он пал. Подлая надпись на Московских воротах снимается и заменена будет коммунистической.

Изречений поступает мало, но мы с Рязановым на днях дадим в работу ряд таковых, к которым доски уже готовы. Памятник героям революции 1917—⟨19⟩18 будет хорош. Между прочим, у него будет восемь огромных плит с надписями монументального характера, кроме, конечно, общей надписи исторической.

Вот мною сочиненные надписи, если Вам интересно:

1 — Бессмертен павший за великое дело. В народе жив вечно, то для народа жизнь положил, трудился, боролся и умер за общее благо (орф⟨ография⟩ кон⟨ечн⟩ новая).

2 — Не зная имен всех героев, в борьбе за свободу кто кровь свою отдал, — род человеческий чтит безыменных. Всем им в память и честь этот камень на долгие годы поставлен.

3 — 1917 и 1918 вписали в анналы России великую славу. Скорбные, светлые годы, посев ваш жатвой созреет для всех, населяющих землю.

4 — Со дна угнетенья, нужды и невежества поднялся ты, пролетарий. Себе добывая свободу и счастье, все человечество ты осчастливишь и вырвешь из рабства.

5 — Против богатства, власти и знания для горсти вы войну повели и с честью пали за то, чтоб богатство, власть и познание стали бы жребием общим.

6 — По воле тиранов друг друга терзали народы. Ты встал, трудовой Петербург, и первый начал войну всех угнетенных против всех угнетателей, чтоб этим убить самое семя войны.

7 — Не жертвы — герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердце всех благодарных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно.

8 — К сонму великих ушедших от жизни во имя жизни расцвета, героев восстаний разных времен, к толпам якобинцев, борцов 48-го, к толпам коммунаров ныне примкнули сыны Петербурга.

Обращаю Ваше внимание на дело крайне талантливого архитектора Жолтовского, по поводу которого с Вами будут говорить.

В декрете о Комиссариате здравоохранения 4-й пункт ужасающе и компрометирующе безграмотен, а по существу неприемлем. Как только приеду, буду всеми силами протестовать ⁴.

Жму руку. Самый дружеский и нежный привет дорогой Надежде Константиновне с пожеланием скорого выздоровления.

Ваш А. Луначарский

БЮСТ А. Н. РАДИЩЕВА
СКУЛЬПТОРА Л. В. ШЕРВУДА

Журнал «Пламя», 1918, № 20

ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30895. Частично опубл.: Смирнов, стр. 362—363.

¹ См. примечания к письму Ленина Луначарскому 13 мая 1918 г.

² В Петрограде 22 сентября 1918 г. в проломе решетки Зимнего дворца был открыт памятник А. Н. Радищеву работы Л. Шервуда (см. А. Луначарский. Александр Николаевич Радищев — первый пророк и мученик революции. Речь, произнесенная на открытии его памятника в Петрограде 22 сентября. Пг., 1918). См. также настоящ. том, стр. 61—64.

³ Памятник Марксу работы скульптора А. Матвеева был открыт позднее, 7 ноября 1918 г.

⁴ Имеется в виду «Положение» о Наркомздраве, в котором в состав Комиссариата был включен школьно-санитарный отдел (учебно-медицинские учреждения, находившиеся в ведении Комиссариата народного просвещения). Впоследствии эта ошибочная формулировка была исправлена (см. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 55).

62

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телеграмма

Петроград

Наркому Луначарскому

Копия. Москва, Остоженка, 53,

Покровскому

18.IX.1918 г.

Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; месяцами ничего не делается; до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радищева есть комедия. Бюста Маркса

для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано. Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям.

Предсовнаркома Л е н и н

Л е н и н, т. 50, стр. 182.

См. примеч. к письму Ленина Луначарскому 13 мая 1918 г. и письмо от середины сентября 1918 г.

Комментарием к публикуемой телеграмме может служить письмо Луначарского в Институт Ленина 5 января 1927 г., где он, в частности, сообщал:

«Весною (месяца точно назвать не могу) буря на Неве сбросила памятник Радищева, который разбился в куски. Стоявший неподалеку часовой, как мне потом докладывали, придя к коменданту Зимнего дворца, сделал такой колоритный доклад: „Товарищ Радищев, не выдержавши сильного ветра, упал и разбился...“ К счастью, прекрасный бюст цел и нынче, так как другая его копия была воздвигнута в Москве и имеется сейчас в одном из московских скверов. Об этом факте мы послали телеграмму в Москву, и, если не ошибаюсь, крушение памятника Радищева (напоминаю еще раз — гипсового) было оповещено в газетах. Так как к тому времени именно в Москве ничего не было еще сделано по монументальной пропаганде, хотя разговор Владимира Ильича происходил, насколько я помню, месяца за 4, а может быть, даже за 5 до исчезновения памятника Радищева, то вследствие этого Владимир Ильич и послал свою телеграмму не мне, а тов. Покровскому, что было совершенно естественно, ибо Владимир Ильич и Зиновьев знали, что монументальная пропаганда в Ленинграде сделала значительные успехи. Я думаю, что Михаил Николаевич, которому адресована была телеграмма, сможет установить то, чего не могу установить я, т. е. более или менее точных дат всех этих интересных событий. Телеграмма, конечно, должна находиться в архиве Михаила Николаевича или в архиве НКП.

Нарком по просвещению А. Луначарский» («Новый мир», 1965, № 4, стр. 254—255).

63

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ТОВАРИЩУ ЛЕНИНУ

19 сентября 1918 г.

Согласно поручению, данному Советом Народных Комиссаров, Отдел изобразительных искусств после конкурса выбрал образцы для герба Российской Федеративной Республики, работы художника Митурича, каковые прилагаются в 2 вариантах.

Очень прошу Вас не слушать советов художественных староверов и обратить внимание на значительную простоту и несомненную силу предлагаемого проекта. Кроме этого, посылаю образец печати Совнаркома работы Альтмана и печать Исполкома работы Чехонина.

Посылаю 2 образчика Национального флага.

Принимаются все усилия к тому, чтобы как можно скорее осуществить планы монументальной пропаганды.

Прошу верить, что у всех есть полное желание всячески поспешить с этим делом, но все время встречались непредвиденные препятствия. Раз начавшись, дело пойдет ускоренным темпом.

Жму Вашу руку.

Нарком А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30901, л. 3.

В ЦПА хранится текст объявления о конкурсе (экземпляр, присланный Ленину):

«т. Ленину

Петербургская Коллегия по делам искусства и художественной промышленности при Отделе изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения объявляет

ЛЕНИН И КРУПСКАЯ ВЫХОДЯТ ПОСЛЕ ЗАСЕДАНИЯ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА
ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

Москва, 23 августа 1918 г.

Фотограф не установлен

Конкурс на проекты для:

I

1. Серебряных монет

Размеры монет определяются применительно к размерам 10, 15, 20, 50 коп. и 1 рубля; форма круглая; текст: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика», на ребре для рубля: «чистого серебра золотника доля».

2. Народного флага

Формы и размеры определяются художником, цвет поля красный; конструкция простая и технически легко выполнимая.

3. Народного герба

Форма и цвет определяются художником; в гербе необходимы эмблемы рабочей и крестьянской республики — фигура рабочего (работницы) и крестьянина (крестьянки); текст: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» или соответствующий лозунг.

4. Печати Совнаркома

Проект должен быть в одинаковой степени применим как для тисненой, так и для резной печати; желательна круглая форма в натуре до $\frac{3}{4}$ вершка по диаметру; в композиции необходимы эмблемы рабочей и крестьянской республики — орудия труда (напр., серп и молот); текст: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Совет Народных Комиссаров».

5. Печати Центрального Исполнительного Комитета

Проект должен быть в одинаковой степени применим как для тисненой, так и для резной печати; желательна круглая форма в натуре до $\frac{3}{4}$ вершка по диаметру; в композиции необходимы эмблемы рабочей и крестьянской республики — орудия труда (напр., серп и молот); текст: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Центральный Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Примечание: Только в том случае, если печати Совнаркома и ЦИК будут различных художественных композиций, они будут рассматриваться как два проекта.

II

Все проекты должны быть не позже 14-го мая н. с. представлены в эскизах под девизами (желательно в словах) с приложением запечатанных девизных конвертов, содержащих фамилии и адреса авторов, в помещении Отдела изобразительных искусств (Зимний дворец, Детский подъезд — 2-й от Дворцового моста) на имя Кон<курсной> ком<иссии>. Лица, представившие эскизы, получают квитанции под соответствующими девизами.

III

Все представленные на конкурс эскизы распределяются специально образованной комиссией на группы по методам их худож<ественного> выполнения, после чего

IV

Все получившие квитанции приглашаются 16-го мая в 2 час<а> дня в помещение б. Академии художеств для выборов по группам, образованным соответственно группам представленных эскизов (на основании совпадения девизов на эскизах и на квитанциях) по три эскиза из каждой группы.

V

Выбранные таким образом эскизы по пп. 1, 3, 4 и 5 оплачиваются по 200 р. каждый, по п. 2 по 100 р. каждый, становятся собственностью Отдела изобразительных искусств при Комиссариате народного просвещения и временно возвращаются их авторам по предъявлении квитанции для детальной разработки, причем за каждый разработанный эскиз уплачивается по 300 р. по пп. 1, 3, 4 и 5 и 200 р. по п. 2.

VI

Разработанные проекты должны быть не позже 30 мая н. с. представлены под новыми девизами и соответствующими конвертами в то же помещение Отдела на имя Кон<курсной> ком<иссии>, причем лицам, представившим проекты, выдаются квитанции с соответствующими девизами.

VII

Все представленные на конкурс проекты распределяются специально образованной комиссией на три группы по методу их художественного исполнения, после чего

VIII

Все получившие квитанции приглашаются 1-го июня н. с. к 2 час<ам> дня в помещение б. Академии художеств для выборов по группам, образованным соответственно группам представленных проектов (см. ст. V) по одному проекту из каждой группы.

IX

Выбранные таким образом проекты приобретаются государством по пп. 1, 3, 4 и 5 за 600 р. каждый и по п. 2 за 300 р. каждый и поступают на усмотрение Народного комиссара просвещения.

X

Народный комиссар просвещения имеет право определить, какой из трех приобретенных государством проектов может быть использован государством.

XI

Автор проекта, одобренного Народным комиссаром, получает государственный заказ.

Примечание: по п. 2 государственного заказа не дается.

XII

Лица иногородние могут принимать участие в конкурсе, причем для них сроком представления эскизов является 12 час(ов) дня 12-го мая н. с., а разработанных проектов 12 час(ов) дня 1-го июня н. с.

XIII

Размеры всех эскизов и проектов могут быть определены самими художниками, равно как и материал исполнения.

Примечание. Необходимо, чтобы разработанные проекты монет были представлены в скульптурной форме.

XIV

Эскизы и проекты, не принятые в результате конкурса, могут быть использованы их авторами для другого учреждения или лица. За коллегией остается право воспроизведения названных проектов в изданиях, непосредственно касающихся данного конкурса.

XV

Справки относительно могущих оказаться неясностей в условиях конкурса можно получать ежедневно от 12—2 час(ов) дня в помещении отдела у секретаря коллегии, для иногородних по письменному заявлению с указанием адреса.

Примечание. За несвоевременную доставку всякого рода корреспонденции по данному конкурсу коллегия не ответственна.

Все тексты по данному конкурсу должны быть составлены по новой орфографии» (ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30901, л. 4).

Истории создания государственного герба и печати РСФСР посвящена публикация Г. Ф. Киселева и В. А. Любимовой в журнале «История СССР», 1966, № 5, стр. 21—26, которая уточняет и опровергает ряд утверждений по этому вопросу, содержащихся в работах: И. С. Смирнов. Ленин и советская культура. М., 1960, стр. 369—372; Е. И. Каменцев и А. Н. Луцко. Как создавался советский герб. — «Вопросы истории», 1962, № 12; Ю. Юров. Прост как правда. М., 1963, стр. 83—90; М. Лященко. Рассказы о советском гербе. М., 1963, а также в статьях, помещенных в «Пионер», 1959, № 11, стр. 2—6; «Вечерней Москве», 4 декабря 1961 г.; «Неделе», 1962, № 3, 14—20 января и др.

Ограничимся кратким перечнем событий, предшествовавших письму Луначарского к Ленину.

В первые месяцы Советской власти правительство ввиду отсутствия государственной печати, разрешало разным учреждениям пользоваться печатями Временного правительства, в которых с царской печати было снято изображение Георгия Победоносца и корона с орла. Некоторое время Совнарком и государственные учреждения имели печать с надписью: «Крестьянск(ое) и рабоч(ее) Правительство Республики России».

В связи с возникшими опасениями, что печати без изображений могут быть легко подделаны, уже в январе 1918 г. Ленин предложил секретарю Совнаркома Н. П. Горбунову организовать работу по изготовлению печати. Н. П. Горбунов обратился в союз мастеров и техников, в секцию графических искусств и т. п. В. Д. Бонч-Бруевич в

«Воспоминаниях о Ленине 1917—1924 гг.» («Избранные сочинения», т. III. М., 1963, стр. 227—228) рассказывает, как «в Управление делами Совнаркома поступил рисунок, сделанный акварелью и изображавший проект герба, который мы и сейчас имеем в несколько измененном виде». Он подробно описывает, как Ленин в присутствии находившихся в кабинете Свердлова и Дзержинского с большим интересом отнесся к проекту и сказал: «Интересно ... идея есть, но зачем же меч? ... Мы бьемся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из наших пределов и белогвардейцев, и интервентов, но это не значит, что война, военщина, военное насилие будут когда-нибудь главенствовать у нас. Завоевания нам не нужны. Завоевательная политика нам совершенно чужда; мы не нападаем, а отбиваемся от внутренних и внешних врагов; война наша — оборонительная, и меч — не наша эмблема. (<...> Братство народов будет провозглашено и осуществлено во всем мире, и меч нам не нужен, он не наша эмблема...». Далее Бонч-Бруевич вспоминает, что лепивший Ленина скульптор Н. А. Андреев впоследствии внес технические исправления, перерисовал герб, сгустил снопы хлеба, усилил сверкающие лучи солнца и сделал все как-то выразительнее. Как отмечают Киселев и Любишева (см. указ. статью), Горбунов при переезде правительства из Петрограда в Москву, оставаясь для эвакуации государственных учреждений, продолжал заниматься вопросами, связанными с созданием герба. С 17 апреля 1918 г. (прот. 97, п. 2) по сентябрь 1918 г. вопрос о гербе обсуждался десять раз на заседаниях Совнаркома и его комиссии, и при этих обсуждениях Ленин давал указания о переделках и уточнениях. 20 апреля Малым Совнаркомом было принято решение (прот. 26, п. 14) оставить меч в проекте герба. Ленин, подписывая протокол, сделал надпись: «Отложить до выяснения» в «опросе» о слове «соц<на>листичес<ка>» и вопроса о мече». Предположение Смирнова, что Ленин не утвердил этот проект и отложил рассмотрение вопроса, пожелав выяснить, какие требования были выдвинуты перед художниками (С м и р н о в, стр. 369), не подтверждается фактами.

20 апреля (прот. 100, п. 12) СНК принял предложение Ленина, касающееся эмблемы герба, а вопрос о слове «социалистическая» решено было согласовать с конституционной комиссией ВЦИК под председательством Свердлова.

15 мая 1918 г. на Малом Совнаркоме (прот. 38, п. 6) вновь стоял доклад Горбунова. Малый Совнарком, несмотря на постановление Совнаркома, вновь высказался за оставление меча в проекте герба.

При подписании протокола Малого Совнаркома № 38 по п. 6: «постановили: утвердить проект советской печати с установлением на ней надписи: Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» Ленин вторично внес поправку:

«...2) выкинуть из рисунка меч,

3) поручить Горбунову заказать художнику, который готовил проект печати, приготовить его в исправленном виде для окончательного утверждения,

4) войти в соглашение с ЦИК».

17 июня Горбунов сделал доклад на Совнарком (прот. 141, п. 4) «О государственной печати», и ему было поручено уточнить срок изготовления печати резчиками и пригласить на следующее заседание Свердлова.

18 июня 1918 г. Совнарком (прот. 142, п. 13) заслушал сообщение Свердлова «О советской печати» и постановил: «а) Представленный проект утвердить, б) вопрос о мече, оставшийся спорным, решить после предварительного маленького совещания, имеющего быть завтра, г) если возможно, кроме надписи „РСФСР“, вставить надписи — „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“».

В постскрипуме к письму К. Цеткин 26 июля 1918 г. Ленин написал:

«Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (Л е н и н, т. 50, стр. 128).

В конце письма Ленин сделал отгук государственной печати РСФСР.

3 августа Совнарком (прот. 171, п. 1) вынес следующее решение: «Употребление старого герба безусловно воспретить под личную ответственность подписывающего бумаги. Обязать все советские учреждения объявиться печатями с новым гербом Советской республики» («Декреты Советской власти», т. III, стр. 167).

В конституции, принятой на V Всероссийском съезде Советов, проходившем в Москве 4—10 июля 1918 г., в главе пятой указано, что «герб Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венцом колосьев и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика,

б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» («Съезды Советов в документах. 1917—1936». М., 1959, т. I, стр. 84).

Ленин получил письмо Луначарского с приложением образцов герба в двух вариантах (к сожалению, не сохранившихся) работы художника Митурича после уже состоявшихся решений Совнаркома о принятии герба и проектов печати Совнаркома.

Конкурс Коллегии изобразительных искусств.

ПРОЕКТЫ ГЕРБА СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПЕЧАТИ
СОВНАРКОМА, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ХУДОЖНИКОМ С. В. ЧЕХОНИНЫМ
Журнал «Пламя» 1918, № 7

Очевидно, в правительстве в сентябре 1918 г. вновь возникали вопросы, связанные с гербом и печатью, так как Луначарский в публикуемом письме к Ленину предлагает новые проекты и рекомендует при ознакомлении с ними «не слушать советов художественных староверов...» По всей вероятности, после обмена мнениями решено было больше к вопросу о гербе и печати не возвращаться.

64

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

<20 сентября 1918 г.>

Москва. Совнарком Ленину

Москве ответственность решением Совнаркома целиком Виноградова. Петрограде памятник Радищеву открывается в воскресенье, другой Радищев в Москве. Вокзал. Квитанция <у> Татлина.

Нарком Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 661, л. 47.

65

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

23 сентября 1918 г.

Москва, Кремль, Совнарком

Ленину

Вчера торжественно открыли памятник Радищеву. Воскресенье открываем Лассалю.

Наркомпрос Луначарский

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 661, л. 852.

О памятнике Радищеву (работы Л. Шервуда) см. п. 61 и примеч. к нему. Памятник Лассалю (работы В. Синайского) был поставлен на Невском проспекте у здания бывшей городской Думы.

На открытии памятников выступал Луначарский.

66

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

〈Октябрь, не ранее 6, 1918 г.〉

Прошу переслать эту копию тов. Предсовнаркому Ленину.

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 72, ч. 1, л. 496. Надпись Луначарского сделана на следующем письме С. М. Волконского:

«Главному комиссару по народному образованию

Господин комиссар!

Позвольте довести до Вашего сведения факт, который должен заинтересовать Вас как насадителя и блюстителя культуры в нашем отечестве.

В г. Борисоглебске Тамбовской губ. у меня есть, вернее был, дом, небольшой домик в семь комнат, куда свез из имения кое-какие свои вещи. Этот дом со всем, что в нем находится, объявлен народной собственностью и поступил в ведение Борисоглебской Чрезвычайной комиссии <...〉

Среди забранных вещей есть коллекция исключительной художественно-исторической ценности. Разумею собранный и устроенный мною „Музей декабристов“. Тут есть портреты работы Бестужева, карандашные портреты Мазера, виды острогов, камеры, сцены острожной жизни, вещи, принадлежавшие моему деду-декабристу, вывезенные из Сибири.

Среди моих работ — предисловие ко второй части начатого мною издания „Архива декабриста“ (предисловие, которого восстановить не могу); есть алфавитный список имен, встречающихся в переписке на протяжении сорока лет, с объяснениями, биографическими сведениями и пр. и пр. Ко всему этому прошлому ключи утеряны навсегда, если эти вещи останутся в руках тех, кто ими завладел.

Я ни о чем не прошу. Но припоминаю тот вопль негодования, который Вы издали после повреждений Кремля, и думаю, что, может быть, личная отзывчивость к вопросам культуры и административные возможности, сосредоточенные в Ваших руках, сумеют спасти эти ценности <...〉.

Прошу принять уверение в совершенном почтении

С. Волконский

Москва. 6-го октября 1918 г.

Объяснения по настоящему письму любезно ввязал дать Яков Иванович Гринер, коему его доверяю.

С. Волконский.

Здесь же хранится письмо товарища председателя Борисоглебского отдела ВЧК Артамонова Ленину, посланное в сентябре 1918 г.:

«Глубокоуважаемому Товарищу, вождю русской революции В. И. Ленину

В архиве кн. Волконских, потомков декабриста кн. Волконского, обнаружено много исторических документов, среди которых особо важные: 2 подлинника за подписью Робеспьера и Бонапарта, таковые при сем и препровождаются Вам, так как мы затрудняемся решить, в какое из научных учреждений эти документы направить.

Много документов из русской истории передано местной библиотеке при Коммунистическом клубе, некоторые, чисто семейного характера, оставлены Волконским.

Просим Ваших указаний, не следует ли все документы передать в исторические музеи Петрограда или Москвы.

Пользуясь случаем, выражаем горячее пожелание скорейшего выздоровления для блага республики.

С товарищеским приветом

Товарищ председателя Чрезвычайной комиссии Артамонов

Секретарь М. К а л ь в и н («Новый мир», 1968, № 4, стр. 177).

25 сентября Управляющий делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич после доклада Ленину отвечал в Борисоглебск: «Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянов (Ленин) распорядился благодарить Вас за присланные Вами документы Робеспьера-младшего и Бонапарта, взятые Вами, как видно из Вашего сообщения, из архива кн. Волконских. Владимир Ильич просит Вас совершенно немедленно и особенно бережно переслать весь этот архив, помещенный Вами при библиотеке местного Коммунистического клуба и в других местах, кроме тех, которые оставлены Вами Волконским, в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Мы поместим все эти документы в одном из наших музеев, сделав предварительные описи всего. Предполагаем, что в скором времени все это будем издавать в научных трудах Особой комиссии. Владимир Ильич просил передать вам свой привет» («История СССР», 1965, № 2, стр. 79).

О судьбе архива Волконских подробно рассказано в кн.: С. М. Волконский. О декабристах. (По семейным воспоминаниям). Пг., 1922.

67

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

28 октября 1918 г.

Москва. Председателю Совнаркома Ленину

Считаю недопустимым варварством, позорящим Сов(етскую) Республику, попытку занять под канцелярию лучшую галерею нового искусства Щукина.

Нарком Луначарский

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 758, л. 511.

Помещение галереи Щукина занято не было.

63

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

11 ноября 1918 г.

Предсовнарком Ленину

Преследуя местные интересы, Московский Совдеп, ожидая общего закона, разрушает книжные богатства России, находящиеся в Москве. Петрограде организована временная междуведомственная комиссия 3 Компрод, 3 других. Севсовком просит Совнарком издать общий закон, создать общегосударственный центр. Долой сепаратизм. Как нарком-прос резко протестую против коммерческой муниципальной точки зрения Московского Совдепа на книгу.

Нарком Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 758, л. 537.

23 октября 1918 г. Московский Совет без согласования с Наркомпросом принял решение муниципализировать частно-кооперативные издательства и книжную торговлю в городе и тем самым лишил возможности ряд издательств выполнить свои обязательства перед Наркомпросом. Постановление Моссовета было опротестовано заместителем Луначарского М. Н. Покровским, просившим Совнарком «в срочном порядке приостановить» его действие.

После официальных заверений представителей Моссовета о том, что все требования Наркомпроса будут немедленно удовлетворяться, Коллегия комиссариата решила «снять с повестки заседания Совнаркома, имеющего быть 29 октября, вышеуказанный вопрос».

Одновременно в Наркомпросе родился проект создания специального учреждения, регулирующего издательское дело в общегосударственном масштабе («Центрокниги»). История этого начинания такова: 1 ноября 1918 г. Совет комиссаров коммун Северной области (Севсовком) созвал междведомственную комиссию, которая являлась как бы инициативной группой по созданию «Центрокниги». Комиссия приняла «Положение» и представила его на рассмотрение коллегии Наркомпроса (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 23, л. 263).

5 декабря 1918 г. Коллегия Наркомпроса утвердила «Положение о Центральном книжном комитете» и направила его в Совнарком. Одоблив в принципе идею централизации книжного дела, Совнарком передал рассмотрение проекта в партийные инстанции.

Что касается Петроградской междведомственной комиссии, то она подготовила декрет о регистрации книжной торговли («Северная коммуна», Пг., 1918, № 185, 21 декабря) и проект правил торговли книгами, отклоненный Президиумом исполкома (ЛГАОРСС, ф. 143, оп. 1, ед. хр. 187, л. 46). На этом, собственно, и закончилась ее деятельность.

69

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Декабрь, не позднее 14, 1918 г.⟩

Прошу сообщить эту телеграмму т. Предсовнаркому Ленину.

Нарком Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32476, л. 2.
Надпись сделана на следующем документе:

«Комиссариат просвещения Луначарскому

Из Петрограда

Комиссариат государственного контроля отказывается перевести ассигнованную по смете „Всемирной литературы“, утвержденной Совнаркомом, сумму шесть миллионов пятьсот тысяч согласно договора текущий счет Горького, ассигновка лежит. Московский Комиссариат просвещения, который не знает, что ему в этих условиях делать, просит перевести эту сумму немедленно Севпрос, иначе задержка в работе.

Горький. Гринберг

Запросить объяснение финансового отдела.

В случае задержки от контроля жаловаться в Совнарком

А. Луначарский

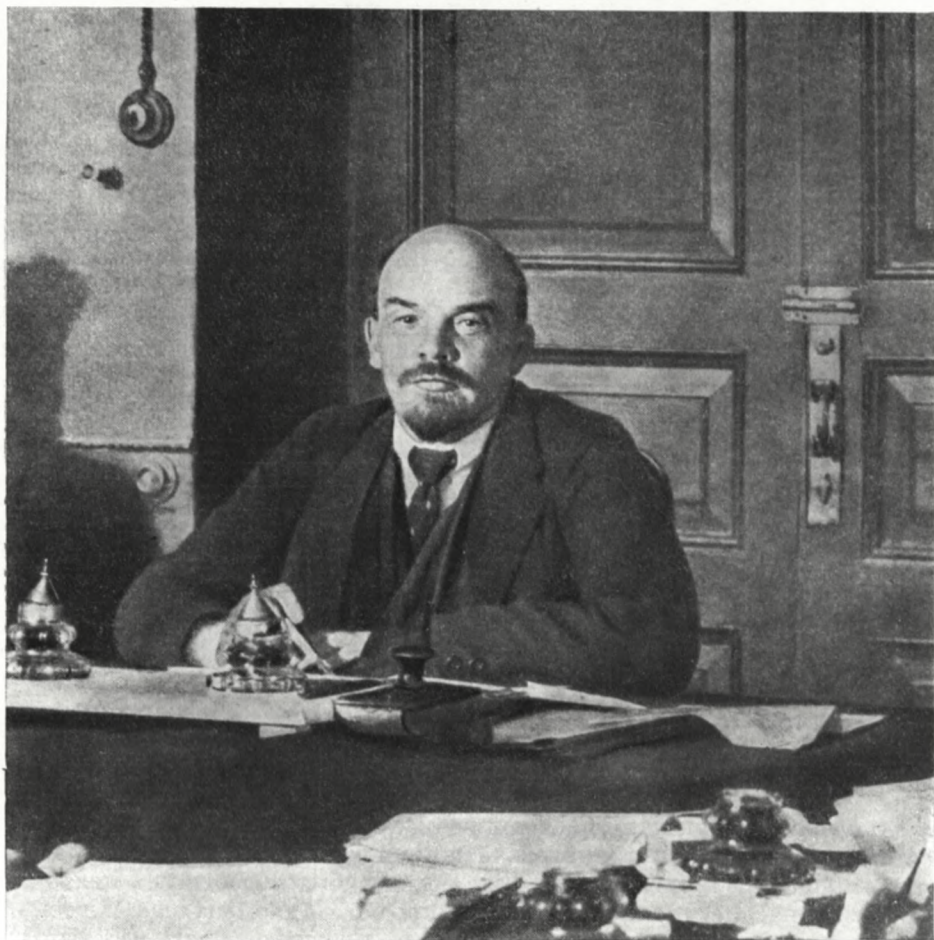
Далее дается справка о том, что согласно переговорам с представителем Госконтроля договор с Горьким перерабатывается в Совнаркоме и что в договор внесены некоторые поправки.

Этот документ 14 декабря 1918 г. был послан Ленину с сопроводительным письмом:

«Председателю Совнаркома тов. Ленину. Кремль.

Управление делами Народного комиссариата по просвещению препровождает Вам согласно надписи Наркома А. В. Луначарского телеграмму Горького и Гринберга» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32476, л. 1).

Об издательских начинаниях Горького в первые послереволюционные годы см. ниже статью Л. М. Хлебникова «Из истории горьковских издательств „Всемирная литература“ и „Издательство З. И. Гржебина“».

ЛЕНИН ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЕТ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ПО ВЫЗДОРОВЛЕНИИ ПОСЛЕ РАНЕНИЯ

Москва, 17 октября 1918 г.

Фотография П. А. Оцуа

70

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

〈Декабрь, не позднее 21, 1918 г.〉

Дорогой Владимир Ильич!

Горячо рекомендую Вам моего друга — преданного нашему общему делу — тов. Давида Петровича Штеренберга, который с самого начала советской эры оказывает мне драгоценную помощь в качестве заведующего Отделом изобразительных искусств.

Крепко жму Вашу руку.

А. В. Луначарский

Сверху надпись Ленина:
«В архив»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7887.

71

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

26 декабря 1918 г.

СРОЧНО. МОСКВА. КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ЛЕНИНУ, КРАСИНУ.

Полномочия, данные армии, реквизировать безапелляционно учебные заведения приводят к выбрасыванию на улицу сотен детей и прекращению просвещения. Прошу дать Севпросу право обороны детей. При обсуждении вопросов по реквизиции школьных помещений дайте паритетные условия Севпросу и комиссии улучшения быта красноармейцев, прошу срочного ответа.

Нарком А. Луначарский

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 758, л. 623.

В Совете Труда и Оборона в течение декабря 1918 г. и января 1919 г. этот вопрос не стоял. О трудностях в работе школ в связи с занятием войсками школьных помещений Луначарский говорил и впоследствии, в докладе на VII сессии ВЦИК 26 ноября 1920 г. Записи Ленина, сделанные во время этого доклада, см. в настоящ. томе, стр. 649—657.

72

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

30 декабря 1918 г.

МОСКВА. ПРЕДСОВНАРКОМУ ЛЕНИНУ, КОПИЯ ЗАМ НАРКОМУ ПОКРОВСКОМУ,
КОПИЯ ВОЕНКОМУ СКЛЯНСКОМУ

Получена следующая телеграмма: «Воронежский университет до сих пор занят войсками, которые расхитили многие коллекции уник. Уничтожают имущество и библиотеки. Уже теперь убыток достигает полтора — два миллиона. Распоряжения Наркомпрода, Наркомвнудела и военного комиссариата об очищении университета от постоя войск местным губисполкомом, горисполкомом и губернским комиссаром военных дел остаются без внимания. Дальнейшее пребывание войск в университете грозит самому существованию университета. Необходимо: 1) непосредственно просить о распоряжении очистить университет от войск, 2) просить Наркомвнудел устранить председателя губисполкома Кардашева и горисполкома Богуславского от должностей с преданием их суду, 3) возложить возмещение убытков на губисполком и горисполком. Дело, созданное Вашей резолюцией 18 апреля и обещавшее с первых шагов блестящий успех, привлечение около 7000 слушателей гибнет безвозвратно благодаря попустительству местных властей. Делаю последнюю попытку спасти дело обращением к Вам.

Ректор университета профессор Регель. Москва, Пречистенский бульвар, 11, кв. 2».

Прошу принять меры.

Нарком <Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 758, л. 632.

Государственный университет был создан в Воронеже на основе эвакуированного туда Юрьевского (Дерптского) университета во время первой мировой войны 1914 г. Луначарский неоднократно ходатайствовал об освобождении временно занятых войсками помещений высших и средних учебных заведений и других культурных учреждений страны.

СЕКРЕТАРЬ ЛУНАЧАРСКОГО — ЛЕНИНУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ НАРКОМА)

Тов. Л е н и н у

30 января 1919 г.

При сем препровождается от тов. Луначарского «Ответ Комиссии по объединению издательств Центральному Комитету Российской Коммунистической партии».

Секретарь Ю. Г и н з б у р г

РАЗЪЯСНЕНИЯ К ОТВЕТУ КОМИССИИ
ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Вся первая часть прилагаемого ответа принята Комиссией единогласно. Вторая часть принята за основу конкретного плана организации с тем, что дальнейшая ее разработка будет делом предполагаемого организационного Комитета.

По третьей части Комиссия оказалась в разногласии. За предложенный проект голосовало три члена Комиссии, товарищи Еремеев, Бонч-Бруевич и Луначарский.

Против — другие три, товарищи Данилов, Ангарский и Клиnger. Отсутствовал тов. Ионов, который не мог быть запрошен.

Комиссия единогласно избрала докладчиком в ЦК тов. Луначарского и от противопоставления ему содокладчика, который бы выразил мнение другой половины Комиссии, отказалась.

ОТВЕТ КОМИССИИ ПО ОБЪЕДИНЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ .

I. Комиссия единогласно находит необходимым объединить все советские издательства и путем органического слияния крупнейших из них, т. е. издательства при ЦИК, партийного издательства «Коммунист», Государственного издательства Комиссариата народного просвещения, издательств при Петербургском и Московском Совете, создать единый издательский центр во всероссийском масштабе.

Не ограничиваясь этим, Комиссия находит необходимым сконцентрировать вокруг этого центра издательскую деятельность всех отдельных комиссариатов и партийного центра, поскольку она носит общекультурный и политический характер.

Центральное издательство должно также координировать издательскую работу всех ученых и литературных обществ, а равно и кооперативных и частных издательств.

Потребность столь широкой концентрации диктуется отнюдь не только централистической тенденцией социалистического государства, а прежде всего необходимостью распределять денежные средства, сравнительно скудный запас бумаги и уменьшившиеся технические возможности типографий при колоссально увеличившемся требовании на книгу со стороны масс наиболее рациональным и упорядоченным способом.

Само собою разумеется, что концентрация не предполагает поглощения и разрушения уже созданных редакционных и издательских организаций, а лишь планомерное и органическое распределение между ними всей работы согласно установленному издательскому плану на определенный срок (напр., полугодие).

Комиссия предлагает прежде всего создать организационный Комитет, который в кратчайший срок выработал бы устав, создал аппарат и наладил эту работу. Состав Комитета определяется составом настоящей Комиссии.

II. Самый план построения Центрального государственного издательства представляется Комиссии следующим образом:

Во главе издательства стоит Центральная редакционная коллегия. Коллегия эта организует редакторские отделы по всем важнейшим отраслям литературы и науки, координирует их работу и руководит всем делом издательства.

При Центральной редакционной коллегии, куда должны по возможности входить лица разнообразной компетенции, состоят специально редакторские отделы, ведающие основными секторами книгоиздательского дела. А именно: а) отдел социально-научной литературы, б) отдел агитационно-политической литературы, в) отдел научных сочинений (по всем отраслям), г) отдел научно-популярной литературы (по всем отраслям), д) отдел изящной литературы, критики и истории литературы и ее теории, е) отдел учебно-педагогический и детский.

Каждый отдел, само собою разумеется, должен распадаться на более специальные подотделы.

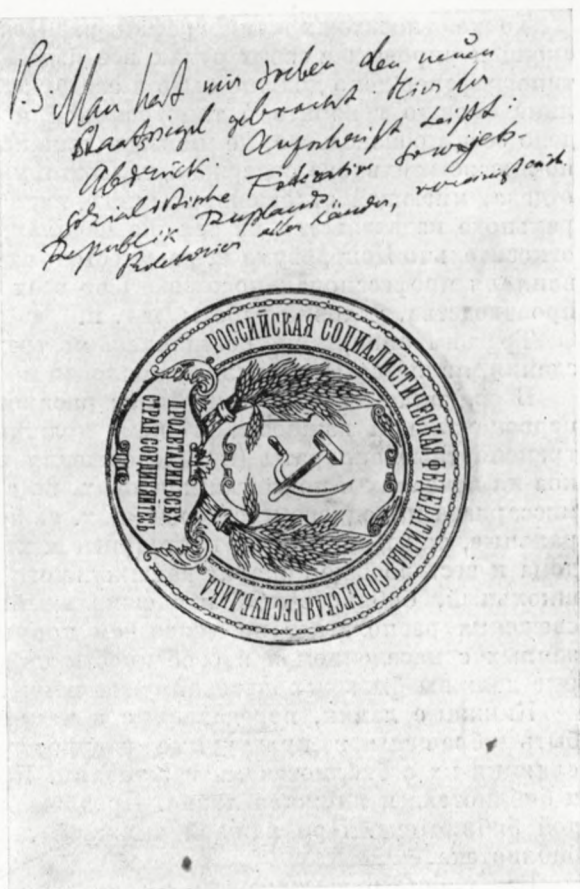
Каждый редакционный отдел концентрирует в своих руках издательские планы всех издательств ученых, литературных обществ и предложения сочинений отдельных лиц, кроме того, он сам планомерно намечает необходимейшие в первую голову издания для ширококультурного и глубококоммунистического просвещения всех слоев народа в порученной ему области литературы.

Изю всего этого материала и создается редакционным отделом предположительный издательский план на полугодие.

По завершении в возможно кратчайший срок выработки таких планов во всех редакторских отделах Центральная редакционная коллегия созывает редакционную сессию, в которой принимают участие представители всех отделов. Из всего поступившего от всех отделов материала вырабатывается подлежащий осуществлению план издательской кампании на полугодие. При этом оставляется известный запас издательских возможностей для печатания каких-либо особо выдающихся сочинений, которые поступили бы в течение полугодия и немедленное издание которых было бы признано необходимым Центральной редакцией.

По выработке общего плана фактическое исполнение его в смысле изготовления в законченном виде соответствующего рукописного или подлежащего перепечатке материала поручается отделам. За Центральной редакцией сохраняется право контролировать работу отделов.

КОНЕЦ ПИСЬМА ЛЕНИНА
 КЛАРЕ ЦЕТКИН, 26 ИЮЛЯ 1918 г.,
 НА КОТОРОМ ЛЕНИН
 ПОСТАВИЛ ТОЛЬКО ЧТО
 ПОЛУЧЕННУЮ ПЕЧАТЬ РСФСР

Как Центральная редакция, так и редакционный отдел должны быть по возможности руководимы достаточно компетентными группами коммунистов, но, конечно, к работе в отделах должны быть широко привлекаемы и непартийные специалисты. В исключительных случаях они могут быть включаемы и в Центральную редакцию.

При Центральной редакции создается широкий технический аппарат. В центре этого аппарата стоит Центральная издательская коллегия. Получив общее задание от редакторского аппарата, Центральная издательская коллегия разверстывает всю работу между имеющимися в настоящее время издательскими аппаратами как в Москве, так и в Петрограде, а в некоторых случаях и в провинции. Центральная издательская коллегия следит за правильным исполнением этой работы.

Работа Центральной издательской коллегии и ее отделов может быть планомерна лишь в том случае, если она будет располагать в полной мере издательским техническим аппаратом, т. е. производствами и запасами бумаги, типографиями и т. п.

С этой целью все производство бумаги сортов, идущих в печать, становится и передается в ведение центрального издательства. За Центробумом сохраняется лишь регулирование производства других сортов бумаги. Для сохранения связи с Совнархозом и полноты контроля последнего в отношении чисто производственном и экономическом в бумажный отдел Центрального издательства входит определенное представительство Совнархоза.

То же относится и к типографии, раз Центральное издательство должно сконцентрировать в своих руках все издательское дело, то, разумеется, и типографское дело должно быть в его руках. В социалистической республике смешно говорить о типографской промышленности. Типографское дело есть производство, не имеющее никакого значения вне своего духовно-просветительного содержания. Поэтому всей части Полиграфического отдела, имеющей отношение к книге, надлежит перейти в ведение Центрального издательства на тех же началах, которые были указаны нами относительно Центробума и, разумеется, при сохранении самого широкого влияния профессионального союза во всех вопросах, касающихся самого производства, условий работы и т. п.

Третьим аппаратом, составляющим третий и последний этаж всего здания, является Центральная коллегия по распространению литературы.

В социалистической республике распространение это является делом первоначальной важности. К нему должны быть привлечены не только транспортные аппараты (пути сообщения и почта), с устройством киосков на вокзалах и почтовых конторах, но в особенности весь аппарат Комиссариата народного просвещения, т. е. библиотеки, как большие центральные, так и народные, постоянные и передвижные, школы, народные дома и весь вообще аппарат внешкольного отдела. Считая весь персонал школьный, библиотечный и внешкольный, Комиссариат народного просвещения располагает не менее чем полумиллионом агентов, тесно связанных с населением и в особенности подрастающим поколением, которые должны быть использованы вплотную.

Книжные лавки, передаваемые в настоящее время Советам, должны быть обращены в культурные распространительные аппараты, путем слияния их с библиотеками и школами. При всякой школе должна быть и библиотека и книжная лавка. Продажа книг должна вестись при каждой библиотеке. При каждой книжной лавке должна быть читальня и библиотека.

Вся работа существующих в этом отношении аппаратов, привлечение к ней вышеуказанных элементов должны вестись Центральной коллегией по распространению литературы, в которой обязательно должны участвовать представители соответственных отделов Комиссариата народного просвещения.

III. Весь этот трехчленный аппарат, всем руководящая Центральная редакция с ее важнейшими исполнительными органами: Центральная издательская коллегия и Центральная коллегия по распространению литературы составляют субкомиссариат Комиссариата народного просвещения.

Целый ряд неоспоримых аргументов говорит за необходимость включения Государственного центрального издательства именно в Комиссариат народного просвещения.

Прежде всего Комиссариат народного просвещения есть тот орган Центрального Исполнительного Комитета, который должен вестись все дела просвещения в стране, а отнюдь не только дело педагогическое. Можно и должно расширять Коллегию Комиссариата по просвещению, можно и должно создавать при ней автономные в своей области отделы для того, чтобы придать возможно больше компетентности, разнообразия и гибкости этому аппарату, ведающему столь широкое и многосложное дело. Но глубокая координация всех видов просвещения диктуется нам центральной идеей коммунизма. Мы не мыслим и не должны мыслить никакой формы просвещения, которая не имела бы прямого отношения к задачам коммунистического строительства и не была бы поэту прямо или косвенно проникнута коммунистическим духом. Но в то же время самая пропаганда и агитация должны всюду по мере возможности носить

характер научный и художественный. Глубина мысли и красота формы есть условие идеальное, обязательное для коммунистической пропаганды.

Кроме того, Комиссариат народного просвещения ни в каком случае, разумеется, не может отказаться от той весьма значительной части литературно-издательского дела, которое составляет органическую опору школьного и внешкольного образования на всех ступенях. Пришлось бы либо проводить очень глубокую демаркационную линию по единому телу издательского дела, либо передать в ведение чуждой Комиссариату коллегии столь непосредственно касающееся его дело. Гораздо проще связать все издательское дело, глубоко просветительное по всему своему духу, <с> Комиссариатом этого просвещения.

Можно было бы выразить два опасения относительно включения Центрального издательства в Комиссариат народного просвещения.

Во-первых: говорят, что издательство при Центральном Исполнительном Комитете более импонировало бы отдельным ведомствам, с которыми придется иметь дело при координации их издательской работы и необходимым при нынешних условиях сужении намечаемых ими планов.

Однако это опасение излишне. Дело сводится не к тому, связано ли издательство непосредственно с ЦИК или с органом того же ЦИК Комиссариатом народного просвещения. Все определяется здесь теми полномочиями, какими ЦИК снабдит издательство, и тою готовностью неуклонно поддерживать его авторитет, которую проявит Президиум ЦИК.

Второе опасение заключается в том, что издательству — всеобъемлющему и потому, конечно, междуведомственному — включением его в определенный комиссариат будет придан слишком ведомственный характер, и издательство будет испытывать на себе слишком одностороннее давление именно Коллегии означенного комиссариата.

И это опасение неосновательно. Центральное издательство, в котором будет иметься представительство всех заинтересованных ведомств, отнюдь не будет поставлено в зависимость от Коллегии комиссариата, оно, естественно, будет пользоваться самой широкой автономией. Факт, что все издательства всех ведомств будут обслуживаться органом Комиссариата народного просвещения, нисколько не более недопустим, чем факт обслуживания транспортных нужд всех ведомств Комиссариатом путей сообщения.

Органическая связь Центрального издательства с Комиссариатом народного просвещения будет заключаться в общей ответственности Комиссара народного просвещения, во взаимной делегации по одному члену Центральной редакции и Коллегии комиссариата и в постоянном контакте издательства с учеными и учебными органами Комиссариата народного просвещения.

Ответственным руководителем создаваемого таким образом центрального аппарата должен быть председатель Центральной редакции на правах и со званием товарища Комиссара народного просвещения.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32469, лл. 1—2, 4—5.

К концу 1918 г. в условиях разрухи в полиграфической и бумажной промышленности и при возросшей необходимости в печатном слове в РСФСР существовало более ста центральных партийных, советских, ведомственных, а также частных и кооперативных издательств, не считая 200 контор различных журналов (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 60, л. 49). Все эти издательства были разобщены и работали хаотически и бесплано. В октябре — декабре 1918 г., по инициативе Наркомпроса, был выдвинут проект создания Центрального книжного комитета (Центрокинга) — высшего административного органа в книжном деле, который должен был, по образному выражению Луначарского, служить чем-то вроде гигантской шапки, механически нахлобученной ивзие на головы издательств (А. В. Луначарский). По поводу объединения издательств. — «Петроградская правда», 1919, № 31, 9 февраля).

При обсуждении проекта в Совнаркоме и в Малом Совнаркоме он встретил серьезные возражения прежде всего потому, что предусматривал сохранение многочисленных издательских аппаратов, которые предполагалось только поставить под контроль Центроиздательства. Была выдвинута идея объединения аппаратов пяти существовавших тогда крупнейших издательств: «Коммунист», Издательство ВЦИК, Литературно-издательского отдела Наркомпроса РСФСР и издательства Петроградского и Московского совдепов в единое «Всероссийское издательство». Поскольку все эти издательства находились в различных ведомствах, а издательство «Коммунист» подчинялось непосредственно ЦК РКП(б), вопрос об объединении издательств был из Совнаркома передан в Центральный Комитет партии.

16 января 1919 г. на заседании ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, которой было поручено в кратчайший срок разработать проект объединения издательского дела в стране и представить его в ЦК. В состав Комиссии были включены представители всех пяти крупнейших государственных издательств: Луначарский (от Литературно-издательского отдела Наркомпроса), К. С. Еремеев (издательство ВЦИК), В. Д. Бонч-Бруевич (издательство «Коммунист»), И. И. Ионов (издательство Петроградского Совета), Н. С. Ангарский (издательство Московского Совета), А. Х. Митрофанов, К. К. Юренев и А. З. Каменский (от крупнейших ведомственных издательств). См. письмо Я. М. Свердлова К. С. Еремееву 21 января 1919 г. — Я. М. Свердлов. Избр. произведения, т. 3. М., 1960, стр. 136. Созыв Комиссии был поручен Еремееву. Председателем ее на первом же заседании был избран Луначарский. В результате нескольких заседаний Комиссии, когда были выявлены точки зрения участников заседаний, Луначарский составил «Ответ Комиссии по объединению издательств Центральному Комитету Российской Коммунистической партии». Сохранился проект «Ответа» Луначарского, правленный его рукой на последнем заседании Комиссии (см. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 453, лл. 135—137 об.).

Разногласия среди членов Комиссии вызвал вопрос о подчиненности будущего Государственного издательства РСФСР. Луначарский с самого начала предложил включить Государственное издательство в Наркомпрос на правах его автономного отдела, справедливо полагая, что работа пропаганды и агитации, с одной стороны, школьного и внешкольного просвещения, с другой, должны взаимно дополнять друг друга. Возражения его оппонентов, предлагавших подчинить Государственное издательство непосредственно ВЦИКу, были подвергнуты аргументированной критике в «Ответе».

В начале февраля 1919 г. Центральный Комитет партии заслушал доклад Луначарского о работе Комиссии и одобрил в целом проект централизации издательского дела. Члены ЦК согласились с мнением, что издательское дело в стране должно быть подчинено Наркомпросу, объединяющему основные научные и литературно-художественные силы страны.

ЦК не согласился только с одним предложением Комиссии: передать в Государственное издательство технический аппарат центральных органов по управлению бумажной и полиграфической промышленностью Центробума и Полиграфического отдела ВСНХ.

В дальнейшем уже аппаратом Наркомпроса при деятельном участии В. В. Воронского было разработано «Положение о Государственном издательстве», которое после многократных обсуждений было опубликовано в «Известиях» 21 мая 1919 г. за подписью председателя Президиума ВЦИК М. И. Калинина.

74

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<4 февраля 1919 г.>

Дорогой Владимир Ильич.

Мы получили от Вас разрешение на перевозку картин Эрмитажа в Петроград. Разрешение Петрокомпрода получено. Со стороны инстанций, по заявлению тов. Свердлова, <возражений> никаких больше нет.

Прошу Вас отдать распоряжение Управлению Делами о выдаче нашему предст<авителю> тов. Серебрякову оф<ициального> разрешения.

Жму Вашу руку.

Нарком Луначарский

Кремль
4/II—19

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. М. П., ед. хр. 360, л. 6.

О реэвакуации картин Эрмитажа из Москвы в Петроград см. настоящ. том, стр. 174—175, 177.

ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ

Москва, 1 мая 1919 г.

Фотография Л. Я. Леонидова

75

ЛУНАЧАРСКИЙ — В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

5 февраля 1919 г.

Прилагая при этом проект декрета об объединении в пределах РСФСР всей деятельности по охране, ремонту и реставрации памятников искусства и старины, а также деятельности по производству археологических раскопок, прошу поставить его на обсуждение в ближайшее время в М(алой) К(омиссии) Совнаркома.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 859, лл. 50—51.

К письму Луначарского приложен проект «Декрета об объединении деятельности художественных и культурно-исторических музеев».

«1. Для проведения в жизнь единого плана общегосударственного музейного строительства и в целях объединения связанных с этим работ по реорганизации существующих и созданию новых художественных и культурно-исторических музеев Советской Республики, вся музейная деятельность этого характера находится в непосредственном и исключительном ведении Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате по просвещению в Москве и Петрограде.

2. Для осуществления намеченных целей Всероссийская коллегия:

а) разрабатывает общий план музейного строительства в соответствии с деятельностью Народного комиссариата по просвещению;

б) руководит всей деятельностью культурно-исторических музеев в Москве и Петрограде непосредственно, а на местах через свои губернские подотделы, и издает постановления по всем вопросам музейного дела.

Примечание. Сохраняя за собой общее руководство и наблюдение за музейным строительством, Всероссийская коллегия поддерживает всякую инициативу в области музейного дела, отвечающую общей деятельности коллегии, всемерно содействуя проведению такой инициативы в жизнь в центре непосредственно, а на местах через свои подотделы.

3. Все сметные предположения как существующих, так и имеющих вновь возникнуть культурно-исторических музеев в Москве, Петрограде, а также на местах, проходят и утверждаются Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Народный комиссар А. Луначарский

14 июля 1919 г. декрет обсуждался на Малом Совнаркоме.

76

ЛУНАЧАРСКИЙ — В ЦК РКП(б)
И НАДПИСИ ЛЕНИНА

В ЦК РОСС(ИЙСКОЙ) КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

15 IV 1919 г.

По инициативе предс(едателя) Всеросс(ийского) ЦИК тов. Калинина мной был поставлен на обсуждение Коллегии Наркомпроса вопрос о предоставлении школьных зданий во внеучебное время для преподавания вероучения лицам различных вероисповеданий.

В Коллегии по этому вопросу не было достигнуто согласие. Прилагаемое мнение разделяется лишь мною и членом Коллегии тов. Д. Б. Рязановым.

Мнение большинства членов Коллегии (восьми ее членов) будет изложено в особой записке, которую подают в ЦК представители этого большинства.

Нарком по просвещению А. Луначарский

На конверте письма надпись Ленина:

«В ЦК», «в архив».

ЛЕНИН

Москва, 29 марта 1919 г.

Фотография Л. Я. Леонидова

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9290, лл. 1, 2.

15 апреля экстренное заседание Коллегии Наркомпроса заслушало предложения Луначарского и Рязанова.

Ввиду того, что на Коллегии выявились разногласия, вопрос был перенесен в ЦК партии.

В тот же день Луначарский и Рязанов направили в ЦК следующее письмо:

В ЦК РОСС<ИЙСКОЙ> КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

15 IV 1919 г.

Мы, нижеподписавшиеся, полагая, что изменение школьной политики Наркомпроса в духе уступок религиозным предрассудкам населения деревень вообще нежелательно, тем не менее, считаясь с создавшейся внутренней политической обстановкой и идя навстречу соображениям председателя ВЦИК тов. М. Калинина, считаем возможным в случае, если этот шаг найдет одобрение ЦК, предложить на обсуждении Совнаркома следующий проект декрета.

1) Все школьные здания в деревнях и селах объявляются достоянием местного трудового населения и могут быть в свободное от занятий время и по соглашению с ближайшим местным органом народного образования используются для нужд политических и просветительных.

2) В школах в свободное от занятий время могут быть по инициативе местного населения и по предварительному осведомлении местной власти и местных органов народного образования, устраиваемы митинги, лекции, дискуссии, научные демонстрации и т. п.

3) Согласно плану мобилизации грамотных и пропаганды среди неграмотного населения в школах могут устраиваться соответственными органами чтения декретов

Советской власти и одобренных комментариев к ним, а равно статей подвижной советской народной хрестоматии.

4) В случае желанья свободных религиозных общин — таковым предоставляется право в то же не занятое учебными занятиями время организовывать в школьных зданиях преподавание их вероучения, с тем, однако, что

А — В случае постановления местного волостного совета не допускать такого преподавания в здании школы, оно никакой религиозной общиной производимо быть не может.

В — В случае признания местными советами допустимости такого преподавания — все религиозные общины, как представляющие большинство, так и меньшинство верующих данной местности без различия вероисповедания, должны иметь в деле использования школьных помещений равные права.

Нарком А. Луначарский

за члена Коллегии Наркомпроса Рязанова Д. Б.

Сбоку надпись Луначарского: «Тов. Рязанов присоединился, но не пришел подписать сей документ. Луначарский» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9290, л. 3—3 об.).

Большинство Коллегии: П. И. Лебедев-Полянский, Н. К. Ульянова (Крупская), М. Н. Покровский, В. М. Познер, Ф. И. Калинин, Ф. А. Ленгник представили свои тезисы «О преподавании закона божьего в школах во внеурочное время». Приводим полный текст этого документа.

ТЕЗИСЫ БОЛЬШИНСТВА КОЛЛЕГИИ НАРКОМПРОСА ПО ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ЗАКОНА БОЖЬЕГО В ШКОЛАХ ВО ВНЕУРОЧНОЕ ВРЕМЯ

1. Отделение школы от церкви — наиболее удавшаяся часть общей школьной реформы. Время, когда это отделение вызвало принципиальные протесты несознательной массы, давно прошло. Школа все более и более становится центром чисто светской культурной работы.

2. В последнее время, однако, в несомненной связи с затруднениями, переживаемыми ныне Советской властью, в некоторых школах под влиянием духовенства реакционно настроенная часть учительства повела определенную кампанию за восстановление преподавания закона божьего. Эта кампания носит явно антисоветский характер и поддерживается в городе буржуазными элементами — можно думать, что то же самое имеет место и в деревне.

3. Что касается крестьянской массы, то она является не субъектом, а объектом этой агитации. Насколько мало трогают эту массу чисто религиозные мотивы, видно из того, что даже такие удары, как вскрытие «чудотворных» мощей, нигде не вызвали ничего, сколько-нибудь похожего на массовый протест.

4. Преподавание закона божьего вполне возможно в наступающее летнее время в церквях или просто под открытым небом. Те, кто ведет агитацию, прекрасно это понимают, конечно, и требуют преподавания закона божьего непременно в школе с определенной целью: показать массе, кто сильнее и кто умеет настоять на своем.

5. Контроль над преподаванием закона божьего во внеурочное время сведется, разумеется, к нулю: раз священник по праву войдет снова в школу, он легко сделается в ней таким же хозяином, каким был раньше.

6. Это отсутствие контроля приведет затем и к тому еще, что под видом закона божьего будет вообще вестись антисоветская пропаганда, как всегда она велась и ведется под видом церковной проповеди.

7. Эта пропаганда подорвет авторитет Советской власти в глазах учительской массы, только что и еще далеко не окончательно завоеванной новыми идеями социалистического просвещения. Эта масса, гугливо настроенная, ежечасно опасаясь возврата старого, увидит в новой мере начало конца Советской власти и отшатнется от нее снова.

8. Все эти последствия тем вероятнее, что население деревни вообще, и в частности, учительство, действительно, и не всегда без основания, против Советской власти озлоблено (голодовки учителей и т. п.).

9. Большинство Коллегии считает, что уступки деревне в материальной области, начатые декретом ЦИК об облегчении тяжестей чрезвычайного налога, гораздо вернее приведут к цели — примирить среднее крестьянство с Советской властью, нежели сдача принципиальных позиций в области культуры и просвещения. Данная позиция является одною из основных не только для Советской власти в России, но и для международного коммунизма. Нет сомнения, что отказ от попытки изгнать религию из школы произведет крайне тягостное впечатление на наших товарищей в

Западной Европе, которые всегда особенно ценили культурную программу большевиков, являющуюся единственно выдержанной программой социалистического просвещения во всем мире.

Лебедев-Полянский, <фамилия перазборчива>, Н. Ульянова, Мих. Покровский, В. Познер, Ф. Калинин, Ф. Ленгник (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9290, л. 4, 4 об.).

В это же время Н. К. Крупская лично написала письмо в ЦК, в котором излагала свои соображения, считая, в частности, что разрешение доступа священнослужителям в школу явилось бы большой принципиальной уступкой.

«В ЦК РКП(б)

Уважаемые товарищи,

существует проект разрешить в школе преподавание закона божьего, только во внеурочное время. Эта мера проектируется с целью умиротворить среднего крестьянина, которого попы науськивают всячески на Советскую власть.

Средний крестьянин, по темноте своей, недоволен светской школой, но он еще гораздо более недоволен мобилизацией, хлебной монополией, чрезвычайным налогом и пр. Голод, общая неурядица, произвол комиссаров, реквизиции вызывают еще большее негодование крестьян.

Было бы смешно надеяться, что разрешение учить попам в школах успокоит крестьянина. Напротив, разрешение доступа попам в школу даст попам известную государственную санкцию, что укрепит их влияние. Пойдут толки, что власть коммунистов-де пообмякла, что святители вступились за народ и заставили большевиков сдаться, и т. п. и т. д. Охота укреплять попов, своих врагов!

Между тем разрешение доступа попам в школу является большой принципиальной уступкой. В Государственной комиссии по выработке программы (до Октября) большевики отстаивали светскую школу против меньшевиков, кадетов и прочей публики. Все они стояли только за необязательность закона божия, а мы настаивали на полной светскости школы. Когда в программе партии и декретом была провозглашена светская школа, мы в сотнях статей и речей пропагандировали, что попам не место в школе. наших агитаторов избивали, убивали даже. Дело было сделано, школа превращена в светскую, и в значительной части местностей со светской школой давно помирились. Зачем же теперь разрушать сделанное, отречься от программы...

Н. К р у п с к а я» (Н. К. К р у п с к а я. Педагогические сочинения, т. II. М., 1963, стр. 184—185).

Политбюро под председательством Ленина 16 апреля 1919 г. рассмотрело этот вопрос и предложило М. И. Калинину собрать более детальные сведения о настроении середняков.

77

ЛУНАЧАРСКИЙ — в ЦК РКП(б)

<15—16 апреля 1919 г.>

в ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

В дополнение к посланным мной документам по вопросу об использовании школьных зданий для религиозного обучения, препровождаю текст, который тов. Рязанов считает более простым, чем мною сообщенный.

«Школьные здания объявляются общественными и предоставляются в распоряжение профсоюзов, политорганизаций, религиозных общин и т. п. для собраний и беседований во время, свободное от учебных занятий».

Нарком Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, Материалы ЦК РКП(б), ед. хр. 4033.

Датируется по содержанию.

См. предыдущее письмо Луначарского и примеч. к нему.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ,
КОПИИ СКЛЯНСКОМУ И ДАНИЛОВУ

Т е л е г р а м м а

Кострома, 11 мая 1919 г.

Москва, Предсовнаркома Ленину. Из Костромы № 1480.

Копия замнаркомвоен Склянскому, копия Главинспекции Данилову

Мобилизация тысяча восемьсот девяностого года встречает серьезные препятствия ввиду дезертирства прежде призванных. Энергически настаиваю распорядиться дать право уполномоченным ВЦИК освобождать последних работников семьи. Иных льгот для крестьян нет при многих льготах рабочим и советским служащим. Очень настаиваю. Мобилизация 90-го года, назначенная 15 мая, ввиду полевых работ встретит огромные трудности. Ходатайствовал бы настойчиво отменить до окончания работ, если нельзя дать право освободить последних работников хозяйства.

Обещаю возместить убыль энергичной ловлей дезертиров. Отвечайте спешно.

Уполномоченный ВЦИК А. Луначарский

ЦПА ИМЛ (ф. 19, оп. 3, ед. хр. 37, л. 49). Оpubл. с сокращениями: «История СССР», 1965, № 5, стр. 121.

В апреле — июне 1919 г. Луначарский по поручению Ленина выезжал в Ярославскую и Костромскую губернии (см. доклады Луначарского Ленину об этой поездке на стр. 380—403 настоящ. тома). Там, в частности, имели место случаи дезертирства в связи с перегибами политики на местах.

Одновременно с этой телеграммой Луначарский послал отдельное телеграфное сообщение Данилову.

12 мая Данилов представил в Совет Труда и Оборона докладную записку:

«По поводу телеграммы тов. Луначарского № 1480, копия коей при сем прилагается, полагаю:

1) Освобождение единственных работников призыва 1889 года недопустимо по многим причинам, одна из которых заключается в том, что эта мера вызовет массовое недовольство ранее призванных единственных работников (примеров этих много в старой армии).

2) Отсрочку мобилизации 1890 года вообще я считаю нежелательной в связи с положением фронта, исключение же для одной Костромской губернии недопустимо.

3) Считаю необходимым поручить Военному ведомству секретное разрешение отпускать единственных работников, призываемых в Костромской губернии, до окончания весенних полевых работ (весенняя пахота и сев) на срок, установленный местным губвоенкомом по соглашению с губземотделом, дав вместе с тем распоряжение (общая мера), чтобы постановление Совета Оборона о хозяйственной помощи семьям красноармейцев было выполнено обязательно до сенокоса в первую очередь по отношению к семьям, где будет взят единственный работник (...)

Заместитель председателя Высшей Военной инспекции — Данилов»
(ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 37, л. 51).

13 мая вопрос обсуждался на заседании Совета Рабоче-крестьянской Оборона под председательством Ленина (прот. 37, п. 5, ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9727, л. 2—2 об.). Было принято следующее постановление:

«а) Поручить Военному ведомству в самом срочном порядке закончить работы комиссии по льготам по семейному положению при мобилизации.

Доклад должен быть представлен тов. Склянским через неделю.

б) Поручить Военному ведомству дать секретное разрешение отпускать единственных работников, призываемых в Костромской губ., до окончания весенних полевых работ (весенняя пахота и сев) на срок, установленный местным Губвоенкомом по соглашению с Губземотделом.

Ответ т. Луначарскому поручить составить т. Склянскому на основании данного постановления».

ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

1 мая 1919 г.

Фотограф не установлен

79

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

Предсовнаркому Ленину

Копии Наркомпрод Цюрупе
Госконтроль Сталину

Кострома, 11 мая 1919 г.

Продовольственное положение Костромской катастрофическое. Абсолютно необходимо триста тысяч пудов, иначе не только голод, но приостановка лесной заготовки. Катастрофа всероссийская. Если нельзя направить, например, пользуясь приходящими порожняком пассажирскими пароходами, хлеб, то прошу настойчиво разрешить губпродкому Кагановичу ехать и пригнать заготовленные Костромскими продотрядами два миллиона пудов, из коих губерния имеет право на миллион. Каганович берется при достаточных полномочиях хлеба добиться и доставить. Спасите главную лесную заготовку России. Семянной наряд пятьсот тридцать вагонов был крайне недостаточен. Доставлено сто восемьдесят вагонов. Абсолютно не хватит. Время пропущено. Беспорядочная заготовка картофеля привела к вывозу всего картофеля губернии даже семенного. Необходимо доставить семенной картофель. Подробности письмом Ленину.

Нарком Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 638, лл. 63—64.

См. доклады Луначарского Ленину из Костромы, настоящ. том, стр. 380—403.

80

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телеграмма

⟨Май, после 12, 1919 г.⟩

Кострома. Наркомму Луначарскому

Ваша 42. Дайте согласие на указанные Вами условия доставки и оплаты продуктов из Америки.

Предсовнаркома Л е н и н
Замнаркомпрод Ф р у м к и н

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9704.

Подпись Ленина — автограф. Телеграмма рукой М. И. Фрумкина с исправлениями Ленина. Датируется по содержанию.

Телеграмма № 42 Луначарского Ленину, а также другие материалы о доставке и оплате продуктов из Америки, в Центральном партийном архиве не обнаружены.

В ЦГА РСФСР сохранился текст телеграммы, посланной в Ярославль Луначарскому его секретарем. Телеграмма разъясняет существо вопроса. Приводим ее по машинописной копии:

«12 июня 1919 г.

Ярославль. Исполком. Главному уполномоченному ВЦИК Луначарскому

На Ваше имя получена телеграмма: „Изъявляя согласие принять на себя Ваше поручение согласно Вашей телеграмме от двенадцатого мая, просим телеграфировать Председателю Совнаркома Ленину о выдаче нам письменного разрешения на ввоз в пределы России из Швеции до пятнадцати тысяч тонн продовольственных грузов американского происхождения, а также разрешения на перевод за границу денег в сумме, необходимой для оплаты расходов по перевозке пятнадцати тысяч тонн продовольственных грузов. Центросоюз. К о р о б о в“

Секретарь наркома Ю. Г и н з б у р г» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 518, л. 115).

Из других документов, сохранившихся в архиве Наркомпроса, видно, что в начале 1919 г. к Луначарскому обратился Г. С. Долгоруков с предложением взять на себя организацию зарубежной помощи русским голодающим детям. Луначарский его план одобрил, и Долгоруков от имени общественного комитета, членами которого были генерал А. А. Брусилов, патриарх Тихон, проф. М. М. Покровский и др., подписал контракт о доставке в РСФСР 15 тонн продовольственных грузов для детей. Деньги предполагалось собрать в Америке (с этой целью было составлено соответствующее обращение к американскому народу), на эти деньги — закупить продовольствие в Швеции, и при условии оплаты Советским правительством провоза продуктов из Швеции в РСФСР, доставить его в Петроград.

Как видно из письма Долгорукова к Луначарскому от 11 июня 1921 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 651, лл. 33—34), вернувшийся из-за границы проф. Ю. В. Ломоносов сообщил, что в Америке для помощи русским детям было собрано около 80 тысяч долларов, которые переданы в распоряжение американского «Союза квакеров». «Сумма эта, — писал Долгоруков, — собрана комитетами, образованными мисс Джени Адамс, согласно воззвания, которое подписали патриарх, еврейские раввины, Академии наук и художеств, все вузы Петрограда и т. д.». Далее он просил поручить ему закупку и доставку продовольствия и командировать его с этой целью в Стокгольм.

81

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телеграмма

Кострома

Губисполком, для Луначарского

15.V.1919 г.

Запросил Компрод о мерах помощи. Боюсь, что восстание на Украине¹ помешает оказать помощь, ибо ухудшает положение. Двиньте энергичнее массовое переселение на Дон². Снесите с Середюю.

Л е н и н

Л е н и н, т. 50, стр. 313.

Центральный Комитет партии в апреле 1919 г. по представлению Э. М. Склянского, зам. наркома по военным делам и зам. председателя Реввоенсовета, решил отправить ряд руководящих работников в район, где проводилась мобилизация военнообязанных.

В те же дни Луначарский выехал в Ярославскую и Костромскую губернии в качестве уполномоченного ВЦИКа. Из Ярославля и Костромы он отправил ряд докладов Ленину и центральным учреждениям (Наркомпроду, ВСНХ и т. д.) (см. раздел настоящ. тома «Доклады Луначарского Ленину»). В письмах-докладах Луначарский обращал внимание на тяжелое положение этих губерний.

¹ Упомянутое восстание на Украине вспыхнуло в начале мая 1919 г. на юге в Екатеринославской и Херсонской губерниях, во главе мятежа стоял атаман Григорьев. Мятеж угрожал тылам советских войск как в Крыму, так и в Донецком бассейне, а также дезорганизовал работу железнодорожного транспорта. Ударами с юга, севера и востока Красная Армия разгромила мятежников.

² 24 апреля 1919 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление «Об организации переселения в производящие губернии и в Донецкую область». В целях облегчения тяжелого продовольственного положения крестьянского и рабочего населения северных губерний Республики и организации сельского хозяйства в местах, пострадавших от восстаний белогвардейцев, поручалось Народному комиссару земледелия в срочном порядке организовать перевозку наиболее нуждающегося в продовольствии рабочего и крестьянского населения северных губерний Республики в южные производящие губернии и в Донецкую область. Для согласования мероприятий по переселению была создана междуведомственная комиссия.

Для переселения отпускался в распоряжение Наркомзема сверхсметный кредит в 10 миллионов руб. (см. «Собрание узаконений» 1919, № 24, ст. 278, стр. 318—319).

82

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телеграмма

ПРЕДСОВНАРКОМ ЛЕНИНУ

16 мая 1919 г.

г. Кострома

Как уже сообщал письмом, <из-за> отсутствия топлива остановились фабрики губернии: восемь льняных, одна бумагопрядильная, восемьдесят пять тысяч льняных веретен, около тридцати тысяч рабочих. Создается невыносимое положение рабочих, приостановка важного для армии производства. Лес был заготовлен приблизительно достаточным количеством по рекам Костромке, Николе, Мере и Унже. Лес этот идет помимо Костромы. Необходимо распорядиться дать право объединенному управлению фабрик выделить свой лес, возобновить работу.

Уполномоченный ВЦИК Л у н а ч а р с к и й

Публикуется впервые по копии. ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, ед. хр. 2012, л. 313. 17 мая 1919 г. на этой телеграмме, полученной из Совнаркома, секретарем ВСНХ сделана пометка: «В Главлеском. Вернуть и сообщить, что сделано?». Материалы, связанные с пребыванием Луначарского в Костроме, см. также на стр. 107—110, 112—113, 383—401 настоящ. тома.

83

ЛУНАЧАРСКИЙ—ЛЕНИНУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВСНХ И НАРКОМПУТЬ

Телеграмма

Москва. Предсовнархоз Рыкову, копия Предсовнарком-Ленину,
копия Наркомпуть Красину

Галич, 22 мая 1919 г.

Всемерно поддерживаю посланного Галичского уезда Акима <в> хлопотах с окончательным продвижением на ббльшую половину решенного вопроса электрической станции и телефонной сети.

Уполномоченный ВЦИК А. Л у н а ч а р с к и й

Публикуется впервые. ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 1, ед. хр. 148, л. 1.

Документы о пребывании Луначарского в Галиче см. на стр. 394—397, 403—405 настоящ. тома.

В октябре 1918 г. Костромской губсовнархоз направил в Комитет государственных сооружений ВСНХ проект строительства телефонной сети в Галиче и уезде. Были завезены материалы, телефонные аппараты и даже построено 50 верст телефонной линии, но дальнейшая работа задерживалась из-за отсутствия средств. По этой же причине откладывалось окончание строительства одной из первых уездных электростанций.

84

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. ЛЕНИНУ

г. Кострома
30 дня мая 1919 г.

Мною получены материалы, характеризующие бедственное положение служащих военного ведомства. Все они, начиная от губвоенкома и кончая самыми низшими служащими, получают содержание значительно ниже, чем полагается на соответственных должностях других более спокойных комиссариатов. Как военнопобязанные они не могут, конечно, перейти на иную службу, между тем при существующей дороговизне они в буквальном смысле осуждены на недоедание. При этом надо принять во внимание, что и работа их не только гораздо более лихорадочная, но и наиболее длительная, чем в других ведомствах<...>

Энергически обращаю Ваше внимание на положение губернских военных комиссариатов, представляющих собой, как я убедился, один из важнейших органов Советской власти.

Уполномоченный ВЦИК Народный комиссар А. Луначарский
Секретарь Д. Пигит

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30905.

Ходатайство Луначарского слушалось на заседании Совета Труда и Оборона 26 июня 1919 г. (прот. 51, п. 38) и 2 июля (прот. 52, п. 14) и было принято решение «отказать».

85

ЛУНАЧАРСКИЙ — В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА

9 июня 1919 г.

Сегодня, 9 июня, мною получены отношения от отдела просвещения и пропаганды Наркомгоскона и извещение о привлечении к суду заведующей Отделом государственных театров тов. Малиновской на основании постановления, имевшего место в феврале месяце сего года, Малого Совета Народных Комиссаров.

Считая постановление глубоко несправедливым и беря на себя целиком ответственность за мнимую вину тов. Малиновской, я дважды возбуждал в Совете Народных Комиссаров вопрос о пересмотре решения Малого Совета.

Дважды вопрос этот откладывался за отсутствием наиболее осведомленного по делу лица — члена Малого Совета товарища Галкина, а затем, по-видимому, за моим отсутствием.

Ввиду того, что дело это еще не погребено, прошу Управление Делами Совета Народных Комиссаров:

ЛЕНИН И КРУПСКАЯ ВЫХОДЯТ ИЗ ДОМА СОЮЗОВ ПОСЛЕ ЗАСЕДАНИЯ
I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Москва, 6 мая 1919 г.

Кинокадр

1) Внести на рассмотрение пленума Совета Народных Комиссаров вопрос о пересмотре дела тов. Малиновской.

2) Считаясь с необходимостью для меня выехать в трехнедельную командировку в Ярославскую губ., отложить рассмотрение этого дела в Совнарком до моего возвращения, дав в то же время от Управления Делами распоряжение о приостановке приведения в исполнение постановления Совета впредь до пересмотра.

О принятом вами решении благоволите меня уведомить по телеграфу: Ярославль — Совнарком.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 847, л. 92 об.

Дело, о котором пишет Луначарский, связано с затратами на создание нового занавеса для Большого театра. 16 сентября 1918 г. Малый Совнарком, рассмотрев ходатайство Луначарского об ассигнованиях на занавес Большого театра, постановил: «Возвратить Р(омиссариа)ту просвещения с просьбой объяснить, нужны ли испрашиваемые деньги на конкурс или на изготовление занавеса» (прот. № 118, п. 7). Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 7145, л. 2). Вопрос вновь ставился на Малом Совнаркоме 4 февраля 1919 г., но за отсутствием докладчиков (Луначарского и Малиновской) был отложен (прот. № 195, п. 2). 6 февраля (прот. № 198, п. 12) состоялось обсуждение ходатайства «Об ассигновании в распоряжение Отдела государственных театров 40 000 рублей на изготовление нового революционного за-

навеса для Московского Большого Государственного театра». Постановили: «Отпустить Народному комиссариату просвещения по Отделу государственных театров из средств Государственного казначейства сверхсметным кредитом 26 000 рублей на оплату труда 13 художников на изготовление эскиза занавеса Московского Большого Государственного театра с тем, чтобы эти работы были окончены не позже 1 апреля 1919 г. Поручить Народному комиссариату государственного контроля (4-й гражданский отдел) расследовать причины канцелярской проволочки, допущенной заведующей Отделом государственных театров Малиновской». В постановлении отмечалось, что из-за этой проволочки возник убыток в размере десяти тысяч рублей. И далее: «Винных привлечь к ответственности, взыскав с них потерянную для казны сумму. Копии всех материалов послать в Народный комиссариат государственного контроля (утверж. 8/II — 19 г.)».

Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8566, лл. 1, 1 об., 2 об., 3 об.).

Хотя публикуемое письмо Луначарского было отправлено 9 июня, но 11 июня оно, как видно, еще не было известно членам Малого Совнаркома. Этим объясняется, что 11 июня на заседании Малого Совнаркома (прот. № 264, п. 13) вопрос рассматривался в духе прежнего решения. Слушали: «Вторичное истребование от Государственного контроля объяснений о неисполнении им постановления СНКов о привлечении к ответственности комиссара государственных театров т. Малиновской». Постановили: «Предложить Народному комиссариату государственного контроля по культурно-просветительному отделу представить к следующему заседанию объяснения о неисполнении им постановления СНКов о привлечении к ответственности комиссара государственных театров за канцелярскую волокиту, предупредив, если это вторичное предложение не будет исполнено, дело будет передано в Комиссариат юстиции». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10101, л. 2).

Когда письмо Луначарского, направленное в Управление Делами Совнаркома, было передано Малому Совнаркому, видимо, в этой связи на заседании 24 июня 1919 г. (прот. № 273, п. 11) состоялось следующее решение: «а) Разъяснить Управлению Делами Совета Народных Комиссаров, что пересмотр или приостановление постановления Совета Народных Комиссаров о привлечении комиссара государственных театров за канцелярскую волокиту может быть произведен только постановлением самого Совета Народных Комиссаров» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10286, л. 2 об.). Ленин подписал постановление. 10 июля Совнарком под председательством Ленина (прот. № 302, п. 12), рассмотрев ходатайство Луначарского, предложил ему обратиться к тому народному судье, в ведение которого поступило дело Малиновской (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 10548). 17 июля 1919 г. (прот. № 304, п. 15) Совнарком вынес решение отменить постановление «о предании суду т. Малиновской, приняв во внимание разъяснения, данные т. Луначарским, присутствовавшим в Совнарком при рассмотрении этого вопроса» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 10637). Ленин подписал протокол.

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

14 июня 1919 г.

ДЕКРЕТ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЙНОГО ФОНДА

Проект

В дополнение и развитие декретов Совета Народных Комиссаров от 19 сентября 1918 г. и 10 октября того же года, в целях сохранения коллекций и отдельных предметов, имеющих художественно-историческую ценность, обеспечения стройности и цельности в деле распределения сокровищ искусства и старины по всем государственным музеям как центральным, так и местным, и для проведения в жизнь единого плана общегосударственного музейного строительства, учреждается единый Государственный музейный фонд на нижеследующих основаниях:

1. Все произведения искусства и старины, а также предметы историко-бытового значения, где бы таковые ни находились — в музеях, церквях, монастырях, в разного рода правительственных и общественных учреждениях, в ломбардах, торговых помещениях и у частных лиц—торгов-

цев, как в виде отдельных предметов, так и целых собраний на протяжении всей территории Российской Федеративной Советской Республики, объявляются достоянием Республики и образуют Государственный музейный фонд.

2. Организация и ведение Государственным музейным фондом поручается Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению.

3. Все произведения искусства и предметы старины, находящиеся у частных лиц, не торговцев, считаются состоящими на ответственном хранении их владельцев и как входящие в Государственный музейный фонд не могут быть отчуждаемы или перемещаемы без особого разрешения на то Всероссийской коллегии по делам музеев и ее уполномоченных на то органов.

Примечание. 1) Коллекции и отдельные предметы могут быть в целях сохранения частной инициативы в деле собирания художественно-исторических ценностей сохраняемы у их владельцев, если последние не занимаются торговлей художественными произведениями.

2) Коллекции, оставленные Коллегией на хранение у частных лиц и признанные представляющими особый художественно-исторический интерес, должны быть доступны для осмотра экскурсиями и специалистами в установленном порядке.

4. Иностранцы подчиняются наравне с русскими гражданами положениям сего декрета.

5. Действие сего декрета не распространяется на произведения искусства, находящиеся у их авторов, а также на произведения, приобретенные у авторов непосредственно.

6. Во исполнение сего декрета Всероссийской коллегии поручается:

а) Выяснить наличные в стране произведения искусства, предметы старины, а также предметы историко-бытового значения.

б) Взять на учет все предметы художественно-исторической ценности и вести им точную регистрацию.

в) Принять все нужные меры охраны как в центре, так и на местах.

г) Разработать план распределения коллекций Государственного фонда как в целях пополнения существующих музеев, так и для создания новых.

7. Соккрытие художественно-исторических ценностей и невыполнение постановлений Всероссийской коллегии по делам музеев для проведения сего декрета в жизнь караются по всей строгости законов революционного времени.

8. Декрет вступает в силу со дня его опубликования.

Нар<одный> ком<иссар> А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 78, лл. 186—187.

19 сентября 1918 г. Советским правительством был принят декрет, запрещающий вывоз за границу произведений искусства, представляющих высокую художественную и культурно-историческую ценность:

«В целях прекращения вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения, угрожающего утратою культурных сокровищ народа, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Воспретить вывоз из всех мест Республики и продажу за границу кем бы то ни было предметов искусства и старины без разрешений, выдаваемых Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения, или органами, Коллегией на то уполномоченными. Комиссариат по внешней торговле может давать разрешение на вывоз за границу памятников старины и художественных произведений только после предварительного заключения и разрешения Комиссариата народного просвещения.

2. Все магазины, комиссионные конторы и отдельные лица, производящие торговлю предметами искусства и старины, или посредники по торговле ими, а также лица, производящие платную оценку или экспертизу подобных предметов, обязаны

зарегистрироваться в течение трех дней со дня опубликования сего декрета в Коллегии по охране памятников искусства и старины в Петрограде и Москве при Комиссариате народного просвещения или в органах, Коллегией на то уполномоченных, а на местах в отделах по народному просвещению при губернских Совдепах.

3. Виновные в неисполнении сего декрета подвергаются ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до конфискации всего их имущества и тюремного заключения.

4. Декрет вступает в силу со дня его опубликования.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. У л ь я н о в (Л е н и н)
Народный комиссар по просвещению А. В. Л у н а ч а р с к и й
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Вл. Б о н ч - Б р у е в и ч
Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Ф о т и е в а

Москва, Кремль, 19 сентября 1918 г.» (см. «Декреты Советской власти», т. III, стр. 354—355 и там же — комментарий об обстоятельствах подготовки этого декрета).

Другой декрет, упоминаемый Луначарским, был подписан не 10, а 5 октября и был посвящен «регистрации, приему на учет и охранению памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (там же, стр. 399—400). Декрет был также подписан Лениным и Луначарским.

Публикуемый проект декрета об учреждении Единого Государственного музейного фонда Луначарский подготовил как дополнение к двум предшествующим. Проект обсуждался 14 июля на заседании Малого Совнаркома (прот. 285, п. 5) и был принят.

При рассмотрении вопроса в Совнаркоме 24 июля (прот. 306, п. 19) было вынесено решение: «Поручить Малому Совету Нар. Ком. пересмотреть с участием т. Курского проект декрета об учреждении Единого Государственного музейного фонда в смысле ограничения регламентации» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 10698, л. 3 об.). В делах ЦГАОР (ф. 130, оп. 3, ед. хр. 78, л. 188) сохранился экземпляр проекта декрета, исправленный Наркомом юстиции Д. И. Курским. Курский зачеркнул пункт 3 и в 1 пункт внес следующее изменение: вместо слов «объявляются достойным Республик» — «могут быть объявлены». На экземпляре Курского сверху надпись красными чернилами: «Опротестован Влад(имиром) Ильичем». 29 июля на заседании Малого Совнаркома (прот. 294, п. 4) было постановлено: «Поправку тов. Курского отклонить и утвердить декрет в предыдущей редакции с поправками» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10741, л. 1, 1 об.). При рассмотрении проекта на заседании Совнаркома 31 июля 1919 г. было вынесено решение: «Декрет отклонить» (прот. 308, п. 6).

87

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12 июля 1919 г.

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Ввиду ухода в отпуск заместителя Народного комиссара по просвещению М. Н. Покровского, Народный комиссариат по просвещению считает необходимым возложить на время означенного отпуска обязанности замнаркома на члена Коллегии Петроградского компроста Л. Р. Менжинскую и просит утвердить ее в названной должности.

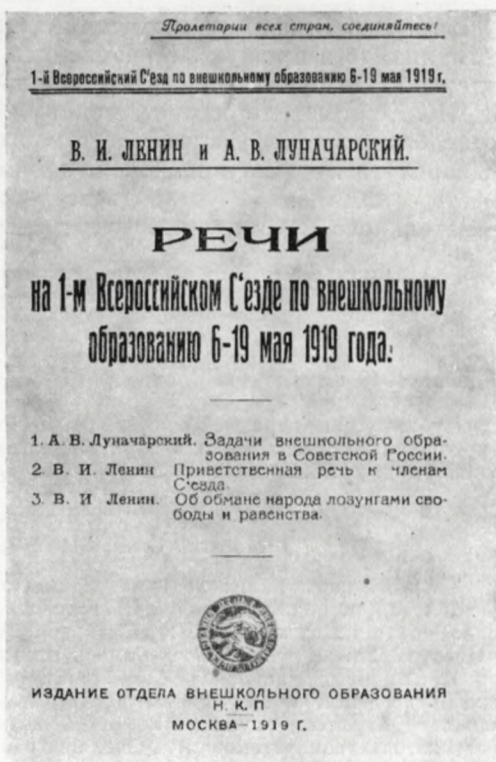
Народный комиссар по просвещению Л у н а ч а р с к и й
Управляющий делами Комиссариата
Секретарь

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 306, л. 55.

24 июля Совет Народных Комиссаров (прот. 306, п. 5) утвердил Л. Р. Менжинскую заместителем народного комиссара просвещения без указания, что Менжинская исполняет обязанности зам. народного комиссара просвещения на время отпуска Покровского.

25 июля секретарь Совета Народных Комиссаров Л. А. Фотиева послала во ВЦИК и РОСТА копию утверждения Менжинской заместителем народного комиссара просвещения. 28 июля Ленин подписал удостоверение Менжинской об утверждении ее зам. варкомпроса. В конце июля Луначарский обратился в Совет Народных Комиссаров с письмом о том, что в № 163 «Известий ВИК» опубликовано постановление Совнарко-

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РЕЧЕЙ
ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО
НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ
СЪЕЗДЕ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ, СОСТОЯВШЕМ-
СЯ 6—19 МАЯ 1919 г. В МОСКВЕ

ма о назначении Менжинской зам. наркомпроса без указания, что это назначение на время отпуска Покровского, и просил исправить в срочном порядке эту неточность, что и было сделано за подписью Фотиной 4 августа 1919 г., разославшей копию исправленного постановления Совета Народных Комиссаров в РОСТА, Наркомат юстиции, ВЦИК и Наркомпрос.

88

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<21 июля 1919 г.>

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. ЛЕНИНУ

Прилагая при сем полученную мною телеграмму от друга моего старого коммуниста и одного из лучших знатоков Вологодской губернии и молочного дела в России, еще раз умоляю Вас обратить на это вопиющее заблуждение самое серьезное внимание. Мои старания спасти молочное дело на всем севере России увенчались относительным успехом, несколько меня, однако, не утешающим: тов. Шеин сдался на уговоры мои и трех выдающихся коммунистов-продовольственников Ярославской, Костромской и Вологодской губерний тов. Шелехова, Кагановича и Ермолаева. Он сам голосовал в Коллегии за повышение цен на масло. Но Коллегия большинством голосов провалила наше предложение. Я не могу представить себе большего безумия. Все люди с мест, старые партийные товарищи, прекрасные знатоки дела, заявляют, что отказ в повышении цен на масло окончательно убьет пошатнувшееся молочное хозяйство, а какие-то граждане в центре, простите мне, но, очевидно, ни бельмеса не смыслящие в местном молочном хозяйстве, с бюрократическим упрямством, доводящим до отчаяния, продолжают губить народное богатство.

Если Вы, Владимир Ильич, не хотите или бессильны обратить на это внимание, то я прошу Вас разъяснить мне, имею ли я право, собрав весь материал, возбудить экстренную интерpellацию по этому вопросу в ВЦИК. Если нет, то останется одно: я сговорюсь с продовольственниками последовать всем с официального моего разрешения примеру Ермолаева и подвергнуться аресту и революционному суду (с удовольствием сяду вместе с ними), дабы устроить всероссийское разбирательство этого бес- сознательного преступления упрямцев из Наркомпрода.

Народный комиссар по просвещению
Уполномоченный ВЦИК
А. Луначарский

21 июля 1919 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30906. Телеграмма Ермолаева, о которой говорится в письме Луначарского к Ленину, сохранилась в ЦГА РСФСР (ф. 2306, ед. хр. 522, лл. 204—205). Приводим ее текст:

«Из Вологды .
Москва. Совнарком. Луначарскому

Твердые цены на масло начала текущего года пятьсот тридцать <рублей> пуд. Месяц назад, не видя возможности заготовить масло <в> Вологодской губернии по такой цене, депутация от губерний Ярославской, Костромской, Череповецкой, Вологодской в Центромолоко, у Цюрупы добилась принципиального согласия до 1000 <рублей> пуд. При личном докладе моем, Саммера, Цюрупа месяц назад дал распоряжение <о> скорейшем введении новых цен. Продав месяц, видя гибель масляных заготовок, совещание губпродкома, губисполкома, губсоюза, губземотдела, губсовнархоза <под> моим председательством установили новые цены на масло: 1200 <рублей> пуд. Цюрупа отменил цены, отстранил меня <от> должности губпродкомиссара, приказав арестовать <на> семь дней. Такое распоряжение рассматривается всеми нами, как пощечина, делает невозможным работу. Воздействуйте. Е р м о л а е в» (Телеграфная лента. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 522, лл. 204—205).

В июне 1919 г. в статье «Костромское крестьянство», написанной для РОСТА, Луначарский, в частности, писал: «Одна маленькая иллюстрация товарообмена, как он проводится Компродом: 15 рублей стоит одинаково и колесная мазь, и сливочное масло, ввиду чего крестьяне склоняются к мысли мазать колеса сливочным маслом. <...> Но если бы, по крайней мере, слушали голоса с мест, когда людям доказывают с цифрами в руках, что крестьяне реально не могут продолжать молочного или сыроваренного дела по цене ниже его издержек, и когда на это только пожимают плечами с тем, чтобы потом ахать и охать, когда падает соответственно производство в целых уездах...» (см. настоящ. том, стр. 421).

И. А. Саммер, упоминаемый в телеграмме Ермолаева, — старый большевик, после Октябрьской революции работал в Вологде, был председателем Совета народного хозяйства.

89

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ
в комиссию при совете народных комиссаров

18 августа 1919 г.

Народный комиссариат по просвещению препровождает при сем на утверждение проект декрета о Всероссийском фото-кинематографическом отделе Наркомпроса и просит срочно рассмотреть данный проект.

Приложение: проект декрета в 4-х экземплярах.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
За управляющего делами комиссариата Зимовский
За секретаря П. Егорова

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 887, л. 16.

К письму приложен текст декрета, на котором рукой Луначарского написано: «Утверждаю. Народный ком. по просв. А. Луначарский».

«П.1. Для осуществления при посредстве фотографии, фототехники и кинематографии научно-учебных, культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских задач, а также для организации фото-киноторговли и промышленности, снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов в Народном комиссариате по просвещению учрежден Всероссийский фото-киноотдел, в исключительном ведении которого находится все фото- и кинодело РСФСР.

2. В своей научно-учебной, культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской деятельности Всероссийский фото-киноотдел руководствуется директивами Народного комиссариата по просвещению; в вопросах же производства, снабжения и распределения фото-кинопродуктов — общей политикой Высонархоза.

3. Для успешного выполнения своих задач фото-киноотделу предоставляется право: национализации как отдельных фото-кинопредприятий, так и всей фото-кинопромышленности; реквизиции предприятий и фото-кинотоваров, материалов и инструментов; установления твердых и предельных цен на фото-киносырье и фабрикат; производства учета и контроля фото-киноторговли и промышленности; регулирования всей фото-киноторговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для предприятий и частных лиц, а равно и советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фото-киноделу.

Примечание. Постановления фото-киноотдела о национализации подлежат утверждению Президиума ВСНХ.

4. Всероссийский фото-киноотдел управляется заведующим и коллегией, назначаемыми Коллегией Народного комиссариата по просвещению.

5. Для выполнения своих задач на местах Всероссийский фото-киноотдел создает непосредственно ему подчиненные органы: а) окружные комитеты для руководства всем фото-киноделом в определенных районах и б) губернские фото-киносекции при губернских отделах народного образования.

Все органы отдела на местах действуют на основании положений, вырабатываемых и утверждаемых отделом.

Примечание: Все дела, имущество, предприятия и учреждения Московского и Петроградского кинокомитетов передаются в распоряжение Всероссийского фото-киноотдела.

6. Всероссийский фото-киноотдел существует на средства, отпускаемые по финансовому смете Народного комиссариата по просвещению на общих основаниях со всеми его отделами» (там же, лл. 17—17 об.).

К делу приложена также выписка из протокола заседания Президиума ВСНХ от 14 января 1919 г., принявшего постановление: «Передать фото- и кинопромышленность в ведение Народного комиссариата просвещения» (л. 19). 25 августа 1919 г. проект декрета был оглашен на заседании Малого Совнаркома (прот. № 311, п. 16). Постановили: «Отложить на заседание Малого Совета в среду 27.VIII 1919 г., предложив Народному комиссару просвещения переработать проект декрета в соответствии со сделанными в Малом Совете указаниями». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10993, л. 4). 27 августа Малый Совнарком рассмотрел новый текст проекта. Приводим его полностью:

«Декрет о переходе фотографической и кинематографической торговли и промышленности в ведение Народного комиссариата по просвещению.

1. Вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность как в отношении своей организации, так и для снабжения и распределения относящихся сюда технических средств и материалов передается на всей территории РСФСР в ведение Народного комиссариата по просвещению.

2. Для этой цели Народному комиссариату по просвещению предоставляется право: а) национализации по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства как отдельных фото-кинопредприятий, так и всей фото-кинопромышленности; б) реквизиции предприятий и фото-кинотоваров, материалов и инструментов; в) установления твердых и предельных цен на фото-киносырье и фабрикат; г) производства учета и контроля фото-киноторговли и промышленности путем издания всякого рода постановлений, обязательных для предприятий и частных лиц, а равно и для советских учреждений, поскольку они имеют отношение к фото-киноделу» (там же, л. 18).

Малый Совет единогласно утвердил декрет (прот. № 313, п. 2. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11015, л. 1). Протокол подписан Лениным. Декрет опубликован в «Известиях» 2 сентября 1919 г., № 193, и в «Собрании узаконений», 1919, № 44, ст. 433.

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

22 августа 1919 г.

Совет защиты детей, учрежденный декретом от 4-го февраля с. г., вступает во второе полугодие своего существования. В первое полугодие Совет защиты детей был финансирован Наркомпросом и Наркомздравом и благодаря этому получил возможность развить относительно широко деятельность по эвакуации детей в колонии, снабжению их продовольствием, одеждой, инвентарем. По мере роста Совета защиты детей работа его становится более разнообразной и более планомерной, но тут в самом начале приходится наталкиваться на отсутствие средств, тем более неприятное, что ряд требований, предъявляемых жизнью Совету защиты детей, совершенно не терпит отлагательств.

Перед нами стоит ликвидация эвакуационной работы как текущего, так и прошлого года — надо вывезти и вернуть домой детей, находившихся два года в плену за Восточным фронтом, надо финансировать еще несколько тысяч детей, остающихся в колониях в Симбирской, Казанской и Тамбовской губерниях. Часть этих детей не будет взята родителями, и Совету защиты детей приходится срочно принимать меры, чтобы организовать поселения для них. Впоследствии учреждения эти будут, вероятно, введены в сеть учреждений того или иного комиссариата, но пока именно Совету защиты детей приходится делать затраты на организацию этих поселений. Затем, несмотря на то, что Совет защиты детей не предполагает организовывать своих учреждений, тем не менее, поставив своей задачей поставить в порядок дня непосредственную борьбу со все развивающейся детской проституцией, детской спекуляцией, он будет вынужден снабжать продовольствием и инвентарем те детские коммуны или дома, которые будут организовываться местными отделами Наркомпроса или Наркомсобеса, а чтобы сделать такое снабжение возможным, необходимо приступить к работе сейчас же, а это требует тоже немало затрат.

В значительной мере на ответственности Совета защиты детей окажутся в смысле снабжения и те детские зимние колонии, которые неудобно будет организовывать вне городов, чтобы спасти детей от замерзания и топливного кризиса.

Совет защиты детей предполагает снабжать ненормированными продуктами до 200 000 детей, т. е. должен теперь озаботиться заготовкой 600—700 вагонов, на что необходимо иметь на первое время около 60 миллионов руб(лей). Хорошо сознавая, что при современных условиях даже хорошо организованный аппарат не сможет вполне обслужить всех нуждающихся детей, Совет защиты детей предполагает привлечь к этому делу в самом широком масштабе самое население, организовав в октябре месяце для этого День ребенка, когда широкой массе населения, главным образом крестьянской, будет дана возможность прийти на помощь детям голодающего Севера. Совет защиты детей предполагает организовать по всей территории Советской России сбор дарственного хлеба в пользу детей. Сложная организация этого Дня, который может дать очень богатые результаты, потребует затрат около пяти миллионов рублей. Заготовка топлива, к которой надо приступить сейчас же, потребует, примерно, около 10 000 000 рублей. Небольшие относительно средства требуются также на содержание организационного аппарата; за последнее время Совет защиты детей выплачивал своим сотрудникам жалованье, взяв всего 40 000 рублей в месяц, теперь ввиду повышения ставок, необходимости привлече-

ния еще нескольких сотрудников, этот расход достигнет, вероятно, до 100 000 рублей в месяц и до шестисот тысяч за второе полугодие, поэтому вся смета представляется в таком виде:

1. Ликвидация эвакуационной работы	5 000 000 руб.
2. Заготовка продовольственных продуктов	60 000 000 руб.
3. Заготовка топлива	10 000 000 руб.
4. Организация Дня ребенка	5 000 000 руб.
5. Содержание организационного аппарата	600 000 руб.
	Всего 80 600 000 руб.,

каковые Совет защиты детей просит срочно ассигновать в сверхсметном порядке и в случае ассигновки перевести их на текущий счет Совета защиты детей в Народном банке за № 254926.

Председатель Совета защиты детей А. Луначарский
Секретарь

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 898, лл. 10—11.

17 января 1919 г. на заседании Коллегии Наркомпроса Луначарский поставил вопрос о создании Совета защиты детей. Коллегия поручила Луначарскому выработать проект декрета. 20 января проект, написанный Луначарским, был принят Коллегией Наркомпроса, а затем 25, 30, 31 января трижды рассматривался на заседаниях Совнаркома. Сохранился текст проекта с поправками рукой Ленина. Приводим текст полностью. (Курсивом выделены исправления Ленина и слова, подчеркнутые им.)

«Об учреждении Совета [обороны] защиты детей.

Принимая во внимание тяжелое продовольственное положение в стране, ненадежность ее бытового уклада и лежащую на революционной власти обязанность оберечь в опасное переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает особый Совет обороны детей.

Председателем Совета является Народный комиссар по просвещению. В состав Совета входят представители от следующих комиссариатов: просвещения (2), социального обеспечения, здравоохранения, продовольствия и труда по одному.

Совету предоставляются следующие права:

1) Налагать вето на распоряжения всяких властей местных и центральных, если такие распоряжения ведут к явному ущербу для детей.

Примечание. Наложение Советом обороны детей вето могут быть обжалованы в Совет Народных Комиссаров и ответственность за них ложится целиком на Совет обороны детей.

2) Совет обороны детей обязан постепенно развернуть особую инспекцию по охране детей, для защиты их от эксплуатации, жестокого обращения, беспризорности и для включения их в круг школьного, дошкольного и общего социального попечения.

3) Оставляя за всеми входящими ведомствами в полной неприкосновенности их обычные функции, Совет обороны детей координирует их действия во всем, что касается защиты, здоровья и благополучия подрастающего поколения.

4) Под руководством Совета объединяют свои действия организации комиссариатов просвещения и социального обеспечения, имеющие своей целью снабжение детей необходимейшими предметами обихода и в особенности продуктов питания.

Этому органу снабжения детей продовольствием во всероссийском масштабе должны быть предоставлены особые привилегии в закупках, в транспорте и распределении необходимых продуктов.

На основании постановления Центрального Исполнительного Комитета от 16 января продовольственному бюро Совета обороны детей должно быть предоставлено право на началах особого покровительства:

а) закупать все ненормированные продукты;

б) производить закупки по твердым ценам продуктов второй категории, т. е. мясо и картофель;

в) продвигать во внесрочном порядке все закупленные грузы, а также пожертвования с мест, хотя бы последние заключались в продуктах, подлежащих государственной монополии.

Примечание. Все наряды, выдаваемые на основании настоящего декрета Советом обороны детей, должны быть контрастированы членом этого Совета, делегируемым Компродом (см. «Декреты Советской власти», т. IV, стр. 337—338).

4 февраля Совнарком утвердил проект декрета. Декрет был подписан Лениным, Луначарским, Бонч-Бруевичем и Фогтевой.

26 августа состоялось заседание Малого Совнаркома, где было заслушано и удовлетворено ходатайство Луначарского об ассигнованиях для Совета защиты детей. Вместе с тем на очередь был поставлен вопрос о реорганизации Совета защиты детей. **Постановили:**

«а) Отпустить Народному комиссариату просвещения авансом в счет сметы 2-го полугодия 1919 года три миллиона рублей (3 000 000 р.) на предмет субсидирования организации Совета защиты детей по усмотрению и под контролем Народного комиссариата просвещения. б) Вызвать на заседание Малого Совета в пятницу 29/VIII с. г. ответственных представителей народных комиссариатов просвещения, социального обеспечения, здравоохранения и продовольствия для рассмотрения вопроса о ликвидации Совета защиты детей или о его организационной принадлежности» (прот. 312, п. 7. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1101, лл. 1 об.— 2, 2 об.).

На другой день Луначарский написал в Управление делами Совнаркома: «Осведомленный о решении Малого Совета народных комиссаров пересмотреть положение о Совете защиты детей, покорнейше прошу отложить рассмотрение этого вопроса до моего приезда из Смоленска, т. е. приблизительно до 5—6 сентября.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Секретарь Д. П и г и т» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 898, л. 12).

О дальнейших решениях, связанных с Советом защиты детей, см. настоящ. том, стр. 233—236.

В публикуемом письме Луначарского в Совнарком 22 августа 1919 г. речь идет об ассигновании средств на обеспечение нескольких тысяч детей, остающихся в колониях в Симбирской, Казанской и Тамбовской губерниях. К этому же времени относится и письмо Полтавского общества «Лиги спасения детей», подписанное В. Г. Короленко и пересланное в Малый Совнарком из Моссовета.

Приводим текст письма:

«Железнодорожным служащим Московско-Нижегородского и Московских 1 и 2-го районов, дети которых находятся в колониях Полтавской губ.

Правление общества „Лига спасения детей“ сообщает вам о тяжелом положении, в котором находятся в настоящее время детские колонии Полтавской губернии. Советская власть, уходя из Полтавы, оставила нам всего 2 миллиона на все детские колонии, т. е. на 7000 детей. Половина этой суммы уже израсходована, и если „Лига“ не получит каким-либо путем новых средств,— дети обречены на голод. К тому же реэвакуация вследствие продолжающейся гражданской войны невозможна, детям придется, быть может, зимовать здесь, на Украине, не одетыми, разутыми, и к перспективе голода присоединяется еще и холод...

„Лига“ обращается к вам, родителям, с предложением найти способы доставить сюда денежные средства (не советскими знаками 1918 года, здесь аннулированными). В противном случае почти неизбежна грозная катастрофа.

Почетный председатель В. К о р о л е н к о
Председатель <подпись>
Секретарь <подпись>

Письмо написано 5 августа 1919 г. К нему приложена справка о распределении детей по районам (ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 898, лл. 14, 15).

О письме Короленко 3 сентября 1919 г. было доложено председателем Моссовета на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК. **Постановили:** «Признано желательным оказать помощь через надежных людей. Вопрос о размерах помощи предложить решить Малому Совету» (там же, л. 16).

1. Для урегулирования всего театрального дела России учреждается Центральный комитет (Центротheater) при Народном комиссариате по просвещению.

2. Театральный отдел является исполнительным аппаратом Центротheaterа.

Отдел государственных театров включается в Театральный отдел Народного комиссариата просвещения.

3. Высшее руководство всеми театрами как государственными, так и принадлежащими отдельным ведомствам (военному, кооперативам, Советам депутатов и т. п.), объединяется в Центротеатре.

4. Всякое театральное имущество (здания, реквизит) ввиду представляемой им культурной ценности объявляется национальным имуществом.

5. Со дня опубликования декрета воспрещается кому бы то ни было вывоз за границу, уничтожение, обесценение или продажа театрального имущества без разрешения на то Центротеатра для театров, имеющих общегосударственное значение, и для театров, имеющих местное значение, — отделов народного образования.

6. Установление цен на места в зрительном зале определяется Центротеатром по соглашению с Коллегией Народного комиссариата по просвещению и Народного комиссариата финансов на основании заключения местных отделов народного образования.

7. Постановления Центротеатра, касающиеся платы на места, обязательны для всех театров России.

8. Театральное имущество (здания, костюмы, реквизит) передается Центротеатром в пользование художественным коллективам (обществам, ассоциациям, кружкам), имеющим или желающим иметь театры, и артистическим труппам на определенных началах.

Примечание. Личное театральное имущество артистов театра, эстрады и цирка не подлежит национализации, а остается собственностью театральных, цирковых и эстрадных артистов с тем, однако, чтобы в случае продажи такового имущества правом преимущественной покупки пользовалось государство или местные Советы.

9. Театры, признаваемые полезными и художественными, разделяются на несколько категорий, причем все они субсидируются государством согласно представляемой смете, в размерах, дающих им возможность функционировать при утвержденных государством ставках за труд и ценах на места.

10. Театры, культурная ценность которых признается Центротеатром, а относительно местных театров — им же по представлению и отзыву местных Советов депутатов — и которые находятся в руках зарекомендовавших себя и устойчивых коллективов (будь то поддерживающие театры культурно-просветительные и другие общества, ассоциации и кружки, труппы или художественно-трудовые коллективы), признаются автономными.

11. Театры автономные дают ежегодный отчет Центротеатру как о художественной, так и о материальной жизни за год.

12. Автономные театры подлежат с финансовой стороны ревизиям Государственного контроля.

13. Центротеатр может проверять показания правлений автономных театров как через органы Государственного контроля, так и через собственную инспекцию.

14. Центротеатр имеет право давать автономным театрам известные указания репертуарного характера, в направлении приближения театра к народным массам и их социалистическому идеалу, без нарушения художественной ценности театра.

15. Автономия может быть отнята, после того как она признана, только Коллегией Народного комиссариата по просвещению по представлению Центротеатра.

16. Театры, находившиеся в распоряжении частных антрепренеров или организаций, не гарантирующих высокого культурного уровня, или, наконец, трупп, вновь составленных и не имеющих определенной физиономии, пользуются предоставленным им национальным театральным иму-

ществом при условии включения в их правления представителей местного отдела народного образования, если дело идет о театре местного значения, и Центротeatра, если дело идет о театре, долженствующем иметь значение государственное.

Примечание. Распределение билетов как на платные, так и на бесплатные спектакли предоставляется регулировать местному исполнительному комитету по соглашению с местным советом профессиональных союзов, а в Москве — Центротeatру, Московскому Совету и Всероссийскому Совету профессиональных союзов.

17. Количество лиц по назначению в правлениях таких театров определяется Центротeatром по представлению местных Советов депутатов, причем, однако, представительство художественно-трудоого коллектива театра и местного профессионального союза работников искусств является обязательным.

18. Для театров неавтономных обязательными являются не только вышеуказанные распоряжения Центротeatра, но также административные и художественные.

19. Стремясь к усилению художественной самодеятельности, Центротeatр переводит в разряд автономных все театры, художественный коллектив которых достаточно окреп.

20. Театры, организуемые самим Центротeatром для проведения в жизнь того типа спектаклей, которые, по мнению Центротeatра, наиболее необходимы народным массам, а также государственные и советские студии такого типа, администрируются на тех же началах, как и неавтономные театры, и равным образом переводятся в разряд автономных после известного стажа, длительность которого определяется Центротeatром.

21. Так называемые государственные театры, т. е. Большой и Малый в Москве, Мариинский, Александринский и Михайловский в Петрограде, управляются на основании тех положений, которые приняты для управления ими соответственным уложением.

22. Все права, какими пользовался по отношению к государственным театрам согласно этому уложению Народный комиссариат по просвещению через отдел государственных театров, остаются за ним и проводятся им в жизнь через Центротeatр.

23. Цирки как предприятия, с одной стороны, доходные, с другой стороны, — демократические по посещающей их публике и особенно нуждающиеся в очищении от нездоровых элементов и в художественном подъеме их программ, а также всякого рода эстрады администрируются наравне с неавтономными театрами.

24. Народные гулянья, не организуемые непосредственно Советской властью, могут получить субсидирование, в каком случае они подчиняются административным и художественным указаниям Центротeatра или местных отделов народного образования.

25. Порядок субсидирования театров будет особо выработан Центротeatром по соглашению с Народными комиссариатами финансов и Государственного контроля.

26. При назначении субсидии театрам Центротeatр соображается как с финансовой стороной театрального предприятия, так в особенности с художественными достоинствами труппы и общей полезностью направления театра.

27. Состав Центротeatра:

1) Председателем Центротeatра является Народный Комиссар по просвещению.

2) Заместителем председателя является лицо, назначенное Коллегией Народного комиссариата по просвещению.

ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
ВО ВРЕМЯ ДЕМОНСТРАЦИИ
ТРУДЯЩИХСЯ, ПОСВЯЩЕННОЙ
ПРАЗДНОВАНИЮ ВТОРОЙ
ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ
ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

7 ноября 1919 г.

Фотография Л. Я. Леонидова

3) Коллегия Центротейтра, помимо председателя и заместителя председателя, состоит из десяти членов, из коих 7 назначаются Коллегией Народного комиссариата по просвещению и 3 избираются Всероссийским Советом профессиональных союзов.

Примечание 1-е. Представители Московского и Петроградского Советов, заведующие театральным делом столиц, имеют право присутствовать на заседаниях Центротейтра с решающим голосом.

Примечание 2-е. Представители губернских исполнительных комитетов имеют право участвовать с решающим голосом в заседании Центротейтра во время обсуждения вопросов, касающихся театров их губернии.

Примечание 3-е. Внешкольная секция Народного комиссариата просвещения имеет право послать одного представителя с решающим голосом в Центротейтр.

Опубликовано как текст декрета «Об объединении театрального дела». Декрет подписан 26 августа 1919 г. Лениным, Луначарским, Бонч-Бруевичем, Фотиевой (см. «Собрание узаконений», 1919 г., № 44, стр. 440).

В ЦПА хранится машинописный текст декрета, представляющий собой расшифровку стенографической записи, сделанной под диктовку Луначарского. Об этом свидетельствуют пропуски (отточия) в тексте, заполненные от руки Луначарским. В тексте имеется правка Луначарского. Под текстом — собственноручные подписи Ленина и Луначарского. На первом листе сверху — надпись Ленина: «в архив» (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11002, лл. 1—4). Там же находится машинописный экземпляр декрета с под-

писями Ленина, Бонч-Бруевича и Фотиевой (место для подписи Луначарского не заполнено). Оба экземпляра декрета помечены 26 августа. На экземпляре Луначарского — штамп Совнаркома с входящим номером и датой 23 августа. Дата 26 августа представлена после подписания декрета Лениным.

Подготовка декрета велась несколько месяцев. 12 мая на заседании Малого Совнаркома (прот. 249, п. 7) рассматривался проект декрета о национализации предприятий театрального и циркового искусства в РСФСР (докладчик — Покровский, Каменева). Луначарский в это время находился в Костроме. Постановили: «Признавая необходимым и своевременным национализацию предприятий театрального и циркового искусства в РСФСР, но в то же время считая представленный проект декрета недостаточно обоснованным и разработанным, — передать вопрос для разработки в комиссию из представителей: Всецпрофсовета, Наркомпроса, Финансового и Государственного контроля. Поручить этой комиссии представить доклад в Малый Совет в недельный срок.

Созыв комиссии поручить Нар. ком. просвещения». Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 9711, л. 2 об.).

На заседании 6 июня (прот. 262, л. 6) Малый Совнарком рассмотрел проект декрета о национализации предприятий театрального и циркового искусства. Постановили: «Декрет утвердить с поправками». 17 июня 1919 г. Совнарком под председательством Ленина предложил: «Возвратить проект декрета в Комиссию при СНК, дав ей задание: а) изучить фактическое состояние дела в смысле национализации, муниципализации и оставления в частном предпринимательстве предприятий театрального и циркового искусства; б) изучить вопрос о финансовой стороне; в) выяснить, какой имеется аппарат у ТЕО для проведения национализации. При обсуждении этого вопроса поручить комиссии при СНК потребовать обязательного личного присутствия тов. Луначарского» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10185, л. 2).

25 июня Малый Совнарком вновь обсуждал вопрос (прот. 274, п. 4) и принял решение: «Поручить Нар. ком. фин. и Нар. ком. гос. контр. представить заключения по вопросу о национализации театрального и циркового искусства в пределах зала, поставленных СНК в постановлении 17/VI—19. Вопрос поставить на повестку 9/VII—19 года, вызвав ТЕО, Наркомпросвещения тов. Луначарского, представителя Всероссийского профессионального союза». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10307, л. 1 об.). 12 августа 1919 г. предполагалось постановить чтение проекта декрета на Малом Совнаркоме, но было отложено на 14 августа (прот. 303, п. 3). Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10884, л. 1). 14 августа на заседании Малого Совнаркома (прот. 305, п. 15) состоялось слушание проекта (докладчик Луначарский). Постановили: «Проект декрета утвердить. Принято 3 голосами (Галкин, Аксельрод и Луначарский) против двух (Козловский и Швердиг)».

Совнарком под председательством Ленина 21 августа не принял декрет и внес в решение Малого Совнаркома следующую поправку: «Отклоняя декрет, создать комиссию в составе Луначарского, Владимирского, Ландера для изучения вопроса о теперешнем положении театров и отношении к ним местных совдепов как со стороны направляющей их роли (так и по) вопросам о регулировании театров, Срок работы комиссии — двухнедельный. Доклад должен быть представлен в СНК» (прот. 312, ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 10972).

Как об этом свидетельствует публикуемый документ, текст декрета, представленный Луначарским, был подписан 26 августа.

В процессе подготовки декрета Луначарский стремился к широкому освещению основных его положений в статьях и выступлениях. Наиболее интересной и исчерпывающей для понимания проводившихся мероприятий в области централизации театрального дела является его статья «Театральные вопросы. Проект концентрации театрального дела». Напечатана в «Известиях», 1919 г., № 173, 7 августа.

В статье «Реформа в области театра», написанной в то же время, Луначарский отметил высокую оценку театральной политики Советской власти мастерами русского театра. Он привел слова А. И. Южина: «Советское правительство не относится небрежно к театру, можно сказать, что он отнюдь не является пасынком: другой вопрос, отвечает ли на это театр, давая народу все, что он должен был бы дать».

«Для меня же, — писал Луначарский, — эти слова были ценны как признание того, что Советское правительство действительно делает все, что может, для обеспечения за театром возможности существовать в настоящее тяжелое время». Луначарский отметил, что Советское правительство считает театр не только развлечением, но и великой школой жизни для народных масс, что декрет об объединении театрального дела является крупным шагом вперед в развитии театра, что в ближайшие год-два исчезнут театральные дельцы» («Вестник театра», 1919, № 34, 23—28 сентября). О задачах театральной реформы были написаны также статьи Луначарского «Революция и кризис театра» («Вестник театра», 1919, № 1, 1—2 февраля, № 4, 11—12 февраля) и «К вопросу о национализации театров» («Вестник театра», 1919, № 18, 4—8 апреля).

Все упомянутые статьи Луначарского со времени их первой публикации не издавались.

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

26 августа 1919 г.

В МАЛЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Грозящий Москве топливный кризис беспокоивает также в высокой мере Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению и Профессиональный союз работников искусств.

Тщательное исследование показало полную возможность запастись почти вполне достаточным количеством дров для обеспечения правильного функционирования театров при условии своевременной закупки их на сравнительно ближних станциях от Москвы по сходным ценам.

Главлеском и другие ведомства, близко стоящие к топливному делу, обещали Театральному отделу и Профессиональному союзу всячески содействовать в их общих направленных к этой цели действиях.

Для этого приходится принимать во внимание не только то обстоятельство, что закрытие театров, вынужденное отсутствием топлива, выбросило бы на улицу несколько тысяч безработных, но и то, что сколько-нибудь порядочно отапливаемый театр послужит для очень значительного количества жителей Москвы, при предполагаемом ТЕО условии сравнительно низких цен за места, благодаря отказу государства от налога, местом отдыха и согревания, — в то же время давая в те же 4 часа полезное и часто высококультурное переживание.

Я полагаю, таким образом, что не только с точки зрения заинтересованности театра, но и с точки зрения бытовых и культурных нужд всей Москвы — необходимо пойти навстречу театрам в деле снабжения их топливом.

В настоящее время Всероссийский профессиональный союз работников искусства и Театральный отдел Наркомпроса организовали особый комитет по отоплению театров. Комитет этот имеет реальные возможности добыть значительное количество дров при условии своевременного аванса под эти дрова в размере трех миллионов.

Ни Профессиональный союз, ни Театральный отдел Наркомпроса не располагают в настоящее время (до прохождения сметы Театрального отдела) наличной суммой для этой цели в этих размерах, ввиду чего я ходатайствую в срочном порядке дать из средств казначейства ссуду Театральному отделу за ручательством Народного комиссара по просвещению, каковая ссуда должна быть возвращена государству в течение ближайшего полугодия по 500 тысяч каждый месяц.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Секретарь Д. Пигит

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 896, л. 29—29 об.

В деле имеется также аналогичное отношение в Совнарком заместителя председателя Центроттеатра К. Малинина (л. 30—30 об.).

31 августа 1919 г. Малый Совнарком, рассмотрев ходатайство Луначарского, постановил: «Вызвать на заседание Малого Совета в четверг 4/IX 1919 г. представителей Народного комиссариата просвещения и Главлескома» (прот. № 316, п. 15. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11059, л. 3 об.).

10 сентября этот вопрос вновь стоял на заседании Малого Совнаркома. Постановили: «Снять с повестки по заявлению т. Менжинской» (прот. № 322, п. 3. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11131, л. 1 об.). Оба протокола подписаны Лениным.

Поскольку вопрос об обеспечении театров топливом стоял очень остро, Малый Совнарком неоднократно возвращался к нему.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСИ ЛЕНИНА

г. Смоленск

3 дня, сентября 1919 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Вчера я выступал на огромном гарнизонном собрании. Встречен я был очень дружелюбно, и речь моя о текущем моменте была покрыта громкими аплодисментами, но сейчас же после меня выступил прелестный солдатик из полудиких красноармейцев, который заявил, что он «всею душой за Советскую власть», мы-де с товарищами, не рассуждая и без «всякого коммунизма» пошли сражаться против помещиков и будем делать это и впредь. Но он призывал вместе с этим организовать, чтобы бороться с теми, кто «заставляет нам путь». Это, по его словам, «мелкое начальство»<...>.

Речь эта вызвала чрезвычайно дружные аплодисменты всего собрания. Правда, такими же дружными аплодисментами была покрыта и речь местного агитатора, который основательно доказывал, что коммунисты коммунистам рознь и что нельзя партии ставить в вину, если в такое тяжелое время, как наше, бывают те или другие промахи или к ней примазываются недостойные люди<...>.

Сообщая это Вам только на всякий случай, как важное свидетельство об явлении, о котором Вы и сами хорошо знаете.

В общем мою поездку в Смоленск надо считать, конечно, удачной; хотя в смысле продовольственном никакой особенной помощи я не оказал, а только более или менее точно выяснил картину состояния губ<ернии>, но зато я прочитал здесь множество лекций и рефератов, выступал перед рабочими и солдатами и, по отзывам местных работников, очень сильно помог им в этом отношении.

На обратном пути я заеду на фабрику в г. Ярцеве, а в субботу вечером, вероятно, уже буду на Совнарком, так как здесь все важное мною безусловно сделано и теперь уже моя московская работа становится несомненно более важной, чем продолжение работы здесь.

Жму руку.

Луначарский

Сверху надпись Ленина:

«В Оргбюро ЦККа».

Сбоку:

«в архив».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11121.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

29 дня, октября 1919 г.

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. ЛЕНИНУ

Согласно нашему телефонному разговору посылаю Вам заявление, подписанное Мартовым, Даном и Винавером и другими, представляющее собою ручательство, необходимое для освобождения больного А. Н. Потресова.

ЛУНАЧАРСКИЙ
1919 г.
Фотография

Вместе с тем обращаю Ваше внимание на то, что за подписью Красина и Лапицкого была подана т. Каменеву бумага с ручательством за то, что Потресов ни в каких организациях, борющихся против Советской власти, участия не принимал.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Секретарь

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 836, лл. 13 и 14.

К письму Луначарского приложен текст заявления Мартова, Дана, Винавера, Юкова и Капелинского с просьбой освободить Потресова:

«Заявление

Мы, нижеподписавшиеся, ввиду крайне тяжелого болезненного состояния заключенного Александра Николаевича Потресова, просим об освобождении его и берем на себя ручательство, что он по первому требованию властей представит себя в их распоряжение».

7 ноября 1919 г. Потресов был освобожден. Сохранился документ, подписанный председателем Особого отдела ВЧК Павлуновским в тот же день: «Согласно постановления Всероссийской чрезвычайной комиссии от 7 сего ноября гражданин Александр Потресов освобожден на поруки граждан Мартова, Винавера, Дана и Юкова без права выезда из Москвы».

Несмотря на то что Ленин и большевистская партия активно боролась с меньшевиками и их деятельностью, враждебной Советской власти, Потресову была предоставлена личная свобода. Но проявленные по отношению Потресову гуманизм и доверие не помешали ему вскоре эмигрировать за границу, где он занимался активной антисоветской деятельностью, печатался в еженедельнике Керенского «Дни».

95

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

24 ноября 1919 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

По просьбе съезда по рабоче-крестьянскому театру пересылаю Вам принятую им приветственную резолюцию.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 465, л. 144.

В резолюции съезда говорилось:

«Первый Всероссийский съезд по рабоче-крестьянскому театру горячо приветствует в лице тов. Луначарского Совет Народных Комиссаров, избранных рабочих и крестьян, ведущих русский пролетариат к окончательной победе над русской и мировой буржуазией, и верит, что в общем огромном напряжении всех сил страны во всех областях и борьбы и строительства съезд по рабоче-крестьянскому театру вложит значительную помощь в дело коммунистического строительства.

Зам. председателя съезда

Секретарь съезда (подписи отсутствуют)» (ед. хр. 465, л. 147).

Всероссийский съезд рабоче-крестьянских театров происходил с 17 по 26 ноября 1919 г.

21 ноября Луначарский произнес речь на этом съезде, остановившись, в частности, на путях и перспективах развития пролетарского и крестьянского театра.

96

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

26 ноября 1919 г.

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. ЛЕНИНУ

Прилагаю при сем записку, поданную мне одним из наших сотрудников, руководителем профессионально-технических школ в Петрограде инженером Шу. Записка невелика и хорошо написана, так что потребует

от Вас всего пять минут времени. Я советую Вам ее прочесть. В той части, в какой она касается Наркомпроса, мы ее разрешим самостоятельно, но, как Вы увидите, записка касается шире вопроса о Туркестане.

С другой стороны, я рекомендую Шу как человека очень энергичного, очень знающего и лояльно советского. Быть может, Вы скажете два слова или дадите какую-нибудь записку в соответственное место, ибо я точно не знаю, от кого в конечном счете зависит данное назначение в Туркестан.

Нарком А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 31041, л. 2.

Федор Федорович Шу, инженер-ирригатор, в 1918—1919 гг. был заведующим отделом профессиональных и технических учебных заведений Наркомпроса Коммуны Северной области и Петроградского отдела народного образования. С 1921 г. работал в Главпрофобре в Москве.

24 ноября 1919 г. Шу направил Луначарскому письмо с предложением создать в Туркестане новый центр профессионально-технического образования:

НАРКОМУ г. ЛУНАЧАРСКОМУ

Уважаемый товарищ,

Около двух лет назад я, в лице Вашего, предложил Советскому правительству использовать мои силы, знания и опыт и, в случае предоставления мне заведывания определенной отраслью работ, привлечь к ней ряд ценных работников, ответственность за которых брал на себя. Вы нашли приемлемым мое предложение и передали мне руководство профессионально-техническим образованием в Северной области. Мое отношение к принятым обязанностям дало Вам возможность доверять мне также исполнение многих других поручений, требовавших, помимо всего, значительной инициативы и большого опыта. Встречая Ваше неизменное сочувствие к моим мыслям, я вынес убеждение, что Вы цените мою деятельность, и объясняю это моим отношением к делу, основанным не на осуществлении личных взглядов, а на строго государственном подходе к делу. Поэтому я считаю возможным в настоящее время просить Вас обратить внимание на мое заявление и содействовать осуществлению моего предложения.

За время работы мне удалось, при наличии сильных противодействий, не только сохранить вверенные профессионально-технические учебные заведения, но преобразовать их, открыть новые и поставить все дело так, что если бы не крайние обстоятельства последнего времени, я смог бы из школ и курсов одного только Петрограда, число которых выше 60, выпустить до двух тысяч различных техников и довести выпуск из высших технических учебных заведений до тысячи человек. Как Вам известно, я также в значительной степени содействовал тому, что декретом 24 июня 1919 г. признано государственное значение за профессионально-техническим образованием. Считаю необходимым заметить, что все сказанное я мог осуществить только потому, что мне было предоставлено право по моему выбору пригласить сотрудников, которых я сплотил в мощную и дружную организацию, в большинстве своем отдавшую свои силы идее. Твердая и разумная политика ее вызвала полное доверие к Советской власти у профессионально-технических учебных заведений, подтвердивших это доверие производительной работой.

Но условия жизни в Петрограде и в центре теперь таковы, что, несмотря на все наши усилия, деятельность школ прекращается. Мы бессильны предотвратить противодействующие нашей работе недостатки правительственных аппаратов, от которых она зависит. Наши достижения настолько ничтожны, что с государственной точки зрения следует или прекратить нашу деятельность, или перенести ее в более благоприятную для дела обстановку.

Производство, для которого мы должны готовить деятелей, еще долгое время не восстановится в центральных местностях, не говоря уже о Петрограде, промышленность которого была основана скорее на его административном значении, чем на достаточности естественных потребностей. Я уверен также, что Советское правительство не повторит ошибки прошлого и с свойственной ему энергией создаст обрабатывающую промышленность на местах нахождения естественных богатств. Если это правильно, если принять во внимание, что необходимо будет там развить широко профессионально-техническое образование и воспитать население в духе интереса к развитию местной промышленности, то теперь же следует приступить к этому. Осуществление такой задачи должно происходить со строгим соблюдением экономических начал, что возможно только при условии, если руководителями будут не только знатоки своего дела, но вместе с тем люди, понимающие общий государственный смысл задачи, объединенные верой в ее значение, сознающие ответственность своей миссии и работаю-

щие во взаимном уважении к Советской власти. В силу сказанного и предвидя, что разрушение школ в Петрограде неуредотвратимо, что при настоящих условиях жизни в нем я не в силах буду удержать мой сплоченный состав сотрудников и что я вместе с ним могу быть гораздо более полезным в работах на окраине, прошу Вашего содействия в предоставлении нам возможности проявить полезную деятельность в Туркестане.

Одной из причин, побуждающих меня считать эту местность наиболее соответствующей для использования моего труда и опыта, является то, что ближайшие очередные задачи или совпадают с моей текущей деятельностью, или близки к моим знаниям. Развитие промышленности в жизни Туркестана, основывающееся на его орошении, прежде всего и преимущественно потребует строительства того характера, который мне знаком. Существующее состояние ирригационных работ вместе с волною переселения потребует громадного числа разнородных работников по земляным сооружениям, экскаваторному делу, изыскателям и гидрологов, строительных, железнодорожных и горных техников, химиков, агрономов и целого ряда профессий (по шитью, сапожному мастерству и взаимному делу). Насколько велико разнообразие требующихся специалистов, показывает прилагаемый при сем список необходимых для ирригации работников.

Многие из моих товарищей по работе имеют уже ответственные поручения в тех областях народного хозяйства Туркестана, соприкосновение с которыми мне было бы необходимо по намеряемой деятельности. Наличие дружественных сил в смежных областях работы значительно облегчит мою. Есть еще одно существенное обстоятельство, которое меня привлекает в Туркестан, — это то, что в предстоящей работе будет больше нового строительства, чем перестройки. Можно будет целесообразным планом работ сразу же предотвратить многие ненормальности, подмеченные истекшей двухлетней работой. Например, добиться того, чтобы возникающий университет преимущественно технического характера не был отделен, как ныне существующие, китайской стеной от подготовительной технической школы. Легко будет провести единую школьную систему и связать школу крепкими узами со строительством и промышленностью так, чтобы они взаимно помогали друг другу. Кроме того, перенесение цельного аппарата даст возможность на основании опыта прошлого без затруднения определить, что надо сделать прежде всего и что может быть отложено. Опыт дела, заставлявший отвечать незамедлительно на запросы жизни, позволит также скоро найти те временные мероприятия, которые следует осуществить, чтобы немедленно же началась развитие профессионально-технических знаний и умений у местного населения.

Если будет признано желательным поручить мне руководство всем этим делом и предоставлена полная возможность переезда в Туркестан составу Комиссии по развитию в нем профессионально-технического образования с правом немедленно осуществлять первоочередные мероприятия, то я смог бы в ближайшее время приступить к делу и по обследовании местных условий приблизительно месяца через три представить подробный план работ на утверждение центра.

Считая, что осуществить намеряемую задачу возможно только при умело подобранном и тесно сплоченном составе работников и что таковой имеется в моем распоряжении, я предлагаю поручить мне ведение этого дела на определенных и подробно разработанных условиях, которые, в случае согласия, будут мною немедленно представлены.

Я уверен, что истекшая наша деятельность служит доказательством полной лояльности к Советской власти и подтвердила не только желание, но и способность производить работы рука об руку с ней.

Поэтому я убежден, что Вы найдете возможным выразить нам доверие поручением новой ответственной работы.

Присоединяю к моему заявлению краткий список и описание прошлой деятельности лиц, выразивших согласие работать со мной в Туркестане.

Список этот при надобности может быть мною значительно увеличен.

В заключение скажу еще только, что разносторонние знания и опыт представляемых лиц позволит использовать их и для других целей культурного строительства в Туркестане.

Федор Ш у» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 31041).

Письмо Шу Ленин, очевидно, направил на отзыв председателю Президиума ВСНХ В. П. Милютину, так как сохранился отзыв Милютина, адресованный Ленину. В письме Ленину от 28 ноября 1919 г. Милютин писал: «Предложение инженера Шу мне представляется более чем сомнительным. Сейчас все хотят ехать в Туркестан и заниматься ирригационными работами. Нас осаждают такими предложениями. Мы решили никого не посылать без специального запроса Рудзутака, который сейчас в Туркестане». В заключение письма Милютин предложил направить инженера Шу к заведующему научно-техническим отделом ВСНХ Ломоносову: «если он дельный человек, тот его используйте» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 31041, л. 1).

Однако Шу, не получив командировки в Туркестан, уехал к родителям в провинцию. 8 января 1921 г. он писал Луначарскому: «Не скрою, что работу с Вами не толь-

ко вспоминаю всегда с радостью, но и тоскую иногда, не слыша Вас, не учась у Вас многому. Дорогой Анатолий Васильевич, верьте, что не Ваша неизменная доброта, постоянная сердечность влечет к Вам, а понимание Вас, понимание трудности трудов Ваших. Многого мы видим, отойдя на расстояние, многое сможем увидеть, лишь закрыв глаза. И вот теперь, вдали от кипения, я иногда всматриваюсь в двухлетнюю с Вами работу и горжусь в радостной душе, что судьба меня столкнула с Вами, что Вы поверили в меня и доверяли мне». На обороте этого письма Луначарский написал несколько строк заведующему Главпрофобром О. Ю. Шмидту, запрашивая, не сочтет ли тот возможным использовать опыт и знания Шу для работы в Главпрофобре (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 796, лл. 231—232).

97

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

В МАЛЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

19 декабря 1919 г.

Еще раз подтверждаю мою просьбу поставить на повестку вопрос о критическом положении наших служащих.

Необходимо обсудить возможность продвинуть некоторые меры, принимаемые в этом направлении Наркомпросом и другими комиссариатами, исключаящие систематический отпор со стороны Наркомпрода.

Народный комиссар А. Луначарский

Секретарь Ю. Гинзбург

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 956, л. 56.

Первые обращения Луначарского по этому поводу в Малый Совнарком не обнаружены. 23 декабря 1919 г. Совнарком рассмотрел ходатайство Наркомпроса, подписанное М. Н. Покровским; об улучшении положения ученых. На заседании присутствовал Луначарский. Было вынесено следующее решение: «а) Утвердить постановление об улучшении положения ученых <...> б) Определить число ученых, на которых распространяется данное постановление, в 500 человек <...> в) Распространить действие этого постановления, кроме 500 ученых, еще на 50 литераторов. Выполнение данного постановления и определение списка лиц, на которых оно распространяется...», было возложено на специальную комиссию во главе с Покровским, куда входили представители ВСНХ и Наркомпрода. Постановление подписано Лениным. На листе повестки (л. 54) рукой Владимира Ильича надпись: «500 учен<ых> + 50 лит<ерато>ров» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12165).

5 февраля 1920 г. Луначарский направил лично Ленину письмо о бедственном состоянии учителей в г. Коломне Московской области, сообщая, что оно имеет прямое отношение к проекту об улучшении положения работников просвещения, которое он намерен внести на рассмотрение в ближайшем будущем (см. настоящ. том, стр. 149). Текст проекта, составленного Луначарским, найти не удалось, но в протоколах Малого Совнаркома зафиксирован ряд решений по этому поводу. 17 марта (прот. 438, п. 10) был заслушан доклад Луначарского «О мероприятиях, необходимых для спасения дела народного просвещения». Речь шла об улучшении положения не только учителей, но и учащихся, а также о мероприятиях, связанных с судьбами народного образования в целом. В постановлении Малого Совнаркома 17 марта говорилось: «а) Обязать НКпрод и НКпрос в 3-дневный срок представить проект расчета, во что обойдется продовольствие государству, из расчета красноармейского пайка, содержания работников школьного, дошкольного и внешкольного разрядов.

б) В тот же срок обязать НКпрос представить отзывы НКвоендел и Главкомтруда об освобождении учащегося персонала от военной службы и от трудовых повинностей.

в) Слушание дела назначить в четверг 25/III—20 г., вызвав всех представителей» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13316, л. 3). Постановление подписано Лениным. Следующее решение по этому вопросу состоялось 26 марта (прот. 444, п. 7):

«а) Предложить Народному комиссариату военных дел по Всеросглавштабу и Полевому штабу и Главкомтруду зафиксировать основы соглашения своего с Наркомпросвещения по вопросу об освобождении работников просвещения от повинностей — не позже понедельника 29/III с. г.

б) Предложить Народному комиссариату продовольствия к тому же сроку сообщить Малому Совету: а) какое количество продуктов по норме пайка, применяемого в военно-учебных заведениях, требуется для полного удовлетворения работников просвещения отдельно по производящим и потребляющим губерниям и б) в какой доле этого пайка при современном состоянии продовольствия возможно это удовлетворение по обоим подразделениям.

в) Слушание дела назначить на понедельник 29/III—20 г. с вызовом докладчиков». Ленин подписал постановление (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13422, лл. 3, 4). 29 марта 1920 г. рассмотрение этого вопроса продолжалось (прот. 445, п. 2).

Постановили:

а) Изъять из войсковых частей, штабов, управлений, учреждений армии всех работников просвещения, за исключением должностных лиц командного состава, а также лиц, состоящих в настоящее время преподавателями военно-учебных заведений и разного рода войсковых школ, и лиц со специальными военными знаниями, которые могут быть освобождены по особому соглашению НКпросвещения с РВСР (Всероглавштаб и Полевой штаб).

б) По вопросу об ассигновании кредита — предложить НК просвещения представить в Малый Совет заключение НК финансов и Рабоче-крестьянской инспекции.

в) Предложить Комиссии по рабочему снабжению при НК продовольствия представить в Малый Совет в 3-дневный срок технический план снабжения работников просвещения продовольствием и предметами первой необходимости».

Постановление подписал Ленин (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13451, лл. 1—2). 3 мая 1920 г. (прот. 466, п. 9) продолжалось обсуждение мер для улучшения положения работников просвещения. На этом же заседании (п. 2) Лениным и Луначарским был внесен на рассмотрение вопрос «О предоставлении НК просвещения преимуществ при распределении денежных знаков» и вынесено соответствующее решение (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13808, лл. 1, 2, 4, 5).

93

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

⟨24 декабря 1919 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

В одном из разговоров наших Вы высказали мне упрек в том, что мы до сих пор не имеем в Москве хорошего памятника К. Марксу. Должен отметить, что в Петрограде против Смольного имеется весьма недурный памятник Марксу, сделанный известным скульптором Матвеевым, однако, в непрочном материале.

Если Петроградский исполком удовлетворен этой фигурой Маркса, то я буду ходатайствовать об отлитии его в цементе, если окажется невозможным употребить для этого бронзу.

Я согласен, что необходимо приступить к постройке памятника Марксу в Москве. Я знаю, что при первом конкурсе были поданы грандиозные проекты с перестройкой целых площадей. Конечно, об этом сейчас думать не приходится, и дело может идти только о красивой, содержательной, монументальной фигуре Маркса на одной из площадей.

Конкурсы, которые мы объявляли до сих пор, всегда приводили к недоразумениям и не давали достаточных результатов. В Москве имеется скульптор, вполне подходящий для единоличного заказа ему статуи Маркса. Это автор превосходного, уже поставленного Московским Советом гранитного монумента Достоевского на Цветном бульваре — художник Меркуров. На мой взгляд, это единственный художник, могущий удовлетворить и Вас и московских рабочих. Он обладает большой мощью, способностью психологического анализа и в то же время является реалистом. Однако для того, чтобы т. Меркуров мог взяться за выполнение памятника, необходимы, по его словам, некоторые предварительные условия. Условия эти могут быть обеспечены за ним только при Вашем полном согласии. Они заключаются в следующем:

1) Необходим особый приказ за Вашей подписью о предоставлении Меркурову нужных ему материалов в количестве, которое им заранее будет указано и может быть проверено экспертами, вне всякой очереди, под ответственностью за волокиту перед революционным судом.

2) Необходимо отпустить как для отопления во время самого производства работ, так и для сушки, известное количество дров, опять-таки заранее указанное и утвержденное экспертами.

3) Надо обеспечить достаточным пайком (хотя бы красноармейским) самого Меркурова и пять его помощников на срок работы, который он заранее определит.

4) Необходимо выдать Меркурову авансы наличными, ибо прежние заказы, которые ему давал Московский Совет, проваливались вследствие того, что Контроль отказался выдать ему сколько-нибудь крупный аванс, что делало абсолютно невозможным самый приступ к работе.

Что касается денежных средств, которые понадобятся на такой памятник, то они могут, конечно, широко варьировать между суммами минимальными и максимальными. Полагаю, что для действительного ознаменования отношения русской революции и ее столицы к памяти Карла Маркса необходимо было бы ассигновать на это особым декретом Совнаркома (памятник должен быть не московский, а национальный) по меньшей мере 2 или 3 миллиона рублей.

Я очень прошу Вас, дорогой Владимир Ильич, ответить мне на эту мою записку по телефону, ибо в случае Вашего несогласия лично поддерживать все эти совершенно законные требования художника, я вынужден будет отказаться от мысли о постановке памятника Марксу в ближайшее время; в случае же Вашего согласия Меркуров мог бы приступить к работе тотчас же и памятник может быть поставлен к 1-му Мая.

Крепко жму Вашу руку.

Нарком А. Луначарский

24/XII 19 г.

На первой странице сверху 25 декабря Ленин сделал надпись:

«т. Каменев! Дайте Ваше заключение письменно или по телефону».

Надпись Ленина и часть письма Луначарского опубл.: Ленин, т. 51, стр. 99—100. Полный текст письма Луначарского публикуется впервые (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12178).

Впоследствии Луначарский признавал чрезвычайно удачным памятник К. Марксу, сделанный скульптором Матвеевым. «К сожалению, — писал он в статье «Ленин и искусство», — он «памятник» разбился и сейчас заменен в том же месте, т. е. около Смольного, бронзовой головой К. Маркса, более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева» (Луначарский, т. 7, стр. 403).

30 декабря Совнарком (прот. 337, п. 7) под председательством Ленина заслушал доклад Луначарского и предложил Малому Совнаркому ознакомиться с деталями вопроса и представить проект памятника, а также смету. В постановлении говорилось: «Признавая в принципе необходимым поставить к 1 мая 1920 г. памятник Марксу на площади Я. М. Свердлова, поручить Комиссии при СНК в самом срочном порядке выяснить детально вопрос, представить проект памятника и проект соответствующих мероприятий и смету на утверждение СНК» («Ленинский сб.», XXXV, стр. 89).

В январе 1920 г. вопрос о создании памятника Марксу предполагалось включить в повестку одного из заседаний Малого Совнаркома, но из-за отсутствия Луначарского его рассмотрение было отложено. Об этом свидетельствует протокол 2 января (№ 393, п. 3) и записи Н. С. Аллилуевой. В протоколе отмечается: «Малый Совет Народных Комиссаров в заседании от 2-го января 1920 года, заслушав постановление СНК с поручением Малому Совету выяснить в срочном порядке вопрос о постановке к 1 мая 1920 года памятника Карлу Марксу на площади Я. М. Свердлова, постановил: Назначить слушание этого дела на понедельник 5/1 с. г. с вызовом на это заседание председателя Отдела изобразительных искусств Наркомпросвещения».

Аллилуева записала:

«Снят с повестки до приезда Луначарского по заявлению Покровского.

28/1—20 г. Запрошен лично Луначарский.

По соглашению с Владимиром Ильичем этот вопрос временно откладывается, но с повестки Луначарский просил его не снимать» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 648, л. 57).

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ
И НАДПИСИ ЛЕНИНА

〈Декабрь, до 25, 1919 г.〉

РЕЗОЛЮЦИЯ НА ПРОЕКТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПЕТРОГРАДСКИХ ТЕАТРАХ

Поговорить
с Луначарским
(для М<алого>
С<вета>)

Анатолий
Васильевич,
Ваше мнение?
Л е н и н

Приняв общее положение о том, что все театры, за исключением особо упомянутых в декрете академических государственных театров — московских: Большого, Малого и Художественного, петроградских: Марининского, Александринского и Михайловского — являются субсидируемыми, Центротheater не принял во внимание целой группы театров, находящихся в особых условиях, а именно так называемые петроградские коммунальные театры, которые с самого возникновения своего являются театрами национальными, финансируемыми и обладающими в настоящее время общим имуществом очень значительным, в виде центральных складов, центральных костюмерных, декорационных, бутафорских, трафаретных, красильных, сапожных и иных мастерских.

Расщепление этих театров на отдельные автономные или полуавтономные единицы явилось бы крайне нерациональным, как отмена только что строго проведенной централизации всего административного и материального аппарата, так и нецелесообразным в смысле экономии сил и средств.

Напомнить мне,
когда придет
М.Ф. Андреева

Ввиду всего вышеизложенного, настоящим постановляется: петроградские коммунальные театры — Большой оперный, Большой драматический, Малый драматический и Петроградский драматический театры считать национальными государственными, находящимися в непосредственном ведении Петроградского театрального отделения, финансируемыми на основании подаваемых ПТО и утверждаемых в предусмотренном порядке смет.

«Ленинский сб.», XXXV, стр. 91.

Проект постановления написан рукой М. Ф. Андреевой (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12191). См. также примечания к письму Луначарского Ленину 9 февраля 1919 г.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈26 декабря 1919 г.〉

Дорогой Владимир Ильич.

Я обращался к Вам не так давно с некоторыми данными о грубом выселении тов. Гусевым одного из лучших лояльнейших культурных работников Петрограда врача Ланге. В мои руки попало письмо этого Ланге инженеру Шу, Вам, конечно, вряд ли будет время прочитать его, но, быть может, Вы поручите это Вашему секретарю и все-таки дадите этому какой-нибудь ход. Во всяком случае нельзя без глубокого возмущения читать эту сдержанную жалобу весьма достойного человека и крайне полезного работника <...>

Но еще гораздо более взволновало меня письмо самого Ф. Ф. Шу. Если Вы пробежите его, Вы увидите, как катастрофически обстоит дело. В течение всего полугода, несмотря на то, что все формальности выполнены, не переведены назначенные для перевода в Петроград 400 миллионов руб. <...>

Я сейчас же бы распорядился, чтобы Калинин поехал к т. Крестинскому и переговорил с ним, но Калинин сейчас болен и лежит.

Одновременно с письмом к Вам я пишу такое же письмо т. Крестинскому, но очень прошу Вас со своей стороны взять телефонную трубку и определенно сказать Николаю Николаевичу, чтобы он дал нагоняй своим бюрократам, которые уморят нам Петроград голодом исключительно в силу халатности и волокиты.

Жму крепко Вашу руку.

А. Луначарский

26/XII 19 г.

По Вашему поручению, Владимир Ильич, я говорил с Каменевым относительно заказа памятника Маркса. Он совершенно согласен со мной, но, так же как и я, считает, что соответственные распоряжения должны быть даны не за его, а за Вашей подписью, если позволите, то я завтра прислал бы Вам для подписи проекты соответствующих мандатов.

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 187, 187 об.

Поскольку решения о специальных ассигнованиях для работников науки и культуры Петрограда в эти дни не были приняты, следует предположить, что Н. Н. Крестинский сам урегулировал этот вопрос.

О создании памятника Марксу см. настоящ. том, стр. 132—133, 145—149 и 182.

101

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

<Не позднее 31 декабря 1919 г.>

ДЕКРЕТ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВСКОЙ ЛАВРЫ

<Проект>

Принимая во внимание, что Троице-Сергиевская лавра, как ценный художественно-исторический и бытовой памятник имеет исключительное общегосударственное значение для дела исторического просвещения и художественного развития народных масс, Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Троице-Сергиеву лавру со всеми ее художественными и историческими и бытовыми ценностями объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

2) Все здания Троице-Сергиевской лавры в пределах старых и новых стен со всем художественным и хозяйственным имуществом, хозяйственными постройками, инвентарем и землей в тех же пределах передаются в ведение и распоряжение отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению.

3) Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению вырабатывает и вводит в действие положение и инструкцию об управлении Троице-Сергиевской лавры и об использовании ее художественных собраний, исторических памятников, храмов и других зданий в целях демократизации художественно-исторических знаний и научного изучения.

4) Храмы, жилые помещения, хозяйственные постройки, мастерские, инвентарь, находящиеся в пределах старых и новых стен Лавры, поскольку это не препятствует прямым задачам отдела по делам музеев и

охране памятников искусства и старины, могут быть использованы для других целей лишь с ведома и разрешения отдела.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Проект декрета, написанный Луначарским, публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 671, л. 31.

Проект рассматривался на заседаниях Малого Совнаркома 6 и 8 апреля 1920 г. Было решено обсуждение вопроса о Троице-Сергиевской лавре назначить на 14 апреля, вызвав представителей Наркомпроса, Наркомюста и Московского губисполкома. Оба постановления подписаны Лениным. Очевидно ввиду того, что Московский губисполком приступил к перемещению имущества Лавры, 8 апреля 1920 г. Малый Совнарком постановил: «Впредь до разрешения вопроса о национализации Троице-Сергиевской лавры в Совете Народных Комиссаров — приостановить действия Московского губисполкома в отношении перемещения имущества Троице-Сергиевской лавры» (прот. 451, п. 2). 14 апреля 1920 г. на заседании Малого Совнаркома рассматривался проект Декрета о национализации Троице-Сергиевской лавры (докладчики: от Наркомпроса — Луначарский и Киселис, от Наркомюста — Красиков и Галкин, председатель Сергиевского районного исполкома — Ванханен, председатель Московского губисполкома — Полидоров). Проект был утвержден с поправками, и его обсуждение перенесено на Совнарком. 20 апреля Совнарком под председательством Ленина постановил:

а) Отменить решение Малого Совета.

б) Принять за основу проект, предложенный т. Полидоровым, со следующей поправкой т. Красикова: „для передачи художественно-исторических зданий и ценностей в ведение НКпроса составляется комиссия из представителей НКпроса (два), НКРКИ (один), Губисполкома (один) с правом вызова экспертов“.

в) Поручить этой комиссии в месячный срок выделить для передачи в ведение НКпроса все художественное и археологическое имущество и здания, выработать правила по охране их и составить инвентарную опись всего ценного в художественном и археологическом отношении имущества, а также всего имущества Лавры вообще. <...> Доклад об исполнении назначить через неделю за т. Полидоровым и Ванханеном» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13575, лл. 1, 2 и ед. хр. 13549).

В тот же день Совнаркомом под председательством Ленина был принят декрет «Об обращении в музей историко-художественных ценностей Троице-Сергиевской лавры» (см. «Собрание узаконений», 1920, № 27, 21 апреля, ст. 133).

Текст декрета отличался от проекта, написанного Луначарским. В частности, местными советам предоставлялось право пользоваться помещениями Лавры, не имеющими художественного и исторического значения, без ведома Наркомпроса.

15 июня 1920 г. (прот. 373, п. 6) Совнарком, заслушав доклад междуведомственной комиссии по делу Троице-Сергиевой лавры (докладчики Луначарский и Щекотов), поручил комиссии: а) «... в месячный срок сдать все имущество Троице-Сергиевской лавры по черновым спискам, обязав Наркомпрос и председателя губисполкома Троице-Сергиевского посада составить точный учет всего инвентаря. б) Поручить Наркомюсту разработать вопрос о порядке ликвидации мошей во всероссийском масштабе. в) Доклад через месяц назначить за т. Курским». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14360, л. 3).

102

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМУ ЛЕНИНУ

<1919 г.>

Из всех учебных заведений г. Москвы есть два, законно особенно близки моему сердцу: это наши превосходные курсы для рабочих и крестьян, готовящихся в инструкторы физического труда, и центральная школа советской работы. Во главе последней стоит Невский, который обратился ко мне с прилагаемым отчаянным письмом. Лично я, однако, совершенно не в состоянии придти ему на помощь, т<ак> к<ак> в продовольственном деле никаким влиянием не пользуюсь. Поэтому я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой прочесть ужасное письмо тов. Невского и поговорить с продовольственниками о каких-нибудь мерах к поднятию питания 1100 молодых людей, которые несомненно будут прекрасными работниками Советской власти.

Народный комиссар по просвещению <Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 458, л. 3.

Датируется по содержанию. Письмо Невского к Луначарскому не обнаружено.

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

〈Середина января 1920 г.〉

В моей практике беспрестанно встречаются случаи, требующие немедленной помощи, с одной стороны, для поддержания молодых талантов — выходцев из народа, лишенных средств к существованию и не могущих озаботиться развитием своего дарования, с другой стороны, для спасения подчас от гибели недюжинных работников культуры, оказывающихся жертвой какого-нибудь стихийного бедствия. Практика моя показала, что помощь, оказываемая в этих случаях в общем порядке Наркомсобесом, является недостаточной и часто слишком запоздалой. Ввиду этого я прошу Малый Совет Народных Комиссаров принять два при сем прилагаемых постановления. Напоминаю, что наши предшественники в эпоху Великой французской революции весьма рационально тратили большие суммы на поддержку молодых талантов.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь 〈Гинзбург〉

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 271.

К письму приложены проекты двух постановлений. Приводим их полностью.

1) «Постановление Малого Совета Народных Комиссаров

Советское правительство считает своим долгом содействовать нормальному развитию молодых талантов — выходцев из народа. Помимо мер социального обеспечения учащихся, распространяемых на всех молодых граждан Республики, Совет Народных Комиссаров считает необходимым предоставить Народному комиссару по просвещению право окружать особой заботливостью наиболее выдающиеся молодые дарования в области научной или художественной.

Для этой цели в распоряжение Народного комиссара по просвещению отпускается сумма 5 миллионов руб. на 1920 год.

Народному комиссару по просвещению предоставляется право выдавать из этой суммы единовременные пособия не свыше 5 тыс. рублей или ежемесячную субсидию, назначаемую на полгода, не свыше 3½ тысяч руб. в месяц.

В исключительных случаях Коллегия Наркомпроса может увеличивать единовременное пособие до 10 тысяч рублей, а субсидию — до 5 тысяч.

Субсидия по истечении срока может быть возобновляема».

2) «Проект постановления Совета Народных Комиссаров.

Тяжелое положение, переживаемое Республикой, заставило Совет Народных Комиссаров принять ряд мер к ограждению жизни и здоровья разного рода специалистов.

Для дальнейшего упорядочивания дела заботы Советского правительства о лицах, обладающих специальными знаниями и умениями, в дополнение к общим мерам социального обеспечения Народному комиссару по просвещению предоставляется право: в экстренных случаях (в случае тяжелой болезни, потери трудоспособности, потери необходимого имущества и т. п.) приходить специалистам в культурных областях на помощь единовременным пособием не свыше 10 тысяч рублей.

Для этой цели Народному комиссару по просвещению из средств казначейства отпускается сумма в 3 миллиона руб. на 1920 год» (там же, лл. 270—272).

21 января 1920 г. на заседании Малого Совнаркома обсуждались оба проекта, представленные Луначарским (прот. 405, п. 9). Было принято следующее постановление:

«Ходатайство НК Просвещения об учреждении фонда на оказание помощи специалистам в культурных областях отклонить. Образовать в смете НК Просвещения на 1920 г. особый фонд в сумме: 6 000 000 р. на поддержание молодых дарований, каковую сумму предложить НК Просвещения включить в свою смету на 1920 год. Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12627, л. 3).

Поскольку просьба Луначарского об оказании помощи специалистам в культурных областях не была удовлетворена, он вновь обращался по этому и смежным вопросам лично к Ленину и в Совет Народных Комиссаров. Уже через неделю после постановления, 27 января 1920 г., Луначарский пишет Управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу:

«... Несмотря на пятикратное мое прошение в Совнаркоме о предоставлении мне средств для оказания помощи работникам культуры в тех или иных особо трудных обстоятельствах, мне в таких средствах было отказано с указанием на то, что учащиеся должны обеспечиваться во всех тяжелых случаях жизни на равных основаниях с остальными гражданами» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 212).

В марте 1920 г. Малый Совнарком принял постановления об обеспечении учителей и работников культуры (см. настоящ. том, стр. 134). На местах в связи с отсутствием денежных знаков положение учителей в ряде случаев оказывалось чрезвычайно тяжелым (см. об этом письмо Луначарского Ленину 15 апреля 1920 г. и пометки Ленина на этом письме 17 апреля в настоящ. томе, стр. 180).

3 мая 1920 г. Малый Совнарком принимает новые важные решения об улучшении материального положения работников просвещения (см. настоящ. том, стр. 180).

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ О ЮБИЛЕЕ А. И. ГЕРЦЕНА

(17 января 1920 г.)

1. ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВНАРКОМА, ПРИНЯТОЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ЛЕНИНА

21 января настоящего года исполняется 50-летие со дня смерти великого русского писателя-социалиста Александра Ивановича Герцена. В ознаменование этого события Совет Народных Комиссаров постановляет:

- 1) Поставить в Москве памятник Герцену перед старым зданием Московского университета.
- 2) Присвоить одной из аудиторий физико-математического факультета Моск(овского) унив(ерсите)та наименование аудитории имени А. И. Герцена, повесив там его портрет.
- 3) Национализировать дом Найденовой (№ 25 по Тверскому бульвару) со всеми относящимися к нему зданиями и постройками, в котором родился Герцен, и предоставить его в пользование Всероссийскому (Московскому) профессиональному союзу писателей, с поручением Московскому Совдепу оказать полное содействие устройству там библиотеки, установке портрета-бюста Герцена и мебелировке всего помещения.
- 4) Водрузить на означенном доме Найденовой и на доме № 27 по Сивцеву Вражку, где Герцен провел часть своей жизни, доски с медальным изображением Герцена.
- 5) Переименовать Больш(ую) Никитскую улицу в «Улицу Герцена», а именами его друзей, имевших весьма важное влияние на развитие русской оппозиционной и революционной мысли, назвать: Газетный пер.— «Улицей Огарева», Шереметьевский пер.— «Улицей Грановского», Долгоруковский пер.— «Улицей Белинского» и Чернышевский пер.— «Улицей Станкевича».
- 6) Присвоить имя Герцена одной из трудовых школ 2-й ступени в городах: Вятке, Владимире и Новгороде, где он отбывал ссылку, а также

ЛЕНИН

Рисунок с натуры Ф. А. Малявина, 1920 г.

и в тех губернских и уездных городах, местные совдепы которых признают желательным ознаменовать память писателя.

7) Присвоить имя Герцена 3-му Педагогическому институту в Петербурге и Строительному техникуму в Москве.

8) Закончить в возможно краткий срок предпринятое государством полное собрание сочинений А. И. Герцена.

9) Поручить Государственному издательству издать и широко распространить среди трудящихся масс биографию А. И. Герцена.

10) Послать приветствие дочерям Герцена — Наталье Александровне Герцен и Ольге Александровне Моно.

II. ПРИВЕТСТВИЕ ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА

NATALIE HERZEN

Blanc-Castle, Avenue Florimont. Lausanne, Suisse.

Сегодня, в день пятидесятилетия смерти Александра Ивановича Герцена, Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, гордое сознанием принадлежности Вашего славного отца к рядам самых выдающихся борцов за социалистическую республику свободного русского народа, шлет Вам и Вашей сестре гражданке Моно горячий привет как детям великого писателя. Сегодня вся Россия чтит память великого художника слова, твердая верой, что, осуществляя предугазанное им уничтожение эксплуатации человека человеком, она явит всему миру мощь революционного развития русских трудящихся масс. Правительство выражает твердое пожелание, чтобы прах А. И. Герцена и его жены, изгнанных из России волею российских императоров, был возвращен в Москву, согласно общего желания русских трудящихся масс. Вместе с тем Правительство радо сообщить Вам, что национализированный им дом, в котором оба они родились, предоставляется в Ваше полное распоряжение на случай Вашего желания посетить родину великого обличителя царского деспотизма и капиталистического насилия.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 341, лл. 76—77.

Значение революционной деятельности Герцена для русского освободительного движения Ленин раскрыл в статье «Памяти Герцена», приуроченной к столетию со дня рождения писателя (1912 г.). Рассматривая Герцена как связующее звено между поколениями русских революционеров (декабристами и революционными разночинцами), Ленин указывал, что пролетариат выступает наследником этих традиций: «Обогаченный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (Ленин, т. 21, стр. 262). В том же 1912 г. в журнале «Новая жизнь», № 4, появилась и статья Луначарского, посвященная памяти Герцена. Психологический портрет Герцена — борца и мыслителя — в центре внимания критика. Луначарский выступил горячим пропагандистом революционного наследия Герцена.

После Октябрьской революции пропаганда творчества Герцена приобрела необычайно широкий размах.

14 февраля 1918 г. Наркомпрос постановил монополизировать произведения 58 русских писателей на пять лет. В их числе значится имя Герцена. 30 июля на заседании Совнаркома под председательством Ленина был утвержден представленный Наркомпросом «Список лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах Российской Федеративной Социалистической Советской Республики». В первом разделе «Революционеры и общественные деятели» названы Маркс, Энгельс, Бебель, Лассаль, Жорес, Лафарг, Вальян, Марат, Робеспьер, Дантон, Гарибальди, а также Пестель, Рылеев, Герцен и др.

В середине сентября Луначарский сообщал Ленину о первых работах по созданию памятников: «...В Петербурге на этой неделе будет поставлен чудный бюст Радищева работы Шервуда. <...> Несколько хуже, но очень недурны бюсты Рыльева и Добролюбова; наполовину готов бюст Герцена» (см. полный текст письма в настоящ. томе, стр. 82).

В январе 1920 г. Советская республика широко отмечала пятидесятилетие со дня смерти Герцена. Правительством был разработан ряд мероприятий по увековечению памяти замечательного революционера и писателя. 17 января на заседании Совнаркома под председательством Ленина и при непосредственном и активном участии Луначарского было принято публикуемое постановление и текст письма дочерям Герцена.

20 января Луначарский выступил с речью в Большом театре на торжественном заседании, посвященном пятидесятилетию со дня смерти Герцена. Он характеризовал новый период в отношении читателей к творениям и личности Герцена, наступивший после Октября, как период всенародной славы «пророка революции» (Л у н а ч а р с к и й, т. 1, стр. 144). В те же дни вышла в Москве однодневная газета «Колокол» (в память Герцена) со статьёй Луначарского «Коммунисты и Герцен».

105

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

18.I.1920 г.

Тов. Луначарский!

Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля.

Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *к л а с с и к а м и*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского языка?

Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит, и сообщите мне Ваше мнение.

Ваш Л е н и н

Л е н и н, т. 51, стр. 121—122.

20 декабря 1919 г. для библиотеки Ленина был приобретен словарь Даля в 4-х томах, о чем свидетельствует

«Счет отдела издательства и книжной торговли Моссовета В. И. Ленину

20 декабря 1919 г.

Счет № 1029

Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину

Кол.	Автор и название книг	Цена	Сумма
1	Даль. Толковый словарь в 4-х томах	500	500
		Итого	Руб. 500

Заведующий складом Ив. Р о д и н» (см. «Исторический архив», 1962, № 1, стр. 35).

Через три с лишним месяца после публикуемого письма, 5 мая 1920 г., Ленин в письме к М. Н. Покровскому вторично говорит о необходимости словаря русского языка, к созданию которого нужно привлечь группу ученых (Л е н и н, т. 51, стр. 192).

Через год, 6 мая 1921 г., Ленин просит зам. наркома просвещения Е. А. Литкенса проверить, как обстоит дело с привлечением ученых к составлению словаря: «Я давно, много раз уславливался об этом с Покровским и Луначарским» (Л е н и н, т. 52, стр. 178).

9 мая Литкенс сообщил Ленину:

«Владимир Ильич. По вопросу о словаре русского языка т. Покровский должен лично Вам сообщить. Дело это не продвинуто.

С коммунистическим приветом Е. Л и т к е н с

О Вашей просьбе по этому делу Вас информировать я поставил в известность т. М. Н. Покровского. Е. Л и т к е н с. 9.V».

Сверху на записке — рукой Ленина: «Отвечено. 9.V» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18603). В тот же день Ленин пишет Литкенсу, что организация издания словаря —

дело Литкенса, занимающегося в Наркомпросе административными вопросами (Ленин, т. 52, стр. 182—183).

19 мая Ленин предложил Литкенсу назначить комиссию из трех—пяти лучших филологов, которые бы в две недели разработали план и состав окончательной комиссии по созданию краткого словаря типа французского: малый «Лярусс» с тем, чтобы их доклад утвердил научно-академический центр, а к осени началась работа (Ленин, т. 52, стр. 198—199). В конце мая Ленин вновь напомнил об этом Литкенсу, предложив составить план работы и указать ответственных лиц, расходы и количество необходимых пайков для обеспечения ученых (Ленин, т. 52, стр. 238). В мае же Литкенс написал Ленину, что дело со словарем «удалось сдвинуть», в состав комиссии, возглавляемой начальником Главнауки И. И. Гливенко, вош. и П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков и А. А. Буслаев, и к 1 июля комиссия должна выработать план. Ленин подчеркнул слова «к 1 июля» и внизу сделал пометку: «Напомнить мне к 1 VII» (Ленин, т. 52, стр. 405).

1 июля 1921 г. Литкенс направил Ленину проект и план организации работ по составлению словаря, описание технических условий работы, материальных условий и смету расходов. К смете была приложена объяснительная записка и графическая схема организации работ. Ленин на схеме сделал отчеркивания (см. ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20177).

5 августа Ленин на этом проекте написал поручение секретарю: запросить Литкенса, как обстоит дело со словарем (Ленин, т. 53, стр. 95). 7 сентября Литкенс сообщал Ленину о ходе работ по словарю и обещал, что через месяц будет прислана очередная сводка о ходе работы. 9 октября Ленин предложил Л. А. Фотиевой ввиду истечения обещанного срока запросить «жортежную сводку» (там же, стр. 250).

В январе 1922 г. Н. П. Горбунов в дневнике поручений делает следующую запись: «Поручение Владимира Ильича двинуть дело о „Русском словаре“» (см. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 53).

Первый том «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова вышел в 1935 г., в 1938 г. — второй том, в 1939 — третий и в 1940 г. — четвертый, завершающий том.

В предисловии составители писали, что это «...толковый словарь современного русского языка. Основная масса в нем — слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького...» и что «составители старались, поскольку это было в их силах, придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка».

106

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА С ОТВЕТОМ ДЗЕРЖИНСКОГО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. ЛЕНИНУ

21-го января 1920 г.

Прилагая при сем докладную записку, поданную заведующей отделом охраны детей товарищу А. И. Елизаровой, заведующей секцией правовой защиты детей, и переданную мне, прошу вас принять меры к немедленному открытию помещения комиссии по делам несовершеннолетних, а также к выяснению всего дела об аресте всех членов комиссии, который, кажется мне, был произведен опрометчиво и при обстоятельствах, свидетельствующих о некотором превышении МЧК своих прав и полномочий.

Народный комиссар просвещения А. Луначарский
За секретаря <подпись>

На письме резолюция Ленина:

«Бричкиной:

прошу зарегистрировать и тотчас послать на заключение (очень срочное) товарищу Дзержинскому с просьбой вернуть с отзывом поскорее.

21/1. 1920 Ленин».

Далее, на этом же листе ответ Дзержинского:

«Справка: Опечатание помещения и аресты членов комиссии были произведены следств<енной> комис<сией> при Верховном трибунале. Обви-

нение: чудовищные хищения, злоупотребления и белогвардейщина. Улики серьезные. Следствием руководит Е. Ф. Розмирович.

Ф. Д з е р ж и н с к и й. 22.I.1920 г.»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 12626.

Надпись Ленина опубл.: Л е н и н, т. 51, стр. 123, ответ Дзержинского (не полностью) — там же, стр. 405.

В письме Луначарского ошибочно проставлена дата: 1919 г. вместо 1920 г. Докладная записка заведующей подотделом охраны детей, направленная А. И. Елизаровой и присланная Луначарским Ленину, в ЦПА ИМЛ не обнаружена.

107

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МОССОВЕТ

К о п и я — Л е н и н у

23 января 1920 г.

В МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОДОТДЕЛ

Постановлением Малого Совнаркома от 29 января¹ закрыт был Никитский опереточный театр. Главным основанием к такому закрытию послужил явно чисто капиталистический характер этого предприятия.

Большой Совнарком 20 января 1920 г. подтвердил решение Малого Совнаркома, давши в то же время право Народному комиссару по просвещению немедленно открыть театр вновь, независимо даже от производившейся описи его имущества, подразумевается с тем, чтобы характер частной антрепризы и довольно неприятный привкус, присущий этому опереточному театру, были устранены, причем, однако, в речах всех без исключения комиссаров высказалась уверенность, что сам по себе опереточный театр может и должен быть сохранен.

Ввиду этого я отдал распоряжение Совету народных судей, согласно тексту постановления Малого Совнаркома, предписывающему Совету народных судей передать театр и все его имущество Центроттеатру, передать его в качестве временных администраторов официальному представителю Московского Совета в Центроттеатре т. Балтрушайтису и лицу, поставленному Всерабисом, т. М. Ф. Ленину для немедленного открытия театра, приведения в порядок его финансовых дел и устройства спектаклей под их контролем и за их ответственностью.

Спешную меру я принял потому, что у меня не было уверенности в возможности устроить иначе тех 150 тружеников, которые благодаря закрытию театра оказались в тяжелом положении. Однако я считаю, что длительное урегулирование судьбы этого театра должно зависеть всецело от Московского Совета.

Настоящим я официально передаю дальнейшее распоряжение в этом отношении соответственным органам Московского Совета.

О решении моем сообщаю в Президиум Совета и в Центроттеатр.

Народный комиссар по просвещению А. Л у н а ч а р с к и й

Секретарь

Публикуется впервые по копии, направленной Ленину. ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 42, л. 28—28 об.

¹ Описка. Надо: «29 декабря» (1919 г.). Именно тогда было принято постановление СНК.

Публикуемое письмо Луначарского, как и следующие на эту тему, судя по дальнейшим замечаниям Ленина, им прочитано не было. Луначарский, очевидно, передал их А. И. Елизаровой, и по каким-то причинам они остались в ее служебных делах. Малый Совнарком 29 декабря 1919 г. слушал вопрос о закрытии в г. Москве театров «не необходимых для развития масс» (прот. 391, п. 7) и постановил: театр оперетты закрыть немедленно. Ленин подписал постановление.

20 января 1920 г. под председательством Ленина Совнарком (прот. 342, п. 15) вновь вернулся к вопросу о закрытии Никитского театра, подтвердил решение Малого Совнаркома от 29 декабря 1919 г. и распоряжение Центротeatра о передаче имущества театра временным администраторам.

21 января 1920 г. Малый Совнарком заслушал просьбу местного комитета артистов Никитского театра о разрешении временно продолжать работу и отклонил это предложение.

27 января на заседании Малого Совнаркома (прот. 409) Луначарский выступил с предложением об открытии Никитского театра. Единогласно, за подписью Ленина, было принято решение — считать вопрос исчерпанным.

10 февраля 1920 г. Луначарский письмом с приложением протокола заседания дирекции Никитского театра 9 февраля 1920 г. поставил в известность Ленина о мероприятиях, предпринятых театром, для реализации указаний Малого Совнаркома и СНК о полном устранении «капиталистического характера антрепризы» в театре.

108

ЛУНАЧАРСКИЙ — В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОДОТДЕЛ МОСКОВСКОГО СОВЕТА

К о п и я — Л е н и н у

Январь <не ранее 24> <19>20 г.

Секретно

В Художественный подотдел Московского Совета

В дополнение к посланному Вам мною отношению касательно дела Никитского театра сообщаю Вам, что совершенно необходимым является полное и фактическое отстранение от участия в Никитском театре как Евелинова, так и всяких лиц, могущих явиться его клеветами, к каковым я отношу и Новомирского.

Положение осложняется тем, что Потопчина — жена Евелинова. Надо, однако, либо добиться ухода из труппы Потопчиной, либо достаточных гарантий, что она будет работать только как актриса и никакого прямого или косвенного участия в администрации принимать не будет.

Желательно, чтобы через неделю по открытии театра произведена была внезапная и строгая ревизия на предмет выяснения, не вошел ли каким-либо тайным путем Евелинов опять в дело.

В случае проявления с его стороны упорства и продолжения интриг, придется обратиться в Моск<овскую> Чр<езвычайную> Ком<иссию> об устранении его с московского горизонта.

С товарищеским приветом.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 42, л. 29
См. примеч. к предыдущему письму Луначарского.

ЛЕНИН

Рисунок с натуры Ф. А. Малевича, 1920 г.

109

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

2 февраля 1920 г.

Во исполнение постановления Большого Совнаркома о предварительном заказе скульптору Меркурову эскиза памятника Марксу, который мог бы быть воздвигнут на Театральной площади, посылаю при сем проект такого памятника в общих чертах, который и будет разработан в ближайшем будущем в случае одобрения в принципе. Стоимость этого памятника в граните при размере $11\frac{1}{2}$ саж., а сама фигура Маркса в 3 саж., обойдется в 13 миллионов рублей.

Т. Меркуров поставил ряд дополнительных условий относительно освобождения от воинской повинности работников по созданию памятника, распространению на них красноармейского пайка и выдаче ему особого мандата за подписью Председателя Совнаркома, который помог бы ему в экстренном порядке находить и использовать необходимые материалы, а также средства транспорта.

Все эти дополнительные условия были мною доложены Председателю Совнаркома и на заседании Большого Совнаркома и нашли полное одобрение, так как вне таких условий о создании памятника было бы праздно говорить.

В настоящее время требуется принципиальное подтверждение Совета Народных Комиссаров заказа т. Меркурову, в каком случае он немед-

ленно приступит к дальнейшей художественной разработке идеи и подробной разработке сметы, а также к предварительным шагам по закупке материалов, приглашению рабочих и т. п.

Прошу известить меня и заведующего Отделом изобразительных искусств т. Штеренберга, а также вызвать представителя Московского Совета.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
За секретаря Е. Петрова

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 648, л. 51—51 об.

В том же фонде хранится отношение в Малый Совнарком Отдела изобразительных искусств Наркомпроса за подписью зам. заведующего О. М. Брика с приложением сметы на изготовление и постановку памятника Марксу.

«В Малый Совет Народных Комиссаров

5 февраля 1920 г.

Согласно постановлению Совнаркома о неотложности постановки к 1 мая с/г. на площади Я. М. Свердлова памятника К. Марксу Отдел изобразительных искусств НКП предлагает вам следующее:

1. Отдел изобразительных искусств даст как отдельным скульпторам и архитекторам, так и организованным трудовым коллективам художников-скульпторов, находящимся в ведении отдела, заказ на изготовление проекта памятника.

2. 20-го с(его) февраля жюри в составе представителей Совнаркома, Отдела изобразительных искусств, Отд(ела) нар(одного) образ(ования), М(осковского) С(овета) (Худ(ожественный) п(од)о(тдел)) и дополненное представителями по вашему указанию осмотрит представленные проекты, и наилучший прсект будет сдан в работу.

3. При этом Отдел предлагает вам в случае, если проект, одобренный жюри, по замыслу автора предполагается выполнить в граните или другом строительном камне, то произвести к 1 мая только закладку памятника, ввиду краткости срока; если же памятник должен быть из металла, то Отдел в состоянии в законченном виде, в натуральную величину исполнить его к 1-му мая, при вашем содействии для получения необходимого для плавки металла, угля, электрической энергии и проч., но для ускорения всего процесса материалом будет служить цинк, гальванизированный под бронзу, как легкоплавкий, требующий меньших затрат топлива и спорый в работе.

Стоимость памятника определяется Отделом в сумме кругло 5 000 000 р. по прилагаемой при сем предварительной смете.

Заведующий Отделом О. М. Брик
Секретарь

Приложение. Предварительная смета (там же, л. 52).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ СМЕТА

НА ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ПОСТАНОВКУ ПАМЯТНИКА К. МАРКСУ
ОТ ОТДЕЛА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ НКП МАЛ. СОВЕТУ
НАР. КОМИССАРОВ

10 проектов эскизов по	10 000 р.	100 000 р.
1 премия		25 000 р.
Автору за исполнение фигуры		240 000 р.
Формовка		30 000 р.
Литье		300 000 р.
Гранит		1 000 000 р.
Фундамент и материал		1 000 000 р.
Рабочая сила		1 200 000 р.
Транспорт		400 000 р.
Технический надзор и разный расход		700 000 р.
Итого кругло		5 000 000 р.

(пять миллионов рублей)

Заведующий Отделом О. М. Брик
Секретарь Павлов

Малый Совет Народных Комиссаров 6 февраля 1920 г. (прот. 416, п. 11) постановил отпустить Наркомпросу 5 миллионов руб. на изготовление памятника и обязать Наркомпрос к 20 февраля представить эскизы. 23 февраля Малый Совнарком (прот. 426, п. 17), заслушав доклад Луначарского, одобрил проект памятника работы скульптора Алешина и предложил ему представить проект в окончательном виде к 15 апреля. Ленин подписал это решение.

11 марта 1920 г. Меркуров обратился с письмом к В. Д. Бонч-Бруевичу с жалобой на постановление Малого Совнаркома. Бонч-Бруевич передал копию письма Ленину, на которой Ленин сделал ряд пометок и подчеркиваний. Ниже мы впервые публикуем этот документ, а также письмо Бонч-Бруевича Луначарскому от 24 марта.

«Копия

Товарищу Бонч-Бруевичу

В конце декабря <19>19 года мне было поручено Наркомом А. В. Луначарским „с ведома Владимира Ильича“ разработать „единолично и без конкурса“ эскиз памятника Карла Маркса для Москвы и здесь же были затребованы им условия, на каких я мог бы взять на себя исполнение этой работы. Считаюсь с серьезностью данного мне поручения, я просил А. В. дать мне маленький срок для представления эскизного проекта вчерне, чтобы я мог получить известный аванс и тогда разработать художественно проект. Первоначальный эскизный проект был составлен мной и архитектором Новертом применительно к площади Большого театра, т. е. мы были ограничены рамками Большого театра и других зданий и должны были держаться стилия площади. Нижняя часть проекта не встретила одобрения Владимира Ильича: „слоны не вывезли“, — как сказал Анатолий Васильевич. Тогда же я сказал, что это идея — эскизовый набросок и что при разработке, считаясь с требованиями Совнаркома, можно коренным образом изменить архитектуру и другие части памятника. Большой Совнарком постановил передать мне работу. Анатолий Васильевич предложил мне представить исправленный проект „без слов“ и приблизительную смету на утверждение этой сметы Малому Совнаркому. Между прочим, при самом начале переговоров с Анатолием Васильевичем одним из условий успешного выполнения памятника я поставил, что я буду зависеть непосредственно от Анатолия Васильевича и Владимира Ильича, от которого я просил мандата. Это условие мной было выставлено потому, что я знал о тех ненормальных условиях, которые создались в Отделе изобразительных искусств и в контакте с которым я не мог бы работать. Дальнейшие события подтвердили мои предположения. Когда тов. Луначарский отсылал мой эскизный проект в Малый Совнарком, то в сопроводительной бумаге он просил при рассмотрении этого вопроса вызвать его, представителя Отдела изобразительных искусств и Московского Совета. Здесь и произошло ожидаемое мной. Анатолий Васильевич не пошел на заседание Малого Совнаркома, а представителем Отдела изобразительных искусств явился скульптор Мезенцев — автор памятника Марксу и Энгельсу на Театральной площади (этот памятник ныне убран). Что было на заседании, я не знаю. Только через несколько дней я случайно узнал подробности (чисто внешние) от тов. Штеренберга: оказалось, что Малый Совнарком поручил представить на конкурс (когда звали Меркурова, наверно к этому были известные основания, почему к нему обращаются). Отдел изобразительных искусств поручил представить эскизы коллективу скульпторов „Рельеф“, образовавшемуся частью из служащих самого отдела, как-то: Мезенцев (автор памятника Марксу и Энгельсу), Рахманов (автор Кропоткина в стене Малого театра) и др. Этот коллектив они разбавили еще 2—3 скульпторами. За день до представления эскизов я-то и узнал от Штеренберга о конкурсе. Я просил предоставить мне право участвовать с ними. Сроку у меня оказалось меньше дня. Во время рассмотрения этого вопроса выбор пал на эскиз Алешина, члена коллектива „Рельеф“. И в настоящее время разработка проекта передана Отделу изобразительных искусств. Этому коллективу, т. е. Алешину, Мезенцеву, Рахманову и др. Раз Большой Совнарком постановил передать мне работу, раз тов. Луначарский обратился ко мне, то, думаю, к этому были известные основания, диктующие данные шаги, и думаю, что если данный проект не понравился, то нужно было тому же Меркурову поручить пересоставить несколько проектов для выбора, т(ак) к(ак), обращаясь к Меркурову, добавляю от себя, *янали, что может Меркуров и как он может*. Если же Меркуров вдруг оказался „негодным“ и система „единоличного заказа не годится“ и возвращаются к конкурсу, т. е., по моему малому пониманию, или среди скульпторов Москвы, или Всероссийскому или далее Интернациональному.

Но раз Большой Совнарком постановил передать мне работу, то прошу Вас, тов. Бонч-Бруевич, довести об этом до сведения Владимира Ильича с объяснением всего дела и с просьбой сделать распоряжение о восстановлении меня в моих правах. Мной за два месяца были предприняты подготовительные шаги — подобраны сотрудники, выписаны из деревни рабочие, которые сейчас остались без дела, и т. д. Думаю и надеюсь, что все недоуменные мои вопросы найдут здесь решение.

Скульптор С. Меркуров

Адрес: Цветной бульвар, № 9, кв. 8, телеф. 1—88—95» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13463).

Слова, выделенные курсивом в разрядку, подчеркнуты Лениным дважды.

Сверху, над письмом, надпись Ленина:

«II—III 1920 г.».

На полях, около слов: «... что Малый Совнарком поручил» Ленин написал: «ок(оло) II 1920».

Над письмом имеется также запись Фотиевой: «Напомнить В. И. в пятницу в 11 ч. дня».

24 марта 1920 г. в связи с заявлением Меркурова Бонч-Бруевич обратился к Луначарскому:

«Наркомпрос, тов. Луначарскому
Лично

Прилагаю при сем копию заявления, сделанного мне известным скульптором С. Меркуровым, и копию резолюции и очень прошу Вас лично рассмотреть это дело, так как мне думается, что совершенно немисливо, чтобы в нашей Советской России под видом профессионализма в искусстве устранялись от дела художественного творчества такие самые выдающиеся и самые лучшие мастера и художники, какими являются скульптор Меркуров, Андреев и др., и вместо них выплывали на свет божий те ремесленники, которые уже до невероятности обезобразили Москву бездарными памятниками Марксу, Энгельсу и многим другим великим писателям и политическим деятелям, ученики и почитатели которых должны содрогаться при виде этих безобразных фигур и нелепых изображений, которые мы видим на многих перекрестках. Мне кажется, что достаточно раз посмотреть на эти памятники, чтобы вынести смертный приговор их творцам и не подпускать этих ремесленников на пушечный выстрел к искусству, которого так жаждет русский народ. Действительным же мастерам, уже создавшим новую статую Свободы и Революции на площади перед Московским Советом и некоторые другие изображения, необходимо всегда дать возможность самым широким образом заняться работой и украсить улицы и площади нашей столицы. Я не сомневаюсь, что благодарный революционный пролетариат всеми мерами и всеми силами поддержит тех, кто составляет гордость и славу русского искусства, так же, как он заклеймит позором тех, кто оскверняет его вкус теми нелепыми изображениями, о которых я говорил. Вообще, насколько я понимаю, в Отделе изобразительных искусств Наркомпроса не все обстоит благополучно и здесь нужно принять какие-либо меры решительные. Просто стыдно становится думать, что такой мастер, как Меркуров, должен бросить свой резец и ехать в деревню заниматься огородом, так как ему больше нет места и хода в работе, ибо ремесленники — скульпторы и живописцы — заслонили его от пролетарских масс. Полагаю, что именно Вы лично и только Вы можете сделать здесь решительную реформу.

Управляющий делами Совнаркома Влад. Б о н ч - Б р у е в и ч .

(Машинопись; последняя фраза и подпись — автограф. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 58, л. 5—5 об.).

19 апреля 1920 г. Ленин написал Луначарскому и в Малый Совнарком письмо по поводу жалобы Меркурова (см. стр. 182 настоящ. тома). 20 апреля Луначарский направил в Малый Совнарком ходатайство об ассигнованиях на закладку памятника Маркса. В тот же день Малый Совнарком (прот. 458, п. 2) заслушал доклад о подготовительных работах, постановил отпустить 200 тыс. руб. на торжественную закладку памятника Марксу и повторно поручил сооружение памятника группе скульптора Алешина (скульпторы А. Гюрджан и С. Кольцов, архитекторы А. А. и В. А. Веснины — постамент).

Приводим выписку из протокола:

«Слушали:

2. Доклад о ходе подготовительных работ по сооружению памятника Карлу Марксу (Луначарский). Докладчик: от Отдела изобразительных искусств — Мезенцев.

Постановили:

2. а) Отпустить НК просвещения для Первомайской комиссии при Московском отделе народного образования на расходы по торжественной закладке памятника Карлу Марксу 800 000 р.

б) Доклад Отдела изобразительных искусств принять к сведению.

в) Поручить сооружение памятника Карлу Марксу скульптору Алешину и сотрудничавшей с ним группе скульпторов. (Принято единогласно при согласии докладчика.) (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13650, лл. 1, 2, 3). Пункты «б» и «в» не были подписаны Лениным, о чем сохранилась в экземпляре протокола соответствующая запись секретаря Совнаркома Я. Агранова: «П. п. „б“ и „в“ не подписаны Владимиром Ильичем, потребовавшим осмотра и сравнения обоих проектов» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 675, л. 36).

К 1 мая 1920 г. памятник Марксу готов не был; в этот день в 2 часа дня на площади Свердлова состоялась торжественная закладка памятника Марксу. Ленин выступил с речью (см. Ленин, т. 41, стр. 105). При закладке памятника была зарыта пластинка с надписью о том, что 1 мая 1920 г. заложен памятник великому вождю и учителю мирового пролетариата Марксу. Текст на пластинке подписал Ленин. Лениным же были положены на цемент тринадцать первых кирпичей.

В статье «Ленин и искусство» Луначарский вспоминает: «... дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М. проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: „Карл Маркс, стоящий на четырех слонах“. Такой неожиданный мотив показался нам всем странным и Владимиру Ильичу также. Художник стал переделывать свой памятник и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина, то скульптор М. обратился к Владимиру Ильичу с жалобой. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое жюри. Сказал, что сам приедет осмотреть алешинский проект и проект скульптора М. Приехал. Остался алешинским проектом очень доволен, проект скульптора М. отклонил.

В этом же самом году, к празднику 1 Мая, на том самом месте, где предполагалось воздвигнуть памятник Марксу, алешинская группа построила в небольшом масштабе модель памятника. Владимир Ильич специально поехал туда. Несколько раз обошел памятник вокруг, спросил, какой он будет величны, и, в конце концов, одобрил его, сказал, однако: „Анатолий Васильевич, особенно скажите художнику, чтобы волосы вышли похожими, чтобы было то впечатление от Карла Маркса, какое получается от хороших его портретов, а то как будто сходства мало“» (Луначарский, т. 7, стр. 402).

110

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМ ЛЕНИНУ

5 февраля 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Посылаю Вам обращение ко мне Коломенского отдела профессионального союза работников социалистической культуры. Письмо это очень толковое, искреннее и содержательное. Оно превосходно рисует и убийственное положение учителей и их вполне удовлетворительное настроение. Мне кажется, что этот документ заставит Вас внимательнее отнестись к тому проекту об улучшении положения раб<отников> просвещения, которое я имею намерение внести вместе с Всер<оссийским> проф<ессиональным> союзом работников школы соц<иалистической> культуры в самом ближайшем будущем.

Народный комиссар А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, лл. 1, 2—2 об.
К письму приложено следующее обращение на имя Луначарского:

«Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич.

Правление Коломенского уездного отдела Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры видит в Вас политического деятеля не со вчерашнего дня: оно помнит Вашу общественно-литературную работу больше чем за десяток лет; оно знает, кроме того, что Вы действительно политический деятель-марксист, стоящий на реальной почве и считающийся с реальной обстановкой.

Эти соображения побуждают нас, работников просвещения г. Коломны и уезда, откровенно и прямо заявить Вам: катастрофическое положение наше в продовольственном отношении не дает нам возможности проводить в жизнь взлелеянные нами в течение многих лет идеи свободного социалистического воспитания. Придите на помощь. <...>

Анатолий Васильевич. Вы знаете русского народного учителя, знаете его работу. Вся его жизнь, вся работа проходит среди народа. По Вашему слову, которым Вы когда-то закончили свою статью „К вопросу об искусстве“ 1905 г., мы, наряду с писателями, рады помочь выступающему на авансцену мировой жизни русскому читателю;

мы всей душой готовы работать для народа, в особенности теперь, когда с него спали оковы, кроме оков невежества. Но поддержите наши физические силы путем содействия нам в получении необходимых продуктов. Мы уверены, что Вы войдете в наше положение и поможете нам осуществить великие идеи единой трудовой школы».

111

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<10 февраля 1920 г.>

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. ЛЕНИНУ

Ввиду некоторого интереса, который Вы проявили относительно закрытого, а потом на некоторых основаниях вновь открытого Никитского театра, посылаю Вам протокол более или менее решающего заседания новых руководителей этого театра.

Думается, что все меры к благополучному разрешению вопроса и полному устранению капиталистического характера антрепризы приняты.

Нарком А. Луначарский

10/II 1920 г.

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 243.

См. примечания к письму Луначарского Ленину 23 января 1920 г. В ЦПА ИМЛ сохранился протокол заседания новой дирекции Никитского театра, посланный Луначарскому (ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30907, л. 2).

«Председателю Центротейатра
Наркому А. В. ЛуначарскомуПротокол № 2 заседания Директории совместно с уполномоченными
9-го февраля 1920 г.

Присутствовали Ю. К. Балтрушайтис, М. Ф. Ленин, В. А. Брендер, Н. А. Попов, П. Н. Мамонтов, П. П. Лидов.

1) Заслушано постановление Совнаркома о закрытии театра и распоряжение А. В. Луначарского о возобновлении деятельности театра под контролем Ю. К. Балтрушайтиса и М. Ф. Ленина, к коим затем добавочно делегирован художественным подотделом МСРД В. А. Брендер.

По обмену мнениями постановлено:

а) Признать коллектив театра устраненным от всякого участия в дальнейшем заведении театра;

б) предложить его членам, письменно уведомив о сем коллектив, ликвидировать к 26 февраля, дню уплаты жалованья служащим и рабочим театра, все денежные свои взаимоотношения, удовлетворив полностью все претензии артистов и служащих по 26 февраля;

в) предложить коллективу выплатить к тому же времени всем работникам театра разницу, полагающуюся им по октябрьским ставкам;

г) приступить к принятию от коллектива всех дел кассы и имущества театра, чтобы закончить таковое к 26 февраля;

д) в целях поддержания дисциплины в театре и сохранения известного уровня исполнения поручить членам Директории немедленно с сегодняшнего дня принять все необходимые меры по управлению театром, оказывая самое энергичное воздействие на административные и художественные органы театра.

2) Принять все меры к тому, чтобы охранить имущество театра, для чего немедленно произвести и довести до конца начатую Совнаркомом опись всего инвентаря театра.

3) Признать договор коллектива с Б. Е. Евелиновым по эксплуатации театра утратившим силу со дня постановления Совнаркома и не подлежащим исполнению, о чем поставить в известность коллектив, обязав таковой могущий последовать при ликвидации дел остаток сдать Директории, но отнюдь не Евелинову.

4) Имея в виду, что за время закрытия театр потерял около 1½ миллионов рублей сбора, что при таких условиях необходима крайняя бережливость в расходах для покрытия возможного дефицита, предложить коллективу при ликвидации своих дел к 26 февраля проявить максимальную осторожность в расходовании текущих средств, чтобы погасить весь дефицит и сдать театр без всякого дефицита.

5) Избрать председателем Директории П. Н. Мамонтова, а управление делами, исполнение секретарских обязанностей и составление журналов заседаний возложить на П. П. Лидова.

6) Войти немедленно в сношение с Всерабисом для выяснения вопроса о времени выработки последним образцового устава для коллективов, каковой устав положить в основу и принять к сведению при разработке нового положения о Никитском театре.

7) Установить для членов Директории и для уполномоченных по возможности периодические совместные заседания под председательством особо избираемого на каждое заседание председателя.

8) Составить отчет за период времени со дня открытия театра по распоряжению А. В. Луначарского по день сдачи дел коллективом со всеми оправдательными документами.

9) Принять все меры для организации столовой для работников театра.

10) Пригласить для ведения счетоводства особого бухгалтера.

11) Разработать срочно к следующему заседанию план реорганизации оркестра, хора, балета театра и новых постановок, принять все меры к тому, чтобы немедленно после 26 февраля поднять художественную сторону дела до возможной высоты.

12) Установить ежедневно дежурства членов Директории от 1—3 часов дня и во время спектаклей.

13) Просить членов Художественного совета театра В. И. Никулина и А. С. Ермакова продолжать принимать участие в разработке серьезных вопросов, касающихся художественной стороны дела, в качестве консультантов.

14) Немедленно изменить на всех афишах и плакатах наименование театра, предложив вместо «Никитский театр Е. В. Потопиной» именовать его «Никитский театр».

15) Следующее заседание назначить на 10 февраля в 1 час дня.

Председатель Ю. Б а л т р у ш а й т и с

112

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

16 февраля 1920 г.

Через несколько дней предстоит торжественное чествование знаменитой русской артистки Марии Николаевны Ермоловой.

Ходатайствую перед Малым Советом Народных Комиссаров от имени Центротейатра и Коллегии Наркомпроса о уполномочении меня к дарованию артистке Ермоловой в день ее юбилея именем рабоче-крестьянского правительства звания Народной артистки.

Напоминаю, что до сих пор звание это носит в России только один Федор Иванович Шаляпин.

Нарком А. Луначарский

Снизу надпись М. Ю. Козловского: «вызвать Луначарского. М. К.»

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 657, л. 22.

Луначарский возбудил ходатайство о присуждении Ермоловой звания Народной артистки Республики в связи с пятидесятилетием ее театральной деятельности. В 1870 г. Ермолова выступила в роли Эмлии Галотти в одноименной драме Лессинга. С этого времени началась слава Ермоловой, утвердившаяся после таких замечательных ролей героического репертуара, как Катерина в «Грозе» Островского, Лауренсия в пьесе Лопе де Вега «Овечий источник», Жанна д'Арк в «Орлеанской девице» Шиллера. На протяжении всей жизни Ермолова была тесно связана с передовыми кругами русского общества. Ее творчество отличалось воинствующим демократизмом.

20 февраля 1920 г. Малый Совнарком единогласно принял следующее постановление, подписанное Лениным: «Ввиду заслуг перед русской сценой артистки Малого Государственного театра Марии Николаевны Ермоловой и в ознаменование ее 50-ти летнего юбилея СНК постановил:

Присвоить ей звание НАРОДНОЙ АРТИСТКИ» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, он. 1, ед. хр. 12931, л. 2, 3); ср. «Русский советский театр. 1917—1921». Л., 1968, стр. 28).

2 мая 1920 г. состоялось торжественное чествование Ермоловой. Луначарским было подписано два приветственных адреса великой актрисе: один — от Центротейатра, другой — от своего имени. Луначарский писал:

«Только внезапный отъезд мой, вызванный необходимостью, помешал мне, дорогая и высокоуважаемая Мария Николаевна, лично принести Вам мои поздравления и выражения моего восхищения, присоединив их к приветствию от Народного комиссариата по просвещению.

Мария Николаевна, рабоче-крестьянская Россия, которая благодаря преступному социальному строю, господствовавшему до сих пор, была оторвана от вершин искусства, умеет тем не менее глубоко ценить Ваши громадные художественные заслуги.

Пусть в нашей, недавно освободившейся стране, много хаоса и страдания. И это понятно. Мы еще боремся за самое существование нашей идеи, но разве не видно уже всем, с какой жадностью потянулись мозолистые руки пролетариев и крестьян к очагу искусств, где горит пламя вдохновения.

Мы знаем, что на этом очаге совершались порой оскорбляющие его идолослужения, мы знаем: бывали случаи, когда на месте святе зрима вся мерзость запустения. Но мы знаем также, что русское искусство: литература, театр, борясь с серой мглой нашей государственности и болезненностью нашей общественности, умели стоять впереди народа, возвещать любовь к нему, верить в идеал и приносить сверкающие вести из царства истинной человечности в казарменные будни царской России.

Среди художественных учреждений России нет, быть может, ни одного, которое бы так определенно создало себе имя поборника светлых начал, как Дом Щепкина и Островского, где протекало Ваше служение к Вашей и его чести. Императорский Малый театр скрепя сердце делал порой те или другие уступки господствовавшим вкусам, и они не могли исказить его благородного лица. Императорским он был только по имени, по существу он принадлежал к этим элементам русского народа, которые к тому времени проснулись.

Все лучшие среди лучших: московская передовая интеллигенция, московское революционное студенчество, наши отцы и старшие братья, качавшие колыбель русской революции, приходили в императорский Малый театр, отдыхали в нем и набирались сил.

В последние многозначительные десятилетия существования этого бесспорно первого среди русских театров ничье имя не сияло в нем ярче Вашего.

В ряде образов то грациозных и трогательных, как Орлеанская дева и Мария Стюарт, то полных захватывающей жизненной правды, всегда умев подняться до высот, на которых парили орлы поэзии, Вы каким-то чудом умели поднять почти на такую же высоту произведения второстепенных дарований — Вы учили красоте, подвигу, любви и пониманию жизни.

Дни, когда русскому народу дано, наконец, сделать всю культуру своею, совпали с вечером Вашей жизни.

Мы, работники культурной области нового строительства, от всего сердца желаем, чтобы эти вечерние лучи Ваши, полные света и тепла, могли еще долго ласкать нашу народную весну.

По почину Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов Советское правительство даровало популярному и даровитому артисту русской оперной сцены Федору Ивановичу Шаляпину звание Народного артиста. Мы тогда же решили быть крайне скупыми на это звание и предоставлять его только по особому решению Совета Народных Комиссаров.

Я счастлив от имени всего Советского правительства преподнести Вам в этот торжественный для Вас и дорогой нам день звание Российской народной артистки.

Мария Николаевна! Вам приносит немалую честь, Вы это понимаете, такое признание со стороны правительства, выражающего собой величайшую революцию, какую когда-либо видел мир, но, Мария Николаевна, и нам, этому правительству, и тем массам, волю которых мы отражаем, также приносит честь то, что Вы примете из наших рук это величайшее артистическое звание, которое существует сейчас в нашей многострадальной, но великой, впереди всего человечества идущей стране.

Да здравствует на долгие годы Народная артистка Мария Николаевна Ермолова!

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский («Вестник театра», 1920, № 64).

В ответ на это приветствие Ермолова на следующий день после чествования написала письмо Луначарскому. Приводим его по автографу:

«3 мая 1920 г.

Анатолий Васильевич,

Сердечно тронута Вашим приветом вчера, в день моего 50-летнего служения искусству! Давно мне хотелось поблагодарить Вас за все, что Вы сделали для нас, артистов Малого театра. В такое трудное время для всей России Вы дали нам возможность безбедно жить и работать искусству. Горячее спасибо за Малый театр, а за себя я радуюсь и горжусь тем, что под конец моей жизни мне пришлось работать под началом умного, просвещенного и талантливого человека, который любит искусство и умеет ценить его. То искусство, которому я отдала всю свою жизнь.

Позвольте же от души пожелать Вам больше сил и здоровья, чтобы надолго сохранилась Ваша энергия на пользу великого, родного и общего нам дела. Все ценят и любят наш Малый театр и все желают только одного: идти всегда с Вами рука об руку! Наше искреннее желание: вместе с Вами нашими общими силами двигать вперед, к просвещению дорогую нам трудовую Россию!

Искренне благодарная и уважающая Вас Мария Ермолова» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, лл. 26—27).

Протокол заседания Малого Совета 24/2 № 425

5/6) Задача: ~~Луначарский о докладе~~
~~артистки Ермоловой~~
~~в деле и в жизни~~
~~звания Народной~~
~~Артистки~~
 (Луначарский)

В отношении ~~М. Н. Ермоловой~~
~~артистки~~
~~М. Н. Ермоловой~~
~~артистки~~
~~в деле и в жизни~~
~~звания Народной~~
~~Артистки~~
 (Луначарский)

Малый Совет постановил

Председатель: Ленин

Члены: Луначарский, Гельцер

Секретарь: Луначарский

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВНАРКОМА 20 ФЕВРАЛЯ 1920 г. О ПРИСВОЕНИИ
 М. Н. ЕРМОЛОВОЙ ЗВАНИЯ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ
 Подписан Лениным и Луначарским

24 января 1921 г. Малый Совнарком постановил (по докладу Луначарского) «Назначить народной артистке Ермоловой специальный оклад в 250 тыс. руб. в месяц с тем, чтобы освободить ее от надобности добиваться побочных заработков» (прот. 622, п. 12, ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16923, лл. 1, 4, 5). Постановление затем было утверждено Совнаркомом 25 января 1921 г. (прот. 407, п. 15, ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16936, л. 4).

Малый Совнарком одновременно с постановлением о Ермоловой вынес решение: «По случаю 40-летней сценической деятельности артиста Сука и артистки Гельцер разрешить НК просвещения выдать им по миллиону руб.». По обоим этим вопросам докладчиком выступал Луначарский. Протокол заседания был подписан Лениным.

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ

27 февраля 1920 г.

Прилагая при сем отношение в Реввоенсовет 7-й армии отдела музеев и охраны памятников искусства и старины, а также акт по осмотру Гатчинского дворца-музея специальной комиссией, включавшей в себя

цельный ряд первоклассных специалистов, прошу еще раз о внимательном рассмотрении этого дела и о разрешении его в смысле вывода войсковых частей из столь близкого соседства к одному из замечательнейших музеев России. Мне кажется, что прекращение такого варварского употребления исторического здания должно быть выполнено в спешном порядке для того, чтобы открывающиеся регулярные связи с Европой должны во всяком случае не повести за собою новых взрывов осуждения по нашему адресу. Мы с гордостью можем сказать, что сейчас с очевидным успехом загниваем исторические и художественные достоия русского народа.

Варварское отношение к Гатчинскому дворцу является единственным, бросающимся в глаза исключением. Об исправлении этой ошибки местной петроградской властью я и ходатайствую.

Нарком по просвещению А. Луначарский
За секретаря Е. Петрова

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 111, л. 90.

К письму приложено обращение Отдела музеев и охраны памятников искусства и старины в Реввоенсовет 7-й армии и акт обследования Гатчинского дворца-музея специальной комиссией. Приводим полный текст этих документов.

«В Реввоенсовет 7-ой армии

На основании заявления, сделанного хранителем Гатчинского дворца-музея председателю Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины о предполагаемом занятии кухонного каре Гатчинского дворца-музея штабом одной из частей Красной Армии, Всероссийская коллегия по делам музеев и охран(аны) памятников искусства и старины настоящим заявляет, что в течение двух лет с великими усилиями нам удалось организовать первоклассный музей, имеющий мировое значение, и отстоять его от всех невзгод, связанных с гражданской войной, и что всякие попытки занять какое-либо помещение данного музея ведут только к разрушению музея, чему может служить пример пребывания комендантского управления и комендантской роты, результатом которого было сожжение ценнейшего архива Мордвинова; были взяты и отобраны назад вещи из Березового домика; парчевые подушки и матрацы, хранившиеся во дворце. Охрана музея не может быть организована, так как устройство здания не позволяет создать преграды между многолюдными канцеляриями и чисто музейными помещениями. Кроме всего вышеизложенного, вселение в кухонное каре другого учреждения, кроме небезопасности в пожарном отношении, разрушит музейную работу, так как весь верхний этаж занят картинной галереей, а антресоли — архивом, музейными кладовыми и пр. Нижний этаж также занят отчасти кладовыми и музейной канцелярией.

Ввиду всего изложенного Всероссийская коллегия по делам музеев обращается в Реввоенсовет с просьбой об отмене предполагаемого занятия нижнего этажа Гатчинского дворца-музея штабом Красной Армии и прискании другого помещения. По имеющимся во Всероссийской коллегии сведениям, в Гатчине имеется много брошенных обывателями, ушедшими с белогвардейцами, домов и помещений, удобных для размещения под квартиры штаба.

Считая, что Реввоенсовет не допустит разрушения музея, а, наоборот, окажет нам содействие в охране этого культурного народного достояния, Всероссийская коллегия сообщает, что в случае, если по каким бы то ни было причинам будет занято помещение Гатчинского дворца-музея, Всероссийская коллегия сложит с себя всю ответственность за охранение музея».

«АКТ

осмотра Гатчинского дворца-музея специальной комиссией, командированной отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины, вследствие заявления хранителя дворца-музея о появлении в здании дворца сырости, угрожающей собраниям музея.

В состав комиссии вошли:

Член Академии истории материальной культуры	— А-др Н. Бенуа
Хранители Эрмитажа	— О. Э. Браз и А. А. Зилоти
Заведующий архитектурной секцией Археологического отдела — арх(итектор)	— Н. П. Никитин
Хранитель Русского музея	— Н. А. Околович
Заведующий музейным отделом	— С. К. Исаков
Хранитель Гатчинского дворца-музея	— В. К. Макаров
Комиссар дворца-музея	— Н. И. Васильев

Комиссия, осмотрев 15 января 1920 г. лестницу и третий этаж среднего корпуса дворца, нашла следующее: каменные ступени лестницы обледенели, стены покрыты инеем, в углах комнат налет плесени, с подоконников сильная течь; картины Щедрина и Мартынова („Виды Павловска и Гатчины“), расположенные на лестнице, покрыты слоем льда и инея; в прилегающих залах на серии картин Белотто („Виды Варшавы“) местами налет инея, а местами ярко выраженное помутнение лака — следствие пребывания картины под инеем; на ряде картин наблюдается осыпание краски, а две картины, писанные пастелью, покособились от сырости и оставили часть своего красочного слоя на стекле.

Все замеченные гибельные для картин и обстановки музея явления, по единогласному заключению комиссии, происходят от притока теплого и влажного воздуха в холодный (-4° , 5°) музей из отапливаемых, соседних с музеем помещений, занятых в настоящее время учреждениями штаба 7-ой армии. Единственной мерой пресечения вышеупомянутого явления, за невозможностью отапливания всего дворца, по мнению комиссии, является устранение отопления соседних помещений.

Ввиду того, что смена различных степеней влажности не только разрушает лак картин и их красочный слой, но, заставляя холст натягиваться то сильнее, то слабее, угрожает в конечном итоге отделением красочного слоя картин от грунта и перенесении картин, постепенно приспособившихся к определенной, хотя бы и низкой температуре и определенному проценту влажности воздуха, в какое-либо другое помещение, является совершенно недопустимым с точки зрения их сохранности, — вышеуказанный приток теплого воздуха является особенно роковым и требует крайне срочного устранения.

Александр Бенуа
О. Браз
В. Макаров
С. К. Исаков
Н. П. Никитин
Н. Околович
А. Зилоти

С подлинным верно
делопроизводитель Музейного отдела <подпись>.

14 апреля 1920 г. (прот. 111, п. 13) состоялось заседание Совета Труда и Оборона, отметившее в своем решении, что Реввоенсоветом Республики дано распоряжение о выводе войсковых частей из Гатчинского музея и что Луначарскому поручается «проверить, исполняется ли это постановление. Если окажется, что оно не выполняется, поручить тов. Луначарскому снаестись по этому поводу с тов. Склянского для принятия соответствующих мер». (Протокол подписан Лениным. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 111, л. 5.) Судя по тому, что Луначарский более не возбуждал вопроса об охране Гатчинского дворца, распоряжение Реввоенсовета было выполнено.

В 1926 г. Луначарский опубликовал в «Вечерней Москве» (№ 163, 19 июля) и ленинградской «Красной газете» (вечерний выпуск, № 161, 13 июля и № 164—167, 16—20 июля) цикл «Путевые очерки», где, в частности, подробно описывал и Гатчинский дворец. В главе под названием «Гатчина» Луначарский так характеризует этот исторический архитектурный памятник: «Построенный при Павле I гениальным мастером Ринальди Гатчинский дворец знаменует собою своеобразный переходный момент от позднего, более строгого рококо (т. е. так называемого стиля Людовика XVI) к английскому влиянию, в то время все еще отражавшему в себе многое от феодального замка. Архитектура Гатчинского дворца была строгой и даже сумрачной, как-то своеобразно напоминая и суровые дворцы Италии (типа Питти), и угрюмые замки северных дворцов-крепостей, если бы ему не придавал совершенно своеобразную прелесть изумительный материал, использованный Ринальди, найденный им тут же неподалеку от Гатчины — пудожский камень. <...> Самое прекрасное в пудожском камне это цвет, светло-серый, почти цвет туманного неба. На фоне северного неба замок кажется воздушным, почти призрачным, необыкновенно легким. Суровое и строгое здание, превратившееся в свою собственную фантазмагорию, в свой мираж, исполнено непередаваемого очарования, оно кажется воспоминанием о себе самом, оно окружено задумчивостью прошлого. И в необыкновенной гармонии с этим замечательным зданием находится Гатчинский парк. <...> Он всецело отдан под власть элегии, он задумчив до печали. К нему применимы слова Пушкина:

Огромный запущенный сад —
Приют задумчивых дриад

<...> Не следует не только преувеличивать участие вкуса венценосцев и их ближайших приближенных в деле создания всех этих чудес архитектуры и парководства, но даже призывать за ними хоть какую-нибудь роль, кроме стремления к пышности и бросанию деньгами. <...> Но Гатчина, конечно, носит печать тени Павла.

В спальне Павла бросаются в глаза предосторожности испуганного деспота, лисы лазейки в разные стороны, чувствуется тревожный сон, ночные кошмары, бивуачная жизнь среди всего этого утонченного великолепия.

Во всяком случае гатчинское жилище Павла является одновременно и собранием прекрасных художественных предметов, и историческим местом, обвеянным духом острой, почти жуткой трагикомедии, какою отразилась здесь, на севере Европы, коренная ломка целого старого общества, происходившая на Западе.

Но в Гатчине есть еще другое. Там есть еще часть, в которой жил Александр III. Им была занята какая-то большая неуклюжая зала, заставленная всевозможным хламом. Тут и громадный магнит, который держит якорь, и горка, с которой катались дети, и гривуазный французский мрамор, и чучело медведя, и бесконечное количество рогов, — и чёрт знает чего там еще нет. Какой-то сумбурный склад, превращающий залу скорее в амбар с дешевыми диковинами, чем центр дворцовой жизни. А потом вы входите по неудобным лестницам в самое логово царственного медведя.

Комнаты, которые занимал Александр III, маленькие, с душными потолками; казалось бы, огромная фигура деспота должна была чувствовать себя совсем неуютно в этих клетушках. Но ничего подобного! Видимо, он на манер собственного своего православного купечества, любил жару, духоту и тесноту. Вся обстановка до невозможности безвкусна, случайна: где попало купленная мебель, множество фотографий, предвещающих уже тот фотографический потоп, который зальет мельцеровские комнаты его сына. <...> Курьезнее всего, конечно, спальня. <...> Свод свисает над самыми подушками. Самодержец страны, величайшей в мире по пространству, загнан был собственным страхом и тушостью в этот угол, и во всем великодушном Гатчинском дворце опять-таки выбрал себе этот чердак, напоминающий подвал.

В цитируемой статье Луначарского упоминается петербургский фабрикант мебели Ф. Ф. Мельцер. Он, в частности, оформлял помещение библиотеки Николая II в Зимнем дворце (см. «Весь Петроград», 1917, отд. III, стр. 445).

114

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

5 марта 1920 г.

Чрезвычайные обстоятельства вынуждают Совет защиты детей обратиться к Вам с просьбой оказать ему содействие в реэвакуации детей колонистов, отправленных летом минувшего года в колонии на Украине.

Всего при посредстве Совета защиты детей было вывезено туда из Москвы свыше 20 000 детей, но быстрое продвижение Деникина заставило большинство колоний спешно вернуться в Москву, но около 2000 детей (из Басманного района, Бутырского района и железнодорожников) своевременно выехать не успели и перенесли ряд тяжелых испытаний в бытность у Деникина.

В настоящее время дети все освобождены (колонии находятся в Миргороде Кобелякского уезда Полтавской губ.), им послано все необходимое, но положение их таково (преимущественно со стороны сыпнотифозной эпидемии), что родители предъявляют районам и Совету защиты детей категорическое требование о возвращении детей.

Из переговоров с Начэваком выяснилось, что Совет защиты детей может рассчитывать получить для этой цели три состава санпоездов, но Начэвак справедливо опасается, что поезда будут продвигаться с слишком большой медленностью (в четвертую очередь), что сделает всю эвакуацию слишком медлительной и даже опасной для здоровья детей.

Ввиду всего вышеизложенного Совет защиты детей, признавая, что возвращение детей родителям является его обязанностью, просит Вас сделать распоряжение о продвижении санпоездов, груженных детьми и за ними направляющихся, в первую очередь.

Председатель Совета защиты детей А. Луначарский

Управляющий делами Совета защиты детей <подпись>

За секретаря А. К р и с т и

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294.

25 марта 1920 г. уполномоченный Всероссийского Совета защиты детей сообщил из Белгорода в Наркомат путей сообщения о слишком медленном движении санитарного поезда, едущего на Украину за детьми.

28 марта сотрудник Народного комиссариата путей сообщения Кульчинский отправил телеграмму о немедленном принятии мер к экстренному продвижению отправленного за детьми поезда (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 528, лл. 40, 41).

23 и 25 апреля уполномоченный Совета защиты детей сообщил в телеграммах лично Ленину об отправке 22 апреля из Полтавы первого санитарного поезда с детьми московских рабочих и об очень медленном продвижении поезда (там же, лл. 60, 61). В телеграммах содержалась просьба дать распоряжения по всему пути следования поезда о незамедлительной отправке его на всех станциях в связи с начавшимися среди детей эпидемическими заболеваниями.

115

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА

<5 марта 1920 г.>

ПРЕДСОВНАРКОМА тов. В. И. ЛЕНИНУ

Мне доставлен официальный доклад Начальника художественного отделения ПУР тов. Лещинской. Согласно этому докладу, тов. Лещинская предполагает устроить гигантский комиссариат искусств в армии. В ближайшем будущем мы поведем специальные переговоры о том, чтобы эта армейская работа просветительного характера так или иначе была поставлена под контроль Наркомпроса, но сейчас хочу обратить Ваше внимание на один пассаж из этого обширного доклада.

Перечислив разные условия успешной работы, т. Лещинская продолжает: «3-е условие — обеспеченность сотрудников, паек и... паек! Мы можем привлечь к работе *все видные культурные силы Советской России* (!), дать квинтэссенцию того, чем она располагает в области искусства, снявши с очереди наболевшую у всех заботу о продовольствии».

«Паек — магнит, который притянет к нам знания и опыт, которые мы применим по-своему, по-коммунистически, взяв жизненное и отбросив отмирающее. У Советской Республики хватит ресурсов, чтобы взять на паек хотя бы тысячу человек, учитывая результаты той политической работы, какую мы заставим их проделывать для укрепления основ Советской власти. Необходимо добиться санкции Совета Республики и Совета Обороны на это».

Владимир Ильич, Наркомпрос очень хотел бы обладать таким же «магнитом», но пока он этим не обладает, я прошу Вас обратить внимание на то, что так (им) об (разом) вырастает. ПУР, оказывается, получил, например, для своих театральных функций 700 миллионов, в то время как я на всю Россию для всех театров, кроме государственных, запрашиваю (и уверен, что мне не дадут) $\frac{1}{2}$ миллиарда. При таких условиях театральные предприниматели армии поступают с Наркомпросом попросту: сманивают наших работников, заявляя им определенно: «двойное жалование и паек!» Я ничего не имею против того, чтобы армия обслуживалась в культурном отношении в первую очередь, но создавать параллельное ведомство с бесконечно большими ресурсами, развращающее наших работников и артистов непомерными гонорарами, — это значит совершенно и в корне разрушить всякое дело Наркомпроса.

Я очень просил бы Вас назначить особую комиссию Рабочей инспекции для обследования культурно-просветительной работы ПУРа с точки зрения этих знаменитых пайков, которые часто распределяются безобразно, попадая по 3—4 в руки одного и того же актера, и с точки зрения этих повышенных гонораров, вообще с точки зрения, так сказать, нело-

яльной конкуренции с Наркомпросом. Вместе с тем Вы, может быть, одобрите мою мысль о внесении в Совнарком положения насчет подчинения культурно-просветительной работы в армии контролю Наркомпроса.

Крепко жму Вашу руку.

Нарком А. Луначарский

5/III

На письме резолюция Ленина:

«Т. Аванесову на отзыв. Ленин»

Публикуется впервые по подлиннику (текст на машинке с правкой и подчеркиваниями Луначарского. Резолюция — автограф). ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25903. лл. 1—3.

116

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

⟨Между 1 и 6 марта 1920 г.⟩

Луначарский

Я Вам дал бумажку — Вы потеряли. Т. Бричкина меня ругала, что я дал Вам, а не ей. Я сделал копию — послал ей под расписку и опять что-то неладно, а родители меня поедом едят.

Ленин

Если не сможете,

- 1) позвоните пораньше секретарю.
- 2) Не помню (о детях)

Записка Луначарского публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22028, л. 1. Ответ Ленина (там же, л. 1 об.) опубликован: «Ленинский сб.», ХХIII, стр. 311 (документ датирован неправильно серединой декабря 1920 г.). Судя по тексту записки Ленина, он отвечал не только на вопрос о затерянной бумаге. Речь шла и о предполагаемом личном разговоре с Луначарским.

6 марта Луначарский направил Бричкиной письмо следующего содержания:

«Секретарю Совета Нар. Комиссаров тов. Бричкиной

Затерянная тов. Лениным бумага Совета защиты детей была послана 1-го марта официально Вам за № 247 вторично. О получении ее Вами имеется у нас подпись т. Берзина от того же числа. При сем в 3-й раз посылаю отношение Сов(ета) защ(иты) детей и прошу дать для подписи т. В. И. Ленину.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Секретарь Ю. Гинзбург» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 166)

117

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

8 марта 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Как Вы знаете, согласно Вашему предложению, я изменил мое первое ходатайство о распространении красноармейских пайков на все ⟨театральные⟩ коллективы города Москвы в обмен, само собой разумеется, за нормальное обслуживание Красной Армии и вместо этого представил список наиболее важнейших для нас и наиболее ценных в художествен-

ном отношении коллективов. Таких набралось несколько более 2 тыс. <человек>. Без поддержки пайком эти коллективы, несомненно, развалятся. Мы и так, благодаря всем этим проволочкам, едва-едва имеем возможность сохранить необходимый минимум артистов.

Малый Совнарком указал мне на то, что в настоящее время все такие вопросы предварительно обсуждаются в Комиссии Халатова (Комиссия по снабжению рабочих). Насколько я осведомлен, нельзя полностью ругаться за то, чтобы Комиссия Халатова отнеслась к этому делу с достаточным вниманием. Правда, мы сделали все от нас зависящее, чтобы защитить это наше ходатайство, но так как Вы в свое время высказали Ваше полное сочувствие этому делу и сказали, что Вы поддержите наше требование, то я бы очень просил Вас сказать два слова по телефону т. Халатову, чтобы он был немножко полиберальней по отношению к театру.

Имейте в виду, Владимир Ильич, что мы в самом скором времени приступим совместно с ПУРОм вообще к урегулированию этого дела и что, по существу, установление равного и целесообразного пайка для артистов приведет не к расхищению, а к сокращению этих пайков, как это сделано в Петрограде, который и в этом отношении опередил нас.

Крепко жму Вашу руку.

Нарком А. Луначарский

«Исторический архив», 1962, № 1, стр. 37.

Через пять дней Луначарский направил в Управление делами Совнаркома следующее письмо:

«13 марта 1920 г.

Ввиду отказа Комиссии по снабжению рабочих распространить красноармейский паек даже на наиболее высокие в художественном отношении коллективы, прошу Малый Совнарком назначить на один из ближайших дней рассмотрение этого вопроса с вызовом представителя от Комиссии и с предупреждением меся внакануне.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман» (Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 668, л. 54).

Одновременно Луначарский послал в Совнарком докладную записку, в которой говорилось:

«Комиссия по снабжению рабочих отказала Наркомпросу в ходатайстве его о распространении пайка по крайней мере на театральные коллективы, которые представляют безусловную государственную ценность.

По-видимому, органы Центральной власти не представляют себе настоящего положения вещей. Очень часто указывают на относительно высокие актерские заработки, забывая, что вообще никакие заработки, за исключением разве баснословных, в настоящее время не дают возможности существовать семейному человеку. Указывают равным образом на то, что актеры часто путем так называемых халтурных выступлений, убивая таким образом свое искусство и разлагая коллективы, к которым они принадлежат, зарабатывают в разных военных частях полузаконные пайки и всякого рода подарки провизией.

Явление это действительно имеет место, но приводит к самому неправильному распределению продуктов в актерской среде, и в то время как одни из них, вовсе не наиболее талантливые, а наиболее ловкие, устраиваются таким образом не без комфорта, другие голодают, продают свои вещи и мечтают о том, чтобы покинуть Москву.

Как видно из данных Комиссии по распределению билетов, большая жажда в деле получения таких билетов проявляется рабочими по отношению к Малому, Большому и Художественному театрам, между тем коллективы этих театров самым решительным образом заявляют, к чему присоединяются и дирекции их, что театры эти находятся на краю гибели. Голод побуждает отдельных артистов оркестра, хора, солистов искать где лучше, а так как провинция рада получить любого из столичных артистов, военные части зовут их во все стороны России, то стремительное понижение художественного уровня в этих театрах абсолютно неизбежно.

Сторонние заработки (халтура в городе) и постоянные отъезды то того, то другого из артистов этих коллективов являются бедствием, которое можно предотвратить, только устранив от артистов опасность голода. Мы знаем, что на это отвечают ссылкой на голодание всего населения. Однако в этой скудности жизни, которой мы еще не из-

были, великим утешением для масс (ибо это можно прямо заявить, так как в театрах, которые я упомянул, в настоящее время 75% дешевых мест и 50% более дорогих распространяется исключительно среди рабочих и красноармейцев через Комиссию при Московском Совете) являются именно театры.

Вместе с тем существование театров в Москве является важным для государства с международной точки зрения. Закрытие театров является как бы симптомом умирания культурной жизни в стране. Мне лично приходится каждую неделю принимать по поручению тов. Чичерина двух или трех иностранцев. Каждый раз они выражают свое удивление перед существованием и высоким уровнем нашего театра.

Меры, которые надо принять для того, чтобы дать возможность театрам продолжать свое существование и двигаться вперед в смысле обновления репертуара (новые постановки сейчас до крайности затруднены невольным голодным саботажем физических рабочих театра), достаточны следующие:

1. Распространить на указанные театры красноармейский паек (между прочим, как это ни странно, в чисто местном порядке это сделано уже в Петрограде);

2. Путем официального заявления Совнаркомом гарантировать такой же паек в будущем сезоне, что крайне важно, дабы артисты, разъезжающиеся на лето из Москвы, могли взять на себя новое обязательство на будущую зиму и вернуться сюда без сграха вновь оказаться жертвами голода;

3. Наконец, необходимо принять определенное постановление о поддержке рекомендованным Центротеатром группам артистов в их летних поездках, которые могут оказаться для артистов источником отдыха и облегчат содержание их в течение лета, которое, может быть, в продовольственном отношении будет трудным.

При разделе театров на местные и общегосударственные выяснилось, что имеются еще три небольших театра, значение которых надо признать общегосударственным. Обращаю внимание на то, что вся совокупность художественных коллективов этих театров составляет от 300 до 350 человек и поэтому в смысле увеличения количества пайков не имеет большого значения.

Таким театром является Государственный Показательный, просуществовавший только один год, выполнивший довольно интересную работу, ныне более рационально реформируемый и долженствующий явиться, рядом с театрами, выработавшими уже свои традиции, орудием нового государства в его новых театральные исканиях.

Такой театр нам абсолютно необходим, и в будущем году на него будет обращено особое внимание. Не взявши, однако, тех 200 человек, которые должны работать в нем, на паек, государство лишило бы Наркомпрос возможности иметь такой театр опытов в желательном для правительства направлении.

Камерный театр, количество художественных работников которого равняется только 80 или 90, представляет собой проявление так называемых левых исканий в театре, притом проявление наиболее удачное.

Наркомпрос считал бы крайне несправедливым оказать широкое покровительство традиционному направлению и не оказать никакой поддержки театру исканий молодежи, хотя эти искания, направленные главным образом к обновлению сценической формы, не надо, конечно, смешивать с исканиями в духе народного театра, которые будет выполнять Показательный театр.

Наконец, Центротеатр имеет в виду устройство образцового Детского театра. Труппа в настоящее время уже приглашена. Но от идеи этой надо будет совершенно отказаться, если и эта труппа, число работников которой не превзойдет 50, не будет получать паек.

Таким образом, что касается профессиональных театров — дело идет о шести, из которых три являются европейски известными театрами с вполне сложившейся физиономией (Большой, Малый и Художественный с его студиями), и три представляют собою театры новых исканий, находящиеся под непосредственным покровительством государства.

Так обстоит дело в области профессионального театра, но и в области рабоче-крестьянского театра имеются коллективы, которые необходимо поддержать. Было бы в высшей степени несправедливым не протянуть руку помощи студиям при Пролеткульте или другим, находящимся на учете секции рабоче-крестьянского театра при Центротеатре, ссылаясь на то, что они еще художественно не оформились, ибо как раз для того, чтобы они оформились художественно и дали бы нам приближение к подлинному социалистическому театру, необходимо обставить их художественное младенчество сколько-нибудь удовлетворительными условиями.

Вычисляя количество людей в каждом таком коллективе, мы берем во внимание только артистов в собственном смысле этого слова и театральные рабочих, т. е. специалистов сценической техники. Мы исключаем самым тщательным образом канцелярии, капельдинеров, дворников и т. п. Мы делаем это с довольно тяжелым сердцем, ибо и эти органы театра грозят разрушением вследствие отсутствия пайка, но в тяжелое время, которое мы переживаем, мы считаем невозможным давать такие привилегии лицам, не принадлежащим к коллективу в точном смысле слова, к тому коллективу, где отъезд или смерть даже нескольких лиц может повлечь за собою полную приостановку общей работы.

ПРОТОКОЛ №442
ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВЕТА от 24-го марта 20г.

9.0 распространении красноармейского пайка на художественные коллективы.

/ ЛУНАЧАРСКИЙ/

пр.440 п.17

ПОПРАВКА СНК от 6/IV-20 г.

а/Поручить Мал.Сов.удовлетворить через Комиссию рабочего снабжения 300 студийцев-стипендиатов Моск.Пролеткульта и рабочих сцены,особо выделенных и безусловно необходимых театру. Те из рабочих сцены,которые взяты из лагерей принудительных работ остаются на прежнем положении.

б/Просить Комиссия при ВЦИК по вопросу о снабжении рассмотреть размер заработка по халтуре и размер получения вознаграждения продуктами.

в/Поручить Мал.Сов.делить в определенных 4-х театрах артистов,заведомо не получающих ни халтуры,ни добавочных пайков и перевести их на красноармейский паек через Комиссию снабжения.

г/Обязать Комиссию по снабжению и комиссию по улучшению положения советских служащих делегировать своих представителей на заседание Мал.Сов.д/Рассмотреть вопрос в четверг в СНК.

9.Предоставить работникам сцены Московских театров и студийцам стипендиантам Московск. Пролеткульта право получения красноармейского пайка в количествах - для первых -1700 пайков и для вторых -300 с распределением вакансий по усмотрению Центротeatра и ВЦСПС.

/Принято единогласно при согласии т. Луначарского.

Председатель Совета Народных Комиссаров:

В.И. Ленин

Малого
Председатель Совета:

Маш

Члены Малого Совета:

Маш, Давыдов, М.Роз, Шингарь

Секретарь:

Г.И. Уранов

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВНАРКОМА 24 МАРТА 1920 г.
О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ РАБОТНИКАМ СЦЕНЫ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ И СТУДИЯМ
ПРОЛЕТКУЛЬТА КРАСНОАРМЕЙСКИХ ПАЙКОВ

Подписан Лениным

Исходя из такого минимального расчета, мы приходим к выводу, что на Большой театр необходимо отпустить

на Малый	900 пайков
на Художественный театр со студиями	240
на Показательный театр	410
на Камерный театр	200
на Государственный детский театр	90
на студии рабоче-крестьянского характера	90
	250

Итого — 2180 пайков

Еще раз настоятельно указываю Совнаркому, что Петроград с его более разумной продовольственной политикой уже сумел взять всех артистов сколько-нибудь серьезных театров Петрограда на паек и что количество пайков, отпускаемых в Петрограде, значительно больше, чем те, которые мы сейчас просим у Совнаркома.

Исходя из того, что в Петрограде так или иначе вопрос о пайках для артистов разрешен более или менее удовлетворительно, и что из провинции прямых жалоб на невозможность существования для артистов не поступает, да и коллективов, которые могут быть признаны государственно важными, там нет, Центротейтр не ходатайствует в настоящее время ни о каком дальнейшем распространении артистического пайка. (Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, лл. 423—426).

Очевидно, не все письма Луначарского к Ленину до нас дошли, о чем свидетельствует письмо В. Аванесова, в котором приводятся некоторые формулировки Луначарского. На письмо Аванесова — надпись Ленина: «Напомнить мне в СНК при Луначарском» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13193).

17 марта вопрос о красноармейских пайках для работников театров был поставлен на заседании Малого Совнаркома, но затем, по всей вероятности, из-за отсутствия заключения ведомств (Наркомпрода) был снят (прот. 438, п. 11). Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13316, л. 3). 22 марта (прот. 440, п. 17) Малый Совнарком принял решение: «Назначить слушание дела на среду 24/III с. г. с вызовом тт. Халатова и Луначарского». Протокол также подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13364, л. 6).

24 марта 1920 г. (прот. 442, п. 9) состоялось обсуждение вопроса на заседании Малого Совнаркома и было принято следующее решение: «Предоставить работникам сцены московских театров и студиям-стипендиатам московского Пролеткульта право получения красноармейского пайка в количестве — для первых — 1700 пайков и для вторых — 300 с распределением вакансий по усмотрению Центротейтра и ВЦСПС. (Принято единогласно, при согласии т. Луначарского)» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13385, лл. 2—4). 6 апреля 1920 г. на заседании Совнаркома под председательством Ленина была внесена следующая поправка: «а) Поручить Малому Совету удовлетворить через Комиссию рабочего снабжения 300 студийцев-стипендиатов московского Пролеткульта и рабочих сцены, особо выделенных и безусловно необходимых театру. Те из рабочих сцены, которые взяты из лагерей принудительных работ, остаются на прежнем положении. б) Просить Комиссию при ВЦИК по вопросу о снабжении расследовать размер заработка по халтуре и размер получения вознаграждения продуктами. в) Поручить Малому Совету выделить в определенных 4-х театрах артистов, заведомо не получающих ни халтуры, ни добавочных пайков, и перевести их на красноармейский паек через Комиссию снабжения. г) Обязать Комиссию по снабжению и Комиссию по улучшению положения советских служащих делегировать своих представителей на заседание Малого Совета. д) Рассмотреть вопрос в четверг в СНК» (прот. 359, п. 8, ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13509, л. 3).

8 апреля 1920 г. Малый Совнарком (прот. 451, п. 6) вынес следующее постановление по докладу Луначарского: «а) Предложить Комиссии по рабочему снабжению при НК продовольствия зачислить на усиленное довольствие триста студийцев-стипендиатов московского Пролеткульта и рабочих сцены Большого, Малого, Художественного, Камерного, Показательного и Детского театров в Москве, согласно спискам, представленным московским Пролеткультом и Центротейтром.

Примечание: Рабочие, взятые из концентрационных лагерей, зачислению на довольствие не подлежат. б) Предложить Центротейтру представить в Малый Совет списки работников сцены вышеуказанных московских театров, не получающих усиленного или добавочного довольствия из других ведомств или при помощи частных выступлений путем халтуры». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13542, лл. 2, 4).

4 мая Совнарком (прот. 366, п. 19), рассмотрев решение Малого Совнаркома, постановил: «Ввиду заявления Наркомпроса о том, что вопрос исчерпан, снять его с повестки дня» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 366, л. 7—8).

Государственный Показательный театр существовал в Москве в ноябре 1919—октябре 1920 г., придерживался в основном классического репертуара.

Первый государственный театр для детей был создан в Москве в июне 1920 г.

118

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

(ПОРУЧЕНИЕ СЕКРЕТАРЮ)

«8 марта 1920 г.»

Послать Луначарскому и Красикову с просьбой дать мне краткий отзыв.

1920, 8/III Л е н и н

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13188, л. 1.

Поручение секретарю написано на докладной записке бывшего организатора и члена редакции газеты «Коммуна» Н. Семенова. Записка адресована Народному комиссару по просвещению Луначарскому (копия — Ленину) и посвящена антирелигиозной пропаганде. Предложения Семенова носили вульгаризаторский характер.

«Для разрушения существующих религий, — писал он, — необходимо безотлагательное создание при Наркоме по просвещению „Отдела по борьбе с предрассудками“ с подразделениями на секции соответственно религиям, т. е. православную, римско-католическую, иудейскую и магометанскую и др.». В случае невозможности организовать отдел Семенов предлагал организовать Международную лигу по борьбе с предрассудками. Одновременно Семенов обращался лично к Ленину с просьбой ускорить рассмотрение вопроса:

«Убедительно прошу, Владимир Ильич, помочь в скорейшем осуществлении настоящего дела и сейчас же сделать соответствующие распоряжения».

Луначарский и член коллегии Народного комиссариата юстиции П. А. Красиков в ответ на запрос Ленина сообщили свои соображения по предложениям Семенова. Луначарский считал, что антирелигиозная борьба при нормальной постановке работы школ приобретает действительный характер и что создавать отдел по борьбе с предрассудками не следует (см. письмо 16 марта 1920 г.). Красиков сделал на полях докладной записки Семенова ряд важных критических замечаний. Излагая свое мнение, он писал Ленину:

«Владимир Ильич!

По вопросу об организации при Наркомпросе Отдела борьбы с предрассудками ничего принципиального возразить нельзя. Напротив. Думаю, что в этом вопросе самое важное — это школа инструкторов. Затем издания и кинематограф. До сих пор ощущалось полное отсутствие людей. Так, московские районы, несмотря на мою просьбу прислать простых рабочих ко мне в отдел для налаживания (работы), осуществить этого не смогли. Кинематограф стоит из-за отсутствия лент, а издания лежат и стареют в действующих типографиях, так что многое не делается по объективной невозможности. Если Анатолий Васильевич устроит отдел и даст средства и возможности (ленты, типографию, бумагу, школу), то это будет только плюс. Все дело лишь в том, чтобы дело это велось по надлежащим рельсам и директивам. Рассуждения Семенова, коего я абсолютно не знаю, производят впечатление неверное и позволяют думать, что он принадлежит к вульгарно-анархистской школе („Религия — основа капиталистического и монархического строя“, „Разрушение веками созданного основания капитализма“ и т. п.); если это он будет пропагандировать, то дело плохо!

Так как у нас есть в этом деле значительный опыт и материалы (к сожалению, нет сил издавать), то участие Наркомюста, в частности нашего отдела, считал бы очень важным и необходимым. Думаю, что надо создать по этому вопросу комиссию.

Ваш П. К р а с и к о в (Автограф. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, л. 64).

Однако в Наркомпросе преобладало мнение, что особого отдела по борьбе с предрассудками создавать не нужно. 3 апреля, солидаризируясь с Луначарским, Н. К. Крупская писала в Коллегию Наркомпроса: «Президиум Внешкольного отдела имел суждение по вопросу о создании особого органа по борьбе с религиозными предрассудками и постановил, что создание такого органа является излишним и нецелесообразным: излишним потому, что антирелигиозная пропаганда есть неотъемлемая часть всей просветительной работы Наркомпроса; нецелесообразна такая особая организация потому, что несознательными массами может быть истолкована как гонение на религию, что, конечно, может только подогреть религиозный фанатизм».

Заведующая Внешкольным отделом Н. У л ь я н о в а (Машинопись, подпись — автограф. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 394, л. 129).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМ В. И. ЛЕНИНУ

16 марта 1920 г.

В дополнение к заявлению Коллегии Наркомпроса, поданному в ЦК, Совнарком и ВЦИК, в виде иллюстрации создающегося в настоящее время положения на местах посылаю Вам резолюцию, вынесенную Псковской конференцией работников просвещения 27 января 1920 г.

Мною получен от Вас проект об антирелигиозной пропаганде т. Семенова. Этот т. Семенов передал такой проект мне, и мы обсудили его в Коллегии. Коллегии он показался неосновательным и вряд ли подлежащим осуществлению, но во всяком случае мы сделали то же самое, что и Вы, т. е. направили его в 8-й Отдел Наркомюста для отзыва. Думается, что все это пустяки и что борьба с церковью в дальнейшем может идти через еще более нормальную постановку школы. Никаких особых комиссариатов или подкомиссариатов, по моему мнению, совершенно не нужно. Это только навлекло бы на нас разные нарекания, не принесло бы никакой пользы, а, может быть, даже в тех или других местах укрепило бы предрассудки, как якобы подвергающиеся гонению.

Кроме того, Вы прислали мне письмо молодого поэта Варакина. Должен сказать, что стихи его, которые он, очевидно, показывает как образцы самых лучших своих, «достойных» Пушкина произведений, слабенькие, довольно бессодержательные и с внешней стороны просто гладкие, как пишет большинство гимназистов. Заносчивость же его превышает все меры, к тому же в конце он сам сознается, что психически нездоров. Поэтому я лично считаю, что откликаться на его просьбу не следует, — у меня есть немало молодых людей, гораздо более заслуживающих поддержки. Но, конечно, 6 тысяч деньги пустые, и в моем распоряжении есть некоторый фонд, из которого я могу отпускать пособия молодым дарованиям. Если Вы найдете это нужным, я немедленно пошлю ему 6 тысяч. Лично же я никакого дарования, кроме дерзновения, в нем не нахожу.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

За секретаря Е. Петрова

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 244.

См. примеч. к распоряжению Ленина секретарю 8 марта 1920 г. (настоящ. том, стр. 163).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<17 марта 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

У нас с самого начала революции работает и до революции приобрел известность тов. Дени. Ему принадлежат лучшие плакаты, которыми мы пользовались в нашей агитации.

Работа его хорошо известна <...> Тов. Дени — человек большой. Он жаждет продолжать и развернуть свою работу, может быть, не только в русском масштабе, но и в масштабе национальном. Талант его позволяет ему быть в этом отношении своеобразным выразителем наших идей. Некоторые его плакаты частью с текстом Демьяна Бедного уже в настоящее время перепечатаны, как я это видел, в иностранных журналах.

1.

Протокол № 426
 заседания Малого Совета
 от 23 февраля 1920 года.
 Председательствующий и Подписавший
 Секретарь тов. И. Луначарский.
 Присутствовали:
 Соста Малого Совета
 - Черевин, Вухас, Салкин, Джикел.

17. (3) Отвер- 18. (3) Отвер-
 ждение проекта на- проект памятника
 мятника Карлу Марксу.
 Марксу (Луначарский) Председательствующий
 предложил в т. числе
 рассмотреть и
 участие Карла Маркса в
 тов. Видушан и под
 ным Комитетом Риденга
 в образе. Вексель в Маркс
 пред. Предложить ему же
 в качестве памятника

19.
 так, в течение
 и в связи с
 документ о ходе
 работы по
 к 15/2 с. к. к
 Кольму срок пред
 чиним предв
 быть проект в
 в качестве
 вид с докум
 ем срок докум
 нт работ по со
 времени памят
 ника.

Луначарский
 Вухас

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВНАРКОМА 23 ФЕВРАЛЯ 1920 г.,
 ПОДПИСАННЫЙ ЛЕНИНЫМ И ЛУНАЧАРСКИМ
 Об утверждении проекта памятника Карлу Марксу

Ввиду его болезни необходимо создать ему сколько-нибудь сносные условия существования, за которые он безусловно сможет вознаградить нас прекрасными, очень острыми и меткими вещами.

Лично я лишен почти всякой возможности устроить это, так как дело идет, конечно, не о заказах, оплачиваемых деньгами, это я устроить мог бы, а о квартире и продовольствии здесь, в Москве, если желательно (а я думаю, что это очень желательно) удержать его именно здесь, в ближайшем соседстве Наркомпроса, ЦК партии, КИДел и Центропечати, а равно агитационных органов ПУРа, которым всем он может быть очень полезен.

Итак, я просил бы Вас посодействовать мне, попросту дав мне соответствующую бумажку и позвонив к соответственным людям в следующих отношениях: в предоставлении т. Дени удобной и достаточно теплой комнаты в одном из советских домов или в Кремле, вообще где окажется возможным, во-вторых, предоставлении ему права либо обедать в столовой народных комиссаров, либо получать достаточное количество продовольствия домой каким-нибудь способом. Повторяю, что т. Дени человек большой и что было бы крайне нерасчетливо поставить его в условия скудные.

Кроме того, т. Дени еще в прошлый свой приезд очень просил дать ему возможность побывать несколько раз на заседаниях Совнаркома для того, чтобы записать кроки с наших товарищей. Т. Дени очень быстро, интересно ухватывает сходство, и несколько таких сеансов несомненно дали бы больше, чем все почему-то неудачные попытки создать наши портреты со стороны других художников.

Очень прошу Вас, Владимир Ильич, сообщить мне по телефону, что Вы можете сделать в помощь мне для того, чтобы мы могли приютить и дать возможность спокойно работать одному из наиболее искренних и талантливых наших друзей.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

17/III 20 г.

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 244—245. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30910.

Виктор Николаевич *Денисов* (псевд.: Дени; 1892—1946) художник-график, в то время работал в Казани. Совместно с Демьяном Бедным создал несколько плакатов: «Антанта», «Незыблемая крепость», «Деникинская банда», «Капитал», «Паук и мухи» и в 1920 г. — «Царский жандарм», «Барон Врангель». Комментатор указанной публикации в «Новом мире» отмечал, что не обнаружил письма Дени к Луначарскому. Ниже мы публикуем отрывок из этого письма (см. стр. 170).

В 1921 г. Дени стал сотрудничать в «Правде». Известный карикатурист Борис Ефимов в сборнике «М. И. Ульянова — секретарь „Правды“» (М., 1965 г.) писал: «Кстати о „дружеских шаржах“. Они тогда частенько появлялись в газетах и журналах и пользовались большим успехом у читателей. Замечательным мастером этого забавного жанра был, как известно, В. Дени, создавший целую галерею добродушно-лукавых юмористических портретов виднейших политических деятелей Советской страны... Никому не приходило в голову, что Михаил Иванович Калинин или, скажем, Алексей Максимович Горький может „обидеться“ на дружеский шарж. Было хорошо известно, как добродушно смеялся Ильич, когда видел свое шутивное изображение в карикатурах Дени на страницах „Правды“ („Генуэзская Татьяна“, „Вопль наболевшей души“») (стр. 199—200).

Приведем характеристику Дени из статьи Луначарского «О художнике Дени», впервые напечатанной в газ. «Вечерняя Москва», 1928 г., № 192, 20 августа:

«Его искусство художника-графика — это, пожалуй, то, что наиболее достойно удивления в собрании его произведений, ценных, однако, и многими другими сторонами. Дени стал теперь исключительно политическим карикатуристом и рисовальщиком.

Я помню, как когда-то пришел он ко мне и показался очень молодым и очень большим и, как говорил мне не без грусти, что ему надоело кропать своими карандашами то, что приемлемо для старого мира, что он приветствует революцию и хотел бы отныне посвящать свои силы ее делу. Так он это и сделал. И теперь за ним уже десять лет

талантливой службы на политическом фронте нашей революции. В Дени мы имеем соединение острого политического ума, безошибочно понимающего ситуации и отношения между нами, друзьями и врагами нашими, и сильного художественного дара.

Каждого поразит, прежде всего, умение Дени схватить сходство с реальными лицами, которых он воспроизводит на своих листах. И это, конечно, не фотографическое сходство. Это — сходство внутреннее. Дени рисует невероятно похоже даже тех, кого он никогда не видел. Мало того, он рисует их настолько похоже, что если и вы тоже никогда их не видели, то вы сразу проникнитесь убеждением, что все же такими именно, как у Дени, эти люди и являются по своему психофизическому строению.

Имеет ли Дени дело с образом, который он сам создал на основании некоторой документации, или с человеком, которого он часто видит и хорошо знает, — он одинаково владеет его физиономией, он вставляет ее в какие угодно комбинации. Он может изобразить Степанова-Скворцова или Демьяна Бедного в образе протодиакона, и тем не менее сделает посвященные им листы не только мягко смешными по заключенному в них юмору, но они оказываются еще и „похожими“ до смешного. Он может придать лицам какое угодно выражение: улыбающееся, плачущее, выражающее целую тьму всяких нюансов. Часто выражение лица, найденное Дени, можно определить только многими словами, чуть не полстраницей текста. А чем сам Дени создал их? Дюжиной штрихов.

Огромное мастерство Дени освещено изнутри. Дени не только рисовальщик, он — поэт, он литератор карандашом. Ему свойственен необыкновенно мягкий юмор, теплая и тонкая усмешка, которой он дружески похлопывает по плечу того или другого — нас или наших „друзей“. Посмотрите, например, на очаровательный лист, где Калинин сидит с мужиком перед гигантским самоваром. Это, можно сказать, шедевр тончайшего, не желающего ни до чего договориться юмора. Сколько можно с улыбкой на губах передумать, рассматривая этот драгоценный листок.

Но Дени свойственна также в высшей мере злоба и презрение.

Злостью обливает он в особенности империалистическую буржуазию. С ней он расправляется свирепо, обнаруживая ее свирепость. Он ненавидит ее и, соприкасаясь с ней, переходит к гиперболе, к сарказму, к смеху, в котором столько негодования, что он уже замирает, этот смех, и остается почти одно негодование. А рядом с этим — все то же блестящее мастерство.

Несколько слов о технике Дени. Она довольно разнообразна. Но в общем Дени предпочитает штрих, сухой и элегантный, широким линиям или пятнам. Он остается чистым рисовальщиком. В этой области он превосходит».

В предисловии к книге «Дени. Политические рисунки» (М. — Пг., ГИЗ, 1923) Луначарский писал: «Демьян (...) Карикатурист и фантаст. Оставаясь реалистом, он употребляет гиперболы и полеты в область чистейшей фантастики. Он берет нарочно то тот, то другой стиль, но стиль не доминирует над ним, а он им пользуется. И карикатура предполагает тоже гиперболы, фантастику. Всем этим богат Дени.

(...) Дени очень любит, когда Демьян делает ему тексты. И хотя много хороших иллюстраторов иллюстрировали Демьяна, но если бы какая-нибудь из лучших книг Демьяна иллюстрировалась бы Дени, то сходство их талантов и их значения еще больше бросилось бы в глаза.

У Демьяна чистейший русский язык; у Дени чистейший классический штрих. Они оба реалисты-психологи. Демьян правдив, поэтому его и понимают сотни тысяч рабочих и крестьян. Он своим лукавым взглядом очень хорошо видит действительность и необыкновенно выпукло ее передает. И Дени — реалист. Никаких в нем нет стилизаторских ломок вещей, никаких формальных подходов».

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

<23 марта 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Я получил письмо от жены Карла Либкнехта. Она находится в крайне возбужденном состоянии, говорят, на границе психоза. Одним из его пунктов является именно перевод ее родственников в Берлин, о чем она и пишет. Лично я ровно ничего не могу сделать, для успокоения ее, по совету приехавшего оттуда ее друга, я написал ей телеграмму, что мною предприняты все соответственные шаги. Родственники ее — инженеры, живущие в Ростове, находящиеся на соответственном учете.

Может быть, Вы переговорите об этом с Кржижановским или Рыковым?

Не имею еще ответа от Вас относительно директивы.

Жму руку. А. Луначарский

23. III

Сбоку на листе надпись Ленина:

«т. Радек!

Ваше мнение? Верните с парой слов. Точно ли Вы знаете положение семьи К. Либкнехта? Нужна ли помощь и в каком размере? Ленин».

Письмо Луначарского публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24380. Надпись Ленина опубл.: Ленин, т. 51, стр. 167.

Софья Борисовна Либкнехт (1884—1964) — вторая жена Карла Либкнехта.

Приехав в Германию из Ростова-на-Дону для завершения образования, Софья Борисовна Рисс встретила с Карлом Либкнехтом в Берлине у общих знакомых. В 1912 г. вышла за него замуж.

Через несколько лет после зверского убийства Карла Либкнехта 15 января 1919 г. С. Б. Либкнехт вернулась на родину и жила в Москве.

Вопрос о помощи семье Либкнехта обсуждался на Пленуме ЦК РКП, о чем свидетельствует выписка из протокола заседания Пленума 26 января 1921 г.: «Слушали: Вопрос о семье Либкнехта. Постановили: Поручить тов. Зиновьеву и соответственно тов. Крестинскому» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 56, л. 4).

В архиве сохранилось письмо С. Б. Либкнехт Луначарскому из Берлина — Штеглица 27 апреля 1921 г., в котором она благодарит за отзывчивость и поддержку:

«Многоуважаемый тов. Луначарский!

Позвольте поблагодарить Вас за присланную мне телеграмму. Я была очень тронута Вашей любезностью. Я очень надеюсь на Вас, товарищ Луначарский, — я очень прошу Вас не забыть моего зятя Яна Николаевича Шпильрейна и помочь ему приехать на время за границу. Елена Давыдовна Зайцева, которая передаст Вам это письмо, покажет Вам также копию письма знаменитого математика Emdе к моему зятю; из этого письма Вы увидите, что для того, чтобы с пользой работать в России, моему зятю очень полезно было бы побывать здесь.

Я очень, очень и очень прошу Вас, товарищ Луначарский, как можно скорее устроить это дело. Я не могу даже приблизительно объяснить Вам, насколько это для меня важно.

Если мне еще удастся как-нибудь побывать в Москве, на что пока надежды мало, то надеюсь увидеть Вас и лично поблагодарить Вас за внимание.

С наилучшим приветом. Ваша Софья Либкнехт» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 795, л. 64. Автограф).

122

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМ ТОВ. В. И. ЛЕНИНУ

27 марта 1920 г.

После долгого и внимательного обсуждения вопроса о научной командировке академика Щербацкого за границу Народные комиссариаты иностранных дел и просвещения пришли к выводу, что как с точки зрения интересов научных, так и с точки зрения политической поездка т. Щербацкого за границу является желательной. Все необходимые для этого формальности в настоящее время выполнены. Наркомпрос ассигновал частью на жизнь профес<сора> Щербацкого за границей, частью на закупку книг по его специальности 600 тысяч рублей, причем я обратился в НК Вн<ешней> торг<овли>, от которого зависит обмен сумм на денежные знаки старых образцов, с просьбой обменять эти деньги.

Тов. Шейнман на просьбе моей сделал следующую надпись: «Наркомвнешторг считает поездку несвоевременной и поэтому в размене отказы-

вает. Если НКП считает нужным командировать, то в его распоряжении имеются средства».

Не могу не обратить внимания Вашего на то, что в надписи этой имеются две явные ошибки. Во-первых, НКВТ не имеет права судить о своевременности или несвоевременности научной командировки, ибо никто еще не относил науки к области торговли. С точки зрения научной об этом имеет право судить Коллегия Наркомпроса, с точки зрения политической — только Коллегия Наркоминдела.

Мотивировать отказ тем, что т. Шейнману, имеющему весьма мало общего с нашим ученым миром и его наукой, командировка кажется несвоевременной, я считаю противозаконным. Во-вторых, т. Шейнману должно быть прекрасно известно, что Наркомпрос располагает средствами только в знаках советских, такие средства он и отпустил. В отношении же обмена на знаки старых образцов установлено правило, по которому таковые отпускаются исключительно с разрешения Внешторга.

Я очень просил бы Вас, Владимир Ильич, либо сделать распоряжение т. Шейнману, чтобы он не входил в вопросы вне его компетенции и попросту выполнял просьбы Наркомпроса (весьма скромные, за все это время мы предъявили требований на старые знаки вряд ли на какие-нибудь 2¹/₂ или 3 миллиона), либо сделать Наркомпросу и Наркоминдел разъяснение, что вообще какие бы то ни было командировки за границу сейчас невозможны.

До появления т. Шейнмана в НКВТ мне приходилось говорить об этом с т. Красиным, который считал прямо нелепой мыслью о том, чтобы поездки лиц, достаточно для нас известных, которые могут засвидетельствовать за границей о непрекращающейся культурной жизни в России и способствовать ее дальнейшему развитию, привезя научные новости из-за границы, могли считаться в настоящее время несвоевременными. Мы условились только о двух вещах: во-первых, чтобы посылаемые представляли из себя более или менее европейскую научную величину, и, во-вторых, чтобы это были люди настолько лояльные, что данное ими слово не вести никакой политической агитации против Советской России и в случае обращения к ним иностранцев с вопросами правдиво передавать то, что нами, несмотря на все встречаемые стихийные препятствия, делается для сохранения развития культурной жизни в стране, — явилось бы для нас достаточной гарантией.

Оба эти условия, по единогласному мнению Коллегий Наркомпроса и Наркоминдел, совершенно удовлетворены в отношении академика Щербацкого.

Таким образом, неожиданный излом политики НКВТ, последовавший от назначения малокомпетентного в вопросах науки и еще не разобравшегося в нуждах культурных сношений с заграницей т. Шейнмана, является для нас неожиданностью и требует безусловного разъяснения, дабы не ставить меня и т. Чичерина в крайне нелепое положение.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 3621, лл. 8—9.

25 ноября 1919 г. неперменный секретарь Российской Академии наук академик С. Ф. Ольденбург обратился к Луначарскому с ходатайством о командировании академика Щербацкого за границу. Он писал:

«Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Позволяю себе направить к Вам академика Федора Иннокентьевича Щербацкого, который, как Вы знаете, является в настоящее время лучшим в Европе знатоком индийской и специально буддийской философии, он учитель известного Вам О. О. Розенберга. Им, после пребывания в Индии, где он специально работал по философии с пандитами, был задуман и при содействии Академии наук начал приводиться в исполнение план обнародования основных философских текстов буддизма, в подлинниках и переводах. Теперь, вследствие прекра-

щения сношений с границей, этот план, введенный в широком международном масштабе, грозит остановиться. Вот почему Академия решила возбудить вопрос о командировании Ф. И. Щербацкого за границу месяцев на пять для того, чтобы вновь двинуть в настоящее время, когда Восток, особенно Дальний Восток, начинает играть все большую роль в мировой жизни, изучение буддизма приобретает и практическое значение, и России важно сохранить за собою то выдающееся положение, которое она, благодаря работе своих ученых, заняла по отношению к изучению буддизма. Академия наук просит Вас об оказании содействия командировке академика Щербацкого, которой она придает большое значение.

Примите уверение в совершенном моем почтении. С. О л ь д е н б у р г (Архив Внешней политики СССР, ф. 859, оп. 3, п. 87, ед. хр. 22, л. 23).

Через три дня, 28 ноября, Луначарский написал письмо Г. В. Чичерину:

«В Комиссариат Иностраннных дел
т. Чичерину

Очень прошу Вас принять группу ученых, а именно: старшего физика Академии наук проф. П. М. Никифорова, проф. Розинга и академика Щербацкого, который имеет к Вам определенную просьбу. Они передадут Вам также письма ко мне непременно секретаря Академии наук С. Ольденбурга и отношения моего петроградского заместителя ко мне и к Вам. Со своей стороны, я сочувствовал бы поездке этих ученых за границу и просил бы, если к тому имеется политическая возможность, в содействии со стороны Наркоминдела.

Народный комиссар А. Луначарский
Секретарь Ю. Г и н з б у р г

В дальнейшем Луначарский вновь обращался к Ленину с жалобами на препятствия заграничным командировкам советских ученых со стороны Наркомвнешторга (см. письмо Шейнману, копия Ленину на стр. 188 настоящ. тома).

123

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<27 марта 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Пересылаю Вам только что полученное мною письмо от художника Дени. Напоминаю Вам еще раз, что Дени, выдающийся карикатурист и мастер плаката, создал лучшие советские плакаты, какие мы имеем.

Это большая сила для агитации. Необходимо позаботиться о нем. Он человек больной. Просит дать ему сколько-нибудь жилую квартиру и возможность обедать в столовой наркомов.

Мне кажется, что это необходимо нужно сделать, но, как я Вам уже писал, я этого сделать не могу<...>

Наградой будет целый ряд эффективнейших пропагандистских работ.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

27/III 20 г.

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 245. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30914.

Здесь же хранится упоминаемое Луначарским письмо Дени к нему 27 марта 1920 г., в котором он спрашивает: «Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич! Может быть, у Вас имеется какой-либо ответ в смысле обращения Вашего к В. И. Ленину обо мне? Будьте добры сказать».

См. также примеч. к письму Луначарского к Ленину 17 марта 1920 г.

ПРОТОКОЛ № 450,
ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВЕТА от
6 Апреля 1920 г.

4. О национализации дома "Льва
Толстого"
/ЛУНАЧАРСКИЙ/.

4. Проект утвердить с поправками.
/Принято единогласно при согласии
докладчика/. /Подписи на проекте/.

Председатель Совета

Народных Комиссаров:

Председатель Малого Совета:

Члены Малого Совета:

Секретарь:

В. Усов (Ленин)

М. К. Жданов

М. М. Сухомлин

Г. С. Серапион

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ МАЛОГО СОВНАРКОМА 6 АПРЕЛЯ 1920 г.
О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ДОМА Л. Н. ТОЛСТОГО В ХАМОВНИКАХ В МОСКВЕ
Подписан Лениным

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

29 марта 1920 г.
в КОМИССИЮ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Народный комиссариат по просвещению при сем препровождает на утверждение проект декрета о национализации «Дома Льва Толстого» в Хамовническом пер. в Москве, принятый в заседании от 25-го марта с. г.

Приложение. Проект декрета в 4-х экз. и докладная записка заведующего Домом-музеем Л. Н. Толстого.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Управляющий делами Комиссариата <подпись>
Секретарь Коллегии НКП <подпись>

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 667, л. 22.

К письму Луначарского приложен проект декрета, визированный Луначарским, и докладная записка В. Ф. Булгакова, заведующего Домом-музеем Л. Н. Толстого, в которой говорилось:

«Принимая во внимание:

1) что дом № 21 по Хамовническому пер. в Москве, принадлежавший великому русскому писателю Л. Н. Толстому и непосредственно связанный с историей его творчества, представляет собою в высшей степени важный бытовой и исторический памятник, сохранение которого в неприкосновенности имеет общегосударственное значение в деле народного просвещения;

2) что действительной гарантией сохранения Дома-музея Л. Н. Толстого может быть только национализация его путем особого декрета высшего правительственного установления, а именно — Совета Народных Комиссаров, —

прошу Коллегию Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины возбудить ходатайство перед Советом Народных Комиссаров об издании декрета, по которому Дом-музей Л. Н. Толстого в Хамовническом пер., с прилегающим участком земли, постройками и всем инвентарем, объявлен был бы государственною собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передан в ведение и распоряжение Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, на общих основаниях с прочими государственными музеями.

Москва, 1 марта 1920 г.» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 667, л. 25—25 об.).

На письме Луначарского есть резолюция председателя Малого Совнаркома М. Ю. Козловского: «Вызвать Луначарского и Моссовет». Заседание Малого Совнаркома состоялось 6 апреля 1920 г. По докладу Луначарского принято решение: «Проект утвердить с поправками». Ленин подписал постановление (прот. 450, п. 4. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13510, л. 1).

15 апреля 1920 г. в «Известиях» (№ 79) был опубликован декрет «О национализации дома Льва Толстого в Москве».

«В целях сохранения дома, где жил и работал Л. Н. Толстой, Совет Народных Комиссаров постановил:

Дом Льва Толстого № 21 по Хамовническому пер. в Москве, с прилегающим участком земли, постройками и всем инвентарем, объявить государственной собственностью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и передать в ведение Народного комиссариата по просвещению.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич
Секретарь Л. Фотиева

6-го апреля 1920 г.» (см. также «Собрание узаконений», 1920, № 26, 20 апреля, ст. 125).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Март — апрель 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Обращаюсь к Вам с одной просьбой, которая имеет несомненно огромное государственное значение. Дело в том, что одной из сторон деятельности Наркомпроса, которой он вправе до некоторой степени гордиться, является охрана гигантского даже по материальной своей ценности имущества в музеях, дворцах, церквях, признанных источниками памяти, и т. п.

Вы сами прекрасно поняли, в чем дело относительно этой охраны, когда на последнем заседании Совнаркома шла речь об устранении монахов из охраны Троице-Сергиевской лавры.

Почти при всех дворцах, музеях и при всех старых музеях имеются старые служащие, остававшиеся при них по несколько десятков лет, в своем роде глубокие специалисты и люди, заслуживающие огромного доверия. Заменить их новыми лицами (а теперь вообще трудно найти рабочую силу) положительно невозможно. Между тем служащие музеев в Москве и Петрограде разбегаются, уходят в деревню, во многих случаях

мужья уже заменились женами, во многих случаях раскрылась прямо зияющая пропасть.

Если дело это пойдет так дальше, то в скором времени мы оставим совершенно незащищенным фронт этого многомиллиардного имущества, культурная ценность которого никакими, даже астрономическими, цифрами не может быть определена.

Отдел музеев обращался с просьбой дать этим исключительным работникам, которых, кстати сказать, очень немного, в конце концов, несколько сот человек по обоим городам, вполне удовлетворительный паек, который фиксировал бы их на их службе.

К сожалению, я никак не могу добиться этого. У соответственных ведомств нет никакого чутья к особенностям положения, они продолжают говорить о тарифных нормах, об установленном правиле, о невозможности сделать изъятие и, в конце концов, от этой невозможности сделать изъятие начнутся такие кражи и такие изъятия из самих художественных фондов государства, которые будут стоить в миллион раз больше, чем этот злополучный паек.

Так как ответственность за все это гигантское имущество лежит на мне и на моих ближайших помощниках гг. Троцкой и Ятманове, то мы прямо заявляем, что не в состоянии нести на себе ответственность, если нам не пойдут в этом отношении навстречу.

Я просил бы Вас, Владимир Ильич, прежде чем я вновь возбужу ответственное ходатайство у т. Халатова, дать Ваше компетентное указание Наркомпроду, что этот вопрос совсем особенный, совсем исключительный, не терпящий никаких отлагательств, что нужно вне всякой очереди, вне всякой нормы дать нам возможность зафиксировать достаточный охранительный персонал при этом гигантском имуществе, которое необходимо охранять в наше бандитское и беспокойное время.

Что все это охранено до сих пор и сохранено в величайшем порядке, которым мы можем щегольнуть перед какими угодно гостями,— это положительное чудо, но чудо это не продлится, если последние десятки сотен ветеранов, на которых мы опираемся, исчезнут прежде чем у нас есть возможность заменить их сколько-нибудь подготовленными, хорошо вышколенными молодыми помощниками.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30894.

О необходимости материально обеспечить обслуживающий персонал музеев говорил Луначарский и в докладе о работе Наркомпроса на III сессии ВЦИК VII созыва 26 сентября 1920 г.: «Я объездил много городов, и в каждом уездном городе я видел музеи, собранные при непосредственном участии крестьянского населения. За это время мы насобирали гигантское количество ценностей, Эрмитаж у нас увеличился в полтора раза. Я должен сказать, что единственное заявление, которое действует на всякое ведомство, когда оно хочет занять какое-нибудь здание, это, когда мы говорим, что это памятник древности. Этим способом нам удалось сохранить несколько великолепных особняков. Иностранцы из буржуазии, когда видят нашу Гатчину и Детское Село, приходят прямо в изумление. Но вместе с тем я должен сказать, что нам необходимо обеспечить ударным пайком лиц, занятых охраной памятников искусства. Таких лиц насчитывается не больше 600. Если мы этого сейчас не сделаем, то мы потеряем неопценимые сокровища. Даже с точки зрения материальной, так как многие вещи пропадают. Человек неопытный не может устоять перед таким искушением, когда сейчас ему представляется запустить руку и безнаказанно взять на десятки миллионов, в то время как музейным специалистам это в голову не приходит. Им не приходит в голову такая возможность. Эти люди хранят так, как хранят свое приобретенное, и такие люди, они в высшей степени честные. Громадная масса барских усадеб в окрестностях Москвы превращена в образцовые музеи» (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, ед. хр. 12).

О национализации Троице-Сергиевой лавры см. настоящ. том, стр. 135—136

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

(НАДПИСИ И ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА ПИСЬМЕ ГОРЬКОГО 2 АПРЕЛЯ 1920 г.)

〈Не ранее 3 апреля 1920 г.〉

Луначарскому

...Прилагаю копию заявления Совета Эрмитажа о необходимости реэвакуации его ценностей из Москвы в Петроград, — и тоже прошу Вашей помощи как член Совета.

Луначарскому
на отзыв

А засим обращаю Ваше внимание на необходимость принять решительные меры по борьбе с детской преступностью. Теперь, будучи ознакомлен с положением этого вопроса, я знаю, как ужасно быстро развивается зараза преступности. В Петрограде насчитывается свыше 6000 детей преступников от 9 до 15 лет, все это рецидивисты и среди них немало убийц. Есть 12-летние, за коими считается по три убийства. Изоляция не достигает цели. Необходимы иные меры, и я предлагаю организовать «Лигу борьбы с детской преступностью», куда мною будут приглашены все наиболее авторитетные деятели по вопросам воспитания *дефективных детей* и по вопросу о борьбе с преступностью детей.

С этим необходимо спешить.

«В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 176—178.

Слова, подчеркнутые Лениным, выделены курсивом.

Текст заявления Совета Эрмитажа, приложенный к письму, печатается впервые.

«1 апреля 1920 г.

В 1917 году, по распоряжению Временного правительства, приступлено было к эвакуации из Петрограда в Москву собраний Эрмитажа, Русского музея, Академии художеств и дворцов-музеев, причем предполагалось вывезти все предметы, имеющие художественную, научную или материальную стоимость. После государственного переворота 25-го октября 1917 года дальнейший вывоз был приостановлен, и эвакуация, таким образом, не только не была закончена, но ни в одном из поименованных учреждений, по разным причинам, не была вывезена ни одна из намеченных категорий полностью.

Так, из Эрмитажа перевезено было в Москву около половины картин различных школ, часть собрания рисунков и гравюр, отдельные предметы из отделения средних веков, некоторые единичные экземпляры из отделения древностей, часть мюнц-кабинета, резные камни и часть архива и библиотеки.

Из Русского музея — часть рисунков и лишь небольшое количество картин и икон, подобранных исключительно по признаку малого размера и удобства упаковки, и отдельные части коллекций разных местностей и народностей из отдела этнографического.

Из Академии художеств вывезено: часть картин, гравюр, рисунков, художественных изданий и несколько скульптур.

Из дворцов-музеев в Петрограде, Царском Селе, Гатчине и Петергофе вывезено некоторое количество картин и художественной мебели, составляющих части исторических ансамблей.

С осени 1917 года эвакуированные коллекции находятся в Москве в упакованном виде.

В 1919 году музеями и Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины постановлено было приступить к работам по обратной перевозке всех эвакуированных коллекций в Петроград, и с этой целью организован был транспорт, закончена вся подготовка, и только исключительно по причинам политического и военного характера реэвакуация была приостановлена.

В настоящее время обстоятельства изменились в том смысле, что нет уже никаких причин, могущих помешать осуществлению столь важного дела, и затруднения, которые будут неизбежно связаны с транспортом, могут быть устранены на практике путем надлежащей организации перевозки собраний по частям.

Резьвакуация теперь же представляется делом совершенно необходимым прежде всего для восстановления двух крупнейших наших музеев, остающихся вот уже в течение почти трех лет в полуразрушенном состоянии, в то время как столь большая организационная работа в этих учреждениях уже сделана и они могли бы быть устроены в полном соответствии с лежащими на них как культурно-просветительными, так и научными задачами. В настоящее время это является совершенно неотложным делом в связи с все развивающимися научными организациями Петрограда и необходимостью наших собраний памятников искусства и старины, имеющие мировое значение, привести в организованное и удобное для изучения состояние накануне возобновления международных сношений.

Советы Эрмитажа и Русского музея, полагая, что все работы по эвакуации и реконструкции должны будут быть закончены в течение предстоящего лета, просят разрешения о безотлагательном возвращении в Петроград всех художественно-исторических и научных собраний, эвакуированных в 1917 году.

Члены Советов Эрмитажа и Русского музея подписали: М. Горький. Академик Н. Марр. Академик Ольденбург. Академик Шахматов. Профессор Жебелев. Директор Русского музея А. Миллер. Директор Эрмитажа С. Троицкий. Профессор М. Максимова. Профессор О. Вальдгауер. Академик Э. Липгарт. Заместитель директора Эрмитажа профессор Л. Мацулевич. Завед. Худ. отд. Русского музея П. Нерадовский. Д. Шмидт. П. Вейнер. Профессор В. Струве. С. Яремич. Академик О. Браз. Член Археологической комиссии П. Шеффер. О. Ретовский. Член Академии истории материальной культуры А. Бенуа. Р. Фасмер. В. Головань. Д. Митрохин. Член Академии истории материальной культуры К. Романов. Профессор А. Марков. Д. Золотарев. С подлинным верно: делопроизводитель Эрмитажа Н. Дмитриев».

По получении письма Горького Ленин послал на отзыв Луначарскому и ту часть письма, где речь идет об организации «Лиги борьбы с детской преступностью». В делах ЦГАОР сохранилась копия записки секретаря: «Тов. Луначарскому. По распоряжению тов. Ленина посылается на отзыв выписка из письма М. Горького» (ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 169). Луначарский направил предложение Горького А. И. Елизаровой, заведующей Отделом охраны детства при Наркомпросе.

14 мая Елизарова послала Луначарскому (копию Ленину) письмо, в котором высказывалась против организации Лиги, поскольку существуют специальные государственные учреждения. Приводим письмо Елизаровой:

«В ответ на Ваше предложение от 20-го апреля 1920 года за № 1608/к, ознакомившись с предложением М. Горького об образовании „Лиги борьбы с детской преступностью“, Отдел охраны детства Наркомпроса высказывается против образования таковой, считая более целесообразным и плодотворным сосредоточение работы в одном ведомстве; если Лига мыслится автором этого предложения как орган междуведомственный, она, как всякие междуведомственные организации, не будет такой работоспособной, как единый орган; если же она должна быть органом полуболезненным, полуфилантропическим, то это противоречит программе деятельности Отдела охраны детства Наркомпроса. Что касается привлечения к борьбе с детской дефективностью всех специалистов в этой области, то таковые уже и в Москве и в Петрограде привлечены. Попутно с настоящим отношением Отдел охраны детства обращается к М. Горькому с просьбой принять участие в означенной работе и указать тех лиц, кои могут быть полезны и кои еще не привлечены.

А досему Отдел охраны детства считает, что Наркомпрос в вопросе борьбы с детской беспризорностью стал на правильный путь, приняв постановление, выраженное в циркуляре № 1976 от 31-го января о конструкции Отдела охраны детства, где выделены подотдел правовой защиты детей и секция домов для дефективных детей.

Прилагая при сем циркуляр о задачах подотдела правовой защиты детей, как подотдела совершенно нового, Отдел охраны детства считает необходимым подчеркнуть, что самым большим злом и помехой в планомерном осуществлении борьбы с детской беспризорностью является отсутствие достаточного количества специальных учреждений и неудовлетворительное состояние существующих. И в этом направлении должны быть приняты чрезвычайные меры. При организации учреждений приходится наталкиваться на препятствия практического характера: отсутствия помещений, отсутствия предметов снабжения, отсутствия предметов оборудования мастерских, отсутствия пособий и т. п.

И в этом направлении в настоящее время должны быть предоставлены чрезвычайные возможности при организации специальных учреждений для дефективных, и борьба с детской беспризорностью (преступностью, спекуляцией, проституцией и нищенством) должна быть признана очередной задачей дня и соответствующим образом декретирована.

Заведующая Отделом охраны детства А. Е л и з а р о в а» (ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 42, л. 18—18 об.).

К письму Елизарова приложила циркуляр «Задачи подотдела правовой защиты детей», датированный 16 апреля 1920 г. (там же, лл. 17—18).

17 мая Елизарова направила письмо Ленину вместе с документами о «Совете защиты детей»: «Дорогой Володя! — писала она, — посылаю тебе вместо телефонограммы курьера, чтобы приложить документы о Совете защиты детей. Из них ты увидишь, что НКПрод систематически не дает на детское питание по норме. Этот список можно было бы чрезвычайно удлинить. Дети во многих местах вымирают... Пожалуйста, окажи содействие, чтобы дети не были обижены и чтобы не нарушался декрет о защите детей» (ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 42, л. 1).

К этому же времени относится и следующая записка Елизаровой к Ленину с просьбой помочь в обеспечении детских учреждений постельными принадлежностями.

«Ильичу

Мне была подана мысль попытаться таким путем, между проч(им), заткнуть дыру, попросить тебя подписать, что ты считаешь это возможным (в дворцах, особенно загородных, имеется большая масса постельного белья и подушек).

А.» (ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 1, ед. хр. 42, л. 2).

Обе записки А. И. Елизаровой к Ленину публикуются впервые.

127

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

〈Не ранее 3 апреля 1920 г.〉

Под Питером взять ряд монастырей для помещения дефективных и *беспризорных* детей и подростков.

Л е н и н

Л е н и н, т. 51, стр. 174.

См. примеч. к предыдущему письму.

128

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. ЛЕНИНУ

6 апреля 1920 г.

Прилагаю при сем довольно курьезное дело, на которое все-таки следует обратить внимание.

Наркомпросу понадобились шапирографические ленты. Отдел снабжения обратился в Центросоюз, который ответил, что в план распределения канцелярских принадлежностей шапирографические ленты не внесены. Тогда он обратился в Главпродукт, одно из должностных лиц которого собственноручно написал: «можно отпустить за наличный расчет».

Как Вы знаете, покупка за наличный расчет в государственных предприятиях и кооперативах воспрещена, и мы не имеем никаких средств для такой расплаты. Так что тут явное недоразумение. Или должно быть предоставлено право покупать по ордерам Главпродукта за наличный расчет или Горпродукту должно быть указано, что ставить такие условия совершенно неприлично и что оплата должна всегда производиться бухгалтерским путем.

Прилагаю при сем заявление относительно картин Эрмитажа, подписанное Горьким, Марром и целым рядом других лиц.

Крепко жму Вашу руку.

Нарком А. Луначарский

Секретарь Ю. Гинзбург

«Новый мир», 1964, № 5, стр. 251.

Полный текст заявления Совета Эрмитажа см. в настоящ. томе, стр. 174—175.
Посылая это заявление Луначарскому, Горький писал:

«Дорогой Анатолий Васильевич!

Посылаю Вам заявление Совета Эрмитажа, очень прошу Вас дать этому делу возможно быстрое движение.

На самом деле, пора уже восстановить музеи Петрограда в их естественном, нормальном виде, а то получают удивительные курьезы, — например: экскурсия завода Редкина осматривает Эрмитаж, „А вот этих картин нет здесь — украли!“ заключают они вслух.

— Не украли, а вывезли в Москву...

— Ну да... Все едино... — раздаются голоса.

Дело, пожалуй, не в этом, а просто в том, что музей надобно привести в порядок. И вот что еще, А<натолий> В<асильевич>. Не внушите ли Ятманову, чтобы он не скаредничал, не скупился, а — увеличил ассигновки Эрмитажа и Русского музея на покупку новых вещей? Голод заставляет людей предлагать музеям вещи очень высокой ценности, очень серьезного художественного значения, а денег у музеев нет.

И тогда владельцы вещей тащат их спекулянтам, а сии последние прячут их так, что уже не найдешь никогда.

Утихомирьте Вы этого Ятманова, скажите ему, чтоб он не мешал людям делать дело, которое они любят и понимают.

Будьте здоровы.

Анне Александровне сердечный привет.

А. Пешков

3.IV.20»

Письмо Горького 2 апреля 1920 г. и надписи Ленина на нем см. на стр. 174 насто ящ. тома.

27 апреля, получив на отзыв заявление Совета Эрмитажа, Луначарский сообщил Ленину, что Наркомпрос не возражает против возвращения эвакуированных произведений и одновременно ставил вопрос о «более правильном распределении между столицами художественных сокровищ Республики» (см. настоящ. том, стр. 183).

Самое значительное количество экспонатов из коллекций Эрмитажа в течение трех лет хранилось в Оружейной палате, в Большом Кремлевском дворце и в Историческом музее.

23 июня СНК принял решение возвратить эти художественные ценности в Эрмитаж; в середине ноября эшелоны направились из Москвы в Петроград, а в декабре Эрмитаж был открыт.

Ленин внимательно относился к нуждам Эрмитажа, о чем свидетельствует следующее письмо Луначарского Литкенсу:

«Конфиденциально тов. Литкенсу

13 октября 1921 г.

Евграф Александрович.

Происходит вещь вопиющая. Вы помните, что тов. Ленин предложил постановление, согласно которому Наркомпросу вменялось в обязанность в 24 часа ввести в Малый Совнарком затребование сумм, необходимых для экстренного ремонта Эрмитажа, с выражением своего рода порицания, что мы не приняли для этого шагов раньше. Тогда мы этого не сделали на основании Вашего мне заявления, что деньги фактически уже посланы и что никаких дополнительных ассигнований нам в данном случае не нужно. Между тем тов. Ятманов приехал сюда и опять заявляет, что ни копейки не получил. Если бы он пожелал довести это дело до сведения Владимира Ильича любым частным путем, то вышел бы настоящий скандал, и притом полностью заслуженный. Прошу Вас распорядиться немедленно выдать т. Ятманову наличными ту сумму денег, которая для этого ремонта окажется необходимой.

Нарком по просвещению Луначарский» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3337, л. 127).

129

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. В. И. ЛЕНИНУ

6 апреля 1920 г.

Сегодня я буду разговаривать с некоторыми, боюсь немногими, делегатами, которые остались после съезда на совещание по народному образованию¹. Я повторю там в более расширенной доказательной форме то, что писал сегодня же в газетах².

И вот Вам иллюстрация к этому положению, телеграмма из Екатеринбурга от заведующего губнаробразом Березова: «Совтрударм по освобождении от 6 лазаретов лучших в городе школьных зданий, отклонив ходатайство наробраза, передал немедленно эти здания в распоряжение округа путей сообщения». Между тем из Петрограда прибыл туда педагогический институт, нет никакого места для Екатеринбургского рабочего политехникума, без помещения находится народный университет.

Еще и еще раз совершенно определенно заявлено, что при таком положении дела говорить сколько-нибудь серьезно о народном образовании в России абсолютно невозможно.

Это только более показательный пример фактов, которые происходят повсюду сотнями. Самое пренебрежительное, самое недопустимое отношение к школе как таковой, ее можно занять под что угодно. И товарищам невозможно втолковать, что они режут курицу, несущую им яйца.

Ведь через несколько лет мы станем в тупик перед полным отсутствием квалифицированных рабочих и специалистов, ибо военные, санитарные, а теперь железнодорожные надобности, срочные надобности дня вырывают с корнем надежды завтрашнего дня. Близорукие люди никак не могут понять, на ком растут жёлуди.

Особой надежды на сегодняшнее совещание не возлагаю, так как вообще между прошлым и нынешним днем в отношении народного просвещения замечая только ту разницу: при том же равнодушии к его нуждам — более обостренную критику его недостатков. Может быть это симптом грядущей перемены, но пока что, как Вы видите из телеграммы, дело делается по-прежнему: с одной стороны — поднимите нам квалификацию труда рабочих, а с другой — извольте убраться из принадлежащих вам зданий с вашим «рабочим политехникумом», потому что «всё для транспорта».

Если же присмотреться, то окажется, что «всё для транспорта» обозначает размещение в более или менее широких квартирах всякого рода железнодорожных служащих. В этом я убежден.

Поэтому я совершенно не могу представить себе, почему громадные школьные здания, где прежде учились, а потом лечились, должны теперь служить помещением для железнодорожного округа.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30912.

¹ Речь идет о совещании по народному образованию, созванном после IX съезда РКП(б), который проходил с 20 марта по 5 апреля 1920 г.

² 6 апреля в газете «Известия» (№ 75) была напечатана статья Луначарского «Несколько слов о забытом фронте». Здесь так же, как и в письме к Ленину, Нарком просвещения протестовал против использования школьных зданий под казармы, лазареты, военные учреждения. Луначарский характеризовал тяжелое материальное положение учителей, писал о настоятельной необходимости создать нормальные условия для работников просвещения.

Настоящим удостоверяю, что присутствую здесь. Нахожусь в Малом Совнаркоме.

Луначарский

Луначарскому.

Масловскому
 и
 Масловскому
 Масловскому
 Масловскому.

Луначарский

2/IV
 25-Всех.

ЗАПИСКА ЛУНАЧАРСКОГО, ПОСЛАННАЯ ЛЕНИНУ 8 АПРЕЛЯ 1920 г.
 НА ЗАСЕДАНИИ СОВНАРКОМА

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 360, л. 23. Автограф.

29 декабря 1917 г. на заседании Совета Народных Комиссаров (прот. 37, п. 11) по инициативе Ленина было принято решение открывать заседания СНК точно в назначенные часы.

25 января 1918 г. СНК под председательством Ленина (прот. 56, п. 6) рассмотрел вопрос об установлении штрафа в размере 10 руб. за опоздание или отсутствие на заседаниях СНК.

6 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров (прот. 359, п. 2) заслушал проект «О мерах воздействия за неаккуратное посещение заседаний и совещаний».

15 апреля 1920 г. Малый Совнарком (прот. 455, п. 4) принял постановление «О дисциплинарных и административных взысканиях, наложенных на членов Исполнительных комитетов и служащих в советских учреждениях».

20 апреля Совнарком (прот. 368, п. 14) утвердил это решение Малого Совнаркома.

26 апреля 1920 г. за подписью председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. И. Калинина, председателя СНК Ленина и секретаря Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета А. С. Енукидзе были опубликованы оба апрельских постановления как декреты ВЦИК и СНК. Согласно решению «О мерах воздействия за неоднократное непосещение заседаний и совещаний, лица, состоявшие постоянными членами всех руководящих органов начиная от высших и кончая низшими, обязаны были являться на заседания точно, в часы, указанные в повестках или телефонограммах. Опоздание без уважительных причин более чем на 10 минут влекло за собой выговор с занесением в протокол заседания, второй раз — вычет дневного заработка как за прогул, а в третий раз — выговор в печати и т. д. (см. «Сборник узаконений», 1920, № 32, стр. 155, 156).

Записка Луначарского Ленину, председательствовавшему на заседании Совнаркома 8 апреля 1920 г., объясняется этими постановлениями.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
РЕЗОЛЮЦИЯ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА

15 апреля 1920 г.

Вы переслали мне телеграмму из Казани с жалобой на отсутствие денежных знаков. Подобные же телеграммы я получил из Вятской и Вологодской губ. Во всех этих местах учителя, за отсутствием денег, не получают жалованья в течение трех месяцев.

Таким образом, оказывается, что в губерниях абсолютно голодных — учителя голодают по неимению продуктов, а в производящих, как Казанская, Вологодская и Вятская, в которых учителя фактически могут прокормиться, — они *голодают по отсутствию денег*.

Я очень прошу Вас, Владимир Ильич, сделать какое-нибудь распоряжение или внести это на рассмотрение Совнаркома, чтобы денежные знаки, отпускаемые на нужды губерний, распределялись *пропорционально, то есть: при недохвате 10—20% такой недохват распределялся между всеми ведомствами*. Иначе фактически происходит то, что абсолютно все, кроме служащих просвещения, жалованье получают <...>

Если это продлится дальше таким образом, я решительно не знаю, добросовестно ли в какой бы то ни было мере нести на себе ответственность за судьбы ведомства.

Мы до сих пор еще торгуемся с т. Халатовым о том, чем он может помочь положению учителей голодающих губерний. Телеграммы с воплями о совершенной нетерпимости их положения продолжают течь.

Вот копия телеграммы, полученной мною только что из Московской губ.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

На письме резолюция Ленина:

«В Малый Совет: прошу провести это. Даже больше: надо дать *предпочтение* учителям. 17/IV. Ленин».

Полностью публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13622, л. 1—1 об. Частично письмо Луначарского и полностью резолюция и подчеркивания Ленина опубли.: «Ленинский сб.», XXXV, стр. 116—117; Ленин, т. 51, стр. 181.

Внизу на письме — надпись рукой Козловского: «В комисс(ию) Чуцкаева в 3-х дн(евный) ср(ок) с докладом М(алому) С(овету). М. Козл(овский)».

Сверху сделана надпись: «Послана копия на заключение Комиссии по распределению денеж(ных) знаков. А. Афанасьев».

К делу приложена телеграмма Луначарскому, копия Ленину: «Обратите же, наконец, внимание на тяжелое положение учащихся, на получаемое жалованье. Не имеем возможности купить даже двух фунтов соли. Сидим голодные, разутые, раздетые, все бывшее имущество обменено на продукты. Далее существовать в таких условиях невозможно. Один исход — бросить службу и идти в батраки, пастухи, няньки. Группа учащихся Киверической волости Бежецкого уезда Тверской губернии, представитель ее В о с к р е с е н с к и й (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 683, л. 83).

3 мая 1920 г. Малый Совнарком заслушал вопрос «О предоставлении НК просвещения преимуществ при распределении денежных знаков (Луначарский. Ленин)». «Постановили: 2. а) Обязать Комиссию СНК по распределению денежных знаков: 1) расширить свои работы по распределению денежных знаков на все народные комиссариаты; 2) выработать в недельный срок шкалу в % потребности всех комиссариатов на ближайшие три месяца. б) Предоставить Комиссии право нарушать указанную шкалу на каждый ближайший период распределения в неотложных случаях усиленного удовлетворения — в пользу определенной потребности определенных ведомств с тем, чтобы при последующих распределениях тиражировать это нарушение за счет общей массы распределяемых денежных знаков. в) Поручить НК финансов и НК просвещения выработать план тиража задолженности государства учительскому персоналу в ближайшие месяцы и учесть это тиражирование в усилении % общей шкалы в пользу НК просвещения на эти ближайшие месяцы, бронируя на места знаки для погашения этой задолженности <...>» (прот. 466, п. 2).

Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13808, лл. 1, 2, 5).

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<16 или 17 апреля 1920 г.>

г. Луначарский! Непременно выдайте! Я подписыву.

Ваш Л е н и н

Л е н и н, т. 51, стр. 180—181. Записка является резолюцией Ленина на посланном Луначарскому письме комиссара Публичной библиотеки в Петрограде В. М. Андерсона:

«Уважаемый Анатолий Васильевич.

Посылаю Вам только что отпечатанный первый том своей работы. Второй — предполагалось посвятить обзору прокламаций — около 2000² и периодических изданий. Но сделал я дело и теперь меня оторопь берет: до сих пор вся наша богатейшая, как Вы видите, „нелегальщина“ была своего рода секретом; теперь, когда я вынес на улицу „ключ“ к таинственной комнате, — весьма небезосновательно бояться, что туда будут ломиться толпами. Проще говоря, начнутся всякие притязания на получение этой литературы домой. А я должен сказать, что лица и — еще хуже — учреждения, особенно „влиятельные“, бывают весьма энергичны в получении материала и обнаруживают чаще всего противоположные свойства при возвращении. Русская революционная литература ценна до неопишемости, особенно когда аналогичное, но меньшее собрание Акад(емии) наук до сих пор не реэвакуировано и единственным хранилищем этих „бумажных алмазов“ в Питере является Публ(ичная) библи(отека), и если ее фонд даст трещину, — вещь получится невознаграждаемая.

Словом, я прошу — вернее, умоляю Вас, — не откажите, если признаете возможным, прислать мне формальный запрет выдавать революционную литературу кому бы то ни было на дом. В некоторых случаях без московской, лично Вашей, опоры я беспомощен. Все такие притязания чаще всего исходят из соображений комфортабельности чтения. Мотив невыдачи прост — „редкость и ценность“ подобных изданий.

Еще маленькая просьба: несколько времени назад я передавал Вам честолубивое ходатайство Публ(ичной) библи(отеки) о переименовании ее в Российскую государственную библиотеку. Впрочем, тут не одно „головокружение“, но и действительная целесообразность подчеркнуть особую роль Публ(ичной) библи(отеки). Может быть, Вы дадите ход этому вопросу в Совнаркоме. Хорошо было бы издать соответствующий акт из центра.

С партийным (я с прошлого лета имею право на это) приветом.

Ваш В. А н д е р с о н

В первые же дни Октябрьской революции Ленин написал свои предложения Публичной библиотеке о переустройстве ее работы по-новому:

«О задачах Публичной библиотеки в Петрограде

Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться.

Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо.

Немедленно и безусловно необходимы следующие основные преобразования, исходящие из принципов, давно осуществленных в свободных государствах Запада, особенно в Швейцарии и в Соединенных Штатах Северной Америки:

1) Публичная библиотека (бывшая Императорская) должна немедленно перейти к обмену книгами как со всеми общественными и казенными библиотеками Питера и провинции, так и с заграничными библиотеками (Финляндии, Швеции и так далее).

2) Пересылка книг из библиотеки в библиотеку должна быть, по закону, объявлена даровой.

3) Читальный зал библиотеки должен быть открыт, как делается в культурных странах в частных библиотеках и читальных для богатых людей, ежедневно, не исключая праздников и воскресений, с 8 час. утра до 11 час. вечера.

4) Потребное количество служащих должно быть немедленно переведено в Публичную библиотеку из департаментов Министерства народного просвещения (с расширением женского труда, ввиду военного спроса на мужской), в каковых департаментах ⁹/₁₀ заняты не только бесполезным, но вредным трудом» (Л е н и н, т. 35, стр. 132—133).

В апреле 1920 г. В. Андерсон отправил Луначарскому свою книгу «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке» с письмом, которое Луначарский переслал Ленину.

17 апреля секретарь Луначарского Флаксерман препроводил на подпись Ленину следующий текст письма Луначарского в Петроградскую публичную библиотеку:
 «16 апреля 1920 г.

Петроградская Публичная библиотека
 Комиссару тов. Андерсону

Просмотрев присланный мне Вами труд „Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке“, посылаю Вам прежде всего благодарность за выполнение этой важной работы и вместе с тем считаю необходимым немедленное принятие мер к полной и безусловной сохранности всех, хранящихся в соответственном отделе библиотеки, печатных и рукописных материалов.

Настоящим я воспещаю в самой безусловной форме какой бы то ни было отпуску кому бы то ни было без всякого исключения перечисленных в Вашем каталоге материалов на дом с предоставлением, конечно, самой широкой возможности пользоваться ими в самом здании Публичной библиотеки.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
 Секретарь А. Флаксерман» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 32765, л. 2).

К письму приложена записка Флаксермана: «Письмо за № 1584/к препровождается для подписи т. В. И. Лениным, согласно его согласия, и срочного возвращения в секретариат т. Луначарского. Кремль. Секретарь наркома А. Флаксерман. 17/IV—20 г.» (Там же, л. 1). Данные о том, что Ленин подписал это письмо, в Центральном партийном архиве отсутствуют.

Вопрос о переименовании Петроградской публичной библиотеки в Российскую государственную библиотеку обсуждался на заседании Малого Совнаркома 20 апреля 1920 г. (прот. 458, п. 3), и решение о переименовании было принято единогласно. Протокол подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13650, лл. 2—3).

133

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

19.IV. 1920 г

т. ЛУНАЧАРСКОМУ
 « МАЛЫЙ СОВЕТ

Скульптор С. Меркуров находит глубоко несправедливым и неправильным, что отмена данного ему Совнаркомом заказа (30. XII. 1919) состоялась

(1) без личного вызова,

(2) без письменного его извещения и без представления ему копии постановления Совнаркома, отменяющего заказ.

Поэтому Меркуров настаивает на том, чтобы к 15.IV. 1920 (срок, данный постановлением Совнаркома 23.II. 1920 Алешину с коллективом) Меркурову было предоставлено право представить еще раз новый проект.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

Ленин, т. 51, стр. 182.

См. примеч. к письму Луначарского Ленину 24 декабря 1919 г. (настоящ. том, стр. 133) и его же письмо в Малый Совнарком 2 февраля 1920 г. (настоящ. том, стр. 146—149).

134

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. В. И. ЛЕНИНУ

27/IV 1920

Вами послана для отзыва за № 178 просьба, подписанная Горьким, Марром и целым рядом представителей петроградской интеллигенции, о возвращении сокровищ Эрмитажа, Русского музея в Петроград.

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ НА ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА
КАРЛУ МАРКСУ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Москва, 1 мая 1920 г.

Фотограф не установлен

По этому поводу я имел уже беседу с товарищами Троцкой и Ятмановым. Принципиально мы не только не возражаем против этого возвращения, но очень охотно пойдем ему навстречу.

Однако, так как Петроград возбудил вопрос о разделе имеющихся в Москве значительных художественных сокровищ, характеризующих новейшее искусство (коллекции Шукина, Морозова и других), то в кругах московских художников и московских любителей искусства возникла мысль об удержании для Москвы некоторого количества петроградских картин для более правильного распределения по обеим столицам художественных сокровищ Республики.

Лично я полагаю, что это было бы рационально. Каждый музей, конечно, цепко держится за свои традиции, но с высшей государственной точки зрения эта цепкость ничем не оправдывается. Поэтому я просил бы Совнарком принципиально разрешить возвращение Эрмитажа и отдельных картин Русского музея в Петроград и поручить Отделу музеев совместно с Отделом изобразительных искусств и, может быть, представителями Петроградского и Московского профессионального союза работников искусства (Всерабис) выяснить вопрос о возможности оставления

некоторых картин старых мастеров в Москве взамен некоторых произведений новых мастеров, которые должны быть отправлены в совершенно бедный такими произведениями Петроград.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман

Сверху, над текстом письма, надпись Ленина:

«в архив, для справок».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13750.

См. примеч. к письму Луначарского Ленину 6 апреля 1920 г. (настоящ. том, стр. 177—178).

135

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

28 апреля 1920 г.

Владимир Ильич!

Вы переслали мне интересное письмо учителя Соловьева из г. Плеса. Все то, что пишет этот учитель, совершенно верно, и действительно без мало-мальски хорошо поставленного продовольствия учителей мы не можем и думать о нормальной школе, но, конечно, т. Соловьев напрасно ругает при этом свой губернский отдел, ибо ни губернский отдел, ни Наркомпрос сами по себе никакого продовольствия дать не могут.

К счастью, мне удалось добиться от Наркомпрода циркулярной телеграммы по губерниям: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Северо-Двинской, Псковской, Новгородской, Петербургской, Московской, Костромской, Ярославской и Ивановской (сюда относится и г. Плес) о приравнивании всех учителей к фабрично-заводскому населению и о выдаче им усиленного пайка.

Это все, чего пока удалось добиться. За улучшение положения учителей веду борьбу непрестанную, но вместе с тем не могу жаловаться на Наркомпрод, потому что прекрасно чувствую, что неуступчивость его объясняется общим тяжелым продовольственным положением. Так же точно относительно снабжения предметами первой необходимости. Кажется, удастся добиться приравнивания к фабрично-заводскому населению.

Принимая, однако, во внимание, что фабрично-заводские у нас тоже разуты и раздеты, не очень-то надеюсь на то, что учителя от этого много выиграют.

Крепко жму руку.

Нарком по просвещению А. Луначарский

«Исторический архив», 1962, № 1, стр. 38—39.

Письмо И. Н. Соловьева обнаружить не удалось. Опубликовано другое письмо Соловьева к Ленину 25 марта 1920 г. («Новый мир», 1969, № 1, стр. 118—119).

136

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И НАРКОМПРОДУ

29 апреля 1920 г.

На заключение Луначарского и Компрода

Ленин

«Ленинский сб.», XXXV, стр. 112. Резолюция Ленина написана на письме — ходатайстве Горького:

«В Совет Народных Комиссаров

До настоящего времени в распоряжении Комиссии по улучшению быта ученых имеется 1800 пайков, которые и распределены среди ученых, но так как указанное количество пайков далеко не удовлетворяет всех ученых и большое количество высококвалифицированных ученых остается без пайков, Комиссия убедительно просит Совнарком об увеличении пайков до 2000.

Председатель Комиссии М. Г о р ь к и й»

Заключение Луначарского по ходатайству Горького не найдено, но из содержания другого, более позднего письма Горького в Совет Народных Комиссаров (17 августа 1920 г.) видно, что по постановлению Центральной комиссии по улучшению быта ученых Петроградской комиссии было предоставлено 2000 пайков для распределения между научными специалистами (см. кн.: «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 187—188).

137

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨3 мая 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Вы обещали мне обращать некоторое внимание на мое красноармейское хозяйство.

Поэтому я очень прошу Вас принять тов. Елену Константиновну Малиновскую по поводу некоторых вопросов, связанных с судьбами театров.

Вам очень легко будет оказать нам некоторую поддержку и помочь поставить это дело на колеса.

Крепко жму руку.

А. Луначарский

3/V 20 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30914. См. настоящ. том, стр. 158—162, 185—186.

4 мая 1920 г. должно было состояться заседание Совнаркома, на котором предполагалось рассмотреть вопрос о зачислении на красноармейский паек работников театров. Очевидно, в этой связи Луначарский просил Ленина принять Малиновскую. О встречах с Лениным Малиновская рассказывает в воспоминаниях «В. И. Ленин и театры» («О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы». М., Госполитиздат, 1963, стр. 392—398).

138

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨3 мая 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич!

Вы знаете, конечно, что я еду по собственному желанию в агитационную поездку к Западному фронту. ЦК одобрил это. ⟨...⟩ Не знаю, довольны ли Вы. По кр⟨айней⟩ мере есть такие, которые сильно ругают меня, что я покидаю в такой момент наш здешний фронт Наркомпроса, на котором неблагополучно.

Так вот, уговор лучше денег: я Вас убедительно прошу немного огрadyть без меня мое «красноармейское хозяйство».

Некоторые мои сотрудники, уверяют, что моим отсутствием враги (думал ли я, что у меня когда-н⟨и⟩б⟨удь⟩ будут личные враги в революционной среде) воспользуются, чтобы так или иначе напасть.

Сейчас на нас напущено несколько ревизионных комиссий, некоторые из них странные, например, обрeвизуют, найдут, что все недурно, и получают приказ вновь обрeвизовать строже; в одном случае в течение двух недель работает *третья* комиссия, причем панические люди утверж-

дают, что последняя с предписанием найти «преступление». Чьим? Откуда? Не знаю, да и не верю в предписание, но сапа разного рода ведется и об этом говорит весь город.

Все это пустяки. Но я все же прошу Вас: если какая-либо из бесчисленных комиссий посчитает нужным «принять какие-либо меры» по отношению к кому бы то ни было в Наркомпросе — просить подождать до моего, не так далекого, возвращения. Просто я просил бы сказать товарищам Киселеву, Аванесову и зам. Дзержинского, что в случае какого-нибудь (мнимого, иного не может быть) *дела*, разбор одного отложить до меня: я за все охотно отвечу.

Пока дело идет, как поет Шаляпин, «суссурандо» * и «сибиляндо» **, но, быть может, пожелают устроить «кольпо ди канноне» ***. Ну, я хочу, чтобы это посмели сделать при мне, так как, чувствуя себя «без страха и упрека», уверен в расточении «врагов» от одного моего смеха.

И распря насчет театров, о которой я писал Вам, тоже прошу отложить до моего приезда, худа от того не будет. Об этом попросите Каменева.

Простите, что тревожу Вас, дорогой Ильич. Досадны эти мелочи. Вот, например, мне даже ничего не сказали о посвященной Вам книге. Неужели моя статья в ней была бы такой лишней?

Ваш А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30915. Датируется по содержанию. См. письма Луначарского в настоящ. томе на стр. 158—162, 185 и примеч. к ним.

К пятидесятилетию со дня рождения Ленина предполагалось выпустить сборник статей видных партийных литераторов, посвященный вождю партии и государства. По настоянию Ленина это издание не состоялось.

139

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Т е л е г р а м м а

16 мая 1920 г.
С. секретно

Из поезда Командарма 1 Конной 64 БСД 15 17, 27 Принята 16/V, 7, 10. Предсовнаркома т. Ленину, Предреввоенсовета Республики

Считаю делом первоклассной важности в военном и политическом отношении ускорить всемерно дело снабжения особенно обмундированием. Это сейчас необыкновенно важно.

Нарком Луначарский

С подлинным верно, скрепил Ворошилов, Хмельницкий

Расшифрована в секретариате Зампредреввоенсовета Республики 16 мая 1920 г. 11 ч. 20 м.

Сбоку написано: «По резолюции исполнено, 17/V».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 44286.

Контрнаступление советских войск на Украине было назначено на 26 мая 1920 г. Для укрепления тыла Юго-Западного фронта ЦК партии направил на Украину Дзержинского с большой группой сотрудников ВЧК. На Луначарского была возложена задача провести агитацию в войсках и прежде всего в 1-й Конной армии Буденного.

Отправляясь в 1-ю Конную, Луначарский писал жене А. А. Луначарской 9 мая 1920 г.: «... мы проследуем на юг к морю в Николаев, Херсон и Одессу, так что, представь себе, я не только увижу море, но даже, вероятно, в нем смогу покупаться. Оттуда мы возвращаемся на Елисаветград, где у нас будет очень важная задача правильно

* Шёпотом (итал.)

** Шипя (итал.)

*** Пушечный выстрел (итал.)

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ НА ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА
КАРЛУ МАРКСУ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

Москва, 1 мая 1920 г.

Фотограф не установлен

поставить агитацию в нашей центральной войсковой части — в Конном корпусе Буденного, и по окончании этой задачи мы вернемся в Москву».

В ответ на запрос Центрального партийного архива о том, каков был результат телеграфного обращения Луначарского к Ленину, С. М. Буденный прислал следующее письмо: «По получении телеграммы Луначарского В. И. Ленину и Реввоенсовету Республики и предпринятых по указанию В. И. Ленина мер условия снабжения 1-й Конной армии значительно улучшились. 1-я Конная армия получила 10 тыс. пар белья, два эшелона овса. Для 14-й Кавдивизии — 1400 пашек, 1400 винтовок. Маршал Советского Союза С. Буденный. 16.11.67 г.»

Работа Луначарского в войсках возобновилась в октябре 1920 г. на Южном фронте во время подготовки разгрома Врангеля. В «Истории Гражданской войны» читаем: «В. И. Ленин указывал на необходимость „во что бы то ни стало в кратчайший срок раздавить Врангеля, так как только от этого зависит наша возможность взяться за работу мирного строительства“» (т. 5. М., 1960, стр. 199). В соответствии с планом, одобренным ЦК РКП(б), развернулась подготовка операции Южного фронта по разгрому войск Врангеля. Она проходила при постоянном внимании ЦК и лично Ленина. На Южный фронт были направлены руководящие деятели Коммунистической партии. С агитпоездом «Октябрьская революция» туда выехал председатель ВЦИК М. И. Калинин. На Южный фронт были посланы также нарком юстиции Д. И. Кур-

ский, нарком просвещения Луначарский, нарком здравоохранения Н. А. Семашко и другие партийные и советские работники. «Посланцы партии и главком поддерживали постоянную связь с В. И. Лениным, информируя его о положении на фронте. <...> Многие сделали для улучшения политической работы в войсках уполномоченные ЦК партии. 12 октября агитпоезд „Октябрьская революция“ прибыл на станцию Лубны, а затем в Кременчуг. В районе станции Знаменка состоялся парад частей 1-й Конной армии. Перед войсками с речами выступили М. И. Калинин и А. В. Луначарский» (стр. 199). 15 октября на митингах в войсковых частях вновь выступили Калинин, Луначарский и Семашко.

140

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

<18 июня 1920 г.>

НАРКОМВНЕШТОРГ тов. ШЕЙНМАНУ
(ИЛИ ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЮ)
КОПИЯ ПРЕДСОВНАРКОМ тов. В. И. ЛЕНИНУ

На официальной бумаге Народного комиссариата по просвещению за № 1205 от 18 мая, подписанной моим заместителем т. М. Н. Покровским об командировании за границу т. Марьянова с просьбой в контору Нарбанка выдать на эту поездку 100 тысяч рублей особыми денежными знаками, Вами сделана надпись: «Настоящей необходимостью в командировке Марьянова не усматриваю».

Признавая за Вами полную компетентность в деле распределения валюты, я самым энергичным образом протестую против вмешательства Вашего в распоряжения Наркомпроса. О необходимости или не необходимости командировки с учеными или учебными целями могу судить только я и моя Коллегия, а также вышерасположенные органы Советской Республики, но никоим образом не Вы.

Если бы на бумаге было написано просто отказать по отсутствию или недостатку средств, я бы не возражал против этого ни мало, но не в первый раз уже проявляющееся посягательство Ваше заставляет меня обратиться к Вам с этим категорическим протестом, копию с которого я посылаю Председателю Совета Народных Комиссаров т. В. И. Ленину для сведения.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

С подлинным верно: Секретарь А. Флаксерман

Под письмом — рукой Ленина:

«Запросить документы и отзыв у т. Шейнмана.

18. VI. Ленин»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14397.

Луначарский выразил свое недовольство действиями Наркомвнешторга и ранее (см. письмо к Ленину 27 марта 1920 г. о командировке акад. Ф. И. Щербацкого — настоящ. том, стр. 168—169).

В архиве А. А. Луначарской сохранилась неполная копия письма Луначарского поэту Вячеславу Иванову, где излагаются результаты обращения Луначарского к Ленину (в это время Луначарский хлопотал о поездке за границу для Вяч. Иванова).

«Дорогой Вячеслав Иванович!

Я знаю, что мое письмо Вас немало огорчит. Я и сам очень огорчен тем обстоятельством, о котором должен буду Вам сообщить.

Дело в том, что вчера я настоятельно затребовал непосредственно у т. Ленина определить ту сумму в царских знаках или золоте, какую я могу располагать для посылки за границу научных и вообще культурных экспедиций Наркомпроса.

Вместе с тем я принес Владимиру Ильичу ряд жалоб на Внешторг, в частности на тов. Шейнмана, который ставит непреодолимые препятствия в этом деле:

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ ОБХОДЯТ СТРОЙ ПОЧЕТНОГО КАРАУЛА,
НАПРАВЛЯЯСЬ К МЕСТУ ЗАКЛАДКИ ПАМЯТНИКА «ОСВОБОЖДЕННЫЙ ТРУД»
НА ПРЕЧИСТЕНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Москва, 1 мая 1920 г.

Фотография А. И. Савельева

Владимир Ильич немедленно и при мне же вызвал т. Шейнмана для объяснений. Т. Шейнман дал нам подробный отчет о состоянии кассы Советского правительства в смысле наличности царских знаков и золота и о том колоссальном количестве заказов за границу, которые сделаны в самом спешном порядке и без выполнения которых страна буквально не может жить.

Я с горечью убедился, что действительно никаких остатков на какие бы то ни было экспедиции не имеется.

Т. Ленин сам попытался при мне найти какой-нибудь исход, но никакой исход найден не был. Возможна лишь посылка за границу лиц, имеющих свои собственные средства существования или возможность существовать заработком заграничным.

Мы со своей стороны можем давать только деньги думского образца. В последнее время разница в курсе между деньгами думского образца и деньгами советскими совершенно ничтожна, и фактически, как утверждал Шейнман, в сущности никакая сумма, хотя бы даже фантастическая, какую мы дать, конечно, не имеем права, не обеспечивает существование семейного человека за границей.

Похоже на то, что в думских знаках для существования одного человека необходимо отпускать не менее 80 тыс. руб. в месяц, что, конечно, ни для кого, за исключением лиц, посылаемых для дипломатических миссий, невозможно.

Это отрезывает абсолютно всякую возможность относительно тех лиц, за которых мы хлопотали, и ставит Вашу поездку под весьма тяжелые условия.

Увеличить ту сумму в думских знаках, которая была Вам ассигнована, я никоим образом не могу, так как и ее ассигновать было бесконечно трудно. По-видимому, эта сумма на самом деле...»

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

18/VI 19<20>

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА тов. В. И. ЛЕНИНУ

Член Реввоенсовета 14 армии, Ваш бывший секретарь т. Н. П. Горбунов, шлет Вам свой горячий привет и прилагаемый при сем великолепный географический атлас, по-видимому, оставшийся в Одессе от какого-то немецкого офицера.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман

Под письмом — рукой Ленина:

Г д е а т л а с ?

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14411.

Газета «Одесский коммунист» в № 230, 26 мая 1920 г. сообщала, что 25 мая в 7 часов вечера в Одессу приехал Луначарский в сопровождении члена Реввоенсовета Н. П. Горбунова и других лиц. В Одессе Горбунов вручил Луначарскому для передачи Ленину географический атлас.

В «Кратком отчете об общем политическом положении Николаевской и Одесской губерний» (см. настоящ. том, стр. 464) Луначарский писал: «Крепко жму Вашу руку, дорогой Владимир Ильич, дня через два выезжаю в Ольвиополь, в штаб 14-й армии. Может быть посету еще армейские части...»

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<21 июня 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Посылаю Вам очень интересное письмо великого физиолога Павлова. Что касается его обывательского настроения и политического младенчества, то оно, так сказать, само собой разумеется. Но для меня интересней вопрос об его отправке за границу.

Как Вы знаете, мы дважды предлагали ему уехать за границу (один раз Горький). Оба раза он ответил так: я хочу быть лояльным по отношению к Советской власти, между тем я за многое ее осуждаю. Если меня будут спрашивать за границей, я должен буду сказать правду, а поэтому предпочитаю не давать никаких обещаний о молчании.

При таких условиях я не решился возбудить в последних инстанциях (т. е. в органах ЧК) вопрос об его отсылке за границу. Теперь, как Вы увидите, он на этом настаивает. Будьте так добры, Владимир Ильич, ответьте мне на этот вопрос.

Вместе с тем я очень прошу Вас, Владимир Ильич, не оставить без ответа мое предыдущее письмо. Мне крайне важно знать, что Вы не будете протестовать против тех решений вопросов о Марии Федоровне и Левитине, которые приняты Наркомпросом. И Мария Федоровна и Левитин, так сказать, вхожи к Вам непосредственно и мне не хочется, чтобы решение, которое я приму, потом показалось Вам по освещению с их сторон (оно, кажется, уже имело место) неправильным.

Если Вы находите, что здесь нужно пойти на какие-либо уступки, напишите мне. Мы все в такой огромной мере считаемся с Вашим авторитетом, что пересмотрим наше решение. Но я продолжаю думать, что твердая линия по отношению к этим обоим нужным нам работникам, но очень переоценивающим себя людям, является единственно рациональной.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30918, л. 1.

25 июня Ленин направил письмо председателю Петроградского Исполкома, в котором подчеркивается настоятельная необходимость создать для работы академика И. П. Павлова благоприятные условия:

«Знаменитый физиолог Павлов просится за границу ввиду его тяжелого в материальном отношении положения. Отлучиться за границу Павлова вряд ли рационально <...> Между тем ученый этот представляет такую большую ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной необеспеченности.

Ввиду этого желательно было бы, в виде исключения, предоставить ему сверхнормальный паек и вообще озаботиться о более или менее комфортабельной для него обстановке не в пример прочим.

Я слышал, что в петроградских домах отдыха жизнь для проживающих там налажена очень благоприятно. Нечто подобное можно было бы сделать и для профессора Павлова на его квартире. Тов. Луначарский обратится с соответствующими предложениями к т. Бадаеву. Я прошу Вас поддержать его в этом отношении» (Ленин, т. 51, стр. 222).

Как свидетельствуют дальнейшие документы, Советским правительством при постоянном и непосредственном участии Ленина были приняты все меры для создания нормальных условий жизни и научной деятельности великого ученого на родине.

Одновременно с ходатайством, направленным Луначарскому, И. П. Павлов 15 июня 1920 г. послал письмо В. Д. Бонч-Бруевичу, с которым был знаком лично (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп 1, ед. хр. 311, л. 160). Бонч-Бруевич немедленно обратился к Ленину. Вот как вспоминает он об этом времени: «Революция шла вперед, неся и завоевание, и огромное разорение. Холод и голод надвинулись на нашу страну. Города пустыли, ибо все стремились уехать куда-либо поближе к земле, к продуктам питания. Перед горожанами стал вопрос, как жить, чем жить. Подвоз прекратился. Железнодорожный транспорт почти бездействовал, еле справляясь с перевозкой войск, орудий, снарядов и провианта для Красной Армии. Наступило время, когда все вещи расценивались на фунты муки, кружки молока, охапки дров. Шла борьба за само физическое существование. И если всем было тяжело, то совершенно не приспособленные к жизни представители науки, искусства, литературы переживали этот величайший кризис особенно тяжело и трудно. <...> Нужно было иметь железную волю и стальные нервы, чтобы не только пережить все это, но, главное, не растеряться и управлять страной, налаживая методы управления и самый управленческий аппарат. <...> Владимир Ильич в самом разгаре военных действий находил силы, возможность, хладнокровие и досуг устремлять свое острое внимание делу помощи специалистам и ученым. Когда голодные 1918—1919 гг. выявили крайне тяжелое положение ученых, решительно не приспособленных к такой тяжелой борьбе за существование, Владимир Ильич сразу дал парол, что необходимо всеми мерами помочь ученому миру, по возможности обеспечить его. Но организовывать эту помощь было не так-то легко. Мы начали с Москвы, переводя многих ученых и литераторов на так называемый „совнаркомовский паек“, причем произошло недоразумение в самом названии. Многие думали, что этому пайку потому дали такое наименование, что его получали только в Совнаркоме и что его применили теперь к ученым и литераторам. На самом же деле такое название было дано потому, что паек, предложенный Наркомпродом для ученых, был утвержден Совнаркомом.

Мы не успели еще распространить эту меру на другие города, как неожиданно я получил в адрес Управления делами Совнаркома заявление от известного нашего ученого И. П. Павлова, в котором он просил, чтобы правительство разрешило ему выехать за границу для продолжения своих научных работ. Мне стало очень грустно. „Неужели,— подумал я,— мы подошли к такому времени, когда нас начнут покидать и такие люди, как Павлов“, свобододлюбивый образ мыслей которого, помимо его гениальной учености, мне был известен не только по слухам, но и из беседований, при которых мне приходилось присутствовать, встречаясь с И. П. Павловым в Петрограде у известного психиатра, моего хорошего знакомого А. В. Тимофеева.

Я пошел к Владимиру Ильичу и показал ему это заявление, высказав свое мнение, что надо что-то делать и делать немедленно, решительно.

Владимир Ильич жестоко попенял нашему Петроградскому Исполкому и лицам, стоявшим во главе его, что сами они не догадываются, что нужно сделать по отношению к ученому миру, и вдруг воскликнул:

„Ведь надо оповестить всех наших ученых, что мы хотим и обязательно сделаем, чтобы все ученые имели решительно все — от личной обеспеченности до самых лучших лабораторий, библиотек и научных кабинетов. Мы добьемся, что у нас расцветет наука так, как нигде в мире, совершенно освободившись от зависимости от капиталистов и их желаний... Наука у нас действительно будет свободной... Сейчас приходится терпеть: война, кругом война... Напишите Павлову в таком духе, — я сам написал бы, но вы видите, что у меня... — и он показал на свой стол, весь заваленный расшифрованными телеграммами, письмами, докладами... — Только напишите острожно, вежливо...“

Я сказал Владимиру Ильичу, что я лично знаком, хотя и мало, с профессором Павловым, и так глубоко его уважаю, что, кроме самого лучшего, ничего другого и написать ему не могу.

„Это хорошо, очень хорошо...“ — обронил мне в ответ Владимир Ильич. И сейчас же расспросил меня подробности о Павлове, начиная с его наружности. Я рассказал все, что только знал.

„Помимо письма, сейчас же по прямому проводу вызовите Зиновьева и передайте ему мою просьбу, под личную его ответственность, совершенно немедленно обеспечить Павлова, его лично, его помощников, его лаборатории, его животных, всем, что он только найдет нужным <...> Ведь он в преклонном возрасте — это вы отметьте особенно — наши, может быть, этого и не знают...“

Владимир Ильич все это говорил с таким глубоким огнем в глазах, что чувствовалось, что он хотел всей душой прийти сейчас, немедленно всему ученому миру на самую братскую помощь и всем дать все, всех обеспечить для их творческой работы. Я был счастлив видеть Владимира Ильича таким и сейчас же бросился выполнять его распоряжения. <...> В тот же день я отправил письмо с курьером И. П. Павлову, в котором кратко изложил мысли Владимира Ильича и просил его не уезжать из России, сообщая, что уже отдано распоряжение немедленно обеспечить его работы всем, чем он только пожелает.

С этого для Владимир Ильич по несколько раз справлялся у меня, что сделано для Павлова. Велел зорко следить за выполнением его распоряжений в Петрограде.

„У них там очень тяжело, положение трудное, — говорил он, — могут забить, отложить, а это дело неотложное и очень важное“.

Я информировал его постоянно» (В. Д. Б о н ч - Б р у е в и ч. Воспоминания о Ленине. М., «Наука», 1969, стр. 426—429).

В ответном письме Павлову Бонч-Бруевич в частности писал:

«Я очень прошу Вас совершенно немедленно сообщить мне все то, в чем Вы нуждаетесь, чтобы Вашу работу довести до желаемого конца. Я убедительно прошу Вас сообщить мне, что нужно для того, чтобы чувствовать себя совершенно спокойно в Вашей нынешней деятельности, прежде чем испытывать судьбу, путешествуя за границу, где так же неспокойно и где так же неблагоприятно в смысле питания и в пр<очих> отношениях. Нельзя ли прежде всего подумать о том, чтобы здесь, у нас на родине, Вам обеспечить все возможности Вашей работы. Получив от Вас ответ, я тотчас же сделаю доклад Председателю СНК тов. Ленину. Не сомневаюсь ни одной минуты, что Советская власть сделает все возможное, чтобы обеспечить Вас решительно всем, что Вы только пожелаете, дабы Вы не чувствовали в Вашей жизни решительно никаких недостатков. Примите мое глубокое почтение и уважение к Вам.

Управляющий делами Совнаркома <Влад. Б о н ч - Б р у е в и ч>» (Машинописная копия, ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 311, л. 161).

28 июня 1920 г. тексты письма Павлова и своего ответа ему Бонч-Бруевич направил Луначарскому:

«Посылаю при сем копию письма известнейшего русского ученого физиолога И. Павлова и копию моего ответа ему. Я предлагаю, что нужно немедленно, не дожидаясь ответа от этого всемирно известнейшего русского ученого, сделавшего колоссальные открытия в области физиологии, открытия, послужившие началом новой эры в изучении жизни человека и животных, сейчас же по нашей инициативе привести в движение решительно весь тот аппарат, которым мы располагаем, чтобы тотчас же снабдить и обеспечить И. Павлова решительно всем, как в его личной жизни, так и в условиях его работы в лаборатории, в которой он неустанно работает, несмотря на то, что вступил уже в восьмой десяток лет. Будет ужасно обидно, если мы, несмотря на все тяжкие условия гражданской войны, все-таки не сможем обеспечить такого выдающегося человека, действительно составляющего гордость и славу ученой России, — обеспечить всем, чтобы он ни в чем не нуждался, продолжая на склоне своих лет изумительные исследования.

Управляющий делами Совнаркома Влад. Б о н ч - Б р у е в и ч» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 311, л. 159—159 об.).

Ответ Павлова Бонч-Бруевичу датирован 2 июля 1920 г. (Машинописная копия ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 244—244 об.).

Выражая большую благодарность за сочувственное письмо, Павлов подробно описывая тяжелое материальное положение, в котором находятся многие его коллеги — ученые Петрограда, и со всей присущей ему искренностью говорил о том, какие чрезвычайные трудности испытывают они в своей ежедневной работе.

«На мое письмо к И. П. Павлову, — вспоминал Бонч-Бруевич, — <...> я получил от него ответ, полный негодования, глубокой грусти и великого достоинства.

Я прочел и перечел это письмо. Глубоко понимая и переживая все то, что писал наш знаменитый ученый, я сейчас же пошел к Владимиру Ильичу и молча подал ему письмо Ивана Петровича. Владимир Ильич быстро стал читать его.

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ С ГРУППОЙ ТОВАРИЩЕЙ НАПРАВЛЯЮТСЯ
ПОСЛЕ ЗАКЛАДКИ ПАМЯТНИКА «ОСВОБОЖДЕННЫЙ ТРУД»
НА ВЫСТАВКУ ПРОЕКТОВ ЭТОГО ПАМЯТНИКА

Москва, 1 мая 1920 г.

Фотография А. И. Савельева

«Да, он прав, совершенно прав! — воскликнул Владимир Ильич. — Он написал изумительно честно, и мы должны особо ценить таких людей. Сейчас же напишите ему, что правительство примет все меры к улучшению положения ученых. Еще раз просите его не уезжать из России. Сейчас же обдумайте, что нужно делать нам практически... Сегодня же вечером подробно обсудим это».

Я знал, что значат слова Владимира Ильича: „подробно обсудим это“. Это значит — никакой болтовни, одно дело, ясное, практическое, исчерпывающее, заверщенное в своем построении, которое должно охватить весь вопрос в целом. Я сейчас же написал И. П. Павлову, прося его повременить с отъездом, сообщая, что правительство принимает серьезные меры помощи ученым<...>.

И. П. Павлов более не возобновлял просьб о выезде за границу. Его работы хорошо подвигались вперед. Владимир Ильич долгое время справлялся при докладах и о Павлове и принимал самое горячее участие в удовлетворении всех накапливающихся нужд в деле помощи ученым и литераторам».

Текст упомянутого письма Павлова 2 июля 1920 г. Бонч-Бруевич послал в несколько наркоматов (Наркомвоен, Наркомпрос, Наркомвуддел, Наркомсобес, Наркомтруд, Наркомюст, Наркомфин) со следующим обращением:

«Посылаю при сем письмо известного на весь мир академика Павлова, ответ на мое письмо, где я предлагаю ему употребить все меры, дабы предоставить возможность докончить его научные работы. Может быть, будет признано желательным принять какие-либо экстренные меры к улучшению положения быта ученых<...>» (ЦГА ОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 294, л. 243—243 об.).

Письмо Бонч-Бруевича датировано 29 октября. Видимо, в той же связи Луначарский писал Горькому 12 ноября:

«Посылаю Вам документы, касающиеся академика Павлова, и прошу Вас немедленно ответить мне, если возможно, то по телефону, относительно мер, которые можно принять для некоторого улучшения положения, указанного в письме<...>» (Машинописная копия, ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 311).

9 ноября 1920 г. шведский Красный Крест обратился с письмом к Ленину, в котором выражалась просьба разрешить И. П. Павлову «выехать в Швецию, где ему была бы предоставлена возможность в благоприятной и спокойной обстановке проводить свои великие исследования». В письме подчеркивалось, что «эта идея возникла в научных кругах Института Нобелевских премий и была подхвачена шведским Красным Крестом; профессору Павлову ничего о ней неизвестно» («Документы внешней политики СССР», т. III. М., 1959, стр. 682).

2 января 1921 г. Ленин пишет Горбунову записку с поручением составить ответ (Л е н и н, т. 52, стр. 43). В тот же день Горбунов записывает в тетради поручений: «Составить проект ответа т. Ленину (по соглашению с т. Покровским и т. Семашко) на письмо шведского Красного Креста, в котором он просит разрешить академику И. П. Павлову выехать в Швецию для научной там работы. Поручение дано 2 января» (см. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 27).

6 января Ленин, получив через Горбунова проект ответа, дает ряд поручений и советов в этой связи (Л е н и н, т. 52, стр. 45).

24 января Ленин принимает в Кремле Горького и беседует с ним об улучшении условий жизни и работы И. П. Павлова (см. Л е н и н, т. 42, стр. 573). В тот же день Ленин подписал протокол Малого Совнаркома (прот. 622, п. 1) по докладу Горбунова об обеспечении акад. Павлова (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16923, лл. 1, 10). Тем же числом — 24 января — датировано подписанное Лениным постановление Совнаркома «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников», в котором отмечаются заслуги Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира.

«Совет Народных Комиссаров постановил: „1. Образовать на основании представления Центросовета специальную комиссию с широкими полномочиями в следующем составе: т. М. Горького, заведующего высшими учебными заведениями Петрограда т. Кристи и члена Коллегии Отдела управления Петросовета т. Каплуна, которой поручить в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников.

2. Поручить Государственному издательству в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет, причем оставить за академиком И. П. Павловым право собственности на это сочинение как в России, так и за границей.

3. Поручить Комиссии по рабочему снабжению предоставить академику Павлову и его жене специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам.

4. Поручить Петросовету обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. У л ь я н о в (Л е н и н)

Управляющий делами Н. Горбунов.

За секретаря Г л я с е р. (Л е н и н, т. 42, стр. 262—263).

31 января 1921 г. Горбунов записывает поручение Ленина — проверить исполнение постановления СНК об академике Павлове от 24 января 1921 г.

В ответном письме шведскому Красному Кресту 2 февраля 1921 г. Ленин, благодаря за предложенную помощь, отклонил его просьбу относительно переезда Павлова для научной работы в Швецию (Л е н и н, т. 52, стр. 302—303).

8 сентября Горбунов записывает:

«Ходатайство Максима Горького и профессора Словцова о предоставлении Институту экспериментальной медицины 1242 050 руб. для производства необходимых ремонтных работ и приобретения материалов для лабораторий академика И. П. Павлова.

Поручено проследить за делом и довести его до конца. 8. IX.

Поручение принял Попадиопулло — секретарь А. С. Киселева. Исполнено 14 октября (см. постановление МСНК от 14. X) («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 39).

Впоследствии И. П. Павлов высоко оценил великую историческую роль Советского государства в развитии науки. Он говорил: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему отечеству, нашей русской науке» (И. П. Павлов. Полн. собр. соч., изд. 2, т. 1, 1951, стр. 12). На приеме Правительством делегации XV Международного конгресса физиологов в Москве Павлов заявил: «... Мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство» (там же, стр. 22).

Упоминание Луначарского о М. Ф. Андреевой касается ее конфликта с ближайшими его помощниками (Менжинской и Штеренбергом), а также Экскузовичем (Театральный подотдел). Наркомпрос был намерен отклонить предложение М. Ф. Андреевой назначить ее заведующей Художественным подотделом.

В это же время Коллегия Наркомпроса рассматривала работу Института инструкторов физического труда, которым заведовал Левитин. Неудовлетворительное положение в Институте привело к его реорганизации (см. резолюцию, подготовленную Крупской и единогласно принятую Коллегией Наркомпроса.— ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32484, л. 2).

143

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И ОТВЕТЫ ЛЕНИНА

⟨22 июня 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Во-первых, я все еще жду от Вас инструкций по вопросам о М. Ф. Андреевой и Левитине. Если Вы никакого распоряжения мне по этим делам ни сегодня, ни завтра запиской или телефонограммой не сделаете, то я сочту это за согласие Ваше на то решение этих вопросов, которое я предлагаю. Вместе с тем прошу Вашего распоряжения относительно следующего дела большой важности. По договору с Эстляндией мы должны вернуть эстам несметное имущество Юрьевского университета (55 вагонов всякого добра, в том числе 400 000 томов книг, среди которых эстонских книг нет и 500, громадные коллекции рукописей русских писателей и т. д. и т. д.). Непосредственные коммунисты—хранители этого имущества, два раза спасшие его — один раз от немцев и другой раз от Колчака, протестуют всеми силами, и Наркомпрос желал бы поддержать этот протест против огульной передачи этого имущества эстам. Мы предлагаем последовать систематической передаче по описи с правом изымать (может быть, за какую-нибудь компенсацию) предметы, особенно для нас ценные, в первую очередь связанные с русской культурой. Между тем Нарком Инодел в лице Сабанина (кажется, дипломата старой школы) настаивает на немедленной и, так сказать, слепой передаче всего имущества. Будьте любезны сообщить мне как можно скорее Вашу точку зрения, т. е. уполномочиваете ли Вы меня пустить в ход все приличные меры для того, чтобы отвоевать то, что можно, или нет?

Народный комиссар просвещения А. Луначарский

22-го июня 1920 г.

На полях ответы Ленина и обмен записками между Лениным и Луначарским. Сбоку, около слов Луначарского об инструкциях «по вопросам о М. Ф. Андреевой» Ленин пишет:'

«Что именно? Я Вам раз советовал *двинуть* формально, но Вы прозевали и Вас обогнали?!»

По вопросу о возвращении книг и рукописей Юрьевскому университету Ленин отвечает:

«Прятать и утаивать нельзя. *Есть решение П. бюро об этом.* У Вас беспорядок, что Нарком не знает решений Политбюро».

Сверху, над текстом, Луначарский написал:

«Беспорядок-то, дорогой Владимир Ильич, не у меня, а у Вас, ибо решение Политбюро ни мне, ни кому другому в НКП сообщено не было. А. Луначарский».

Ответ Ленина:

«Договорено мной с М. Н. Покр(овск)им. У Вас *беспорядок*: НКом не знает того, что делает замнарком!»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24449.

144

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

23 июня 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Вы обещали мне пропозировать несколько раз художнику — скульптору Гюрджану. Художник этот — армянский подданный, в скором времени выезжает на Запад с разрешения всех подлежащих властей.

Там он мог бы сделать бюст, который он здесь с Вас слепит, в более прочном материале.

Скульптор этот очень хороший, и бюст, вероятно, будет удачный. Я очень просил бы Вас не отказать назначить сравнительно короткие сеансы в самом ближайшем будущем для этой работы.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

«Лит. газета», 1962, № 48, 21 апреля.

Акоп Макарович *Гюрджан* (1881—1948) — армянский скульптор. Постоянно жил и работал в Париже. Перед смертью завещал весь свой архив и более 500 скульптурных работ, среди которых бюсты Л. Н. Толстого и Горького, армянскому народу. Среди документов Гюрджана, ныне хранящихся в Государственной картинной галерее Армении в г. Ереване, найдены сведения о посещении Лениным в 1911 г. парижской мастерской Гюрджана во время сеансов, которые давал скульптору Горький. Не подлежит сомнению и знакомство с Гюрджаном Луначарского в период парижской эмиграции.

В 1918—1920 гг. Гюрджан жил и работал в Москве, принимая участие в разных художественных конкурсах. Сохранились кинокадры, где он показан в группе с Лениным 1 мая 1920 г. на закладке памятника «Освобожденному труду».

Луначарский активно помогал Гюрджану вернуться в Париж, в свою мастерскую. Сохранилось несколько его писем и записок в различные учреждения с просьбой помочь в обмене советских денег на царские, достать транспорт для перевозки скульптурных работ на вокзал и т. д. Сохранилась и копия удостоверения, выданного Гюрджану 13 августа 1921 г.: «Настоящим удостоверяю, что скульптор Гюрджан, отправляющийся с разрешения всех подлежащих властей за границу, везет с собой скульптурный материал и выполненные им бюсты, которые никакой задержке на границе не подлежат. Нарком по просвещению А. Луначарский» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 105).

145

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

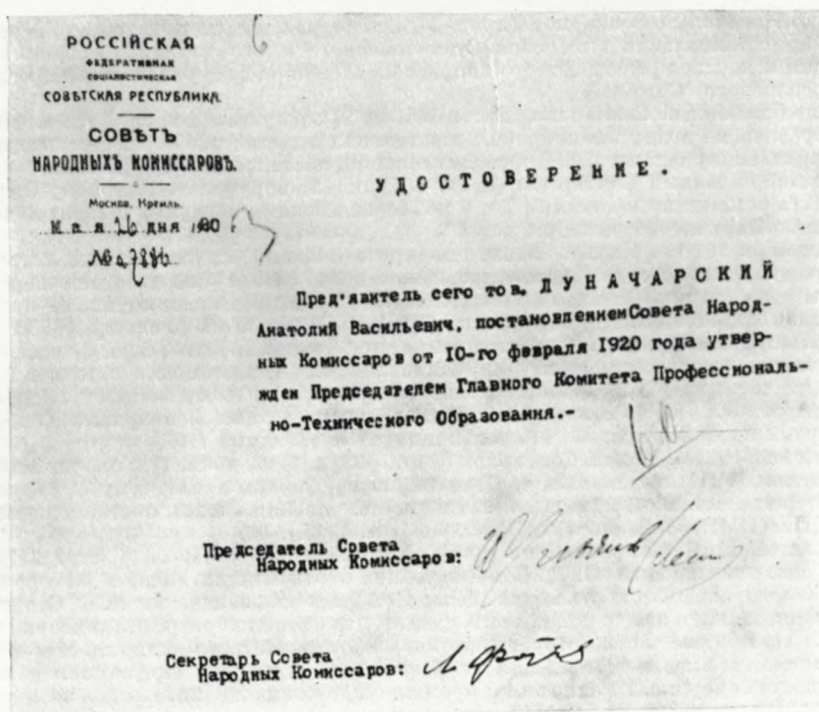
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. В. И. ЛЕНИНУ

2 июля 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Руководитель Художественного театра Станиславский — один из самых редких людей как в моральном отношении, так и в качестве несравненного художника.

Мне очень хочется всячески облегчить его положение. Я, конечно, добьюсь для него академического пайка (сейчас он продает свои последние брюки на Сухаревой), но меня гораздо больше огорчает то, что В. Д. Бонч-Бруевич выселяет его из дома, в котором он жил в течение очень долгого времени и с которым сроднился. Мне рассказывают, что Станиславский буквально плакал перед этой перспективой.

УДОСТОВЕРЕНИЕ О НАЗНАЧЕНИИ ЛУНАЧАРСКОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
ГЛАВНОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ, ПОДПИСАННОЕ ЛЕНИНЫМ
26 мая 1920 г.

В свое время я обратился к Бонч-Бруевичу с просьбой отказаться от реквизиции квартиры Станиславского, но Владимир Дмитриевич, обычно столь мягкий, заявил мне, что он не может отказаться ввиду нужды автобазы.

Я все-таки думаю, что никакие нужды автобазы не могут оправдать этой культурно крайне непопулярной меры, которая заставляет и мое сердце поворачиваться, и вызовет очень большое недовольство против нас самой лучшей части интеллигенции, являясь даже в некоторой степени каким-то европейским скандалом.

Мы в последнее время таких мер не принимали никогда.

Прилагаю при сем записку Станиславского, поданную им в Музейно-театральную комиссию при ТЕО. Конечно, я соответственное распоряжение дам, но у меня рука не поднимается на него до тех пор, пока я не сделаю все от меня зависящее, чтобы выселение было приостановлено, но так как категорически воспретить В. Д. Бонч-Бруевичу его действия я не могу, то поэтому я решил обратиться к Вашему авторитету.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

«Новый мир», 1965 г., № 4, стр. 247.

19 мая 1920 г. Малый Совнарком (прот. 477, п. 7) слушал вопрос о переселении жильцов по Каретному ряду и постановил выселение приостановить, слушание дел назначить на 25 мая с вызовом Бонч-Бруевича и представителей заинтересованных учреждений.

25 мая Малый Совнарком (прот. 480, п. 7) вновь занимался этим вопросом и постановил выселение утвердить. Учитывая роль и значение Станиславского в искусстве, было постановлено предоставить ему помещение таких же размеров и такого же качества, годное также для студии. Ленин постановление подписал.

23 ноября Малый Совнарком (прот. 592, п. 6) рассмотрел ходатайство Луначарского о приостановлении выселения Станиславского и его студии из занимаемого помещения и перенес решение этого вопроса на 26 ноября ввиду отсутствия представителя Московского Совета.

26 ноября Малый Совнарком (прот. 594, п. 9) заслушал доклад Луначарского и Бонч-Бруевича по этому же вопросу и постановил ходатайство Луначарского отклонить, Управлению делами СНК провести в жизнь постановление от 25 мая.

15 декабря Малый Совнарком (прот. 604, п. 15) поручил т. Антонову-Овсенко обследовать помещения в домах 6, 7 и 9 по Леонтьевскому переулку и сделать доклад в Малом Совнаркоме 16 декабря.

16 декабря 1920 г. Малый Совнарком (прот. 605, п. 1) слушал доклад Антонова-Овсенко и предписал освободить помещение дома № 6 в Леонтьевском переулке, перевести туда студию Станиславского, а МЧК осуществить наблюдение за исполнением. Ленин подписал это постановление (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16536, л. 1).

18 декабря Совнарком под председательством Ленина (прот. 406, п. 3) рассмотрел протест по поводу выселения студии Станиславского и постановил оставить в силе прежнее решение. Малый Совнарком вновь вернулся к этому вопросу 23 декабря 1920 г. (прот. 608, п. 17), заслушал Управляющего делами Совнаркома Горбунова и предложил ему снестись с МЧК для принятия энергичных мер.

10 января 1921 г. Малый Совнарком (прот. 615, п. 1) по докладу Горбунова ввиду неисполнения МЧК постановления Совнаркома предложил президиуму МЧК в пятидневный срок принять меры к выполнению постановления. Ленин постановление подписал (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16823, л. 1 об.).

Комментарий И. Смирнова в журнале «Новый мир» (1965, № 4, стр. 247), где сказано: «...предложение В. Д. Бонч-Бруевича о реквизиции дома, в котором жил К. С. Станиславский, было отклонено. Квартира была закреплена за К. С. Станиславским, проживавшим в ней до конца своих дней. Ныне в этой квартире организован мемориальный музей», не соответствует действительности. Как это видно из документов, Станиславскому вместо помещения в Каретном ряду был предоставлен дом в Леонтьевском переулке. Именно там и прожил он до конца жизни. Ныне в этом доме — мемориальный музей.

146

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<7 июля 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Посылаю Вам первое письмо Короленко. По-видимому, за ним последуют более интересные.

В объяснение факта, о котором пишет В<ладимир> Г<алактионович>, сообщаю Вам следующее: В. Г. приехал в театр, когда я должен был выступить там с речью, и стал хлопотать в присутствии детей Аронова и Миркина за их судьбу. Я немедленно позвонил председателю ЧК т. Иванову и просил его принять к сведению факты, передаваемые Короленко.

Самым существенным была бумага от местного заведующего губ-продкомом, в которой этот заведующий (запомню фамилию) констатировал, что преступления за Ароновым и Миркиным нет.

На эту бумажку председатель ЧК т. Иванов только пожал плечами и сказал: «разберемся».

Когда В. Г. отошел от меня, Иванов заявил мне, что люди эти уже расстреляны. Факт произвел на меня, конечно, тяжелое впечатление, и я передал его так, как передаю Вам, т. Дзержинскому. Он очень взволновался и заявил, что это дело не может пройти так: либо, сказал он, Иванов действительно расстрелял людей зря, и в таком случае он должен быть сам отдан под суд, либо он расстрелял их за дело, и в таком случае бумажка продкома, попавшая в руки Короленко, является в свою очередь преступной бумажкой. Он затребовал при мне все это дело телефонограммой к себе и обещал рассмотреть его лично.

Думаете ли Вы, что я должен сообщить об этом Короленко?

Жму Вашу руку.

А. Луначарский

Сверху надпись Л. А. Фотиевой:

«Запросить Луначарского об ответе Дзержинского».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 3621, л. 7—7 об.

В начале мая 1920 г. Луначарский выехал в Харьков, откуда направился на Южный фронт: в штаб 14-й армии, в Первую конную армию Буденного, в Николаев, Херсон и Одессу.

В письме к А. А. Луначарской 9 мая 1920 г. из Харькова он писал:

«Меня направляют сейчас в Полтаву, где я имею поручение, помимо антипольской агитации, в которой крайне нуждаются, так как Украина смущена, раскрыта и полна всякими так называемыми бандами, т. е. не понявшими своих идей анархистами и патриотами, но также и переговорить самым серьезным образом с В. Г. Короленко».

В статье «Владимир Галактионович Короленко» Луначарский впоследствии писал: «Считаю нужным выяснить здесь некоторые обстоятельства касательно писем В. Г. Короленко ко мне, писем, которые, благодаря чьей-то некорректности, оказались изданными за границей. Во время пребывания моего в Полтаве в 1920 году я несколько раз виделся с Владимиром Галактионовичем. В результате нашей беседы им предложена была такая комбинация: он-де пришлет мне несколько писем, в которых откровенно изложит свою точку зрения на происходящие в России события. Я, с своей стороны, по получении писем, посоветуюсь с ЦК партии, удобно ли их печатать, причем за мною оставалось право ответить на них теми аргументами, которые я найду подходящими. Таким образом, письма должны были быть изданы как письма Короленко ко мне с моими ответами. К сожалению, какие-то особенности почты или передачи писем мне вообще повели к тому, что я получил лишь первое, второе и четвертое письмо, остальные до меня не дошли. Я два раза просил Короленко дослать мне не дошедшие до меня письма, но никакого ответа на это от него не получил. Затем последовала смерть писателя. Я вновь обратился к семье Короленко, прося дослать мне недополученные письма. Вновь никакого ответа, а затем — появление этих писем за границей без всякого моего ответа на них. (Письма Короленко вышли в Париже, в издательстве «Задруга», в 1922 г.— *Ред.*).

Таковы обстоятельства, о которых ходит много неправильных слухов. Отношения между мною и Владимиром Галактионовичем в течение всего моего пребывания в Полтаве были самыми сердечными» (Луначарский, т. 1, стр. 378—379).

Г. Я. Аронов и С. М. Миркин, о которых хлопотал Короленко, были арестованы в мае 1920 г. и приговорены к высшей мере наказания по обвинению в «систематической спекуляции мукой и талонами на домол» (Аронов — бывший купец первой гильдии, владелец мельницы в Полтаве. Миркин — домовладелец, перекупщик зерна).

В связи с запросом Ленина Дзержинский 16 июня 1920 г. послал телеграмму в Полтавскую губчека.

Дело Аронова и Миркина было направлено на заключение в Центральное управление Чрезвычайной комиссии Украины, которое не нашло оснований для отмены решения Полтавской губчека и постановило считать приговор правильным.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

10 июля 1920 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ В. И. ЛЕНИНУ

Декретом от 22-го апреля с. г. к производству демографическо-профессиональной и сельскохозяйственной переписи в Республике привлекаются школьные работники и работники дошкольного воспитания и внешкольного образования.

Народный комиссариат по просвещению вступил уже по данному вопросу в соглашение с Центральным статистическим управлением.

Но вместе с тем, и тот и другой считают необходимым снабжение привлекаемых к переписи работников просвещения предметами питания, а также обувью и пр.

По сообщению представителя ЦСУ тов. Казимирова в отношении питания с Наркомпродом удалось договориться, что же касается остального, то здесь соглашение еще не достигнуто, и посему Коллегия Наркомпроса и я просим Вас об энергичной поддержке в данном деле,

главным же образом — в деле снабжения учителей обувью, без какой работа по переписи — в особенности в деревне — будет крайне затруднительна.

Народный комиссар по просвещению <А. Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 322, л. 183.

Письмо было написано по решению Коллегии Наркомпроса 8 июля 1920 г., где под председательством Луначарского рассматривался вопрос о мобилизации 45 тысяч учителей для переписи, проводившейся в РСФСР летом 1920 г. Коллегия тогда постановила: «Обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину с просьбой об энергичной его поддержке в данном деле, главным же образом, — в деле снабжения учителей обувью» (там же, л. 181).

143

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

13 июля 1920 г.

ПРЕДСОВНАРКОМ тов. В. И. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

Тов. Вера Фигнер, которая фактически работает сейчас у нас в Музее Революции, основанном по инициативе Петроградского Совета, как оказывается (я узнал об этом только сегодня), лишена какого бы то ни было пайка.

С пайками для писателей и художников вообще вышла порядочная чепуха. Воспользовавшись моим отъездом, нам дали их раз в 10 меньше, чем обещали. При таких условиях за бортом оказалось, по самому малому счету, говоря о Москве, человек 200, безусловно заслуживающих пайка в такой же мере, как те 175, которых я имел возможность удовлетворить.

Об этом я специально веду теперь переговоры с т. Халатовым. Но Фигнер следует удовлетворить тотчас же, так как я знаю, что подобные переговоры тянутся неделями. Поэтому я прошу Вас одновременно с письмом, которое я сейчас посылаю т. Халатову, послать и Вашу записочку или просто сделать на нем приписку относительно немедленного удовлетворения моей просьбы для Фигнер.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30922, л. 1. Машинопись, подпись — автограф.

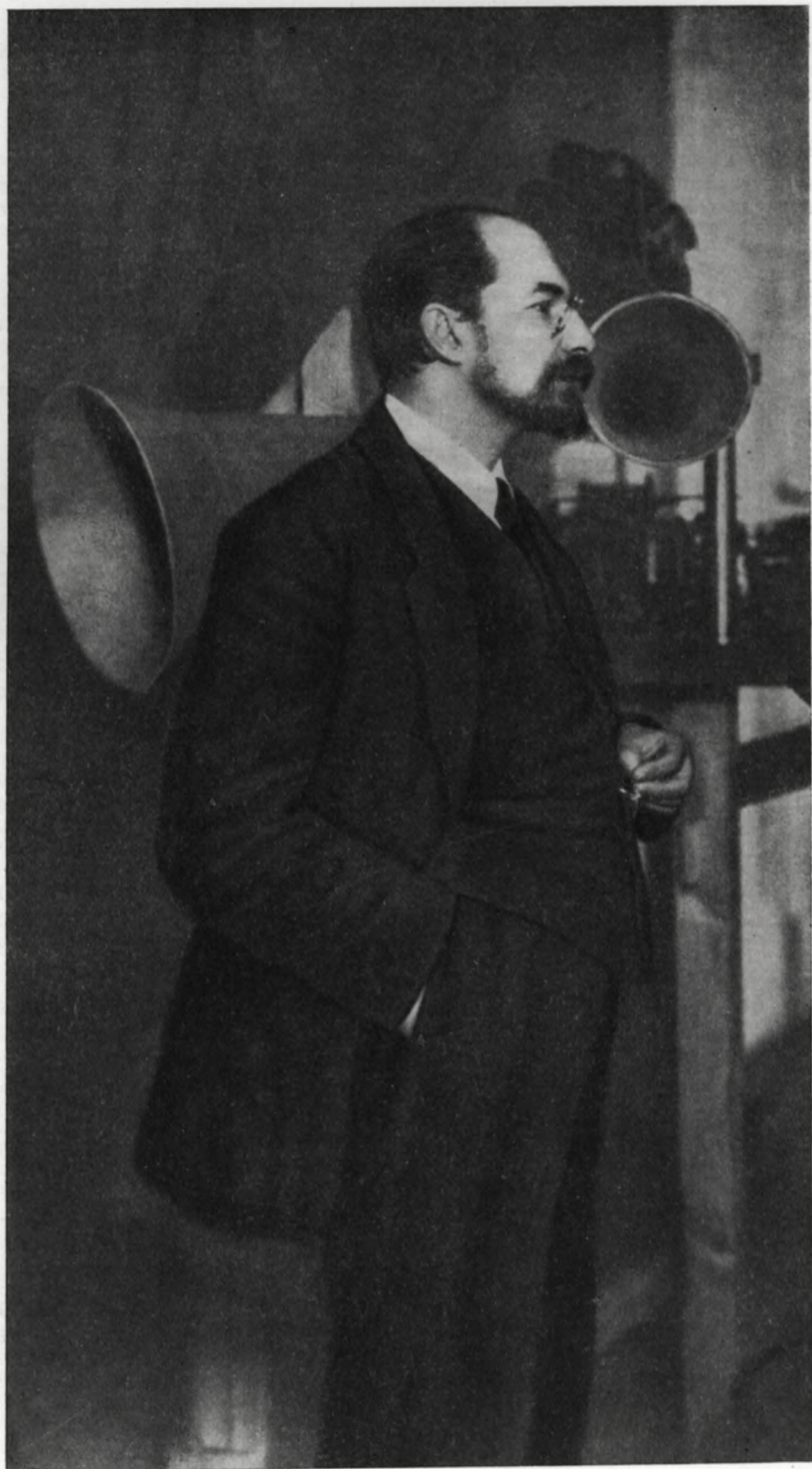
К письму Луначарского Ленину приложен текст упомянутого обращения к Халатову:

«13/VII—1920 г.

В Комиссию по распределению рабочего пайка
т. Халатову

В ближайшие дни я собираюсь заехать к Вам для переговоров о некотором хотя бы расширении количества пайков, предназначенных Вами для литераторов и художников, так как их крайне недостаточно и распределение их в столь ничтожном количестве неизбежно приведет к целому ряду вопиющих несправедливостей.

В настоящее время, не предвещая результатов этого моего разговора с Вами, я прошу Вас дать мне хоть бы очень небольшое дополнительное количество пайков для удовлетворения нескольких лиц, пропущенных в списках по разным причинам и вне всякого сомнения заслуживающих поддержки. Отсутствие пайка для них равносильно, так сказать, скандалу в Советской Республике. При этом я разумею в первую очередь тов. Веру Фигнер. Если бы Вы сейчас не могли до разговора со мной предоставить в

ЛУНАЧАРСКИЙ ПЕРЕД РУНОРОМ ЗВУКОЗАПИСЫВАЮЩЕГО АППАРАТА
В ПОМЕЩЕНИИ «ЦЕНТРОПЕЧАТИ»

Москва, 1920 г.

Фотография

мое личное распоряжение, т. е. для распределения по списку, 10 дополнительных академических пайков, то прошу Вас во всяком случае назначить такой дополнительный паек для т. Веры Фигнер.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30922, л. 2).

Открытие Музея Великой Октябрьской социалистической революции, созданного по постановлению Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов, в валах Дворца Искусств состоялось 11 января 1920 г. На нем с речью, посвященной памяти декабристов, выступил Луначарский.

В апреле Комиссия по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия рассматривала ходатайство Луначарского об увеличении числа академических пайков «для предоставления, кроме ученых, также писателям, художникам и другим художественным профессиям» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, ед. хр. 377, л. 36). Решение вопроса тогда было отложено.

149

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

21 июля 1920 г.

Народный комиссариат по просвещению просит в срочном порядке отменить постановление Президиума МСР и Крестьянских депутатов о выселении школы-студии кукольного театра при Камерном театре по М. Ржевскому пер., д. № 6, так как постановление это противоречит и нарушает декрет 2/1—18 года и приведение в исполнение этого постановления убило бы новое зарождающееся направление в сценическом искусстве.

Наркомпрос считает необходимым сообщить следующее: студия организовалась в феврале прошлого года и за время своего пребывания в доме № 6 положила немало трудов и энергии для того, чтобы приспособить и оборудовать это здание для своих надобностей. Немало трудов и усилий стоило студии до сих пор отстоять это здание за собой.

В данный момент группа артистов школы-студии занята подготовкой агитационной пьесы для Западного фронта, и караул, выставленный в здании театра, нарушил планомерную работу, оттягивая таким образом постановку спектакля.

Ввиду того, что учреждение это по характеру своему является школьным, на приспособление и оборудование которого затрачено много трудов, а также ввиду близости помещения школы-студии от театра Народный комиссариат по просвещению находит невозможным выселение.

При сем прилагаются: докладная записка о задачах школы-студии кукольного театра и история борьбы за сохранение и удержание здания за школой.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Управляющий делами Комиссариата <подпись>

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 69, лл. 48—48 об., 49—51. К письму Луначарского приложены докладные записки с описанием помещения, в котором находится «Мастерская кукольного театра», а также история ее организации и ее творческих задач. Приводим текст второй «записки».

«1. Задачи Камерного театра

Московский Камерный театр в своих работах над усовершенствованием сценических форм и доведением их до возможного мастерства как в смысле актерского творчества, так и в смысле творчества режиссера, театрального художника и техника всегда нуждался в опытной студии-лаборатории, где бы работники и ученики Камерного театра могли производить художественно-технические опыты, не будучи связаны существующей уже штампованной сценой со всеми ее техническими недостатками, препятствующими полному выявлению внутренних актерских и режиссерских возможностей.

Для этой цели Камерный театр, с одной стороны, давно уже имел школу для молодых актеров, где последние, проходя ряд специальных и прикладных дисциплин, практически применяли результаты занятий, участвуя в спектаклях Камерного театра.

В качестве же опытной лаборатории для режиссера, художника и техника в работе над усовершенствованием сцены, ее пола, боков, верхов, а также новых возможностей света и декораций, Камерный театр необходимо должен был иметь мастерскую кукольного театра, с ее сценкой и приспособлениями. Эта мастерская явилась бы идеальным макетом, на котором легко, удобно и точно режиссер и художник могли бы искать, проверять и узаконивать новые принципы и возможности театральной обстановки, перенося потом узаконенные достижения на большую сцену.

Принцип, сущность и разработка динамической декорации, послушный движущийся свет, совместно с движением тела — эта основная задача нового театра — как нельзя более удобно может быть найдена и осуществлена в кукольном театре, где все есть чистое движение: пантомимический чистый, строгий жест куклы, легко осуществимый благодаря маленькому масштабу, ряд приборов для света и движущихся декораций.

2. История возникновения и организация „Мастерской кукольного театра“

При ТЕО Наркомпроса существовала с февраля 1919 г. Студия кукольного театра, которая не могла развернуть своей работы в надлежащем масштабе из-за отсутствия в ней специалистов режиссеров и художественного коллектива актеров, отвечающих задачам кукольного театра.

Камерный театр в феврале 1920 г. подал заявление Наркому А. В. Луначарскому с ходатайством о передаче студии в ведение Камерного театра, среди работников которого имеются специалисты в деле кукольного театра как режиссеры, так и актеры.

Постановлением научно-художественной коллегии ТЕО студия была передана Камерному театру, и 25 февраля 1920 г. комиссия, назначенная ТЕО, закрепила это постановление.

Камерный театр приступил к организации кукольного театра в смысле снабжения его работниками и практической работы. Таким образом явился филиал Камерного театра, который по постановлению Художественного совета Камерного театра был назван „Мастерская кукольного театра“; это название обнимает собой школу — студию-лабораторию и кукольный театр марионеток и петрушек со всеми необходимыми для кукольного театра мастерскими. Общее заведование художественной частью принадлежит председателю Художественного совета Камерного театра А. Я. Таирову. При мастерской образован художественно-административный комитет под председательством Таирова, состоящий из заведующего мастерской режиссера и актера Камерного театра В. Соколова, и всеми мастерскими — художника П. Павлинова, заведующего декорационно-монтажной частью режиссера Камерного театра Л. Лукьянова и секретаря комитета. Обязанности комитета: установление художественного плана работ „Мастерской“, выбор пьес, составление репертуара, поручение и прием заказов, постановка и разрешение тех или иных задач кукольного театра. Общее утверждение работ „Мастерской“ принадлежит Художественному совету Камерного театра, в который входит членом заведующий „Мастерской“.

При кукольном театре имеется ряд необходимых оборудованных мастерских.

1. Деревообделочная, токарная и слесарная — зав. художник Павлинов.

2. Костюмерная — зав. художник Б. Быковская.

3. Формовочно-бутафорская — зав. художник М. Быковская.

4. Декорационная — зав. Л. Лукьянов.

Выстроена специальная опытная репетиционная сцена.

Имеются 5 человек невропастов (управляющих марионетками): Павлинов, Соколов, Лукьянов, Б. Быковская и М. Быковская.

Ученики школы Камерного театра обучаются двигать марионетками, извлекая отсюда четкое знание схемы пантомимического движения и, присутствуя на репетициях пантомим, когда марионетками управляют уже опытные невропасты, они постигают ритмику и законы музыкального движения тела. Манипулируя петрушками, ученики упражняются над труднейшей частью актерского мастерства: над предельно выразительной и образной речью и дикцией, доведенной в разговоре за куклу до гротеска в комическом или трагическом уклоне.¹

Эта сторона воспитания молодых актеров признана Камерным театром обязательной. Наиболее же способный из учеников пополняет кадр невропастов и петрушечников кукольного театра как будущие специалисты.

Попутно с этим в „Мастерской“ читаются лекции по истории кукольного театра для развития и пополнения в учениках понимания настоящей широкой театральности.

3. Результаты работ „Мастерской“

За короткое время работы „Мастерской“ (5 месяцев) сделано следующее: к постановке пьесы „Принцесса Брамбилла“ на сцене Камерного театра исполнены двигаю-

щиеся по принципу больших фантошей фигуры страусов с всадниками, лошадь, негры, мавры и до 20 кукольных масок для актеров.

Не получив от студии ТЕО ни одной цельной постановки, ни одной готовой куклы-марионетки, „Мастерская“ одновременно с работами к „Принцессе Брамбилле“ работала над системой марионеток и машинок для управления ими. После кропотливой, трудной работы (проб и исканий), во время которых „Мастерской“ было сделано до 10 различных систем марионеток и несколько видов машинок к ним, „Мастерская“ выработала и окончательно узаконила три марионетки, идеально отвечающие задаваемым им движениям любого порядка: перемещения, ходьбы, танца, оперирования с различными предметами и т. д. Система эта является крупным художественно-техническим достижением в области кукольного театра. Таких кукол изготовлено три: Пьеро, Коломбина и Арлекин.

Равным образом для управления ими выработан и исполнен вид машинки, являющейся донельзя удобной, точной и чуткой клавиатурой для движения тельца куклы.

Работая над куклами и их движениями чисто лабораторным путем, „Мастерская“ пришла к заключению, что технические ее замыслы до того узаконены практическим осуществлением их, художественный путь „Мастерской“ до того ясен, что следует уже иметь выход в виде спектаклей, т. е. открыть кукольный театр с представлениями марионеток и петрушек-гиньолей, так как кукольный театр вообще является одним из наиболее острых видов театрального искусства как зрелище чистого движения, как театр неограниченных возможностей в смысле фантастики, большей образности и крайней выразительности юмора.

Из упомянутых трех кукол „Мастерской“ составлена пантомима с музыкой М. Кузмина и в декорациях художника Истомина. Пьеса эта уже готова и через несколько окончательных репетиций явится показательным представлением „Мастерской“ как в смысле технических ее достижений, так и в смысле подхода к кукольному театру вообще.

Находится также в работе постановка с марионетками пьесы-сказки „1001 ночь“. Готовы 10 марионеток к ней, — из них 5 — работы художника Фаворского. Так как в данное время труппа и школа Камерного театра в отпуске до 1 августа, а для этой пьесы требуется более пяти имеющихся сейчас невропастов, репетиции ее начнутся с 1 августа, и пьеса к сентябрю будет готова. Декорация художника Розенфельда, музыка Фортера.

Находится на рассмотрении комитетом „Мастерской“ сценарий для марионеток (пропуск в тексте) „Кунсткамера обманов“ и два сценария Морозовой: „Сгоревший портной“ по Гофману и „Гибель одного режиссера, или взбунтовавшиеся марионетки“.

Для спектаклей с петрушками-гиньолями „Мастерской“ изготовлены за летние месяцы все персонажи — числом до 30 кукол — многих пьес комического характера, переведенных с французского. С приездом труппы начнутся репетиции к осенним спектаклям следующих пьес:

1. „Счастливый трубочист“.
2. „Привидение“.
3. „Брак по расчету“.
4. „Трагедия Арлекина“.
5. „Завещание“.
6. „Братья Кок“.
7. „Потерянный ключ“.

В последнее время кукольный театр занят работой над представлениями агитационно-политического характера при помощи петрушек, о чем вошел в связь с ТЕО и Комиссией по содействию Зафронта. Пьесы эти будут носить характер политической сатиры, персонажами которой явятся типические фигуры врагов нашей рабочекрестьянской Республики.

Помещение, занимаемое „Мастерской“, как нельзя более подходит для кукольного театра. Все мастерские удобно размещены и снабжены необходимыми инструментами и станками.

В последнее время было приступлено к оборудованию зрительного зала на 100 чел. (почти предельная норма для зрительного зала кукольного театра, — так лучший кукольный театр — Мюнхенский — имеет зал на 121 человека), фойе и к переноске усовершенствованной кукольной сцены с ее специальными приборами, типа, выработанного „Мастерской“ после продолжительных опытов и исканий.

С осени должен открыться кукольный театр с регулярными спектаклями. Работы и достижения „Мастерской“, становясь известными, заинтересовали целый ряд культурно-просветительных учреждений центра и провинции, откуда стали поступать в „Мастерскую“ заказы на куклы и запросы об инструктировании возникающих на местах кукольных театров.

Таким образом „Мастерская“ становится как бы рассадником этого дела по России.

ЛЕНИН И КРУПСКАЯ В КРЕМЛЕВСКОЙ КВАРТИРЕ БЕСЕДУЮТ
С АМЕРИКАНСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ ЛИНКОЛЬНОМ ЭЙРОМ
Февраль 1920 г.

Фотография В. Кьюбса

4. Невозможность переселения, затруднения в работе

Все работы по устройству кукольного театра и по постановке пьес очень тормозились неблагоприятными обстоятельствами, их сопровождавшими. Постоянные угрозы выселением лишали „Мастерскую“ уверенности и покоя в работе, в оборудовании и приспособлении помещения под театр в смысле установки сцены, с ее приборами, электрической проводки особого характера и обстановки.

В последнее время караул, поставленный Наркоминделом, не допускает никакой постройки и ремонта.

Все это безусловно задержит открытие спектаклей.

Перенести же кукольный театр в другое место абсолютно невозможно: Камерный театр не имеет никакого помещения, — так он уже два года тщетно ищет помещения для занятий своей школы.

Близость кукольного театра от Камерного является также необходимым условием, так как постоянный обмен артистами и другими работниками очень бы затруднился при другом положении.

Таким образом выселение кукольного театра из его помещения разрушило бы совершенно это интересное высокохудожественное дело.

Камерный театр без „Мастерской“ лишился бы возможности успешно и углубленно работать над встающими перед ним задачами нового театра и актера.

А главное — с разрушением „Мастерской“ не осуществилось бы создание кукольного театра, над которым много, упорно и преданно трудились его руководители, веря, что кукольный театр есть поистине прекрасное и важное дело, необходимое для развития и украшения театра в России.

Подлинный подписали: За председателя правления <подпись>
Зав. мастерской кукольного театра <подпись>

1920 г. 17 июля. Москва»

23 июля 1920 г. вопрос о выселении Студии кукольного театра при Камерном театре рассматривался на заседании Малого Совнаркома (прот. № 520, п. 3). Ходатайство Луначарского было отклонено (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14792, л. 1—4 об.).

Редакция «Лит. наследства» обратилась к народному артисту СССР С. В. Образцову с просьбой охарактеризовать значение публикуемых материалов для истории советского театра кукол и по возможности прокомментировать их. В своем ответном письме С. В. Образцов пишет:

«Материалы, связанные с историей „Мастерской кукольного театра“ при Московском Камерном театре, представляют несомненный интерес: они восполняют весьма скудные сведения об этом начинании, встречающиеся в виде хроники в периодической печати начала 20-х годов. Из этих заметок, однако, почти ничего нельзя узнать, кроме самого факта существования „Мастерской“.

Докладная записка, приложенная к письму А. В. Луначарского, достаточно точно раскрывает задачи „Мастерской“ и методы ее работы. Анализировать эту сторону дела, как и возвращаться к вопросу о выселении „Мастерской“ из того помещения в Ржевском переулке, которое она занимала, — вряд ли сейчас имеет смысл. Это дело прошлое. Помещение было реквизировано, и в этом плане заслуженничество наркома просвещения ни к чему не привело. Тем не менее „Мастерская“, вернее, группа актеров-кукольников, еще продолжала некоторое время работать и показывала свои спектакли на сцене Студии Камерного театра. Сведения эти мне сообщили А. Г. Коонен и Н. С. Сухоцкая (племянница А. Г. Коонен и сама бывшая выпускница Студии).

Гораздо существеннее, мне кажется, что данные материалы позволяют добавить кое-что к общей истории становления советского театра кукол. Из материалов явствует, что одним из вдохновителей и организаторов „Мастерской“ был московский художник П. Я. Павлинов. Имя Павлинова в истории советского театра кукол впервые упоминается в связи с организацией „Театра петрушек, марионеток и теней“, открывшегося в Москве в октябре 1918 г. в Мамоновском переулке (ныне пер. Садовских). Театр этот, созданный по инициативе детского подотдела Театрально-музыкальной секции МОНО (сокращенно: „Темусек“), был фактически самым первым театром для детей в Москве. Кроме Павлинова, в этом театре работали художники Н. Я. Симонович-Ефимова, И. С. Ефимов, В. А. Фаворский, И. К. Истомин. Судьба этого театра хорошо известна благодаря книге Н. Я. Симонович-Ефимовой „Записки петрушечника“ (изд. 1925 г.) и многим другим источникам. С него и начинается по существу история советского театра кукол.

Но просуществовал этот театр недолго. К середине 1920 г. он закрылся. Создание „Мастерской“ при Камерном театре датируется февралем 1920 г. Совершенно очевидно, что интерес Павлинова к куклам не оборвался с закрытием театра в Мамоновском, что художник искал возможности продолжить свою работу в этой области.

В музее, имеющемся при Государственном центральном театре кукол, хранятся три марионетки работы П. Я. Павлинова.

Одна из них — Коломбина, другая — Арлекин, третья — Арапка. В докладной записке о „Мастерской“ упомянуты сделанные Павлиновым куклы, две из них как раз и находятся в нашем музее. Говорится также, что с этими куклами была поставлена пантомима на музыку М. Кузмина, в декорациях Истомина.

Таким образом восстановлено еще одно звено в цепи фактов, почти утерянных за давностью лет. Наконец, краткое упоминание в начале докладной записки о том, что „Мастерская“ возникла на базе существовавшей с февраля 1919 г. Студии кукольного театра при ТЕО Наркомпроса, также имеет существенное значение, поскольку сведения об этой Студии пока еще остаются очень скудными, хотя и об этой Студии встречаются упоминания в прессе того времени, но точными данными даже о сроках ее существования мы не располагали.

Теперь становится понятным хотя бы, когда и как она перестала действовать».

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

22.VII.1920 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА тов. В. И. ЛЕНИНУ

Мною получена от Вас копия письма писателя М. Арцыбашева, в котором он просит через некую Элеонору Диксон отпустить его за границу. Копия прислана мне с отметкой «на усмотрение».

Мне известно, между тем что Вы были осведомлены Гуковским о поведении выпущенного мною за границу при таком же соображении Бальмонта. Я до сих пор не получил еще официального ответа от Гуковского, у которого затребовал данные по поводу Бальмонта<...>.

Если Вам угодно в данном случае взять на себя ответственность, то я буду последним, кто стал бы протестовать против отъезда Арцыбашева.

Но после скандала с Бальмонтом, повторяю, еще не совсем для меня ясного, я начинаю дуть на воду.

Настроение М. Арцыбашева, вообще говоря, все время было в достаточной мере обывательски брюзгливым, и поэтому лично я не считаю себя вправе палец об палец ударить для того, чтобы облегчить его отъезд за границу.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман

Публикуется впервые. Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 29910, л. 3. Там же хранится письмо Арцыбашева, копия которого была переслана Луначарскому:

«Владимир Ильич,

обращаюсь к Вам потому, что, как я убедился, все другие пути ведут только к бесконечной бумажной волоките. Я очень болен, устал, мне необходимо серьезно поехать, и я прошу Вас разрешить мне поездку за границу. Элеонора Диксон взялась передать Вам это письмо, и я просил бы Вас ответить через нее же, могу ли я рассчитывать на исполнение моей просьбы и что должен сделать, чтобы получить формальное разрешение на выезд. М. Арцыбашев. 1920 г. 19 июля» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 29910, л. 1).

Ответ Гуковского см. в примеч. к письму Луначарского Ленину 28 июля 1920 г. (стр. 208 настоящ. тома).

151

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨26 июля 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Вы не вернули мне первое письмо Короленко, хотя я очень просил об этом. Если Вы его не потеряли, то я еще раз прошу Вас вернуть его мне. А теперь направляю Вам копию второго, копию из предосторожности, чтобы и это письмо не оказалось потерянным. Письмо, представляется мне, сравнительно мало интересно, но тем не менее заслуживающее того, чтобы Вы его прочитали.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

26/VII 20 г.

Сверху над письмом рукой Л. А. Фотиевой:

«в архив».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 837, л. 35. См. примеч. к письму Луначарского Ленину 7 июля 1920 г. (стр. 199 настоящ. тома).

152

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨28 июля 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Пересылаю Вам копию письма, посланного мне Гуковским на мой запрос о том, что Бальмонт скомпрометировал себя с советской точки зрения. Это меня очень взволновало <...> Между тем письмо Гуковского ясно свидетельствует, что кроме подозрений у него, Гуковского, решительно ничего нет против Бальмонта.

При таких условиях мне кажется нерациональным задерживать, с одной стороны, Арцыбашева, с другой стороны, Вяч. Иванова, которому заграничная поездка обещана давным-давно, у которого страшно больна жена и который много раз своей честью заверял, что ни в каком случае не уронит ни своего достоинства, ни достоинства выпустившей его Советской Республики. Еще с Бальмонтом я мог допустить, что он что-нибудь сбрехнул, что же касается В. Иванова, то это человек гораздо более сдержанный и последовательный. Между тем меня действительно серьезно беспокоит состояние и Арцыбашева и Иванова.

Очень просил бы Вас распорядиться хотя бы через т. Фотиеву т. Менжинскому, чтобы относительно этих двух лиц запрет был снят, тогда я возбужу о них новое ходатайство в общем порядке.

Заметьте, что за Арцыбашева я отнюдь не ручаюсь и в разговоре с Менжинским об этом упомяну.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

28.VII 20 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 3621, л. 4.

К письму приложен ответ полпреда Советской России в Эстонии, Литве, Латвии И. Гуковского. Ответа этого Луначарский ждал с нетерпением и 26 июля 1920 г. писал Народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину: «Я уже запросил официальной бумагой курьера т. Гуковского доставить мне крайне интересующие меня сведения о поведении в Ревеле Бальмонта. В зависимости от этого Владимир Ильич и Особотдел ставят отпуска для некоторых весьма нуждающихся в поездке за границу лиц. Так как т. Гуковский мне ничего не отвечает в течение уже двух недель, то я прошу переслать ему срочную телеграмму. Нарком по просвещению А. Луначарский» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 377, л. 22).

Письмо возвращено Луначарскому с надписью секретаря Чичерина: «Получен ответ от Гуковского. Послан Ленину, Оболенскому и Менжинскому».

Гуковский писал:

«Наркомпрос тов. Луначарскому
Дорогой Анатолий Васильевич,

Я получил Ваше письмо — запрос о поведении Бальмонта. Мне неизвестно ни о каких интервью, ни иных публичных выступлениях Бальмонта. Думаю, что таковых и не было, так как я не мог бы не знать о них, если бы были.

Тем не менее я считаю, что те командировки, которые стали все чаще и чаще даваться Вами разным лицам из среды нашей интеллигенции, следует по возможности сократить и давать с возможной осторожностью.

Дело в том, что всякую иную визу, кроме эстонской, можно пока получить, отрекшись от близости к Советской власти или скрыв свою связь с нею. Ни французы, ни англичане, ни шведы, ни даже немцы не пускают обыкновенных русских граждан с нашими паспортами. К ним могут проникать или члены тех или иных наших делегаций, или белогвардейцы, скрывающиеся от большевиков.

Нужно очень много такта и выдержки, чтобы суметь, не роняя собственного достоинства и достоинства РСФСР, убедить консула того или иного государства выдать визу при наличии большевистского паспорта. Сделать это не все умеют и поневоле, добываясь паспорта или визы, высказывают мнения и положения очень нежелательные. Пускаются в ход старые связи и знакомства с бывшими посланниками или с нынешними министрами; считается не очень плохим с радостным вздохом сказать, что вырвался на отдых в культурную страну и т. п. Вот, чтобы всего этого не было, мне думается, следует быть поосторожнее с командировками.

Бальмонта с женою я случайно видел в виде просителя визы у здешнего немецкого представителя. Он был чрезвычайно жалок, хотя ничего предосудительного не говорил, но оба они, и муж, и жена, так униженно просили, так уверяли его, что разрешение на визу получится, что мне было стыдно за них и неловко пред бывшими случайно здесь пятью немецкими товарищами, ехавшими на конгресс III Интернационала.

Вот все, что я могу сказать о поведении Бальмонта здесь. Боюсь, что без меня в сношениях с тем же немецким и другими представителями, от которых он добился визы, он не всегда был так сдержан в словах, как при мне.

Французскую визу он получил по телеграфному ходатайству у своего приятеля, бывшего посла в России Палеолога.

С товарищеским приветом И. Гуковский

г. Ревель 24 июля 20 г.» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 3621, л. 5).

ЛЕНИН

Москва, июль 1920 г.

Фотография П. С. Жукова

За два дня до этого письма Гуковского, 22 июля 1920 г., Бальмонт отправил Луначарскому письмо, в котором заверял его в лояльности своего поведения по отношению к Советской власти. Письмо сохранилось, приводим его текст.

«Ревель, гостиница „Золотой лев“, 22 июля 1920 г.

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

Мне сообщили, что до Вас дошло сведение, будто бы я публично выступал в Ревеле против Советской России. Свидетельствую, что это сведение есть вымысел. Ни публично, ни частным образом я ничего не говорил против Советской власти. Прежде всего, никакого публичного выступления у меня здесь не было и не будет, через неделю я уезжаю в Штеттин и оттуда в Париж. Затем, что касается интервьюеров, я с ними поступал так, как говорил Вам об этом в Москве: зная, что интервьюеры вообще неспособны правильно передавать чужие мысли, я ни одного из них не принял и ни с кем из них не разговаривал.

Уезжая через неделю в Европу, я еще раз благодарю Вас за то, что Вы помогли мне осуществить эту поездку. До свидания в Москве.

Преданный Вам К. Б а л ь м о н т (Автограф. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 796, лл. 176—177).

Однако Бальмонт недолго оставался верен своим обещаниям. Во время Кронштадтского мятежа он выступил с грубо антисоветской статьей. Впоследствии Луначарский так вспоминал инцидент с Бальмонтом: «Но что сказать о Бальмонте с политической и гражданской сторон? Быть может, Бальмонт вспомнит, как он просил меня представить его рабочей публике в Колонном зале, где он восторженно читал свое стихотворение „Кузнецы“ во славу пролетариату? Быть может, он помнит, как он, сидя у меня в кабинете, распинался относительно того, как он постепенно пришел к полному приятию революции, как ему необходимо теперь поехать за границу по семейным делам и как ему было бы ужасно подумать, что его могут заподозрить в желании куда-то перебежать? Бальмонт даже считал нужным прослезиться при этом, а может быть, в то время слезы и сами выступили у него на глазах. Он говорил мне о том, что я ведь имею его письма, где он высказывает свои горячие симпатии революции, и что я могу опубликовать эти письма, поставив его бог знает в какое положение, если бы оказалось, что он „изменит“ своей стране.

А когда из Риги пришли сведения, что Бальмонт наговорил там какого-то вздора интервьюеру, то этот господин считал нужным прислать мне опровержение и заявить, что он остается при прежних чувствах (имеется в виду приведенное выше письмо. — *Ред.*)

Даже в Париже он крестился некоторое время, и только в момент Кронштадтского восстания, когда эмигрантство собиралось садиться на поезда и пароходы и ехать справлять свое торжество, когда казалось, что большевикам трещит, Бальмонт выступил вдруг с неслыханно наглой статьей, которая показала его настоящую цену» (Л у н а ч а р с к и й, т. 5, стр. 533—534).

Вот одно из писем Бальмонта, где он уверял наркома в своих симпатиях к Советской власти и на которые в личной беседе с Луначарским ссылался как на доказательства своей лояльности, заявляя, что в случае его измены они могут быть обнаружены:

«Б. Николопесковский пер., дом 15, кв. 2

(вход в ворота д. 13)

16 марта 1920

Многоуважаемый Анатолий Васильевич,

В письме, которое я послал Вам некоторое время тому назад, я забыл высказать соображение, быть может, не безразличное. Если мне будет разрешено поехать с семьей за границу, я был бы очень рад выполнить какое-нибудь поручение учено-литературного свойства или же дипломатического. Позволяю себе напомнить, что у меня есть различные связи в Париже, Лондоне, Мадриде и Варшаве, главным образом, в Париже, — и что я знаю много иностранных языков, а именно: французский, английский, немецкий, шведский, норвежский, датский, польский, итальянский, испанский, португальский. Я знаком также с древними языками и некоторыми неевропейскими. Быть может, все это пригодилось бы в каком-нибудь смысле, если бы мне пожелали дать какое-нибудь поручение, которое я, конечно, постарался бы выполнить с полным тщанием. Кстати. Мой очерк „Океания“, написанный 7 лет тому назад, есть точное указание, что я давнишний враг европейского империализма.

Посылаю Вам, в этом письме, написанную с неделю тому назад „Песню Рабочего Молота“. Мне хотелось бы увидеть ее в 1-м номере „Художественного слова“. Вознаграждение за нее (если она будет взята) я бы просил Валерия Яковлевича Брюсова занести мне. Я все еще в постели, и врач обещает позволить мне встать лишь на будущей неделе.

Буду с нетерпением ждать Вашего ответа.

Уважающий Вас К. Б а л ь м о н т. (Автограф. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, лл. 5—6).

В 1928 г. Бальмонт вместе с И. А. Буниным выступил с открытым письмом Ромену Роллану по поводу его приветствия «Русским братьям» в октябре 1927 г. (в связи с десятой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции). Они укоряли его в симпатиях к Советскому Союзу. «Открытое письмо» Бунина и Бальмонта было опубликовано в журнале «Avenir» 12 января 1928 г.

Эмигрировав за границу, Арцибашев поселился в Варшаве, где вместе с Д. Фило-софовым редактировал белогвардейскую газету «За свободу».

Об обстоятельствах, связанных с отъездом за границу Вяч. Иванова, см. настоящ. том, стр. 188—189.

153

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<4 августа 1920 г.>

Я за разрешение. Прошу отзыва ВЧК и НКПрос.

4/VIII Л е н и н

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14913, лл. 1—2. Обращение Ленина в ВЧК и Наркомпрос представляет собой резолюцию на докладной записке М. П. Сажина — одного из соратников Бакунина. Сажин писал Ленину:

«Председателю Совета Народных Комиссаров
В. И. Ленину-Ульянову

Докладная записка

М. А. Бакунин умер в 1876 году. С 1870 г. до конца его жизни я, Михаил Петрович Сажин (Арманд Росс), находился с ним в самых близких интимных отношениях. Со смерти Джемса Гилльома (1916 год), тоже его ближайшего друга, я остаюсь последним из ближайших друзей-сподвижников М. А. Бакунина. Со времени моего выхода из каторги на поселение (1882 г.) я задался мыслью и считал своим долгом издать все сочинения и переписку Бакунина. Для этого с 1890 г. я начал образовывать капитал, отчисляя постоянно возможные суммы из своих заработков. Таким путем к 1918 г. у меня составилась капитал в 24 000 руб. в государственных процентных бумагах. Ныне бумаги аннулированы, и капитал пропал.

В 1913 г. в Лондоне я приступил к исполнению своей заветной мысли и в 1915 г. издал 1-й том сочинений Бакунина. Война остановила издание, и я сам вынужден был уехать на Северный Кавказ, откуда вернулся в Москву месяц тому назад. За это время петроградская группа анархистов („Голос труда“) стала издавать некоторые сочинения Бакунина, но, к сожалению, с сокращением и с значительными пропусками. Я же имею в виду дать собрание сочинений Бакунина полное, без всяких пропусков и по возможности, так сказать, „академическое“. Эта группа пользуется французским изданием Гилльома, в которое не входит все то, что было написано Бакуниным по-русски, как-то: „Наука и насущное революционное дело“, „Всесветный революционный союз“, „К офицерам“ и проч. Эти работы, а также другие печатные и рукописные материалы и в особенности его чрезвычайно важная и интересная переписка революционного характера с испанскими, итальянскими, швейцарскими, французскими и другими федерациями находятся за границей в Швейцарии в архивах моих друзей Неттляу и Гилльома. Эти оба архива для меня, конечно, вполне открыты, и только я могу ими пользоваться и пользоваться только там на месте, потому что Неттляу, владелец самого главного большого архива, ни под каким видом никому не дает этих материалов.

Ввиду этого печатание сочинений и переписки Бакунина возможно только за границей (в Швейцарии) по месту нахождения архива. Я считаю необходимым приступить к печати сейчас же его сочинений, а не ограничиваться одной перепиской и подготовкой материалов с тем, чтобы потом их издать в России. Последний способ издания — если бы он был возможен — только увеличит расходы и отдалит время выхода в свет книг.

По расчетам Гилльома, Неттляу и моим материалов хватит на 15 томов, считая по 25 листов каждый.

На издание 1-го тома в Лондоне мною было израсходовано 138 фунтов стерлингов. Это было перед войной. Теперь цены на труд и материалы поднялись в 2½ раза, следовательно, такой том будет стоить 345 фунтов, а на издание 15 томов понадобится по крайней мере 5175 фунтов. Тираж предполагаю 3000 экземпляров. Из этого числа 200

экземпляров будут оставаться у меня, а остальные обязуюсь высылать по указанному Вами адресу.

Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне в этом деле. Я готов отплатиться за границу на 2—3 года, чтобы оборудовать там совместно с Неттляу все издание, если мне дадут необходимые для этого средства. Я полагаю, что Бакунии достоин того, чтобы все его произведения были изданы достойным образом.

В поездке за границу меня должна сопровождать моя жена Евгения Николаевна (родная сестра В. Н. Фигнер), которая будет моей помощницей в работе по изданию.

Михаил Петрович С а ж и н

Августа 3 дня 1920 г.

Москва, Ваганьковский пер., дом 6, кв. 1. 76—04».

Ответ Луначарского на запрос Ленина был отослан 11 августа (см. стр. 244 настоящ. тома).

154

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Август, до 11, 1920 г.⟩

Дорогой Владимир Ильич,

Во время моего свидания с Вами я забыл еще упомянуть об одном деле, которое может показаться второстепенным, но которое на самом деле очень серьезно.

Вы помните, что я много хлопотал в прошлом году дать хотя бы какой-нибудь паек театральным работникам Государствен⟨ных⟩ театров (Большого и Малого). Нам это обещали. Я сам давал торжественное обещание особо голодающим хористам, артистам оркестра, рабочим сцены и т. п., что, наконец, их голодный вопль будет услышан. Но и я, и они были довольно тяжело обмануты. На самом деле пайков никаких не последовало, а только обещание дать какой-то паек по категории «А», который так и остался журавлем в небе.

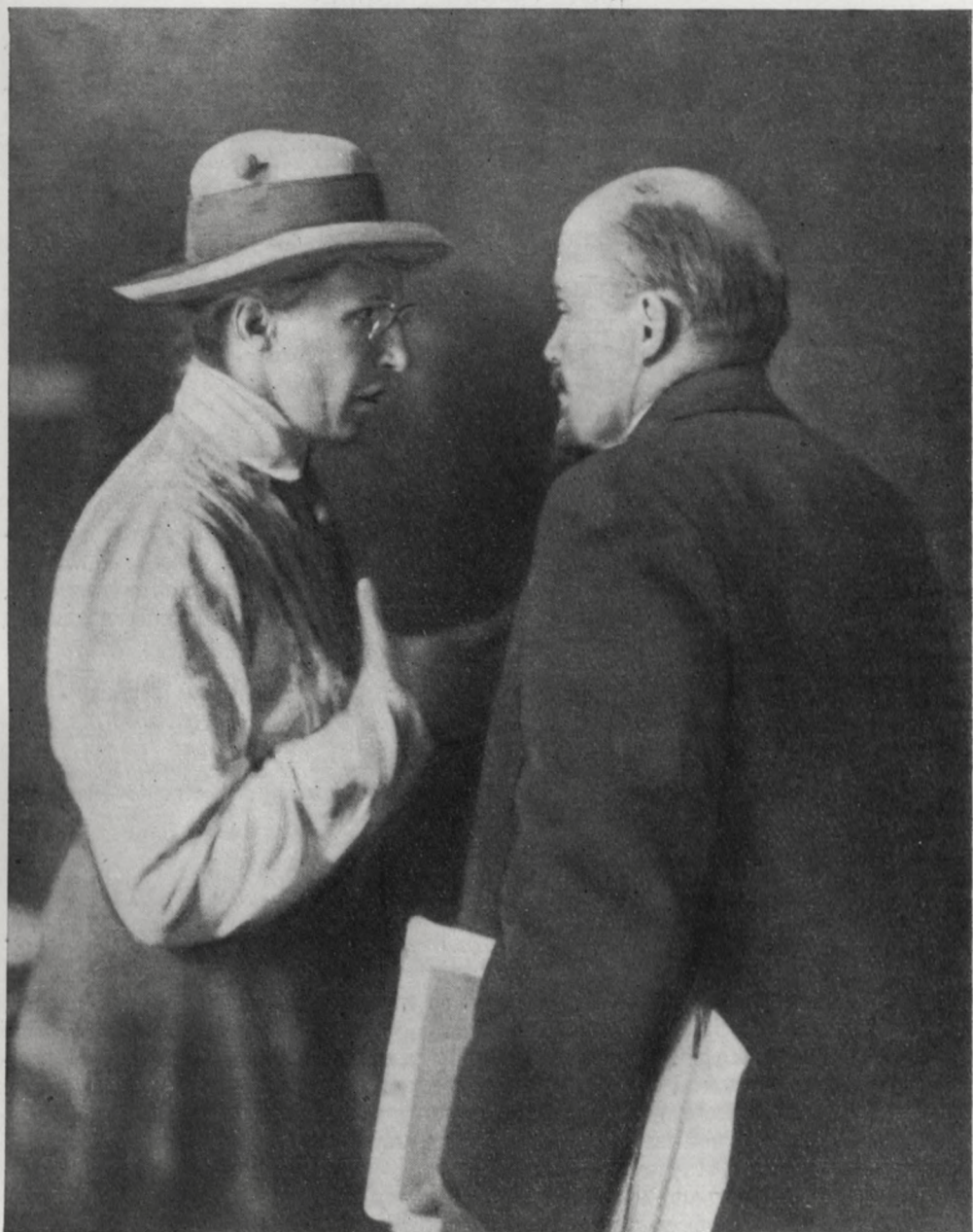
Теперь огромное большинство массовых работников решительно распыляется и не желает играть во время спектаклей, потому что перспектива еще одной безумно голодной зимы их, конечно, пугает. С другой стороны, я не могу примириться с мыслью, что мы зимою не будем иметь наших государственных театров, в то время как получастные театры, благодаря всякого рода сноровкам, которые доступны им и недоступны учреждению государственному, все-таки будут кое-как работать. Я сейчас, еще до отъезда, внесу соответственное предложение в Малый Совнарком и прошу Вас только о том, чтобы Вы, в случае передачи этого дела в Большой Совнарком, поддержали его, хотя бы из чисто политических соображений, ибо наличность в общем все-таки прилично функционировавших в прошлом году Государственных театров является одним из элементов престижа Республики.

Крепко жму Вашу руку

⟨А. Луначарский⟩

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 397. Датируется по содержанию.

Ходатайство о пайках для работников театров Луначарский возбуждал многократно (см., в частности, его письма 5 марта, 13 и 15 апреля, а также 3 мая 1920 г. в настоящ. томе).

ЛЕНИН ВО ВРЕМЯ ПЕРЕРЫВА МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ
II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА В КРЕМЛЕ БЕСЕДУЕТ С Е. Д. СТАСОВОЙ

Не ранее 23 июля, не позднее 6 августа 1920 г.

Фотография В. К. Буллы

155

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈11 августа 1920 г.〉

Против самой псылки т. Сажина за границу Наркомпрос не протестует, но о сумме в 5 с лишком тысяч фунтов стерлингов из средств Наркомпроса сейчас невозможно и думать, потому что вообще при нынешнем финансовом состоянии Республики у нас не может специально найтись столько золота на издание сочинений Бакунина.

Народный комиссар А. Луначарский

11/VIII

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14913, л. 2. Письмо Луначарского является ответом на запрос Ленина в связи с докладной запиской Сажина (см. настоящ. том, стр. 211).

156

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

14.VIII 1920 г.

МАНДАТ

Настоящим удостоверяется, что Народному комиссару по просвещению Анатолию Васильевичу Луначарскому Советом Труда и Оборона поручается поездка на Кубань в целях выяснения общего политического, экономического и культурного состояния области и раскрытие перед населением принципов и перспектив советской политики.

Председатель Совета Труда и Оборона В. Ульянов (Ленин)

Секретарь Совета Труда и Оборона Л. Фотиева

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24291.
О поездке Луначарского на Кубань по заданию Ленина см. стр. 450 настоящ. тома.

157

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

14 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Принужденный уехать на Кубань за два дня до начала конференции заведующих школьными подотделами губерний и уездов, обращаю Ваше внимание 〈как〉 на то, что конференция эта лишена таким образом возможности выслушать мой обстоятельный доклад, так и на то, что конференция имеет очень большое значение, представляя собой всероссийское собрание наиболее ответственных работников по наиболее важному, а именно, школьному делу Наркомпроса.

Ввиду этого я очень прошу Вас сделать мне такое одолжение: посетить эту конференцию в любой день и час, о котором Вы сможете условиться с Людмилой Рудольфовной¹, имеющей специально с Вами по этому поводу поговорить, и сказать им несколько слов по Вашему усмотрению.

Нарком по просвещению 〈А. Луначарский〉

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 361.

На конференции заведующих школьными подотделами губерний и уездов Ленин не выступал. О поездке Луначарского на Кубань см. настоящ. том, стр. 450.

¹ Людмила Рудольфовна — Менжинская.

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ ОБЛАСТНАЯ
РЕСПУБЛИКА.

СОВЕТ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБОРОНЫ

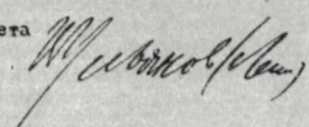
Москва, Кремль.
1920 г.

№ 012608

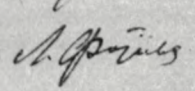
М А Н Д А Т . .

Настоящим удостоверяется, что Народному Комиссару по Проведению Анатолию Васильевичу ЛУНАЧАРСКОМУ Советом Труда и Оборонн поручается поездка на Кубань в целях выяснения общего политического, экономического и культурного состояния области и раскрытие перед населением принципов и перспектив советской политики.

Председатель Совета
Труда и Оборонн:

Секретарь Совета
Труда и Оборонн:

МАНДАТ, ВЫДАННЫЙ ЛУНАЧАРСКОМУ СОВЕТОМ ТРУДА И ОБОРОНЫ
ЗА ПОДПИСЬЮ ЛЕНИНА ДЛЯ ПОВЕЗДКИ НА КУБАНЬ
14 августа 1920 г.

158

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ПОКРОВСКОМУ

(16 сентября 1920 г.)

т. Лунач(арско)му и Покр(овско)му

§ 6 нельзя «вне очереди»

§ 9 — о пайках с Мал(ым) Сов(наркомом).

Точн(ое) число.

16. IX Ленин

«Ленинский сб.», XXXVII, стр. 240.

Записка относится к представленному Наркомпросом «Проекту учреждения Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП». Приводим этот текст:

«1. Для собрания, разработки, обработки и издания материалов, относящихся к истории Октябрьской революции и партии РКП (большевиков), при Наркомпросе учреждается Комиссия из 9 членов, назначаемых Совнаркомом.

2. Комиссия избирает из своей среды Президиум в составе председателя, его заместителя и секретаря.

3. Комиссии вменяется в обязанность собирать всякого рода материалы как печатные, так и рукописные, относящиеся к указанным в ст. 1 вопросам как в России, так и за границей, организуя для хранения их и пользования ими специальные архивы и библиотеки.

4. Все советские общественные учреждения, а также частные лица, располагающие такими материалами, обязуются доставить их в распоряжение названной Комиссии, которая, в случае надобности, может требовать таковые материалы от учреждений и частных лиц, обращаясь к содействию соответственных властей.

5. Комиссии предоставляется право в целях собрания этих материалов организовывать местные подкомиссии и бюро, а также посылать во все губернии и области РСФСР и в находящиеся в федеральных отношениях с ней советские республики своих уполномоченных.

6. Комиссия имеет право издавать как материалы, так и свои труды вне очереди, для чего в ее распоряжение предоставляется по общей разверстке определенное количество бумаги из государственного бумажного фонда, а равно выделяется в распоряжение Комиссии Полиграфическим отделом ВСНХ необходимое количество типографий.

7. В распоряжение Комиссии ассигнуется ежегодно определенная сумма, проходящая по бюджету Государственного издательства особой статьей, и расходуется по ордерам, подписанным председателем Комиссии или его заместителем или одним из членов Комиссии по уполномочию последней.

8. Комиссия пользуется для своих надобностей аппаратом Главного управления архивным делом и Государственного издательства. Но для своих научных потребностей может иметь свой собственный штат сотрудников как из числа квалифицированных специалистов, так и из числа рядовых работников.

9. Входящие в состав этого штата специалисты получают академический паек, основные сотрудники неспециалисты обеспечиваются советским пайком.

10. Все советские учреждения обязуются оказывать Комиссии всяческое содействие и помощь.

11. Для успешности работ Комиссии ей предоставляются необходимые средства передвижения и транспорта. Грузы Комиссии должны рассматриваться как грузы первоочередной государственной надобности.

В Москве в распоряжение Комиссии предоставляется один грузовой и один легковой автомобиль.

12. Впредь до утверждения сметы Комиссии в общем порядке, Комиссия субсидируется во всех своих надобностях из кредитов, отпущенных по смете 1920 г. Государственному издательству.

Народный комиссар А. Луначарский» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15418, лл. 2—3).

После указаний Ленина в текст проекта сразу же было внесено несколько исправлений: в § 6 слова «вне очереди» заменены словами «в первую очередь», в § 9 после слова «пайком» дописано: «для чего в распоряжение Комиссии предоставляется 10 академических и 10 советских пайков».

Впоследствии проект был доработан и 21 сентября подписан Лениным, Луначарским и др. Приводим этот текст:

«ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ КОМИССИИ ДЛЯ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИИ РКП

1. Для собрания, разработки, обработки и издания материалов, относящихся к истории Октябрьской революции и партии РКП (большевиков), при НКПросе учреждается Комиссия из 9 членов, назначаемых СНК.

2. Комиссия избирает из своей среды президиум в составе: председателя, его заместителя и секретаря.

3. Комиссии вменяется в обязанность собирать всякого рода материалы как печатные, так и рукописные, относящиеся к указанным в ст. 1 вопросам, как в России, так и за границей, организуя для хранения их и пользования ими специальные архивы и библиотеки.

4. Все советские и общественные учреждения, а также частные лица, располагающие такими материалами, обязуются доставить их в распоряжение названной Комиссии, которая, в случае надобности, может требовать таковые материалы от учреждений и частных лиц, обращаясь к содействию соответственных властей.

5. Комиссии предоставляется право в целях собрания этих материалов организовывать местные подкомиссии и бюро, а также посылать во все губернии и области РСФСР и в находящиеся в федеральных отношениях с ней советские республики своих уполномоченных.

ЛУНАЧАРСКИЙ
Петроград, 1920 г.
Фотография М. С. Насельбаума

6. Комиссия пользуется для своих надобностей аппаратом Главного управления архивным делом и Государственного издательства. Но для своих научных потребностей может иметь свой собственный штат сотрудников как из числа квалифицированных специалистов, так и из числа рядовых работников.

Принято 21 IX

Мих. Покровский М. Козловский А. Якубов

Нарком А. Луначарский

В. Ульянов (Ленин). <Далее следует ряд подписей> (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15478, лл. 1—2. В подлиннике старые пункты 6, 7, 9—12 зачеркнуты).

В тот же день на заседании Малого Совнаркома было принято постановление, подписанное Лениным (прот. 557, п. 5):

- 1) Проект с поправками принять (принят единогласно. Подписи на проекте).
- 2) Ввиду достигнутого соглашения между Наркомпросом и председателем Комиссии по рабочему снабжению т. Халатовым относительно предоставления Комиссии по изучению истории Октябрьской революции пайков, 9 п. проекта постановления об учреждении Комиссии исключить.
- 3) Отпустить НКПросу для Комиссии по собиранию и изучению истории Октябрьской революции аванс в 10 000 000 руб.
- 4) Предложить ВСНХ обеспечить Комиссию транспортными средствами передвижения по соглашению с НКПросом. (Принято единогласно с согласия докладчика.)

Председатель В. Ульянов (Ленин)

Члены

Наркомюст Курский

25 сентября в «Известиях» (№ 213) было опубликовано «Постановление Совета Народных Комиссаров об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии» (см. также «Собрание узаконений», 1920, № 80, ст. 386).

159

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ПОКРОВСКОМУ

<17 сентября 1920 г.>

Луначарскому и Покровскому
для соглашения с Брюхановым или внесения в СНК

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15429, л. 1.
Резолюция Ленина написана на следующей телеграмме:

«Из Петрограда
принята 17/IX 16 10

Телеграмма

Три адреса. Срочно Москва, Кремль, Ленину. Копия Наркомпрод Цюрупе. Копия Газетный, 3, квартира 6, Раевскому.

Из Екатеринбурга нами получена телеграмма. Согласно телеграмме Наркомпрода НР 1 39 Екатеринбургский союз потребительских обществ предлагает снабжать студентов государственных университетов продкарточками II-ой категории. Постановлением Совтрударма Троцкого студенты в минувшем академическом году получали I-ую категорию, необходим перевод на какой-нибудь паек непонижения. Прошу учесть своеобразие Уралуниверситета, представляющего соединение профессионально-технических институтов: горного, политехнического, медицинского, педагогического, экономического, административного. Нельзя благодаря присвоению названия университета лишать студентов их права. Энергично прошу поддержки и срочного выяснения недоразумения, грозящего разрушить все дело.

Председатель Органкомитета Пинкевич.

Очевидно, соответствующий запрос Луначарского Брюханову был сделан, так как Брюханов на обороте телеграммы ответил запиской: «Это какое-то недоразумение: 7-го сентября Наркомпродом дано распоряжение о снабжении студентов по норме красноармейского тылового пайка. Пришлите мне копию этой телеграммы, у меня ее еще не было, я подтверждаю красноармейский паек. Н. Брюханов. 17/IX» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15429, л. 1—1 об.).

160

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

В КОМИССИЮ ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

7 октября 1920 г.

№ 6559

Народный комиссариат по просвещению просит рассмотреть в одном из ближайших заседаний вопрос о назначении усиленной пенсии племяннице поэта А. С. Пушкина — М. Л. Нейкирх.

Докладчик М. Н. Покровский.

Приложение: копии прошения М. Л. Нейкирх и выписки из метрической книги.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Управляющий делами Комиссариата <подпись>
Секретарь Коллегии НКП <подпись>

Публикуется впервые.

К письму Луначарского приложено прошение племянницы Пушкина, дочери его младшего брата Льва Сергеевича, Марии Львовны Нейкирх, а также метрическое свидетельство о ее рождении в 1850 г. в г. Одессе. В прошении 16 августа 1920 г. Нейкирх сообщала, что она «около тридцати лет занималась педагогической деятельностью, служила также в земстве народной учительницей», что «вследствие тяжелой нервной болезни (боязнь пространства) и преклонного возраста» не имеет возможности зарабатывать средства к существованию уроками. Прежде Нейкирх «получала пенсию из городской Думы как племянница поэта А. С. Пушкина». «В настоящее время, — писала она, — кроме больничного пайка, который получаю как тяжело больная, ничего не имею» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 117, л. 49).

Письмо Луначарского было направлено в Наркомсобес с резолюцией председателя Малого Совнаркома М. Козловского: «В Наркомсобес, по принадлежности. 8/Х». 12 октября из Наркомсобеса был отправлен ответ, где говорилось, что НКСО уже рассматривал дело о пенсии Нейкирх и что «усиленные пенсии назначаются лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией и РСФСР. Ввиду того, что из данных дела не видно, что отец или муж заявительницы имеют заслуги перед рабоче-крестьянской революцией и РСФСР, что факт родства с Пушкиным (племянница) еще не говорит о таковых заслугах, Наркомсобес, не имея возможности подвести данный случай к усиленным пенсиям по декретам 16/VII и 9/IX с. г., и передал это дело в Совнарком для принципиального решения вопроса, подходят ли вообще родственники наших поэтов, писателей, ученых и пр. (даже по прямой линии) к декретам об усиленных пенсиях, хотя бы они сами не имели никаких заслуг перед советской Россией?» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 117, л. 61).

19 октября (прот. № 571, п. 8) Малый Совнарком рассмотрел ходатайство Луначарского о пенсии Нейкирх и вопреки сомнениям Собеса вынес следующее постановление, утвержденное Лениным: «Предложить Нарком(ату) социального обеспечения назначить усиленную пенсию племяннице поэта Пушкина гр. Нейкирх в размере 15 тысяч рублей в месяц пожизненно» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15813, дл. 2 об. — 3).

161

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА

<8 октября 1920 г.>

Довольно часто в газетных изложениях официальных выступлений на различных съездах и конференциях смысл речей оказывается измененным и подчас довольно значительно. Так случилось и с моей речью на конференции Пролеткульта, которая изложена в «Известиях». Смысл изложения получился почти прямо обратный тому, что я сказал¹: я говорил, что Наркомпрос окончательно вступил на путь выделения пролетарских (коммунистических) задач в школьном и внешкольном деле на первый план как ударных групп всей его деятельности, и что так как, с другой

стороны, Пролеткульт численно вырос в значительную культурную силу, то необходимо формальное сближение между ними.

Для этого я и предлагал включить председателя или представителя Пролеткульта в Главполитпросвет и в Художественный сектор с тем, чтобы деятельность Пролеткульта, без нарушения самостоятельности его творческих исканий, во всем целом была координирована с работой общегосударственного органа и чтобы, с другой стороны, Пролеткульт мог использовать государственные ресурсы (школы, театры, курсы, музеи и т. п.), представляющие собой в большинстве случаев более совершенные аппараты, чем те, которые Пролеткульт вынужден искусственно создавать рядом с аппаратом Наркомпроса.

Смысл моей речи заключался, таким образом, в указании на необходимость организационного сближения Пролеткульта с соответственными органами Наркомпроса.

В изложении же речь сводится чуть не к провозглашению еще большего отрыва работ Пролеткульта от общегосударственного русла, чем это было до сих пор.

А. Луначарский

8/X 20 г.

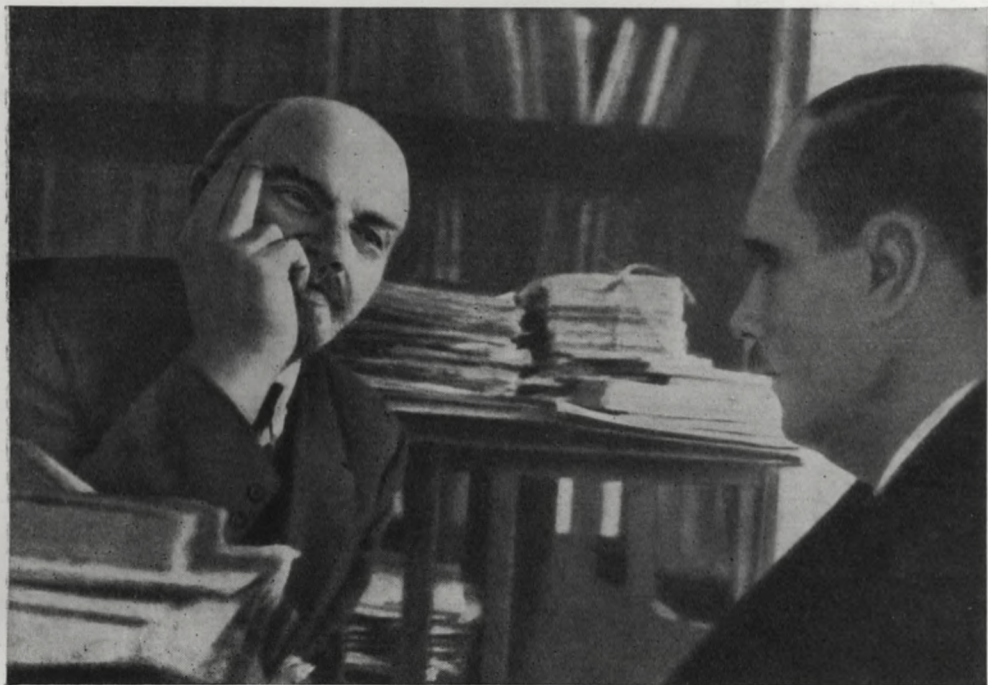
Луначарский, т. 7, стр. 235.

Объяснительная записка Луначарского появилась при следующих обстоятельствах. С 5 по 12 октября 1920 г. в Москве состоялся 1-й Всероссийский съезд Пролеткультов. 7 октября Луначарский произнес на съезде речь по поручению Ленина. Однако основная направленность этого выступления вызвала решительные возражения Ленина. Луначарский ссылался на то, что содержание его речи было изложено в газете «Известия» искаженно (1920, № 224, 8 октября; см. Луначарский, т. 7, стр. 233—234). Но и сама речь, как признавал впоследствии Луначарский, давала повод для недовольства Ленина. В своих воспоминаниях «Ленин и искусство» он так говорит об отношении Ленина к Пролеткультам: «Владимир Ильич хотел, чтобы мы подтянули Пролеткульт к государству; в то же время им принимались меры, чтобы подтянуть его к партии. Речь, которую я сказал на съезде, я редактировал довольно уклончиво и примирительно. Мне казалось неправильным идти в какую-то атаку и огорчать собравшихся рабочих. Владимиру Ильичу передали эту речь в еще более мягкой редакции. Он позвал меня к себе и разнес (Луначарский, т. 7, стр. 405—406). Очевидно, Луначарский в беседе с Лениным сослался на то, что его высказывания были переданы превратно, и в тот же день представил публикуемую записку в Совнарком. Текст записки, вероятно, был послан и в «Известия». (В ЦПА «Необходимая поправка» поступила на бумагу Совнаркома.) Ленин принял к сведению объяснения Луначарского, но в очень малой мере был ими удовлетворен. Об этом свидетельствует его статья «О пролетарской культуре», написанная срочно, того же 8 октября. Статья начинается словами: «Из номера „Известий“ от 8/X видно, что т. Луначарский говорил на съезде Пролеткульта *в противоположном* тому, о чем мы с ним вчера условились. Необходимо с чрезвычайной спешностью приготовить проект резолюции (съезда Пролеткульта), провести через ЦК и успеть провести в *этой же сессии* Пролеткульта. Надо сегодня же провести от имени Цека и в коллегии Наркомпроса и на съезде Пролеткульта, ибо съезд сегодня кончается». Далее следует «Проект резолюции» (Ленин, т. 41, стр. 336—337). Статья Ленина заканчивается словами, написанными, видимо, после устных разъяснений Луначарского и, может быть, после ознакомления с текстом его «Необходимой поправки»: «Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но *тем более* резолюция *архинеобходима*» (там же, стр. 337). Очевидно, в разговоре с Луначарским Ленин предложил ему немедленно снестись с председателем съезда Пролеткультов П. И. Лебедевым-Полыанским и задержать принятие решения. Луначарский послал соответствующую телефонограмму и тут же доложил о выполнении ленинского поручения специальной запиской в Политбюро (см. настоящ. том, стр. 222).

В архивном фонде Наркомпроса сохранилось письмо Луначарского к Н. К. Крупской, написанное накануне его доклада на съезде Пролеткультов:

«Дорогая Надежда Константиновна,

Очень извиняюсь, вышло так, что я не смог читать вчера мой доклад Пролеткульту и должен быть у них сегодня утром, так что свидание наше придется отложить. В Пролеткульте я буду вести такую линию, что-де мы признаём импонирующую силу объединения полмиллиона пролетариев и считаем необходимым в нашей культурной работе опереться на это объединение, а для этого считаю нужным ввести по одному официальному представителю в Главполитпросвет и в Художественный сектор с целью,

ЛЕНИН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ В КРЕМЛЕ БЕСЕДУЕТ С ГЕРБЕРТОМ УЭЛЛИСОМ

6 октября 1920 г.

Фотография Уинфрида Хемфриза

с одной стороны, связать таким образом Наркомпрос с самой крупной пролетарской культурной организацией, а с другой стороны, влить в эту организацию те многочисленные силы культурного характера, которые имеются в Наркомпросе, и сгладить нелепую границу между государственной культурной работой рабочего государства и рабочей же внегосударственной культурной работой.

Сделаю это так, что им покажется отчасти все это признанием их заслуг и значения, на деле же будет знаменовать собою подчинение Пролеткульта контролю соответственных органов Наркомпроса. Впрочем, наиболее умные из сепаратистов поймут в чем дело и, может быть, будут даже возражать, но мы операцию подчинения Пролеткульта государственному внешкольному делу должны выполнить во что бы то ни стало. Приблизительно такую линию в общих чертах наметил мне вчера Владимир Ильич. Пока крепко жму Вашу руку. Статью при сем прилагаю.

⟨А. Луначарский⟩

Статью до 11 час⟨ов⟩ расшифровать не успею. Пришлю через час. Стенографистка Петрова».

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 374.

Как видно, Луначарский собирался совместить линию, которую «наметил... вчера Владимир Ильич», с попыткой сделать так, «что им ⟨Пролеткультам⟩ покажется отчасти все это признанием их заслуг и значения». Такое совмещение оказалось неудачным и неубедительным, привело к нечеткости основной позиции Луначарского.

9 октября на заседании Политбюро Ленин пишет «Набросок резолюции о пролетарской культуре» (Л е н и н, т. 41, стр. 462). Обсуждение вопроса на заседании Политбюро было бурным. Об этом говорит тот факт, что Ленин, судя по его записям, выступал девять раз (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15677). После одного из выступлений Бухарина Ленин пишет ему записку: «Зачем сейчас касаться наших с Вами разногласий (может быть возможных), если от имени всего ЦК достаточно заявить (и доказать):

(1) пролетарская культура—коммунизм

(2) проводит РКП

(3) класс — пролетариат—РКП—*Советская власть*.

В этом мы все согласны?» (См. статью В. В. Горбунова «Борьба В. И. Ленина с сепаратистскими устремлениями Пролеткульта». — «Вопросы истории КПСС», 1958, № 1, стр. 33). На этом заседании Политбюро постановило: «а) признать необходимым провести на съезде резолюцию о возможно более точном повторении и изложении принципа более тесной связи Пролеткульта с Наркомпросом и подчинении его партии. Резолюция поручить выработать тт. Лебедеву-Полянскому и Литкенсу. В случае разногласий резолюция должна быть согласована с секретарем ЦК;

б) на местах, где существуют организации Пролеткульта, их отношение к отделам народного образования таково же, как и в центре, т. е. они являются подотделами соответствующих отделов народного образования;

в) новые отделы Пролеткульта открываются в ведома ЦК Пролеткульта» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 113, п. 2).

11 октября Политбюро вновь рассматривало вопрос о Пролеткульте и постановило: «а) утвердить резолюцию, выработанную товарищами Покровским, Литкенсом и Бухариным <...>

г) дополнение резолюции в параграфе 6-м, предложенном президиумом конференции Пролеткульта, отклонить;

д) поручить Бухарину выступить во фракции конференции Пролеткульта с защитой указанной в параграфе «а» резолюции, предложив ему в своей речи остановиться на первых 3-х параграфах товарища Ленина и указать на обязательность финансирования местных учреждений через губнаробразы» (ед. хр. 114, п. 11).

14 октября 1920 г. Политбюро в третий раз заслушало вопрос о Пролеткульте. В постановлении говорилось: «а) принять к сведению резолюцию фракции конференции, б) поручить тт. Покровскому и Литкенсу представить в Политбюро не позже чем в недельный срок самую детальную инструкцию о взаимоотношениях Пролеткульта и Наркомпроса» (ед. хр. 115, п. 8).

По предложению Ленина Зиновьев подготовил проект письма ЦК РКП(б) «О Пролеткультах», которое подверглось доработке со стороны членов ЦК. Основные поправки внесла Крупская. Ленин на этом документе написал в ЦК РКП(б), что принимает почти все поправки Крупской и предлагает сделать еще одно «добавление: добавить о *смятении* работы *политико-просветительной* и *научно-просветительной*» (Л е н и н, т. 52, стр. 9—10).

1 декабря письмо ЦК «О Пролеткультах» было опубликовано в «Правде».

¹ Возможно, что формулировка эта подсказана ленинскими словами: «т. Луначарский говорил на съезде Пролеткульта *прямо обратное* тому, о чем мы с ним вчера условились» (Л е н и н, т. 41, стр. 336).

162

ЛУНАЧАРСКИЙ — В ПОЛИТБЮРО

В ПОЛИТБЮРО ЦК

<8 октября 1920 г.>

В исполнение В<ашего> предложения мною послана и предс<едателем> конференции Пролеткульта принята телеф<онограмма>. Распоряжение ЦК будет исполнено.

Нарком А. Луначарский

6 ч. 45 в<ечера>
8/Х

Публикуется впервые по автографу. ЦПА ИМЛ, ф. 5, материалы ЦК, ед. хр. 146.

См. предыдущее письмо и примеч. к нему.

163

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ НА ПИСЬМЕ Г. Ф. ГРИНЬКО

<29 октября 1920 г.>

29.X т. Луначарский! Прошу дать мне Ваш отзыв поскорее и сообщить, нужно ли заключение или решение ЦК (для устр<ойства> совещания. Нет?).

Ваш Л е н и н

ЛУНАЧАРСКИЙ И М. Н. ПОКРОВСКИЙ В ГРУППЕ УЧАСТНИКОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РАБФАКОВ
Москва, июль 1921 г.

если бы без большой задержки ЦК вернул нам это объявление с соответственной надписью.

Ваш А. Луначарский

30/X 20 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30924.

Партийное совещание по вопросам народного образования проходило в Москве с 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г. по окончании VIII Съезда Советов. Совещание было создано по постановлению ЦК партии; его непосредственными организаторами явились Наркомпросы РСФСР и УССР. Совещание имело целью подготовить материалы по «организации дела просвещения в республике» к X съезду РКП(б), а также рассмотреть вопрос о реконструкции органов Наркомпроса соответственно новым задачам Советской власти в области хозяйственного строительства. В совещании приняли участие «все видные руководители различных отраслей просвещения, представители ВЦСПС, союза молодежи и делегаты VIII Съезда Советов, заведующие провинциальными отделами народного образования и др.» («Приложение к бюллетеню VIII Съезда Советов, посвященное партийному совещанию по вопросам народного образования». Издание ВЦИК. 10 января 1921 г.). Всего в совещании участвовало 134 человека с решающим голосом и 29 человек с совещательным. Совещанием рассмотрен следующий круг вопросов: 1) Вводный доклад Луначарского и содоклад Гринько, 2) О социальном воспитании — доклад Луначарского и содоклад Гринько, 3) О реформе преподавания — доклад Литкенса, 4) О задачах профессионального образования — доклад Шмидта, 5) О работе с подростками — доклады Игната, Козелева и Шульгина, 6) О высшей школе — доклады Шмидта и Покровского, 7) О рабочих факультетах — доклады Вахирева и Зандера.

В XXVI томе Сочинений Ленина, 3-е издание, стр. 642, примеч. 84, указываются только четыре первых доклада. В 4-м и 5-м (полном) изданиях сочинений Ленина это примечание опущено, хотя без него трудно понять смысл основных положений «Директив ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», которые комментируются в 3-м издании. В частности, непонятно, кто понизил возрастную норму для общего политехнического образования с 17 до 15 лет, несмотря на прямое указание программы партии; кто не понимал связи профессионального образования с «общими политехническими знаниями» и т. д. (см. Ленин, т. 42, стр. 319).

На совещании предполагалось заслушать доклад Н. К. Крупской о политехническом образовании, но вследствие ее болезни доклад этот не состоялся. Тезисы доклада Крупской, просмотренные Лениным, были представлены совещанию Луначарским (см. «Из заметок на тезисы Надежды Константиновны (автограф Ленина)» — «На путях к новой школе», 1929, № 2).

Заслушанные совещанием доклады были подвергнуты самому тщательному обсуждению. В прениях приняло участие более 35 ораторов. (В указанном выше примечании 84 допущена неточность. Там говорится: «свыше 20 ораторов», в то время как свыше 20 ораторов выступило только в третий день совещания — 2 января 1921 г.) Одним из центральных вопросов, на котором сосредоточились прения, был вопрос о «базе социального воспитания — политехническом или профессиональном образовании» (в том же примечании на стр. 642 допущена опечатка. Сказано: «политическом или профессиональном образовании». Надо читать «политехническом». См. запись беседы О. Ю. Шмидта «Политехническое или монотехническое образование». «Приложение к Бюллетеню...»). Эта опечатка тем более досадна, что Ленин указывал на аналогичную опечатку в «Правде» 1921 г., № 25, 5 февраля, при публикации «Директив ЦК РКП коммунистам — работникам Наркомпроса (в связи с реорганизацией комиссариата)» (Ленин, т. 42, стр. 322). За профессиональное (монотехническое) образование особенно активно выступали Гринько и Шмидт. Против — точнее, за политехническое образование — Луначарский. Тезисы доклада Крупской, представленные совещанию, также защищали идею политехнического образования. Борьба велась вокруг так называемой «схемы тов. Гринько».

Оценивая взгляды «профессионалистов» на задачу школы, а, с другой стороны, крайнее мнение — о необходимости базировать систему социального воспитания на детском доме, Луначарский указывал на беспочвенность этих предложений вследствие хозяйственной разрухи и отсутствия достаточного числа коммунистов-педагогов («Приложение к Бюллетеню...»).

В споре о возрасте окончания общеобразовательной школы Гринько и Шмидт стояли за 15 лет, мотивируя свои взгляды соображениями педагогического и социологического характера.

Луначарский, поддерживая положение программы партии, что «общее образование должно доходить до 17 лет, потому что это минимальный возраст, при котором мы можем сделать человека гражданином и коммунистом», считал, однако, возможным в связи с бедностью страны временно ограничить общее образование 15-летним возрастом (см. А. Луначарский. Просвещение и революция. Сборник статей. М., «Работник просвещения», 1926, стр. 406). Совещание высказалось за схему, предложенную Гринько.

Учитывая нерешенность многих поставленных проблем и противоречивость различных точек зрения, конференция объявила свою работу предварительной и постановила создать комиссию из представителей Наркомпроса, ВЦСПС и хозяйственных комиссариа тов для созыва с разрешения ЦК РКП(б) Всероссийской партийной конференции, которая окончательно разработала бы к X съезду партии затронутые конференцией принципиальные вопросы («Приложение к Бюллетеню...»).

Итоги совещания были подвергнуты обстоятельной критике Н. К. Крупской.

В середине января 1921 г. представители профсоюзной общественности Исаев и Барабашев в письме Ленину жаловались на односторонний характер партийного совещания, плохую его подготовленность и расплывчатость постановлений по ряду определяющих вопросов.

Ознакомившись с материалами совещания и различными критическими откликами по этому поводу, Ленин поставил вопрос в ЦК о приостановке выполнения решений партийного совещания, касающихся реорганизации Наркомпроса. Об этом говорит содержание телефонограммы Ленина 14 января 1921 г. (см. настоящ. том).

Анализируя работу партийного совещания по народному образованию, Ленин в статье «О работе Наркомпроса», опубликованной 9 февраля 1921 г. в «Правде», писал, что из материалов партийного совещания по народному образованию «видна неправильная постановка вопроса о политехническом образовании». «Рассуждения о том, „политехническое или монотехническое образование“ <...> эти рассуждения в корне неверны, для коммуниста прямо недопустимы, показывают и незнание программы и пустейшее „увлечение“ абстрактными лозунгами» (Л е н и н, т. 42, стр. 323).

Ленин решительно выступал против «принципиальных обоснований» понижения возрастной нормы для общего политехнического образования. «Если мы вынуждены временно понизить возраст (перехода от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию) с 17-ти лет до 15,— писал Ленин,— то партия должна рассматривать это понижение возрастной нормы „исключительно“ (пункт 1-й директив ЦК) как практическую необходимость, как временную меру, вызванную „нищетою и разорением страны“.

Общие рассуждения с потугами „обосновать“ подобное понижение представляют из себя сплошной вздор. Довольно игры в общие рассуждения и якобы теоретизирование!» (Л е н и н, т. 42, стр. 323).

И дальше: «На совещании партработников нет этого учета практического опыта, нет отзывов педагогов, применявших этот опыт так-то и так-то, а есть неудачные потуги на „общие рассуждения“ и на оценку „абстрактных лозунгов“» (там же, стр. 324).

Основные положения работы Наркомпроса были разработаны комиссией ЦК РКП(б) во главе с Лениным.

Сохранилось объявление о созыве совещания, которое было послано Ленину. Вот его текст:

«Народные комиссариа ты по просвещению РСФСР и УССР через особую при них комиссию с разрешения ЦК РК Партии созывают в Москве на 30 декабря с. г. партийную конференцию по вопросам народного просвещения во всей Федерации.

Целью этой конференции является учет трехгодичного опыта и установления принципиальной программы коммунистической и советской просветительской работы, каковая должна быть затем обсуждена и утверждена X съездом РК Партии.

Комиссия публикует своевременно список лиц и учреждений, приглашаемых ею для участия на этой конференции. Список предварительно будет утвержден ЦК РК Партии.

Всех товарищей с мест, имеющих какие-либо предложения, статьи, тезисы или материалы, могущие быть полезными при разработке просветительской программы Партии, комиссия просит посылать таковые по адресу: Москва, Наркомпрос, Цебис т. Венгрову.

Народный комиссар по просвещению РСФСР А. Луначарский

Народный комиссар по просвещению УССР Гринько

Секретарь ЦК РКП» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 410).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ОТВЕТЫ ЛЕНИНА

<Конец октября, не ранее 21, 1920 г.>

Дорогой В. И.

Горький сейчас с ужасом сказал мне, что Закс (известный гржебиноед) назначен книжным диктатором за границей.

Он, конечно, гржебинское дело разрушит. Меня это интересует прежде всего формально. Стороной, чуть не от обывателей я узнаю — «Закс назначен от Госиздата за границу» — «Еремеева восстанавливают заведующим». Хорошо ли? *Ведь конституционно я ответствен.* Надо бы посоветоваться со мной или *хоть предупредить*. Между тем Горькому на его жалобу, что в этом отношении дело словно без хозяйка, вы ответили — «хозяйин Луначарский, что ж он смотрит?!» Это горькая ирония! Либо заберите у меня Госиздат, либо принимайте от него решения, *хотя бы с моего ведома!* Т. Крестинскому я об этом говорил. Он обещает, а дело идет по-старому.

Сверху — надпись Ленина:

«Сговоритесь с Крестинским и éventuell * внесите текст (проект) резолюции в Политбюро».

Под текстом письма — продолжение ответа Ленина:

«Право *всякого* Наркома иметь доклад и в *Орг.* — и *Политбюро*. И *обязать*. Вы виноваты, что *зеваете*».

Слева на полях, рядом с фразой: «*Ведь конституционно я ответствен*» Ленин написал: «Конечно».

«Ленинский сб.», XXXVII, стр. 262. Все подчеркивания в записке Луначарского сделаны Лениным. Датируется по содержанию.

История издательства Гржебина на основе новых документальных материалов подробно рассматривается в настоящем томе, стр. 668—703.

166

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

3 ноября 1920 г.

В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

Согласно состоявшемуся вчера, 2 ноября, решению Большого Совнаркома, параграфы 13 и 14 прилагаемого при сем, принятого в целом, проекта об учреждении Главполитпросвета подлежат суждению и редактированию Малым Совнаркомом в срочном порядке, т. е. в первое его заседание.

Прошу поставить вопрос на повестку.

Нарком по просвещению <А. Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1 ед. хр. 385, л. 276.

На заседании Совнаркома 2 ноября 1920 г. (прот. 396, п. 9) был рассмотрен и в целом принят проект декрета о Главполитпросвете. Декрет начинался со следующей характеристики задач Главполитпросвета: «Для объединения всей политико-просветительной, агитационно-просветительной работы Республики и сосредоточения ее на обслуживании политического и экономического строительства страны при Народном комиссариате по просвещению учреждается Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет)». Параграфы 13 и 14, о которых упоминает Луначарский, в первоначальном проекте формулировались так: «13) До выработки и утверждения специальной сметы Главполитпросвет пользуется сметными назначениями учреждений, ему подчиненных, являясь распорядителем отпущенных им кредитов. <...> 14) В распоряжение Главполитпросвета передается особый фонд в 5 миллиардов рублей с правом расходования его на экстренные политико-просветительские нужды по постановлениям Коллегии Главполитпросвета, независимо от общей сметы, утверждаемой в общегосударственном порядке» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 399, лл. 82—83).

* при случае (франц.).

В результате обсуждения проекта в Совнарком под председательством Ленина 2 ноября было постановлено: «Принять проект в принципе. Поручить Малому Совету срочно рассмотреть финансово-сметную часть его. После утверждения его Малым Советом передать его в редакционную комиссию в составе гг. Луначарского, Преображенского, Курского, поручив им представить декрет за их подписями на подпись т. Ленину не позже пятницы 5/XI.

Утвердить следующий состав Главполитпросвета: председателем — Н. К. Крупская, заместители — гг. Преображенский, Литкенс, члены — гг. Шаширо, Соловьев» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 16026).

4 ноября Малый Совнарком (прот. 580, п. 11) утвердил проект в исправленном виде.

В деле сохранилось отношение Луначарского в секретариат Совнаркома: «Настоящим удостоверяю, что декрет о Главполитпросвете редактирован был мною, гг. Курским и Преображенским при их полном согласии. Нарком по просвещению А. Луначарский. 12/XI—20 г.» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 399, л. 86).

12 ноября Ленин вновь вернулся к рассмотрению декрета о Главполитпросвете в его доработанном, окончательном виде. В принятом тексте декрета параграфы 13 и 14 были заменены одним параграфом 13, который гласил: «До выработки и утверждения сметы Народным комиссариатом по просвещению Главполитпросвет пользуется сметными назначениями учреждений, им объединяемых». Ленин подписал декрет («Соблюдение узаконений и распоряжений». 1920, № 94, стр. 475).

По сформировании Главполитпросветкомитета все кредиты, отпущенные по этим сметам, перечисляются в смету НК по просвещению по Главполитпросвету. Кроме того, было принято постановление:

«Отпустить НК просвещения для организации и развития работ по Главполитпросвету на непредусмотренные или исчерпанные кредиты по сметам подлежащих Народных комиссариатов на 1920 год сверхсметным кредитом три миллиарда рублей (3 000 000 000 р.)». (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 399, л. 83).

16 ноября Совнарком (прот. 399, п. 19) заслушал «Сообщение о подписании декрета Совета Народных Комиссаров о Главном полит.-просветительном комитете Республики (Главполитпросвет)». Постановили: «Принять к сведению». 18 ноября в секретариат Совнаркома было послано письмо Луначарского и Крупской:

«Народный комиссар по просвещению и председатель Главполитпросвета просят в ближайшее время опубликовать в печати утвержденный Совнаркомом декрет об учреждении Главного политико-просветительного комитета Республики.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Председатель Главполитпросвета Н. Ульянова

Секретарь В. Дризд» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 399, л. 87).

Вопросом о создании Главполитпросвета и разъяснением его задач Ленин занимался многократно.

28 октября 1920 г. им был написан «Проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о Главполитпросвете» (Ленин, т. 41, стр. 397). 3 ноября Ленин произнес речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования (см. т. 41, стр. 398—408).

167

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<5 ноября 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич!

Посылаю Вам 4 билета на места для почетных гостей на мою пьесу «Народ». Если Вы будете сколько-нибудь свободны, то придите посмотреть. Это не только первое представление первой моей серьезной пьесы (ибо за очень серьезную я «Королевского брадобрея», которая когда-то Вам понравилась, не считаю), но и первое во всей Европе представление чисто социалистической пьесы на большой сцене.

А. Луначарский

5/XI 20 г.

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 247—248.

К письму было приложено приглашение: «Президиум и Местный комитет Художественно-трудового коллектива работников театра „К. Незлобина“ просит дорогого и высокоуважаемого товарища Владимира Ильича Ленина пожаловать на первое пред-

ставление пьесы А. В. Луначарского „Народ“, в воскресенье 7-го ноября в 7 час. вечера.

Центральная ложа

С товарищеским приветом
Президиум

Местком» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 96, л. 168).

Ленин на спектакле не присутствовал. Он в этот день, 7 ноября, выступал дважды с речами: на курсах Московской кавалерийской школы с поздравлением об окончании курсов и с речью на торжественном заседании пленума Сокольнического районного Совета Р и СД совместно с представителями фабрично-заводских комитетов и правлений предприятий г. Москвы (см. Л е н и н, т. 42, стр. 11, 552).

Пьеса «Народ» является первой частью трилогии «Фома Кампанелла», вторая часть — «Герцог». Третья часть «Солнце» не была завершена Луначарским, он написал только первый акт. В предисловии к первому тому «Драматических произведений в 2-х томах» (М., 1923) Луначарский писал: «... вся трилогия остается незаконченной. Между тем лишь законченная трилогия окончательно выявит основную идею, положенную в ее основу. Без этой третьей части каждая пьеса остается почти совершенно обособленной исторической картиной. В целом же это произведение претендует и на известное, так сказать, психологическое, моральное и философское единство...» Пьеса «Герцог» шла в театре МГСПС (1924 г.).

Пьеса Луначарского «Королевский брадобрей» была написана в январе 1906 г. Отаив Ленина об этой драме приводится Луначарским в письме режиссеру С. Келю (1925 г.): «Пьеса имеет свои недостатки, но я могу сказать с гордостью, что о ней дал устно, правда, достаточно лестный отзыв такой скупой на похвалы человек, как великий наш вождь Владимир Ильич Ленин. Он в пьесе отметил, конечно, то, что является для меня самым важным: попытку, с одной стороны, проанализировать, что такое монархическая власть, на каких общественных противоречиях вырастает она, а, с другой стороны, показать ее естественное превращение в чудовищное властолюбие, непосредственно переходящее в своеобразное безумие» («Курская правда», 1960, № 101, 28 апреля).

168

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<12 ноября 1920 г.>

ПРЕДСОВНАРКОМ т. В. И. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич,

Беспрестанно выходят у нас недоразумения с бумагами, которые я Вам посылаю. Вы меня запросили срочно относительно моего мнения по поводу плана Гринько о созыве партийной конференции по народному образованию. Я в тот же вечер дал ответ по телефону, принятый у Вас некой Лепешинской, а затем на следующий день послал Вам письмо и приложил к нему проект объявления. После этого ни слуху ни духу. Секретарь специальной комиссии по созыву конференции т. Скаткин раз десять звонил в Ваш секретариат и добился такого ответа, что Вы никакого распоряжения не отдали. Я очень боюсь, что бумажка затерялась, не позволите ли прислать ее снова и на этот раз не Вам, а прямо в секретариат ЦК. Нам было бы очень желательно, чтобы объявление появилось как можно раньше, места лучше подготовить под конференцию.

Сейчас я посылаю Вам объяснительную записку и проект декрета о создании Совета защиты детей под Вашим председательством. Вы не пугайтесь сразу, так как количество работы, которое ляжет при этом на Вас, абсолютно ничтожно. Дело заключается главным образом в том, чтобы придать Совзадету ту же степень компетентности и авторитетности, какая придана ему на Украине, где Раковский председательствует в Совзадете (более номинально). Сейчас для меня стало совершенно очевидным, что охранить сколько-нибудь интересы подрастающего поколения мы можем только путем чрезвычайно энергичного давления на про-

ЛУНАЧАРСКИЙ И Н. К. КРУПСКАЯ СРЕДИ ДЕЛЕГАТОК
ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК

винциальные органы. Весь аппарат для этого существует, только я очень прошу Вас не затерять опять и этих документов и дать мне по возможности сейчас же после прочтения их принципиальный ответ, согласны Вы принять на себя такое председательство более или менее в духе указанного декрета, который будет рассматриваться в Малом Совете, или нет.

Нарком А. Луначарский

12/XI 1920 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30925, лл. 1—3. Письмо Луначарского о «плане Гринько» см. на стр. 224—225 настоящ. тома.

4 января 1919 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление об учреждении Совета защиты детей. Приводим его текст:

«1) Принимая во внимание тяжелые условия жизни в стране и лежащую на революционной власти обязанность обереечь в опасное переходное время подрастающее поколение, Совет Народных Комиссаров настоящим декретом утверждает Особый совет защиты детей.

2) Совет защиты детей имеет своим Председателем Народного комиссара по просвещению. В состав его, кроме Председателя (представителя от Народного комиссариата по просвещению), входят по одному представителю от следующих Народных комиссариатов: Социального обеспечения, Здравоохранения, Продовольствия и Труда.

3) Совету защиты детей предоставляется право налагать „вето“ через соответствующие Народные комиссариаты на распоряжения ведомств, не входящих в Совет, если таковые распоряжения ведут к явному ущербу для детей.

4) Считая дело снабжения детей пищей, одеждой, помещением, топливом, медицинской помощью, а равно эвакуацию детей в хлебородные губернии одной из важнейших государственных задач, Совет Народных Комиссаров поручает Совету защиты детей:

а) согласовывать деятельность входящих в него Комиссариатов по эвакуации детей в хлебородные губернии, а равно объединять их планы общественного детского питания и снабжения в целях включения такового путем непосредственного сношения с подлежащими Народными комиссариатами в общегосударственный план;

б) следить за точным выполнением той части установленного таким образом плана, которая касается питания и снабжения детей.

5) Совету защиты детей предоставляется право издавать обязательные постановления, касающиеся охраны здоровья детей, успешной организации их питания и снабжения, и вменяется в обязанность следить за неуклонным выполнением их.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров В. У л ь я н о в (Л е н и н). Народный комиссар по просвещению А. Л у н а ч а р с к и й. Управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Б о н ч - Б р у е в и ч.

4 января 1919 г.» Декрет был опубликован 6 февраля 1919 г. в «Известиях» (№ 27). См. также «Собрание узаконений», 1919, № 3, ст. 32.

В ряде ленинских документов отразилась повседневная забота руководителя Советского государства о воплощении в жизнь принятого декрета. В условиях жестокого голода и разрухи Ленин зорко следил за тем, чтобы все лучшие продукты поступали в распоряжение Совета защиты детей. Так, 5 апреля 1919 г. Ленин пишет «в Саратовские советские учреждения»: «Вполне присоединяюсь к просьбе Народного комиссариата по продовольствию оказывать всяческое содействие саратовскому „Совету защиты голодающих детей красных столиц“. С своей стороны очень прошу всеми силами помочь этому „Совету защиты детей“. Председатель СНК В. У л ь я н о в (Л е н и н)» («Ленинский сб.», XXXIV, стр. 108). 20 июня того же года по прямому проводу в адрес Наркомпрода Крыма направляется следующая директива за подписью Ленина и Цюрупы: «В связи с тяжестью продовольственного положения Великороссии, громадным недостатком продуктов для питания детей, особенно больных, предлагаю все имеющиеся в Крыму фруктовые консервы, также сыр отправлять исключительно для питания больных детей Севера Великороссии в адрес Компрода. О последующем срочно сообщите» («Ленинский сб.», XXXIV, стр. 177). 23 августа 1919 г., получив образцы фруктов из советских хозяйств, Ленин просит «впредь этого не делать, фруктов и т. п. не посылать», а сообщить, как распределяются фрукты и т. п., «даются ли в больницы, санатории, детям, куда именно, сколько именно» («Ленинский сб.», XXXV, стр. 74). 15 марта 1920 г. в ответ на телеграмму от религиозных общин о том, что один вагон хлеба из собранных ими пожертвований направляется председателю Совнаркома, Ленин наложил резолюцию: «Прошу направить этот вагон в Совет защиты детей» (там же, стр. 113). 7 мая 1920 г. Ленин благодарит тридцатый полк Красных коммунаров Туркестанского фронта за присланные макароны и муку, которые он передает детям Москвы («Ленинский сб.», XXXIV, стр. 300). 29 июня 1920 г. Ленин посылает в Баку телеграмму Азербайджанскому Совнархозу: «По полученным Компродом сведениям имеются в Вашем распоряжении шесть тысяч пудов паюсной черной икры, предназначенной Вами к вывозу за границу в порядке самостоятельного товарообмена. Считаю необходимым обратить Ваше внимание на нежелательность с общегосударственной точки зрения Вашего несогласованного с нами выступления по вопросу товарообмена. В случае действительного излишка в количестве шести тысяч пудов паюсной икры просим направить таковую в Москву в адрес Наркомпрода для распределения среди детей и больных пролетариев голодающих центров. О последующем телеграфируйте Компрод-распределение.

Предсовнаркома Л е н и н» («Ленинский сб.», XXXIV, стр. 331—332).

17 мая 1919 г. Ленин подписал декрет о бесплатном детском питании (для детей до 14 лет включительно, независимо от классового пайка их родителей), проживающих в фабрично-заводских центрах неземледельческих районов (см. «Собрание узаконений», 1919, № 20).

Совет защиты детей испытывал в своей работе много затруднений ведомственного характера, в частности, существовали трения с Наркомпродом, стремившимся централизовать в своем аппарате все поступления и распределение продуктов.

Вместо предложенной Луначарским реорганизации Совета защиты детей 27 января 1921 г. была создана Комиссия при ВЦИК по улучшению жизни детей. (Положение о Комиссии утверждено ВЦИК 10 февраля 1921 г. и опубликовано в «Известиях», № 31, 12 февраля. См. также «Собрание узаконений», 1921, № 11, ст. 75.) Это был междоветовственный орган, объединявший деятельность различных организаций по оказанию помощи детям и осуществлявший высший надзор за различными органами власти по вопросам охраны прав детей. В состав Комиссии входили представители ВЦСПС, Наркомпрод, Наркомздрава, Наркоматрота, ВЧК и других организаций.

Первым председателем Комиссии был Ф. Э. Дзержинский.

Подобные комиссии были созданы и на местах. Они провели большую работу по переселению детей из голодающих областей, сбору средств и продуктов для детей в т. д. Особенно большую работу провели комиссии по борьбе с детской беспризорностью и детской преступностью. Комиссии были упразднены в 1938 г. (см. также настоящ. том, стр. 118—120).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<20 ноября 1920 г.>

Владимир Ильич!

Мы отправили выдающегося ученого и прекрасного лектора Неменова, создавшего у нас Рентгенологический институт, за границу. Посылаю Вам соответственный материал, показывающий, что на этот раз мы отнюдь не ошиблись, послав туда этого человека. Думаю, что Вам будет любопытно просмотреть материал.

Нарком по просвещению А. Луначарский

20/XI

«Вестник Академии наук», 1960, № 4, стр. 61.

М. И. Неменов (1880—1950) — выдающийся советский ученый, врач-рентгенолог, с 1918 г. был директором созданного по его инициативе Института рентгенологии и радиологии в Петрограде. Институт, руководимый проф. Неменовым, был одним из первых советских научных учреждений, снискавших заслуженную известность у представителей зарубежной науки уже в первые годы после революции. Одновременно с публикуемым письмом Луначарский переслал Ленину три статьи из немецкой печати, полученные от Неменова, — первые зарубежные отклики об успехах советской науки.

Ниже мы приводим письмо Неменова Луначарскому, которое было послано вместе со статьями:

«Берлин, 15 октября 1920 г.

Дорогой Анатолий Васильевич!

Думаю, что для Вас представит некоторый интерес получить некоторые сведения о ходе моей здешней работы, да и, кроме того, мне необходимо получить от Комиссариата некоторые данные, а из опыта я знаю, что если нужно что-нибудь быстро и верно получить, то нужно обратиться непосредственно к Вам, хотя я этим стараюсь злоупотреблять по возможности редко. Почти прямо с поезда я попал на съезд естествоиспытателей и врачей в *Nauheim'e*, где мне сразу удалось ориентироваться относительно положения науки в Германии. Вместе с тем я своим появлением и своими рассказами произвел, можно сказать, сенсацию. Представления о России, о положении ученых в России настолько у них нелепы, что мне на основании фактов было очень легко их разрушить. Я им показал наши издания, показал фотографии нашего института, наши работы (я несколько раз выступал в прениях). Вид моей помеченной 1920 годом „Рентгенотерапии“, на меловой бумаге, с трехцветными рисунками произвел на них „потрясающее“ впечатление. Профессор *Berliner*, редактор „*Naturwissenschaften*“, схватил ее и всем ее показывал, как если бы это была книга, сброшенная с Марса.

Из разговоров выяснилось, что большинство немецких профессоров приехало бы в Петербург на съезд, если бы такой был бы созван. Я посетил целый ряд городов Германии и всюду встречал радушный прием и величайшее изумление по поводу моих рассказов. До сих пор уже появились 4 статьи в крупнейших изданиях о России в связи с нашим институтом. Так, статья д-ра *Lehrfreund'a* в „*Leipziger Tageblatt*“, статья известного профессора *Levy-Dorn'a* в „*Deutsche medizinische Wochenschrift*“ (обе Вам посылаю) и статья известного профессора *E. Liesegang'a* в „*Frankfurter Zeitung*“ и статья в „*Vossische Zeitung*“. К сожалению, у меня имеется точный материал только о нашем институте и далее невозможно им одним оперировать: надоест. Поэтому прошу Вас распорядиться, чтобы мне немедленно по адресу *Kopp'a*, *Unter den Linden*, 11, выслали данные о деятельности Комиссариата просвещения вообще, и я постараюсь познакомиться с ними немецкую публику, а так как я намерен еще быть в Швейцарии и Италии, то и там. Особенно интересно отметить то, что немцы теперь ставят нас в пример. Дело в том, что правительство отпускает на университеты очень мало средств. Многие провинциальные университеты (*Jena*, *Giessen*), чтоб поддерживать свое существование, должны продавать свой радий и платину. Профессора мне лично рассказывали, что они очень нуждаются, что у них не на что купить платье... А жизнь здесь кипит ключом и улыбки полны расфранченными спекулянтами (здесь их называют менее красивым словом „*Schieber*“) и проститутками, за огромными стеклами магазинов масса прекрасных вещей, доступных только спекулянтам, но ... за стеклом любоваться ими никому не возвращается, и при этом совершенно бесплатно. Вообще для того, кто знает Германию не по *Friedrichstrasse*, совершенно ясно, что здесь все гнило и что никогда классовые противоречия не достигали такой остроты здесь, как теперь. Буржуа здесь гораздо острее ненавидит рабочего, чем наш буржуа на другой

день после того как у него все отняли. Однако я отвлекся в сторону классовых противоречий в Германии. Вернусь к своим делам. Проф. Liesigang организует центр для сбора отдельных оттисков научных работ для пересылки в Россию. Он мне уже порядочно экземпляров прислал. Кроме того, он пишет, что художественные кружки чрезвычайно заинтересованы в возобновлении связи с художественным миром России. Он прислал мне большой список новейших художественных изданий, журналов и книг. (Если Вы напишете Коцпу, то я могу их закупить для Вас.) Ряд профессоров выразил желание дать статьи для нашего журнала (рентгенологии). [Таким образом, журнал может принять характер большого интернационального издания. Я постараюсь привлечь не только немецких авторов. Здесь я устрою склад издания для Европы. Дело в том, что мы произведениями печати можем очень сильно конкурировать с Европой, так как книги здесь чрезвычайно дороги, а наша валюта очень низка. Благодаря Вашему содействию журнал вполне обеспечен бумагой. Сегодня я знакомился с Институтом психотехники. Это чрезвычайно интересное и для русских условий чрезвычайно важное учреждение. При помощи различных приборов совершенно объективно определяются способности, приспособленность исследуемого к тем или иным занятиям. Устройство такого института в Петербурге (местный патриотизм) обошлось бы очень дешево (200—300 тысяч марок), а между тем значение его огромно. Хотя в этом главным образом заинтересован Комиссариат труда, но он не менее важен для Комиссариата просвещения, где должны исследоваться все кончающие среднюю школу и т. д. Кроме того, мы здесь работаем над вопросом устройства показательной выставки приборов, аппаратов и машин. Купил для института очень много вещей. Нас теперь никто не нагонит.

С искренним товарищеским приветом М. М е м е н о в » («Организация науки в первые годы советской власти (1917—1925)». Л., «Наука», 1968, стр. 374—375).

170

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<20 ноября 1920 г.>

Тов. ЛЕНИНУ

Неделю тому назад я внезапно узнал, что по постановлению Земельно-Жил<ищного> отдела Московского Совета выселяется в кратчайший срок Государственная школа кинематографии, которая как раз в это время является главной нашей рабочей силой по изготовлению фильмов, связанных с продовольственной кампанией и политической агитацией.

Опираясь на решение Малого Совнаркома от 5/V, постановившего, что государственные учреждения, находящиеся непосредственно в ведении наркоматов, не могут быть выселяемы без ведома и согласия наркома, я приостановил распоряжение Зем(ельно)-Жил<ищного> отдела.

Вечером другого дня я узнал, что Зем<ельно>-Жил<ищный> отдел тем не менее приступает к выселению. Я сейчас же обратился в Президиум ВЦИК, который, став на мою точку зрения, распорядился о приостановке этого распоряжения впредь до его рассмотрения. Действия свои З<емельно>-Ж<илищный> отдел приостановил, но сегодня я получил бумагу от 16/XI за № 13901, каковую в подлиннике посылаю Вам. В бумаге этой, к моему совершенному изумлению, член Президиума Московского Совета заявляет, что постановления Малого Совнаркома по жилищным вопросам для Президиума М<осковского> Совета не обязательны.

Прошу Вас разъяснить мне, действительно ли Президиум Московского Совета не обязан повиноваться распоряжениям центральной власти, в конце концов подписываемым Вами как председателем Совнаркома, в каком случае я уже и обращаться не буду, или Президиум М<осковского> Совета впал здесь в заблуждение.

Жду ответа срочно, так как от него зависит дальнейший ход дела.

Нарком по просвещению А. Луначарский

20/XI 20 г.

ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ С ГРУПОЙ КРЕСТЬЯН СЕЛА КАШИНО ВОЛОКОЛАМСКОГО УЕЗДА МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПРАЗДНИКЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ОТКРЫТИЮ КАШИНСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Село Кашино, 14 ноября 1920 г.

Фотография Ф. В. Феофанова

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30929, л. 1.

«Первая не только в России, но и в мире», — как писал Луначарский, Государственная школа кинематографии на правах высшего учебного заведения была открыта в Москве 1 сентября 1919 г. на основании постановления Всероссийского фото-киноотдела Наркомпроса 29 мая 1919 г. С этого времени она (вместе с Всероссийским фото-киноотделом) размещалась в Малом Гнездииковском пер., дом 7.

В другом письме, направленном в Совет Народных Комиссаров 22 февраля 1921 г. и тоже посвященном нуждам школы, Луначарский писал: «Занятая воспитанием будущих работников социалистической кинематографии и изыскиванием новых творческих путей кинематографического творчества, 1-я Государственная школа кинематографии не остается в стороне от текущей борьбы и строительства рабочего класса и, кроме ряда агитационных постановок, по мере предоставления ей пленки, поставила силами учащихся две больших художественно-агитационных картины: „В дни борьбы“ — для польского фронта и „Серп и молот“ — для пропаганды» (см. настоящ. том, стр. 252).

К письму Луначарского Ленину был приложен такой документ: «Президиум Московского Совета извещает Вас в ответ на вашу телефон(ограмму) от 11/XI с. г. за № 112, что всеми помещениями на территории гор. Москвы и губернии исключительно распоряжается Президиум Московского Совета в лице его органа Ж(илищно)-З(емельного) отдела, а потому постановления Малого Совнаркома по жилищным вопросам для Президиума Московского Совета не обязательны. В частности, переселение Ж(илищно)-З(емельным) отделом Фото-киностудии в Леонтьевский пер., 4, Президиум считает правильным. Управдел, член Президиума» (подпись неразборчива; ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30929, л. 2).

171

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

КОПИИ тт. ЛИТКЕНСУ, СОЛОВЬЕВУ, КРЕСТИНСКОМУ

29.XI.

т. Луначарский! Мы вчера подробно побеседовали с т. Литкенсом. По-моему, его и т. Соловьева проекты искусственны. Решать будет, разумеется, Цека. Мои предварительные соображения таковы:

- 1) Создать должность помнаркома, передав ему *все* администрирование.
- 2) «Организационный сектор» превратить в «Организационный центр» (с заведующим — членом коллегии). Этот центр ведает административной, организационной, снабженческой и т. п. частью *всех* секторов.
- 3) Главпрофобр уничтожить, слив его с *школой 2-ой ступени*, при *услови и*: (α) увеличить в школах 2-ой ступени общеобразовательные и политические предметы и (β) обеспечить, по мере возможности, переход от профессионально-технического образования к политехническому.
- 4) «ГУС» (Государственный ученый совет) оживить и упорядочить, как орган обсуждения всех научно-педагогических вопросов.

Состав = все члены коллегии + лучшие *спецы*, хотя бы буржуазные.

- 5) Сектора создать такие: (1) дошкольный; (2) школьный 1-ой ступени; (3) школьный 2-ой ступени (= Главпрофобр); (4) внешкольный (= Главполитпросвет); (5) высшая школа; (6) художественный.

6) Художественный сектор оставить как единый сектор, поставив «*политкомов*» из *коммунистов* во все центральные и руководящие учреждения этого сектора.

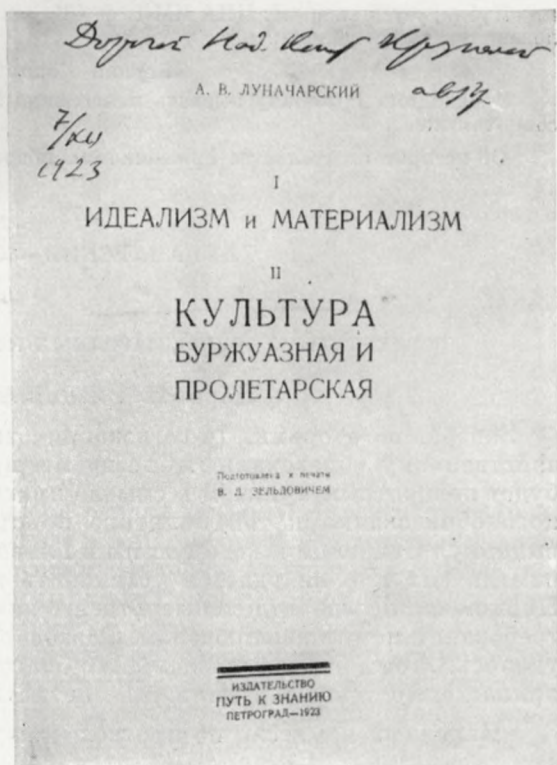
29. XI. Л е н и н

Л е н и н, т. 52, стр. 21—22.

Евграф Александрович *Литкенс* — зам. зав. Главполитпросветом, был назначен на должность помощника Наркома просвещения по предложению Ленина Пленумом ЦК РКП(б) 8 декабря 1920 г. Это назначение обуславливалось необходимостью организационного укрепления Наркомпроса.

В руках Литкенса решением Пленума ЦК РКП(б) сосредоточивалась вся полнота организационно-административной деятельности (см. Л е н и н, т. 42, стр. 376). Луначарский в интересах дела соглашался на серьезные ограничения своей деятельности как Наркома и торопил Совнарком с утверждением Литкенса в этой должности. Однако Совнарком на заседании 25 января 1921 г. отложил решение этого вопроса ввиду необычности функций, возлагавшихся на должность помощника наркома в Наркомпросе.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«I. ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИА-
ЛИЗМ. II. КУЛЬТУРА БУРЖУ-
АЗНАЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ»
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Н. К. КРУПСКОЙ
«Дорогой Над(ежде) Конст(ан-
тиновне) Крупской автор. 7/XII
1923»

и поручил Малому Совнаркому представить «формулированный проект постановления» и утвердить назначение Литкенса «по личному опросу наркомов» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 407, л. 3).

31 января 1921 г. Малый Совнарком (прот. 625, п. 2) назначил Литкенса вторым заместителем наркома просвещения (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17007, л. 2).

Зам. председателя Малого Совнаркома А. Г. Гойхбарг направил в ЦК РКП(б) письмо с обоснованием невозможности назначения помощника наркома с такими полномочиями. «... По конституции наркомы занимают положение, резко расходящееся с тем, которое должен был бы занять Нарком по просвещению согласно этого постановления», — писал он (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17032, л. 1). Ленин, строго следивший за соблюдением конституционных положений, согласился с предложением Гойхбарга назначить Литкенса вторым заместителем наркома просвещения. 1 февраля специальная комиссия с правом решать вопросы от имени ЦК, утвердила это назначение, к тому же решение Малого Совнаркома было утверждено поименным опросом наркомов. (Подробнее об этом см. статью И. С. Смирнова «В. И. Ленин и руководство делом народного образования» в сб. «В. И. Ленин и проблемы народного образования». М., Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961, стр. 233.)

172

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА т. ЛЕНИНУ

9/XII 1920 г.

Только что говорил по телефону с Вейсом о том, что Вы желаете вызвать Гржебина срочно и сами подписаться под соответственной телеграммой. Если Вы придерживаетесь и сейчас этой точки зрения, то посылаю Вам телеграмму, которую прошу подписать.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30931, л. 1. К письму приложен текст телеграммы:

«Берлин Кошпу

Необходимо Гржебину выехать немедленно Москву. Максимальный срок 48 часов» (там же, л. 2).

Об истории издательства Гржебина см. подробно в настоящ. томе, стр. 668—703.

173

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨13 декабря 1920 г.⟩

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

Завтра, во вторник, 14-го декабря открывается съезд по сельскохозяйственному образованию. Съезду мы придаем огромное значение. Он будет поворотным пунктом в смысле приспособления сельскохозяйственного образования к той политике по отношению к деревне, которую выдвинул Осинский и которую мы в Главпрофобре приветствуем. Однако нам до сих пор не удается установить необходимой определенности с Наркомземом, где отдельные отделы как будто не согласовали своих требований по отношению к нам. Разговор с тов. Середой организовать не удалось. Я был бы Вам чрезвычайно благодарен, если бы Вы просмотрели прилагаемые тезисы и дали бы мне хотя бы по телефону свой отзыв.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30932, л. 1.

Н. Осинский (псевдоним Валеряна Валериановича Оболенского) в 1920 г. был председателем Губисполкома в Туле, в 1921—1923 гг. — зам. наркома земледелия РСФСР.

С. П. Середка в 1918—1921 гг. был наркомом земледелия РСФСР.

К письму были приложены тезисы доклада А. Буцевича, заведующего отделом сельскохозяйственного образования Главпрофобра: «Современное состояние сельскохозяйственного образования в Советской России и виды на будущее в связи с ударными заданиями в производственном плане страны».

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<5 января 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Надежда Константиновна видела у меня роман Upton Sinclair «Giemie Higgins». Это коммунистический роман, который, думается мне, даже и Вы сами прочли бы с удовольствием. Надежде Константиновне он, наверно, понравится, почему я и посылаю его для нее, с просьбой, однако, по прочтении вернуть мне книжку¹.

Конференция кончилась². ЦК почти все время блистал отсутствием. Тов. Зиновьев произнес недурную вступительную речь, и затем один раз был и несколько слов сказал Преображенский. Публика была не мало возмущена и смущена такого рода явлением. Не могу не пожаловаться также на то, что мы так и не могли настоять на том, чтобы «Правда» поместила отчеты о заседаниях, в то же самое время «Правда» нашла возможным напечатать весьма легкомысленную статью Батурина о педагогическом футуризме³. Об этом я сделал специальное заявление в ЦК, главным образом по настоянию Литкенса, которого в данном случае весьма одобряю. Резолюции приняты благоприятные, формулировки в некоторых случаях приняты были украинские, но разница между линией Наркомпроса РСФСР и украинского на этот раз была скорее в деталях.

Весь материал был собран и приведен в порядок сегодня же и прислан как официально в Политбюро ЦК, так и Вам лично. Стенографический материал (который Вы вряд ли, однако, будете читать) также будет Вам доставлен через короткий промежуток времени.

Могу сказать, что основная группа Наркомпроса, т. е. я, Мих. Николаевич, Литкенс, Шмидт и отчасти Гринберг, за эту конференцию гораздо больше спаялись, и мы чувствуем себя действительно объединенной группой.

Очень жалко, что пришлось отсутствовать Надежде Константиновне. Надеюсь, что она скоро сумеет вернуться к работе, ее сотрудничество сейчас до крайности необходимо, так как мне не без труда удалось выравнивать линию от того чрезмерного сгиба к профессионализму, которого требовали от нас профсоюзы, особенно неугомонный Козырев, кстати, этот человек, очень умный, но узкий и упрямый, избран сейчас председателем профсоюза учительского. В общем я это приветствую, потому что хорошо поставить рабочего и человека энергичного во главе этого мелкобуржуазного союза, но думаю, что с ним придется иногда повозиться, так как, повторяю, упрямства он необычайного.

Жму Вашу руку.

А. Луначарский

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Непрерывный Секретарь

"21" января 1921 г.

№ 191

ПЕТРОГРАД.

*Содержание письма к. Ленин
направлено в М. Советскому
центральному аппарату
12/1.*

100 656/19

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛ
СОВЕТА

НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В Совнарком.

23/1 1921

Входящ. № 468

Российская Академия Наук обращает-

Совнарком с ходатайством о национализации бывшего имени академика А.А.

ШАХМАТОВА Губаревки-Шахматовки Саратовской губернии и уезда, Вязовской волости, для передачи ее Академии с целью

устройства там Дома Отдыха имени А.А. Шахматова для работников Российской Академии Наук. Местоположение усадьбы, с

многими ключами, частью железистыми, и проточными прудами, с прекрасным парком

делают Губаревку особенно подходящей для дома отдыха. Местные крестьяне, сохранившие, как об этом свидетельствуют все

ХОДАТАЙСТВО РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В СОВНАРКОМ
21, 27 и 28

В сегодняшней «Правде», наконец, немножко материала о сов(ещании) есть.

А. Л.

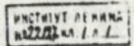
Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30926. Машинопись со вставкой и приписками от руки.

¹ Роман американского писателя Эптона Синклера «Джимми Хиггинс» написан в 1919 г. Первый русский перевод вышел в 1921 г. по рекомендации Луначарского. Крупская и Ленин читали роман на английском языке. Еще в 1915 г. Ленин писал о Синклере: «Синклер — социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос „попросту“, возмущаясь надвигающейся войной и ища спасения от нее в социализме» (Ленин, т. 26, стр. 270).

*У имени, вероятно от 309. Тамбов, 130 месо.
Судя по фамилии (вот), сейчас Кадр. Бюро,
Булени, судя в ст. о чужд. с. накарде
русск. - обласован по ст. 177/190. Ака.*

местные люди, лучшие воспоминания о покойном академике, встречают мысль о национализации имени и передаче его Академии, насколько ей это известно, чрезвычайно сочувственно. Близость имени от Саратова /30 в./ от двух станции железной дороги / Татищева - 17 в., Курдюма - 18 в./, а также от волости и почтовой станции /Вязовки - 3 1/2 в./ является тоже чрезвычайно благоприятным обстоятельством.

Вместе с тем при передаче имени Академии была бы навсегда сохранена память о замечательном русском ученом и выдающемся человеке.

Непременный Секретарь, академик *В. Визитов*

Заведующий Отделом Конференции *М. М. Мухоморова*

*Со своей стороны подтверждаю это ходатайство.
Наф. Кош. Л. Луначарский*

С РЕЗОЛЮЦИЯМИ ЛЕНИНА, ЛУНАЧАРСКОГО И ГОРБУНОВА января 1921 г.

В «Новом мире» № 12 за 1964 г. была напечатана (впервые на русском языке) статья Луизы Брайант «Беседа с Н. К. Крупской». Луиза Брайант, жена Джона Рида, несколько раз встречалась с Лениным, а также с Крупской. В статье о Крупской Брайант пишет: «... Она поделилась своими впечатлениями от недавно прочитанного романа Эптона Синклера „Джимми Хиггинс“. „Это хорошая книга, она создает законченное представление о рядовом американском социалисте. Кроме того, книга наводит на грустные размышления, разрушает иллюзии и потому поучительна. Мне хотелось бы больше узнать о Синклере. Он коммунист? Есть ли у него другие книги?“

Я коротко рассказала о писателе. Крупская заинтересовалась и выразила желание прочесть „Джунгли“ и „Медную марку“. Я заметила, что если бы Синклер знал о ее намерении, он прислал бы ей свои книги с автографами. Надежда Константиновна обрадовалась, но мои слова ее не убедили. „Почему? Ведь Синклер, вероятно, никогда обо мне не слышал“. Было что-то такое обаятельное в ее простоте!»

² С 31 декабря 1920 г. по 4 января 1921 г. в Москве проходило партийное совещание по вопросам народного образования.

* Статья Н. Батурина «Педагогический футуризм и задачи советской школы» была опубликована в «Правде» 4 января 1921 г., № 2. Статья посвящена критике «Программ по естествознанию», составленных Наркомпросом, и «Вводной статье» к ним.

Более подробную оценку работы совещания Луначарский дает в статье «План работы Наркомпроса в связи с партийным совещанием по народному образованию», напечатанной в еженедельнике Наркомпроса «Народное просвещение», 1921, № 79, стр. 1—3.

В «Правде» от 5 января 1921 г., № 3, была помещена первая часть статьи Кир. Левина «Подготовка работников просвещения».

175

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ЛИТКЕНСУ

Т е л е ф о н о г р а м м а

<14 января 1921 г.>

Прошу подтвердить телефонограммой, что резолюции недавнего совещания партработников просвещения, резолюции, касающиеся реорганизации наркомата, не проводятся в жизнь, согласно решению ЦК, до рассмотрения этих резолюций в ЦК партии.

Л е н и н

Л е н и н, т. 52, стр. 48.

Речь идет о резолюциях партийного совещания по вопросам народного образования.

План реорганизации Наркомпроса, обсуждавшийся на совещании, в дальнейшем рассматривался на пленуме ЦК партии 26 января 1921 г. Пленум создал специальную комиссию по этому вопросу под председательством Ленина. Указания ЦК партии о работе Наркомпроса были сформулированы Лениным в документе «Директивы ЦК РКП коммунистам — работникам Наркомпроса», напечатанном в «Правде» 5 февраля 1921 г. № 25 (см. Л е н и н, т. 42, стр. 322—332).

176

АКАДЕМИЯ НАУК — В СОВНАРКОМ
С РЕЗОЛЮЦИЯМИ ЛЕНИНА, ЛУНАЧАРСКОГО И ГОРБУНОВА

21 января 1921 г.

В СОВНАРКОМ

Российская Академия наук обращается в Совнарком с ходатайством о национализации бывшего имени академика А. А. Шахматова — Губаревки-Шахматовки Саратовской губернии и уезда, Вязовской волости, для передачи ее Академии с целью устройства там дома отдыха имени А. А. Шахматова для работников Российской Академии наук. Местоположение усадьбы, с многими ключами, частью железистыми, и проточными прудами, с прекрасным парком делают Губаревку особенно подходящей для дома отдыха. Местные крестьяне, сохранившие, как об этом свидетельствуют все местные люди, лучшие воспоминания о покойном академике, встречают мысль о национализации имени и передаче его Академии, насколько ей это известно, чрезвычайно сочувственно.

Близость имени от Саратова (30 в.), от двух станций железной дороги (Татищева — 17 в., Курдюма — 18 в.), а также от волости и почтовой станции (Вязовки — 3^{1/2}) — является тоже чрезвычайно благоприятным обстоятельством.

Вместе с тем при передаче имени Академии была бы навсегда сохранена память о замечательном русском ученом и выдающемся человеке.

Непременный секретарь, академик С. О л ь д е н б у р г
Заведующий отделом конференции М. Ж д а н к о

Под письмом и сбоку резолюции:

«Со своей стороны поддерживаю это ходатайство.

Нарком А. Л у н а ч а р с к и й»

«Н. П. Горбунову

В имении, говорят, около 30 десятин пашни, 130 леса. Саратовский губисполком, говорят, согласен. Надо двинуть, я думаю, сразу в Малый Совет и через Малый Совет назначить *запрос* и обследование на месте.

27/1. 1921.

Л е н и н

«Согласно указания т. Ленина направить в М. Совнарком и просить срочно поставить на повестку.

28/1—21 г.

Н. Г о р б у н о в

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16955, л. 1—1 об. Резолюция Ленина опубл.: Л е н и н, т. 52, стр. 57.

31 января 1921 г. состоялось заседание Малого Совнаркома, на котором стоял вопрос: «О национализации имении академика Шахматова А. А. для устройства там дома отдыха для работников Российской Академии наук» (докладчик — Луначарский, прот. 625, п. 12).

Постановили: «Запросить заключение Саратовского губисполкома через НК Внутренних дел» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17007, лл. 6—7).

В дневнике поручений Горбунов записал: «Малый Совнарком 31 января через Наркомвнудел сделал запрос Саратовскому губисполкому».

4 апреля 1921 г. Малый Совнарком (прот. 656, п. 19) обратил внимание Наркомвнудела на то, что постановление не выполнено, и потребовал запросить Саратовский губисполком в трехдневный срок.

177

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ,
ПРЕЗИДИУМУ ВЦИК И ЦЮРУПЕ

⟨Тамбов, 2 февраля 1921 г.⟩

Т е л е г р а м м а

Срочно. Москва. Президиум ВЦИК,
коп⟨ия⟩ Наркомпрод Цюрупе,
коп⟨ия⟩ Предсовнарком — Ленину

Согласно заявлению командарма Павлова в Тамбове находится значительное количество хлеба, фуража, между тем рабочие не получают пайков около двух месяцев, сильное недовольство, особо нежелательное, ввиду тяжелого военно-политического положения. Костроме, Рязани при малых запасах рабочие получают фунт в день, очевидно какое-то нелепое недоразумение, требуется распоряжение центра, немедленно установить нормальный паек фабрично-заводским, железнодорожным рабочим крайне важно.

Наркомпрос Л у н а ч а р с к и й

Москва, Кремль
2/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, врем. оп., к. 40, п. 150.

Луначарский выехал в Тамбов по решению ЦК партии на партийную конференцию в связи с происходившей дискуссией о профсоюзах. На конференцию он опоздал. Предполагаемый маршрут Луначарского был: Тамбов, Саратов, Астрахань, Самара, предположительно еще Царицын (о пребывании Луначарского в Тамбове см. раздел «Доклады Луначарского Ленину», настоящ. том, стр. 482—485). В Тамбовской губ. в 1920—1921 гг. происходило кулацкое восстание, руководимое эсером Антоновым. При приближении Мамонтова (во время его рейда) Антонов вошел с ним в связь.

В конце 1920 г. — начале 1921 г. по прямым указаниям Ленина были приняты меры для быстрой и полной ликвидации антоновщины.

Луначарский в докладе Ленину из Тамбова подробно описывал сложившуюся обстановку.

2 февраля Луначарский выехал из Тамбова, но на станции Воротуновка его уже ждала телеграмма о том, что одна из банд Антонова произвела нападение на ст. Ртищев. В связи с этим поезд вернулся на ст. Тамала, откуда Луначарский и послал отчет Ленину, ожидая решения: придется ли ему вернуться в Тамбов или, при ликвидации антоновской банды, продолжать путь в Саратов.

178

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

9 февраля 1921 г.

Владимир Ильич!

Ужасно скверно, что я не умею достаточно настойчиво проводить свою линию. Ваша сегодняшняя статья меня восхищает (простите за это признание), я всегда так думал и говорил (год тому назад еще). Но правильно ругать меня, ибо провести этой линии я не сумел. Теперь исправим.

А. Л.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30934.

9 февраля 1921 г. в «Правде» (№ 28) была помещена статья Ленина «О работе Наркомпроса» (см. Л е н и н, т. 42, стр. 322—332).

Ленин в этой статье развил положения партийной программы в области народного просвещения, наметил конкретные меры в деле организации общего политехнического образования, выработки программ учебных заведений, укрепления и развертывания сети политико-просветительных учреждений — библиотек, клубов, издательств и т. д. Ленин требовал шире привлекать на руководящую работу в области народного просвещения специалистов-педагогов. В статье, в частности, говорилось:

«В комиссариате просвещения есть два — и только два — товарища с заданиями исключительного свойства. Это — нарком, т. Луначарский, осуществляющий общее руководство, и заместитель, т. Покровский, осуществляющий руководство, во-первых, как заместитель наркома, во-вторых, как обязательный советник (и руководитель) по вопросам научным, по вопросам марксизма вообще. Вся партия, хорошо знающая и т. Луначарского и т. Покровского, не сомневается, конечно, в том, что они оба являются, в указанных отношениях, своего рода „спецами“ в Наркомпросе» (стр. 324).

В тот же день, когда появилась статья Ленина, Луначарский написал ему публикуемую записку.

179

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

14.II.1921 г.

т. ЛУНАЧАРСКОМУ
КОПИИ т. ПОКРОВСКОМУ
и т. ЛИТКЕНСУ

Прошу доставить мне список педагогов с солидным практическим опытом (а) в общепедагогической работе вообще; (б) в профессионально-техническом образовании — с краткими пометками о литературных трудах и о стаже советской работы.

Я уже неоднократно просил об этом. Волокиты здесь быть не должно.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

Р. С. В частности, прошу сведений о Сергее Павловиче, директоре с бывшего Тенишевского училища в Питере.

Л е н и н, т. 52, стр. 70.

ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ II ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА ГОРНОРАБОЧИХ В КРЕМЛЕ

23—24 января 1921 г.

Фотографии Н. Алексеева

Запрос Ленина тесно связан с его статьей «О работе Наркомпроса», напечатанной в «Правде» 9 февраля 1921 г. В этой статье он подверг обстоятельной критике недостатки в работе Наркомпроса и наметил меры к ее улучшению. Особое внимание Ленин уделил правильному решению проблемы кадров, поставив задачу изучения практических работников, их административных способностей. Необходимо было выдвигать на руководящие должности лучших из старых специалистов при условии контроля их работы коммунистами. «Руководитель-коммунист, — писал Ленин, — тем и только тем должен доказать свое право на руководство, что он *находит* себе *многих*, все больше и больше, помощников из педагогов-практиков, что он *умеет* им помочь работать, *их* выдвинуть, *их* опыт показать и учесть» (Л е н и н, т. 42, стр. 325).

В тот же день, 14 февраля 1921 г., письмо Ленина было Луначарским зачитано на коллегии Наркомпроса. В постановлении, принятом коллегией по предложению Луначарского, говорится: «Поручить гг. О. Ю. Шмидту и Г. О. Гордону, каждому по находящейся в его ведении отрасли работы, составить в 3-х дневный срок требуемые списки и представить их замнаркому Е. А. Литкенсу. Признать необходимым произвести учет квалифицированных специалистов-педагогов во всероссийском масштабе. Возложить эту работу на Организационный центр, поручив З. Г. Гринбергу в срочном порядке разработать краткую анкету для спецов» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 634, л. 21—21 об.).

Сергей Андроникович Павлович (род. в 1884 г.) — педагог, методист-естественник, с 1935 г. профессор. Автор многих книг и статей по методике преподавания естествознания.

130

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<19 февраля 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Вчера у нас было заседание Коллегии, на котором Шмидт самым категорическим образом заявил, что, как бы ни толковали чрезмерно усердные защитники старой линии Наркомпроса его лекцию, он, по совести, ни одним словом не отступил от директив ЦК и той линии Наркомпроса, которая этими директивами и решениями другими была одобрена.

Шмидт обещал не позже воскресенья (завтра) опубликовать в «Правде» основные тезисы своего доклада и категорически опровергнуть Линника.

При таких условиях ни для следствия, ни для выговора не осталось никакого места. Если опровержение Шмидта вызовет протест со стороны Линника, то, конечно, придется разбирать, кто тут врет, до тех пор у нас нет никакого основания не верить заявлениям Шмидта, раз он хочет подкрепить их публично в газете.

Одновременно с этим посылаю Вам резолюцию, единогласно принятую Коллегией.

Я надеюсь, что решение удовлетворит также и Надежду Константиновну. Повторяю, Шмидт самым решительным образом заявил, что ни в этой своей речи, ни впредь он ни на йоту не думает уклоняться от общей линии.

Вчера я продиктовал для Вас письмо по поводу Шмелева и на всякий случай приложил письмо Шмелева ко мне и письмо т. Галлон. Посылаю одновременно с этим сообщением.

Жму руку.

А. Луначарский

19/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, врем. оп., к. 42, п. 161.

С начала Октябрьской революции О. Ю. Шмидт занимал ряд руководящих советских должностей. В 1920 г. и в начале 1921 г. — руководитель Главпрофобра и член коллегии Наркомпроса. Шмидт был одним из активных сторонников ранней профессионализации и выступал за понижение возрастной нормы профтехнической школы с 17 до 15 лет. Шмидт отстаивал свою позицию в то время как «Директивы

ЦК РКП» и статья Ленина «О работе Наркомпроса» осуждали в принципе раннюю профессионализацию.

4 февраля 1921 г. Шмидт выступил на совещании представителей школ I и II ступени г. Москвы с докладом об итогах партийного совещания, где вновь противопоставлял профессиональное образование политехническому. Выступая в принципе против политехнического образования, докладчик заявил, что «попытки осуществления ее (политехнической школы) — потерпели крах» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 33400, л. 2).

Инженер-педагог Я. Линник в статье «Новая система народного образования» писал по поводу этого доклада: «Переполющенный зал б. Медведниковской гимназии (106 трудовая школа) свидетельствовал о большом интересе учительства к докладу. По установившемуся обычаю, докладчик запоздал...» Наконец, докладчик появляется...» Тов. Шмидт бичует старую школу учебы, «вбивает осиновый кол в Единую трудовую школу», говорит о «полном крахе политехнической школы в России» и доказывает необходимость профессионально-технического образования после 15 лет. До 15 лет осуществляется общая школа (о ее характере, о содержании этой первой школы ничего не было сказано), а затем юношество поступает в техникум по отдельным специальным отраслям...» После доклада из среды присутствовавших выступали преподаватели, преимущественно школ II ступени, затем тов. Потемкин, Русаков из МОНО и другие. В речах чувствовалось недоумение мотивами и аргументацией тов. Шмидта в пользу необходимости построения новой системы народного образования...» Зачем докладчику понадобилось говорить, что «труд — есть проклятие!», причем это произносилось без всяких оговорок?.. Критикуя нынешнюю трудовую школу, мы, коммунисты, должны давать себе ясный отчет, что сама-то идея установления в единой трудовой школе *научно организованного труда*, — сама эта мысль отнюдь не может вызвать нападок. Бичевать нужно рабский, кустарно построенный, *не научный труд* и помнить, что великой радостью жизнь наполнит творчество на основе научно построенного труда... Не вина нашей Республики, что в ужасных условиях... никакой хорошей школы нельзя было провести в истекший трехлетний период. Это — наша беда. Затем выступавшие ораторы совершенно правильно отметили, что докладчик преждевременно хоронит *политехническую школу*...» Дело в том, что идея политехнической школы попросту даже и не пропагандировалась в России никем...» («Правда», 16 февраля 1921 г., № 34). Эта статья была напечатана редакцией как дискуссионная. При обсуждении ее на коллегии Наркомпроса 18 февраля (на закрытом заседании) Шмидт заявил, что опровергнет Линника в «Правде» 20 февраля, напечатав тезисы своего доклада. Этим и обусловлена была позиция Наркомпроса, изложенная Луначарским в письме к Ленину.

В статье «Реформа школьной системы» («Правда», 20 февраля) Шмидт отстаивал ту же линию, лишь признавая «педагогическую ценность» и «революционное марксистское значение» трудового и политехнического принципов. «По истечении трех лет революции, — писал Шмидт, — обнаружилось, однако, с несомненной ясностью, что оба принципа в жизнь не вошли, школа осталась старой или извратила оба принципа до карикатуры». Шмидт ничего не говорил о признании права на существование девятилетней школы наряду с семилетней, хотя подчеркивал, что именно он «был докладчиком (от Наркомпроса) по вопросу об образовании юношества и автором принятой совещанием резолюции». В довершение всего Шмидт квалифицировал статью Линника как «злостную, клеветническую фантазию».

23 февраля в «Правде» в статье под тем же названием Крупская подвергла резкой критике выступление Шмидта. Она отмечала: «Про статью Я. Линника О. Шмидт пишет, что это, злостная, клеветническая фантазия». Странно это. Я многократно слышала из уст О. Шмидта заявления совершенно аналогичные тем, которые якобы обильно приписывает ему теперь Я. Линник. И не я одна слышала эти заявления. Впрочем, статья О. Шмидта...» сама говорит за себя. Статья эта старается доказать, что трудовая политехническая школа весьма пригодна для украшения программ коммунистической партии, но в жизнь провести ее нельзя и надо поставить на ней крест («Правда», 23 февраля 1921 г., № 40). Далее Крупская разбирает довод Шмидта против политехнической школы — отсутствие машинного оборудования для школ в результате разрухи: «Пусть так (хотя было бы дико оборудовать школы машинами), но почему же легче будет устроить техникум? Или для них найдутся и машины, и на фабрику их пустят?»

По поводу ссылки Шмидта на решения партийного совещания по народному образованию Крупская пишет:

«Но он же знает, из кого состояло это совещание. Предполагалось, что это будет совещание Украинского и здешнего Наркомпросов с ЦК. На совещание были приглашены украинским наркомом Гринько лишь сторонники узкого профессионально-технического или, вернее, профессионально-ремесленного образования; у нас хотя были приглашены и сторонники трудовой школы, но преобладали сторонники Шмидтовского направления, тождественного с направлением Гринько. ЦК принимал участие в совещании весьма слабое; оно ограничилось лишь вступительной речью Зиновьева и присутствием на одном из заседаний Преображенского.

Потом была назначена специальная комиссия ЦК, подтвердившая программу партии в части ее, касающейся народного образования, и только понизившая длительность трудовой политехнической школы (<...> ввиду нашей бедности <...>)

Итак, программа партии остается неизменной <...>, а с точки зрения этой программы реформа школы, проповедуемая О. Шмидтом, совершенно недопустима» (там же).

Председатель собрания, на котором выступал Шмидт, член коллегии МОНО И. Русаков, писал 23 февраля 1921 г.:

«По поводу доклада т. Шмидта на собрании учителей 4-го февраля 1921 г.

Считаю необходимым отметить не совсем осторожный подход т. Шмидта к критике „трудовой“ школы, который несомненно давал повод к созданию у слушателей впечатления, что все наши прежние лозунги в области школы мы хороним раз навсегда.

Критикуя „трудовую“ школу, т. Шмидт начал с того, что труд есть проклятие, остановился далее на самообслуживании, которое раньше ставилось одним из исходных пунктов жизни школы. В него — в самообслуживание докладчик „вбивает осиновый кол“.

Не рабский черный труд должен быть положен в основу школы, а труд высококвалифицированный, научно-организованный, освобождающий от рабства труда. Труд, как метод преподавания, а не как самоцель в школе. При такой постановке отменяются такие виды труда в школах, которые не служат целям преподавания. Далее докладчик указывал, что в директивах по проведению в жизнь лозунгов трудовой школы звучали ноты мелкобуржуазной интеллигентской мысли, подобие толстовства. Я, лично, сторонник труда в школе, как метода преподавания (труд в школах не самоцель!), упорно также вбивавший осиновый кол в самообслуживание (хотя и менее удачно, чем т. Шмидт, ибо осиновый кол упорно стремился к моей спине, но не вбивался в самообслуживание), тем не менее должен засвидетельствовать, что вышеприведенные возражения — сопоставления т. Шмидта, следовавшие одно за другим на небольшом протяжении, неизбежно должны были вызвать у слушателей впечатление, что мы целиком и безоговорочно хороним наши прежние лозунги, „вбиваем осиновый кол“ в „Единую трудовую школу“ <...>

Критикуя политехническую школу, докладчик в качестве основных аргументов против нее приводил неосуществимость ее при современных условиях и тот факт, что попытки осуществления ее потерпели крах. На это целый ряд оппонентов указывали (совершенно резонно), что к осуществлению политехнической школы не только не пробовали приступить, но даже идейно она не пропагандировалась <...>

Ввиду предполагаемой длительности проведения в жизнь новой школьной системы оппонентами отмечалось умолчание докладчика о судьбе школы 2-й ступени до ее реформирования — должна ли она быть предоставлена своей собственной судьбе и умирать медленной смертью, или же существовать как жизнеспособное учреждение, имеющее определенные задачи.

В общем впечатления, какие могли создаться у рядового слушателя от доклада т. Шмидта, достаточно правильно отражены корреспонденцией т. Линника (ком<мунис>та), хотя они и не отвечают намерениям докладчика. О клевете, как таковой, конечно, не может быть и речи: докладчик лишь дал повод к неверным заключениям, что и сказалось в корреспонденции т. Линника.

Думаю, что мои заключения может подтвердить т. Потемкин (ком<мунис>т)» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 33400, лл. 1—3).

На основании всех этих данных Пленум ЦК РКП(б) с участием Ленина принял 25 февраля 1921 г. решение об освобождении Шмидта от работы в Наркомпросе (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 60). Некоторые ответственные работники Главпрофобра обратились с письмами в Президиум ВЦСПС, ВСНХ (копия Ленину) с просьбой оставить Шмидта в Главпрофобре, учитывая его организаторские способности (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17493, л. 2—3). Об этом также писала Ленину член коллегии Главпрофобра О. Г. Аникст (там же, л. 1—1 об.)

4 марта Шмидт напечатан в «Правде» (№ 48) статью «В чем суть». Хотя были уже опубликованы «Директивы ЦК РКП коммунистам — работникам Наркомпроса» и статья Ленина «О работе Наркомпроса», Шмидт заявлял, что проект перестройки школы, принятый партийным совещанием, «в существе своем утвержден Центральным комитетом РКП» (там же).

Именно на это обстоятельство обращала внимание Крупская в статье «Школьная система в Советской республике», напечатанной 8 марта в «Правде» (№ 51): «Утвердила ли комиссия ЦК резолюции совещания? Такого утверждения не было. Комиссия, напротив, подтвердила старую линию партии и тем самым отвергнула в резолюциях все то, что противоречит программе и духу».

7 марта Пленум ЦК РКП(б) с участием Ленина подтвердил постановление предыдущего Пленума об освобождении Шмидта от работы в Наркомпросе (ЦПА ИМЛ, ф. 17 оп. 2, ед. хр. 61).

В письме Луначарского упоминается писатель И. С. Шмелев, живший в то время в Алуште.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<22 февраля 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Посылаю Вам списки специалистов по Главпрофобру, социальному воспитанию и отдельно списки по двум нашим педагогическим академиям. Если Вам потребуются какие-либо дополнительные сведения по этим рубрикам, то я немедленно Вам их дам. Вместе с тем мы решили произвести всероссийскую анкету для установления общего списка специалистов как привлеченных к работе, так и не привлеченных.

Что касается Павловича, о котором Вы запрашивали, то при всем моем старании я о нем ничего узнать не мог, в Главпрофобре о нем не знают ничего, в Петрограде есть Павлович С. Ан., являющийся преподавателем 3-го Педагогического института, того именно, которым руководит Десницкий-Строев. Если Вы спрашиваете о нем, то, конечно, я Вам могу доставить завтра или послезавтра все нужные сведения.

Крепко жму руку

А. Луначарский

22/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30937, л. 1.

См. письмо Ленина 14 февраля 1921 г. (стр. 244).

К письму Луначарского приложены два списка: первый — видных педагогов (десять человек) и второй — лиц, работающих в области профессионально-технического образования (32 человека).

ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ

<22 февраля 1921 г.>

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

Кинематограф, как известно, является могущественным оружием пропаганды и агитации, и социалистическое государство должно было взять его в свои руки, чтобы использовать его как для ударных заданий пролетарской революции, так и для воспитания широких масс в духе социалистической культуры, вовлечения их в сознательное и активное строительство новой социалистической жизни.

Более того, кино — язык интернационала, делающий возможным революционному пролетариату России говорить о себе трудящимся массам других стран и воздействовать на них для скорейшего приобретения начатой им мировой революции.

Между тем, взяв в свои руки дело кинематографии в РСФСР, Всероссийский фото-киноотдел НКП не нашел у старой предпринимательской кинематографии ничего, или почти ничего, представляющего художественную и просветительную ценность с точки зрения задач пролетарской революции, и также не нашел кадра работников, свободных от навыков и стремлений старой буржуазно-предпринимательской калтуры и способных поднять кинематограф на высоту художественных и социально-политических задач, стоящих перед пролетариатом, особенно в настоящий период напряженной борьбы.

Для создания этих кадров отделом и была основана в 1919 г. первая не только в России, но и в мире, Государственная школа кинематографии.

Занятая воспитанием будущих работников социалистической кинематографии и изыскиванием новых творческих путей кинематографического творчества, 1-я Государственная школа кинематографии не остается в стороне от текущей борьбы и строительства рабочего класса и, кроме ряда агитационных постановок, по мере предоставления ей пленки, поставила силами учащихся две больших художественно-агитационных картины: «В дни борьбы» — для польского фронта и «Серп и молот» — для проагитации.

Но в своей учебной и особенно производственной работе школа встречается с целым рядом препятствий, важнейшим из которых является невозможность для учащихся всецело отдать ей свои силы и время.

Почти все ученики школы, а равно и руководители школы состоят на службе в том или ином советском учреждении и могут уделять школе немногие вечерние часы.

Утомленные 6—7-часовым рабочим днем учащиеся по вечерам являются для занятий в школе и естественно, что многие из них не в состоянии регулярно посещать даже и эти немногие часы.

Между тем осуществление полной учебно-производственной программы школы, для того чтобы стать действительно ядром для образования новой красной кинематографии, требует от учащихся большой затраты времени и сил. Дать же большего учащиеся при настоящих условиях не могут, что сказалось в особенности сильно при постановке картины. Не имея свободного времени днем, учащиеся не могли своевременно посещать репетиции, благодаря чему картина разрабатывалась весьма медленно.

При поездках же для съемки природы, длящихся иногда неделями, большинство учащихся должно было прибегать к незаконным ухищрениям, чтобы освободиться на это время от службы в своем учреждении, попадая в результате под арест или подвергаясь иным мерам взыскания. Были примеры, когда руководители учреждений преднамеренно препятствовали своим служащим — ученикам школы принять участие в постановке агитационных картин.

Изложенное показывает, что при настоящих условиях, когда как и учащие, так и учащиеся, занятые службой в различных советских учреждениях, не могут отдаваться всецело избранному и любимому искусству, при этих условиях дальнейшая жизнь школы немыслима, а последняя никогда не в состоянии выполнить возлагаемых на нее задач. Необходимо принять экстренные и действительные меры к поднятию производительных сил школы.

Таковыми мерами являются: 1) полное освобождение учащихся от всякой иной работы, обязав их обязательным посещением школы; 2) материальное обеспечение учеников и учащихся, и администрации школы; 3) обеспечение школы помещением и топливом и 4) обеспечение школы кинематографической пленкой и техническими средствами для осуществления производственной программы.

Для осуществления этих мер необходимо особым декретом Совнаркома откомандировать учащихся из всех советских учреждений, в том числе и из учреждений военного ведомства. Небольшая численность подлежащих откомандированию позволяет думать, что изложенная мера не нарушит правильную работу советских учреждений. Всего по спискам школы на 1-е января 1921 г. состояло 74 мужчин и 117 женщин, из коих в военных учреждениях служат 24 мужчин и 4 женщины.

Откомандирование такого незначительного числа из рядов Красной Армии едва ли будет заметно для военного ведомства, тем более, что благодаря почти полному прекращению военных действий в настоящее время производится значительное сокращение Красной Армии.

ЛУНАЧАРСКИЙ В ТОМСКЕ СРЕДИ ДЕТЕЙ

Тем же декретом установить материальное обеспечение учащихся, обеспечить школу помещением и техническими средствами — только при этих условиях учащиеся могут отдать все силы школе.

В соответствии с изложенным при сем представляется проект постановления об откомандировании учащихся для занятий в школе на рассмотрение и для представления в Совет Народных Комиссаров на утверждение.

Народный комиссар А. Луначарский
Председатель Всерос. фото-киноотдела Дм. Лещенко
Заведующий школой <подпись>

Опубл. с сокращениями в сб. «Луначарский о кино». М., «Искусство», 1965, стр. 255—257. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 200, лл. 156—157.

К письму Луначарского приложен проект декрета о милитаризации 1-й Государственной школы кинематографии (л. 160—160 об.).

«Декрет
Совета Народных Комиссаров

Признавая за искусством кинематографии большое агитационное, политическо-просветительное и воспитательное значение и имея в виду в будущем обеспечить кинематографию кадром красных киноработников, Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Объявить 1-ю Государственную школу кинематографии милитаризованной, а всех учащихся школы в числе 190 человек мобилизованными в порядке трудовой повинности.

2. Тех учеников школы, кои находятся на службе в различных советских учреждениях, в том числе и военных рядах Красной Армии, откомандировать для занятий исключительно в школе.

Примечание: I. Откомандирование лиц командного состава и административно-хозяйственной службы производить по персональным о том ходатайствам Наркомпроса, порядком, установленным для откомандирования военнослужащих из военного в гражданское ведомство через Оцекотприз.

<*Примечание:*> II. Вновь принимаемые в число учеников школы военнослужащие могут быть откомандированными исключительно с разрешения Всероглавштаба или Полевого штаба по принадлежности.

3. Наркомпросу обеспечить снабжение школы кинематографической пленкой, учебными пособиями и техническими средствами.

4. Московскому Совету обеспечить школу помещением и топливом, помещением за городом близ Москвы для натурных съемок и летних занятий, а также предоставить помещение для общежития учеников.

5. В отношении снабжения продовольствием и вещевым довольствием учеников школы приравнять к учащимся высших военно-учебных заведений.

Примечание. Исполнение сего пункта возложить на Наркомпрод, каковому снабжать учеников школы одеждой и обувью вольного образца.

6. Наркомпросу обеспечить учеников школы денежным содержанием в размере социального обеспечения учащихся высших учебных заведений и, кроме того, за время фактического нахождения учеников на съемке выдавать суточные в размере 100% получаемого обеспечения.

7. Администрация, преподаватели и служащие школы в отношении пайка и вещевого довольствия приравниваются к ученикам школы за исключением лиц, кои в отношении пайка пользуются особым положением.

8. Учеников неуспевающих, а также не исполняющих требований школы, передавать: военнослужащих — в распоряжение военкома гор. Москвы, остальных — в Главкомтруд.

9. Все оканчивающие школу учащиеся поступают в распоряжение государства для использования по специальности».

В деле имеется также отношение Главштаба, который не возражает против принятия декрета и вносит некоторые конкретные замечания (л. 162). Сохранилась и выписка из протокола заседания Особой центральной комиссии по отсрочкам призыва, где рассматривалось ходатайство Наркомпроса о милитаризации школы кинематографии. В постановлении отмечалось, что достаточных оснований для милитаризации школы нет (л. 161).

30 марта 1921 г. СТО (прот. 200, п. 26) постановил: «Ходатайство Киноотдела Наркомпроса отклонить». Ленин подписал протокол.

183

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<26 февраля 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Московский Комитет постоянно командует меня то на одно, то на другое собрание рабочих, обыкновенно в места особенного недовольствия и возбуждения. Я и раньше по ордерам МК выезжал на такие собрания, сейчас они приобретают более интересный характер, чем прежде, так как рабочие сердитые и определеннее высказываются¹.

Посещение мною завода Динамо, который изготавливает электрические плуги, кажется, по Вашему распоряжению, так по крайней мере говорили на заводе², мне показалось настолько интересным, что я решил послать Вам копию моего доклада Московскому Комитету. Такие доклады, более или менее подробные, я всегда сообщаю туда.

Если Вам угодно, я смогу всегда доставлять копии Вам.

Крепко жму руку.

А. Луначарский

26/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30939.

К письму был приложен текст следующего доклада Луначарского в Московский Комитет партии от 26 февраля 1921 г.:

«Согласно Вашему предложению я вчера поехал в 6 часов на завод Динамо. Из расспросов завкома я узнал, что настроение рабочих вообще угрюмое, а в последнее время несколько возбужденное, ввиду преувеличенных слухов о рабочих волнениях на других заводах Москвы.

На собрание для слушания моего отчета по текущему моменту собралась приблизительно половина всех рабочих Динамо, около 500 человек.

Доклад сделан был мною как по международному и военному положению страны, так и по внутреннему экономическому. В докладе я не отрицал чрезвычайной тяжести постигшего нас кризиса, указав все его причины и утверждая вместе с тем, что он все же носит временный характер и что на этом фронте нам придется пережить, так же как мы переживали на военном, периодические потрясения, из которых в конце концов мы выйдем победителями.

Доклад (45 минут) был выслушан с большим вниманием, но в несколько угрюмом настроении, никаких протестов не было, были даже аплодисменты, впрочем, довольно жидкие. Затем подано было несколько записок, все почти толкового характера. <...> Ответы на записки также выслушаны были с глубоким вниманием. Когда председатель спросил, есть ли какие-нибудь замечания, то сначала последовало молчание, а потом стали раздаваться голоса относительно разных школьных дел. Обратили внимание на то, что в 26 и 27 школах уже в течение года не раздается никакой обуви, между тем, как по некоторым данным в некоторых других школах Москвы обувь была роздана. Настаивали также на необходимости дать по крайней мере для 30 детей, едущих учиться в город из Симоновской слободы, трамвайные билеты, что я также обещал наладить.

Но от этого перешли к более важным вопросам. Один рабочий, настроенный горько и довольно разговорчивый, явным образом хороший беспартийный, стал говорить о разных других злотах дня: самым важным его указанием было то, что рабочие видят ежедневно злостные хищения со складов, которые у них расположены, продовольствия, между прочим соли, и не имеют никакого права остановить иногда совершенно очевидное воровство, например, служащих этого склада, уносящих к себе домой соль мешками.

Я ответил ему на это, что рабочая инспекция как в лице своих практикантов, так и в лице своих ячеек содействия, имеет полное право в таких случаях требовать ареста соответственных лиц и т. п. На это председатель собрания, сам представитель Рабоче-крестьянской инспекции (практикант), заявил мне, что я не прав, что рабочие, участвующие в Инспекции, связаны по рукам и ногам. Он говорит, что членам ячейки содействия не дано абсолютно никаких прав и так как отдельные их указания и донесения остаются безрезультатными, то они, по его словам, «скоропостижно скончались».

Что касается практикантов, то им внушается такая мысль, что они имеют право ревизовать лишь то, что им поручено, и не смеют смотреть ни направо, ни налево.

Таким образом, если практиканты РК инспекции видят злоупотребления по иной линии, чем ему указанная, то за ними остается только право совершенно бесплодного донесения. Вся масса очень подробно реагировала на этот вопрос и со всех сторон стали раздаваться возгласы: видим злоупотреблений множество, что всегда доводим до сведения кого следует, самим запрещено принимать меры.

Вопрос этот кажется мне до чрезвычайности важным. Я считаю необходимым довести о таком настроении рабочих до сведения Владимира Ильича, который, как известно, очень интересуется вопросами правильной постановки рабоче-крестьянской инспекции. Кроме того, я обещал рабочим на следующее их собрание (через неделю), когда у них как раз пойдет переизборы Рабоче-крестьянской инспекции, попросить приехать к ним т. Ветошкина. Может быть, Московский Комитет делает это, это произвело бы крайне благоприятное впечатление. Тов. Ветошкин мог бы иметь там содержательную беседу и привести много пользы. <...>

Вопросы о продовольствии и снабжении я довольно скоро пресек, заявив, что в этих маленьких вопросах, непосредственно касающихся завода, я слишком некомпетентен, и так как после моего доклада должен был быть доклад завкома, который обещал всего этого коснуться, то масса не настаивала.

Мне пришлось сказать довольно большую речь, в которой я говорил о коренном плане наших врагов на почве нашего разорения восстановить самих рабочих против своей власти, расшатать рабочее настроение, вызвать уныние, а по возможности даже беспорядки. Говорил о том, с какой бдительностью надо следить за подобными планами и с какой решимостью их пресекать; указал, что обыкновенно в случаях таких арестов попадает и сравнительно невинный рабочий, втягивает в этот протест иногда действительно честных людей, протестующих справедливо, но почти всегда, утверждал я, в центре такого протеста ютятся какие-нибудь политические враги. <...>

Таким образом, у нас вышло нечто вроде довольно широкой беседы, в которой преобладали мирные тоны. В заключение рабочих, начавший эту беседу, сказал: «Вы нам наговорили много приятных вещей, но нам все кажется, что вы ублаживаете нас, потому что положение рабочих горько. Нас, правда, на заводе кормят прилично, но на жен и детей не дают ничего и мы возвращаемся в голодные семьи».

По поводу этих его слов я закончил беседу указанием на действительно огромную горечь положения, но и на то, что единственным выходом его являются широкие государственные мероприятия, поддерживаемые всей энергией рабочей массы.

В общем мы расстались с собранием в высокой степени дружелюбно. После моего отъезда начался доклад завкома.

Нарком по просвещению А. Луначарский (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30938).

¹ В феврале 1921 г., как раз накануне начала Кронштадтского мятежа, в Москве создалось тревожное положение. К концу зимы 1920/1921 г. после неурожайного 1920 г. начался голод, бывали дни, когда хлеба совсем не выдавали. Резко упала покупательная способность денег. Транспорт был разрушен. Топливный кризис и недостаток производственного сырья приводили к закрытию многих промышленных предприятий. Почти все рабочие-коммунисты в результате многочисленных партийных мобилизаций ушли на фронты гражданской войны. Оставшиеся рабочие, бывшие крестьяне или выходцы из мелкой буржуазии, бросали работу, уходили в деревню или в рабочее время занимались производством заготовок и прочих кустарных изделий. Общая обстановка невиданного разорения и унижения в стране вызвала «крайнюю нервность, возбуждение, недовольство рабочих» («Ленинск. сб.», т. XXXV, стр. 237) тяжестью положения. Большевики и эсеры, тогда еще входившие в состав Московского и районных советов, пытались использовать голод в стране в своих политических целях, подстрекая трудящихся к выступлениям против Советской власти. Часть рабочих некоторых московских заводов, поддавшись их провокации, бросала работу и бастовала.

Необходимо было принимать решительные меры. 24 февраля 1921 г. состоялось чрезвычайное совещание актива московской партийной организации. Ленин, участвовавший в работе совещания, в течение двух часов беседовал с партийными работниками районов, подробно интересовался положением в каждом районе и на отдельных предприятиях. Тут же он дал ряд практических указаний о том, как устранить недочеты в организации продовольственного снабжения, как усилить агитационно-разъяснительную работу на предприятиях Москвы и губернии. Он говорил о том, что большевики всегда находили подход к массам. Надо правдиво рассказать рабочим, обманутым меньшевиками и эсерами, о действительном положении в стране, о хозяйственных трудностях и их причинах.

Сразу же после этого собрания Московский Комитет партии направил на волновавшиеся заводы и фабрики («Гознак», «Красная Роза», «Каучук» и др.) лучших агитаторов московской партийной организации, в том числе и Луначарского.

Через несколько дней, 28 февраля 1921 г., Ленин выступил с большой речью о международном и внутреннем положении Республики на расширенном пленуме Московского Совета, заседавшем совместно с пленумами районных Советов и представи-

ЛЕНИН СРЕДИ ДЕЛЕГАТОВ X ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) В СВЕРДЛОВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

26—28 мая 1921 г.

Фотграф не установлен

телями фабрично-заводских комитетов. «Я хотел бы остановиться на самом главном, — сказал Ленин, — на том, что, может быть, покажет нам причины нашего ужасного кризиса. Мы должны будем поставить перед собой задачу, к разрешению которой мы выберем путь. Путь этот есть, мы его нашли, но у нас нет еще силы идти по этому пути с той настойчивостью, с той систематичностью, которая требуется создавшимися тяжелыми условиями, оставшимися в наследство после войны. <...> На хозяйственной работе нужно — пусть это не совсем подходящее слово — известное „скопидомство“. А вот „скопидомничать“ — то мы еще не научились. Нужно помнить, что буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась и борьба осталась. И одно из средств борьбы ее против нас — сеять панику. На этот счет они мастера, и этого не надо забывать. <...> Мы должны говорить прямо, не боясь газет, которые выходят во всех городах мира. Это пустяки, из-за этого не будем молчать о нашем тяжелом положении. Но мы скажем, что мы, товарищи, ведем всю эту тяжелую кровавую борьбу и, если против нас не могут пойти сейчас с оружием в руках, то идут с оружием лжи и клеветы, пользуются всяким случаем нужды и бедности» (Ленин, т. 42, стр. 357—366). Пленум принял специальное обращение к трудящимся Москвы и Московской губернии, призывавшее их к борьбе с врагами Советской власти, которые хотели использовать временные продовольственные затруднения и разруху в стране в контрреволюционных целях.

Благодаря большой разъяснительной работе, проведенной коммунистами на московских предприятиях, провокационная деятельность меньшевиков и эсеров везде начала получать отпор со стороны рабочих. А 4 ноября 1921 г. на общем собрании рабочих того же самого завода «Динамо» было принято приветствие Ленину, в котором рабочие писали: «Шлем тебе, дорогой Владимир Ильич, свой пролетарский привет и заявляем, что при осаде капиталистического мира мы будем одни из первых укреплять участок осады электрификацией страны» («Правда», 6—7 ноября 1921 г. № 251). 7 ноября 1921 г. на заводе тепло встреченный рабочими выступал Ленин.

² Электрические plugs по заданию Ленина начали изготавливать в начале 1921 г. сразу на нескольких заводах Москвы, Петрограда и других городов. Изготавливались они и на заводе «Динамо».

184

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

4 марта 1921 г

ВЕСЬМА СРОЧНО. В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА т. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич,

Ваш совет был мною сейчас же передан наиболее ответственными моим помощникам. Кандидатура В. И. Невского не встречает никаких возражений, некоторые даже думают, что по сравнению с кандидатурой Десницкого это отнюдь не понижение квалификации. Совсем другое дело с Жуковым. Здесь я встречаю самый категорический протест от лиц, ближе его знающих, чем мы с Вами. О. Г. Аникст обещала даже представить какой-то материал сегодня, каковой я, конечно, перешлю Вам, как только с ним ознакомлюсь. Ее мнение и мнение некоторых других сотрудников Главпрофобра таково: т. Жуков был всегда одним из самых безруких и наименее авторитетных сотрудников Главпрофобра. Внезапное назначение его начальником Главпрофобра вызывает смущение и смятение.

Протестует против его назначения т. Литкенс, который, кстати, просит Вас принять его по этому поводу. Он указывает, между прочим, что и ВЦСПС и ВСНХ будут протестовать против этого, так как во главе Главпрофобра нужен глубоко практический человек с соответственными связями и авторитетом.

Протестует также т. Гринберг. Одним словом, ни с какой стороны в Наркомпросе нет ни малейшей поддержки этой кандидатуры. Между тем т. Жуков мог бы быть нам очень полезен на другом посту. Ввиду того, что кандидатура Десницкого отпала, и В. И. Невский, которого мы хотели пригласить в качестве заведующего Отделом единой трудовой школы (самым большим из 4-х отделов, на которые распадается управле-

ние соц. воспитания), этот последний пост сейчас опять-таки не имеет кандидатуры, — и вот здесь Жуков, мне кажется, подходящ. Администраторы в этом отделе сейчас есть, к тому же он будет работать под контролем Невского. Мы сможем увидеть там, насколько умеет он применять свои несомненно обширнейшие познания. К тому же он прямо заявил мне, что был бы крайне счастлив, если бы удалось поработать в области Единой трудовой школы. Тут не нужен тот авторитет, который необходим для того, чтобы импонировать профессуре, тут не нужны широты взглядов и той многогранности, которые требует Главпрофобр, едва ли не самый разнообразный Отдел народного просвещения.

Что же касается заведующего Главпрофобром, то я бы просил Вас в возможно более скором темпе взвесить кандидатуру т. Рейнгольда Берзина. Вы его, конечно, знаете. Совсем близко знает его Сталин. Берзин выдающийся военный организатор, работающий все время в качестве ближайшего помощника Сталина и заменявший его в Реввоенсовете Южного фронта. Кажется, между Сталиным и Берзиным иногда возникали нелады, но в общем вряд ли т. Сталин будет отрицать чрезвычайно большие деловые способности Берзина. Вместе с тем это педагог и агроном. Сейчас он направлен Наркомземом, где он служит, в качестве члена коллегии Главпрофобра. В течение 2—3 недель Шмидт мог бы вполне ввести Берзина во все подробности этой огромной машины. Берзин — человек действительно авторитетный. То, что он специалист по сельскохозяйственному образованию, отнюдь неплохо, так как это ведь будет чуть не половина дела всего Главпрофобра.

И работающие в Главпрофобре товарищи и спецы уже сейчас, несмотря на то, что т. Берзин работает там только 2 недели, чувствуют к нему известное доверие.

Вывод: я хочу просить у Оргбюро 3-х назначений, а именно: на пост Заведующего Главсоцвосом т. В. И. Невского, на пост Заведующего Главпрофобром т. Рейнгольда Берзина, на пост Заведующего Отделом единой трудовой школы т. К. А. Жукова.

Очень прошу Вас сейчас же по прочтении этой бумаги, которую я посылаю Вам срочно в собственные руки, протелефонировать мне, что Вы думаете о такой комбинации, а также можете ли Вы принять Литкенса.

Крепко жму Вашу руку А. <Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, лл. 123—125.

185

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

8 марта 1921 г.

Тов. ЛУНАЧАРСКОМУ

Посылаю Вам при этом список ученых.

Владимир Ильич очень интересуется этой группой и просит Вас дать характеристики известных Вам из этого списка ученых, инженеров, литераторов и пр.

Управдел Совнаркома Н. Горбунов
Секретарь <подпись>

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 22, л. 1.

Список ученых, посланный с этим письмом, в ЦПА ИМЛ не обнаружен. Частично его можно восстановить по ответному письму Луначарского 9 марта (см. след. письмо).

186

ЛУНАЧАРСКИЙ — ГОРБУНОВУ
(ДЛЯ ЛЕНИНА)

⟨9 марта 1921 г.⟩

В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА
тов. Н. П. ГОРБУНОВУ

В ответ на секретное отношение Управдела Совнаркома за № 2244 сообщая, что сейчас могу прислать отзыв о личных впечатлениях моих о некоторых из этих ученых, с которыми приходилось иметь дело, об остальных будут собраны мною сведения через Научный отдел в недельный срок.

Вице-президент Академии наук Стеклов — выдающийся математик, крайне симпатичный человек, выступил в миролюбивом и даже почти советском духе еще на первом митинге интеллигенции, созванном Зиновьевым и мною в Петрограде. Все время держится чрезвычайно лояльно, сторонник радикальной реформы и демократизации Академии наук.

Академик Иоффе — недавно избранный. Об избрании такого радикального в политическом убеждении человека и еврея в Академию в старое время не могло быть речи, между тем Иоффе замечательный физик, в особенности в области рентгенологии и теории строения атомов. Недавно издал прекрасный учебник молекулярной физики. Состоит, вместе с выдающимся врачом-организатором Неменовым, директором нашего Института рентгенологии и радиологии, целиком созданного революцией и уже приобретенного европейскую известность.

Академик Кони — пожелал познакомиться со мною еще в начале 1919 г. Мы имели с ним большой разговор, в котором и высказался чрезвычайно дружески по отношению к новому режиму, от души желал успеха новой России, говоря, что только такой «свирепо-радикальный» переворот и переход власти в руки одновременно смелых и близких народу людей и в то же время знающих, что в России силой авторитета ничего не сделаешь, — был единственным выходом из создавшегося положения. Кони говорил мне тогда: «Между монархией и большевизмом решительно ничего жизнеспособного не вижу». С тех пор Кони принимал участие в качестве лектора в разных наших учебных заведениях, например, в Институте живого слова, выступал с разными воспоминаниями и окрашивал их неизменно в более или менее симпатичный для Советской власти дух. Кони предлагал даже через меня Л. Р. Менжинской организовать группу старых маститых литераторов и ученых, стоящих приблизительно на той же точке зрения (Таганцев принадлежал к ним) для внешкольной работы, но Л. Р. Менжинская не воспользовалась этим предложением.

Академик Платонов — ума палата. Сейчас, кажется, избран в президенты Академии, замечательный историк правых убеждений. Несмотря на это, сразу стал работать с нами, сначала управлял архивом Наркомпро-са, потом был привлечен Рязановым в качестве своего помощника по управлению архивами в Петрограде, а сейчас управляет ими более или менее единолично под общим контролем М. Н. Покровского. Держится в высшей степени лояльно и корректно. ⟨...⟩

Академик Щербацкий — превосходный ученый, за время революции написал замечательную брошюру о буддизме, за время революции с социалистической точки зрения (отказ от личного эгоизма и личного имущества, обретение душевного покоя и радости в общественной гармонии). Как человек весьма передовой и симпатично относящийся к Советской власти, был отпущен нами за границу с поручениями Академии

ЛЕНИН В КРЕМЛЕ С ДЕЛЕГАТАМИ X СЪЕЗДА РКП(б) — УЧАСТНИКАМИ
ЛИКВИДАЦИИ КРОНШТАДТСКОГО МЯТЕЖА
22 марта 1921 г.

Фотография Л. Я. Леонидова

наук. За границей вел себя исключительно лояльно. Дал несколько заметок по положению науки в России, совершенно корректных и безукоризненных. Написал несколько официальных писем Наркомпросу с отчетом о своих впечатлениях. Собирается вернуться на днях в Россию со всякими научными новостями.

Академик Бехтерев — крупный ученый. Уклон его научных исканий интересен, так как относится к области физиологии и психологии труда и научного распознавания способностей и склонностей. Соответственно этому делал доклад на последней конференции по научному обследованию труда. Выдвинулся в Петрограде как один из советских ученых. <...>

Академик Александр Бенуа — тончайший эстет, замечательный художник и очаровательнейший человек. Приветствовал Октябрьский переворот еще до Октября. Я познакомился с ним у Горького, и мы очень сошлись. После Октябрьского переворота я бывал у него на дому, он с величайшим интересом следил за первыми шагами нового режима. Он был одним из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу. Однако постепенно он огорчался все больше, жизненные невзгоды, недовольство коммунистами, поставленными для контроля над всей работой, вызвали в нем известное брюзжание, постепенно перешедшее даже в прямое недовольство. Думаю, что сейчас он другом Советской власти не является, тем не менее, он как директор самой важной части Эрмитажа (Средневековье и эпоха Возрождения) приносит нам огромные услуги. Вообще человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь. В сущности говоря, европеец типа Ромена Роллана, Анатоля Франса и других. Тов. Зиновьев и т. Лилина, кажется, в последнее время делают шаги к улучшению его положения, что вероятно разгладит морщины на его эстетическом челе.

Кустодиев — весьма демократически настроенный и по-своему великий художник, думается — крупнейший из мастеров живописи, имеющих сейчас в России. Знаю, что в последнее время страшно бедствовал. Когда это было доведено до моего сведения, я принял все меры к улучшению его положения, но знаю, достаточны ли они. Всегда был демократом с эсеровским налетом, как теперь — не знаю.

Академики — Романов, Щуко, Фомин, Преображенский — более или менее выдающиеся (особенно Фомин) архитектора. Все остались служить у нас чуть не с первого дня революции. Очень симпатизируют лично мне: я и привлек их на работу. Тонкие интеллигентные натуры, конечно, с разными характерами и темпераментами. Люди, с которыми очень легко можно кашу сварить, если только кормить их хотя бы даже той же кашей, что не всегда бывает.

Профессор Левинсон-Лессинг — директор Политехнического института, замечательный ученый чисто американского типа, в Америке, кажется, главным образом получил и свою высокую квалификацию. Устремления кадетского, тем не менее при сговорах с профессорами хотя и стал во главе правой группы техников, но все же значительно левее университетских профессоров. Был, так сказать, руководителем центра, с которым разговаривать было можно. Очень умен и довольно хитер.

Литератор Блок, вероятно, поэт Александр Блок. После революции присоединился к левым эсерам. Был арестован во время разгрома левых эсеров после известного восстания в Москве¹. Очень скоро примирился с судьбой своих недавних друзей, сейчас директор Большого драматического театра², организованного М. Ф. Андреевой под знаком советских, для культивирования героического театра. С тех пор написал несколько вещей, из них блестящую поэму «12», где изображена революция в весьма романтических, хотя несколько мрачных и

сентиментальных чертах. Написал, кроме того, книгу о Катилине. Вообще во всем, что пишет — есть своеобразный подход к революции: какая-то смесь симпатии и ужаса типичнейшего интеллигента. Гораздо более талантлив, чем умен.

О большинстве ученых знаю более или менее понаслышке и поэтому не считаю нужным давать характеристики, подобные здесь приведенным.

Точные сведения об их научном значении и отношении к Советской власти постараюсь доставить через неделю.

Нарком по просвещению <А. Луначарский>

9/III—21 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 50.

Письмо является ответом на запрос Горбунова по поручению Ленина (см. предыдущ. письмо).

¹ Блок находился под арестом полтора дня.

² Блок был председателем режиссерского Управления Большого драматического театра.

187

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<21 марта 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Посылаю Вам проект директивы, построенный следующим образом: сначала я перечисляю 4 группы препятствий к использованию специалистов нашей области, а затем по каждому из таких пунктов рекомендуемые ЦК общие меры, наконец, в конце практическую меру, именно: созыв двух соответственных конференций.

Очень прошу Вас сейчас же протелефонировать мне по прочтении проекта, насколько Вы с ним согласны.

Нарком А. Луначарский

21/III—21 г.

Только что получил обращение ко мне по поводу ректора Саратовского университета Зернова. Б<ыть> м<ожет>, Вы будете любезны навести соответственную справку в ВЧК и если ничего особенного в его деле нет — отпустить его.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30941.

По своему содержанию проект директивы является ответом Ленину, не прекращавшему требовать от Наркомпроса наведения порядка в использовании его специалистов.

Приводим текст проекта:

«Директива
Центрального Комитета партии всем членам партии,
работающим в Наркомпросе»

В области народного просвещения, как и в других областях государственной жизни, представляется совершенно необходимым использовать наличные силы специалистов: ученых и педагогов.

Естественное стремление применить знания и опыт этих специалистов к делу советского строительства встречает на своем пути ряд препятствий.

1) Политическое настроение ученых и педагогов часто враждебно Советской власти, либо совпадая с тенденцией различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, либо выражаясь в обывательской беспартийной косности.

2) Специалистам этим присущи укоренившиеся привычки, зачастую прямо противоположные тем приемам работы и тому характеру знаний, которые являются единственно соответственными интересам трудовых масс в переходную к коммунизму эпоху, потребности пролетариата им непонятны и чужды.

3) Необеспеченность самих работников просвещения, а также студенчества и учащихся в школах, обветшалое недостаточное оборудование учебных заведений и т. п. порождают среди специалистов уныние и раздражение.

4) Коммунисты, работающие в Наркомпросе, в свою очередь настроены враждебно к специалистам своей области, памятуя такие акты, как учительский саботаж после Октябрьской революции, как деятельность Всероссийского учительского союза, руководившегося открытыми эсерами, натываясь постоянно на пассивное сопротивление при проведении в жизнь необходимых мероприятий, направленных на пользу пролетариата и создания новой культуры.

Центральный Комитет признает, конечно, наличие враждебных партийных и косных беспартийных течений в учительстве, а также административных и педагогических навыков, несовместимых с новыми жизненными условиями, но полагает, что они могут быть ослаблены только неустанной политической и теоретической работой органов Наркомпроса среди профессуры и учительства и всемерным усилением деятельности и значения профес<сионального> союза работников школы и соц<налистической> культуры.

Советская власть уже приняла целый ряд мер для улучшения материального благосостояния учащихся, выдаются тысячи академических пайков для ученых, предположен и частью в законодательном порядке принят план улучшения питания и снабжения как детей, так и студентов и учителей.

Можно с уверенностью сказать, что, пережив временную нынешнюю заминку в доставке продовольствия к центру, Республика сможет серьезно улучшить положение работников народного просвещения и состояние самих учебных заведений.

Наркомпрос и впредь должен со всяческим вниманием относиться к этого рода нуждам, быть в этом смысле представителем интересов учащихся и учащихся наряду с профес<сиональным> союзом и в меру возможностей, предоставленных государством, содействовать планомерной выработке внутри Республики и ввозу из-за границы необходимых предметов научного и учебного оборудования.

Одной из важных мер к правильному использованию знания и опыта специалистов народного просвещения является создание атмосферы доброжелательства и полной готовности к сотрудничеству, которая до сих пор еще не установилась в этой области.

Наркомпрос, конечно, должен сурово пресекать всякие контрреволюционные поползновения, но он должен создать вместе с тем даже для людей, политическая окраска которых в прошлом или настоящим определено враждебна, при отказе с их стороны от всякого внесения в их учебное дело контрреволюционных идей, возможность в области их специальности работать свободно и применять все свои познания и силы.

Оттапливающий работников просвещения тон сухого командования, подчеркивание недоверия к ним как представителям мелкой буржуазии, мелочное вмешательство в дело преподавания и администрирования не принесет никакой пользы делу и отнюдь не способствует сужению той щели между правительственными органами народного просвещения и его специалистами, которая во многом до сих пор еще болезненно дает себя чувствовать.

Общая директива, данная Центральным Комитетом относительно использования всех специалистов: создание для них атмосферы товарищеского сотрудничества — безусловно обязательна и в этой области.

Необходимо озаботиться о большой жизненности профес<сионального> союза, обнимающего работников просвещения, и о планомерном участии их представителей во всех управляющих органах Наркомпроса как в центре, так и на местах.

Необходимо также предоставить высшим школам известную долю автономии при участии беспартийного студенчества в таких, однако, условиях, которые отнюдь не препятствовали бы как энергичному пресечению всякой попытки контрреволюционной организации и пропаганды, так и возможности для Наркомпроса властно приспособлять работу высших учебных заведений к потребностям Республики, в первую голову рядом с подготовкой необходимых для нее квалифицированных работников — к нуждам пролетариата в области просвещения, т. е. широкому внешкольному просвещению его (под руководством Главполитпросвета и его органов) и сокращению для выдающихся пролетариев пути к высшему образованию.

В этих целях Центральный Комитет считает полезным созыв Наркомпросом летом этого года: 1) немногочисленной конференции учительства с участием Центрального комитета Всерабрпро и председателей губернских его комитетов и 2) конференции высших учебных заведений также с немногочисленным представительством профессуры, коммунистических студенческих ячеек, революционного студенчества, беспартийного студенчества и рабочих факультетов.

Целью первой конференции должна быть окончательная разработка и зафиксирование как плана реальной педагогической совместной с Наркомпросом работы профес<сионального> союза, так и плана участия его представителей в органах Наркомпроса в центре и на местах.

Целью второй конференции — разработка вопросов автономии высшей школы в пределах и при соблюдении условий, указанных в настоящей директиве» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30941).

Упоминаемый в письме Луначарского Дмитрий Степанович Зернов (1860—1922) — ученый-механик, бывший директор Петербургского технологического института.

В докладе на диспуте в Доме Союзов 4 декабря 1922 г. «Какая школа нужна проле-

тарскому государству» Луначарский, говоря о рабочих факультетах, так вспоминал о Зернове: «Я недавно с большой скорбью прочел известие о смерти профессора Зернова. Профессор Зернов был скорее для нас политическим врагом, чем другом, но это такой враг, с которым хорошо было иметь дело. Человек обширного ума, чрезвычайной тактичности, который умел отметить хорошее, что было в нашей работе, и который был не только лояльным, но и чрезвычайно плодотворным во всяком сотрудничестве с нами, хотя пребывал в постоянной скептической оппозиции, много осуждал, качал головою и никогда не поступался своей полной самостоятельностью; за несколько дней до своей смерти, после того, как он председательствовал в испытательной комиссии по приему в Техническое училище питомцев ленинградского рабфака, он заявил, что они не только подготовлены лучше всех других, но вообще подготовлены достаточно. Он говорил, что можно только поражиться той выносливости, той настойчивости, той талантливости, которая проявляется здесь» (А. В. Луначарский. О народном образовании. М., 1958, стр. 241).

183

ЛЕНИН — ЛИТКЕНСУ

КОПИИ ПОКРОВСКОМУ И ЛУНАЧАРСКОМУ

Т. ЛИТКЕНСУ

КОПИИ М. Н. ПОКРОВСКОМУ И ЛУНАЧАРСКОМУ

27.III.1921 г.

В дополнение к вчерашнему разговору

Н. К. <Крупская> решительно отстаивает *Шапиро*, и я соглашаюсь с ней, полагаясь на ее трехлетнее ближайшее знакомство с Шапиро на работе. К тому же считаю сугубо важным, что она указывает на недовольство товарищем Шапиро за его *требовательность*.

Против Вашего участия в Главполитпросвете я не возражаю, ибо не возражает Н. К. Она *за* это.

Мое мнение: не отрывайтесь от работы *организационно-административной*. С Вас, и *только* с Вас, спросим строго и скоро (месяца через 2 — 3): результаты должны быть серьезные в смысле деловитости, *ответности*, проверки работы 400 000 учителей, их организованности, *их* перехода на новые рельсы. С Вас, и *только* с Вас, это спросится. *Все* внимание на это.

С ком. приветом Л е н и н

Л е н и н, т. 52, стр. 112.

Л. Г. Шапиро (псевд. — М. Шанин) был сотрудником Наркомпроса, членом Главполитпросвета. В прошлом меньшевик, он, по словам Ленина, и в дооктябрьский период «выделялся от меньшевиков в революционную сторону» (Л е н и н, т. 54, стр. 54).

Меньшевистское прошлое Шапиро было использовано для интриги против него во время чистки партии в конце 1921 г. 3 декабря Ленин написал подробное письмо по поводу Шапиро в Московскую губернскую комиссию по проверке и очистке партии. Ленин, в частности, писал: «В течение нескольких лет я многократно слышал от Н. К. Крупской, что Шапиро — работник редкой добросовестности, но не любимый за требовательность. Поэтому при самом начале чистки я предупредил Н. К. Крупскую, что надо обратить внимание на возможность и вероятность интриги, связанной с этим» (Л е н и н, т. 54, стр. 52). Ленин предлагал Комиссии всесторонне и ответственно разобраться в этом вопросе и сообщить о решении (там же, стр. 55).

Решением Комиссии Шапиро был восстановлен в партии. Протокол заседания был послан Ленину.

189

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСИ ЛЕНИНА

29/III—1921 г.

Копия

В. И. ЛЕНИНУ
В ЦК РК ПАРТИИ

Прошу Центральный Комитет утвердить окончательный состав Коллегии Наркомпроса для возможно скорейшего внесения его на официальное утверждение Президиумом ВЦИК.

Список членов Коллегии Наркомпроса:

Нарком — А. Луначарский
 Замнарком — М. Н. Покровский
 Замнарком — Е. А. Литкенс
 — Н. К. Крупская
 — Е. Преображенский
 — В. И. Невский
 — Розенгольц.

Коллегия должна быть пополнена еще двумя лицами из рабочих, но кандидатуры еще не фиксированы окончательно.

Вместе с тем прошу ЦК утвердить т. Ярославского в 5-ке Главполитпросвета, согласно не оспаривавшемуся мнению, что необходима теснейшая связь для ЦК РКП с объединенным государственным органом политического просвещения масс.

Народный комиссар по просвещению: А. Луначарский
 Секретарь А. Флаксерман

Под письмом рукой Ленина:

Нельзя ли собрать голоса подписями:
 за против за особое обсуждение

Ленин

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1877.

25 февраля 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) вынес решение: «Предложить комиссии по пересмотру комиссариатов и равно комиссии по пересмотру главков и центров максимально освежить Коллегии Наркомпроса и его отделов» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 60, л. 13).

После подписи Ленина на публикуемом документе следуют подписи четырех членов Политбюро.

Из прежнего состава Коллегии Наркомпроса в новый состав вошли: Шмидт, Гринберг, Гордон, Исаев и Козелев.

В ЦГА РСФСР сохранилось письмо Луначарского по поводу назначения Розенгольца:

«31 марта 1921 г. В Оргбюро ЦК, тов. Молотову.

Владимир Ильич передал мне, что тов. Розенгольц ссылается на нездоровье и отказывается поэтому занять соответственный пост в Наркомпросе.

Вступление же тов. Розенгольца в Наркомпрос при создавшихся условиях является столь важным и необходимым, что я прошу Оргбюро через посредство опытного врача (которого я, конечно, могу рекомендовать, если угодно) обследовать состояние здоровья тов. Розенгольца и если его болезнь (если не ошибаюсь, сердце) не делает для него работу абсолютно невозможной, то настоять на включении его в состав ответственных сотрудников Наркомпроса.

Нарком по просвещению

А. Луначарский»

190

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
 И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА

<2 апреля 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич!

В последнее время я чуть-чуть расклеился, симптом очень упорной бессонницы. Сегодня решил поговорить с доктором, который нашел у меня легкое расширение сердца и большое нервное переутомление. Настаивает, во избежание серьезного перерыва в работе, на более или менее

ЛЕНИН
ФРАГМЕНТ ФОТОГРАФИИ, ВОСПРОИЗВЕДЕННОЙ НА СТР. 275
Москва, 25 апреля 1921 г.
Фотография Л. Я. Леонидова

скором отдыхе, однако непродолжительном, уверяет, что *две недели отдыха будут достаточны для полной реставрации.*

Так <как> Михаил Николаевич собирается на отдых с мая, а привести Наркомпрос в некоторый более или менее приемлемый порядок к 15 апреля, по-видимому, удастся (Преображенский и м. б. *Залуцкий*, войдут в работу) и будет найден работник на место Гринберга, а если нет, то ЦК согласится ввести Гринберга в коллегия (без чего он нам не может годиться), то я и предполагаю просить Вас *разрешить мне уехать с 15 апреля по 30 в одно из колониальных имений Наркомпроса — Марфино, в 30 вер<стах> от Москвы.*

Думаю, что такое решение вопроса позволит мне отдохнуть и нанесет наименьший ущерб Наркомпросу. Туда каждый день ходит поезд и если бы что-нибудь случилось — меня можно уведомить.

Пишу Вам заранее, потому что надо тогда заранее подготовить этот перерыв, в сущности Наркомпрос несколько раз существовал без меня и более долгий период.

Но, разумеется, если Вы найдете это в настоящий момент неудобным, то я отнюдь не буду настаивать, так как пока ничего не только мало-мальски опасного, но и вообще злостного еще нет. Терпеть вполне можно и по сравнению с другими товарищами я гораздо менее устал.

С товарищеским приветом

А. Луначарский

2.IV.21 г.

Слова, набранные курсивом, подчеркнуты Лениным.

Слова Луначарского «разрешить» «Марфино» отчеркнуты Лениным на полях.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25703.

Луначарский в отпуск не уехал из-за забастовки преподавательского состава МВТУ (см. настоящ. том, стр. 272—278).

Преображенский был назначен заведующим Главпрофобром. Залуцкий, выдвинутый профессурой МВТУ, был назначен заместителем заведующего Главпрофобром. Гринберг был оставлен в составе Коллегии Наркомпроса.

191

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

8.IV.1921 г.

Тт. ЛУНАЧАРСКОМУ, ПОКРОВСКОМУ И ЛИТКВЕНСУ

Множатся признаки, что по части систематичности и планомерности работы дела в Наркомпросе не улучшаются, вопреки директивам ЦК и специальным заданиям ЦК при реорганизации Наркомпроса¹.

Когда основной план работы будет выработан? Какие вопросы в этот план войдут? Такие ли, как составление учебников, — библиотечная сеть и ее использование, — образцовые школы, — отчетность учителей, — программы курсов, лекций, школьных занятий, — контроль за степенью фактического исполнения программ и хода учебных занятий?

Или другие вопросы? Какие?

Какие вопросы признаны важнейшими, ударными?

Есть ли постановления об этом? Какие меры систематического надзора за исполнением?

Прошу краткого ответа².

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)

Ленин, т. 52, стр. 133—134.

Несколькими днями позже Литкенс сообщил Ленину, что между наркомом и его заместителями «для уточнения директив ЦК РКП о порядке управления Наркомпроса» проведено разделение обязанностей. Литкенс представил Ленину срочно подготовленный краткий перечень основных задач Наркомпроса на ближайшее время. В нем предусматривались следующие мероприятия:

1. Упорядочение и укрепление провинциального аппарата с проведением регулярной отчетности и улучшения положения учреждений спецов.

2. Снабжение школ всякого типа достаточным материалом (программы, учебники) для преподавания.

3. Пересмотр всех управляющих органов с целью перевода на спецовские рельсы.

4. Уточнение администрирующего аппарата учебных учреждений.

5. Согласование количества учебных учреждений с материальными возможностями и установление твердого плана снабжения (в связи с сетью учреждений).

6. Усиление подготовки работников просвещения и красных спецов за счет всех остальных сторон работы.

7. Приведение в порядок книжного снабжения с установлением механизма наиболее полного использования книги (библиотечная сеть).

8. Вовлечение всей армии работников просвещения (в особенности школьного учителя) в политическую работу.

Все эти задачи, выраженные в очень общей форме, конкретизируются в плане работы каждого главка, в свою очередь разбивающегося на конкретные мероприятия по отдельным отделам» («В. И. Ленин и проблемы народного образования». М., 1961, стр. 241—242).

¹ Речь идет о таких партийных документах в области народного образования, как постановления Пленумов ЦК 8 декабря 1920 г. и 26 января 1921 г. о реорганизации Наркомпроса, «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» 5 февраля 1921 г. и ряд постановлений Политбюро Центрального Комитета партии по персональному составу руководящих работников Наркомпроса (февраль — март 1921 г.). Большинство из этих документов было написано Лениным или разработано под его непосредственным руководством.

² Ответ Луначарского на данное письмо последовал 12 апреля, см. настоящ. том, стр. 269—271.

192

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<9 апреля 1921 г.>

АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛУНАЧАРСКОМУ

КОПИЯ ГЛАВТОРФУ

Чтобы поднять торфодобыwanie, надо широко поставить пропаганду — листовки, брошюры, передвижные выставки, кинематографические снимки, издание учебников; ввести обязательный предмет в школах и в высших технических учебных заведениях о торфодобывании; составить учебники; ежегодно посылать экскурсию за границу.

Конкретно нужно: 1) поручить Госиздату отпечатать к 15 апреля в количестве 100 000 экземпляров брошюру в полтора листа «Торф»¹, сданную Главторфом 8 февраля с. г. в агитационный отдел т. Мордвинкину, и принять к печати от Главторфа еще три брошюры и листовки, с тем чтобы выпустить их к 1 мая; Главторфу нужно выдать для распространения 15 000 брошюр².

2) Поручить киноотделу в течение мая снять 12 лент — под руководством Главторфа — торфодобычи (для России, Украины, Урала, Белоруссии и Сибири)³.

3) Поручить Главпрофобру совместно с Главторфом к 1 июня разработать проект обязательного курса в школах и в высших учебных заведениях по торфодобыванию⁴.

Прошу Вас прислать мне копии Ваших распоряжений и ответы соответствующих учреждений и лиц с указанием срока⁵.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. У л ь я н о в (Л е н и н)

9 апреля 1921 г.

Л е н и н, т. 52, стр. 136—137. Последняя фраза письма написана рукой Ленина.

С начала 1921 г. Ленин начал уделять большое внимание так называемой «производственной пропаганде», ставившей своей целью популяризацию в массах научно-технических идей, имевших особую актуальность в то время. Наряду с пропагандой электрификации России Ленин много внимания уделял также пропаганде наиболее передовых способов добычи торфа. Из-за разрухи в топливной промышленности, принявшей особенно большие размеры к концу гражданской войны вследствие почти полной остановки разрушенных шахт Донбасса и отсутствия планомерных лесоразработок, торф стал на первое место в топливном балансе страны, а проблемы наиболее прогрессивных методов торфоразработок — в центр внимания правительственных учреждений и лично Ленина.

¹ Речь идет о брошюре, написанной членами коллегии Главторфа профессором МВТУ Е. С. Меньшиковым и профессором Московской горной академии П. В. Танеевым «Торф и его значение в народном хозяйстве». После письма Луначарского в Госиздат брошюра была набрана в срочном порядке, но из-за отсутствия бумаги долго не печаталась и только после вторичного напоминания Ленина в телефонограмме заведующему технической частью Госиздата Д. Рудометову (телефонограмма эта еще не разыскана) со значительным опозданием вышла в свет (ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 117, л. 120).

² Речь шла о брошюрах: 1) П. В. Кранев «Приготовление торфа», 2) Карелин «Получение торфа из кокса» и 3) Гейнрих и Зайцев «Торф на Урале». Ни одна из указанных брошюр в свет не вышла. Помимо технических трудностей издания, основную роль здесь сыграл отрицательный отзыв о качестве брошюр редактора газеты «Экономическая жизнь» Г. И. Крумина, бывшего постоянным рецензентом Госиздата в области экономической и научно-технической литературы. Переписка об издании этих брошюр велась Госиздатом и Главторфом в течение всего июля и августа 1921 г. (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 175, лл. 470, 474, ед. хр. 189, л. 463).

³ Вследствие отсутствия пленки и других технических трудностей указание Ленина о подготовке 12 фильмов, пропагандирующих передовые методы добычи торфа, было выполнено лишь частично и со значительным опозданием. Изготовление 6 фильмов (вместо 12) началось лишь в июне 1921 г. и продолжалось более года.

⁴ Для разработки вопросов специального образования в торфяном деле Главпрофобром была создана специальная комиссия, возглавлявшаяся В. А. Александровым и С. А. Беляевым. Результаты работ комиссии за период с 19 по 31 мая 1921 г. были заслушаны на коллегии Главторфа 31 мая 1921 г. По докладу комиссии коллегия вынесла следующее постановление: «1) поручить Секретариату довести до сведения Председателя Совнаркома о том, что уже сделано Комиссией, указав на причины, которые не дали возможности исполнить задание полностью; 2) объявить конкурс на составление учебников по торфодобычанию, ассигновав для этого определенную сумму; 3) поручить Комиссии разработать в месячный срок программу для всех типов намеченных учебных заведений и произвести учет всех преподавателей по торфодобычанию» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 598, л. 6). 1 июня 1921 г. секретарь коллегии Главпрофобра отослал Луначарскому отчет Комиссии по торфяному образованию «для доклада т. Ленину». В начале июня 1921 г. первый доклад комиссии был направлен Луначарским Ленину (см. письмо на стр. 286).

Через некоторое время, очевидно, в личной беседе с Луначарским Ленин снова напомнил о своем поручении и запросил о результатах работы комиссии. Об этом свидетельствует письмо Луначарского Литкенсу 12 августа 1921 г., в котором говорится: «Сегодня т. Александров принес мне обширные материалы, дополнительные к той спешной докладной записке, которая была подана через меня Владимиру Ильичу, по его требованию, относительно подготовки работников по торфу». Далее Луначарский информировал Литкенса, что «в Главпрофобре полный развал и хаос» и Александров, сам работник Главпрофобра, никак не может собрать все нужные для доклада Ленину материалы (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3337, л. 95).

5 октября 1921 г., очевидно, снова по инициативе Ленина Совет Труда и Оборона вынес постановление: «Признавая необходимым поддержку всех работ по проф.-торфяному образованию, поручить Главпрофобру обратиться на это дело особое внимание и конкретные предложения внести в СТО» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 601, л. 16). Благодаря неустанной заботе и требовательности Ленина в январе 1922 г. в Москве был открыт и принял своих первых слушателей Торфяной институт, сыгравший большую роль в подготовке специалистов советской топливной промышленности.

⁵ Эти материалы пока не обнаружены. Найдено только одно письмо Луначарского 11 апреля 1921 г. председателю Редакционной коллегии Госиздата Н. Л. Мещерякову с пометкой Луначарского «Срочно. Крайне важно». Передав точную формулировку распоряжения Ленина, Луначарский заключил письмо следующими строками: «Благодарю не позже завтрашнего дня осведомить меня телефонограммой (...) о принятых Вами мерах» (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 163, л. 777).

193

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

НАРКОМПРОС. АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛУНАЧАРСКОМУ

11 апреля 1921 г.

Сообщаю Вам выписку из письма шлиссельбуржца Николая Морозова к т. Ленину:

«Я очень просил бы Вас посодействовать мне скорейшим напечатанием в Петербургском книгоиздательстве книги «Христос», о которой я Вам уже писал. Нужно только несколько Ваших слов, тогда я буду чувствовать себя совсем свободным для новых дел. С сердечным приветом Николай Морозов».

Первое письмо Морозова не нашлось. По наведенным справкам выясняется, но не с полной еще достоверностью, что книга «Христос» написана Морозовым в Шлиссельбурге и представляет собой научное исследование, которое разрушает миф о Христе как о боге.

Владимир Ильич просит Вас поручить ответственной редакционной коллегии выяснить, что это за книга и следует ли ее печатать, и если окажется положительный результат, то пойти всячески навстречу Морозову.

Управдел СНК Н. Горбунов

«История СССР», 1965, № 2, стр. 86.

Речь идет о книге «Христос» известного революционера-народника, бывшего узника Шлиссельбургской крепости, ученого и поэта Николая Александровича Морозова (1854—1946). В календаре работы Ленина имеется запись секретаря 31 января 1921 г. — поручение зам. предреввоенсовета Республики Э. М. Склянскому направить Морозова на работу в Воздушный флот. 1 февраля, т. е. на другой день после этого распоряжения, Морозов уже писал Ленину:

«Реввоенсовет, 1 февраля 1921 г.

Глубокоуважаемый Владимир Ильич,

Благодаря Вашему содействию, уже виделся с тов. Склянским и с тов. Акашевым, и мы составили уже абрис будущих действий по созданию Воздушного флота. Думаю, что дело пойдет успешно, но чтоб мне не отвлекаться на незаконченные прежние дела, я очень просил бы Вас посодействовать мне скорейшим напечатанием в Петербургском книгоиздательстве книги «Христос», о которой я Вам уже писал. Нужно только несколько Ваших слов. Тогда я буду чувствовать себя совсем свободным для новых дел.

С сердечным приветом Николай Морозов»

«История СССР», 1965, № 2, стр. 85.

11 апреля Горбунов по поручению Ленина обратился к Луначарскому с публикуемым письмом.

См. также письма № 195, 197, 199, 219 и примечания к ним.

194

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12 апреля 1921 г.

ПРЕДСОВНАРКОМ т. В. И. ЛЕНИНУ

В ответ на письмо Ваше ко мне и моим заместителям от моего и их лица сообщаю Вам нижеследующее:

Основной план работы для всего Наркомпроса с цифровыми его обоснованиями может быть закончен выработкой лишь к концу полугодия (к 1 июля). Работа эта Наркомпросом производится впервые и ее достаточно быстрому ходу мешает отсутствие устойчивости и законченного подбора руководящего состава Главных управлений Наркомпроса. Начавшаяся в этом направлении работа Главпрофобра прервалась и должна будет быть пересмотрена вследствие ухода тов. Шмидта. Аналогичная работа в Главсоцвосе, начавшая выполнять(ся), с января текущего

года прервана изменением личного состава Главсоцвоса, явившегося следствием назначения Невского. В Главполитпросвете до сих пор отсутствует устойчивая Коллегия, которая могла бы достаточно интенсивно проводить эту работу.

В вырабатываемый вновь созданным Академическим центром, план работы входят следующие вопросы:

- I. 1) Учебные планы для первоначальной школы.
- 2) Программы, конкретизирующие эти учебные планы.
- 3) Учебники.
- II. 4) Учебные планы высших учебных заведений, из которых уже разработаны учебные планы факультетов общественных наук, медицинских факультетов (еще не согласованы с Наркомздравом), в данный момент приступлено к разработке учебных планов педагогических учебных заведений.
- 5) Программы и учебники, конкретизирующие эти учебные планы.
- III. 6) Учет всей научно-исследовательской работы всех научных учреждений.

За разработкой вопросов 1, 2 и 3 признана максимальная ударность. 2-й по очереди идет разработка вопросов 4 и 5.

Наибольшее затруднение встречает выполнение наиболее ударной задачи 1-й группы. Вопросы эти должны быть разработаны Научно-педагогической секцией ГУСа под руководством Н. К. Крупской, которая всецело должна быть отдана этой работе и, к сожалению, до настоящего момента не смогла заняться ею вплотную, будучи отвлечена Главполитпросветом.

В недавно сконструированном Организационном центре основными вопросами плана являются:

- 1) Статистика, как учет учреждений, количество учащихся и учащихся, так и текущая статистика учреждений, включающая в себя отчетность о степени выполнения заданий центральных органов, отчетность работников просвещения, контроль за фактическим исполнением плановой работы.
- 2) Единая система информации.
- 3) Проведение единого организационного плана и краткосрочная подготовка для этого организаторов.
- 4) Материальное обеспечение учреждений просвещения.
- 5) Установление пропорции обеспечения в соответствии с ударностью, признаваемой другими органами Наркомпроса.
- 6) План обеспечения работников просвещения.

Наиболее ударными вопросами среди них выделены: 1 — статистика и отчетность, 2 — план обеспечения работников просвещения и 3 — материальное обеспечение учреждений.

В Госиздате к плановой работе до сих пор не могло быть приступлено ввиду отсутствия плановой работы в органах и учреждениях, подготовляющих материалы для изданий. Задача эта поставлена Госиздатом, предельным сроком перехода к плановой работе намечено 1-е мая, основными вопросами плана являются:

- 1) Соотношение между материалами, предоставляемыми отдельными ведомствами.
- 2) Определение точной пропорции издательства учебников ко всему остальному издательству.
- 3) Определение пропорции пропагандистской и политической работы.
- 4) Развитие и установление правильных взаимоотношений подсобных коллегий Госиздата.
- 5) Нормирование работы в соответствии с планами Главбума и Полиграфотдела.

6) Использование литографских возможностей.

Для всех главных управлений: Социального воспитания, Профессионального образования и Политпросвета общими вопросами плана, который должен быть закончен к 1 июня, являются:

- 1) Точный учет учреждений и производимой ими работы.
- 2) Учет результатов работы — количества выпускаемых в определенный срок учащихся.
- 3) Текущая статистика учреждений — отчетность, итоги выполнения плана.
- 4) Сети учреждений.
- 5) Необходимые предпосылки развертывания этой работы: а) подготовка работников, б) материальные предпосылки, в) обеспечение учебниками и литературой.
- 6) Опытная работа, образцовые учреждения.
- 7) Согласование просветительного плана с единым хозяйственным планом как по отраслям хозяйства, так и в особенности по областям и районам.

Из этой работы ударными в данную минуту выдвигаются: 1. Учет учреждений и их работы. 2. Изучение предпосылок развертывания работы. 3. Согласование просветительного плана, хозяйственного плана. Вся эта работа после окончания ее к 1-му июня в течение июня месяца должна подвергнуться сводке в масштабе всего Наркомпроса.

Нарком по просвещению А. Луначарский

12/IV

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 6555.

Ответ на письмо Ленина 8 апреля 1921 г. (см. настоящ. том, стр. 266).

Ленин уделял большое внимание налаживанию работы Наркомпроса и после его реорганизации (см. настоящ. том, стр. 239, 263). Для четкой деятельности громадского аппарата Наркомата необходимо было разграничить работу его руководителей Луначарского, Покровского и Литкенса и составить конкретные планы деятельности всех отделов с выделением в них главных направлений работы. Этому вопросу и было посвящено письмо Ленина. Несколько позднее Литкенс предложил Ленину проект «Для уточнения директив ЦК РКП о порядке управления Наркомпроса», где устанавливалось новое разделение обязанностей между наркомом и его заместителями:

- «1) Важнейшие принципиальные решения, касающиеся направления работ Наркомпроса, проводятся в виде постановления Коллегии Наркомпроса.
 - 2) Вопросы конкретного характера, а также принципиальные в случае необходимости разрешения их в срочном порядке проводятся через совещание наркома и его заместителей (или *двух из этой* тройки в случае отсутствия или болезни одного заместителя).
 - 3) Распоряжения по Наркомпросу опубликовываются наркомом через заместителей: научно-теоретические — через зам. зав. Академическим центром, а административные — через зам. зав. Организационным центром.
 - 4) Все бумаги, направляемые от имени Наркомпроса в другие ведомства, а также решительно все обращения в Совет Народных Комиссаров и СТО должны проходить за подписью заместителя зав. Организационным центром с ведома наркома.
 - 5) Все бумаги, решения и указания внутриведомственного характера передаются по инстанциям через Академический и Организационный центр.
- Примечание: Бумаги и документы по просьбам отдельных просителей не вручаются им, а направляются для исполнения в соответствующие органы Наркомпроса в порядке п. 5» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24934, л. 3).

Слова, выделенные курсивом, написаны Лениным. Было: «двух из руководителей»

Мною получен за подписью тов. Горбунова Ваш запрос относительно книги Морозова «Христос». Я с удовольствием поручу ответственной редакционной коллегии узнать, что это за книга.

Лично я с книгой знаком. Это совершенно сумасбродная вещь, доказывающая на основании нелепой выкладки, к какому числу могут быть отнесены затмения Солнца и Луны, указанные в Евангелии, как сопровождавшие распятие Христа, произошедшее, по Евангелию, в пятницу, что Христос жил не в первом веке, а в V, отрицающая на этом основании в качестве мифов таких лиц, как Цезаря, который почему-то оказывается Юлианом Отступником, как Августа и т. д., заподозрившая фальсификацию сочинений Цицерона, Горация и т. д. как относящихся на самом деле к средним векам, и т. д. и т. п.

Я очень люблю и уважаю Морозова, но книга эта до того курьезная, что издание ее несомненно принесет известный ущерб имени автора и Гос<ударственному> издат<ельству>.

Если серьезная наука с большим сомнением отнеслась к выкладке Морозова относительно Апокалипсиса, то книга «Христос» является уж окончательным абсурдом на почве той же научной односторонности.

Если этот мой отзыв не кажется Вам достаточно компетентным, то я с удовольствием передам книгу на рассмотрение специалистам.

Нарком А. Луначарский

Публикуется по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, л. 247.

См. письмо Горбунова Луначарскому 11 апреля и примечания к нему.

Книга Н. А. Морозова об Апокалипсисе «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса. С рисунками и снимками с древних астрономических карт Пулковской обсерватории» (издание журнала «Былое», СПб., 1907) вызвала критические отклики многих авторов: см. Н. К. Н и к о л ь с к и й. Спор исторической критики с астрономией, 1908; В. Ф. Э р н. «Откровение в грозе и буре», разбор книги Н. А. Морозова, 1907, и др.

196

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

(13 апреля 1921 г.)

Убедительно прошу прочесть.

Очень важно

Дорогой Владимир Ильич.

У нас разразилась профессорская забастовка в Высшем техническом училище. Тов. Преображенский, вероятно, будет говорить с Вами об этом.

Я хочу со своей стороны осведомить Вас, так как вопрос это сложный, в нем уже заинтересовался целый ряд лиц из ЦК.

Как Вы знаете, мы стоворились с профессурой относительно принятия, так сказать, их кандидата в качестве помощника т. Преображенского. Таковым намечен петроградский профессор Залуцкий. Несмотря на то, что я дважды телефонографировал о немедленном его выезде сюда, он почему-то не едет. Сегодня послал еще одну решительную телефонограмму с копией т. Зиновьеву.

Между тем у нас был выработан устав для всех высших учебных заведений. Этот устав резко порывает со всею автономией и устанавливает ректоров по назначению и двух советников при них, из которых один должен быть студентом. Все по назначению. По существу устав этот идет некоторым образом в разрез с той политикой, которую Вы нам рекомендовали, с политикой некоторого сближения с профессурой, с другой стороны, за него говорит крайняя контрреволюционность, по крайней мере московской, профессуры.

Я не очень убежденный сторонник этого устава, скажу Вам об этом прямо; т. Покровский тоже несколько колебался, тем более, что, кроме правления, мы наталкиваемся там на очень сложный вопрос о строении факультетов, отделений, кафедр и т. п. Этот последний вопрос мы с Мих(илом) Ник(олаевичем) <Покровским> решили не только весьма внимательно обсудить в Академическом центре, но и собрать конференцию из профессоров по назначению *нашему*.

Ввиду всего этого Коллегия Наркомпроса, на основании предложения т. Покровского, 3 апреля распорядилась приостановить введение нового устава. Между тем 5 апреля т. Герштейн, заведующий высшими техническими учебн(ыми) заведениями в Главпрофобре, назначил в это училище новую тройку.

Немедленно ко мне явился профессор Круг, которого т. Рыков рекомендует как одного из сравнительно левых профессоров, прекрасно работающих в ВСНХ. Он заявил мне, что ректором назначается некто Игнатов, заведомый психопат, а одним из советников — Лемберг, человек, вступивший в столь острые отношения с профессурой, что профессора ни в каком случае работать с ним не будут. Круг указал на назначение тройки как на абсолютный слом тех добрых отношений, которые начали было устанавливаться, благодаря Кржижановскому, между Наркомпросом и профессурой.

Считая, что введение новой тройки до вступления т. Преображенского в должность и до назначения его помощника, компетентного спеца, приемлемо и для профессуры, является шагом преждевременным, я отдал распоряжение т. Герштейну отменить это назначение и выждать окончательного входа в дело т. Преображенского и Залуцкого, если мы остановимся на нем.

Это мое распоряжение вызвало большое волнение в комячейке, которая очень держалась за свою тройку и у которой, как и у Рабфак(а), ужасающие отношения с профессурой, а также и у т. Герштейна, который находит, что отмена его, на мой взгляд, преждевременного и необдуманного распоряжения, наносит удар престижу Главпрофобра.

К сожалению, т. Преображенский стал на ту же точку зрения и просил меня за своей политической ответственностью отменить мое распоряжение и не препятствовать введению тройки ради поддержания престижа Советской власти.

Тройка введена. Профессура забастовала и обратилась по всем руслам с жалобами на нас. Дело рассматривается Конфликтным отделом ЦК.

Мой взгляд на эти вещи: данного конфликта, в частности, возбуждать не следовало, тройки назначать не надо было с самого начала, и Герштейн сделал ошибку. Отмена его ошибки мной была правильна. Отмена моего распоряжения Преображенским — повторением ошибки. Но раз эта ошибка уже совершена, надо признать дальнейшие действия профессуры возмутительными. Вообще профессура Высш(его) техн(ического) уч(илища) — отвратительная профессура. Вместо того чтобы жаловаться мне или в Коллегию Наркомпроса и дать нам возможность разобраться в деле — они забастовали и обжаловали дело Рыкову и, кажется, целому ряду других лиц из ЦК. Рыков ко мне звонил очень возмущенный. Но если в возмущении т. Рыкова и есть доля истины, то тем не менее сейчас я безусловно сторонник разъяснения профессуре, что забастовок мы не допустим, что на них мы ответим закрытием училища и лишением академического пайка. Теперь уж надо во что бы то ни стало вводить эту тройку, иначе действительно выйдет удар по престижу Главпрофобра. Затем, конечно, придется эту тройку исподволь и довольно скоро заменить.

Я не стал бы писать Вам этого длинного письма только ради самого инцидента, хотя забастовка профессоров в самом большом техническом учи-

лице Москвы, конечно, вопиющий скандал, но я хотел, дорогой Владимир Ильич, чтобы ЦК партии установил раз навсегда какую-нибудь одну линию. Что от нас требуется: введение железного устава, от которого, конечно, не только московская профессура, но и петроградская взвоят. Осадчий прямо умолял приостановить введение устава и указал на то, что в Петрограде и без устава жизнь течет нормально, и что устав ее испортит. Так вот, требуется ли введение этого устава, поддержка коммунистов-студентов и коммунистов Рабфак^а *против* профессуры, введение профессуры в чисто исполнительную роль с отстранением их от всякого управления, кроме учебного; или от нас требуется *сговор* с профессурой, назначение на высокие места в Главпрофобр людей, приемлемых для профессуры, введение в рамки, наоборот, студентов коммунистов и коммунистов Рабфак^а, постепенное расширение автономии и профессорской, и беспартийной студенческой, конечно, с достаточной осторожностью.

Лично я сторонник этой второй, мягкой, культурной политики. Я очень хорошо знаю, что среди профессуры есть черносотенники, есть кадеты, есть эсеры, есть просто сволочь, но я думаю, что путь, по которому мы шли до вмешательства т. Кржижановского и Вашего, — чрезвычайно опасный, более опасный, чем путь соглашения, тоже, конечно, усеянный опасностями, не опасных путей у нас, коммунистов, нет. Но сейчас получается такая вещь: я стараюсь смягчить углы, так или иначе пойти навстречу профессуре, но встречаю сопротивление со стороны лично Мих. Ник. <Покровского> (который, однако, готов здесь на известные уступки), а сейчас, как будто, и со стороны т. Преображенского, хотя вообще политика его еще не выяснена ни для меня, ни для него самого. Весьма возможно, что в конце концов он станет на мою точку зрения.

Сейчас Академический центр решил первую часть устава о назначении тройки немедленно с субботы провести в жизнь, и я против этого не протестовал, так как и Мих. Ник., и Волгин, и Герштейн, и другие говорят, что при нынешних условиях дальнейшая задержка введения этой части вызовет развал в силу крайней неопределенности. Лучше ввести эти тройки, думалось мне, назначая их, конечно, с большой осторожностью и тактом, а затем, может быть, начать некоторое ослабление режима. Все же на это я иду как на *уступку* мнению моих компетентных сотрудников.

Вторую часть устава о строении факультетов, отделений и кафедр мы сговорились отложить и обсудить. Здесь мы можем очень много напорщить во внутреннем строе университета, если не будем осторожны, и я рад, что Мих. Ник. пошел в этом отношении широко навстречу.

Своего личного мнения я отнюдь не выдвигаю как наиболее обоснованного. Весьма возможно, что т. Покровский, который лучше меня знает высшие учебные заведения, более прав; так же точно далека от меня мысль, хотя я и нарком, портить моим вмешательством работу такого политически ответственного лица, как Преображенский, но я должен твердо знать, что крутая линия (конечно, при условии все-таки известного такта) одобряется ЦК. В сущности, тогда мне останется в общем в этой работе Наркомпроса и Главпрофобра предоставить дело моим помощникам, заботясь только о том, чтобы вовремя дать совет относительно отдельных применений (т. е. в области вышеупомянутого «такта»). Если я не вступаю сам на такой путь, то потому, что т. Кржижановский, которого Вы, как будто, одобряете, весьма определенно подчеркивал в беседах со мной необходимость именно любовного сговора с профессурой. И так как моя-то душа именно к этому лежит, так как я считаю, что *мне* это в полной мере удалось бы без всякого ущерба, то я и ставлю этот вопрос перед Вами.

Еще раз. Мне хочется, чтобы мысль моя была понята: или дайте директиву на сговор и тогда я возьму это дело в *свои* руки и доведу его до

ЛЕНИН С ГРУППОЙ СОТРУДНИКОВ «ЦЕНТРОПЕЧАТИ», РАБОТАВШИХ
НАД ЗАПИСЬЮ ЕГО РЕЧЕЙ НА ГРАМПЛАСТИНКИ

Москва, 25 апреля 1921 г.

Фотография Л. Я. Леонидова

конца, хотя придется пережить несколько конфликтов с очень зарвавшимися комячейками, или дайте директиву в духе строгости, тогда я предоставлю действовать т. Покровскому и т. Преображенскому, только изредка давая им те или другие частные указания.

Повторяю, что касается нынешнего конфликта, то здесь я и сам считаю необходимым именно меры строгие, т. е. немедленное прекращение забастовки профессоров, с указанием на репрессии, если нужно, вплоть до ареста наиболее скомпрометированных лиц. Забастовок вместо жалобы в Коллегию мы ни в каком случае терпеть не должны.

Очень прошу Вас высказать свое мнение по этому вопросу сегодня или завтра по телефону. В субботу 16<-го> утром я уезжаю в отпуск. В сущности говоря, мне не надо было бы ехать, так как положение тревожно, но менее тревожного времени у нас еще долго не будет, а под влиянием всех этих передрыг винты у меня, конечно, развиваются.

Постараюсь за две недели интенсивного отдыха привести себя в совершенный порядок.

Все-таки крайне желательно, чтобы до моего отъезда была известна мне, если не директива ЦК, ее можно дать и после моего отъезда, то Ваше мнение, которое, по всей вероятности, ляжет и в основу официальной директивы.

А. Луначарский

13/IV

На первой странице письма сверху надпись Ленина:

«В архив».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18203, л. 1—1 об.

11 апреля 1921 г. собрание преподавателей Московского высшего технического училища обратилось с письмом к Ленину, в котором сообщало, что в связи с назначением 6 апреля 1921 г. Главпрофобрком нового правления училища и сменой избранного коллегией преподавателей ректора создаются «невозможные условия для сколько-нибудь продуктивной работы в Московском техническом училище...», что собрание усматривает в этом назначении нарушение установленного законом порядка и т. д. Собрание заявляло, что в связи с этим прекращаются занятия до отмены Главпрофобрком его распоряжения. Ознакомившись с этим письмом, Ленин в тот же день направил его наркомю юстиции РСФСР Д. И. Курскому на заключение (Ленин, т. 52, стр. 141). Курский 14 апреля ответил Ленину, что он считает Главпрофобрком правомочным назначить новое правление, так как дореволюционный устав МВТУ утратил силу, все законы свергнутых правительств отменены, но тактически он полагал бы, ввиду «поголовно» кадетского состава профессуры МВТУ, одно место в правлении дать профессуре (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18139).

13 апреля 1921 г. Луначарский, не зная, что Ленин уже осведомлен об этом, сообщил Владимиру Ильичу о забастовке в МВТУ и изложил все подробности, связанные с нею (см. публикуемое письмо).

14 апреля Политбюро, заслушав заявление Луначарского, освободило Герштейна от должности, распустило назначенное Главпрофобрком правление МВТУ, предложило Наркомпросу внести на рассмотрение ЦК РКП(б) проект устава высших учебных заведений и новый состав правления, а также проект директивы о роли и взаимоотношениях комячек, беспартийного студенчества, профессуры и Наркомпроса. Наряду с этим Политбюро поручило Наркомпросу выступить с осуждением прекративших занятия преподавателей МВТУ (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 150, л. 2).

15 апреля Луначарский посылает телефонограмму Преображенскому (копия Ленину), предлагая срочно заменить назначенное приказом Главпрофобра правление МВТУ (см. стр. 279).

В тот же день Ленин с возмущением пишет Молотову:

«г. Молотов! Сейчас узнал от Рыкова, что профессора (Московского высшего технического училища) *еще не знают* решения (вчерашнего).

Это безобразно, чудовищное опоздание. Ставлю вопрос об аппарате ЦК на Политбюро. Ей-ей, *нельзя так*.

Вчера *был готов* проект заявления Луначарского. Вчера же обязательно было *огласить*.

Необходимо, чтобы Вы сейчас же распорядились все сделать и все *проверить*, исполнено ли?

Необходимо проверить и подогнать.

Опоздание недопустимое.

Ленин» (Ленин, т. 52, стр. 147—148).

19 апреля 1921 г. «Правда» напечатала сообщение Народного комиссариата по просвещению за подписью Луначарского и секретаря ЦК РКП(б) Молотова, в основу которого были положены решения Политбюро от 14 апреля 1921 г. Преподавателям МВТУ, прекратившим занятия, был вынесен выговор и указано на недопустимость и безтактность по отношению к пролетарской власти таких методов протеста. Наряду с этим комячкам МВТУ и всех высших учебных заведений было предложено установить такие взаимоотношения с профессурой и беспартийным студенчеством, которые содействовали бы налаживанию нормальной учебной жизни.

В тот же день состоялось постановление Политбюро об утверждении нового состава правления МВТУ. Одновременно Ленин обратился с письмом к Преображенскому, указывая на то, что Наркомпрос не умеет изблещать и примерно наказывать специалистов, виновных в измене, и что комячки в учебных заведениях «распущены» безобразно (Ленин, т. 52, стр. 155). Луначарский в 1925 г. в «Тезисах о политике РКП в области литературы» писал: «Ленин энергично предостерегал от скороспелых,

выдуманных, искусственных „пролетарских культур“ и от проявления коммунистического и рабочего чванства под предлогом обострения классовой борьбы с буржуазной идеологией. При столкновениях наших великодушных в политическом отношении ячеек вузов с профессурой, которую Ленин сплошь и рядом прямо называл „буржуазной“, он даже в моменты зловердных стачек этих профессоров неизменно становился на сторону последних и на мое замечание на заседании ЦК, что ячейки переполнены ненавистью к буржуазной профессуре и невольно мешают работе по примирению и налаживанию сколько-нибудь нормальной работы с ней, ответил: „Ученые необходимы нам абсолютно, ячейки надо драть до бесчувствия“. Эту весьма вышуклую фразу я, конечно, не мог не запомнить» (см. «Литературное наследство», т. 74, 1965, стр. 29). Поскольку и Ленин и Луначарский при решении вопроса о забастовке ссылались на высказывания Кржижановского, считаем целесообразным опубликовать недатированное письмо Кржижановского Владимиру Ильичу с изложением его мнения о задачах технических учебных заведений, на котором Ленин сделал надпись «В архив. Кржиж(ановский) о техниках».

«Вл. Ильич!

Мое знакомство с современными техническими учебными заведениями весьма ограничено, но все же думаю, что можно выделить следующие моменты:

1) Наша нужда в техниках различного калибра велика до такой степени, что первым правилом подхода к реформе технической школы должно быть то обстоятельство, что такую реформу надо совершать на возможно полном максимальном ходе существующих учебных заведений, тщательно избегая всего того, что могло бы нарушить ход занятий. С этой точки зрения МВТУ для нас особенно важно, ибо давало и продолжает давать максимальные выпуски студентов.

2) Для облегчения задачи реформы высшей школы следует сделать резкое подразделение между университетами и общеобразовательными школами и школами техническими. По отношению к последним лозунги очень просты: поменьше „политики“, побольше знакомства с делом постановки технического образования на Западе, поменьше своей выдумки, побольше вдумчивого отношения к тому, что уже давно стало достоянием европейской технической мысли. На этой платформе весьма легко столкнуться с преподавательской коллегией технических учебных заведений.

3) Как бы ни были интересны отдельные личности из профессоров-техников, гораздо важнее столкнуться с академическим техническим миром в целом и поставить его в такие условия, чтобы он смотрел на работу технического преподавания как на свое собственное дело, в котором можно развернуть достаточно широко необходимую творческую мысль.

4) Нашей единственной задачей (является) приблизить техническое преподавание к требованиям жизни, превратить высшие учебные технические заведения в последнее и естественно дополняющее звено наших фабрик, заводов, транспорта и т. п.

5) Такого рода приближение отнюдь не может быть создано давлением так наз. „революционного“ студенчества, еще более опасно было бы *наделение коммунистических ячеек студенчества какими бы то ни было административными правами и преимуществами*. Коммунистические ячейки студенчества — органы исключительно идейной пропаганды, которая будет только тогда успешна среди учащейся молодежи, когда в этих студентах широкая студенческая масса будет воочию видеть наиболее *самоотверженных* и идейных своих представителей.

6) Если желаете гарантировать себя от т. н. „затхлого академизма“ и возвращения вспять к техническим школам капиталистического времени, то обдумайте, какие представители наших главных хозяйственных органов должны быть введены в академический совет для того, чтобы давать своевременно постановке технического образования надлежащий хозяйственный уклон.

7) Мы чрезвычайно нуждаемся в спешной подготовке квалифицированных рабочих: техников и инженеров, но *эта спешность отнюдь не должна сопровождаться понижением квалификации*. Совсем наоборот, и профессор, и инженер Советской России должны удовлетворять гораздо более повышенным требованиям, чем это было в прошлом. Казалось бы, что нужно сделать три резких подразделения: а) подготовка квалифицированных рабочих — здесь задача побыстрее покончить с прежними мучительными формами т. н. ученичества, с неряшливым подбором или вернее выбором специальностей; центр тяжести в том, чтобы приспособить для этой цели образцовые действующие государственные предприятия; б) среднее техническое образование, т. н. техникумы — должны развернуть самую широкую деятельность, и здесь придется вести весьма экстенсивное хозяйство; мне думается, что большинство граждан должны будут проходить такие школы; в) наоборот для инженерного преподавания надо вести *интенсивное хозяйство* и поставить себе задачей выпускать сравнительно ограниченное количество инженеров, но таких, которые по своим *природным* задаткам и по всей научной подготовке могли бы выдержать конкуренцию Запада» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6574, л. 1—2).

В 1922 г. положение в МВТУ и некоторых других вузах продолжало оставаться остроконфликтным.

17 февраля 1922 г. в «Правде» была помещена статья «Кадеты за работой», в которой сообщалось, что профессора вузов ведут бешеную кампанию против Советской власти, бойкотируют членов преподавательской и профессорской коллегии, не согласны с большинством, и дирижируют «этим профессорским оркестром кадеты из парижских „Последних новостей“». В статье указывалось, что эти профессора не связаны со студенческой массой, которая в значительной степени за время революции обновилась. «Правда» ссылалась на статью «Последних новостей» 22 ноября 1921 г., в которой давались директивы бывшим и настоящим членам ЦК кадетской партии, находящимся в России, и выражалась надежда, что «посильные протесты» не сегодня-завтра могут и должны вылиться в активные действия. Статья оценивала ситуацию в МВТУ как подтверждение этих указаний.

21 февраля «Правда», в статье «Милюков только предполагает», утверждала: «Профессура бастует по директивам Милюкова, но студенчество и рабочие предлагают забастовщикам работать. Милюковцы остаются в состоянии одиночества и бессильны осуществить контрреволюционные директивы». Говоря, что без студентов игра преподавательского состава ничего не стоит, «Последние новости» рекомендовали всеми силами опираться на студенческую массу. «Правда» привела три факта, связанных с положением в МВТУ:

I. 13 февраля общее собрание профессорско-преподавательской коллегии МВТУ констатировало, что при бойкоте со стороны профессоров ректора МВТУ Тищенко, которого поддерживают студенты, занятия в весеннем семестре не могут быть начаты.

II. 16 февраля 1922 г. рабочие и служащие МВТУ единогласно вынесли резолюцию, в которой их общее собрание «заявляет свое возмущение позицией преподавательской коллегии, объявившей забастовку». «Правда» указывала, что директива Милюкова провалилась, предполагаемая опора на студентов оказалась несостоятельной и профессура обнаружила полную изолированность.

III. 18 февраля общестуденческое собрание после 6 часов дебатов, большинством 2000 человек против 200 приняло резолюцию: «Избранные профессурой методы борьбы при настоящих условиях в виде отсрочки начала занятий и перерыва таковых являются вредными для студенчества и потому собрание просит профессорскую коллегию в ближайшее же время приступить к работе, не разрешая вопроса о новом уставе ВУЗ».

Ленин в постскрипту письма Каменеву и Сталину 21 февраля, т. е. в тот же день, когда в «Правде» была напечатана эта статья, написал, что нужно поместить в «Правде» и «Известиях» дюжину статей на тему «Милюков только предполагает» «...» Если подтвердится, уволить 20—40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Обдумать, подготовить и ударить сильно» (Ленин, т. 54, стр. 127).

Выступая 28 марта 1922 г. на XI съезде РКП(б), Ленин в «Заключительном слове по политическому отчету ЦК РКП(б)» сказал:

«Говорят, правильная линия была рабфаков и комячеек, а не тех, которые говорили: „Поосторожнее, поумереннее будьте с этими спецами“. Что комячейки есть прекрасные комячейки и рабфаки есть прекрасные рабфаки, — это так, но они не защищены от ошибок, они не святые.

Да, комячейки есть представители нашей партии, и рабфаки есть представители нашего класса, но что они делают ошибки и мы должны их исправлять, это — азбучная истина. Как тут поправлять, я не знаю, потому что лично в собраниях ЦК, где обсуждался этот вопрос, не участвовал. Но я знаю, что пересол у нас имеется в смысле линии рабфаков и комячеек против профессоров. Но когда ЦК, рассмотрев дело со всех сторон, увидел, что тут был пересол и что по отношению к этим профессорам, чужим, представителям не нашего класса, нужно взять линию поосторожней, тогда является Преображенский, вынимает программу и говорит: никаких политических уступок этому слою, иначе это — нарушение программы.

Если так начать управлять партией, то это приведет нас, наверное, к гибели» (Ленин, т. 45, стр. 124).

197

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

14/IV—21 г.

НАРКОМПРОС ТОВ. ЛУНАЧАРСКОМУ

Уважаемый Анатолий Васильевич!

Я уже однажды письмом № 1451/уп, от 17 февраля просил Вас на все запросы Владимира Ильича, которые посылаются Вам за моей подписью, отвечать непременно через меня. Требование это вызывается необходимостью сосредоточивать все дело в одних руках и не разбивать его по отдельным лицам и канцеляриям. Так, например, на мой запрос

относительно книги Морозова «Христос» и относительно конфликта между коммунистами и профессурой Технического училища ответ адресован непосредственно тов. Ленину.

Прошу Вас обязать свой секретариат следить за исполнением этой просьбы, которая подтверждается и тов. Лениным.

Упр(авляющий) делами СНК Н. Горбунов

Публикуется впервые. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 670, л. 61.

Письма Луначарского Ленину относительно книги Н. А. Морозова «Христос» и относительно конфликта между комячейкой и профессурой Высшего технического училища см. в настоящ. томе, стр. 271—272, 272—276.

198

ЛУНАЧАРСКИЙ — ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ, КОПИЯ ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

<15 апреля 1921 г.>

Телефонограмма № 14

Тов. Преображенскому, копия тов. Ленину от тов. Луначарского

Во избежание дальнейших недоразумений я считаю, что профессуре, которая, конечно, охотно пойдет на прекращение своей забастовки, будет в высшей степени трудно, да невозможно, может быть, хотя бы один день работать с неприемлемой для нее тройкой. Я очень прошу Вас, Евгений Алексеевич, заменить ее хотя бы временно, по возможности завтра же, приемлемой для профессуры тройкой. Копию этой моей телефонограммы я посылаю в ЦК партии.

Нарком А. Луначарский

Передал: Аронов

Принял: Агол

15/IV—21 г.

тел.: 3-43-32.

Сверху надпись Ленина:

«В архив».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18228, л. 1.

См. письмо Луначарского к Ленину 13 апреля 1921 г. и примечания к нему.

199

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

23 апреля 1921 г.

Анатолию Вас(ильевичу) Луначарскому

Владимир Ильич просит Вас представить о книге Морозова «Христос», кроме Вашего, отзыв еще одного ученого, хорошо знакомого с трактуемым вопросом (можно и буржуазного). Этих двух отзывов будет достаточно.

Управляющий делами СНК Горбунов

Публикуется впервые. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 596, л. 110.

7 мая Управление делами Совнаркома напомнило Луначарскому, что он еще не выполнил просьбы Ленина представить отзыв специалиста о книге Морозова (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, л. 244).

11 мая Луначарский писал Горбунову: «Мой отзыв о книге Морозова „Христос“ я даю на основании подробнейшего двухчасового изложения этой книги самим Морозовым; рукописи же его я не видел. Для отзыва ученого необходимо иметь самую руко-

пись, которой я не обладаю. Как только Вы ее мне доставите, я сейчас же дам Вам компетентнейший отзыв какого-либо ученого или историка» (там же, л. 243).

16 мая Горбунов ответил Луначарскому: «Книги Морозова „Христос“ в распоряжении Председателя Совнаркома и Управления делами Совнаркома не имеется. Вопрос о получении рукописи для изучения, согласно просьбы тов. Ленина, прошу урегулировать непосредственно с самим Морозовым» (там же, л. 242).

В делах ЦГАОР сохранился ответ Управления научных учреждений Наркомпроса (вызванный запросом Луначарского), что оно «лишено возможности дать отзыв о книгах Н. А. Морозова „Христос“ и „Принцип относительности и абсолютное“, так как не имеет в своем распоряжении этих книг» (там же, ед. хр. 1022, л. 340).

11 июня Луначарский, препровождая этот ответ Горбунову, еще раз писал: «у меня книги Морозова „Христос“ не имеется, поэтому к моему отзыву, составившемуся у меня о книге на основании продолжительной беседы с Н. А. Морозовым, я ничего не могу прибавить, а запросить мнение Ак. Центр о рукописи, которая им не была доставлена, не представляется возможным. Необходимо, чтобы книга была у нас в руках. Может быть, она в Госиздате. Сообщите» (там же, л. 339). Вслед за этим Горбунов 15 июня телеграфировал в Петроград Морозову: «Владимир Ильич просил А. В. Луначарского представить отзыв специалистов о Вашей книге „Христос“. А. В. Луначарский просит Вам передать, что рукопись Ваша им с нетерпением ожидается» (там же, л. 338).

11 августа 1921 г. Морозов обратился к Ленину со следующим письмом:

«Москва, проездом, 11 авг. 1921.

Глубокоуважаемый и дорогой
Владимир Ильич,

проездом через Москву, из Петрограда в Рыбинск, хочу передать Вам новый том Известий Института им. Лесгафта для ознакомления с его деятельностью (первые три тома, вышедшие под моей редакцией, я Вам посылал в прошлый проезд), и кроме того, посылаю вторую книжку моих „Звездных песен“ (первая давно разошлась)*.

Я знаю из сегодняшнего № „Правды“, что все усилия в ближайшие три месяца должны быть направлены на собрание продналога, но тем не менее думаю, что это не мешает попутно делать и кое-какую культурную работу, не требующую больших материальных затрат, это даже и лучше, чтоб не говорили, что все свелось на чисто материальную часть.

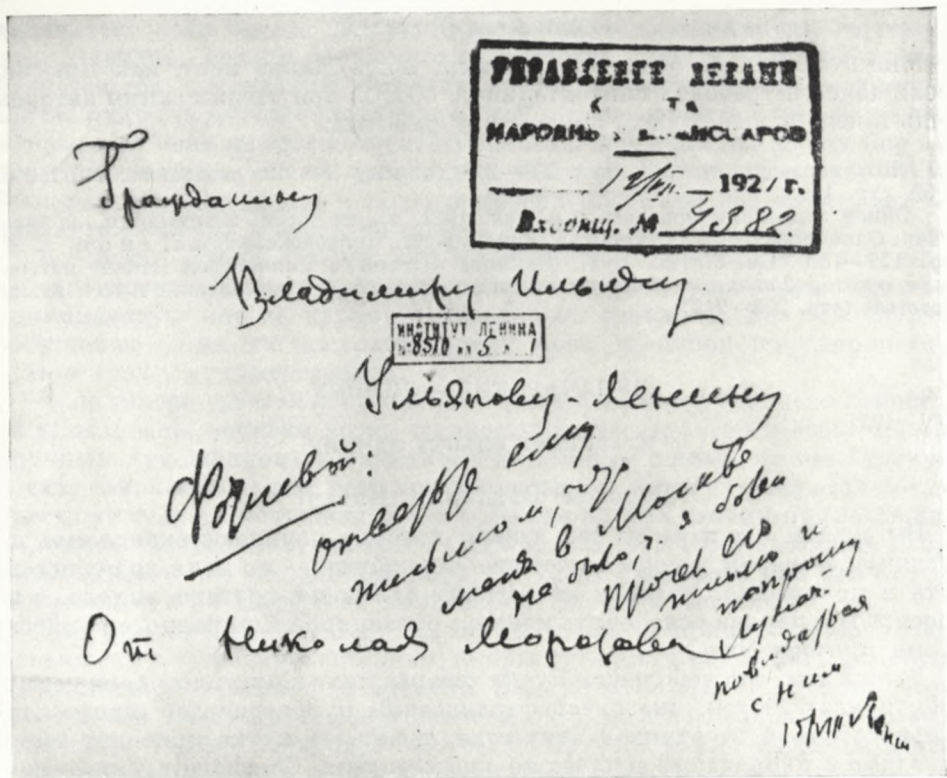
Н. П. Горбунов сообщил мне, что Вы говорили с Луначарским о моей новой книге „Христос“. Она была уже просмотрена Петербургской коллегией Государственного издательства и принята. На ее переписку и в счет гонорара мне даже назначили 3 000 000 рублей, часть которых я получил. Таким образом вопрос сводится лишь на спешность ее издания, и об ней я очень попросил бы, потому что, ликвидировав эту работу, я был бы свободен приняться и за другие дела, полезные для Республики, будущность которой и дальнейшее развитие без катастроф мне по-прежнему дороже жизни. Я привез с собою часть рукописи (которая еще не целиком переписана на машинке) для ознакомления, но, к сожалению, по приложениям астрономии к истории в России нет специалистов, кроме меня, работавшего с невольными перерывами над этим предметом с 1881 г. (с невольными перерывами, но постоянно размышляя об этом) около 40 лет. Вот почему мне хотелось бы показать Вам некоторые результаты, ниспровергающие наглядно всю древнюю хронологию, особенно теологическую, и понятные для всякого общеобразованного человека.

Кроме того, мне очень хотелось бы представить Вам проект нового упрощения русской орфографии, в основе которой лежит замена точки более бросающимся в глаза знаком вроде звездочки (которая уже и теперь является знаком Республики) и соответственно уничтожения заглавных букв, становящихся излишними, что сокращает типографские кассы и пишущие машины вдвое, а собственные имена взамен заглавных букв можно писать с обязательным ударением, что сразу устранило бы неправильное чтение и иностранных фамилий и других собственных имен.

Я пробуду в Москве до вечера субботы, или, может быть, понедельника, и если бы Вы нашли четверть часа для разговора со мной, я был бы Вам очень признателен.

Я еще не решил, остановлюсь ли, как прежде, у Веры Фигнер и Сажиных (Ваганьковский пер., 8, Архив Комиссариата иностранных дел) или буду ночевать в семействе Игоря Владимировича Ильинского (у которого легче прокуриться), и потому, если Вы найдете возможным повидаться со мной, то сообщите, когда и куда мне прийти, или по телефону Ильинских 2-53-69, к которым я буду заходить каждый вечер, или через кого-нибудь Фигнер (она живет совсем близко от Кремля, но телефон не действует).

* В библиотеке Ленина в Кремле хранится вторая книга «Звездных песен» Н. Морозова. (Первое полное издание всех его стихотворений М., 1921.) На титульном листе имеется дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ульянову-Ленину от всей души Н. Морозов. 11 августа 1921 г.» (см. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, № 6148).

ЗАПИСКА ЛЕНИНА Л. А. ФОТИЕВОЙ 15 АВГУСТА 1921 г.
НА КОНВЕРТЕ ПИСЬМА Н. А. МОРОЗОВА

С сердечным пожеланием провести Россию через этот бурный и грозный период к лучшему будущему.

Николай Морозов» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20370).

На конверте этого письма 15 августа Ленин написал:

«Фотиевой:

Ответьте ему письмом, что меня в Москве не было, что я болен. Прочел его письмо и попрошу Луначарского повидаться с ним.

15/VIII

Ленин» (Ленин, т. 53, стр. 121).

Свой отзыв Луначарский направил в Госиздат 12 августа (см. стр. 308—310).

200

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

«6 мая 1921 г.»

Ленин

Как не стыдно голосовать за издание «150 000 000» Маяковского в 5000 экз.?

Вздор, глупо, махровая глупость и претенциозность.

По-моему, печатать такие вещи лишь 1 из 10 и не более 1500 экз. для библиотек и для чудаков.

А Луначарского сечь за футуризм.

Ленин

Л у н а ч а р с к и й

Мне эта вещь не очень-то нравится, но: 1) такой поэт, как Брюсов, восхищался и требовал напечатания 20 000; 2) при чтении самим автором вещь имела явный успех, притом и у рабочих.

«Лит. наследство», т. 65, стр. 208—210; записку Ленина см. также: Л е н и н, т. 52, стр. 179.

Обмен записками произошел 6 мая 1921 г., по всей вероятности, на заседании. Одновременно Ленин написал записку М. Н. Покровскому (см. Л е н и н, т. 52, стр. 179—180). См. статью Е. И. Наумова «Ленин о Маяковском (Новые материалы)», в которой излагаются обстоятельства и причины этой переписки, в т. 65 «Лит. наследства» (стр. 205—216).

201

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12/V—1921

ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

Вы знаете, что я не из тех людей, которые начинают скандалить по пустякам, — нервы у меня достаточно спокойные, — но меня хотят поставить в положение, которое не оставит для меня другого выхода, как просить ЦК партии освободить меня от обязанностей народного комиссара по просвещению.

Дело в том, что небольшая кучка «вчерашних» коммунистов, за неимением других людей, оказалась фактическим руководителем профессионального союза работников искусства, и вот эта кучка проводит всеми правдами и неправдами в качестве председателя Главного художественного комитета, т. е. центрального органа по заведованию искусством в стране, некоего Славинского, своего представителя. Это — пролаза, льстец, очень плохой музыкант и очень вредный демагог. Линия его заключается в так называемой уравнительности, т. е. в том, чтобы заручиться поддержкой хористов и капельдинеров и всякой мелкой бездари против людей, составляющих в конце концов основные кадры нашего искусства (это ведь дело высокой квалификации), под предлогом демократичности. Человек этот мне глубоко противен и как личность, и как политическая фигура, и я серьезно подумывал о том, чтобы поставить в ЦК ребром вопрос о том, нельзя ли убрать этого господина. Если бы Вы сделали анкету среди всех именитых художников России (правда, многие из них не советские, но многие благодаря мне прониклись к нам большими симпатиями), то Вы услышали бы единогласное мнение, весьма нелестное для этого типа.

Комиссия при ВЦИК, проверяющая главки, должна была обсудить эту кандидатуру ВЦСПС. Со своей стороны, я выдвигаю кандидатуру профессора П. С. Когана, известного марксиста, прекрасного знатока истории и теории искусства, уважаемого человека, письменно и устно поддерживавшего нас так, как, смею думать, не поддерживал нас, коммунистов, ни один человек, находящийся вне нашей партии; притом за все время с первого дня переворота. Правда, ВЦСПС и Всерабис не решились сказать ни одного слова против моего кандидата, но тем не менее на своем Славинском они настаивали. И вот, к моему ужасу, голосование, несмотря на мое заявление, самое категорическое, что я как народный комиссар прошу принять во внимание полную для меня невозможность работать с этим человеком, — дало такие результаты: тов. Аванесов (председательствовавший) и тов. Сидович — за Когана, а тт. Андреев и Кутузов, т. е. два представителя профессионального движения, ровным счетом ничего не понимающие в искусстве, конечно, за своего

кандидата; если бы это был не Славинский, а какой-нибудь готтентот, они, очевидно, подали бы за него свои голоса. Пятым членом Комиссии является тов. Сосновский. Я очень люблю и уважаю этого товарища и сейчас буду стараться отыскать его, чтобы переговорить с ним и убедить его вывести меня из этого отвратительного положения, но до сих пор мои попытки отыскать его не увенчались успехом. Он может воздержаться (как он любит это делать в таких вопросах) или даже голосовать за Славинского, — почем я знаю, не пролез ли этот пролаза и туда.

Владимир Ильич, Славинский в течение всего последнего года, зная, что я отношусь к нему пренебрежительно, ведет против меня интригу, принимающую иногда характер некоторого скандала. Все эти интриги обрушиваются на его же голову ввиду моей огромной популярности и в этой среде, художественной.

Если теперь удастся поставить его в качестве моего главного помощника в этом деле, вопреки всему Наркомпросу (а вероятно и очень многим крупным художникам) и известному конфликту с ними, то это будет наносить такой моральный удар моему престижу, я даже скажу, такой удар престижу старого большевика в борьбе его против стихии примазавшихся, каким, безусловно, является Славинский, что Вы уже будьте добры тогда оказать мне по крайней мере эту услугу и освободить меня от ответственности за Народный комиссариат по просвещению.

Еще раз очень прошу Вас, Владимир Ильич, не принимать этого моего письма за ту очередную истерику, какую чуть ли не все Ваши ближайшие помощники от времени до времени Вам устраивают. Я глубоко верю, что Вы мне Вашу поддержку окажете. Мое дело не подлежит никакому сомнению. Только товарищи Андреев и Кутузов и им подобные, весьма уважаемые профессионалисты рабочие, чрезвычайно далекие от этого вопроса, могут тут быть вовлечены в заблуждение. Но мне хочется, чтобы Вы поняли всю важность этого положения. Мне хотят навязать чуть ли не единственного моего врага в Советской Республике (я других что-то не знаю), представителя пошлейшего уравниательства в деле, где уравнительство есть преступление, человека, которого называют в качестве «типа» все действительно уважающие себя художники, скажем, такие, как Станиславский, Южин, Коровин и др., когда хотят обозначить тип коммуниста-карьериста. Меня возмущает поэтому вся эта история не только с той стороны, что мой протест, протест товарища, как-никак пользующегося моральным уважением и притом ответственного за Наркомпрос, не принимается в соображение, но и то, что это вообще морально политически недопустимо.

Жму Вашу руку.

А. Луначарский

P. S. Был бы Вам очень благодарен, если бы Вы по телефону дали мне совет.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30493.

Ювеналий Митрофанович *Славинский* был в то время председателем ЦК Всероссийского профессионального союза работников искусств (Всерабис).

Большую, если не основную, роль в отношении к нему Луначарского сыграли постоянные жалобы комиссара московских академических театров Е. К. Малиновской, обвинявшей Славинского в потворстве забастовкам и петициям московских артистов в 1920—1922 гг. Примечательно в этом плане письмо Луначарского Малиновской 13 марта 1924 г., написанное в дни работы Комиссии ЦКК РКП(б), снявшей Малиновскую с работы: «Ваше требование, насколько я понял Вашу записку, чтобы я заявил, будто Вы со своей стороны никаких враждебных демаршей по отношению к Всерабису не предпринимали, является, конечно, до крайности несправедливым и странным. Ведь Вы же хорошо знаете, Елена Константиновна, что как только Славинский был назначен, Вы потребовали от меня его отвода. С тех пор Вы, я это могу сказать по совести, жали с обеих сторон. Насколько Славинский добивался, как мог, Вашей отставки, настолько же и Вы всеми зависящими от Вас средствами

вели борьбу против него... Вы виноваты уже тем, что у Вас столько врагов. Не мог же в самом деле Славинский, будь он хитер, как змий, восстановить против Вас решительно всех. Совершенно ясно, что у Вас нет тех черт характера, которые необходимы для занятия подобного поста» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3397, лл. 84—85).

Далее в письме речь идет о работе комиссии ВЦИК, занимавшейся проверкой и утверждением личного состава коллегий всех центральных учреждений. Комиссия состояла из членов Президиума ВЦИК А. А. Андреева, В. А. Аванесова, И. И. Кутузова, П. Г. Смидовича и Л. С. Сосновского.

7 мая 1921 г. на заседании комиссии в присутствии представителей ВЦСПС и М. Н. Покровского (от Наркомпроса) обсуждался вопрос о составе коллегии Академического центра Наркомпроса (в состав которого входил Главный художественный комитет). Членами коллегии Академического центра были утверждены М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Н. К. Ульянова-Крупская и другие. Комиссия постановила: «Предложить Наркомпросу обсудить совместно с профсоюзом другие кандидатуры, имея в виду кандидатуру т. Славинского, и доложить на следующем заседании» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 624, л. 6).

Очевидно, это встревожило Луначарского, так как на следующем заседании комиссии, 12 мая 1921 г., он присутствовал лично. О ходе этого заседания комиссии ВЦИК он и сообщает в письме Ленину (протокол заседания этой комиссии см. там же, ед. хр. 624, л. 7).

202

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

12 мая 1921 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Прошу Вас не затрудняться по поводу моего сегодняшнего письма. Я сейчас говорил с т. Сосновским, он голосует за Когана.

Ваш Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30942. См. предыдущ. письмо. Председателем Главного художественного комитета Наркомпроса был избран П. С. Коган.

203

ЧИЧЕРИН — ЛЕНИНУ

(С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПИСЬМА ЛУНАЧАРСКОГО) И ОТВЕТ ЛЕНИНА

13/V 1921 г.

Многоуважаемый
Владимир Ильич,

на днях я переслал Вам письмо ко мне Madeleine Pelletier, давно хлопочущей о поездке в Россию, и напомнил Вам, что это была эрвейстка периода «революционной гимнастики», уже тогда даже среди эрвейстов считавшаяся истеричкой; так же отозвался о ней т. Гильбо. Теперь за нее хлопочет т. Луначарский — прилагаю его письмо. Я очень боюсь действия на нее нашей невзрачной действительности, вспоминая Эмму Гольдман, журналистов от Геральда и т. п.

С коммунистическим приветом

Геор. Чичерин

На письме — ответ Ленина:

«т. Чичерин!

Я согласен с Вами. Рекомендация Луначарского, по-моему, архинубедительна. Ленин».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18694, л. 1.

Приводим текст письма Луначарского, которое Чичерин переслал Ленину.

«В Наркоминдел.

11/5 1921 г.

Мною получено из Парижа от нашего товарища, сотрудника коммунистических газет доктора Лешпельтье предложение о временном приезде в Россию для ознакомления с нашей жизнью. Прочитавши многочисленные статьи Лешпельтье, которые мне были присланы, я пришел к убеждению, что это очень серьезный и вдумчивый человек, несомненно очень хорошая коммунистка и очень образованная женщина. Мне думается,

что ее пребывание у нас было бы полезно. Тов. Коллонтай со своей стороны обещает ей всяческую поддержку, а тов. Семашко берется на месяц устроить ее в здравницу для ученых, так что и бытовая сторона в значительной степени урегулирована. Ввиду этого я просил бы от моего имени сообщить через редакцию * тов. Лепшельте, что мы будем очень рады приезду ее в Россию. Желательно, чтобы она с дороги дня за 3—4 уведомила меня о дне своего приезда.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман»

(Там же л. 2).

204

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

17/V 1921

Дорогой Владимир Ильич.

Прошу у Вас маленькой директивы. Дело в том, что тов. Красиков обратился ко мне с требованием издать постановление, по которому оперным певцам всех советских государственных театров воспрещается участвовать активно в богослужении. Я несколько сомневаюсь, удобно ли дать такое распоряжение. Сделаю так, как Вы скажете. Попрошу мне про-
телефонировать.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Под письмом рукой Ленина:

«Отвечено.
(в архив)»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18759.

Специальное постановление, по которому оперным певцам государственных театров воспрещалось участвовать в богослужениях, не выносилось. Пресса и общественные организации часто выступали против участия артистов в церковных службах.

205

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телефонограмма

тов. Ленину СНК от наркома Луначарского

⟨31 мая 1921 г.⟩

Вы затребовали от меня два фонографа. Таковых в настоящее время в МУЗО (Музыкальном отделе Наркомпроса) не имеется. Те, которые были, поехали в экспедицию. Предвидя этот недостаток в МУЗО, своевременно ходатайствовал о выписке фонографов из-за границы. Однако Внешторг нашел это требование несерьезным и не удовлетворил его. Из острой потребности, которая возникла и у Вас на фонографы, совершенно ясно, насколько правы были мы, что нельзя оставить государство без такого необходимого аппарата. Просим Вашей поддержки перед Внешторгом относительно выписки хотя бы небольшого количества фонографов из-за границы.

Нарком по просвещению А. Луначарский

31 мая 1921 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30944.

В заметках об организации аппарата управления (не позднее 26 октября 1917 г.) Ленин писал: «2 стенографистки для диктовок и диктов<альная> машина» («Ленинский сб.», XXI, стр. 93). К вопросу о фонографах Ленин возвращался неоднократно.

21 декабря 1922 г. Ленин поручает Н. П. Горбунову выписать срочно диктофоны. По этому поводу Горбунов записал: «Исполнено. Высланы через дипкурьера» (см. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 63).

* Так в подлиннике.

206

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Телефонограмма

3.VI.21 г.

Совнарком тов. Ленину из Наркомпроса от Луначарского

Дорогой Владимир Ильич!

Главпрофобром доставлен довольно обширный материал по торфяному техническому образованию. Направить ли его к Вам? Вместе с тем я и тов. Литкенец очень бы хотели переговорить с Вами о некоторых болезненных сторонах Наркомпроса. Не смогли бы Вы назначить мне и ему свидание, в понедельник или во вторник. Указываю эти дни потому, что согласно категорическому приказу врача на субботу и воскресенье вынужден уезжать немного отдохнуть.

Наркомпрос А. В. Луначарский

Передал Аронов

Принял Беленький 11 ч. 30 мин.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30945.

См. письмо Ленина Луначарскому 9 апреля 1921 г. и примеч. к нему (настоящ. том, стр. 267—268).

207

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

14/VI—1921 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Как я ни ценю Ваше время, я вынужден просить Вас просмотреть прилагаемую записку о Всероссийском комитете охраны детства. Вы сразу поймете, что сейчас, при определенном изменении в смысле производственной монополии и расширении наших связей за границей, нам приходится чрезвычайно сильно опираться на дарственные продукты, которые еще в начале 1920 г. играли крупную роль, а сейчас могут сыграть еще ббольшую. Я вполне согласен с докладной запиской, но не решаюсь вносить декрета без Вашего личного одобрения.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 30846, л. 1.

См. письмо Луначарского Ленину 12 ноября 1920 г. и примеч. к нему (настоящ. том, стр. 233—236). На смену Совету защиты детей была создана Комиссия по улучшению жизни детей при ВЦИК. Ее возглавил Дзержинский.

24 февраля 1921 г. в «Известиях» появилась статья Луначарского «Защита детей», где речь шла о причинах реорганизации Совета защиты детей и роли Дзержинского:

«К сожалению, из Совета защиты детей почти ничего не вышло <...> Наконец, мы дожили до некоторой благоприятной перемены: первый фронт затих, будем надеяться, — на довольно долгий срок, и окрепла мысль, что третий фронт, фронт просвещения, есть, в сущности говоря, неразрывная и важнейшая часть второго — фронта хозяйственного.

На Украине Совет защиты детей, председателем которого в центре является Предсовнарком, а на местах Предгубисполкомы, оказался несравненно более властным органом защиты детей, чем наш Совзадет. Ввиду этого коллегия Наркомпроса решила взять на себя инициативу создания Совета защиты детей под председательством Предсовнаркома или председателя ВЦИК с достаточными полномочиями для ре-

ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА
В БЫВШЕМ АНДРЕЕВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

Москва, 28 июня, 1 или 5 июля 1921 г.

Фотография В. К. Буллы

альной защиты детей. Я был бесконечно обрадован, когда узнал, что Ф. Э. Дзержинский с его неукротимой энергией и его золотым сердцем согласился взять на себя общее руководство таким органом. И теперь ВЦИК создал полномочную комиссию с этим авторитетным руководителем для оказания помощи органам Наркомпроса и Наркомздрава в борьбе за детей.

В статье «Дзержинский в Наркомпросе», напечатанной в «Правде» 29 июля 1926 г., Луначарский вспоминал:

«В один из дней того периода (в начале 1921 г. — *Ред.*) Феликс Эдмундович позвонил мне и предупредил меня, что сейчас придет для обсуждения важного вопроса.

Вопросов, на которых перекрешивались бы наши линии работы, бывало очень мало, и я не мог сразу догадаться, о чем же таком хочет поговорить со мною творец и вождь грозной ВЧК.

Феликс Эдмундович вошел ко мне, как всегда, горячий и торопливый. <...> — Я хочу бросить некоторую часть моих личных, а главное, сил ВЧК на борьбу с детской беспризорностью, — сказал мне Дзержинский, и в глазах его загорелся такой знакомый всем нам несколько лихорадочный огонь возбужденной энергии. <...> Я не мог найти слов в ответ. Если само предложение поразило меня и своей оригинальностью, и своей целесообразностью, то еще больше поразила меня манера, с которой оно было сделано. И тут был все тот же „весь Дзержинский“ <...> Как известно, деткомиссия создалась. Дзержинский был назначен на пост председателя детской комиссии ВЦИК 27 января 1921 г.» (см. сб. «Рыцарь революции». М., Политиздат, 1967, стр. 278—279).

К публикуемому письму Луначарского приложены докладная записка и проект декрета.

В ответ на письмо Луначарского к Ленину 28 июня было послано следующее отношение:

«Наркомпрос
тов. А. В. Луначарскому

Возвращаю Вам согласно наших переговоров Ваше письмо Владимиру Ильичу № 5112 от 15/VI и докладную записку о создании Всероссийского комитета охраны детства.

По поводу этого вопроса я вел переговоры с секретарем ВЦИК тов. Енукидзе, который соглашается с необходимостью реорганизации Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК соответственно изменению нашей продовольственной политики и расширению наших связей с заграницей, с таким расчетом, чтобы обеспечить этой Комиссии или учреждению, в которое она будет реорганизована, приток всякого рода пожертвований как из пределов РСФСР, так и из-за границы.

Тов. Енукидзе предлагает Вам внести этот вопрос на ближайшее заседание ВЦИК, где будет заслушиваться доклад о деятельности Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК.

Управдел СНК Н. Горбунов
Секретарь <подпись>»

Вопрос о создании Всероссийского комитета охраны детства по материалам, полученным из ВЦИКа, должен был рассматриваться 18 июля на заседании Малого Совнаркома, но был перенесен по просьбе Луначарского на 22 июля. 22 июля 1921 г. (прот. 716, п. 6а) Малый Совнарком постановил: «По просьбе тов. Луначарского вопрос с обсуждения снять до особого заявления». На том же заседании (п. 6б) был утвержден декрет об улучшении питания детей. Ленин подписал это решение (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 19926, л. 4).

208

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ
(НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО)

24 июня 1921 г.

В МАЛЫЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В Большом Совете Народных Комиссаров неоднократно поднимался вопрос о необходимости улучшить тарифное дело путем установления фиксированного тарифа в золотых рублях, с выплатой их частью разного рода продуктами, а также точно фиксированной золотой ценности для остатка советскими деньгами по курсу.

Оставляя в стороне пока несвоевременные соображения о введении такой тарификации для целого ряда учреждений Наркомпроса, я считал бы крайне необходимым сейчас же перейти к такой тарификации по отношению к наибольшим, так называемым европейским светилам культуры. Совет Народных Комиссаров в свое время принимал меры по отношению к, например, физиологу Павлову, а также к артистке Ермоловой для того, чтобы обеспечить их более или менее реально.

Предлагая Совнаркому фиксированную и при этом высокую тарификацию по отношению 6 следующих лиц, я обращаю его внимание на то, что относительно этих лиц нами получались даже радиозапросы из-за границы. Никким образом нельзя поверить, чтобы Республика не в состоянии сколько-нибудь благопристойно содержать людей, которых беспрестанно приглашает к себе заграница и за бедственное положение которых (частью, увы, имеющее действительно место) нам шлют тяжелые упреки. Эти лица следующие.

1. Ф. И. Шаляпин. Согласно решения ЦК РКП тов. Шаляпину будет дан трехмесячный отпуск за границу. Есть полная гарантия, тщательно проверенная в порядке Чрезвычайной Комиссии и в порядке ЦК, что Ф(едор) И(ванович) вернется в Россию, но, само собою разумеется, факт его отъезда является новым подтверждением необходимости урегулировать

раз навсегда как оплату, могущую быть данной Шаляпину со стороны Советской Республики, так и жертвы, которые со своей стороны Шаляпин ей приносит.

Я просил Ф<едора> И<вановича> обозначить свои минимальные требования, которые выразились в следующем. Он просит уплачивать ему 1000 золотых рублей в месяц жалованья при отдельной оплате 250 руб. за репетицию и 500 — за спектакль. Стоимость выдаваемого ему натурой, начиная с академического пайка, из этого жалованья полностью вычитается. Кроме того, Шаляпин просит разрешать ему ежегодные поездки по 4 месяца за границу. Подсчитывая свой прежний заработок (причем, расчет этот был мне документально доказан), Шаляпин справедливо утверждает, что если даже за границей его будут оплачивать совершенно так же, как оплачивали раньше, на что вряд ли можно надеяться, то в данном случае его заработок упадет еще на 50% по сравнению с заработком довоенным. Обеспечивая за собой столь большой, в общем, заработок, Шаляпин указывает на то, что на его иждивении имеется 10 человек членов его непосредственной семьи и 6 человек, которых он, так сказать, обязался содержать, от чего не считает себя вправе отказаться и сейчас.

2. *А. М. Горький*. Абсолютно необходимо обеспечить Горького. Я был свидетелем позорного случая, когда А. М. Горький заболел цингой от недоедания, — вещь абсолютно недопустимая; так как у Горького тоже очень большая семья, то, не входя в его литературный заработок, за последнее время крайне ничтожный, я ходатайствую об установлении для него ежемесячного жалованья в размере 500 золотых рублей, выдаваемых опять-таки по усмотрению соответствующих советских властей частью — натурой по золотой оценке, частью — советскими рублями по курсу.

3. *А. К. Глазунов*. Равным образом такое же постоянное жалованье считаю я абсолютно необходимым установить для великого композитора А. К. Глазунова; семейный академический паек и прочее, что в настоящее время получается, будет, конечно, по золотой стоимости вычитаться.

4. *В. Н. Давыдов*. Необходимо также установить для чрезвычайно полезного и сейчас еще знаменитого артиста Александринского театра В. Н. Давыдова, прослужившего на сцене 53 года, жалованье в размере 300 золотых рублей в месяц, с оплатой каждого выступления в 50 руб. и каждой репетиции в 25 руб. При таком расчете заработок Давыдова по сравнению с довоенным оказывается равным приблизительно 35% прежнего заработка, но, во всяком случае, дает ему и его семье минимально обеспеченное существование.

5. *М. Н. Ермолова*. Я ходатайствую также об установлении подобных условий для М. Н. Ермоловой. Согласно постановлению Совнаркома, М. Н. Ермолова получает сейчас жалованье 250 000 рублей в месяц. Я могу констатировать с совершенной точностью, что М. Н. Ермолова и ее семья живут в тяжелой нужде.

6. Композитор *Метнер*. Наконец, содержание в 300 руб. золотом на тех же условиях, что и для лиц вышеуказанных, ходатайствую я утвердить для европейски известного композитора Метнера. Тов. Метнера всячески зовут и в Германию, и в Англию, обещая ему золотые горы. У нас же Метнер ходит полураздетым и не всякий день обедает.

Обращаю внимание Совнаркома на то, что при этом ни одного золотого рубля реально мы выдавать не будем, что для содержания этих лиц, являющих собой славу русского искусства, понадобятся фактически те же академические пайки и та же помощь натурой, какую мы сейчас им даем, а рядом с этим сумма в советских рублях в небольших, сравнительно, миллионах. Я думаю, что Малый Совнарком пойдет на это, ибо в результате мы не только прекратим толки о том, что мы морим оставшихся еще у нас в пределах РСФСР всемирно известных российских граждан, но, наоборот,

сможем сделать из этого весьма яркую иллюстрацию нашей заботы о культуре, сообщив об этих исключительных мероприятиях по радио всем нашим друзьям и врагам.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3337, л. 72—72 об. Одновременно с этим письмом Луначарским было написано письмо Литкенсу. Приводим его текст:

«24 июня 1921 г.

Зам. наркома по просвещению г. Литкенсу

Очень прошу Вас, Евграф Александрович, со всем вниманием прочесть прилагаемое при сем обращении мое в Совнарком. Если Вы с ним принципиально согласны, то я немедленно составлю и проект декрета, который пришлю дополнительно и который Вы вместе с прилагаемой объяснительной запиской и передайте в Малый Совнарком, где я лично буду защищать это предложение.

Я очень хорошо знаю те возражения, которые можно против него привести, но не начать хотя бы с верхушек в этом отношении неудобно. До сих пор настоящую смелость проявлял только т. Ленин, который приказал, например, осыпать всякими пайками и деньгами проф. Павлова, и это было сделано. Получается, однако, несколько нелепая картина. Если лично Председатель Совнаркома заинтересуется лично каким-нибудь человеком, то этот человек получает возможность жить недурно, если нет, то, будь он хотя бы на виду у всего мира, он продолжает голодать. Я потому не включил ни одного великого ученого в мою шестерку, что, кроме Павлова, об ученых у нас персональных запросов из-за границы не было. О Давыдове, Ермоловой, Горьком, Метнере и, особенно, Глазунове не только были запросы, но был и большой шум в зарубежной (не русской, а иностранной) прессе о том, что они у нас медленно умирают. К сожалению, Евграф Александрович, это так и есть. Что же касается Шаяпина, — тут уже вопрос проще. Если мы не дадим Шаяпину минимума, которого он от нас требует, то рано или поздно, но он от нас удерет, — это не подлежит для меня никакому сомнению. Заработок, который он сейчас устанавливает для себя, очень велик, но, пожалуй, соответствует его реальным потребностям. Во всяком случае, если мы дадим ему меньше, то разница между его заработком в России и за границей получится громадная. Допустим даже, что он не соблазнится в этот раз остаться в Америке даже в случае отказа в удовлетворении его пожеланий (в случае их удовлетворения он, конечно, вернется), тогда это случится либо в следующую его поездку, либо просто он в один прекрасный день перейдет финскую границу и — конец. У нас таким образом уехало из России видимо-невидимо актеров без всякого нашего разрешения. Легко может сделать это и Шаяпин, будет скандал. Поэтому я бы просил Вас, Евграф Александрович, не ставить препятствий со своей стороны к проведению этой экстренной меры; она мною достаточно продумана. О Вашем мнении по этому поводу прошу меня известить поскорей. В Коллегию вносить этого не нужно.

Нарком по просвещению А. Луначарский (Там же, л. 73).

На письме — надпись Литкенса: «Связать меня по телефону с А. В.». Судя по тому, что оригинал письма Луначарского в Совнарком остался в делах Литкенса в архиве Наркомпроса, письмо не было отправлено. По-видимому, в телефонном разговоре Литкенс высказал Луначарскому свои возражения. Ввиду большой важности содержания письма Луначарского, которое, будучи отправлено, несомненно рассматривалось бы с участием Ленина, мы, в виде исключения, публикуем это неотосланное письмо.

209

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

«25 июня 1921 г.»

Телефонограмма

г. Ленину от Луначарского

Завтра 26/VI—21 г. кончается съезд рабфаков. Съехались 500 превосходных студентов-рабочих.

Будут смертельно огорчены, если не увидят Вас хоть на 10 минут. Заседание от 12-ти до 4-х и от 6-ти часов. Пожалуйста, протелеграфируйте, будете ли.

А. Луначарский

25.VI.1921 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 30947, л. 1.

I Всероссийский съезд рабочих факультетов проходил в Москве 22—26 июня 1921 г. На нем присутствовало 215 делегатов (а не 500, как ошибочно записано в телефонограмме) из разных городов Советской республики. Луначарский и М. Н. Покровский приняли деятельное участие в работах съезда. Как свидетельствует отчет о съезде, «заключительное заседание было посвящено блестящей речи т. Луначарского, обрисовавшего современное внутреннее и внешнее положение республики и ближайшие перспективы в области внутренней и международной политики» («Народное просвещение», 1921. № 82, стр. 7).

210

ЛУНАЧАРСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ — ГОРБУНОВУ
(ДЛЯ ЛЕНИНА)

28 июня 1921 г.

В ответ на Ваш запрос по поручению тов. Ленина относительно Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений, существующего в Петрограде, сообщаю, что мною не было принимаемо никаких мер к закрытию названного Совета, так как директива ЦК по поводу закрытия Московского общества научных деятелей к этому Совету, не являющемуся, по крайней мере по уставу, замаскированным профессиональным союзом, не относилась.

Тем не менее и этот Совет не представляется таким учреждением, которое следовало бы поддерживать и культивировать. Как явствует из его устава, Совет, совершенно игнорируя соответствующие советские учреждения (Наркомпрос с его Академическим центром и т. п.), ставит себе те же цели, к каким стремятся и эти советские учреждения, выполняя таким образом работу, параллельную работе государственного аппарата, притом без всякого контроля со стороны последнего. Эту свою деятельность Совет распространяет «по мере возможности на всю Россию».

Отгораживание себя от Советской власти особенно рельефно выступает в последнем, тринадцатом пункте устава, где говорится, что Совет «дает заключения по предложениям правительства, касающимся научных учреждений и высших школ в России в случаях, когда эти научные учреждения и высшие школы сами обратятся к Совету с просьбой о том».

Полагая, что у Владимира Ильича имеется экземпляр устава, я ограничиваюсь этой короткой выпиской, но можно было бы привести еще целый ряд подробностей, свидетельствующих, что Совет представляет собой попытку расширения университетской автономии до таких пределов, каких она никогда ранее не имела в России.

Замнаркомпрос М. Покровский

Под письмом приписка Луначарского:

«Полагаю, что Совет научных учреждений вообще нежелательная цитадель правой профессуры, но вместе с тем думаю, что чисто юридических оснований закрыть его — нет: профсоюзом он не является. С другой стороны, мне не хотелось бы сейчас раздражать петербургских профессоров и идти на новый конфликт с ними, в то время как идущая сейчас конференция открывает перспективы сносного сотрудничества. Лучше повременить».

Луначарский

«Советские архивы», 1966, № 1, стр. 41—42.

27 января 1921 г. состоялась беседа Ленина с Горьким и делегацией Объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда, в которую входили профессора С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов и В. Н. Тонков. Беседа была посвящена созданию необходимых условий для развертывания научно-исследовательской работы в стране. 28 января в Управлении делами СНК состоялось совещание с участием Покровского, Литкенса, Горбунова, Стеклова и Тонкова, на котором был выработан проект декрета. Декрет рассматривался 31 января на заседании МСНК и 1 февраля — на СНК. Проект было поручено доработать, в частности по продовольственному вопросу. В комиссию вошли Покровский, Аникст, Халатов.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

2/7 1927 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ ТОВ. ЛЕНИНУ
(ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ)

Неким художником Богдановым передана Вам и разослана некоторым другим лицам записка относительно художественных мастерских. Дело об этих художественных мастерских мне прекрасно известно. Я наблюдаю за ходом рассмотрения вопроса о создании сепаратных мастерских чисто реалистического типа самым ближайшим образом. Действительно, внутренняя борьба различных художественных направлений делает бесконечно трудным создание какой-либо объективной школы. Вопрос этот сложный. Я очень просил бы предоставить его разрешение Наркомпросу как таковому. С будущего осеннего сезона мы во всяком случае удовлетворим важнейшие требования художников-реалистов и пересмотрим самым тщательным образом и общие порядки художественных мастерских. Сведения, даваемые Богдановым, сплошь безобразно преувеличены и тенденциозны. За это время мне пришлось научиться не верить ни одному слову художников, когда они говорят друг о друге.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман

Снизу надпись Горбунова:

«Я записки Богданова не получал. Послать Л. А. Фотиевой, не попала ли эта записка непосредственно к Вл. Ил.

Н. Горбунов

5/VII—21 г.»

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 250, с указанием, что письмо художника Богданова Ленину неизвестно. В ЦГА РСФСР мы обнаружили это письмо.

См. его текст и публикацию других материалов о борьбе реалистов и футуристов во Вхутемасе на стр. 704—719 настоящ. тома.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РКП И ЛЕНИНУ

В ЦК РКП
КОПИЯ Т. ЛЕНИНУ

11 июля 1921 г.

Поэт Александр Блок, в течение всех этих четырех лет державшийся вполне лояльно к Советской власти и написавший ряд сочинений, учтенных за границей как явно симпатизирующих Октябрьской революции, в настоящее время тяжело заболел нервным расстройством. По мнению врачей и друзей, единственной возможностью поправить его является временный отпуск в Финляндию. Я лично и т. Горький об этом ходатайствуем. Бумаги находятся в Особотделе, просим ЦК повлиять на т. Менжинского в благоприятном для Блока смысле.

Народный комиссар по просвещению

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 19699, л. 1.

Упомянув о ходатайстве Горького, Луначарский, возможно, имеет в виду его письмо 29 мая 1921 г. с просьбой разрешить больному Блоку выехать в Финляндию.

«У Александра Александровича Блока — цинга, кроме того, за последние дни он в таком нервном состоянии, что его близкие, а также и врачи опасаются

ЛЕНИН НА ЗАСЕДАНИИ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА В БЫВШЕМ
АНДРЕЕВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

Художник И. И. Бродский рисует его портрет

28 июня, 1 или 5 июля 1921 г.

Фотография В. К. Буллы

возникновения серьезной психической болезни. И участились припадки астмы, которой он страдает давно уже.

Не можете ли Вы выхлопотать — в спешном порядке — для Блока выезд в Финляндию, где я мог бы помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий?

Сделайте возможное, очень прошу Вас!

Горький просил передать это письмо Ленину («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. III, стр. 229).

Поначалу на решение вопроса об отъезде Блока имело влияние поведение недавно уехавшего за границу Бальмонта. Впоследствии (22 марта 1928 г.) Горький так писал об этом Ромену Роллану: «В 919—20 гг. Бальмонт был тоже „революционером“, — написал и напечатал в Москве цикл стихов „Серп и молот“, стихи были плохие, но в них поэт громко прославлял большевиков, коммунизм и выражал свой восторг по поводу победы рабочего класса над „собственным“». Эти плохие стихи открыли пред Бальмонтом дверь за границу, и, переехав ее, он безбоязненно и немедленно провозгласил себя врагом Советского строя.

Этот потрясающе смелый подвиг имел, к сожалению, очень плохие последствия для Блока и Сологуба, — опираясь на факт лицемерия Бальмонта, Советская власть отказала Блоку и Сологубу в их просьбе о выезде за границу, несмотря на упрямые хлопоты Луначарского за Блока» (М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. М., ГИХЛ, т. 30, стр. 83). Материалы, связанные с отъездом Бальмонта за границу и его выступлениями там, см. в настоящ. томе, стр. 206—211.

12 июля под председательством Ленина состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), рассмотревшее вопрос о возможности отъезда Блока за границу.

«Слушали: 2. Ходатайство тт. Луначарского и Горького об отпуске в Финляндию А. Блока. Постановили: Поручить Наркомпроду позаботиться об улучшении продовольственного положения Блока».

Однако 23 июля 1921 г., несмотря на то, что заседания Политбюро в этот день не было, путем опроса было вынесено постановление: «Разрешить выезд А. А. Блока за границу». В конце месяца состояние здоровья Блока значительно ухудшилось. 29 июля Горький послал Луначарскому срочную телеграмму (подлинник хранится в ЦГА РСФСР): «Срочно. Москва. Кремль. Луначарскому. У Александра Блока острый эндокардит. Положение крайне опасно. Необходим спешный выезд Финляндию. Решительно необходим провожатый. Прошу Вас хлопотать о разрешении выезда жене Блока. Анкеты посылаю. Спешите, иначе погибнет. М. Горький». 1 августа 1921 г. Луначарский писал в ЦК РКП(б): «Прилагая при сем срочную телеграмму М. Горького об отпущенном согласно решению ЦК РКП А. Блоке, очень прошу ЦК признать возможным выезд жены его и уведомить об этом решении Наркоминдел и ВЧК. Нарком по просвещению А. Луначарский с горечью говорил о том, что друзья поэта недостаточно настойчиво и своевременно оповещали правительство о его болезни».

Публикуемые документы, подписанные Лениным, Луначарским, Горьким, постановления Политбюро ЦК свидетельствуют о тревоге за судьбу поэта, о большом желании помочь ему. Но здоровье Блока ухудшалось настолько быстро, что он не сумел уехать в Финляндию и скончался 7 августа 1921 г. Через десять дней, 17 августа, в Доме печати Луначарский с горечью говорил о том, что друзья поэта недостаточно настойчиво и своевременно оповещали правительство о его болезни.

В библиотеке В. И. Ленина, находившейся в его кремлевском кабинете и собиравшейся по его указаниям или в соответствии с интересами Владимира Ильича, заметное место принадлежит книгам Блока и о Блоке (всего — 13 книг). Среди них следующие издания произведений Блока: «Последние дни императорской власти». Пб., «Алконост», 1921; «О любви, поэзии и государственной службе. Диалог». Берлин, «Скифы», 1920; «Россия и интеллигенция». Берлин, «Скифы», 1920; Собрание сочинений. Пб., «Алконост», 1922, т. 2. Стихотворения, кн. 2; Собрание сочинений. Берлин, «Эпоха», 1923, т. 4. Поэмы. Стихотворения. Проза. 1907—1921; «Возмездие» (поэма). Пб., «Алконост», 1922; «Двенадцать». Изд. 3. Пб., «Алконост», 1918; Отроческие стихи. Автобиография. М., «Первина», 1922. В библиотеке В. И. Ленина сохранились книги о поэте: Н. Ашукин. Александр Блок. Синхронистические таблицы жизни и творчества. 1880—1921. — Библиография. 1903—1923. М., «Новая Москва», 1923; В. Н. Княжнин. Александр Александрович Блок. Пб., «Колос», 1922; В. Львов-Рогачевский. Поэт-пророк. Памяти А. А. Блока. М., Книгоизд-во писателей, 1921; «Памяти Блока». Сб. материалов. Изд. 2. Пб., «Полярная звезда», 1923, и др.

213

ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

13 июля 1921 г.

АНАТОЛИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЛУНАЧАРСКОМУ

Посылаю Вам протест коллектива театра РСФСР I-го, подписанный Мейерхольдом и адресованный тов. Ленину, на действия Комиссии трех, разбиравшей вопрос о постановке «Мистерии-буфф» и «Риенци».

Владимир Ильич этим вопросом заниматься не может. Прошу Вас жалобу разобрать и дать ей соответствующее направление.

Управдел СНК Н. Горбунов

Публикуется впервые. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 795, л. 343.

К письму было приложено обращение к Ленину коллектива Театра РСФСР I, подписанное Мейерхольдом и Бебутовым.

«Тов. Ленину

24-го июня 1921 г. Театру РСФСР I-му доставлена была выписка из протокола заседания «Комиссии трех» в составе зав. агитотделом МК РКП тов. Ландера, зав. художественным подотделом Губполитпросвета тов. Бека и зам. зав. Губполитпросвета тов. Фильмонова. Прилагая названный протокол, коллектив работников Театра

РСФСР I-го выражает свое негодование по отношению столь грубого и невежественного вмешательства в работу театра лиц, по-видимому, совершенно некомпетентных в вопросах, которые они, войдя в комиссию, призваны были разрешить.

1) Никакого участия в постановке «Мистерии-буфф» на немецком языке в цирке ни Театр РСФСР I-й в целом, ни руководители его в отдельности не принимали.

2) Отношение коллектива Театра РСФСР I-го к названной постановке выразилось в присоединении коллектива к резолюции четырех трупп 23 июня с. г., копия которой прилагается.

3) Ни одна комиссия не может приостановить предприятия в выполнении производственных планов его, без ведома соответствующих союзных органов. В данном отношении фракция РКП Всерабиса высказала свое удивление действиями названной Комиссии в резолюции фракции, здесь прилагаемой. Кроме того, на заседании фракции было вынесено постановление председателю Губрабиса указать тов. Веку на недопустимость подобных действий, обличающих полную некомпетентность его в вопросах театрального строительства и обнаруживающих тенденцию не считаться с нормами профсоюзных положений.

4) Если бы ко времени получения постановления названной комиссии Театр РСФСР I не был распоряжением наркома Луначарского передан в ведение ТОО Главполитпросвета, то постановление это вызвало бы в коллективе названного театра ту растерянность, которая, несомненно, приостановила бы текущую работу и окончательно разрушила бы производительные планы и задания театра. Кроме того, осуществление такого распоряжения поставило бы работников, прочно прикрепивших себя к данному предприятию не только на летний сезон, но и на предстоящий зимний, в положение безработных, выброшенных на улицу. В такое положение попали бы люди, совершенно добровольно отдавшие свои силы делу создания первого революционного как по содержанию, так и по форме, театра Республики.

5) Коллектив Театра РСФСР I-го обращает также особое внимание на то, что за спиной членов Комиссии трех, по-видимому, действовали злонамеренные спещы из тех, которые свели себе прочное гнездо в правительственных учреждениях для проведения шулерских приемов своей безответственной и спекулятивной игры. Только этим можно объяснить, что мотивация к расформированию Театра РСФСР I-го составлена с явным намерением ввести представителей власти и всех тех, кому направлены были копии протокола Комиссии трех, в заблуждение в отношении роли и значения Театра РСФСР I-го, факт существования которого не по вкусу, конечно, ни бывшим антрепренерам, ни бывшим прокурорам.

6) Коллектив поставлен в необходимость сделать запрос: на каком основании „Мистерия-буфф“ в I-м Театре РСФСР, стоившая 27 миллионов и прошедшая уже пятьдесят раз, вызывает такое же раздраженное отношение, как и „Мистерия-буфф“ в цирке, не им осуществленная и стоившая сотни миллионов, и это в то время, как постановка трагедии на музыку Вагнера „Риенци“, задуманная театром еще 4 месяца тому назад, никак не может преодолеть совершенно чудовищных волоки „незаинтересованных“ междуведомственных комиссий.

По поручению коллектива Театра РСФСР I-го

Вс. Мейергольд

В. Бебутов»

(Машинопись, подписи — автографы. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 795, л. 344—344 об.).

22 июня 1921 г. состоялось заседание Малого Совнаркома, рассмотревшее вопрос о расходах на постановку «Мистерии-буфф» Маяковского, приуроченной к III Конгрессу Коминтерна. В протоколе МСНК № 700 читаем:

«Слушали: 1. Об отпуске 180 000 000 руб. на постановку „Мистерии-буфф“ на немецком языке.

Постановили: 1. Предложить НК финансов подкрепить имеющийся у НК просвещения кредит по соответствующим статьям сметы — 180 000 000 руб. деэнаками за счет фонда НК просвещения на июнь месяц. 2. Поручить т. Киселеву образовать комиссию из представителей НК рабоче-крестьянской инспекции, НК финансов и Всерабиса для обследования деятельности НК просвещения в области театрального дела в первую очередь АКТЕО (Большой, Малый, Художественный, Студии и Камерный и Петроградские АКТЕО) и другие». Протокол подписан Лениным.

15 июля 1921 г. Малый Совнарком (прот. 713, п. 12) слушал вопрос об обследовании деятельности Наркомата просвещения в области театрального дела и постановил утвердить протокол Комиссии, выделенной Малым Совнаркомом 22 июня. Протокол № 713 подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 19312, л. 5). 25 июля Малый Совнарком (прот. № 717, п. 24) утвердил представителей от Московского Совета. Постановление гласит: «Кроме т. Киселева, утвердить членами Комиссии от Раб. кр. инспекции т. Гарина, от Моск. Совета тт. Бека и Ландера, от Всерабиса т. Горина, от НК финансов — Федяевского». Ленин подписал постановление (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 19990, л. 1, 10).

Об этих решениях Малого Совета Луначарский не был оповещен своевременно. В письме к Ленину 26 июля он пишет: «Совершенно случайно на днях я узнал о существовании при Малом Совнаркоме Комиссии по обследованию деятельности Наркомпроса в театральной области» (см. настощ. том, стр. 298). Луначарский сообщил далее, что получил материалы Малого Совнаркома лишь после специальных запросов. Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в ЦГАОР. Первый запрос Луначарский послал Горбунову 15 июля, но ответа не получил. 22 июля (10 ч. 40 мин.) датирована вторая телефонограмма «в Управление СНК. От Луначарского»: «На телеграмму № 187 от 15/VII с запросом Вас о театральной комиссии при МСНК до сих пор ответа не последовало. Наркомпрос Луначарский» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, л. 187). 21 июля 1921 г. Горбунов отправил Луначарскому следующее письмо: «На Вашу телефонограмму за № 187 Управление делами СНК сообщает, что в связи с ассигнованием НК просвещения 180 мил<лионов> р. на постановку „Мистерии-буфф“ ввиду заявления т. Альского о больших затратах НК просвещения на театральное дело, Совет Народных Комиссаров в заседаниях 22 июня и 18 июля с. г. постановил образовать комиссию для обследования деятельности НК просвещения в этой области. Копии постановлений СНК прилагаются» (там же, л. 193).

Тем временем комиссия, назначенная Малым Совнаркомом, проводила обследование театров. 30 июля член комиссии К. Ландер направил в Контрольную комиссию РКП и лично Ленину письмо следующего содержания:

«30 июня 1921 г.

Ув. товарищи!

В качестве ответственного работника МК и Губполитпросвета мне пришлось за последние 2 месяца ближе ознакомиться с постановкой дела в московских театрах, и я считаю своим долгом в порядке чрезвычайной срочности поднять перед высшими партийными и советскими инстанциями вопрос о прекращении той вакханалии, которая наблюдается в этой области, так как все попытки упорядочить дело путем нормальной работы, ведомственным, ни к чему не привели. Я не останавливаюсь на идейном содержании нашей работы в театральной и вообще художественной области; эта тема до известной степени — дискуссионная, и тут неизбежна борьба различных мнений, взглядов, теорий. Я буду говорить о том, что и как мы делаем в этой области и во что это нам обходится.

Годовая смета на содержание московских театров (исключая академические) определена в 5 миллиардов на 1921 год; из них по официальным сведениям израсходовано уже 3 миллиарда, фактически же израсходовано по приблизительным подсчетам до 15 миллиардов. Фактический расход на театральное дело не поддается учету и контролю. Театры расходуют деньги помимо смет, через голову непосредственно ведающих ими инстанций, прибегая к протекции ответственных работников, получая средства из различных источников. Далее. Отдельные главки и центры субсидируют свои театры и труппы, отпускают им продукты и проч., так что фактически расход на все театры и зрелища по городу Москве будет не менее 60 миллиардов. Как иллюстрация к создавшемуся положению приведу яркий пример с I Театром РСФСР — с постановкой 2-х пьес — „Мистерии-буфф“ и „Коло ди Риенци“.

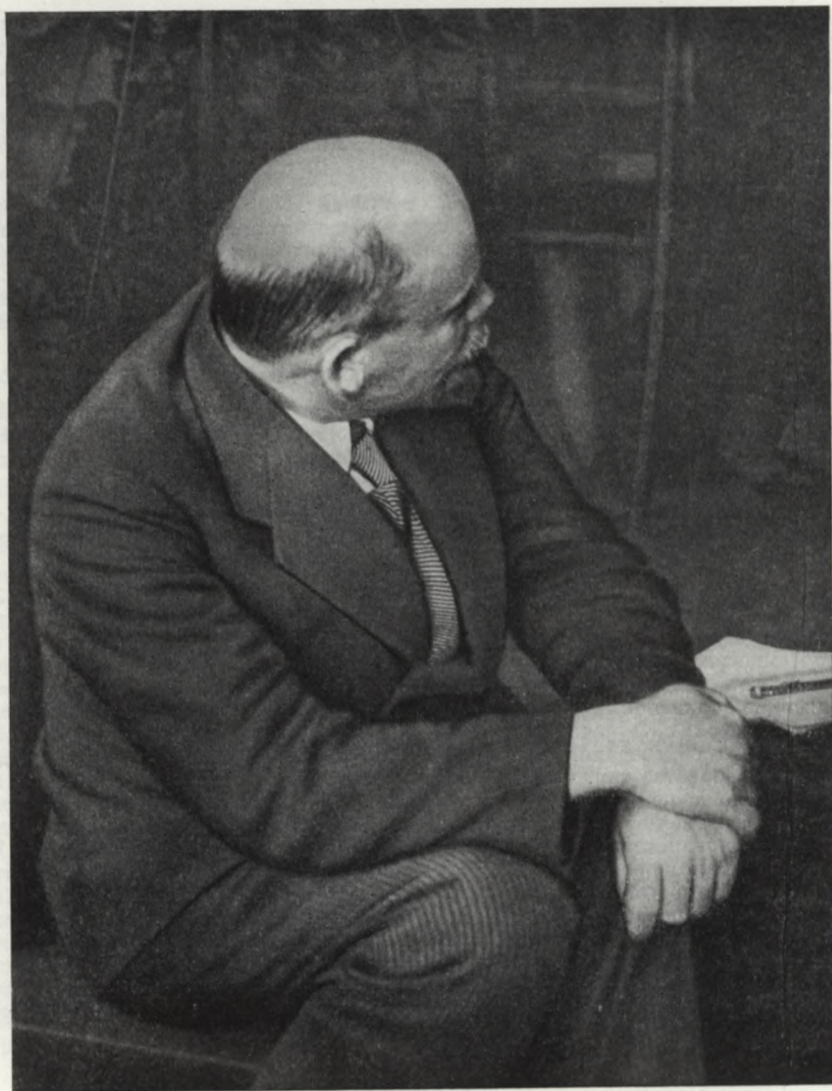
Существует постановление ЦК партии, чтобы на празднества Коминтерна никаких специальных расходов не производить; на все расходы по Конгрессу отпущено 200 миллионов.

I Театр РСФСР к этим празднествам подготовил названные 2 пьесы. На постановку 1-ой пьесы была подана смета в 229 миллионов. Этого не хватило. Подали дополнительную смету в 352 миллиона, отпустили 180 миллионов (дополнительно). По справкам и этого не хватит — постановка будет стоить до 1 миллиарда, если разрешат ее продолжение.

Смета на постановку „Коло ди Риенци“ подана в 325 миллионов, разрешено 265 миллионов, по справке от снещов — обойдется не меньше, чем в 500 миллионов.

Таким образом, на постановку 2-х пьес — художественное и агитационное содержание и значение которых весьма сомнительно — произведен фактический расход 1—1½ миллиарда в течение нескольких недель. Каждый день на уплату жалованья артистам, участвующим в пьесе „Мистерия-буфф“, расходуется фактически 35 миллионов. Для выжимания денег заправили театра применяют метод частичного урывания средств: подают сравнительно небольшую смету, через неделю — дополнительную, еще через неделю — другую и т. д. до бесконечности.

Таким образом мы расходует миллиарды на содержание театров, на постановку весьма сомнительного достоинства пьес, на кормежку 40-тысячной армии халтурящих в большинстве случаев, очень низкого уровня и квалификации артистов. И это в то время, когда мы переживаем катастрофический кризис денежных знаков, когда рабочие и служащие целого ряда предприятий и учреждений по месяцам не получают жалованья из-за отсутствия знаков, — для театров мы эти знаки на-ходим.

ЛЕНИН НА СТУПЕНЬКАХ ТРИБУНЫ ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ
III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА В БЫВШЕМ АНДРЕЕВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

28 июня, 1 или 5 июля 1921 г.

Фотография В. К. Буллы

Эти расходы даже в $\frac{1}{1000}$ части не оправдываются достигаемыми результатами в области художественно-просветительной. Ставим никчемные, бездарные вещи.

Исходя из сказанного (что может быть проверено и подтверждено фактически, может быть, не всегда документально, т. к. многих документов мы и не найдем), я вношу следующие конкретные предложения:

1) От имени СТО или ВЦИК образовать Чрезвычайную комиссию с самыми широкими полномочиями для фактического обследования финансово-хозяйственной стороны деятельности всех московских театров; в связи с результатом ревизии уполномочить Комиссию предать суду виновных в преступном ведении театрального дела, в несоответствующем назначению и результатам расходовании денег и в нарушении декретов, изданных в этой области.

2) Независимо от этого немедленно закрыть на 2 месяца все без исключения московские театры, прекратив выдачу им каких бы то ни было средств — содержание артистов по законным ставкам на этот срок, если это понадобится, будет стоить в 100 раз дешевле, чем мы расходует сейчас.

3) Поручить особому совещанию (тройке или пятерке) от ВЦИК и Московского Совета в 2-х месячный срок представить конкретный план реорганизации театрального дела в Москве (и по всей Республике), положив в основу следующие неизбежные директивы:

а) все без исключения местные театры находятся в ведении одного органа — Художественного подотдела Московского Совета; ни АКТЕО, ни другие органы Наркомпроса и других комиссариатов своих театров не имеют;

б) на счет казны содержится в Москве не более 3-х театров в центре и по 1 в районах и уездах (в других губерниях — по 1 в губернском городе, по 1 в уездах);

в) государственные театры в своей деятельности в современных условиях должны строго руководствоваться принципом наибольшей экономии средств в постановках и оплате сотрудников (выработать конкретные директивы);

г) при постановках, выборе пьес руководствоваться теми принципиальными соображениями, которые кладутся в основу нашей общей культурно-просветительной работы.

4) Обязать Комиссию (по обследованию московских театров) закончить свою работу в 2-х недельный срок.

Я прошу Вас, Владимир Ильич, или ЦК партии поставить этот вопрос в срочном порядке на очередь, потому что создавшееся положение совершенно недопустимо, и в рабочих кругах г. Москвы в связи с этим наблюдается справедливое возмущение.

С коммунистическим приветом К. Л а н д е р

(ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3336, лл. 4—9).

На письме — резолюция члена президиума ЦКК А. Сольца: «Передать Луначарскому и запросить объяснений».

1 августа 1921 г. Малый Совнарком (прот. 722, п. 32) заслушал «Заявление Луначарского о неправильном создании Комиссии по обследованию театрального дела». Постановили: «а) Довести до сведения тов. Луначарского, что постановление об образовании Комиссии было принято в присутствии представителя от НК просвещения, члена коллегии тов. Гринберга, б) Предложить Комиссии работу продолжить». Постановление подписано Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20093, л. 14).

16 октября 1921 г. Луначарский ответил на письмо Краснопресненского районного отдела народного образования, напечатанное в «Правде» 11 октября. Краснопресненцы выражали недовольство тем, что при бесплатности школы происходит так называемое «самообложение родителей», т. е. взимание с них платы, в то время как громадные деньги тратятся на театральные постановки («Мистерия-буфф» и «Царь Эдип»). Ответ Луначарского напечатан в «Правде» (№ 233): «...не лишним, может быть, будет сказать два слова по поводу упоминаемых в письме чрезмерных расходов на театральные постановки. Дорогая постановка „Мистерия-буфф“ в цирке для встречи Коминтерна была финансирована совершенно помимо Народного комиссара по просвещению и его наиболее ответственных помощников. По этому поводу, как известно, было специальное расследование как Наркомпроса, так и органов профсоюзов. Что же касается постановки „Царя Эдипа“, то Наркомпрос как таковой выдал на эту постановку весьма небольшую сумму денег (несколько миллионов) по настоянию Московского комитета РКП. А. Луначарский».

214

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И КИСЕЛЕВУ

<26 июля 1921 г.>

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МАЛОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ тов. КИСЕЛЕВУ

КОПИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА

Совершенно случайно на днях я узнал о существовании при Малом Совнаркоме комиссии по обследованию деятельности Наркомпроса в театральной области. Никакого официального уведомления об этом я не получал до вчерашнего дня, ни мой заместитель тов. Литкенс, который имеет полномочия вести все дела Наркомпроса в Малом Совнаркоме.

Отнюдь не отрицая прав Малого Совнаркома назначать какие угодно ревизионные комиссии, я обращаю Ваше внимание на произведенную неправомерность в данном случае постановления Малого Совета. Прежде чем назначать комиссию о деятельности Наркомпроса в любой области, Малый Совнарком, естественно, должен был бы заслушать самого наркома, запросивши его о всех соответствующих обстоятельствах. Но если даже Малый Совнарком нашел излишним прежде особого расследования заслу-

шать доклад, как это делалось до сих пор Малым Совнаркомом всегда, то и в этом случае комиссия могла бы быть организована только с непосредственного уведомления народного комиссара о составе этой комиссии, о круге ее полномочий, сама же деятельность комиссии должна начаться с затребования официальных сведений от народного комиссара по просвещению, во-первых, и от заведующих театральными отделами, во-вторых. Ничего этого Малым Совнаркомом соблюдено не было, и если бы я не направил ему телефонограммы ввиду дошедшего до меня слуха, то я до сих пор не знал бы о существовании комиссии.

Считая, что подобного рода метод действия Малого Совнаркома отнюдь не является рациональным и фактически только нарушает нормальный ход течения работы, я прошу Вас либо прекратить работу комиссии и назначить вместо нее доклады заведующих театральными отделами в моем присутствии Малому Совнаркому, либо предписать лицу, являющемуся председателем этой комиссии (имя которого мне неизвестно), снести немедленно с Народным комиссариатом по просвещению и быть с ним в постоянном контакте, ни в коем случае не предпринимая никаких мероприятий без одновременного уведомления Наркомпроса.

Копия настоящего письма сообщается мною председателю Совета Народных Комиссаров и ЦК РКП.

Народный комиссар по просвещению
А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30949. См. примечания к письму Горбунова Луначарскому (по поручению Ленина) 13 июля 1921 г. — стр. 294—298 настоящ. тома.

215

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА — ЛУНАЧАРСКОМУ

<27 июля 1921 г.>

НАРКОМПРОС
тов. ЛУНАЧАРСКОМУ

На имя Владимира Ильича поступило личное письмо от М. П. Сажина с изложением чрезвычайно длинной волокиты по разрешению вопроса издания за границей сочинений и переписки Бакунина.

Сажин сообщает, что дело это тянется ровно 11 месяцев и теперь тормозится из-за отсутствия, с одной стороны, денег на издание, а с другой стороны — за отсутствием визы на поездку Сажина за границу.

Копию письма Сажина я Вам препровождаю. По ознакомлении прошу сообщить Ваши соображения о дальнейшем направлении этого дела. Владимир Ильич требует дело прохождения ускорить.

За управделами СНК Смольянинов
Секретарь

27 июля 1921 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32820.

10 июля 1921 г. Сажин обратился к Ленину с жалобой на то, что со времени его первого ходатайства, которое было удовлетворено (см. стр. 211—212 настоящ. тома), прошло много месяцев, но валюты для отъезда за границу он еще не получил, Сажин писал Ленину:

«Глубокоуважаемый Владимир Ильич! Идет уже одиннадцатый месяц с тех пор, как я начал хлопоты в Наркомпросе о том, чтобы командировали меня за границу, давши мне денежные средства на издания сочинений и переписки М. А. Бакунина. В декабре п/г. Наркомпрос разрешил эту командировку, ассигновавши 26 тысяч руб. золотом. Затем я получил заграничный паспорт и германскую визу, но с валютой произошла задержка, и теперь мне дают уже только 5 тысяч ввиду затруднений с нею.

Конечно, на 5000 руб., хотя и золотом, невозможно что-либо издать и, следовательно, печатание сочинений), Бакунина, так сказать, аннулируется. Меня берет сомнение даже в полезности самой поездки при таких средствах.

Ведь нужно же будет переписывать на пишущей машинке письма и рукописи, их переводить и вообще производить всякие расходы по предварительной работе, а также жить самому, делать поездки, потому что архивы находятся в различных странах — на какие же средства это все делать?

Я обращаюсь к Вам с самой горячей просьбой помочь мне получить всю прежде ассигнованную сумму, т. е. 26 000 рубл(ей), что дало бы мне возможность в течение первого года издать 3—4 тома и приготовить еще материал для будущих томов.

Я знаю, что затруднения с валютой серьезны, но ведь просимая мною сумма так невелика, что, как мне говорят, выдача ее не изменит чувствительно дела с нею.

С товарищеским приветом М. П. С а ж и н

10-е июля 1921 г.

Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 8, Управление архивным делом, т. 6—74».

Письмо было получено 26 июля. На следующий день Ленин написал на этом письме записку к зам. Управделами Совнаркома Смольянинову: «т. Смольянинов! Надо 1) ускорить дело, 2) предать суду виновных за волокиту (11 месяцев!!!). 27/VII. Л е н и н» (Л е н и н, т. 53, стр. 70). В соответствии с указаниями Ленина Смольянинов направил Луначарскому публикуемое письмо.

При разборе дела выяснилось, что еще 9 апреля 1921 г. Литкенс послал в Наркомвнешторг письмо следующего содержания: «Народный комиссариат по просвещению командиров за границу (Германия, Швейцария) М. П. Сажина (Арманд Росс) для работы по изданию за границей сочинений и переписки М. А. Бакунина и просит отпустить ему на расходы на ближайшее время 5000 рублей золотой валютой.

Весь кредит на поездку Сажина Наркомпрос исчисляет в 20 000 рублей, из которых просимые в настоящее время 5000 руб. являются авансом. Свой отзыв препроводите как в Наркомпрос (Административное управление — Остоженка 53, комн. 46), так и в ВЧК — Иностранный отдел».

10 августа 1921 г. Литкенс в письме к Смольянинову подробно изложил причины, задержавшие поездку Сажина за границу. Он писал:

«В ответ на Ваше отношение от 27 июля с/г. за № 9507.

13 августа прошлого года Наркомпрос в заседании Коллегии постановил, что с его стороны не встречается препятствий к выезду за границу М. П. Сажина (Арманда Росса) для работ по изданию сочинений и переписки М. А. Бакунина, но Наркомпрос не нашел возможным в то время ассигновать суммы, просимой т. Сажиним на издание названных сочинений.

В декабре прошлого года предполагалось Наркомпросу отпустить золотую валюту в размере 42 000 000 рублей, каковая сумма затем была уменьшена сначала наполовину, а потом еще на четыре пятых, доведя ее до 4 100 000 руб., и тогда Наркомпрос решил отпустить т. Сажину на издание сочинений Бакунина 20 000 руб. (а не 26 000 руб., как указывает в своем обращении к В. И. Ленину т. Сажин), выдав ему в счет этой суммы авансом 5000 рублей на расходы на ближайшее время, на что т. Сажин и согласился и 1 февраля 1921 г. обратился в Наркомпрос с просьбой исхода-тайствования для него заграничного паспорта и разрешения на выезд из России и на въезд в Германию, Швейцарию и Финляндию, к чему Наркомпрос немедленно и приступил и 14 марта с/г. за № 71154 последовал от ВЧК при Совнаркоме ответ с просьбой снести с т. Лежавой и прислать заключение последнего. 20 апреля за № 11811 Наркоминдел Отдел Запада уведомляет, что, согласно полученным им из Берлина сведениям, визу Германского правительства для т. Сажина нельзя будет получить до тех пор, пока он не будет иметь разрешения на въезд в Швейцарию.

В то время как тянулась переписка с ВЧК и Наркоминделом, Наркомпрос просил Наркомвнешторг об отпуске вышеупомянутой суммы в 20 000 руб., но, не имея еще утвержденного отпуска золотой валюты в надлежащих инстанциях, просьба эта Наркомвнешторгом не была удовлетворена.

В настоящее время, когда весь золотой кредит Наркомпроса выражается в сумме 1 805 000 рублей, из каковой еще часть, весьма значительная, должна быть уделена Украине, причем на долю Госиздата отпущено всего лишь 100 000 рублей. Наркомпрос не находит возможным отпустить в настоящее время на издание сочинений М. А. Бакунина более 5000 рублей, каковая сумма будет выдана т. Сажину, по мере надобности, заграничной организации Наркомпроса в Берлине, а т. Сажину на руки на его трехмесячную командировку не более 800 руб., т. е. на 300 руб. более, чем Наркомпрос полагает располагать выдать лицам, командируемым за границу.

Из всего вышесказанного вытекает, что Наркомпросом с его стороны было сделано все, и о волоките не может быть и речи, если же внешние обстоятельства оказались превышающими его силу, не Наркомпроса в том вина».

О решении об ассигнованиях на его поездку за границу Сажина известил Горбунов специальной телеграммой (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 33133, л. 18). 10 сентября

ЛЕНИН НА СТУПЕНЬКАХ ТРИБУНЫ ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ III КОНГРЕССА
КОМИНТЕРНА В БЫВШЕМ АНДРЕЕВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ
28 июня, 1 или 5 июля 1921 г.
Фотография В. К. Буллы

Горбунов написал докладную записку Ленину о том, что со стороны Наркомпроса не было намеренной волокиты:

«Владимиру Ильичу Ленину»

27-го июля Вы дали задание тов. Смольянинову ускорить дело отъезда М. П. Сажина и предать суду виновных за волокиту в этом деле.

Расследованием установлено, что со стороны Наркомпроса не было намеренной волокиты в задержке командировки тов. Сажина и что причины задержки приходится искать в общих условиях нашего экономического положения. Недостаток золотого запаса в стране заставил Наркомпрос ждать чуть ли не целый год отпуска ассигнованной ему суммы и в конце концов получить этот фонд крайне урезанным и уменьшенным: на Госиздат ассигновано всего лишь 100 тыс. рублей золотом, а для командировок за границу ученых 25 тысяч рублей. Поэтому требование Сажина о предоставлении ему 26 тысяч рублей Наркомпрос категорически отказывается удовлетворить и предоставляет Сагину на издание сочинений Бакунина 5 тысяч рублей золотом и на прожитие в течение 3-х месяцев.

Сегодня, 10-го сентября, я говорил с тов. Сагиным, и он согласился поехать на таких условиях в командировку при условии, чтобы командировку несколько продолжили, на что Наркомпрос согласен. Таким образом, в дальнейшем задержки в отъезде не предвидится.

Г о р б у н о в »

Тогда же Горбунов записал в дневнике поручений Ленина: «Поймать волокиту в деле командировки Сажина за границу для издания трудов Бакунина. Поручение и материалы на 15 страницах принял 12/IX 21 г. Волокиты по существу не оказалось. Сагин выехал за границу в начале января 1922 г.» (см. «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 40).

По приезде в Москву из заграничной командировки Сагин подал заместителю наркома просвещения Покровскому следующую докладную записку: «Возвратясь из командировки за границу по вопросу об издании соч. М. А. Бакунина, считаю обязательным для себя сообщить Вам, что почти все материалы за ничтожными исключениями находятся в архивах частных лиц (2—3) моих близких друзей и потому вполне мне доступных. Кроме того, один из моих этих друзей, именно М. Неттлау, окажет всевозможную помощь по изданию сочинений Бакунина. Весь вопрос сводится теперь к тому, чтобы иметь денежные средства для этой цели.

В своих докладных записках, своевременно поданных т. Ленину, Вам, Луначарскому и др. лицам, я указывал, что в течение последних 28 лет перед нашей революцией из своих заработков специально для издания сочинений Бакунина я образовал капитал около 26 000 руб., который как находившийся в разных государственных бумагах, аннулирован Советской властью. Это аннулирование стало мне известно только в 1920 г., потому что до этого я жил на Северном Кавказе, который был отрезан от остальной России. Теперь я прошу восстановить капитал и уплатить мне взамен бумаг по курсу довоенного времени в английской валюте около 3000 фунтов стерлингов.

Командируя меня за границу, НКП ассигновал 5000 р. золотом на предварительные расходы по изданию соч. Бакунина; но из этой суммы мною израсходовано не более 300 руб., поэтому остальное прошу оставить за мною, так как я имею в виду поездку в Петербург и в Финляндию для розыска там 3 брошюр Бакунина и на расходы по переписке и переводам оригиналов.

Мих<анл> Петр<ович> С а ж и н

12/IV—1922 г.

Вовдвиженка, Ваганьковский пер., д. № 8
Москва».

В одной из записок Горбунову Сагин сообщал о встрече с Покровским, который объяснил ему, чем был вызван отказ Наркомпроса в ассигновании ему больших сумм. Покровский говорил, в частности: «Советская Россия не может тратить средства на издание Бакунина, в то время когда она не имеет еще полного собрания сочинений К. Маркса». На что Сагин ответил, что довольно странно связывать судьбу издания сочинений Бакунина с К. Марксом и в зависимости от этого решать весь вопрос. Издан ли или нет Маркс — это дело марксистов, а не анархистов» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 5 (461), ед. хр. 33133, л. 42 об., 43).

В 1923 г. Совнарком предложил Наркомпросу привлечь Сажина к изданию сочинений Бакунина, что и было Наркомпросом и Госиздатом осуществлено (см. там же, лл. 61, 64—65). Наркомпрос сообщил управляющему делами Совнаркома, что издание полного собрания сочинений Бакунина входит в состав серии, принятой к изданию Госиздатом. Издание сочинений Бакунина уже начато, и работу эту ведет Ю. Стеклов, средства на это издание имеются, другое издание Наркомпрос выпускать не считает нужным (см. там же, л. 60).

216

ЛУНАЧАРСКИЙ— В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
СОВНАРКОМА

В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ

2 августа 1921 г.

Я получил от вас письмо к тов. Ленину от конференции кооперативных объединений писателей. Вы просите меня принять соответствующие меры. Тут очевидное недоразумение.

Одновременно с этим письмом я послал со своей стороны тов. Ленину через Управление делами обстоятельнейшую записку, где выясняю, что без указаний Совнаркома никаких мер принять нельзя, ибо никто не знает, какие же именно меры будут соответствующими. Одно дело, если мы будем придерживаться политики абсолютной монополии на издание книг, и другое дело, если мы будем воскрешать кооперативы. Об этом-то тов. Ленина и просят писатели, и Наркомпросу тут нужна совершенно определенная директива сверху. Может быть, вашу записку надо понимать таким образом, что тов. Ленин предоставляет разрешение этого общегосударственного вопроса мне. Тогда мне необходима не только ваша записка, но и соответствующее распоряжение за подписью тов. Ленина.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Секретарь А. Флаксерман

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, л. 178—178 об.

Годы войны и хозяйственной разрухи тяжело отразились на состоянии бумажной промышленности, что в свою очередь незамедлительно сказалось на итогах издательской деятельности в стране. Характеризуя создавшуюся к началу 1921 г. ситуацию, один из руководителей Госиздата писал, что «положение с бумагой — небывало ужасное, — на всю РСФСР 3000 стоп, или 10 000 пудов на февраль и март, т. е. на два месяца» (ЦПА ИМЛ, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 74, л. 31). Крайне ограниченными возможностями располагала и полиграфия.

15 февраля 1921 г. Совет Народных Комиссаров поручил Президиуму ВСНХ сократить число полиграфических предприятий, сконцентрировав в немногих типографиях имеющиеся технические средства и наиболее квалифицированные кадры (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 77, л. 2).

И все же эти меры не дали ожидаемого эффекта. 18 апреля 1921 г. Коллегия Наркомпроса, основываясь на рекомендациях Комиссии ЦК РКП(б) по улучшению печатного и издательского дела, постановила: «Прекратить отпуск всякого рода бумажных и типографских средств для частных издательств из общегосударственного фонда» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 44, л. 152). Кардинально улучшить положение подобным путем было нельзя, но в тот момент он казался единственным средством для поддержания государственного книгоиздания. В то же время эта мера практически вела к прекращению частно-кооперативной деятельности в области издательского дела.

И ранее, а особенно после указанного постановления Наркомпроса, вынужденные ограничения вызвали протесты отдельных литераторов и руководителей кооперативных издательств. Часть из них была в свое время опубликована в современной печати (см. «Вестник литературы», 1921, № 13(27)).

Аналогичными мотивами были проникнуты и некоторые письма, направленные в высшие правительственные инстанции, в частности, письмо Бюро Конференций объединений писателей, представляющее 17 московских и петроградских кооперативных издательств (ЦГАОР, ф. 130, оп. 6, ед. хр. 1026, лл. 207—210). Оно было отправлено 23 июня 1921 г. и с ним ознакомился Ленин.

Авторы письма горячо отстаивали необходимость сохранения и развития кооперативных издательств:

«Кооперативы писателей не мешают и не угрожают ничему, кроме культурного застоя страны. По самому неполному подсчету этими кооперативами за последние три года было выпущено до 1000 названий лучших книг по беллетристике, критике, истории литературы, педагогике, истории и др. отраслям. Работая в самых тяжелых условиях, они бросили в русскую читательскую массу по крайней мере десять миллио-

нов экземпляров книг — зерен общечеловеческой культуры. У каждого из них выработаны и выношены планы дальнейших культурных посевов.

Можно ли сказать, что страна не нуждается в этих сеятелях? Запросы многомиллионной массы русского читателя количественно настолько велики, что едва ли могут быть удовлетворены какою-либо одною издательской организацией, какова бы ни была ее мощь. В то же время качественно эти запросы столь разнообразны, что если бы даже немедленно были осуществлены десятки издательских планов, то и тогда они не насытили бы спроса многочисленных, неодинаково подготовленных групп и слоев массового читателя.

И далее: «...нельзя упускать из виду, что кооперативные издательства представляют высшую форму труда и производства, где совершенно устранены предприниматель и прибыль и где все организационные и производственные процессы коллективированы. В других областях труда коллективы, в виде артелей, коммун и т. п., встречают сочувственное отношение власти, и, казалось бы, нет никаких оснований изменять это отношение в издательском деле.

Вот те соображения, которыми кооперативы писателей хотели бы защитить свое существование и свою работу.

Задача, как нам кажется, заключается теперь в том, чтобы наметить меры, которые обеспечивали бы объединениям писателей продолжение их работы при нынешних условиях, когда издательское дело сосредоточивается в руках правительственного аппарата и когда чрезвычайно остро дает себя чувствовать недостаток технических материалов и средств — бумаги, типографского оборудования и проч.

Остановившаяся на этом вопросе, 3-я конференция, как и две первые, признала, что по-прежнему необходимо издание законодательного акта, который подтвердил бы для существующих писательских объединений их право на существование и на издательскую деятельность и установил бы порядок возникновения новых писательских коллективов. Таким актом объединения писателей были бы выведены из нынешнего неопределенного положения и ограждены от случайностей и зигзагов, которыми, как показал опыт, избилуют отношения к ним Государственного издательства».

Письмо заканчивалось следующими словами:

«В итоге те первоначальные и основные меры, которые могут обеспечить кооперативно-издательским объединениям писателей продолжение их работы, сводятся к следующему:

1. Издание декрета, охраняющего существование кооперативных объединений писателей, их издательскую деятельность и их аппарат.
2. Признание за Центральным бюро издательских кооперативов писателей значения органа, представляющего их интересы перед правительством и регулирующего снабжение их техническими издательскими средствами.
3. Выделение и забронирование исключительно для художественных и научных произведений кооперированных авторов запаса типографской бумаги.
4. Выделение и забронирование для тех же целей одной-двух специальных типографий».

От имени Бюро конференций кооперативных объединений писателей письмо подписали: П. Сакулин, А. Эфрос, В. Львов-Рогачевский и др. (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, лл. 207—210).

Отбрасывая чрезвычайно одностороннюю и несправедливую характеристику деятельности Госиздата, заключающуюся в письме, следует сказать, что здесь достаточно обоснованно была обрисована весьма безотрадная картина, создавшаяся в частно-кооперативном книгоиздании, картина, казавшаяся особенно неприемлемой на фоне намечающегося общего подъема народного хозяйства.

Как можно судить по сохранившимся документам, пересыла это письмо народному комиссару просвещения, Управление делами Совнаркома руководствовалось тем, «что он должен войти с соответствующим докладом в СНК и поддержать просьбу кооперации или отклонить ее» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1026, л. 178). Получив материалы, Луначарский незамедлительно отправил Ленину «обстоятельную записку», правда, не установленным порядком, а «без особых регистраций через т. Фотиеву» (там же, л. 102).

Поскольку записка наркома миновала Н. П. Горбунова, последний вынужден был вновь обратиться к Луначарскому и потребовать от него ускорить присылку заключения. Как ответ на напоминание и последовало публикуемое письмо. Нет сомнения, что оно в основе повторяет содержание до сих пор не разысканной докладной записки Луначарского Ленину.

Пересылая 21 сентября 1921 г. в Управление делами Совнаркома всю переписку по рассматриваемому вопросу, секретарь наркома А. Флаксерман объяснял причины, по которым столь важный документ миновал Управляющего делами. Одновременно он передавал просьбу Луначарского считать конфликт исчерпанным, «ибо последние декреты Совнаркома о частных издательствах уже урегулировали этот вопрос» (там же, л. 102).

Таким образом, хотя и с некоторым запозданием, основные положения новой экономической политики организационно сказались и на книжном деле. Конкретно речь идет о двух актах: 1) Постановлении Совнаркома 16 августа 1921 г. «О порядке издания учебников», подписанном Лениным, по которому Госиздат получал право передавать издание учебной литературы частно-кооперативным издательствам и 2) Постановлении Малого Совнаркома от 17 августа 1921 г., принятом в дополнение к декрету СНК от 5 августа того же года «О взимании платы за товары, отпускаемые государством для частного хозяйства». В соответствии с этим постановлением Главбуму было разрешено продавать бумагу частным лицам за иностранную валюту, по цене вдвое превышающую существующую за границей (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 323, л. 23).

На следующий же день после принятия Постановления Малого Совнаркома Президиум Московского Совета разрешил Отделу печати «производить в Москве продажу книг по рыночным ценам исключительно через книжные или другие кооперативы на комиссионных началах или за наличные деньги» (ГАМО, ф. 66, оп. 14, ед. хр. 32, л. 52), а 26 августа отменил прежнее решение о муниципализации частных издательств и книготорговых предприятий и определил порядок открытия частных и кооперативных издательств. В свою очередь Коллегия Наркомпроса приняла постановление, регламентирующее взаимоотношения Госиздата с частно-кооперативными издательствами. Госиздат, на который возлагалась обязанность просмотра и утверждения планов частных издательств, получил право в отдельных случаях выдавать этим издательствам под заказ бумагу из государственных фондов.

Огненные частно-кооперативные издательства могли продавать сообразно номиналу книги, издававшиеся без государственных субсидий. Госиздат лишь надеялся правом приобретения тиража отдельных изданий по цене, учитывающей нормальную прибыль на капитал («Печать и революция», 1921, № 2, стр. 235; «Правда», 30 августа 1921 г., № 191).

Хотя принципиально вопрос был решен в пользу существования частных издательств, многие стороны их деятельности оставались не регламентированными (например, возможность аренды или приобретения типографий). Незавершенность предпринятого шага объясняется весьма просто — государственные издательства находились в положении не многим лучше, чем частные. Проблему нужно было решать вкуче и кардинально. Одни кооперативные издательства, понимая, чем вызван ограниченный характер решения, удовлетворились им и поспешили реализовывать намечившиеся возможности, другие еще надеялись, что колесо истории повернется вспять.

9 сентября 1921 г. председатель Правления Союза петроградских кооперативных издательств П. Витязев направил в адрес Совета Труда и Оборона от имени Правления Союза «Докладную записку о насущных нуждах книжной кооперации в России» с просьбой «в срочном порядке поставить на обсуждение те вопросы, которые выдвинуты настоящей запиской» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 1022, л. 234). Весьма характерная деталь — «записка» была отпечатана типографским способом, что явно указывало на желание ее составителей придать широкую гласность своим требованиям. И это не удивительно, поскольку в ней они делали далеко идущие обобщения. «Наказ Совнаркома о новой экономической политике» авторы «Записки» воспринимали как документ, ставящий вполне и определенно всю промышленность России... на рельсы частнопредпринимательской инициативы. Отсюда делалась весьма знаменательный вывод, что «для производства книги в этом отношении не следует делать никакого исключения». Не говоря об ошибочной трактовке запа (там же, лл. 13—21) как пути реставрации капитализма — столь же нелепо было воспринимать книгопроизводство лишь как одну из отраслей народного хозяйства. Книга — особый вид товара, и фирменный знак на ее обложке многое определяет.

И на этот раз Владимир Ильич, как можно судить по «Тетради записей поручений Ленина Н. П. Горбунову», ознакомился с просьбой книгоиздателей. 13 сентября 1921 г. он отдает распоряжение Горбунову: «Рассмотреть и дать отзыв о докладной записке Союза петроградского кооперативного издательства о насущных нуждах книжной кооперации в России». Под запиской — резюме: «Исполнено 26.Х.21 г.» («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 41).

Хотя ответ Горбунова до сих пор не разыскан, не приходится сомневаться в его характере. Ни о какой полной свободе частнопредпринимательской деятельности в области книгоиздания не могло быть и речи. Правда, и жесткие ограничения периода военного коммунизма, вызывавшиеся, кроме всего прочего, еще и хозяйственной разрухой, изживали себя и не должны были более служить для нас помехой. Наступал качественно новый этап в развитии русского издательского дела, но для его осуществления необходимо было одно неперемное условие — книга вновь должна была получить товарную ценность и, следовательно, свободное обращение на рынке.

Конечно, не могло быть такого положения, чтобы книга, изданная под маркой Государственного или партийного издательства, распределялась, а частного — продавалась. Надо было вводить хозяйственный расчет в государственный сектор изда-

тельского дела. Но для этого следовало экономически реформировать сопричастные с издательским делом полиграфию и бумажное производство.

На эту сторону проблемы указывал сразу же по введению нэпа в беседе с Лениным председатель редколлегии Госиздата — Н. Л. Мещеряков. По его свидетельству, Ленин «согласился с серьезностью вопроса» («Бюллетень Главного управления Государственного издательства», 1921, № 7-8, стр. 15). Однако осуществить подобную реформу в созданных условиях оказалось чрезвычайно трудно. Известно, например, что еще в марте 1919 г. Ленин предлагал включить в типографские тарифы пункт о сдельной оплате. В условиях обесценения рубля, простоев, сокращения производства этот мощный рычаг экономической заинтересованности привести в действие не удалось.

Но и после введения нэпа положение в полиграфиях мало в чем изменилось. Многим руководителям типографий и профсоюза казалось, что более реальной мерой, чем сдельщина, будет перевод важнейших типографий на так называемое «коллективное снабжение», другими словами увеличение и улучшение пайка всех служащих и рабочих.

Следует иметь в виду, что многие ответственные советские и партийные работники с опаской относились к самой идее введения платности на произведения печати, считая бесплатное распределение более «коммунистической» формой ее распространения.

«С помощью Владимира Ильича, — свидетельствовал один из инициаторов введения платности О. Ю. Шмидт, — нам удалось убедить в необходимости этого перехода как ВЦСПС, так и Совет Труда и Оборонь» («Бюллетень Гл. упр. Госуд. изд-ва», 1921, № 7-8, стр. 12).

Но прежде, чем это случилось, положение в полиграфии приняло столь тяжкий характер, что под угрозой прекращения выхода оказалась даже газета «Правда». Сторонники полумер вынуждены были отступить. 24 августа 1921 г. Совет Труда и Оборонь, проходивший под председательством Ленина, рассмотрел вопрос «О положении издательского дела» и принял решение образовать специальную комиссию под председательством Аникста, которой предлагалось наметить конкретные меры для его подъема и подготовить проекты соответствующих законодательных актов. Из-за чрезвычайной сложности проблемы в планируемые две недели Комиссия не смогла завершить свою работу и лишь через три месяца — на заседании 23 ноября, также проходившем под председательством Ленина, был заслушан доклад Аникста и решено «считать работу комиссии, назначенной СТО 24 августа, законченной» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 5, ед. хр. 429, л. 6 и ед. хр. 457, л. 9).

С установлением в стране платности на произведения печати была фактически открыта возможность организации и функционирования частно-кооперативных издательских фирм. Что же касается полиграфических предприятий, то СТО принял постановление, устанавливающее в типографиях оплату за фактически сделанную работу. По этому постановлению часть полученных сумм шла на покрытие хозяйственных расходов типографии, а часть отчислялась в фонд заработной платы.

После всего сказанного становится понятным, почему Витязев, в отличие от своих предшественников, адресовал «докладную записку» не в Совнарком, а в СТО, по поручению которого в эти дни работала комиссия Аникста, и почему Горбунову потребовалось чуть ли не полтора месяца, чтоб ему ответить.

Поскольку записка Луначарского Ленину не найдена, можно лишь предположительно трактовать ее содержание. Известно, что Луначарский был противником муниципализации издательств, он крайне осторожно относился и к их национализации.

Так, например, когда в июне 1920 г. Петроградский Совет муниципализировал ряд крупнейших частных издательств, Луначарский писал председателю Петросовета, что он протестовал бы против их национализации, но «протестует вдвое против их муниципализации» (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 2, л. 344). Кстати, он вообще считал, «что в тех случаях, когда технические возможности издания имеются, независимо от наших ресурсов, нам следует оказывать всякому делу издательства (кроме контрреволюционных) всяческую поддержку» (там же, ед. хр. 213, л. 147). Эта мысль, по всей вероятности, и легла в основе его ответа Ленину.

Последнее подтверждается и письмом Бюро кооперативно-издательских объединений писателей Луначарскому (сентябрь 1921 г.), где, в частности, сообщалось, что оно «с признательностью встретило выражение сочувствия в Вашем ответе на записку Бюро и приглашение представить юридически сформулированный проект законодательного акта, который, по мнению Бюро, должен быть издан» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 696, л. 77).

Хотя декрет «О частных издательствах» и был принят после окончания работ комиссии Аникста, решение вопроса было продиктовано всем ходом его обсуждения в Совете Труда и Оборонь. Это лучше всего характеризует отношение к вопросу Ленина.

Постановление рассматривало взаимоотношения государства и частных издательств, предусматривая идеологический контроль над их деятельностью. Тревога Ленина.

прочитавшего в начале февраля в одной из газет о функционировании в Москве 143 частных издательств, вызывалась отнюдь не самим фактом их существования, а поистине их астрономической цифрой. В Советской России в тот момент не было ни технических возможностей для их нормальной деятельности, ни достаточных литературных сил. И действительно, большая часть из зарегистрированных частных издательств так и не выпустила ни одной книги. Для владельцев этих, в сущности, фиктивных предприятий заявка «под издательство» была лишь одной из возможных форм приложения капитала.

Подобные «коммерческие» издательства представляли определенную опасность, так как внутренние ресурсы страны имели известные рамки.

Ленин просил Управляющего делами Совнаркома выявить, «какой личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции. Какова их гражданская ответственность, а равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим в Госиздате» («Ленинский сб.», XXV, стр. 321).

Насколько серьезно интересовал Ленина затронутый вопрос, свидетельствуют и такие факты. Еще 18 января 1922 г. замнаркома просвещения Литкенс просил О. Ю. Шмидта незамедлительно представить в Совнарком «точный отчет во исполнение постановления СНК от 12.XII.21 г. по вопросу о частных издательствах по всем пунктам». А 21 февраля 1922 г. управляющий делами Совнаркома направил срочную телефонограмму Мещерякову с просьбой выслать «дополнительную справку о составе коллегии Московского губиздата, кто в Московском губиздате персонально отвечает за разрешение тех или иных издательств» (ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 286, л. 79).

Благодаря предпринятым мерам, частно-кооперативные издательства получили возможность нормальной деятельности и сыграли не малую роль в развитии советской культуры.

Интересно отметить, что в библиотеке В. И. Ленина в Кремле сохранились две книжки, содержащие, хотя и тенденциозно подобранный, но весьма обширный материал, характеризующий положение частного книгоиздательства в 1921 г. Одна из них — брошюра П. Витязева — так и называлась: «Частные издательства в Советской России» (Пг., 1921, 64 стр.), другая — «Отчет Чрезвычайного общего собрания членов товарищества „Задруга“ и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г.» (Пг., 1922, 86 стр.). На этом сборнике Владимир Ильич сделал надпись: «Особо сохранить. Л е н и н» («Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог». М., 1961, стр. 529—531).

217

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

3.VIII.1921 г.

т. ЛУНАЧАРСКОМУ
КОПИЯ т. ЛИТКЕНСУ
и т. МОЛОТОВУ
и т. КИСЕЛЕВУ

Вы направили ко мне копию Вашего письма т. Киселеву от 26/7. Я нахожусь и тон и содержание этого письма Вашего неправильными.

Виноваты, по-моему, всецело Вы или, может быть, заведующий административной частью НКпроса т. Литкенс, — виноваты тем, что не следили за постановлениями Малого СНК (первое от 22/VI !!!) и не обращались вовремя в СНК с просьбой о пересмотре решения Малого СНК.

В решении Малого СНК я лично ничего неправильного не вижу, ибо т. Киселев удостоверил мне, что т. Гринберг в Малом СНК присутствовал.

Пред. СНК В. У л ь я н о в (Л е н и н)

Л е н и н, т. 53, стр. 91—92.

См. письмо Горбунова Луначарскому (по поручению Ленина) 13 июля 1921 г. и примечания к нему, а также письмо Луначарского в Малый Совнарком 26 июля 1921 г. (стр. 294—298 и 298—299 настоящ. тома).

218

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

4/VIII—1921 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Я очень извиняюсь. Когда до моего сведения дошло совершенно частным образом, что имеется особая комиссия по театральной политике при Малом Совете Народных Комиссаров, которая собирает какие-то сведения, а также вырабатывает какой-то план, без всякого уведомления меня, — я, действительно, очень рассердился и запросил Литкенса, знает ли он что-нибудь об этом. Литкенс с величайшим удовольствием отозвался, что ровно ничего не знает. В течение трех дней на мою телефонограмму по этому поводу тов. Киселев или, вернее, секретариат Малого Совнаркома мне ничего не ответил. Между тем оказалось, что вина, действительно, Наркомпроса, но не моя и не Литкенса в данном случае, а т. Гринберга. Т. Гринберг на заседании был, на устройство комиссии согласился и ни единым словом ни мне, ни Литкенсу об этом не обмолвился. Когда это дело выяснилось, я, конечно, был несколько сконфужен, а Гринбергу мы сделали весьма строгое внушение. Прошу считать инцидент исчерпанным.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман

Сверху надпись Ленина:

«Тов. Киселеву»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20179, л. 1—1 об. Ответ на письмо Ленина 3 августа 1921 г. (см. стр. 307). См. также настоящ. том, стр. 294, 298—299.

26 сентября 1921 г. Малый Совнарком (прот. 754, п. 4) утвердил временные штаты комиссии по обследованию театров на четыре месяца. Постановление было подписано Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21027, л. 2). Малый Совнарком (прот. 756, п. 4) разрешил аванс 3 миллиона руб. на работу комиссии. Постановление подписано Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21115, лл. 1, 2, 4, 5). 7 октября Малый Совнарком (прот. 760, п. 6) поручил комиссии под председательством Киселева рассмотреть вопрос о театральной политике, управлении театрами и взаимоотношениях между академическими театрами, Всерабисом и Московским Советом. Предложено было дополнительно вызвать представителей от некоторых ведомств (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21254, л. 3). 24 октября и 26 октября Малый Совнарком рассматривал работу театральной комиссии и постановил внести на пленарное заседание вопрос об упразднении этой комиссии (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21561 и 21611). На заседаниях Малого Совнаркома 15, 18, 23 ноября (прот. 779, 781, 783) вновь ставился вопрос о театральной комиссии и, наконец, 30 ноября 1921 г. (прот. 788, п. 8) было вынесено окончательное решение о роспуске комиссии (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22283, л. 4).

219

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
(ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА)
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

12 августа 1921

В ГОСИЗДАТ
С КОПИЕЙ УПРАВЛЕНИЮ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА

Хотя я и не смог ознакомиться с самою рукописью большого труда тов. Морозова «Христос и его время», но после устного доклада автора о ее содержании с демонстрацией некоторых таблиц нахожу чрезвычайно

ЛЕНИН НА СТУПЕНЬКАХ ТРИБУНЫ ВО ВРЕМЯ ЗАСЕДАНИЯ III КОНГРЕССА
КОМИНТЕРНА В БЫВШЕМ АНДРЕЕВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

28 июня, 1 или 5 июля 1921 г.

Фотография В. К. Буллы

желательным и даже необходимым всемерно ускорить выпуск этой книги в свет.

Так как труд велик (3 тома, 50 листов в общем), и мы всё еще не вышли из острого бумажного кризиса, предложил бы Петербургскому отделению Госиздата, во избежание задержки выхода в свет этой книги, лучше сократить количество экземпляров, хотя бы в количестве 4000.

Нарком по просвещению Л у н а ч а р с к и й
Секретарь Ф л а к с е р м а н

«История СССР», 1965, № 2, стр. 86. На документе пометка секретаря Совнаркома Ю. Алейникова: «В архив. Дела и материал находятся у т. В. И. Ленина». Морозов писал:

«Дорогой и высокоуважаемый Владимир Ильич,

сейчас тов. Теодорович сообщил мне о своем разговоре с Вами. Моя книга ни в какой мере не „богоискательская“, а совершенно определенно атеистическая в научном смысле этого слова.

Ее основа — колебание всех ветхозаветных и новозаветных религиозных сообщений, основанное на определении времени этих событий астрономическим способом, причем оказывается полное несогласие хронологии и естественное объяснение всякой мистики.

Прилагаю отзыв Луначарского.

Ввиду мистических настроений современного момента, мне кажется исключительно своевременным выпуск моей книги и потому надеюсь, что Вы укажете Госиздату на необходимость самого спешного печатания моей работы.

С сердечным пожеланием полного успеха в Вашей тяжелой государственной работе

Ваш Николай Морозов

Москва

18 авг<уста> 1921 г.» (ЦПА ИМЛ, ф. 5, ед. хр. 31078).

На обороте отзыва Луначарского, приложенного к этому письму, была сделана надпись Ленина Фотневой (Л е н и н, т. 53, стр. 130):

19/VIII

Лидия Александровна!

Это не то. Я просил найти старый другой отзыв.

Найдите и пришлите это еще раз вместе со старым отзывом (Покровского? Не помню, чей был этот отзыв).

Противоречие между письмами Луначарского Ленину 13 апреля и 12 августа в Госиздат можно объяснить тем, что Луначарский пересмотрел свой первоначальный отзыв. В Полном собрании сочинений Ленина, т. 53, стр. 403, примеч. 145, ошибочно указано, что Луначарский позднее отрицательно отзывался о работе Морозова как ненаучной.

Уже после смерти Ленина книга Морозова «Христос» была издана в 7 томах (1924—1932 гг.) и вызвала критику советских историков (см. Н. М. Н и к о л ь с к и й. Астрономический переворот в исторической науке. — «Новый мир», 1923, № 1, стр. 157—175; П. Ф. П р е о б р а ж е н с к и й. Николай Морозов и наука о человеке. — «Антирелигиозник», 1926, № 11, стр. 41—47; М. М и ш у л и н. История с астрономией или астрономия против истории. «Революция и культура», 1930, № 23, стр. 69—80; статьи в журнале «Антирелигиозник» за 1933 г., №№ 1, 2, 3).

25/8 1921 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
тов. ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

У меня накопилось очень многое для беседы с Вами. Не сделайте из этого вывода, что я буду требовать у Вас длительной беседы. В общем,

мне кажется, достаточно будет четверти часа, чтобы исчерпать самый коренной и важный вопрос. При удовлетворительном его разрешении отпадают все остальные. Заявляю Вам об этом потому, чтобы Вы не думали, что вопрос, по которому я сейчас к Вам обращаюсь, стоит для меня на самом первом плане. — Нет. Есть гораздо более сложные и гораздо более важные, прямо кричащие своей настоятельностью, но их я оставляю до этой кратковременной беседы с Вами, ожидая, что Вы вызовете меня в первую свободную минутку. Очень прошу Вас об этом.

Сейчас же я очень прошу Вас прочесть письмо В. И. Немировича-Данченко ко мне. Владимир Ильич! (<...>) Ни за что не хотят понять, что среди обывателей, так сказать, первого класса, среди больших специалистов есть люди в десять тысяч раз более честные, чем в каком-нибудь ЦК Всерабиса. Художественному театру можно верить. Художественный театр можно спасти, при условии, что Художественный театр будет разбит на три группы: заграничную, русскую и провинциальную, которые будут постоянно меняться местами. Нам не придется тратить на Художественный театр ни копейки, и мы будем иметь первоклассный театр. Лично я заслужил, смело могу сказать, большую симпатию и Станиславского, и Немировича-Данченко, и почти всего без исключения состава Художественного театра и Первой студии. Я говорю, как действительно знающий эти вещи.

Не будете ли Вы так добры, не дадите ли Вы мне директиву, не возбудите ли где-нибудь не в партийном порядке (право же, давайте бросим разбирать в партийном порядке второстепенные и третьестепенные вопросы), а в советском порядке вопрос о широком, в европейском масштабе, урегулировании вопроса о Художественном театре.

Я совершенно убежден, что (<...>) например, тов. Красин и Рыков, без всякого сомнения выскажутся за этот план. Давайте начнем маленький экспорт сразу в таком прекрасном виде. Мы получим несомненно сильнейшую труппу вместе с Книппер и Качаловым назад.

Но если этого нельзя, напишите мне — нельзя, или протелефонируйте, или скажите при нашей беседе: «нельзя», и я буду знать, что Художественный театр положен в гроб, в котором и задохнется. По крайней мере буду знать, что сделано это с полной сознательностью, потому что только тогда имеешь ощущение, что что-нибудь сделано с полной ясностью и сознательностью, когда дело доведено до Вас и когда Вы сказали свое да или нет.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 8558.

В начале августа Ленин написал записку Покровскому о том, что Луначарскому необходимо больше времени посвящать делам народного образования и относительно меньше — театрам:

«Тов. Луначарский приехал.

Наконец!

Запрягите его, Христа ради, изо всех сил на работу по профессиональному образованию, по единой трудовой школе и пр.

Не позволяйте на театр!!

Ленин» (Ленин, т. 53, стр. 92)

Но обстоятельства сложились так, что Луначарский вновь (как видно из публикуемого письма) обратился к Ленину с ходатайством по театральным делам.

20 августа Вл. И. Немирович-Данченко направил Луначарскому письмо с предложением организовать несколько групп Художественного театра, которые бы работали за границей, в Москве и в провинции, гастролируя, смежая одна другую. По мнению Немировича, реализация этого предложения вернула бы в Россию основной состав Художественного театра, находившийся тогда в Америке и стремившийся возвратиться домой, и дала бы передышку артистам, работавшим в Москве.

Копию этого письма Немирович-Данченко послал Горькому, и Горький сразу же сочувственно на него откликнулся (см. «Ленин и Горький», стр. 285). Луначарский переслал письмо Ленину с просьбой телефонировать ему решение по этому вопросу.

В ответ на это письмо Ленин продиктовал Фотиевой телефонограмму для Луначарского (см. стр. 313). Используя выражение Луначарского, Ленин посоветовал «театры положить в гроб». Примерно к этому времени относится докладная записка секретаря ЦК Н. Н. Крестинского, в которой указывалось, что по смете Наркомпроса расход на содержание театров исчислен в 29 миллиардов (Ленин эту цифру подчеркнул), а на высшие учебные заведения — 17 миллиардов руб. Ленин цифру 17 также подчеркнул, а на полях, отметив этот абзац тремя линиями, написал «безобразия» и поставил два восклицательных знака. 2 ноября 1921 г. Ленин сделал на этом документе надпись о том, что нужно составить за его подписью отношение в Наркомфин, НК РКИ и Малый Совнарком, чтобы в недельный срок внести проекты постановлений для борьбы с указанными нарушениями закона.

«Как можно было терпеть до сих пор указанные в этой бумаге безобразия? в частности, у НКпроса перерасход на театры?» (Л е н и н, т. 53, стр. 158).

Особой припиской Ленин поручил Горбунову проследить за исполнением дела в срок, аккуратно.

4 сентября Ленин, узнав о решении Президиума ВЦИК выделить 1 миллиард руб. на театры, обратился с запиской к секретарю ЦК (Молотову), предложив отменить через Политбюро выдачу этих денег: «Это незаконно. Это верх безобразия. Я требую отмены через Политбюро. Л е н и н» (Л е н и н, т. 53, стр. 170).

6 сентября Политбюро заслушало этот вопрос и указало Президиуму ВЦИК, что необходимо передать решение об ассигновании денег театрам на рассмотрение Совнаркома.

3 ноября 1921 г. председатель МГСПС Мельничанский, узнав, что работники академических театров получили согласие Ленина принять их, направил Ленину письмо с приложением протоколов — постановлений заседаний президиума МГСПС, бюро фракций МГСПС и выводов комиссии по обследованию конфликта с академическими театрами.

Мельничанский писал, что президиум МГСПС считает академические театры абсолютно непригодными обслуживать широкие пролетарские массы. В письме говорилось, что необходима полная реорганизация лучших театров республики, «в частности Большого театра, таким образом, чтобы вопреки нежеланию работников АРТЕО, театральное искусство стало искусством для пролетарских масс, а не для мелкобуржуазной и спекулятивной публики» (ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 31021). В приложенных протоколах указывалось на необходимость замены Малиновской (директора Большого театра) Плетневым (см. там же, л. 2).

12 января 1922 г. Ленин пишет секретарю ЦК (Молотову) о необходимости отменить постановление Совнаркома по докладу Луначарского о сохранении Большой оперы и балета. Ленин предлагает увеличить ассигнования на школы и ликвидацию неграмотности и провести через Политбюро постановление, отменяющее решение Совнаркома. Оставить в Москву и Петроград несколько десятков артистов оперы и балета на хозрасчете (этим устранились крупные расходы на постановки). Луначарскому ставилось на вид внесение на голосование Совнаркома отменяемого постановления (Л е н и н, т. 54, стр. 110).

В тот же день Политбюро ЦК приняло решение: «Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК о сохранении Большой оперы и балета».

17 января 1922 г. Политбюро, заслушав Луначарского, поручило ВЦИК рассмотреть это заявление по существу.

6 февраля Президиум ВЦИК по вопросу о Большом театре вынес решение: «Довести до сведения Политбюро ЦК РКП(б), что фракция Президиума ВЦИК, рассмотрев письмо Луначарского и заслушав объяснения Малиновской, находит закрытие Большого театра хозяйственно нецелесообразным» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 280, л. 14).

9 февраля 1922 г. Политбюро, вернувшись к вопросу о закрытии Большого театра, поручило НК РКИ представить точный расчет содержания Большого театра и того сокращения расходов, которое можно было бы получить при его закрытии.

13 марта Политбюро заслушало Аванесова — замнаркома РКИ и решило удовлетворить ходатайство ВЦИК.

26 октября Политбюро создало комиссию (в нее вошли Луначарский, Каменев и Свидерский), которой было поручено разработать план сокращения субсидии на театры, с тем, чтобы наиболее убыточные Марининский и Большой театры, в случае неспособности их при минимальной субсидии перейти на хозрасчет, закрыть.

31 октября Ленин запиской запросил Луначарского, почему не собирается комиссия, на что Луначарский ему ответил, что комиссия немедленно соберется (настоящ. том, стр. 366—367).

2 ноября Политбюро заслушало доклад комиссии и признало невозможным перевод Большого и Мариинского театров на самоокупаемость и вследствие этого, считая, что будет сэкономлено 395 миллионов, постановило закрыть Большой и Мариинский театры, ассигновать необходимые средства на охрану зданий. «Освободившиеся 395 миллионов ассигновать на нужды народного образования — на содержание учащихся и учащихся I-й ступени, на ликвидацию безграмотности и на библиотеки». Распределение этих сумм Политбюро возложило на комиссию в составе Крупской, Яковлевой и Бема. Все же ЦК образовал специальную комиссию, которой предоставлялось право обсудить предложения, при реализации которых закрытие театров явилось бы излишним. «Одним из членов Комиссии назначить тов. Колегаева, которому поручить ориентироваться и сделать доклад тт. Сталину и Каменеву и договориться с ними о других членах комиссии».

8 ноября Луначарский обращается с письмом к Ленину с просьбой ознакомиться с отчетом о пятилетней работе государственных Петроградских театров (см. настоящ. том, стр. 369—370).

10 ноября Луначарский вновь обращается к Ленину с просьбой прочесть обращение Петроградского губкома, губисполкома и губпрофсовета, которые просят не закрывать Мариинский театр (см. стр. 372).

16 ноября Ленин беседует с А. Л. Колегаевым о сокращении субсидий государственным театрам (см. Ленин, т. 45, стр. 700).

16 ноября Политбюро утвердило по предложению Ленина «проект мандата т. Колегаеву», поручив ему «провести в жизнь постановление о сокращении субсидии гостеатрам».

Текст постановления с поправками Ленина находится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 25066.

4 декабря Ленин беседует с А. Л. Колегаевым относительно выполнения постановления СНК от 16 ноября 1922 г. о сокращении субсидий государственным театрам (см. Ленин, т. 45, стр. 704).

В статье «Для чего мы сохраняем Большой театр» Луначарский писал: «Неоднократно хотели закрыть Большой театр, чтобы сократить таким образом государственные расходы; сокращения, в сущности, не добились, ибо выяснено, что те издержки, которые государство сейчас несет по Большому театру, даже несколько меньше тех, которые пришлось бы нести просто по охране здания Большого театра и по содержанию оркестра, распускать который, конечно, никто никогда не думал» («Московский Большой театр. 1825—1925». М., 1925, стр. 13—26).

221

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<26 августа 1921 г.>

Телефонограмма А. В. Луначарскому

т. Луначарскому

Принять никак не могу, так как болен.

Все театры советую положить в гроб.

Наркому просвещения надлежит заниматься не театром, а обучением грамоте.

Л е н и н

Л е н и н, т. 53, стр. 142.

Телефонограмма является ответом на письмо Луначарского Ленину 25 августа 1921 г. См. примечания к этому письму (стр. 311—313).

222

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

тов. Луначарский!

3 сентября 1921 г.

Насчет Гильбо. Просит ему помочь. Жалуется на бюрократизм ужасный. Нельзя ли узнать, где и в чем препятствие? Я бы хотел ему помочь. Перешлите это, пожалуйста, также т. Литкенсу, чтобы и он от себя сделал, что надо.

Привет! Ваш Ленин

«Ленинский сб.», XXIII, стр. 325. Записка написана рукой секретаря.

Анри Гильбо (1885—1938), — французский социалист, журналист и поэт. В 1915—1916 гг. в Женеве издавал демократический анти милитаристский журнал «Demain», в котором публиковались статьи Ленина и Луначарского. Делегат II конгресса Коминтерна от Французской социалистической партии. Затем работал в Исполнительном комитете Коминтерна. В этот период он часто встречался с Лениным, который написал предисловие к книге Гильбо «Социализм или синдикализм во Франции во время войны 1914—1918 гг. Исторический очерк» (издание на французском языке — Пг., 1919, и на русском языке — Пг., 1920). Книга Гильбо «Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни» только в переводе на русский язык в 1924—1925 гг. выдержала пять изданий.

Живя в России, Гильбо написал ряд поэм на материале русской революционной действительности: «Ленин», «Красный Кремль», «Рапсодии», «Легенда о трех волках» и др.

В 1920-х годах Гильбо переехал в Берлин, где работал корреспондентом газеты «L'Humanité». Впоследствии перешел на троцкистские позиции и в последние годы жизни враждебно относился к СССР.

15 сентября 1920 г. Луначарский писал в московский Дом печати: «Товарищ Гильбо выразил желание прочесть в небольшом зале под моим председательством несколько своих произведений, в том числе и написанных здесь, в России. Чтение будет произведено на французском языке, поэтому пригласить следует только лиц, этим языком владеющих. Вечер представляет, конечно, выдающийся интерес» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 137).

Записка Ленина, по-видимому, имеет отношение к истории издания поэмы Гильбо «Рапсодии» на французском языке.

Среди бумаг М. Н. Покровского, заместителя Луначарского по Наркомпроу и члена редколлегии Госиздата РСФСР, сохранилась небольшая записка секретаря Ленина Л. А. Фотиевой от 2 июня 1921 г.: «Михаил Николаевич, Владимир Ильич просит Вас дать заключение по прилагаемой просьбе Гильбо. Пожалуйста, верните мне эту бумажку (Гильбо)» (ЦГА РСФСР, ф. 2308, оп. 1, ед. хр. 33, л. 100). Отзыва Покровского найти не удалось (возможно, он был дан лично или по телефону), но как явствует из нижеприводимых документов, Госиздат дал формальное согласие на издание рукописи Гильбо.

Однако в период коренной реорганизации всего издательства было не до издания небольшой поэмы ограниченным тиражом да еще на французском языке.

Сохранилось несколько писем Луначарского в Госиздат о поэме Гильбо. Так, 12 августа 1921 г. он напоминал: «Давно уже мною переслана вам для издания на французском языке в ограниченном количестве экземпляров небольшая поэма Гильбо „Рапсодии“» (ЦГА РСФСР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 189, л. 580). 25 августа он снова напоминает издательству о поэме (там же, ед. хр. 180, л. 130).

Безуспешность этих напоминаний Луначарского, очевидно, вынудила Гильбо снова обратиться к Ленину с просьбой личного вмешательства в это дело. Ленин не знал об уже предпринятых Луначарским попытках подтолкнуть Госиздат и потому сразу же обратился к нему как к наркому просвещения, которому подчинялось все издательское дело в Республике.

Получив записку Ленина, Луначарский затребовал из Госиздата рукопись Гильбо и 10 сентября 1921 г. послал телеграмму зав. петроградским отделением Госиздата И. И. Ионову (в Петрограде была своя редакционная коллегия): «т. Ионову. Чуть не полгода бьемся напечатать в 1 тыс. экземпляров на французском языке сочинения товарища по Коминтерну Гильбо. До сих пор не удалось, хотя Госиздат обещал это. Посылаю Вам рукопись, знаю, что Вы это сделаете. Корректуру шлите по прилагаемому адресу автора» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 456, л. 70 об.). Ионов, постоянно отставивший независимость петроградского Госиздата от Московского правления, откликнулся сразу: «Рукопись Анри Гильбо принята к изданию и сдана в печать» (там же, л. 70).

В архиве Наркомпроса сохранилось письмо Луначарского заведующему Центром тов. Максимовскому: «Прошу принять меры к скорейшей выдаче всех необходимых документов и денег на путевые расходы тов. Анри Гильбо, имеющего поехать в Берлин для редактирования там информационного бюллетеня Наркомпроса. Распоряжение дается мною на основании особого письма Предсовнаркома тов. В. И. Ленина, который просит об ускорении проведения этого дела.

Нарком по просвещению А. Луначарский (ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, ед. хр. 551, л. 164).

223

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСИ ЛЕНИНА

7/IX—1921 г.

т. ЛЕНИНУ

КОПИЯ В ЦК РКП тов. МОЛОТОВУ

КОПИЯ т. ЛИТКЕНСУ, КОПИЯ т. ПОКРОВСКОМУ

По соглашению между мною и т. Литкенсом Центральным Комитетом была дана нам к руководству мною же фактически составленная конституция, согласно которой распоряжения по Организационному центру, а также всякого рода обращения в Совнарком должны проводиться не иначе, как с ведома зам. наркома, во избежание всяких недоразумений между нами. Я полагаю, однако, что это отнюдь не значит, что распоряжения мои для зам. наркома не были бы обязательными, в том случае, когда они были даны.

При сем прилагаю телефонограмму, которая является моим распоряжением т. Невельсону, ввиду, на мой взгляд, постоянного обхода при распределении пайков некоторых весьма усердно работающих в моем секретариате лиц. Тт. Литкенсу и Невельсону менее известна работа этих лиц, чем я и объясняю их невольную несправедливость.

Как Вы видите, ввиду того, что дело это тянется и что секретариат от этого страдает, я приписал в конце: «распоряжение прошу считать категорическим и исполнить тотчас же». Приписка на обратной стороне, сделанная т. Литкенсом, роняет престиж комиссара народного просвещения, так как единственно, что Литкенс мог сделать, это снести немедленно со мной и представить мне свои соображения, если ему кажется, что распоряжение мое такие соображения вызывает, причем окончательное решение должно во всяком случае остаться за мною.

Если даже в таком ничтожном деле, как приурочение пайка одной из непосредственно обслуживающих меня сотрудниц, я могу натолкнуться на такого рода обстоятельство, проходящее потом по всем канцеляриям, как это видно из прилагаемого листка за подписью секретаря общей канцелярии, то вместо порядка у нас получается полное нарушение всякой дисциплины.

Ввиду этого я прошу Центральный Комитет партии, независимо от того, было ли правильно послать мое распоряжение непосредственно Литкенсу или Невельсону, разъяснить тов. Литкенсу, что распоряжения мои для него обязательны и могут подлежать лишь обжалованию в том порядке, в котором конституция допускает обжалование на действия наркома за всяким членом коллегии. Инцидент сам по себе ничтожный, но ставящий меня в столь ложное положение, что без удовлетворительного разъяснения его Центральным Комитетом я полагаю мою совместную работу с Евграфом Александровичем Литкенсом невозможной.

Нарком по просвещению — А. Луначарский
Секретарь А. Флаксерман

Очень прошу прочесть прилагаемые документы и обратить внимание на тон т. Литкенса.

А. Луначарский

НАРКОМУ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
тов. ЛУНАЧАРСКОМУ

3/IX—21
№ 62/16

При сем препровождается Ваша телефонограмма за № 284 по поводу пайка Кашкиной, с ответом на нее т. Литкенса.

Секретарь общей канцелярии <подпись>

Копия верна: секретарь наркома А. Флаксерман

Телефонограмма № 284 тов. Невельсону

Предлагаю немедленно установить паек для сотрудницы моего секретариата тов. Кашкиной с июня месяца. Распоряжение мое прошу считать категорическим и исполнить тотчас же.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Передал Аронов

Приписка на обороте телефонограммы:

Сообщить А. В. Луначарскому, что это распоряжение, как безусловно нарушающее основное положение, утвержденное ЦК РКП о порядке прохождения распоряжений по НКП, не должно быть исполнено.

Е. Литкенс. 2/IX—21

Копия верна: секретарь наркома А. Флаксерман

На сопроводительной записке к этим документам надписи Ленина:

«в архив»

«(конфл<икт> Лунач<арского> с Литк<енсом>). IX 1921»).

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 9004, л. 2.

Надписи Ленина — ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20688, л. 2.

8 декабря 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) принял постановление о реорганизации Наркомпроса. В основу постановления был положен проект, написанный Лениным с добавлением 2-го пункта, который гласил: «Руководство работой Наркомпроса в области организационной и административно-распорядительной в широком всероссийском масштабе, равно как и внутри самого аппарата Наркомпроса, осуществляется народным комиссаром только через помощника» (см. Л е н и н, т. 42, стр. 463).

В тот же день, когда было написано публикуемое письмо Луначарского, Литкенс направил в ЦК свои разъяснения:

«7 сентября 1921 г.

В ЦК РКП

По поводу письма тов. Луначарского должен сообщить следующее:

1. Вопрос об отсутствии системы работы у Анатолия Васильевича много раз ставился на партийное обсуждение, результатом чего явилась выработка особого положения, регулирующего наши внутренние взаимоотношения, под названием «Для уточнения директив ЦК о порядке управления Комиссариатом».

Согласно основным принципам этих директив, на мне лежит непосредственная ответственность за всю административную часть. Все вопросы, относительно принадлежности которых к компетенции наркома или одного из его заместителей возникают сомнения, разрешаются по соглашению руководящей тройки.

В течение всего времени моего пребывания в Комиссариате я всеми мерами старался устранять возможные столкновения.

С этой целью был установлен порядок прохождения через меня всех распоряжений наркома, в частности, было установлено и за подписью А. В. опубликовано распоряжение о недействительности бумаг, исходящих от него, в том случае, если они не скреплены секретарем.

2. Основными бумагами и распоряжениями, с которыми приходится бороться, являются частные записки об удовлетворении ходатайств отдельных лиц и учреждений самого разнообразного характера, совершенно выбивающие из колеи плановой работы все работающие аппараты. Они получают обычно под напором просителей без достаточного взвешивания основательности существа этих мелочных распоряжений и необдуманно в смысле порядка их направления. При прохождении их через меня мне приходится или парализовать большую часть их или давать им надлежащее направление.

3. Данный случай есть не только обычное распоряжение по содержанию, но и нарушает порядок прохождения их через меня, минуя собственный аппарат секретариата наркома (подписи секретаря нет), отменяет только что перед этим изданное мною распоряжение о твердом плановом распределении пайков между органами и учреждениями, делает эти мои распоряжения недостаточно авторитетными, устраняет всякую возможность твердого упорядочения рабочего аппарата Наркомпроса.

4. Был период времени, когда удалось значительно сократить прием просителей и уменьшить количество неосновательных записок, идущих из кабинета А. В. За последнее время возобновились случаи непосредственных приказаний, минуя нормальную подчиненность органов, нарушающих правила разграничения функций, и я вынужден был подтвердить ответственным коммунистам необходимость исполнения директив ЦК о порядке управления.

5. В данном случае формулировка приказа, отданного Невельсону А. В., была настолько категорична, что Невельсон за своей ответственностью не мог его исполнить, и эту ответственность мне пришлось взять на себя.

6. По вопросу о ложном положении, создающемся неисполнением распоряжения, должен сказать, что это ложное положение создается постоянно ежедневными распоряжениями, и данный случай не представляет из себя исключения.

До сих пор эти распоряжения никогда не отдавались в такой форме, и поэтому была возможность иного реагирования на них.

Я считаю, что постановка данного вопроса на рассмотрение ЦК является попыткой во будить общий вопрос на фоне отдельного случая. Для себя считаю совершенно невозможным (не лично, а в интересах всего рабочего аппарата) вынесение просимого А. В. решения, оно должно будет вызвать немедленную просьбу с моей стороны о моем освобождении.

Положение равновесия при теперешнем составе Наркомпроса можно сохранять только при щепетильном соблюдении постановления ЦК «Об уточнении директив». Мне кажется поэтому, что выводом из всего этого инцидента должно быть предложение всем ответственным коммунистам Наркомпроса безусловного и неуклонного выполнения директив ЦК.

Зам. наркомпрос <Е. Литкенс> (Машинописная копия. ЦГА РСФСР, ф: 2306, оп. 1, ед. хр. 3334, лл. 62—63).

7 сентября Ленин писал членам Политбюро, что Луначарский «безусловно неправ. Административные и организационные дела (а в том числе безусловно и пайки) не могут вершиться им без Литкенса, и распоряжения Луначарского не могут быть признаны обязательными для Литкенса» (Ленин, т. 53, стр. 179—180). На другой день, 8 сентября, Политбюро рассмотрело взаимоотношения Луначарского и Литкенса и постановило считать необязательным для Литкенса распоряжения Луначарского по административно-организационным вопросам.

224

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ЗАПИСКА ЛЕНИНА СЕКРЕТАРЮ

Телефонограмма

<Сентябрь, не ранее 10, 1921 г.>

Дорогой Вл<адимир> Ильич!

Тов<арищ> Каменев советует мне выехать сегодня в Ригу и ждать визы там. По-видимому, виза несомненная. Опаздывать не хочется. Без разговора с Вами не могу. Прошу назначить мне час.

Луначарский

Передал Флаксерман
Приняла Падерина
12 ч. 40 м.

Внизу рукой Ленина:

«Согласен. Как только кончу П<олит>Бюро.
Следите. Сообщите ему.»

Ленин

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20727. Датируется по содержанию.

6 сентября 1921 г. на Президиуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) был утвержден проект телеграммы Центральному Комитету Итальянской социалистической партии и были выбраны представители на съезд Итальянской социалистической партии в Милане К. Цеткин и В. Валецкий и в случае получения разрешения на въезд — Луначарский (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23887, л. 1). 8 сентября Ленин написал записку председателю Коминтерна Зиновьеву:

«Я не возражаю против посылки Луначарского в Италию. Ему наверное не разрешат. Если разрешат, я советую потщательнее формулировать инструкцию ему.

Л е н и н.

8/IX»

«Ленинский сб.», XXXVII, стр. 319. 10 сентября 1921 г. просьба Президиума ИККИ дать согласие на поездку Луначарского на съезд Итальянской социалистической партии в Милане в качестве делегата Коминтерна была заслушана в ЦК партии и было принято решение просьбу удовлетворить (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 200, п. 5).

Поставленный в известность об этом решении Луначарский прислал Ленину публикуемую телефограмму. Поездка Луначарского не состоялась.

На основании материалов съезда Итальянской социалистической партии Луначарский по поручению Ленина написал брошюру «Гр. Гиацинт Серрати, или революционно-оппортунистическая амфибия» (см. об этом комментарий к письму Луначарского Ленину 28 ноября 1921 г., настоящ. том, стр. 336—340).

225

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСИ, ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА

(11 сентября 1921 г.)

Дорогой Владимир Ильич.

Я давно уже хотел более или менее обстоятельно поговорить с Вами или представить Вам обстоятельный доклад о совершенно катастрофическом положении, в котором находится Наркомпрос. Но в данный момент я от этого воздерживаюсь, потому что знаю Ваше нынешнее недовольство моей «расточительностью» и моей «слабостью характера» и, представьте себе, даже не хочу несколько оспаривать те пустяки, которые Вам наговорили, и тот неправильный взгляд на эту часть политики Наркомпроса, который у Вас установился.

Я не хотел бы ни спорить по этому поводу при чрезвычайно невыгодной для меня ситуации, ни делать Вам доклад, очень печальный по своим выводам и приводящий меня к признанию продолжающегося, и притом ускоренно продолжающегося, *развала Наркомпроса*, несмотря на фактическое управление им т. Литкенсом, — в такой момент, когда Вы, пожалуй, почтете этот доклад, давно мною подготовленный, за плод конфликта, или, как говорят, склоки, которая сейчас возникла между мной и тов. Литкенсом, ввиду совершенно, на мой взгляд, *недопустимого и нетоварищеского* способа отстаивания им своих никем не оспариваемых прав и привилегий. М. Н. Покровский и тов. Сталин, два единственных лица, которым я, кроме *официальной бумажки в ЦК партии, показывал ответ тов. Литкенса* на одно мое распоряжение, оба пришли в негодование и оба одинаково оценили это как *большую наглость*. Но так как ЦК оценивает это иначе и обратил внимание совсем не на то, на что надо было обратить внимание, то, действительно, дальнейшее разбирательство в этом отношении было бы склоккой, и поэтому я его прекращаю. Не будем говорить об этом, а будем говорить о более или менее рациональном использовании моих и по Вашей оценке, как я уверен, недюжинных сил.

В Наркомпросе я сейчас совершенно не нужен. Очень желательно, конечно, проводить в нашем Наркомате чистую линию, но при чистой

ЛЕНИН НА ИСПЫТАНИИ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ЭЛЕКТРОПЛУГА
В УЧЕБНО-ОПЫТНОМ ХОЗЯЙСТВЕ МОСКОВСКОГО ЗООТЕХНИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА (БУТЫРСКИЙ ХУТОР)

22 октября 1921 г.

Фотография Ф. Зубкова

линии тов. Литкенса моя роль становится довольно смешной, а для Наркомпроса в высшей степени бесполезной. Времени у меня Наркомпрос отнимает огромное количество. К тому же предстоит целый ряд съездов, на которых мне придется выступать с программными речами, защищая *не мою* программу и отвечая *не за свои* промахи, — вещь неблагодарная ни с какой стороны не только для меня, но и для Советской власти и партии.

Ввиду этого я просил бы Вас, Владимир Ильич, взвесить такой план: освободите меня от Наркомпроса, который уже имеет своего руководителя, и используйте мои силы следующим образом: зачислите меня в Президиум ВЦИК, там людей недостаточно, и я буду полезен, прежде всего, как всякий другой член его, но, во-вторых и *главным образом*, я буду полезен как пропагандист. Тут уж, кажется бесспорно, я являюсь значительной силой в руках партии.

Я предложил бы возобновить мои поездки по России. Меня сейчас энергичнейшим образом зовут и в Грузию, и в Сибирь, и в голодный край. да почти повсюду; зовут из тех мест, где я уже был и где даже в короткие дни или недели приобрел друзей и оставил по себе добрую память; зовут и в те места, где я еще не был и где моего посещения хотят. В качестве такого пропагандиста и защитника всей нашей политики, которую, как мне кажется, я понимаю хорошо и защищаю умело, я принес бы партии большую пользу. Ни одна сила сейчас, при переломе нового экономического курса, при необходимости крепче, чем когда-либо, связаться с интеллигенцией, с крестьянством и т. д., не должна быть упущена.

Конечно, и сейчас партия очень часто прибегает к моей помощи, и я постоянно выступаю в Москве, но тем не менее эта, быть может, полезнейшая и мною удачно проводимая работа в общем берет у меня пять, максимум десять процентов моего времени, а надо отдавать ей чуть ли не все сто. Во время когда я оставался (бы) в Москве (допустим, на полгода в разное время, а остальные полгода был бы в разъездах), я мог бы выполнить свои обязанности по отношению к Московскому университету, к Университету имени Свердлова, может быть, оказался бы полезным и для Института красной профессуры. Учеников ко мне стучится со всех сторон очень много. Каждая лекция, которую я читаю, собирает в университете сотни, а публичные — тысячи людей, с громадным вниманием меня слушающих. Вот настоящее дело.

Конечно, если бы я стал выступать как частное лицо, а не член правительства, — это было бы нехорошо: пошли бы слухи о какой-то опале или о каком-то моем недоразумении с ЦК, а таких слухов у нас и так уже много. Перевод же меня в Президиум ВЦИК вряд ли бы показался результатом размолвки, а вместе с тем дал бы мне больший авторитет при объезде провинции, что весьма не мешает, выдал бы прежде всего характер официальный и официальный моим выступлениям, а это, конечно, соощит им известную силу и значение. Может быть, еще правильнее было бы создать особую должность заместителя председателя ВЦИК, так как Михаил Иванович Калинин тоже бывает часто в отъезде, но об этом я упоминаю вскользь. Лично я, как Вы прекрасно понимаете, ни в каких титулах не заинтересован, и на этой идее, конечно, отнюдь не настаиваю.

Этот план мне кажется чрезвычайно рациональным, и я прошу Вас подумать над ним не с точки зрения того, что вот-де Луначарский ссорится с Литкенсом, или, что Луначарский недоволен сокращением кредитов на высшие и более тонкие культурные учреждения, которые он четыре года берег и которые теперь приходится ликвидировать¹. — Нет, это все отстраните и рассудите только с точки зрения действительной пользы для партии.

Однако же не могу не сказать Вам, Владимир Ильич, что помимо, по моему мнению, великой нерациональности оставлять меня при нынешних условиях на посту, на котором я фактически бессилен и не нужен, но это для меня морально до крайности тягостно.

Так как Вы мой старый товарищ и, я знаю, в конце концов, хорошо ко мне относитесь, то все-таки поимейте немножечко и это в виду и не заставляйте меня продолжать оставаться в положении, которое

психологически тягостно, а с политической точки зрения заставляет меня сомневаться в том, действительно ли я тащу общую телегу во всю силу моего плеча. Мне иногда кажется, что в Наркомпросе я толку воду в ступе, и это при сознании, что в другом месте я могу принести значительную пользу.

Крепко жму Вашу руку. Очень прошу Вас сообщить мне *Ваше решение* как можно скорей.

А. Луначарский

11/IX

Над письмом рукой Ленина:

«Прочт(ено), для справок. *Отвeтитъ*.
В архив (конфл(икт) Лунач(арскогo) с Литк(енсом)».

Внизу под письмом пометка Ленина:

«Пол(учено) 11/IX»

Слова Луначарского, выделенные курсивом, подчеркнуты Лениным. Последняя фраза письма отчеркнута Лениным на полях.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20780.

См. письмо Луначарского Ленину 7 сентября 1921 г. и примечания к нему.

¹ Луначарский имеет в виду решение о закрытии Большого и Мариинского театров (см. настоящ. том, стр. 312—313).

226

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

ЛУНАЧАРСКОМУ
КОПИЯ ЛИТКЕНСУ

12.IX.1921.

§ 10 закона 9/IX о мерах к улучшению снабжения школ¹ обязывает Наркомпрос издать инструкции.

Сугубо осторожным надо быть насчет § 6 (конец, право обмена)². Не иначе как с полной отчетностью в срок; детальные правила; иначе — тюрьма за кражу.

Согласовать с НКЮст и показать мне перед подписанием.

То же § 8 — плата за библиотеки и клубы³.

Архисторожно; нельзя затруднять посещения. Показать мне *перед* подписанием.

Пред. СНК В. У л ь я н о в (Л е н и н)

Л е н и н, т. 53, стр. 188.

¹ Имеется в виду постановление «О содержании культурно-просветительных учреждений на местные средства», принятое Малым Совнаркомом 9 сентября 1921 г. По этому постановлению все школы и культурно-просветительные учреждения, ранее снабжавшиеся из государственного бюджета, должны были содержаться за счет местных средств и существовать на основе полного хозрасчета. С этой целью вводилась плата за обучение, за пользование библиотеками и клубами. Ранее, решением Политбюро ЦК, при Наркомпросе была создана специальная комиссия для подготовки этого постановления под председательством Е. А. Литкенса. Проработав все лето, комиссия подготовила восемь проектов постановления Совнаркома, которые были разсланы для обсуждения членам Политбюро ЦК. В письме Зиновьеву 8 сентября 1921 г., являющемся откликом на его замечания к проектам постановления, Ленин писал: «Никак не могу согласиться, что с этим не надо торопиться и что в проектах есть что-либо неправильное. Боюсь, что Вы прочитали невнимательно. Применения к школам коммерческого принципа в проектах нет. Есть только привлечение местного населения, в особенности крестьян, к участию в содержании школ. Это я считаю абсолютно правильным, безусловно спешно необходимым. Конечно, в частности могут

потребоваться поправки, которые и будут внесены при обсуждении проекта, но, повторяю, в основе они абсолютно правильны. Только в восьмом проекте можно найти нечто похожее на коммерческий принцип, именно, право организовать и брать в аренду предприятия для снабжения учреждений Наркомпроса. Но и этот проект, который как раз Вы и не подчеркнули, я считаю совершенно правильным, ибо без подобных мер улучшение содержания школ и уменьшение голодовки учителей невозможно. Совершенно не понимаю, в чем Вы усматриваете ослабление принципа удержания школ в наших руках. Я ничего такого не нашел в подчеркнутых Вами пунктах, ни в восьмом проекте вообще. С крестьян нужно брать больше и больше на содержание местных школ» (Л е н и н, т. 53, стр. 180).

9 сентября один из проектов постановления был утвержден Малым Совнаркомом и подписан Лениным, однако вскоре (после 11 сентября) поступил протест члена Политбюро, председателя Президиума Московского Совета Л. Б. Каменева, указывавшего, что перевод московских школ полностью на местные средства абсолютно невозможен. По предложению Ленина этот протест был рассмотрен на заседании Малого Совнаркома 15 сентября (см. Л е н и н, т. 53, стр. 188 и 415) и постановление от 9 сентября было принято в новой редакции под заглавием «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» (см. «Известия ВЦИК», 23 сентября 1921 г., № 212).

Проведение в жизнь этого постановления и ограничение расходов на просвещение к началу 1922 г. до 8% государственного бюджета привели к огромным трудностям в работе местных учреждений Наркомпроса, но иного выхода не было: все силы и средства нужно было бросить на восстановление промышленности и сельского хозяйства страны.

² По § 6 постановления Совнаркома школам предоставлялось право обмена ненужных им предметов, полученных из средств централизованного государственного снабжения, на нужные продукты.

³ В § 8 был включен пункт о добровольном «самообложении» посетителей библиотек и клубов.

227

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

13/9 1921 г.

ВЛАДИМИРУ ИЛЬЧУ ЛЕНИНУ

Посылаю Вам стихотворение тов. Бушко-Жука, Вам посвященное. Литературно оно очень плохо, но трогательно и, как пишут очевидцы, вызвало слезы у присутствующих при исполнении, причем слушатели собрали после 2 миллиона рублей.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 163, лл. 77—79.

Михаил Иосифович *Бушко-Жук*, член партии с марта 1917 г., после Октябрьской революции — комиссар Новороссийского округа, в гражданскую войну воевал на Украине в должности военного комиссара 44-й (Щорсовской) дивизии, а потом — начальника штаба 133-й Таращанской бригады этого же соединения. См. о нем воспоминания сына: О. Б у ш к о. Отцовские строки. — «Известия», 4 мая 1967 г., № 105.

Луначарский прислал Ленину большое стихотворение, вернее, мелодекламацию под названием «Когда б малютка мог сказать» с посвящением: «Вождю, любимцу угнетенных, тов. Ленину». Тема мелодекламации, предназначенной для исполнения на сцене в сопровождении хора, тихо поющего «Вниз по матушке по Волге», — голод в Поволжье. Стихи неумелые, но взволнованные, проникнутые искренней печалью, — были очень злободневны.

13 сентября 1921 г. Луначарский написал Бушко-Жуку:

«Дорогой товарищ, Ваша мелодрама литературно слаба, но очень трогательна. Все, что я могу сделать, это переслать ее тов. Ленину, которому Вы ее посвятили. В „Известия“ сообщил и надеюсь о напечатании» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 696, л. 132). Луначарский переслал в газету информационную заметку Бушко-Жука о состоявшемся концерте в пользу голодающих детей Поволжья.

Об основном содержании стихотворения и его литературных достоинствах можно получить представление из небольшого отрывка:

«...Но там, где помощь запоздает,
Там, к ужасу живущих, так бывает:
Родители, терпя и голодая,
И за себя и за детей страдая,
Невинный плач детей голодных

№ 6. Луначарский

Весьма срочно.

ТЕЛЕФОНОГРАММА 352

От Луначарского
т. 3-02-73

т. ЛЕНИНУ.

*В. Ленин
И. Ганзбург
Л. С.*

Я спрашивал согласны ли Вы принять на несколько минут американскую журналистку БИТТИ автора первой дру-
жественной по России книги в Америке. Еще не получил ответа. Теперь очень просят иметь небольшой разговор с Вами представители театров т.т. Станиславский, Собинов, Немирович-Данченко, Южин и Таиров. Дело ^{идет} по материальной стороне, которая в некоторой степени улажена, о некоторых морально-политических вопросах, тяжело давящих театры. Разговор будет в моем присутствии. Лично я был бы рад если бы Вы согласились уделить четверть часа этому делу.

Луначарский

Передала Иринова

Приняла Сельванова

3 ч. 25 мин. 24/10 - 21 г.

СОВЕТ

ОКТАБРЬ 1921

1921/3

*Верно Сельванова
Ирина Ганзбург
от. Иринова, от. на
могу прийти 24/10*

ТЕЛЕФОНОГРАММА ЛУНАЧАРСКОГО, ПОСЛАННАЯ ЛЕНИНУ
24 ОКТЯБРЯ 1921 г., И ОТВЕТ ЛЕНИНА

Перенести не могут. И тогда
Малюток в Волгу покидают...
И в ней малютки замолкают
В последний раз и навсегда
..... (пауза)
Живые, сытые! Скажите?!
Когда б малютка мог сказать,
Когда б невинный и последний лепет
До нас дойти бы мог,
Скажите, что, что он сказал бы??...(пауза).»

Далее приводится большая речь ребенка, умершего от голода, речь, полная революционного пафоса и обвинений в адрес мирового капитала. Под текстом стихов — пометка автора: «г. Переславль-Залесский. 10 августа 1921 г.»

Стихотворение хранится в фонде Ленина (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 165, лл. 77—79).

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

4 октября 1921 г.

В течение уже долгого времени идет дело о помощи Серовой, вдове известного композитора и матери великого русского живописца. Как видно из прилагаемого при сем отношения ко мне заведующего Пензенским отделом народного образования, положение Серовой ужасное. Все время мы хотели выписать ее в Москву, но она оказалась слишком больной для этого. Прошу Малый Совнарком впредь до установления пайка, разработка которого в Наркомсобесе и Наркомпросе заканчивается, но окончательное установление которого может затянуться на несколько недель, по примеру помощи, оказанной заболевшей семье Скрябина, дать Наркомпросу разрешение выдать Серовой единовременное пособие в размере 1 миллиона рублей.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 38, л. 78. Сверху, над текстом ходатайства, надпись: «Через Литкенса». На обороте написано: «В(есьма) срочно. В М(алый) Совнарком. Кремль».

Валентина Семеновна Серова (1846—1924), жена композитора А. Н. Серова и мать художника В. А. Серова, композитор и общественный деятель, в начале 20-х годов жила в деревне Березники Симбирской губернии, а затем в Пензе и была тяжело больна. Наркомпрос не раз возбуждал ходатайства о материальной помощи Серовой. Так, 23 февраля 1920 г. Луначарский направил в Малый Совнарком письмо следующего содержания: «Прилагая при сем обращение ко мне заведующего Петроградским Домом искусства т. Чуковского, прошу обсудить вопрос о распространении установленного для ученых и писателей в определенном размере пайка еще и на тех лиц, которые указываются т. Чуковским, и может быть некоторых других не свыше 15—20 по указанию Наркомпроса». К письму приложено обращение К. И. Чуковского к Луначарскому, где перечислены имена нуждающихся родственников замечательных деятелей русской культуры. Среди них «Валентина Семеновна Серова, вдова композитора, мать живописца, одна из замечательных русских женщин. Основала в деревне оперу для крестьян и рабочих, написала прекрасные мемуары о своих знаменитых муже и сыне. Разбита параличом...» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 26, л. 20). 2 и 9 марта 1920 г. Малый Совнарком дважды рассматривал ходатайство Луначарского и вынес постановление передать вопрос на заключение Наркоматов труда и социального обеспечения. Ленин подписал оба постановления.

17 марта Малый Совнарком принял окончательное решение по докладу Луначарского:

«Обязать НКпросвещения поместить детей О. Ф. Серовой и Л. П. Бакст в один из пансионатов НКпроса. Назначить Л. П. Бакст и В. С. Серовой, О. Ф. Серовой и Е. А. Рюммин пенсии как трудящимся, причем В. С. Серовой в двукратном размере...». Ленин подписал постановление (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13316, лл. 1—3).

13 июня 1921 г., в связи с ухудшением состояния здоровья В. С. Серовой, заведующий Музыкальным отделом Наркомпроса Б. Б. Красин просил Луначарского оказать ей содействие в переезде в московский санаторий: «Так как больная лишена возможности самостоятельно передвигаться и тем самым нуждается в посторонней помощи, ей необходимы специальные средства для оплаты транспорта и сопровождающих ее двух сестер милосердия». Далее Б. Б. Красин просил «об отпуске для означенной цели единовременного пособия в размере 500 000 руб.» (цит. по кн.: В. С. Серова. Как рос мой сын. Составитель и научный редактор И. С. Зильберштейн. Статьи и комментарии И. С. Зильберштейна и В. А. Самкова. Л., изд-во «Художник РСФСР», 1968, стр. 48).

25 августа 1921 г. замнаркома по просвещению Е. А. Литкенса направляет в Малый Совнарком следующее отношение с пометой: «В(есьма) срочно»: «Народный комиссариат по просвещению ходатайствует о назначении в срочном порядке гражданке В. Серовой, матери известного художника В. Серова и жене композитора А. Серова академического пайка и единовременного пособия в размере 500 000 р.. Одновременно были посланы запросы в Наркомпрод и Наркомсобес с просьбой срочно представить их отзывы в Совнарком (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 38, л. 73). В ответе Наркомсобеса отмечалось, что необходимо ходатайствовать о назначении В. С. Серовой усиленной пенсии по декрету Совнаркома от 16 июля 1921 г.; «что касается выдачи единовременного пособия в размере 500 000 руб., то таковые не могут быть выданы

Наркомсобесом (там же, л. 75). Очевидно, после этого Луначарский и обратился в Малый Совнарком с публикуемым письмом. Здоровье Серовой продолжало ухудшаться, перевезти в Москву ее не удалось. 13 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК принял постановление о назначении «семье покойного художника Серова ежемесячной пенсии по курсу в размере 20 руб. золотых» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 38, л. 72).

В. С. Серова скончалась в июне 1924 г. В «Известиях» (№ 140, 22 июня) о ней было сказано: «Народница по убеждениям, Валентина Семеновна лучшие годы жизни отдала служению народу, а именно идее пропаганды музыкального образования в самой народной толще». Газета «Правда» (1924, № 142, 26 июня) в некрологе «Памяти В. С. Серовой» отмечала: «В. С. Серова принадлежала к поколению тех убежденных народников семидесятых годов, для которых весь смысл жизни заключался в служении народу».

229

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

Телефонограмма

<22 октября 1921 г.>

Прошу прислать ту «Илиаду», о которой Вы писали.

Ленин

«Ленинский сб.», XXIII, стр. 317.

Возможно, что Ленин так шутя называет книгу В. Я. Зазубрина «Два мира», которую рекомендовал Луначарский (см. настоящ. том, стр. 340).

230

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

И ОТВЕТ ЛЕНИНА

<24 октября 1921 г.>

Весьма срочно

Телефонограмма 352

От Луначарского

т. Ленину

Я спрашивал, согласны ли Вы принять на несколько минут американскую журналистку Бесси Битти — автора первой дружественной по России книги в Америке. Еще не получил ответа. Теперь очень просят иметь небольшой разговор с Вами представители театров гг. Станиславский, Собинов, Немирович-Данченко, Южин и Таиров. Дело пойдет не о материальной стороне, которая в некоторой степени улажена, <а> о некоторых морально-политических вопросах, тяжело давящих театры. Разговор будет в моем присутствии. Лично я был бы рад, если бы Вы согласились уделить четверть часа этому делу.

Луначарский

Под текстом телефонограммы ответ Ленина:

«Очень жалею и оч(ень) извиняюсь, что не могу принять. 24.X.
Ленин».

Сверху надпись Фотиевой: «Ответить по телефону. Л. Ф.».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21551:

В воспоминаниях Луизы Брайант (жены Джона Рида) есть упоминание о том, как она с первыми красногвардейскими частями вбежала в Зимний дворец вместе с Д. Ридом, Вильямсом и Бесси Битти («Иностранная литература», 1957, № 11, стр. 9—10). В 1918 г. Битти работала над книгой «Красное сердце России», посвященной революционному Петрограду. При вторичном приезде Битти в Москву в 1921 г. Луначарский отправил ее (в сопровождении переводчицы Т. Б. Краснощековой) в агитационную поездку с поездом имени М. И. Калинина. По возвращении из поездки Битти обрати-

лась к Ф. И. Ротштейну, работавшему в Коминтерне и Профинтерне (до 1917 г. жил в эмиграции в США) с письмом, в котором сообщала, что, представляя газетное объединение Херста, она придает большое значение свиданию с Лениным, так как Херст, будучи владельцем большого количества газет в Америке, имеет возможность широко распространить это интервью. В том же письме Битти пишет, что ей хотелось бы повидать «Ленина снова». Первая встреча произошла в январе 1918 г. в Михайловском манеже, где Ленин выступал перед уходящими на фронт частями Красной Армии. На митинге присутствовала и Битти.

Краснощекова так описывает встречу 1921 г.:

«Когда мы с Битти вернулись из поездки по голодающим районам Поволжья, нас поселили по соседству в гостинице „Савой“, неподалеку от Лубянской площади. Странно выглядела в Москве двадцатых годов эта выросшая в аристократической среде тогда еще относительно молодая американка с ее экстравагантными вечерними туалетами и неизменной, точно застывшей, улыбкой. Я знала, что Битти настойчиво добивается интервью у Ленина. Но Владимир Ильич все время был так занят, что долго не мог выделить свободный час для встречи с американской корреспонденткой.

Неожиданно для Битти, ей позвонили в „Савой“ из Кремля и сообщили, что Владимир Ильич готов принять ее, но обязательно с переводчиком. Ленин владел английским, писал и говорил на нем, свободно читал английскую литературу, но со своей безграничной скромностью неизменно извинялся за „плохой“ и даже „ужасный английский язык“. Один из виднейших деятелей Американской коммунистической партии художник Роберт Майнор, с которым я встречалась и в Нью-Йорке и в Москве, говорил, а впоследствии и писал, о своем изумлении тем, что Ленин, слышавший на то, что он „недостаточно хорошо знает английский“, беседовал с ним по-немецки и по-французски, а потом на безукоризненном английском языке, не делая ни одной ошибки и лишь время от времени останавливаясь в поисках слова.

— Мы много раз говорили с Лениным по-английски, — рассказывал Майнор, — и я не припоминаю у Ленина ни одной грамматической ошибки.

Как бы то ни было, Владимир Ильич категорически настаивал на том, чтобы Битти пришла к нему с переводчиком. Быть может, здесь сказалось резко обострившееся как раз в это время болезненное состояние Владимира Ильича, исключающее даже малейшее излишнее напряжение, всегда связанное с беседой на чужом языке.

Битти немедленно обратилась за помощью ко мне. Я, разумеется, согласилась, и мы тотчас же отправились из „Савой“ через Площадь Революции в Кремль. Мы были так заволнованы предстоящей встречей, что даже не заметили, как заранее предупрежденные сотрудниками секретариата Совнаркома встретили нас у Спасской башни и провели прямо в кабинет Владимира Ильича. Ленин поднялся нам навстречу, приветливо поздоровался, расспросил меня о здоровье А. М. Краснощекова, бывшего тогда председателем Совета министров Дальневосточной народной республики, и детях, вместе со мной совершивших длительное путешествие из Владивостока в Нью-Йорк, а оттуда через Англию, Швецию и Эстонию в Москву. Он усадил нас в кресла перед своим столом и необыкновенно приветливо начал беседу.

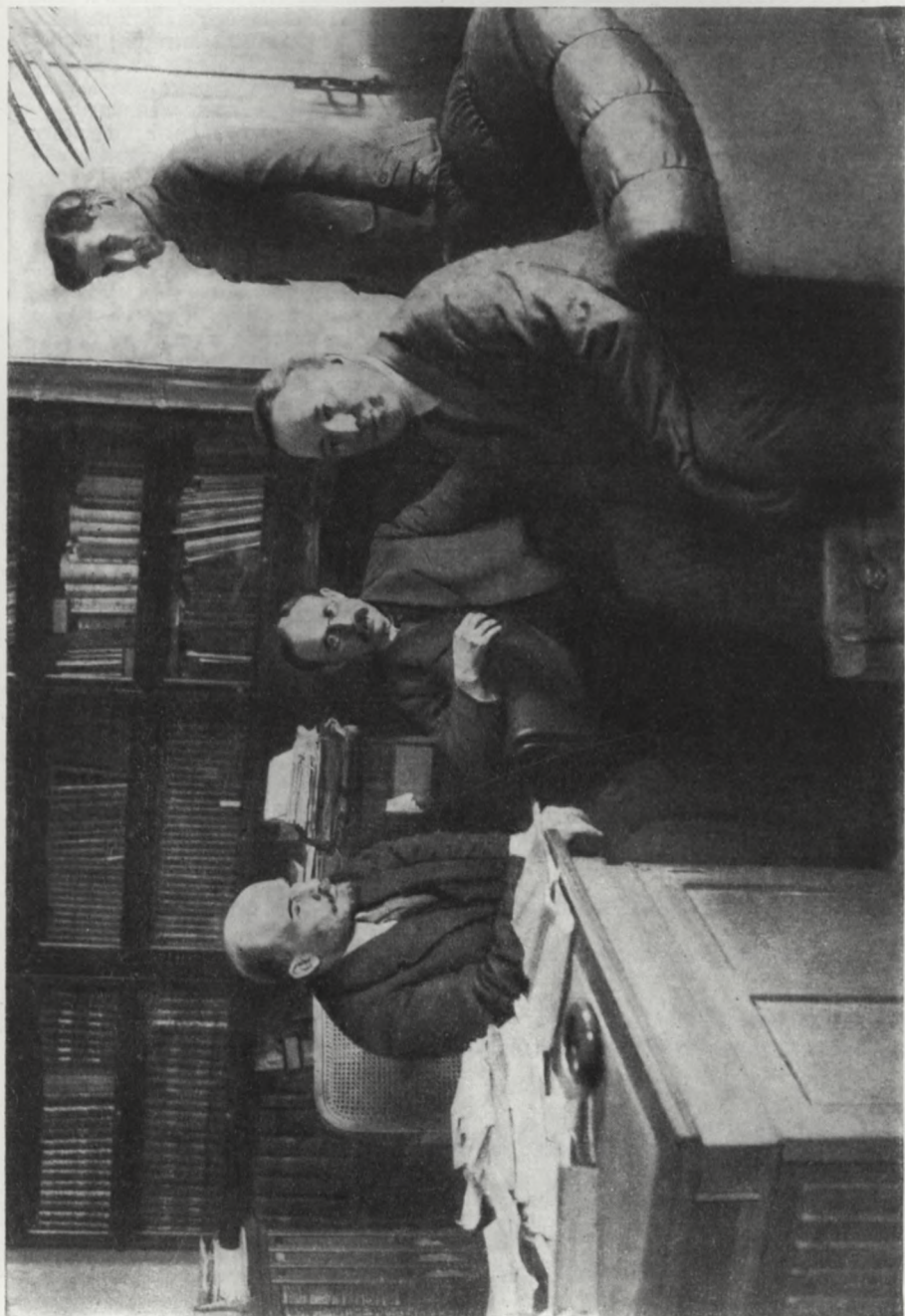
Беседа наша продолжалась более часа, Битти по-английски спрашивала Владимира Ильича, я переводила ее вопросы, Ленин отвечал по-русски и я снова переводила его ответ для Битти, почти совсем не владевшей русским языком. Эта напряженная работа, видимо удовлетворившая Владимира Ильича (он ни разу не переспросил меня и не поправил, когда я переводила его ответы), помешала мне твердо зафиксировать в памяти содержание беседы. Скажу только, что Битти, как она сама призналась мне потом по дороге домой, оказалась к ней не совсем подготовленной. На равных правах с большими и серьезными вопросами внешней политики Советского государства и международного женского движения она интервьюировала Владимира Ильича в обычном стиле американских репортеров. Помню, как заразительно расхохотался Ильич, когда я перевела ему очередной вопрос Битти: „Что вы делаете, когда остаетесь наедине с самим собой?“.

— У меня так много работы, и я так устаю, — шутиливо ответил Владимир Ильич, — что, как только освобождаюсь, поскорее ложусь спать.

Беседа кончилась, Владимир Ильич проводил нас до своей приемной, а через два-три дня, 3 декабря, — когда Битти уже направила Владимиру Ильичу на просмотр свою корреспонденцию о состоявшейся беседе, — ко мне в гостиницу приехал мотоциклист-связист из Кремля с письмом Владимира Ильича <...> Я тотчас же помчалась к Битти, та вручила мне свою книгу „Красное сердце России“, на которую ссылался Владимир Ильич, что-то написала на ней, и тот же мотоциклист повез книгу в Кремль.

Через две недели, 15 декабря, я получила второе письмо Ленина и рукопись Битти с его поправками на английском языке. Рукопись я тут же передала автору, и вместе с Битти мы долго разбирали исправления, внесенные Владимиром Ильичем, написанные на этот раз неразборчивым почерком и, видимо, как в этом и признался Ленин, наскоро, в минуту, свободную от других более важных и неотложных дел.

Не знаю, где и когда опубликовала Битти свою запись беседы, и не могу припомнить, какие поправки внес в нее Владимир Ильич.

ЛЕНИН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ В КРЕМЛЕ БЕСЕДУЕТ С АМЕРИКАНСКИМ ЭКОНОМИСТОМ П.-П. ХРИСТЕНСЕНОМ

В центре — Б. И. Рейштейн, справа стоит П. И. Воеводин

28 октября 1921 г.

Фотография А. А. Левинского

Вскоре писательница возвратилась в Соединенные Штаты, и больше мне не удалось встретиться с этим своеобразным человеком. Знаю только, что, вернувшись к себе на родину, она выступала с лекциями о Советской России и, по примеру наших первых детских колоний, организовала для детворы Лос-Анжелоса большой лагерь „Harrу Land“ („Счастливая страна“), в котором летом жили мальчики и девочки из рабочих семей этого большого города. Позднее Битти стала основателем и директором Музея по искусству костюма, руководителем „Центрального международного женского архива“, идейного и историографического центра буржуазно-либерального женского движения в странах английского языка. Много лет подряд чуть ли не ежедневно она выступала и как радиокомментатор.

Пусть Битти, в отличие от Джона Рида и Альберта Риса Вильямса, не смогла осознать всего исторического величия нашей революции. Но она зато, подобно своей ближайшей приятельнице, во многом так на нее похожей Луизе Брайант, была полна сочувствия к тогдашним лишениям советских людей, восторженно отзывалась об их мужестве и героизме. Я помню, как глубоко взволновала ее скромность и мудрость Ленина. В нем она, как ее друзья Джон Рид и Альберт Рис Вильямс, Луиза Брайант и полковник Робинс, видела величайшего политического деятеля и мыслителя современности. Не сомневаюсь, что беседа с Лениным навсегда осталась для Битти самым ярким воспоминанием ее литературной и журналистской деятельности» (журн. «Иностранная литература», 1957, № 11, стр. 29—30).

231

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И ОТВЕТ ЛЕНИНА

25 октября 1921 г.

Телефонограмма

От Луначарского

ЦК тов. Молотову

Копия т. ЛЕНИНУ для сведения

Правда ли, что в четверг стоит вопрос о Госиздате <на> Политбюро. Мое присутствие необходимо. Настоятельно прошу о постановках каких бы то ни было вопросов просвещения <на> Политбюро меня уведомлять своевременно.

Нарком по просвещению: Луначарский

Сбоку, над машинописным текстом телефонограммы, ответ Ленина:

«Луначарскому.

Секретарем теперь т. Михайлов. (Молотов в отъезде).

Сговоритесь точно с т. Михайловым.

Ленин»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21570.

Ответ Ленина Луначарскому опубл.: «Ленинский сб.», ХХIII, стр. 307.

232

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<26 октября 1921 г.>

т. Луначарский просил передать, что по распоряжению ЦК он выезжает завтра в Петроград и все дело о Госиздате передает т. Покровскому.

Минина

26/Х.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 838, л. 50.

233

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ
ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

<1 ноября 1921 г.>

I

Л е н и н:

Прочли материалы (итальянские) о съезде их?
Хотите, я дам, чтобы Вы написали статью и вдрызг уничтожили,
с грязью смешали жулика Серрати?

II

Л у н а ч а р с к и й:

Очень хочу. До съезда следил за всем, но о съезде мало знаю. Надо бы получить весь материал. Какой приблизительно величины статью, для какого органа?

Л е н и н, т. 53, стр. 319. Ответ Луначарского публикуется впервые (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24699).¹

Продолжение переписки по этому вопросу см. ниже, пп. 234—236, 238—240, 242—243.

2 ноября на вечернем заседании Президиума ИККИ (прот. 18, п. 14) было заслушано сообщение о результатах конгресса Итальянской социалистической партии в Милане. Постановили: «Согласиться с предложением тт. Валецкого и Бордига и принять следующую резолюцию, которую разослать по радио.

Резолюция:

Ознакомившись с ходом дел на съезде ИСП в Милане, Исполком Коминтерна вполне солидаризуется с декларацией, сделанной от имени Коминтерна тт. Кларой Цеткиной и Валецким. Съезд в Милане оправдал самые худшие опасения. Он показал, что ИСП, руководимая Турати и Серрати, окончательно порвала с революционным социализмом и попала в плен оппортунизма. Исполком Коминтерна заявляет, что ИСП теперь окончательно исключена из Коминтерна. Представительницей Коминтерна в Италии является Итальянская коммунистическая партия» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23887, л. 19).

См. комментарий к письму Луначарского Ленину 28 ноября 1921 г. (настоящ. том, стр. 336—340).

234

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

2/XI—1921 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Вы забыли ответить мне на мою записку, какой величины должна быть статья. Материал таков, что можно написать брошюру в $1\frac{1}{2}$ листа или большую журнальную статью от $\frac{1}{2}$ листа до листа или же, наконец, газетный фельетон в 300 строк. Мне для подготовительной работы важно знать, как Вы на это смотрите. Если большую, то я притяну отчасти и старый материал и постараюсь дать более или менее цельную картину всего падения Итальянской партии, а если маленькую, то ограничусь острой критикой над выступлением Серрати на съезде. Скажите Вашему секретарю, чтобы он ответил мне по телефону на этот вопрос.

Нарком по просвещению А. Л у н а ч а р с к и й

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21711, л. 1. См. ниже ответ Ленина, написанный на обороте этого письма.

235

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<2 ноября 1921 г.>

Т. Лунач<арск>ий!

Я советую большую — *maximum* и цитат точных побольше. Это надо. Я помогу ускорить издание. А малую из большой успеем всегда сделать.

Л е н и н

Л е н и н, т. 53, стр. 319. Ответ на предыдущую записку Луначарского. Снизу — рукой секретаря: «Сообщила Луначарскому 2/XI — 21 г.».

236

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

15/XI.<1921 г.>

т. Луначарский!

Мне очень хотелось бы исполнить просьбу т. Зиновьева и обругать Серрати.

Не можете ли Вы помочь мне?

Помощь могла бы быть двоякая:

1) дать мне рукопись Вашей брошюры (16.XI, как Вы говорили? или в переписанном виде позже?)

2) дать мне 2—3 оригинальных документа по-итальянски, чтобы я получше «зарядился». Документы из наиболее красноречивых.

Между прочим, Серрати, кажись, спросил Лаццари:

«Вас обманули?» «кто обманщик?» Нет ли у Вас *оригинала* этого вопроса?

Р. S. Приложение верните.

Привет! Л е н и н

Л е н и н, т. 54, стр. 17—18.

Сохранился конверт от этого письма, на котором надпись сделана рукой Ленина: «т. Луначарскому (от Ленина)» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21943, л. 1). См. комментарий к письму Луначарского Ленину 28 ноября 1921 г. (настоящ. том, стр. 336—340).

237

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И ЗАПИСКА ЛЕНИНА

15/XI — 1921 г.

Тов. В. И. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич.

На совещании моем с моими заместителями между прочим обсуждался вопрос об академике Павлове. Благодаря какой-то необъяснимой задержке давным-давно состоявшееся решение, разрешающее ему выезд в Америку и отпускающее для этого средства, не приведено было в исполнение. В настоящее время Павлов уже не хочет ехать в Америку, а просится на месяц в Финляндию. Я должен Вам напомнить, что первый раз он заявил, что считает себя человеком прямым и, если бы захотел уехать из России

совсем, то так и сказал бы, а раз он назначает себе срок, то стало быть исполнит. Я и на этот раз совершенно убежден, что Павлов приедет вовремя. Отпустить его, конечно, не трудно, но он ставит дополнительные условия, а именно освободить его от всяких гарантий, рекомендаций и т. д., выдать ему паспорт, так сказать, на его честное слово, лично данное им по отношению к Наркомпросу, мы это сделать бессильны, т(ак) к(ак) для этого существует определенная процедура, требующая двух поручителей и т. п. Павлов считает это для себя унижительным. Он старик упрямый и больной. Я считаю, что во внимание к его неизмеримым заслугам в науке и чтобы за границей опять не начали болтать о нашей жестокости по отношению к ученым, необходимо пойти ему навстречу. Но это можете сделать только Вы, распорядившись, чтобы Наркоминдел и Иночeka немедленно выдали Павлову паспорт вне всяких формальностей. Если абсолютно необходимо поставить какие-нибудь имена, то в крайнем случае можно поставить мое имя и имя Покровского. Надо, чтобы с этим поторопились, а то опять выйдет скандал, как с первым отпуском Павлова.

Жму Вашу руку.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Сверху над письмом -- записка Ленина Уншлихту:

«т. Уншлихт! Раз было дано разрешение в Америку, — значит, препятствий нет? Прошу дать распоряжение (и назначить ответственного лицо: секретаря) выдать *тотчас*, без малейшей задержки, без всяких формальностей.

15/ХI. Ленин»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21940, л. 1.

Записка Ленина Уншлихту опубл.: Ленин, т. 54, стр. 18—19.

См. письмо Луначарского Ленину 21 июня 1920 г. и примеч. к нему (настоящ. том, стр. 190—194).

23 апреля 1921 г. академик Павлов в письме на имя Луначарского просил разрешения выехать в Америку на два-три месяца. Однако разрешение в течение длительного времени не оформлялось.

Встревоженный бюрократической волокитой в Наркомпросе, Луначарский 8 ноября писал М. Н. Покровскому (копия Литкенсу):

«Дорогой Михаил Николаевич,

у нас произошла большая неприятность. Вы знаете, сколько времени тому назад был решен в положительном смысле вопрос об отъезде профессора Павлова в Америку. Через несколько времени я узнал, что профессор Павлов даже не уведомлен о нашем решении. Я говорил тогда и не без энергии с тов. Гливленко и просил его немедленно привести все это в порядок. И вновь я узнаю, что Павлов все время ждал соответственного разрешения, но это дело с места не сдвинулось. Это огромное безобразие. Необходимо иметь в управлении научными учреждениями какого-нибудь энергичного и расторопного секретаря или, может быть, установить такую должность при Академическом центре и соответственному лицу вменить в обязанность следить за тем, чтобы решения наши по отношению к ученым приводились в исполнение, так как они сами большую часть в советском отношении люди неопытные, не знают, что предпринять, и решение остается само по себе, а они сами по себе, затем проходит год, и узнаешь, что, кроме огорчения и некоторого конфуза, из самых лучших с нашей стороны намерений ничего не вышло.

Теперь Павлов обратился в Совет Народных Комиссаров с прошением, где, во-первых, указывает, что его просьба в Наркомпрос оказалась совершенно безрезультатной, а это лишний раз доказывает ту „бюрократическую волокиту“, в которой нас и без того упрекают, и, во-вторых, просит в срочном порядке отпустить его на месяц в Финляндию. Повторяю, все это тем более неприятно, что я уже тогда очень сердился по поводу безрезультатности нашего решения, когда мне об этом было сообщено в первый раз, а с тех пор прошла уйма времени и, оказывается, никто ничего не предпринял.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский» (ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, ед. хр. 557, л. 30).

9 ноября 1921 г., на следующий день после письма Луначарского Покровскому и Литкенсу, «тройка» Наркомпроса в составе Луначарского, Покровского и Литкенсы по вопросу о выезде за границу академика Павлова постановила: «а) Принять меры к тому, чтобы было реализовано в смысле финансовом и паспортном постановление Коллегии об отпуске Павлова в настоящее время в Финляндию. б) Поручить наркому переговорить с Предсовнаркомом т. Лениным об удовлетворении просьбы проф. Павлова о выдаче ему заграничного паспорта без всяких формальностей со стороны Особотдела и пр.» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 649, л. 2).

15 ноября Луначарский послал Ленину публикуемое письмо. 17 ноября Уншлихт ответил на записку Ленина о Павлове: «Сообщаю, что мною дано распоряжение о выдаче визы на выезд в Финляндию академику Павлову без всяких формальностей. Распоряжение дано 15/XI—21 г. Зампред ВЧК — У н ш л и х т» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21940, л. 2). Сверху надпись Ленина: «Позвоните Семашке. Прошу проверить исполнение. Л е н и н» (Л е н и н, т. 54, стр. 556).

238

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<19 ноября 1921 г.>

Телефонограмма № 3093

От Луначарского

тов. Ленину

Дорогой Владимир Ильич.

Только что тов. Зиновьев мне сказал, что у Вас имеется речь Серрати, произнесенная им на банкете Ландстреди, очень подлая. Может быть, она понадобилась бы мне. Когда Вы ее прочтете, пришлите мне. Брошюру кончаю.

Нарком Луначарский

Передала Еринова
Приняла Селиванова

Верно Селиванова

1 ч. 20 м. 19/XI — 21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21943, л. 4.

Снизу — пометка секретаря Ленина: «Исполнено, послана газета „Le Populaire“ с возвратом». См. следуюц. письмо.

239

Н. С. ЛЕПЕШИНСКАЯ — ЛУНАЧАРСКОМУ
(ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА)

19 ноября 1921 г.

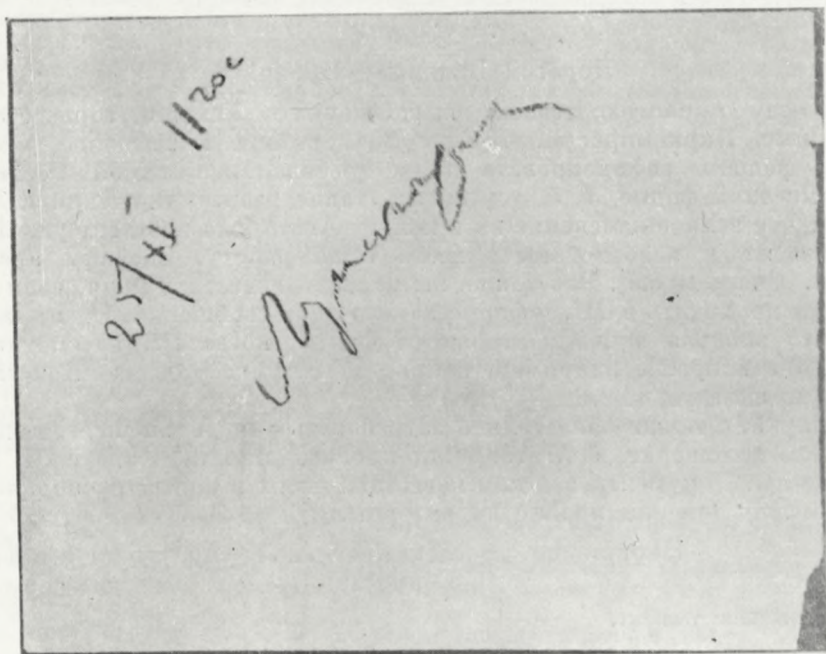
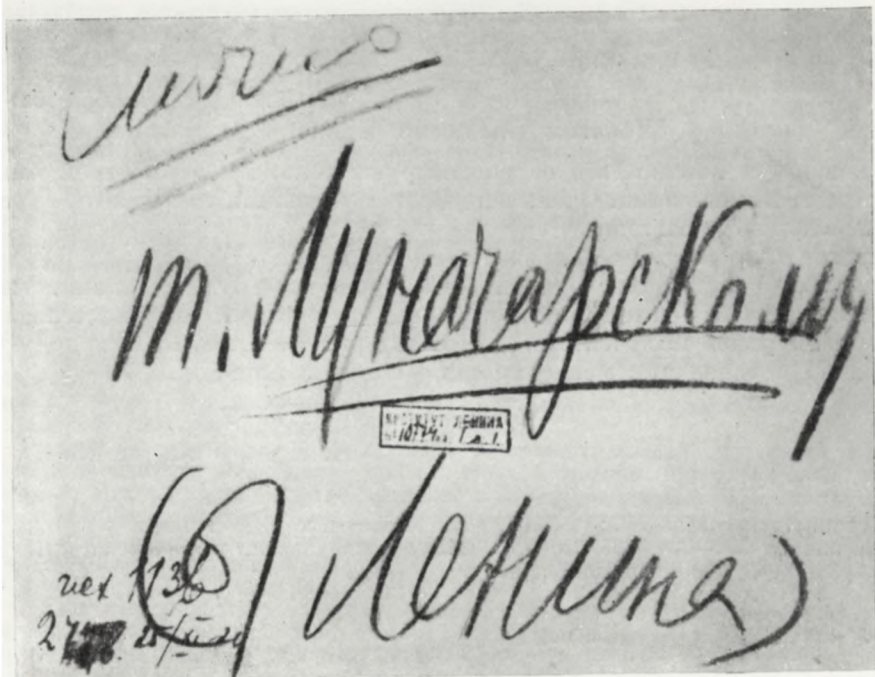
В ответ на телефонограмму № 3093

Тов. Луначарский, Владимир Ильич посылает газету «Le Populaire» с речью Серрати, но очень просит ее вернуть, когда она Вам не будет больше нужна.

Н. Лепешинская

«Советские архивы», 1966, № 5, стр. 9. (В публикации — опечатка в дате записки: 10 ноября). Печатается по автографу на бланке секретаря Совнаркома. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 604, л. 143.

См. предыдущ. письмо.

КОНВЕРТ ПИСЬМА ЛЕНИНА ЛУНАЧАРСКОМУ И РАСПИСКА ЛУНАЧАРСКОГО
В ПОЛУЧЕНИИ ПИСЬМА

25 ноября 1921 г.

Письмо Ленина не сохранилось

240

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<23 ноября 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич.

Брошюру я кончил, но ее расшифруют только завтра утром, когда она и будет Вам послана. Очень жду Ваших указаний, так как приступаю к окончательной редакции.

Посылать ли ее мне в Госиздат, или Вы пошлете?

Зиновьев просил тоже выслать ему конец, что и будет сделано. Материалы посылаю. В одном пакете конгресс, т. е. то, что Вы мне передали, а в другом ранее полученные от Коминтерна материалы. То и др<угое> приведено в более или менее хронологический порядок.

Крепко жму Вашу руку

А. Луначарский

23/XI

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21943, л. 6.

См. письма 232—234, 236, 238—239, 242, а также письмо Луначарского Ленину 28 ноября 1921 г. и комментарий к нему.

241

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

24.XI.1921 г.

Тов. ЛЕНИНУ

Дорогой Владимир Ильич!

При сем прилагаю тезисы, выработанные Главполитпросветом и одобренные Наркомпросом. Прошу Вас принять к сведению, что мы заранее решили зафиксировать наши требования в самой последней компромиссной форме, т. е. установить такие взаимоотношения с Агитпропом, что всякое изменение их в пользу Агитпропа поставит уже Главполитпросвет в невозможность вести свою работу. Сделаны крайние уступки. Очень прошу Вас также непременно известить меня, если дело это будет проходить в ЦК, в форме какого-либо сообщения. Очень неприятно, что вновь и вновь повторяются факты, когда ЦК рассматривает важнейшие вопросы, например, вопрос об отставке Надежды Константиновны, не вызывая меня.

Прошу Вас также обязательно затребовать для дальнейшего ведения этого дела положение об Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП и его штаты. Документы эти нам известны, но их в нашем распоряжении нет, а между тем они крайне характерны.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Секретарь

Приложение: тезисы.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 7953, л. 1—1 об.

Тезисы Главполитпросвета, приложенные Луначарским, при письме не сохранились. Есть основания предполагать, что это тот же документ, который был написан Н. К. Крупской в конце 1921 г. и опубликован в журнале «Красная новь» в 1922 г. под названием «Итоги и перспективы работы политпросветов. (Тезисы Главполитпросвета)». По поводу разграничения функций Агитпропа и Главполитпросвета в «Тезисах» отмечается: «В связи с значительным сокращением аппарата политпросветов вообще, агитотделов, в частности, всюду „самотеком“ произошла та передвижка агитационной работы в парткомы, которую пришлось оформить и в центре.

В дальнейшем политпросветы самостоятельной агитационной работы не ведут и агиткампаний не разрабатывают: в задачи политпросветов входит разработка агиткампаний, осуществляемых парткомами, только применительно к своим специфическим аппаратам политпросветучреждений (клубы, народные дома, избы-читальни), а также руководство работой агитпунктов» (Н. К. К р у п с к а я. Педагогические сочинения, т. 7. М., Изд-во Акад. пед. наук, 1959, стр. 118—119). В «Тезисах» особенно подчеркивалась необходимость более крепкой связи политпросветов с населением страны.

О позиции Главполитпросвета, поддержанной Наркомпросом, которую излагает Луначарский в публикуемом письме к Ленину, мы можем судить и по содержанию другого, очень интересного документа тех дней. 28 ноября 1921 г. Н. К. Крупская написала подробное письмо «В Политбюро ЦК РКП». В ЦПА ИМЛ хранится экземпляр с пометой «т. Ленину». Крупская писала:

«Когда в прошлом году организовался Главполитпросвет, его создавали как орган государственной пропаганды коммунизма. Политбюро обсудило и назначило состав его комитета, причем было постановлено, чтобы в состав комитета входил достаточно авторитетный в этой области член ЦК. Сначала в состав комитета входил т. Преображенский, потом т. Ярославский. Через них осуществлялся политический контроль ЦК над работой Главполитпросвета.

Десятый съезд закрепил за Главполитпросветом его значение как органа государственной пропаганды коммунизма, причем, с одной стороны, превратил его в подсобный орган ЦК, с другой — организационно оставил его в составе Наркомпроса. Работа политпросветов стала быстро развиваться — возьмем хотя бы такие отрасли работы, как совпартшколы, агиткампании и пр. Это, несмотря на то, что ЦК обычно снимал с политпросветработы всякого работника, как только он поднимался над средним уровнем. <...>

Теперь дело коренным образом меняется. Партия в лице Агитотдела создает совершенно новый орган в 185 чел. А если вычтешь отсюда Отдел нацмена, то в 87 чел., который отныне будет не только заниматься политработой среди членов партии, а берет на себя и работу среди широких масс населения — напр., по вопросу производственной пропаганды — берет на себя не только политический контроль, но руководство повседневной работой Главполитпросвета, уделяя немало внимания „методической“ работе <...>. Далее Крупская указывала на несогласованность многих мероприятий Главполитпросвета и Агитпропа. «Кроме того, Агит-пропагандный отдел ЦК берет на себя в области полит-просветительной работы непосредственное руководство в повседневной работе профсоюзами, советскими органами и пр. Политическая работа отрывается от работы просветительной, и Главполитпросвет превращается в простой административный аппарат». И еще: «Отделять политику от просветительной работы нельзя» (ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 458, л. 3).

242

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<25 ноября 1921 г.>

Дорогой Владимир Ильич.

Завтра переishлю последний кусок брошюры. Ничего, что он длинноват — $\frac{3}{4}$? Удовлетворяет ли она вас в общем? Завтра же верну Вам и материалы. Хотите ли Вы только конгресс, т. е. то, что Вы мне дали, или предыдущие материалы, которых у меня довольно много?

А.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21943, л. 5. Сверху надпись — «в архив — 25/XI».

Ответное письмо Ленина Луначарскому не разыскано. Сохранился конверт с надписью Ленина: «т. Луначарскому (от Ленина) лично» (Ленин, т. 54, стр. 521; см. выше, стр. 333).

См. комментарий к письму Луначарского Ленину 28 ноября 1921 г.

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Тов. ЛЕНИНУ

28/XI — 1921 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Завтра, вероятно, совсем закончу брошюру. Резолюция Бентиволио у меня, оказывается, целиком приведена, Вы просто ее не доглядели.

Перечитав всю брошюру целиком, не заметил необходимости, как Вы говорите, уточнить: все нужные цитаты приведены, и все кажется мне ясным. Некоторым недостатком является то, что о фашизме я говорю в трех разных местах, но свести все это к одному неудобно, так как каждый раз для этого есть достаточный повод. О фашизме я получил достаточно собранный материал от Коминтерна и поэтому могу прибавить к брошюре пару страниц в виде приложения специально о нем. Обещает Коминтерн прислать и газеты за время захвата фабрик.

Брошюру я разделил на три главы: I. Почему нам интересен Серрати. II. И<тальянская> С<оциалистическая> П<артия>. III. Миланский конгресс, и каждую главу разделил на маленькие главки, как Вы советовали, с заглавиями на полях.

Теперь мне нужно непременно знать, должен ли я приведенную в порядок для печати рукопись послать Вам еще раз на просмотр или в здешнее издательство. Я думаю, что это не необходимо; можно все послать в Петроград, и Зиновьев сделает все нужное для издания.

Очень прошу Вас ответить на этот вопрос поскорее.

Роман Зазубрина предполагаем печатать в «Красной нови». Поэтому, как только Вы его прочтете, пришлите мне. Если напишете два слова мнения о нем, буду очень благодарен.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 21943, л. 3.

В настоящем томе печатается ряд писем и записок Ленина и Луначарского, связанных с подготовкой брошюры о Серрати (см. шп. 232—234, 236, 238—240, 242). Из переписки становится очевидным, что таких писем было больше, что мы располагаем лишь немногими документальными свидетельствами значительной редакторской работы, проделанной Лениным над книгой Луначарского, замысел которой также принадлежал Владимиру Ильичу. Сведения о том, что Ленин тщательно редактировал брошюру Луначарского о Серрати, находим и в письме Луначарского Зиновьеву 1 декабря 1921 г.:

«Брошюра мною давно закончена, я ее внимательно просматривал и делал некоторые исправления по указаниям Владимира Ильича. В общем брошюрой он доволен, но распорядился, чтобы я послал ее в Ваше распоряжение, что я и делаю.

Между прочим, Владимир Ильич хотел, чтобы я прибавил больше о фашизме и о захвате фабрик. В этом направлении у меня не было достаточно материала, и я запросил Коминтерн. По фашизму они дали мне интересный материал. По захвату фабрик пока ничего не дали, но два через два обещают. Я сговорился с Владимиром Ильичем, что в брошюре будут два прибавления: „Движение захвата фабрик“ и „Фашизм“. Эти прибавления, однако, ввиду задержки с материалом, я смогу прислать Вам только через неделю. Думается, что это будет не слишком поздно, т<ак>к<ак> ведь нужно время набрать и напечатать брошюру» (ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 5, ед. хр. 235, л. 20).

Итальянская социалистическая партия (ИСП) входила в Коминтерн, ее возглавлял Серрати. Груша, руководимая Турати, тянула партию вправо. Коминтерн неоднократно ставил перед Серрати вопрос о принятии дисциплинарных мер по отношению к Груше, возглавляемой Турати, и настаивал на исключении его из социалистической партии. Серрати же, прикрываясь отговорками, все время лавировал. По своей численности Социалистическая партия Италии была крупнее других партий, она имела 150 мест в парламенте, насчитывала 250 тысяч членов, привлекла на свою сторону 2500 муниципалитетов, профсоюзы с 2½ миллионами членов и т. п.

6 сентября 1921 г. на Президиуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала были выбраны представители на съезд Итальянской партии в Милане: тт. К. Цеткин и Валецкий и в случае получения разрешения на выезд Луначарский (см. настоящ. том, стр. 318). 8 сентября Ленин написал записку председателю Комин-

герна Зинovieву о том, что не возражает против посылки Луначарского в Италию (см. там же).

Как отмечалось выше (стр. 318), 10 сентября 1921 г. ЦК партии принял решение удовлетворить просьбу Президиума ИККИ и дал согласие на поездку Луначарского в Милан как делегата Коминтерна (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 200).

Узнав об этом постановлении, Луначарский прислал Ленину телефонограмму с просьбой о приеме в связи с отъездом, на которой Ленин сделал пометку о согласии (см. настоящ. том, стр. 317). Поездка Луначарского не состоялась.

В книге «Гр. Гиацинт Серрати, или революционно-оппортунистическая амфибия» (Пг., изд. Коминтерна, 1922) Луначарский писал: «Баччи <секретарь социалистической партии> постарался отстранить от партии тяготевшее над ней подозрение, что она подсажала Бономи <в то время глава итальянского правительства> счастливую формулу, при помощи которой итальянская партия отделалась от моего не очень приятного визита. Баччи утверждал, что ему очень хотелось видеть меня на конгрессе и больше всего для того, чтобы я, в качестве представителя Коминтерна, сам убедился в том, насколько они правы».

Брошюра «Гр. Гиацинт Серрати, или революционно-оппортунистическая амфибия» вышла небольшим тиражом и в настоящее время является библиографической редкостью.

Луначарский указал, что Серрати занял позицию среднюю между II и III Интернационалами. Буржуазии выгодно было использовать правых социалистов, и она выдвигала их на очень высокие государственные посты (президента Французской Республики, руководителей итальянского правительства и т. п. и т. д.). «Конечно, — писал Луначарский, — эти, в смысле социалистической репутации, пролежавшие люди ровным счетом никакого влияния на рабочий класс иметь не могут. Рабочий класс смотрит на них как на подлых ренегатов, презирает их больше, чем любого буржуа, и, стало быть, выигрыш для буржуазии только в том, что она приобретает весьма ловких, красноречивых и весьма бесовестных приказчиков» (стр. 3—4). Луначарский вспоминает, как социалисты довоенного времени с ужасом констатировали, что социалистическая партия при объявлении войны «призвала рабочих взаимно протыкать штыками пролетарские груди во имя буржуазных отечеств... только тогда поняли мы, как глубоко самый разнообразный подкуп со стороны буржуазии, прямой и косвенный, осознанный и бессознательный для его жертв, проник в ряды той омещавившейся части партии, которая захватила и официальные ее верхушки, и даже часть квалифицированного пролетариата» (стр. 4). Но рабочие сообразили, что представители социал-демократии превратились в сторожевых собак буржуазии и что II Интернационал является «едва ли не главнейшим оплотом буржуазии». Тогда появилась новая разновидность предателя, промежуточное звено между II и III Интернационалами — Интернационал II^{1/2}. «Легко, — писал Луначарский, — беспощадно разоблачить давно уже обнажившую все свои позорные язвы шейдемановщину, но гораздо труднее поймать вертлявую и скользкую, как выюн, „честность“ Мартовских всех стран» (стр. 6). Иронизируя над симпатиями Серрати к Турати, Луначарский пишет:

«Конечно, мы вовсе не хотим этим сказать, что отсутствие влияния в парламенте, что отсутствие прочных организаций мирного типа есть плюс для партии, наоборот, все это добро zelo, только нужно постоянно знать настоящую цену всему этому. Цезарь очень ценил свои обозы, хотя и называл их до него установившимся, техническим термином „impedimenta“, т. е. помеха. Когда дело шло о бое, Цезарь бросал где-нибудь свои „импедимента“, а Серрати своим обозом дорожит более всего, а о действующей армии не заботится. Дело, однако, в итальянской партии было хуже, чем в легионах Цезаря. Обозные люди Цезаря повиновались ему слепо. Обозные люди Серрати представляют собою тип мирных социалистов, которые не только сами не вступают в бой, но и других туда пускать не желают. Они хотели бы обозным медленным гужем двигаться к свету будущего. Слово „насилие“ они употребляют с поистине толстовским отвращением» (стр. 13).

Отмечая националистические тенденции Турати, Луначарский говорит: «Для Турати крайне характерна и в старое время постоянная тенденция заставить рабочий класс рассматривать свои интересы как часть общеталианского интереса. Он давно уже отрекся от классовой политики под тем предлогом, что класс рабочих прежде всего заинтересован в процветании всей итальянской индустрии» (стр. 14).

В ответ на предложение III Интернационала исключить Турати из партии, Серрати, который не только руководил ИСП, но и редактировал газету «Аванти» и журнал «Коммунизм», уже во время II съезда ИСП «... начал танец среди ножей и яиц, то хождения по канату с большим балансиром в руках...» (стр. 16). ЦК ИСП 28 сентября 1920 г. принял резолюцию о «...внесении большей однородности...» в ряды партии. «Турати в глубине души верит, что всякие рассуждения о революции в Италии — пустяки. Временно смущенный успехами революции в России, он затем постепенно успокоил себя соображениями, что это даже не революция, а какой-то варварский эпизод за пределами настоящего цивилизованного общества». Турати, по мнению Луначар-

ского, прямолинеен в оппортунизме, он не скрывает своих идей. «Серрати же не имеет никаких определенных перспектив. То ли революция, то ли соглашение, то ли так, то ли иначе. По мнению Серрати, ситуации создаются сами» (стр. 20). «...Он из тех вождей, которым вкладывается в уста знаменитая фраза: „Я ведь их вождь, стало быть, я должен идти за ними“» (стр. 21).

10 декабря Турати собрал свою группу, назвав ее «Фракцией концентрационистов», она подтвердила свою принадлежность к III Интернационалу и отметила необходимость выподнить указание Коминтерна об очищении партии, требуя безусловного исключения левых групп. «Как видите, сразу с большой головы на здоровую...» (стр. 22).

В своем манифесте от 27 августа 1920 г. Исполнительный Комитет III Интернационала писал:

«Мы повторяем вам: мы против всякого искусственного вызывания бунтов, мы против изолированных восстаний. Но мы не хотим вместе с тем, чтобы партия пролетариата превратилась бы в какую-то пожарную команду, стремящуюся затушить великий огонь революции, когда он так и рвется из всех пор капиталистического общества. Все свидетели сходятся, что положение Италии глубоко революционное, и тем не менее партия в некоторых случаях держится в стороне, в других сдерживает движение, вместо того, чтобы приложить усилия к его обобщению, к тому, чтобы дать ему лозунг, организовать его и направить его по обдуманному плану, превратить его в решительную атаку против буржуазного владычества. Нет, не партия руководит массами, но массы стараются толкать партию. Партия только волочится на буксире за событиями, что недопустимо» (стр. 27).

В ноябре 1920 г. Ленин написал статью «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» (см. Л е н и н, т. 41, стр. 409—428). Опираясь на эту статью, Луначарский отмечал: «Тов. Ленин в своем письме не только настаивал на абсолютной необходимости выгнать из партии правое крыло, но определенно заявлял, что, признавая внутреннюю революционность Серрати и его друзей, считаясь с тем, что в более благоприятный момент они, может быть, вновь вернуться в наши ряды, он не считает необходимым особенно церемониться и с ними, и если неизбежная операция отсечения правого крыла встречает непомерную похеху со стороны центристов, то следует выбросить и центристов. Лозунг тов. Ленина был ясен: Готовится война. В нашем лагере не может быть не только изменников, но и их покровителей» (стр. 28).

Отвечая на статью Ленина, Серрати заявлял, что ИСП якобы изгнала реформистов из партии (Серрати намекал на министра-президента Бономи и других, которые были еще правее Турати). Серрати пытался всячески обелить Турати и оправдать неприятие к нему дисциплинарных мер. В этот период началось движение фабрично-заводских комитетов вплоть до захвата отдельных фабрик (Турин). Причем ни Конфедерация труда, ни Итальянская социалистическая партия не сумели возглавить это движение, больше того, испугавшись его, они предприняли ряд шагов, которые привели к тому, что, не получив поддержки и опоры, движение заглохло (стр. 35). «ИСП сыграла в этом отношении позорную роль... Именно после этого и начался расцвет фашизма...» (стр. 36).

На 17-м конгрессе ИСП Бентиволио была внесена резолюция о полном подчинении указаниям Коминтерна, но с оговоркой, что она будет реализована при окончательном подтверждении этих указаний следующим Международным конгрессом. Партия раскололась, количество членов, представленных каждой фракцией, было таково: 55 тыс. за коммунистов, 80 тыс. за «максималистов» и 15 тыс. за туратианцев. В промежутке между расколом и III Конгрессом Интернационала произошли выборы в итальянский парламент и социалисты потеряли 30 мест. В этот же период фашисты, возглавляемые Муссолини (Луначарский называет его итальянским Алексинским), собрав 50 тыс. человек, направились в Рим для демонстрации. Но пролетариат Италии, вооружившись, выкинул их из Рима. ИСП, идя на буксире Турати, согласилась на переговоры с фашистами, и секретарь партии Баччи подписал соглашение, в котором была фраза: «Договорившиеся стороны обязуются взаимно чтить свои знамена», «т. е. пролетарий-социалист обязуется с почтением относиться к знаменам черносотенцев!» — комментирует Луначарский (стр. 40).

На III Конгрессе Коминтерна Серрати не присутствовал, Социалистическая партия была представлена Ладзари, Маффи и Рибальди. Эти старейшие социалисты очень быстро по приезде в Москву перешли на сторону III Интернационала и дали обязательство — сделать все от них зависящее, чтобы выполнить указания III Конгресса Коминтерна.

Серрати в ответ на обвинение Коминтерна, считавшего, что движение по захвату фабрик и заводов оказалось не поддержанным, вновь начал ссылаться на то, что ситуация не была подходящей и поэтому борьба заранее проиграна.

Интерпретируя выступление Серрати, Луначарский назвал его «Рейнеке-Лисом». Ко времени Миланского съезда коммунисты образовали свою партию, которая на конгрессе не могла еще быть представлена. Миланский съезд открылся 10 октября 1921 г. В докладе секретаря Социалистической партии Баччи, на который мы уже

ссылались, была сделана попытка отвести подозрение от партии, что она предприняла какие-то шаги, помешавшие приезду Луначарского.

Как представитель Коминтерна на съезде выступила К. Цеткин, которую встретили шумными аплодисментами, но когда ее речь начали переводить, то при всякой критической фразе в адрес серратианцев конгресс кричал, возражал и прерывал оратора.

Аналогичным образом была встречена и речь Валецкого, которая от времени до времени «прерывалась настоящим адом: пели песни, свистели, дрались между собой, кричали „долгой“ и т. д. И во всем этом принимали одинаковое участие как максималисты, так и реформисты. Сплошная серия неприличнейших сцен. Т. Валецкий, человек опытный и выдержанный, спокойно выжидал пока крикуны охрипнут, и затем продолжал чтение своей речи» (стр. 63).

Выступивший после Валецкого Серрати утверждал, что Валецкий якобы говорил неправду о том, что при исключении туратианцев откроются возможности возврата в ряды Коминтерна. Серрати заявлял о каком-то «тайном предписании Коминтерна» ни в коем случае не допускать Социалистическую партию Италии в ряды III Интернационала. Важно свидетельство самого Луначарского: «Серрати бесстыдно и сознательно лгал. На месте Валецкого должен был быть я. Я получил все эти мнимые секретные документы, и та директива, на которую ссылается Серрати, звучала так: в случае, если, паче чаяния, большинство миланского конгресса исключило бы Турати, отнюдь непосредственно не заявлять о том, что Итальянская партия тем самым вновь входит в III Интернационал» (стр. 65). Речь шла о приглашении представителей Социалистической партии в Москву для обсуждения положения. Луначарский писал, что возвращение Социалистической партии в Интернационал при слиянии с партией коммунистов радостно бы приветствовалось руководством Коминтерна.

Ссылаясь на выступление Серрати, Луначарский отметил следующее: Серрати утверждал, что коммунисты, оставаясь в меньшинстве, боясь ответственности, не предпринимали активных шагов. Валецкий сказал, что коммунисты не несут ответственности в Италии, так как представляют собою меньшинство. «Но это кокетничанье с предложением заведомому меньшинству взять на себя руководящую роль, для того чтобы потом саботировать снизу их дело, скомпрометировать их таким образом и провалить, это всем нам хорошо известный прием. Мы прекрасно помним, как еще Чернов и Церетелли упрашивали нас взять власть в такое время, когда мы еще недостаточно окрепли и когда они смогли бы, сохраняя даже маску лояльности по отношению к нам, великолепным образом провалить нас раз навсегда. Но мы не сделали этой ошибки, мы не брали власти, пока не почувствовали твердой почвы под ногами» (стр. 67).

В связи с тем, что при попустительстве серратианцев съезд полностью поддержал Турати, в конце было зачитано заявление от имени III Интернационала об окончательном исключении Итальянской социалистической партии из рядов Коминтерна. Подводя итоги положению в итальянском рабочем движении, IV Конгресс Коминтерна отмечал:

«После окончания империалистической мировой войны объективное положение в Италии было революционным. Буржуазия была не в состоянии управлять страной. Буржуазный государственный аппарат был расшатан. Правящий класс чувствовал себя неуверенно. Широкие рабочие массы были исполнены гнева против войны и во многих частях страны находились в состоянии полного возмущения. Значительные части крестьянства начали восставать против помещиков и государства и были готовы поддержать рабочих в революционной борьбе. Солдаты были против войны, — они были готовы брататься с рабочими.

Итак, объективные предпосылки победоносной революции были налицо.

Недоставало только субъективного фактора: неоставало решительной, готовой к бою сознательной, революционной рабочей партии. Другими словами, неоставало подлинно коммунистической партии.

В общих чертах можно было после окончания войны констатировать подобное же положение почти во всех воевавших странах. Если в 1919—1920 гг. рабочий класс в главных странах не одержал победы, то это следует приписать исключительно отсутствию революционной рабочей партии. Поразительное всего это сказалось в Италии, которая ближе всех других стран стояла к революции и которая теперь оказалась низвергнутой в глубочайшую пропасть контрреволюции.

Захват фабрик итальянскими рабочими осенью 1920 г. был решительным моментом в ходе классовой борьбы в Италии. Итальянские рабочие инстинктивно стремились к революционному разрешению кризиса. Но отсутствие революционной рабочей партии решило судьбу рабочего класса, определило его поражение в этот революционный момент и подготовило теперешнюю победу фашизма.

«...» Печальный, но поучительный урок итальянских событий должен внушить сознательным рабочим всего мира следующее:

- 1) реформизм является врагом,
- 2) колебания центристов представляют опасность для самой жизни рабочей партии и

3) наличие сомкнутой и сознательной коммунистической партии является первой предпосылкой для победоносной борьбы пролетариата.

Таковы выводы из итальянской трагедии («Коминтерн в документах», стр. 357—358).

Ленин многократно высказывался по вопросам итальянского рабочего движения (см., например, выступление 6 марта 1919 г. о Первом конгрессе Коминтерна, т. 37, стр. 517—519). В «Детской болезни „левизны“ в коммунизме» есть также ряд страниц, посвященных Итальянской социалистической партии и Коммунистической партии Италии (т. 41, стр. 40—50, 93—94, 97—99). Особый интерес представляет статья Ленина «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии». Ленин неизменно указывал на необходимость исключить Турати из рядов Итальянской социалистической партии, подчеркивая, «...что *нельзя* победить в революции, если руководители будут встречать колебания, шатаются, отставки среди „своих“, среди стоящих наверху, среди „вождей“, при каждом трудном повороте событий» (т. 41, стр. 421). Ленин вспоминал, как в конце сентября 1917 г., когда провалилась коалиция меньшевиков и эсеров с буржуазией, партия Чернова подталкивала большевиков сформировать кабинет, уверяя («Дело народа», 21 сентября 1917 г.), что большевики обязаны это сделать и они не должны скрываться за создаваемые ими теории о невозможности им взять власть. «Верить в лояльность подобных заявлений было бы<...> роковой ошибкой» (стр. 421—422). (Именно об этом, как мы видели, писал в своей брошюре и Луначарский.) Последняя статья Ленина, относящаяся к этому периоду, касающаяся Сerratи, — «Заметки публициста» (т. 44, стр. 422—423).

Сerratи в 1924 г. преодолел свои центристские ошибки и во главе фракции «третьеинтернационалистов» вступил в Итальянскую коммунистическую партию, в которой активно работал до конца своей жизни (1926 г.) (см. Ленин, т. 41, стр. 608).

Турати после раскола Итальянской коммунистической партии в 1922 г. возглавил реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 г. Турати эмигрировал из фашистской Италии во Францию. Умер в 1932 г.

Ленин, работая над статьями, посвященными итальянскому рабочему движению, ознакомился с большим количеством материалов «Avanti», «Critica Sociale», «L'ordine Nuovo» и т. д. Эти материалы сохранились в ЦПА с надписями Ленина: «Итал. материалы» (ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14783), «Материалы об *Итал. соц. партии*» (ЦПА, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14784, л. 1).

В письме Луначарского упоминается роман В. Я. Зазубрина «Два мира» (1921). В романе, основанном на собственных воспоминаниях автора и других участников событий, изображается разгром колчаковцев. В предисловии к этой книге Горький писал, что видел ее в 1921 г. на столе Ленина и воспроизвел его отзыв: «Очень страшная, жуткая книга; конечно — не роман, но хорошая, нужная книга» («Ленин и Горький», стр. 356).

244

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<До 1 декабря 1921 г.>

Телефонограмма

тов. Ленину от Луначарского

Дорогой Владимир Ильич!

Убедительно прошу Вас дать тов. Литкенсу в помощники тов. Войкова. Крайне необходимо, иначе не выйдет из кризиса чрезмерной перегруженности работой.

Нарком по просвещению **Луначарский**

Передал Аронов

Приняла Селиванова. 3 ч. 55 м.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 1173, л. 49.

В конце 1921 г. Е. А. Литкенс по состоянию здоровья нуждался в помощнике. Он неоднократно обращался с этой просьбой в Оргбюро ЦК и к Ленину.

Петр Лазаревич *Войков* (1888—1927) — активный участник революционного движения в России, советский дипломат. В 1920—1921 гг. работал членом коллегии Наркомвнешторга, в то время, к которому относится просьба Луначарского, Войков был назначен председателем Русско-Украинской делегации на переговорах с польским правительством о имущественных притязаниях Польши.

245

СЕКРЕТАРЬ ЛУНАЧАРСКОГО — ЛЕНИНУ
ПО ПОРУЧЕНИЮ НАРКОМА

〈2 декабря 1921 г.〉

Т е л е ф о н о г р а м м а. В круговую
От Луначарского. Тов. Ленину. Копия в Управделами СНК

Нарком Луначарский болен. Врачи воспретили выходить ему на работу несколько дней. О дне возобновления им службы сообщим телефонограммой. До тех пор просим по всем делам обращаться к его заместителям т. т. Литкенсу и Покровскому.

Секретарь Наркомпроса Флаксерман

Передал Аронов

Приняла Селиванова. 12 ч. 25 м. 2/XII—21 года.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 2178, л. 106.

246

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ
И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

〈3 декабря 1921 г.〉

Дорогой Владимир Ильич.

Не знаю, сообщили ли Вам, что я болен. Не буду заниматься делами несколько дней по предписанию врача. Все же прошу Вас, если можно, принять Воеводина из Кинофото по поводу предложения итальянской концессии, одним из проводников которой является наш товарищ коммунист Кароти. Воеводин утверждает, что здесь нужна Ваша поддержка.

Наркомпрос Луначарский

Воеводину можно звонить:

1-38-34 — домашний,

4-68-63 — служебный,

2-9-99 — служебный

Передала Еринова

Принял Албац

3/XII — 21 г.

12 ч. 30 мин.

Сверху надпись Ленина:

«Н. П. Горбунову.

Как уладили это дело?

4/XII Ленину».

«Исторический архив», 1961, № 5, стр. 56.

П. И. Воеводин в 1920—1922 гг. заведовал Всероссийским фотокиноотделом Наркомпроса.

Речь идет о предложении итальянской кинофирмы «Cito-Cinema» передать ей «право приобретения и эксплуатации в Италии всех кинолент, сделанных или снятых каким бы то ни было образом в Советской России». Со своей стороны, кроме комиссионных отчислений от проката кинокартин, фирма предлагала прислать в Россию своих кинооператоров с аппаратурой для съемки фильмов. А. Кароти был уполномоченным фирмы.

5 декабря 1921 г. Ленин написал большое письмо, адресованное в Наркомвнешторг, Наркомфин, ВСНХ и Наркомпрос, в котором сообщал:

«В Москву приехал уполномоченный итальянской кинематографической фирмы Чито-Чинема, коммунист т. Кароти, с которым наше итальянское представительство вело предварительные переговоры относительно концессии на съемку и покупку фильмов в России и эксплуатацию этих фильмов в Италии.

Базой для переговоров с т. Кароти может служить имеющийся у него проект договора, оставляющий широкое поле для внесения в него необходимых изменений.

По сообщению уполномоченного НКВТ в Италии — фирма Чито-Чинема является солидным итальянским кинематографическим предприятием, которое финансируется итальянским учетным банком и о котором должна быть справка в Финансово-счетном управлении Наркомвнешторга.

Дело это я считаю чрезвычайно важным и *слезным*.

Поручаю немедленно образовать совещание для рассмотрения предложения т. Кароти, выяснения всего дела и выработки соответствующего постановления Совета Труда и Оборона.

Совыв совещания и доклад в СТО в среду 7 декабря — за т. Воеводиным» (Ленин, т. 44, стр. 270—271).

Проект соглашения между Наркомвнешторгом и фирмой «Чито-Чинема», присланный для обсуждения в Наркомпрос, сохранился в делах комиссариата (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 153, л. 41—42).

Договор с фирмой заключен не был, возможно, вследствие того отрицательного впечатления, которое произвела на представителей ведомств история с итальянским авиатором Чебаррио.

247

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<17 декабря 1921 г.>

т. ЛУНАЧАРСКОМУ, ПОКРОВСКОМУ, ЛИТКЕНСУ

Прошу сообщить мне, для моего доклада на съезде Советов, краткие данные, кои могли бы охарактеризовать наглядно рост жажды знания, тяги к учению, прогресса в этом деле (2—3 цифры, не более, о числе студентов, числе библиотек и т. под., самое рельефное).

Ленин, т. 54, стр. 79—80. Этот документ (автограф Ленина) послужил основой для следующего письма в Наркомпрос (см. № 248).

См. примечания к следующему письму.

248

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ

<17 декабря 1921 г.>

НАРКОМПРОС, т. ЛУНАЧАРСКОМУ,
ПОКРОВСКОМУ, ЛИТКЕНСУ

Я прошу дать мне самые краткие ответы, в одну или самое большее две страницы всего-навсего, на некоторые вопросы для того, чтобы я мог точнее изложить соответствующие части своего доклада на съезде Советов и вставить кое-какие наиболее показательные цифры.

Прошу сообщить мне, для моего доклада на съезде Советов, краткие данные, которые могли бы охарактеризовать наглядно рост тяги к просвещению и некоторые успехи в этой области за 1921 г. (например, число учащих, число изб-читален, число библиотек, число студентов, число технических учебных заведений и т. п.).

Предсовнаркома Ленин

Л е н и н, т. 54, стр. 338. См. также предыдущ. письмо.

19 декабря Литкенс отправляет ответ Ленину и копию Луначарскому: «Весьма зрочно с нарочным». В справке приводятся данные по просвещению на 1 апреля 1921 г. сравнительно с 1 октября 1920 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 9652, л. 2—3). В объяснительной записке Литкенс просит у Ленина извинения, что «более поздние данные суммировать в настоящий момент не представляется возможным» (там же, л. 1).

Работа Наркомпроса не получила освещения в отчетном докладе Ленина на IX Всероссийском Съезде Советов. Не говорил Ленин об этой работе и в выступлениях на совещании беспартийных делегатов съезда (см. Л е н и н, т. 44, стр. 291—334, и примечание № 139 на стр. 575).

Однако в «Наказе по вопросам хозяйственной работы, принятом IX Всероссийским Съездом Советом 28 декабря», просветительной работе было уделено большое внимание. В проекте наказа, написанном Лениным и принятом съездом без изменений, говорится: «IX съезд считает, что задача Наркомпроса в новом периоде заключается в том, чтобы в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих, и предлагает еще более усилить связь школьной и внешкольной образовательной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности» (Л е н и н, т. 44, стр. 337).

249

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ

22 декабря 1921 г

Дорогой Владимир Ильич,

Вы помните постановление Политбюро, СТО и СНК об установлении 8000 академических пайков для ученых России¹. Мы поднимали вопрос о том, вменяется ли нам в обязанность заботиться о распределении академических пайков среди ученых, работающих вне Наркомпроса, в других ведомствах. Нам было разъяснено, что это вменяется в обязанность именно нам. Теперь совершенно неожиданно для меня выясняется, что продукты, идущие на эти надобности (8000 академических пайков), вычитываются из тех 200 000 нормальных пайков, которые даны учителям. Это я считаю уже верхом несправедливости, граничащим с издевательством. Вы знаете, что постановлением ЦК запрещено ставить вопросы о дополнительных пайках, но необходимо в целях восстановления самой элементарной справедливости либо постановить, что Наркомпрод должен отпустить продуктов на 8000 академических пайков сверх 200 000 учительских пайков, либо, по меньшей мере, что академические пайки ученых, работающих в других ведомствах, должны выдаваться за счет продовольственных фондов этих ведомств.

Очень прошу Вас ответить мне на это письмо возможно скорее, т(ак) к(ак) такая столь явная несправедливость волнует Наркомпрос и ставит нас в тяжелое положение и перед необходимостью вновь урезывать и без того ничтожные ресурсы питания наших работников, выделив довольно большой кусок совершенно чуждым нашей работы людям².

Народный комиссар по просвещению Л у н а ч а р с к и й

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 19, врем. оп., к. 42, п. 161.

¹ Речь, по-видимому, идет о постановлении Совнаркома от 6 декабря 1921 г., проект которого ранее рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК и СТО. В постановлении, напечатанном в «Известиях», 14 декабря 1921 г., № 281, было сказано, что «в целях наилучшего использования научных сил страны для восстановления народного хозяйства, а также обеспечения научным работникам возможности спокойной и планомерной работы», Совнарком РСФСР с 1 января 1922 г. установил к уже имеющимся 1000 академических пайков еще 7 тысяч.

² В рабочей книге записи поручений Ленина имеется запись Н. П. Горбунова: «Направить и проследить за движением жалобы Луначарского о 8 тыс. академических пайков. Закончено» («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 49).

Как можно видеть из сохранившихся документов, жалоба Луначарского обсуждалась 13 января 1922 г. в Комиссии по снабжению рабочих при Наркомпроде (см. ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1454, л. 3) и 22 февраля 1922 г. в СТО (там же, ед. хр. 532, л. 37). При этом обсуждении жалоба была отклонена.

Немного позднее в статье «Как Наркомпрос стал головастиком...» (см. настоящ. том, стр. 368) Луначарский так вспоминал об этом инциденте: «Наркомпрос очень обрадовался ассигнованию известного количества продуктов на поддержку ученых, когда внезапно узнал, что все это количество продуктов вычитается из скудного пайка учителей. Он протестовал, он указывал, что в данном случае Главпрофобр прямо получает подарки, вырезанные из тела мучительно больного Главсоцвоса. Тщетно. Нам категорически было заявлено, что это решение изменено не будет. Нельзя не констатировать, что эти самые люди, которые эти решения принимали, которые отказались от его пересмотра, теперь говорят о непропорциональности сметы Наркомпроса и о том, что Наркомпрос запустил свой Соцвос».

250

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈29 декабря 1921 г.〉

Телефонограмма № 488

От Луначарского
т. 3-02-73

В. И. Ленину

Только что мною получена следующая телефонограмма от замнаркомзема т. Теодоровича: «Ввиду постановления 9-го Съезда Советов о передаче сельскохозяйственного образования в ведение Наркомзема, прошу снять вопрос о реорганизации Главпрофобра <с> сегодняшнего заседания Коллегии Наркомпроса».

Отозванный делами службы, я не присутствовал на заседании Съезда Советов, но считаю абсолютно невозможным, <чтобы> без всякой подготовки, без всякого запроса Наркомпроса столь важный вопрос был взят на съезде на «ура» одной речью тов. Осинского. Глубоко протестую против такого образа действий, которому нет прецедентов. Прошу дать мне указания, в каком порядке могу я оспорить опрометчивое и одностороннее решение Съезда Советов.

Луначарский

Передала: Еринова
Приняла: Селиванова

3 ч. 55 м. 29/XII — 21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 9618, л. 2.

В ноябре — декабре 1921 г. коллегия Наркомпроса неоднократно обсуждала вопрос о сокращении сети высших и специальных учебных заведений, находившихся в ведении Главпрофобра. Закрытие мелких учебных заведений вызывалось необходимостью экономить и без того скудные средства, выделявшиеся в государственном бюджете Наркомпросу. Если школы в основном перешли на содержание местных советов, то учебные заведения Главпрофобра по-прежнему оставались на государственном бюджете. В числе прочих был закрыт и ряд местных сельскохозяйственных вузов и техникумов, что вызвало тревогу Наркомзема.

Дело о передаче сельскохозяйственного образования из Главпрофобра в Наркомзем началось еще до IX Всероссийского съезда Советов и серьезно встревожило Луначарского как наркома, так как открывало возможность для хозяйственных наркоматов «растачить» по отделам весь Главпрофобр и отнять у Наркомпроса все профессионально-техническое образование республики.

Сразу же после того, как Всероссийский съезд губземотделов 8 декабря 1921 г. вынес постановление о передаче сельскохозяйственного образования из Главпрофобра в Наркомзем, Луначарский опротестовал это решение в Оргбюро ЦК. При обсуждении этого протеста в Оргбюро 9 декабря в присутствии Луначарского и Осинского было постановлено «направить вопрос на решение в советском порядке» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 632, л. 4).

После того как на местах в соответствии с решением съезда губзесмотделов началось стихийное расформирование сельскохозяйственных секций губпрофобров, 19 декабря по настоянию Луначарского Литкенс обратился с письмом в Президиум ВЦИК. В письме он указывал, что «в связи с общей недостаточной материальной обеспеченностью профессионально-технического образования как натуральным и денежным довольствием, так и педагогическими и организаторскими силами, за последнее время все чаще стал подниматься вопрос о децентрализации дела профессионального образования, в особенности сельскохозяйственного, как в центре, так и на местах», и просил пересмотреть этот вопрос (там же, л. 5).

Пока шла переписка между ведомствами, Луначарский составил проект общей директивы ЦК РКП(б) о профессионально-техническом образовании, в котором писал, что «Дело народного образования, как общего, так и специального, должно быть объединено в едином Центральном Наркомпросе при активном участии в его работе заинтересованных ведомств и профсоюзов... Всякое растаскивание профессионально-технического образования не только не увеличит наши ресурсы, но заставит их распылить и, кроме того, нарушит единую политику просвещения» (там же, л. 11).

После этого Луначарский уехал в Петроград, а тем временем на IX Всероссийском съезде Советов с речью о задачах местных советов по восстановлению разрушенного крестьянского хозяйства выступил зам. наркома земледелия РСФСР Н. Осинский. Во внесенном им проекте резолюции по вопросу о восстановлении и развитии сельского хозяйства (§ 12), утвержденном Съездом, говорилось, что «Съезд считает необходимой немедленную передачу сельскохозяйственного образования всех видов в ведение Наркомзема со всеми отпущенными на него кредитами и средствами. Съезд поручает СНК в месячный срок издать постановление о порядке и способах такой передачи» («Десятый Всероссийский съезд Советов раб., крест., красноарм. и казачьих депутатов. Стеногр. отчет (22—27 декабря 1921 г.)». М., Изд. ВЦИК, 1922, стр. 241).

17 марта 1922 г. Совнарком по докладу Луначарского принял решение: «а) Не передавать сельскохозяйственных учебных заведений из Наркомпроса в Наркомзем; б) Считаю, что это постановление подлежит представлению на утверждение сессии ВЦИК, предложить Наркомзему и Наркомпросу разработать такое управление сельскохозяйственным образованием, которое сочетало бы деятельность обоих Комиссариатов и придало бы единство сельскохозяйственному образованию со всей системой сельского хозяйства РСФСР» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 567, л. 48).

Под председательством Луначарского 19 апреля 1922 г. состоялось совещание руководящих работников двух наркоматов, в результате чего было достигнуто соглашение о координации действий. 20 апреля Президиум ВЦИК утвердил решение этого совещания: сельскохозяйственное образование осталось в ведении Главпрофобра, а в состав коллегий его сельскохозяйственного отдела был введен работник Наркомзема (там же, л. 52).

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

11. I. 1922 г.

Тов. ЛЕНИНУ

В ответ на фрагменты письма к Вам Окулова сообщая: старого народного поэта Белоусова тов. Покровский соглашается взять на академический паек, но необходимо сообщить нам его адрес.

Что касается Минусинского музея имени Мартьянова, то я немедленно распорядился выяснить, находится ли он уже на нашем финансировании. Во всяком случае, по мере наших сил мы сделаем все возможное, чтобы поддержать этот музей.

Нарком по просвещению А. Луначарский
Зам. секретаря <подпись>

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 8124, л. 1.

Минусинский музей имени известного краеведа Н. М. Мартьянова (во время ссылки в Шушенское, посещавшийся Лениным) — один из лучших краеведческих музеев Сибири. С 1923 г. Минусинский музей был переведен на государственный бюджет. В настоящее время в музее восстановлена обстановка комнаты, где работал Ленин.

ЛЕНИН — ГОРБУНОВУ
С ПОРУЧЕНИЕМ ЛУНАЧАРСКОМУ

<14 января 1922 г.>

т. Горбунов!

Находя эту идею вполне правильной и заслуживающей поддержки, прошу взять отзыв т. Луначарского и затем его проект (формальный: условия, сроки и пр.) внести в Малый Совнарком и ускорить прохождение.

14/I 1922. Пред. СНК Ленин

Ленин, т. 54, стр. 114.

Записка Ленина Горбунову написана на листе с заявлением художника Ф. А. Малявина Ленину:

«Председателю Совета Народных Комиссаров.

Тов. Владимиру Ильичу Ленину

от художника Филиппа Андреевича
Малявина

Заявление

Предлагаю организовать выставку моих произведений, картин и рисунков, в пользу голодающих, по Западной Европе и Америке, где картины и рисунки должны быть изданы в сотнях тысяч экземплярах и использованы в виде отдельных моно-

ЛЕНИН НА ПРОГУЛКЕ
Горки, начало августа 1922 г.
Фотография В. В. Лободы

графий как по Европе и Америке, а также и по Советской России, как выявляющих типичное пролетарское искусство.

Прошу оказать мне содействие для вышеуказанной цели, выезд для меня за границу и получение моих произведений из государственных учреждений и от частных лиц.

Художник Ф. М а л я в и н

(Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22634).

Сверху надпись Н. С. Лепешинской: «Николай Петрович. Владимир Ильич просил Вас известить о результатах т. Малявина в его адрес: Обухов пер., д. 4».

Горбунов в тот же день делает запись в тетради поручений: «14 января 1922 г. Падериной. Продвинуть дело и проследить о выставке картин Малявина» («Исторический архив», 1961, № 5, стр. 51).

См. письма Луначарского Ленину 16 января и 1 февраля 1922 г. и примечания к ним.

253

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

16/1 1922 г.

Тов. Владимиру Ильичу Ленину

Дорогой Владимир Ильич!

Получил заявление художника Ф. А. Малявина с Вашей надписью. Что касается разрешения Малявину выезда за границу и содействия получению произведений от государственных учреждений и от частных лиц, то это сделать, конечно, путем постановления Совнаркома легко, если же дело идет о финансировании выставки, то я, с своей стороны, должен сказать следующее: все предприятие с этой стороны может оказаться не только бездоходным, но прямо решительно убыточным. Малявин пользуется известным успехом в Европе, его картины, конечно, согласна будет принять всякая выставка, напр<имер> Венецианская и т. д., но нет никакой надежды, чтобы сборами со входа на выставку можно было бы покрыть издержки. На продажу картин, тем более, что взятые из государственных учреждений и от частных лиц проданы быть не могут, расчета нет никакого. Может быть, одну-две картины и купят, но вряд ли за такую цену, чтобы это окупило бы все расходы. Об этом говорю с уверенностью, ибо знаю, что и вообще-то рынок на живописные произведения новейшего времени очень сейчас в Европе стеснен и в прошлом никогда произведения Малявина не пользовались особенно шумным рыночным успехом. Я разговаривал по этому поводу с несколькими знатоками и живописи и рынка, и все они пришли к тому же заключению, т. е. если бы Малявин без государственной поддержки затеял подобное дело, то оно провалилось бы и ни один мало-мальски опытный капиталист никогда не дал бы на него ни одной копейки. Издание произведений Малявина в сотнях экземпляров, конечно, чрезвычайно улыбается самому Малявину потому, что это создает ему огромную рекламу, но можно усомниться в том, чтобы такое издание, как торговое дело, увенчалось успехом. Другое дело относительно пролетарского (гораздо вернее — крестьянского) духа малявинского искусства. В этом смысле пропагандировать его стоит. Живописец он весьма и весьма недюжинный, своеобразный, глубокий, демократический, стихийный и славный человек, к нам близкий, поэтому в известной мере поддержать его можно. Вывод: пустить его за границу, дать ему возможность собрать картины чрезвычайно легко. Наркомпрос финансировать его из своих скудных средств не станет, если же Комиссия помощи голодающим или фонд Совнаркома захотят взять на себя финансирование этой поездки, то я протестовать не буду, заранее, однако, разочаровывая тех, кто мог бы думать, что в результате окажется какой-нибудь крупный доход для голодающих. Письмо это прошу считать конфиденциальным потому, что

Малявин, к которому я отношусь с определенной симпатией, человек ужасающе высокого о себе мнения и всякое мало-мальски сомнение в том, что он является первым русским художником, а может быть, и европейским, считает за личное оскорбление. В Малый Совнарком, согласно Вашему распоряжению, вношу прилагаемый при сем проект. Что касается последнего параграфа, то здесь можно определить сумму или совсем этот § вычеркнуть. Думаю, однако, что если он будет вычеркнут, то тем самым мы зачеркнем и все дело, т(ак) к(ак) у Малявина никаких серьезных подъемных нет, а тут наверное понадобится минимально несколько десятков тысяч золотых рублей.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22654, л. 2—2 об.

Внизу под письмом Луначарского надпись Горбунова — обращение к Ленину: «Вл. Ил. Прошу просмотреть и дать дальнейшую директиву. Н. Горбунов».

18 января Ленин ответил Горбунову по телефону через Фотиеву:

«т. Горбунов, надо, чтобы Вы сами собрали необходимую информацию, посоветовавшись, если нужно, с Каменевым и Троцким, и решили бы вопрос без меня. Ленин» (Ленин, т. 54, стр. 114).

См. письмо Луначарского Ленину 14 января 1922 г., а также ходатайство в Малый Совнарком от 1 февраля.

254

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

⟨Между 12 и 17 января 1922 г.⟩

В⟨есьма⟩ срочно. Лично.

Дорогой Владимир Ильич.

Тов. Енукидзе вчера сказал мне, что на последнем заседании Политбюро вновь решено закрыть Большой театр и дано поручение Президиуму ВЦИК пересмотреть этот вопрос и разрешить его в предудказанном направлении.

Я позволю себе разделить этот вопрос надвое: на формальную сторону и по существу. Формально я протестую самым категорическим образом против такого рассмотрения каких бы то ни было вопросов. В самом деле, вопрос рассматривался в комиссии т. Ларина, в Малом и в Большом Совнаркоме и в Президиуме ВЦИК неоднократно при чрезвычайно внимательном выслушивании всех за и против. В результате и Большой Совнарком и Президиум ВЦИК постановили Большой театр оставить открытым. Затем Центральный Комитет собирается внезапно, не уведомляя меня ни одним словом и не заслушав ни одного компетентного лица ⟨...⟩ Как ни мудр Центральный Комитет, но он, конечно, рискует, разрешая среди больших государственных дел относительные мелочи, вроде вопроса о Большом театре ⟨...⟩, если он не только не заслушивает каких-либо специалистов, но даже своего собственного, приставленного к этому делу человека, в данном случае меня, который за четыре года не мог не приобрести в вопросах такого рода некоторого опыта. Исходя из этих соображений, я формально протестую против решения Центрального Комитета, принятого без меня, и категорически требую пересмотреть это решение по заслушанию моих аргументов против него.

Об этом я посылаю заявление и секретарю ЦК.

Теперь несколько слов по существу. Вы сразу поймете из этих немногих строк, что Вас ввели в заблуждение.

Дефицит Большого театра при царском режиме доходил до миллиона рублей в год, что составляет на наши деньги не менее ста миллиардов.

В будущем 1922 г. государство имеет уплатить Большому театру в золотых рублях сто сорок четыре (тысячи) всего, т. е. менее шестой части прежних расходов. При этом первое место в Большом театре при царе стоило пять рублей, в настоящее время оно на золотые деньги стоит тридцать копеек. 25% всех мест, включая самые дорогие, отдаются органам ВЦСПС даром. Вы, конечно, спросите после этого, каким же чудом можем мы содержать этот театр. Действительно, это настоящее чудо и в административном отношении и в отношении жертв, которые приносят этому делу все артисты, ибо ни один из них не получает более 20% своего прежнего заработка, а некоторые значительно меньше. При этом сохранено и многомиллиардное имущество этого театра в замечательном порядке, с каким вряд ли может сравниться даже лучший склад ВСНХ.

За все это следовало бы наградить тов. Малиновскую орденом Красного Знамени, вместо этого она награждена потерей здоровья вследствие целой массы клеветы, в которой участвует не только актерская шпана и шныряющие вокруг театра жулики <...>

Допустим теперь, что мы закроем Большой театр. Что же из этого получится? А вот что. Даже комиссия тов. Ларина, постановив закрыть Большой театр, считала необходимым сохранить его оркестр, как первую в России и европейски значительную европейскую единицу. Кроме этого надо поддержать огромное здание, которое нужно и для советских заседаний, наконец, надо охранять и все многомиллиардное имущество этого театра. В результате мы будем расходовать на это все те же ничтожные 12 тысяч золотых рублей в месяц, которые сейчас приплачивает государство. Спектакли-то прекратятся, но ведь прекратятся и доходы с них, а спектакли как раз окупают труппу и себя самих, субсидия же идет фактически на материальное и техническое обслуживание, а если прибавить к этому оркестр, даже пожалуй и не хватит на расходы. Так что Вы своей мерой ни одного золотого рубля Наркомпросу не дадите, если только не хотите, чтобы вся эта демагогия раскрала у нас имущество театра или обвалился сам Большой театр, в виде европейской демонстрации нашей некультурности. К этому прибавьте, что те полторы тысячи человек, которые кормятся около театра, будут выброшены среди зимы на улицу, после того, как с ними заключен был контракт на сезон. Во всякой стране, где мало-мальски оберегается труд (а мне кажется, что Рабоче-крестьянская республика должна быть похожа на такую страну), могли бы потребовать по суду неустойки и, конечно, всякий суд признал бы за ними полное право такую неустойку получить, и это при закрытии театра означало бы огромный расход для государства. Если мы этого огромного расхода, мы в качестве «диктаторов» на себя не возьмем, то это попросту значит, что без всякой пользы для себя мы лишили бы куска хлеба полторы тысячи людей с их семьями, быть может уморили бы с голоду несколько десятков детей, вот что значит фактически закрытие Большого театра.

Продолжение его существования означает, что мы, не тратя ни одной копейки сверх 12 тысяч рублей в месяц, которые необходимы для поддержания здания, охраны материала и содержания оркестра, и в то же время имеем театр, о котором и до сих пор еще идут хвалебные отзывы представителей иностранных держав и иностранной прессы, позволяем каждый вечер двум тысячам людей, в том числе 500 рабочим, проводить время в теплом и светлом помещении, слушая хорошую музыку, а трудящимся в количестве населения маленького уездного городка — сколько-нибудь прилично существовать своим специальным трудом. Вот обстоятельства. Я никоим образом не могу допустить, потому что я еще в здравом уме и твердой памяти, что, узнав эти обстоятельства, Вы продолжали бы настаивать на закрытии Большого театра. Может быть, мы делаем бессознательные ошибки и даже глупости, но сознательно мы их, конечно, не делаем. Я почти

готов согласиться с тов. Енукидзе, что лиц, легкомысленно вводящих в заблуждение Центральный Комитет, а должно быть такие лица есть, следовало бы отдавать под партийный суд.

Теперь для заключения еще одно слово. Вы вотировали мне <от> Политбюро выговор за недостаточную охрану интересов моего ведомства, выразившуюся в том, что я не уследил, как Осинский, не предупредив меня, решил касающийся Наркомпроса вопрос. Вы сказали, что надо следить за всем. <...> Может быть, попросить какого-нибудь члена ЦК, более приятельски ко мне настроенного, взять на себя такой надзор. ЦК сплошь и рядом ставит вопросы Наркомпроса, не вызывая никого из членов Коллегии. Затем тов. Сосновскому запрещено было председательствовать во всех комиссиях за то, что при обсуждении вопроса, касающегося Наркомпроса, он его не предупредил. Я думаю, что дело тут было не в конституции, а в признании полной неразумности такого поведения <...>

Как тут быть и кому жаловаться.

Уверенный в том, что Вы, Владимир Ильич, не рассердитесь на мое письмо, а наоборот исправите сделанный промах, крепко жму Вашу руку.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦГАОР, ф. 1235, оп. 39, ед. хр. 34, лл. 89—90.

17 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП приняло решение просить ВЦИК рассмотреть заявление тов. Луначарского по существу.

6 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК постановил: «Довести до сведения Политбюро ЦК РКП, что фракция Президиума ВЦИК, рассмотрев письмо т. Луначарского и заслушав объяснения Малиновской, находит закрытие Большого театра хозяйственно не целесообразным» (там же, оп. 39, д. 10, лл. 2, 150).

14 марта 1922 г. на имя А. С. Енукидзе и А. В. Луначарского была получена выписка из протокола заседания Политбюро. Слушали: доклад Аванесова о Большом театре, постановили: «Удовлетворить ходатайство ВЦИК от 6/11—22 г.» (там же, л. 149).

Очевидно, окончательное решение о сохранении Большого театра связано с публикуемым обращением Луначарского к Ленину, а также с письмом М. И. Калининна в Политбюро ЦК РКП(б), текст которого впервые здесь печатается (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 39, ед. хр. 34, л. 91—91 об.):

«Политбюро ЦК РКП 12 января вынесло постановление о закрытии Большого театра, текстуально — о закрытии большой оперы и балета. В постановлении не изложены мотивы этого решения, благодаря чему само постановление становится неясным и ставит в затруднительное положение Президиум ВЦИК. Если держаться постановления текстуально, то придется распустить оперную и балетную группы и организовать в Большом театре драму, оперетту, фарс и т. д. <...>

Мне кажется, прежде чем разрушать огромную накопленную целыми поколениями культурную ценность, необходимо предварительно решить: кто же должен занять место, т. е. какой вид изобразительного искусства займет место уничтоженных оперы и балета.

Следующий вопрос встает, почему вдруг неожиданно получилось гонение на оперу и балет.

Разве этот вид искусства не совместим с советским строем. Или зрительные залы бываю пусты. Все данные говорят как раз обратное. Наиболее чуткие к искусству работники Советской власти, делегаты съездов, приехавшие из провинции, всегда стремятся попасть на оперу или балет; рабочие, работницы любят оперу или балет, я думаю, не меньше квалифицированных любителей театра, представителей Советской власти.

Значит, как будто, нет оснований к замене, предположим, оперы, драматической труппой.

Мне кажется, прежде чем ставить такие вопросы, предварительно не мешало бы инициаторам таких предложений прочесть реферат в дискуссионном клубе Московского Комитета вообще о значении театра.

Как-то в частной беседе на мой вопрос, чем можно заменить религию, Владимир Ильич ответил, что эта задача целиком лежит на театре, что театр должен отлучить от обрядовых сборищ крестьянские массы.

И мы видим, что действительно, театр, именно театр проводит первые бразды общестственности в деревенской толще. По крайней мере, я не встречал более благородного способа развивать общестственность деревни, как хороший театр. И его развитие как в деревне, так и в небольших городах идет гигантскими шагами. И при этом тратятся во всероссийском масштабе огромные суммы, и расходы одного Большого театра не могут идти ни в какое сравнение с ними.

Поэтому, если вопрос стоит о закрытии театра в целях экономии, то это соображение, мне кажется, также не выдерживает критики. Ибо кому же придет в голову, например, закрыть, уничтожить в целях экономии Румянцевский музей или Публичную библиотеку только на том основании, что туда мало ходят рабочие.

Большой театр, несомненно, играет не меньшую воспитательную роль для своих посетителей, чем Публичная библиотека. Неправда, что Большой театр посещают одни спекулянты, кто так говорит, лицемерит, клеветает, идеализирует спекулянтов.

Главными посетителями его, если не считать дорогие места партера, является рабочая и студенческая молодежь; я за три года был всего один раз в Большом театре, но и одного раза было достаточно, чтобы заметить среди людского потока, перекатывающегося по фойе, основную группу посетителей.

Затем, разве хоть один провинциальный артист, попавший в Москву, уедет, не постаравшись побывать в Большом театре, где он ищет образцов игры, учится им и несет дальше в глухие места.

Наконец, не мешаает напомнить, что тяжесть падения стоимости денег падала и до сих пор падает особенно чувствительно на плечи артистов. В массе, если не говорить о редких единицах, они жестоко эксплуатируются, работают буквально за гроши, пробиваясь частной халтурой. Несомненно, своей работой они выполняют большую культурную работу в самых дьявольских условиях, когда артисты корчатся от холода на сцене. И Советская власть этой социальной группе работников должна засвидетельствовать свое уважение за ее огромные услуги государству. Какой-то, кажется, персидский или иной страны царь сжег, чтобы прославиться в истории, греческий храм искусства. Я думаю, ЦК РКП имеет достаточно положительной за собой работы, чтобы не прибегать к столь сомнительным средствам, и я надеюсь, что Политбюро пересмотрит и отменит свое решение.

С коммунистическим приветом, член ЦК РКП М. К а л и н и н

См. также примеч. к письму Луначарского Ленину 25 августа 1924 г. (стр. 310—313).

255

ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

1/2 1922

В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ

Художник Ф. А. Малявин предложил организовать выставку картин и рисунков его работы с тем, чтобы все доходы, которые могут поступить в результате этой выставки, имеющей быть в больших городах Европы и Америки, поступили в пользу голодающих. Обезд этих городов выставкой должен иметь место до декабря <19>22 года. Со своей стороны Народный Комиссариат по просвещению считал бы организацию такой выставки полезной чак в смысле возобновления культурных сношений с Западом, известного поднятия престижа Советской России в культурном отношении. Наркомпрос останавливается единственно перед необходимыми для организации этой выставки расходами, т(ак) к(ак) смета его на ближайший год, как это известно Совету Народных Комиссаров, рассчитана с такой скудостью, что даже сравнительно небольшие дополнительные издержки оказываются для Наркомпроса непосильными. Ввиду этого Наркомпрос, поддерживая предложение художника Малявина, ходатайствует перед Малым Совнаркомом об отпуске на всю организацию дела суммы в 15 000 рублей золотом из запасных средств Республики.

При сем прилагаю проект постановления Малого Совнаркома.

Нарком по просвещению А. Луначарский

За секретаря <подпись>

Публикуется впервые по заверенной машинописной копии. АВП СССР, ф. 04, оп. 58, п. 369, ед. хр. 56091, № 361, л. 6.

К письму Луначарского приложен подписанный им проект постановления Малого Совнаркома о субсидировании выставки Малявина за границей.

Приводим его текст.

«Ввиду выраженного художником Ф. А. Малявиным желания организовать выставку картин и рисунков его работы в Европе и в Америке в пользу голодающих Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Разрешить художнику Ф. А. Малявину с минимальным количеством лиц, которых он укажет, выехать для этой цели за границу при условии соблюдения обычных формальностей.

2. Предписать всем государственным учреждениям, имеющим в своих хранилищах произведения художника Малявина, выдать ему эти произведения на срок до начала <19>23 года.

3. Считать обязательным для частных лиц, владеющих картинами художника Малявина, возвращение их художнику Малявину на этот же срок.

4. Отпустить на расходы по этому делу под ответственность художника Малявина сумму в 15 000 довоенных рублей из запасных средств Совета Народных Комиссаров с тем, чтобы весь доход с выставки обратился на покрытие этой суммы, а по покрытии ее пойдет в распоряжение ЦК Помгола.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Зам. секретаря <подпись>.

С под<инным> верно. Секретарь <подпись>».

Оба документа — копия письма Луначарского в Малый Совнарком и копия проекта — были 9 февраля отправлены с соответствующим письмом замнаркома Литкенса в следующие учреждения: Наркомфин, РКИ, Наркоминдел, Наркомвнешторг и ЦК Помгол ВЦИК. Приводим текст сопроводительного письма Литкенса:

«Народный Комиссариат по просвещению препровождает при сем на срочное (не позднее 3-х дней) заключение 1) ходатайство наркома А. В. Луначарского от 1-го февраля с. г. об отпуске художнику Ф. А. Малявину 15 тысяч рублей золотом из запасных средств Республики на поездку за границу художника Малявина и организацию им в больших городах Западной Европы и Америки выставки картин в пользу голодающих и 2) проект постановления Совнаркома.

Наркомпрос просит препроводить означенное заключение непосредственно в Малый Совнарком, копию же — в секретариат Коллегии Наркомпроса — Остоженка, 53, комн. 67, тел. 7-36.

Замнаркомпрос Е. Литкенс» (там же).

18 февраля Луначарский направил в те же инстанции отношение, исправляющее ошибку в письме Литкенса (вместо 15 000 золотых руб. — 15 000 довоенных руб.) — там же, л. 8.

27 февраля на заседании Малого Совнаркома (прот. № 838, п. 7) было принято постановление, подписанное Цюрупой:

«Признать целесообразным организацию выставки картин художника Малявина в месячный срок за границей под руководством т. Малявина в целях реализации доходов от выставки в пользу голодающих. Изъять для этой цели картины художника Малявина как из музеев, так и из владения частных лиц на срок не более одного года.

Отпустить на организацию выставки 15 000 довоенных рублей по смете Народного Комиссариата просвещения 1922 года. Поручить Народному Комиссариату финансов эту надобность учесть при пересмотре бюджета Народного Комиссариата просвещения на 1922 год. Контроль и ответственность за выполнение настоящего постановления об организации выставки и изъятии картин, а также за их сохранность и своевременное возвращение возложить на Народный Комиссариат просвещения» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 35, лл. 1, 4—5).

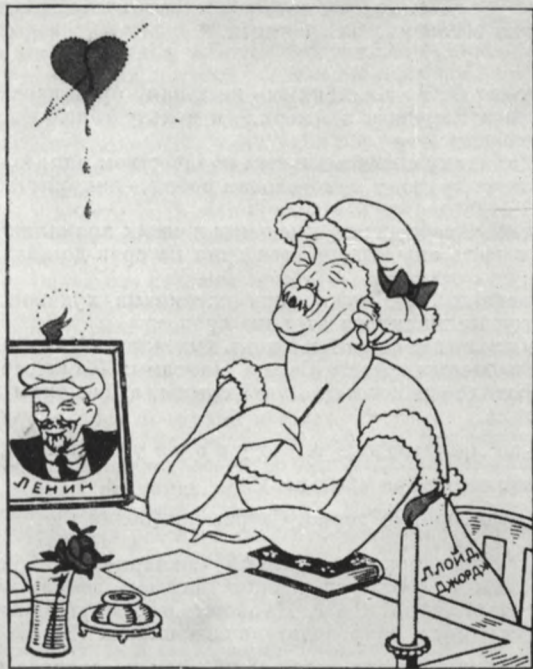
7 марта Малявин получил мандат за подписью наркома просвещения:

«Мандат

Предъявитель сего, художник Ф. А. Малявин, имеет право на изъятие своих картин как из ведения музеев, так и из ведения частных лиц на срок не более одного года на предмет организации выставки картин за границей под его руководством в целях реализации доходов от выставки в пользу голодающих.

О с н о в а н и е: постановление Совета Народных Комиссаров от 27 февраля 1922 г.

„ГЕНУЭЗСКАЯ ТАТЬЯНА“ (ПИСЬМО К ЛЕНИНУ).

— „Я вам пишу... чего же боде?!“

[«ГЕНУЭЗСКАЯ ТАТЬЯНА»
(ПИСЬМО К ЛЕНИНУ)]

Карикатура Дени, март 1922 г.

Вошла в кн. «Мы, наши друзья
и наши враги в рисунках Дени»
М.— Л., 1930 г. С предисловием
Луначарского

Народный комиссар по просвещению <А. Луначарский> (ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, ед. хр. 570, л. 3).

13 апреля 1922 г. Главмузей по инициативе И. Э. Грабаря, заведующего Третьяковской галереей, опротестовал решение СНК в Президиуме ВЦИК, ссылаясь на то, что решение было принято без участия представителей музеев, что это явление беспрецедентное в истории международных художественных выставок. В письме, подписанном, в частности, Грабарем, говорится:

«Быть может, Малявину удалось уверить членов Совнаркома в том, что он вершина настолько значительная, что для него должно быть сделано исключение. Однако это никоим образом не соответствует действительности, ибо, нашумев свыше 20-ти лет тому назад своей картиной „Смех“, приобретенной Венецианской картинной галереей, он с тех пор только повторял самого себя, становясь из года в год все слабее и слабее, и в настоящее время собою никакой крупной художественной фигуры уже не представляет. „Выезд“ за границу такого художника не даст ничего прославлению русского искусства, а скорее, наоборот, вызовет повсеместное недоумение, что уже случилось в 1914 г., когда Малявин выставил в Венеции свой семейный портрет <...>

Все дело о малявинских картинах возникло несомненно только потому, что он сам совершенно искренне верит в свою гениальность и сумел этой уверенностью заразить и других. На самом же деле Малявин наших дней — один из самых средних и серых современных русских художников, играющий только на когда-то созданной вокруг его имени шумихе, не имевшей и в те времена достаточных оснований. Достаточно сказать, что он совершенно не имеет имени в Париже, Англии и Германии и лишь благодаря Венецианской галерее несколько знаком Италии. Сама фигура Малявина, сейчас наполовину комическая, и его выставка, обставленная такой помпой, взятая под особое покровительство Совнаркома, может вызвать скорее веселое, нежели серьезное настроение в художественных кругах Запада» (там же, лл. 16 об.—17).

Луначарский не согласился с этими доводами.
Конфликт между Наркомпросом и Главмузеем затянулся.
16 мая 1922 г. Луначарский писал в Главмузей:

ВОПЛЬ НАБОЛЕВШЕЙ „ДУШИ“.

— Товарищ Ленин, я без вас в Геную не поеду. Довольно!.. Попито моей кровушки!..

«ВОПЛЬ НАБОЛЕВШЕЙ „ДУШИ“»

Карикатура Дени, март 1922 г.

Вошла в кн. «Мы, наши друзья и наши враги в рисунках Дени»

М.— Л., 1930 г. С предисловием Луначарского

«В ответ на Ваше письмо от 11 мая должен Вам сообщить, что я вовсе не называл музеев мертвыми, я даже удивляюсь, как Вы могли предположить, что можно высказать подобную мысль. Говорил я собственно не об этом, а о том, что почти все музеи мира, оставляя картины исключительно в своем помещении и боясь устраивать передвижные выставки, поступают неправильно. Я указываю на то, что за границей все чаще и чаще устраиваются выставки определенной школы или определенного художника (я сам на многих таких выставках бывал) не только из хранилища данного музея, но всех музеев, как государственных, так и частных.

Сейчас, конечно, о систематических передвижных выставках нельзя говорить, так как даже передвижные выставки, устраивавшиеся Обществом передвижников, должны были прекратиться. Но самую мысль я считаю глубоко правильной. Поскольку эту мысль я считаю правильной, постольку я считаю неправильным возражение Третьяковской галереи и Отдела музеев против предприятия Малявина. Я думаю, что здесь сказывается косный консерватизм музееведов, хотя рядом здесь имеются другие соображения, более важные и более сильные. В общем же я думаю, что Музейный отдел напрасно заварил эту кашу. Малявин сейчас получил необходимые ему деньги и имеет полную возможность за свой страх и риск отправить картины, которыми, как я наверно знаю, не особенно дорожит Третьяковская галерея, в европейско-американское турне. Что из этого выйдет, мы увидим, но почему непременно нужно ставить палки в колеса, я не понимаю. Между тем дело затягивается и получается какая-то ненужная канитель. Я бы думал, что Музейный отдел должен был бы ограничиться протестом в печати, то есть заявить, что это сделано помимо его воли и даже вопреки его желанию, но не канительиться с этим.

Что касается выставок, которые устраивались за это время, то, кажется, я более или менее на всех бывал. Сейчас, как раз завтра, думаю посетить выставку Кончалов-

ского. Выставки крестьянского искусства я, действительно, еще не смотрел, но очень хотел бы сговориться с Вами относительно ее посещения в один из ближайших дней, так как выставкой этой очень интересуюсь. Хорошо бы, если бы Вы согласились вместе со мною осмотреть ее в 1 час в четверг. Несмотря на то, что я страшно перегружен сейчас работой по процессу эсеров, я, конечно, так сказать, в порядке кратковременного отдыха, мог бы выбрать для этого время.

Крепко жму Вашу руку.

Нарком по просвещению А. Луначарский (ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, ед. хр. 570, л. 39 — 39 об.).

18 мая 1922 г. Луначарский подтвердил свою точку зрения в письме в Главмузей: «Вчера получено мною категорическое предложение зам. предсовнарком тов. Цюрупы немедленно привести в исполнение постановление СНК о выдаче Малявину его картин, находящихся в Третьяковской галерее. Ввиду этого категорического предложения, делающего меня ответственным за выполнение, прошу Вас за Вашей ответственностью немедленно выполнить предложение СНК. В случае, если с Вашей стороны есть какие-нибудь особо важные возражения, уполномочиваю Вас лично представить их в письменной форме тов. Цюрупе, с направлением копий ко мне» (там же, л. 40).

Выехав за границу, Малявин, однако, не оправдал доверия Советского правительства. Более того, он выступил в печати с грубой антисоветской клеветой, в частности, с клеветой на Луначарского. Об этом свидетельствуют следующие документы:

1) Письмо Луначарского в Отдел Запада Наркоминдела (копия в ИНО ГПУ тов. Трилисери) 16 ноября 1922 г.:

«В ответ на бумагу Отдела Запада от 10-го ноября по поводу художника Малявина, я должен сказать, что означенный художник входил здесь в организацию революционных художников, сделал мой личный портрет, был принят у тов. Ленина, который одно время лично ходатайствовал о пропуске его за границу, и числился вообще в числе наиболее революционно настроенных художников, поэтому упрек в безалаберности при пропуске таких художников, как Малявин, отпадает целиком. Но Малявин, человек некультурный и неумный, очевидно, попал за границу под влияние эмигрантщины, о чем я был уже осведомлен представителем Наркомпроса за границей тов. Гринбергом. Само собой разумеется, за свое неуместное выступление Малявин должен понести должное наказание, и я прошу ГПУ и Инотдел заранее считать разрешенным в отрицательную сторону вопрос о возвращении Малявина в Россию.

Нарком по просвещению <Луначарский> (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3377, л. 122).

2) Письмо Луначарского Уншлихту от 6 декабря 1922 г., где, в частности, говорится:

«Я не знаю, писал ли я Вам уже о результате сведений, полученных о совершенно негодяйском поведении художника Малявина. Мы с Наркоминделом постановили ни в коем случае Малявина назад в Россию не пускать. Этот дрянной человечико, между прочим, наврал Гринбергу, будто я один раз, приехав к нему позировать, забыл у него свой портфель, в котором он нашел и прочел секретные бумаги, касающиеся меня, Ленина (<...>), но был так честен, что вернул его мне. Вы, конечно, понимаете, что это чистая ложь. Никаких секретных бумаг я в портфеле не вожу. Да их и не было, но само заявление такого человека рисует его как негодяя с головы до ног. Не знаю, писал ли я Вам уже об этом, но сейчас подтверждаю, что о въезде Малявина в Россию не может быть и речи. Статьи его в „Руле“, „Новом времени“ Суворина и в одной баварской черносотенной газете представляют собою одну сплошную и злостную клевету. Опять-таки не знаю, осведомлены ли Вы о том, но я считаю нужным подчеркнуть, что, по полученным из-за границы сведениям, Маяковский ведет себя в высшей степени похвально, всюду очень ярко демонстрирует в пользу Советской России и произвел очень благоприятное для нас впечатление во всех городах, где проживал» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3377, л. 13).

3) Письмо Луначарского прокурору Московской губернии тов. Швердину 6 мая 1923 г.:

«Уважаемый товарищ, по поводу бумаги Вашей от 2 мая за № 4332 имею Вам сообщить следующее: художник Малявин, втерпшийся в доверие как В. И. Ленину, так и мне, обратился ко мне с покорнейшей просьбой дать ему временную квартиру в одном из наших детских садов. Я заранее предупредил его, что квартиру эту предоставляю ему только на короткий срок и что по истечении этого срока я укажу ему другую, менее нужную для детей квартиру, куда он и должен будет переехать.

Через несколько времени Малявин, снабженный советскими деньгами и с целым рядом своих картин, выехал за границу. Своему зятю, оставшемуся здесь, он поручил ни

ЛЕНИН НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
В КРЕМЛЕ

3 октября 1922 г.

Фотография П. А. Оцуца

в коем случае из квартиры не выезжать, и вышло так, что, в то время как дети ютились в душных комнатах, две прекрасные комнаты были заняты просто картинами Малявина, притом картинами, лишенными всякой художественной ценности, ибо все, что у Малявина было мало-мальски ценного, было им вывезено за границу. Когда жена моя, управлявшая этими колониями, решила вывезти вещи Малявина, ввиду нарушения данного им слова, оставленные в квартире, то оказалось, что Малявин перед отъездом, не сказав мне о том ни слова, получил охранную грамоту от Каменева. Я, снесясь с тов. Каменевым, указал ему на то, как обстоит дело, и, по соглашению с ним, квартиры Малявина лишил, а оставленные им картины, признанные музейоведами лишенными всякой ценности, даже коммерческой, сдал на хранение. Никаких незаконных действий, таким образом, колония, конечно, не произвела.

Но дальше история становится гораздо более компактной. Переехав за границу, Малявин сразу перешел на сторону наших врагов, писал абсолютно клеветнические статьи, в которых, между прочим, утверждал (ложь с начала до конца, конечно), что я однажды будто бы забыл у него портфель, в котором он нашел бумаги <...>, но что-де по благородству своему он мне эти бумаги вернул.

Кроме того, этот гнуснейший человек, забравшись рано утром на нашу выставку в Берлине, украл отсюда свою, проданную государству картину, которая была найдена у него и возвращена на место при помощи германской полиции.

Очень советую Вам, товарищ московский прокурор, не являться защитником, ломающим копыя за человека, сейчас по постановлению Наркоминдела лишенного права обратного въезда в Россию.

Что касается оставленных Малявиным картин, то я еще раз предвишу Музейному отделу просмотреть эти картины. Думается, что самое лучшее назначение для них было бы продать их с аукциона в пользу беспризорных детей, так как имущество это нужно рассматривать как абсолютно бесхозное, ибо Малявин, лишенный права обратного въезда в Россию, для нас является теперь таким же, как всякий другой беглый.

Нарком по просвещению <Луначарский> (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3367, л. 51—51 об.).

Следует отметить, что при отъезде Малявина за границу ни одна из картин, находившихся в государственных хранилищах, ему выдана не была.

256

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ С ПОМЕТКОЙ ЛЕНИНА

ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Секретарю Политбюро ЦК РКП

4/III — 22 г.

Дорогой товарищ.

Приходится торопиться с политической директивой НКП, так как все время накапливаются недоразумения. Так, Малый Совет вопреки единогласному мнению съезда Губоно и явно по неосведомленности принял частную платную школу, что я, разумеется, оспорил и перенес в Большой Совет. Прилагаю при сем текст директивы, которую я просил бы Политбюро дать НКП.

Нарком по просвещению — А. Луначарский
Секретарь <подпись>

ДИРЕКТИВА НКП

Принимая во внимание принцип бесплатной школы, провозглашенной программой РКП, а также то обстоятельство, что при нынешних условиях, согласно вычислению НКП, введение платы за право обучения дало бы лишь чрезвычайно малую помощь НКП в материальном отношении, приведя в то же время к необходимости создания целого аппарата для рассмотрения прошений об освобождении от платы и к чрезвы-

чайно нежелательному расслоению учеников в школе, к неровному отношению к ним учителей и к местами уже сказавшимся при незаконном введении платы подобным явлениям, ЦК РКП полагает, что введение платности в государственных школах является мерой нецелесообразной и несвоевременной.

Принимая во внимание, что создание частной школы, оплачиваемой своими средствами, сейчас посильно только для чрезвычайно тонкого слоя старой и новой крупной буржуазии спекулятивного типа, что такая явно классовая школа ввиду бедности государства может оказаться лучше обставленной, чем школа для пролетариев и крестьян, и притягивать к себе лучших педагогов, ЦК РКП полагает, что частная платная школа не должна быть допущена в пределах РСФСР.

1) Вместе с тем ЦК РКП признает необходимым увеличение средств школы, главным образом путем возложения части бремени оплаты школы на ведение в более организованных и правильных формах, чем плата за право учения. Такими формами должно быть упорядоченное самообложение, согласно декрету от 16 сентября.

2) Во-вторых, выделение достаточного процента из местного бюджета.

3) Приписка школ гос. промышленным предприятиям, профсоюзам и др. советским рабочему типу организациям.

4) Введение шефства, причем шефами могут являться кооперативы, частные предприятия, а также объединения частных лиц для поддержания школ без каких то ни было прав на педагогическое и административное ведение этой школы, а лишь с почетными правами.

Во исполнение всех этих мероприятий НКП предлагается в пределах его ведения выработать ряд точных инструкций в согласии с постановлением СНК и имевшего место съезда Губоно и выработка ряда общих законодательных мер по соглашению с НКФ и заинтересованными ведомствами для проведения их через Совнарком.

5) ЦК РКП считает целесообразным созыв непосредственно после предстоящего партийного съезда особой послесъездовской секции по народному образованию, в которой приняли бы участие желающие и интересующиеся этим вопросом члены партийного съезда. Им НКП дал бы отчет о нынешнем состоянии народного образования в России и о мерах, необходимых для улучшения этого положения.

Нарком по просвещению А. Луначарский

Верно: М. Буракова

Сбоку — пометка Ленина:

«В архив».

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22898.

См. письмо Луначарского Ленину 19 октября 1922 г. и примечания к нему.

257

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

〈Телефонограмма〉

ПОЛИТБЮРО ЦК РКП, тт. ГОРБУНОВУ и ЛЕНИНУ

От т. Луначарского

〈13 марта 1922 г.〉

В течение более чем двух недель я добиваюсь рассмотрения совершенно срочного вопроса об увеличении средств Главпрофобра в Политбюро. В субботу в 3 часа на основании постановления Коллегии НКпроса

я заявил секретарю ЦК т. Молотову, что Коллегия вынуждена сложить с себя всякую ответственность за могущие вновь возникнуть забастовки, если вопрос этот не будет рассмотрен в понедельник. Сегодня меня уведомляют, что он вновь перенесен на среду. Самым энергичным образом протестую против затяжки столь спешного вопроса <...>

Луначарский

13/III—22 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 3566. Адресовано, кроме Ленина, Управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбуну. На документе штамп: «Архив т. Ленина».

258

ЛЕНИН — СМОЛЬЯНИНОВУ

т. СМОЛЬЯНИНОВУ ДЛЯ тт. ЛУНАЧАРСКОГО, ПОКРОВСКОГО,
РЫКОВА, ЦЮРУПЫ

17.V.1922 г.

НАРКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Я получаю ряд сведений, что дороговизна книг при наших «увлечениях» и преувеличениях *наша* лишает народ полезных книг.

Мне казалось бы, необходимо установить какое-либо правило или провести закон такого примерно рода: на счет местных налогов известные суммы установить, кои должны быть вносимы в центр для составления фонда, на счет коего покупаются несколько тысяч (скажем, Скворцов: «Электрификация»¹ и т. п.) для *рассылки всем уездбиблиотекам*.

Прошу обсудить это и сообщить мне ваше заключение².

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)

Над текстом письма — надпись Ленина:

«Проследить за ответом».

Ленин, т. 54, стр. 262. Копия письма была направлена также заместителю наркома финансов Г. Я. Сокольникову

¹ Книга была написана И. И. Скворцовым-Степановым по настоянию Ленина и вышла в свет в марте 1922 г. См. И. Степанов. Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства. Предисл. Н. Ленина и Г. Кржижановского. М., Госиздат, 1922, 392 стр. с илл., 2 л. карт.

² 20 мая 1922 г. на заседании Президиума Коллегии Наркомпроса Луначарский доложил о предложении Ленина. Было постановлено «предложить Госиздату совместно с Главбутом и Полиграфотделом обсудить в срочном порядке предложение т. Ленина» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 542, л. 74). Однако уже на следующем заседании Президиума Коллегии Наркомпроса 24 мая 1922 г., заслушав сообщение Луначарского, Президиум постановил: «Уполномочить тов. Луначарского сообщить председателю СНК т. Ленину, что ввиду рассмотрения вопроса об удешевлении книг в партийном порядке, — Наркомпрос удерживается от рассмотрения его» (там же, л. 28). Очевидно, в то же время Луначарским была переслана в Управление делами СНК докладная записка заведующего Госиздатом О. Ю. Шмидта, в которой тот сообщал, что уже имеется решение ЦК партии о выдаче Госиздату субсидии из резервного фонда Совнаркома, что позволит продавать политическую литературу по цене, равной или ниже ее себестоимости.

На это же постановление ЦК о выделении субсидии для Госиздата сослался и замнаркома финансов Г. Я. Сокольников, указавший, что создание фонда из отчислений от местных налогов практически невыполнимо. М. Н. Покровский, не знавший о решении ЦК, в своем заключении предложил употребить для удешевления книг

ЛЕНИН В СВОЕМ КАБИНЕТЕ В КРЕМЛЕ

4 октября 1922 г.

Фотография П. А. Оцуца

средства Главполитпросвета, а также хотя бы один процент от продажи хранящихся в музеях предметов из бриллиантов и золота, не имеющих исторической или художественной ценности. А. Д. Цюрупа, указав на ничтожность отчислений из местных налогов, которые «не покроют» даже местные нужды, писал, что Политбюро ЦК уже создало комиссию для рассмотрения вопроса об отчислениях с оборотных средств Центросоюза в пользу Наркомпроса.

Несколько ранее этого письма Ленина вопрос об удешевлении книг рассматривался в Агитпропотделе ЦК, где были выработаны следующие предложения: 1) передать крупнейшим издательствам (Госиздату, «Красной нови» при Главполитпросвете и др.) из Полиграфотдела несколько хорошо оснащенных типографий; 2) снять пошлины на ввозимую из-за границы бумагу, которая идет на печатание политической литературы; 3) выдать Госиздату, Главполитпросвету и партийным периодическим изданиям специальную субсидию, которую они должны расходовать под особым контролем ЦК. Рассмотрев эти предложения 12 мая 1922 г., Секретариат ЦК РКП(б) принял их, дополнив пунктом об установлении для партийных организаций скидки с оптовой цены на всю печатную литературу, и передал их в Политбюро для утверждения в качестве директив соответствующим советским органам.

259

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

18/X 19<22 г.)

3-й Всероссийский съезд заведующих Губоно радостно приветствует возвращение Владимира Ильича Ленина к руководству Республикой.

Съезд желает здоровья и успехов любимому вождю и был бы счастлив видеть его в своей среде хотя бы на несколько минут.

Председатель съезда А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 96, л. 18.

260

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<19 октября 1922 г.)

Дорогой Владимир Ильич!

Наркомпрос просит Политбюро срочно рассмотреть 2 вопроса:

1) жалоба относительно перенесения элемент<арной> школы на местные <средства> и

2) о введении платности. Эти ли вопросы стоят на сегодняшней повестке? Почему же не вызвали меня, если эти?

Мною подана была записка с изложением мнения Коллегии. Не заслушает ли Политбюро меня сейчас на 5 минут.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 2, ед. хр. 3621, л. 1—1 об. Автограф карандашом. Сверху надпись: «Архив т. Ленина». Дата регистрации «18/X 22 г.» проставлена, видимо, ошибочно. Письмо датируется по содержанию.

Заседания Политбюро ЦК 18 октября не было. На заседаниях Политбюро 12 октября и 19 октября вопросы, указанные Луначарским, не обсуждались. Вероятно, Луначарский имел в виду поставить вопрос 19 октября и во время заседания написал публикуемую записку.

261

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

<31 октября 1922 г.)

Дорогой Владимир Ильич!

Я посылаю Вам мою статью, которая на днях появится в «Известиях». Я трактую в ней очень важные вопросы, на которые Вы обратили сугубое внимание. Трактую я очень ясно и, как мне кажется, доказываю, что тот хирургический метод, к которому Вы стали энергично примыкать, народное образование не вылечит, а только искалечит. Убедительнейше прошу Вас эту статью прочесть. В ней ... de te, Magister, fabula narratur*.

Ваш А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. 4359, оп. 1, ед. хр. 125, л. 2. Последняя фраза — рукой Луначарского.

* не твоя ли, Учитель, история эта! (лат.)

Луначарский несколько перефразирует слова из первой сатиры Горация, которые Маркс цитировал в предисловии к первому изданию «Капитала».

ПРИБАВЛЕНИЕ
 № 41
 по порядку № 8195
 1907
 Уполномочен-
 ный
 К-ша
 со слов
 "К.ша"

ИСТИННЫЙ ЛЕНИН
 № 10010 от 1.11.22

Не только не упоминаю,
 но даже отрицаю, что дела
 отменяются. Я уже два раза
 писал, и каждый раз говорил
 и Каневскому, что война с
 РКП расстроится у нас. Но вы
 К.ш. - след. от партии: Сибирские
 сестры воле С.Н.К. А.А.

Речь идет о статье «Как Наркомпрос стал головастиком и чем его лечить», напечатанной в «Известиях», 5 ноября 1922, № 251. На обороте последнего листа посланного Ленину экземпляра статьи имеется следующая приписка: «К вопросу о смете Наркомпроса. Очень прошу прочесть на досуге. Луначарский» (там же, л. 6 об.).

В октябре 1922 г., в атмосфере всеобщей критики в адрес Наркомпроса и его затянувшихся административных реорганизаций, Луначарский решил представить все стороны работы Наркомпроса на суд широкой советской общественности. В «Известиях» появилась серия его статей-фельетонов под общим заголовком «О народном образовании»: 1. «Именины без пирога» — № 239, 22 октября; 2. «Чужую беду руками разведу» — № 240, 24 октября; 3. «Жгучие вопросы» — № 242, 26 октября; 4. «Долой школу 2-ой ступени» — № 244, 28 октября; 5. «Как Наркомпрос стал головастиком и чем его лечить» — № 251, 5 ноября; 6. «Новое студенчество» — № 262, 19 ноября; 7. «Надо помочь опытно-показательным учреждениям» — № 269, 28 ноября;... 10. «Единство и автономность в союзном просвещении» — 1923, № 5, 10 января. Статьи 8 и 9 в тексте газеты «Известия» не обнаружены. Возможно, это статьи «Всероссийский учительский съезд и X съезд Советов» (№ 270, 29 ноября) и «Тов. Ленин о задачах просвещения» (1923, № 3, 5 января), опубликованные без общей для всей серии газетной шапки, но возможно, что статьи 8 и 9 вообще остались неопубликованными.

Ниже приводится полный текст статьи «Как Наркомпрос стал головастиком и чем его лечить», посланный Луначарским Ленину.

«О народном образовании» Статья 5-ая

Как Наркомпрос стал головастиком и чем его лечить.

Если взглянуть на смету Наркомпроса, то сразу видно, что он головастик. Склонный к быстрым суждениям человек скажет: у него водянка раздула голову. Как же, 40% всей сметы идет на высшие учебные заведения (вернее на Главпрофобр в целом). Большая сумма стоит по смете Цекубу и т. д. Человек более внимательный скажет: такое уродливое строение объясняется не тем, что голова слишком велика, а тем, что тело слишком хило. Но как же так вышло, во всяком случае, что смета Наркомпроса „скандально“ непропорциональна, как утверждают некоторые. Не вина ли это самого Наркомпроса? Почему Коллегия не распределила своих ресурсов более органично. Я попрошу читателя взглянуть немножко на историю того, как нарастали эти „раздутые“ сметные статьи.

Прежде всего надо помнить одно основное положение. Наркомпрос все время морили невероятным голодом. Голодала, конечно, вся страна, голодали все наркоматы. Но если вы сравните цифры, получаемые Наркомпросом с получавшимися до войны Министерством народного просвещения, или те же цифры с остальным нашим собственным бюджетом, то тогда вы увидите, что Наркомпрос потерял. Конечно, некоторые государственные надобности, в особенности военные, естественно, до чрезвычайности выросли, и в закудальи народного образования при этих условиях вряд ли можно видеть вину. Это только беда, и большая беда. Правильно ли, однако, учитывается в общегосударственном бюджете, скажем в текущем, вся величина этой беды? Не является ли весь наш государственный бюджет в отношении народного просвещения уродливым — это другой вопрос.

Мы в Наркомпросе склонны думать, что некоторое увеличение нашей доли и необходимо и возможно.

Исходя из этого основного положения, что Наркомпрос волею исторических судеб оказался заморышем, надо констатировать, что каждый его орган, естественно, стремился питаться и расширяться, кричал об этом, настаивал на этом.

Но вот. Голос Главоцпроса, который ведает самой базой народного образования — массовой школой, ни в ком не встретил ни малейшего сочувствия и поддержки. На детский писк о грамотности и даже о пище отвечали либо пожатием плеч (знаменитая фраза: „это дело послезавтрашнего дня“), либо хорошими словами и хорошими комиссиями вроде детской комиссии при ВЦИК, которая оставила, однако, воз на месте.

Не совсем так было с Главполитпросветом, разделом, ведающим внешкольным образованием. У него есть две стороны, одна, обращенная к партийному солнцу и им согреваемая, — партшколы и партуниверситеты и другая, не столь приметная для партийного солнца, общекультурная, — ликвидация неграмотности, избы-читальни, библиотеки, курсы для взрослых и т. д. Так как сторона чисто политического воспитания, хотя далеко и неудовлетворительно в финансовом отношении обстоящая, все же пользовалась могучей поддержкой и как-никак росла, то в течение долгого времени, пока ресурсы получались из центра, жила кое-как и вторая, так сказать, правая сторона Главполитпросвета. С переходом же на местные средства выяснилось, что губкомы, отчасти и под давлением ЦК, делали все от них зависящее для спасения партшколы, но зарезали почти до смерти все в собственном смысле внешкольное дело. Центр же на себе оставил только заботы о политпросвещении, а остальное сбросил на „места“.

Как видите, не Наркомпрос в этом отношении виноват. Жизнь советская устроена так, что существовать в области народного образования может лишь то, что получает, кроме заботы Наркомпроса, мощную поддержку от какого-либо другого органа общественной или государственной жизни. Это еще заметнее на судьбах Главпрофобра. Главпрофобр и есть прежде всего та большая голова, которая делает нас головастиком. Между тем 40% сметы получились у Главпрофобра не в результате меры на глаз со стороны Коллегии, а потому, что этот не менее других замороженный орган в своих финансах опять-таки встретил мощную поддержку экономических комиссариатов, заинтересованных в том, чтобы получить специалистов. Комиссариаты поняли, что Главпрофобр — если уже считать дело народного образования „послезавтрашним“ — по меньшей мере имеет связь с завтрашним днем. Еще недавно дело доходило у нас до профессорских стачек. Сейчас положение несколько благополучнее. Нам, как говорится, „примазали“ кое-что, и именно на Главпрофобр. Естественно, что смета ввиду этой, так сказать, аннексии потеряла свою ограниченность. Главпрофобр вырос не за счет Главсоцвоса, а за счет прибавок, в которых Главсоцвосу, несмотря на все протесты Наркомпроса, систематически отказывали.

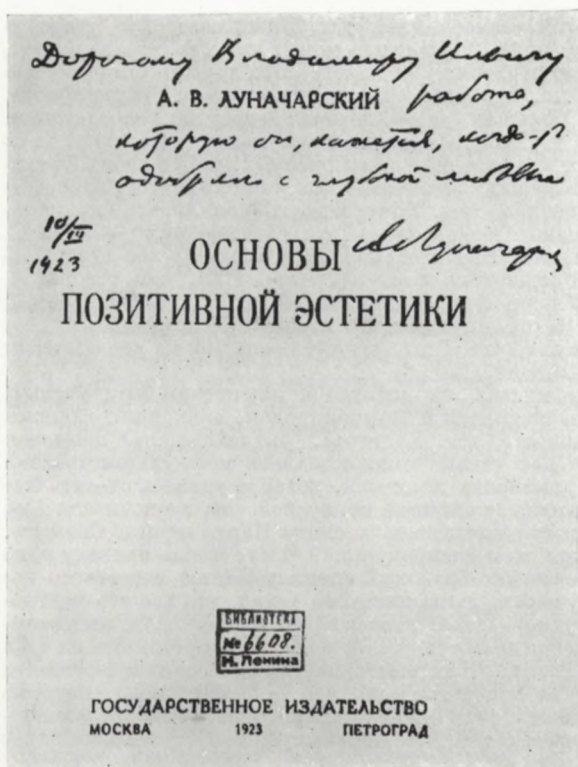
Цекубу. Наркомпрос в течение многих лет добивался улучшения быта ученых, и вот, объединив свои силы с Наркомздравом и Наркомпродом, понявшим, главным образом благодаря личной отзывчивости тов. Халатова, „скандальность“ повышенного вымещения столь ценных для нас ученых сил, создалась междведомственная под председательством делегата Наркомпрода комиссия, которой удалось сделать быт ученых сносным. Смета разрабатывалась всегда этой комиссией, она же добивалась ее проведения. Но смета эта механически вписывалась в смету Наркомпроса. Скажите, пожалуйста, как не образоваться при этом диспропорции? И тут я еще приведу одно горькое воспоминание. Наркомпрос очень обрадовался ассигнованию известного количества продуктов на поддержку ученых, когда внезапно узнал, что все это количество продуктов вычитывается из скудного пайка учителей. Он протестовал, он указывал, что в данном случае Главпрофобр прямо получает подарки, вырезанные из тела мучительно больного Главсоцвоса. Тщетно. Нам категорически было заявлено, что это решение изменено не будет. Нельзя не констатировать, что те самые люди, которые это решение принимали, которые отказались от его пересмотра, теперь говорят о непропорциональности сметы Наркомпроса и о том, что Наркомпрос запустил свой Соцвос и вырастил слишком большую голову.

Взглянем попристальнее на другую сторону дела. Так ли уже велика голова Наркомпроса? Я приведу только одну иллюстрацию. На днях был у меня секретарь бюро коммунистических ячеек, видный деятель студенческого движения в Высшем техническом училище, пожалуй, наилучшем в России. Он мне указал, что количество студентов ВТУ поднялось за революцию в два раза, а сумма, отпускаемая на него государством, по сравнению с довоенной, пала в 70 раз. Вот вам пухлая голова Наркомпроса. Если бы не существовало Цекубу, то русские ученые при нормальном количестве лекций получали бы и сейчас по 50—60 миллионов, т. е. по наркомфиновскому курсу 4 руб. 40 коп. в месяц на все про все.

И вот теперь бросим общий взгляд на наркомпросовскую диспропорцию. Многие из наших „друзей“ говорят нам: „правда, живот у вас подвело, но зачем вы просите пищу извне, почему бы вам не есть вашу собственную раздувшуюся голову“. Покорнейше благодарим за догадливость и прекрасное лекарство, но обращая ваше внимание на тот факт, что этим лекарством зияющая пробоина на дне нашего корабля заткнута быть не может. Зато, сорвав с него парус, мы в полной мере уподобимся знаменитому Тришке. Впрочем, надо сознаться, что давно уже камзол других комиссариатов длиннее нашего кафтана.

Во избежание недоразумений еще одно. Говорят, что у нас перегружены наши траты на искусство. Единственными серьезными цифрами в этой области (являются) траты на театры. Раз десять уже заносился над ними нож и каждый раз останавливался потому, что выяснялся ничтожная экономия, которую может получить государство, отняв у них субсидию и тем самым пустив их на дно. Но прежде всего допустим, что суммы, отпускаемые театрам, чрезмерны. Как возникли эти суммы. Да будет известно всякому, интересующемуся этими вопросами, что Наркомпрос как таковой совсем устранился во избежание нареканий от определения этих сумм. Они определены были особой комиссией под руководством главным образом Наркомфина, где Наркомпрос даже не был представлен. Представлено было только управление государственными театрами, отстаивавшее их интересы. Таким образом, во избежание нареканий, повторяю, Наркомпрос предоставил объективной вневедомственной комиссии наметить, какие ресурсы для театров считает она не чрезмерными для казны и в обрез достаточными для самих театров.

У меня нет никаких оснований думать, что Наркомфин проявил в этом пункте столь несвойственную ему щедрость, а потому я полагаю, что вновь возникающие толки о возможности получить сколько-нибудь заметный кусок, урвав его из этой части сметы, ни к чему серьезному, кроме новой возни около этого вопроса, не приведут. Впрочем, они могут привести и к закрытию театров. Только от закрытия их никому не станет тепло, хотя многим холодно» (ЦГАОР, ф. 4359, оп. 1, ед. хр. 125, лл. 3—6).

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
 «ОСНОВЫ ПОЗИТИВНОЙ
 ЭСТЕТИКИ» (1923 г.)
 С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
 ЛЕНИНУ:

«Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрял, с глубокой любовью
 А. Луначарский. 10/III 1923»

Как видно из контекста статьи, «хирургическим методом», о котором Луначарский пишет Ленину, он называет урезывание денежных расходов на театры («Раз десять уже заносился над ними нож»).

В тот же день Ленин передал статью Луначарского Горбунову. В ЦПА ИМЛ хранится конверт письма Горбунову от Ленина (само письмо не разыскано). В журнале исходящих документов имеется следующая запись: «Горбунову Н. П. — К вопросу о смете Наркомпроса — (ст. Луначарского о народном образовании „Как Наркомпрос стал головастиком и как его лечить“»).

4 ноября 1922 г. Горбунов направил статью Луначарского в Наркомфин А. И. Сви-дерскому со следующим письмом:

«Секретно. Владимир Ильич просит Вас прочесть статью т. Луначарского и при-слать ему через меня свое мнение (по существу вопроса). Статью прошу вернуть с от-зывом.

Управделами СНК Горбунов» (ЦГАОР, ф. 4359, оп. 1, ед. хр. 125, л. 1). Однако статья осталась в бумагах Сви-дерского.

В статье 1924 г. «О положении высших учебных заведений в Республике» Луначар-ский вспоминал: «Наркомпрос иногда называют головастиком с чрезмерным Проф-обром и слабым Соцвосом. Это недоразумение может усугублять вышеуказанный кризис. Дело в том, что почти все издержки по Соцвосу возложены на местные средства, издерж-ки же по Профобру в подавляющем большинстве идут по сметам самого Наркомпроса. Отсюда иллюзия их чересчур большого места. В свое время в эту иллюзию впал даже Владимир Ильич и только после подробного моего разъяснения убедился в своей ошиб-ке» («Красная молодежь», 1924, № 1, стр. 96).

262

ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ

ОБМЕН ЗАПИСКАМИ

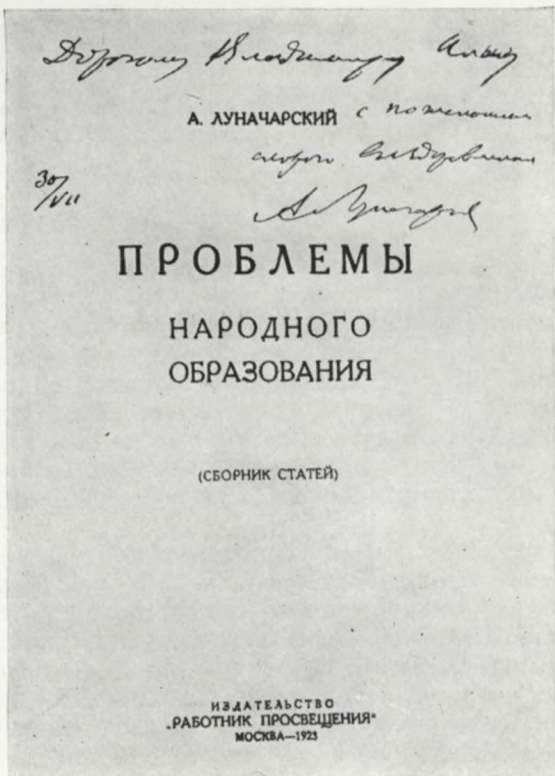
[31 октября 1922 г.]

Ленин:

Почему Вы уклоняетесь от к(омис)сии со Свид(ерским) и Кам(невым)?

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОГО ОБ-
РАЗОВАНИЯ» (1923 г.) С ДАР-
СТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ЛЕНИНУ:

«Дорогому Владимиру Ильичу с
пожеланием скорого выздоровле-
ния. А. Луначарский. 30/VII».

Луначарский:

Не только не уклоняюсь, но очень беспокоюсь, что дело оттягивается. Я три дня проболел, но каждый день звонил т. Каменеву, что можно в любой час собраться у меня. Но это К(амене)ву и Свид(ерскому) не удалось. Собираемся сегодня после СНК.

А. Л.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23425. Записка Луначарского на обороте записки Ленина. См. письмо Луначарского Ленину 25 августа 1921 г. и примеч. к нему (настоящ. том, стр. 310—313).

263

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

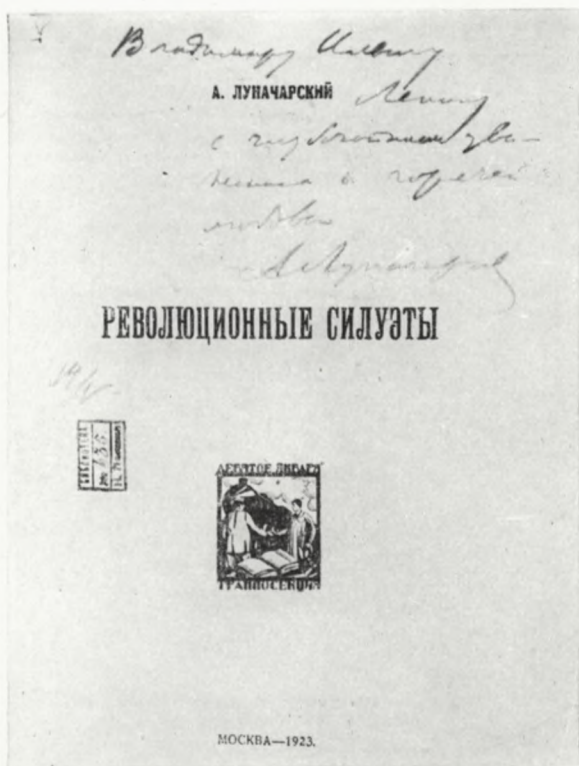
Тов. ЛЕНИНУ

8/XI 1922 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Я очень прошу Вас, хотя бы и бегло, ознакомиться с прилагаемой книжкой, представляющей собою отчет о пятилетней работе петроградских государственных театров. К ним приложены и материалы, характеризующие необыкновенно широкое обслуживание этими театрами пролетариата.

В смысле этой близости к рабочему классу, а также экономному ведению дела петербургские театры стоят гораздо выше московских.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛУЭТЫ»
(1923 г.) С ДАРСТВЕННОЙ НАД-
ПИСЬЮ ЛЕНИНУ:

«Владимиру Ильичу Ленину с
глубочайшим уважением и горячей
любовью. А. Луначарский. 19/V».

Конечно, театры столицы РСФСР безотносительно важнее, но мне особенно жалко губить петроградское дело, которое вызывало прямые восторги приезжавших иностранцев не только художественной стороной, но в особенности хозяйственной.

Сведения о чрезвычайно высоком уровне организационно-хозяйственной постановки может дать Вам заведующий Отделом Рабкринна по делам Наркомпроса т. Попов, который сам расследовал это положение петроградских театров и отозвался о нем с величайшей похвалой. Комиссия с участием т. Колегаева уже, вероятно, начнет свои занятия в то время, как Вы получите это мое письмо. Я Вас прошу от всего сердца не препятствовать улаживанию этого дела в комиссии. Мы, наверное, найдем в конце концов выход, который даст государству серьезную экономию без закрытия двух главных театров республики, которые мы продержали ценою больших жертв и для себя и для артистов в течение самого трудного времени и закрытие которых произведет в среде сочувствующей нам мировой интеллигенции, а также во мнении о нас в более или менее нейтральной прессе и публики чрезвычайно невыгодное впечатление.

Нарком по просвещению А. Луначарский

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 253.

См. письмо Луначарского Ленину 25 августа 1921 г. и примечания к нему (настоящ. том, стр. 310—313).

264

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

СПЕШНО В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ
ВЛАДИМИРУ ИЛЬИЧУ ЛЕНИНУ

10/XI 1922 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Мне все не удается лично переговорить с Вами, по крайней мере прочтите мое письмо и прилагаемый при сем крайне важный документ. Документ этот сразу покажет Вам, что далеко не я только стою за сохранение наших оперных театров. Вы увидите из него, что буквально все рабочее население Петрограда настолько дорожит Мариинским театром, сделавшимся почти исключительно рабочим театром, что закрытие его воспримет как тяжелый удар. К Большому театру это относится в меньшей степени. Мы здесь меньше связаны с рабочими, но и здесь МГСПС, являющийся непосредственным нашим контрагентом, может вынести Вам положительный отзыв.

Я очень просил бы Вас, если у Вас в настоящее время, по состоянию Вашего здоровья и по течению дел, есть к этому возможность, все же дать мне личную беседу по этому вопросу и некоторым другим.

Вместе с тем я очень настаивал бы на том, чтобы Вы и Надежда Константиновна посетили в воскресенье в 1 час дня Большой театр, где будет повторен имевший громадный успех опыт революционного детского спектакля. Может быть, Вы, воочию увидев, что такое сохраненный мною и моими помощниками театр и как подвинулся он в направлении службы революции, сами поймете, с каким глубоким огорчением воспринимаем мы нынешнюю попытку задуть его.

Нарком по просвещению А. Луначарский

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ВСЕРОССИЙСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

В Петрограде получены сведения о снятии с госсубсидии бывш. Мариинского театра.

Петроградский губернский комитет РКП (бывш. Петроградский губисполком) и Петроградский губпрофсовет находят, что за 5 лет бывш. Мариинский театр, отдававший 50% своей работы рабочим фабрик и заводов и предоставивший им за последний сезон 1921 г.— 1922 г. 195 480 посещений, что, посылая также своих артистов на фронты гражданской войны для культ-просветительной работы, заслуживает теперь сохранения и поддержки со стороны государства. Работники акад. театров сохранили строгую академическую школу, помогли Советской республике сохранить в неприкосновенности не только колоссальное имущество актеатров, имеющее громадную материальную ценность, но и лучшие достижения мирового искусства, получившие чрезвычайное международное значение.

Та же строгая академическая школа в условиях нэпа служит для всего тео-искусства Сев.-Зап. области единственным сдерживающим началом на пути всеразрушающей безудержной халтуры.

На основании всего вышеизложенного настоящим ходатайствуем о сохранении гос<ударственной> субсидии всем академическим театрам Петрограда и в том числе бывш. Мариинскому, тем более, что дефицит, который дает Мариинский театр в сравнении с заданиями, им выполняемыми, сравнительно невелик.

Закрытие бывш. Мариинского театра поведет к окончательному распылению тех и без того немногочисленных серьезных артистических сил, которые в неимоверно тяжелых условиях удалось сохранить только благодаря действительно героической преданности своему делу работников этого театра. С закрытием бывш. Мариинского театра Губпрофсовет в громадной степени лишится возможности давать здоровую пищу рабочим, а также для Губпрофсовета затруднится и общая работа по руководству работниками искусства.

Секретарь Петрогубкома РКП(б)
Председатель Петрогубисполкома
Секретарь Петрогубисполкома
Председатель Петрогубпрофсовета
Секретарь Петрогубпрофсовета
Ответственный секретарь Союза искусств

8/XI—1922 г.

Пуокр ПВО <Петроградского Военного округа> поддерживает настоящее ходатайство, так как бывш. Мариинский театр в значительной степени обслуживал и красноармейские части.

Напуокр ПВО

8/XI—22 Союзы, подписавшие настоящее заявление

Союз металлистов	Союз коммунальных рабочих
» железнодорожников	» бумажников
» химиков	» пищевиков
» печатников	» горнорабочих
» строителей	» всемедиксантруд
» водников	» нарпитания
» кожевников	» Политуправления Балтфлота

Подлинники настоящих документов с подписями и печатями хранятся у наркома по просвещению А. В. Луначарского в деле.

Член Президиума Петрогубпрофсовета

«Новый мир», 1965, № 4, стр. 253—254.

См. письмо Луначарского Ленину 25 августа 1921 г. и примеч. к нему, а также предыдущее письмо.

* * *

Обращаясь к Ленину по вопросам, касающимся судьбы крупнейших русских театров, Луначарский, как никто другой, знал, какую огромную заботу о развитии театральной культуры проявлял Ленин с первых же дней Советской власти.

Документы, публикуемые в настоящем томе, а также многие архивные материалы ярко об этом свидетельствуют.

Неоднократно возбуждал Луначарский перед Совнаркомом ходатайства об обеспечении срочных нужд театров и театральных работников, мотивируя необходимость дополнительных ассигнований, и обычно получал сочувственный отклик Ленина.

Приведем несколько примеров, касающихся только Большого театра.

3 октября 1919 г. Луначарский направляет в Малый Совнарком отношение с просьбой предоставить кредит для «ремонта электрического освещения в Государственном Большом театре» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 3, ед. хр. 946, л. 87). Малый Совнарком дважды рассматривал вопрос и принял постановление: «Отпустить Наркомпросу сверхсметным кредитом авансом в счет сметы на переустройство электрического освещения в Большом государственном театре 3 000 000 рублей». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 11906, лл. 1—2).

(Вопрос о срочном ремонте освещения в Большом театре вставал и в 1921 г. В ответ на ходатайство Луначарского от 22 августа, через несколько дней (26 августа) Малый Совнарком принял следующее решение: «Признать работу, предпринятую Наркомпросом к(омиссария)том просвещения, срочною. Предложить всем ведомствам необходимые меры, связанные с ремонтом электрического освещения, провести в

экстренном порядке». Ленин подписал протокол. ЦПЛ ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20492, лл. 1, 4, 5, 6, 10).

Новые сверхсметные ассигнования Большому театру для увеличения оплаты личному составу были выданы в марте 1920 г. Протокол заседания Малого Совнаркома 9 марта также подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13206, лл. 3—4).

6 апреля 1920 г. Малый Совнарком принял постановление об авансе «на пополнение дровяного фонда, имея в виду использование его в первую очередь для удовлетворения государственных Большого и Малого театров». Ленин подписал протокол (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13510, лл. 1—2). Характерно обращение Луначарского в Управление Делами Совнаркома 29 апреля 1920 г. с просьбой перенести конец сезона в Большом театре с 1 июня на 15 мая. Вот его мотивы: «Вчера у меня была многочисленная делегация работников Большого театра, которые единогласно утверждали, что артисты за тяжелую зиму, когда им приходилось и голодать, и холодать в огромной своей массе, совершенно выбились из сил. В особенности поднимают жалобу рабочие, персонал, которые, конечно, никаким подсобным заработком не пользовались (...). Вот почему я просил бы Совнарком в отмену своего первого, кстати сказать, неопубликованного распоряжения, разрешить мне окончить сезон 15 мая. До 15 мая тов. Малиновская обещает сезон все-таки додержать. Закрывать раньше сезон не хотелось уже потому, что как раз к концу сезона пошла сделанная Санинным и дирижером Головановым превосходная постановка „Князя Игоря“, единственная, какую Большой театр вправе гордиться» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, ед. хр. 687, л. 33—33об.).

7 мая 1920 г. Малый Совнарком вынес постановление, подписанное Лениным, о закрытии сезона в Большом театре 15 мая 1920 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13889, лл. 1—3).

В связи с перепиской о предполагавшемся закрытии Большого театра в январе 1922 г. следует отметить, что вопрос этот возник не впервые. В период тяжелой хозяйственной разрухи и голода, зимой 1919 г. на заседании Совнаркома под председательством Ленина обсуждалось положение с отоплением государственных театров. «Доклад делал представитель Малого Совнаркома Галкин. Он говорил, что на данном этапе Большой и Малый театры не нужны рабоче-крестьянской Республике, так как в репертуаре их все те же старые „буржуазные“ пьесы и оперы вроде „Травиаты“, „Кармен“ и „Евгения Онегина“, и что не следует бросать драгоценное топливо в прожорливые печи московских театров.

Владимир Ильич поставил вопрос на голосование, бросив предварительно, как бы мимоходом, несколько слов: „Мне кажется,— сказал Ильич, сверкнув смеющимися глазами,— что Галкин имеет несколько наивное представление о роли и назначении театра“.

И Владимир Ильич предложил тем, кто согласен с Галкиным, поднять руки. Но рук не поднялось» («В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., Гослитиздат, 1957, стр. 570. Об этом же эпизоде вспоминал П. Н. Лепешинский в кн. «На повороте». Велика историческая роль Ленина в деле сохранения академических театров — замечательных очагов русской национальной культуры и превращения их в театры для трудящегося народа.

ДОПОЛНЕНИЕ

265

ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ

Петроград. 19 июля 1918 г

Дорогой товарищ Владимир Ильич,

Горячо рекомендую Вам едва ли не самого выдающегося русского архитектора, приобретшего всероссийское и европейское имя — гражданина Жолтовского. Помимо своего большого художественного таланта и выдающихся знаний, он отличается еще и глубокой лояльностью по отношению к Советской власти.

Стоя далеко от политики (он беспартийный), он уже давно работает вместе с нами в качестве члена Коллегии изобразительных искусств при Комиссариате просвещения. Во всех вопросах, касающихся архитектуры,

художественных всякого рода ремонтов, построек и перестроек в Москве, я очень прошу Вас и вообще Советскую власть обращаться исключительно к нему в качестве советника и эксперта.

Совершенно убежден, что за этот совет Вы со временем меня поблагодарите.

Нар<одный> ком<иссар> А. Луначарский

Публикуется впервые по машинописной копии. Гос. центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 136, л. 1.

Академик архитектуры Иван Владиславович *Жолтовский* (1867—1959) с первых дней Октябрьской революции предложил свои услуги Советской власти. Жолтовский являлся ярким выразителем классического стиля в архитектуре.

С 1918 г. он (вместе с А. В. Щусевым) возглавлял специальную архитектурную мастерскую при Моссовете, занимавшуюся разработкой первого плана реконструкции Москвы. В этот период Жолтовский неоднократно встречался с Лениным, беседовал с ним о градостроительных вопросах. По поручению Ленина в 1919—1920 гг. Жолтовский руководил работами по укреплению фундамента и реконструкции помещений Большого театра, в 1922 г. проектированием зданий Сельскохозяйственной выставки 1923 г. (см. «Архитектура СССР», 1968, № 2, стр. 44—51).

II

ДОКЛАДЫ ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ (1919 — 1921 гг.)

ДОКЛАДЫ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ И КОСТРОМЫ

Публикация В. Д. Зельдовича*

13 апреля 1919 г. на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) обсуждался вопрос, поставленный Реввоенсоветом, о командировании крупнейших деятелей партии, в частности наркомов и членов коллегий наркоматов, в различные края и области для борьбы с дезертирством и одновременно для решения многих конкретных проблем, выдвигаемых самой жизнью на местах. Лица, командируемые в связи с этим постановлением (как правило, члены правительства), были наделены полномочиями решать вопросы и от имени ЦК, и от Совнаркома, и от ВЦИКа. Характерно, что в публикуемой ниже статье «Письма из провинции» Луначарский называет себя «посланным Центральным Комитетом в Костромскую губернию для общего надзора за мобилизацией и контроля над работой партийных групп и советских учреждений» (см. стр. 409).

В начале мая 1919 г. Луначарский был послан в Кострому, но по дороге должен был заехать в Ярославль в связи с особенно тяжелым положением города и всей губернии после подавления белогвардейского восстания. (Вспышки восстаний повторялись и во время пребывания там Луначарского.) Луначарский оказал серьезную помощь партийным и советским организациям Ярославля, выступив с большим количеством рефератов и лекций. (К моменту отъезда Луначарского из Ярославля туда прибыла Р. С. Землячка.) Основными документами, характеризующими разнообразную деятельность Луначарского в Ярославле в этот первый приезд, является письмо-доклад Ленину от 9 мая, а также корреспонденция для РОСТА от 10 мая («Письма из провинции») и подробное письмо к А. А. Луначарской. Луначарский отмечал, что среди руководящих работников Ярославля большое количество молодых, малоопытных людей. Нарком просвещения ставил своей задачей способствовать сближению интеллигенции с местной властью.

10 мая Луначарский приехал в Кострому. Об этом «Советская газета» (№ 88), орган Костромского Совета, сообщала: «10 мая в 1 ч. в Кострому прибыл из Москвы тов. Луначарский. У Дома коммунистов выстроился отряд курсантов с оркестром музыки. Народный комиссар приветствовал курсантов с балкона, сказав краткую речь о настоящем положении Советской России и о тех успехах, которые в последнее время проявила славная Красная Армия, и о том, что ей предстоит еще сделать — сокрушить последний оплот контрреволюции — Колчака, которому уже нанесен нашей армией чувствительный удар».

Луначарский сразу приступил к мероприятиям по борьбе с дезертирством, параллельно обследуя все виды хозяйственной, организационной и партийной работы как в самой Костроме, так и в ряде уездов. Уже 12 мая он выступил с большим докладом на соединенном собрании горсовета, центрального совета профсоюзов, губернского и городского комитетов партии на тему «Текущий момент и наши задачи». В те же дни он

* В текстологической подготовке газетных материалов принимал участие Л. М. Хлебников.

выступил с лекцией «Церковь и революция». В местных газетах было опубликовано сообщение, что три раза в неделю Луначарский принимает население с разными жалобами и обращениями. 15 мая он произнес речь на большом митинге на тему «Чего хочет рабочий класс?» 16 мая состоялся другой митинг, где Луначарский выступил с речью «Советская власть и крестьянство», и в тот же день прочел лекцию «Как человек создал бога». 18 мая Луначарский присутствует на общешкольном митинге в техническом училище. Из других выступлений Луначарского в Костроме следует отметить лекцию «Религия и революция», прочитанную в здании Народного университета (11 мая).

Анализируя и обобщая свои костромские впечатления, Луначарский 11 мая 1919 г. направил подробный доклад Ленину о состоянии дел в губернии. По договоренности с РОСТА он написал большой цикл статей о Костроме «Письма из провинции». Все эти статьи посылались Луначарским Владимиру Ильичу, о чем свидетельствует начало доклада от 9 мая: «Я посылаю с дороги корреспонденцию в „Росту“, и, может быть, Вы будете так любезны, что поинтересуетесь ею как материалом для Вашего умозаключения» (см. стр. 381). Некоторые из статей Луначарского для РОСТА были тогда же опубликованы в местной печати. Так, например, второе «Письмо из провинции» под заглавием «В Костроме» появилось в №№ 110 и 111 «Советской газеты» (23 и 24 мая 1919 г.). Письмо третье — «Городское хозяйство г. Костромы» — было напечатано там же в № 113 (27 мая). Четвертое письмо, написанное во время пребывания в Галиче, опубликовано в «Советской газете» № 119 (4 июня). Статья «Костромское крестьянство», напечатанная сначала в «Известиях» № 129 (17 июня), была помещена в № 132 (20 июня) и, кроме того, в газете «Земледельческая коммуна», выходившей в г. Ельце (№ 19, 1 июля). Статья «Народное образование в Костроме» была напечатана журналом «Народное просвещение» (М., 1919, № 39-41), «Детские клубы в Костромской губернии» — журналом «Школа и революция» (Витебск, 1919, № 23) и журналом «Народное образование» (Ливны, 1919, № 7), а под заглавием «Детские клубы в Костроме» — «Советской газетой», № 140 (29 июня).

Одновременно с докладом Ленину Луначарский 11 мая направляет телеграмму на имя Ленина, Склянского и Данилова о необходимости освобождать от мобилизации родившихся в 1890 г., если они являются единственными работниками семьи (текст телеграммы и комментарий см. в настоящ. томе, стр. 106 и на стр. 110 постановление СГО от 26 июня и от 2 июля 1919 г. по этому вопросу). 15 мая Ленин посылает в Кострому телеграмму в ответ на письмо-доклад от 11 числа: «15.V.1919 г. Кострома. Губисполком, для Луначарского.

Запросил Компрод о мерах помощи. Божь, что восстание на Украине помешает оказать помощь, ибо ухудшает положение. Двиньте энергичнее массовое переселение на Дон. Снеситеся с Середюю. Л е н и н» (см. настоящ. том, стр. 110).

В тот момент, когда Луначарский находился в Костроме, Компрод не мог оказать продовольственной помощи этой губернии из-за трудностей, созданных для отправления продуктов с Украины восстанием атамана Григорьева, которое, правда, довольно быстро было ликвидировано.

24 апреля 1919 г. Совнарком принял декрет «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область». О задачах переселения говорилось в телеграмме, направленной Губземделам Смоленска, Твери, Москвы и Рязани за подписями Ленина и наркомзема Середы. Речь шла о переселении лиц от 18 до 35 лет, преимущественно из деревенской бедноты, членов сельских коммун, товариществ, сочувствующих ведению хозяйств на коллективных началах («Ленинский сб.», XXXIV, стр. 144—145). Ленин предлагал Луначарскому провести соответствующие мероприятия и в Костроме. 16 мая Луначарский в дополнение к своему докладу телеграфирует Ленину о катастрофическом положении с топливом для бумагопрядильных фабрик и просит разрешить объединенному управлению фабрик выделить свой лес для возобновления работы (см. настоящ. том, стр. 109).

22 мая из г. Галича Луначарский посылает телеграмму Ленину и в президиум ВСНХ с просьбой о помощи в строительстве Галичской электростанции и телефонной сети (см. настоящ. том, стр. 109).

ЛЕНИН ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ НА ПЛОЩАДИ СВЕРДЛОВА
НА ПАРАДЕ ВОЙСК, ОТПРАВЛЯЮЩИХСЯ НА ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

5 мая 1920 г.

Фотография Г. П. Гольдштейна

В архиве секретариата Ленина сохранилась датированная 20 мая 1919 г. докладная записка председателя Галичского уисполкома Луначарскому о мобилизации крестьянства согласно декрету от 24 апреля. Этот документ был отредактирован Луначарским и послан в Совнарком со следующей припиской: «Прошу ответить мне по телеграфу из центра. Очень прошу не настаивать на всецелом исполнении закона».

Из Галича Луначарский поехал в г. Буй, где 24 мая им была написана небольшая статья-обращение к рабочим и крестьянам «Будем тверды!» (статья сохранилась в машинописи, данных о ее публикации не обнаружено). Из Буя Луначарский направляет в ЦК РКП отчет о галичской и буйской группах коммунистов (этот интересный документ дошел до нас не полностью: сохранилось три первых страницы машинописи — см. ниже, стр. 403—405).

30 мая в специальном письме Анатолий Васильевич докладывает Ленину о материальном положении служащих губернских военных комиссариатов и просит об его улучшении.

Луначарский совместно с председателем Губисполкома подписывает постановление об амнистии участникам августовского восстания в 1918 г. в Ветлужском и Варнавинском уездах. За день до постановления в «Советской газете» была напечатана статья по этому вопросу. Примерно в последних числах мая Луначарский отправляет пространное письмо-доклад на имя Ленина и Рыкова, посвященное работе совнархозов, где резко критикует недостатки существующей системы централизации и настаивает на предоставлении местному руководству права разрешать самостоятельно ряд экономических вопросов. 31 мая в дополнение к этому письму Луначарский вновь послал из Костромы подробный доклад Ленину и Рыкову. В начале июня он побывал в г. Нерехте.

В ЦГА РСФСР (ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 382, л. 63) сохранился машинописный текст заметки, предназначенной для «Известий», о пребывании Луначарского в Нерехте и Ярославле:

«Заметка для „Известий“»

Уполномоченный ВЦИК Луначарский 3 июня выступил на митинге на базарной площади в г. Нерехта, куда стеклось много крестьян, затем принял краткий доклад Исполкома и отправился в Ярославль. Поезд, с которым уполномоченный ехал до Нерехты и который предшествовал поезду, с которым выехал он из Нерехты, при въезде в Ярославль потерпел серьезное крушение: один убитый, семь раненых. Тов. Луначарский вынужден был доехать до Ярославля на автомобиле. В Ярославле того же дня состоялся грандиозный митинг в совершенно переполненном театре имени Волкова. Митинг сопровождался овациями, часть публики проводила тов. Луначарского до гостиницы с пением революционных песен. 4 июня тов. Луначарский принял доклад представителей отделов народного образования, осмотрел советскую молочную ферму, а вечером выступил на многолюдном митинге на Корзинкинской фабрике мануфактуры. В три часа ночи уполномоченный ВЦИК уехал в Москву.

7 июня 1919 г.»

Из Нерехты Луначарский послал также доклад секретарю ЦК Е. Д. Стасовой. Характеризуя положение в Костромской губернии, он упоминает о «многочисленных отчетах», посланных им Ленину (см. стр. 406). Сохранился и другой доклад Луначарского, адресованный Стасовой приблизительно в то же время, уже из Костромы — «О Костромской организации коммунистов».

Будучи в Костроме, Луначарский получил телеграмму за подписью Ленина и замнаркомпрода Фрумкина: «Ваша 42. Дайте согласие указанные вами условия доставки и оплаты продуктов из Америки» (см. стр. 108).

Находясь в командировках, Луначарский подробно сообщал обо всем виденном и пережитом своей жене — Анне Александровне. Эти письма Луначарского вносят немало ярких штрихов в ту широкую картину действительности, которая предстает перед читателем из отчетов и статей. Кроме того, здесь содержатся интересные сведения не только о костромских делах, но и о Центротейтре, о драматических про-

изведениях самого Луначарского и т. д. (В то время А. А. Луначарская жила на Украине, в Святых Горах.)

Во время командировок Луначарский не только посылал в Москву письменные доклады, но и приезжал туда сам: отчитывался устно, вел повседневную работу наркома, а затем вновь уезжал. Так, в письме к А. А. Луначарской сказано: «Приехавши в Москву <...> я по просьбе Доброхотова дал подробный отчет о состоянии Ярославской губ. Заслушав этот отчет, ЦКП вынес единогласное постановление о необходимости для меня ехать в Ярославль и самым серьезным образом заняться выправлением тамошнего состояния».

10 июня Луначарский сделал доклад на пленуме Моссовета о поездке по Костромской губернии (его изложение см. в «Правде», 1919, № 125, 12 июня).

Вышедшая в Ярославле книга «Очерки истории Ярославской организации КПСС» (1967) дает возможность уточнить некоторые даты пребывания Луначарского в этом городе.

«30 июня 1919 г. в Ярославле открылась Первая губернская комсомольская конференция. На конференции выступил народный комиссар просвещения Республики А. В. Луначарский» (стр. 192).

1 июля Луначарский отправляет письмо-доклад Ленину с критикой отдельных указаний центральных учреждений, дезорганизующих работу ярославской промышленности. Дальнейшая деятельность Луначарского в Ярославле отражена в уже цитированной книге «Очерки истории Ярославской организации КПСС».

«5 июля 1919 г. в актовом зале губисполкома открылось расширенное заседание Исполнительного комитета с представителями уездных и волостных исполкомов. В заседании участвовал уполномоченный ЦК Партия народный комиссар просвещения А. В. Луначарский» (стр. 215—216). Далее указывается, что Луначарский выступил с докладом по текущему моменту. «ЦК Партии внимательно следил за работой Ярославской партийной организации и оказывал ей всемерную помощь. Губернский комитет при активном участии и помощи представителей ЦК Партии А. В. Луначарского и Р. С. Землячки провел большую подготовительную работу по созыву VII губернского съезда Советов<...> 26 июля 1919 г. открылся VII губернский съезд Советов» (стр. 216—217). На съезде с докладом о международном и внутреннем положении Советской Республики выступил Луначарский.

Несомненный интерес представляют следующие три документа, написанные Луначарским в Ярославле: обращения «Всем партийным организациям Ярославской губернии» и «Ко всем крестьянам Ярославской губернии», а также статья «Из провинциальных впечатлений. (Локаловская мануфактура)», напечатанная в «Известиях» 13 июля 1919 г.

Письма-доклады Луначарского Ленину, а также многочисленные его статьи, написанные в Костроме и Ярославле, создают настолько живую, правдивую и конкретную, во всех подробностях картину революционной эпохи, что являются совершенно незаменимым историческим источником.

Ниже публикуются доклады Луначарского Ленину и в приложении к ним все перечисленные документы.

Об исключительной интенсивности работы Луначарского в командировках свидетельствует такое характерное обстоятельство: число документов, написанных Луначарским в Костроме и Ярославле, значительно превышает 500. Так, например, письмо Ленину от 9 мая 1919 г. имеет исходящий № 3, а статья «Из провинциальных впечатлений. (Локаловская мануфактура)» от 7 июля 1919 г.— № 523 (причем многие документы насчитывают 10—15 стр.).

Подводя итоги сделанному, в заключение одного из писем Луначарский отмечал, что «идея посылки 18 ответственных товарищей в провинцию была здоровая идея» и что «надо настаивать на ее продлении».

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ

Поезд А. В. Луначарского
исх. № 3
9 мая 1919 г.

Дорогой Владимир Ильич,

Я посылаю с дороги корреспонденцию в «Росту», и, может быть, Вы будете так любезны, что поинтересуетесь ею как материалом для Вашего умозаключения, и, кроме того, я решил, помимо официальных телеграмм, посылать Вам лично письма с разными подробностями. Так как я был проездом в г. Ярославле, то могу Вам передать мои общие впечатления, а также результаты доклада тов. Цветкова, нового председателя Ярославского губкома.

Ярославль все еще город больной, разрыв между партийными кругами и интеллигенцией здесь глубже, чем где бы то ни было. Интеллигенция после мятежа разогнана и расточена, а та, которая осталась, дуется и шипит. Состав Губкома и Губисполкома — исключительно рабочие и, по правде сказать, довольно молодые. Довольно яркое впечатление производит энергичный петербургский рабочий Цветков, состоящий председателем Губкома и фактическим заведующим и городом и губернией. Однако не могу не отметить, что и он человек, по-видимому, 26—27 лет, и, на мой взгляд, все-таки при всем его уме и расторопности эта задача для него не по силам: скрадывает для себя он эту непосильность стремлением во что бы то ни стало видеть сквозь розовые очки.

Сейчас я передам Вам вкратце результат его доклада, сделанного мне и т. Доброхотову, а потом укажу на некоторые мои личные наблюдения.

Тов. Цветков утверждает, что мобилизация прошла у них очень хорошо. Протеста против основной возрастной мобилизации нигде не было. Люди, поступавшие в Ярославль, приходили апатичными, но после того, как подвергались систематической пропаганде, очень веселели и отправлялись бодрые. Дезертиров мало — до 10 процентов, смотря по уезду. Партийная мобилизация прошла также удачно. Норма такая: Губисполком дал 6 человек, Горком — 6 человек, из уездов 5% работников, профессиональные союзы — 5%. Собравшийся таким образом человеческий материал был распределен так: выделены были коммунисты ответственные, каковых оказалось 28 человек, из них 10 отправлены в распоряжение Центрального Комитета, 10 в распоряжение Окружного военного комиссариата, а 8 оставлены в распоряжение Губернского комитета, что, по-моему, хорошо, так как иначе Ярославская губерния окончательно обнажилась бы. Я думаю, Владимир Ильич, что и сейчас Ярославские уезды слишком сильно поскребли на счет коммунистов, по крайней мере Цветков, несмотря на свою склонность к оптимизму, говорит, что третью мобилизацию, т. е. волостную, проводят со скрипом, потому что на местах осталось мало ответственных работников. Остальные коммунисты, не ответственные работники, зачислены в Красный батальон, куда вошли также профессионалисты и добровольцы. По слухам — это прекрасный отряд, три маршевых роты уже отправились на Восточный фронт.

Должен сказать, что те воинские части, которые я видел в Ярославле, имеют очень молодцеватый вид, так же точно и настроение их, как мне показалось, ни в каком случае не хуже настроения красноармейцев даже в столицах.

Отношение рабочих к Советской власти, по словам тов. Цветкова, прекрасное. Но белогвардейские попытки продолжаются: в самом Яро-

Народный Комиссариат Здравоохранения.

1/ ГЛУБКОВ, А.П.

2/ БАРАНОВ, М.И.

3/ РАДИН, Э.П.

Народный Комиссариат по Просвещению.

1/ ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич

6/ УЛЬЯНОВА, Надежда Констан.

2/ ПОКРОВСКИЙ, Михаил Николаевич

7/ ЛЕНГНИТ, С.В.

3/ ПОЗНЕВ, Виктор Маркович

8/ АРТЕМЬЕВ, Д.Н.

4/ ШАПИРО, Лев Григорьевич

9/ ПОЛЯНСКИЙ-ЛЕБЕДЕВ, П.И.

5/ КАЛИНИН, Федор Иванович

10/ ВОРОВСКИЙ, В.В.

11/ РЯЗАНОВ, Д.Б.

Местовенко

М. Смирнов

Руберт

Федот

Дело № _____

*6345
2858*

СПИСОК ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ, КОМАНДИРОВАННЫХ ДЛЯ ОБЪЕЗДА РАЙОНОВ МОБИЛИЗАЦИИ РЕШЕНИЕМ ОРГБЮРО ЦК РКП(б)

Апрель 1919 г.

Первым по Наркомату просвещения указан Луначарский

Лист шестой

славле белогвардейцы хотели основать базу, но провалились, перенесли ее в Рыбинск, где скопилось до 25 человек бывших офицеров, несомненно, составивших военный заговор. 14 из них были арестованы путем облавы, остальные бежали, при этом оказано было вооруженное сопротивление. С нашей стороны были раненые и убитые.

В продовольственном отношении Мологский, Рыбинский и Ростовский уезды находятся в плохом состоянии, остальные в более удовлетворительном. Местный кооператив, по словам тов. Цветкова, никуда не годится: семена роздал слишком поздно; посевного картофеля вовсе не роздал, и это грозит настоящим бедствием, если Нижегородская губ. не сможет вовремя помочь. Молочная производительность также хромает сильно из-за несовершенства кооперации. Исполком хочет продвинуть идеи потребительской коммуны и молочной коммуны.

Снабжение крестьян мануфактурой издевательски ничтожно: подумайте, за год выдано по $\frac{1}{2}$ аршина ситцу на душу. Тем не менее, по словам тов. Цветкова, в общем и целом крестьянство относится к Советской власти положительно. Прежние мобилизации проходили плохо, процент дезертиров был не ниже 20, но что меня прямо сразило — это цифра дезертирства в Ярославском уезде в прежние мобилизации. По словам тов. Цветкова, дезертировали около 90%. Подтверждаются и сведения ивановских товарищей о том, что в лесах скрываются группы вооруженных дезертиров. В Мологском уезде недавно был бунт, по которому ведется следствие, — по словам тов. Цветкова, он не имел ни серьезного последствия, ни серьезных причин.

Гораздо больше жалуется тов. Цветков на внутренние распри среди самих коммунистов. Прежний состав Исполкома, более или менее местный, не справился со своим делом, потому что делился пополам на так называемых демократов — сторонников крестьянского и рабочего самоопределения — и чистых якобинцев. В конце концов на конференции, имевшей место в апреле мес., присланный от Центрального Комитета тов. Бумажный раскассировал этот Исполком и создал новый Губком и Губисполком, во главе которых поставил группу петербургских рабочих, до того времени работавших в уездах и в свое время командированных из Петербурга. Старый партийный комитет вступил с новым в борьбу. Эта борьба имела (место) даже и среди рабочих, где к старому комитету сразу примкнули левые эсеры и меньшевики, потом средоточием оппозиции стал первый городской район, т. е. район интеллигентский, обывательский.

В настоящее время, как заявляет тов. Цветков, действия оппозиции парализованы; между прочим к ней принадлежали и тов. Титов, присланный Центральным Комитетом и сейчас вернувшийся, если не ошибаюсь, в Москву. Другие главари оппозиции, Будников и Гальковский, по словам тов. Цветкова, «политически обезврежены и находятся в больнице» — фраза, показавшаяся мне несколько загадочной, которую, я надеюсь, более подробно расследует тов. Доброхотов. Разобраться в том, где здесь правда, я не могу, но факт тот, что в более или менее крупных центрах Ярославской губ. — Рыбинском, Ростовском и Пошехонском уездах — и сейчас еще сильна оппозиция, т. е. коммунисты, крайне недовольные новым составом Губкома. Проверить причины их недовольства я не могу, сам же тов. Цветков полагает, что это «интеллигентские фразершишки». Так ли это — видней будет тов. Доброхотову. Кроме того, должны быть более или менее осведомлены тов. Бумажный и тов. Стежков.

Дело в губернии, однако, обстоит не так-то благополучно.

Тов. Цветков, по моим собственным, хотя и коротким, наблюдениям, слишком оптимист. Свидетельством этому является то, что в Пошехонском

уезде, который он называл во всех отношениях одним из благополучнейших, в день моего пребывания в Ярославле был убит председатель волостного исполкома, причем телеграфное донесение гласило, что убит он крестьянами, восставшими по случаю насильственного введения коммуны. Это меня очень удивило. Ясно, что директивы 8 съезда еще не докатились даже до такого относительно культурного уезда в промышленной губернии, самой грамотной и чуть ли не самой смышленной в России, как Ярославская.

Владимир Ильич, мне кажется, что нужно как можно скорей дать директиву о перевыборах на месте волостных, а может быть и уездных исполкомов, с введением туда значительно большего числа средних крестьян. Ведь ярославские крестьяне сплошь отходники и полупролетарии по всему своему духовному складу. Я совершенно убежден, что в Ярославской губ. сделается спокойнее, если она не будет управляться <...> исключительно в яковинском порядке, только пришлым и еще не сжившимся с губернией элементом.

Общее впечатление от города и губернии такое, что <...> спайка есть только с рабочими текстилями <...>

Не знаю, таковы ли будут мои впечатления от Костромы. Пишу в вагоне, подъехав к ней, и о дальнейших моих впечатлениях сообщу Вам с такой же подробностью.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30903.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ

11 мая 1919 г.

№ 5

Дорогой Владимир Ильич,

Я знаю, как Вы заняты, но тем не менее буду очень просить Вас непременно внимательно прочитывать эти мои письма. Конечно, я могу, разобравшись в некоторых нуждах и ошибках местных товарищей, помочь кое-чему непосредственным советом, но главное и реальное то, что я могу обратить на подобные нужды внимание центра, а внимание центра можно обратить на что-нибудь только через Ваше посредство. Это я уже многократно испытал.

Вообще мое впечатление от Костромы двойственно. Что касается партийных товарищей, стоящих здесь во главе Советской власти, то они выше всяких похвал. Я давно не видал столь дружной, умной, опытной и добросовестной группы товарищей. Здешний состав Губкома, Губисполкома и Горисполкома сделал бы честь Московскому или Петроградскому Совету.

Я совершенно серьезно заверяю Вас, что президиум Московского Совета много ниже по своему составу (конечно, не считаю Каменева), чем президиум Костромского губисполкома, но с радостью констатирую этот замечательный факт, и в то же время обращаю Ваше внимание на крайне горестное, скажу даже катастрофическое, положение губернии главным образом в отношении продовольственном.

Поделюсь с Вами данными весьма обстоятельных докладов, которые я заслушал здесь.

Отход Юрьеveckого и Кинешемского уездов, двух наиболее промышленных, превратили Костромскую губ. почти в сплошь крестьянскую.

Одеревенчение Костромской губ. вызывается еще и тем, что в последние годы отхожий промысел все замирал, а ныне замер окончательно. Отходники остаются в деревне, связь с городом прерывается. Но вместе с тем наличие этих отходников в большинстве уездов делает возможным набирать удовлетворительные советы из полупролетарского элемента. Здесь не наблюдается того якобинства, что в Ярославской губ. Вообще говоря, Губисполком идет охотно на вовлечение таких элементов в советские ячейки.

В уездах этого типа (а их большинство) никаких серьезных волнений не было. Бывали только чисто голодные требования, не бунты даже, а просто требования хлеба, которого нет.<...>

Но зато на востоке Костромской губ. имеются лесные и хлебные кулацкие уезды — Ветлужский и Варнавинский, в последнем есть целый многохлебный, зажиточный, старообрядческий край, так называемый Уренский. Там выбран был царь, ныне взятый в плен и подлежащий расстрелу, с этим краем ведется форменная война. Мы хотим во что бы то ни стало выкачать оттуда те 200 или 300 тысяч пудов, которые имеются в безусловном излишке в этой части уездов. Крестьяне сопротивляются и ожесточились до крайности. Я видел страшные фотографии наших товарищей, с которых варнавинские кулаки содрали кожу, которых они замораживали в лесу или сжигали живьем. Я не удивляюсь поэтому полученной вчера телеграмме от т. Бонч-Бруевича, в которой приведены жалобы тех же самых варнавинских крестьян на жестокости усмирения, впрочем, по-видимому, совершенно ничтожные по сравнению с дикой свирепостью кулаков.

Конечно, сообщенные т. Бонч-Бруевичем факты я расследую.

В общем, за вычетом этого края, настроение масс симпатизирующее Советской власти, несмотря на все ужасные реквизиции, несмотря на царствующий во всей почти губернии голод.<...>

Насколько, однако, все же под этим теплится скорее симпатия к Советской власти, чем антипатия, насколько здесь есть понимание, что в этом не вина наша, а беда, видно из таких фактов: чисто крестьянский 28-й Костромской стрелковый полк дошел до фронта без единого дезертира и отличился в боях. Так же хорошо охарактеризован фронтовой властью и 56-й Костромской полк.

Интересен и такой факт: в Кологривском уезде было выбрано несколько сот крестьян в качестве добровольцев. Они явились в Кострому и просили немедленно отправить их на фронт. Себя они называли ходоками за хлебом, но когда мы разъяснили, что хлеб можно взять только с оружием в руках, пошли в солдаты, требуя только именно отправки на хлебородный фронт, а не задержки для гарнизонной службы.

Рабочие города Костромы много заслужили перед революцией, и бесконечно обидно, что они тем не менее находятся в ужасном положении.

Так <...>, только путем добровольной мобилизации ярославских рабочих удалось сохранить в порядке город и пережить тяжелую минуту.

Во время известного Ярославского мятежа костромские рабочие вновь взяли за оружие, охраняли свою губ<ернию>, не дали мятежу распространиться, они оказались на высоте положения. Наконец, во время крестьянских продовольственных бунтов рабочие сейчас же предлагают свои услуги Советской власти.

Количество коммунистов среди них не так велико, хотя все же достигает многих сот, но вся масса в высшей степени просвещена тем, что почти целиком прогнана сквозь фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы и советскую работу.

ЛУНАЧАРСКИЙ
 Фотография,
 Петроград, 1919 г.

Для того, чтобы вызвать максимум самодеятельности в рабочих, гор. Кострома раздроблен на 32 района, т. е. совсем маленькие единицы, которые отданы каждый под контроль и хозяйственное наблюдение группе рабочих.

И в то время, как наши петроградские или московские районы, каждый из которых вдвое больше самой Костромы, суть настоящие бичи божии, эти малюсенькие районы, о двух тысячах жителей каждый, оказываются превосходными коммунками, о которых слышно только одно хорошее. Вы без меня поймете, Владимир Ильич, в чем тут дело и почему 5—6 предоставленных себе самим рабочих <...>, имея в своем распоряжении пол-улицы, великолепно и рачительно справляются со своей задачей.

Конечно, как костромской пролетариат, так и лучшая часть крестьянства обескровлена беспрестанными мобилизациями, ввиду чего нигде положение не может считаться вполне благополучным. Следует всемерно позаботиться, чтобы новая мобилизация не лишила нас в этой губернии окончательно опоры, лично я считаю своею обязанностью удержать наиболее ответственных работников на месте: ведь фронт совсем неда-

лек; ведь опасный Варнавинский уезд граничит с Вятской губ., скопившиеся там частью вооруженные дезертиры могут явиться в ближайшем будущем союзниками Колчака.

Положение Костромы ухудшается ввиду остановки фабрик. Горько было мне узнать, что все решительно костромские фабрики остановлены. Главной причиной этому является отсутствие топлива: ни мазута, ни угля нет. Местная Советская власть, на мой взгляд, более распорядительная, чем даже в столицах, своевременно приняла меры для перехода на дровяную топку, но сейчас приходится ждать этих дров. Полторы тысячи рабочих из 10 тысяч оставлены для производства основательного ремонта фабрик, остальных надо было бы отправить на лесные промыслы для добывания топлива, и они охотно идут на то, но ведь надо же дать им хлеба, хотя один фунт хлеба, не имея которого, они от слабости будут выпускать топоры из рук. Хлеба! Здесь, в Костроме, о каком вопросе ни станешь рассуждать, всюду упираешься в эту страшную бесклубицу.

Деревня, по выражению одного из товарищей, в лице среднего крестьянина просит только об одном: оставить ее в покое, этого просит деревня, которая хлеба все равно дать не может. Когда производилась хлебная реквизиция в Костромской губ. (я исключаю Варнавинский и Ветлужский уезды), то все равно приходилось отдавать почти весь этот хлеб, реквизируемый у кулаков <...>, местной бедноте. <...> Один из товарищей говорит: крестьянин готов идти сам и даже с сыном, но когда у него отбирают последнюю лошадь, он приходит в отчаяние <...>

Товарищ Данилов, руководитель Главной военной инспекции, говорил мне, что, по его мнению, такие поборы Генерального штаба являются, быть может, прямой провокацией.

Я думаю только, что это не злостная провокация, а провокация тупости и глупости. Подумайте: отобрав у здешнего крестьянства почти сплошь всех лошадей, подрезав в корне крестьянское хозяйство целой губ(ернии), Генеральный штаб требует теперь еще двух тысяч лошадей.

Конечно, местные товарищи, люди железной энергии и железной дисциплины, дадут эти две тысячи лошадей, убитыми будут иметь, может быть, тысячи 4 людей, покачнется еще доверие крестьянства к Советской власти, и окончательно пущено будет ко дну хозяйство целой губернии.

Здесь я прямо умоляю Вас, Владимир Ильич, немедленно пресечь дальнейшие реквизиции лошадей из Костромской губ. <...> Продовольствие губерний находится в ужасных условиях, несмотря на совершенно героические и трогательные меры, о которых я сейчас буду говорить Вам.

Для минимального продовольствования голодающего населения Костромы и нехлебных уездов требуется 300 тысяч пудов в месяц.

Владимир Ильич, в конце концов это пустыни: даже при нашей бесклубице дать десять тысяч пудов хлеба в день на целую губернию можно, но Наркомпрод выдал нарядов на всю губернию только на 80 тысяч пудов*.

Наряды эти все выданы на Симбирскую и Казанскую губернии, а также на Вятскую. Вятская губ. отказалась дать хотя бы фунт, от двух других фактически до сих пор еще *ничего* не получено, так что за апрель месяц Костромская губ. не имела никакого хлебного подвоза. И словно издеваясь над ней, Наркомпрод заявил, что на май месяц повторяется тот же наряд, другими словами, хлеб, не полученный в одном месяце, предстоит *не получить* и в другом и быть этим сытым.

* Очевидно, — в месяц. — *Ред.*

При таких условиях в июне начнется уже абсолютный голод, ибо сейчас в распоряжении Компрода имеется лишь 23 тысячи пудов хлеба. Каким образом раздобыт этот хлеб? Своими средствами! Я уже говорил Вам, что в Ветлужском и Варнавинском уездах имеется некоторое количество излишнего хлеба. Путем гигантского напряжения сил и чисто военной реквизиции удалось выкачать из тамошнего населения 160 000 пудов хлеба, из коих 60 000 пудов были оставлены на месте для артелей по лесным заготовкам, и остальные 100 тысяч пудов были тем единственным ресурсом, которым держалась губерния в течение весны <...>

Другое мероприятие местного Губпродкома достойно в особенности упоминания, и о нем я прошу Вас немедленно сообщить также тов. Красину.

(Кстати, я очень прошу Вас, Владимир Ильич, по прочтении этих моих писем, передавать их тов. Сталину.)

Губпродком упросил железнодорожное ведомство сдавать ему совершенно негодный вагонный и локомотивный лом. Поломавшись, железнодорожное ведомство согласилось и дало действительно нечто абсолютно искалеченное. Рабочие даром в сверхурочные часы, не оплачиваемые, исключительно, стало быть, углубленные интенсивностью своего труда, не уменьшая ни на каплю производства оплачиваемого, отремонтировали в течение трех недель один паровоз и 35 вагонов. Поставили их на колеса, дали им бригады и послали их за хлебом. Договор же с железнодорожным ведомством такой: поезд совершает одну продовольственную поездку и поступает после этого полностью в Наркомпутъ, а костромские рабочие получают новую порцию железнодорожного хлама. Если это не героизм, то я не знаю, что им назвать.

Заметьте при этом, что продовольственные отряды Костромской губ. заготовили в области Чистополя два миллиона пудов хлеба, что они, стало быть, по декрету имеют право на вывоз одного миллиона пудов хлеба; конечно, они не получили ни одного фунта. Теперь, когда Чистополь взят нами, тов. Каганович¹, умоляет о разрешении ему лично отправиться туда и постараться своими средствами на своем поезде или пароходе со своими людьми вывезти оттуда этот хлеб. Разумеется — не разрешается. Почему? Да потому, что у нас в центре сидят великие стратеги, у которых *die erste Kolonne marschirt, die dritte Kolonne marschirt** — на бумаге.

Я столь настойчиво требую этого хлеба не потому, что ближе ознакомился (за один-то день!) с Костромской губ., а потому, что дело идет вовсе не о спасении населения одной губернии необъятной России, а о деле общегосударственной важности.

Костромская губерния должна по нарядам доставить большую половину всего топлива, каким будет жить в будущую зиму Россия, и для костромичей это не пустое слово. Вы знаете, Владимир Ильич, что есть губернии, которые в прошлом году исполнили три, даже два процента наряда, Кострома исполнила 50 процентов. Она выполнила бы и все 90%, если бы один из наших знаменитых центров не отказал бы ей в деньгах. Представитель здешнего Лескома отправился лично к Вам, и только в результате разговора с Вами и Вашего распоряжения деньги были даны и половина заготовки своевременно сплавлена.

Сейчас можно было бы сделать всю заготовку полностью, но уже начинает быть страшным создающееся положение. Лес свален. Лес на-

* первая колонна марширует, третья колонна марширует (нем.).

ходится на воде. Вода убывает, но в результате какого-то «плана» одного из центральных стратегов буксиров не дают! А главное дело — не дают хлеба. Деньгами сейчас рабочих не купишь. Денег не берут, но требуют хлеба, и скромно. Крестьяне согласны за десять фунтов хлеба валить и пилить куб дров. Так же точно и костромских рабочих можно было бы мобилизовать на лес, если бы можно было обеспечить за ними сколько-нибудь приличный хлебный паек. Если же это не будет сделано, то, помимо местной катастрофы, т. е. голода, повышенной смертности и бунтов, мы будем иметь еще и всероссийскую катастрофу, т. е. полное отсутствие дров на следующую зиму; и с этим надо торопиться.

Я надеюсь, Вы не скажете мне, что хлеба нет. Эти триста тысяч пудов, которые сюда так настоятельно нужны, есть, конечно. Не говорите мне также, что их нельзя доставить. Это пустяки: почему-то до сих пор по Волге до Костромы не прошел ни один груженный пароход, пассажирские же пароходы идут пустыми? Каждый из них мог бы привезти необходимый хлеб.

Отдан приказ задерживать недогруженные пароходы, но они спокойно плывут до Костромы, и только товарищ Каганович, выполняющий все предписания (к сожалению, даже те, которые неразумны, а их много), останавливает такие пароходы и борется с этим преступлением, которое колет глаза.

Вместе с тем в виде улучшения положения вводится новый план, именно: в то время как одна рука в Наркомпроде пишет, что Симбирская и Казанская губ. должны доставить в ближайшем месяце около 40 000 (пудов) каждая, другая рука телеграфирует, что вообще весь хлеб будет обезличен и передан в распоряжение Волгопрода. При таких условиях затеряется народный хлеб, даже если он существует в природе, и Костроме не дадут ничего.

Владимир Ильич, лучше всего было бы, если бы Вы распорядились по Волге или железной дороге доставить немедленно эти триста тысяч пудов хлеба. С таким человеком, как высоко даровитый и энергичный тов. Каганович, можно сделать с этими 300 тысячами пудов настоящие чудеса. Если же этого сделать никак нельзя, то дайте в экстренном порядке разрешение тов. Кагановичу уехать в Чистополь, взять там все, что он сможет из принадлежащего костромским продовольственным отрядам одного миллиона пудов (вряд ли за короткое пребывание свое там колчак-ковцы его весь растащили) и доставить его сюда. Средства он изыщет.

У меня есть еще целый ряд интереснейших фактов, на которых я не стану здесь останавливаться, ибо и без того мое письмо затянулось, и я надеюсь сообщить Вам их в следующем.

Сейчас остановлюсь очень коротко только на трех.

Во-первых, отходники, которые садятся теперь на землю, устраивают огромные коммуны. В одной волости, например, такая коммуна охватывает 1600 душ. Для начала они, однако, просят хлеба в ничтожном количестве — по $\frac{1}{3}$ фунта в день на душу. Они проявляют огромную самостоятельность, возбуждают самые лучшие надежды на будущее, и если бы им можно было дать этот хлеб, то такое явление нашло бы повсюду подражателей.

Обслуживание, по крайней мере, первоначальное, этих интереснейших артелей входит в то же число 300 тысяч пудов.

Другие два факта относятся к характеристике политики Наркомпрода. За сено назначена цена — 6 руб. за пуд. Хотя в вольной продаже сено продается по 70 рублей за пуд, тем не менее крестьяне согласны отдавать сено по этой цене, но от них требуют, чтобы они на своих остальных лошадях, которых до слез мало, везли бы это сено за те же 6 руб. 60 верст до станции или пристани!

Конечно, это форменное издевательство, ибо прокорм лошади туда и назад обойдется минимум в 40 руб., и, стало быть, сильно нагруженный сеном воз станет мужику чуть не в прямой убыток. Разумеется, мужики отказываются.

Тов. Каганович запросил, нельзя ли сколько-нибудь божески поднять цену, ну хотя бы до 25—30 р. за пуд,— отказ. А так как сено необходимо, а в Костромской губ. оно есть, то тов. Каганович, человек добрейший, но энергичный, решил отбирать сено вооруженной рукой. Новая кровь и новое недовольство среди крестьян будут результатом.

Насколько же выдержан Наркомпрод, видно из картофельной эпопеи. Тут сначала вяли голосу благоразумия и назначили за картошку приличную цену в 22 руб. Так как, повторяю, местный Губпродком изумительный, то он и заготовил по этой цене 3 миллиона пудов картофеля, и вдруг как снег на голову: понизить цену до 6 руб.,— картофель как ветром сдуло, никаких дальнейших заготовок сделать было нельзя, и вдруг новое распоряжение: продавать картофель вольно и по вольной цене; тогда начинается бешеная вакханалия: приезжают покупатели со всех сторон, цена вздувается до 200 руб., картофель выкачивают из всей губернии целиком, в том числе и семенной, затем наивно требуют семенной картофель из Костромской губ. в тот самый момент, когда губерния хочет требовать его для себя.

Я не могу не удивляться героизму и терпению местных работников, которые, перенесши все эти невзгоды канцелярского творчества из Москвы, остаются полными сил и, видя перед собой целую серию стихийных бедствий, говорят: «Как-нибудь переждемся, лишь бы только Наркомпрод чего-нибудь не придумал».

С обсеменением Костромской губ. дело обстоит ужасно. На самом деле для обсеменения губернии требуется более миллиона пудов, но губерния прикинулась с горькой участью, когда ей сказали, что будет доставлено 530 вагонов, на самом же деле пришли только 180 вагонов, и больше не придет. Время теперь упущено, и ярового урожая не будет.

Я не стану касаться здесь некоторых частных вроде такой живописной картины. Заготовители леса требуют от варнавинских крестьян, чтобы они ели свои семена (иначе не с чем работать в лесу), и уверяют их, что они получают их вновь. Крестьяне ничего не получают. Семена съели, и в одном из двух единственно хлебных уездов губернии в будущем году тоже будет хоть шаром покати.

Я не знаю, можно ли спасти теперь губернию, не знаю, можно ли самой торопливой доставкой еще 300 или 400 вагонов семян что-нибудь починить.

Чтобы не утруждать слишком Вашего внимания, не буду передавать вам доклад о мобилизации, который одновременно посылаю т. Склянскому и Данилову и с которым Вы, если хотите, сможете познакомиться, затребовав его у них.

За этот день в Костроме я выступил на нескольких митингах, отправлял речью маршевые роты, побывал в двух клубах и могу констатировать, что вообще уровень политической сознательности и культурной работы в Костроме превышает не только московский, но, пожалуй, и петроградский.

Равным образом, доклады, которые я здесь заслушал, крайне обстоятельные и красочные, могли бы дать материал еще для пары таких писем, но я стараюсь конспективно сжимать для Вас то, что узнаю здесь сам.

Я твердо рассчитываю, Владимир Ильич, на то, что Вы не оставите этого дела как просто неизбежное зло, его избежать можно: пришлите

сюда эти триста тысяч пудов или дайте тов. Кагановичу право ехать за ними.

Кончу свое письмо еще двумя костромскими воплями: здесь нет соли и нет мыла. Соль продается по 40 руб. фунт, и это грозит заболеванием. Мыла нет даже для того, чтобы могли умываться тифозные больные. Если можно что-нибудь сделать в этом направлении — необходимо сделать.

В этом пакете посылаю для Надежды Константиновны чрезвычайно любопытный сборник конспектов и статей, посвященных клубному делу, — результат курсов для клубных работников, проведенных под руководством здешних превосходных культурников — тт. Невского и Ростопчина.

Успею еще приписать о вчерашнем дне. Работал вовсю. 2 важных заседания: со своими ребятами и Губкомдезертиром. Огромный диспут с попами (2500!), весьма победоносный, а потом еще лекция о текущем моменте (опять 2000 народу), наконец заседание с предст<авителями> университета.

Костромичи — прелесть. Мы называем их в шутку: Афинами! Хлеба! Хлеба! Хлеба! Как здесь всерасцвело бы! Какие возможности! Пришлите хлеба!

Крепко жму руки Вам и Над<ежде> Конст<антиновне>.

Ваш Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30904. Конец письма — рукой Луначарского.

¹ Петр Кириллович Каганович — продкомиссар г. Костромы и Костромской губернии.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ и РЫКОВУ

Май <последние числа> 1919 г.

Дорогие товарищи!

Последние два дня я вместе с одним из моих помощников-курсантов тов. Эпштейном посвятил много внимания условиям работы здешнего Совнархоза. Много в работе его, по моему мнению, неудовлетворительно. Заведующий — Никифоров — человек талантливый. Очень крупные люди оба руководителя лесозаготовок Анохин и Скороходов, остальные заведующие отделами гораздо слабее, при этом отделов здесь 22, служащих около 800, жалованья в месяц они поглощают семь миллионов; сказать, чтобы они делали много дела, никак нельзя, утверждать это не решаются они и сами. Жалуются на то, что функции отделов недостаточно определенно размежеваны, что производит немало внутренней путаницы.

Так как Никифоров притом же и не коммунист, то я попытался поставить во главе Совнархоза коммуниста из местных работников. Благодаря мобилизации местный Губисполком истощен до последних пределов, так что я распорядился было освободить от мобилизации бывшего председателя Губисполкома тов. Долматова с тем, чтобы перевести председателем Совнархоза нынешнего председателя Исполкома тов. Иорданского. Однако этого не удалось, г. Долматов наотрез отказался воспользоваться этим освобождением, полагая, и правильно, что на население произведет дурное впечатление этот факт.

Но если в местном Совнархозе не все благополучно, то должен сказать, что неблагополучие это усиливается во сто раз совершенно нелепыми инструкциями, которые Совнархоз получает из Центра.

Равным образом, доклады, которые я здесь заслушал, крайне обстоятельные и красочные, могли бы дать материал еще для пары таких писем, но я стараюсь конспективно сжимать для Вас то, что узнаю здесь сам.

Я твердо рассчитываю, Владимир Ильич, на то, что Вы не оставите этого дела, как просто неизбежное зло, его избежать можно: пришлите сюда эти триста тысяч пудов или дайте тов. Кагановичу право ехать за ними.

Кончу свое письмо еще двумя иостромскими воплями: здесь нет соли и нет мыла, Соль продается по 40 руб. фунт и это грозит заболеванием. Мыла нет даже для того, чтобы могли умываться тифозные больные. Если можно чтонибудь сделать в этом направлении - необходимо сделать.

В этом пакете посылаю для Надежды Константиновны чрезвычайно любопытный сборник конспектов и статей, посвященных клубному делу - результат курсов для клубных работников, проведенных под руководством здешних превосходных культурников - т. т. Невского и Раstopчина.

Открыто Завершено расемплярением
К. Луначарского 26/27/19
С. М.

Узнаю еще что-то о Владимире
Кавтале в. в. 2 тома сведений:
в первом разделе - издательство.
Другой раздел с нотами (2500!) все
известно, а после еще много
других вещей (около 2000 стр.) все
известно с точки зрения.

Книжки - очень. Не забудьте
с собой: документы!

Хорошо! Хорошо! Хорошо! Все
важно! Не забудьте!
Примите любезно!

Конец моему письму
К. В. Луначарский

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ

Кострома, 11 мая 1919 г.

Последняя страница

Если бы какой-нибудь злой враг России (Советской) придумывал наиболее запутанный строй органа, заведующего всем российским хозяйством, для того, чтобы ввергнуть нас в возможно большее количество бедствий, то он, наверное, придумал бы тот план, по которому Совнархоз построен. В самом деле: Губсовнархоз является местным экономическим правительством, но почти все реальное производство ведется не им, а главами из Центра, причем всякие распоряжения Губсовнархоза не исполняются, ибо пресекаются главками. Но эти главки совершенно не согласованы Высовнархозом, и нет такого предприятия, которое не получило бы от этих самых главков самых разноречивых указаний, почти сплошь, как я убедился из документов, сопровождаемых угрозами, Революционным трибуналом и даже расстрелом.

Независимо от этой ужасающей, поистине невообразимой путаницы налетает от времени до времени на всякое предприятие то военное ведомство, то железнодорожное, то еще кому не лень и также дает категорические приказания. У всех голова идет кругом. Завод Плю, превосходный завод, работающий со всей энергией, не может ничего выпустить, ибо приблизительно каждую неделю получает от нового хозяина <...> приказание *приостановить все*, что они делали до сих пор, и делать какой-нибудь новый заказ. Завод судорожно бросается на новое дело, и через неделю опять приказ — каждый раз под страхом расстрела <...>

Я, конечно, не берусь придумывать сейчас какой-нибудь новый план, я пересылаю Вам копию того плана, который предлагает Костромской губсовнархоз. Я недостаточно специалист, чтобы сказать Вам, насколько этот план удовлетворителен. Но я думаю, что следующий съезд совнархозов и главков должен привлечь к себе самое пристальное внимание правительства и должен внести централизацию в это дело во что бы то ни стало.

Прежде всего централизацию *в самом Центре*, чтобы главки <...> подчинялись какому-то единому хозяйственному плану, а, во-вторых, централизацию на месте, которая давала бы возможность губсовнархозам регулировать промышленность края, не вступая в противоречие с объединенным систематическим, а не беспорядочным и фантастическим планом из всероссийского центра.

Я считаю нужным прибавить к этому для иллюстрации, а также на предмет их частного разрешения несколько фактов. Возьмите, например, лесную заготовку. К великому счастью для России, Петроградская, Череповецкая и Костромская губернии «бунтарски и анархически» отказались следовать нелепым указаниям, получавшимся из Центра, благодаря этому эти три губернии смогли выполнить 50% прошлогоднего наряда. Там же, где Центру все покорны, лесная заготовка была погублена, и выполнено всего два-три процента. Это не фантазия, а чистейший факт, и он доказывается великолепно на примере Костромской губ. На реке Костроме и на реке Ветлуге, которых бог избавил от комиссаров из Центра, заготовка прошла так: на Костроме 80%, на Ветлуге — 95. На Унжу же налетели 4 комиссара. С собой они привезли каких-то студентов и прогнали немедленно, очевидно, как контрреволюционеров тех людей, о которых т. Анохин сочно выразился: «на пне родились, на плоту умрут». Ввиду этого на Унже вся лесная заготовка погибла. Ужасно действуют на лесную заготовку предписываемые <...> Центром выделения лесосеки для отдельных заводов. На Унже лесосеку получил Сормовский завод. Конечно, он ничего не заготовил, хотя получил от местного Лескома готовые рабочие артели и т. д.

Я не знаю, каковы люди в других губерниях, но я умоляю Вас, дорогие товарищи, отнестись с полным доверием к костромским «лешим», предоставить им возможно большую широту инициативы, прислать им

вовремя денег, и я Вам ручаюсь, что от этого будет только одна польза.

Верьте мне — я говорю это не наобум, не потому, что стал костромским патриотом, а потому, что у меня тысячи фактов перед глазами. Дайте известную автономию Лескому Костр(омской) губ. в деле лесных заготовок и вместе с тем не препятствуйте тому, чтобы сейчас те 20 тысяч кубов, которые необходимы здесь для спасения местной ткацкой промышленности, столь драгоценной для русского хозяйства, и о которых я телеграфировал, Костромская губерния могла удержать у себя.

Я прекрасно понимаю, что губернское имущество — есть имущество всероссийское, но нельзя же в самом деле, воспользовавшись тем, что население и деятели известной губернии с напряжением сил нарабатывали чего-нибудь, вычерпать это что-нибудь до дна, несмотря на наличие в губернии столь же законных потребностей, как в других губерниях.

Здесь, например, удалось выработать весьма значительное количество селитры как удобрение. Потребность края в этом удобрении огромная. Ведь скот реквизирован. Навозу нет. Ведь губерния издохнет от голода. И вот какой-то Главтук распоряжается вывезти всю селитру из губернии до последнего фунта <...> Просьба Костромской губ. на этот счет самая умеренная: оставить хотя 5 тысяч пудов селитры для злополучной губернии, которая может рационально использовать эту селитру, дав взамен самый настоящий хлеб, и при этом замечте, Алексей Иванович, что эта самая селитра, вывезенная из Костромской губ., наверное застрянет где-нибудь, никуда не доедет и пропадет.

Как, например, понравится Вам, Владимир Ильич, такая история: Калужская губ. имеет наряд на получение металла из Рыбинска, а Костромская губ. — из Тамбова. Рыбинску не удается довести металла до Калуги, а Тамбову до Костромы, между тем как от Рыбинска до Костромы рукой подать. Для чего делается эта перетасовка — единому богу известно, но местные люди от этого плачут.

Потом надо указать еще на такую нелепость, которую я, конечно, самым энергичным образом пресеку: Губсовнархозу в Костроме после слез, плача и коленопреклонения, наконец, разрешается взять сто тысяч пудов железа, скопившегося на Костромской железнодорожной станции. В наряде сказано: принять такой-то груз. Железнодорожная власть «разрешает приемку». Когда костромичи производят опись железа и хотят грузить его на телеги, то железная дорога заявляет, что разрешена только приемка, а не вывоз из железнодорожной станции, для вывоза же требуется новая бумага. На то, чтобы получить такую бумагу от соответственных центров, надо приблизительно три месяца хлопот. Здесь у всех опустились руки, а это просто какой-то железнодорожный прыщ требует такой идиотской формальности. На мой вопрос: неужели он не понимает, что когда наряд говорит: возьмите столько-то железа, то это значит, что его можно не только понюхать, но и увезти, железнодорожный прыщ отвечает: я рассуждать не смею, а выполняю то, что написано. Я бы, конечно, немедленно убрал бы этого прыща, который, будучи ответственным советским работником, не смеет рассуждать, но ввиду его многочисленности и испуга просто сделал ему отеческое внушение. Во всяком случае должен сказать, что как я ни верил в способность русского человека потонуть в бумажном море — действительность превзошла мои ожидания. Буквоедство идет поистине пошехонское. Анекдоты на каждом шагу.

Если мы не предпримем каких-то революционных мер, то мы погибнем, конечно, из-за нашей канцелярской волокиты. Эта волокита связывает местных работников буквально по рукам и по ногам <...>

Что сказать, например, о таком факте: для одной фабрики необходимы два вершка кожи (читай *два вершка!*), что же оказывается, что кожевенный завод, у которого как-никак имеется в распоряжении двадцать тысяч кож, *не вправе* отпустить два вершка, не сносясь с Центром. Сносился с Центром он два месяца, за это время весьма важная машина стала и остановилась половина завода.

Когда для заготовки для красноармейских сапогов (Владимир Ильич, заметьте — по 250 пар в сутки!) понадобился запас в три тысячи аршин холста, каковой холст лежал на складе без особенной пользы, то оказалось, что без разрешения Центра этого сделать нельзя, в силу чего все производство приостановилось надолго и потеряны много тысяч сапог для нашей босой армии.

Относительно кожи кстати: скоро обессапожим все: во-первых, благодаря всем известному канцелярскому недоразумению Наркомпрода скот почти всюду вырезали, во-вторых, его реквизируют без всякой пощады, а, в-третьих, крестьяне, если и колют скот, то кожи не дают, а занимаются кадушничеством, ибо цена на кожу установлена еще в 1917 году! и до сих пор твердые цены пересмотреть не удосужились; так что крестьяне должны продать кожу по цене 17 г. и купить ситцу по цене 19 г. Носовой платок окажется дороже целой кожи.

Тут необходима немедленная помощь, и я надеюсь, что Алексей Иванович сделает соответственное распоряжение.

Потом: отчего это Главкожа постоянно требует кожи из Костромской губернии, ведь в Костромской губ. имеется превосходно поставленная обувная промышленность: в Костроме и Галиче. Общего количества кож, которое здесь имеется, хватит всего на два месяца, для чего же тащить эту кожу отсюда куда-то? Решительно не понимаю и прошу обратить на это внимание.

Ко всем другим стихийным бедствиям в Костроме, как и всюду, присоединяется еще одна язва — контроль. Но с этой ужасающей болезнью, вероятно, удастся справиться.

Товарищи рабочие, между ними т. Бойцов, сейчас мобилизованный и которого я в особом письме рекомендовал т. Сталину в качестве подходящего человека для Военконтроля, начинают понемногу приводить в коммунистическую веру (не по духу, конечно, но по крайней мере по деятельности) господ чиновников. Делается это поразительно медленно, сопротивляемость огромная, контролеры по-прежнему стараются *выполнить все предписания*. Как известно, в рабочей практике это *выполнение всех предписаний* называется итальянской забастовкой. Надобно дать руководителям контроля экстренное предписание, ломать ради существа дела, которое можно понять в 24 минуты, всякую формалистику. На мой взгляд, пагубен закон, в котором говорится, что каждый контрольный человек, пропустивший формальную придирку, при помощи которой можно остановить бумагу, а вместе с тем и <остановить> одно из колес государственного механизма, подлежит ответственности. Нельзя ли дать противоядия, нельзя ли заявить, что подлежит ответственности всякий контрольный чиновник, который заставляет свой собственный здравый смысл умолкнуть перед для него самого очевидно нелепой формальностью?

Такие случаи нередки. Тов. Каганович, здешний чудесный продовольственный диктатор, чуть не со слезами говорил мне: толкуешь с контролем, докажешь ему как дважды два четыре, что он не прав, он отвечает: действительно, вы совершенно правы, но я рассуждать не должен, я должен слушаться закона.

Мне удалось здесь поставить во главе контроля одного из лучших местных работников, латыша тов. Кульпе — секретаря Губисполкома, и

я думаю, что революционизирование контроля в духе его превращения в социалистический контроль будет здесь выполняться недурно.

К организации бюро жалоб я приступил, но временно прервал мое участие в этой работе, так как выехал в Буй и Галич, и это письмо пишу с парохода.

Я прошу Вас, Владимир Ильич, показать тов. Сталину ту страницу этого письма, которая касается контроля.

Пока больше ничего не напишу. О ходе нашего большого предприятия (облавы дезертиров из трех губерний) сообщу своевременно.

Между прочим был в ультракулацком селе Самети — впечатления интересные, я изложу их в «Письме из провинции». Не знаю, печатает ли Роста мои письма из провинции? Мне кажется, что они свою долю пользы могли бы принести даже в «Известиях»; пока не видел напечатанным ни одного, впрочем, я и послал-то их всего три, так как в последнее время трудно найти было минуту свободы.

Крепко жму Ваши руки и надеюсь на Вашу помощь.

Ваш Луначарский

Письмо еще не отослано, так как я писал его на пароходе, и поэтому <спешу> Вам приписать первые и сравнительно очень важные умозаключения, к которым я пришел, побывавши в уездах.

Во-первых, я сделал одно распоряжение, за которое всепокорнейше прошу предать меня суду Революционного трибунала, если оно действительно превышает мои полномочия.

Дело в следующем: в Галичский уезд, абсолютно голодающий, где большинство крестьян чистые полупролетарии и отходники и где около 25% населения питается неизвестно чем, т. е. попросту довольно быстро умирает с голоду, прибыли для распределения среди населения один вагон рафинаду и несколько вагонов сахарного песку. Это, конечно, великолепно. Но теперь: Главпродукт сообщает одновременно, что сахар должен распределиться так: рабочим — 2 ф., их семьям — $1\frac{1}{4}$ ф., всем горожанам Галича по 1 ф., а крестьянам по 30 золотн<иков>.

Трудно представить себе более неудачный акт и с политической и с экономической точки зрения. Сами горожане умоляют о том, чтобы сахар разделен был между ними и крестьянами уравнительно, не касаясь рабочих, занятых в исключительно трудных производствах. Они, конечно, предпочитают получить наполовину меньше сахара, чем видеть вокруг себя страшную ненависть людей, которые уж из Центра признаются людьми третьего сорта, несмотря на то, что это настоящие беднейшие крестьяне.

Я решительно не понимаю, как решаются центровики на такие демонстрации презрения к крестьянству в то время, как VIII съезд требует дать крестьянам все, что мы только можем! Но это еще не все <...> Главпродукт воспрещает давать крестьянам хотя бы золотник сахара иначе, как *за товар!*

Я, конечно, признал бы эту меру вполне мудрой, если бы дело шло о каком-нибудь хлебном уезде, но Галичский уезд — уезд голодный, давать здесь сахар только за товар — значит дать его рыбакам, кулакам и может быть 1—2 мужикам на деревню, у которых еще что-нибудь сохранилось, а остальные должны будут мирно облизываться на сахар.

Крестьяне завопили и заявили со слезами (в буквальном смысле), что Уисполком знает же, что у них ровно ничего нет, никакого товара. Уисполком это действительно знает и ходатайствовал о разрешении распределить сахар между всеми нуждающимися жителями уравнительно и одинаково по твердой цене.

Как бы Вы думали, какой он получил ответ?— извещение о предании их революционному суду за неповиновение Центру! С каким удовольствием я сам бы выступил обвинителем на революционном суде против тех почтенных товарищей, которые подписали этот ответ!

Надо видеть, как здесь, в этой голодной окраине, с напряжением сил и трогательной преданностью борются наши товарищи, и потом перенестись в московский кабинет Главка <...>

Взяв на себя вполне ответственность, я распорядился сахар уравни-тельно и по твердой цене распределить. Ответственность я беру на себя не на шутку и готов устроить самый широкий процесс по этому поводу, если Главпродукту угодно будет принять его.

Между прочим, я понимаю, что, может быть, при скудости нашей было бы правильной послать эти несколько тысяч пудов сахара в хлебную губернию, выгодно выменять на хлеб, а хлеб прислать сюда или в другое какое-нибудь голодное место, но ведь этого не сделано, сахар прислан в голодающие деревни, и верхом издевательства было бы теперь, если бы сахар этот торжественно уехал, на том основании, что крестьяне сами слишком голодны и поэтому никакой пищи на этот сахар дать не могут.

Теперь второе, не менее важное дело. По волостям здесь прокатилась мобилизация коммунистов, которая выстригла все, как хорошая жатвенная машина, и теперь, когда после ухода довольно значительного числа добровольцев требуется с волостей еще добровольная мобилизация десятков,— таковых не оказывается. Набрать десять добровольцев на каждую волость нам не удастся — это ясно, стало быть придется добирать принудительно, т. е. по назначению волости. Нет ничего несправедливей такого набора. Крестьяне совершенно правильно говорят: берите возраст, берите тех, кто числился на учете во время империалистической войны, но не заставляйте нас выделять по случайным признакам этот десяток, ибо тогда мобилизованные таким образом, фактически принудительно и фактически по шатким соображениям волости, отказываются идти, убегают в леса и т. д. Хороших же и надежных добровольцев получим мы!

К этому прилагаю пояснительную записку, которую прошу передать в Военком*.

Я поэтому и прошу Вас дать мне телеграфно полномочие распорядиться по уездам, чтобы не нажимали слишком и чтобы там, где волость не может дать десяти человек, ограничивались и меньшим, только чтобы это были люди, хоть сколько-нибудь смахивающие на добровольцев. Я между прочим разъяснил здесь всем, что волости, которые дадут десять и больше, будут зачислены в дружелюбные и что к ним будет относиться особо внимательно во всех их нуждах; волости же, отказывающиеся дать людей, будут зачислены в черные, и им нечего рассчитывать на поддержку центрального правительства. Я уверен, что это будет довольно сильным средством. Равным образом мы рассылаем агитаторов по всем волостям. <...>

Около самого Галича расположен колоссальный склад пироксилина, гремучего студня и динамита. Склад такой, что если бы он взорвался, то уничтожен был бы абсолютно весь Галич. На Галичском озере все лето происходят грозы. При каждой грозе все жители города находятся в смертельной опасности. Разумеется, ходатайствовали сделать громоотводы. Разумеется, Центр «распорядился» и даже «отпустил кредиты», но громоотводы целый год не поставлены. Обыватели безнадежно машут рукой и говорят: «Где уж, тут уж воля божья — вдарит, так взлетим». Нельзя ли

* Эта фраза вписана рукой Луначарского.

попросить какое-нибудь военное ведомство немножко лучше беречь государственное имущество, которого здесь имеется на десятки миллионов, и жизнь пятнадцати тысяч людей, которые могут быть обращены в ничто одним скромным ударом молнии во время первой майской грозы?

На этом пока останавлиюсь.

На мой вопрос относительно волостной мобилизации прошу ответить по телеграфу.

Одновременно даю телеграмму в военный центр.

Ваш Луначарский*

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 839, лл. 20—29.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ и РЫКОВУ

Уполномоченный
Всерос. Центр. Исполн.
Комитета
Народный Комиссар
по просвещению
г. Кострома
31 дня мая 1919 г.
№ 334

ТОВАРИЩАМ ЛЕНИНУ и РЫКОВУ

Дорогие товарищи,

В дополнение к письмам, которые я Вам послал раньше о Совнархозах, пишу Вам и это письмо и, как относительно прежнего, так и относительно этого прошу Вас прочитать его внимательно не только потому, что все трактуемые мною в нем вопросы имеют немалое значение в экономической жизни Костромской губ., но и потому, что они могут служить материалом и иллюстрацией к общему положению Совнархозов и работ его местных органов в России.

Начну с недавней реформы организации текстильной промышленности, которая болезненно отзывается на Костроме. За Губсовнархозом, как Вам известно, остались теперь только мельчайшие фабрики, более же крупные (их 9) объединены так называемым «кустовым правлением». Это кустовое правление приобрело большую или меньшую степень независимости от Губсовнархоза, а вместе с тем начинает отшнуровываться от него и хозяйственно, что, конечно, сопровождается разными болезненными явлениями.

Хуже всего обстоит дело со складами. Считается, что склады тканей находятся в распоряжении Губсовнархоза, фактически же ничего подобного. Так, в Воензаге Костромского губсовнархоза имеется заказ на значительное количество разного обмундирования: ввиду безработицы в губернии и городе можно легко организовать мастерские, и это будет на благо как армии, так и рабочему населению. Материала для этого, конечно, у Воензага нет, однако на складе этого самого нового кустового правления имеется 540 тысяч аршин равендука; несмотря на все просьбы местного Воензага дать этот материал для того, чтобы выполнить уже сделанный военным ведомством заказ и пустить в ход уже готовые к этому мастерские, кустовое правление наотрез отказывается, ссылаясь на отсутствие разрешения из Центра. В Центр же, именно тов. Ногину, трижды посылались телеграммы, но, как это водится, Центр не откликнулся хотя бы

* Последняя фраза и подпись — рукой Луначарского.

даже слабым эхом. Судя по тому, что к разгару лета всюду получилось достаточное количество валенок, можно думать, что к зиме получат равендук, из которого можно делать только летние гимнастерки — так это обычно бывает у нас: мы постоянно пляшем на похоронах.

Я бы очень просил Вас обратить внимание тов. Ногина на это обстоятельство, а вместе с тем принять его к сведению как иллюстрацию того, как вредно отзывается на месте самостоятельность «кустов» от всего губернского промышленного «леса».

Нельзя не обратить Вашего внимания на следующее обстоятельство: на собрании представителей профессиональных союзов (а профсоюзы наиболее заинтересованы в этом самом ногинском кусте) из 42 голосов 39 было получено инженером Перуновым, другой же кандидат, инженер Зварыкин, не получил ни одного голоса, но Центр, наплевав на выбор профессиональных союзов, уполномочил крайне непопулярного Зварыкина. Для чего это делается? Можно быть уверенным, что у этого Зварыкина есть какой-нибудь кум в Центре, но, может быть, пора бы уже считать выбор профессиональных союзов более ценным, чем выбор кума?

Затем еще одна иллюстрация перетасовки товара: на заводе Толстопятова имеется 3 тысячи пудов льняного масла. Это льняное масло необходимо употребить при производстве жидкого мыла, так как губерния санитарно погибает от отсутствия мыла. Центр на это откликнулся и масло отпустил, но по наряду из Воронежской губ. Судя по некоторым прецедентам, я почти уверен, что костромское масло, вероятно, по наряду отдано в Воронежскую губ. По крайней мере такова обычно игра ума людей, производящих такого рода перетасовки. Я уже указывал Вам на то, что центральная губерния получила железо из Рыбинска, а Кострома почему-то из Тамбова. Неужели долго еще продлится эта буквально гнусная игра с перебрасыванием при парализованных ж(елезных) д(орогах) грузов в места, где данного продукта имеется вдоволь, но где продукт является «табу», потому что какому-нибудь канцеляристу угодно было отпустить его для пользования противоположного уголка России?

Нельзя не обратить также внимание на то, что местный Учвод абсолютно никак не связан ни с какими другими губернскими учреждениями и чувствует себя центром в центре, так, например, он «донес» о том, что на некоторых фабриках и заводах Костромской губ. имеется запас нефти, и немедленно Главнефть предписала весь этот запас сдать Учводу.

На самом деле при той нехватке топлива для флота, которой мы страдаем, эти несчастные десять тысяч пудов не будут играть никакой роли, в городе же не только придется безнадежно остановить всю промышленность, но *остановить даже водопровод*. Какое, однако, дело до этого Главнефти, а тем более Учводу? Курьезно, что в телеграмме, которой передается это распоряжение, сказано тут же: Главнефть просит Центротекстиль подтвердить это распоряжение. Казалось бы, насколько проще в Москве сговориться Главнефти с Центротекстилем и не посылать распоряжения, указывая тут же в телеграмме, что оно принято без согласия другого заинтересованного ведомства. Я думаю, что вопросами распределения топлива между отдельными отраслями хозяйства никоим образом не может весть распределяющий топливо орган: взвесить относительную насущность и надобность может только Президиум, и я посоветовал костромичам обратиться в Президиум ВСНХ, пользуясь тем, что телеграмма сама указывает на односторонность принятого решения. Между прочим Учвод доставил в этот раз баржи и пароходы в самом отвратительном, неремонтированном виде. На вопрос тех, кто ими пользуется, почему не произведен ремонт, последовал наиболее часто раздающийся ответ: Центр давал наряды, но не давал материала. Между тем материал был

ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ ПЕРЕД ВОЙСКАМИ ВСЕВОВУЧА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Справа — заместитель наркома по военным делам Венгерской Советской республики
Тибор Самуэли

25 мая 1919 года

Фотография К. А. Кузнецова

Тут же, в Костромской губ., только он был в распоряжении Совнархоза, а Учвод считает ниже собственного достоинства обращаться в Губсовнархоз. В будущем году с божьей помощью пароходы уже совсем не смогут ходить по Волге, но зато Учвод останется вполне самостоятельным.

Однако все эти романы уступают в пикантности печальной повести о катушках.

Повесть эта может быть разделена на три части. Часть первая: из Костромы отправляются представители, которые заявляют, что на заводе Прянишникова можно производить десять тысяч катушек в день, что для этого есть топливо, рабочие руки и сырье. Центр не обращает никакого внимания. Часть вторая: Центр предписывает собирать старые катушки по 10 коп. за штуку ввиду катушечного голода в России. Этих катушек за два месяца собрали в Костромской губ. семь тысяч. Придя в отчаяние (часть третья), костромичи опять отправляются туда и опять заявляют, что они могут дать не семь тысяч в два месяца, а 600 тысяч новых катушек *за такую же цену*, в какую обходятся старые. Тогда из Центра запрашивают образцы, одобряют их и заявляют, что будет дан пробный заказ в 50 тыс. Затем все замолкает, но через несколько времени получается отчаянная телеграмма: собирайте старые катушки.

Все мною здесь передаваемое совершенно точно. Я, конечно, отнюдь не подозреваю, что во всем этом сказалось издевательство какого-нибудь

специально остроумного саботажника — это просто правая рука не знает, что делает левая, и в то время, как левая отказывается от целого моря новых катушек, дешевых и удобных, правая клянчит старые катушки и готова платить за них какую угодно цену.

Если в одном катушечном деле возможны два «могучих» и независимых один от другого центра, то что же сказать о всем Совнархозе.

В Костромской губ. имеется фабрика Жерара — эта фабрика стала, она была признана подлежащей закрытию. Губсовнархоз решил воспользоваться довольно сильным двигателем этой фабрики для целого ряда крайне важных целей. Обратился в организационно-инструкторский центр или отдел с просьбой о разрешении. Организационно-инструкторский отдел ответил, что фабрика Жерара, как ненационализируемая, не подлежит ведению Губсовнархоза, — между тем фабрика Жерара национализована, и об этом было напечатано в бюллетене Совнархоза. Само собою разумеется, что над такими инструкторами на местах могут только смеяться, но смеется хорошо, кто смеется последний. Я посоветовал Губсовнархозу ответить на телеграмму, что фабрика национализована постановлением от такого-то числа и что, стало быть, телеграмма господ инструкторов тем самым аннулируется. Мой совет, однако, не был принят, ибо многоопытные мужи Губсовнархоза заявили мне: «раз они не хотят давать фабрики, то они придумают другой предлог». Может быть, товарищ Рыков обратит внимание инструкторов на то, что они существуют не для того, чтобы придумывать предлоги, а для того, чтобы говорить прямо и открыто, в чем дело.

Вместе с тем я поддерживаю ходатайство о передаче этой фабрики в распоряжение Губсовнархоза.

При прошлом письме я послал Вам проект Костромского губсовнархоза о перестройке местной организации его. Они просили меня уполномочить их приступить к этой реорганизации, из страха слишком распухнуть, не дожидаясь разрешения Центра. Я, конечно, на это согласия не дал и, наоборот, посоветовал по телеграфу просить ускорить созыв съезда совнархозов, на котором можно было бы в самом пожарном темпе поставить вопрос о согласовании принципов национализированных ветвей промышленности, руководимых главками, и их территориального объединения вокруг губсовнархозов; посему оба должны быть сохранены, но должны быть согласованы, и согласованы как путем рационального их строения, так и путем усиления контроля Президиума ВСНХ. Мы всегда будем иметь парализованное тело, пока мы не будем иметь в хозяйстве могучий и за всем следящий Центр. Я думаю, что человечески это достижимо при хорошей организации и во всяком случае надо стараться этого достигнуть.

Кстати, Владимир Ильич, сообщаю Вам, что я выеду отсюда в воскресенье, по приезде в Москву (по дороге я еще остановлюсь кое-где: в Плесе, Красном, Кинешме) я приду к Вам лично спросить Ваших дальнейших инструкций и сделаю Вам вообще очень краткий суммарный отчет. Мною послано значительное количество как телеграфных, так и почтовых докладов и донесений в разные центры. Свою поездку я в общем считаю удачной и целесообразной, кое-где пришлось произвести аресты и почистить, но в общем впечатление мое такое: несмотря на голод на местах, если судить по Костромской губ., дело идет гораздо лучше, чем мы из Центра предполагаем: люди выросли и приобрели опыт, и к ним надо относиться с большим доверием, они нисколько не глупее, нисколько не малоопытнее, чем люди из Центра, часто наоборот, и здесь нужно больше товарищества, больше деловых небольших съездов с заведующими отделами по каждой специальности, вообще более тесный товарищеский контакт. Это, мне кажется, задача ЦК, иначе советская конституция,

как таковая, грозит в самом деле переделать нас в министров, а их в наших подчиненных. Это уж будет последнее дело.

Следовало бы обратить также внимание на ревизоров, которых присылает иногда ВЧК (...)

Посылать взрослым работникам и старым партийцам ревизорами молодежь нельзя, лучше посадить кого помоложе на места народных комиссаров (не исключая просвещения), а нам, людям хотя с некоторым опытом, предоставить возможность объездов, осведомления и инструктирования.

В этом смысле после трехнедельного пребывания здесь я еще раз подтверждаю, что идея посылки 18 ответственных товарищей в провинции была здоровая идея и что надо настаивать на ее продлении.

Ваш А. Луначарский

Привет Над(ежде) Конст(антиновне)*.

Публикуется впервые. ЦГАОР, ф. М. П., оп. 1, ед. хр. 10—15.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ

Уполномоченный
Всерос. Центр. Исполн.
Комитета
Народный Комиссар
по просвещению
г. Ярославль

1 дня июля ** 1919 г.
№ 495

Дорогой Владимир Ильич!

Я очень прошу Вас лично прочесть этот совсем небольшой доклад, так как в нем Вы найдете, с одной стороны, факт весьма характерный для нашей политики, а с другой стороны, случай своевременным распоряжением спасти в дальнейшем нашу промышленность от новой подобной же ошибки.

В Ярославской губернии имеется чрезвычайно производительный и здоровый так называемый «куст льняных мануфактур». Сюда относятся три очень большие фабрики: Романовская, Ростовская и Локаловская. Все они снабжены достаточным количеством приспособленных машин, имеют полностью рабочий персонал и достаточное количество сырья. Я не могу привести Вам точные цифры производительности Романовской и Ростовской мануфактур, но относительно Локаловской могу сказать с уверенностью, что она имеет возможность производить до 900 тысяч аршин льняных тканей в месяц, что составляет более 10 миллионов в год.

Почему же эти фабрики стоят в настоящее время? — По отсутствию топлива. Это в Ярославской-то губернии. Окруженные со всех сторон лесом, стоят фабрики, работающие на дровяном топливе. Конечно, заинтересовался узнать более глубокие причины такого совершенно казусного явления, положительно постыдного для социалистического хозяйства. Оказывается, что Локаловская мануфактура заготовила себе 22 тысячи сажень дров, чего и хватило бы на целый год. Дрова эти лежат в разных расстояниях от фабрики, от 5 до 25 верст, и вот привезти их оказалось невозможно.

Положительно не веришь своим ушам. Но ближайшее рассмотрение чревато новыми сюрпризами. Крестьяне потому отказались везти зимним путем дрова, что обыкновенно фабрика давала им на это время овес.

* Подпись и приписка — рукой Луначарского.

** В документе ошибка: «31 дня июня».

Овса требовалось приблизительно тысяча пудов. Я не удивляюсь, что овса этого не раздобыли, хотя и не уверен, что раздобыть его было невозможно, но крестьяне согласились возить дрова и со своим овсом с тем, чтобы им платили не деньгами, а мануфактурой. На Локаловской фабрике имеется почему-то никак не использованный склад в несколько миллионов аршин, стали просить Центротекстиль о праве выдать по 5 аршин тканей на каждого возчика. Отказ. Таким образом, Центротекстиль с открытыми глазами шел на то, чтобы остановить фабрику, производящую почти миллион аршин в месяц, остановить ее безнадежно до глубокой осени из-за того, чтобы не выдать максимум 200 тысяч аршин тканей в обмен за доставку дров.

Но, может быть, Вы скажете, Владимир Ильич, что тут были какие-нибудь ускользающие от меня глубоко хозяйственные соображения? Ничуть не бывало. Вскоре после этого Центротекстиль переменял, как капризная женщина, свои принципы и разрешил выдать не по 5 аршин, а по 30 аршин на каждого возчика. Но сделал это к концу марта, когда дорога раскисла и когда дрова подвезти было уже человечески невозможно.

Все это абсолютно подлинный факт. Это стоит нам приблизительно 4 или 5 миллионов аршин по одной Локаловской мануфактуре, и стало быть, миллионов, вероятно, до 12 по всему кусту, а нечто подобное, вероятно, стряслось и над другими кустами.

Вот и рассчитывайте теперь, во сколько обходятся России капризы Центротекстиля.

Самое же важное, чтобы не произошло подобного же явления и в этом году. Осенью, с первым снегом надо будет сейчас же возить дрова. Овса, вероятно, не будет и к тому времени, поэтому надо, чтобы принципиальное разрешение на товарообмен было выдано немедленно. Я Вас умоляю, Владимир Ильич, не оставить этого дела открытым и распорядиться через т. Ногина о том, чтобы *немедленно* было выдано принципиальное согласие на такую операцию, иначе бюрократы опять затянут ответ. Ведь мы даже не можем быть уверены в том, что это происходит только от непереносимости, а не является прямой частью злоумышленного плана дезорганизовать российское хозяйство. Я отсюда, в провинции, вижу столько головокружительных нелепостей, идущих от Центра, что как я ни мало склонен к этим фантастическим представлениям о повсюду гнездящемся контрреволюционном заговоре, но иногда положительно отдаешься во власть этого кошмара, иначе пришлось бы допустить совершенно непроходимую человеческую глупость.

Затем, Владимир Ильич, потрясающее впечатление на всех работников Волги производит следующее: перед открытием навигации опубликовались цифры весьма значительных хлебных запасов по Средней и Нижней Волге.

Лозунгом пропаганды по всему Верхнему Поволжью было дано отбить Волгу у Колчака, для того чтобы возить голодающему северу хлеб. Волга свободна: и на нее нельзя смотреть без величайшей грусти. Никакого судоходства нет. Изредка протачится какая-нибудь баржа для Петрограда или Красной Армии. Это приводит в отчаяние не только абсолютно голодное население, но также и самих партийных работников. Что ответить теперь? То мешали чехословаки, потом Колчак, а теперь кто? Теперь люди ссылаются друг на друга.

Я собственными глазами видел в Симбирске массу вполне прочных пароходов и барж, которые стоят без употребления. Воспрещается даже употреблять их для местного сообщения Рыбинск — Ярославль или Рыбинск — Кострома. Почему? Нет топлива? Рыбинский Учвод заявляет мне, что топливо в их распоряжении имеется, но это Волгопрод наложил запрет

на эти пароходы. «Стоят и так, вероятно, простоят до льда», — так говорит мне меланхолически заведующий Учводом. Если же Вы спросите представителей Волгопрода, то эта почтенная организация заявит Вам, что она не может доставлять сколько-нибудь значительных грузов ввиду отсутствия пароходов и барж. По моему мнению, абсолютно необходимо назначить ревизора с неограниченными полномочиями, который проверит бы весь пучок этих учреждений — Волгопрод, Главвод — в той его части, которая заведует волжским транспортом и Лескомом.

Если бы мне прямо сказали — нет топлива, или прямо сказали — нет хлеба, или прямо сказали — нет транспорта, то я бы успокоился, но вот в том-то и дело, что Волгопрод заявляет: хлеб-то нашелся бы, да вот пароходов нет. А Главвод говорит: пароходы-то у нас есть, да вот хлеба нет и с топливом плохо. И, наконец, лесозаготовка заявляет: хотя заготовка и неважная, но для пароходов-то, конечно, нашлось бы достаточно топлива, а вот Главвод и Волгопрод работают плохо.

При таких условиях прямо приходишь в отчаяние и начинаешь думать, что есть и пароходы, и топливо, и хлеб, а нет только одного — самого обыкновенного человеческого смысла.

Может быть, я, конечно, ошибаюсь, но мне кажется, что абсолютно необходимо действительно властное и пронизательное око, которое взглянуло бы на Волгопрод.

Повторяю, Владимир Ильич, сердце надрывается, в какую пустыню превращена Волга. Кругом несметные лесные богатства. Внизу самые хлебные чуть не во всем мире губернии. В городах достаточное количество стоит пароходов и барж, а на севере самый ужасный голод начинает вымаривать население.

Во всяком случае, если бы среди нас действительно работали контрреволюционеры, поставившие себе целью погубить нас, то они могли бы нынешнюю волжскую продовольственную кампанию зачислить в список своих самых блестящих побед.

Владимир Ильич! Все без исключения продкомиссары севера были бы счастливы, если бы эта мутная лужа Волгопрода была устранена и мы вернулись <бы> к прежнему порядку заготовок по нарядам Наркомпрода самими губкомиссарами. Уверяю Вас, губкомиссары голодных губерний найдут и привезут хлеб. Каганович (Кострома), Шелехов (Ярославль) в 1000 раз больше пр<иобрели>, чем все Ваши уфимские земские заседатели, которые ненавидят все живое среди наших т<оварищей> коммунистов-продовольственников.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Луначарский *

ЦГАОР, ф. М. П., оп. 1, ед. хр. 360, лл. 10—19.

ОТЧЕТ О ГАЛИЧСКОЙ И БУЙСКОЙ ГРУППАХ КОММУНИСТОВ ЦК РКП

До сих пор мною более или менее подробно обследованы городские (а косвенно и волостные) коммунистические организации Костромы, Буя и Галича. Потому что я возвращаюсь в Кострому еще на несколько дней и, быть может, получу некоторые дополнительные данные, я пока воздерживаюсь от отчета по Костромской организации и ограничиваюсь Галичской и Буйской.

* Последние два абзаца и подпись — рукой Луначарского.

Председателем Галичского коммунистического комитета является тов. Леднев — петроградский рабочий, коммунист в течение уже нескольких лет, он же председатель местного Исполкома. Человек умный, надежный, воздерживающийся одновременно от чрезмерной ретивости и держащий тем не менее неопределенные обывательские элементы в достаточной дисциплине.

Кроме него, в коммунистической организации имеется несколько хороших работников, правда, старых членов партии нет совсем. Есть лишь один социал-демократ, лет 20 состоявший в партии, но не примкнувший к коммунистам, а числящий себя сочувствующим и левым интернационалистом.

Среди этих хороших работников выделяются Усачев, заведующий отделом продовольствия, Кукушкин — военный комиссар. Есть и совсем молодежь, например, Казанцева — очень убежденная и горячая коммунистка 20 лет. Вообще уровень для маленького провинциального городка положительно высок. Всего-навсего до мобилизации коммунистов в городе было 71 человек. Мобилизация внесла величайшее опустошение, мне кажется, что галичская группа чересчур мобилизована: она дала 32 работника. Это сильнейшим образом сказывается на работе. В волостях дело обстоит значительно хуже: имеется семь организаций коммунистов и шесть организаций сочувствующих, кроме того, несколько военных коллективов: всего в уезде числится 16 организаций.

Количество коммунистов в деревне установить трудно, вероятно, их человек 70. Коммунисты деревенские, конечно, сплошь новые и довольно шаткие, имеются и случаи отхода от партии ввиду опасности быть мобилизованными.

В городе имеется социалистический клуб, прежде функционировавший очень энергично и насчитывавший до 400 членов; в настоящее время число членов упало до 80 — это объясняется уходом из Галича как политически хорошо поставленной <воинской> части, так и мобилизацией.

Тем не менее во главе клуба стоит не лишенный энергии военный коммунист и общее впечатление от него благоприятное. Коммунистическая пропаганда и агитация слабее, чем хотелось бы, но тем не менее ведется неустанно. Повторяю, вообще впечатление от галичской организации неожиданно приятное, неожиданно потому, что нет здесь такой сплоченности и высоты сознания в глухой провинции, а во-вторых, потому что тов. Стеклов почему-то считал нужным уведомить меня о слабости галичской организации.

Чтобы сохранить все пропорции, упомяну, что Костромской партийный центр считает галичскую организацию за самую лучшую из уездных.

Перехожу к Бую. Председателем буйской организации коммунистов стоит старый коммунист Гидинский, преданнейший человек; особенными способностями он не блещет и обыкновенно является заместителем, когда нет <ни>кого другого. Недавно бывший председатель Свистулев мобилизован.

Председателем Исполкома состоит молодой коммунист Лебедев — человек честный и старательный, не лишенный способностей.

Лучших людей из буйской организации взяли — это примкнувший левый эсер Иорданский, состоящий сейчас председателем Губисполкома, и известный Вам товарищ Шубин — член ВЦИК. Тов. Шубин взял отсюда еще пару хороших работников, так что буйская организация пришла к некоторому оскудению, тем не менее она держится на удовлетворительной высоте, главным образом благодаря наличию железнодорожного депо и его довольно сильной группы коммунистов.

До мобилизации в городе был 181 коммунист, из них 75 железнодорожников и 14 красноармейцев. В волости 134 коммуниста, гораздо, однако, менее надежных. Мобилизовано из общего числа 56 человек —

это как будто маловато, но я бы просил не настаивать на дальнейшей мобилизации, так как сил все же чрезвычайно мало.

И в городе, и в волости в результате мобилизации и перерегистрации количество значительно уменьшилось, сейчас общее число коммунистов в городе 118 человек, в волостях не многим больше ста. Перерегистрация прошла сравнительно недурно и никакого вмешательства не требует.

Имеется здесь также группа финских эмигрантов. Она состоит в настоящее время почти целиком из детей до 200 человек, женщин и инвалидов, так как почти все мужчины ушли на военную службу, их осталось не более 15; считая, однако, с женщинами, коммунистическая группа достигает 80 человек; из 43 мужчин, бывших здесь до мобилизации, 23 ушли на Олонецкий фронт. Финны очень хорошо работают, всюду пользуются громадным уважением населения, но, к сожалению, сильно голодают, и я бы просил ЦК со своей стороны поддержать мое ходатайство о предоставлении им, несмотря на последний декрет, права заготовить для себя в Симбирской губ. хотя сколько-нибудь ненормированных продуктов. При их организованности они сделают это очень аккуратно.

Имеется также организация молодежи. В ней числилось 37 человек, из них 22 отправились на фронт, и осталось только 15 человек. Во главе стоит очень способный оратор, 18-летний юноша Семячкин.

Жалуется партия на малосилье, отсутствие агитаторов и отсутствие средств, хотя все членские взносы платятся аккуратно, но средств не хватает.

Большим ударом для железнодорожной организации явилось создание производительного профессионального союза. Основанный на всеобщем избирательном праве, он дал большинство меньшевикам и эсерам, этого, однако, не следует бояться, так как фактически коммунистическая группа продолжает доминировать, хотя не численно, но морально и политически.

Буйскую организацию надо считать вполне удовлетворительной.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП тов. СТАСОВОЙ

Сообщаю Вам некоторые сведения о Нерехтской уездной организации коммунистов.

Организация коммунистов в Нерехтском уезде, по сравнению с почти всеми другими уездами Костромской губернии, слаба. Правда, до мобилизации здесь было 94 коммуниста по уезду и 105 сочувствующих, но все они рассыпались перед угрозой мобилизации или были отвергнуты партией во время последней перерегистрации. Осталось всего 73 коммуниста на весь уезд, из них 23 мобилизованы и отправлены на фронт, 3 мобилизованы, но пока, как работники совершенно необходимые по слабости сил, оставлены временно в Нерехте. Из остальных: 16 человек живут в волостях, а другие в городе. Сочувствующих в городе около 40 человек, в волостях около 30, как видите, довольно мало.

Еще хуже обстоит дело относительно хозяйства. Людей сколько-нибудь ответственных здесь очень мало. Исполком, на большую половину коммунистический, вряд ли может быть признан вполне работоспособным. Работа его прерывается к тому же внутренними распрями и большим взаимным недовольством, а уезд очень трудный, и если настроение в городе, как и его продовольствие, должно быть признано удовлетворительным, то настроение в волостях, за исключением, быть может, наиболее рабочей — Сидоровской, — очень плохое. Поимейте в виду, что половина

волостей ввиду вновь образованного уезда отошла к Ивановской губернии и как раз вся эта половина промышленная; остаются кулаки и темная деревенская беднота.

Таким образом, здесь больше, чем где-нибудь, необходимо усиление местной коммунистической группы и усиление ее работы по губернии.

Надобно сказать, что товарищи делают, что могут, в этом направлении. Они отвели сейчас трех средней силы товарищей от их советской работы и целиком перевели их на работу партийную, так что теперь в уезде будет 5 агитаторов вместо прежних двух.

Руководитель местной группы и вместе с тем председатель Исполкома — тов. Желобов — преданнейший коммунист: его я знаю по тюрьме после июльских событий (...). Человек он довольно надежный, но страшно жалуется на безлюдье кругом. Действительно, из других сотрудников можно отметить только тов. Орехова — старого члена партии, числится таковым еще с 1905 г. Человек это несколько нервный, но надежный. Очень жаль, что он все время имеет всякие неприятности с Центром ввиду столкновения его с местной буржуазией. По этому поводу, кстати, отмечу Вам такое явление: в Совнархоз, во все его главки и Центр входит все большее и большее количество капиталистов. Против самого факта я, конечно, нисколько не протестую; нам надо взять наиболее способных людей бывшего привилегированного класса на нашу службу, но плохо, когда настоящие акулы и капиталистические контрреволюционеры в провинции в случаях самых ярких конфликтов с местной властью вдруг оказываются под покровительством Центра из-за имеющегося там какого-нибудь куманька в Совнархозе. На это стоит обратить внимание.

Помимо вышеуказанных двух товарищей, есть один — анархо-коммунист, стоящий на точке зрения Советской власти. Довольно энергичен также тов. Незимаев — военный комиссар уезда.

Все остальные люди чрезвычайно недавние, малонадежные и ссорящиеся между собой. Хотя наблюдения мои по Нерехтскому уезду поверхностны, но они добавляются впечатлениями прожившего там сравнительно долго уполномоченного тов. Кочнева, и, суммируя все это, я, конечно, вижу огромную разницу между такими сравнительно хорошо поставленными уездами, как Буйский и Галичский, и Нерехтский. Из этого не следует, однако, что можно перевести силы из первого во второй, ибо и там их только-только достаточно, тем не менее кое-какую перетасовку и кое-какую помощь Центру из Нерехтского уезда мы окажем. Я, конечно, не смею думать, чтобы Центральный Комитет мог подать новые силы Костромской губ. вообще, ибо рядом же есть Ярославская губ., в которой дело обстоит неизмеримо хуже, за исключением Рыбинска, но я все-таки еще раз очень настаиваю, чтобы Центральный Комитет по крайней мере не допускал дальнейших мобилизаций из костромских коммунистов, иначе губерния будет обнажена, а губерния, как это видно из моих многочисленных отчетов, посланных тов. Ленину, военному ведомству и т. п., принадлежит к числу трудных уже в силу самого продовольственного кризиса.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП тов. СТАСОВОЙ

О КОСТРОМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИСТОВ

В г. Костроме имеются три коммунистические организации: губернская, городская и уездная. Персонально они тесно слиты между собой и живут вполне дружно.

Числовые данные таковы: общая численность по всей губернии около 3 тысяч человек, мобилизовано и влито в батальон ЧК 537; Костромская городская организация около 780 человек, мобилизовано и откомандировано 505 человек; Костромская уездная организация 600 человек, мобилизовано приблизительно 200 человек. Состав Губернского комитета 18 человек, из которых мобилизовано 5; в Городском комитете из 9 лиц мобилизовано и откомандировано 3; в Уездном комитете из 5 человек один выбыл по независящим обстоятельствам, никто не мобилизован.

В общем и целом Костромская организация должна быть признана вполне удовлетворительной и даже высокостоящей. Когда я пишу эти слова, то невольно колеблюсь из опасения, чтобы Центру не вздумалось производить дальнейшие грабежи людей в Костроме. Надо принять во внимание, что Кострома отдала только что целый ряд выдающихся работников: отсюда происходит Данилов, отсюда ушел Языков, в последнюю мобилизацию взят председатель Исполкома Долматов, уехал во главе блестяще поставленных курсов красных командиров тов. Ростопчин. Если взять хотя еще одного человека, дело как-никак налаженное, круг лиц, как-никак справляющихся с огромными трудностями управления Костромской губернией, особенно пошатнется. Попутно перехожу к характеристике отдельных, наиболее заметных, товарищей, конечно, кратко. Большинство из них ЦК, вероятно, хорошо известно, так как это почти сплошь старые товарищи.

Во главе Губернского комитета партии стоит тов. Козлов, рабочий, из семьи с революционными традициями, бывший в ссылке еще до 1905 года. Несмотря на относительную молодость (ему меньше 30 л.), это настоящий муж совета, пользующийся уважением среди всех товарищей, прекрасный председатель, высокоэтическая фигура. Если бы во всех губерниях мы имели такого председателя, то можно было бы облегченно вздохнуть. Хорошо и то, что как раз у Козлова нет очень больших административных способностей и его не тянет ни на какую советскую работу, он хорош именно на своем месте как человек безукоризненной моральной строгости, довольно тонкого психологического чутья и полный политической выдержанности.

Он, однако, не является самым крупным работником губернии, я не стану теперь говорить о Ростопчине, который сейчас уехал из Костромы, и не знаю, когда вернется. Рядом с ним и, может быть, выше его стоит Петр > К<ириллович> Каганович, о котором распространяться не стану, ибо его знают все. Скажу только, что я бы от души желал, чтобы Кагановича взяли из Костромы, но только при том случае: с назначением его народным комиссаром продовольствия. Мне кажется, что если есть человек, способный все-сторонне охватить продовольственное дело, то это именно Каганович. Брать же его из Костромы, нанося тяжелый удар его большой семье, разрывая дружные связи и оставляя Кострому без ее испытанного продовольственника, пользующегося не только огромным уважением среди рабочих, но даже обывателей, для того, чтобы несколько месяцев он штопал какие-нибудь административные дыры в Казани — это, простите меня, — безбожно. При всем моем уважении к т. Малютину, скажу, что Кагановича он в Костроме, конечно, не заменит.

Очень хорошим работником является нынешний заведующий (новый потому, что старый мобилизован) Губернским отделом народного образования и социального обеспечения тов. Ковалев. Думается, что о нем незачем распространяться, ибо это очень старый товарищ, коренной партиец. Бывший статистик, он и сейчас проявляет серьезный анализ, знает хорошо Костромскую губернию, является неизменным мужем совета в Комитете и в Исполкоме. Единственным недостатком является то, что это, по свидетельству Кагановича, человек без большой воли, без большой

инициативы, скорей первоклассный помощник, чем руководитель. На руководящих постах, как говорили мне Каганович и Козлов, он несколько теряется.

Нынешний председатель Исполкома Иорданский — из уездного городка Буя, бывший левый эсер, недавний наш товарищ по партии, но совершенно сжившийся со всеми остальными и пользующийся уважением за свою честность и известный финансовый опыт. Он был и на последнем съезде финансистов, виделся с т. Лениным и, как кажется, произвел и там впечатление человека способного и надежного в своей области. Конечно, желательней было бы, чтобы он был только заведующим отделом финансов, но тут уж ничего не поделаешь.

Блестящим работником является заведующий Городским отделом народного образования тов. Невский. Человек он способный, разносторонне образованный и приведший при всех трудностях дело народного образования в Костроме (особенно дошкольное, детские клубы и т. д.) в чрезвычайно удовлетворительное состояние. Вместе с тем это прекрасный деятель коммунистического внешкольного дела.

Надо отметить также неустанную работу в рабочем классе его сестры М. А. Ростопчиной, организаторши в полном смысле слова образцового первого социалистического костромского клуба.

Во главе Горискома стоит тов. Бляхин-Сафонов. Человек это умный, надежный, недурной оратор, но я должен сказать, что он не производит на меня впечатления хорошего администратора. Делом ворочают люди дошлые и, может быть, не бог весть как заслуживающие доверия, так, например, доктор Васильев, управляющий бойнями завода «болюса» и молочным гуртом, был арестован при мне; так же точно некто Трубников, примазавшийся к коммунизму и заведовавший городскими именьями, в настоящее время сидит в тюрьме. Общий ход хозяйства Горискома остроумный, и тут есть чему поучиться. Дельцов в Горискоме немало, и, быть может, необходимость выколачивать местные средства или некоторая самоуверенность тов. Сафонова, соединенная с некоторой близорукостью, придали Горискому какой-то американский характер предприимчивости, не совсем в духе коммунизма. Это не мешает тому, что Сафонов является одним из лучших агитаторов в Костроме и считается коренной силой.

Отмечу еще, пожалуй, работницу Карманову, превосходную представительницу настоящей работницы-коммунистки.

Из местных рабочих наиболее замечателен только что вырвавшийся из плена тов. Муравьев. Пока он человек вдребезги больной, ему надо полечиться, но потом он, несомненно, окажет большую помощь в Костроме.

Недурны также Бойцов, которого я посылал к Вам в свое время, и Червяков; есть и другие.

Очень большого недостатка в хороших рабочих здесь все-таки не ощущается. Тов. Задорин, стоящий во главе ЧК, тов. Филатов, губернский военный комиссар, оба члены Комитета (тоже работники недюжинные). Хорошим работником является нынешний председатель трибунала Малинин, но это человек запойный, и все постоянно боятся за него с этой точки зрения. Бывший же председатель трибунала, специалист-юрист, убежденный коммунист и человек большой энергии тов. Мапталлер, к сожалению, мобилизован. Заметьте, что мобилизован также главный помощник Кагановича тов. Калинин; бывший заведующий Губернским отделом народного образования Афросимов считался здесь первоклассным работником, их я уже не застал и ничего о них сказать не могу.

Конечно, немислимо сравнивать костромскую партийную группу, скажем, с ярославской и выделенными мною провинциальными группами; даже иваново-вознесенская группа, которая, несомненно, должна быть

признана вполне удовлетворительной, уступает костромской. В полном своем составе до мобилизации эта группа, пожалуй, — согласен — была даже слишком сильной для одной губернии, но теперь, выделив 50% коммунистов и столько самых лучших своих работников, она обеднела, а губерния, повторяю, трудная.

Еще раз кончаю просьбой не скоблить костромскую группу и, по возможности, оставить здесь Кагановича.

Р. С. Случайно я забыл упомянуть о двух работниках, которые отнюдь не являются из последних — это, во-первых, секретарь Исполкома латыш тов. Кульпе, человек чрезвычайно прочный, где нужно жестокий, быть может, несколько узкий, но дисциплинированный и дисциплинирующий. Его обыкновенно пускают в ход в экстренных случаях и когда нужна железная энергия. Железным человеком является и нынешний заведующий Губкомдезертир тов. Беляев. Он несколько фанатичен и, боюсь, порою может быть чрезмерно жестоким. Он из Варнавинского уезда, где ожесточенная и свирепая борьба с кулаками, как говорят иные, закалила, а потому отчасти и исказила душу нашего товарища.

Есть и еще один латыш — заведующий управлением делами тов. Карро — тоже хороший работник.

Уполномоченный ВЦИК народный комиссар

⟨А. Луначарский⟩

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

⟨СТАТЬЯ ДЛЯ РОСТА⟩

ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ. ⟨ПИСЬМО ПЕРВОЕ. ЯРОСЛАВЛЬ⟩

Поезд А. В. Луначарского

№ 2

10 мая 1919 г.

Согласно предложению Росты, я, посланный Центральным Комитетом в Костромскую губ. для общего надзора за мобилизацией и контроля над работой партийных групп и советских учреждений, решил напечатать в советских газетах ряд писем, которые обрисовали бы мои наблюдения над жизнью этой провинции и мои выводы.

Выехав из Москвы 8 числа, я прибыл 9 мая в г. Ярославль и по просьбе тов. Доброхотова, посланного в Ярославскую губ. с теми же полномочиями, какими я наделен для Костромской, остановился в г. Ярославле.

В Ярославле останавливаешься с несколько болезненным чувством. Страшным преступлением белогвардейцев город этот был в течение долгого времени объят мятежом в опаснейший для судьбы Российской Советской Республики момент. Пришлось, скрепя сердце, самым крутым образом расправиться с мятежом, и иного средства, кроме усиленной бомбардировки города, у Советской власти под руками не было. Много ранений нанесено этим преступлением мятежников самому телу города. Во многих местах видны разрушенные, сгоревшие дома, в совершенные развалины превращены ⟨торговые⟩ ряды, как почти повсюду на севере, очень хорошее архитектурное произведение неоклассического стиля.

Многие церкви носят на себе пробоины и ущербы, а церкви православные представляют собой почти сплошь высокие произведения золотого века русской архитектуры — 17 и полны несравненных фресок внутри.

Особенно жалкое впечатление производит Спасский монастырь, один из лучших среди этих памятников, в котором белогвардейцы засели и который поэтому был подвергнут жестокому обстрелу.

Ярославль носит не только внешние раны на своем каменном теле, и внутри его заметно сильное недомогание.

Как-никак, в других городах, где менее, где более, где искренне, где скрепя сердце, работает с нами и значительная часть интеллигенции. Наоборот, в Ярославле интеллигенция сильно скомпрометировала себя мятежом и разбрелась, разбежалась, частью была арестована, и, таким образом, средний слой ярославского населения разрушен, что, конечно, сказывается на местной работе и сказывается в ущерб делу отсутствием специалистов, отсутствием крупных сил, обладающих образованием и, так сказать, взятых в плен нашими идеями и идущих за нами. Все знают, что таких в больших центрах нашей республики темень немало.

Вместе с тем, однако, в Ярославле можно наблюдать и много отрадного.

Несмотря на разрушения, так искажающие город, он остается прекрасным. В светлый весенний день почти на каждом шагу любуешься грациозными и фантастическими силуэтами церквей. Проходя сквозь вековую башню, я невольно вспомнил итальянские города Возрождения. Есть также немало зданий в неоклассическом стиле эпохи Николая I, когда по приказам Петербурга все большие губернские города застраивались крупными зданиями, на строителях которых лежал еще отпечаток великих мастеров Кваренги, Росси, Захарова и других.

Равным образом и в настроении ярославцев вовсе нет никакого уныния или придавленности, наоборот, большой митинг на Главной площади, в котором по времени дня участвовали главным образом красноармейцы, и другой, вечерний, в прекрасном ярославском Волковском театре, наполненном главным образом рабочей публикой (среди них много детей), прошли с прекрасным подъемом. Мне была приятна также та радушная настойчивость, с которой звали меня на Корзинкинскую мануфактуру, где имеется 12 тысяч рабочих, являющихся, как кажется, главной опорой Советской власти не только в городе, но и в губернии.

К партийной и советской работе в Ярославле я мог присмотреться настолько бегло, так что о ней ничего не скажу. Там произошел своего рода переворот в апреле месяце. Старый состав сменил новым, среди которого много петроградских рабочих, но, само собой разумеется, люди, не бывшие на месте и двух месяцев, еще только ориентируются и сознают, конечно, трудность своего положения.

Дело в том, что Ярославская губ. не принадлежит к числу особенно благополучных. Мятеж оставляет до сих пор свой след, не напрасно, конечно, белогвардейцы выбрали в свое время г. Ярославль. Захват города или тех и других частей губернии нанес бы Российской Республике почти смертельный удар, ввиду центрального места, которое занимает Ярославская губ., и разрыва путей сообщения.

По-видимому, белогвардейцы и сейчас, когда мы вступили в последний бой с Колчаком и поддерживающей его Антантой, питают какие-то намерения относительно этой же губернии. По крайней мере, по свидетельству Чрезвычайной комиссии, ими была сделана попытка устроить контрреволюционную базу в самом Ярославле, что им, однако, не удалось: часть их была арестована, остальные разбежались, но немедленно после этого они организовали такую базу в г. Рыбинске. Там скопился штаб подготавливавшегося восстания, около 25 человек бывших офицеров; они были выслежены и не так давно попались во время облавы, но при этом арестовано было только 14 человек, остальным удалось бежать, причем со стороны агентуры чрезвычайки были и раненые и убитые.

Как во многих других местах, так и в Ярославской губ., от времени до

времени вспыхивают крестьянские восстания. В них не всегда виноваты только крестьяне, так, например, в день моего пребывания в Ярославле пришло известие об убийстве крестьянами председателя волостного исполкома в Пошехонском уезде, против которого, как гласит донесение, они восстали за насильственное введение коммун. Конечно, глубоко жаль убитого советского работника, но невольно спрашиваешь себя, каким образом возможно насильственное введение коммун после столь настойчивого разъяснения VIII съезда о полнейшей недопустимости таких мер?

Следствие, конечно, разъяснит это событие, как и подобные, имеющие место в Мологском уезде.

Еще в Иваново я слышал, что в Ярославской губ. прежняя мобилизация прошла неуспешно, — большое количество дезертиров разошлось с оружием по лесам, и действительно, по показанию Чрезвычайной комиссии, если не ошибаюсь, в самом Ярославском уезде имеется, например, группа дезертиров, обладающая винтовками и двумя пулеметами.

Итак, товарищам в Ярославле придется напряженно работать и помнить ответственность их положения. Я надеюсь, что Центральный Комитет отнюдь не будет настаивать на слишком густой мобилизации партийных товарищей в этой губернии: наоборот, туда нужно послать новые силы, пока же Губернскому Исполкому окажет сильную поддержку товарищ Доброхотов и его отряд молодых советских работников из 45 человек.

Новая мобилизация проходит в Ярославской губ. хорошо. По мобилизации возрастной процент дезертиров колеблется между 5 и 10. Это надо считать удовлетворительным. Мобилизация партийная идет совершенно гладко и дала значительное количество товарищей, из которых наиболее ответственные предоставлены в распоряжение Центрального Комитета, а другие вошли в местный красный батальон, отправляющийся на днях на фронт и представляющий собой отборный отряд.

С такими впечатлениями, в общем удовлетворительными, хотя и подкрепляющими наше общее сознание о том, что мы живем в момент разгара борьбы, и уехал я вечером того же дня дальше в Кострому.

А. Луначарский

Публикуется впервые по машинописному экземпляру, правленному и подписанному Луначарским. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

В КОСТРОМЕ

Трудно представить себе город очаровательней Костромы по местоположению и архитектуре. К 17 веку в Костроме развились целые художественные течения, выразившиеся весьма многообразно. Здесь строились церкви, могущие с честью занять место среди лучших построек этого века, как известно, «золотого века церковного строительства». Но в дополнение к прекрасным церквям, как Ипатьевский монастырь или Воскресения на Дебре и другие, около собора построена была в первой половине 18 века дивная колокольня, которую долго приписывали величайшему архитектору елизаветинского и екатерининского времени — Растрелли, на самом же деле колокольню эту выстроил костромской мещанин Воротилов, который и получил в то время награды за «сию постройку» 29 руб.

В то время костромичи славились на всю Россию своими художественными изделиями. В царской Московской школе изографов первое место заняли костромичи Гурий Никитин, Сила Саввин и другие. Эти художники работали много и в самой Костроме, где выполнили целый ряд фресок, принадлежащих к числу самых знаменитых, какие имеются в России. Одно из своих последующих писем я посвящу описанию художественных красот Костромы.

Здесь же процветала изумительная резьба по дереву и разные другие кустарные промыслы, из которых некоторые сохранились и до нашего времени. Кострома и в позднейшую эпоху отличалась своим строительством. В николаевскую эпоху, когда центральное правительство потребовало постройки в губерниях соответствующих величию централизованного деспотизма зданий, в Костроме нашлись такие архитекторы, как Метлин, Фурсов и тот неизвестный, который построил изумительно изящный зал Дворянского собрания (ныне университет). Совокупными усилиями им удалось построить Сусанинскую площадь, которую архитектор Лукомский относит к числу самых красивых во всей России.

Все это разбросано по невысоким холмам над Волгой, и вид с Волги на Кострому и Ипатьевский монастырь даже в сравнительно пасмурный день, в какой мы приехали, чарует своим разнообразием и своей гармонической живописностью.

В прежнее время под этой привлекательной оболочкой скрывался один из наиболее монархических городов.

Несмотря на то, что Кострома не имела никакого хорошо защищенного Кремля, сюда прибегали разные князья и цари и в трудную минуту здесь отсиживались.

Кострома — город Романовых, сюда направлялся торжественный ход из Москвы для возведения на престол бездарного Михаила Федоровича, за которым на самом деле виднелась фигура его честолюбивого отца.

Однако произошло нечто подобное тому, что имело место повсюду. Кустарное производство льняных, а позднее хлопчатобумажных изделий стало стягиваться к городу, к Волге, построены были хитрыми купцами большие фабрики, развернулся капитал, а вместе с тем и умножились рабочие, и костромской пролетариат, подобно всей пролетарской стихии, очень быстро вступил на путь политической сознательности. И тут имели место при Николае II кровавые расстрелы рабочих, как в соседней Ярославской губ., и тут рядом с городом вырос угрюмый, изнуренный трудом, но полный надежды и отваги рабочий квартал.

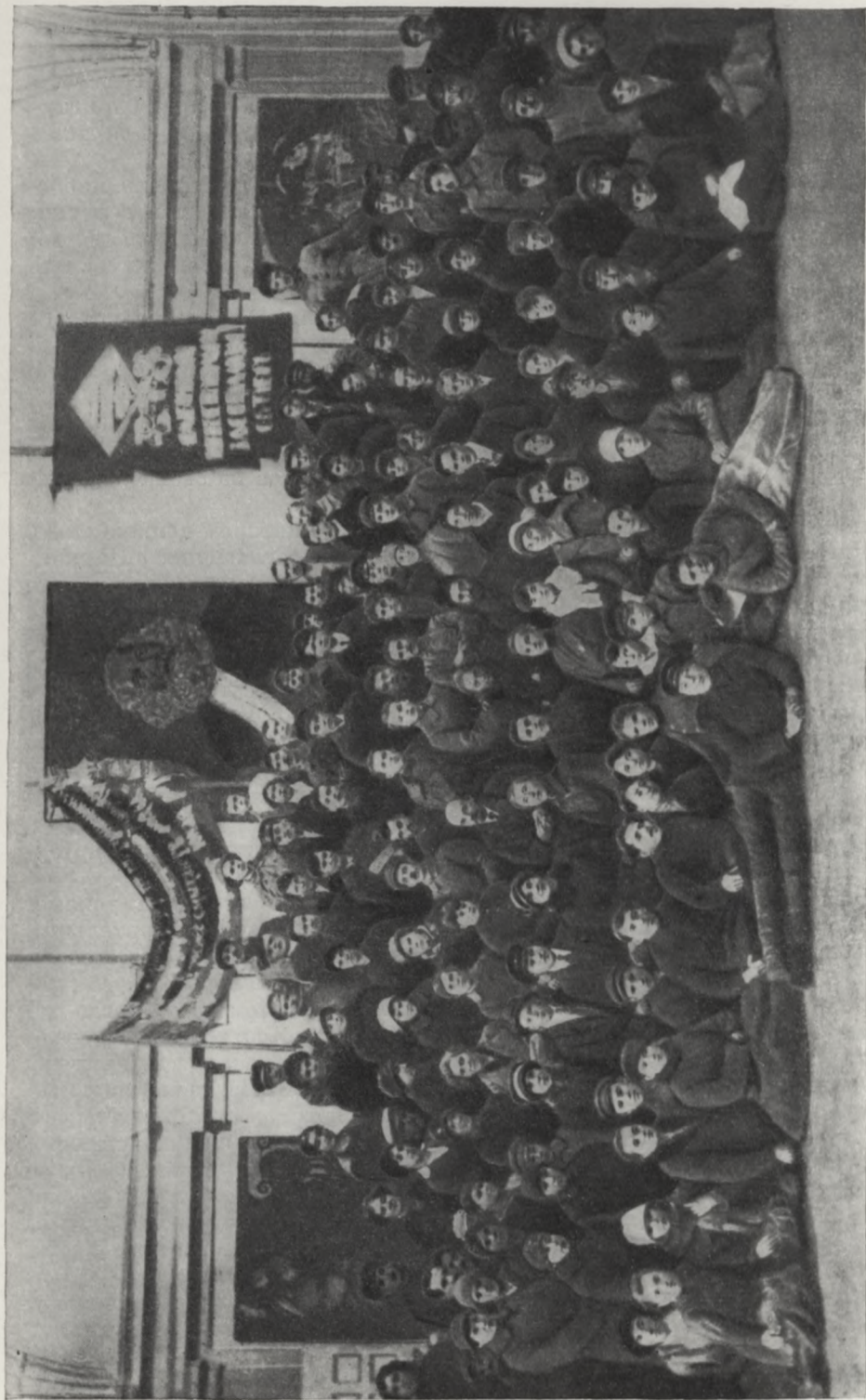
Мы дожили до времени, когда переворот совершен и не капиталисты из своих удобных особняков властвуют над рабами рабочего квартала, а рабочие являются диктаторами; они выселили эксплуататоров из их гнезд и использовали их имущество, производительное и непосредственно для широкой жизни назначенное, в целях социалистической экономики и социалистического просвещения.

Кострома необыкновенно выросла, внутренняя жизнь города достойна всякой похвалы.

Редко где видел такую группу умелых, старых партийных товарищей, как здесь, в Костроме. Я, конечно, ожидал самого лучшего от коммунистической Костромы, но действительность превзошла мои ожидания, и, насколько я мог присмотреться за эти два дня, постановка культурно-просветительной работы, например клубной, здесь настолько образцова, что есть чему поучиться даже нашим столицам.

Положительно переходить от сюрприза к сюрпризу, и до сих пор я нигде не чувствовал такой близости приближения того, что задумывалось Центром в его программе, к осуществлению, как здесь. Тем более печально, что этим прекрасным администраторам и добрым коммунистам приходится бороться с препятствиями неодолимыми

Костромская губерния, за исключением восточной окраины, своим хлебом прожить не может. Она всегда выделяла большое количество отходников, главным образом устремлявшихся в Петроград. Конечно, это благоприятное обстоятельство и создало очень дружелюбное отношение к Советской власти в большинстве уездов Костромской губернии. Как раз в уездах более хлебных, в староверческих уездах Варнавинском,

ЛЕНИН И Н. К. КРУДСКАЯ В ГРУППЕ СЛУШАТЕЛЕЙ КУРСОВ ПО ВНЕШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ, ОТПРАВЛЯЮЩИХСЯ НА ФРОНТ
28 октября 1919 г.
Фотограф не установлен

Ветлужском, настроение более озлобленное, и зажиточные крестьяне, из которых приходится выкачивать хлебный излишек, чтобы совершенно не перемерла с голоду остальная часть населения, сопротивляются, ведут настоящую войну, выбирают своих царей, отсиживаются в лесных блокгаузах и, когда могут захватить наших, расправляются с ними с жутким зверством.

Но в уездах отходников другая беда: теперь никуда не отойдешь, наоборот, даже часть коренного пролетариата из городов хлынула в деревни; тут есть, конечно, своя хорошая сторона, но как сесть им на хозяйство, как прокормиться? Ведь уходили они не потому, что им в городе жить было веселей, а потому что земля их не кормила.

Свести концы с концами губерния не может. Количество семян, которое получено из Центра, недостаточно; в будущем году хлеба в Костромской губернии будет еще меньше, чем в этом. Количество хлеба в пищу, уже по нарядам Наркомпрода недостаточное, не доставляется вовсе.

Губернский исполком бьется, как рыба об лед, в страшной борьбе с голодом и в городе, и в особенности в уездах. Поистине героическими мерами удалось ему выкачать 160 тысяч пудов из своих хлебных уездов.

Я не могу не сообщить здесь об одном факте, о котором должна знать Россия. Рабочие здешнего металлического завода по соглашению с Наркомпродом взяли на себя такой подряд для Наркомпути: железная дорога дает им невыразимый хлам — ломаные паровозы и вагоны. Рабочие, не оставляя своей работы и давая за нормальную плату прежний нормальный труд, совершенно бесплатно для государства, просто делая свой труд более интенсивным, чинят все это. Так починили они в три недели один паровоз и 35 вагонов. За все это они получают право посадить на паровоз свою бригаду и отправить за хлебом, которого в Чистопольском районе их собственный продовольственный отряд заготовил два миллиона пудов (согласно декрету, один миллион для себя и один миллион для местных нужд).

Совершив эту поездку, поезд целиком поступает в распоряжение Наркомпути, а рабочие получают новую порцию на починку.

Конечно, центральное правительство напряжет все свои усилия, чтобы направить в голодающую губ. сколько-нибудь удовлетворительный приток хлеба, потому что от судьбы Костромы в значительной степени зависит судьба будущей зимы для всей России, ибо большая часть дровяных нарядов делается именно Костромой. В прошлом году, когда некоторые губернии выполнили 2—3 проц. наряда, Кострома выполнила 50 проц. Если бы не некоторые недоразумения, в которых она не при чем, то выполнила бы и значительно больше. В этом году она могла бы справиться со своей задачей, колоссальной по существу, которая возложена на нее по части лесной заготовки, но если она будет голодать, то, естественно, ничего выполнить не сможет. Разлив рек уже идет на убыль, и новые наряды могут замедлиться, и все это потому, что ни за какую плату нельзя найти рабочих, которые согласились бы делать эту работу днем и ночью, как обычно работают в лесах, с огромным напряжением, в то же время голодая.

Немного лучше и положение рабочих: сырья для фабрик крайне мало, а главное, нет топлива. Фабрики жгли мазут, которого не осталось ни капли; их переделали более или менее вовремя на дровяную топку, и, быть может, если прибудет сколько-нибудь достаточное количество дров, фабрики Костромы будут пущены опять в ход.

Сами рабочие охотно всей массой стали бы на заготовку топлива, если бы... если бы опять-таки Советская власть могла бы их в это время чем-нибудь кормить.

Как же не удивиться при таких обстоятельствах тому огромному подъему, который замечен тем не менее в Костроме? Яркое настроение партийного собрания, на котором присутствовали сотни лиц, переполнивших весь зал Народного дома, глубочайшее внимание на религиозном диспуте и большом реферате, с которым я выступил, большая выправка и прекрасное настроение курсантов, которые опять-таки сделали бы честь и Москве, большое количество клубов, из которых некоторые я уже посетил, и трудовые школы положительно более высокого типа, чем те, которые удалось осуществить в столицах, — все это делает Кострому настоящим маленьким центром коммунистической работы. Честь и слава костромским рабочим и их руководителям! Я надеюсь, что дальнейшее пребывание мое в Костроме и моя поездка по губернии еще углубит мое уважение к северным коммунистам, к этому достойному отряду нашей великой трудовой армии.

А. Луначарский

«Советская газета», Кострома, 1919 г., №№ 110 и 111,
23 и 24 мая.

ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО г. КОСТРОМЫ

Еще до Октябрьского переворота большевики приобрели едва ли не решающее значение в городском хозяйстве г. Костромы, так как им принадлежала половина мест в бывшей Городской думе.

Кой-какая сторона городского хозяйства была поэтому уже раньше недурно поставлена или по крайней мере приближалась к нашему типу постановки: это относится, например, к народному образованию, о котором я буду говорить специально.

Несмотря на это, нынешний Гориском, вступивший в обязанность 4 месяца тому назад, нашел городское хозяйство во многих отношениях в неудовлетворительном состоянии: перед ним стоят очень сложные задачи по благоустройству города. Необходимо расширить водопроводную и электрическую сеть и во что бы то ни стало, не откладывая в долгий ящик, приступить к строительству, ибо здания все это время не ремонтировались, многие пришли в негодность, а количество жителей г. Костромы скакнуло с 50 тысяч до 70 тысяч. Острый квартирный кризис — одно из главных бедствий Костромы.

Костромской городской совет был первый, который приступил к национализации домов. Национализация, однако, произведена не сплошная. Городским имуществом объявлены лишь дома, стоимостью свыше четырех тысяч. Подобная мера типична для Костромы и должна быть всячески одобряема. Так, Костромской Гориском первый в России уничтожил частный торговый аппарат, но и здесь он поступил с тем же тактом и не тронул мелкую торговлю или, по крайней мере, скоро оставил ее. Неописуема была радость всех тех маленьких часовых мастеров, уличных торговцев, самостоятельных ремесленников, которым позволили снова стать на самостоятельную работу.

Ниоткуда не следует, чтобы социализм на первых же порах уничтожал мелкую собственность и мелкую промышленность в городах, в то время как мы признаем неизбежным существование в деревне и мелкого крестьянского хозяйства, и кустаря и призываем помогать им.

Разумеется, продовольствие города остается неудовлетворительным, но и здесь город пытается помочь себе, чем может.

По соглашению с Горискомом, им взяты на себя несколько имений вокруг города; правда, за исключением более или менее хорошо поставлен-

ного огородничества, где городу оказывают помощь учащиеся, остальное хозяйство поднять при наличной разрухе трудно, тем не менее пока имущества эти хорошо сохраняются, а в будущем явятся, несомненно, значительным источником дохода для города.

Второй мерой явилась реквизиция всего рогатого скота у горожан, за исключением наиболее беднейших, что составило гурт в 130 голов (в настоящее время к этому прибавилось еще 60 телят) и что дает возможность скольконибудь удовлетворительно питать маленьких детей.

Финансовый отдел Горискома придерживается того мнения, что налоги всех видов совершенно отмирают повсюду; поступление этих налогов в Костроме, без всяких мер строгости, довольно, впрочем, удовлетворительно, но просто они сами по себе ничтожны или ими обложены такие статьи, которые вытекают из той же городской кассы, так что получается самообложение и перекладка денег из кармана в карман. Опору своего бюджета Гориском видит в производительности, этого нельзя не приветствовать, и если в свое время Совнархоз захочет концентрировать предприятия городские, то необходимо, чтобы это произошло через посредство выделения особых городских Совнархозов, которые, пользуясь общей директивой, в то же время продолжали бы быть базой местной финансовой хозяйственной жизни.

Костромской гориском имеет 14 производств, наиболее доходные среди них — кинематограф, завод фруктовых вод, красильня, прачечная.

Хозяйство в настоящее время настолько упорядочено, что во многих отношениях Кострома могла бы явиться образцом для соседних городов, да, пожалуй, и для столиц. Так, например, в то время, как в Москве пользование плохо топленной баней обходится в 5 руб., Кострома дает прекрасную баню за 2 рубля.

Очень интересным городским предприятием является завод для использования раньше совершенно бесполезно терявшейся крови на бойнях; из этой крови путем метода, являющегося изобретением костромского врача тов. Василева, изготовляется нечто вроде колбасы, так называемый «боллюс». В Костроме изготавливают ее в количестве 800 фунтов в день, население расхватывает эту очень питательную (фунт «боллюса» равняется 1/2 ф. мяса) пищу в особенности ввиду ее дешевизны — 3 рубля за фунт. Предстоит расширение завода до производства 4 тысяч фунтов в день. Из Нижнего Новгорода приезжала в Кострому комиссия, произвела изучение этого завода, и в настоящее время в Нижнем Новгороде функционирует уже такой же завод значительно более крупных размеров.

На городе лежит огромное увеличение его обязанностей, а вместе с тем и расходов. Колоссально вырос расход на социальное обеспечение, народное образование, квартирное довольствие семейств красноармейцев, бесплатные похороны и т. п. статьи, — все это при наличии весьма упорядоченного хозяйства все-таки дало в прошлом году 10 148 000 руб. дефицита. Если, однако, сообразить, что сумма эта представляет собой только 11% общего оборота, то надо признать финансовое положение города Костромы, по сравнению с финансовым положением всей России, безусловно, благоприятным. Среди мероприятий, которые вызывают повышенное расходование, отмечу питание детей, стоящее в Костроме очень удовлетворительно. До сих пор горячие завтраки получали десять тысяч школьных детей, две тысячи детей в «домах ребенка» и тысяча детей в заведениях социального обеспечения. Вне общественного питания осталось 11 тысяч детей. В настоящее время решено распространить общественное питание и на них, и, несмотря на свой голод, Кострома оказывается способной это сделать. Завтраки удовлетворительны и обходятся в высшей степени дешево. Завтраки в месяц на каждого ребенка стоят городу всего 19 рублей.

Источники доходов Костромы, за исключением указанных предприятий,— шатки. Хотя из 6400 лиц, подлежащих городскому обложению, отклонились от платежа только 126, но толку от этого немного, ибо из 37 налогов, указанных городу, как источники его доходов фактически при нынешних условиях могут функционировать с грехом пополам только три. Крупный из них — подоходный, дающий 1200 р. доходу в год. В настоящее время он является доходом с заработка, ибо никаких других доходов не существует.

Приведу теперь цифры городского бюджета *:

Доходов от городских предприятий за 1918 г.	Руб.	31 160 000
Разного рода поступления от Центра	»	30 000 000
Доходов с городских имуществ	»	11 349 000
Доходов с торговли	»	9 260 000

Расходы рисуются таким образом:

Народное образование	»	32 297 000
Содержание городских предприятий	»	22 230 000
Содержание городской медицины	»	8 424 000
Содержание городск(их) имений и проч. имуществ	»	7 600 000
Содержание служащих Горискома	»	4 215 000
Пожарная команда	»	3 000 000
Милиция	»	2 837 000
Городское благоустройство	»	1 527 000
Содержание районных комитетов	»	1 432 000
Уплата долгов	»	1 400 000
Доплата в Губисполком по разным общественным предприятиям	»	624 000

Такова хозяйственная сторона городского хозяйства в Костроме. Но следует обратить внимание также на меры, принимаемые Горискомом для поддержания связи с массами. В этих целях представитель Совета профессиональных союзов является членом Горискома, особенно же важной мерой в этом отношении является устройство районных комитетов. Районный комитет в Костроме — мелкая муниципальная единица, охватывающая приблизительно две тысячи населения, ибо таких районов в Костроме насчитывается 32. Избирательными правами пользуются только полноправные граждане Советской республики. На обязанности районных комитетов лежит забота о хозяйственной жизни вверенного им квартала, санитарии и продовольствия. Месяц их нормального существования показал большую трудоспособность этих групп. Имеется также Комрайком, т. е. Комиссия районных комитетов, в которой обсуждаются представителями всех таких комитетов под председательством одного из членов Горискома все возникающие у них вопросы. Все, что райком может сделать силами своего населения, он делает самостоятельно, если же ему нужна помощь извне, он обращается в Гориском. Между прочим и огородная работа перешла теперь в значительной мере к райкому.

Кооперативы в Костроме не совсем упорядочены, ибо еще не объединены.

В целях отчетности и гласности Гориском устраивает особые собрания-отчеты и решил давать подробные печатные отчеты о своей деятельности каждые три месяца.

Такой отчет, особенно важный именно потому, что он будет включать в себя обзор всей деятельности Горискома за истекший год, выйдет на днях.

* Приведенные далее в статье Луначарского цифры взяты им до окончательного утверждения сметы на собрании Горсовета, где они были подвергнуты некоторым изменениям (см. № 110 «Советской газеты»). <Примечание редакции газеты>.

Я не могу не рекомендовать его самым горячим образом всем советским «муниципальным» деятелям, ибо, повторяю, в Костроме есть чему поучиться.

Закончу тем, что, как служащие, так и учителя постепенно втягиваются все искренней и искренней в работу Горискома и его отделов. Для ускорения этого процесса здесь пущена в ход прекрасная мера; каждый месяц каждый заведующий отделом собирает собрания всех служащих, дает отчет о работах этого месяца, совещается с ними о ряде улучшений делопроизводства и т. д. Хотелось бы думать, что такой высокий уровень городского хозяйства, хотя и страдающего многими дефектами и изнемогающего в борьбе со стихиями, тем не менее представляет собою не блестящее исключение, а более или менее типичный случай.

Так это или не так, но каждому русскому читателю, желающему знать, что делается на Руси, полезно будет прочитать этот краткий отчет о городском хозяйстве Костромы.

Луначарский

(РОСТА)

«Советская газета», Кострома,
1919 г., № 113, 27 мая.

«ТИПЫ»

В день моего приезда в г. Кострому я попал в трибунал на чрезвычайно характерное дело. Судился член Губернского исполнительного комитета Комяков.

Из рассмотрения дела выяснилась следующая картина: Комяков — отходник, работавший в Петрограде, вошел там в связь с Союзом русского народа, и хотя этот очень способный и по-своему речистый человек доказывал на суде всячески, что занесло его в этот Союз случайно, что все дело произошло из-за желания видеть какую-то икону и разных разговоров в чайной, но тем не менее установлено, что на деле Комяков по своим способностям оказался более или менее высоко оцененным «союзником», так как среди документов, найденных у него при случайном и по ложному поводу произведенном обыске, который его и погубил, найдены письма к нему секретаря Игнатовой Розова, написанные в самых почтительных тонах, как Розов мог писать, разумеется, только уважаемому человеку «черной сотни».

Однако дело с меньшей ясностью свидетельствует о резком переломе, уж не знаю, в душе ли (чужая душа потемки!), но во всяком случае в поведении Комякова к концу войны. После Февральской революции мы видим его в числе солдатских депутатов сначала в дивизионном, а потом в корпусном комитете, делегатом даже на съезд Северо-западного фронта, и повсюду Комяков проводил солдатскую линию. Несла ли его солдатская революция на своем хребте, потакал ли он просто настроениям массы или и сам проникся ею — это, конечно, трудно установить. Надо, впрочем, отметить, что в его прошлом незадолго до войны есть и такой факт: он был посажен губернатором под арест за какое-то тайное собрание.

С Октябрьской революции Комяков нисколько не поддается назад, наоборот, он становится на большевистскую точку зрения и продолжает пользоваться неограниченным доверием требующих мира солдат.

После демобилизации Комяков вернулся на родину и был одним из первых организаторов волостного совета у себя в волости. Хороший хозяин, человек не без красноречия, несомненный умница, он начинает пользоваться исключительным весом в своей волости. Работает, как показывают свидетели, не покладая рук, разбирает всякие крестьянские тяжбы, раздает лес, вызывает общее одобрение своему поведению, избирается в Уездный исполком и, наконец, в Губернский.

При избрании в Губернский исполком Комяков чуть не со слезами

просит оставить его в волости, заявляя, что такая широкая роль ему не по силам, как человеку малограмотному. Никакого карьеризма, никакого активного стремления втереться в более высокие круги власти у Комякова незаметно. Скорей заметно в нем желание играть роль у себя в волости, быть человеком почетным и влиятельным в ближайших крестьянских кругах. Соседи, однако, не забыли, что Комяков был когда-то черносотенцем. Правда, они смотрели на это сквозь пальцы. Свидетельским показанием установлено, что односельчане, в сущности, знали, что у Комякова запачканное прошлое, но считали, что он его обелил, и старались не смотреть в ту сторону.

Комяков сам, разумеется, не упоминал об этом ни одним словом. В случае его официального заявления о таком его прошлом могли быть только два результата: или официальный разбор дела в Губернском партийном комитете и официальная амнистия, или отстранение от всякой советской выборной службы. Этого Комяков, однако, всячески остерегался.

Во время пребывания его на губернском съезде коммунистов (Комяков вошел в партию) возникло какое-то подозрение против него в смысле недобросовестности, и у него сделан был обыск. Обыск и обнаружив конверты с надписью «Союз русского народа», письма Розова, пару черносотенных брошюр и т. п. Все это лежало в сундуке, где-то на чердаке. Комяков был арестован и предан суду.

Трибунал приговорил Комякова к смертной казни, но с заменой ее ввиду смягчающих вину обстоятельств пятилетней тюрьмой. Комяков молил, чтобы позаботились об его семье, и был страшно потрясен приговором.

Я, разумеется, не позволил себе даже малейшего вмешательства в процесс, но по окончании его определенно говорю, что с приговором я не согласен. Я видел затем Комякова и в тюрьме и получил все то же впечатление. Припомните, что говорит Плеханов в первом томе своей «Истории русской общественной мысли»: «...Кто понимает психологию демократических элементов нынешней нашей черной сотни, тот знает, что эти элементы тоже ведут классовую борьбу, но по своей крайней неразвитости ведут ее диким, совсем нецелесообразным и отвратительным способом».

Это как нельзя более верно именно для демократических слоев бывшей черной сотни. Никким образом нельзя полуграмотного крестьянина считать политическим преступником за то, что он был когда-то в «Союзе русского народа», наоборот, часто туда попадали (по невежеству) все же самые активные элементы крестьянства с разбуженной политической мыслью, хотя еще и не увидевшие настоящего света. Комяков, очевидно, был таким. Да и весь облик его, его манера говорить свидетельствуют о сильном уме и большой активности. Никакой карьеры на своем черносотенстве он не сделал, как был, так и остался плотником в городе, середняком в деревне. Никаких доказательств злостности его деятельности абсолютно нет, но, наоборот, есть масса доказательств тому, что после перелома своего настроения он проявил деятельность вполне полезную. Мне думается, что костромской трибунал забыл, какую громадную разницу надо делать между преступниками из среды наших классовых врагов и заблудившимися из среды пролетариата и среднего крестьянства, в особенности теми заблудившимися, которые находятся на самом верном революционном пути в настоящее время.

Во время моего свидания с Комяковым в тюрьме он умолял меня позволить ему отправиться на фронт, чтобы «умереть с революционной винтовкой в руках». «Я старый обученный солдат, — говорил он мне, — и уверяю вас, что буду полезен, мне страшно думать, что я буду гнить здесь, в костромской тюрьме, в то время, когда всякая сила должна быть на учете». Пусть говорят при этом, что человек попросту лицемерит. Комяков, разумеется, не протак, он отлично понимает, что к чему, но это

вовсе не вульгарное плутовство или лицемерие, это человек умный, честолюбивый, искренне поверивший в победу народа, по мере сил ей служивший и ужаснувшийся тому, что прошлая жизнь губит для него теперь все будущее. Действительно, ему лучше пасть на фронте, а еще лучше загладить там свою вину окончательно.

Ввиду этого я возбудил ходатайство перед Центральным Исполнительным Комитетом о помиловании Комякова и предоставлении ему права отправиться на фронт.

А. Луначарский

(РОСТА)

«Советская газета», Кострома,
1919 г., № 119, 4 июня.

КОСТРОМСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Частью я воочию видел костромских крестьян и разговаривал с ними, как в Костромском уезде, так и в Буйском и в Галичском, частью собрал о них многочисленные, всегда совпадающие сведения, и могу поэтому говорить о них с известной степенью определенностью.

Крестьянство в Костромской губернии, как и всюду, нецельно и распадается на несколько типов, во-первых, в экономическом отношении: западные уезды губернии производят только картошку и лен, хлеба же незначительное количество. Они никогда не жили с земли, и все почти сплошь являлись отходниками. Сейчас эти уезды сугубо голодают и принадлежат к числу наиболее голодных в России. Восточные же уезды, в особенности Ветлужский и Варнавинский, жили своим хлебом, быть может, и сейчас имеют некоторые запятанные излишки. Кроме того, эти уезды, при сравнительной лесистости всей Костромской губернии, представляют собой неиссякаемые сокровища гигантских, мало заселенных лесных пространств.

Если брать западные уезды, то крестьянство распадается здесь прежде всего на две весьма заметные группы: кулаков и бедноты. Я не знаю, можно ли серьезно говорить о среднем крестьянине Костромской губернии, разумея ее западные уезды. Какой тут может быть средний крестьянин. Вообще крестьянство здесь плохое. Хозяйства настоящего нет, завести на этой дурной земле прочный крестьянский двор можно только имея деньги, — в этом случае, конечно, можно устроиться очень недурно. Поэтому тот, кому повезло в городе, кто привез с собой оттуда капиталец, устраивает какой-нибудь картофелнотерочный заводик или недурное молочное хозяйство, или производство льна в сравнительно большом количестве, торгует тем, что он привез, всегда пользуется некоторой помощью наемного труда, словом является типичнейшим кулачком. Такие кулачки местами вырастают в очень больших кулаков. Нет сомнения, что в Шунгинской, Красносельской и Сидоровской волостях есть люди, от которых, пожалуй, папахивает и миллионами.

Разумеется, по этому кулаку революция ударила больно, но денег они попрытали много, выжать их из себя не дают, спрятанную картошку продают и сейчас по невероятным ценам.

Влияние их на население огромное. В конце концов, их слушают, и, по-видимому, деревенская беднота верит в возникновение порядка, при котором деревенские жители действительно станут заправилami.

В кулачской деревне Самети, где зажиточный костромич преобладает, равным образом и в Красном селе, похожем больше на город, чем на село, вы на каждом шагу имеете двухэтажный купеческий дом, избы просторные и изукрашенные прекрасной резьбой, мужики степенные с окладистыми бородами, очень умным взором, внимательные и терпеливые.

По правде сказать, я положительно любовался на собраниях этими деревенскими министрами, которых никаким словом не проберешь, которым подавай дело, и для которых дело есть одно — хозяйство и нажива.

По-своему это превосходный человеческий материал. Если бы нам удалось когда-нибудь перемолоть эти камни на нашей социалистической мельнице, получилась бы первоклассная мука, но можно легко и перемолоть всю мельницу.

То, что живет рядом и, конечно, в большем количестве — это и есть настоящая беднота. Я не скажу, однако, что в Костромской губернии (западных уездах) было очень много темной бедноты. Откуда ей здесь взяться? Ведь и беднота здесь все отходники. Благодаря наличию этой бедноты в деревнях западных уездов поддерживается равновесие: Бедноту пришлось кормить, отбирая последний лишний пуд у кулака, но бедноту, тем не менее, мы кормим очень плохо, скот реквизируем и у нее, поэтому беднота не стоит всецело на советской точке зрения, а только как-то платонически ей симпатизирует и пока что не слушается кулачка, заущивая его в лес, в «зеленую армию».

Можно сказать с уверенностью, что если бы мы смогли немножко ласковее относиться к этой бедноте и что-нибудь для нее сделать, то, несомненно, она целиком и преданно пошла бы за нами. Если же, кроме постоянно новых тягот и разорений, которые, несомненно, несут с собой все новые и новые реквизиции и мобилизации, мы ничего не смогли принести низшим слоям деревни, она может быть вовлечена кулачком в самые худшие авантюры.

Крайне непопулярны среди всего крестьянства такие меры Центра, как ничтожные пайки крестьянина на мануфактуру и городские продукты, несравненно низшие, чем даже для третьей категории. Эта манера ставить городского дармоеда выше крестьянина-бедняка, да еще требовать, чтобы этот бедняк, зачастую гол, как сокол, покупал мануфактуру не за деньги, а за товар, представляет собой вид бессознательной политической провокации. Я смело скажу, что если бы творцы этого порядка сами побывали в деревнях и городах и послушали бы, что говорят как крестьяне, так и мнимо благодетельствовавшие горожане, то они поняли бы, какую яму роют под ногами Советской власти такого рода мероприятиями.

Несмотря, однако, на наличность большого веса кулацкого элемента, я совершенно определенно утверждаю, что при маломальском улучшении общей экономики в стране, при налаживании действительного реального товарообмена, а не смещения диспропорционального, всю деревню можно вовлечь в российское социалистическое хозяйство <...>

Одна маленькая иллюстрация товарообмена, как он проводится Компродом: 15 рублей стоит одинаково и колесная мазь и сливочное масло, в виду чего крестьяне склоняются к мыслям мазать колеса сливочным маслом. Этот курьез есть только показатель огромного общественного явления. Государство само колоссально повышает цены на мануфактуру и оставляет ничтожной цену на товар. Я понимаю, что не надо слушать кулака, которому хочется продавать деревенский продукт дороже, я понимаю, что у нас крайне мало мануфактуры и что при желании что-нибудь выменять за нее приходится делать ее дорогой, но если бы, по крайней мере, слушали голоса с мест, когда людям доказывают с цифрами в руках, что крестьяне реально не могут продолжать молочного или сыроваренного дела по цене ниже его издержек, и когда на это только пожимают плечами, с тем, чтобы потом ахать и охать, когда падает соответственно производство в целых уездах <...>

Иначе обстоит дело в восточных уездах; если я думаю иначе, я не хочу сказать этим, что здесь все радикально, но здесь имеется и средний крестьянин. В уездах по Унже и Ветлуге огромную роль играют лесные за-

готовки, имеется способное прокормить работника хлебопашество, и деревня ровнее, отходников меньше.

Кулак ветлужский или варнавинский иного типа — это не торговец, наживший на стороне большие деньги, это человек, прикрепленный к месту, деньги он нажил лесом, тут же, на своих родных реках, а иногда это просто очень крупный крестьянин, разросшийся середняк. В некоторых местах этих уездов такое прочное крестьянство поддерживается старой верой, и это придает им еще более крепкую круговую поруку и какую-то обособленность от внешнего мира. К революции они относятся, как к пришлому антихристу, большевиков ненавидят, внутренне очень спаянные. Леса являются их крепостями. И надо удивляться той железной энергии, с которой Советская власть в этих уездах, несмотря на постоянную вандею, высоко держит знамя.

Правда, с лесными заготовками мы не так-то хорошо справляемся, в этом отношении путаницы как нельзя много. Однако нужно сказать, что мы ведь и требуем из Костромы наряды, в шесть раз превосходящие обычные, по всей вероятности, просто невыполнимые при количестве воды и судоходном времени по соответствующим рекам, но и в области просвещения и в административной области в Ветлужском и Варнавинском уездах неуклонно проводится революционная работа.

Если в Варнавинском уезде, где имело место августовское восстание и недавнее в высшей степени озверелое убийство, наши товарищи, в свою очередь, часто ожесточаются (...), то этому нельзя удивляться и нельзя этого осуждать. Повторяю, здесь есть и средний и бедный крестьянин, на него приходится опираться в борьбе с кулаками, но здесь этот средний и бедный крестьянин темнее, леснее, провинциальнее, чем в западных уездах. По единству веры или просто по темноте он склонен идти за кулаком. Все это создает в общем неблагоприятную картину отношения с деревней.

Вместе с тем, однако, я должен отметить огромный рост жажды просвещения в крестьянской среде, большое количество крестьянских клубов, несколько пугающее величиной количество театральных предприятий. Подумайте, в Костромской губернии имеется 400 зарегистрированных театральных кружков. До революции во всей России не было столько. И я убедился на месте, что театр является проводником всего самого доброго: как только молодежь какой-нибудь деревни соединяется для сценической работы, она сейчас же окружается на первых порах кольцом недоброжелательства и недовольства; скоро, однако, это кольцо рушится, и крестьяне валом валют на любительские спектакли. Театр, таким образом, разрушает средостение и, так сказать, рекомендует с лицевой стороны новый приходящий порядок. Театр поистине является в деле просвещения легкой кавалерией какой-то культурной разведки, за которой движутся и клуб, и всякое другое внешкольное дело и подготавливается почва для великого коммунистического посева.

Партийная работа ведется среди крестьянства со всей энергией, но без больших результатов. Главной помехой является именно то, что серьезный крестьянин, который представляет собой реальную величину, пока еще ждет и с места сдвигается редко, пристаёт же к коммунистам, так сказать, клюет, не та душа, которая действительно прониклась новыми воззрениями, а большей частью легковесная мелкая рыбешка, жаждущая карьеры. Вот чем объясняется, что новая мобилизация, раскрывшая ту истину, что коммунист не привилегированное существо, а человек, несущий более тяжкий долг, чем всякий другой советский гражданин, заставила этих лжекоммунистов сыпнуть от нас в сторону.

В заключение упомяну об одном факте, крайне характерном. Одним из замечательнейших сел Костромской губ. является Красное и вся округа.

ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография

1920 г.

Тут исстари ведется интересное кустарное производство мелких металлических изделий (ювелирное), есть и превосходная школа художественной промышленности, которую надо будет всемерно поддержать, и которая, конечно, является проводником новых начал в жизни красносельского крестьянства. Был также профессиональный союз, несколько курьезный по своему типу, — не то производительный кооператив, не то действительно профессиональный союз. Спаялся он вокруг товарища А., коммуниста, и работал превосходно: в первый год он имел более 800 тысяч руб. дохода, из которых более 200 тысяч руб. пожертвовал на местные просветительные нужды. Объединил он, главным образом, беднейших кустарей. После издания закона о покровительстве кустарной промышленности (закон, которому я вполне сочувствую) в Красном произошел самый неожиданный сдвиг; более богатые кустари, полукулацкого и кулацкого типа, объединились на началах закона в трудовую артель, изгнали всех коммунистов и придали всему делу чисто коммерческий оборот. Одновременно с этим коммунистов изгнали и из Исполнительного комитета, теперь сплошь беспартийного. Порою бывает так, что выбирать приходится между неважными коммунистами, зарывающимися, бестактными, возбуждающими

против себя население, и полукулацкими, а то и кулацкими элементами, жаждущими захватить Совет, но в Красном, например, группа коммунистов вполне заслуживает уважения и сделала на месте много разумного и доброго; тем не менее ее держат под бойкотом.

Разумеется, с этим можно бороться усилением пропаганды среди беднейших кустарей, а для этого самым важным является хотя бы с нынешней мелкобуржуазной артелью создание другой артели из бедняков, оказывая всячески государственное покровительство. Об этом у нас будет с центральным правительством особый разговор.

Таковы в общем те итоги моих наблюдений над костромским крестьянством, которые можно изложить в газетной статье.

(РОСТА)

«Известия», 1919, № 129, 17 июня.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОСТРОМЕ

Я предполагаю этим летом по поручению Центрального Комитета Коммунистической партии объехать целый ряд провинциальных городов, как губернских, так и уездных.

Около месяца провел я в Костромской губ., причем половину времени был занят именно Костромой.

Я, конечно, с недостаточным вниманием отнесся и к постановке народного образования. Не делая пока никаких выводов, ибо выводы эти лучше будет сделать на основании сводки материалов по нескольким губерниям, я хочу поделиться с читателями нашего журнала некоторыми фактами и наблюдениями в этом сравнительно большом (70 тысяч жителей) губернском городе, по-видимому, насколько я могу судить по отзывам других товарищей, довольно исключительно высоком в культурном отношении.

Прежде всего, конечно, об общей постановке школы в Костроме. То, что душит новую школу повсюду, душит ее и там. Нельзя провести реформу даже, а коренную революцию школы, не обладая ни достаточным количеством пособий для постановки подлинного трудового преподавания, ни учителями, которые были бы вооружены достаточными знаниями и навыками, а главное одушевлены доброй волей реально провести эти самые трудовые процессы.

В Костромской губ., так, как и в других, низовое учительство, учительство сельское, в общем весьма широко пошло навстречу новой реформе. Повсюду раздаются благословения и благодарности за то глубокое оживление, которое внесено в школу.

Несмотря на то, что школа наша в деревнях очень убога, что она страдает от многолетнего отсутствия ремонта и тесноты, что она скудней обставлена в смысле пособий, чем в прошлом, все же в ней замечается подъем и шевелится свободное творчество.

Там, где обстоятельства это позволяют, где местное население или какая-либо другая помощь делает возможным обставить чуть-чуть лучше школу, она сейчас же начинает процветать, и настоящий живой румянец появляется на ее прежде столь схоластических, бледных щеках. Так, нельзя не отметить, что железнодорожники, располагающие обыкновенно несколько большими средствами и в смысле питания и в смысле снабжения своих школ, повсюду добились значительного результата. Виденная мною железнодорожная школа в небольшом уездном городе, но значительном железнодорожном узле, Буе производит самое отрадное впечатление. Самообслуживание и самоуправление, работа на огородах, работа в мастерской уже заняли должное место, и остается только помочь школе

в ее дальнейшем расширении. В других случаях, повторяю, душит бедность, но самый принцип трудовой школы с любовью воспринят и учениками, и учащими, и родителями.

Кстати, вопрос об устранении закона божьего не вызвал нигде в губернии серьезных волнений. Я не имею цифр по всем уездам, но заведующий Губернским отделом народного образования уверял меня, что цифры, которыми я располагаю для Галичского уезда, совершенно точно рисуют и общее положение дела: в Галиче в настоящее время ведется преподавание закона божьего в частных квартирах только в 11 селах, в то время как общее число школ превышает 100. Стало быть, в огромном большинстве сел и деревень нет никакого преподавания закона божьего, так же точно нет преподавания закона божьего в большинстве уездных городов. Почему? Священники не желают учить даром, а родители не желают платить. Таким образом, религиозное рвение духовенства, равно как и теплота веры родителей, не могут выдержать испытания в виде уплаты нескольких рублей или отказа в получении их. Это, конечно, свидетельствует о крайней слабости религиозного настроения в населении и дает добрую надежду, что мнимо глубокие корни православия в народе сделаются совсем короткими в следующем поколении.

Что касается школы второй ступени, то здесь дело обстоит сравнительно хуже. Правда, в Костроме имеется профессиональный союз нового образца, обнимающий большинство местных учителей и настроенный более или менее дружелюбно по отношению к отделу; правда и то, что некоторое количество учителей входит в отдел (городской) в качестве экспертов и производит положительную работу. Но тем не менее оппозиционное отношение учителей к реформе несомненно: не то чтобы оно было глубоко принципиальным, а просто не знают, чего, собственно, от них хотят, не желают сами этого доискиваться, чуждо, мертвенно относятся к новому в школе и со слезами провожают погибающее старое. Один пожилой учитель горестно воскликнул на собрании учителей, куда я был приглашен: «мое сердце педагога обливаётся кровью при мысли о том, что ученики теряют один учебный год за другим». На это я ответил: «лично я в гимназии пробыл 8 лет и считаю, что пропали все эти учебные годы, то, что вы называли выигранными учебными годами, представляло из себя в сущности разрушительную работу в детской душе, и если выбирать между каким угодно длительным перерывом в школьных занятиях или прежним порядком, то, разумеется, пришлось бы склониться к первому».

Нельзя не отметить, что все же в школе второй ступени в Костроме дело обстоит лучше, чем в Москве, и это постольку, поскольку школа не страдала от холода. Московского чудовищного абсентеизма там не замечалось, и уж во всяком случае значительно больше половины учеников посещало занятия более или менее аккуратно.

Но как раз наличность в Костроме наиболее яркого факта так называемой «школьной революции» и показывает, как солоно приходится, по-видимому, ученику, рвущемуся в новой школе от этой хмурой пассивности учительства.

Что же такое «школьная революция» в Костроме? В конце учебного года значительная группа учащихся, преимущественно из первой советской школы второй ступени, внезапно потребовала переизбрания всех учителей и более быстрого темпа в проведении реформы. В первую очередь эта группа новаторов требовала прекращения классовой системы и перехода к системе групповой. Учащимися был составлен особый кодекс, который был подан в Отдел. Учащиеся заходили в этом отношении весьма далеко и, по существу говоря, радикально превращали школу в клуб.

Требования молодых людей казались Отделу слишком решительными, и Отдел занял поэтому в некоторой мере промежуточную позицию между

сторонниками школьной революции из учащихся и учителями, отнесшимися к этому движению с крайним раздражением, а также поддержавшим учителей большинством учащихся и подавляющим большинством родителей.

Товарищи Невский, Аристов и Груздев выработали компромисс, каковой и был положен потом городским исполкомом в основу грядущего строя всех школ второй ступени по губернии. Главное требование — расширение прав школьного коллектива и переход от классных занятий к групповым — было удовлетворено.

Большинство правых учащихся и учащихся не приняло этого компромисса. Пока трудно сказать, что выйдет из этого конфликта. Юноши левого крыла объединились в Союз, на первых порах чрезвычайно многочисленный, в 500 человек; они вышли из своих учебных заведений и просили организовать их в первую школу-коммуну. Это было сделано путем предоставления им одного из зданий. Однако на этом пути возникло новое испытание: здание занято было экстренным распоряжением военной власти под лазарет. Неудача эта могла бы оказаться роковой для молодежи, тем более что, кроме Отдела и 2—3 учителей, никто не поддерживал их. Удалось, однако, уже в мое присутствие в Костроме обеспечить за ними другой дом, просто барский особняк, не вполне приспособленный для школы, но на худой конец и на первое время удовлетворительный.

Все передраги, связанные с движением, порастрясли Союз, и в нем осталось теперь значительно меньше членов, вероятно, не многим более 200, зато это наиболее выдержанная молодежь. О настроении ее свидетельствует телеграмма, которая была послана мне еще месяца полтора тому назад.

Вот текст этой телеграммы:

«Празднуя открытие Первой костромской опытной трудовой школы-коммуны второй ступени, общее собрание школьного коллектива новой школы выражает твердую уверенность, что новая школа даст новых и сильных борцов Советской России и международной пролетарской революции и горячо приветствует Вас, как вдохновителя педагогической революции, разрушающей последние пережитки буржуазной идеологии, всего более укрепившейся в школе».

Я лично посетил эту школу два раза и в одно из своих посещений пробыл там много часов. Впечатление вынес самое отрадное: эти мальчишки и девочки охвачены замечательным энтузиазмом, вместе с тем они отдают себе полный отчет в трудностях взятой на себя задачи. Сейчас они почти совершенно самостоятельно (разумеется, с известной помощью Отдела) разработали программу занятий по группам и подыскали около 30 преподавателей, которые согласились помогать им, хотя многие даже из этих 30 относятся с плохо скрытой враждебностью и совершенно явной пассивностью к своим обязанностям. Есть, однако, среди этих преподавателей, в особенности новых, всякого рода инструкторов, люди, заразившиеся уже от молодежи ее прекрасными надеждами на будущее.

Я не только от души желаю успеха и роста этому движению в Костроме, но и того, чтобы оно поскорей перебросилось в другие города.

Перейду к короткому отчету о том, что в общем сделано в Костроме Отделом народного образования.

Все учебные заведения г. Костромы без исключения находятся в настоящее время в ведении Отдела. Школьная сеть уже значительно расширена. Здесь цифры поистине утешительные: в 1916 году в начальных городских школах числилось 81 учитель и 3600 учащихся; в 1917 и 1918 учебных годах — 145 учителей и почти 5000 учащихся; в 1918—1919 гг. — 280 учителей и 6478 учащихся. Число школьников в школах первой ступени увеличилось на 79%, а учителей — на 245%. Если это не блестящие результаты школьного

дела при наличии всяких колоссальных препятствий, в которых развертывается нынешняя школа, то я не знаю, что назвать результатом блестящим.

Новых школ второй ступени, кроме вышеупомянутой школы-коммуны, открыть, конечно, не удалось. Сейчас в Костроме имеется 29 школ первой ступени, 9 второй и 6 профессиональных, среди которых великолепное среднее химико-техническое училище имени Чижова.

Как я уже сказал, учителя организованы в профессиональный союз и в общем работать с ними можно, хотя публика эта очень вялая.

Среди учеников, кроме вышеупомянутой организации сторонников «школьной революции», имеется еще Союз коммунистической учащейся молодежи, сыгравшей не последнюю роль в описанных событиях. Настроение этого Союза великолепное, и они дали немало бойцов на фронт, чему не знаешь — радоваться или печалиться: хотелось бы, конечно, чтобы молодежь эта оставалась в обновляемой ею школе, но, с другой стороны, не хватает духу удержаться прекрасный юный порыв. Молодежь эта после моего воззвания о помощи голодным детям Москвы и Петрограда сумела в два дня собрать около 3 тысяч рублей и в голодной Костроме, отказавшись на два дня от пищи, выделить некоторое количество продуктов. Сделано это было по инициативе коммунистов и по решению центрального бюро Союза учащихся. Из этого видно, что даже и массовая организация учащихся не имеет в себе сильных течений белогвардейского характера.

Большой успех имели всякого рода курсы для учителей, особенно трехмесячные политехнические курсы, целью которых является подготовка учителей к введению трудовых процессов в школах первой ступени.

Снабжение школ, конечно, хромает, но необходимо отметить, что, например, все школы снабжены музыкальными инструментами путем реквизиции их у состоятельных лиц.

Дело со школьными библиотеками и читальнями, как я убедился, также привлекает внимание Отдела и получило некоторое развитие. Кострома — город голодный, но благодаря хорошей организации дело со школьными завтраками обстоит недурно. Завтраки обходятся здесь 30—40 коп. на учащегося; с начала их введения, 22 февраля 1918 г., до конца учебного года было выдано около 133 тысяч обедов и израсходовано менее 40 тысяч рублей. Дело это продолжается и в настоящее время. Бесплатно стали отпускаться завтраки с первого января нынешнего года.

Мы сейчас стоим во всероссийском масштабе перед проблемой трудовой школы для рабочих подростков: в Костроме 55% детей этого возраста оказались вне школы. Наркомпросом было отпущено Костроме для устройства трудовых школ рабочим подросткам $\frac{1}{2}$ миллиона руб. В настоящее время привлечены к занятиям 390 таких подростков; некоторые все еще остаются за стенами школы, дело в том, что снять подростков с фабричных работ, конечно, не удастся и вопрос этот должен решаться иначе (во всероссийском масштабе необходимо будет, вероятно, прибегнуть к возмещению наносимой таким образом семье брешки).

Летние детские колонии организованы таким образом, чтобы все дети смогли побывать в деревне, однако в течение только двух недель. Насколько рационален такой принцип — не берусь судить. Кроме колоний, функционируют летние детские площадки. Очень процветает всякого рода огородная работа, в особенности посадка картофеля. Существует общешкольный огород. В прошлом учебном году общешкольный огород под руководством тов. Михайловской дал 20 тысяч рублей прибыли.

Существует также мастерская наглядных пособий. Несмотря на отсутствие материалов, мастерская эта развивается, привлекая к работе и детей, создаются геологические, ботанические, энтомологические, орнитологические и другие коллекции, аквариумы, террариумы, принадлежности к экскурсиям, лаборатории и т. п. В зародыше, но с призна-

ками здорового роста имеется также кабинет экспериментальной психологии.

В области дошкольной особенно оригинальны так называемые «дома ребенка», их уже несколько, в общем же их будет открыто 10.

«Дома ребенка» представляют собой постоянно функционирующие детские сады со столовыми. Сейчас в них находят себе приют и развлечение более тысячи детей от 3-летнего до 8-летнего возраста.

В области внешкольного образования есть очень много отрядного; так, в городе имеется много библиотек. Сеть библиотек в общем весьма удовлетворительна (41 библиотека), причем сеть эта организована рационально, и много библиотек передвинуты в рабочие кварталы.

Наиболее блестящее развитие получили рабочие клубы. В настоящее время их в Костроме 13 для взрослых (существует также 12 клубов для детей). Если прикинуть к Москве, то потребовалась бы, для того чтобы сравнить Москву с Костромой в этом отношении, наличность 240 клубов для детей и 260 клубов для взрослых. Общее количество членов клубов для взрослых 7 тысяч человек, для детей около 4 тысяч. При каждом клубе имеется библиотека. Первый социалистический клуб представляет из себя образцовое учреждение с прекрасным помещением, несколькими интересными кабинетами, отличается высокой посещаемостью, и при нем уже второй раз устраиваются пользующиеся огромным успехом в рабочей среде курсы для деятелей клубного дела. Ежедневная посещаемость клуба выше 1¹/₂ тысяч.

Народный дом, долгое время занятый постоем войск, сейчас приведен в надлежащий вид и оказывает клубу значительную помощь, но Кострома мечтает о создании целого пролетарского дворца. Народные чтения, лекции и другого рода внешкольные занятия в Костроме идут относительно недурно, ибо Кострома располагает университетом нового типа и стало быть острого недостатка в лекторских силах нет.

Художественное воспитание взрослого населения во внешкольном порядке отнюдь не забыто: здесь на первом месте стоит театр. Студия под руководством Попова, режиссера из Студии Художественного театра, достигла поразительного результата и этим летом при моем содействии получила пароход для путешествия по всей губернии. Не менее поразителен успех мастерской театральные принадлежностей: она с чрезвычайно скромными ресурсами не без успеха пытается ответить на гигантский спрос в этом отношении губернии, в которой насчитывается 400 одних зарегистрированных крестьянских театров! Курьезным образом заказы присылаются даже из дальних губерний.

ТЕО Народного образования оказывает всему этому значительную поддержку.

В Костроме имеется также «Дом искусства». Им организованы ряд концертов, школа пения, живописи и т. п. В Костроме имеется собственный городской оркестр, мастерская музыкальных инструментов. Все это возникло только после революции. Сохранился, конечно, и городской театр, которому пытаются придать новый характер.

Хуже обстоит дело в области кинематографа, к которому местный Гориском относится больше как к источнику дохода. В этом отношении уже в мой приезд приняты некоторые меры к более рациональному использованию обоих городских кинематографов.

Имели место с большим подъемом прошедшие курсы деятелей для внешкольных работ.

Отмечу, что Костромской губернский музей передан местному научному обществу и не только сохраняется, но планомерно расширяется.

Как ни хорошо в Костроме поставлено (принимая, конечно, во внимание трудности переходного момента) дело внешкольного образования

взрослых, все же самое отрадное впечатление произвели на меня детские клубы, о которых я поместил в газетах особую статью, к которой и отсылаю читателя.

В заключение упомяну о государственном рабоче-крестьянском университете. Начался он при самых лучших auspiciis. Между профессурой новой и более подвижной, чем профессура старых университетов, и студенчеством, на большую половину пролетарским, установились весьма сердечные отношения, и дело, как будто, закипело, но в настоящее время оно начинает хиреть, количество рабочих убывает, посещаемость студенчеством университета падает, и университет как будто переживает очень серьезный кризис. Виною этому, однако, не какая-нибудь прореха со стороны Костромского отдела, а общие условия: необходимость приработать и попросту острое недоедание крайне вредно отражаются на нормальном ходе занятий в высшем учебном заведении. Пока мы не изживем этого общехозяйственного кризиса, вряд ли можно будет отметить живой пульс в этой области.

В этой краткой заметке я ограничился только данными о городе Костроме. Быть может, у меня найдется время в следующем номере журнала дать некоторые сведения и поделиться некоторыми впечатлениями о работе в губернии.

Резюмирую: считаясь с невероятными трудностями, которыми со всех сторон окружена коренная революция школы и общее развитие народного образования, приходится признать, что в Костроме достигнуты результаты изумительные. Я не боюсь ошибки, утверждая, что относительно Кострома обогнала столицы. Хочется думать, что Кострома не представляет собой блестящего исключения, а в некоторой мере характеризует собой общий уровень работы в провинции.

Если бы это было так, то можно было бы сказать с уверенностью, что вопли о крушении дела народного образования в силу нашей чрезмерной нетерпеливости представляют собой обывательскую клевету. Конечно, кое в чем острый кризис сказывается мучительно, но поступательный ход заметен совершенно явственно, и надо быть слепым, чтобы не убедиться даже при поверхностном знакомстве с делом народного образования в России, что поступательный ход этот только потому не привел еще к самым пышным результатам, что всякого рода голод, как в области питания, так и в области общего снабжения не дает нам выпрямиться.

«Народное просвещение», Москва, 1919, № 39-41, стр. 4—7.

ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

(ЛОКАЛОВСКАЯ МАНУФАКТУРА)

Из прелестного зеленого Ростова с его кремлем, полным образчиков церковного строительства золотой эпохи, я направился в Локаловскую мануфактуру, верстах в 30 оттуда.

Дорога идет частью через столь типичные для этой полосы огромные, похожие на города села: село Великое — 12 тысяч жителей. Самое поселение Локалово насчитывает до 15 тыс. жителей, а на мануфактуре работает обычно около 5 тысяч человек.

Мануфактура принадлежала Рябушинскому и Третьякову — капиталистам передовым в отношении техники, умным и хитрым в деле хозяйском. Проведя небольшую ветку к мануфактуре, можно было бы, например, колоссально улучшить ее положение и повысить ее значение, но Рябушинский заявил: «проводить железную дорогу не стоит — это разрушит патриархальные отношения на мануфактуре». Рабочие ману-

фабуры полузакрепощены были разными дачками и домами по отношению к капиталисту. Это своего рода идеал для капитализма отсталой страны. Но в техническом отношении мануфактура далеко не отстала: прежние хозяева несколько запустили ее, машинная установка относится к 80-м годам, правда, это для того времени наисовершеннейшие машины превосходного английского завода, и они недурно работали под руководством ученого английского инженера. Но Рябушинский и Третьяков решили электрифицировать всю фабрику, и для этого предпринят был ряд подготовительных работ: чрезвычайно импонирующее новое здание, построенное по последнему слову железобетонной техники и поражающее широтой, светом и изяществом. Однако пока в этих помещениях находятся только обширные, заваленные несметным количеством пряжи и готовых тканей склады мануфактуры.

Но электрификация будет продолжена при сколько-нибудь благоприятных условиях, и Локаловская мануфактура может превратиться в руках социалистического правительства и местных рабочих в одно из образцовых промышленных заведений. В некоторых отношениях она и сейчас недалеко от образцовости: в ней много искусных рабочих, хорошие традиции, недурной руководящий штат, очень большое количество сырья, закупленного давно по сравнительно невысоким ценам самими рабочими, в ней есть все для того, чтобы поддерживать на должной высоте производство, могущее дать 900 тыс. аршин всяких тканей в месяц. Я видел продукты этой мануфактуры, начиная от грубой ткани для мешков и кончая превосходными полотенцами и тонкими скатертями. Повторяю, всего этого добра лежит на Локаловской мануфактуре чрезвычайно много, и, к удивлению рабочих, никуда не двигается.

Сама же мануфактура стоит.

Пусть читатели не подумают ни на одну минуту, что она стоит по незначительности местного рабочего управления фабрики. Если что-нибудь и дает мне надежду на подлинное и сравнительно скорое осуществление социализма в России — то это именно самодеятельность рабочих. Я был восхищен заводом Пло под Костромой, и то же впечатление вынес я и от этой огромной мануфактуры.

Рабочий класс сумел выдвинуть из своей среды замечательных администраторов, какая нежная заботливость к своему делу, какая широта взгляда, какая предприимчивость! Просто проклинаешь те обстоятельства и тех людей, которые ставят палки в колеса этой горячей жажде руководящего рабочего комитета блеснуть перед всей Россией хорошей постановкой своего дела, подъемом производства, доверием к себе рабочей массы и показать себя настоящей опорой рабоче-крестьянского правительства.

Трогательно видеть, как эти люди мечутся по всей России, стараясь достать сырья или смазочного масла, или те, или другие части машины, как они шныряют, чтобы отыскать подходящего техника.

Чем больше видишь этих самоуправляющихся фабрик, тем больше убеждаешься в том, что ставка на рабочего — правильная и выигрешная ставка, но зато тем больше убеждаешься, что ставка на бюрократа — пропадающая; чем больше наша Советская республика будет становиться централизованной в смысле передачи общего руководства производством не рабочим на местах, а доброжелательному или саботирующему (кто их там разберет) советскому чиновнику в Центре, тем более густым туманом покрывается лик желанного социализма.

Вот вам пример с Локаловской мануфактурой.

Почему стоит эта превосходная фабрика, почему стоят ее сестры, Романовская и Ростовская мануфактуры? Подсчитав приблизительное производство всех трех фабрик и количество месяцев, которые они теперь насильственно проводят в праздности, придется признать, что чистый убы-

ток, реальная потеря Республики на этом деле составляет не менее 10 миллионов аршин тканей! И это не простая выкладка; рабочие, машины, сырье для такого производства — налицо. Чего же не хватает? — Топлива.

Может быть, вы вообразите, что фабрике нужен уголь или нефть, которые отняли у нас те или другие белогвардейцы? — Ничего подобного, фабрика спокоен веку идет на дровах.

Может быть, рабочий комитет не заготовил вовремя этих дров? Он заготовил больше, чем надо. 20 тысяч кубов дров было заготовлено фабрикой и лежит на расстоянии 5—10—15 верст от самой мануфактуры.

В чем же дело?

Дело в том, что мануфактура, в отличие от прежних капиталистических времен, не смогла дать крестьянам овса для их лошадей. Но эту беду можно было поправить: крестьяне соглашались возить и со своим фуражом, но требовали, кроме установленной платы, не особенно высокой, по 5 арш. мануфактуры на подводу. Это было прошлой зимой. В то время на мануфактуре лежало не менее 3 миллионов аршин; они, кажется, и теперь полностью лежат здесь. Вся операция потребовала бы, вероятно, 30—40 тысяч аршин, а может быть, и меньше. Несмотря на мольбы рабочих разрешить этот товарообмен, несмотря на прямое указание Центротекстилю, что фабрика станет, что это будет беда, что это причинит убытки в миллионы аршин, центротекстильские чиновники уперлись и отказали наотрез.

Ну что ж? Быть может, они руководились скрытыми от нас государственными соображениями? Ради бога, не подумайте, читатели, чтобы это было так. Дважды месяцами позднее Центротекстиль передумал — он разрешил выдачу, притом по 30 арш. на подводу, но он додумался до этого в конце марта, когда дороги раскисли и когда уже физически невозможно было продвинуть дрова.

Вот одна из потрясающих глупостей или одно из потрясающих преступлений, какие находишь при расследовании на местах в достаточном количестве. Я совершенно понимаю, что на этой почве вырастает легенда о белогвардейцах, сидящих в Центре и разрушающих хозяйство Республики. Это легенда, но она как две капли воды похожа на правду. Если бы белогвардейцы действительно сидели в наших хозяйственных центрах, то они вряд ли могли добиться лучших результатов в смысле разложения хозяйственной жизни страны.

По этому поводу мне хочется остановиться еще на некоторых особенностях нашей текстильной политики. Не только похожие на оранжереи широкие склады, под которые занято пока великолепное здание новой мануфактуры в Локалове, полны до краев всякими тканями, — запасы, находящиеся в Ярославле, колоссальны, поражающие. Имея такие запасы, просто смехотворно говорить об отсутствии у нас мануфактуры, как же смеют говорить об ее отсутствии люди, которые с начала *переворота не трогают с места* эти миллионы и миллионы аршин тканей. Вывоз тканей из Ярославля абсолютно ничтожен, все закисло, и когда председатель Губпродкома просил Центротекстиль выдать по крайней мере наряды на получение населением нормы, т. е. такого количества тканей, на какое имеет право население всякой, не производящей ткани, губернии, то Центротекстиль мудро дал ему наряд на Иваново-Вознесенск. Так что большие железные дороги должны тащить ткани из Иванова в Ярославль, в котором уже становится некуда девать ткани.

Серьезно, если бы тот же мудрый Центротекстиль своей политикой не остановил фабрики, то производимых тканей положительно некуда было бы класть. На запрос губпродкомиссара, чем объясняется такое странное распоряжение, последовал соломонов ответ, что Ярославская мануфак-

тура объявлена неприкосновенным запасом. Я до сих пор вижу бледное, злое лицо ярославского рабочего, который, сжав кулаки, говорил мне: «знаем мы этот неприкосновенный запас — для *белых* берегут».

В каждом простом уме эта мысль возникает совершенно невольно. Крестьяне охотно дали бы и сыр, и масло, и картошку за ткань, а ткани вот уже 1½ года лежат без движения, и хорошо, если не портятся. Под Ростовом один такой неприкосновенный запас сторел, как свеча.

Ах, если бы Центротекстиль не был так мудр, не так много думал бы о будущем, когда какое-то светопреставление заставит нас, наконец, сдвинуть эти ткани с места. Если бы он побольше думал о том, что мы переживаем страшный кризис, в котором каждое имущество Республики должно быть поставлено ребром, что каждый аршин, выданный населению сейчас, — спаситель! Ах, если бы рядом с глубокими хозяйственными соображениями Центротекстиля у него был бы хотя небольшой запас политического смысла! Сейчас же эти запасы не только не помогают нам в борьбе с голодом, в борьбе с мятежами на почве отсутствия всего необходимого для жизни, они являются источником всякой провокации, провокации не злостной, не враждебной, ибо тот рабочий, который говорил о Центротекстиле, что он бережет ярославские ткани для *белых*, и который рисовал мне перспективу, какого рода популярность снискали бы *белые*, придя в Ярославль и раздавши по губернии эти запасы, — коммунист, и коммунист уже лет 15.

Лесная заготовка идет в Ярославской губ. из рук вон плохо. Между тем крестьяне всюду, не только в деле снабжения дровами фабрик, а и при общем выполнении наряда, ставят прежде всего вопрос о продовольствии, во вторую очередь о мануфактуре. В некоторых уездах, например в Пошехонском, вопрос о продовольствии не стоит так остро. Продовольствие можно найти на месте, и разрешение уплачивать мануфактурою за часть производимых работ дало бы возможность чрезвычайно поднять эту чуть не важнейшую сейчас отрасль нашего хозяйства, не подняв которую, мы рискуем пережить небывало бедственную зиму.

Соответственные доклады мною, конечно, сделаны, соответственные меры, может быть, будут приняты, и я прекрасно понимаю, что, обращаясь в редакцию «Известий» и прося ее напечатать эту статью, я вызову недовольство тех или других сотрудников Советской власти, но или нам не нужно вовсе прессы или мы должны почаще говорить именно о таких явлениях. Если я не прав, если я в чем-нибудь ошибаюсь — пусть мне ответят публично же.

Барский дом Локаловской мануфактуры, очень комфортабельный и занятый сейчас партийными учреждениями, стоит в парке. В этом же парке имеется большая площадка и эстрада, на которой я говорил с рабочими и окрестными крестьянами. Когда идешь туда, проходишь мимо могилы, украшенной большим венком и усаженной красными цветами. Это один умерший от чехотки товарищ-коммунист завещал похоронить себя здесь, около места народных собраний, без всякого участия духовенства. Он пропагандирует и мертвым: около его могилы собираются кучками бабы, вздыхают, и, уперши руку в щеку, одна говорит: «красиво устроено», другая спрашивает: «так-таки без попа и схоронили?»

К рабочим собраниям в голодной России я уже привык. Я знаю эти полукрестьянские лица, где действительно трудно разобрать, кто пришел из деревни, а кто местный рабочий. Я знаю эту глубокую, почти угрюмую задумчивость, с которой слушает меня моя аудитория. Это не то враждебное себе на уме, не та холодная замкнутость, которую встречаешь, когда говоришь с умными деревенскими кулаками. Это действительно скорбная дума, напряженная, тяжелая, когда я говорю с такого рода аудиторией, я чувствую, что, вопреки всем колебаниям, сомнениям,

горю, которые она переживает, она действительно твердо решилась донести свой крест до конца и взять все те позиции, из-за которых она начала войну.

На Локаловской мануфактуре настроение прочное. Имеется большое общество юных коммунистов, и один такой юный коммунист, лет 11, все время шныряет около меня и дает мне всевозможные сведения.

Я рисую перед аудиторией в общих чертах, но во всей полноте картину и международного нынешнего положения, и внутреннего, и мой призыв быть верными взятому на себя подвигу, мои обнадеживающие слова и мои серьезные предостережения находят в аудитории самый живой отклик. Затем я заслушиваю доклады фаб(ично)-завод(ского) комитета, осматриваю фабрику.

Все здесь, несмотря на недостатки, несмотря на отвратительное продовольственное положение, производит впечатление стройного строительства.

Да здравствует русский рабочий!

Замечу, однако, и кое-что, что имеет не только местное значение. Все знают, как важно нам наладить возможно более совершенный аппарат для раздачи красноармейских пайков. Так как Локаловская мануфактура с ее 5 тысячами рабочих прекрасно организована, то она имеет, конечно, у себя подотдел соцобеса. Этот подотдел начал подробную регистрацию семейств красноармейцев и проверку нетрудоспособности их членов. Составлено было 300 свидетельств, но вдруг уездный соцобес воспретил эту работу, заявив, что она должна вестись через волостные исполкомы. Вследствие этого несколько недель уже семьи красноармейцев остаются без пайка, я сам видел мать 4-х детей, которая с плачем умоляла выдать ей, наконец, паек.

В чем же дело? Видите ли, соцобес этот не настоящий! Это не подотдел нашего большого соцобеса, а подотдел малого соцобеса, состоящего при Наркомтруде. Царское правительство не смущалось тем, чтобы почтовых чиновников употреблять как служащих сберегательных касс, но мы никак не можем довериться тому, чтобы подотдел соцобеса, который опытной рукой ведет раздачу пайков инвалидам труда и их семьям, мог взять на себя задачу раздачи красноармейского пайка по фабрикам. Я спрашиваю заведующего губернским социальным обеспечением: «Уверены ли вы, что волостной исполком когда-нибудь все-таки начнет раздачу пайков?» Он отвечает: «Нет, не уверен, пока нигде ничего не могу добиться». — «Ну, а знаете ли вы, что фабричный соцобес мог бы начать выдачу с завтрашнего дня и в полном порядке». — «Да, но это не наше ведомство. Нет такого предписания».

Вероятно, мне следовало бы такое предписание дать, но я знаю, как ревнивы бывают наркомы, каждый в своей области, и поэтому телеграммой известил товарища Винокурова и просил его прекратить эти междуведомственные соображения и воспользоваться великодушными рабочими органами на фабриках и заводах, чтобы по крайней мере красноармейцы, взятые из пролетарской среды, получили долгожданную сколько-нибудь успокоительную весть от своих семейств.

Затем на Локаловской мануфактуре окружили меня женщины, подняли большой галдеж, пока руководительница просительниц не выступила вперед, оказавшись чрезвычайно речистой бабой. Она произнесла настоящую демосфеновскую речь о всех бедствиях, постигающих работниц Локаловской мануфактуры, и обо всех неправильностях, чинимых разного рода начальниками. Начальство присутствовало тут же. Попытки этого советского начальства дать разъяснения вызывали немедленный взрыв гвалта, 40 баб наперерыв опровергали каждое объяснение, которое старались дать члены фабрично-заводского комитета. Тем

не менее удалось, наконец, разобраться, в чем дело, и окончательно установить, что некоторые из обид можно устранить сразу, а некоторые неустраняемы по совершенно не зависящим от человеческой воли обстоятельствам, на основании правила: на нет и суда нет.

Но в виде последнего эффекта Демосфен в платочке заявляет мне: «Вот сейчас, тов. уполномоченный, уж я плакала, плакала: приходит наша бабеночка одна в кооперативную лавку, двое ребят привела — дай ты мне, говорит, фунтов 5 муки взаймы, голодные мы, продать нечего, а заведующий — не дам, да не дам. Повалилась она на землю и кричит: ну, так приколите же нас с детьми, лучше уж так. А он, заведующий, и говорит, обратитесь в Совет, там есть оружие, там, может быть, вас и приколят, а мы этим не занимаемся. Вот он какой, а название носит сочувствующий, а вот оно какое сочувствие к нам, к народу».

Я невольно улыбаюсь такому неожиданному народному толкованию слова «сочувствующий». После разбора дела выясню его горькую бытовую сторону. Кооператив отказывается давать хлеб иначе, как за наличные деньги, «иначе, — объясняет мне заведующий, — нельзя вести правильного хозяйства». Деньги же рабочим не дают вовремя, так как у них постоянно удерживается фабрикой плата на $1\frac{1}{2}$ месяца вперед. Довольно сбивчивы были объяснения тов. председателя, почему это делается: не то на всякий случай, не то потому, что наличных денег прислали мало, но факт тот, что государство должно каждому рабочему $1\frac{1}{2}$ -месячную плату, а кооператив не хочет отпустить в долг ни фунта муки.

Все это, как будто бы, мелкие шероховатости, а, в конце концов, из-за этого текут самые горькие слезы, и имеют место такие раздирающие душу сцены, как та, которую мне рассказала красноречивая баба. Конечно, я постарался дать соответственное указание и кое-как наладить это дело, хотя в общем корень его — отсутствие продовольствия.

Та же баба рассказала мне на мой вопрос, как прокармливают они свои семьи. «Конечно, прикупать приходится, а чего прикупишь? Жалованье-то наше знаете — 280 руб. в месяц, а крестьяне за п(уд) картофельной муки просят 900 рублей. Вот и прикупи. Продаем что можем. Пальто у меня было — вот пальто проели, теперь уж не знаю: последний платок с головы нужно нести, буду ходить косматая».

Имущество рабочих переходит постепенно в руки крестьян. Это делается с силой фатальности, и не только имущество рабочего: вокруг Костромы, например, у кулачков в избах имеются теперь зеркало, ковры, мягкая мебель, бронза, пианино. Всем этим они обставились за счет буржуазии и интеллигенции, которые, большей частью крадучись (запрещено), вывозят всякий свой скарб в обмен на ту же несчастную картошку.

И это полгоря, а вот постепенное самораздевание рабочего — настоящее горе. В Ярославле встречаю рабочего, который несет небольшое количество веревок. Узнает меня, заговаривает: «Вот, тов. Луначарский, немножко веревок раздобыл, это лафа, картошки теперь наменяю, за веревки дадут, а то просто беда. Крестьянин запросит природу цену, а потом говорит: не плачь, будто нечем купить, разве не в сапогах ходишь, садись, разувайся, вот и будет картошка».

И это не один какой-нибудь крестьянский ирод обращается к рабочему с такой речью, это сплошь так. Крестьяне равнодушно качают бородой на просьбы рабочих или пришлых из дальних мест мешочников, а потом косым взглядом оценивают фигуру говорящего и заявляют: «вот ежели сапоги отдашь, или вот пияжак у тебя ничего себе». И раздевают. Так прежде раздевали целовальники, а сейчас картофельники. Из этого некоторые делают вывод: деревня грабит город. Но я видел близко эту ярославскую и костромскую деревни. Я пробовал было взять в рот этот «черный» хлеб, который она делает теперь себе неведомо из чего. И отвра-

щение не дало мне возможности даже отведать его. Деревня ужасающе бедствует, но, конечно, не вся; кулачок, кулачок даже мелкий, которого до чрезвычайности трудно отличить от середняка, — этот разбогател. И я не знаю, в какие суммы надо оценивать сейчас имущество деревенского кулачка.

Вот, например, деревенский сапожник, самый обыкновенный деревенский сапожник, всего капитала у которого в прежнее время было какие-нибудь 47 с половиной, он покупает себе по вольной цене кожевенный материал, как бы вы думали, на какую цену? — на 400 тысяч рублей!

В Ростовском уезде, который является русским Китаем, ибо доставляет на всю нашу армию чай, а вместе с тем производит огромное количество картофеля, варит патаку, снабжает всю округу овощами, — в этот Ростовский уезд одно правительство за последнюю продовольственную кампанию отвалило $1\frac{1}{2}$ миллиарда кредитных рублей. Вероятно, эта сумма скромная по сравнению с тем, что вложено в него мешочниками после разрешения свободной цены на картофель, и когда она с самой высокой казенной: 18 руб. за пуд поднялась до 450—500 руб.

Вот и рассчитывайте, какие теперь в Ростовском уезде есть капиталисты. Но капиталисты эти начинают задумываться на счет того: реальна ли стоимость денег, которые они в таком выразительном количестве зашибли. Деньги тают, как снег, и кулак, сидя на сундуке полном керенок, с грустью думает о том, что, пожалуй, придется ими печь подтапливать. Поэтому он торопится их реализовать и реализует главным образом в строительстве. В этом есть хорошая сторона. Наша избяная Россия строится с величайшим напором. Сейчас, пока полевые работы, это немножко приостановилось, но потом, вероятно, закипит опять, и кулак, строя себе великолепный дом, платит 70 руб. в день плотнику, не поморщившись. Надо думать, что сотни тысяч, а кой у кого, может быть, и миллионы навороченных керенок таким образом по крайней мере кристаллизуются в большом количестве плотных и ладных деревянных деревенских построек.

Сколько всяких наблюдений и мыслей является во время этих поездок по провинции! Но всем невозможно делиться, с одной стороны, чтобы не заполнять газет *бытовым* материалом в такие исключительной важности *политические* минуты, а с другой — потому что жизнь предъявляет свои требования и редко находишь время взяться за перо.

«Известия», 1919, № 152, 13 июля. Печатается с исправлениями и дополнениями по машинописному тексту. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ДЕТСКИЕ КЛУБЫ В г. КОСТРОМЕ

Как я уже писал, дело народного образования в Костромской губернии стоит относительно высоко. Есть и такая сторона в нем (например, постановка театрального дела), которая может считаться по нынешнему общему уровню положительно образцовой.

Пожалуй, наивысшее развитие в самом городе Костроме и отчасти в некоторых уездах получили клубы.

О клубах для взрослых я еще, быть может, буду писать при общем отчете о Костроме, сейчас же остановлюсь на самой очаровательной стороне костромской жизни, именно на детских клубах. Уже самое число детских клубов в этом сравнительно небольшом городе представляет собой явление из ряда вон выходящее. В Костроме насчитывается немного более 70 тысяч жителей, и она располагает уже 12 детскими клубами с числом детей 150—400 в каждом.

Для сравнения прошу сообразить, что при 1½ миллионах жителей в Москве сохранение этого масштаба потребовало бы организации 240 клубов, между тем как мы имеем в Москве только 23 клуба.

Но если в Костроме достигнут замечательный количественный результат, то еще интересней качественная сторона дела. Правда, при моем кратком пребывании в Костроме я не мог посетить все клубы, но я подробно ознакомился с работой некоторых и присутствовал на открытии выставки детских работ всех 12 клубов.

Надо признать, что детские клубы того типа, который в особенности развернулся в Костроме, т. е. типа, объединяющего девочек и мальчиков приблизительно от 8-летнего до 16-летнего возраста, является, по существу говоря, наивысшей формой школы, до сих пор нами достигнутой.

Основным элементом, которым живет клуб, является искусство, и это весьма понятно потому, что ребенок учится — играя и должен учиться именно — играя. Когда вы высвобождаете его из тисков старой школы, предоставляете ему помещение, известную приспособленную обстановку, ласковое руководство, всегда готовую помощь, а в остальном свободу, то он сию же минуту начнет играть — это и есть самое очаровательное. Ребенок показывает себя во всей своей естественной грации, во всей своей трогательной талантливости. Шиллер говорил, что искусство есть игра, можно сказать, и обратно: то, что приобретаем, играя, — это прежде всего искусство. Вот почему музыка, пение, танец, декламация, сценическое исполнение, подвижные игры, спорт естественно занимают свое место в жизни юного коллектива, и во всех этих областях достигаются значительные результаты. На празднике, устроенном всеми 12 клубами в помещении 3-го детского клуба, были представлены образцы ритмической гимнастики, свободного танца, сценки, хорвое и сольное пение, декламация, и во всех этих областях встречались отдельные экземпляры, доставившие присутствующим взрослым самое подлинное художественное наслаждение. Игра, однако, не ограничивается этим, она, так сказать, выступает из берегов и, переходя за грань искусства, подходит и к общественной жизни, и к трудовым процессам, и к науке.

Трудно даже сказать, что представляет собой клубное самоуправление: есть ли это игра в маленькую республику, или это серьезнейшее дело гражданского взаимобучения и замена учительской дисциплины коллективным общественным мнением?

Не могу не отметить удивительной серьезности маленьких председателей и секретарей, которые с глубочайшим сознанием своей ответственности и поражающей толковостью ведут довольно сложное дело управления коллективом в несколько сот членов.

На клубной выставке было выставлено множество произведений детского творчества, целое море рисунков, среди которых, как всегда это бывает, попадались очень курьезные, очень свежие, очень талантливые, масса всяких плетений, картонажей и т. п.

Работа увлекает детей, начиная с самых маленьких и до самых взрослых, и хотя выставка импровизированная и никто не делал специальных экспонатов, но тем лучше — выставка была тем более показательной: были разложены просто заурядные работы, иногда даже неоконченные. В результате самое отрадное впечатление.

Но, пожалуй, кульминационным пунктом таких работ является изготовление физических аппаратов и приборов: детишки 10—11 лет под руководством 14-летнего мальчика достигли изумительных результатов: из всякой попавшейся под руки дряни настряпали приборов чрезвычайно поучительных и в смысле изобретательности и остроумия вообще, и в смысле возможно более глубокого самообслуживания школы.

Среди других чудес детской изобретательности имеется даже малень-

кий беспроволочный телеграф, великолепно действующий на расстоянии педального... аршина. В результате все это вместе создает необыкновенно дружную и веселую атмосферу. Если бы в детских клубах мы могли поставить на должную высоту кормление детей, которое в голодной Костроме, увы, оставляет желать слишком много лучшего, то это были бы прямо идеальные воспитательные учреждения.

Вообще, помимо недостатка в пище, клубы в Костроме страдают всякого рода бедностью. Мало средств, мало пособий. Это маленькие здоровые растеньица, которым дать больше воздуха и больше солнца. Поскорей бы разбогатеть нам, Комиссариату народного просвещения в особенности, по части необходимых материалов, потому что деньги у нас часто есть, но нет того, что хотели бы мы купить. Когда под руками у нас окажется больше средств пособить этим первым проблескам новой жизни — они немедленно расцветут самым пышным и драгоценным цветком.

«Советская газета», Кострома,
1919 г., № 140, 29 июня.

КО ВСЕМ КРЕСТЬЯНАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Дорогие товарищи крестьяне!

Когда кто-нибудь приезжает к вам из Ярославля или из Центра и говорит вам речь о положении в России, о том, как приходится ей сейчас отбивать недавно добытые свободу и землю от помещиков, их друзей и приспешников, когда вам говорят о том, что в скором времени при вашей поддержке победа будет достигнута, и о том, как расцветет тогда наша многострадальная Россия, вы, слушая такие речи, качаете головами и говорите: «слыхали мы эти сказки. Хорошо вы поете, а где хлеб? где мир, который нам обещали, где все это благоденствие, только со дня на день становится горше и горше жить».

Крестьянин, который говорит так, думает, что он очень умен, что он старый воробей, которого на мякине не проведешь: «ты мне подавай дело, — говорит он, — вот дай мне мануфактуры или керосину, или сахару, или мыла, тогда я тебе поверю, это будет почище разговоров».

Но крестьянин, который говорит все это, вовсе не умен, не практичен, не хозяин, не расчетлив. На самом деле русский крестьянин расчетлив и практичен, но если он делает грубую ошибку, то потому, что недостаточно далеко видит, не дальше своей деревни.

Сейчас городской рабочий, создающий социалистический строй, строй без хищников, хозяев, из которых каждый стремится положить себе барыш в карман, а с одним-единственным хозяином — Советским государством, стремящимся все наладить для блага всех, этот городской рабочий не может сейчас справиться с производством. Машины на фабриках и заводах изношены, не хватает сырья, местами не хватает топлива, очень плохо обстоит дело с железными дорогами и пароходами.

4 года воевала Россия и израсходовала все свои ресурсы, а сейчас она имеет сильных врагов, которых надо бить или отразить для того, чтобы они убедились, что Россию в цепи больше не закуешь, и начали бы с нашей великой и безмерно богатой естественными богатствами странной мирную торговлю.

Только победа открывает нам путь ко всем материалам, которые необходимы, чтобы починить железные дороги и пароходы, только победа даст нам топливо, даст нам хлопок, даст нам здоровье.

И вот до тех пор, пока город хворает, пока фабрики и заводы стоят или работают на $\frac{1}{3}$, на $\frac{1}{4}$, необходимо, чтобы крестьяне поддержали своего брата, рабочего.

Представьте себе двух таких братьев, из которых старший младшего кормит, а младший старшего своим ремеслом одевает. И вот младший брат тяжело заболел, лежит, стонет, работать не может, а старший брат говорит: «ты мне не ткешь, не пьешь, на постели валяешься, вот я тебя и не буду кормить». Что же из этого выйдет? Выйдет то, что больной помрет с голоду, а старший так и останется голым на всю жизнь. Потом уже начнет плакать — да поздно.

Если бы он был умен и расчетлив, он сказал бы: «надобно давать хлеба моему больному брату, пока он не выздоровеет, потом он меня вознаградит своим трудом за то, что я поддержал его в долгие и тяжелые для него дни». Вот это был бы расчет.

Ярославским крестьянам, может быть, с одной стороны, здесь ясно видно: Ярославская губерния сама хлеба не производит, нам нужно его ввезти, а ведь хлебный-то мужичок — симбирский, саратовский, украинский — он так и говорит: «что нам дают за хлеб — дешевые деньги, по твердой цене, и только». Они предпочитают хлеб спрятать и продать его спекулянту, от этого и голодает Ярославская губерния. А между тем ярославский мужичок так же точно прячет картофель для того, чтобы продать его спекулянту, а сам вопит о том, что у него нет хлеба.

Если бы крестьянство правильно понимало бы положение, оно поняло бы и то, что ему нужно сейчас пожертвовать кое-чем для отечества, что ему нужно разжать кулак, в котором он держит какой-нибудь излишек продуктов, вольно и радостно дать их Красной Армии, которая несет ему истинную свободу и счастье, и брату-рабочему, который скоро восполнит и в производственном отношении и сделает деревню богатой.

Мне отвечают на это: «крестьянин не верит, что его жертвы принесут какой-нибудь плод, слишком долго пришлось ему ждать».

Будто бы так? А откуда крестьянин знает, что такое дело, как построение свободного народного счастья, можно сделать в $1\frac{1}{2}$ —2 года.

Видели вы такого крестьянина, который сегодня посеял бы хлеб, а через неделю пришел бы проклинать землю за то, что еще жать его нельзя. Нет. Крестьянин знает, сколько пота нужно пролить над пашней и сколько нужно терпения, пока рожь зазолотится и пока можно будет ценой еще дополнительного труда и жатвы, и молотбы, и перемола, и печения превратить ее в желанный хлеб.

Вот следовало бы крестьянину понять и то, что красная жатва свободы и богатства не дается так легко, что для этого необходимо сломить сопротивление помещика и фабриканта, заедавших прежде рабочее и крестьянское счастье, и не только сломить его в России, но отбросить и дерзкие покушения из-за границы, и сделать это можно вместе, в союзе русский рабочий и русский крестьянин легко могут достигнуть этой победы.

Когда она будет достигнута, тогда начнется и явный прирост благосостояния в народе.

Русский народ, вся масса рабочих и крестьян в это твердо верит и не хочет, чтобы даром пропали их подвиги и страдания.

А вдруг в какой-нибудь одной губернии, в каком-нибудь одном уезде или волости возобладают трусы и изменники, которые не верят и которые действуют так, чтобы сорвать общую надежду на победу. Может ли великая Россия потворствовать им? Нет. Таких смутьянов, таких людей, отошедших от ее святой цели, она по головке гладить не будет, и от воображения, что они улучшат свое положение, на самом деле погибнут под ударом всенародного гнева.

А если бы таких волостей или уездов набралось много и они опрокинули бы Советскую власть и поклялись бы головами коммунистов Колчаку и Деникину, что тогда было бы? Может быть, стало бы легче?

В том и беда крестьянская, что крестьянин плохо верит, что ему

ЛУНАЧАРСКИЙ И ЯН ГАМАРНИК

Фотография

1920 г.

ни говори. Он только тогда верит, когда на своей спине почувствует правду. Вот заволжский крестьянин, который чуть не звал Колчака, или крестьянин Придонья, занятого Красной Армией, которых утомила гражданская война и необходимость содержать за свой счет красные отряды, — вот они после того, как Колчак и Деникин побывали у них, убедились, чего стоит мир с ними.

Неужели ярославский крестьянин, такой смывленный, такой в большинстве случаев грамотный и бывалый, не понимает, что помещики и капиталисты не посмеют вернуться к себе в деревню, к себе на фабрику, пока «генерал» им не доложит: «Ну, я расстрелами, виселицами, поркой так напугал теперь народ, что не только он сам бунтовать не осмелится, а детям и внукам закажет ломать замки и <будет> подставлять спину барину».

Только путем самого страшного разгрома народных сил, только путем ожесточенного нагонения страха надеются они сломить волю народа к свободе, народа, раз отпившего от ее хмельной чаши.

Вот почему рядом с предателем сознательным, с белогвардейцем, который мечтает о том, чтобы посадить барина, ненавидим мы и предателя бессознательного, который по глупости не понимает, что страдание, которое он сейчас переживает, необходимо для конечной победы, и ко-

торый готов накануне ее сорвать все дело своим тупым нетерпением, своим малодушием и своей темнотой.

Читайте внимательно, ярославские крестьяне, то, что здесь написано. Это все чистая правда: тут нет ни одного слова преувеличенного или неверного. Читайте и помните, что действовать против Советской власти — значит надевать петлю на свою шею.

Мы знаем, это показывают нам уездные съезды, что в Ярославской губ., несмотря на ее тяжелое положение, преобладают крестьяне, крепко держащиеся за Советскую власть. Сколько благодарностей и поклонов принесет им в свое время тот, кто сомневался.

На Украине зреет небывалый урожай.

Америка смотрит, что мы делаем с Деникиным, и ясно сознает, что, если будет бит и этот генерал, придется немедленно начать мирные переговоры с Россией. Колчак разгромлен. Юденич отброшен от Петрограда. Деникинское наступление замедлилось, а местами он начинает уже отступать. Сибирь восстает под знаменем Советов, пострадавшие под игмом японцев. Среди казаков идет сильное брожение против Деникина. Во всех станциях поднимает свой голос рабочий и солдат и требует мира и союза с Красной Россией.

Все вокруг нас полно надеждой. Дострадаться приходится еще только несколько недель, и мы тогда твердо полагаемся на мужество, здравый смысл и терпение крестьянства.

Мы знаем, что в этот решительный час оно не ослабнет и не выпустит из рук золотую птицу своей свободы и своего счастья.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ВСЕМ ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

По инициативе совещания Губернского комитета партии с представителями Центра и ответственными работниками, находящимися в г. Ярославле, губернский съезд Советов, назначенный на 20 июля, откладывается на 25 июля.

Главной причиной этого передвижения съезда на 5 дней является признанная тем же совещанием необходимость созвать перед ним партийную конференцию. Чем объясняется эта неотложная необходимость в широком партийном совещании?

Всякий понимает, какой исключительный момент переживает в настоящее время Россия, а с нею вместе та великая партия, которая руководит ее судьбами.

Никогда еще мы не были так близки к победе. Огромный урожай на Украине, разгром Колчака, взрывы крестьянских восстаний в тылу его, открывающиеся перед нами широкие возможности в Сибири, брожение на Кавказе, разложение оккупационных отрядов там, полный неуспех авантюры Юденича против Петрограда, — все это должны мы класть на положительную чашку весов, когда оцениваем текущий момент.

Но еще большее значение, чем все перечисленное, имеет, конечно, тот глубокий рост недовольства результатами войны, который заметен во всех странах.

Я не буду перечислять здесь всех известных вам актов, доказывающих, что колеблющиеся независимые в Германии и лонгетисты во Франции выступают теперь под знаменем с лозунгами, заимствованными у нас.

Они говорят теперь о диктатуре пролетариата. Они требуют во Франции, Англии, Италии немедленного мира с Россией, а в Германии немедленного союза с ней.

По этим людям, как по барометру, можно узнавать настроение масс. Наши дорогие братья, коммунисты и спартаковцы, во всякое время — в беде и счастье — остаются верными себе, но промежуточные типы прижимают в большей или меньшей мере к нам или оборонцам в зависимости от настроения масс. А рядом с только что указанными новыми чертами в программе и тактике средних социалистических групп мы видим все растущее недвусмысленное брожение среди рабочих всех стран, даже в <...> разбогатевшей от войны Америке.

Победа над Деникиным вызовет непосредственно и без всякого сомнения окончание войны и признание непоколебимости Советской власти в России.

И мы должны идти дальше: не только буржуазия всего мира, скрепя сердце и скрипя зубами, вынуждена будет признать нас и вступить с нами в торговые договоры, но пролетариат всего мира, воодушевленный нашей победой, поторопится окончательно свернуть шею своим доживающим последние дни господам.

Но три страшные опасности, связанные между собой, грозят пресечь наши успехи в том самом месте, откуда мы уже видим улыбку победы.

Первой опасностью является все расширяющийся фронт Деникина. Деникин — последний козырь в руках военной партии союзников. Мы должны во что бы то ни стало стереть его голову, или он принесет нам гибель.

Было бы преувеличением бить сейчас в набат и предаваться отчаянию, но было бы малодушием еще худшим скрывать от себя величину опасности.

Опасность сильно усугубляется двумя другими тяжелыми сторонами текущей нашей жизни.

Прежде всего голодом. Голод естественно обостряется в месяц перед новой жатвой. Нужна титаническая энергия тех, кто обязан кормить, и невыразимое терпение тех, кто болеет и умирает от недоедания, чтобы катастрофа не дошла до такой степени, когда уже само сопротивление Советской Республики оказалось бы подточенным.

Рядом с этим идет и определенная усталость, в особенности в кругах крестьянских. Если бы возможно было дать голодающим бедным хлеба, если бы возможно было в какой-нибудь мере улучшить положение крестьянства, страдающего от отсутствия мануфактуры и других фабрикатов, то усталость эта, вероятно, не давала бы себя знать; но при страшном разорении, а местами голоде, крестьянство склоняет ухо к злым нашествиям белогвардейцев, сманивающих его к дезертирству, к протестам, а дезертиров — к скоплениям в банды, вооруженному сопротивлению и мятежу против Советской власти под разными лживыми лозунгами вроде Учредительного собрания и под главным лозунгом «долой гражданскую войну».

Не вам, членам партии, доказывать всю бессмысленность этих лозунгов, не говоря уже об их преступности с точки зрения наших целей и наших идеалов. Но что ядовитая пропаганда имеет успех, в этом нам нечего сомневаться, мы имеем повсюду кулацкие восстания. Если мы справляемся с ними, если мы караем тех, кто вовлекает в них, и тех, кто слишком охотно вовлекается, то тем не менее эта внутренняя разруха ослабляет наши силы, изнуряет Советскую Россию в такой момент, когда ей нужна вся полнота ее мощи и энергии.

Вот почему в Ярославской губернии, которая в самой острой форме переживает и голод и дезертирские бунты, необходим, конечно, съезд Советов.

Но съезд Советов может пройти стройно, может дать обильные результаты, наметить твердую линию поведения для руководства советской по-

литикой в Ярославской губернии, создать новое воодушевление в рядах советских работников, притупить разные острые углы и недоразумения, которые создались между властью и населением, только если он пройдет под определенным сознательным, планомерным, ясным руководством коммунистической партии.

Коммунистическая партия должна не только объединиться, не только надобно нам сговориться, чтобы между самими нами не возникло какого-нибудь недоразумения, но необходимо также договориться до самых ясных лозунгов, до самых отчетливых решений по каждому вопросу, являющемуся центральным на предстоящем съезде.

Итак, конференция необходима уже сама по себе.

Между тем к этому примешивается еще один частный факт.

Центральный Комитет РКП имеет от съезда поручение полновластно группировать и распределять наши партийные силы, раскладывая, по счастливому выражению тов. Зиновьева на последнем съезде, все 320 тысяч коммунистов — каждого на соответственную полочку.

Центральный Комитет, руководясь разными соображениями, признал необходимым перевести в Ярославскую губернию несколько работников, одних для временной помощи в трудный момент, переживаемый губернией, других для постоянной работы в ней.

Одновременно с этим некоторые из работников, стоявших на ответственных постах, отзываются Центральным Комитетом для поручения им других постов в других местах.

Таким образом, и из партийного комитета выбывает двое работников, которых во всяком случае нужно заменить. Уже на последней конференции ставился во весь рост важный вопрос об известной коренной реформе самого Губернского комитета, намечались решения, которые в настоящее время имеют за собой одобрение Центра, о создании Губернского комитета с равномерным представительством всех уездов.

Рядом с этим явится, по-видимому, совершенно необходимым увеличение количества членов Губернского комитета с 9, быть может, до 15 или около того. Необходимость в этом ощутима для всякого, кто понимает, что известная группа ответственных членов партии должна всегда оставаться в Ярославле для общего наблюдения за ходом дела и усиленной пропаганды среди воинских частей и пролетариата больших фабрик в самом городе и его окрестностях, другая же значительная часть должна непрестанно разъезжать по уездам, чтобы связь между ними и губернским городом была живой, чтобы сведения, лозунги, живая мысль циркулировали все время и совершался бы естественный обмен, животворящий весь губернский организм.

В целях наибольшего успеха назначенной на 23 июля губернской конференции необходимо, чтобы в уездах теперь же, не теряя ни одной минуты, приступили к подготовительной работе.

Ярославский партийный центр вместе с представителями Центра всероссийского, сюда присланными, пошлет по крайней мере по одному ответственному информатору в каждый из уездов. Уезды же должны немедленно созвать уездные конференции, где обсудить создавшееся положение и произвести обдуманые выборы.

Желательно, чтобы такие конференции имели место во всех решительно уездах, лишь в самом крайнем случае, случае физической невозможности созвать уездную конференцию, Центр признает за уездами право представительства и на основании выборов из числа товарищей, живущих в уездном городе, согласно все той же норме, т. е. по одному представителю от 25 членов или дроби этого числа.

На конференциях должны быть обсуждены все важные вопросы нынешней нашей политики. Минуя только что указанный вопрос организацион-

ный, подчеркиваю еще раз вопросы военно-политический, продовольственный и дезертирский.

Съезд не должен ограничиваться простой торжественной резолюцией о необходимости сопротивляться Деникину, о необходимости раздавить на всех фронтах наступающего на нас врага. Таких резолюций мы выносим всюду много, они сами собой разумеются, но нисколько не помогают делу. Съезд должен обсудить практический вопрос о той службе, которую ярославский тыл может нести по отношению к фронту.

Мы посылаем отсюда фронту людей, мы посылаем отсюда некоторые важные предметы снабжения армии.

Посылать людей достаточно стойких, достаточно желанных для армии, черпая их главным образом из крестьянства, невозможно, не поставивши перед собой во всю ширь вопроса об отношении крестьян.

Что такое крестьянский красноармеец? Идет ли он на фронт с враждебными к нам чувствами <...>? Идет ли он равнодушный, пассивный? Или, наоборот, он идет с симпатией к нам, сознавая, что борется за свои священные интересы? Это вопрос столь же важный и, может быть, более важный, чем вопрос о том, сколько именно таких красноармейцев отправляется в виде пополнения из Ярославской губернии.

И тут дело сводится не только к правильной постановке политической пропаганды в рядах красноармейцев. Тут важны не только мероприятия по улучшению положения семейств красноармейцев, тут важно, чтобы вся крестьянская масса проникнута была другими чувствами, чем те, которые столь многие среди крестьян питают к нам в настоящее время.

Общие положения нашей политики по отношению к среднему крестьянству продиктованы VIII съездом коммунистов. Но конкретное применение этих положений ко всякой отдельной губернии должно быть обсуждено особо. Ярославская губерния — тяжелая губерния. В ней очень много кулаков, типа богатых огородников и картофельщиков, наживших за последнее время чудовищное количество керенок, или типа лавочников и трактирщиков, хлынувших теперь из Москвы и Петрограда и щелкающих зубами от злости за потертанные барыши.

Хуже всего то, что и крестьянин-середняк в Ярославле не представляет собой того типичного землепашца, которого главным образом имел в виду VIII съезд. Ярославский крестьянин — отходник, и рядом с прекрасным, смышленным и часто глубоко пролетарским типом отходника-рабочего мы видим также сомнительный тип отходника-торговца. Как бы ни был ничтожен его капитал, как бы ни миниатюрен его оборот, в мечтах своих он купец, в мечтах своих он эксплуататор, он невольно тянется к своему старшему брату, у которого уже был трактир или лабаз, который занимался какими-нибудь баржами на Волге или чем-нибудь подобным.

Мечта этих людей — личное благополучие и богатство. С нею не хотят они расстаться и машут руками на всякий социализм.

Ярославская деревенская беднота находится в большом загоне. Помогать этой бедноте порознь мы не можем. О восстановлении комитетов бедноты нечего и думать, потому что комитеты бедноты при всех своих заслугах несомненно слишком часто загоняли клин не между середняком и кулаком, как надо, а между середняком и бедняком, как не надо.

Каков же выход из всего этого в этой тяжелой и в то же время голодной губернии? Он очевиден. Необходимо всячески силачивать деревенскую бедноту, необходимы более энергичные действия земотдела в насаждении добровольных коммун и всяческой поддержке их. Необходимо всяческое покровительство артелям и кооперативам, которые представля-

ли бы собой возможно более полупролетарские объединения, необходимо, опираясь на профессиональные союзы крестьян в качестве земельных работников, повести новую борьбу против кулачества.

Во многих местах кулаки до сих пор еще имеют большие земли, много скота, по несколько домов, и деревенские советские власти — волостные исполкомы — смотрят на это сквозь пальцы. Этого быть не должно. Деревня должна пойти большими шагами по направлению к уравниванию.

По отношению к середняку должна быть усилена не только пропаганда словом, но и постоянное общение политическое и экономическое; надо втягивать середняков в функционирование Советской власти и заинтересовывать их в области продовольствия, обсеменения, снабжения сельскохозяйственными машинами, подъема общего и сельскохозяйственного образования и т. д., и т. д.

Как мы ни бедны, мы не до такой степени нищи, чтобы при желании, при государственном умении не смочь даже при том немногом, что мы имеем, создать достаточно широкий фундамент для общей реальной работы с средним крестьянством.

Переходя к вопросу продовольственному, конференции придется задуматься о целом ряде важных проблем. Наркомпрод уже перешел теперь вновь к системе поощрения самостоятельной работы пролетарских организаций, этого нельзя не видеть в назначении для их деятельности Симбирской губернии.

Конференция должна подготовить для съезда ряд, с одной стороны, ясно выраженных пожеланий о расширении участия рабочих в продовольственном деле, с другой стороны, ряд конкретных планов использования естественной, самим голодом усиливающейся энергии рабочих и крестьянских масс в направлении продовольственных заготовок и продвижения хлебных и иных грузов по назначению.

Необходимо на основании имеющихся у нас данных проверить удручающее положение волжского судоходства и, быть может, потребовать от Центра экстренной и властной ревизии всей волжской системы как в отношении деятельности Волгопрода, так и в отношении деятельности волжского транспорта.

Мы не можем сидеть сложа руки, когда народ гибнет от голода!

Не менее важным является использование нового урожая. Ярославская губерния не пустое место. Ярославская губерния производит весьма значительное количество картофеля. Ярославская губ. обладает таким исключительным по плодородию и разнообразию продуктов уездом, как Ростовский. Необходимо самым внимательным образом обсудить все многочисленные вопросы, поднимающиеся в связи с реализацией урожая. Нельзя, чтобы каждый тянул в свою сторону, чтобы местные люди защищали местные интересы или чтобы Центр не считался с ними вовсе. Здесь необходимо предварительное создание совершенно согласованных внутренне, контактных и властных органов, в которых слышны были бы голоса с мест и Центра, которые действовали бы безапелляционно и планомерно, а не путем урывания друг у друга, конкуренции и т. п.

Вопрос о распределении продовольствия, имеющегося в самой губернии, теснейшим образом связан с вопросом распределения имеющихся в ней фабрикатов. Ни для кого не тайна, что Ярославская губ. имеет громадные запасы тканей и что она могла бы производить их в большом количестве.

Пущенные в дело льняные мануфактуры Ярославской губ. могли бы давать, может быть, до 2 миллионов аршин льняных тканей в месяц. Благодаря роковой ошибке прядильные и ткацкие мастерские, несмотря на наличность всех условий производства, стоят. Эту ошибку мы должны победить, мы должны также определенно поставить на вид заведующим

распределением фабрикатов совершенную недопустимость положения, при котором склады ломятся от товаров, кое-где оказывающихся жертвой огня или портящихся, в то время, как в них сказывается острая нужда, между тем как использование их могло бы обеспечить и политическую дружбу крестьянства, и охотную доставку им продуктов сельского хозяйства, и улучшения столь печально в настоящее время стоящей лесной заготовки в нашей губернии.

Касаясь, наконец, третьей важной проблемы — о борьбе с дезертирством, необходимо, чтобы партийное совещание выработало для съезда программу действий не только карательных, но и мудрых, улучшающих положение красноармейцев.

В этом направлении Центральный Комитет партии и Совет Обороны сделали уже очень много, наше дело — не столько искать новых мероприятий, сколько искать пути для проведения старых.

В деревнях земли красноармейцев не обрабатываются, пайки выдаются вяло, очень часто семейства красноармейцев подвергаются прямым обидам кулака — все это не может не множить дезертирства.

В воззвании, по необходимости кратком, нет возможности перечислить все относящиеся сюда меры.

Мы даем здесь только общие директивы, которые будут развиты посылаемыми нами информаторами. Пусть в каждом уезде эти вопросы будут обсуждены со всем вниманием и тщательностью на основании материалов, которые даст сама жизнь уезда и его волостей.

Быть может, никогда еще в Ярославской губ. не собиралась конференция, на которую были бы возложены столь важные задачи, ибо никогда еще губернский съезд Советов не собирался в такой торжественный момент.

Победа возможна как никогда, но и опасность велика как никогда.

Принимайтесь же немедленно за дело, товарищи, и да здравствует Российская Коммунистическая партия, великая руководительница народов России и всего мира по пути к социализму.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ЛУНАЧАРСКИЙ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И В ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНАХ

Предисловие С. Ф. Найдь

Публикация В. Д. Зельдовича

До последнего времени мы почти не располагали документальными материалами о политической работе Луначарского в Красной Армии периода гражданской войны. Известно было лишь, что Луначарский выезжал на разные участки фронта, как и другие члены ЦК партии. И в общих работах, и в специальных статьях, посвященных этому времени, можно найти только краткие упоминания о поездках Луначарского на фронт. Эти скудные сообщения ни в малой мере не отражают той огромной и важной работы, которую провел Луначарский в войсках Красной Армии по прямому поручению Ленина. Исключение составляет лишь публикация А. Л. Кубланова «О военной работе А. В. Луначарского» — «История СССР», 1965, № 5, стр. 119—126, а также небольшая статья В. Я. Хоменко «Про перебування А. В. Луначарського на Україні. (1920 р.)» — «Укр. іст. журнал», Київ, 1968, № 4, стр. 112—114.

До нас дошло свидетельство о поручении, которое Ленин дал Луначарскому еще в период организации Красной Армии, в 1918 г. Это — письмо личного секретаря наркомата по военным делам «Наркому по просвещению А. В. Луначарскому»: «По поручению товарищей В. И. Ленина и Н. И. Подвойского препровождаю при сем материал по вопросу организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии и передаю их убедительную просьбу написать проект воззвания с горячим призывом к организации для представления его съезду Советов на пленарное заседание 16 или 17 с. м.»

15 января 1918 г. Личный секретарь Народного комиссара по военным делам В е р б и ц к и й

(ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 78, л. 115).

В 1928 г. в газете «Красная звезда» Луначарский писал:

«В течение почти всей гражданской войны я почти непрерывно отрывался от своего наркомата и в качестве представителя Реввоенсовета Республики ездил на разные фронты. Моей обязанностью было освещение различным красноармейским частям общей политической ситуации. Само собой разумеется, что за это время у меня накопилось очень много воспоминаний, которые, может быть, и будут когда-нибудь мною напечатаны. Правду сказать, наезды пропагандиста на фронт рядом со всей гигантской эпопеей гражданской войны и его воспоминания рядом с сокровищами воспоминаний подлинных бойцов фронта представляют нечто весьма второстепенное и бледное. Поэтому до сих пор я не считал важным обрабатывать относящиеся сюда мои воспоминания. Когда-нибудь в глубокой старости придется, вероятно, вообще писать о жгучих днях, которые нами пережиты и сейчас переживаются, если, разумеется, жизнь пощадит меня до тех пор и доставит мне это меланхолическое, но глубокое наслаждение».

Луначарскому так и не довелось написать такие воспоминания. О некоторых эпизодах рассказал он в той же статье для «Красной звезды». Особенно ценно то место статьи, где говорится, как по возвращении с фронта Луначарский докладывал о проделанной работе лично Ленину и как получал от него новое фронтовое задание:

«Когда я вернулся из Тулы, я сейчас же, по обыкновению, отправился к Владимиру Ильичу, чтобы рассказать ему о всех моих впечатлениях. Я рассказал ему также

о Тульском укрепленном районе и о напряженной деятельности товарищей, которым поручено блюсти за ним, о сравнительно бодром впечатлении, которое произвел на меня гарнизон во время парада, о крепких настроениях рабочих. Я рассказал ему также о разговоре с английским полковником. Владимир Ильич, разумеется, великолепно понял чрезвычайную тяжесть нашего тогдашнего положения. Выслушав все, он как-то слегка потемнел, нахмурил брови и, не глядя на меня, сказал:

„Да, Тульский укрепленный район — это серьезно, там нужно отстоять подступы к Москве. Очень важно не уронить настроение самого населения. Необходим не только серьезный контроль, чтобы внутри района не заползла измена, необходимо также вовремя поддержать бодрость. Не думаете ли вы, Анатолий Васильевич, что вам лучше всего вернуться в Тулу? Знаете ли, чтобы они не чувствовали себя заброшенными. Говорите им — и военным, и рабочим, и горожанам — об общей политической ситуации, внушайте им побольше бодрости. И я бы попросил вас вернуться оттуда только в том случае, если денкиницы откатятся“.

Такого рода поручение надо было истолковать, разумеется, так: вернетесь в случае, если Тулу отстоите, а если не отстоите, то уже не представляется особенно интересным, сможете ли вы вернуться, так как необходимо отстаивать эту позицию в полном смысле слова до последней капли крови. Так я и понял слова Владимира Ильича, и в тот же день выехал назад, в Тульский укрепленный район («История СССР», 1965, № 5, стр. 121—123).

Луначарский говорит, что Ленин постоянно руководил военной работой на фронтах: «Когда я вернулся из Тулы, я сейчас же, по обыкновению, отправился к Владимиру Ильичу, чтобы рассказать ему о всех моих впечатлениях» (курсив наш.—С. Н.).

По всей вероятности, поездка Луначарского в Тулу была вызвана особенно трудной обстановкой в этом районе, о чем 17 апреля 1919 г. докладывал Ленину главнокомандующий вооруженными силами Республики И. И. Вацетис. В заключении доклада отмечалось: «Для приведения в порядок и быстрого формирования намеченных для Восточного фронта резервов необходима самая интенсивная работа политических деятелей над созданием должной дисциплины в войсковых частях. Необходимо путем ораторского слова снова поднять настроение в войсках, которое под влиянием утомления в значительной степени пало как среди командного состава, так и среди красноармейцев» («Исторический архив», 1958, № 2, стр. 42).

В личном архиве Луначарского сохранились копии докладов, написанных им в результате каждой из таких поездок и направленных Ленину. Тексты докладов А. А. Луначарская передала В. Д. Зельдовичу, свидетельствуя, что все они посылались Ленину.

Ниже доклады Луначарского печатаются в хронологическом порядке.

1. *Общий доклад о поездке на фронт от 28 октября по 14 ноября 1919 г.* Это отчет о поездке в 12-ю армию, занимавшую фронт у Чернигова — Киева и Житомира. Здесь советские войска вели борьбу против денкинцев (у Киева и Чернигова) и петлюровцев и белополяков (у Житомира).

В соответствии с постановлением сентябрьского пленума ЦК РКП(б) и рядом других директив ЦК партии и правительства, Главное командование Красной Армии разделило (в начале октября 1919 г.) Южный фронт на два фронта: на базе бывшей группы Шорина образовался Юго-Восточный фронт в составе 9-й и 10-й армий. Вскоре в его состав была включена также 11-я армия. На базе бывшей группы Селивачева в составе 8-й, 13-й и 14-й армий создан был новый Южный фронт. Командующим этим фронтом был Егоров, а членами РВС — Сталин и Серебряков.

12-я армия, взаимодействуя с 14-й армией Южного фронта, до конца ноября подчинялась непосредственно Главному командованию. В ходе же развернувшегося в октябре—ноябре контрнаступления нового Южного фронта обе армии были включены в состав Южного фронта. Контрнаступление Южного фронта началось на Орловско-Кромском направлении 11 октября 1919 г. Вначале наступала ударная группа, состоявшая из Латышской дивизии, бригады Червоного казачества и пластунской бригады Павлова. Затем это наступление было поддержано войсками 13-й и 14-й армий.

Наступление на Воронежском направлении началось 13 октября конным корпусом Буденного с приданной ему пехотой 8-й армии. Это была вторая ударная группа нового Южного фронта. Наступление этой группы было поддержано 8-й армией.

В результате завязавшихся боев войска нового Южного фронта к исходу октября добились перелома. Утром 20 октября 13-й армией был освобожден Орел, а 24 октября конный корпус Буденного и части 8-й армии освободили Воронеж.

В создании этого перелома в борьбе с деникинцами вначале на новом Южном фронте, а затем и на Юго-Восточном, войска которого с конца ноября также стали втягиваться в контрнаступление, большую роль сыграла 12-я армия.

Войска этой армии, по общему замыслу Главного командования, перешли в контрнаступление на Киевском направлении в середине октября.

15 октября 1919 г. они захватили у деникинцев Киев, который удерживали три дня. Продолжая наступление, 12-я армия 27 октября освободила Бердичев, 6 ноября был взят Чернигов. В середине ноября части 12-й армии форсировали Десну юго-западнее и восточнее Чернигова и захватили новый плацдарм.

19 ноября части армии взяли Бахмач и вышли на линию р. Остер, подошли к Нежину и Конотопу. В ноябре—декабре развернулась борьба за освобождение всей Черниговщины, Полтавщины и Киевщины. 11 декабря части 12-й армии освободили Полтаву, а 16 декабря — Киев. Так развертывалась наступательная борьба 12-й армии Южного фронта.

Именно в это время Луначарский был послан ЦК РКП(б) в 12-ю армию.

На фронт он приехал во время боев за освобождение Чернигова. Агитационно-пропагандистскую работу Луначарский начал уже с выступления на митинге войск в Серпухове, где располагалась Ставка Главного командования, войска тыла и некоторые резервы. Как следует из доклада, в 12-й армии он был долго и провел большую работу по обследованию политико-морального состояния войск и их боевого духа, а также в области агитационно-пропагандистской работы, выступая на митингах, собраниях и заседаниях командно-политического состава войск и т. д.

Несомненно, этот доклад Луначарского, направленный им в ЦК партии и, как видно, Главному командованию Красной Армии, сыграл важную роль не только в упрочении 12-й армии, но и других армий фронта.

2. Доклад Луначарского Ленину 6 мая 1920 г. из Харькова.

В эти же дни Луначарский написал три доклада на имя зам. начальника Политуправления Реввоенсовета Республики Александрова (6, 9 и 13 мая) и 9 мая отправил письмо А. А. Луначарской, которое посвящено предстоящей поездке в Полтаву, Кременчуг, Николаев, Херсон и Одессу.

3. Отчет об общем политическом положении Николаевской и Одесской губерний, датированный маем 1920 г. (на первой странице пометка Ленина: «в архив»).

В начале февраля 1920 г. закончилось освобождение всей Украины от деникинцев. Последними были освобождены южные районы, в том числе Одесская и Николаевская губернии. Только в Крыму оставались недобитые деникинские войска, на базе которых в мае—июне оформилась белогвардейская армия генерала Врангеля.

Трудящиеся массы городов и сел Украины, в том числе и южных ее губерний, с величайшим энтузиазмом принялись за восстановление и упрочение Советской власти и возрождение разрушенной экономики. Однако на путях этой созидательной деятельности народных масс стояли огромные трудности.

Украина, пережившая к этому времени два с четвертью года тяжелой гражданской войны, грабежи, разорения и массовый террор со стороны интервентов, гетманщины, петлюровцев, деникинцев и разных банд, испытывала особенно острую нужду в партийных, советских, хозяйственных и других опытных кадрах. Без таких кадров невозможно было быстро создать хорошо работающий партийный, государственный, хозяйственный, профсоюзный аппарат, чтобы с его помощью наладить нормальную жизнь в Республике, мобилизовать усилия народа на борьбу с интервентами и внутренней контрреволюцией, угрожавшими Украине новым нашествием из Крыма и с Запада, со стороны буржуазно-помещичьей Польши. Без создания такого аппарата невозможно было также добить остатки банд на Украине, очистить города, и особенно южные:

Одессу, Херсон, Николаев и др., где накопилось много бывших белогвардейцев и петлюровцев, спекулянтов, уголовников и других темных элементов.

Важнейшую роль в решении этих задач должна была сыграть широкая партийно-политическая и культурно-просветительная работа среди народных масс и дальнейшее укрепление военно-политического союза рабочих и трудящихся крестьян, вовлечение в строительство новой жизни трудовой интеллигенции и укрепление дружбы народов Украины с русским народом и другими народами страны.

В числе видных деятелей партии, посланных на Украину для проведения партийно-политической работы в мае 1920 г., был и Луначарский.

Публикуемый отчет Луначарского дает представление о положении дел на юге Украины, и в частности в Одессе и Николаеве, в мае 1920 г., о проделанной им работе и о его предложениях в области партийного и культурного строительства.

Весьма важно отметить тот факт, что свой отчет Луначарский направил непосредственно Ленину как Председателю Совета Обороны, которым он был командирован.

В своем отчете Луначарский обратил внимание на следующие основные вопросы.

Говоря о крестьянстве Одесской и Николаевской губерний, он подчеркивал, что по своему настроению крестьяне обеих губерний «подходят друг к другу». При этом он писал, что в той и другой губернии имеются еще банды, петлюровские настроения, глубокое нежелание добровольно сдавать разверстку. Как в той, так и в другой губернии Тютюнник и другие банды разрушили аппарат Советской власти.

Однако Луначарский не отметил, что в деревнях тех же самых губерний были и другие явления: рост политической и трудовой активности основной массы трудового крестьянства, твердо ставшего на позиции Советской власти, сплочение крестьянства вокруг местных коммунистических организаций и советского актива в целом, которые стояли во главе всеародной борьбы трудового крестьянства Украины, выступавшего в союзе с рабочим классом на борьбу с деникинцами, петлюровцами и интервентами.

Эта основная часть трудового крестьянства Украины, в том числе и двух южных губерний, включилась в активную творческую деятельность и в борьбу за окончательный разгром интервентов и всех внутренних сил контрреволюции.

При характеристике городов юга России, в частности, Николаева, Одессы, отчасти Херсона, Елисаветграда и др., Луначарский пишет в основном об отрицательных сторонах.

Заслуживает особого внимания замечание Луначарского о большой засоренности разными антисоветскими элементами Одессы, Николаева и других городов юга Украины. О процветании в этих городах (и особенно в Одессе) спекуляции, о явно антисоветских настроениях всякого рода «бывших людей», наводнивших эти города, в частности Одессу, об опасности сравнительно сильного влияния буржуазных и других несоветских элементов на некоторую неустойчивую часть коммунистов (особенно в Одессе), о пользе проведенной чистки рабочих рядов Николаева пишет Луначарский. Он внес много ценных предложений, направленных на оздоровление обстановки в Одессе и других городах, в которых он побывал.

Несомненно, такого рода содержательные доклады в ЦК РКП(б), правительству и лично Ленину имели огромное значение. Они помогали быстро и решительно устранять обнаруженные недостатки и ошибки и всемерно укреплять и улучшать деятельность партийного и советского аппарата на местах. Это вело к дальнейшему упрочению Советской власти и к ее новым успехам.

В середине июня Луначарский начал писать цикл статей для «Правды». В них он был намерен широко осветить положение в районах, из которых только что вернулся. Замысел этот не осуществился. Сохранилась машинописная копия первой статьи «По Югу», которую мы впервые публикуем.

4. Пять докладов из Ростова-на-Дону от августа 1920 г.

В августе 1920 г. военное положение Советской страны было весьма сложным. Войска Западного фронта, главного тогда фронта Республики, а вслед за ним и Юго-Западного после побед, одержанных над буржуазно-помещичьей Польшей, потерпели несколько поражений и вынуждены были с боями отходить на исходные позиции перед генеральным наступлением.

Войска Врангеля, воспользовавшись нашей борьбой на два фронта, еще в начале лета предприняли ряд операций и, вырвавшись из Крыма, заняли некоторые районы Украины, прилегающие к Крыму.

Теперь же, в августе 1920 г., в связи с неудачами советских войск Западного и Юго-Западного фронтов в борьбе с белополяками врангелевцы не только усиливают свой нажим, стремясь к тому, чтобы захватить весь юг Украины, в частности Донбасс, примыкающий к Донской области, недавно только освобожденной от денкинцев, но и посылают агентуру на Дон и Кубань для организации белогвардейско-казацких мятежей против Советской власти.

В целях подталкивания к таким мятежам и собирания мятежных сил врангелевцы в это время высаживают на Дону белогвардейский десант полковника Назарова. В это же самое время в советском тылу усилили свою деятельность эсеры, меньшевики, разного рода буржуазные националисты и другие враги Советской власти. Все это и создало чрезвычайно напряженное положение.

Для ЦК РКП(б), Советского правительства и Главного командования Красной Армии было ясно, что врангелевцы при помощи Антанты вновь стремятся разжечь гражданскую войну на Украине, Дону и Северном Кавказе. Но в то же время ясно было и то, что народные массы хотят скорейшего окончания войны. Даже казачество Дона и Северного Кавказа теперь твердо стало на позиции Советской власти. Все это неизбежно должно было привести к полному поражению врангелевцев.

Однако, чтобы закрепить достигнутые успехи Советской власти на Дону и Северном Кавказе, требовалось провести огромную политико-просветительную и организационную работу среди широких народных масс, воссоздать партийный и государственный аппарат, способный чутко относиться к нуждам и запросам широких народных масс, и вести решительную борьбу за укрепление революционной законности и советского права. И вновь Луначарский едет во фронтовые районы. 11 августа 1920 г. на заседании Малого Совнаркома слушается вопрос: «О предоставлении тов. Луначарскому автомобиля в отъезд». Постановили: «Предложить Реввоенсовету Республики в срочном порядке снабдить тов. Луначарского лучшим автомобилем, системы Паккарда или другой, не менее сильной и пригодной для дальних расстояний, со всеми запасными частями и 2 шоферами.

Погрузить этот автомобиль в поезд тов. Луначарского, отправляющийся на Кавказ для агитации среди войск» (прот. № 531, оп. 10).

Протокол заседания подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14980, лл. 1, 3, 3 об.).

Через несколько дней, 14 августа 1920 г., Луначарскому был вручен мандат за подписью Ленина (см. настоящ. том, стр. 214—215).

Ленина глубоко интересовали письма-отчеты Луначарского о работе в войсках и среди населения, а также его живые рассказы обо всем, что он видел и делал. В «Речи на Втором Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г.» Ленин сказал: «Мы получаем сообщения от товарищей, которые приезжают из дальних мест, о том, что делается на окраинах. Я видел товарищей, приехавших из Сибири, тт. Луначарского и Рыкова, приехавших из Украины и Северного Кавказа. Про богатства этого края они говорят с неслыханным удивлением. На Украине кормят пшеницей свиней, на Северном Кавказе, продавая молоко, бабы молоком всполаскивают посуду. (...) Дело стоит от недостатка нашей организованности и дисциплины. Гибнут люди здесь, тогда как на Украине, на Северном Кавказе и в Сибири мы имеем неслыханные богатства, которые могут накормить голодных рабочих и восстановить промышленность» (Ленин, т. 41, стр. 146—147).

В статье «Страстный агитатор» («Комсомольская правда», 28 декабря 1933 г.) Крупская писала: «Помню годы гражданской войны... Вспоминается, как в разгар ее ездил Анатолий Васильевич на Южный фронт и, приехав, рассказывал Владимиру Ильичу о своих впечатлениях».

ОБЩИЙ ДОКЛАД О ПОЕЗДКЕ НА ФРОНТ

28 октября — 14 ноября 1919 г.

Подробный доклад о постановке политической работы в 12-й армии, бывшей главным объектом моей работы, будет доставлен помощником моим тов. Лещенко на днях, так как в настоящее время приводятся в порядок документы и приложения, которые должны этот доклад сопровождать.

Настоящий же доклад имеет своей целью общую обрисовку положения тех военных частей, которые удалось посетить, и населения тех местностей, в которых они расположены.

Посетив штаб Южфронта, я условился с тов. Сталиным на этот раз поехать в 12-ю армию, так как как раз 12-й армии предписано было через несколько дней начать наступление на Чернигов, ввиду чего мы и считали наиболее важным поднять елико возможно агитацию в частях, предназначенных к активному наступлению.

В месте расположения главного штаба, в г. Серпухове, мною устроен был большой митинг, на котором присутствовало не менее полутора тысяч красноармейцев.

Из впечатлений этого митинга отмечу большой успех, с которым приняты были чрезвычайно отвечающие моменту стихотворения мобилизованного пролетарского поэта Садофьева. Этого талантливого человека необходимо использовать возможно шире именно как участника митингов и празднеств, как поэта-агитатора.

Здесь же я нашел несколько товарищей, мобилизованных из Петрограда. Среди них тов. Лисовский, бывший комиссар печати Северной области. С его слов и со слов других товарищей я должен обратить внимание на одну безусловную ненормальность в использовании мобилизованных коммунистических сил.

Зачастую вновь присылаемые товарищи обладают большим авторитетом и большим опытом, чем те, порою первые попавшиеся лица, которым, за неимением лучших, отданы были политотделы, дивизии и бригады.

Местные работники чувствуют в наплыве коммунистов из Центра известную опасность и конкуренцию и встречают их до крайности недружелюбно. Порою на этой почве можно наблюдать вещи горькие и смешные. Чуть не первоклассные работники заняты какой-нибудь ничтожной канцелярской работой или просто шатаются из угла в угол голодные и холодные, не имея никакого определенного занятия.

В то же время, с другой стороны, они наблюдают крайне бюрократическое, вялое отношение к своей работе прежде работавших лиц и ничего не могут против них поделать. Тов. Лисовский, высокоответственный коммунистический работник, говорил мне, что он не может добиться никакого толку и после обращения к заведующей Политуправлением армии тов. Землячке, которая встретила крайне недоброжелательно и сухо все его жалобы.

С другой стороны, не могу не отметить, что есть и обратное явление, т. е. что вновь приезжающие коммунисты, мало знакомые с делом в силу своих постов или своей репутации в тылу, намереваются тотчас же играть своего рода оберинспекторов и сверхконтролеров по фронту, для чего они на самом деле не имеют достаточно опыта.

Очевидно, надо найти какую-то среднюю линию. Работников, приезжающих на фронт, необходимо рассортировывать гораздо более тщательно, чем это до сих пор делается. Я знаю, например, что такой выдающийся

и талантливый человек, как член Коллегии Наркомпроса тов. Шапиро, вместо усиленной работы, которую он вел, не будучи мобилизованным, вынужден был в Рязани ограничиваться двумя лекциями в день в какой-то небольшой военной школе. Это, конечно, не означает <пропуск в тексте> труд коммунистов, в виду военного положения, а просто растративать даром коммунистические силы.

Меньше всего <можно> ждать улучшения положения в этом смысле от Политуправления Южфронта. Прибавлю не только мое мнение, а и мнение целого ряда политических работников и членов Реввоенсоветов армий, что вообще Политуправление фронта — звено совершенно излишнее. В сущности, это небольшая канцелярия, руководимая, правда, очень энергичным и способным человеком, тов. Потемкиным, который решительно не может обрести себе настоящего места. Давать общие директивы? Но их должно давать Политуправление Республики, а от местной работы фронтового управления, конечно, оторвано, ибо каждая армия имеет более или менее точно установленный аппарат.

Я думаю, что было бы весьма целесообразным сокращение всякого рода волокиты, если бы фронтовые политуправления были устранены вовсе и Управление армии сносилось бы непосредственно с Центральным Управлением. Управлениям же армии надобно, по-моему, в отношении распределения сил дать весьма обстоятельную инструкцию с указанием тщательно разбираться в прошлой деятельности и вообще характеристике поступающих коммунистов; и лучше уж отправлять их прямо в ряды Красной Армии в качестве политкрасноармейцев, чем оставлять их на задворках с неопределенными занятиями или приспособлять к канцелярской работе.

Выехав вместе с товарищами Сталиным и Егоровым, я мимоходом посетил штаб 13-й армии, находящейся в Паточной, но здесь я провел только несколько часов и получил любезное приглашение от Реввоенсовета непременно приехать в 13-ю армию.

В 12-й армии я остался довольно долго и обследовал ее довольно обстоятельно.

12-я армия производит весьма благоприятное впечатление, хотя, конечно, в отдельных случаях встречаются значительные недостатки, являющиеся не виною ответственных лиц, а их бедою.

Начну именно с этих недостатков. Самый главный из них — ужасное санитарное положение некоторых военных частей. В этом отношении особенно тяжелое положение дивизии, расположенной в Фастове и окрестностях Киева. Более половины красноармейцев этой дивизии выбыло вследствие эпидемии возвратного тифа с огромною смертностью. Количество врачей там крайне недостаточно, но 12-я армия вообще располагает ничтожным количеством врачей. Медикаменты есть, но совершенно нет белья, мыла. Красноармейцы страшным образом обовшивели, а отсюда, конечно, и не прекращается эпидемия.

Равным образом, как в смысле санитарном, так и смысле обмундирования в чрезвычайно тяжелом положении находятся части 12-й армии, расположенные в области Житомира. Положение других частей 12-й армии (действовавших против Чернигова, находящихся в ближайшем тылу) несколько лучше. В последнее время замечается улучшение в обмундировании, которое вызвало вместе с победами под Петроградом и на Южном фронте значительную перемену в настроении войска.

Несмотря на то, что продовольствие войска оставляет желать много лучшего и что те ужасающие условия, о которых я говорил по отношению к войскам Киевского и Житомирского округов, в ослабленной мере имеют место и для остальных частей, тем не менее письма красноармейцев, которые проходят через цензуру и являются абсолютно не фальсифици-

рованным отражением настроения армии, показывают огромный подъем. Красноармейцы с удовольствием пишут о том, что получили новое обмундирование, часто даже преувеличивают те пайки, которые они получают, из желания прихвастнуть или успокоить своих близких. Во всех письмах силовь с одушевлением говорят о начавшихся победах над Деникиным и обещают возвратиться победителями. Между тем, по заявлению тов. заведующего цензурой красноармейских писем, еще две недели тому назад от них можно было придти в отчаяние, такими черными красками рисовали они казарменную жизнь и так от них веяло унынием. Всякое улучшение в обмундировании, в обстановке казарм, всякий лишний клуб, всякое свидетельство заботы о красноармейцах находят с их стороны необычайно благодарный прием.

В отношении политической работы, как видно будет из обстоятельного доклада, положение 12-й армии вполне удовлетворительно. Политуправление располагает в настоящее время почти достаточными силами, для того чтобы обслужить в агитационном отношении все части армии.

Дело: общего политического влияния на армию здесь продвинулось дальше, чем в других армиях, на мой взгляд (чем в 14-й, безусловно), антисемитизм испаряется, симпатия к коммунистам растет.

Партийная неделя дала замечательные результаты (до 5 тысяч новых членов красноармейцев). Общее руководство Политуправлением находится в руках тов. Валентинова. Я отдаю должное большой энергии и организаторскому дару этого товарища, но не могу не упомянуть, что в деле дисциплинирования коммунистов, деле, конечно, необходимом, тов. Валентинов проявляет порою чрезмерную суровость, что вызывает буквально сотни жалоб. Думается, что тех же результатов можно достигнуть с меньшей нервностью в отношении к подчиненным.

Несколько хуже обстоит дело культурно-просветительное. Оно немного запущено в 12-й армии. Тем не менее есть интересные работники и в этой области. В ближайшем будущем я думаю опубликовать особый этюд в «Известиях» или «Правде» об очень интересных явлениях в области красноармейского театра, где своеобразный подход и значительный успех обрела тов. Деева, руководящая этой секцией.

Наиболее благоприятное впечатление оставляют военные школы. Во время пребывания моего в г. Клинцах я подробно ознакомился с большой тамошней школой красных курсантов и там же расположенной школой политической пропаганды для кавалеристов. Эту последнюю школу затевают переделать также в школу красных командиров. Кажется, этот вопрос уже решен, хотя по этому поводу я застал большие разногласия. Эта кавалерийская школа, недавно начавшаяся, произвела на меня также благоприятное впечатление дисциплиной, выправкой, усердием, с каким курсанты относятся к своим занятиям. Но особенно блестящее впечатление произвели на меня командные курсы в г. Клинцах. Столь хорошо поставленные курсы я видел до сих пор только разве в Костроме (из провинциальных). Школа живет самой интенсивной жизнью, сознательной; молодевавшая выправка, замечательная дисциплинированность и какой-то веселый подъем и искреннее дружелюбие по отношению к представителям Советской власти вместе с рациональной, интенсивной одновременно и военно-технической, и политической работой производят очаровательное впечатление. Парады как в г. Клинцах, так и в Новозыбкове показали, что и внешность частей доведена до высокого уровня.

Не могу не отметить несколько лиц из второстепенного персонала, которые произвели на меня впечатление превосходных работников, заслуживающих всяческого поощрения. К таким относятся комендант го-

рода Клиницы тов. Беккер (пока не коммунист, но преданнейший Советской власти человек), который прямо поражает как своей кипучей энергией, так и умением избегать острых углов и активно налаживать совместную работу между армией, гражданскими властями и населением.

Чрезвычайно благоприятное впечатление производит также начальник гарнизона этой армии, в настоящее время коммунист, человек серьезный, скромный и в высшей степени дельный. Молодой комиссар упомянутых мною курсов тов. Рафаил, недавний коммунист, талантливый журналист и недурной оратор, тоже заслуживает быть отмеченным, хотя недавно его постигла большая неприятность, вследствие неосторожно напечатанной в газете, которую он редактировал, слишком запальчивой статьи о тыле.

Отмечу также замечательные организационные способности заведующего Политотделом кавалерийской дивизии, расположенной в Новгород-Северске, тов. Эдельмана.

В Новозыбкове не хвалятся изумительной в своем роде службой бывшего унтер-офицера, а ныне заведующего управлением по формированию войск тов. Звездова.

Позднее я был и в противоположном конце расположения 12-й армии, именно в Гомеле и в Новой Мельце. Там я также застал образцовый порядок и интенсивную работу по подъему политического и служебного уровня войск и по формированию.

Город Гомель представляет собой настоящую клоаку всякого рода спекуляции и контрабанды. Но вместе с тем нигде не замечал я такой дружной плодотворной работы между коммунистами, руководящими гражданской жизнью, и военными.

Отдел народного образования под руководством тов. Брехничева, можно сказать, преобразил город. Несмотря на близость фронта, ему удалось развить интенсивнейшую культурную деятельность среди детей, подростков и рабочих, причем армия оказалась в состоянии не проглядывать все учебные заведения и всю местную культурную жизнь, как она это делает в других местах, а согласовать свою работу с работой отдела. Особенной похвалы рядом с целой массой интересных черт в работе Брехничева заслуживает агитпункт на огромном гомельском вокзале. Как известно, в Гомеле имеются чрезвычайно обширные железнодорожные мастерские и важный узел. Зал третьего класса вокзала превосходно расписан революционными фресками. В нем раздается даром и довольно регулярно значительное количество местных и московских газет, по вечерам устраиваются кинематографические сеансы и концерты. Публика относится ко всему этому с огромным вниманием.

Местный военный совет Гомельского укрепленного района ведет дело умело и тактично. Фактической главой его является старый коммунист тов. Серафимов. Между прочим во время моего пребывания там получилось какое-то неопределенное указание о переводе в распоряжение Политуправления Республики тов. Серафимова. Вероятно, дело идет о нем. Сам тов. Серафимов просил меня взять его из Гомеля (хотя в интересах Гомеля об этом нельзя не пожалеть) и рекомендовать его, как это уже должен был сделать тов. Механошин, в качестве дипломата для Ближнего Востока. Тов. Серафимов прекрасно говорит по-гречески и по-турецки. Конечно, положиться на него и в смысле его сознательности, и в смысле находчивости можно вполне.

В 12-й армии был я во время побед, и это, конечно, сказалось на настроении, но в общем, повторяю, я вынес самое светлое впечатление от успешности той работы, которая в этой армии производится.

Я приписываю это прежде всего прекрасному подбору Реввоенсовета этой армии. За время моего пребывания в 12-й армии я научился глубоко

ценить и уважать как превосходнейших организаторов, людей исключительной мужественности, с широким горизонтом, с умением заслужить симпатии красноармейцев всех трех членов этого Реввоенсовета, тт. В. П. Затонского, С. И. Аралова и, быть может, в особенности и в первую голову <Н. И.> Муралова.

Впечатление очень обстоятельного, очень умного и увлеченного своим делом человека произвел на меня также и командир т. Межанинов.

Что касается населения, то, несмотря на сильный голод в местах расположения 12-й армии, несмотря на то, что дает себя чувствовать топливный кризис (непростительный и искусственный, так как дров кругом сколько угодно), все же под влиянием побед, а отчасти, быть может, и того вполне приличного отношения, которое, в конце концов, достигнуто между военными частями и населением, последнее настроено дружелюбно.

Многочисленные выступления мои перед рабочими разных фабрик, железнодорожниками, учащими и учащимися встречались с энтузиазмом и свидетельствовали о несомненной симпатии населения к Советской власти <...>

Белые, уходя из Чернигова, подвергли его систематическому разграблению, и хотелось бы подчеркнуть контраст между ними и поведением наших войск. Этого благодаря факту пьянства не удалось сделать. Тов. Муралов хотел строго подтянуть ответственных лиц за такую распущенность.

В то время, как 12-я армия крепнет, в рядах ее противников замечается разложение. Заметно разрыхленные становятся деникинцы, и начинают интенсивно разлагаться поляки. В особом порядке мне поручено наладить с Комиссариатом торговли и промышленности вполне возможное дело закупки через гомельских контрабандистов из рук непосредственно польских легионеров не только провианта, но даже оружия.

Положение 12-й армии на границе фронта Южного и Западного часто приводит к неприятным результатам. Это относится в особенности к военным комиссарам расположенных там уездов. Так, военный комиссар т. Клинцов заявил мне, что одновременно подчинен 12-й армии, черниговскому губернскому военному комиссару, гомельскому губвоенкому и штабу Западного фронта, в результате чего он совершенно потерял голову от необъятного количества отчетов, которых от него требуют, и часто от совершенно противоположных приказов, которые он получает большей частью скрепленными разными угрозами.

С этим делом надо во что бы то ни стало покончить.

Крайне необходимо, чтобы Гомельская губерния приобрела, наконец, отчетливые формы и чтобы все относящиеся к ней уезды подчинялись единственно и исключительно гомельским губернским властям, а в экстренно военном отношении штабу 12-й армии и только.

Вот то общее впечатление и замечания, которыми могу поделиться в результате этой моей поездки. Прибавлю, что огромное количество выступлений большей частью в нетопленных помещениях и часто на площадях, которые мне пришлось там сделать, в конце концов сказались болезнью, так что кончил я свою поездку при сильно повышенной температуре и почти совершенно потеряв голос. Только это обстоятельство заставило меня согласиться с увещаниями т. Муралова, решительно воспротивившегося моей поездке в таком состоянии в Чернигов, куда, как известно, железнодорожного сообщения нет.

В настоящее время я обратился в Оргбюро Центрального Комитета и обращаюсь равным образом к Вам с просьбой предоставить мне не-

сколько недель для работы в Наркомпросе. Всякого рода недоразумений и неисполненной работы накопилось там очень много. Дальнейшая моя отлучка от этой работы грозит привести к весьма существенному ущербу, между тем достигнутые Красной Армией на всех фронтах результаты делают активную агитацию менее необходимой.

Уполномоченный Политуправления Реввоенсовета Республики
Нарком <А. Луначарский>

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, ф. 142, книга поступлений, 5168.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ

<Харьков, 6 мая 1920 г.>

Дорогой Владимир Ильич,

Я в Харькове. Первые мои впечатления довольно благоприятны. У меня был небольшой красноармейский митинг и большой митинг военных коммунистов. Настроение бодрое и приподнятое, встреча в высшей степени радушная.

Тем не менее здесь далеко не благополучно. Пока каких-нибудь своих впечатлений я Вам, конечно, передавать не буду, тем более, что сегодня вечером я буду разговаривать с Раковским, временно отсутствующим. Но так как сегодня едет один из наших работников Наркомпроса, то я считаю нужным передать Вам по крайней мере некоторые данные, почерпанные мною из вполне верного источника и на которые, конечно, по нашему военному времени надлежит обратить внимание.

Был у меня мой старый приятель по Парижу Ждан-Пушкин, доверенное лицо Раковского, в настоящее время управляющий делами Украинского Совнаркома и секретарь Наркоминдела.

Этот человек честнейший и очень умный, по убеждениям своим он анархосиндикалист. Обо всем, что он говорил мне, он говорил, по его словам, и тов. Рыкову, который с ним во всем согласен. Он утверждает также, что на его точке зрения стоят также товарищи Саммер, руководящий здесь кооперативами, и сам т. Раковский.

Суть его доклада сводилась, во-первых, к поразительной нечестности, проявляющейся здесь советскими коммерсантами от разных главков. Он прямо и определенно утверждает, что эти люди, подсовывая иногда самому Раковскому всякие бумажки и вообще добиваясь успеха правдами и неправдами, вывозят из Украины всякие товары в сторону польского фронта с явным намерением передать их по мере продвижения поляков.

Несмотря на все доклады ВСНХ, несмотря на меры, порою через ЧК, которые здесь проявлялись против особо явных происков, несмотря на то, что вовремя приостановлены были Ждан-Пушкиным уже по недосмотру прошедшие глупые и явно мошеннические соглашения с какими-то исключительными авантюристами, все же совершенно неумоготу бороться с людьми, приезжающими с мандатами, порою подписанными непосредственно Милютиным, имеющими право закупать здесь всякие товары и потом направлять их в неведомое.

А такие случаи, например: проглядели совсем вывоз с Украины 18 тысяч пудов немойтой шерсти, которую погрузили на какой-то маленькой станции в 30 верстах от Харькова и которая потом ушла совершенно неизвестно куда.

Но это еще полбеда, тем более что Рыков обещал обратить на это самое строгое внимание.

Гораздо хуже обстоит дело с здешним Компродом. Ждан-Пушкин прямо заявляет, что тов. Владимиров (кстати сказать, мой старый приятель) совершенно никуда не годится как Наркомпрод. Тов. Ждан-Пушкин характеризует его как человека неумелого, до крайности берегающего свою самостоятельность и заносчивого. Вокруг него собралась всем заведомо известная шайка спекулянтов. В Наркомпроде прямо кишмя кишат темные дельцы из бывших интендантств и поставщиков на армию. Компрод превратился, по словам Пушкина, в поверхностное интендантство, которое, снимая пенки, кое-как прокармливает армию. Никаких мер к маломальскому улучшению продовольствия населения нет. В то же время разверстка и взимание, не дающие почти никаких реальных результатов, производятся в высшей степени туго и жестко, чем вызывается крайнее раздражение.

Сам Ждан-Пушкин — сторонник самой строгой монополии и самой строгой разверстки, но он говорит, что все это производится так, словно кто-то хочет создать злостную карикатуру на советскую продовольственную политику и дискредитировать ее в глазах населения.

Страшно жалуется он на политику Владимирова по отношению к кооперативам. По его словам, он совершенно загонял наши кооперативы, руководимые Саммером, так что Саммеру работать абсолютно неумоготу.

Между тем такое крайне недоверчивое, ведомственное и нетоварищеское отношение к кооперативам советского типа привело к большому расцвету украинских самостийно мещанских кооперативов, вроде Днепро-союз, Централ и т. п. К чужой кооперации из ведомственных соображений Владимиров относится гораздо лучше, чем к своей.

Партком Харьковской губ. единогласно вынес постановление о том, что политика Владимирова не соответствует ни нормам советской политики вообще, ни директивам партийной работы, но на это не обратили никакого внимания.

Ждан-Пушкин верой и правдой служит Советской власти, но он прямо говорит, если в Компроде не будет человек, несравненно более осмотрительный, знающий местные условия, коллегиально относящийся к другим ведомствам и к Совнаркому, то мы можем довести левобережную Украину до того, до чего довели правобережную, т. е. до поголовной ненависти к Советской власти.

О Компроде, о разных пройдошествах отдельных его агентов, о вымогательствах, об исчезновении бесследном получаемых из РСФСР товаров говорит не только весь Харьков, а вообще вся Украина.

Я знаю, дорогой Владимир Ильич, что мы сами в РСФСР не так уже далеко от всего этого ушли и что у нас до сих пор еще порядочно неразберихи и порядочно мошенников, но тем не менее картина, раскрытая передо мною Ждан-Пушкиным, побудила меня к одному — сообщить Вам все это.

Очень может быть, у Вас есть другие сведения, может быть, даже после моего сегодняшнего разговора с Раковским я увижу, что Ждан-Пушкин смотрит на все это через черные очки, но, думается мне, что лишняя информация делу никак не помешает.

Сегодня я вступаю в Харькове 3 раза, между прочим и перед интеллигенцией, а куда дальше еду, пока не знаю.

Здесьшний Реввоенсовет требует поездки на юг, в расположение 13—14-й армий, заступающих полякам дорогу к Одессе, и в армию, наступающую на Крым, между тем как из Центра мне дана директива ехать на Гомель—Смоленск.

Пока все еще не выяснено. Они переговариваются между собой, а мне, в конце концов, все равно, мне хочется только работать там, где нужнее, и первые мои опыты здесь, в Харькове, снова показали мне, что работа эта не будет лишней и такое освещение текущего момента, несомненно, встречает очень горячий отклик со стороны публики.

Думается мне, что и харьковская интеллигенция, до сих пор довольно равнодушная к нам, если даже не враждебная, сдвинется с этой точки зрения.

Сейчас не хочу Вас занимать разными вопросами о нашем и Украинском наркомпросах, скажу только, что тов. боротьбист Гринько — человек, напичканный по существу мелкобуржуазностью, обвиняет нас, Наркомпрос РСФСР, в заигрывании с мелкой буржуазией и даже в пленении ею нас. И в соответствии с этим для доказательства своей, чисто пролетарской политики делает здесь нелепые вещи, отталкивающие от нас интеллигенцию, и не имеет, по-видимому, ни малейшего представления об огромной важности закрепить ее за собою.

Как Вам понравится, например, такой изящный прием. Несколько десятков харьковских профессоров в денкикинское время написали дурацкий, подлый адрес в Западную Европу, где раскрывали глаза ей на нас. Теперь Гринько со всеми бичами и скорпионами требует, чтобы эти же самые профессора подписали противоположный адрес. Вы понимаете, что из этого получится? — Либо они подпишут, а какой-нибудь Савинков будет кричать на всю Европу, что мы к этому их принудили, либо не подпишут и разыграют из себя мучеников, в то же время отталкивая от нас всю мелкую интеллигенцию, которая, по словам Потемкина, и целого ряда других коммунистов, явно потянулась к нам, боится поляков и склонна помочь нам.

Впрочем, эта политика проявляется не только в таком факте, а во всем умонаклоне Гринько, все программы которого сводятся к размахиванию кулаками по адресу педагогов и интеллигенции вообще и к пустяшным фразам о замене всей школы профессионально-техническим образованием, причем, конечно, упускается из вида, что у нас нет ни соответственного учительского персонала, ни соответственного оборудования. Все это преподносится под довольно густым, но не особенно благоуханным соусом, критикой недостаточности нашей работы в России.

Извиняюсь за довольно длинное письмо, оправданием которому служит то, что Вас никогда не бесполезно информировать, все оставляет в Вас живой след и почти все всегда имеет те или <иные> благотворные результаты.

Крепко жму Вашу руку.

А. Луначарский

6/V—20 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30916.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА

V—1920

КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НИКОЛАЕВСКОЙ И ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИЙ

В отношении крестьянского населения обеих губерний они по настроению своему подходят друг к другу. Как в той, так и в другой имеются банды, имеется петлюровская закваска, глубокое нежелание добровольно

КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НИКОЛАЕВСКОЙ И
ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИЙ

В отношении крестьянского населения обеих губерний они по настроению своему подходят друг к другу. Как в той, так и в другой имеются банды, имеется петлюровская закуска, глубокое нежелание добровольно совершить разверстку, как в той, так и в другой гулял Тютюнник и другие банды, разрушая фактический аппарат советской власти и нанося глубокий вред престижу Советской Власти.

Есть сходство и в отношении городского населения, хотя есть и разница.

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
НИКОЛАЕВСКОЙ И ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИЙ

Сверху надпись Ленина

Май 1920 г.

Начало первой страницы

совершить разверстку, как в той, так и в другой гулял Тютюнник и другие банды, разрушая фактический аппарат Советской власти и нанося глубокий вред престижу Советской власти.

Есть сходство и в отношении городского населения, хотя есть и разница.

<...> Николаевский обыватель — обыватель, как всюду. Херсон, как город не рабочий, носит совсем яркий мелкобуржуазный оттенок, несомненно, в нем ютится немало всякой белогвардейщины.

Этими отрицательными своими сторонами крупные города (не исключая Елисаветграда, где мне тоже довелось присмотреться к делу) подходят к тому законченному типу антисоветского города, который мы и видим в самой Одессе. Одесса наиболее ярко выраженный город спекулянтов, какой я видывал на всем пространстве Российской и Украинской республик.

Преждевременная радость, нахлынувшая было на всю эту буржуазию, так же скоро и схлынула, так как в момент, когда я пишу эти строки, Крым и Польша не пользуются больше особым престижем.

Маленькая характерная особенность: после занятия Одессы нашими войсками и аннулирования так называемых «колокольчиков», т. е. тысячных кредитных билетов Деникина, эти тысячные билеты продавались за 30 советских рублей. При первых известиях о давлении поляков на Водопьянку дела круто изменились, и тысячный колокольчик продавался за 1500 сов. р. Сегодня, в день моего приезда, курс опять резко изменился, и тысячный билет стоит 550 сов. р. Вы видите, какая здесь политическая биржа и какими бешеными зигзагами отмечает она успех и неуспех Советской власти.

Впрочем, я мало знаю здешнюю буржуазию. Это, в сущности говоря, бары, сутенеры, саботажные совбуры, проститутки, вообще какой-то черный хлам, весьма показательным образом разодетый, ровно без всякого

дела фланирующий и даже во мне, человеке, как известно, весьма мягком, возбуждающий неудержимое желание прибегнуть к самым крутым мерам.

Одесса, конечно, цвет российского хищнического мещанства. Соответственно с этим и меньшевики здесь самые наглые и самые оппортунистические, отбивающиеся от рук Мартова и открыто заявляющие, что скорей пойдут на раскол с ним, чем на действительный союз с Советской властью.

Повторяю, что и такие города, как Херсон, Николаев, Елисаветград, не так уж сильно отличаются от Одессы и тем не менее политические результаты, достигнутые в Николаеве и Одесской губ., совершенно различные.

Отмечу в этой конфиденциальной записке, что если меньшевизм во всех этих местах крайне правый, то и коммунизм во всех этих местах наиболее подмоченный. Количество людей, связанных кровно с буржуазией, огромно. Достаточно сказать, что в Николаеве из 560 дел, имеющих в ЧК, 250 касаются служебных преступлений местных коммунистов. В Одессе они, конечно, опять-таки градусом хуже. Эти местные коммунисты всюду находятся в оппозиции к северянам, держащим руль. Но в Николаеве северяне держат его весьма прочно.

Я вывел самое благоприятное для т. Залуцкого впечатление из всего, что видел в Николаеве. Продовольственная политика поставлена так, что из Николаевской губ. выкачано до 4 миллионов пудов, причем разверстка продолжается и сейчас. В Одессе при почти таких же хлебных ресурсах собрали только 160 тыс. пудов.

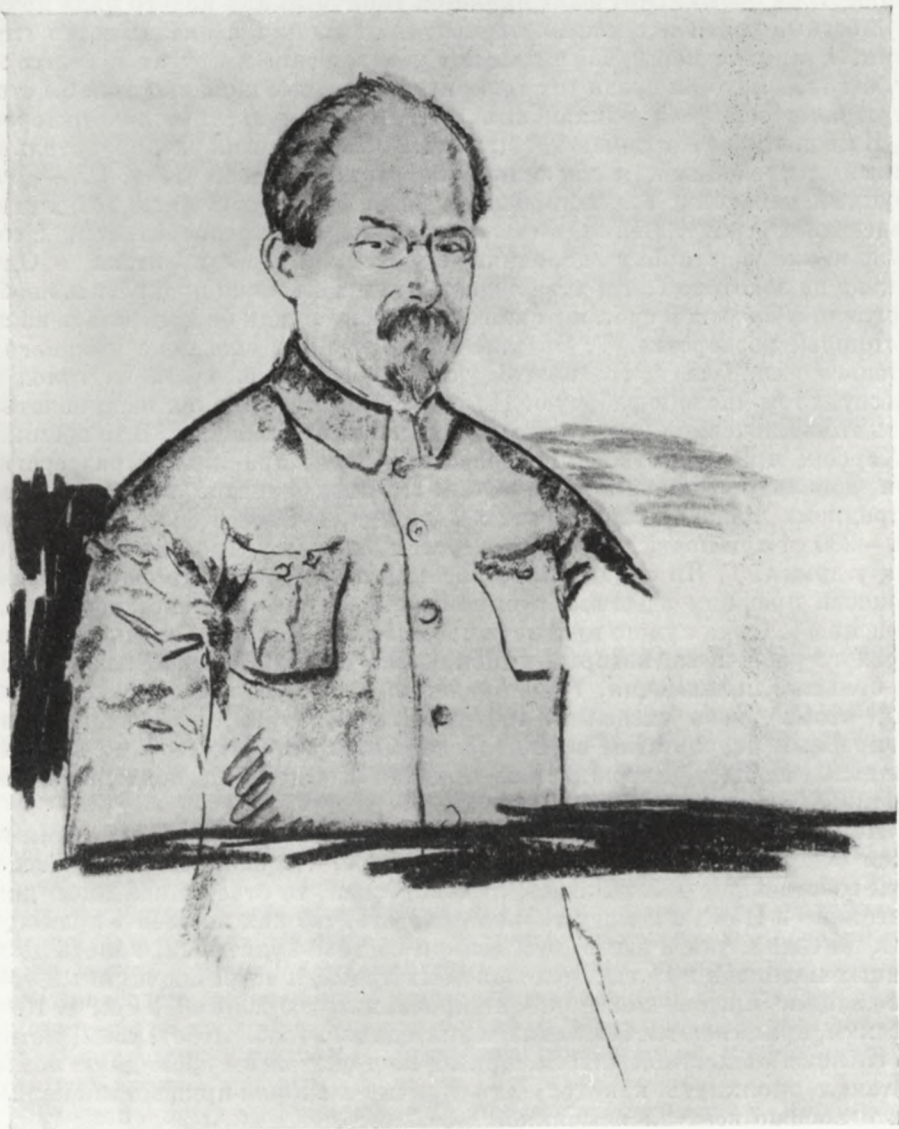
В Николаеве была сделана попытка, пользуясь моим присутствием и моей репутацией «мягкого» коммуниста, поднять кое-какой бунт против северян. Но надо было видеть, с каким блеском и как уничтожающе тт. Залуцкий, Крыжановский (предкомпарт) и Буров (Губчека) отразили все эти нападения. Причиной этому большая энергия самого председателя Ревкома и неразрывная тесная связь всех трех главнейших органов: Ревкома, Компарта и ЧК.

В отношении к пролетариату ведется серьезная политика. Завод Наваль был остановлен, вычищен. Оказалось, что нужно было прочистить его только слегка, достаточно было удаления только 80 человек, чтобы завод был шелковый, за что рабочие только благодарили. Настроение переменялось настолько, что на митинге резолюция с заявлением, что коммунистическая партия является единственной подлинной руководительницей рабочего класса, была принята заводом единогласно при отсутствии воздержавшихся, в то время как, по словам местных работников, на собрании присутствовало не менее половины меньшевиков или сочувствующих меньшевикам.

Равным образом и в Херсоне недавно туда назначенный т. Доброхотов, держась в полном контакте с т. Залуцким, проводит и там такую же политику, которая, наверное, будет иметь такой же успех.

Одесские мои впечатления не таковы. С первых же бесед я убедился, что между т. Реденсом, стоящим во главе ЧК и ведущим энергично то, что называется северной политикой, несомненным героем очистки Одессы от бандитов, и Исполкомом, а в особенности Парткомом, имеются глубокие разногласия.

Т. Реденс прямо утверждает, что Исполком и Партком находятся в значительной степени под влиянием и в руках местных коммунистов, в свою очередь, миллионами уз связанных с одесской буржуазией. Действительно, странно видеть такие факты, как ходатайство высокопоставленных местных партийных работников за европейски известного атамана эксплуататоров Менделя Кота с ссылкой на то, что вышеозначенный бандит

ЛУНАЧАРСКИЙ

Рисунок с натуры Ф. А. Малявина, 1920 г.

оказал им покровительство в то время, как они скрывались во время пришествия белых. Этот факт является типичным для целого ряда других.

Местные связи с худшими элементами мещанства оказываются глубокими, и крутые меры ЧК вызывают раздражение в кругах местных коммунистов, а потом и среди тех товарищей, которые должны были бы стоять на страже общереспубликанских и чисто коммунистических интересов.

Я нисколько не отрицаю того, что т. Кин — человек распорядительный, умный и преданный, я нисколько не отрицаю того, что т. Ян — очень крупный работник, ведущий далеко не без ума свою мягкую политику. Надеюсь, что ни т. Ленин, ни т. Раковский не заподозрят меня в переломе палки в сторону политики суровой. Мягкая политика в Одессе никуда не годится. Т. Ян утверждает, что невозможно прекратить свободу торговли в Одесской губ., которая фактически никак не дает встать на ноги настоящей разверстки. Т. Ян указывает, что нет еще никакого советского аппарата и что поэтому пришлось бы посадить на голод всю Одессу, в том числе и рабочую. Но ведь с какого-то конца надо начать лечить это положение. Хлеба мало, дороговизна чудовищная. В то время, как в Херсоне при существовании более или менее правильной разверстки и при довольно большом количестве хлебных запасов в распоряжении Упродкома цена на хлеб стоит 600 р. пуд, в Одессе фунт продается за 180—200 р. при почти полном отсутствии запасов у Продкома и очень слабых у армии. Т. Ян справедливо указывает на то, что это означает неспособность прежних здешних губкомиссаров, включительно, вероятно, до нынешнего. Сюда нужно прислать чрезвычайно умелого, очень серьезного, сурового работника, который импонировал бы всей местной власти и имел бы большие полномочия. Надо также во что бы то ни стало настоять на том, чтобы здесь создалось то единство политики, которое привело к прекрасным результатам в Николаеве. Лично я считал бы до крайности важным, чтобы т. Дзержинский приехал в Одессу и поддержал своим огромным авторитетом здешнюю ЧК.

Пока я ограничусь только общими замечаниями. В случае, если придется отметить что-нибудь более интересное, — сделаю это. Что касается моей собственной работы здесь, в Новороссии, то отчет о ней мною дается постоянно в ПУР, и я могу только отметить, что как по всей Украине, где бы я ни ездил, так и здесь, при всяком составе аудитории, вплоть до громадных митингов в 15 тыс. человек обывателей, я встречаю шумный успех. Резолюции, предлагаемые командированным со мною ПУРом т. Котляревским, принимаются без исключения единогласно. По отзывам, которые мы слышим от местной власти, проезд наш оказал им громадную помощь, заставил смолкнуть как тех, кто кричит о скором пришествии поляков, так и вообще всех злоязычников.

С этой точки зрения, могу сказать, что поездка эта, хотя и оторвавшая меня от моего непосредственного дела, является удачной и нужной. Надеюсь, что и дальнейшее мое пребывание в Одессе и поездка по фронту, которой я намерен закончить мою командировку, будет иметь тот же успех.

Как в Николаеве, так и в Одессе я слышал мелкие жалобы на Харьковский центр. Даже в Николаеве, где имеются провода, наблюдается большая оторванность от Центра, полное отсутствие каких бы то ни было инструкций. Что же касается денег, то здесь приходилось печатать собственные деньги, так как не было ни одной копейки из Центра. Доходило до таких курьезов, что известие о применении смертной казни в пределах Украины прочитано было в Одессе Губкомпартом в случайно попавшемся запоздалом номере харьковской газеты, что только из передовицы такой же запоздавшей газеты одесская организация узнала, что она постановлением ЦК объявлена мобилизованной. Такие вещи совершенно недопустимы.

Если т. Радевич не имеет сейчас других первоклассной важности государственных задач, то пусть Ц.К. подумает о таком назначении. Он с умел бы прибрать Одессу к рукам и превратить ее в великий советский порт. Надобно только, чтобы она стала им возможно скорей.

Кралко жму Вашу руку, дорогой Владимир Ильич, Дня через два выезжаю в Ольвиополь, в штаб 14 армии. Может быть посетю еще армейские части, но в общем поездку кончаю и скоро буду в Москве. Очень рад, что могу послать Вам этот отчет с курьером.

Иван Луначарский

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
НИКОЛАЕВСКОЙ И ОДЕССКОЙ ГУБЕРНИЙ

Май 1920 г.

Конец последней страницы

Ясно, что первое, за что (нужно) взяться в Харькове, — это за прочную связь с Центром.

При всем моем громадном уважении к ЦК партии в Харькове и к Украинскому Совнаркому я должен сказать, что они в значительной степени варятся в своем собственном соку и что то, от чего мы страдали, может быть, и теперь страдаем в России — оторванность провинциальных центров от главного, — здесь тысячекратно выпуклее.

Повторяю, главнейшая задача, до выполнения которой решительно нельзя говорить ни о какой украинской политике, — это налаживание самых регулярных сношений. Никакие препятствия железнодорожных, почтово-телеграфных свойств не должны считаться непреодолимыми. Всегда можно устроить такую систему сношения, пользующуюся и военными проводами, и постоянной посылкой агентов, и т. п., которая дала бы возможность на худший конец по крайней мере раз в неделю давать подробную политическую сводку и подробную инструкцию по крайней мере всем губернским центрам, а этого, безусловно, нет.

Этот мой доклад был уже окончен, когда я встретился с т. Дербашевым, бывшим петроградским рабочим. Приехал он сюда на излечение, но взял на себя руководство Черноводтрамом. Так как все заставляет думать, что этим летом мы освободимся от наших противников на Черном море, то мне кажется необходимым оказать Черноводтраму уже сейчас известную поддержку, иначе учреждение это находится в совершенном забросе и может оказаться ни в какой мере не готовым к возобновлению торговых сношений через Одессу.

Сообщу то, что говорил мне т. Дербашев об общем впечатлении в Одессе. Его характеристика совершенно совпадает с тою, которую я дал Вам в этом докладе, но в дополнение он очень жалуется на все без исключения одесские власти, как бездействующие или действующие в беспорядке. Он признает, что т. Кин, с которым я не познакомился, так как он уехал в Харьков, представляет собою человека прочного и распорядительного, но более пригодного, по словам Дербашева, к роли коменданта или председателя ЧК, чем к роли председателя Исполкома, так как у него совер-

шенно отсутствует всякая гибкость психики, всякая широта горизонта и малейшее представление об экономической политике.

Т. Дербашев считает абсолютно необходимым установление в Одессе, по крайней мере для г. Одессы, Ревкома и с большой страстью выдвигал в председатели Ревкома т. Рашевича. На мой взгляд, Одесса представляет собой, с одной стороны, богатейший источник всех возможностей, даже в смысле огромных материальных богатств, которые здесь в разных углах скрываются, а с другой стороны, безусловно опасный для нас пункт. <...> И никакие внешние овации, которые мне здесь устраивают, меня в этом отношении не обманывают. Нужны очень и очень сильные руки.

Если т. Рашевич не имеет сейчас других первоклассной важности государственных задач, то пусть ЦК подумает о таком назначении. Он сумел бы прибрать Одессу к рукам и превратить ее в великий советский порт. Надобно только, чтобы она стала им возможно скорей.

Крепко жму Вашу руку, дорогой Владимир Ильич. Дня через два выезжаю в Ольвиополь, в штаб 14-й армии. Может быть, посетю еще армейские части, но в общем поездку кончаю и скоро буду в Москве. Очень рад, что могу послать Вам этот отчет с курьером.

Ваш Луначарский

На первой странице «Отчета» рукой Ленина написано:

«В архив»

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14179.

ДОКЛАД

Ростов-на-Дону, 18 августа <19>20 г.

Выехали из Москвы 14 августа в 5 1/2 час. вместе с поездом, направлявшимся в Одессу с частью делегатов 2-го съезда III Интернационала.

По приезде в Курск были встречены на вокзале т. Юреневым, представителем Советской власти, и некоторыми рабочими. Большинство рабочих оставалось по указанию т. Юренева на срочной работе, несмотря на то, что это было воскресенье. На крыльце вокзала устроен был митинг, во время которого я переводил с французского, итальянского и немецкого речи Рефевти, Бордина и Бартеля.

Встреча устроена также была в Белгороде, где на вокзал вышла большая толпа народа. Произнесены были речи.

В Харькове прибыли в 4 часа дня <августа> и были встречены всеми украинскими властями с тт. Раковским и Мануильским во главе, а также командующим фронтом т. Егоровым и т. д.

Первый митинг в Харькове состоялся тут же, при вокзале, при огромном стечении народа, в особенности детей. Здесь тт. Пиотровский и Волин обратились к делегации с приветом. Затем немедленно на автомобилях направились на ипподром, где собралось не менее 25 тысяч народа. Митинг шел на 5 трибунах. Я выступал на первой из них, где перевел большие речи т. Бомбачи и т. Мюнценберга, а затем сам произнес речь о текущем моменте.

Из Харькова выехал с поездом на Ростов в 11 часов вечера. Утром следующего дня имел приятную возможность весьма обстоятельно поговорить с т. Назаретяном, представителем Союза молодежи Армении и Грузии, давшим мне много интересных сведений о положении на Кавказе, а также с т. Султаном Заде, который в часовой беседе довольно подробно посвятил меня в детали персидского вопроса.

В Ростове прибыл к ночи и работать начал утром.

С утра 17-го имел беседу с представителем Политотдела фронта т. Балашевым, а затем с председателем Реввоенсовета т. Белобородовым. Выяснилось, что вследствие десанта на берегу Азовского моря найдено было необходимым телеграфно посоветовать т. Калинину выехать к станции Тихорецкая и перенести свою агитационную работу на станицы центра Кубани, в направлении реки Кубань и линии Тихорецкая — Екатеринодар. Лично мне т. Белобородов посоветовал поехать непосредственно в Екатеринодар или, может быть, в Новороссийск, смотря по состоянию Побережья. В том и другом случае начать объезд станиц по Кубани и вдоль ж<елезной> д<ороги>, направляясь от Новороссийска или Екатеринодара к Тихорецкой, навстречу т. Калинину. Впрочем, т. Белобородов сказал мне, что полный маршрут он может выяснить только к концу моего пребывания в Ростове, где решено было остаться три дня.

Затем я присутствовал на первом заседании пленума Областного донского исполкома, где заслушал доклад т. Митрофанова, заместителя председателя Исполкома (председатель Знаменский отбыл в Москву), об общем положении Донского края и доклад заведующего Отделом управления т. Конеткевича, касающийся главным образом состояния милиции во всей области.

Доклады имели успокоительный характер. Попытка Врангеля под новыми демократическими лозунгами казацкой самостоятельности проникнуть на Дон с отрядом Назарова не увенчались никаким успехом. В бою при станции Константиновка Назаров был разбит сравнительно очень слабыми нашими силами, состоявшими главным образом из наспех вооружившихся коммунистов, милиции и т. п. элементов. Такой успех объясняется исключительно глубоким равнодушием, даже некоторой враждебностью, с которой врангелевские авантюристы были встречены местным казачеством. Вообще отношение населения на Дону, если нельзя назвать прямо сочувственным, то во всяком случае можно квалифицировать как спорное и лояльное.

Единственная опасность, могущая грозить Дону, — это вытекание махновщины из Донского бассейна (опасность, конечно, весьма относительная) и восстание на Кубани, которое не могло бы не отразиться плачевно и на положении вообще в Донской области.

Вечером, в 7 часов, после объезда городов Ростова и Нахичевани, произведших приятное впечатление чистотою улиц, исправностью трамвая и т. п., имело место партийное собрание. В Ростове и Нахичевани членов партии много, и товарищи коммунисты переполнили буквально весь театр. По желанию Укомпарта я посвятил этот вечер подробнейшему отчету о 2-м конгрессе III Интернационала, разумеется, дав попутно и обзорные политического состояния всех стран Европы, отчасти и Азии. Доклад имел очень большой успех.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ

<Ростов-на-Дону, 20 августа 1920 г.>

На второй день пребывания в Ростове, 18 августа, с утра я имел совещание с Ревсоветом Кавфронта в лице гг. Белобородова и Трифонова. Товарищи эти объявили мне, что ввиду продвижения серьезного десанта Врангеля в направлении железной дороги они находят: 1) поездку на Кубань небезопасной в смысле гарантированности возвращения, 2) пола-

гают, что в настоящее время с агитацией мы опоздали и что за нее следовало бы приняться с месяц тому назад. Сейчас, по мнению Ревсовета, разговор может вестись только на языке оружия, наконец, 3) выделение, требуемое условиями времени, серьезной охраны как для меня, так и для т. Калинина, также и бронепоезда, является с точки зрения стратегической в высшей степени целесообразным. Польза агитации при таких условиях ни в каком случае не окупила бы хлопот о нашей безопасности, в силу чего Ревсовет дал телеграмму и т. Калинину возвратиться. Насколько я знаю, т. Калинин проехал в Екатеринодар, вероятно, не получив еще телеграмму, но Ревсовет настаивает на немедленном возвращении его на Дон.

Ввиду такого заявления Ревсовета мною послана была на имя т. Троцкого телефонограмма по прямому проводу, в которой я сообщал взгляд Ревсовета и запрашивал его директив в смысле возвращения в Москву или агитационного объезда Донской области. Последнее оказалось целесообразным из следующих соображений.

Если, по мнению Ревсовета, мы опоздали с агитацией на Кубани, то можем опоздать также с агитацией на Дону. Правда, Дон гораздо прочнее перешел на советскую платформу. Авантюра отряда Назарова показала известную лояльность населения, но при условии брожения на Кубани при маловероятных, но все же возможных успехах Врангеля и кубанских самостийников возможны, конечно, и серьезные отклики этого неблагоприятного хода вещей на Дону, каковые отклики могут быть в значительной степени парализованы агитацией.

Эту точку зрения т. Белобородов вполне разделил. В настоящее время уже выяснилось, что и Центр примкнул к этому мнению и, таким образом, вместо поездки по Кубани я имею перед собой задачу объехать, вероятно, одновременно с имеющим вернуться т. Калининным наиболее нуждающиеся в агитационном просвещении города, станицы и хутора Донской области.

В 5 час. в тот же день собрался большой митинг на Софийской площади, на который собралось не менее 10 тыс. человек, где мною произнесена была обстоятельная политическая речь, вызвавшая со стороны граждан Ростова и Нахичевани весьма дружелюбную овацию, продолжавшуюся и вдоль улиц при возвращении моем домой. В 7 час. я выступил на объединенном собрании Совета профессиональных союзов и комячейки Красной Армии с обширным докладом о текущем моменте. В конце этого доклада я упомянул также Фридриха Энгельса, 25 лет со дня смерти которого как раз выпадает на 18 августа. Ввиду этого Совет в торжественном заседании своим постановил переименовать главную улицу Ростова — Большую Садовую — в улицу Фридриха Энгельса. Кроме того, было принято решение опубликовать и распространить бесплатно стенограмму моего доклада.

Еще в Харькове я, к сожалению, протудил горло, и так как не считал возможным остановить хотя бы на один день агитационную работу, то ухудшил свое состояние настолько, что 19 числа, выступив с большим докладом о культурных задачах Советской власти перед членами профсоюза работников школы и социалистической культуры и работников искусства, вынужден был после первой части доклада прервать его вследствие полной невозможности продолжать говорить громко. Сказавшиеся к этому времени другие симптомы довольно (пропуск в тексте) на 20 число прервать работу. К тому же это время пришлось ждать ответа из Центра, о котором я упомянул выше.

Того же 19 числа в пленуме Донисполкома мною заслушан был обстоятельный доклад Доннаробраза, сопровождавшийся конфликтом между заведующим и его коллегией, что потребовало от нас, к сожалению, более 4 часов времени и в конце концов привело к более или менее удовлетворительному решению.

19 числа мною был устроен также небольшой прием, ушедший главным образом на дела Донисполкома. День 20 августа, в который мне невольно приходится отдыхать, я также решил посвятить приему просителей, которых, как всюду, нашлось в Ростове колоссальное количество.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ

⟨Ростов-на-Дону, 24 августа 1920 г.⟩

К сожалению, моя болезнь оказалась более серьезной, чем я предполагал, и весь день 21 августа мне пришлось провести в постели. Не без риска в смысле здоровья и не желая дольше терять драгоценное время, в 10 час. утра 22, я по совету Донисполкома выехал на автомобиле в Таганрог. В Таганрог я прибыл около часу и прежде всего прямо с автомобиля принял парад прекрасно поставленной кавалерийской, пулеметной и артиллерийской школ местного Упраформа. Затем я имел продолжительную беседу с председателем Исполкома т. Шаблевским и посетил, внимательно осмотрев ее, кавалерийскую школу при Первой Конармии.

Некоторые обстоятельства в отношениях Таганрогского исполкома, с одной стороны, начальника таганрогского гарнизона, с другой, кажутся мне ненормальными, но об этом мною сделан будет особый доклад непосредственно председателю Реввоенсовета Республики. В общем мои первые впечатления от двухдневного пребывания в Таганроге крайне благоприятны. Нельзя не согласиться, что товарищи, работающие в Таганроге, держатся дружной группой и вносят много усердия и здравого смысла в исполнение своих служебных обязанностей.

Всюду, где военные обстоятельства позволяют это, заметно нарастание нового. Настроение населения превосходное, и главным образом это умелое ведение администрации уезда обеспечило наш скорый успех во время высадки назаровского отряда около станицы Ново-Николаевской.

Вечером 22 августа я имел три больших выступления, именно: перед ранеными и больными красноармейцами всех весьма многочисленных в Таганроге госпиталей. Присутствовало более тысячи человек больных и некоторое количество посторонней публики. Затем в Большом саду Таганрога созван был митинг всех граждан, на который сошлась полурбочая, полунинтеллигентская публика в количестве более 4 тыс. человек. Прием, оказанный мне после моей большой политической речи, был из самых радужных. Вообще все слои населения Таганрога настроены в высшей степени дружелюбно к Советской власти и искренне радуются ее победам. Наконец, последнее, вечером в 8 часов я сделал очень большой политический доклад, длившийся почти 2 часа, перед общим собранием Таганрогского Совета, представителей профсоюзов, Красной Армии и т. п.

На следующий день, 23 августа, мною сделан был объезд некоторых учреждений возле Таганрога. Я видел прекрасно поставленный детский приют, в котором, однако, зияющим противоречием со всем веселым и умелым строем жизни явилось полное отсутствие мануфактуры для одежды детям, остающимся действительно полуголыми. Затем мною посещено было образцовое советское имение с большим виноградником, садоводством и баштаном, поставленное т. Дорошенко с большой любовью и тщательностью и могущее действительно явиться образцовым. Еще более отрадное впечатление оставляет громадное опытное поле и огород в 30 тыс. дес., который целиком обработан всеми школьниками Таганрога, в числе 4 тыс. человек, работавших здесь посменно под руководством агрономов.

Эта обработанная детьми земля оказалась давшей наибольший урожай и наилучше обработанной во всей округе Таганрога. Овощи с богатого огорода пойдут на детское питание.

Я смог посетить также две мастерские показательных пособий, которые представляют собой редкое для России учреждение и которые необходимо связать с Центром для рассмотрения их в высшей степени полезной при нашем школьном оскудении деятельности.

Таким образом, повторяю, я убеждался на каждом шагу в чрезвычайно ценном состоянии советского хозяйства в Таганроге и только не мог не поразиться тому огромному и совершенно не оправдываемому обстоятельствами стеснению, которое для этой деятельности ставится военным ведомством, с эдакой необыкновенной роскошью, или я бы сказал, с жадностью захватывающим все здания города произвольно, о чем, впрочем, речь будет особо.

В 4 часа я выступил перед большим собранием членов профсоюза работников школы и соцкультуры, на котором было до 600 педагогов, где я разъяснил основные части нашей школьной реформы.

Назад в Ростов я прибыл поздно ночью на моторной лодке.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ

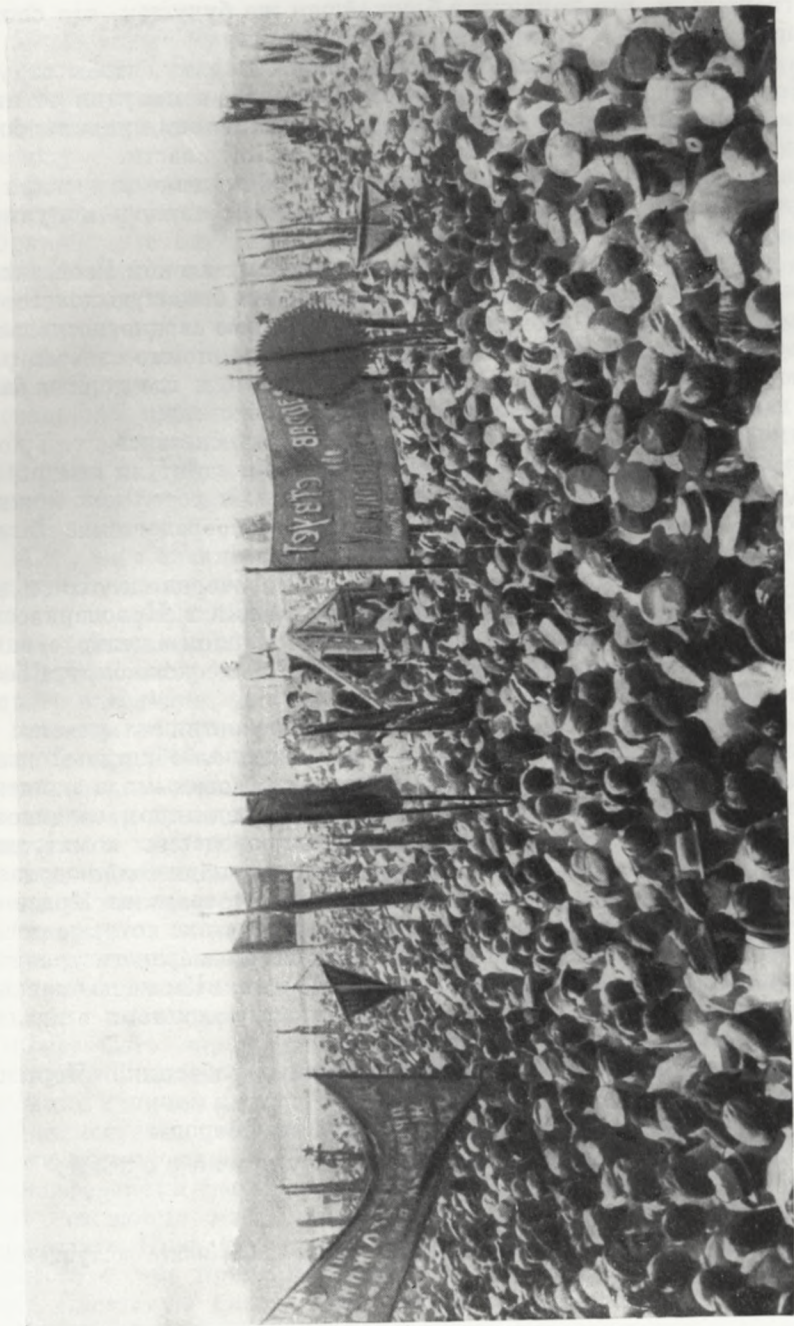
⟨Новочеркасск. 28 августа 1920 г.⟩

26 числа я оказался по состоянию моего здоровья не в состоянии сделать публичного выступления ввиду некоторого ухудшения и использовал этот день для посещения тюрьмы в целях исполнения поручения т. Калинина о пересмотре 14 дел смертников. Дела эти все мною пересмотрены при участии представителя Донисполкома т. Раевского, вместе с которым, как председателем разгрузочной комиссии, я несколько расширил свою работу, распорядившись отпустить 42 железнодорожных рабочих, сидевших за кратковременную стачку. В подробности этих юридических дел я здесь не вхожу. Вечером 26 числа я принимал участие в заседании Исполкома, посвященном чрезвычайно важному вопросу о слиянии Донисполкома с Ростовским горисполкомом.

Все перипетии некоторой партийной и советской борьбы между областным партийным и советским центром и соответствующим центром города приняли в Ростове довольно острый характер. Я, однако, не считаю нужным вносить сведения об этих явлениях и обзор моей деятельности в этом направлении в данный отчет, так как имею в виду подать в ЦК РКП особый доклад о состоянии Донского областного управления.

27 числа днем я устроил последний прием, посвященный главным образом выяснению дел народного образования, стараясь в то же самое время пресечь очень большую волну лиц, потянувшихся ко мне с просьбами о всякого рода помиловании, узнав о моей работе в тюрьме.

Вечером у меня было большое выступление в клубе железнодорожников, где собралось до 3 тысяч рабочих. Предупрежденный о том, что дисциплина в мастерских стоит невысокая, и зная, что как т. Марков, начальник Кавказской ж. д., так и комиссар мастерских не особенно доволен моим актом по отношению к 42 «смутьянам», я построил свою речь таким образом, что она заключала в себе не только доклад по текущему моменту, но и весьма серьезное напоминание о долге, лежащем на транспортных рабочих, и была построена, по мнению самого до тех пор восстававшего против моего метода действия комиссара мастерских, настолько «педагогически», что некоторые рабочие были растроганы, подходили ко мне

ДУНАЧАРСКИЙ ВЫСТУПАЕТ С РЕЧЬЮ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

Фотография

1920 г.

целыми группами, благодаря меня за освобождение арестованных товарищей, и утверждали, что покажут в ближайшем же будущем, что слова мои не прошли даром.

В то же самое время т. Раевский, поехавший в тюрьму, чтобы отлучить 42 рабочих, обратился к ним с такою же речью и получил от них единогласное заявление, что они докажут своим поведением правильность их освобождения и готовность их служить Советской власти.

Я глубоко убежден, что в этой политической обстановке и в связи с этой агитационной работой освобождение этих рабочих явилось популярным и правильным актом.

27 числа я сумел увидаться с приехавшим из Баку членом Реввоенсовета т. Орджоникидзе. Тов. Орджоникидзе подтвердил большую целесообразность моей поездки на Кубань, но считал, что с нею можно несколько и задержаться, и усиленно приглашал меня в Баку, где, по его словам, рабочие, узнавши о моем приезде в Ростов, меня ждали и где должен был иметь место важный коммунистический паназиатский съезд.

Ввиду такого мнения т. Орджоникидзе я просил его снестись с т. Троцким еще раз и настоять на ответе относительно того, стоит ли мне оставаться на Дону. Чувствуя себя уже выздоровевшим, я хотел как можно скорее обратить свои силы на работу, которая непосредственно была указана мне ЦК.

28 числа утром я выехал на автомобиле в Новочеркасск, согласно указанию Областного парткома. Главной целью поездки в Новочеркасск, кроме общеагитационной работы в этом недавно черном центре реакции, было также выступление на первой для Черкасского округа беспартийной конференции <...>

В самом Новочеркасске немедленно по приезде я принял участие в беглом заседании Исполкома и Парткома, а затем сделал обширный доклад о текущем моменте, главным образом в связи с военными и политическими происками Врангеля на Дону и в Кубани пред лицом соединенного заседания Совета профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Доклад имел очень большой успех. В 5 час. на площади наблюдалась весьма красивая и стройная картина: около 4 тыс. человек из Красной Армии и из разных трудовых ячеек (при 250 коммунистах, которые остались здесь от 450 после основательно проведенной перерегистрации) собрались на площади перед отправлением на субботник. Им мною сказана была речь, после чего они разошлись стройными колоннами в назначенные для них места работы.

Вечером устроено было совещание ответственных работников Черкасского округа.

Уполномоченный Совета Труда и Оборона
Нарком по просвещению <А. Луначарский>

28.VIII.20 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ

<Ростов-на-Дону, 30 августа 1920 г.>

29 числа утром устроен был перед окнами здания Партийного комитета большой детский митинг, на который собралось не менее 2 тыс. детей. Первую речь произнес, между прочим, 12-летний мальчик Савосин, который необыкновенно удачно и картинно справился со своей задачей. Мальчик безусловно в высшей степени выдающийся не только как оратор,

но и как организатор, ибо на нем лежит работа среди подростков и детей.

Мною также была произнесена речь детям, которые потом разошлись по различным садам и театрам города. Дети производили чрезвычайно благоприятное впечатление своей веселостью и сытостью и даже довольно удовлетворительной одеждой, хотя на последнюю жалуются и здесь, как и всюду.

Между прочим в Новочеркасске оказываются и ученицы бывш. Смольного института, в свое время выселенного из Петрограда. Родители их в большинстве случаев пропали без вести, и они продолжают свое воспитание под исключительным надзором руководительниц-коммунисток.

Непосредственно после детского митинга я отправился на большую площадь на парад местных курсантов школ и гарнизона в числе 5 тысяч человек, а затем имел место большой митинг перед зданием Парткома, куда собрались все войска гарнизона и сошлось большое количество посторонней публики. Общее число было не менее 7 тысяч.

Мною сказана была речь о роли, которая выпала на долю гарнизона в Донском и Кубанском крае. Речь была принята с большим воодушевлением. Вообще войска производят впечатление стойких, особенно курсанты.

В 3½ часа началось заседание беспартийной конференции Черкасского округа, заседание крайне интересное, так как это пока первая попытка в Донском крае после его освобождения собрать непосредственных представителей станиц и хуторов. Съехалась самая настоящая казачья публика. Черкасский уезд наиболее казачьей. Население — казаки, и казацкого населения, не считая г. Новочеркасска, не более 25%.

Главным пунктом первого заседания был мой доклад по текущему моменту, который я превратил в большую агитационную речь, направленную к разъяснению безусловной политической и экономической заинтересованности крестьян и трудовых казаков в победе Советской власти, на сущность и характер хлебной разверстки и громадной выгоды для крестьян поместить избыток своего хлеба именно в пропитание Красной Армии и начинающего выздоравливать промышленного города.

Говорить я старался не только в тонах торжественных и горячих, но также и в тонах юмористических, когда, обрисовав расчеты контрреволюционных сил или хозяйственных казаков, мне доставляло большое удовольствие констатировать, что все это вполне достигало до этой сырой и, может быть, внутренне не лишенной некоторой враждебности к нам аудитории. Речь выслушивалась с напряженным вниманием даже самыми старыми, типично кулацкого типа казаками. Она была покрыта шумными аплодисментами, что, как мне объяснили, имело исключение, ибо старые казаки обыкновенно не аплодируют, и, по мнению всех руководителей, эта конференция послужила очень хорошим введением в дальнейшую работу. Резолюция, мною предложенная и выражающая полную готовность поддержать Красную Армию в окончательном уничтожении Врангеля, а вместе с тем приглашающая все население поддержать излишками хлеба Советскую власть, была принята единогласно.

Кроме того, я присутствовал в этот день на детском спектакле и на концерте, который был дан в честь беспартийной конференции.

30 числа утром я выехал назад в Ростов.

Уполномоченный Совтруда и Обороны
Нарком по просвещению <А. Луначарский>

30.VIII.20 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

〈СТАТЬЯ ДЛЯ РОСТА〉 ПО ЮГУ

Агитационная поездка по Украине, сделанная мною по воле Центрального Комитета Российской Коммунистической партии в качестве официального представителя Политуправления Реввоенсовета Республики, дала мне такой богатый материал, что я с удовольствием соглашаюсь на предложение «Правды» более широко, чем обычно, поделиться моими впечатлениями с читателями.

Первым местом моей работы был, конечно, Харьков, откуда первоначально предполагалось двинуться на Киев и Западный фронт. Но здесь <...> мы пришли к выводу, что наиболее нуждается в известном агитационном укреплении настроения именно украинский тыл, а в самом внимательном посещении — Первая Конармия, тучей двигавшаяся в то время на запад навстречу полякам.

В самом Харькове я задержался довольно долго, так как работы оказалось много.

Что бросается в глаза в Харькове, — это отсутствие пока того завоевания города рабочим, которое более или менее ясно выражено во всех сколько-нибудь рабочих центрах нашего севера, в особенности в Петрограде.

Город как бы не чувствует пока переворота, поставившего пролетариат во главе государственной общественной жизни. Пролетариат не сделал еще попыток в то время, как я в первый раз был в Харькове, наложить реально свою руку на буржуазные центры, на обывательский быт. Он продолжал оставаться у себя, в своих предместьях, порядочно голодал, несмотря на плодородие окрестных уездов, порядочно раздетый и разутый и порядочно-таки недовольный, что давало значительную почву к развитию меньшевизма.

Украинский меньшевизм выражен еще ярче, чем меньшевизм российский. Это в буквальном смысле слова плесень, которая растет в рабочих кварталах тем гуще, чем больше усталости и недовольства в бытовом отношении нарастает. Правда, на Украине к этому прибавляется еще тот факт, что коммунистам во время Деникина пришлось держаться в подполье, а меньшевики выполняли роль крайне левой легальной партии и пустили поэтому кое-какие корешки в пролетарскую почву. Однако корни эти неглубоки. В этом я мог воочию убедиться в самом Харькове.

Митинги, которые специально были устроены в рабочих кварталах, так сказать зараженных болезнью меньшевизма, проходили с величайшим подъемом, резолюции принимались единогласно.

Забегая вперед, скажу, что то же явление сказалось и значительно южнее. Так, в Николаеве собран был в цирке рабочий митинг, перед которым местные работники предупредили меня, что около половины слушателей представляют собою меньшевиков или рабочих, находящихся под влиянием меньшевизма, что в зале присутствуют и некоторые так называемые мелкие лидеры николаевского меньшевизма. Ввиду этого я, оставив главнейший и общий строй моего доклада о текущем моменте неприкосновенным, уделил все же весьма много внимания всем европейским и русским разновидностям меньшевизма и наголову громил эту партию организованного малодушия и половинчатости.

Конечно, меньшевистская половина, которая даже села отдельно от рабочих большевистского устремления, ежилась и воздерживалась от аплодисментов в таких местах, в то время как половина большевистская их-то и подчеркивала особо бурным выражением удовольствия. Но к концу моей речи настроение довольно ясно переменялось, все чаще и чаще аплодисменты захватывали весь зал. И когда сопровождавшим меня пред-

ЛЕНИН ОБХОДИТ ФРОНТ ВОЙСК ВСЕВУЧА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

25 мая 1919 г.

— Фотография Н. Смирнова

ставителем ПУРа т. Котляревским предложена была резолюция, в которую мы нарочно вставили приветствие Коммунистической партии как единственной руководительнице рабочего класса и 3-му Интернационалу как штабу мировой революции, то зал единогласно вотировал эту резолюцию, причем не оказалось не только ни одного голоса против, но и ни одного воздержавшегося, <так> что даже мелкие меньшевистские лидеры посчитали для себя абсолютно невозможным разрушать то приподнятое настроение, которое создалось у всей массы слушателей.

В Одессе я, даже не умываясь, сразу с поезда должен был ехать на губернский съезд профессиональных союзов, так как мне сказали, что около четверти делегатов принадлежат прямо меньшевикам, несколько более четверти — беспартийным, остальные — коммунистам. Правда, беспартийные еще и до моего приезда в значительном большинстве шли в ногу с коммунистами, тем не менее положение казалось местным работникам несколько шатким, или, вернее, им хотелось добиться возможно большего разгрома еще цепко державшихся в профессиональных союзах меньшевиков, в Одессе представляющих собою махровое цветение самого правого меньшевизма.

На первой скамье на съезде я отметил многих старых знакомых, в том числе Астрова, некоторых вождей прежнего правого эсерства и т. д.

И здесь так же точно, согласуясь со специальными требованиями обстоятельств, я направил свою речь прямо на голову меньшевизма и

правого эсерства. И трудно описать то восхищение, с которым отнеслись представители профессиональных союзов к самым громящим словам, которые я обрушивал на головы заграничных и наших шейдеманов, на оборончество и полуоборончество, на нынешнюю игру между правыми и левыми, на нынешнюю работу микробов, разлагающих мужество и терпение рабочего накануне его победы, на работу, являющуюся как нельзя более ценной для Антанты, несущую гибель всем надеждам пролетариата.

По окончании моей речи произошла такая бурная овация, что вся первая скамья, не исключая Астрова, сочла себя нужной встать с места, хотя, конечно, эти господа засунули руки в карманы для того, чтобы не поддаваться искушению аплодировать. Что касается остального зала, то я, правда, не знаю, где сидели эти 25% меньшевиков.

Мне говорили позднее, что съезд этот прошел как по маслу и в значительной мере ознаменовал собою дальнейший шаг к победе коммунизма в одесской рабочей среде.

Тут же отмечу, однако, что некоторые обстоятельства, сама жизнь в Одессе, в тысячу раз усугубляющие те черты, которые я отметил для Харькова, являются или, вернее, являлись огромным препятствием к установлению вполне здоровых отношений между Советской властью и пролетарской массой.

Возвратимся к Харькову.

Меньшевизм не является, конечно, единственным врагом в Харькове или даже хотя бы главным. Пожалуй, самым сильным препятствием к водворению советского порядка в Харькове является бандитизм, от которого город страдал первые месяцы после оккупации. Только самыми свирепыми мерами коменданту т. Стрижаку удалось сломить бандитизм. Приходилось расстреливать пойманных бандитов на месте, на улицах. Сейчас остатки их ютятся по темным закоулкам и решаются только на отдельные ночные кражи и грабежи, причем надо отдать справедливость комендатуре Харькова: ни в одном городе не видел я такого количества чрезвычайно внимательных патрулей, которые держат под своей охраной ночью столицу Советской Украины.

Здесь надо отметить и полуденикинское настроение обывателей, таким по крайней мере оно было недавно. Обыватель, как известно, в высокой степени чуток к изменению бытовых условий, и, конечно, тот факт, что цена на хлеб значительно поднялась в Харькове после входа в него советских войск, отразился чудовищно на настроении обывателя, факт этот сам по себе, конечно, в высокой степени серьезный и загадочный. Свобода торговли тут, конечно, не при чем. В Одессе во время моего приезда царила полная свобода торговли, и фунт хлеба стоил 250 рублей, в Николаеве не было свободы торговли, а продовольственный режим, налаженный на петроградский лад, введенный туда т. Залупком, сделал стоимость хлеба там в 70 р. за фунт. Но самый факт, что не только обыватели, но и рабочие начинают голодать сейчас же после торжества Советской власти в том или другом городе, заставляет думать, что тут есть какая-то основная причина, которая, вероятно, может быть устранена.

Впрочем, харьковское бесхлебье объясняется не только весьма и весьма малоэнергично проводимой разверсткой среди крестьянства, но также слишком малой пропускной способностью местной мельницы, очень плохим составом путей; лишь в самое последнее время построена была подъездная ветка к другой большой мельнице, и Харьков смог перемалывать более значительное количество зерна.

Как бы то ни было, настроение интеллигенции и вообще обывателей отнюдь не восторженное. Деникинское пристрастие сказалось в особенности в деятельности университета. Профессора дружно поддержали

деникинский режим и даже обратились к учителям Запада с гнусной обвинительной запиской против большевиков. Часть профессоров пошла за Деникиным, часть осталась, и некоторые из подписавших упомянутое выше обращение были арестованы Украинской ВЧК.

Характерно, что некоторые из арестованных после краткого размышления пришли к выводу, что многое они преувеличили, а многое недооценили в своей записке и что они готовы составить опровержение против нее.

Во всяком случае эта яростная враждебность представителей науки к социалистической революции весьма характерна для всей Украины, так как она сказалась и в Одессе, откуда 70 профессоров уехали с Деникиным, вероятно, на свою беду.

Тем более удивило меня, что когда был объявлен митинг для интеллигенции, то не только харьковский театр оказался битком набит ею, не только значительная масса ее осталась за дверями театра, но самая лекция моя, переполненная горькими укорами по адресу интеллигенции и энергично подчеркивавшая те обязанности, которые ложатся на нее, и те пути, которыми она могла бы исправить свои ошибки, была принята, скажу прямо, восторженно.

Были тут всякие люди: и обыватели из советских служащих, и студенчество, и некоторые представители профессиональных союзов, которых мне называли прямо по именам. В значительной мере я объясняю такой демонстративный успех, выразившийся даже в шумных аплодисментах на улице по выходе после лекции, переломом, который наступает в настроении всей интеллигенции вообще, а еврейской в особенности, перед перспективами польского нашествия. В то время ганнибальски погромный характер, характер, по-видимому, классовой, национальной мести со стороны польской шляхты не только Советской России, но и России вообще еще не выяснился, и тем не менее мы постоянно замечали, с каким порывом городское население отвечало на призыв: все против польских панов.

В течение той недели, которую я провел в Харькове, я, как и в последующем, выступал по 3 или 4 раза в день, причем половина этих митингов посвящалась военным частям.

Действуя все время в таком темпе, я смог за 33 дня, включая сюда передвижение, выступить ровным счетом на 100 митингах, которые по подсчету имели ни в коем случае не менее 250 тысяч слушателей.

Из военных митингов, имевших место в Харькове, самым эффективным был большой парад в присутствии тт. Раковского, Петровского, Дзержинского на ипподроме. Здесь, кроме гарнизона, имелось также и очень большое скопление публики, с несомненным искренним подъемом откликнувшейся на призывы всех органов бороться с самой напряженной энергией против нового и, надо надеяться, последнего врага.

Из харьковских впечатлений отмечу еще очень удачный прием. На одной из главных площадей Харькова установлен экран, и каждый вечер отбрасываются кинематографические отрывки или отдельные диапозитивы, составляющие как бы некоторый кино-фотожурнал.

Публики собирается туда видимо-невидимо, и я очень жалел, что узнал об этом поздно и не выступил здесь ни разу перед этой разношерстной публикой. Настроение ее, однако, нам удалось выяснить, ибо помощник мой т. Котляревский, проходя по этой площади, взял на себя смелость выступить с большой политической речью, которая была покрыта громадными аплодисментами.

Вывод, с которым мы уехали из Харькова в первый раз, был таков: пока сделано очень мало для продовольствия и снабжения рабочих, кото-

рые поэтому, конечно, ворчат. Обывателя, к которому мы вовсе не требуем свирепого отношения, в его буржуазной и зажиточной части затронули слишком мало, он слишком мало чем поделился, слишком мало потеснился перед бедняком из окраины. Настроение пока двойственное и колеблющееся, но уже имеются элементы, полные готовности со всяческой симпатией откликнуться на призывы Советской власти. Польское нашествие, несомненно, способствует быстрому сдвигу таких элементов навстречу нам.

Некоторые данные о крестьянстве, которые мы собрали в Харькове, я отнесу к отдельной статье, специально посвященной украинскому крестьянству.

После горячей недели, полной непрерывных митингов и непрерывных шумных успехов, мы выехали из Харькова в Кременчуг для встречи Первой Конной армии и для точнейшего определения своего маршрута вместе с штабом 14-й армии, которая в то время там находилась и которую мы главным образом должны были обслужить.

16/VI — 20 г.

Публикуется впервые по машинописной копии. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ДОКЛАДЫ ИЗ РЯЗАНИ, ТАМБОВА И САРАТОВА

Публикация В. Д. Зельдовича

26 января 1921 г. Луначарский выехал в Рязань, а затем в Тамбов и Саратов, чтобы принять участие в развернувшейся «профсоюзной дискуссии», а также ознакомиться с положением на местах. Как и в прежних своих поездках (например, в Кострому и Ярославль), Луначарский принимал решения и информировал Центр не только по делам, связанным с профсоюзной дискуссией, народным образованием, но и по многим вопросам советской и партийной работы.

Уже на IX съезде РКП(б), состоявшемся 29 марта — 5 апреля 1920 г., при оценке роли профсоюзов выявились серьезные разногласия. Антипартийную позицию заняла группа Сапронова (Сапронов, Осинский, В. Смирнов и др.). Назвав себя «децистами» (демократическими централистами), члены группы выступили против единичности на производстве, против твердой партийной и государственной дисциплины. Важное место в работе съезда занял также вопрос о приспособлении профсоюзов к решению хозяйственных задач. Анархо-синдикалистская группа (Шляпников, Лозовский, Томский, Лутовинов) отстаивала «независимость» профсоюзов от партии и противопоставляла их партии и Советской власти.

Несмотря на решения съезда, в ноябре 1920 г. группа Шляпникова встала на путь фракционной борьбы, назвав себя «рабочей оппозицией». Оппозиция предлагала передать управление всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей», объединенных в профсоюзы, считая высшей формой организации рабочего класса не партию, а профсоюзы.

В ноябре же началась дискуссия о профсоюзах, навязанная партией Троцким. Троцкий выступил 3 ноября на заседании фракции РКП(б) V Всероссийской профсоюзной конференции с антидемократическим призывом «завинтить гайки военного коммунизма» в профсоюзах.

В это же время возникла и так называемая «буферная группа» во главе с Бухариным. В нее входили Ларин, Преображенский, Серебряков, Сокольников, Яковлева и др. «Буферная группа» пыталась примирить ленинизм с троцкизмом. В январе 1921 г. троцкистская и бухаринская группы объединились.

Помимо этого, существовал еще ряд мелких групп: Игнатова, Рязанова и др.

Конец дискуссии был положен решениями X съезда РКП(б). 14 марта съезд принял платформу десяти, которую возглавлял Ленин (см. об этом в кн.: «Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет». М., Госполитиздат, 1963, стр. 663—674, 852—853). Профсоюзной дискуссии и характеристике отдельных ее этапов Ленин посвятил несколько работ («Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина» и др.). Брошюра «Еще раз о профсоюзах...» была написана Лениным в Горках, где он находился на отдыхе, в течение нескольких дней — 21—25 января 1921 г. 25 января брошюра была сдана в набор, и на следующий день вечером руководящие работники партии, выезжавшие на места для участия в дискуссии о роли и задачах профсоюзов, получили часть тиража брошюры. Среди них был и Луначарский.

Как свидетельствует отчет Луначарского из Рязани, его задачи были быстро выполнены, поскольку подавляющее большинство коммунистов города присоединилось к платформе десяти. В Рязани Луначарский пробыл 28 и 29 января.

Значительно сложнее обстояло дело в Тамбове, где Луначарский находился 31 января — 1 февраля. Во-первых, Луначарский опоздал к дискуссии. Накануне его приезда в Тамбове выступал Бухарин, и Губком высказался шестью голосами против пяти за линию Троцкого. Кроме того, в самом Губкоме работа шла крайне неслаженно, и существовала оппозиция к руководству Мещерякова (председателя Губкома) и Шлихтера (председателя Губисполкома). В продовольственном отношении Тамбов был в более тяжелом положении, чем Кострома и даже Рязань, несмотря на значительное количество хлеба и фуража. Рабочие не получали пайков в течение двух месяцев. В связи с этим Луначарский дал телеграмму Ленину и Цюрупе (см. настоящ. том, стр. 245). Исключительно тяжелым в тот момент было и военно-политическое положение Тамбова, окруженного бандами Антонова. Во время посещения командарма Павлова, о чем Луначарский пишет в своем отчете, он по телеграфу снесся с секретарем ЦК Сталиным. Текст этого разговора, посвященного состоянию профсоюзной дискуссии в Центре и в Тамбове, а также дальнейшему маршруту Луначарского, приводим ниже.

2 февраля Луначарский выехал в Саратов, но принужден был вернуться на станцию Тамала ввиду того, что часть дороги оказалась захваченной антоновцами. В Саратов он приехал 3 февраля днем. Здесь Луначарский пробыл целую неделю — до 10 февраля, включая поездку в г. Покровск (ныне г. Энгельс). В Саратове и Покровске Луначарский выступил с докладами, защищая платформу десяти о профсоюзах. Он отметил, что многие рабочие были настроены против оппозиционных течений, в частности цектранизма (Цектран — Центральный комитет объединенного профессионального союза железнодорожного и водного транспорта, созданный в сентябре 1920 г.). Объединение двух транспортных профсоюзов было вызвано необходимостью обеспечить крепкое централизованное руководство, способное организовать быстрое восстановление транспорта. Трудность задач требовала чрезвычайных мер. Прделав значительную работу, Цектран впоследствии выродился в бюрократический орган, который насаждал голое администрирование, отказываясь от демократических методов работы. Руководством Цектрана завладели троцкисты. Эти порочные методы были осуждены пленумами ЦК РКП(б) 8 ноября и 7 декабря 1920 г. Цектран был включен в систему ВЦСПС.

Тот же декабрьский пленум ЦК принял решение и о ликвидации Главполитпути (Главного политического отдела Народного комиссариата путей сообщения, созданного в феврале 1919 г.). Сыграв свою положительную роль в деле восстановления транспорта, разрушенного во время империалистической и гражданской войн, Главполитпуть, подобно Цектрану, бюрократизировался.

Говоря о «главполитпутизме» Троцкого, Луначарский имел в виду стремление Троцкого распространить изжившую себя практику Цектрана и Главполитпути на все профсоюзы (см. об этом в работе Ленина «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого» — т. 42, стр. 202—226).

В книге «Очерки истории саратовской организации КПСС (часть вторая, 1918—1937)» (Саратов, 1965, стр. 158) читаем: «6 февраля около двух тысяч коммунистов саратовской городской партийной организации, заслушав доклад тов. А. В. Луначарского о роли и задачах профсоюзов, одобрили тезисы В. И. Ленина по этому вопросу и решительно высказались за линию Центрального Комитета партии». Об этом в тот же день в газете «Саратовские известия» было помещено соответствующее сообщение.

Из Саратова Луначарский 5 февраля дал срочную служебную телеграмму:

«Москва. Кремль. Сталину.

Состоялось партсоборание Саратове. После докладов моего и Саморукова и возражения местных цектранистов и Флеровского произведено голосование. Позиция Шляпникова — ноль, позиция Троцкого — тринадцать, тезисы ЦК — более 1500. Наркомпрос Луначарский».

В Саратове Луначарский провел большую работу. Он посетил ряд учреждений народного образования: детские дома, школы. Политехнический институт, универси-

тет; выступил на митинге железнодорожников, на общегородском партийном собрании в театре им. Карла Маркса, посетил военный городок, прочел публичные лекции на темы: «Религия и коммунизм», «Революция и искусство», провел совещание Губкома и Губисполкома, где отвечал на многие вопросы, в том числе — о слипании партийно-агитационно-пропагандистской работы с работой Главполитпросвета (Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет — был организован при Наркомпросе в ноябре 1920 г. и подчинился ему в организационном и административном отношении).

Луначарский встретился также с саратовским учительством и прочел большую лекцию «О задачах народного образования в советской России». Он осмотрел Народный дом и 8 февраля вечером присутствовал на спектакле по пьесе В. В. Каменского «Паровозная обедня». Постановку эту критиковали за «мистицизм». Луначарский счел эту критику необоснованной и выступил в защиту спектакля, опубликовав заметку в местной печати и затем в газете «Известия». Заметка Луначарского о пьесе Каменского с тех пор ни разу не перепечатывалась и не вошла в собрание его сочинений. Между тем она интересна как образец внимательного отношения Луначарского ко всему новому в искусстве и ограждения его от нападков вульгаризаторов. Ниже мы приводим полный текст статьи «Паровозная обедня».

В заключение своего пребывания в Саратове Луначарский посетил крупнейший в городе завод «Новая Этна» (ныне завод им. В. И. Ленина).

Поездка Луначарского должна была быть более длительной: он должен был посетить еще Астрахань и Самару, но в связи со взятием Камышина ему пришлось возвратиться в Москву. Доклад о поездке в Саратов Луначарский заканчивал уже в Москве. О пребывании Луначарского в Саратове в годы гражданской войны см. статью П. Бугаенко «Нарком в нашем городе» в кн.: «Рожденные революцией», Саратов, 1968, стр. 174—183.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В г. РЯЗАНИ

<29 января 1921 г.>

Выехали из Москвы в четверг, 26 января и прибыли в Рязань к ночи того же дня. 27 числа утром, в 10 часов, поехали в город вместе с представителем местной власти и распределили время для двухдневного пребывания.

Утром я заслушал отчеты от заведующих подотделами народного образования и посетил художественную выставку и Рязанский музей. В 2 часа состоялось соединенное собрание Губкомитета партии и Губисполкома, на котором я сделал доклад по основным точкам зрения на роль и задачи профсоюзов. После доклада выяснилось, что среди местных руководителей партии никаких разногласий нет. Правда, незадолго председатель Губсовета профсоюзов т. Колесников издал свои собственные тезисы, несколько расходящиеся с тезисами «десяти», но по получении их он примкнул к этим тезисам с оговоркой, что внесет пару сравнительно незначительных поправок на самом съезде. Решено было между прочим на собрании беспартийных членов профсоюзов говорить также и о существующих разногласиях, так как они уже были вынесены в широкую публику напечатанием тезисов и полемических статей в газетах.

После обеда я посетил Педагогический институт, где заслушал доклад председателя педагогического совета и обратился к присутствовавшим руководителям и студентам с речью о задачах учительства в нашем коммунистическом понимании, а также о некоторых специальных вопросах начатой реформы и связанных с местными нуждами.

В 6 часов состоялось партийное собрание в переполненном зале театра, где собралось более тысячи человек членов партии. Присутство-

вали почти все наличные коммунисты города, а также коммунистическая фракция с губернского съезда водников. На собрании мною сделан был обширный доклад, который поддержал также т. Колесников и представитель ВЦСПС, приехавший со мной, т. Саморуков. Возражений не было. Были только некоторые записки, свидетельствовавшие о существовании несомненно ясной оппозиции. Голосование дало 1100 голосов за тезисы «десяти», 10 голосов за тезисы Троцкого, 5 за тезисы Шляпникова и 4 воздержавшихся. 28 числа с утра я заслушал доклад председателя Исполкома т. Елисеева и взял от него дополнительно значительное количество материалов по губернии. Из доклада выяснилось для меня чрезвычайно катастрофическое положение с фуражем. Несмотря на полное желание крестьян выполнять трудовую повинность, отсутствие фуража, объясняющееся неурожаем и чрезвычайно крутой выкачкой его Наркомпродом, делает невозможным подвоз топлива к станциям железных дорог. Обе железные дороги: Московско-Казанская и Ряз.-Уральская грозят со дня на день остановиться и при этом несколько не согласуют своих действий, а перебивают друг у друга дрова и терроризируют каждая в свою очередь местную власть, заявляя, что если она будет доставлять дрова по другой дороге, то демонстративно станет и та, которая, в сущности, могла бы продолжать дело. Это, конечно, явное безобразие. Все обстоятельства дела заставили меня послать особую телеграмму об этом в Президиум ВЦИК и председателю Совнаркома.

Затем я ознакомился с несколькими учреждениями, выбрав их более или менее наудачу. Я посетил так называемый Первый дом для детей, который помещается в доме прежнего губернатора. Дом этот представляет из себя чрезвычайно запущенное здание, полное небольших комнат и коридоров, размещенных причудливо между этажами и полуэтажами, настоящий пыльный деревянный лабиринт, отапливаемый чугунками и грозящий превратиться в костер, в котором все 80 детей неминуемо должны погибнуть.

Воздух повсюду спертый, дети бледные, плохо одеты. Персонал оказался мне убогим, типа обычного персонала прежних детских домов призрения. Впечатление вообще удручающее. Местные власти заявили мне, что это наихудший дом и что улучшить его невозможно за отсутствием другого помещения. Я во всяком случае поставил им на вид необходимость принять все возможные меры к улучшению постановки дела. Между прочим оказывается, что питание детей до самого последнего времени обстояло в Рязанской губернии ужасающе и только после губернской конференции, которая поставила во главе губернии новых людей (в том числе председателя Исполкома Елисеева), была назначена особая чрезвычайная тройка для поднятия питания детей. Каковы будут результаты ее действия, еще не совсем ясно.

Оттуда я поехал по моему выбору в 6-й дом для детей. Этот дом помещается в здании, построенном именно для этой цели прежним попечительством о бедных. Здание простое, деревянное, но достаточно просторное и чистое. Воздух гораздо лучше, чем в первом доме, температура ровная. Дети веселые, лучше одеты. Обед, к моему удивлению, оказался превосходным: мясной суп из круп, очень вкусный. Дети получают чай утром и вечером, обед и ужин и к каждому питанию около $\frac{1}{4}$ ф. хлеба. Вид у детей веселый, бойкий и дружелюбный. Обе заведующие и постоянно живущий здесь учитель произвели на меня впечатление людей, любящих детей и умелых педагогов. Показаны были мне также детские рукоделия. Работа усердная и четкая, одна из девочек, Тоня, поднесла мне собственноручно сделанный носовой платок. Таким образом, ясно, что плохое состояние домов далеко не зависит только от общего положения губернии, а также от умения и заинтересованности непосредственных руководите-

лей дома. В то время, как в Москве вряд ли можно найти столь плохо поставленный дом, как первый, 6-й дом мог бы занять далеко не последнее место и в Москве.

До обеда я успел еще познакомиться бегло с Рабоче-крестьянским университетом. Он помещается в здании одной из бывших гимназий. К сожалению, значительной помехой к правильному распределению его жизни в этом помещении является необходимость устроить тут же большее общежитие на 200 с лишком человек. Дортуары тесноваты и не совсем чисты. Вообще университет не блещет опрятностью. Заведующий говорил мне о большой жадности молодых крестьян и рабочих-студентов к знанию, но жаловался на недостаточное питание их и на большую нужду в одежде и в особенности в обуви. Количество и качество лекций удовлетворительны. Так, лекционная обязанность возложена на весь руководящий персонал Губкома и Исполкома, и никто не манкирует. Зато дело обстоит гораздо хуже с постоянными руководителями групп. Студенты разделены только на три группы, по 50—60 человек в каждой, что, разумеется, абсолютно недопустимо. Группами руководят молодые девушки, из которых одна кончила Свердловский университет (полугодовой курс), другая побывала на внешкольных курсах, но их не кончила, а третья — не знаю, не успел с ней познакомиться. Обе девушки-коммунистки производят, однако, впечатление очень смысленных и старательных и, по-видимому, ведут занятия недурно. <...>

В 2 часа состоялось в городском театре собрание представителей фабрично-заводских комитетов. На собрании участвовало до 800 человек. Я сделал доклад о роли и задачах профсоюзов, коснувшись отчасти и наших разногласий, но главным образом выяснил общепартийную точку зрения на профсоюзы в ее бесспорных элементах и затем разъяснил значение тех нововведений, которые предполагаются проектом десяти.

Кроме меня, произнесли речи председатель Губпрофсоюзов т. Колесников и представитель ВЦСПС т. Саморуков. Возражений не последовало, но было много записок, из которых некоторые полемического характера, а одна в духе контрреволюционной позиции, которую, к сожалению, еще и сейчас занимают иные сырые рабочие. Эта записка была написана к тому же полуграмотно. На все записки мною был дан обстоятельный ответ, вызвавший несколько раз дружный смех и рукоплескания. Хотя никакой резолюции мы не принимали, но настроение было приподнятое и сочувственное, и собрание окончилось пением Интернационала.

В обеденное время я познакомился с местным Домом крестьян. Он оборудован собственными усилиями местной власти и из запущенного трактира превращен в очень хорошее учреждение со столовой, читальней и театрально-концертным залом, и уютной гостиной. Крестьяне, приезжая по повинности, прямо направляются в свой Дом, которым очень дорожат и который очень любят. При Доме ведется постоянная работа агитационная путем спектаклей и бесед, для чего Губком поставил туда своего постоянного агента. Функционирование Дома чрезвычайно благоприятно отразилось на отношении крестьян к Советской власти. Крестьяне часто не в очередь приезжают выполнять трудовую повинность, чтобы побывать в Доме, рекомендуют его дальним крестьянам и т. д. С уничтожением Отдела по работе в деревне при ЦК Дом повис в воздухе: конечно, он должен быть передан в Политпросвет, но он не имеет средств, чтобы поддержать его в смысле продовольственном, между тем выдача чая и скромной закуски крестьянам бесплатно является новым условием дальнейшего успеха. Я послал по этому поводу в Москву доклад члену ЦК и Главполитпросвета т. Преображенскому, прося его, с одной стороны, поторопиться с передачей Домов крестьян Политпросвету, а с другой стороны, распоря-

даться по губерниям, чтобы они позаботились о поддержке всем необходимым в первую очередь этих полезных учреждений.

В 6 часов устроено было собрание в так называемом Красном зале с моим докладом на тему «Религия и коммунизм». На дискуссию был приглашен местный архиерей, который отказался. Народу было очень много, зал был битком набит, а, по мнению местных жителей, в нем помещается не менее 2 тысяч человек.

Эта публика, в огромном большинстве беспартийная, встретила меня дружными аплодисментами, аплодируя несколько раз в течение доклада и после него. С возражением выступил только один евангелист, развивавший толстовскую точку зрения, но было подано до ста записок. Тов. Саморуков любезно выбрал из этих записок наиболее типичные и серьезные, до 20 штук, на которые я дал ответ, вместе с тем разобравшись и в возражениях евангелиста.

Ответ был выслушан с особым вниманием, и по окончании его все присутствовавшие, по-видимому, без сколько-нибудь заметного исключения устроили мне весьма дружественную овацию.

Из Рязани я выехал в ночь на 30 в Тамбов.

Нарком по просвещению А. Луначарский

29/1—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30933.

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В ТАМБОВЕ

(Ст. Тамала, 2 февраля 1921 г.)

Местные тамбовские власти выслали за нами автомобиль и послали своего представителя к 12 часам дня.

Мы попали как раз на констритивное заседание нового Губкома. Оказалось, что в Тамбове незадолго до нашего приезда произошел целый ряд событий. Уже раньше здесь велась борьба, основанная скорей на личных недоразумениях. Ко времени конференции она приобрела принципиальный характер. Товарищи Немцов, Пинцон и отчасти Васильев повели деятельную агитацию, основанную якобы на рабочем демократизме, против присланных из Центра в данном случае более или менее выдающихся работников — председателя Губисполкома тов. Шлихтера и бывшего председателя Губкома тов. Мещерякова. Их агитация увенчалась успехом, половину Губкома переменили, и хотя Мещеряков из Губкома не выбыл, а Пинцон выбыл, но тем не менее при новом Губкоме большинство оказалось за так называемыми «демократами» с Немцовым во главе. Демократы эти вместе с тем и троцкисты, так что, заслушав доклад Бухарина, Губком высказался 6 голосами против 5 за линию Троцкого и дал Бухарину доклад, а вместе с тем и последнее слово. Выступивший против него председатель местного Совета профессиональных союзов, конечно, не мог противостоять Бухарину, однако правильный инстинкт работников с мест не дал победы троцкистам, а лишь относительно удачную для них пропорцию, именно: конференция 47 голосами присоединилась к нашей позиции и 29 к позиции Троцкого. В результате на съезд было выбрано 4 демократа-троцкиста и 3 сторонника ЦК.

В это-то время я и приехал. Большинство Губкома приняло меня не особенно дружелюбно, хотя с внешней стороны, конечно, вежливо. В день моего приезда мне ничего не удалось бы делать, если бы не приглашение железнодорожников на митинг, куда я отправился и где сделал перед 7 или 8-стами рабочих обстоятельный доклад о текущем моменте, который

ЛУНАЧАРСКИЙ В ТАМБОВЕ

Фотография

Начало февраля 1921 г

был потом дополнен о задачах профсоюзов т. Саморуковым. Рабочие отнеслись к нам очень радушно, но, как нам показалось, настроение среди них не особенно приподнятое.

Позднее, вечером, меня пригласили на фракцию губернского советского съезда, долженствовавшего состояться на другой день, для доклада о слиянии партийных отделов агитпропаганды и Главполитпросветов. Здесь у меня произошло формальное столкновение с «демократами». Товарищи Немцов, Пинцон, несколько менее решительно Васильев и ряд других сторонников этого направления высказали совершенно недопустимые еретические мысли о необходимости для партии сохранить свою чистоту от «бюрократических», государственных советских форм и т. д.

Здесь в необычайно грубом виде сказалось то, что таится в разных углах нашей партии: именно пренебрежительное отношение к советской работе, как во всяком случае морально и политически низшей, чем «чистая» партийная работа.

Для меня даже вопрос о влиянии агитпропработы в Политпросветы отодвинулся на задний план, и я больше всего накинулся на этот партийный пуританизм, конечно, чрезвычайно опасный, ибо препятствующий партии овладеть целиком и подчинить себе громадный советский аппарат.

Две речи, которые я произнес, имели успех. Недавно выбранные «демократы» оказались разбиты наголову. По вопросу, дебатировавшемуся в данном случае, колоссальное большинство, не менее $\frac{9}{10}$ всех присутствовавших (присутствовало около 200 человек коммунистов), высказа-

лись за мое предложение. На этом же собрании для меня выяснилось с совершенной ясностью, что новый руководитель Губкомпартии Немцов никуда не годится не только как совершенно неумелый и страстно пристрастный председатель, но и как путаная и темная голова.

На другой день я сделал доклад о 8-м съезде, весьма обстоятельный и принятый съездом очень хорошо, но меня поразили некоторые обстоятельства, например, тов. Шлихтер, председатель Губисполкома, не был даже избран в президиум съезда. Президиум целиком оказался в руках «демократов». Я остался также на доклад Обиндера, заведующего Губотнаробром, и выступил сам по этому поводу. Правда, доклад заведующего был несколько сух, но в последовавших затем дебатах рядом с верными замечаниями и правильной оценкой замечалась та же тенденциозная линия против «бюрократа» Обиндера. Мне неловко было вмешиваться непосредственно в борьбу. Я говорил больше (и с успехом) об общем положении Наркомпроса и о принятых мерах к улучшению этого положения. По резолюция, предложенная Обиндером, в которой не было ничего плохого, была принята как материал по предложению Немцова, ни за что не хотевшего принять ее «за основу. Мне объяснили потом, что «демократы» ведут линию на полный разгром старого Губисполкома и на устранение всех его сколько-нибудь влиятельных работников.

Поехав в штаб командующего для переговоров с т. Сталиным о дальнейшем маршруте, я познакомился там с командармом Павловым. Командарм дал мне подробную картину развития Антонова, о которой я здесь не распространяюсь, так как все подробности этого дела, конечно, и без того известны лицам, руководящим политической жизнью страны, но я не могу не отметить двух обстоятельств. Тов. Павлов, который произвел на меня впечатление чрезвычайно умного человека, не без грусти заявил, что, совершенно уверенный в возможности сравнительно скоро справиться в военном отношении с бандами Антонова, он отнюдь не думает, чтобы так же легко было справиться с источником подобных явлений, т. е. глубоким недовольством тамбовского более или менее зажиточного и энергичного крестьянства.

«И до сих пор,— сказал т. Павлов,— здесь дело шло неважно, и у власти стояли люди, не умевшие полностью справиться со своей задачей, а теперь, боюсь, у власти окажутся люди еще гораздо мельче, между тем губерния страшно трудная и несметно богатая».

Вместе с тем Павлов указал мне на тот факт, что в Тамбове рабочие Рассказовского района не получают, например, ровно никакого пайка, между тем как хлеба ссыпано достаточно, и, по-видимому, ввиду трудности транспорта хлеб этот, овес и прочее лежат тут же на переполненных элеваторах и вызывают, конечно, огромное недовольство.

Отмечаю, что в других городах, в которых я был недавно, в Ярославле, Костроме, Рязани, дело обстоит несравненно лучше. Так, в Ярославле и Костроме по фунту хлеба получают все жители города, в Рязани, правда, обыватели не получают ничего, но рабочие получают по фунту, и только в одном Тамбове, имеющем несравненно большие хлебные запасы, рабочие оставлены без пайка.

Ввиду явной несуразности подобного явления я послал срочную телеграмму в Президиум ВЦИК и товарищам Цюрупе и Ленину.

Позднее, вечером, после съезда, я имел беседу с т. Шлихтером, который рассказал мне, что в течение своей годовой работы он пользовался известной популярностью в губернии, что на двух уездных съездах он избран был почетным председателем, но что в последнее время травля со стороны Немцова, Пинцона и Васильева привела к этому ужасно обидному для него провалу, т. е. невыбору его даже в президиум съезда и к ясно предстоящему отводу его из председателей Губисполкома.

Обращал вместе с тем мое внимание (в чем я с ним согласен) на очень большую слабость работников, желающих заменить его и Мещеряков (тов. Мещеряков заявил мне, что добьется во что бы то ни стало ухода из Тамбова). Тов. Шлихтер предлагал мне переговорить в ЦК относительно учреждения в Тамбовской губ. Ревкома ввиду чрезвычайно тяжелого положения с расширяющимся восстанием.

Конечно, к тому времени, как этот отчет достигнет до Центра, вероятно, сам вопрос будет уже в достаточной степени выяснен.

Я своего мнения по этому поводу не имею, так как не знаю достаточно всех обстоятельств, но констатирую одно: «демократическая» смена, как бы ни была плоха прежняя губернская власть (а относительно т. Шлихтера, зная его достаточно хорошо, я допускаю, что он мог делать ошибки), все же является определенным ухудшением. Если Шлихтер и Мещеряков уедут из Тамбовской губ., то, несмотря на в общем довольно большое количество работников и довольно высокий их уровень, как я убедился из дискуссии, ввиду крайней слабости новой головки губерния остается с плохими администраторами.

Из Тамбова мы выехали 2 февраля в 7 час. утра и доехали благополучно до ст. Вертуновка, где нас ждала телеграмма со следующей станции о том, что одна из банд Антонова сделала нападение на ст. Ртищево и учинила там некоторый разгром, занявший путь. Ввиду этого поезд вернулся на ст. Тамала, где я и пишу мой отчет, не зная еще точно, сможем ли двинуться дальше на Саратов, или вынуждены будем вернуться в Тамбов.

Нарком по просвещению

А. Луначарский

2/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 30935.

ЛУНАЧАРСКИЙ — СТАЛИН

〈Переговоры по прямому проводу〉

СТАЛИНУ — ОТ ЛУНАЧАРСКОГО

Для дежурного. Записку тов. Луначарского для тов. Сталина даю. Прошу передать по телефону тов. Сталину через верхний коммутатор Кремля следующее: опоздал в Тамбов. Конференция состоялась. 6 троцкистов, 5 наших. Бухарин получил доклад. Результат: 47 наших, 29 троцкистов. Задержался в Тамбове для доклада о восьмом. Боюсь таких же опозданий в дальнейшем. Не знаете ли, когда губконференция в Самаре, Саратове. Что нового. Ответьте по телефону мне. Протелеграфируйте ответ Сталина. Прошу мне тотчас протелеграфировать.

ОТВЕТ СТАЛИНА

Я понял Вас так, что губконференция в Тамбове уже состоялась и мы получили большинство. Верно ли это? 〈В〉 Самаре будет конференция 22 февраля. Туда выезжает Троцкий. Спешите. 〈В〉 Саратове — 〈в〉 конце февраля. Сообщаю новости: 1) 26 января Пленум Цека обсуждал нашу и Троцкого платформы. Цека принял большинством 10 против 8 нашу платформу. Отныне наша платформа есть платформа Цека. 2) Организации Харькова, Киева, Чернигова и Екатеринослава высказались за нашу платформу. Жду ответа.

С т а л и н

СТАЛИНУ ОТ ЛУНАЧАРСКОГО И ОТВЕТ СТАЛИНА

Протелефонируйте товарищу Сталину следующее: конференция кончилась до моего приезда. Мы имели большинство: 47 голосов против 29, выбрано 4 наших и три противника. Если бы я поспел вовремя, наверно не дал бы и половины Бухарину. Завтра сделаю доклад на губсоветсъезде и завтра же выеду <в> Самару, оттуда Саратов, Астрахань. Боюсь, что в Царицын уже не поспею. О голосовании Цека знал, за Украину рад, передали ли Вам вчера результаты Рязани? Тысячу сто голосов за нас, десять Троцкому, пять оппозиции. Ответ. Ждем ответа у аппарата.

Ответ тов. Сталина: Результаты Рязани передали.

С т а л и н

Публикуется впервые по телеграфному бланку, ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

ОТЧЕТ О САРАТОВСКОЙ РАБОТЕ

<14 февраля 1921 г.>

В Саратов приехал 3 февраля в 4 часа. Отправились в Губком, установили дни. Вечером было заседание Губкома.

На другой день утром, в 11 часов, мною принят был отчет по народному образованию, из которого выяснилась следующая довольно любопытная ситуация в Саратове.

Решением Губкома заведующим отделом назначен беспартийный (бывший сионист) т. Ребельский, который заявил мне, что он глубоко сочувствует коммунизму и только потому не входит в партию, что сейчас считает такой шаг запоздалым и явится упреком в небескорыстности его. Другие, однако, говорили, что у Ребельского имеются сильные толстовские и сионистские тенденции, которые мешают ему вступить в партию. Как бы то ни было, из всего моего пребывания в Саратове, как и из отчета, я убедился, что Ребельский в высшей степени старательный человек, чрезвычайно преданный делу и рационально к нему относящийся. Между прочим сотрудники-коммунисты отдела настроены по отношению к Ребельскому, безусловно, враждебно. Вмешиваться в это дело за короткий проезд я, конечно, не захотел, но высказал мнение, что было бы правильнее назначить заведующим кого-либо из подходящих для этого коммунистов. Правда, вполне подходящего лица нет, но я и думал скомбинировать дело таким образом, чтобы во главе стоял политически ответственный коммунист, дело же делалось главным образом Ребельским в качестве специалиста и в должности заместителя. Однако такая комбинация, как оказывается, уже была испробована, но коммунисты не давали т. Ребельскому достаточной самостоятельности, так что пока дело осталось в том же положении.

Вообще состояние народного образования в Саратове несколько выше, чем в средних губерниях, так, например, Саратовская губерния идет впереди всех в смысле ликвидации безграмотности. Состояние школ и детских домов, хотя и оставляет желать лучшего, но все же, в особенности в самом городе Саратове, живет более интенсивной жизнью и пользуется более сносными условиями, чем в большинстве других посещенных мною городов.

В 4 часа мы были на митинге железнодорожников, он происходил при неблагоприятных условиях в огромном и холодном депо, под крышей которого немилосердно кричали галки, что сделало для моего спутника т. Саморукова почти невозможным говорить, а меня под конец моей часовой речи до крайности утомило.

ЛУНАЧАРСКИЙ В ТАМБОВЕ

Фотография

Начало февраля 1921 г.

Но, конечно, не этим объясняется некоторая угрюмость и сдержанность, с которой рабочие отнеслись к нашим речам; выслушаны они были очень внимательно, но аплодисменты были сухие и редкие. Представитель местного Губкома предложил принять резолюцию в коммунистическом духе и голосовал, кто «против»; «против» не оказалось никого, но какое-то лицо явно интеллигентского пошиба потребовало голосования «за», и, к сожалению, «за» поднялось не более 60 или 70 при собраниях более чем в 1000 человек. Я, конечно, заинтересовался причинами такого необычного для меня настроения рабочих.

Вообще настроение рабочих в провинции неважное, но тем не менее и в эту мою поездку, например, в железнодорожных мастерских в Тамбове, было все же несравненно более дружелюбное отношение. Несмотря на хороший состав Саратовского губкома, по-видимому, на работу среди рабочих не обращается достаточного внимания. Материальное положение железнодорожников, конечно, неважное, но и не слишком плохое, пайки они получают. Очень сильно были настроены рабочие против цектранизма, но он уже устранен. Приходится принять гипотезу, что настроение железнодорожников столь сдержанно и угрюмо именно вследствие отсутствия должной партийной работы и, может быть, вследствие накопившегося раздражения против злоупотребления разных комиссаров.

В 7 часов состоялось партийное собрание в театре Карла Маркса. Собралось не менее 1½ тысяч человек. С докладом по вопросу о роли и значении профессиональных организаций выступил я. Доклад сделал чрезвычайно серьезный, так как и состав публички здесь более ответственный. Говорил о взаимоотношении партийно-организованного пролетариата к беспартийному, профессионально-организованному и всего пролетарского класса к крестьянству, строил широкую картину всей системы диктатуры пролетариата через профессиональный аппарат над и в известных рамках вместе с крестьянством.

Вместе с тем рассказал подробно все последовательные этапы позиции Троцкого и подчеркнул переход Троцкого от совершенно откровенного главполитпутизма чуть-чуть не к замаскированному синдикализму. Подчеркнул также и то, что последняя позиция Троцкого, не будучи четкой и ясной, вместе с тем весьма близка к нашей позиции и равносильна капитуляции перед ней на ¾, но капитуляции неуклюжей и дающей одновременно разные авансы, прежде допущенные Бухариным, по отношению к ошибочным требованиям рабочей оппозиции.

В прениях участвовали главным образом местные работники, из которых двое, оба цектраниста, выступали за резолюцию Троцкого, двое за нашу позицию (удачно), тов. Флеровский неясно, в общем как будто бы склонялся к позиции Шляпникова. Выступал также с дополнительной речью представитель ВЦСПС т. Саморуков. После моего краткого заключительного слова произведено было голосование, которое дало в результате за позицию Троцкого 13, Шляпникова 0, все остальные, при отсутствии воздержавшихся, голосовали за нашу позицию.

Утром 5 числа я посетил военный городок, куда сведен был гарнизон Саратова. Городок очень не благоустроен, в бараках давным-давно не топят, часто не на чем печь хлеб. Ввиду отсутствия ассенизационного обоза городок страшно загрязнен и весной буквально чуть не потонет в нечистотах. Все это происходит отнюдь не от недостаточной заботливости Губисполкома или от непосредственного военного начальства, а от страшно тяжелого кризиса транспорта. С дровами худо потому, что железные дороги забирают буквально все дрова, какие кто-либо куда-либо ни вез. Несмотря на это, настроение красноармейцев хорошее, об этом говорили мне и непосредственные начальники городка, и такое же впечатление вынес я от большого митинга, который мы собрали. Я произнес на нем речь об общем положении республики, указал на переход на мирный фронт и вместе с тем на необходимость крайней военной бдительности, на заслуги Красной Армии в прошлом и на предстоящие ей трудности, особенное внимание обратил на бандитизм, подробно выяснил причины его появления, его характер и призывал красноармейцев энергичным ударом задуть его. Речь не только была выслушана с большим вниманием, но и покрыта шумными аплодисментами, после которой все присутствующие очень стройно и с подъемом пропели Интернационал. Мне хотелось остаться в городке для того, чтобы поговорить с красноармейцами и ближе присмотреться к его организации, но, к сожалению, для этого не оказалось времени. Затем я лично побывал в двух детских домах, причем о первом меня предупредили, что это наилучший детский дом. Он действительно произвел на меня весьма благоприятное впечатление как педагогическим составом, интеллигентским и ласковым к детям, так и большою непринужденностью и веселостью детей. Помещение они занимают превосходное с роскошным видом на Волгу, дом какого-то миллионера. Пища удовлетворительная, и единственным недостатком является холод. Однако, как выяснилось из расспросов, случился временный перерыв в доставке топлива, и дрова должны быть доставлены на другой же день.

В другой дом я поехал по своему собственному выбору и вполне внезапно. Этот дом оказался в несколько худших условиях: главным образом дошкольники, однако и тут дети оказались достаточно сытыми, здоровыми и веселыми, и ласковыми. Чистота оставляет желать лучшего — мною были замечены грязные наволочки на подушках и т. п., но заведующая объяснила мне, что в течение уже большого количества времени она не может добиться выдачи мыла. С такими затруднениями приходится постоянно считаться.

В 4 часа мною прочтена была публичная лекция на тему «Религия и коммунизм». Народу собралось очень много, было послано приглашение местному духовенству, которое, однако, не явилось. Несмотря на совершенно открытый характер собрания, критика всякой религии вообще и в частности христианской и противопоставление им коммунистического идеала была принята публикой чрезвычайно дружелюбно. Подано было очень много записок, на которые я, однако, не смог ответить и на которые постараюсь ответить в печати.

К 7 часам вечера я переехал через Волгу на лошади в г. Покровск, который в отношении продовольственном считается губернским, объединяя своим Губпродкомом несколько богатейших уездов. На собрании коммунистов присутствовало около 500 человек. После доклада моего приблизительно такого же содержания, как в Саратове, только в более сокращенном виде и несколько более популярного, несколькими присутствующими внесено было предложение не производить голосование ввиду отсутствия защитников других точек зрения. Между прочим местный Губком оказался в большинстве на точке зрения... Сапронова. Я со своей стороны предложил не разобравшимся воздержаться от голосования, но вообще голосование все же произвести. На эту точку зрения стало огромное большинство собрания, и резолюция дала: за нашу позицию 285, за Троцкого 13, Сапронова 6, Шляпникова 0, воздержавшихся 44.

За ужином после моего доклада я имел случай поговорить со многими покровскими деятелями, причем для меня выяснился разрыв между посевокмами и Продкомом. Товарищи из Посевкома жаловались, что Продком своим, как они выразились, бесчеловеческим выжиманием хлеба из крестьян создает абсолютную невозможность какого-нибудь мирного сотрудничества с крестьянами, на что Продком, т. Третьяков, один из самых выдающихся работников Наркомпрода, ответил, что считает для себя обязательными требования Центра и что ни на одну минуту не отступит от своей политики, хотя и сознает, что выполнить разверстку до 100% значит почти наверное довести край до восстания. К счастью, после этого вскоре прибыл из Москвы председатель Саратовского губисполкома т. Иванов с счастливым известием, что для Саратовской губ. разверстка понижена до 75% и для Покровской до 60%, что не только дало возможность Покровску вздохнуть свободно, но и оставляет в его распоряжении 1 200 000 пудов как посевной фонд.

На другой день у меня было совещание с Губкомом и Губисполкомом. Я отвечал на целый ряд вопросов, между прочим и на вопрос о слиянии партийно-агитационно-пропагандистской работы с Главполитпросветом. Саратовский губком, не ожидая решения съезда, целиком слил эту работу и очень держится за такое слияние. Я советовал покровским товарищам подождать до решения съезда, но сам высказался, как всегда, за полное слияние. Были разрешены и некоторые другие вопросы. Я лишь позднее прочел одобренные ЦК тезисы Преображенского. В общем согласившись с тенденцией этих тезисов, я нахожу, что они оставляют тем не менее за агитационно-пропагандистским отделом функции излишние, о чем, конечно, не место говорить здесь в отчете, но о чем я буду настаивать и на X съезде.

В Покровске я также посетил один детский дом, который оказался в очень скверном положении, дети спят по четверо на одной постели, в доме грязно, душно, питаются дети, несмотря на то, что «Покровская губерния» — житница, скверно. На мой вопрос, чем можно объяснить такое отвратительное питание детей в детских домах, последовал ответ: Наркомпрод, считая Саратовскую и Покровскую губернии за производительные, ничего не отпускает на питание детей, даже находящихся в детских домах. Г. Саратов недавно настоял на включении себя в число непроизводящих центров, а уезды так и теперь остаются морилками для людей на том основании, что там-де хлеба много. Нет никакого сомнения, что придется по соглашению с т. Дзержинским, поставленным ВЦИК теперь во главе Особой Комиссии, войти с предложением немедленно <отменить> это жизнью опровергнутое постановление. Никаких дополнительных ресурсов у местной власти производящих губерний, кроме государственной разверстки, нет. Если из нее не будет выделяться известный фонд для питания детей, то мы будем иметь еще один парадокс, и рядом с тем фактом, что рабочие голодают у нас как раз в хлебных губерниях, будем еще видеть, как в голодной Костромской губ. детская смертность приблизится к норме, а в богатейших уездах Покровской продовольственной губернии детская смертность будет ужасающей. Я говорю, конечно, о детях, находящихся в детских домах и живущих в городах. Дети крестьян в этих губерниях ни в какой продовольственной государственной помощи, само собой разумеется, не нуждаются.

По приезде в Саратов я узнал о взятии Камышина и невозможности ехать на Астрахань и присутствовал при докладе очень молодого губвоенкома т. Маторина об общем положении в губернии, которое меня очень взволновало. Тов. Маторин много путал, создание в Саратове особого Ревсовета, конечно, мною сразу было оценено как нецелесообразное и мера начальника войск Заволжья т. Краевского уничтожить Ревсовет явно рациональной. Но вместе с тем я пришел к выводу о необходимости немедленной военной помощи Саратовской губ. для разгрома банды Вакулина, грозящей превратиться во вторую антоновщину, и об объединении командования на всем фронте Тамбовской — Воронежской — Саратовской губ.

Секретарь Губкома т. Малецкий очень просил меня прекратить мою агитационную поездку и вернуться в Москву для доклада о крайней серьезности положения.

На другой день я посетил целый ряд своих учреждений. Был в одном детском доме, который нашел вполне благополучным, за исключением опять-таки отсутствия топлива, затем в Политехническом институте, который только сейчас переезжает в новое помещение и поэтому еще очень мало оборудован и имеет достаточное количество студентов. Посетил несколько школ первой и второй ступеней, причем убедился, что занятия всюду идут прекрасно, хотя и не по требуемым методам, что было бы и трудно ввиду отсутствия мастерских и живой связи с фабриками и заводами, но, несомненно, по методам гораздо более прогрессивным, чем те, которые царили в школах царского типа. Активное ведение урока путем вопросов и ответов, разбора, детские экскурсии и лекции, зарисовывание детьми по памяти своих впечатлений, живой рассказ со стороны детей с коллективными поправками других, довольно удачный урок арифметики, произведенный на задачах с примерами из хозяйственной жизни и социалистической государственной статистики. Все это произвело на меня благоприятное впечатление.

Саратовские учителя настроены в общем удовлетворительно, дети всюду достаточно дисциплинированы, хотя держатся свободно, без страха и очень дружелюбно. К моему присутствию как наркома и предста-

вителя Советской власти дети отнеслись с самым острым любопытством и большой симпатией.

Саратовский университет принадлежит к числу наилучше оборудованных, и я с большим наслаждением обошел анатомический театр, великолепный Институт экспериментальной физики, а также учреждения всех других кафедр, на что употребил несколько часов.

Подробно о состоянии университета здесь писать не буду, но привез с собой ряд документов и просьб. Беседовал со студентами, настроение которых в общем удовлетворительное. Главные жалобы профессуры, конечно, на военкомов. Военком университетский — молодой кавказец, коммунист, чрезвычайно ретивый и доброжелательный, но явным образом совершенно не справляющийся со своей задачей, отдающий подчас нелепые и превосходящие его полномочия распоряжения. Коммунистическая ячейка студенческая довольно сильна, но с учреждением военкома получила второстепенное значение. Еще лишний раз убедился, что эти военкоматы надо уничтожить немедленно, а поставить во главе университетов серьезных людей, как задумали это гг. Покровский, Шмидт и я, т. е. либо ректоров-коммунистов, либо ректоров из доброжелательных и административно даровитых профессоров с прибавлением к ним вполне взрослого и подвижного политкома.

Отмечу еще одну характерную черту. Три профессора, в том числе ректор университета Зернов, приняли участие в вольных религиозных беседах, которые устроены местным протоиереем. Каждый из этих профессоров читал там нечто вроде лекции, в которой доказывали бытие божие, исходя кто из теории Максвелла, кто из математики, кто из успехов современного витализма. Воспретить подобные выступления мы не можем, так как они делаются как свободный религиозный акт, но, конечно, такая поддержка со стороны людей науки духовенству в высшей степени вредна и нежелательна. Местный руководитель Здраводела, коммунист, доктор Мамушин исключил всех трех профессоров из числа служащих Губздраводела, на что они и жаловались. Жалобу их я обещал передать т. Семашко, но в то же время выразил крайнее удивление по поводу такого безтактного поведения профессоров, на что они ответили: 13 § конституции разрешает каждому гражданину Советской Республики совершенно свободно выражать свои религиозные убеждения. Конечно, об устранении этих профессоров от их кафедр не может быть речи, это серьезные ученые и в настоящий момент совершенно незаменимые.

В 4 часа состоялась лекция «Революция и искусство», которая продолжалась 2½ часа и на которой присутствовал весь художественный мир Саратова. Лекция прошла с очень большим успехом и содержала в себе главным образом развитие картины постепенного упадка содержания искусства в буржуазном обществе, революционную идею как единственное спасение искусства от окончательного падения в полную бессодержательность и декадентство, а с другой стороны, потребность революции в искусстве как в самом могучем агитационном языке.

На заседании Губкома, последовавшем после этого, я узнал, что большая часть моих беспокойств по поводу военно-политического положения в Саратовской и Тамбовской губ. отпали. Была получена телеграмма от главкома о переброске значительного количества конницы в Саратовскую губ. с Кавказского фронта, а приехавший из Москвы председатель Саратовского губисполкома т. Иванов привез утешительные известия о некотором облегчении ставшего весьма опасным нажима в смысле разверстки, тем не менее я вынужден был остаться еще на один день в Саратове, чтобы дожидаться сильно запоздавшего Краевского, не переговорив с которым, я не мог составить себе сколько-нибудь полной

картины происходящего, между тем как я считал невозможным вернуться в Москву, не имея во всяком случае определенных сведений и определенного мнения о состоянии посещенных мною губерний.

8 числа т. Краевский еще не приехал, и этим днем я воспользовался для того, чтобы прочесть всему местному учительству большую лекцию о задачах народного образования в Советской России, и осведомил их также в общих чертах с новой реформой Наркомпроса, решениями партийного совещания и главным образом остановился на мероприятиях по улучшению материальному всего этого дела и на выяснении столь обыкновенно неясных учительству вопросов о школе аполитической и политической (вернее классовой).

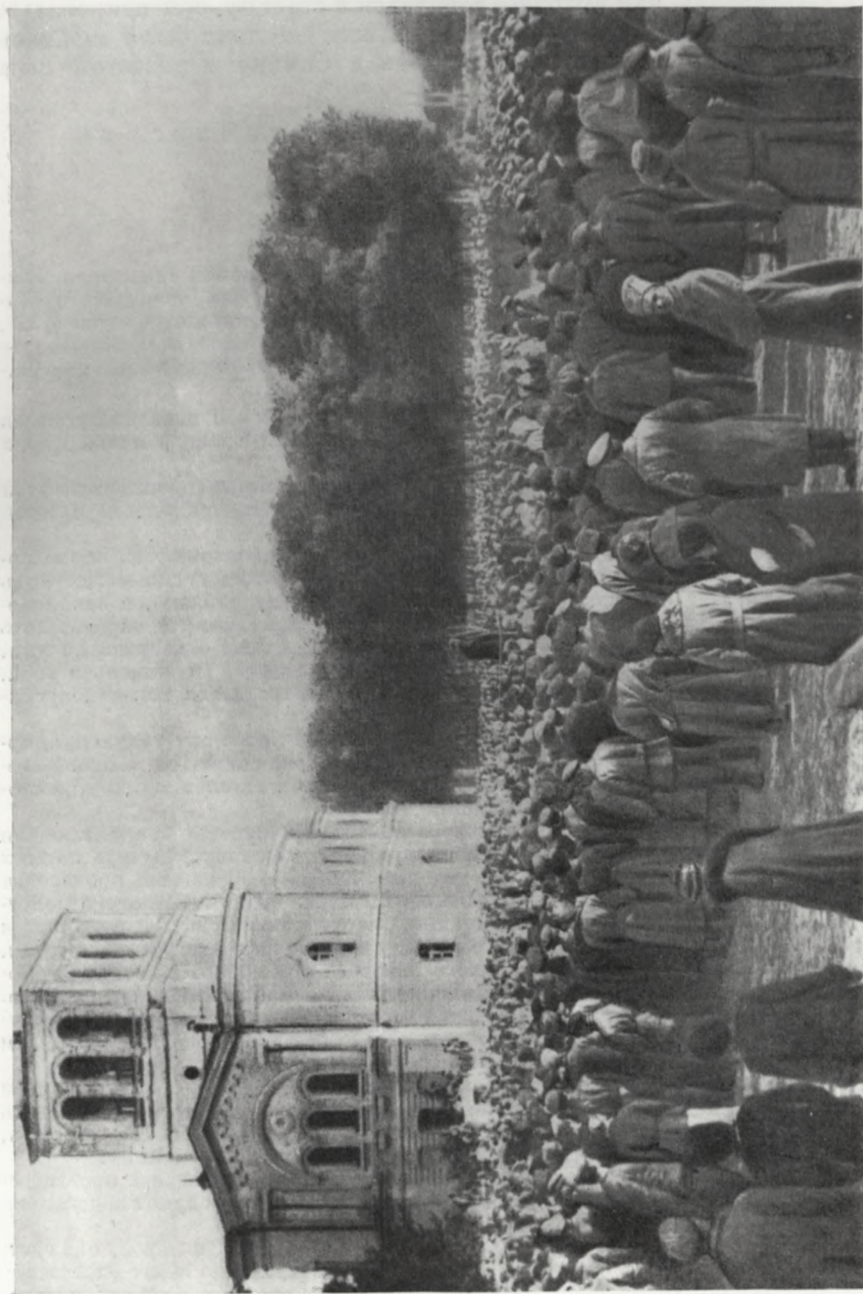
В тот же день мною был подробно осмотрен Народный дом. Вечером я присутствовал на представлении пьесы Каменского «Паровозная обедня», возбудившей большие разногласия в партийной среде ввиду какого-то подозрения пьесы в мистицизме, потому что рабочие называют паровоз богом, и в футуризме ввиду того, что Вас. Каменский был когда-то футурист. Ни футуризма, ни мистицизма в пьесе я не нашел, нашел некоторые недостатки рядом с агитационными и поэтическими достоинствами, делающими эту пьесу хорошим началом производственно-агитационного театра. Соответственно этому я высказался в местной печати и напишу об этой в своем роде очень замечательной вещи заметку в «Известиях».

9 числа приехал т. Краевский. Произошло длинное заседание, на котором, к моему удивлению, весьма взрослые и весьма опытные работники Саратовского губкома и губисполкома подняли большую канитель с вопросом об особом Ревсовете и т. п. и т. д. Я вынужден был взять слово, чтобы пресечь эти разговоры, начавшие переходить в пикировку с начальником войск Заволжского округа, и чтобы установить чисто практическую точку зрения, причем мне удалось выяснить, что Краевский и центральное военное командование идет абсолютно на все те требования, которые за два дня назад перед тем формулировал Губком. Единственный пункт, оставшийся у меня после этого разговора не выясненным, заключается в том, что т. Краевский настаивал на отдельном командовании в Тамбовской губ. (командарм Павлов) и в Саратовской, где это командование должен был взять в свои руки он сам.

Я, конечно, несколько не военный человек, но мне кажется, что это было бы глубокой ошибкой, что ввиду чрезвычайной подвижности банд и несомненной связи, между ними существующей, мы имеем здесь непосредственный фронт. Сравнительно плохие пути сообщения и даже сношения делают крайне желательным, чтобы связать весь этот фронт, а может быть, и борьбу против Махно, перекочевавшего в Воронежскую губ., в одно было как можно ближе.

Я уже говорил по этому поводу по приезде в Москву, где я кончаю этот отчет, с т. Сталиным, который, как я с удовольствием констатировал, совершенно разделяет мою точку зрения.

В этот же день мы посетили завод «Новая Этна». По расспросам моим и т. Саморукова выяснилось, что завод этот в материальном отношении поставлен очень благополучно, между тем среди рабочих свирепствует меньшевизм, какой-то нелепый максимализм и беспартийное молчание<...> Это уж совсем мало понятно, ибо обыкновенно на заводах, поставленных в ударно благоприятные условия, даже при сравнительно небольшой партийной работе удается добиться благоприятных результатов. Еще раз мы с т. Саморуковым пришли к выводу, что, несмотря на наличие значительного количества хороших работников, Саратовский губком обращает недостаточное внимание на работу среди пролетариата.

ЛУНАЧАРСКИЙ ВЫСТУПАЕТ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ

1921 г.

Фотографии

В этот же день мы выехали в Москву, решив, что, ввиду невозможности ехать в Астрахань, нам выгоднее вернуться в столицу, ориентироваться и в случае надобности выехать в Самару. Наши действия были одобрены т. Сталиным, посоветовавшим нам поехать в Самару с расчетом быть на губернской конференции.

Нарком по просвещению А. Луначарский

14/II—21 г.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, д. 30936.

В отчете Луначарский пишет, в частности, о своем посещении спектакля «Паровозная обедня», сообщая, что его заметка по этому поводу уже появилась в «Известиях ВЦИК» (1921, 16 февраля, № 34) и в «Известиях Саратовского Совета» (1921, 16 февраля, № 34). С тех пор заметка эта, представляющая несомненный интерес для литературоведов и историков театра, не перепечатывалась и не вошла в собрание сочинений Луначарского. Приводим ее текст полностью:

«В Саратове среди других, более важных, дел натолкнулся я и на дискуссию в партийной среде по поводу незадолго перед тем поставленной в театре имени Карла Маркса драмы В. В. Каменского — „Паровозная обедня“.

Одни видели в ней прекрасный образчик пьес в характере производственной пропаганды, другие усматривали какую-то мистику, фетишизм, поклонение предметам и т. п.

Я был очень благодарен товарищам, что они дали мне возможность лично посмотреть эту пьесу. Ни о какой мистике, ни о каком фетишизме тут не может быть и речи. Правда, рабочие называют паровоз богом, но всякому понятно, в каком метафорическом смысле употребляется это слово, всякому понятно, что паровоз есть произведение рук человеческих. Несколько пагубистических фраз относительно того, что в человеческом труде получают живую жизнь и материал и камень и т. п., тоже лишь сквозь самые педагогические очки могут рассматриваться как недопустимая вольность.

Право, некоторые товарищи начинают в этом отношении проявлять такую придирчивость, что скоро нарисовать свободу с крыльями будет уже считаться, с одной стороны, преступным позаимствованием атрибутов православных ангелов, а с другой стороны, явным нарушением законов анатомии.

Можно возразить против пьесы Каменского другое. Начинается она с довольно продолжительного митинга, на котором речи говорят все представители чуть не всех наций, населяющих земной шар. Речи эти недостаточно разнообразны и производят несколько утомительное впечатление. В начале первого акта очень много стука молотками, суетни и отдельных нечетких восклицаний, которые теряются для публики, и продолжается это добрых четверть часа. Зато к концу первого акта настроение крепнет, и радость рабочих по поводу окончания нового паровоза при прекрасной музыке, которая написана местным композитором, производит впечатление не лишенной подъема. Второй ее акт, в котором отправление паровоза в дорогу празднует строительный материал: шпалы, рельсы, заклепки, гайки, уголь и т. п. — положительно удачен. В нем есть черты и смешные, и грациозные, и даже почти грандиозные.

Весьма разочаровывает третий акт, но, вероятно, потому, что его опять-таки из каких-то непонятных для меня соображений, которых никто мне не мог объяснить как следует, сильно искалечили и дают не по автору. В том виде, в каком он есть, несмотря на пару прекрасных стихотворений, он кажется совсем лишним.

Резюмируя, скажу: „Паровозная обедня“ — не шедевр, но как первое произведение в явно коммунистическом, пропагандистском и производственном духе это довольно удачно.

Ставить ее можно лучше, чем в Саратове (где, за исключением 3 актеров, она идет, впрочем, недурно), и ставить ее стоит, во всяком случае безусловно стоит напечатать и предоставить в распоряжение наших Политпросветов, ибо среди того водопада художественно абсолютно неудачных попыток производственного театра пьеса Каменского далеко выдвигается вперед».

III

ЛЕНИН РЕДАКТИРУЕТ СТАТЬИ
ЛУНАЧАРСКОГО
В ГАЗЕТАХ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ»
(1905 г.)

РЕДАКТОРСКАЯ РАБОТА ЛЕНИНА НА СТАТЬЯХ ЛУНАЧАРСКОГО В ГАЗЕТАХ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ» (1905 г.)

Статья, публикация и примечания А. П. Трошиной

Луначарский в лекции на тему «Ленин как редактор», прочитанной на курсах марксизма в марте 1931 г.¹, со свойственным ему блеском характеризовал огромную редакторскую работу Ленина, рассказал о присущей только Ленину особой, отличной от других манере писать, об его беспощадности к отступлениям от политической линии партии. О высокой партийности Ленина как редактора революционной марксистской печати говорит в своих воспоминаниях Н. К. Крупская: «Нас интересует Ленин не как редактор вообще, а Ленин как редактор-партиец, редактор-коммунист, стремившийся в каждой статье, в каждой фразе, в каждом слове проводить коммунистические идеи, стремившийся сделать газету, журнал орудием борьбы за коммунизм»².

Говоря о роли Ленина как редактора и руководителя большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Волна» и других, Луначарский вспоминает о своем сотрудничестве в этих изданиях, а, главное, он показывает, какое большое значение имела для молодых литераторов работа рядом с Лениным, какая это была для них школа марксистской партийной журналистики.

Сотрудничество и тесное общение Луначарского с Лениным началось после довольно продолжительного заочного знакомства. «В первый раз я услышал о Ленине, — вспоминал Луначарский, — после выхода книжки „Тулина“ от Аксельрода. Книжки я еще не читал, но Аксельрод мне сказал: „Теперь можно утверждать, что и в России есть настоящее социал-демократическое движение и выдвигаются настоящие социал-демократические мыслители“. — „Как? — спросил я. — А Струве, а Туган-Барановский?“ — Аксельрод несколько загадочно улыбнулся (дело в том, что раньше он очень высоко отзывался о Струве) и сказал мне: „Да, но Струве и Туган-Барановский — все это страницы русской университетской науки, факты из истории эволюции русской ученой интеллигенции, а Тулин — это уже плод русского рабочего движения, это уже страница из истории русской революции“.

Само собой разумеется, книга Тулина была прочитана за границей, где я в то время был (в Цюрихе), с величайшей жадностью и подверглась всяческим комментариям»³.

В 1898 г., вернувшись из Парижа в Москву, Луначарский «имел энергичные рекомендательные письма от Аксельрода»⁴ к Анне Ильиничне Елизаровой-Ульяновой, активному члену Московской организации. Анатолий Васильевич входил тогда в группу социал-демократов, к которой принадлежали, кроме него, Владимирский, Елизаров, Смидович, Елизарова-Ульянова, а также Платон Васильевич Луначарский (брат А. В. Луначарского). Группа занималась идейно-политическим воспитанием рабочих на предприятиях Москвы⁵.

Осенью 1898 г. Луначарский работает вместе с Елизаровой-Ульяновой, Владимирским и другими.

О Ленине как человеке «прежде всего политическом», прямолинейном Луначарский много слышал и в Киеве от Кржижановского, который переписывался с Владимиром Ильичем и восторженно отзывался о нем⁶.

Все это в известной мере дает право предположить, что, зная друг друга заочно, Ленин и Луначарский позже встретились как старые знакомые.

Осенью 1904 г., собирая и организуя новые литературные силы для издания нелегальной большевистской газеты «Вперед» вместо захваченной меньшевиками «Искры», Ленин привлекает к этой работе Луначарского. Крупская в письме к Богданову из Женевы в Россию 20 октября 1904 г. спрашивала: «Где застрял Миноносец Легкомысленный?»⁷, а 2 ноября вновь писала ему, что о Луначарском «ни слуху, ни духу», а Ленин в своей приписке к этому письму просит Богданова: «Употребите все усилия, чтобы миноносец легкомысленный (так друзья называли Луначарского.— А. Т.) двигался скорее. Промедление необъяснимое и страшно вредное. Отвечайте немедленно и поподробнее, и поопределеннее»⁸.

Луначарский вспоминал, что в Киеве он получил категорическое письмо от Рядового (Богданова) с предложением немедленно выехать за границу для личного знакомства с Лениным и работы в качестве соредатора в новой газете, которая должна была стать противовесом окончательно «ушедшей» в руки меньшевиков «Искре»⁹.

Луначарский выехал осенью 1904 г. за границу, но направился не сразу в Женеву, а решил сначала остановиться в Париже, чтобы ознакомиться с вышедшей к тому времени большевистской и меньшевистской литературой, разобраться в разногласиях меньшевиков и большевиков. «Я получил два письма от самого Владимира Ильича, — вспоминает Луначарский. — Письма были короткие. Они торопили меня поскорее приехать в Женеву. Я обещал, но все задерживался»¹⁰.

И вновь Ленин в письме к Богданову в ноябре 1904 г. спрашивается о Луначарском и пишет, что с ним «еще не виделся; странно, что Легкомысленный уехал в сторону и держится выжидательно!»¹¹.

О неустанном стремлении Ленина скорее собрать литературные силы говорит в своих воспоминаниях бывший член ЦК партии и Петербургского комитета М. М. Эссен: «Я была, — пишет она, — послана в Париж с поручением от ЦК найти Богданова, Луначарского и Ольминского, живших тогда в Париже, и сговориться с ними относительно времени их приезда в Женеву для встречи с Лениным»¹².

В начале декабря 1904 г. Ленин приехал в Париж читать реферат о внутрипартийном положении и сам пришел к Луначарскому. Первая встреча с Лениным описана Луначарским следующим образом: «„Вы Луначарский?“ спрашивает незнакомец, слегка картавя. Я смутно соображаю, что, должно быть, из Женевы прислали человека, который поторопил бы меня и прекратил бы мое парижское сиденье. Не очень дружелюбно я спрашиваю: „Вы, может быть, ко мне от Ленина?“

— Я сам Ленин, — отвечает незнакомец. Тут я несколько смутился и засуетился.

— Пожалуйста, входите. Что это вас так рано принесло?

— Если вы считаете, что я приехал с вами слишком рано, то я, наоборот, считаю, что я приехал слишком поздно, потому что вы здесь зря теряете время, а у нас из-за вашего промедления застопорилось дело с выходом первого номера нашего „Вперед“. А если вы намекаете на ранний час утра, то я действительно немножко не рассчитал с поездом и не думал, что приеду на рассвете»¹³. Ленину, как вспоминает здесь Луначарский, «немного времени неонадобилось» для того, чтобы убедить его «совершенно покончить» с сомнениями в правоте большевиков.

3 декабря 1904 г. Ленин читал реферат, а вечером писал Крупской: «Завтра переговорю с миноносцем, и, наверное, он будет за меня»¹⁴. Луначарский действительно немедленно выехал в Женеву и приступил к работе в редакции «Вперед», а позднее — «Пролетария». В статье «Опять в Женеве», написанной в Швейцарии в 1927 г., Луначарский вспоминал: «Если моя первая встреча с Ильичем имела место в Париже, то там наше знакомство имело почти беглый характер, а именно в Женеве мне пришлось работать интенсивнейшим образом рука об руку с нашим гениальным вождем»¹⁵.

Крупская в своем выступлении на траурном заседании в Коммунистической академии в 1934 г., в связи с кончиной А. В. Луначарского, вспоминает о его приезде в Женеву в конце 1904 г.: «И вот приехал в Женеву Анатолий Васильевич. Я помню, как Владимир Ильич прямо вцепился в него, как целый час они, не переставая, говорили о перспективах движения, о том, как надо бороться, как надо развернуть работу партии для того, чтобы в данное время поднять все рабочее движение на нужную высоту. Первое впечатление, которое осталось от Анатолия Васильевича, — это впечатление

борца. Приехал в Женеву товарищ, который встал рядом с Владимиром Ильичем и с небольшой тогда группой большевиков-ленинцев и весь свой талант, все свои силы отдавал на борьбу за правильную марксистскую линию, на борьбу против меньшевизма. Анатолий Васильевич много писал в тот период в газете „Вперед“. В то время писать во „Вперед“ — это не значило просто писать статьи. Каждая статья была боевой политической статьей, была орудием борьбы с меньшевиками. И кличка, которая была тогда у Анатолия Васильевича — „Воинов“, — это не случайная кличка. Это кличка, которая определяла весь характер его тогдашней деятельности¹⁶.

Ольминский свидетельствует, что в то время Луначарский подписывал своей собственной фамилией только статьи, не имевшие злободневного характера¹⁷.

Ленину при создании газеты «Вперед» пришлось преодолеть большие трудности, вести ожесточенную борьбу с меньшевиками. Только воля Ленина, его постоянное и последовательное стремление к тесному сплочению всех большевиков за границей и в России, всех сторонников старой «Искры», его постоянный призыв работать энергично, дружно и быстро «сговориться» дали возможность подготовить газету «Вперед».

В конце сентября — начале октября 1904 г. в Женеве по инициативе Ленина состоялось собрание заграничных большевиков, участников конференции 22-х, где было решено издавать газету «Вперед». Написанное Лениным и принятое совещанием обращение «К партии» стало платформой сплочения партийных организаций России. Позже в России оформляется большевистский центр — Бюро Комитетов Большинства, а за границей создается литературный центр.

«Собрание тесного круга заграничных большевиков»¹⁸, проходившее 12 декабря 1904 г. под руководством Ленина, окончательно решило вопрос об основании периодического партийного органа, в котором, писал Ленин, — «вся суть, без него мы идем к верной, бесславной смерти»¹⁹. В «Письме к товарищам», написанном в конце 1904 г., Ленин разъяснял, что цель будущей еженедельной газеты — отстаивать и развивать принципы большинства в борьбе «со смутой организационной и тактической, внесенной в партию меньшинством». «Основывая такой орган, под названием, вероятно, „Вперед“, — пишет Ленин, — мы действуем в полном согласии с массой русских большевиков, в полном согласии с нашим поведением в партийной борьбе»²⁰. Собрание утвердило предложенное Лениным название газеты и определило состав редакции, в которую вошли Ленин, Воровский, Ольминский, Луначарский. (Секретарем редакции стала Крупская.) Постоянными сотрудниками были В. Д. Бонч-Бруевич, Величина, Гусев, Елизарова, Карпинский и др.

Об этом радостном событии Ленин в тот же день сообщал Г. Д. Лейтейзену: «Сегодня мы окончательно, *практически*, порешили вопрос об органе» и просил иметь в виду, что рассчитывает на него «как на постоянного корреспондента», пишущего о «французском социализме и рабочем движении»²¹.

В письме к Эссен в конце декабря Ленин с удовлетворением сообщал, что подобралась хорошая группа литераторов, есть свежие силы²². «Коллегия редакторов и ближних сотрудников газеты „Вперед“, — подчеркивалось в анонсе, — составила из литераторов партийного большинства, сгруппировавшихся ранее вокруг издательства Ленина и Бонч-Бруевича» (см. стр. 522). В Издательстве партийной социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина» принимали активное участие видные партийные публицисты-журналисты: Воровский, Ольминский, Лепешинский и другие. Все это вместе взятое способствовало созданию газеты «Вперед». «Луначарский, Воровский, Ольминский — о! с такими помощниками можно было начинать литературную кампанию, и Ильич „дерзнул“! Зазвучало его призывное „Вперед“. И возликовали духом великим наши большевистские сердца», — так писал спустя почти два десятилетия Лепешинский в некрологе о Воровском²³.

Газета «Вперед» возродила славные революционные традиции ленинской «Искры» и энергично боролась против оппортунизма, за восстановление партийности. Самим названием газеты Ленин выразил стремление большевиков идти вперед в деле укрепления партии и организации рабочего движения.

Газета сыграла большую роль в идейном и организационном сплочении большевиков, в подготовке III съезда и создании партии нового типа.

Работа в газете помогла воспитать целую плеяду большевистских литераторов, журналистов, активных работников партии. Более чем через двадцать лет Луначарский вспоминал: «К настоящей большой партийной работе и к настоящей творческой партийной мысли я прикоснулся именно в Женеве»²⁴.

Первое заседание редакции газеты «Вперед» было посвящено обсуждению состава статей и заметок с предварительным подсчетом печатных знаков первого номера газеты. Состоялось оно в Женеве, по всей вероятности, на квартире Луначарского не ранее 15 декабря 1904 г. Предположение о том, что первое заседание редакции «Вперед» состоялось на квартире у Луначарского, подтверждается сохранившейся запиской Бонч-Бруевича, в которой говорится: «Дорогой Михаил Иванович, Воинов болен, а потому на собрание он просит придти к нему, он не может сегодня выйти. Пожалуйста, скажите Ильичу, чтобы он пришел туда. Ильич, вероятно, придет в библиотеку. В. Б. о н ч»²⁵. На обороте письма Бонч-Бруевича рукой Воровского написан вариант содержания первого номера газеты, который отличается от проекта, написанного Лениным²⁶. Если в проекте Ленина передовая еще не имеет названия (тогда как статья Луначарского «Сомнения двуглавого орла» значится под пунктом «2»), в перечне у Воровского записана уже и передовая статья Ленина «Самодержавие и пролетариат»²⁷.

На этом основании можно предположить, что статья Луначарского «Сомнения двуглавого орла», если и не была уже написана, то он над нею работал, во всяком случае редакции об этом было известно. Статья «Сомнения двуглавого орла» была включена в оба варианта плана первого номера газеты, статья Ленина «Самодержавие и пролетариат» появляется во втором варианте. Из намеченных статей, заметок и корреспонденций в обоих проектах лишь часть вошла в первый номер, остальные были опубликованы в последующих номерах газеты, во 2-м, 3-м, 5-м и 6-м (см. приложения). Ленин добивался, чтобы в редакции газеты были настоящие, а не фиктивные редакторы, чтобы редакционная коллегия была «деловая, а не обывательская», чтобы каждый в ней имел «по каждому вопросу свое мнение...»²⁸

В плане каждого номера газеты редакция ориентировалась на злободневные темы, на животрепещущие вопросы жизни, но, главное, план исходил из общих задач, стоявших перед партией в тот исторический период.

Луначарский позже вспоминал, что «маленькая группа — человек всего 20—25, маленькая редакция — 6—7 человек, маленький журнал, который выходил с большой наугой, — приходилось вытягивать в типографии каждую полосу» — выполнял для партии большое дело и «у нас было впечатление, что мы делаем историю, и все это благодаря Владимиру Ильичу. Владимир Ильич одним своим присутствием придавал всему характер необычайной крупности. Он с такой страстностью относился ко всякой корреспонденции, ко всякому событию, ко всякой статье, с такой страстностью и увлечением, что поверхностному наблюдателю могло бы показаться, что эти мелкие события редакции заслоняют от него более или менее крупные явления европейской политики. Но это, конечно, было не так. У него была твердая и абсолютная уверенность в том, что мы делаем всемирно-историческое дело», «... у него была глубочайшая уверенность, что единственно правильная линия развития рабочего движения и всей революции у нас в руках»²⁹.

И далее Луначарский говорил: «Эта крупность работы, вера в ее громадную значительность, конечно, воодушевляла людей, давала особый подъемный характер всей нашей работе. Работы, в сущности говоря, было не так много. „Вперед“, а затем „Пролетарий“ издавались как еженедельник, а иногда и не могли выходить каждую неделю... Но работа была достаточно интенсивной и по мере того, как развертывались события *. После 9 января, которое Ленин сразу понял как переломный момент мирового значения во всей истории нашей партийной деятельности и рабочего движения, тогда, разумеется, работа наша стала гораздо более интенсивной»³⁰.

* Так в стенограмме.

Статьи Луначарского в нелегальных большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий» посвящены актуальным проблемам революционного 1905 года. Брошюры, статьи, очерки и фельетоны Луначарского в большинстве своем написаны не только с ведома, но чаще всего по предложению и совету Ленина и нередко при непосредственном его участии.

За период с 22 декабря 1904 г./4 января 1905 г. по 12/25 ноября 1905 г., т. е. между выходом первого номера газеты «Вперед» и последнего номера «Пролетария», в общем меньше, чем за один год, Луначарский написал и напечатал в сорока четырех номерах газет 37 статей, очерков, фельетонов и стихотворений (см. перечень их в приложении). Авторство 32 из них было известно, а принадлежность остальных статей Луначарскому установлена в настоящее время, при работе над этой публикацией.

В тот же период Луначарским было написано и подготовлено несколько брошюр, часть из них — при участии Ленина. В двенадцати номерах газеты «Вперед» из вышедших восемнадцати были напечатаны 14 статей Луначарского, причем 6 из них — передовые. В двух номерах напечатано по две статьи Луначарского одновременно. В «Пролетарии» из двадцати шести номеров в 16 печатались статьи Луначарского, всего 23 статьи, причем в нескольких номерах по две и три статьи в каждом (см. № 7, 9, 12, 13, 16).

Включенные в настоящий том работы Луначарского с правкой Ленина печатаются полностью (некоторые из них впервые).

Из двух статей: «Банкротство полицейского режима» и «Возрождение православной церкви» — были напечатаны краткие извлечения с правкой Ленина в «Ленинском сборнике», XXVI, на стр. 334 и 341. В собраниях сочинений Ленина полностью опубликована написанная им заключительная часть к статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» («Пролетарий», № 8), которая считалась статьей неизвестного автора. Как ныне установлено, автором этой статьи является Луначарский (см. стр. 574—576 настоящ. тома).

Публикация статей Луначарского в выдержках не дает возможности полностью понять характер редакционной работы Ленина над статьями Луначарского. Читателю важно иметь перед собой весь текст статей Луначарского, чтобы видеть не только то, что подверглось редактированию, но и то, что оставлено Лениным без изменения, т. е. одобрено. Поэтому в настоящем томе публикуются полностью тексты статей Луначарского, а также воспроизводится вся ленинская правка.

Статьи Луначарского с исправлениями и пометками Ленина — это лишь небольшая часть работы Ленина как редактора большевистской периодической печати 1905 г. Значительное количество материалов этого характера сосредоточено в «Ленинских сборниках». Так, в XVI «Ленинском сборнике» публикуются «Письма и редакционные указания Ленина соредакторам „Вперед“ и „Пролетария“ Ольминскому, Воровскому и Луначарскому и редакционные правки в статье сотрудника газеты Ц(ентрального) О(ргана) Карпинского» (стр. 259—280), в XXVI «Ленинском сборнике» — материалы на тему «Редакционная работа Ленина в газетах „Вперед“ и „Пролетарий“» (стр. 333—349). В V «Ленинском сборнике» вошли «Планы, тезисы и наброски статей эпохи «Пролетария».

Об объеме и тематике редакционной работы Ленина свидетельствует перечень произведений, документов, в редактировании которых он принимал участие, приложений к 9, 10, 11, 12 томам Полного собрания сочинений.

О Ленине как редакторе имеются воспоминания его соредакторов по газетам «Вперед» и «Пролетарий» Ольминского, Воровского, Луначарского, а также сотрудников этих газет Карпинского, Бонч-Бруевича, Крусной и других³¹.

Для изучения темы «Ленин-редактор» важное значение имеет правка Владимира Ильича по статьям Луначарского. Она сохранилась далеко не полностью, но и те материалы, которыми мы располагаем, дают возможность судить о характере редакционной работы Ленина.

Пометки Ленина на статьях Луначарского делались либо непосредственно на авторской рукописи, либо на экземпляре, переписанном другим лицом. Переписывать статьи Луначарского приходилось из-за его неразборчивого почерка, затрудняв-

шего работу наборщиков. В фонде газеты «Вперед» хранится неопубликованная рукопись статьи Луначарского «Мировая трагикомедия». На обороте ее четвертой страницы имеется записка неизвестного лица члену редакции Воровскому, в которой сказано: «Тов. Шварц (В. В. Воровский.— А. Т.)! С трудом я немного разобрал, и то наделал ошибок, больше у меня нейдет»³².

Первой статьей Луначарского, появившейся в газете «Вперед», как уже сказано, была статья «Сомнения двуглавого орла», однако первое выступление его как сотрудника редакции состоялось раньше. По заданию Ленина Луначарским было написано «Объявление об издании газеты „Вперед“» (см. стр. 517). Об этом свидетельствует ряд воспоминаний сотрудников газеты. Ольминский, в частности, сообщает, что переписал для типографии подготовленный Луначарским текст с редакционной правкой других членов редколлегии. Этот экземпляр, переписанный рукой Ольминского, хранится в ЦПА ИМЛ, в фонде газеты «Вперед». В Предисловии к первому выпуску переиздания газет «Вперед» и «Пролетарий», предпринятого Исполкомом в связи с 20-летием революции 1905 г., Ольминский также пишет, что «специально опрошенный по этому делу тов. Луначарский удостоверяет, что первоначальный текст объявления было поручено написать тов. Луначарскому»³³. То же самое подтверждает и Карпинский, работавший в газете «Вперед» корректором, а затем литературным сотрудником³⁴.

«Объявление об издании газеты „Вперед“» Ленин считал программным документом, раскрывавшим основные задачи партии по вопросам политическим, тактическим и организационным в период подготовки III съезда партии. Анонс-объявление было издано нелегально отдельной листовкой, а этому виду печати Ленин, как известно, всегда придавал особое значение. В письме Шляпникову он писал, что «...Листовки — вещь *очень* ответственная и из всех видов литературы *самая* трудная. Поэтому обдумывать тщательнее и совещаться коллективно необходимо»³⁵. 20 декабря 1904 г. Ленин в письме Тверскому комитету РСДРП сообщал: «Через товарища послал Вам письмо с извещением об издании новой газеты большинства „Вперед“. Там подробно выясняем, что заставило нас приступить к изданию газеты, разъясняем ее задачи и прочее. Известите, получили ли это наше подробное письмо, напишите свое отношение к нему»³⁶.

В письме Р. С. Землячке 26 декабря 1904 г. Ленин, поздравляя товарищей с успехом на северной конференции, высказавшейся за созыв III съезда, отметил, что «значение ее <конференции> громадно; как раз кстати приходится с нашим анонсом о нашей газете („Вперед“). Анонс вышел уже»³⁷.

Ленин подверг первоначальный текст «Объявления» тщательному редактированию и внес в него много исправлений и дополнений. Так, например, фразу Луначарского: «Политически созревший русский пролетариат выступил на историческую авансцену», Ленин исправляет, внося уточнения: «*Передовая часть русского народа*, политически созревший русский пролетариат выступил на историческую сцену». Далее вместо фразы: «И самодержавие потеряло голову» Ленин написал: «И *русское* самодержавие, как и следовало ожидать, потеряло голову». К словам: «... чтобы осуществить свою великую цель» — Ленин вносит важное дополнение: «*всемирно-историческую* цель», так же как и в следующую часть фразы: «пролетариат нуждается в свободе» — «пролетариат нуждается в *политической* свободе» (стр. 518, курсив везде наш.— А. Т.).

Сравнивая окончательный текст, отпечатанный в виде специальной листовки, с тем, что сохранился в рукописи Ольминского, мы видим, как редакторское перо Ленина «прошло» по тексту этого «Объявления». Вместе с тем анализ правки Ленина говорит и о том, как бережно относился он к индивидуальным особенностям стиля Луначарского, как искусно совмещал требовательность и умение помочь автору со стремлением сохранить своеобразие его литературной манеры.

Карпинский в своих воспоминаниях «Ленин как редактор» писал: «Редактируя статью, он (Ленин.— А. Т.) ограничивался минимумом безусловно необходимых поправок, стараясь сохранить индивидуальные особенности языка и стиля автора»³⁸.

Именно с этого ленинского поручения и началась обширная литературная деятельность Луначарского в газетах «Вперед» и «Пролетарий». В этих двух партийных газетах развернулся публицистический талант Луначарского.

В публикуемых исправлениях и дополнениях Ленина читатель найдет образцы изумительного ленинского умения обогащать редактируемый им материал идейно, повышать его теоретический уровень, добиваться принципиальности, четкости и ясности формулировок, придавать статьям высокое общественно-политическое звучание.

Любопытны в этом отношении воспоминания Лепешинского, который в те годы работал рядом с Владимиром Ильичем. Так, в статье «Великий журналист нашей эпохи» он писал, что когда Ленину «приходилось исправлять статьи других авторов, его редакторское перо прогуливалось всегда по тем местам рукописи, которые оставляли его внимание не стилистическими недостатками, а своими дефектами по содержанию: страдали неточностью, невыпукло оттеняли то, чему Ильич придавал особое значение и т. д. Если же с точки зрения содержания статей сотрудника все обстояло благополучно, то Ильич давал вполне одобрительный отзыв о них, хвалил автора и даже в такой мере проникался к нему доверием, что охотно шел на то, чтобы его надежный товарищ по редакции заканчивал иногда его (Ильича) какую-нибудь статью, равно как и сам с удовольствием дописывал в том или ином случае статью, начатую другим членом редакции. Так, например, в период издания газет „Вперед“ и „Пролетарий“ очень часто к первой половине статьи М. С. Ольминского или В. В. Воровского приделывался „хвост“ пером Ильича или, наоборот, статья Ильича завершалась другим редактором газеты»³⁹.

Бывало и так, отмечал Луначарский, — «когда первоначальная статья была сначала написана Орловским (В. В. Воровским. — А. Т.) или Ольминским, но в конце концов становилась произведением Владимира Ильича». Ленин ее так «сильно изменял, черкал, перделывал, вставлял большие куски, что узнать статью, кому она принадлежала, было трудно, ибо в ней находили то типичное выражение Орловского, то характерный слог Ильича»⁴⁰.

Особое внимание Ленин уделял в партийной газете ее передовым статьям. Он «требовал самой тщательной работы во всех отделах газеты, но особенно тщательно и требовательно относился он, кроме рабочей хроники, к передовым статьям»⁴¹. Ленин сам написал большинство передовых статей во «Вперед» и «Пролетарий» и помогал писать их другим. Лепешинский впоследствии называл передовые Луначарского «фейерверками». Из шести передовых статей, написанных Луначарским, на трех сохранились пометки и замечания Ленина.

Луначарский вспоминает, как Ленин работал над его первой передовой статьей «Твердый курс», предназначенной для № 5 «Вперед». Он «внес в нее много своего, так что в том виде, в каком она была напечатана<...> по моему мнению (статья. — А. Т.), чуть ли не могла быть подписанной его именем. Кое-что от основного плана и отдельные пассажи остались от моей первоначальной статьи. Многое было вставлено Ильичем»⁴² (см. стр. 599).

Возросла роль газеты особенно в период величайших исторических событий, происходивших в России, где началась и разрасталась революция. Газета обязана была давать в связи с новизной и сложностью обстановки, возникшей после 9 января, разъяснения по многим политическим вопросам. Но главное, наряду с характеристикой момента, партии большевиков необходимо было конкретизировать свои задачи, свою тактику.

«Весть о трагических событиях 9 января, — писал Луначарский, — взволновала нас и больше всех нас, конечно, Владимира Ильича. Этот гигант жил всегда неразрывной жизнью с пролетарскими массами. Громовые известия, пришедшие из Петербурга, не только потрясли его, но он сразу, на основании недостаточной еще документации, оценил полностью и до конца все значение 9 января»⁴³.

Ленин в те дни писал: «На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России<...> «будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара»⁴⁴. Газета призывала к вооружению, к объединению революционных сил для борьбы с самодержавием. Написанная Луначарским передовая «Твердый курс», занявшая почти всю первую страницу пятого номера, ставила перед социал-демократией конкретные задачи расширения базиса револю-

ЖЕНЕВА, 27 (14) МАЯ 1905 ГОДА.

№ 1.

Врастари ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЮТСЯ

Центральный Орган Российской Социалдемократической Рабочей Партии.

Выходит в 11 часов вечера Российской Социалдемократической Рабочей Партии

Товарищи! Рабочие! Впервые поставил 11-й съезд Р. С. Д. Р. П. вопрос о том, как можно лучше организовать работу нашей социалдемократической рабочей партии. Для этого необходимо было прежде всего объединить все силы нашей партии, все ее члены, все ее организации, все ее органы. Это и было сделано на 11-м съезде.

Товарищи! Рабочие! Вы знаете, что наша партия имеет в своем составе все организации, все органы, все члены нашей партии. Это и было сделано на 11-м съезде. Мы должны теперь организовать нашу работу так, чтобы все эти силы нашей партии работали вместе, чтобы все эти органы нашей партии работали вместе, чтобы все эти члены нашей партии работали вместе.

Товарищи! Рабочие! Мы должны теперь организовать нашу работу так, чтобы все эти силы нашей партии работали вместе, чтобы все эти органы нашей партии работали вместе, чтобы все эти члены нашей партии работали вместе. Это и было сделано на 11-м съезде.

Товарищи! Рабочие! Мы должны теперь организовать нашу работу так, чтобы все эти силы нашей партии работали вместе, чтобы все эти органы нашей партии работали вместе, чтобы все эти члены нашей партии работали вместе. Это и было сделано на 11-м съезде.

Товарищи! Рабочие! Мы должны теперь организовать нашу работу так, чтобы все эти силы нашей партии работали вместе, чтобы все эти органы нашей партии работали вместе, чтобы все эти члены нашей партии работали вместе. Это и было сделано на 11-м съезде.

Товарищи! Рабочие! Мы должны теперь организовать нашу работу так, чтобы все эти силы нашей партии работали вместе, чтобы все эти органы нашей партии работали вместе, чтобы все эти члены нашей партии работали вместе. Это и было сделано на 11-м съезде.

Центральный Комитет Российской Социалдемократической Рабочей Партии

ГЛАВНЫЕ РЕЗОЛЮЦИИ

Решение о центральном комитете

Высший орган Российской Социалдемократической Рабочей Партии - это ЦК. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде. ЦК должен быть избран на съезде.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПЕРВОГО НОМЕРА ГАЗЕТЫ «ПРОЛЕТАРИИ»

Женева, 27 мая 1905

ции — революционной агитации среди городской бедноты и крестьянства, вооружения народа, агитации в войсках и целый ряд других очень важных политических задач (см. стр. 535).

Ленин в статье «Первые уроки» писал: «...Вывод из событий 9-го января мы сделали уже в №№ 4 и 5 „Вперед“, имея в виду передовые в этих газетах. Вывод этот заключался в подтверждении высказанного ранее социал-демократией тезиса, что революционное движение переходит на практике к всенародному вооруженному восстанию⁴⁵. Само название передовой «Твердый курс» подчеркивало, что твердый, прямой курс партии большевиков заключался в направлении на восстание. При сравнении текста передовой «Твердый курс» и составленного Лениным плана его статьи «Злоба дня» мы видим те же формулировки задач: расширение базиса революции, агитация среди городской бедноты и крестьянства⁴⁶. И хотя статья Луначарского справкой Ленина не сохранилась, свидетельство самого автора о работе Ленина над этой статьей очень значительно.

Вторую передовую статью Луначарского — «Банкротство полицейского режима» — Ленин редактировал после просмотра и исправления ее соредактором Ольминским. Согласившись в основном с его правкой, Ленин считал, однако, необходимым продолжить редактирование статьи. Так, на странице 6-й рукописи в уже исправленной Ольминским фразе Ленин зачеркнул еще три слова — «храм общечеловеческого счастья» и написал: «новое социалистическое здание». Туманное романтическое выражение Луначарского Ленин перевел на марксистский язык.

Характерно, что в статье 1905 г. Ленин заметил зародыш тех богостроительских идей Луначарского, с которыми он впоследствии вел решительную борьбу. В конце рукописи Ленин сделал большую вставку, раскрывающую сущность программы-минимум (см. стр. 546). Из зачеркнутых Ольминским на странице слов «большой, красноречивый» Ленин восстанавливает слово «красноречивый», вновь его вписывая, на странице 7-й Ленин восстанавливает слова Луначарского «Они играют в политические шахматы» и «по шахматной доске». Анализируя эти исправления, сделанные Лениным, по публикации в «Ленинском сборнике», А. Западов в статье «Из наблюдений над редакционной правкой В. И. Ленина» находит в них новый смысл, которого якобы не было в рукописи Луначарского. «Ленин внес в текст образное сравнение, которое должно было прояснить и сделать более наглядными слова Луначарского». И далее: «Ленин, отнюдь не нарушая авторской манеры, придает конкретность изображаемой сцене⁴⁷. Между тем это действительно очень меткое сравнение принадлежит самому Луначарскому, но оказалось зачеркнутым при предварительном редактировании. Ленин восстановил текст Луначарского полностью.

В «Ленинском сборнике», XXVI, на стр. 336, где частично опубликована правка Ленина, в сноске сказано, что эти слова были зачеркнуты Луначарским, но при исследовании всей правки Ольминского нетрудно заметить, что это сделано рукой Ольминского, а не Луначарского (см. фото, стр. 543).

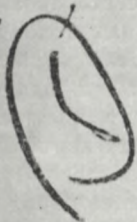
Ленинская правка следующей передовой статьи Луначарского, «Возрождение православной церкви», была полностью опубликована в «Ленинском сборнике», XXVI.

В 1905 г. в течение полугода Луначарский работал над серией статей — исторических фельетонов, посвященных борьбе пролетариата за политическую свободу в период Великой французской революции под общим заголовком «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата».

«Анатолий Васильевич, — вспоминала Крупская, — тщательнейшим образом изучал вопросы революционного движения в других странах. Есть целый ряд его статей в газете „Вперед“ под названием „Очерки революционного движения на Западе“, посвященных этому вопросу. И, изучая опыт этого движения, он яснее осознавал тот путь борьбы, которым надо идти нашей партии»⁴⁸. Из пяти статей этой серии сохранились только две с ленинскими редакционными пометками: первая — «На заре Великой революции» и четвертая статья — «Поход голодных женщин на Версаль». Однако Луначарский позже вспоминал, что все статьи этой серии (имея в виду статьи из газет «Вперед» и «Пролетарий») просматривались Лениным.

Из этой серии «Очерков» Луначарский подготовил брошюру, которая вышла без указания автора, хотя Ленину и хотелось, чтобы на ней стояло имя Луначарского⁴⁹.

К набору не непременно в № 12
к юбилею 9 января

Отец был набоченный старик:
„Нам Бог одно спасение!“ —
Бывало скажет. — „Без него
Снеси-ли все мученья?“

„Эх, царь! царь забыл про нас!
Царю живется сладко...
А перед Богом — вот горит
В утробу моя лампадка...“

„Без лампады в рот не сядет,
В лампадки было-бы масло,
Пожду и в рваных сапогах,
Лампада-бы не погасла.“

„Затми, ты, царь, за народы,
За все его страданья
Горит перед Господом в утробу
Лампада упованья.“

„И впрямь ты: придет тот день,
Господь царя пробудит
И скажет: «Где-ка на народы!
Его-то кто уж разсудит?!»“

В своих мастерски написанных «Очерках» Луначарский обрисовал борьбу французского пролетариата, и особенно парижского, его мужественное выступление на улицах столицы. Восхищаясь решимостью, которую проявил пролетариат предместий Парижа, Луначарский отмечает и его слабость: наивное доверие к обещаниям буржуазии. Так, например, пролетариат Тюильри добровольно отдал оружие, согласившись на уговоры правительства. Луначарский пишет: «Теперь, конечно, организованный и сознательный пролетариат ни в коем случае не поступил бы столь наивно». Еще более ярко Луначарский описывает выступление голодных и измученных нуждой женщин Парижа, «ходивших со своими горестями в Версаль». В заключение он говорит, что парижский пролетариат того времени и близкие к нему полупролетарские элементы были «бедны политической сознательностью и дальновидностью, но они были богаты отвагой, активностью», что пролетариат Франции был «вождем и героем в самые решительные дни Великой революции», «...если именно он толкал ее к ее логическому концу, то тем более может и должен сделать это в России несравненно более сознательный русский пролетариат» (см. стр. 533).

В июне 1905 г. Луначарский попросил Ленина «распорядиться», чтобы из библиотеки РСДРП в Женеве выслали ему в Италию «2-томную историю 48 года на франц., кажется, Robinet (...), также и Лассалеву „Сущность конституции“» (см. стр. 3). Эта просьба была, возможно, связана с тем, что Луначарский уже работал над продолжением «Очерков» или предполагал это сделать, так как печатание первой серии исторических фельетонов из пяти статей («Очерков по истории революционной борьбы европейского пролетариата») в «Пролетарии» закончилось и готовилось издание их отдельной брошюрой⁵⁰.

Ленин писал Луначарскому: «О февральской революции выпустим особо» (см. наст. ящ. том, стр. 8). В конце июля Луначарский сообщал Ленину: «На днях вышло 2-й фельетон о 1848 г. Этим годом занимаюсь серьезно, он для нас необыкновенно поучителен» (см. стр. 17). В письме Ленину Луначарский спрашивает: «Когда Вы напечатаете давно уже высланный мною 1-й фельетон о 48 годе?» (см. стр. 24). А в августе Ленин сообщает Луначарскому о получении «фельетона 48 г.» (см. стр. 28). Печатание статей о революции 1848 г. задерживалось.

Первая статья под общим заглавием «Очерки по истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата. Февральская революция и ее последствия. I» была опубликована в «Пролетарии», № 20, 10 октября/27 сентября 1905 г., стр. 2—3, без подписи. Рукопись ее не обнаружена. Рукопись второго фельетона, о котором Луначарский сообщал Ленину, хранится в архиве газеты «Пролетарий»: 10 страниц написаны рукой Луначарского, а 10 страниц рукой неизвестного⁵¹. В августе 1905 г. Луначарский в письме спрашивал Ленина: «Отчего так редко печатаете фельетоны? 48—49 годы у меня будут интереснее прежних. Хотя, перечтя, я вижу, что мои очерки удовлетворительны во многих отношениях» (см. стр. 19).

Все статьи Луначарского, напечатанные в газете «Вперед», надо рассматривать как часть единого целого, как часть той большой работы, которую вела газета. Их роль и значение следует оценивать в зависимости от основной задачи, которую выполняла газета как орган большевистской партии. Роль газеты «Вперед», как известно, III съезд партии оценил высоко. В своем решении он записал следующее: «Принимая во внимание революционную инициативу, которую проявила газета „Вперед“, выступив с критикой проникших в партию под официальным знаменем „Искры“ уклонений от указаний II партийного съезда, ту революционную чуткость, которую проявила газета „Вперед“ в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, ту энергию, с которой „Вперед“ вел борьбу против воскресших в партии демагогических приемов; принимая далее во внимание выдающуюся роль, сыгранную газетой „Вперед“ в борьбе за восстановление партийности, наконец, ее значение в деле реализации съезда, — съезд выражает благодарность редакции „Вперед“»⁵².

В какой-то мере эта оценка может быть отнесена и к деятельности Луначарского, как одного из редакторов и постоянных авторов газеты «Вперед».

III съезд партии поручил Центральному Комитету создать новый центральный орган согласно уставу партии, дав ему имя «Пролетарий»⁵³. 8/21 мая

1905 г. ЦК РСДРП известил письмом все комитеты партии о подготовляемом издании еженедельной газеты «Пролетарий».

А 11 мая Центральный Комитет постановил: «Предложить тов. Воину 100 рублей в месяц, чтобы отдавать по возможности все свои литературные силы на службу партии и жить на ее средства»⁵⁴. Ленин, имея в виду постановление, писал Луначарскому: «Надо вовсю работать для с.-д.— не забывайте, что вы ангажированы на *все ваше рабочее время*» (см. настоящ. том, стр. 27).

Литературная деятельность Луначарского в «Пролетарии» становится значительно шире, чем в газете «Вперед». Есть номера газет, где напечатано по две и три статьи Луначарского в одном номере (см. «Пролетарий», № 7, 9, 12, 16, 26).

Известно, что на страницах «Пролетария» Ленин вел энергичную борьбу против меньшевиков, последовательно разоблачая оппортунистическую тактику, которую они проповедовали на страницах захваченной ими газеты «Искра». Так, например, Ленин, ознакомившись с передовой статьей № 105 «Искры» и определив ее как «отчаянный вздор», тут же просит отправить этот номер Луначарскому, а в письме к нему (см. стр. 11) предлагает: «Не напишете ли поскорее против нее? Если да, *телеграфируйте*». Вскоре Луначарский сообщил в письме, что он «передовицу постарается прислать на днях» (см. стр. 14), и уже в конце июля написал Ленину: «Посылаю вам статью, если хотите передовую. Она мне много крови испортила: я ее три раза переделывал, кажется, теперь удовлетворительна. Статьи искровской не исчерпал... но постарался нанести возможно более сильный удар в самое слабое место» (см. стр. 17).

Статья-фельетон «Они не оправдали ни надежд, ни опасений» была опубликована в «Пролетарии», № 13 9/22 августа 1905 г. без подписи. Здесь Луначарский подверг резкой критике передовую статью «Не начало ли поворота» № 105 «Искры». На исторических аналогиях, относящихся к революционной борьбе пролетариата в 1848 и в 1871 гг., он показал всю несостоятельность заявления меньшевиков о поддержке пролетариатом буржуазного временного правительства в случае победы буржуазии в революции. В этой же статье Луначарский критикует также передовую № 106 «Искры» «Оборона или наступление». Он пишет Ленину: «„сорвать“ Думу надо во всяком случае, тут 106 № заврался, но надо бы так сорвать, чтобы самим вперед рвануться!» (см. стр. 17). Луначарский, как мы видим, полностью согласен с ленинскими положениями статьи «Бойкот булыгинской Думы и восстание», опубликованной ранее в «Пролетарии», № 12⁵⁵.

В 13-м номере «Пролетария» напечатано также стихотворение Луначарского «К юбилею 9 января!», приуроченное к полугодовщине со дня расстрела петербургских рабочих у Зимнего дворца. На экземпляре стихотворения, переписанного рукой неизвестного, пометка Ленина: «К набору непременно в № 12» (см. фото, стр. 507). Поместить стихотворение в 12-м номере газеты, как этого хотел Ленин, редакции не удалось; по-видимому, 12-й номер был уже набран⁵⁶.

В конце августа 1905 г. Луначарский сообщал Ленину: «Сегодня посылаю балладу „Два либерала“. Если она Вам понравится — напечатайте» (см. стр. 29). Баллада была опубликована в № 16 «Пролетария» (см. фото, стр. 510—511)⁵⁷. Баллада, очевидно, понравилась Ленину. Так, в статье «Встреча друзей», напечатанной в «Пролетарии», № 18, 26/13 сентября 1905 г., посвященной политическому кризису в России — створу земцев с правительством, Ленин писал: «*Буржуазия обещала самодержавию сбавить свой революционный пыл <...> Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить*»⁵⁸. Слова «на скидочку скидкой ответить» взяты Лениным из баллады Луначарского «Два либерала».

По специальному заданию Ленина и по источникам, им указанным, Луначарский написал пять статей, составивших серию под общим названием «Массовая политическая стачка». С первого номера начала печататься эта серия статей. «Мы знаем,— говорила Крупская,— какую роль сыграла в революции 1905 г. массовая забастовка. И вот о революционизирующем значении массовой забастовки писал тогда Анатолий Васильевич»⁵⁹. Необходимость написания этих статей вытекала из решений III съезда партии. Вопрос о политической стачке в связи с развивающейся революцией стал одним из важных в борьбе пролетариата. «Вопрос о массовой политической стачке,— утверждал Ленин,— <...> волнует всю международную социал-демокра-

тию. Его выдвинули на первый план в последнее время события в целом ряде стран, в том числе и, пожалуй даже, в особенности в России»⁶⁰.

В октябре 1905 г., в начале событий в Москве, Ленин писал о политической стачке как о вполне сложившейся форме движения, «переходящей на наших глазах в восстание»⁶¹. Массовые стачки «неразрывно связаны у нас, — говорил Ленин, — с вооруженным восстанием»⁶².

Из пяти дошедших до нас рукописей статей Луначарского только две — с правкой Ленина. Правка эта публикуется впервые.

Большой интерес представляет правка Ленина в статье «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры». К этой статье Ленин написал заключение, в котором он рассматривал вопрос о единстве диктатуры пролетариата и крестьянства и об уроках Парижской Коммуны для русской революции.

Интересна и история создания статьи, ее публикации, установление авторства (об этом см. подробно на стр. 574—576).

Сохранились статьи Луначарского, написанные им для «Пролетария», но оставшиеся не напечатанными. На двух из них имеются редакционные пометки Ленина. Тексты статей «Столетний юбилей Мадзини в Риме» и «Цветы либеральных словопрений», как и редакционные пометки Ленина на них, публикуются впервые. До сих пор статья «Столетний юбилей Мадзини в Риме» приписывалась Воровскому, так как была переписана его рукой и только благодаря тому, что в материалах «Пролетария» сохранилась рукопись Луначарского, стало возможным установить авторство Луначарского.

Как уже отмечалось, редактируя статьи Луначарского и других авторов, Ленин давал им на просмотр свои собственные работы. Так, в начале 1906 г. Богданов написал в тюрьме 3-ю часть «Эмпириомонизма», которую подарил Ленину. Ленин, внимательно прочитав его, «озлился и взбесился необычайно», как пишет он в письме Горькому 25 февраля 1908 г., потому что увидел, что Богданов идет «архиневерным путем, не марксистским». Ленин написал Богданову «письмецо по философии в размере трех тет-

1

Два либерала
Башада.

Но неважно сь видоизменил
Шли медлили два либерала,
Ты же меньше, ты в город или
Правительство вновь камели.

«Вот друг, крестовый!» сказал Стр-
Ручей:

«Как чаше оканчивал крестовый,
И зачем в думу амурской России
Наше правительство выдвинул?»

«Крестовый — социал-демократ
Каше зубоскаль надъ нами,
И срывъ наши выборы и выборы
Но каше заместя сделали».

«Довольно удивляет нас чаше на словах
За забралъ и шельм и амурской»

ру так тщательно, что исправлял даже типографские опечатки. Текст брошюры с правкой Ленина публикуется впервые.

Другая брошюра была написана Луначарским по прямому заданию Ленина в связи с состоявшимся в Штутгарте в августе 1907 г. VII Международным социалистическим конгрессом II Интернационала ⁶⁶. Одним из основных вопросов Конгресса был вопрос о взаимоотношениях между политическими партиями и профессиональными союзами.

Луначарский позднее вспоминал: «Мне было поручено представлять нашу партию в комиссии по профсоюзам, где мне пришлось вести непосредственную борьбу против Плеханова, стоящего на точке зрения безусловного отделения профессионального движения от партийного. Ленин поручил мне тогда изложить всю эту дискуссию в особой брошюре, что было мною сделано» ⁶⁷. Ленин был назначен Центральным Комитетом делегатом на штутгартский Международный социалистический конгресс с поручением отстаивать точку зрения большевиков по вопросу об отношении марксистской партии рабочего класса к профсоюзам. «Большевики, — писал Ленин, — послали в комиссию Воинова ⁶⁸, который отстаивал взгляд партии, т. е. решение в духе Лондонского съезда против нейтральности, за теснейшее сближение профессиональных союзов с партией» ⁶⁹. Резолюции Конгресса по этому вопросу Ленин придавал очень важное значение. Принятию правильного решения способствовала смелая позиция, занятая русскими большевиками и левыми социал-демократами. Конгресс вопреки правому крылу принял резолюцию, подтверждавшую принцип партийности профсоюзов, и отверг многочисленные проекты резолюции, обсуждавшиеся в комиссии. Об этом также рассказывал Луначарский в своем письме 24 мая 1929 г.: «По окончании Конгресса Владимир Ильич поручил мне написать брошюру в защиту нашей точки зрения. Это было тем интереснее, что нам можно было сослаться на великоленные цитаты Маркса, указывающего истинно социалистический революционный смысл профсоюзной организации. Цитаты, с которыми пришлось довольно двусмысленно провозиться Плеханову. Брошюра была написана и послана Ленину. Но к этому времени наступили очень тяжелые события. Революционный взлет быстро ликвидировался, и брошюра, кажется, не увидела света» ⁷⁰. Написанную брошюру Луначарский послал Ленину, жившему тогда в Финляндии. «Получилась, наконец, Ваша брошюра, — сообщал в ноябре 1907 г. Ленин Луначарскому, — первая часть пришла довольно давно. Я все ждал конца, чтобы прочесть в целом, но так и не дождался» (см. стр. 33).

Однако Ленин, не дожидаясь пока придет окончание брошюры, не только сам прочел первую часть, но и дал ее прочитать другим товарищам. «Что касается до содержания Вашей брошюры, — писал Ленин Луначарскому, — то мне она чрезвычайно понравилась, как и всей нашей публике». Несмотря на хороший отзыв, Ленин делает критические замечания и предостерегает Луначарского, отмечая, что в брошюре «неосторожностей много (<...> к которым *придираться* будут всякие эсеры, меньшевики, синдикалисты etc. Мы совещались коллективно, ретушировать или в предисловии оговорить? Решили последнее» (см. стр. 33). Ленин, по-видимому, вскоре начал работать над предисловием, так как закончил его еще до отъезда в Женеву.

Луначарский после письма Ленина прислал к своей брошюре «III приложение», но оно, по словам Владимира Ильича, «пришло крайне поздно». Из-за преследования царской охранки Ленин вынужден был по решению большевистского центра срочно покинуть Финляндию и выехать за границу. Третье приложение Ленин, как он указывает в письме Луначарскому в январе 1908 г., «едва успел прочесть» перед самым отъездом.

В декабре 1907 г. Ленин возвращается вновь в Женеву. Начинается период второй эмиграции Ленина. В письме Луначарскому в Италию 13 января 1908 г. он сообщает: «Вашу брошюру о Штутгарте прочел всю..., она очень хороша, товарищи довольны, „исправлять“ ее все решили излишним, уж очень жаль стирать ваши краски и портить живо написанную вещь!» Но, как и в предыдущем письме, Ленин вновь отмечает, что в брошюре есть «ряд больших неосторожностей». В условиях наступившей реакции и усиления цензурного гнета брошюру Луначарского, очевидно, напечатать не удалось.

Рукопись брошюры, полученная Лениным от Луначарского, по-видимому, не сохранилась. Луначарский писал: «Хотя я получил затем от Ленина записку (сейчас мною утерянную) с одобрением этой брошюры, тем не менее она так и не была издана,

вероятно, затерявшись в ходе дальнейших событий»⁷¹. Ни разыскать, ни точнее установить содержание и заглавие ее не удалось. Возможно, что это был отчет Воинова как делегата РСДРП о Штутгартском конгрессе. В эту брошюру, видимо, целиком или в большей своей части вошла его статья «Новые пути. Введение в отчет делегата РСДРП по вопросу о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе», опубликованная в литературном, научном и политическом журнале «Радуга» (1907, № 3), издававшемся в Женеве.

Ленин в своем «Предисловии» в значительной степени излагает содержание статьи «Новые пути», кроме того он сохраняет порядок некоторых положений статьи, ее отдельные места, формулировки. Сличение текстов, использованных и цитируемых Лениным в предисловии, со статьей Луначарского «Новые пути» обнаружило, что они почти полностью совпадают. Так, например, Ленин пишет о четырех обвинениях Воинова против синдикализма, имея в виду «Введение в отчет»⁷², и из каждого обвинения приводит цитаты. Следовательно, Владимир Ильич находил, что выводы Луначарского верны не только по содержанию, но и по форме. Говоря о «Генеральном рабочем совете», Ленин цитирует Луначарского: «... Подчинение политических организаций классовой синдикальной организации, но подчинение это произойдет лишь тогда, когда экономически организованные массы будут проникнуты светом политического сознания, когда все специалисты будут членами синдикатов или бирж труда, а все профессионалы социалистами»⁷³, подчеркивая существенные слова «все профессионалы будут социалистами»⁷⁴. Далее Ленин отмечает, что к меньшевистской аванюре по созыву рабочего съезда «тов. Воинов справедливо относится, как к предприятию „несерьезному“»⁷⁵ (в статье у Луначарского читаем: «Мне кажется, что весь этот шум по поводу столь расплывчатого рабочего съезда — несерьезен»⁷⁶). И, наконец, на этой же странице Ленин пишет: «... Будем усиленно работать в профессиональных союзах <...> и над созданием „твердыни“ классовой организации», а на стр. 59 «Радуги» читаем у Луначарского: «... Лишь опираясь на настоящую твердыню классовой организации, можно победить капитал».

Все это дает возможность предполагать, что статья «Новые пути» является если не «первой частью», то основной частью брошюры, о получении которой писал Ленин (см. стр. 33) и формулировки которой он не только одобрил, но и считал необходимым пропагандировать. Предисловие Ленина к брошюре Луначарского впервые было опубликовано в XXV «Ленинском сборнике» в 1933 г. Рукопись Ленина представляет тетрадь обычного ученического типа: содержит 20 страниц. В ней имеется ряд исправлений, сделанных карандашом рукой Крупской⁷⁷.

Женевский период работы Луначарского с Лениным продолжался около года. Он оставил «жгучий след» в его сознании и был «особенно приятным» для него⁷⁸. Женева сыграла «свою яркую роль в истории моей жизни», и притом как раз «в важнейшей части жизни — жизни политической»⁷⁹, — писал он. Характеризуя рабочую атмосферу в газете «Новая жизнь», которая начала издаваться одновременно с выходом последних номеров «Пролетария» в конце 1905 г., Луначарский вспоминал: «В течение всего этого времени Ленин был, конечно, животворящей фигурой, мозгом и сердцем этих газет, и как прежде в газетах „Вперед“ и „Пролетарий“, с большой интенсивностью, работая коллективно и дружно, мы испытывали огромное наслаждение от этого всегда живого, находчивого, пламенеющего руководства. Необычайная быстрота сообразительности, умение вдруг сопоставить несколько фактов, казавшихся очень разнородными, отдельными друг от друга, поразительная быстрота маневрирования, меткость формулировок — вот что нас поражало в нашем вожде»⁸⁰.

Ленин, как вспоминает Крупская, очень хорошо относился к Луначарскому и был к нему «порядочно-таки пристрастен даже во время расхождения с впередовцами»⁸¹. Ленина всегда привлекало умение Луначарского быстро откликаться на сложные явления современности, облекать свои выступления в яркую литературную форму. Ленин ценил в Луначарском одаренность, темперамент, эрудицию, ценил его талант, его умение работать. Крупская пишет: «... Умение оформлять — искусство. И Владимир Ильич

особенно ценил тех членов редакции и сотрудников, которые обладали талантом оформления. Это не только вопрос стиля и языка, но вся манера развития и освещения вопроса. С этой стороны Владимир Ильич особенно ценил Анатолия Васильевича Луначарского, не раз говорил об этом. Вот высказал кто-нибудь какую-нибудь верную и интересную мысль, подхватит ее Анатолий Васильевич и так красиво, талантливо сумеет ее оформить, одеть в такую блестящую форму, что сам автор мысли даже диву дается, неужели это его мысль, такая простая и часто неуклюжая, вылилась в такую неожиданно изящную, увлекательную форму. Мне приходилось несколько раз присутствовать при разговорах Владимира Ильича с Анатолием Васильевичем и наблюдать, как они „заряжали“ друг друга”⁸².

Литературное наследие Луначарского за период 1905 г. свидетельствует о том, что почти ни один общественно важный факт не оставался без его внимания, отклика и оценки. Характерно для его деятельности стремление вкладывать всю свою творческую энергию в дело, за которое боролись большевистская партия и руководимый ею пролетариат. Талантливые работы Луначарского, написанные под непосредственным влиянием Ленина, расскажут потомкам об эпохе революционных бурь, сыгравшей громадную историческую роль в подготовке великого Октября.

В 1925 г. Луначарский предполагал издать отдельной книгой свои статьи из газет «Вперед» и «Пролетарий» и написал специальное предисловие, публикуемое нами в приложении (см. стр. 598—600). Но выпуск такой книги не состоялся. Было бы желательно осуществить замысел Луначарского теперь. Издание сборника статей, которые сам Луначарский считал своими лучшими политическими произведениями, созданными под руководством и при участии Ленина, несомненно принесло бы пользу.

Ниже мы публикуем статьи Луначарского с правкой Ленина. Текст, исправленный Лениным (добавления, изменения и т. д.), выделен курсивом. В сносках под строкой приводится первоначальный вариант, принадлежащий Луначарскому.

Правка рукописей Луначарского, сделанная кроме Ленина другими членами редакции, в частности Ольминским, не воспроизводится.

В «Приложении» впервые печатается письмо Ольминского Луначарскому, относящееся к их сотрудничеству с Лениным в «Пролетарии». Кроме того, дается перечень статей Луначарского, опубликованных в газетах «Вперед» и «Пролетарий» (1905 г.), а также список большевистских газет, в которых сотрудничали Ленин и Луначарский с 1905 по 1917 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 13, лл. 2—44. Частично опубликовано в кн.: «Ленин — журналист и редактор». М., Госполитиздат, 1960, стр. 325—336.

² Н. К. К р у п с к а я. Ленин — редактор и организатор партийной печати. М., Госполитиздат, 1956, стр. 3.

³ А. Л у н а ч а р с к и й. Владимир Ильич Ленин. — В его кн.: «Великий переворот», Пг., 1919, стр. 58.

Работа Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“. СПб., 1894 г.» была напечатана в сборнике статей «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» под псевдонимом Тулин (СПб., 1895).

⁴ А. Л у н а ч а р с к и й. Воспоминания из революционного прошлого. — В его кн.: «Великий переворот», Пг., 1919, стр. 19.

⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., Политиздат, 1964, стр. 284.

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 13, л. 4.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 375, оп. 7н, ед. хр. 18826 (см. также настоящ. том, стр. 608).

⁸ Л е н и н, т. 46, стр. 396—397.

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 5, л. 14, а также «Воспоминания из революционного прошлого», в кн.: А. Л у н а ч а р с к и й. «Великий переворот». Пг., 1919, стр. 30.

¹⁰ Там же.

¹¹ Л е н и н, т. 46, стр. 405.

¹² М. Э с с е н. Встречи с Лениным. М., 1968, стр. 10.

- ¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 14—15.
- ¹⁴ Ленин, т. 46, стр. 412.
- ¹⁵ А. В. Луначарский. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., Соцэкгиз, 1959, стр. 181.
- ¹⁶ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах, т. 2. М., Изд-во Акад. пед. наук, 1958, стр. 651.
- ¹⁷ М. Ольминский. По поводу собрания сочинений т. Ленина.— «Пролетарская революция», 1923, № 11 (23), стр. 97.
- ¹⁸ Ленин, т. 9, стр. 103.
- ¹⁹ Ленин, т. 46, стр. 414.
- ²⁰ Ленин, т. 9, стр. 103, 105.
- ²¹ Ленин, т. 46, стр. 421—422.
- ²² Там же, стр. 429.
- ²³ П. Лепешинский. Красивый финал красивой жизни (Несколько слов об умершем на своем посту т. В. В. Воровском).— «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. IV.
- ²⁴ А. В. Луначарский. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 181.
- ²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1413.
- ²⁶ «Ленинский сб.», XXVI, стр. 415.
- ²⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1413.
- ²⁸ Ленин, т. 46, стр. 324.
- ²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 13, лл. 11—13.
- ³⁰ Там же, л. 15.
- ³¹ Н. К. Крупская. В. И. Ленин — редактор и организатор партийной печати; П. Лепешинский. Великий журналист нашей эпохи. («Журналист», 1925, № 2, стр. 3—4; В. Карпинский. Ленин как редактор.— В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., Госполитиздат, 1956, стр. 277—285; М. Ольминский. Тов. Ленин.— «Пролетарская революция», 1924, № 3, стр. 26—31; М. С. Ольминский. Редакторская работа тов. Ленина.— «Старый большевик», октябрь — декабрь, № 5 (8), М., 1933, стр. 141—143; В. Воровский. В. И. Ленин.— «Вестник русской революции», 1917, № 11; В. Бонч-Бруевич. Отношение Владимира Ильича к передовым статьям.— «В помощь районной газете», 1936, № 5, стр. 28; М. Б. Ханин. О статье В. И. Ленина «Революция в России». — В кн.: «О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900—1922 годы». М., 1963, стр. 25—29; Л. А. Фотиева. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967, стр. 19; «Ленин — журналист и редактор». М., Госполитиздат, 1960; И. А. Портачкин. Редакторская и публицистическая деятельность В. И. Ленина. М., ВПШ и АОН, 1959.
- ³² Действительно переписал он всего три с небольшим страницы рукописи, а ошибок сделал много, и далее текст переписан другим лицом. Статья посвящена войне России с Японией и, видимо, готовилась ко второму номеру. Но в это время пришло сообщение о капитуляции Порт-Артура («Вперед», № 2, 14/1 января 1905 г., см. также Ленин, т. 9, стр. 151—159). Поэтому статья Луначарского осталась неопубликованной (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, л. 255).
- ³³ «„Вперед“ и „Пролетарий“. Первые большевистские газеты 1905 года». М., «Красная новь», 1924, вып. первый, стр. III.
- ³⁴ В. Карпинский. Ленин как редактор.— В кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1, стр. 277—285.
- ³⁵ Ленин, т. 49, стр. 155.
- ³⁶ Ленин, т. 46, стр. 427.
- ³⁷ Там же, стр. 432.
- ³⁸ «Рабоче-крестьянский корреспондент», 1940, № 7, стр. 9.
- ³⁹ «Журналист», 1925, № 2, стр. 4.
- ⁴⁰ «Ленин — журналист и редактор», стр. 326—327.
- ⁴¹ В. Бонч-Бруевич. Отношение Владимира Ильича к передовым статьям.— «В помощь районной газете», 1936, № 5, стр. 28.
- ⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 307, л. 32.
- Луначарский в издании группы впередовцев «На темы дня» (1913, № 3) поместил статью под аналогичным названием «Твердый курс», в которой он писал: «Этими словами назвал я одну мою статью в старом „Вперед“, издававшемся в Женеве в первые месяцы революционного движения. Я констатировал в той статье слишком большую подвижность, проявлявшуюся в то время меньшевиками, которые, плетясь с осторожностью и оглядкой в хвосте рабочего движения во времена спокойные, казалось, готовы были истерическим курбетом перепрыгнуть через наши головы, когда нервы их оказались звонченными событиями этой эпохи».
- Это еще одно подтверждение того, что статья «Твердый курс» в газете «Вперед» принадлежит Луначарскому. Но при этом следует отметить, что обе статьи, одинаково названные, по содержанию совершенно различны.
- ⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 21, л. 44.

⁴⁴ Ленин, т. 9, стр. 204. Крупская об этом вспоминала: «Я помню, как переживалось нашей заграничной группой известие о 9 Января. Помню, мы шли с Владимиром Ильичем в библиотеку, не зная ничего, не зная о тех телеграммах, которые пришли и принесли вести о 9 Января, говорили о чем-то неважном. Навстречу нам быстро шел Анатолий Васильевич. От него первого мы узнали о расстреле рабочих. Охватило не только глубокое возмущение — охватило сознание, какой громаднейший толчок всему рабочему движению даст 9 Января, какая громадная ответственность ложится на партию. 9 Января мы переживали вместе с Анатолием Васильевичем». Н. К. Крупская я. Педагогические сочинения в десяти томах, т. 2. М., 1958, стр. 652.

⁴⁵ Ленин, т. 9, стр. 252.

⁴⁶ Там же, стр. 405.

⁴⁷ А. З а п а д о в. Из наблюдений за редакторской правкой В. И. Ленина. — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка», т. XXVIII, вып. 2. М., 1969, стр. 96.

⁴⁸ Н. К. Крупская. Педагогические сочинения в десяти томах, т. 2, стр. 652.

⁴⁹ М. О л ь м и н с к и й. Письмо Луначарскому. См. настоящ. том, стр. 608.

⁵⁰ Брошюра Луначарского «Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата». Издание Центрального Комитета РСДРП. Женева, 1905, 38 стр.

⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. X, ч. II, лл. 178—191.

⁵² «Третий съезд РСДРП. Сб. документов и материалов». М., 1955, стр. 20, 21.

⁵³ Там же, стр. 20.

⁵⁴ «Ленинский сб.», V, стр. 281.

⁵⁵ Ленин, т. 11, стр. 166—174.

⁵⁶ Луначарский при подготовке к переизданию своих статей из газет «Вперед» и «Пролетарий» внес исправление (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 14, л. 52).

⁵⁷ Баллада «Два либерала» была опубликована без имени автора. Рукопись хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 57, лл. 1—4. В архиве газеты «Пролетарий» имеется экземпляр баллады, переписанный рукой Крупской, в который внесены редакционные исправления рукой неизвестного (ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 534, лл. 11—13). Баллада была перепечатана в газете «Забайкальский рабочий», 1906, № 4, 16 (3) января (Ленин, изд. 3, т. VIII, стр. 495). Кроме того, в материалах газет «Вперед» и «Пролетария» хранятся еще два стихотворения, написанные рукой Луначарского: «Железнодорожники у Хилкова» и «Железнодорожники у Витте» (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, лл. 45—48).

⁵⁸ Ленин, т. 11, стр. 238.

⁵⁹ Н. К. Крупская я. Педагогические сочинения в десяти томах, т. 2, стр. 652.

⁶⁰ Ленин, т. 11, стр. 323.

⁶¹ Там же, стр. 346.

⁶² Ленин, т. 18, стр. 85.

⁶³ Ленин, т. 47, стр. 346.

⁶⁴ Там же, стр. 142.

⁶⁵ Ленин, т. 54, стр. 457—462; «Ленинский сб.», V, стр. 363—366.

⁶⁶ О совместной деятельности Ленина и Луначарского на этом конгрессе см. также публикацию новых материалов в настоящ. томе (стр. 613—626).

⁶⁷ Из автобиографии Луначарского, присланной им в Институт Ленина в 1926 г. (см. ниже, стр. 740—741).

⁶⁸ Луначарский для этого был специально вызван из Италии. — «Ленинский сборник», XXVI, стр. 32.

⁶⁹ Ленин, т. 16, стр. 91.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 5, л. 11 об.

⁷¹ Из автобиографии Луначарского, присланной им в Институт Ленина в 1926 г. (см. ниже, стр. 741).

⁷² Ленин, т. 16, стр. 190; «Радуга», 1907, № 3, стр. 58—59.

⁷³ «Радуга», 1907, № 3, стр. 72.

⁷⁴ Ленин, т. 16, стр. 190.

⁷⁵ Там же, стр. 191.

⁷⁶ «Радуга», 1907, № 3, стр. 69.

⁷⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2325.

⁷⁸ А. В. Луначарский. Статьи и речи по вопросам международной политики, стр. 181.

⁷⁹ Там же, стр. 189.

⁸⁰ А. Луначарский. Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. — «Пролетарская революция», 1930, № 2-3, стр. 84.

⁸¹ Н. К. Крупская я. Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957, стр. 98.

⁸² Н. К. Крупская я. Ленин — редактор и организатор партийной печати, стр. 17.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

«Объявление» в виде листовки было напечатано 23 декабря 1904 г. в Женеве в количестве 10 000 экземпляров. (Листовка хранится в фондах библиотеки ИМЛ.) На листовке нет ни даты, ни подписей, но есть адрес для сношения с редакцией. Текст листовки был перепечатан в журнале «Пролетарская революция» в 1923 г., в № 4, на стр. 191—195. Ленин писал М. М. Эссен 11/24 декабря 1904 г.: «Вчера вышло объявление об издании нашей газеты „Вперед“» (Л е н и н, т. 46, стр. 429). По этому письму и датируется листовка.

Крупская также в письме Льву (М. К. Владимирову) в Петербург 25 декабря 1904 г. писала: «Вчера вышел анонс о выходе „Вперед“» (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 21, л. 1). А в письме Демону (Р. С. Землячке), Мышке (П. И. Лалаянц) и другим в тот же день писала: «Сегодня посылаем Вам анонс о „Вперед“» (там же, ед. хр. 18, л. 1). «Объявление» рассылалось в виде приложения к № 1 «Вперед».

О том, что текст «Объявления» был подготовлен Луначарским, свидетельствуют сотрудники редакции «Вперед» — Карпинский, Ольминский и сам Луначарский. По воспоминаниям Ольминского, Анатолию Васильевичу пришлось перерабатывать текст «Объявления» два или три раза. «Помню, — пишет Ольминский, — в частном разговоре тов. Ленин отметил, что Луначарскому была очень неприятна эта переделка, но он старался не показать виду...» (см. «Пролетарская революция», 1924, № 11, стр. 37, а также Л е н и н, т. 9, стр. 417). Карпинский в статье «Ленин как редактор» писал об этом: «Автор должен был по замечаниям Владимира Ильича трижды ее (статью. — А. Т.) перерабатывать» («Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 1. М., 1956, стр. 280). В Полном собрании сочинений Ленина (т. 9, стр. 416—417) «Объявление» включено в список изданий, отредактированных Лениным. В первом томе Истории КПСС (М., 1964, стр. 592) указано, что объявление составлено Луначарским.

Подготовленный Луначарским текст с редакционными правками других членов редакции в окончательном виде был переписан для типографии рукой Ольминского (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 467, лл. 1—7). Этот документ печатается впервые. При сверке его с опубликованным «Объявлением» обнаружена большая правка, принадлежащая Ленину. Ленин придавал «Объявлению» большое политическое значение. Газета «Вперед» должна была поднять знамя партийности в защиту решений II съезда партии против оппортунизма меньшевиков, захвативших в свои руки «Искру». В «Объявлении» подчеркивалась необходимость сплочения партийных рядов перед назревавшей революцией. Поэтому за окончательную доработку текста Ленин взялся сам. Владимир Ильич своей тщательной редакционной правкой придал документу политическую заостренность и ясность.

**РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

Давно гнилое в своих основах, давно отжившее свое время¹, хищное, неумелое, свирепое самодержавие с ужасом увидело в последние годы, что оно стоит перед пропастью². Ни поддержка западноевропейской реакции, ни дозволение пришлым и туземным капиталистам обирать всю русский народ, ни грубое турецкое насилие не могли помешать приближению решительного часа. Передовая часть русского народа, политически созревший русский пролетариат выступил на историческую сцену³.

¹ Было: отжившее

² Было: пропасть, перед которой стояло

³ Было: Оно поняло, что ни поддержка западноевропейской реакции, ни борьба с просвещением, ни содействие капиталистам в обирании русского народа, ни зверское, чисто турецкое насилие не могут отдалить решительного часа. Политически созревший русский пролетариат выступил на историческую авансцену.

Яркое и мощное движение этой новой народной России, народа городов и фабричных поселений оживило все запуганные и забытые элементы русской оппозиции. Грозные события, предвестники революции, учащались. Красный призрак появился и начал неуклонно наступать на бесконтрольных хозяев бесправной страны. И русское самодержавие, как и следовало ожидать, потеряло голову. Невежественное и наглое, оно задумало ценой народной крови заглушить недовольство. Оно решило обрушиться на страну, которую считало слабой и некультурной, выступить вождем национальных сил, объединить их грохотом победных барабанов¹. Теснимое пролетариатом, главным двигателем исторических событий последних лет, правительство пошло на военный экзамен и, конечно, провалилось.

Короткая и жалкая вакханалия патриотизма сменилась еще более широким и глубоким недовольством. Смерть Плеве послужила поводом к политическому зигзагу, который можно было предугадать. Путем ничтожных уступок, приправленных ласковыми фразами, правительство постаралось купить доверие буржуазного общества, чтобы направить его на революционеров, мешающих несвоевременными требованиями правильному ходу мирных реформ. Но и этот шарлатанский прием оказался неудачным: даже буржуазные либералы увидели, что от правительства можно требовать больше того, что оно предлагает. Шатание власти, запутавшейся в расставленных ею же сетях, повело только к небывалому оживлению всех оттенков демократического движения в России².

Пролетариат может и должен использовать такое положение вещей³. Его основной целью является разрушение буржуазного мира и создание на его развалинах мира социалистического⁴. Но чтобы вырасти в силу, способную осуществить эту великую всемирно-историческую цель, пролетариат нуждается в политической свободе, в свободе слова и печати⁵, собраний и союзов, в демократической республике с всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом. Зачаточное пока, но глубокое и жизненное, демократическое движение в России превратится в русскую революцию и приведет к необходимой для пролетариата политической свободе только в том случае, если пролетариат с полной сознательностью и со всей энергией обрушится на самодержавие⁶.

¹ Было: Предвестники грозной революции учащались. Появился «Красный призрак». Он принимал все более резкие очертания. Он неуклонно наступал на бесконтрольных хозяев бесправной страны. И самодержавие потеряло голову. Оно задумало ценой народной крови заглушить недовольство. Невежественное и наглое, оно хотело выступить вождем национальных сил и объединить их грохотом победных барабанов. Оно обрушилось на страну, которую искренне считало слабой и некультурной.

² Было: Вакханалия патриотизма сменилась всеобщим растущим недовольством. Смерть Плеве толкнула самодержавие к новому политическому зигзагу, который можно было предугадать, — к ласковым фразам и незначительным уступкам. Правительство надеялось заручиться доверием буржуазного общества, чтобы направить его на революционеров, будто бы мешающих правильному ходу мирных реформ. Опять неудача! Даже буржуазные либералы разгадали шарлатанский характер правительственных обещаний. Даже они поняли, что в данный момент можно требовать больше того, что им предлагают.

Власть запуталась в собственных сетях, ополоумела от страха и стала метаться. Ее шатание способствовало небывалому оживлению демократического движения.

³ Было: Пролетариат должен использовать положение вещей

⁴ Было: создание социалистического строя

⁵ Было: Чтобы осуществить свою великую цель, чтобы вырасти в достаточную силу, пролетариат нуждается в свободе слова и печати

⁶ Было: И если пролетариат с полной сознательностью обрушится теперь на самодержавие, то зачаточное пока, но несомненно жизненное демократическое движение в России превратится в революцию и приведет к необходимой для пролетариата политической свободе.

Пролетариат должен выступать *при этом* отдельной сомкнутой колонной, со своими особыми лозунгами, *выступать* не как слепое орудие буржуазной революции, а как ее наиболее сознательный и наиболее решительный участник и двигатель. Не пролетариат для революции, а революция для пролетариата!

Существуют все *данные*, *чтобы*¹ стихийные проявления борьбы пролетариата осветились истинно пролетарскими идеями научного социализма, чтобы они возвысились до твердой и *неуклонной*² тактики, чтобы они отлились в прочные формы крепкой социал-демократической организации. Но кроме внешних данных важна еще наличность организующего начала. Таковым может явиться только ядро сознательного пролетариата, т. е. Российская социал-демократическая рабочая партия. На долю нашей партии выпадает трудная и славная задача: куня горячее железо, организовать энергию пролетариата, дать ей верные лозунги, направить ее *целесообразными путями*³. Силы удесятерятся организацией. Организоваться — наша *первейшая и настоятельнейшая* задача.

Когда содержание партийной работы растет медленно и постепенно, *могут постепенно расти*⁴ и ее *организационные формы*⁵. Но при *том* бурном и порывистом росте, какой проявляет активность и сознательность русского пролетариата, старые формы партийной жизни неминуемо должны разрушаться и воссоздаваться путем острых кризисов. *А со старыми формами партийной жизни сживаются и срстаются, как и всюду, отдельные личности и отдельные мелкие группы*⁶. Партийные работники, сознавшие необходимость коренной ломки старых форм, являются *орудиями*⁷ *новых тенденций и вынуждены*⁸ действовать безжалостно, не считаясь с чувствами и симпатиями отдельных лиц. *Случается, что порывистый шаг вперед вызывает при таких условиях острую реакцию: все сознательные и бессознательные сторонники старого уклада соединяются в один союз, сплавиваемый лишь ненавистью к новаторам, и временно отбрасывают партию на два шага назад. Естественно, что в связи с организационной реакцией появляется при этом и реакция принципиальная*⁹.

Именно такой кризис *переживает теперь наша партия*¹⁰. *Этот кризис*¹¹ — лишь отражение могучего и быстрого роста *сил пролетариата*¹².

Назревшее стремление стать настоящей организованной пролетарской партией, ища себе выхода в лихорадочной атмосфере нынешнего политического момента, *революционно*¹³ разбивало рамки кружковщины. Реакция была неизбежна и оказалась очень острой. Реакционная вспышка

¹ Было: данные для того, чтобы

² Было: непреклонной

³ Было: целесообразно

⁴ Было: тогда постепенно растут

⁵ Было: организационные формы партии

⁶ Было: К несчастью, с устаревшими формами сживаются и срстаются отдельные личности и мелкие группы

⁷ Было: выразителями

⁸ Было: тенденций; они вынуждены

⁹ Было: Тогда против них соединяются все сознательные и бессознательные сторонники старого уклада. Образуется разношерстный союз лиц, объединенных одной лишь ненавистью к новаторам. Возможно, что такой союз отбросит на два шага назад партию, только что сделавшую шаг вперед. В связи с организационной реакцией естественно проявляется и реакция принципиальная.

¹⁰ Было: переживается нашей партией

¹¹ Было: он

¹² Было: содержания партийной работы

¹³ Было: ломало и

кружковщины разорвала партию. Официальные партийные центры явились поборниками кружковых традиций и приемов¹; они стали выразителями кружковых интересов. Местные комитеты отстаивали нарастающую партийность. Партия лишилась центральных учреждений, центральные учреждения оказались вне партии. *Поборники кружковщины, объединившие разнородные элементы лишь враждою к новым требованиям жизни, не могли выставить никаких прогрессивных лозунгов. Отсутствие организационного принципа они стремились возвести в теорию организации процесса. Бессильные справиться с новыми задачами, выдвигаемыми жизнью, они лишь повторяли старые лозунги групп, наиболее отсталых принципиально*². Став на наклонную плоскость организационного оппортунизма, они уже докатились и до оппортунизма тактического.

Партия в лице ее местных организаций отстаивала выдержанное направление революционной социал-демократии. Она стремилась удовлетворить новые запросы, выдвигаемые неуклонным ростом революционности пролетариата³. И в партии зрело⁴ сознание, что ее центральные учреждения неспособны руководить движением рабочего класса⁵; в ней крепло убеждение, что она сама должна искать путей к разрешению⁶ новых задач.

Брожение в рабочих массах становится все шире и глубже. Условия⁷ исторического момента ругаются за то, что мы стоим накануне перехода движения в новые, высшие формы⁸. Из искры уже возгорелось пламя. *Близок день, когда это пламя разольется пожаром*⁹ народного восстания. Растет ответственность социал-демократии перед пролетариатом. Все острее ощущается потребность в действительном политическом руководстве его борьбой¹⁰. В такой момент партия не может оставаться без органа.

Руководящий орган¹¹ должен находиться в тесном общении с партией, в неразрывной связи с движением пролетариата, идя впереди, освещая путь, предостерегая от ложных шагов. *Лишь как результат коллективного творчества партии может он выполнить свое назначение*¹². Будучи руководителем, такой орган должен быть и орудием пролетариата¹³. Его задача — стать его¹⁴ ярким светильником!

Громадное большинство русских комитетов, высказывавшихся о нашем партийном кризисе, выразило недоверие сначала редакции «Искры», а

¹ Было: приемов борьбы

² Было: Составленные из элементов, объединенных лишь враждою к новым требованиям жизни, поборники кружковщины не могли выставлять общих лозунгов. Вместо плана организации они выдвинули принцип организации-процесса. Они объявили возврат к прошлому, они повторяют лозунги групп, принципиально наиболее отсталых.

³ Было: поднимать выше и выше революционность пролетариата, удовлетворяя запросам высшей стадии движения

⁴ Было: росло

⁵ Было: пролетариата

⁶ Было: путей к удовлетворению

⁷ Было: Характер

⁸ Было: ругается за неизбежность нового резкого подъема социал-демократии

⁹ Было: Мы переживаем канун дня, когда это пламя разольется целым пожаром

¹⁰ Было: борьбой пролетариата

¹¹ Было: орган партии

¹² Было: он должен стоять в неразрывной связи с движением пролетариата; он должен быть руководителем и выразителем пролетарской борьбы. Это — не плод сотрудничества кружка литераторов, а коллективное творчество всей партии; это совместная работа, в которую вносят свою долю все партийные работники, стоящие на одной принципиальной позиции.

¹³ Было: одновременно не только выразителем, но и орудием борьбы пролетариата

¹⁴ Было: Задача органа классовой пролетарской партии — быть ее

потом и Центральному Комитету партии и потребовало созыва третьего партийного съезда. Отказ исполнить это требование и даже прямая борьба центров против созыва съезда вынудили местные комитеты объединиться между собою, заставили их организовать ряд частных конференций и дать некоторым товарищам полномочие на отстаивание позиции большинства партии в партийной борьбе. Эти товарищи будут завещать и организационной стороне настоящего предприятия. Коллегия редакторов и ближайших сотрудников газеты «Вперед» составила из литераторов партийного большинства, сгруппировавшихся ранее вокруг издательства Ленина и Бонч-Бруевича. Издательство это целиком передано теперь нашей газете.

Газета «Вперед» будет выходить не менее двух раз в месяц. Первый номер выйдет в начале января 1905-го года.

Адрес для сношений с редакцией из-за границы через экспедицию: V. Bontch-Brouivitch. Rue de la Colline 3 (rue de Carouge près Pout-Neut), Genève (Suisse). А из России — через комитеты и сторонников партийного большинства.

«СОМНЕНИЯ ДВУГЛАВОГО ОРЛА»

Эта статья Луначарского была напечатана в первом номере газеты «Вперед» 22 декабря 1904 г./4 января 1905 г. на первой странице. Сохранился текст статьи, переписанный женой Луначарского Анной Александровной (лл. 15—21). Конец статьи — постскриптум — переписан рукой неизвестного (лл. 22—27). Заглавие и эпиграф (цитата из монолога Гамлета) написаны рукой Анатолия Васильевича. Статья с пометками Ленина хранится в ЦПА ИМЛ (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1418). Карандашная правка Владимира Ильича обведена чернилами рукой неизвестного, по-видимому, перед отсылкой в набор (лл. 15—21). Очень важное по смыслу изменение сделано Лениным в тексте на стр. 3. У Луначарского читаем: «И вот в одно прекрасное время Россия окажется охваченной организованной с.-д. всеобщей стачкой». Ленин в конце этой фразы внес принципиальное исправление: «Россия окажется охваченной организованным социал-демократией всеобщим восстанием» (курсив наш. — А. Т.). Тем самым Ленин обратил внимание на то, что восстание являлось решающим средством борьбы против царизма. Характерно, что в «Речи по вопросу о вооруженном восстании» на III съезде РСДРП он отметил: «Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания» (Л е н и н, т. 10, стр. 114).

На первой странице вверху ленинской рукой сделана карандашом пометка «петит», и это слово подчеркнуто несколькими чертами. Рукой Ленина пронумерованы (в левом верхнем углу) страницы рукописи и на отдельном листке (л. 22) сделан подсчет печатных знаков.

При правке статьи возник вопрос, не пропущена ли в тексте часть речи князя Святополка-Мирского. «Не пропущены ли тут слова князя; я думаю, что нет», — записывает Ленин.

Петит

СОМНЕНИЯ ДВУГЛАВОГО ОРЛА

Быть или не быть,
Вот в чем вопрос.

Наше самодержавное правительство, т. е. шайка высших чиновников, хозяйничающих в России, никогда не проявляла меньше единства, чем в переживаемый нами исторический момент. Одна голова российского двуглавого орла зловеще находилась, точно он готов вырвать только что открывшиеся глаза долго спавшей России, другая болтает, как по-

пугай, приветливые речи и приглашает уважаемое «общество» подойти без страха и почесать «попке головку».

Существуют два испытанных средства «внутренней политики»: политика заигрывания и политика устрашения. В спокойные времена, когда среди кладбищенского «порядка» изредка раздастся протест, похожий скорее на подавленный стон муки, во времена, когда настойчивые враги правительства находят лишь слабый отзвук своим *призывам*¹ в народных массах, оба средства превосходны. Ежовые рукавицы снимаются порою, чтобы с хозяйской лаской потреть жирную спину привилегированного общества, чтобы дать этому обществу верноподданнически лизнуть попочительную руку, а затем, заручившись сочувствием обнадуженных либералов, правительственная длань вновь облекается в ежовую рукавицу, вновь раздается свист нагайки, вновь поднимаются к небу виселицы.

Но совсем другое дело — такое время, как наше. Расхотелось народное море: непопулярная война с ее мобилизациями и поборами, со стыдом поражений и нескончаемым кровопролитием, тесно связанный с нею тяжкий кризис, затяжная голодовка в большинстве промышленных центров, — все это переполнило чашу народного терпения. Глухое недовольство ежеминутно грозит прорваться революционным потоком: пролетариат уже манифестировал в целом ряде городов, в Варшаве он дал полиции и казакам кровавое сражение; выставленное им требование созыва Учредительного собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права ежеминутно может быть подхвачено всей настоящей русской демократией, т. е. угнетенным и бесправным народом.

Как быть при таких обстоятельствах? К какому из двух испытанных средств прибегнуть? Аракчеевский режим неумолимого Плева имел своим результатом всеобщее озлобление и несомненное усиление всех видов оппозиционного и революционного движения. Политика заигрываний кн. Святополка-Мирского принята была за свидетельство слабости правительства: подталкиваемые могучим движением в народе, либералы «обнаглели».

И вот теперь советники Николая II решительно распались на две группы: «Следуйте по стопам прародителя, — учат одни, — ведь его т.-н. „великие“ реформы отнюдь не поколебали самодержавия, а между тем благодарный либерал до сих пор вспоминает „царя-освободителя“ со слезами умиления; следуйте же смело по стопам прародителя, и мы выйдем из опасного положения». — «Да сохранит бог ваше величество от вступления на дорогу уступок, — умоляют другие советники, — знаете ли вы, куда ведет путь соглашений? Он ведет на площадь Согласия» (площадь в Париже, на которой был обезглавлен Людовик XVI).

Мудрые советники реакционного пошиба приглашают слабоумного царя идти скорее по стопам родителя: «Не сел ли он на русском престоле, как настоящий медведь „Всех-вас-давишь“, не раздавил ли он все хрупкие либеральные упования, не сделал ли он все мечгания воистину бессмысленными? И что же? В то время, как либеральный прародитель погиб от бомбы революционера, реакционный родитель имел редкое для русского царя удовольствие умереть от мирной болезни печени, лекарств московского чудотворца Захарьина и молитв кронштадтского чудотворца Иоанна».

Но по чьим стопам ни пойдет растерявшийся царь, земля одинаково жжет ему пятки. Больше всего смущают его те же советники своими взаимными опровержениями. «Чем пахнет политика устрашений? Озлобленная и растущая крамола подкапывает дух верноподданничества даже

¹ Было: лозунгам

в войсках. И вот в одно прекрасное время Россия окажется охваченной *организованным*¹ социал-демократией *всеобщим восстанием!*² Станут не только фабрики и заводы, станут и паровозы; все общество закричит, что во избежание всеобщего разорения надо покончить с окостеневшим и неуступчивым русским правительством. По улицам и площадям будут двигаться толпы рабочих, и к их красному знамени примкнут и студенты, и вся городская беднота. И когда твои, царь, генералы поведут против них войско, каждый дом превратится в крепость и засаду. Но не так страшны пули и камни, которыми будут осыпать солдат из окон, как бросаемые оттуда же прокламации. Солдату, изнеможенному, не уверенному в правоте своего дела, будут кричать: „мы твои братья!“ Навстречу штыкам побегут с приветом женщины и дети, и тогда наступит тот страшный миг, когда армия, народ вооруженный, начнет брататься с народом безоружным».

От таких перспектив французских газет слабая голова самодержца.

Недавно, по сведениям французских газет, царь созвал на совет всех своих мудрецов: сошлись откормленные великие князья, явился пронырливый плут Витте, прибыли также министры Коковцев, Муравьев, надежда либералов — кн. Святополк-Мирский и их отчаяние — Иудушка Победоносцев.

На этот раз наши государственные мужи обменялись изумительными речами. Один за другим укрепляли колеблющуюся волю царя три борца за мрак и неподвижность. Сначала говорил Муравьев, министр юстиции, блестящий образец русского прокурора. Опираясь на целый ряд законов и указов, он доказывал, что царь не имеет права нарушать основы самодержавия. Каково? Наконец оказалось, что и у нас в России есть закон, перед которым пасует сама самодержавная воля: этот закон — организованное беззаконие. Царь всякую минуту может нарушить любой закон и создать любой другой, одного не может он установить: лишить себя права нарушать законы. Но кто же скрывается за этим неумолимым законом, перед которым сам деспот оказывается невольником? Чьи интересы прячутся за указами, на которые ссылался ловкий прокурор? Интересы бюрократии, чиновничества, шайки грабителей! Это они не позволят царю нарушить их выгоды. И, конечно, в случае надобности они сумели бы с ним расправиться.

Еще циничнее, еще более высказал эту мысль казначей всей воровской шайки Коковцев. Его главным доводом было то, что ободренный уступками народ не замедлит потребовать права контроля над государственными приходами и расходами. «Право царя бесконтрольно распоряжаться казной будет попорано, а это конец всему!» Действительно, пока бюрократы могут свободно грабить Россию, им наплевать на все, но крушение самодержавия — ведь это крушение той ширмы, за которой совершали они свои грабительства, этого они не могут потерпеть.

Бюрократия явилась сначала под видом сухого и непреклонного закона, потом под видом золотого тельца, окруженного соблазнительными образами золотых дождей, пачек кредиток, роскоши и разврата, всего, чем красна жизнь русского министра. Но в устах святейшего Победоносцева она приняла образ самого господина бога, который с высоты небес объявляет свою волю своему земному наместнику — царю. Речь эта так умилительна, что мы приводим ее полностью в том виде, в каком она сообщена французскими газетами.

«Царь — не только император, он также глава православной церкви. Не земные только, но и религиозные соображения должны руководить им.

¹ Было: организованной. В газете «Вперед»: *подготовленным*

² Было: всеобщей стачкой

Но если царь ограничит себя представителями нации, не лишится ли церковь главы? Не ослабеет ли церковь? А ведь с нею ослабеет единственный источник нравственности и совести русского народа, и несчастный народ этот впадет снова в варварство и грех. Царская власть дается богом и получена от предков, как оправдать нарушение этой божественной и вечной власти перед потомками?»

Одна часть хищной бюрократии запугивает всячески царя, надевая на себя то маску закона, то маску божества; другая часть смертельно боится, как бы революция не вспыхнула пожаром, в котором сразу сгорит все их благополучие.

О князе Святополке говорят, что он джентльмен, но... глуп. Но даже этот неумный джентльмен нашел, что возразить Муравьеву: «Подчиния самодержца закону, вы забываете, что он-то и есть законодатель. Но теперь не время задаваться академическими вопросами. Я спрашиваю: может ли длиться теперешнее положение без серьезной опасности? ¹ Между тем мы можем выйти из этого опасного положения путем таких реформ, как уничтожение паспортов, свобода печати и принятие в Государственный совет представителей от земства».

В самом деле, неужто же нельзя пожертвовать такими пустяками, чтобы сохранить за собою хозяйское положение? Неужто нельзя в свою компанию хищников *принять*, для ее укрепления, господ земских представителей?

Еще резче высказался Витте: этот чувствует, чем пахнет, и прямо кричит: «спасайтесь, пока не поздно!»

Он сказал между прочим: «Если станет общеизвестным, что ни по закону земному, ни по закону небесному царь не может добровольно дать *существенных*² прав народу, то *народ придет*³ к мысли принудить его к этому силой. Поймите, ведь это призыв к революции».

Либералы с волнением прислушиваются к голосам этого смехотворного совета: на нем решается, думается им, вся их судьба. Но пролетариату все эти споры интересны только как признак паники, охватившей его ближайшего врага, который первый испытает на себе революционную силу рабочего класса. Нам не важно, что царь манифестом подтвердил свое твердое желание передать свое у сыну царскую власть неуменьшенной, как не важны нам царские желания вообще. Мы не только не ждем ничего доброго от воли царя, но, вопреки Витте, мы не намерены даже требовать от него чего-нибудь насильно. Всякие требования — рабские, любезные, настойчивые и даже насильственные — мы *предоставляем*⁴ либералам всех оттенков.

Дело революционного пролетариата, дело социал-демократической партии — не торговаться с самодержавием, не вынуждать у него реформы или «реформу», а уничтожить его. Такова естественная цель пролетариата, идущего к социализму через завоевание политической свободы, такова же и цель демократии, т. е. народных масс; лишь те склонны падать самодержавие, кто хочет поделиться с ним добычей, да еще разве те трусы, которые не видят, что глиняные ноги колосса дали непоправимые трещины.

На всякие реформы, на всякую «реформу» пролетариат даст один ответ: «*Да здравствует республика!*»⁵ И на самую демократичнейшую республику он непреклонно ответит: «Долой буржуазию! Да здравствует социализм!»

¹ По поводу этого текста Ленин на обороте написал: «Не пропущены ли тут слова князя; я думаю, что нет».

² Было: фундаментальных

³ Было: придут

⁴ Было: уступаем

⁵ Было: «Долой самодержавие»

Р. С. Сомнения двуглавого орла наконец разрешились царским манифестом. Разрешение это очень странное в одном отношении: в то время, как французские газеты видят в нем явную победу ласковой орлиной головы, английские и немецкие считают манифест плодом коварства головы нахохлившейся и выражают опасения, что царю не удастся так легко провести своих подданных.

Министр юстиции Муравьев, вышедший было в отставку, остается на своем посту, и опять французские газеты, представляющие интересы французских капиталистов — кредиторов царя, передают, что это означает соглашение между Муравьевым и «либеральным» Святополком-Мирским, английские же газеты решительно утверждают, что этим ознаменовалась полная победа реакти.

Правительственное сообщение от 15-го декабря «сообщает» народу, что правительственная длань уже облеклась в ежовую рукавицу и готова обрушиться на выю непокорных. Голова нахохлившаяся победила, в чем нельзя было и сомневаться после дикой бойни, последовавшей за демонстрациями в Москве и Петербурге. Но, зная, как коротка душа у русского обывателя, г-да Победоносцевы и Муравьевы все же решили послушаться совета правительственных «либералов».

К чему сводился этот совет? Предложить тридцать сребреников Иуды, за которые малодушные обыватели предали бы интересы многострадального народа. Но сторонники репрессий пожалели 30 сребреников и бряцают перед оппозицией простыми поддельными жетонами.

Жалкие реформы, возвещенные манифестом, изложены с коварством, доходящим до юмора: «Обеспечить за крестьянами положение полноправных свободных сельских обывателей, признанное за ними царем-освободителем». — Как обеспечить? новым признанием, столь же хрупким и пустым, как и «признание» прародителя. «Приняты меры к тому, чтобы неисполнение закона со стороны властей и мест влекло за собою наказание», но ведь это фраза из зеркала Петра Великого, от какого зеркала никаких добрых последствий для русского обывателя не было видно; «даровать земствам самостоятельность в законных пределах», но ведь закон при самодержавии сливается с произволом; да разве земства не пользуются и теперь самостоятельностью в пределах «кандалных законов»? «Пересмотреть исключительные законоположения и применять их только в случаях, действительно угрожающих государственной безопасности», но кто же будет судьей в вопросе, угрожает ли данное действие безопасности государства или нет? — та же самодержавная бюрократия. «Прекратить стеснения иноверцев и инородцев, поскольку они не вызываются насущными потребностями государства и народа», — а кто будет решать, чего требуют эти интересы? — та же всеильная бюрократия, отождествляющая себя и с государством и с народом.

Ряд туманных обещаний и совершенно не туманное заявление, что царь волен поступать со своими подданными, как ему заблагорассудится, «по священным заветам венценосных предков».

Следуя по стопам Бисмарка, пробовавшего подкупить рабочий класс государственным страхованием от несчастных случаев, царь старается побренчать своими жетонами и над ухом рабочего. Трудно ждать, чтобы даже наши либералы продались за 30 фальшивых сребреников, чтобы они отказались так сразу от участия в управлении страной, но рабочий класс, которому светит издали захватывающий лучезарный идеал социализма, рабочий класс — естественный вождь трудящегося и обремененного народа — швырнет в лицо самодержавию его посулы и его взятки, он слышит ясно, что звоном своих сребреников злая и хитрая двуглавая птица старается заглушить предсмертные свои хрипы и учащенное биение своего ужаснувшегося сердца.

«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА»

Извещение о подписке на газету «Вперед» сообщало программу газеты «Вперед» и наименования отделов газеты. Так, например, под номером шесть читаем: «Фельетон. В этом отделе будут между прочим даны очерки из истории борьбы пролетариата на Западе». Имелась в виду серия популярных исторических статей-фельетонов под общим заглавием «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», которые Луначарский по поручению Ленина начал писать в конце 1904 г. В течение полугода было написано 5 статей (все опубликованы без подписи). Первые четыре статьи печатались в газете «Вперед» в 1905 г.: № 2, 14/1 января (I, «На заре Великой революции»), № 9, 8 марта/23 февраля (II, «Взятие Бастилии»), № 12, 29/16 марта (III, «После взятия Бастилии»), № 17, 8 июня/26 мая (IV, «Поход голодных женщин на Версаль»). Продолжение печаталось в газете «Пролетарий» в 1905 г.: № 7, 10 июля/27 июня (V, «Падение королевской власти») и, наконец, окончание в № 10 «Пролетария» от 2 августа/20 июля (V, «Падение королевской власти», окончание). Статьи напечатаны под заглавием: «Очерки из истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата».

Все пять статей, посвященные революционной борьбе трудовых масс за политическую свободу в период Великой французской революции, были по предложению Ленина объединены Луначарским в отдельную брошюру, к которой затем он написал послесловие. Брошюра вышла в 1905 г. без указания автора в Женеве, в изд. ЦК РСДРП. И так же, как и брошюра «Как петербургские рабочие к царю ходили», имела заглавие на двух языках — русском и немецком.

Намерение Ленина издать эти статьи отдельной брошюрой вероятно, было связано с предложением, поступившим из России. С. И. Гусев в письме к Ленину из Одессы не только восторженно отзывался о первой статье, но и просил размножить ее.

Он писал: «Кстати, по поводу фельетона 2-го номера. Он великолепен и удивительно пришелся в точку, к моменту, хотя написан был еще *до событий*. Именно это теперь особенно необходимо. Помещайте всю серию и переиздайте их отдельной брошюрой в огромных количествах» («Пролетарская революция», 1925, № 2 (37), стр. 29).

В начале лета 1905 г. Луначарский закончил первую серию исторических фельетонов и в письме к Ленину сообщил: «Можно печатать брошюру» (настоящ. том, стр. 3). Ольминский летом 1905 г. писал Анатолию Васильевичу, что в № 10 «Вперед» «кончается первая серия исторических фельетонов, издадим сейчас же брошюрой. Поспешите ответить, выставлять ли Ваше имя (Ленин за то, чтобы выставлять), а также — не прибавите ли послесловие или предисловие?» (см. настоящ. том, стр. 601). Ответ Луначарского на письмо Ольминского не обнаружен. Но в письме к Ленину в июле 1905 г. Луначарский просил выслать все «исторические фельетоны в корректуре» или «оттиском»: «и тогда я напишу предисловие или послесловие» (см. настоящ. том, стр. 13).

Ленин также просил Луначарского готовить предисловие к брошюре. В ответ Анатолий Васильевич писал в августе 1905 г.: «Высылаю Вам послесловие и прокорректированные „Очерки“, ужасно обидно, если нельзя уже произвести корректурных поправок». Экземпляр «Послеловия», переписанный рукой неизвестного, со следами типографской краски, хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, лл. 118—123. При сверке с опубликованным текстом расхождений не обнаружено, за исключением последней фразы в конце, где вместо слов «... и будем говорить в следующей брошюре», сказано: «...мы поговорим в другой раз». Из переписки Ленина и Луначарского видно, что Владимир Ильич следил за печатанием брошюры.

Сохранилась редакционная правка Ленина на двух статьях Луначарского. Луначарский писал впоследствии, что «все статьи этой серии (имеются в виду статьи из «Вперед» и «Пролетария») просматривались Владимиром Ильичем довольно тщательно (<...> там видно, как прогуливался карандаш Владимира Ильича). Поэтому можно предполагать, что все пять статей Луначарского, если не редактировались Лениным, то печатались с его одобрения.

Первая статья из этой серии, как уже отмечалось, опубликована в газете «Вперед», № 2, 14/1 января 1905 г., стр. 2—3. Введение (л. 6) и конец (л. 13) статьи написаны рукой Луначарского, им же сделаны исправления, остальная — и большая — часть переписана рукой А. А. Луначарской. Этот экземпляр статьи с редакционной правкой Ленина хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1443, лл. 6—12. На первом листе сверху Ленин цветным карандашом написал «*Заглавие*» и «*Petit*», а внизу, под текстом введения, показал для наборщика, что это часть I и что после римской цифры должно пойти «второе заглавие», т. е. заглавие первой статьи — «На заре Великой революции».

Сохранился экземпляр четвертой статьи на 9 страницах, переписанный рукой неизвестного, с редакционной правкой Ленина, самого Луначарского, а также и рукой неизвестного (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1826, лл. 34—42). Ленинская правка черными чернилами — на трех страницах статьи. Так, на стр. 3 Ленин слово «незыблемыми» заменил более понятным и соответствующим по смыслу «непреклонными» (л. 36), на стр. 5 перестроил две фразы. На стр. 8 Ленин начало фразы — «Наконец, ехали кареты...» — изменил и написал «В конце процессии».

Рукопись последней статьи этой серии — «Падение королевской власти» — на 12 страницах (лл. 21—32) линованной бумаги, а также экземпляр статьи, переписанный рукой неизвестного, на 11 страницах, с редакционной правкой неизвестного, также хранится в архиве ИМЛ.

В 11-м томе Полного собрания сочинений Ленина в «Список изданий и документов, в редактировании которых принимал участие Ленин» (стр. 437), включена и брошюра Луначарского «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата». В аннотации к этой работе Луначарского говорится, что редакционная правка Ленина имеется на одной странице рукописи, тогда как фактически на 5 страницах, всего 9 пометок и исправлений.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

IV. ПОХОД ГОЛОДНЫХ ЖЕНЩИН НА ВЕРСАЛЬ

Осенью 1789 года монархия и революция стояли друг против друга, озлобленные и недоверчивые, но ни революционная буржуазия, ни изменнический двор не решались нарушить худого мира ради доброй ссоры. Положение было в высшей степени напряженное: любой, даже маловажный факт мог явиться достаточным поводом для страшной катастрофы.

Среди общей нерешительности смелый и потрясающий по своей обстановке шаг сделан был самыми несчастными из несчастных — женщинами из городской бедноты. Они голодали; им нечем было кормить своих детей; они чувствовали, что буржуазные революционеры и даже их собственные мужья почему-то переминаются с ноги на ногу и не хотят или не решаются громко заявить о том, что надо народу.

Утром 5 октября собралась на Версальской площади Парижа громадная толпа женщин, от 7 до 8 тысяч. Все это была самая обездоленная гольтыба. Кто был инициатором этого колоссального женского митинга? Иные называют красивую авантюристку Теруан де Мерикур. Вернее, однако, что настоящим вождем женщин был голод.

Собрание было необыкновенно бурно. Женщины словно опьянели, находясь в толпе единомышленниц. «Стыд, стыд мужчинам! — кричали они. — Мы покажем им, что значит быть мужественными». Они бросились к зданию городской думы, вооружаясь по дороге чем попало. С саблями и пиками в руках они отправились затем по направлению к городу Версалью, где жил в то время король и где заседало Национальное Собрание. Они повезли туда с собою даже пушки, причем некоторые, сидя верхом на пушках, выкрикивали угрозы.

Женщины были очарованы таким предложением: они немедленно согласились разоружиться и выбрали Мальяра своим вождем.

День был дождливый, дорога грязная. Утомительный путь до Версаля измучил женщин, и они были исполнены гнева, когда подошли к своей цели. Мальяр всячески старался успокоить их. Он построил их по трое в ряд и предложил им петь патриотические песни. И худые и голодные они шли, прославляя громкою песнею старую преданность к королям, шли ко дворцу короля со своими грозными требованиями.

Но вот трагическое шествие подошло к воротам Национального Собрания. Депутация из 20 женщин проникла внутрь здания. Одна из них внесла туда барабан, в который громко барабанила от времени до времени. Ни одна, однако, не решалась заговорить. Они подталкивали вперед своего единственного мужчину — Мальяра. И Мальяр объяснил великим ораторам победоносной буржуазии, что у народа нет хлеба и что он умоляет обратить внимание на испытываемую им острую нужду.

Председатель Мунье, выбрав пять женщин, отправился с ними к королю. Король очаровал своею величественной любезностью этих бедных пролетарок. Бедняжки совершенно растерялись в великолепных залах дворца, увидев прямо перед собою повелителя всей Франции; одна молоденькая работница упала даже в обморок от волнения. Король был благосклонен, он дал изголодавшимся работницам поцеловать свою пухлую королевскую руку и отпустил их с милостивыми фразами. Но если пять депутатов народного голода были тронуты хитроумной любезностью монарха, то не так обстояло дело со всею толпой возмущившихся женщин.

Восемьсот вооруженных мужчин, собранных наиболее демократическими из парижских секций, действительно пришли и стали впереди женщин, против стройных рядов королевской гвардии и наемных швейцарцев. Наступила ночь. Та и другая сторона стояла под ружьем. Многие женщины, между ними и Теруан, проникли в ряды французской гвардии и уговаривали солдат удалиться. Это подействовало, и поздно вечером Фландрский полк удалился. Но швейцарцы оставались *непреклонными*¹. Кто-то бросил камень, швейцарцы пустили в ход сабли, парижане стали стрелять. Еще минута — и разразился бы настоящий бой. Испуганный король внезапно приказал прекратить схватку и увести швейцарцев. Народ ликовал. Перед окнами дворца зажжены были многочисленные костры. Убитую лошадь какого-то офицера разрезали на куски, сжарили и съели.

Обитатели дворца в ужасе всматривались во тьму, освещенную там и сям пламенем костров. Одни советовали королю кровопролитие, другие больше верили в притворную ласковость.

Зал Собрания был занят наиболее уставшими женщинами. Они спали на депутатских скамьях, одна — на президентском кресле. Депутатам пришлось потесниться. После полуночи входит Мунье и торжественно объявляет, что король подписал декларацию прав человека. Совершенно измученные, измокшие, больные пролетарки не очень-то понимали философские и политические идеи декларации. Они ответили на «радостную весть» воплями: «хлеба! хлеба!»

Между тем Париж волновался. Слух о походе женщин облетел весь город. При звоне набата громадная толпа собралась вокруг городской думы. Отовсюду были слышны крики: «В Версаль! в Версаль!». Многие кричали: «Мы требуем хлеба!». Раздавались кое-где голоса: «Долой короля!». Никто, однако, не предлагал того, что было сделано на другой день, а именно: насильственного переселения короля в Париж. Великодушный,

¹ Было: *незыблемым*

но сентиментальный генерал Лафайет разъезжал в толпе на коне и решительно не знал, что предпринять.

Наконец городская дума предписала Лафайету отправиться во главе городской милиции в Версаль, дума сама не знала, зачем именно. Прекраснодушный Лафайет старался только предупредить взрыв народной мести против ненавистной народу придворной клики: чуть не на каждом перекрестке он заставлял свою милицию торжественно присягать закону и королю.

В Версаль милиция прибыла после полуночи. Лафайет сейчас же бросился во дворец. При виде его один придворный сказал: «Вот идет Кромвель». — «Кромвель не вошел бы один к своим врагам», — ответил Лафайет и прошел к королю.

Было решено немедленно поручить парижской милиции охрану города и сада. Ее расставили повсюду пикетами. Конечно, самые королевские покои оберегали преданные цвейцарцы. Измученные событиями, король и королева уснули тревожным сном. Было шесть часов утра.

Вдруг банда вооруженных людей, неизвестно чем возбужденных, вторгается во дворец. Швейцарцев отесняют, двоих убивают и врываются в спальню королевы; проснувшаяся королева с криком ужаса убежала к своему мужу. Вторгшиеся люди погнались за ней. Неизвестно, чем кончилось бы это столкновение лицом к лицу представителей отчаявшегося и озлобленного беднейшего населения с коронованными лицами, неожиданно попавшими в их руки, но на выручку подоспели милиционеры во главе с сержантом Гошем, впоследствии¹ знаменитым революционным генералом.

Однако с этим² не прекратились страхи³ для королевской семьи. Из какого бы окна ни выглянул Людовик — всюду он видел вооруженных людей, бедная одежда которых и трехцветные кокарды указывали на их принадлежность к восставшему, столь долго униженному народу. Вдали король мог видеть головы своих двух верных стражников на пиках.

Толпа чувствовала себя господином положения. И вдруг в ней родился и вырос повелительный клич: «Король — в Париж!» Король понял, что сопротивляться — значит погибнуть; он вышел на балкон и объявил, что отправится в столицу вместе с женой и детьми. Появилась в открытом окне и ненавистная народу гордая австриячка, оплот реакции — королева Мария Антуанетта. В объятиях она держала маленького сына. Мгновенно несколько человек прицелилось в нее из ружей; поднялись крики: «Не надо ребенка, унесите ребенка!». Королева отнесла ребенка, но не решалась снова подойти к окну. Любитель эффектов Лафайет картинно подошел к испуганной и униженной народом государыне и предложил ей: «Выйдите на балкон со мной». — «Как? мне на балкон? — ответила королева, — разве вы не видели, что они хотели стрелять в меня». — «Идите», — твердо сказал Лафайет. Королева появилась на балконе рядом с любимым еще в то время театрально-эффектным генералом. Перед тысячами глаз враждебной толпы генерал поцеловал руку королевы. Он рассчитал правильно: этот жест нежного уважения к беззащитной в тот момент женщине понравился народу, великодушному народу, который так легко умиляется даже среди припадков ярости. Раздались крики: «Да здравствует Лафайет, да здравствует королева!».

«В этот момент мир был заключен», — пишет Лафайет в своих воспоминаниях. Бедный, прекраснодушный генерал! Мир заключен — мир между народом, сознавшим свою непреодолимую силу и все же страдающим

¹ Было: во главе, позднее

² Было: страхи

³ Было: с этим

в тисках жестокой нужды, и надменной повелительницей, воспитанной в самых реакционных понятиях и вдруг униженной толпой оборванных рабочих. Наивно думать, что представители королевской власти, монархи и их семьи когда-нибудь забудут народу горькую чашу унижений, которую они — венценосцы, земные боги — должны выпить при всякой удачной революции. Мир между народом и короной немыслим даже в том случае, если бы восставший народ не захотел идти до конца: властители, потерявшие полную меру власти, вырванной у них насильственно, будут всегда пользоваться каждым предлогом, чтобы какую угодно ценою вернуть себе власть и упиться сладкой мезью над зазнавшимися подданными. Если и существуют конституционные короли, то лишь тогда, когда они воспитались на новых началах, привыкли мириться с правами народа, не пережили лично унижительных перипетий победоносного восстания своих подданных; да и тогда их верность конституции объясняется главным образом полной невозможностью отвоевать назад у народа его права. Революция должна быть доведена до конца, оскорбив и унизив монарха, нельзя оставлять его на троне. Естественно, что после решительных шагов 5 и 6 октября, к которым увлекли буржуазную революцию женщины-пролетарки, война между тронем и революцией стала войною на жизнь и на смерть. А либеральный энтузиаст Лафайет готов вообразить, что своим поцелуем он вознаграждает королеву за испытанный ею ужас и позор и обезоружил изголодавшийся народ, вынудив у короля пару милостивых фраз для него.

И вот король вынужден покинуть свое убежище, Версаль, и переселиться в кипящий восстанием Париж, т. е. отдаться в плен революции. Народ шел впереди, ведя за собою пленного короля. За толпами вооруженного пролетариата шла буржуазная милиция. *В конце процессии*¹ ехали кареты королевской семьи и придворных. Толпа была по-детски довольна своей победой. Идя вокруг кареты, в глубине которой скрывались высокопоставленные пленники, толпа кричала с хохотом, скорее в виде ласки, чем оскорбления: «Вот едут булочник с булочницей и с маленьким поваренком». От этой народной ласки, как от ласки львиной лапы, сочлились кровью гордые королевские сердца.

Наконец, приехали к зданию городской думы. Был уже вечер. Городской голова Бальи приветствовал короля двусмысленной фразой: «Король Генрих IV завоевал Париж, теперь Париж завоевал короля». Король и королева старались весело улыбаться.

Таков был чисто пролетарский акт пленения короля Людовика. Пролетарским был он не в том смысле, чтобы пролетариат выступил здесь с полным пониманием своих истинных целей и задач. Далекое нет! В событиях 5 и 6 октября мы совершенно не видим сознательности, здесь царит инстинкт, но этот пролетарский инстинкт прищепил нерешительную буржуазию, он прекратил всякие колебания, он мощно погнал вперед высокоумных буржуазных политиков, которые были слишком склонны верить, будто революции совершаются речами. Парижский пролетариат того времени и близкие к нему полупролетарские элементы были бедны политической сознательностью и дальновидностью, но они были богаты отвагою, активностью, потому, конечно, что и тогда уже пролетарию нечем было рисковать, нечего терять, кроме жизни в цепях непосильного труда и нищеты, между тем как революционному буржуа, перед которым расстилалось заманчивое будущее политического господства, рискованные шаги были страшны, потому что собственность — вещь хрупкая, и кому приходится беречь ее, тот любит покой и порядок.

Но если парижский пролетариат при всей своей бедности был вождем и героем в самые решительные дни Великой революции, если именно он

¹ Было: Наконец

толкал ее к ее логическому концу, то тем более может и должен сделать это в России несравненно более сознательный русский пролетариат, который не только сплотит вокруг себя всю демократию, не только поведет ее к самым решительным поступкам, гоня перед собою всегда трусливую зажиточную буржуазию, но сумеет и закрепить завоеванную демократическую республику — основу своей дальнейшей, чисто пролетарской борьбы за социализм.

«ТВЕРДЫЙ КУРС»

Так была названа передовая статья «Вперед» (7 февраля/25 января 1905 г., № 5). Текст статьи, переписанный А. А. Луначарской (лл. 1—6), и конец — рукой неизвестного (лл. 7—8), хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1у, ед. хр. 471, лл. 1—8. При сверке рукописного текста с опубликованным обнаружена существенная, уточняющая политический смысл правка. Кроме того, дополнительно был написан целый абзац о роли пролетариата и социал-демократии в революции. Правка и дополнение были сделаны, по-видимому, в корректуре. Есть основания предполагать, что они принадлежат Ленину. По всей вероятности, это были последние исправления в статье Луначарского, над которой Ленин работал и прежде. Как пишет сам Луначарский, «В статью „Твердый курс“ Владимир Ильич внес много своего, так что в том виде, в каком она была напечатана в журнале „Вперед“ и в каком печатается сейчас, она, по моему мнению, чуть ли не могла быть подписанной его именем. Кое-что от основного плана и отдельные пассажи остались от моей первоначальной статьи. Многое было вставлено Ильичем» (см. настоящ. том, стр. 599).

В этой статье Луначарский приводит две обширные цитаты из передовой первого номера газеты «Вперед» «Самодержавие и пролетариат», написанной Лениным (см. Ленин, т. 9, стр. 134—135). Луначарский выделяет курсивом важнейшие положения статьи.

Единство политического курса газеты, выраженного в ее передовых статьях, подчеркивается также и словами Луначарского: «Так, в 1-м № „Вперед“ мы писали» (далее следует ленинский текст). Рукопись статьи Луначарского с правкой Ленина в архиве ИМЛ не обнаружена. При подготовке статей из «Вперед» и «Пролетария» к отдельному изданию Луначарский внес в статью «Твердый курс» незначительные исправления (ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 35, 37).

ТВЕРДЫЙ КУРС

Как ни грандиозны, как ни важны даже со всемирно-исторической точки зрения события знаменательной пролетарской недели в Петербурге, они не заставят нас, социал-демократов, сделать какой-нибудь крутой поворот или неожиданный скачок. Когда тенденции развития общества поняты правильно, никакие неожиданности не заставят противоречить себе. И раньше, еще с первых номеров газеты «Вперед», мы указывали на полную вероятность и даже неизбежность близкого народного восстания, мы указывали на те задачи, которые выдвигаются благодаря этому на первый план перед сознательным авангардом пролетариата. Так, в № 1-м «Вперед» мы писали:

«Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения».

«В чем должна выразиться немедленно поддержка конституционалистов пролетариатом? Всего более в том, чтобы утилизировать общее возбуждение для агитации и организа-

ции наименее затронутых, наиболее отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Разумеется, организованный пролетариат — социал-демократия должна посылать отряды своих сил во все классы населения, но чем самостоятельнее выступают уже эти классы, чем острее становится борьба и чем ближе момент решительного боя, тем более должен переноситься центр тяжести нашей работы на подготовку самих пролетариев и полупролетариев к прямой борьбе за свободу. Только оппортунисты могут в такой момент называть особенно активной борьбой или новыми методами борьбы, или высшим типом демонстраций выступление отдельных рабочих ораторов в земских и других общественных собраниях. Такие манифестации могут иметь лишь совершенно подчиненное значение. Несравненно важнее теперь обратить внимание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы, вроде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе».

Задачи остаются те же и теперь, только при волнах красного света, льющегося из Петербурга, яснее стало, насколько правилен этот взгляд на вещи и каким антиреволюционным крохоборством являются пресловутые «новые формы», изобретенные глубокомысленными нашими политиками из новой «Искры». Во 2-м № «Вперед» мы писали:

«В какую форму отливало революционное настроение рабочих масс в эпохи революционного брожения? Что обуславливало собою успехи отдельных актов революционной борьбы? Что приводило к поражениям революционного пролетариата? — Вот вопросы, ответам на которые мы постараемся способствовать. В настоящее время, когда закипело стоячее русское море, когда время призывает пролетариат к огромной боевой роли, распространение знакомства с практической стороной революционной борьбы далеко не будет излишним».

Теперь все видят, на верном ли пути мы стояли. Мы можем лишь сожалеть о том, что слишком долго стеснялись с так называемым «центральным органом партии», принимали слишком долго во внимание страх некоторых мягких сердцем товарищей перед расколом и не делали раньше того дела, которым так очевидно пренебрегала новая «Искра». Мы надеемся, однако, что время еще не упущено и что «Вперед» сможет еще сильно содействовать той работе, которая закипит теперь во всех комитетах.

Революцию нельзя делать, но можно готовиться к ней, можно ковать главное оружие для готового восстать пролетариата — штаб спевшихся и подготовленных руководителей во всяком промышленном центре. Все комитеты должны теперь, не пренебрегая, разумеется, ни на минуту своим обычным делом сплочения сознательного пролетариата и социал-демократической пропаганды и агитации, тщательно обдумывать вопрос об орудиях непосредственной пролетарской борьбы.

Время есть. Иных, быть может, стихийный взрыв энергии революционного пролетариата пришибет: они отойдут в сторону, они скажут, что они лишь «просветители», что они для пролетариата лишь «школьные учителя», благодаря которым побеждают цивилизованные народы, что напрасно было бы стараться руководить стихией; иные, быть может, готовы будут скромно уступить свое место мелким и крупным Гаповам, — бог с ними! Социал-демократ-революционер знает твердо, что, сделав свое дело пропагандиста и агитатора, он обязан в момент восстания отдать всю свою волю и весь свой разум на дело служения пролетарской стихии в ка-

честве боевого орудия, в качестве советника, инструктора и руководителя, в качестве революционного офицера. Не командовать хочет он при этом, а служить пролетариату, организуя его силы. Если он пойдет впереди рабочих, то только для того, чтобы указать им путь к победе и свободе или к героической смерти.

Стихия двинулась! Ее грандиозный вал покатился к твердыням самодержавия, грозный своей скрытой силой, но мирный и сдержанный. Разбойничье правительство встретило его кровавой баней. Он отпрянул, кипящий, полный мести и негодования, он готовится к новому сознательному и решительному приступу. Будем же готовиться к нему и мы, будем тщательно готовиться к революции, чтобы в день и час, когда она придет, мы не оказались «рабами ленивыми».

Кровавое воскресенье явилось прекрасным предостережением для тех, кто видел сущность революции в либеральном брожении и принижал роль социал-демократии до уровня ловкого представителя пролетариата, умеющего заинтересовать его в либералах и либералов в нем и уловлять в тонко сплетенные сети сердца радикальной демократии. Теперь некоторые из руководителей политиканского, новоискровского крыла социал-демократии хватили через край. Как в свое время рабочедельцы с непридуманной грацией перешли от экономизма к прославлению террористических покушений, так и новорабочедельцы, этот воскресший Рокамболь, под влиянием петербургских событий продельвают крутой зигзаг и в истерике вопят: «В этот день гигантская рука пролетариата схватила за горло самодержавного зверя; он кусает еще руку сегодня, она задушит его завтра» («Искра», № 84).

За этим слогом Аркадия Николаевича* скрывается какая-то искусственно подогретая фальшь. К чему эти трубы и тимпаны, кому они нужны? Ведь это же неправда. Вовсе пролетариат не хватал за горло самодержавие, пролетарские массы пошли просить реформ; став лицом к лицу с правительством (поучительность чего насмешливо отрицалась новой «Искрой»), они поняли, что оно отвечает на все просьбы и требования только беспощадными пулями; рассвирепев, они пытались сопротивляться, они долго не забудут полученного урока и в другой раз уже не пойдут безоружными, заслоняясь от пуль и нагаек одними иконами да царскими портретами; они будут теперь еще внимательнее прислушиваться к голосам тех, кто уже и раньше правильно характеризовал им их врагов. И теперь надо готовиться к первому настоящему натиску пролетариата, который еще предстоит. Вот факты, и перед практической важностью этих фактов фальшивая фраза о руке, схватившей за горло, и о звере, который еще кусает руку, представляется оскорбительной мишурой.

Какие же реальные задачи ставит перед социал-демократическими организациями достигнутая теперь благодаря событиям 9 января уверенность в близости восстания?

Конечно, восстание, быть может, не придет раньше, чем через много месяцев: мы взываем не к чувству, не к нервной спешке, а к спокойной рассудительности. Но можно сказать с уверенностью, что едва ли не самыми настоятельными вопросами теперь являются следующие: во-1-х, о расширении базиса революции, т. е. революционной агитации среди городской бедноты и крестьянства; во-2-х, о вооружении народа; в-3-х, об агитации в войске, как среди солдат, так и среди офицеров; в-4-х, о способе дезорганизации нормальной жизни центров, т. е. о дезорганизующей правительстве стачке, лишаящей город освещения, воды, приостанавливающей движение конок и особенно поездов железной дороги; в-5-х, о

* Имеется в виду персонаж романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» Аркадий Кирсанов, которому Базаров говорит: «О друг мой, Аркадий Николаич!.. об одном прошу тебя: не говори красиво».

дезорганизации правительственной машины при помощи захвата правительственных учреждений, в особенности отделений государственного банка, которые правительство при всяких беспорядках тотчас же защищает, обнаруживая таким образом свою Ахиллесову пяту; в-6-х, об уличном бое, причем должен тщательнейшим образом изучаться план города, намечаться части города, наиболее удобные для обороны, и вырабатываться самый план обороны; в-7-х, об использовании пролетариатом власти над отдельными городами или частями городов, могущей временно попасть в его руки, особенно об использовании таких правительственных заведений, как, например, большие типографии, оружейные мастерские, заводы взрывчатых веществ и т. п.; в-8-х, об устранении наиболее вредных командующих лиц из враждебного правительственного лагеря в каждом данном городе. Напомни по поводу последнего пункта то, что писала старая «Искра» еще в № 14: «Нам советуют в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее „изъять из обращения“ гражданское, полицейское и военное начальство. Этот совет сам по себе недурен. Революционная социал-демократия, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время». Теперь это время близится.

Вообще нечего бояться криков о преждевременности постановки подобных вопросов в комитетах, нечего обращать внимание на тех, кто будет болтать по этому поводу о бланкизме, якобинстве и терроризме. Заговор как средство вызвать революцию есть давно мертвый и в гробу истлевший бланкизм, но специальные кружки, подготовляющиеся к тому, чтобы помочь массам, раз они восстанут, ориентироваться и вовремя дать им необходимые пароли, — это не бланкизм, а единственно разумный способ считаться с приближающейся бурей. Организация профессиональных революционеров как замкнутая и самодовлеющая группа — это вредное якобинство, но сплоченная и централизованная партия, тесно связанная с пролетарской массой, стремящейся провозгласить и организовать ее и руководить ее революционными проявлениями в ее истинных интересах, — это социал-демократическая партия.

Сторонники большинства сравнивают свою позицию по отношению к меньшинству с позицией якобинцев по отношению к жирондистам, как сравнивала еще старая «Искра» ортодоксальное и оппортунистическое крыло революционного класса 20-го века, пролетариата, с якобинским и жирондистским крылом революционного класса 18-го века, буржуазии. Только безнадежно неумные люди могут выводить из этого, что мы п р е в р а щ а е м с я в буржуазных якобинцев. Наконец, политические убийства как средство содействовать социальному и политическому прогрессу — это чисто интеллигентский способ борьбы, неизменно осуждавшийся нами терроризм; но устранение наиболее вредных «начальствующих лиц» во время открытой массовой борьбы есть законнейший военный прием, и смешивать его с интеллигентским террором может лишь тот, кто безнадежно не понимает задач подлинной, живой революции¹.

¹ Отрывок от слов: «Организация профессиональных революционеров...» до слов «... задач подлинной, живой революции» дошел до нас в рукописи, переписанной рукой А. А. Луначарской. Было: «... Организация профессиональных революционеров как замкнутая и самодовлеющая группа — это вредное якобинство, но сплоченная и централизованная партия, тесно связанная с пролетарской массой, стремящаяся просвещать и организовывать ее и руководить ее революционными проявлениями в ее истинных интересах — это социал-демокр. партия: из того, что сторонники большинства

Пролетариат долго копил силы, и теперь он как бы сразу поднял все революционное движение на новую, высшую ступень. Надвигаются новые задачи. Будем готовиться к их практическому решению. Будем помнить, что неизбежно предстоящий новый подъем рабочего класса будет еще грандиознее, что социал-демократы должны выступить тогда не простыми пособниками, а руководителями величайшего политического переворота.

Среди всех задач, которые теперь выдвигаются решительно на первый план, не надо забывать главной: социал-демократия должна быть цельной, сплоченной, проникнутой единством. Никогда еще работа, направленная на организацию сил партии, не была более плодотворно направлена.

При этом многие под влиянием событий уже выдвигают лозунг: долой раздоры и полемику, все социал-демократы должны слиться воедино.

Мы не думаем, чтобы от сплава стали с оловом получился выигрыш. Мы знаем, что всюду так называемое партийное меньшинство всегда занималось дезорганизацией партии, знаем, что оно постарается и теперь использовать события и всякие могущие возникнуть на их почве союзы для рекламы своей фракции, и мы предостерегаем социал-демократов из большинства от неосторожных примиренческих шагов.

Нам скажут: «Да, они дезорганизуют комитеты, но ведь для того, чтобы организовать партию под руководством нынешних центров». Совершенно верно.

Но это-то именно и недопустимо. Так называемая редакция центрального органа, возникшая вопреки воле партийного съезда, наделала столько поворотов, курбетов и зигзагов за короткое время своего существования, что признать эту группу руководительницей партии в тот важный момент, который мы переживаем, значило бы, с нашей точки зрения, изменить интересам партии самым постыдным образом.

С другой стороны, может ли партия идти на революцию под руководством тех новоиспеченных дипломатов из ЦК, которые только и умели, что пугаться под ногами партии и интриговать за ее спиной?

РСДРП имеет уже теперь предварительные впредь до съезда центры, под руководством которых она и будет работать.

Мы разъясняли и будем еще разъяснять ту безнадежную путаницу, ту шаткость, которую внесла новая «Искра» в вопросы организации и тактики, и нам незачем специально останавливаться на этом в настоящей статье. Диалектической волшебной палочке Плеханова не удастся превратить в золото тот мусор, который целыми кучами наворачивают его горетоварищи. Говорят: «не место человека красит, а человек место», но даже такой человек, как Плеханов, не может скрасить того сугубо засоренного и непривлекательного места, в котором он теперь, к сожалению, обретается.

В то время, когда теоретики «меньшинства» жонглируют «новыми словами», взятыми из ветхого завета «Рабочего дела», практики их всецело отдаются делу дезорганизации комитетов.

сравнивают свою позицию по отношению к меньшинству с позицией якобинцев по отношению к жирондистам, отнюдь не следует, чтобы они брали якобинцев себе за образец. Наконец, политические убийства как средства содействовать социальному и политическому прогрессу — это чисто интеллигентский способ борьбы, неизменно осуждавшийся нами терроризм; но устранение наиболее вредных „начальствующих лиц“ во время разгоревшейся уже кровавой борьбы есть законнейший военный прием, и смешивать его с интеллигентским террором может лишь тот, кто безнадежно не понимает задач подлинной, живой революции» (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 471, л. 6).

Сооставляя этот текст с соответствующим текстом в газете «Вперед», мы видим, как существенно он был исправлен. Это является важным доказательством точности воспоминаний Луначарского о том, что Ленин подверг статью «Твердый курс» основательной редакторской правке. Как было уже сказано в предисловии к данной публикации, правка Ленина не сохранилась.

Прочь же от этой компании дезорганизаторов! За дело! Да, нам нужно единство, нужна сплоченность, нужна концентрация всех сил, но именно поэтому нужно всюду устранять из своей среды тех, кто вносит смуту и навязывает большинству партии отсталые и уже отвергнутые ею организационные и тактические взгляды. Пусть меньшевики работают также «объединенно» (если можно «объединить» Плеханова, Мартынова и Троцкого), но подальше от нас. В тех случаях, когда понадобится реальное временное объединение сил, мы не устранимся от него, как не устранимся от всякого боевого союза со всяким врагом самодержавия.

Пусть грядущие ошибки и зигзаги неудавшихся «вождей» не падают на нас,— у нас слишком много дела впереди, чтобы не раскланяться окончательно с носителями вечной дряги.

Мы верим, что в работе все яснее будет становиться, с кем идти, и что многие временно сбитые с толку работники нашей партии скоро примкнут к РСДРП, сбросивши с себя негодные центры,— не голову, нет, а колпак из лакмусовой бумаги, которому давно пора в ту кучу сора, куда Плеханов пытался забросить «перегнутую палку» Ленина и где тлеют кости экономизма.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА

8 марта/23 февраля 1905 г. в № 9 газеты «Вперед» в отделе «Из партии», где печатались заявления, резолюции и мнения по текущим вопросам «со стороны организации групп и членов партий» (см. извещение о газете «Вперед»), появилась корреспонденция из Петербурга, к которой Луначарский написал заметку «От редакции». Корреспонденцию редактировал Ольминский, а после него правил Ленин.

Сохранился текст корреспонденции, переписанный рукой Ольминского, с правкой Ленина и послесловие—автограф Луначарского (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1553, лл. 1—2). Правка Ленина и частично текст корреспонденции опубли.: «Ленинский сб.» XXVI, стр. 335.

Этот документ представляет собой особенно наглядный пример совместной редакторской работы Ленина и Луначарского в газете «Вперед». Интересно, что тематически послесловие от редакции, написанное Луначарским, связано с его известной брошюрой «Как петербургские рабочие к царю ходили», о которой одобрительно отзывался Ленин.

Правка Ленина публикуется впервые.

С.-ПЕТЕРБУРГ. Сказка о «союзе» здешних большевиков с меньшевиками сильно преувеличена. Никакого союза не было, а было временное соглашение, выразившееся в совместном выпуске нескольких листов и в совместном получении денег от либералов. Около 15 янв. соглашение было уже порвано, и о нем осталось лишь неприятное воспоминание да опыт, показывающий, что никаких реальных соглашений о совместных действиях с меньшевиками не может быть. Подобно Искре, здешние меньшевики растерялись перед лицом событий и не знали, что делать. Они безнадежно путаются даже в таком сравнительно простом вопросе, как вопрос о комиссии Шидловского, *который стал для нас ясным после разговоров с рабочими*¹. Нами окончательно решено в выборах участвовать, но при этом требовать неприкосновенности депутатов, свободы собраний, печати и проч. по всем вопросам, касающимся комиссии. В случае же неудовлетворения этих требований срывать комиссию². Большевики³

¹ Было: который, правда, был первый момент неясен и для меня, но стал ясным после разговоров на эту тему с рабочими.

² Было: бойкотировать ее, а затем

³ Было: и тут запутались

сначала проповедовали ¹ бойкот, а теперь, видя безуспешность этого плана, не знают, собственно, что делать, и мечутся из стороны в сторону ².

Что касается *до вопроса о более широком привлечении молодежи*, то есть молодежь и молодежь. Тех, кто отдается делу со всею преданностью и горячностью, мы привлекаем, давая им простор и возможность инициативы. Что же касается праздно болтающих на тему о положительной работе, то от них нужно бежать на пушечный выстрел. Пусть сотни их идут к рабочим, пусть тысячи рабочих посещают квартиры интеллигентов — прекрасно! Их неконспиративной деятельностью и болтовней о деятельности мы зальем полицию и шпионов, спутаем ³ в этом неконспиративном потоке, будем тем смелее и свободнее проводить свою конспиративную линию. Необходимо только дать поскорее больше самостоятельности и простору рабочим, входящим в наши организации, необходимо ввести побольше рабочих в местные комитеты, необходима быстрая реорганизация всего, так как во многом конспирация потеряла теперь смысл. И на почве массовой неконспиративности мы сумеем направить свой конспиративный аппарат таким образом, чтобы история сказала о нас: «кроты — они хорошо рыли!»

ОТ РЕДАКЦИИ ⁴. Петербургские рабочие, как мы и предсказывали, энергично откликнулись на призыв соц.-дем. ставить новый «опыт» самым серьезным образом, принуждая правительство либо отказаться от игры в комиссии, либо дать рабочим свободу громко высказать перед всею Россией свое осуждение современному режиму и свои широкие требования. Как сообщают иностранные газеты, рабочие на своих собраниях требуют: 1) открытия 11-й секции рабочего общества, 2) свободы обсуждения на собраниях, 3) полной гласности всего, что касается комиссии Шидловского, 4) освобождения раньше арестованных товарищей. Требования рабочих растут и становятся все больше настойчивыми и определенными, причем все уверены, что при неуступчивости правительства в Петербурге вновь вспыхнет всеобщая стачка.

«БАНКРОТСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО РЕЖИМА»

Передовая статья под этим названием появилась в газете «Вперед» 15/2 марта 1905 г., в № 10. Рукопись статьи — на 8 страницах, рукой А. А. Луначарской, со вставкой и исправлениями Ленина — хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1569, лл. 1—8. Имеется также и правка Ольминского. Частично правка и вставка Ленина были опубликованы в «Ленинском сб.», XXVI, стр. 336.

При редактировании статьи Ленин внес существенное уточнение политического характера. Вместо слов «Положение о диктатуре пролетариата» он написал: «Положение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства».

Хотя Луначарский употребил формулу «диктатура пролетариата», из его дальнейшего изложения видно; что речь идет о гегемонии пролетариата в демократической революции и осуществлении программы-минимум. Исправляя эту, можно полагать, небрежность Луначарского, Ленин внес в текст полную ясность.

В конце статьи Ленин сделал большую вставку, раскрывающую суть программы-максимум.

¹ Было: полный

² Было: На комиссии Шидловского, я в этом убежден, насколько можно быть убежденным относительно будущего, мы покажем, как нужно действовать, и почти уверен, что сорвем к черту всю эту жалкую «группу интриганов при ЦК».

³ Было: все карты

⁴ Весь текст «От редакции» написан рукой Луначарского.

В статье Луначарского упоминается «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина». Она была издана в 1905 г. с предисловием Ленина (Л е н и н, т. 9, стр. 331—334).

На обороте 8-й страницы, по-видимому рукой наборщика, написано: «Статья Войнова № 10».

БАНКРОТСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО РЕЖИМА

В то время как в результате кровавого экзамена на полях Маньчжурии выясняется окончательное банкротство русской армии, этой любимейшей дщери самодержавия, в России констатируется банкротство другого столпа трона, основного, надежнейшего, на построение и укрепление которого тратилась бездна народных денег и чиновничьей хитрости, — банкротство полиции. Как! Вокруг нас все, начиная с Льва Толстого и кончая тупейшим из либералов, поют о том, что «при могущественнейших средствах, которыми ныне располагает государство...» и т. д., и т. д., и между тем это самое «государство», т. е. центральная полицейская шайка, сама признает свое полное бессилие! Есть над чем призадуматься нашим робким либералам, которые еще до сих пор, проклиная в душе правительство, лебезят перед ним подлейшим образом. Легенда о силе правительства еще сковывает рыхлые члены господ либералов, и московские земцы, потиравшие руки и поздравлявшие друг друга после убийства Сергея, послали лакейские телеграммы родичам казненного ходынского князя.

Значительная сила мнимой силы правительства — в страхе, который все еще внушает робким людям гнилой, проржавевший, но с виду грозный государственный механизм. Если бы будущее России зависело от просвещенного и зажиточного «общества», самодержавие так и разложилось бы, властвуя страной, и заразило бы ее своим тлением. Россия погибла бы, а либералы все трепетали бы, «бессмысленно мечтали» и робко торговались бы. Но жестокие расправы полиции не запугали революционного пролетариата. Полицейский механизм, неуклюже скрипя, «действовал», причиняя много боли отдельным лицам, много хлопот отдельным кружкам и... привел в отчаяние смастеривших его хитрых механиков. Теперь они стоят над своим нелепым детищем, качают головами, разводят руками и не знают, что делать. В качестве пугала — нестрашно, в качестве орудия борьбы — негодно и стоит дорого, навлекая на правительство всеобщую ненависть.

На днях мы *опубликовали*¹ полностью растерянную, желчную докладную записку директора Департамента полиции Лопухина, в которой признано банкротство полиции. Мы хотим поделиться с читателями нашей газеты некоторыми особенно характерными признаниями нашего обер-держиморды.

Он перечисляет все хитроумные «меры», пущенные в ход в разное время, и против каждой ставит *красноречивый*² уничтожающий минус. Местным властям дано право издавать «временные обязательные постановления», хорошо всем известные. «Опыт показал, — пишет о них Лопухин, — что в тех местностях, где правила эти существуют лишь непродолжительное время, они имеют результатом временное устранение или ослабление преследуемых явлений. Но как только исключительные меры превращаются в длительные, они становятся все менее действительными». К ним просто-напросто привыкают! И Лопухин стонет о том, что все

¹ Было: опубликуем

² Было: большой, красноречивый

бесполезно «при отсутствии в русском чиновничестве служебного долга и привычке принимать меры лишь по распоряжению начальства». Полиция не умеет выследить тайных собраний в случае запрещения сборищ вообще и набрасывается, по признанию Лопухина, на те, которые легче выследить, т. е. обыкновенно на самые невинные, ожесточая тем бесплодно население. Запрещение носить оружие, по Лопухину, совершенно безрезультатно: полиция обыкновенно находит оружие лишь там, «где оружие уже послужило средством совершения преступления». Весьма возможно, что слабоумный Николай изволил начертать в этом месте собственной рукой: «весьма неутешительно!». Затем паспорта. Полиция превратила их проверку в чисто бумажное дело, вообразила, что, прописав паспорт, она все сделала. И какие ужасы раскрывает Лопухин в своей записке! В Петербурге проживали и организовали свои геройские подвиги Карпович, Гершуни. Проживали под своими фамилиями, со своими паспортами, запросто, в меблированных комнатах. Фотографическая карточка разыскиваемого повсюду Гершуни лежала в столе того самого участка, где паспортист равнодушно прописывал его вид на жительство: Гершуни, так Гершуни — вид исправен, чего же больше?

Полиция имеет право устранять от всякой общественной деятельности лиц, заподозренных в неблагонадежности. Казалось бы, хорошо! Ходи с оглядкой, обыватель! Чуть что — и ты без куска хлеба. Но Лопухин грустно качает головой. «Последствия этой меры приносят явный ущерб государственному порядку, — говорит он, — вместо того, чтобы дать беспкойным элементам общества возможность получить кусок хлеба и заняться делом, которое отвлекло бы их от подпольной деятельности, их или лишают средств к существованию, или, обнадежив в этом отношении, заставляют переходить из губернии в губернию в поисках за благосклонностью, причем они разносят с собою недовольство существующим порядком».

Полиция имеет широкое право обыскивать и подвергать аресту; но тут Лопухин заявляет, что Департамент полиции выбивается из сил в борьбе с распущенностью полиции, напрасно ожесточающей население. Лопухин заявляет, что результаты этой борьбы еще недостаточны «благодаря накопившемуся индифферентизму местных членов к интересам обывателя». Полиция имеет право по целому ряду преступлений предавать царских подданных военному суду и посылать их на виселицу. Но за все последнее время она один лишь раз осмелилась применить смертную казнь, «причем, — меланхолически замечает наш дьяк, в приказах поседельй, — причем исполнение в этих случаях смертной казни не имело своего устрашающего влияния, ибо террористические покушения после того умножились». Полиция имеет право ссылать царских подданных без суда в труппы. Но об этом Лопухин замечает: «Озлобляя население, административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и в Киргизской степи».

На этом Лопухин обрывает свою печальную повесть. Растерянный и жалкий, он ничего не предлагает. Его заключительные слова звучат похоронным маршем для самодержавия, победным гимном для русской революции. Что же делать правителям? Остается лгать, стараться скрыть свою слабость. Царь пишет манифесты, т. е. он подписывает их. После знакомства с докладом Лопухина понятно, почему царь говорит в последнем манифесте о революционерах, что они «ослеплены гордостью»; понятно, почему он противопоставляет им свое смирение: «Мы подчиняемся со смиренным сердцем тяжким испытаниям, ниспосланным свыше». Еще бы! Что же еще делать-то? Царь напоминает своим чиновникам, лишенным чувства служебного долга, их присягу. Напрасно, Николай Романов! Молитесь! Совершайте вашу последнюю молитву: ваша жестокая судьба

«Франкфуртская газета», всегда с недоверием относившаяся к социал-демократам и сочувствовавшая либерализму, теперь вынуждена сделать характерное признание: по поводу рескрипта от 18 февраля она пишет: «Слишком поздно! Советники царя забывают, что наряду с русскими либералами, которым все еще недостает крепкой организации, существует класс фабричных рабочих, и д у ш и х з а о п р е д е л е н н ы м и р у к о в о д и т е л я м и. Это ясно обнаружилось при выборах в комиссию Шидловского. Совершенно неверно, будто русский рабочий недостаточно созрел для понимания своих интересов и не обладает никаким понятием о политике... На собрании выборщиков всех групп русские рабочие говорили такие речи, какие можно слышать на социалистических съездах Франции, Германии, Бельгии, Италии. Один из ораторов говорил против соглашения с либералами, которые пользовались всегда рабочими массами для того, чтобы хоронить династии, а затем надували рабочих. Он доказывал, что только пролетариат добьется необходимого ему народного парламента, и закончил свою речь так: «Мы вышли в воскресенье на улицу и были расстреляны, как бешеные собаки; мы стоим накануне великих событий, быть может, накануне страшной драмы. Как бы то ни было, мы настаиваем на своем. Будем держаться крепко, закалим наши сердца, и пусть наш лозунг будет: „К борьбе, к борьбе!“». Долгие рукоплескания покрыли его слова. Эта сцена разыгралась в Петербурге, в резиденции самодержца всей России. Такова смелость, такова сила духа революционного пролетариата. Чего же вы трепещете, московские и другие либералы? Быть может, вы боитесь не столько вашего дряхлеющего врага, сколько нового, юного, мощного? Кого вы больше страшитесь, либералы, — самодержавия, которое, околевая, может еще свернуть шеи полудюжине земцев, или пролетариата? Помните, пролетариат уже не позволит обмануть себя! Он погонит вас вперед, вплоть до демократической республики, не останавливаясь, все вырастая, все организуясь, пока этот светлый богатырь не построит *нового, социалистического здания*¹ на развалинах вашего либерально-буржуазного строя! Но дело не в том, кто страшнее вам, дело в том, кто теперь сильнее! Теперь сильнее пролетариат, готовый стать во главе всего всколыхнувшегося простонародья. И потому, что он сильнее трона, вы пойдете за ним, вы побегите за ним: великан будет шагать, таща вас за руку; и, семена вашими благовоспитанными ножками, вы «петушком-петушком» будете попевать за ним, потому что кто не пойдет вперед — погибнет!

Но пока либералы, как они ни обескуражены, продолжают свою торговлю с правительством. Они предлагают, как известно, *монархическую конституцию с двумя палатами* — верхней из представителей земств и нижней, избираемой посредством всеобщего избирательного права; они оставляют за царем право назначения министров и т. д. Царь предлагает им вместо конституции жалкую *совещательную палату, без всяких гарантий ее прав и условий ее созыва*.

Они торгуются, *они играют в политические шахматы*², стараясь перехитрить друг друга. Но рабочий хватит кулаком *по шахматной доске*³ так, что вся дипломатия полетит к чёрту. Он уничтожит монархию, и если либералы станут защищать ее, он проведет демократическую революцию и против правительства, и против либералов, в союзе с бесправными слоями народа.

Глубокомысленные политические тупицы предостерегают соц.-демократию от *чрезмерно* деятельной организации революции: это может

¹ Было: храм общечеловеческого счастья

² Было зачеркнуто. Восстановлено Лениным

³ Было зачеркнуто. Восстановлено Лениным

привести к такой ужасной вещи, как преждевременная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Преждевременная! Нет! Самое время теперь пролетариату стать во главе народа для революционного осуществления своей программы-минимум, которая должна стать знаменем всей русской демократии. Пролетариат проведет ее до конца и заложит тем фундамент для грядущей социалистической борьбы. Мы отвергнем; как утопию, как бессознательную провокацию, всякую попытку навязать пролетариату невыполнимую при настоящих социально-экономических условиях задачу немедленного осуществления максимальной программы, т. е. *немедленного создания социалистического строя; мы будем неустанно разяснять рабочему, что только самостоятельная классовая организация городских и сельских пролетариев есть надежный залог освобождения труда от гнета капитала*; но мы с презрением отбросим также трусов, робко оглядывающихся кругом, не заметно ли где либерального генерала или сановника, которому можно было бы препоручить революцию, скромнехонько посторонившись. Нет! Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетариат выступает, чтобы построить вам вашу буржуазную республику, и он построит ее так, чтобы наилегче было перестроить ее на социалистических началах, когда придет¹ желанный час.

«КАК ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ К ЦАРЮ ХОДИЛИ»

Брошюра Луначарского «Как петербургские рабочие к царю ходили» под псевдонимом В. Воинов была напечатана в издательстве «Вперед» в Женеве в 1905 г. На обложке и титуле ее название было напечатано на русском и на немецком языках.

Газета «Вперед» в разделе «Последние издания» в № 14, 12 апреля/30 марта 1905 г. сообщила о выходе брошюры в свет. Брошюра вышла раньше, она в виде приложения рассылалась уже с № 13 газеты «Вперед» (5 апреля/23 марта 1905 г.).

В фондах ЦПА ИМЛ (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1624) хранится экземпляр текста брошюры, переписанной рукой А. А. Луначарской. Из 20 страниц этого текста на пятнадцати имеются редакторские поправки Ленина. Так, например, вместо слова «исцелить» Владимир Ильич пишет «устранить», а фразу «Уже подрал мороз по коже» Ленин заменил словами «Страх обуял» (стр. 16). На 6-й странице во фразе «засылают в трущобу» Ленин заменяет «трущобу» на «Сибирь». На 18-й странице он уточняет формулировку и вместо «ваше правительство» (речь идет о народной революции) пишет — «народное правительство».

Во многих случаях Ленин соединяет абзацы, предлагает дать слитный текст, а на 8-й странице рукописи пишет: «в строку».

Ленин вносил исправления в брошюру, по-видимому, перед самым ее печатанием, потому что на пяти страницах он пишет: «Наб(орщик) см. на обороте!», а около вставок Луначарского (цитаты из газеты «Вперед») Ленин написал: «Лежит в наборе. NB», указывая, что можно использовать имеющийся уже набор, а не набирать вновь (лл. 11, 12).

1 августа 1905 г. Владимир Ильич (см. настоящ. том, стр. 8) сообщал Луначарскому о письме члена ЦК РСДРП Д. С. Постоловского, который просил: «Было бы крайне желательно, чтобы под Вашим руководством Воинов по крайней мере раз в неделю писал общеполитический листок, который в рукописях рассылался бы по организациям для напечатания». Поэтому Ленин рекомендует Луначарскому продолжать писать брошюры и особенно популярные, в духе «Как петербургские рабочие к царю ходили» (см. настоящ. том, стр. 8).

Просьба Постоловского была учтена Лениным: статья Луначарского «Массовая политическая стачка», напечатанная в «Пролетарии» (№ 1, 27/14 мая 1905 г.), вышла отдельной листовкой в издании Бакинского комитета РСДРП, о получении которой сообщила редакция «Пролетария» в № 8, 17/4 июля 1905 г.

¹ Было: ударит

КАК ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ К ЦАРЮ ХОДИЛИ

В начале января этого года все рабочие побросали работу. Что случилось? Почему стоят фабрики и заводы? Почему 250 000 человек вдруг бросили труд, который дает им кусок хлеба?

Надо рассказать об этом с самого начала.

С год тому назад полиция разрешила петербургским рабочим устроить свое общество: «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», позволила им собираться в особых помещениях, где священники должны были поучать их. Известно, чему учат попы народ: «бедны вы? — сами виноваты! Не пейте вина, не ходите в трактиры, сберегайте по грошику на черный день. Курить тоже не следует. Работайте прилежно, всякое начальство чтите, на бога не ропщите, а побольше молитесь — вот и ладно будет». Но рабочие-то знают хорошо, что все эти слова — одна сплошная ложь! Не от пьянства беден рабочий, а от нищеты беспроектной пьет он. Надо же человеку после каторжного труда хоть немножко повеселиться, а где же веселие для рабочего? Сам управляющий Путиловского завода в Питере говорит: «Не надо рабочему уменьшать рабочий день, а то он все равно все свободное время пить будет: дома у него жить нельзя: тесно, грязно, духота... Ни читален, ни клубов, ни театров для него не припасено — в кабак одна дорога».

Не правда ли, как ловко рассуждают господа фабриканты и управляющие? Почему нет у рабочего ни читален, ни театров, ни курсов, ни клубов? «Некогда ему, — говорят, — где уж! Пойдет усталый с работы, рад до постели добраться».

— Ну, так дайте ему свободного времени побольше! — «На что ему? — отвечают, — все равно ему деваться некуда». Так и не вырвешься из этого круга. Знают рабочие хорошо, что проповеди попов против пьянства одни слова пустые: платили бы рабочему больше, поменьше изнуряли бы на работе, позаботились бы о том, чтобы образование и хорошие развлечения были ему доступнее, тогда и пьянство сразу бы уменьшилось.

«Слушайтесь всякого начальства, не будьте строптивы», — учили попы на рабочих собраниях. — «Врут батьки! — думают рабочие, — только тогда мы для себя чего-нибудь добивались, когда скопом не слушались и бунтовали. Где рабочий молчит и терпит, там его и так, и сяк чествуют, жилы из него тянут, да еще и в зубы норовят... Повиновение и терпение рабочему — гибель!» И насчет бога и молитвы — все пустое. Хорошо говорится в пословице: на бога надейся, а сам не плошай. Господа фабриканты не от молитвы наживаются, а всячески прижимая рабочий люд; коли будешь на их подвохи одному богу жаловаться — живьем съедят!

Но вот начались на рабочем собрании совсем новые речи.

Не все полицейские ставленники, попы, шли на собрания только затем, чтобы рабочих морочить. Был между ними один молодой священник — Георгий Гапон, сын полтавского крестьянина, человек правдивый, который хотел и в самом деле помочь рабочему люду. Жил он просто и бедно, вместе с рабочими, как свой человек; толковал с ними откровенно и увидел он, что рабочие правы, что одно спасение рабочему человеку от кровопийства хозяев — друг за друга стоять, вместе свое рабочее дело отстаивать. А тут как раз к январю прогнали управляющие путиловским заводом четырех рабочих, членов общества, не за провинность какую-нибудь, а так, больно умны показались. Остальные путиловские рабочие вступились, послали к начальству выборных похлопотать; пошел с выборными и священник Гапон. Начальство рассердилось, раскричалось, об уступке и говорить не пожелало.

*Нужда*¹ и невзгоды давно уже сделали рабочим жизнь горше смерти. Труд страшный, все тело разломает, силы подкашивает, болеют рабочие, рано мрут, а семью прокормить все нечем. А уж если заболит отец семейства, тогда голодают ребятишки, гибель, как черная туча, над семьею нависнет. Стар станет рабочий, а старость у рабочего от непосильного труда ранняя, гонят его вон, пропадай, как знаешь. Фабриканты и в ус не дуют: только еще потуже затягивают петлю, штрафами дожимают, за каждое смелое слово на улицу выбрасывают, мастера издеваются, за человека не считают, драться лезут, к девушкам-работницам пристают... Управы нигде не найдешь. Фабричные инспектора и другие власти — те же бары, хозяйскую руку тянут. У них еще рабочий и виноват остается: одна издевка. Много горечи, много гнева накопили рабочие... ну, и разразилась гроза.

Забастовали путиловцы, и словно зараза охватила все заводы. В немногие дни стал весь рабочий Петербург. Замер весь огромный город, потому что двигателем его служит рабочая рука, замер и ждет: что-то будет. Гул стоит в залах рабочих собраний. Одни тысячи приходят, другие уходят. Рабочие обсуждают свое рабочее дело. Выступают перед ними разные люди, и свои рабочие, и друзья рабочих. Говорил всюду и священник Гапон.

Гапон говорил, что пришел предел всякому терпению, что нужно всем вместе стоять дружно и добиваться разных улучшений. Да не для себя только, а и для всего рабочего люда и для всей России. Стонет повсюду рабочий человек под тяжким игом богача, стонет и многомиллионный деревенский люд: голод то там, то здесь свирепствует, не переводится голодуха на Руси, болезни страшные, всюду голь и нищета, а чиновники за недоимки последнее хозяйство разоряют. А тут еще война: давай последнюю лошадь, давай и кровь родную — сына, мужа, давай на погибель в далекой стороне работника, опору семьи, оставайся без поддержки на погибель. Вот встали теперь все рабочие Петербурга, чувят они свою огромную силу: пусть же они постоят за всю бедную Россию.

Так говорили и многие рабочие, и свящ. Гапон. Но кому же жаловаться на свою беду, у кого просить защиты? Не у правительства ли? Не у чиновников ли, не у полиции ли? — Ну, нет! Их хорошо знал рабочий люд Петербурга! Разве не избивала полиция рабочих за их недовольство, разве не арестовывали, не сажали в тюрьмы, не ссылали всякого рабочего посмелее? Чем помогли они *когда-нибудь рабочему человеку?* *Даже*² теперь, во время январской стачки, когда испуганные хозяева соглашались было на уступки, полиция нахально запретила им уступать законным требованиям рабочих, а то они-де зазнаются. Нет уж к ним рабочие жаловаться на свою участь не пойдут. Но тут Гапон и иные рабочие стали говорить: министры и чиновники, полиция и заводское начальство — все одна шайка, все грабят рабочего, все пьют кровь из русского народа. А вот царь? Царь, защитник народа, он-то что смотрит? Он любит народ, говорил Гапон и его единомышленники: только ничего-то он не знает: до бога высоко, до царя далеко! Стали чиновники и богачи стеною между царем и народом, оттерли его от нас! Рабочие! Прорвем, проломим эту стену, понесем грамоту-петицию к царю, выложим в ней свое горе и все, чего мы просим. *Скажем в ней, чего мы*³ хотим, чтобы царь народом правил не через подлых, корыстолюбивых чиновников, а вместе с самим народом, совещаясь постоянно с его выборными. Вот что предложил рабочим священник Георгий Гапон. Рабочим эта мысль очень понравилась; всюду на

¹ *Было:* А пужда

² *Было:* когда рабочему человеку, и даже

³ *Было:* просим, скажем в ней, что хотим

это предложение большая часть рабочих кричала: «да, да! Пойдем к царю, пусть сам к нам выйдет, нашу петицию возьмет, пусть заступится за свой народ».

Но были на собраниях и такие, что не соглашались с предложением Гапона. То были с о ц и а л - д е м о к р а т ы. Социал-демократы в ответ на речи Гапона рассказывали рабочим, как они понимают дело, и вот что говорили социал-демократы:

«Не верьте, товарищи рабочие, что царь друг народу, рабочему, крестьянскому люду. Не верьте, что царь ничего не знает про то, как горько живет бедным людям в России. Много можно было бы порассказать, чтобы вы видели, какой царь друг вам: напомним вам хоть то, как он благодарил Фанагорийский полк и называл солдат молодца и за то, что они безжалостно расстреляли рабочих и работниц Ярославля; напомним вам, как по царскому приказу до смерти пороли полтавских крестьян за то, что они хотели отстоять себя от вымогательства помещиков. И ¹ мало ли за ним таких дел! Да и не удивительно это: сам он богач, сам богатейший помещик и заводчик. Не русскому народу он глава, он глава шайке чиновных грабителей, потакающей во всем дворянам и богатым купцам. Берет он у народа последние гроши, берет сыновей народа и на народные деньги из сынов и братьев ваших делает солдат, вымуштрованных для того, чтобы защищать его шайку, чтобы пулями и штыками расправляться с вами, если вам невтерпеж станет, если со стоном забьется рабочий народ под бременем своих мрачных вампиров! Не выйдет к вам царь, товарищи рабочие, говорили социал-демократы, он вышлет против вас солдат, велит вас расстреливать, как бешеных собак, не посмотрит, что вы пойдете с женами и маленькими детьми, захочет он кровью вашу залить ваше недовольство, чтобы вам впредь не повадно было, чтобы вы безропотно впряглись в телегу и везли бы на себе богатых и знатных и самого царя с его семьею, а они бы, господа ваши, только бы гикали да кнутами помахивали. Попомним наше слово: захочет царь показать вам, что вы не люди, а рабочий скот, что ваше дело молчать и работать, работать голодными и холодными, барам на пользу, пока не изработаетесь вконец и не свалитесь отдохнуть в холодную могилу». Так говорили социал-демократы; рабочие слушали этих своих товарищей (потому что социал-демократы тоже рабочие) внимательно, но сразу не соглашались, *все еще* ² сидела в них вера в царя. А иные спрашивали: «что же, по-вашему, нам делать?»

На такие вопросы рабочие социал-демократы отвечали так: «Прежде всего должны вы знать, братцы, что самый первый ваш враг — царь и есть. Он со своей полицией и солдатчиной оберегает богачей и не дает вам бороться с ними за ваши интересы. Долгий путь предстоит нам с вами, товарищи, пока мы совсем одолеем богачей, пока народ рабочий, объединенный, образованный, умелый, сам возьмет в свои руки фабрики и заводы, копи и железные дороги и земли, и станет трудиться общим трудом для счастья и блага всех, а не для наживы горсти тунеядцев. *Когда настанет такое время, тогда рабочий люд* ³ — городской и деревенский — станет хозяином и своего труда и всех орудий труда: такой строй называется с о ц и а л и с т и ч е с к и м. За него борются рабочие всех стран, слившись в один большой братский союз — международную социал-демократическую рабочую партию ⁴.

¹ Было: Да

² Было: крепко

³ Было: Когда-то настанет такое время, рабочий люд

⁴ После этих слов, которыми заканчивалась стр. 7 рукописи, Ленин написал: «Наб<оршки> см<отрите> на обороте!»

У наших соседей, у немцев, французов и других народов Западной Европы, рабочим можно широко бороться за свои цели, за то, чтобы настало новое р а б о ч е е устройство жизни, настоящее братское устройство, в котором уже не будет один человек выжимать соки из другого, а все будут радостно трудиться на общей земле, общими машинами — всем на благо. Европейские рабочие в соседних с нами странах могут свободно говорить о таком устройстве жизни, о социализме и о борьбе за него, они могут распространять свое учение и живым словом, и в книгах, и в газетах. Там существует с в о б о д а слова и печати. Тамошние рабочие могут устраивать стачки, устраивать союзы для этого, сговариваться с хозяевами не по одиночке, а все разом: «хочешь принять наши условия — будем работать, а не хочешь — не будет тебе ни единого рабочего». И благодаря крепким союзам и собственным кассам рабочие могут надолго лишиться хозяина рабочих рук: никто к нему не идет, а участвующих в стачке поддерживают другие рабочие, имеющие заработок. Могут рабочие заключать союзы и для других целей, *например*, чтобы общими силами стремиться к образованию. Там существует с в о б о д а стачек и союзов.

Мало того: у наших соседей в Европе правительство не имеет права налагать налоги, тратить народные деньги и издавать законы без воли народа. Там существует п а р л а м е н т. Парламент — это собрание доверенных, выборных всем народом для надзора за правительством и для того, чтобы передавать правительству о нуждах народа. А во многих странах, например во Франции, Швейцарии, народ выбирает и правительство. Такое народное правление называется р е с п у б л и к о й. Во всех странах, где существуют парламенты, рабочие тоже выбирают туда своих представителей — социалистов. Эти представители рабочих громко, перед лицом всего мира, говорят о нуждах рабочих и о их великой цели — социализме. Им зачастую удается вырвать у богатых законы, улучшающие быт рабочих, законы о защите женщин, детей от чрезмерного труда, о сокращении рабочего дня, о страховании жизни и здоровья рабочих. А чем лучше живет рабочему, тем больше сил остается у него для борьбы за социализм, для распространения этого учения, для сплочения сил всего великого всемирного рабочего братства.

И у нас, в России, городские рабочие стали понимать свое положение. Образовалась рабочая партия социал-демократов, *то есть* социалистов — защитников прав народа, и члены этой партии стали распространять среди рабочих истинное учение о причинах их горькой нужды и о том, как *устранить*¹ ее. Но у русского рабочего люда, как городского, так и деревенского, нет тех орудий, которыми борются его братья в других свободных странах. У нас нет п а р л а м е н т а, а правит нами самодержец-царь, который тянет руку богачей; если и издает он какие законы для рабочих, то только для отвода глаз, потому что остаются эти законы на бумаге. У нас нет с в о б о д ы слова: за всякое свободное слово жандармы² и полиция у нас *хватают* и без суда *сажают*³ в тюрьмы или засылают в *Сибирь*⁴; и тихонько-то нельзя у нас безопасно высказать свои мысли: всюду сторожат шпионы, готовые донести. Нет у нас с в о б о д ы п е ч а т и: чуть напишет истинную правду какой-нибудь писатель, горькую правду, которую хотят скрыть наши правители, — уж при-

¹ Было: исцелить

² После этих слов, которыми заканчивалась стр. 8 рукописи, Ленин написал: «Набо(рщи)ки смотрите на обороте!»

³ Было: у нас хватает и без суда сажает

⁴ Было: трущобу

хлопнули газету, сожгли книжку, а пожалуй, посадили в тюрьму и самого писателя. Нет у нас свободы союзов и стачек: устраивать стачки и союзы в России — преступление, а на зачинщиков обрушиваются всякие кары; если же полиция и устраивает сама рабочие союзы, то только чтобы вылавливать рабочих поумнее, посмелее и хватать их. Вот потому, что нет у нас всех этих прав, русскому рабочему непомерно трудно бороться за улучшение своего быта и за рабочее дело — за социализм. Поперек дороги ему стоит русское рабство. Только выпрямится рабочий, только захочет поднять свой голос, как натывается на самого страшного врага — на царское правительство: уже шлет оно полицию и войско, свищет нагайка, трещат залпы, льется рабочая кровь.

И все-таки рабочие в целом ряде городов устраивали громадные стачки, выходили на улицы со своим рабочим красным знаменем, бесстрашно заявляли свои требования, требования всего рабочего люда, всех батраков, всех, из кого пьют кровь имущие господина как в городе, так и в деревне. Не боятся рабочие царских опричников. Но не смахнув с Родины самодержавного ига, не установив и в России народного правления, не сможет рабочий человек расправить могучие плечи и вести светлую и победоносную борьбу, которую ведут его братья в свободных странах, борьбу за равенство и братство, за социализм. А в борьбе с царем, в борьбе за народное правление городские рабочие могут ждать помощи и поддержки не только от своего брата, деревенского батрака и бедняка; и у зажиточного мужика царская власть висит на *шее* тяжким бременем. И ¹ ему, и ремесленнику, и мелкому торговцу не сладко платить тяжкие поборы, отдавать детей в солдаты, кровью и достоянием жертвовать на безумные царские затеи, вроде глупой и позорной войны с Японией, и в обмен получать одно самоуправление чиновников. Да и никто не доволен царским управлением. Разорен народ дотла, страдает от этого даже крупный купец и фабрикант: некому *покупать* ² товары. Дела своего делать правительство не умеет: повело армию и флот против японцев и на весь свет осрамилось, ничего у него не было готово, на бойню повели наших сыновей и братьев. Этого срама не простят правительству и богатым.

«Вот каковы дела, — говорили рабочим социал-демократы, — и вам надо твердо знать, где ваши враги, где друзья, а где временные союзники. Теперь, когда война всех научила понимать, как неумело правит Россией царское правительство, когда все классы населения против него, вам, товарищи рабочие, нужно ковать горячее железо. Соединяйтесь в крепкие союзы, примыкая к социал-демократической рабочей партии, распространяйте повсюду, что такое социализм и почему надо бороться с царским правительством, вооружайтесь и деятельно готовьтесь к борьбе. Встанет скоро с вами весь русский рабочий люд, словно паралич хватит всю страну, станут паровозы и всякие машины повсюду, погаснет газ и электричество, весь труд замрет, а без него никому жить нельзя. Встанет и деревня, а вы выйдете на улицы и площади столиц и больших городов, вооружившись для борьбы и громовым голосом потребуйте: *долой самодержавие!* Вся Россия будет тогда с вами. Войско, может быть, и попытается вам противиться, да скоро поймет и солдат, что на вашей стороне правда, ведь и солдат — угнетенный человек, и ему нужна свобода, как и вам. И вы сбросите царское иго, товарищи, вы назначите временно свое правительство, а оно кликнет клич по всей стране, чтобы выбирали выборных людей всякого звания, выбирали бы все, кому минуло 20 лет, сами бы выбирали, без посредников, на равных правах, а голоса бы подавали тайно, чтобы никто никого

¹ Было: бременем и ему

² Было: покопать

не мог принудить выбирать не по своему желанию, а по чужому. Так выберет народ *всеобщим, прямым, и равным и тайным голосованием*¹ великое всенародное Учредительное собрание, оно и решит, каким законам вперед быть и как русскому народу собою править».

Вот чему учили социал-демократы своих товарищей рабочих, когда те собрались обсудить свое горькое положение. Но большинство петербургских рабочих не могло сразу понять, какую правду говорят социал-демократы, а согласились все-таки с предложением священника Гапона нести всем миром царю грамоту-петицию. Все-таки хоть и не послушали рабочие своих самых умных и передовых товарищей, а сильно призадумались над тем, что они им говорили, и многие из их предложений внесли в свою петицию.

Стал после этого Георгий Гапон с выборными рабочими писать петицию, и написал так:

«Государь!

Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к врагам.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не много просили. Мы желаем того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вместе с нами обсудили наши нужды, но и в этом нам отказали — в праве говорить о наших нуждах, находя, что за нами не признает закон такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день и устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с нашей администрацией завода. Увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорбления, устроить мастерские так, чтобы в них можно было бы работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно. Всякие наши просьбы — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев. Государь, нас здесь больше 300 000 — и все это люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, бесправного, измученного человека — значит совершить тяжелое преступление. Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всем нам — трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вот что стоит перед нами, государь!

¹ Было: на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права

И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников, разруши стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе, ведь ему только известны его нужды. Не отталкивай же его помощи, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и священник, и доктор, и учитель; пусть все, кто бы они ни были, избирают своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, а для этого повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Эта самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших ран, без которого наши раны вечно будут считаться и поведут нас быстро к смерти.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран; необходимы еще и другие, и мы крепко и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, совести в деле религии.

2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.

4) Равенство перед законом всех без исключения.

5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей; деш е в ы й к р е д и т и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

1) Охрана труда законом.

2) Свобода потребительно-производительных профессиональных союзов.

3) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом.

5) Участие рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Минимальная заработная плата.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы и пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеем в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь — мы умрем здесь на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незначем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, государь, любой из них —

мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее»¹.

Требование, выраженное в этой петиции, верно отвечает нуждам рабочих, только не могли социал-демократы согласиться поверить, чтобы царь для народа хоть палец о палец ударил. Гапон же очень заботился, чтобы министры не нагнали царю, не стали бы снова между ним и народом, а потому написал он царю письмо, и так написал ему:

«Государь, не думай, что твои министры сказали тебе всю правду о современном положении. Народ весь верит в тебя; он решил явиться завтра в два часа пополудни к Зимнему дворцу, чтобы представить тебе свои нужды.

Если в нерешимости ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоим народом. Доверие, которое он питает к тебе, исчезнет. И на этом месте между тобой и народом прольется невинная кровь. Явись завтра перед твоим народом и прими с открытой душой нашу смиренную петицию. Я, представитель рабочих, и мои мужественные товарищи, — мы гарантируем неприкосновенность твоей личности»².

Социал-демократы всюду свое повторяли: «не выйдет к вам царь, будут в вас стрелять; если уж идти, пойдем с оружием!»

Но Гапон не хотел этого и уговорился с социал-демократами так: пусть они берут свои красные знамена и какое у них есть оружие, но пусть прячут их, если же и вправду станут избивать народ, тогда вольны они распустить знамена и вольны пустить в ход оружие. И сказал священник Гапон: «Тогда я сам скажу — долой царя! Сам буду драться вместе с вами».

И вот утром 9-го числа *января*, в воскресенье пошли рабочие с четырех концов города к Зимнему дворцу. Денек выдался веселый, солнечный с морозцем; купола церковей сияли. А на сердце у петербургских обывателей было невесело. С мрачными лицами шли да шли маленькими группами петербуржцы к Зимнему дворцу посмотреть, как царь примет дорожных гостей — рабочих.

А рабочие приближались. Путиловцы шли торжественно и стройно, пели церковные песни, впереди несли хоругви и иконы и царский портрет. Священник Гапон шел в облачении впереди всех. Ни дать, ни взять крестный ход. Подошли к Нарвским воротам, а там уже и казаки и пехота. Что такое? Царь и дядя его Владимир отдали приказ генералу князю Васильчикову защищать Петербург от рабочих, словно неприятель наступает.

«Народ недоволен! Народ страдает? — спросил дядя царский, великий князь Владимир, я знаю хорошее лекарство от народных бедствий: стоит повесить сотню зачинщиков перед глазами остальных, и все как рукой снимет!» «Устройте им хорошенькое кровопускание, дорогой князь, — говорил он Васильчикову, — чтобы надолго запомнили».

И вот откуда ни шли рабочие — всюду встретили их штыки. Подходят путиловцы к казакам. Вышли вперед старики и говорят им: «Бога вы не бойтесь! Грех вам, братья-казаки, мы идем к царю с челобитной, по-божьему, честь-честью, а вы нас не пускаете!» Один ответ: «Не велено!»

А толпа сзади напирает: «Чего там! — кричат рабочие, — не будут стрелять! ужели во святые иконы, в хоругви, христианское войско, палить будете!» Напирают. Вдруг на рожке что-то проиграли. Бац! «Штутят,

¹ Рядом с текстом листовки, на полях Ленин написал: «Наб<орщик>, лежит в наборе № 3». По-видимому, «Петицию петербургских стачечников царю» предполагалось напечатать в № 3 «Вперед», но появилась она в № 4, 31 января 1905 г., стр. 2—3.

² Рядом с текстом листовки, на полях Ленин написал: «Лежит в наборе».

холостыми палят!» — кричат рабочие. Да нет, вон шатаются люди, вон падают, стоны слышны, кровь заалелась по снегу.

Взревела толпа в гневе, в отчаянии, а оружия нет! Нет оружия! А храброе царское войско знай палит: десятки, сотни лежат уже на покрасневшем от крови снегу, женщины, ребятишки... Пробили пулями иконы, пробили и царский портрет, и хоругвеносцев поубивали! То же было и в других местах. Страшно рассказывать, да всего и не перескажешь.

На Васильевском острове пытались от солдат защищаться, построили загородь-баррикаду из телеграфных столбов и из проволоки. Да чего! Оружия настоящего нет. Надо было сразу послушать *социал-демократов*¹, дружно приняться за то, чтобы всеми мерами вооружиться. Другое было бы дело. Достаточно есть солдат, которым тяжело стрелять в свой народ, да бояться начальства, расстрела; а как увидели бы, что и народ с ружьями да бомбами, как увидели бы, что и против народа идти тоже смерть и что народ сумеет солдата от начальства защитить, тогда и стали бы переходить к народу: ведь солдат тот же мужик, свой брат — просто-народе.

А безоружных всюду расстреливал царь на славу. Больше же всего у самого дворца. Сюда разными путями собралось множество рабочих. Сошлось видимо-невидимо и публики — посмотреть. По всем без разбору и палили. Тысячи народу убили. В Александровском саду всю публику заперли и расстреливали. Детвора там в мяч играла — и тех перебил новый ирод — Николай II.

Кровь, кровь повсюду. Проклятья слышны, стоны, рыдания. А бессилен народ!

Господа офицеры, те прямо охотились за публикой. Один рассказывал после: «вижу, говорит, бежит рабочий: я за ним, посмотрим, у кого ноги быстрее; он от меня в парадное крыльцо дома, я за ним — да в спину его шашкой, так насквозь и прошла: смотрю — так мальчишка, лет 14».

Или другой случай: влез мальчишка, несмышлениш еще, лет может, восьми, на дерево, не то любопытно показалось, не то со страху: увидел его солдат и говорит офицеру: «ваше благородие, посадить воробушка?» — «Ссади!» Бац! — и полетел бедный воробушек с дерева.

4000 человек убил и искалечил батюшка-царь в кровавое воскресенье. Набил кровавым мясом все госпитали. Долго после возили по ночам целые вагоны трупов тайком на кладбище.

«Ну, думает царь, теперь будут спокойны!» Да ошибся он, ошибся и старый царский дядя — изверг Владимир: не испугали они рабочих!² *Страх обуял*³ царскую семью, когда узнали они, что Гапон спасся от бойни, и прочли его новое воззвание к рабочим. Другим языком заговорил теперь смелый священник, вот что писал он рабочим сейчас же после бойни:

«Родные, кровью спаянные товарищи рабочие!

Мы мирно пришли 9 января к царю за правдой. Мы предупредили об этом его опричников-министров, просили убрать войска, не мешать идти к нашему царю. Самому царю я послал письмо в Царское Село, просил его выйти к своему народу с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценой собственной жизни мы гарантировали неприкосновенность его личности. И что же, невинная кровь уже пролилась. Зверь-царь, его чиновники — казнокрады и грабители народа сознательно захотели быть и сделались убийцами безоружных наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших зараз 300 рабочих, несших царские портреты,

¹ Было: социал. дем.

² Пометка Ленина: «в строку».

³ Было: Уже подрал мороз по коже

прострелили эти портреты и убили этим нашу веру в царя. Так отмстим же, братья, проклятому народом царю и всему змеиному царскому отродью, его министрам и всем грабителям несчастной русской земли. Смерть им всем. Кто, чем и как может, я призываю всех, кто искренне хочет помочь трудовому русскому народу жить и свободно дышать, на помощь: всех интеллигентов, всех студентов, все революционные организации. Кто не с народом — тот против него. Братья, товарищи-рабочие всей России, вы не станете на работу, покуда не добьетесь свободы. Пишу, чтобы прокормить себя, жен и детей, разрешаю брать везде, где можете: бомбы, динамит, все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия. Не грабьте только бедняков, избегайте насилия над невинными: лучше оставить 9 сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты, уничтожайте невыносимую народом полицию. Солдатам и офицерам, избивающим своих братьев невинных, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастьерское проклятие. Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народ, их солдатскую клятву разрешаю.

Дорогие товарищи-герои, не падайте духом, верьте, что скоро добьемся свободы и правды, неповинно пролитая кровь тому нам порукой. Переписывайте, перепечатывайте все, кто может, и распространяйте по всей России это послание, зовущее всех угнетенных, униженных и обездоленных восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут, расстреляют, продолжайте эту борьбу. Помните всегда данную мне вами, сотнями тысяч клятву. Боритесь, покуда не будет созвано Учредительное собрание на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, где будут избранные вами самими защитники ваших интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа!

9 января 12 часов ночи».

И кипит теперь рабочий Петербург, кипит вся рабочая Россия! То там, то здесь вспыхивает стачка, то там, то здесь кипит уличный бой! Началась великая война народа с угнетавшим его целые века правительством. Всюду вооружается рабочий народ, готовясь к мести и к борьбе за свободу.

Рабочие всего мира с замиранием сердца следят за тем, как готовятся к страшной схватке с правительством их русские братья. Надвигается гроза, рокочет гром.

А деревня русская? А крестьяне? — Уже идут со всех концов России: из Киевской, Харьковской, Черниговской, Екатеринославской губерний вести о том, что крестьяне разнесли те сахарные заводы, которые выжимали не только сок из свекловицы, а кровь и горькие слезы из всего окрестного населения. Поднялись крестьяне и в Пензенской губ., и в Курской, где они забрали хлеб из экономии начальника царской гвардии — графа Мейендорфа. Да и как может быть иначе? Мало что ли на крестьянах ездили? Мало из них жилы тянули? Кто только на них не наживается, кто только ими не помыкает! И чиновники, и помещик, и кулак...

Хотите ли вы, русские крестьяне, оставаться навеки рабами, или хотите стать свободными людьми, полноправными гражданами? Если хотите свободы — долой царские подати: ни гроша убийце-царю! Ни одного человека в солдатчину, в палачи! Если хотите свободы, устраивайте в каждой волости, а то и в каждом селе свою крестьянскую власть — революционный комитет. Пусть он распоряжается на месте всех властей. Долой царских чиновников! Если подыметься за городскими рабочими

весь крестьянский народ за свободу — никто не устоит! Хотите ли вы и впредь платить непомерные подати? Хотите ли вы, чтобы вас разоряли в уплату недоимок? Или хотите, чтобы скошены были сразу все недоимки, а налоги перенесены бы на богатых, так чтобы чем кто богаче, тем большую часть дохода отдавал на общие нужды (это называется прогрессивный подоходный налог)? Если хотите сразу сбросить с себя гнет губительных платежей — и прямых, и косвенных, налагаемых и на чай, и на сахар, и на вино, и на керосин, и на плуги и на все товары и инструменты, — если хотите, чтобы не грабили вас всякими способами, а блюли бы ваши интересы, подымайтесь все за народное правление, за республику: пусть правят Россией выборные от народа, народу подотчетные.

Хотите ли вы доплачивать выкупные платежи, или желаете, чтобы дворяне вернули вам то, что содрали с вас за вашу же землю, и эти возвращенные деньги пошли бы на нужды народные? Если хотите последнее, боритесь за республику. Своя, народная, республиканская власть отнимет у царя и великих князей их имения, а у монахов их несметные богатства, вовсе неприличные святым людям, за каких они себя выдают, и все эти средства обратит *народное*¹ правительство вам на пользу². Боритесь же за народную власть, за республику.

Вставайте, русские крестьяне, на ваших душегубов! Долго они над вами глумились и ломались, пора и вам потянуться к теплу и свегу, и для вас солнышко светит, а не для одних богатых. Крестьянские революционные комитеты всюду должны сбросить все, что осталось от крепостной кабалы. Накипело на сердце у крестьян, а главное — всюду нищета давит, животы подвело: кто будет виноват, если крестьяне что и возьмут у помещиков? У них всего слишком много, а у крестьян чересчур уж мало: небольшой будет грех, коли и поделится мужик с бариним своею бедой, а барин с мужиком своею казней. Только не надо никого убивать по возможности: не стоит трудовому люду пачкать свое дело кровью. Пусть крестьянские комитеты спокойно постановят: взять у такого-то помещика то и то, что ему, пожалуй, и лишне, а крестьянину до зарезу нужно. Пошли и взяли по постановлению крестьянского комитета. Ну, уж конечно, коли станут стрелять, кровь мужицкую лить, пусть на себя пеняют: они начнут — их и грех.

Самая важная для крестьянского народа — земля! Как быть с землей? Кому и на каких началах ею владеть — это обсудят народные выборные, когда завоюем мы республику. Только соц.-демократы не станут тут отстаивать весь деревенский народ, они станут отстаивать деревенского безземельного батрака. И в деревне сильны те, кто побогаче: если и отымут землю у помещиков, перейдет она к тем, у кого деньги есть, скот, а безземельный да безлошадный опять будут в батраках у своего же брата богатого мужика. Знают это хорошо рабочие соц.-демократы, а потому их цель: завоевать свободную республику для того, чтобы бороться потом за социализм, за то, чтобы вся земля и все орудия производства принадлежали бы не отдельным лицам, а всему обществу, чтобы не было больше ни хозяев, ни батраков, а устроились бы все как одна большая братская семья. Сразу этого не устроишь. Нужно для этого, чтобы все городские и деревенские рабочие — пролетарии, т. е. те, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, между собой бы сговорились и сплотились, и образование бы получили, а это все возможно только при свободе. Так оно и выходит: должны городские и деревенские рабочие бороться за свободу вместе с зажиточным крестьянством, вместе с торговцами, с хозяевами-ремесленниками, с разным людом, хоть и имущим, а нуждающимся

¹ Было: ваше

² Далее Ленин вычеркнул следующий текст: «устроит дешевые крестьянские банки, множество хороших школ и больниц, проведет всюду дороги и т. д. и т. д.»

в свободе, а потом за социализм, за общее имущество и братский строй, придется бороться городским и деревенским рабочим одним. Только ведь богатые богатеют, а бедные — беднеют, чем дальше — тем все меньше будет богачей, все больше бедняков, потому что разоряет богатый менее богатого, сам карабкается вверх, а того вниз, в нищету толкает. При свободе легко и быстро сплотят бедняки-рабочие свои силы, тогда придет и наш великий светлый праздник, придет победа труда, и завоем мы уже не свободу только, не права только, не оружие только — а полное счастье.

Петербургская бойня научила многому городских рабочих, пусть научит она и деревенских. Нужен нам, рабочим, и в городах и в деревнях — социализм, а для этого свобода и республика — первым делом. А свобода нужна и всему русскому народу: станем же мы, рабочие, впереди всех, свергнем царя и устроим такую республику, в которой было бы побольше простора для нашей рабочей борьбы за социализм.

Долой самодержавие! Да здравствует республика — путь к социализму!

«ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

Передовая статья под этим заглавием была напечатана в газете «Вперед» 30/17 апреля 1905 г. в № 16. Рукопись Луначарского на шести страницах с правками Ленина и Ольминского хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1700. Вставка и исправления, сделанные Лениным, были опубликованы в «Ленинском сборнике», XXVI, стр. 341.

Можно предположить, что Владимир Ильич решил не вносить большой правки в эту статью, а вернуться к теме об отношении марксистской партии к религии в специальной статье. Такая статья под названием «Социализм и религия» была написана Лениным и опубликована в декабре 1905 г. в большевистской легальной газете «Новая жизнь» (см. Ленин, т. 12, стр. 142—147).

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Правительственный корабль тонет, и крысы бегут с него. Бегут даже самые жирные крысы, казавшиеся такими неповоротливыми! Но бреши слишком широки, корабль слишком заметно осел, и приходится искать иного приюта. Время бюрократической опеки прошло бесповоротно. Это сознают и сами бюрократы. Носятся весьма характерные слухи о том, что выйдет манифест, подписанный многочисленными представителями чиновничества и констатирующий, что Россия нуждается в коренной реформе на началах самого широкого самоуправления. Впрочем, и того, что проникает в печать, вполне достаточно, чтобы видеть, что отчаялась в собственных силах бюрократия, отчаялись в ее силах и представители темной реакции, так долго цеплявшиеся за нее, так долго видевшие в ней превосходный меч и щит против света и прогресса. Послушайте только, с каким тупым отчаянием перебраниваются между собою публично министры. Министр Коковцев сидел-сидел, высидел, наконец, проект реформы податного дела. И вдруг свой же брат министр Лобко его же по шапке! «В грозную, критическую минуту, — грозно заявил генерал от контролеров, — у финансового ведомства не оказалось не только широкой творческой инициативы, но даже просто какого-нибудь скромного обдуманного плана в деле предотвращения финансового кризиса».

Полюбуйтесь только на то, каким тоном заговорили Грингмуты:

«Люди бумаги и 20 числа точно замерли в оцепенении перед развернувшейся у ног их бездной. Так, говорят, замирают птицы перед пастью

готового проглотить их удава...» И далее: «Спихнуть с плеч войну — вот та соломинка, за которую хватается потопившая сама себя в грязи чиновничья, бездушная сила!» Сильно сказано!

Бюрократия теперь мертвец, еще держащий в своих окостеневших объятиях Россию. И убедившись в ее мертвенности, реакционные силы, все, что жило народной косностью и невежеством, на страже которых стояло самодержавие, проклятая «немецких чиновников», т. е. недавно столь возлюбленную бюрократию, крепко задумываются над планом соединения «истинно русской силы, народной консервативной партии». Это значит, что руководители реакции думают организовать народные предрассудки и суеверия, натравить жертвы «власти тьмы» на сознательные элементы русского народа; они хотят воспользоваться тою дикарской, стихийной ненавистью, той оторванностью от культуры, недоверием к человеку в «немецком платье», которые воспитало и охраняло самодержавие, которые уже дали себя знать в холерных бунтах и отчасти в подстроенных правительством ужасных взрывах Кишинева, Баку, Курска и т. д. Ведь и самодержавие хотело апеллировать к этим обманутым, отравленным невежеством «низам», но господа реакционеры надеются более умело обставить дело.

И с чего же начинается реакция? Чтобы создать средоточие будущей «истинно русской партии», она старается вырвать у государства орудие, выродившееся, ставшее негодным, гнилым в полицейских руках, — именно православную церковь. Для борьбы против свободы понадобилось о с в о б о д е н и е церкви. В воздухе свободы, думают князья Мещерские, засохший жезл Ааронов даст цвет с одурающим запахом. Конечно, иные реакционеры (напр., «Моск. вед.») побаиваются этого шага; они согласны, что правительственный остров нестойк, но у них не хватает смелости сразу, перекрестясь, бухнуть в воду, как делает Мещерский вслед за синодальными владыками.

Синод, этот оплот из оплотов, таинственно собирается, прячась от приставленных к нему семи няnek в лице Победоносцева, Саблера и т. д. ... Синод постановляет требовать освобождения церкви, созыва духовного собора, выбора патриарха! Синод обращается со всем этим к комитету министров. Победоносцев, на старости лет видящий, как крамола дошла до самых внутренних апартаментов созданной им огромной российской канцелярии, мечется, жалуется царю, пишет Синоду доклады, над которыми владыки совместно с профессорами гомилетики и канонического права издеваются. И на другой день к восставшим святейшим старцам является лучезарный вестник Саблер и поздравляет их с их разумным решением. Седовласые митрополиты изображают на цветущих своих лицах улыбки и осведомляются у своего недавнего тюремщика, «не было ли ему видения в ночь сию».

Итак, у нас нарождается клерикализм как самостоятельная сила. Нет сомнения, что огромное большинство духовенства представит из себя агентуру консерватизма, а при случае и злой реакции; нет сомнения, однако, что, уступая веяниям времени, церковь будет выделять из себя еретические отростки с либеральными и даже расплывчато-социалистическими цветами. И появятся, может быть, и у нас буржуазные попеды, которые станут кричать по этому поводу: клерикализм — вот враг! Мы, социал-демократы, не позволим увлечь себя на этот путь. Напротив, мы используем до конца факт самоосвобождения церкви. Вы хотите свободы, самостоятельности, господа архи- и протоиереи? Сделайте одолжение, это называется — о т д е л е н и е церкви от государства, в этом деле мы будем вашими союзниками. Да, свобода всем! Свобода слова, печати, собраний и союзов для всех и для вас также, черное, белое и разноцветное духовенство! Но, быть может, вы относительно охотно пойдете:

на это и откажетесь от поддержки урядника и от сравнительно скудного казенного жалования, потому что накопленные вами в продолжение веков сокровища и ваши церковные и монастырские земли останутся при вас? Ведь и французские попы готовы на отделение, но они вопиют: «Отдайте нам отобранное революцией наше имущество!» Но здесь мы обманем ваши надежды, духовные пастыри! Вы заявляли неоднократно в последние дни, что «церковь — это идейная сила, идейное начало!» Мы будем настаивать на полной свободе даже для ваших «идей», но еще энергичнее — на экспроприации ваших колоссальных богатств. «Идейная церковь» не нуждается в подобном оружии, а народ, обобранный, обнищавший, вымирающий, народ нуждается, болезненно, остро нуждается в немедленной материальной помощи.

Мы, социал-демократы, будем терпимы. Свобода всякому верованию! Но из этого не следует, чтобы мы не боролись идейно самым решительным образом с христианством. «Свобода религий, — писал Энгельс, — по отношению к государству!» Но не по отношению к партии, например, и мы никогда не допустим *безразличного отношения к такой* бессмыслице, как ¹ социал-демократы-христиане. Мы постараемся не позволить никакой власти затыкать рот христианскому проповеднику, но не позволим затыкать его и проповеднику материалистической философии, нашего светлого мирозерцания, очищенного от тысячелетнего бреда.

Христианство во всех его видах, даже самых чистых и самых прогрессивных, есть идеология классов угнетенных, безнадежно-неподвижных, не ожидающих уже доброго на земле, не верящих в свои силы; христианство — это, с другой стороны, орудие эксплуатации. Говорят, что вампир, прежде чем сосать кровь из животного, веет над ним крыльями, гипнотизируя его прохладным дуновением и делая его сон более глубоким, — таким гипнотизирующим средством для человеческих вампиров служит религия, которой они углубляют сон своего «человеческого скота».

Мы же, пролетарии, класс, полный силы и полный надежды, мы, которые уверены, что освобождение человечества и всеобщее счастье должно быть и может быть делом наших рабочих рук, мы не нуждаемся в бабушкиных сказках о рае и аде и о почетительном провидении; и когда поп подносит к губам страдальца-крестьянина чашу сладкого дурмана, мы будем громко разоблачать его, вскрывать ядовитые свойства мнимого лекарства и звать к нашей борьбе за действительное счастье на земле.

Итак, свобода возрождающейся церкви, свобода ей от мертвых клещей господ Победоносцевых! Война ей, война равным оружием, война свободным словом! Свобода церкви от гнета канцелярской опеки, но также свобода ей от груза золотых миллионов и громадных имений: ведь царство ее не от мира сего, не правда ли, товарищи?

«МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА»

В предисловии к сборнику своих статей из «Вперед» и «Пролетария» Луначарский писал, что «по специальному заданию Владимира Ильича и источникам, им указанным, написана серия статей „Массовая политическая стачка“» (См. настоящ. том, стр. 599).

Поручение Ленина вытекало непосредственно из решений III съезда партии (закончившегося 27 апреля/10 мая 1905 г.), выдвинувшего задачу организовать

¹ Было: бессмысленно, социал-демократов-христиан. Вначале Ленин на обороте страницы написал к этому тексту следующую вставку: «Никогда не допустим, чтобы внутри своей партии революционный пролетариат „свободно“, т. е. безразлично относился к», но потом ее зачеркнул и внес исправление в текст рукописи.

пролетариат на борьбу с самодержавием путем вооруженного восстания. При этом необходимо было «выяснить роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания» (см. «КПСС в резолюциях...», ч. 1. М., 1954, стр. 77, и Л е н и н, т. 41, стр. 370). Вопрос о политической стачке в то время был очень сложен, поэтому не случайно Луначарский в конце первой статьи в ее первоначальном варианте писал «мы еще вернемся к нему», а затем все это зачеркнул и написал «н а д о п о д р о б н о р а з о б р а т ь с я в н е м» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 18, л. 24. Разрядка наша.— А. Т.).

Пять статей Луначарского печаталось с мая по сентябрь 1905 г. без подписи в «Пролетарии» (№ 1, 14/27 мая, № 4, 4/17 июня, № 9, 13/26 июля; № 12, 3/16 августа и № 17, 1/14 сентября). Автор обосновал теоретически и показал на примере Западной Европы и России практически, что массовая политическая стачка является «одним из важных новых орудий борьбы пролетариата» с буржуазией и что главной революционной силой в этой борьбе является пролетариат. Наряду с критикой оппортунистических взглядов на массовую политическую стачку и вооруженное восстание Луначарский изложил большевистскую точку зрения на стачечную борьбу.

Переписка Ленина и Луначарского показывает, с каким постоянным интересом относился Ленин к написанию этих статей. Несомненно, эти статьи сыграли важную роль в период широкой массовой революционной борьбы и соединения массовой политической стачки с вооруженным восстанием, этим, как писал Ленин, «специфически пролетарским оружием» (Л е н и н, т. 41, стр. 370).

Луначарский в своих письмах к Ленину регулярно информировал его о ходе своей работы.

В письме к Ленину летом 1905 г. Луначарский просил «немедленно выслать №№ с обеими моими статьями о мас(совой) пол(итической) стачке», так как он предполагал написать еще 2—3 статьи и переделать все 5 в брошюру (см. настоящ. том, стр. 6). Ленин поддерживал желание Луначарского написать брошюру. Так, в одном из писем в августе 1905 г. он писал Анатолию Васильевичу: «Брошюру о массовой политической стачке следует дать, — это Вам не трудно будет» (стр. 22). В трех августовских письмах Луначарский обещает Ленину выслать «конец о массовой стачке» и просит прислать №№ «Пролетария» с его статьями о стачке для переработки в брошюру (стр. 26, 28, 29). В письмах к Ленину Луначарский обещал: «Завтра или послезавтра вышлю конец о массовой политической стачке». Работа над концом статьи так затянулась, что Луначарский извиняется в письме к Ленину за то, что не выслал, и просит подождать еще «пару дней», потому что он «захвачен» работой над первой главой легальной статьи под заглавием «Философские предпосылки марксизма». Статья, как сообщает Луначарский, «очень трудная и очень увлекательная, но она отнюдь не помешает моей работе в „Пролетарии“ и задуманным брошюрам».

Посылая свою статью «Тревоги господ либералов», Луначарский на обороте первой страницы рукописи пишет Ленину записку: «Конец о „Массовой стачке“ снова задержался. Вышлю его непременно в субботу. Он большой: не менее 12 000 букв» (см. настоящ. том, стр. 28). Брошюра о стачках так и не была издана.

Можно предположить, что Ленин редактировал все статьи Луначарского на эту тему, а не только две, сохранившиеся с его пометками. Одна из них — статья, появившаяся в «Пролетарии» (№ 1, 27/14 мая 1905 г.). В архиве первого номера газеты сохранилась рукопись Луначарского черными чернилами: 6 страниц — на белой бумаге в линейку тетрадного формата, а 7—14 страницы — на клетчатой бумаге небольшого формата (на такой бумаге печатались бланки редакции «Вперед»), а остальные четыре страницы — на плотной белой, небольшого формата бумаге. В рукописи масса редакторских исправлений и вычеркнутых текстов (все это, по-видимому, сделано Ольминским). Много исправленных и обведенных для наборщика букв и слов. Рукопись хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 519, лл. 26—45. Корректурa первого номера газеты не сохранилась, а на рукописи пометок Ленина не обнаружено. Издательство Центрального Комитета РСДРП в мае 1905 г. напечатало статью «Массовая политическая стачка» из «Пролетария» № 1 отдельной листовкой (см. «Социал-демократические листовки», т. 1. М., Соцэпгиз, 1931, стр. 202). Выдержки из статьи «Массовая полити-

ческая стачка» были изданы как листовка Бакинским комитетом, о чем сообщалось в «Пролетарии» № 8, 17/4 июля 1905 г. Вторая статья помещена в № 4 «Пролетария» 17/4 июня 1905 г., стр. 1—2. Рукопись на 25 страницах, небольшого формата, черными чернилами, с редакционной правкой Ленина на стр. 2 и 11 такими же чернилами хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1881. Второй, неполный экземпляр этой статьи, на 6 страницах, без начала, переписан с рукописи. Сюда Ленин и внес исправления. По-видимому, статью начали набирать и 2 страницы набрали, но, так как почерк Луначарского очень неразборчив, вынуждены были срочно переписать ее для наборщика. Переписывали ее трое. Двое одновременно: один начал с 3-й стр., другой — Ольминский — с 15-й стр., а третий продолжал с 21-й стр. до конца.

Ленин синим карандашом пронумеровывал затем страницы. Экземпляр этот хранится вместе с рукописью Луначарского.

Правка Ленина невелика, но, как всегда, существенна, конкретна, уточняет смысл текста. Владимир Ильич правил статью и в корректуре. В фондах Института марксизма-ленинизма имеется первая страница четвертого номера «Пролетария» с передовой статьей Ленина «Демократические задачи революционного пролетариата» и частью статьи Луначарского «Массовая политическая стачка» (статья вторая). Ленин внес исправления в свою статью, а также, несмотря на то, что статья Луначарского им была просмотрена и исправлена еще в рукописи, он внимательно прочитал ее, исправил 5 опечаток и внес одну смысловую поправку.

Во фразе: «Мы знаем, какая громадная степень организованности, какое распространение наших идей в армии...» Ленин слово «армии» заменил словом «массах» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1883). В конце статьи тоже сделано исправление. В рукописи было: «стачка, как оружие, несомненно стойдет»; в окончательном тексте: «стачка, как оружие, может быть, отойдет» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1883, стр. 24, л. 40). Можно предположить, что и это исправление принадлежит Ленину, хотя корректура конца статьи до нас не дошла.

В архиве № 4 газеты «Пролетарий» сохранился оттиск полосы, где правка Ленина уже учтена. Кроме того, хранятся гранки статьи Луначарского на двух страницах, с корректурной правкой красными чернилами, вероятно, одного из редакторов газеты. Любопытно, что в гранках еще нет ленинской правки. Значит, Ленин правил свою статью и статью Луначарского на одном из первых оттисков газетной полосы (ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 522, лл. 1, 2—3).

Статья третья из этой серии была напечатана в «Пролетарии» № 9, 26/13 июля 1905 г. без подписи.

Если в первых двух статьях были изложены в общих чертах причины, «побудившие международную социал-демократию с интересом отнестись» к вопросу о массовой политической стачке, то в данной статье Луначарский писал, что этот вопрос «приобретает особый интерес потому, что массовая политическая стачка уже стала орудием политической борьбы русского пролетариата и уяснить себе это орудие в его отношении к другим, напр., к вооруженному восстанию, настоятельно необходимо» («Пролетарий» № 9, 26/13 июля 1905 г., стр. 2).

Ни рукописи Луначарского, ни каких-либо данных о том, что статью редактировал Ленин, не обнаружено. Известно, что девятый номер «Пролетария» Ленин редактировал, по-видимому, и статью Луначарского он смотрел (см. Л е н и н, т. 11, стр. 435).

Четвертая статья появилась в «Пролетарии» № 12, 16/3 августа 1905 г. Рукопись Луначарского на десяти страницах линованной бумаги размером больше тетрадного листа хранится в архиве 12-го номера газеты «Пролетарий» (ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 530, лл. 6—15). Статья переписана пятью почерками, один из них — рука А. А. Луначарской (лл. 17, 20), а остальные неизвестные, с редакторской правкой Ленина, хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1989, лл. 16—26. Статья — об экономической стачке с политическим значением и о политической массовой стачке. Правка Ленина, как в предыдущих статьях, уточняя политический смысл отдельного выражения, одновременно и улучшает его стилистически.

Ниже впервые публикуются две статьи Луначарского из серии «Массовая политическая стачка» (вторая и четвертая), дошедшие до нас с правкой Ленина.

МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

Статья II

Ортодоксальных марксистов сплошь и рядом упрекают в узости: не за то ли, что они не хотят пренебрегать ни одним орудием пролетарской борьбы? Никогда не приходило им в голову, поскольку они оставались именно ортодоксальными, отделять борьбу экономическую от политической, парламентаризм от идеи социальной революции. Правый ревизионистский фланг социалистической партии, наоборот, склонен в равной мере как к уродливому преувеличению значения парламентаризма, так и к превознесению синдикализма (*профессиональной борьбы*) и «экономизма».

Французский социалист Лагардель, вечно мечущийся и ищущий и чрезвычайно революционно настроенный, с изумлением констатирует, что именно оппортунисты начинают будто проникаться благоговением к идее «всеобщей стачки», идее, по мнению Лагарделя, истинно пролетарской и истинно революционной, в то время как «более революционное ортодоксальное крыло» относится к «идее» скептически и осторожно.

Многие имеют то же ошибочное представление: правое крыло — это оппортунисты-парламентарии, центр — это ортодоксальные марксисты, левая, наикрайнейшая левая — анархисты-синдикалисты. Это представление, повторяем, глубоко ошибочно: истинная революционность определяется не фразистской и не пламенной жестикуляцией. Действительно, господа Бернштейны и компания имеют часто чрезвычайную склонность к тому же противопоставлению «истинно пролетарского», синдикального движения «узкому политиканству»; оппортунисты выступают одинаково охотно под знаменем кретинизма парламентского и кретинизма тред-юнионистского.

Лагардель изумлен неожиданным для него сближением оппортунистов и дорогих теперь его сердцу анархистов; но разве огромное большинство анархистов не увлекалось долго, не увлекается еще теперь утопией «революции скрещенных рук!» Первоначально, и в этом не может быть сомнения, в анархических кругах «всеобщую стачку» представляли себе так: пролетарии бросают работу, производство останавливается, буржуазия голодает, капитал теряет ценность, буржуазия просит рабочих взять производство в свои руки; рабочие, как некогда римские плебеи, возвращаются в Рим промышленности, машины снова начинают вертеться, зажигаются бенгальские огни и водворяется «в человецех мир».

Редактор «Голоса народа» анархист Пуше клянется-божится, что это — «вульгаризация» пресловутой «идеи», но можно доказать с полнейшей очевидностью, что первоначально идея, кстати сказать, выдвинутая впервые ультракретином-парламентарием Брианом, имела именно такой вид. Сам отец «идеи» — Бриан — особенно восхвалял всеобщую стачку за то, что она представляет из себя «революцию в пределах легальности!» Разве это не верх кретинизма? Это не отпугнуло, однако, анархистов. Толстой и толстовцы, эти по преимуществу «непротивленцы», и они нашли идею всеобщей стачки в высокой степени моральной; старец из Ясной Поляны благословил Бриана и его учеников «социалистов-революционеров», как называют себя во Франции анархисты. После этого трудно согласиться с тем, чтобы синдикалисты составляли крайнюю левую человечества.

Но Пуше уверяет, что теперь всеобщая стачка понимается анархистами совсем-совсем иначе. Действительно, так называемый «Комитет

идеи социальности революционной
Правый революционерский элемент
социалистической партии наобо-
рот склонен во всякой мере
наил и продолжать превраще-
нием марксистской интервенцион-
тализм и не превращение социаль-
но-политический (профессиональной борьбы)
и "политический"

Французский социализм? Лаварден,
вотте марксист и марксист и
революционный марксистический
наил, с марксистическим конжа-
ренте, как именно марксист-
ический марксист? Марксист-
ический марксистический марксистический

ПРАВКА ЛЕНИНА НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ РУКОПИСИ ВТОРОЙ СТАТЬИ
ЛУНАЧАРСКОГО «МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА»

Июнь 1905 г.

всеобщей стачки» издал брошюру: «Всеобщая стачка реформистская и революционная». В брошюре этой говорится между прочим: «Мы знаем, что буржуазное общество будет защищаться... и необходимо с этим считаться; рабочие не должны будут ограничиться стачкой скрещенных рук, они должны немедленно захватить орудие социального производства (*l'outillage sociale*) *». Превосходно! Но, милые мои, ведь это называется не стачкой, а революцией! Ведь захватить общественные орудия производства и управлять ими значит приобрести диктатуру в обществе. «Совершенно верно, — говорят анархисты, — всеобщая стачка — это другое название для социальной революции». — «Но стоит ли огород городить из-за названий, разве социал-демократия не партия социальной революции?» — «Мы, собственно, против парламентаризма и реформизма».

Действительно, анархисты приходят теперь к старой, издавна *пропагандируемой социал-демократами*¹ истине о необходимости готовить свои силы для предстоящего переворота; если «идея» кажется им ужасно новой, то только потому, что они все время имеют в виду выродков социализма, вроде отцов «идеи» в ее первоначальном виде — Бриана.

Но почему же социал-демократы осторожно относятся и к новому революционному истолкованию всеобщей стачки? Потому что как принцип, как идея социальной революции она давно принята, а как план, который будто бы может быть немедленно приведен в исполнение, это вредная утопия. Мы знаем, какая громадная степень организованности, какое распространение наших идей *в массах*², какой фазис капитализма, какие благоприятные обстоятельства нужны для того, чтобы социальная революция возникла; синдикалисты же вроде Пуше воображают, что открыли необыкновенно легкий путь: призвать к стачке, на что легко пойдут и остальные пролетарии, а потом, глядь! — стачка-то перешла в социальную революцию. Естественно, что такой революционизм есть просто наивность, пережиток старого пушизма, точка зрения, давно превзойденная социал-демократией.

Но в то время, как анархисты возятся с утопиями, социал-демократия выработала или по крайней мере начала выработать действительно новую форму борьбы: массовую политическую стачку.

Недавно, в расцвет идеи социального мира и неогармонизма, прекраснодушные ученики профессора Brentano уверяли, что барон Штумм и ему подобные патриархи с железными когтями — просто допотопные фигуры, доживающие свой век мастодонты, что их вытесняет новый тип капиталиста, тип британский: вежливый, понимающий связь своих интересов с интересами пролетария, тип, который в Германии будет еще милее, т. е. к бухгалтерскому расчету о выгоде высокой заработной платы для предприятия у немецкого капиталиста прибавляются еще указания морали Канта, и он в каждом рабочем видит «самоцель».

И что же? «Шарфмахеры», т. е. надменные типы, наоборот, стали плодиться. Повсюду чуть не каждую неделю трещат залпы, то государство защищает позиции того или другого магната-фабриканта, которые он «принципиально» не хочет уступить. Синдикаты капиталистов приобрели страшное могущество, они давят на государство, и их стремление — покончить с рабочими синдикатами. С нетерпением ждут они случая, чтобы накормить свинцом зазнавшихся рабочих: буржуазия переходит в наступление. Кто же защитит рабочих? Не парламент ли? Парламент

* В рукописи *l'outillage sociale* — общественное хозяйство.

¹ Было: всем известной

² Было: в армии

ий, форма социал-демократиче-
ской и партии социал-демократиче-
ской. — Мы собственно агри-
культуры и промышленности — пер-
вой формы.”

Достаточно, а также и агри-
культуры и промышленности, и давая
пропагандировать социал-демократиче-
~~скую и промышленную~~ (в промышленности)
неоднократно и неоднократно
своим и давая агрикультуры и
промышленности; с тем, и давая на-
места и давая промышленности, и
давая промышленности, что она все
время и давая промышленности

ПРАВКА ЛЕНИНА НА РУКОПИСИ ОДИННАДЦАТОЙ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ
СТАТЬИ ЛУНАЧАРСКОГО «МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА»

Июнь 1905

силен, пока господствующему классу угодно сохранить рамки законности; парламент всегда можно распустить и видоизменить, если за ним не стоит реальная сила. Пока в Западной Европе войска еще повсюду готовы защищать прерогативы буржуазии, а современное войско обладает страшными орудиями смерти и разрушения. Чем же защищаться?

Пролетариат имеет возможность нанести страшный удар могуществу врага — это возможность широкой стачки. Главное в ней, конечно, то, что она ставит резкую дилемму перед широкими массами общества, которому чужды интересы капиталистов в собственном смысле слова; средние классы, крестьянство, семьи тех же офицеров и чиновников, — все это будет страдать от стачки и должно будет выбирать между горстью надменных миллионеров-провокаторов, тяжелую руку которых чувствует на себе уже все общество, и между миллионами защищающих свои права рабочих. Именно достоинство и сдержанность рядом со стойкостью, такт, дающий возможность избежать прямых столкновений с войсками, — вот силы, которые могут привлечь симпатии на сторону рабочих и заставить общественное мнение страны громко требовать от правительства обуздать зарвавшихся хищников.

Читатель видит ясно, что массовая политическая стачка не имеет ничего общего с социальной революцией. Конечно, в один прекрасный день социальная революция может разразиться, выйдя именно из такой оборонительной или наступательной (требующей той или иной реформы) стачки; но трезво и практически на массовую политическую стачку смотрят теперь как на опасное, но могучее орудие борьбы с капиталом в недрах буржуазного общества.

Но особенную ценность приобретает это оружие там, где, как у нас, в России, оно может быть направлено против варварского, всеми презираемого правительства, где вызванная массовой стачкой общественная паника обрушится целиком на голову тиранов, где рабочие, мощно доказав, что без их труда общество не может существовать, доказав свой удельный вес как общественной силы, могут вступить в открытую борьбу с правительством, став во главе восставшего трудового простонародия, где они могут рассчитывать на полную дезорганизованность в армии и бюрократии, на братание с солдатами, на торжество свободы. Как оружие политической революции массовая стачка с политическими лозунгами может оказать рабочему классу колоссальные услуги. Между тем политическая революция в России имеет двойной интерес для русского пролетария: ею он завоеует себе необходимые гражданские права, и из нее он может вынести столь стройную и могучую организацию, что период, отделяющий политическую революцию от социальной, может сократиться в чрезвычайной мере. Трудно сказать, как отзовется в Европе падение оплота европейской реакции и торжество русского пролетариата. Несомненно одно: события пойдут быстрым маршем.

Итак, массовая политическая стачка есть могучее орудие борьбы пролетариата с правительством или тузами-эксплуататорами в недрах буржуазного общества. Когда же время созреет для социальной революции, когда буржуазия не сможет больше полагаться на верность своей армии, стачка как оружие, быть может, отойдет на задний план. Тогда, несомненно, окажутся в высокой степени полезными и государственный опыт парламентариев, и чисто политические навыки партии, как крайне полезными будут и синдикаты, способные немедленно взять в свои руки производство. Горе партии с тактикой односторонней. «Узкие» марксисты не будут ничем пренебрегать.

МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

Статья IV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТАЧКА С ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ

Экономические стачки могут приобретать политическое значение благодаря различным причинам. Так, в странах, где рабочие не имеют права стачек, всякая стачка приобретает политический оттенок, приводя рабочих в столкновение с государственной властью. Стачка считалась преступлением в Англии еще в 40-х годах, во Франции до 1862 года, в России — по сию пору. Но строжайшие законы свирепого русского правительства не помешали развиться в России самому широкому стачечному движению, какое когда-либо видел мир. Уже стачки 1895—1896 годов в России заставили правительство, несмотря на кровавое их подавление, издать новые фабричные законы. Вся история зубатовщины показывает, в какое волнение пришло правительство от первых проявлений рабочего движения, выражавшихся почти исключительно в экономических стачках. Роланд-Гольст находит, что стачки служат лучшим подготовительным и пробуждающим массы средством там, где массовые организации являются почти невозможными. Задачи социал-демократов на этой ступени развития по отношению к стихийным движениям масс понятны сами собой: моральная и финансовая поддержка и деятельная агитация против того бесправия и насилия, на которое воочию натываются массы во время стачки. Роланд-Гольст не упоминает — по недосмотру, конечно, — о том, что и для чисто социалистической пропаганды охваченные стихийным стачечным движением массы становятся доступны.

В странах свободных политическое значение приобретают часто стачки особенно угнетенных и забытых рабочих: при этом перед членами всего общества раскрываются обыкновенно чудовищные злоупотребления промышленников, а слабость подобных стачечников, делая их безопасными для буржуазии, служит лишним стимулом к общественной симпатии: начинаются сборы денег в их пользу и давление широкой публики и прессы на правительство. Так было в 1888 году во время стачки рабочих в спичечных фабриках в Лондоне, а в 1889 году во время стачки докеров (*портовых рабочих*) там же.

Стачки, раскрывшие невозможные жилищные условия рабочих домашней промышленности, приобрели общественное и государственное значение вследствие страха «чистой публики» перед постоянной угрозой эпидемии, которую ей грозили зловонные конуры рабочих.

Наконец, экономическая стачка может приобрести прямое политическое значение вследствие чрезвычайной важности для жизни общества парализованной ею отрасли промышленности. Каутский говорит в своей «Социальной революции»: «Чем более капиталистические формы вытесняют мелкое ремесло, тем в большую зависимость от беспрепятственного хода промышленности становится все общество, тем чаще является национальным бедствием и политическим событием любое потрясение промышленности массовой стачкой». Одною из страшнейших стачек по своему могучему воздействию на всю промышленность является стачка рабочих углепромышленности. Уголь необходим для всей промышленности, для транспорта, для отопления. У нас, в России, углепромышленность еще недостаточно развита, притом же отопление у нас по преимуществу дровяное, дрова употребляются также на многих железнодорожных и пароходных линиях, как топливо употребляются на юге также нефть и кокс, наконец, за граница может во всякое время более или менее удовлетворить угольную нужду России, так что у нас, в России, угольный

голод не может иметь того всеобъемлющего значения, что на Западе; но все же и у нас затруднения в угольной промышленности дают себя знать очень широко и сильно. Результатами массовых стачек угольных рабочих нельзя, однако, похвастать и Западу: они вызывали всегда много шума, но капиталистам и правительству удавалось обыкновенно выдерживать угольный голод долее, чем рабочие выдерживали хлебный голод. Лишь стачка 60000 рабочих в Австрии имела удовлетворительные результаты. Объясняется *обычный неуспех угольных стачек*¹ прежде всего отсталостью рабочих угольной промышленности и их дурной организацией. Несомненно, что хорошо задуманная, своевременная, планомерная стачка угольных рабочих, возможно более широкая, даже интернациональная, может нанести такой страшный удар буржуазии, какого она еще не испытывала. Все дело тут в широкой и сильной организации. То же можно сказать и о стачках портовых рабочих. Морская торговля имеет колоссальное значение для современной экономической жизни, и паралич первоклассного порта сейчас же и крайне болезненно отзывается на жизни государства и общества. Но, к сожалению, организация портовых рабочих повсюду оставляет желать лучшего. Притом же работа их почти не требует выучки, и хозяевам легко найти заместителей.

В гораздо более благоприятных условиях находятся железнодорожники. Работа их требует знания и навыка, а забастовка их по своим результатам имеет наиболее разрушительное значение. «Не только прекращается движение лиц и товаров,— говорит Роланд-Гольст,— не только обмен мыслей в стране, обмен известий. В обществе неожиданно появляется изолированность отдельных частей, производящая на население такое же впечатление, как на детей внезапно наступившая темнота. Планомерность работы правительственной машины нарушается, воздействие центров ограничивается. Главное средство власти — присылка войск в наиболее опасные пункты — становится невозможным». Без рабочего все рельсовые пути и приспособления — мертвое железо: страна становится бессильна перед внешним врагом, так как мобилизация становится немислимой. Стачка железнодорожников ставит страну сразу в революционное положение, поэтому-то буржуазия всех оттенков относится к ней со *страшным*² озлоблением.

Буржуазное общество, раз почуяв опасность этого рода, собирает все свои силы, чтобы сломить способность сопротивления железнодорожников. Законодательство озабочивается тем, чтобы надеть цепи на слишком опасную категорию рабочих. Какие меры принимаются для этого, читатели «Пролетария» и «Вперед» знают из статей, касавшихся стачек железнодорожников в Италии и буржуазно-полицейской реакции на них.

Роланд-Гольст приходит относительно экономических стачек с политическим значением к тому выводу, что число их все увеличивается ввиду все более тесной взаимозависимости всех частей капиталистического организма, но что именно поэтому буржуазия всегда готова ответить на них напряжением всех своих сил. Рабочие должны помнить это и заранее считаться с необходимостью превратить широкую экономическую стачку в политическую.

Политическая массовая стачка. О массовых политических стачках в Бельгии, Швеции и Голландии мы уже говорили в нашей первой статье. К этому фактическому очерку прибавим теперь еще краткий очерк интереснейшей стачки.

Утром 9 сентября 1904 года по Италии распространился слух, что карабинеры стреляли в городке Кастеллуцци в рабочих и двоих убили.

¹ Было: это

² Было: странным

Уже не в первый раз совершало правительство подобные преступления. Страшный гнев со стихийной силой овладел пролетариатом Италии. Без всякого уговору всюду было решено протестовать прекращением работы. Через два часа после того, как по Сицилии распространилось известие об убитых рабочих, там уже началось забастовка. К полудню 7000 рабочих уже присоединились к ней. Вечером того же дня всеобщая стачка провозглашена была в Милане. Общее число забастовавших в этом городе доходило до 100 000 человек. В ночь на 16 отпечатан был призыв к забастовке от лица итальянской социал-демократической партии и редакции ее органа «Avanti» (Вперед). Стачка бурно распространилась по стране: Рим, Генуя, Турин, Болонья, Ливорно, ряд меньших городов, а к концу также Венеция, Флоренция и Неаполь приняли участие в ней. Правда, стачка не была повсюду одновременной: она возникала кое-где, когда уже прекращалась в иных местах, но с 15 по 21 сентября страна была вся в волнении, 120 000 сельскохозяйственных рабочих также примкнули к братскому делу. Стачечники держали себя с огромным достоинством. Лишь в Генуе были беспорядки, произведенные босьяками. Подобные же попытки в Милане были немедленно подавлены самими рабочими, так как обескураженная полиция в этом городе бездействовала, да к тому же была заинтересована в том, чтобы величественная манифестация выродилась в скандал и погром лавок. Часть социалистов Италии считают эту стачку очень удачным опытом, часть — ложным и неудачным шагом. Суждения эти зависят от того, что считают наиболее важным: непосредственный парламентский успех или усиление пролетарской организации и революционной сознательности рабочего класса. Революционное крыло итальянской *социал-демократии*¹ считает воспитательные результаты этого *грандиозного*² движения громадными: оно укрепило его экономические организации, усилило его стремление к самостоятельности, доказало ему особенно ярко необходимость политической борьбы. В то же время движение сорвало маску с мнимых друзей пролетариата, всегда склонных к предательству буржуазных радикалов и республиканцев, тех самых, заслугами которых Старовер хотел уверить нас в необходимости союза с русскими, еще более дряблыми их соботями. То самое, от чего к великому удовольствию Роланд-Гольст, как и всей ортодоксальной социал-демократии, наконец отделались итальянские рабочие, то самое хотели глубокомысленно навязать нам наши *нервные*³ «вожди». Теперь, после того как итальянский пролетариат показал, на что он способен, буржуазия всех оттенков соединилась против него, католики, до тех пор враждовавшие с буржуазией и королем, решились идти им на выручку и присоединить и свои силы к общему походу против рабочих. Действительно, число социалистических депутатов в итальянском парламенте немного уменьшилось, но в то же время число поданных за них голосов возросло с 165 тысяч до 316. Далее Роланд-Гольст рассказывает историю русского стачечного движения 1903 года и величайшего движения последнего времени. Нам, конечно, незачем передавать здесь факты, прекрасно известные нашим читателям, остановимся лишь на суждениях Роланд-Гольст.

Первый взрыв стачечного движения, непосредственно следовавший за днем 9 января, захватил 150 городов и длился полтора месяца. Стачки охватили не только почти все отрасли индустрии, но также приказчиков, банковых служащих, аптекарских учеников. Особенно важным явлением при этом была широкая стачка железнодорожников.

¹ Было: Соц. дем.

² Было: красивого

³ Было: нервные

«Если под всеобщей стачкой разуместь единовременную массовую стачку, — говорит Роланд-Гольст, — а под политической — только стачку, представляющую правительству лишь одно совершенно определенное требование, то русская стачка окажется и не всеобщей, и не политической. Это не заранее организованная, планомерная, гигантская стачка, а целый ряд отдельных вспышек. Движение как бы мечется по всей стране. Оно захватывает все новые области и новые отрасли промышленности, потом вновь возвращается назад, вновь вспыхивает, как дурно затушенный пожар. В этой чудовищной сети разнообразнейшего характера стачек не слышно одного — строго определенного лозунга, лозунги так же разнообразны, словно голоса в бурю. Но как голоса бури имеют, в конце концов, один основной характер, сливаются в один гул, так из всех требований русских рабочих звучит воля к низвержению тягостного и ядовитого самодержавия. Кое-где выдвигаются требования чисто экономического характера, но вполне продолжается* все же и тогда, когда требования эти получают удовлетворение. Забастовка становится обыкновением, только от времени до времени прерываемым короткими промежутками беспоконной работы. Все стало неопределенно, все колеблется, каждую минуту возникают новые затруднения, предприниматели измучены и видят виновника всего в отжившем правительстве.

Такая прерывающаяся в каждом данном месте, но в общем непрерывная, дезорганизующая всю государственную машину стачка является новым методом борьбы и, быть может, окажется образцом для европейского пролетариата. При этом надо иметь в виду, что пролетариат Западной Европы бесконечно лучше организован и что отношение пролетариата к армии там гораздо более благоприятно». Между тем Роланд-Гольст вовсе не смотрит на борьбу путем политической стачки как на нечто отрицающее вооруженную борьбу. «Где насильем можно достигнуть цели, — говорит она, — т. е. низвержением государственной власти, там пролетариат не задумывается применить и его. Такие приемы, как разграбление государственных монополий и магазинов (государственных же, конечно), уничтожение телеграфов и телефонов, взрывы железнодорожных мостов, могут быть очень уместны. Революционно-политическая стачка никоим образом не предполагает чисто пассивного сопротивления, революции скрещенных рук, но она выдвигает экономическое оружие на первый план». В дальнейших статьях мы разберем взгляды Роланд-Гольста на взаимоотношение вооруженного восстания и массовой стачки и затем на то, почему в России экономическое оружие, т. е. стачка, не может и не должна стоять на первом плане, а быть лишь могучим оружием пролетариата рядом с восстанием, остающимся все же первой и необходимейшей задачей русского пролетария.

(Продолжение следует)

«СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МАДЗИНИ В РИМЕ»

В июне 1905 г. Луначарский писал Ленину: «Посылаю Вам две статьи: одну маленькую о Мадзини (в рукописи — «Мазинни»), другую побольше — фельетон» (см. настоящ. том, стр. 3). Статья посвящена видному итальянскому революционеру, буржуазному демократу, одному из вождей и идеологов итальянского национально-освободительного движения, выдвигавшего программу воссоединения Италии «снизу» как независимой буржуазной республики. Ленин в статье «Карл Маркс», характеризуя борьбу Маркса за объединение рабочего движения разных стран и его стремление направить «в русло совместной деятельности различные формы непролетарского, демократического социализма», упоминает Мадзини, Прудона, Бакунина (см. Ленин, т. 26, стр. 49).

* Так в тексте.

Статья Луначарского предназначалась к 100-летию со дня рождения Мадзини (22 июня (н. ст.) 1805 г.), но, видимо, она запоздала к номеру, в котором предполагалось ее поместить, и поэтому осталась неопубликованной. В настоящем томе статья и пометки Ленина публикуются впервые.

На первой странице рукописи Ленин слово «корольков» зачеркнул, а над ним сверху карандашом написал «князьков». Ольминский при редактировании часть статьи сократил и кое-что добавил, а слово, написанное Лениным, исправил на «королей».

В фонде документов Ленина хранится экземпляр статьи, переписанный рукой Воровского, поэтому автором статьи «Столетний юбилей Мадзини» до сих пор считался Воровский. На рукописи Воровского имеются пометки Ленина. Недавно был обнаружен подлинник статьи, написанный рукой Луначарского, на основании которого было установлено авторство Луначарского. Рукопись Луначарского на 3 страницах линованной большого формата бумаги, черными чернилами, хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, лл. 49—51. Экземпляр, переписанный рукой Воровского, на 6 страницах обыкновенного тетрадного формата, с правкой Ленина и Ольминского хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1892, лл. 1—6. Позже, в 1923 году, в связи с семидесятилетним юбилеем революции 1848 г. в Италии, Луначарский вновь пишет о Мадзини (см. сб. статей «1848—1923. К 75-летию революции 1848 г.» М., 1923, стр. 209—239).

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МАДЗИНИ В РИМЕ

Прошло сто лет со дня рождения Джузеппе Мадзини. Этот огненный человек и великий писатель посвятил всю свою жизнь борьбе против темноты сил реакции, против тяжкого гнета австрийцев, угнетавших северную Италию, против мелкой и гнусной тирании ничтожных *князьков*¹, мучивших остальную Италию наряду с папой, грабившим Рим — свое светское владение. Мадзини был последним великим буржуазным революционером. С ненавистью относясь к официальной католической религии, главной целью которой было одурачивание простого² народа, Мадзини провозгласил новую религию: «бог — это народ!», учил он, «бог — это человечество и прогресс!» Бескорыстно служить тому, чтобы человечество становилось все более свободным, разумным, счастливым, — вот что значит, по Мадзини, быть религиозным. Видя Италию поруганной и поработенной, он не покладая рук работал и пером и как простой солдат в походах против австрийцев, чтобы воскресить ее: единая народная Италия, по мысли Мадзини, должна была стать орудием демократизации всего мира. Патриотизм, страстный патриотизм Мадзини не имел в себе ни капли человеконенавистнической исключительности³; он с восторгом проповедовал «Молодую Италию» во имя грядущего освобождения всего человечества от цепей окаменелой религии и тирании королевско-помещичьих шаек. Гуманист, патриот и республиканец, мечтавший о единой Италии, — свободной, демократической, республиканской, — Мадзини любил и рабочий народ, он предсказывал социальную революцию и проповедовал замену капиталистического строя кооперацией трудовой. Но кооперация эта представлялась ему союзом мелких собственников. Он не мог постичь идеала социалистов, он не соглашался также с теорией борьбы классов: стоя на почве мелкобуржуазной⁴, он все классы призывал к мирному сотрудничеству, если он и горел против кого-нибудь враждою, — то лишь против извергов и тиранов старого, добуржуазного порядка.

¹ Было: корольков

² В тексте, переписанном Воровским: широких масс народа

³ У Воровского далее: или шовинизма.

⁴ У Воровского: мелкобуржуазной идеологии.

Всю жизнь он был гоним, годами сживал в тюрьмах по приказу различнейших правительств¹. Но если его религия свободного человечества², его глубокий и непримиримый демократизм были и остаются ненавистны хищной буржуазии и современным властям предержажим, то одна сторона его теории и его деятельности признана ими: это единство Италии. Трудом Мадзини, Гарибальди и других героев демократии Савойский дом и буржуазия создали современную Италию — эту разбойничью компанию биржевиков, торгашей, фабрикантов и бандитов-генералов, компанию для высасывания соков из итальянского народа. Словно издеваясь над народом и тенью его героев, современная монархия воздвигает рядом со статуями развратного и недалекого Виктора-Эммануила статуи Гарибальди и Мадзини! И в день столетия рождения Мадзини — человека, приговоренного в свое время к смертной казни, — буржуазно-королевское правительство и королевско-буржуазная палата лицемерно чествовали мученика-демократа. При помощи всяких ухищрений и софизмов ораторы-плутократы доказывали, что Мадзини был бы страшно доволен нынешней Италией, если бы встал из гроба. Профессор Натан, произнесший официальную речь в присутствии короля, как самый подлый льстец, воскликнул: «Увидев добродетель и справедливость нашего короля, Мадзини склонился бы перед волей нации, отвергшей республику и провозгласившей монархию!»

И в то время как разодетая буржуазия и позолоченные генералы вяло рукоплескали тупым софизмам придворного риторика, десяти тысячная толпа стройно шла по улицам Рима с социалистическими и республиканскими знаменами. Там же чествовали Мадзини за то, что из его пламенной агитации буржуазии удалось вырастить гнилой плод — торгашескую монархию, здесь же чествовали в нем бесстрашного рыцаря свободы, верившего в народ и бившегося за его права. И господа министры, записавшиеся в ученики «великого объединителя», окружили тот народ, в котором Мадзини видел нечто божественное, стальной кавалерией и пехотой: сотни полицейских ждали, когда рассеянные в толпе провокаторы дадут повод к избиению. И повод этот был найден! В зале парламента министр Фортис восклицал: «Чествуя Мадзини, мы показываем народу, что мы с ним!» В это время поднимались и опускались на улице кулаки разъяренных городских и сабли драгунов, была раздавлена женщина и изранено множество людей.

Так праздновала буржуазия Рима столетие последнего великого демократа.

«ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ»

Эта статья появилась без подписи в № 8 «Пролетария» 17/4 июля 1905 г. Заключение к ней написано Лениным, но опубликовано оно также без указания авторства. В Собрании сочинений Ленина (в 4-м издании т. 9 и 5-м издании т. 11, стр. 132) оно напечатано как заключение к статье неизвестного автора (см. Ленин, т. 11,

¹ В тексте, переписанном Воровским, эта фраза дополнена: «...наконец был приговорен к смертной казни и казнен заочно (in effigie — в изображении)», а к этой фразе сделано следующее примечание: «и напим т. наз. „демократам“ можно было бы многому поучиться у таких действительных демократов, искренних и честных, как Джузеппе Мадзини, у которых философский и религиозный идеализм был неразрывно связан с идеализмом политическим. У наших же доморощенных „демократов“ пышные фразы являются лишь ширмочкой для политического маклерства. И мы ждем, что в № 73 „Освобождения“, наряду с данными спроса и предложения на конституционную бирже, будет напечатана восторженная статья, посвященная памяти великого борца за демократию».

² Слова «его ∞ человечества» отсутствуют в тексте Воровского.

стр. 462, прим. 66). В первом издании Сочинений Ленина статья «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» приписывалась Ленину (см. т. VI, стр. 278—283). Очевидно, составители руководствовались статьей Ольминского «По поводу собрания сочинений т. Ленина» (см. «Пролетарская революция», 1923, № 11). Перечисляя работы Ленина, опубликованные в «Пролетарии», автор отнес к ним и статью «Парижская Коммуна и задачи „демократической диктатуры“», сообщая при этом, что рукопись не сохранилась (см. стр. 101). Впоследствии эта статья во 2-е и 3-е издания Сочинений В. И. Ленина не включалась. В «Алфавитном указателе произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В. И. Ленина» (М., 1966, стр. 482), в разделе «Список документов, входивших в предыдущие издания Сочинений В. И. Ленина и не включенных в Полное собрание сочинений», значится и статья «Парижская Коммуна и задачи „демократической диктатуры“». Во второе и третье издания не было включено даже и заключение, написанное Лениным. В пятое издание, как мы уже отмечали, оно вошло, но к чьей статье оно написано, так и осталось невыясненным.

Однако мы знаем, что в июне 1905 г. Луначарский сообщал Ленину: «Посылаю Вам статейку о Коммуне, кажется, довольно доказательно» (см. настоящ. том, стр. 6). Затем много позже, уже для «Пролетария», в феврале 1908 г. Ленин в письме к Луначарскому заказывает ему юбилейную статью о Парижской Коммуне и просит процитировать в поучение оппортунистам письма Маркса к Кугельману, «о коих мы не раз с Вами беседовали» (см. настоящ. том, стр. 42). Луначарский, к сожалению, не исполнил просьбы Ленина, а прислал ему отказ, о чем Ленин очень сожалел (см. Л е н и н, т. 47, стр. 147. Письмо Ленина к Горькому). Известно, что Луначарский к этой теме возвращался и в советский период. Это давало возможность предполагать, что статья о Парижской Коммуне принадлежит Луначарскому.

Мы обратились к материалам архива газеты «Пролетарий», где и оказалась рукопись Луначарского под заголовком «В каком смысле Парижская Коммуна была диктатурой п р о л е т а р и а т а», рукопись на 7 страницах линованной бумаги, на обороте последней страницы имеется почтовый штемпель «Geneve — 2.VII.05.VI Bistr. Let», а на бумаге сохранились изгибы, свидетельствующие о том, что рукопись послалась бандеролью из Италии (где жил в то время Луначарский) в Женеву (где находился Ленин). Адреса на бандероли не сохранилось, он, по-видимому, был написан на отдельном листочке и приклеен, так как на обороте последней страницы рукописи имеются следы чернил и клея (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 3, ч. II, лл. 63 — 69).

Рукопись Луначарского была получена 2 июля, затем переписана, возможно, Лепешинским, а после этого уже передана Ленину на редактирование. Вот этот экземпляр с правкой Ленина, на 7 страницах, с вклеенными цитатами, взятыми из рукописи, и хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1938, лл. 15—21 об.

Ленин при редактировании изменил заглавие статьи, внес ряд поправок, уточняющих теоретический смысл отдельных фраз, и написал дополнение — заключение к статье (см. фото, стр. 583). В начале статьи он зачеркнул слово о «возможности» участия с.-д. во временном правительстве и написал сверху: о «допустимости» участия (см. фото, настоящ. том, стр. 579). На странице 2, где Луначарский говорит о том, что «диктатура диктатуре рознь», Ленин поясняет: «„Чистую диктатуру пролетариата“ надо понимать в смысле чисто социалистического состава ее членов и характера ее практических задач». На странице 6 слова «Российская Коммуна» Ленин заменяет выражением: «революционное правительство России».

В своем дополнении-заключении к статье Ленин кратко обобщил написанное Луначарским и высказал важное положение о том, что большевистская партия должна «не слепо» повторять лозунги Парижской Коммуны, а отчетливо выделять программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: «революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ ¹

Позиция «Искры» в вопросе о *допустимости* ² участия социал-демократов во временном правительстве теперь до крайности запуталась. При благоприятных обстоятельствах оказывается, и по мнению учеников Мартынова, возможным такой размах революции, который послужит прямым предисловием к грандиозному социальному перевороту, но сама партия, ее воля, ее работа, ее планы при этом оказываются как бы не при чем. «На бога надейся, а сам не плошай», говорит пословица, стремящаяся обезвредить религиозный фатализм, — «на обстоятельства, на исторический процесс надейся, — скажем мы, — но сам не плошай!» Иначе будешь экономистом-фаталистом, а не социал-демократом, революционером. В резолюции меньшевистской конференции читаю: «Только в одном случае социал-демократия по своей инициативе должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы овладеть властью и по возможности дольше удержать ее в своих руках, именно в том случае, если бы революция перекинулась в передовые страны Западной Европы, в которых достигли уже известной зрелости условия для осуществления социализма». Прежде всего невольно спрашиваешь себя: а разве можно «направить усилия» к чему-нибудь еще и не по своей инициативе? А во-вторых, что, если перевернуть эту фразу так: «Только в одном случае революция в России перекинется на передовые страны Западной Европы, именно если РСДРП Партии удастся захватить в свои руки и удержать на долгое время власть...» Если уже строить предположения, то почему на такое? Максимум энергии никогда не мешает. Впрочем, о захвате власти партией никто и не говорит, говорится лишь об участии, по возможности о р у к о в о д я щ е м участии в революции, в тот момент, когда власть будет в ее руках (если такой момент наступит) и когда власть эту будут стараться у нее вновь вырвать.

В связи с вопросом о возможности и *допустимости* ³ такой *демократической диктатуры* ⁴ пролетариата любопытно навести несколько исторических справок о Парижской Коммуне, которая была революционной властью и делала революцию не только снизу, но и сверху.

Была ли Коммуна диктатурой пролетариата?

Предисловие Энгельса к 3-му изданию Марксовой «Гражданской войны во Франции» кончается такими словами: «В последнее время филистер снова стал обнаруживать ужас при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Вспомните в Парижскую Коммуну. Э т о б ы л а д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а».

Но ведь диктатура диктатуре рознь! Может быть, это была н а с т о я щ а я , ч и с т а я д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а в с м ы с л е ч и с т о с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о г о с о с т а в а е е ч л е н о в и х а р а к т е р а е е п р а к т и ч е с к и х з а д а ч ? ⁵ Отнюдь нет! Сознательный пролетариат (притом лишь более или менее сознательный), т. е. члены Интернационала, был в м е н ь ш и н с т в е ; большинство правительства состояло из представителей мелкобуржуазной демократии. Один из новейших исследователей (Густав Экк) говорит это совершенно недвусмысленно. В центральном комитете национальной

¹ Было: В каком смысле Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата

² Было: возможности

³ Было: правильности

⁴ Было: подготовленной такой полудиктатуры

⁵ Было: пролетариата? В таком роде, как понимают и представляют ее в России Троцкий и Парвус?

гвардии, например, было 35 членов и всего два социалиста (т. е. члена Интернационала), но зато они (Варлен и Авуан) имели огромный вес: среди своих товарищей по власти. О том же комитете Лиссагарэ пишет: «Были ли члены его известными агитаторами? социалистами? — Отнюдь нет, — все неизвестные имена: мелкая буржуазия, лавочкики, приказчики». И однако Варлен и Авуан вошли в такой комитет. Позднее в комитет вошли еще Пинди, Остен и Журд. «Ньюйоркская рабочая газета», орган Интернационала, писала в статье от 18 июля 1874 года следующее: «Коммуна не была делом Интернационала; они вовсе не идентичны, но члены Интернационала приняли программу Коммуны, в то же время расширив ее далеко за ее первоначальные рамки, они были равным образом ее ревностнейшими и вернейшими защитниками, так как они понимали ее значение для рабочего класса».

«Генеральный Совет», во главе которого стоял, как известно, Маркс, одобрил такую тактику Парижской федерации Интернационала; в манифесте его сказано было: «где бы и в какой бы форме ни велась классовая борьба, члены нашего общества должны быть в первых рядах». Но наши предшественники, члены Интернационала, отнюдь не желали слиться с Коммуной, они все время защищали с о ю о с о б о ю, чисто пролетарскую партийную организацию. Экк пишет: «Федеральный совет Интернационала сразу сумел обеспечить влияние за своими уполномоченными при революционном правительстве». Великолепным доказательством обособленности тогдашней пролетарской организации при участии, однако, представителей ее в правительстве может служить следующий пригласительный билет: «В ближайшую субботу, 20 мая, ровно в час будет иметь место экстренное заседание Федерального совета Интернационального рабочего общества. Члены Коммуны, принадлежащие к Интернационалу, приглашаются присутствовать. Они должны будут отдать отчет в том, какое положение заняли они в Коммуне и какова причина и сущность возникших внутри ее разногласий. Для присутствия на заседании необходим членский билет». А вот еще любопытнейший документ — решение вышеупомянутого экстренного совещания: «Интернациональное рабочее общество приняло в экстренном заседании 20 мая следующие решения: выслушав сочленов, являющихся в то же время членами Коммуны, собрание признало их поведение вполне лояльным и постановило просить их и впредь защищать всеми мерами интересы рабочего класса, а также стремиться сохранять единство Коммуны в целях усиленной борьбы с версальцами. Кроме того, собрание рекомендовало добиваться полной публичности заседаний Коммуны и отмены § 3 Манифеста ее, как несовместимого с правом народа контролировать действия исполнительной власти, в данном случае — Комитета общественного блага».

На собрании присутствовало 6 членов Коммуны, трое прислали извинение. 19 марта Лиссагарэ насчитывает в Коммуне 25 представителей рабочего класса, но не все они принадлежали к Интернационалу: большинство и тогда было за мелкой буржуазией.

Здесь не место рассказывать историю Коммуны и роль в ней членов Интернационала. Скажем лишь, что в исполнительной комиссии заседали Дювиль; в финансовой — Варлен, Журд и Беслей, в военной — Дювиль и Пинди; в комиссии общественной безопасности — Асси и Шален, а в комиссии труда — Малон, Франкель, Тейс, Дюпон и Авриаль. 16 апреля, при новых выборах, вошло еще несколько членов Интернационала (между ними зять Маркса — Лонгэ), но в Коммуне были также явные враги его, как, например, Везинье. К концу Коммуны финансы находились в заведовании двух высокоталантливых членов Интернационала — Журда и Варлена. Торговля и труд были руково-

(1)

Парижская Коммуна и задачи
Демократической Диктатуры

Позиция "Искри" в вопросе о ^{допущении} ~~возможности~~ участия социалдемократов во временном правительстве теперь до крайности запуталась. При беспорядочной ответственности оказывается, и по мнению устных спартаковцев, возмозможный такой размах революции, который послужит предлогом предпринять не грандиозному социальному перевороту, но сама партия, ее бойцы, ее работа, ее планы при этом оказываются как бы не при счете. "На Бога надеемся, а сам Бог не поможет", — говорит крестьянин, стремящийся обезбедить религиозной драматизацией, — "на обстоятельства, на исторический процесс надеемся, скажем так, "но сам Бог не поможет". Искри будет экономическим тащильником, а не социалдемократическим революционером. В результате максималистской конкуренции питаю: "Штотак в одном случае социалдемократия по своей инициативе Должна была бы направить свои усилия к тому, чтобы обладать властью и по возможности древние удержат ее в своих руках, — именно в такой случай, если революция перекинется в передовый страны Западной Европы, в которые уже достигли уже высшей ступени — условия для созрелости социализма". Прежде всего невольно спрашивается себя: а разве мы не "направит усилия" к тому чтобы еще и не по своей инициативе? А во вторых, что если перекинуло эту границу так: "Штотак в одном случае революция в России перекинется на передовый страны Западной Европы, именно если Р.С.Д.П. партии удастся захватить в свои руки и удержат не только власть" Если уже отроним предположить, то почему не так же? ^{Максималист} ~~Максималист~~ теории никогда не садится. Вопросы

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА КОПИИ СТАТЬИ ЛУНАЧАРСКОГО «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ» С ПРАВКОЙ ЛЕНИНА

Начало июля 1905 г.

димы Франкелем, почта, телеграф, монетный двор и прямые налоги также управлялись социалистами. Все же большинство важнейших министерств, как замечает Экк, оставалось в руках мелкой буржуазии.

Итак, совершенно несомненно, что Энгельс, называя Коммуну диктатурой пролетариата, имел в виду лишь участие, и притом и д е й н о р у к о в о д я щ е е участие, представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа.

Но, быть может, все же *непосредственной* целью Коммуны был полный социалистический переворот? У нас ведь не может быть таких иллюзий.

Действительно, в знаменитом манифесте Генерального совета о Коммуне, написанном, несомненно, Марксом, говорится: «Коммуна должна была служить рычагом для разрушения основ буржуазного хозяйства, на которое опирается классовое господство». Но тут же манифест продолжает: «Рабочий класс не требовал чудес от Коммуны. Она не должна была осуществить н е м е д л е н н о какую-нибудь¹ утопию. Он (рабочий класс) знает, что для его освобождения и для достижения более высоких форм общественной жизни... нужно пройти целый ряд исторических процессов, которые должны совершенно изменить и обстановку, и природу людей. Коммуна не гналась за осуществлением идеалов: она должна была лишь дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах переревающего капитализма. Все меры, все социальное законодательство Коммуны носило практический, а не утопический характер,— Коммуна осуществляла то, что мы нынче называем «программой-минимум социализма». Чтобы напомнить, что именно совершила Коммуна в этом направлении, приведем цитату из того же предисловия Энгельса:

«26-го марта была выбрана, а 28-го провозглашена Парижская Коммуна. Центральный комитет национальной гвардии, в руках которого была до тех пор власть и который успел уже отменить безобразную полицию нравов, передал свои полномочия Коммуне. 30-го марта Коммуна отменила конскрипцию и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, к которой должны были принадлежать все способные носить оружие граждане; она отменила квартирную плату с октября 1870 по апрель 71-го года с отнесением уже уплаченных домовладельцам сумм на счет будущей платы и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены в своем звании выбранные в Коммуну иностранцы, так как „Знамя Коммуны есть знамя всемирной республики“. 1-го апреля было решено, что высший оклад жалованья служащим Коммуны, т. е. между прочим и ее собственным членам, не должен превышать 6000 франков. На следующий день декретировано было отделение церкви от государства и отмена всех государственных расходов в пользу религии, наконец, превращение всех имуществ духовенства в национальную собственность; затем, 8-го апреля, принято было и постепенно осуществлено устранение из школ всех религиозных символов, образов, догматов, молитв, словом „всего того, что относится к совести отдельных лиц“. 5-го апреля издан был, ввиду постоянных расстреливаний пленных защитников Коммуны версальскими войсками, декрет о заложниках, никогда не выполненный целиком. 6-го апреля 137-й батальон национальной гвардии вытащил и сжег гильотину при громких радостных криках народа. 12-го числа Коммуна решила свергнуть Вандомскую колонну, вылитую Наполеоном после войны 1809 года из отнятых у неприятеля пушек и возвышающуюся как символ шовинизма и международной вражды. Это было исполнено 16-го мая. 16-го

¹ *Было: какую-то*

Статья
24/10
в. н. 1/13

Парламентаризм и революция!

Во время долгого безвременья, когда партия наша была осуждена на подготовительную подготовительную работу, мы взирали с горькой грустной завистью на наших западно-европейских товарищей, которые могли вести открытую парламентскую борьбу. Мы сознавали, что не можем перенести из тактики, из присы, из политической мудрости на отечественную почву, но мы в смертельном привнесении той же, когда Р.С.Д.Р.П. воздвигнет, в качестве сильной оппозиции, в российский парламент. Захотела смерть! Кто упрекнет нас за нее? Но мы не смеем даже сознавать, что между отечественным настоящим и будущим и будущим настоящим лежат революция. Мы вели себя старались подготовиться покуда нас, накопите тот же горючий материал, который должен был вспыхнуть грозный пожар при благоприятных обстоятельствах. Мы так были уверены

НАДПИСЬ ЛЕНИНА НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ КОПИИ СТАТЬИ ЛУНАЧАРСКОГО
«ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ»

Конец октября 1905 г.

апреля Коммуна приказала переписать стоявшие без работы фабрики и выработать план для их употребления в дело кооперативными товариществами работников и для объединения этих товариществ в один большой союз. 20-го отменена была ночная работа булочников и уничтожены бюро для приискания работы, которые со времени второй империи составляли монополию в руках назначавшихся полицией личностей (первостатейных эксплуататорских работников); приискание работы стало делом мэрий 28 парижских округов. 28-го апреля уничтожены были ссудные кассы, служившие средством эксплуатации работников и противоречившие

праву этих последних на свои орудия труда и на свой кредит. 5-го мая решено было срыть часовню, воздвигнутую для искупления казни Людовика XVI».

Как известно, Коммуне отчасти благодаря допущенным ею ошибкам и чрезмерному благородству не удалось осилить реакцию, коммунары погибли; что же, опозорили ли, скомпрометировали ли они дело пролетариата, как каркает Мартынов относительно возможного в будущем *революционного правительства в России*?¹ Очевидно, нет, ибо Маркс писал о Коммуне:

«Париж рабочих с его Коммуной всегда будет чествуем как славный предвестник нового мира. Мученики его воздвигли себе памятник в великом сердце рабочего. Палачей его уже и теперь история пригвоздила к позорному столбу, оторвать от которого не в силах будут все молитвы их попов».

Нам кажется, что наша маленькая историческая справка не лишена поучительности. *Эта справка учит нас прежде всего тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Эта справка показывает нам далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской Коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 года, не слепо <повторять> каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.*

«ПОБЕДА ЯПОНИИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ»

Из двух статей Луначарского под названием «Победа Японии и социал-демократия» одна (вторая) сохранилась с правкой Ленина.

Первая статья напечатана в «Пролетарии» 26/13 июля 1905 г., № 9, стр. 2, без подписи.

Рукопись статьи — на шести страницах линованной бумаги хранится в архиве «Пролетария», где также имеется экземпляр этой статьи, переписанный рукой А. А. Луначарской, с небольшой редакционной правкой рукой неизвестного (ЦПА ИМЛ, ф. 26, оп. 1, ед. хр. 527, лл. 1—12).

Вторая статья появилась в «Пролетарии» 16/3 августа 1905 г., № 12, на стр. 2—3, без подписи.

Рукопись статьи на шести страницах линованной бумаги хранится в архиве «Пролетария» (ф. 26, оп. 1, ед. хр. 530, лл. 16—21). Кроме того, имеется экземпляр статьи, переписанный рукой неизвестного, с правкой Ленина черным карандашом на семи страницах из восьми (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1990, лл. 33—40). Ленин уточняет смысл отдельных формулировок; на стр. 2 вместо революционных «сил» пишет революционных «классов», а на стр. 8 слово «права» заменяет словом «автономию» и т. д. На этой же странице Ленин вместо слова «истории» пишет — «исторического развития».

¹ Было: Российской коммуны (или союза таких коммун, или вообще временного революционного правительства)?

ПОБЕДА ЯПОНИИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ

Статья II

«Непрерывная революция» в России, по мнению К. Каутского, самым мощным образом отразится на Европе и на всем цивилизованном мире. И таково теперь положение вещей, что каждое мировое событие, вроде русско-японской войны, в конечном счете приближает момент окончательной победы социализма.

Европейские капиталисты, в особенности французы, дали самодержавному правительству огромные суммы займы да, кроме того, вложили целые миллиарды в русскую промышленность. Конечно, если бы «сильное либеральное правительство» осуществилось в России, миллиарды эти были бы спасены, европейский капитал продолжал бы спокойно эксплуатировать русский народ в союзе с новыми правителями. Но при «непрерывной революции» станет невозможным взимать налоги, а стало быть и платить по купонам. И для либерального правительства почти *неодолимые трудности представит взимание с народа налогов*¹ в еще увеличенном размере. Но Каутский ждет объявления банкротства России не от диктатуры революционных классов², а скорее от самого самодержавия. Капиталисты, вероятно, будут наказаны тем, чем они грешили: спасая себя, самодержавие, которое они так усиленно поддерживали, вполне может провозгласить себя банкротом. Только либеральный режим может спасти «купон» — биржевики не поняли этого. Теперь уже поздно.

Но банкротство России означает собою такой крах, какого еще не видывали на свете³. Кто может предсказать последствия такого события, совпадающего с громадной войной в России?

*Этого*⁴ мало: хлебный экспорт России страшно пал, и впереди нельзя не предвидеть еще большего падения его. Как только революция устранил для крестьянина необходимость платить государственные налоги, он перестанет продавать хлеб, который ему самому нужен. Если у него будут излишки, он продаст хлеб, чтобы купить себе какой-нибудь продукт промышленности, так что избытки его пойдут в пользу русской промышленности, а не заграничного кредитора. Между тем вывоз России составляет до трети общего вывоза хлеба, и понижение его вызовет дороговизну в Европе. Все это обострит классовую борьбу.

Россия страшно пала как военная держава; это нарушило равновесие в Европе; произойдет и уже происходит масса осложнений. Только крайне осторожная и деловитая политика могла бы устранить кровавые столкновения: авантюризм же и наглая заносчивость, свойственная Вильгельму, заставляют считаться с безусловной возможностью европейской войны. Между тем сам князь Бюлов публично согласился с Бебелем, что из всякой европейской войны победителем выйдет одна социал-демократия.

Часть германских социал-демократов, в том числе и «примиренческий» «Vorwärts», старающийся объединить и согласить ортодоксальных марксистов с оппортунистами, впали в некоторое уныние⁵: успех последних выборов (*три миллиона голосов за социал-демократию*) не дал, по их мнению, тех результатов, которых надо было ждать: отсюда разочарование парламентаризмом. Как известно, это разочарование выражается обыкно-

¹ Было: неодолимой трудностью будет необходимость взимать с народа налоги

² Было: сил

³ Было: на земле

⁴ Было: Но этого

⁵ Далее Ленин вычеркнул слово: трехмиллионный

венно в успехах чистого экономизма или анархизма. Каутский совершенно не согласен с мнением унывающих примиренцев. Результаты «трехмиллионной победы»; по его мнению, как раз таковы, каких нужно было ждать, а именно: объединение всех буржуазных партий против социал-демократии и стремление обесценить парламент, который чего доброго может оказаться в руках пролетариата. Действительно, *нам*¹ надо подумать *поэтом* и о других средствах борьбы — помимо парламентаризма, но таким средством не может быть чистый экономизм, а *только* сконцентрированные действия пролетариата одновременно и экономические, и политические: вот почему ортодоксальные социал-демократы настойчиво ставят на очередь вопрос о массовых политических стачках. Вопросу этому и «Пролетарий» посвятил ряд статей. Массовая политическая стачка, говорит Каутский, будет средством оживить обескровливаемый реакцией рейхстаг, придать ему новое значение, *но*², разумеется, не заменить парламентаризм.

Громадное влияние на взаимоотношение социальных сил будет иметь военное возрождение мирного до сих пор и пассивного Китая под гегемонией Японии. Занятие Россией Маньчжурии, Германией — *Киаочау*³, поход белых *гуннов*⁴ и блистательные победы японцев сломили дух партикуляризма отдельных провинций небесной империи, — Китай просыпается как нация под ударами алчной буржуазии Европы, и это пробуждение не будет мимолетным: об этом позаботятся железные дороги, телеграфы и телефоны, которыми европейцы связали Китай воедино. Если 400 миллионов китайцев почувствуют себя объединенными, раздел Китая станет неосуществимой мечтой. <...> Правда, капиталисты ждут большого периода промышленного подъема вслед за заключением мира. Заказы России, которая начнет восстанавливать свой флот и перевооружать армию, должны упасть золотым дождем на европейских заводчиков. Но ведь тут расчет ведется без революции: если она затянется, прощай тогда надежда на барыши! Что же касается Японии и Китая, то как рынок они будут иметь весьма небольшое значение для Европы, особенно для Франции и Германии, которые внушили к себе ненависть: победоносным конкурентом выдвигаются там Соединенные Штаты <...>

Развитие капитализма в Японии и Китае будет, несомненно, сопровождаться появлением огромной армии безработных. Жажда эмигрировать, давно уже присущая населению этих стран, вырастет. Теперь Америка и Австралия оградили себя исключительными законами от этой своеобразной желтой опасности, но когда Китай вслед за Японией вырастет в настоящую великую державу, он не потерпит такого отношения к своим гражданам и в обмен на свободу *поселения в его пределах европейцев*⁵ потребует такой же свободы для своих в Америке и Австралии. Появление жалкого конкурента на рабочем рынке, которому капиталисты, конечно, не будут противиться, сразу обострит классовую борьбу в Новом Свете и толкнет главную массу рабочих на путь интернационального социализма, на единственно верный путь пролетарской борьбы.

Но вслед за Китаем оживет в результате японских побед и Индия с ее 300 миллионами жителей. Английские наблюдатели уже встревожены тем, что оппозиция в Индии быстро крепнет, и на Японию начинают смотреть, как на передовую нацию Азии. Кроме того, наиболее интеллигентные *индусы*⁶, как ни враждебно были они настроены по отношению

¹ Было: поэтому

² Было: а

³ Было: Кюочау

⁴ Было: гуанов (?)

⁵ Было: на свободу обращения белых у себя

⁶ Слово «индусы» было написано с прописной буквы.

к Англии, боялись, чтобы результатами энергической борьбы с нею не воспользовалась еще более *ненавидимая ими*¹ Россия. Теперь, когда Япония надолго вырвала зубы у хищной официальной России, эта опасность устранена, что должно оживить дух национальной независимости индусов. Между тем Англия ежегодно вывозит из Индии *богатств на 350 миллионов рублей*². Лорд Керзон в одной речи сказал: «Индия — краеугольный камень могущества Великобритании. Мы можем пережить утрату любой колонии, но с потерей Индии солнце *британской империи* закатылось бы».

Правда, Англия может избежать потери Индии, даровав ей *автономию*³ и прекратив свою алчную эксплуатацию, но такая политика уступок все же роковым образом отразилась бы на богатстве страны и неминуемо обострила бы классовую борьбу в Англии.

Таким образом, победы Японии не могут не ускорить в значительной степени темп *исторического развития*⁴. Человечество идет ускоренным шагом к тому, к чему оно придет неминуемо, — к социализму.

«ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ»

Эта статья напечатана в «Пролетарии» 31/18 октября 1905 г., № 23, стр. 2—3, без подписи. В ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2175 хранится текст, переписанный рукой неизвестного с редакционной правкой, пометкой и нумерацией страниц, сделанными рукой Ленина. В основном правка Ленина, как и в других статьях, уточняет и заостряет политические формулировки. От глаза Ленина не ускользает ни одно лишнее слово, мешающее ясности смысла. Отредактировав статью, Ленин написал в левом углу первой страницы:

«Статья *готова* в № 23». Ленин зачеркнул конец восьмой страницы. Рукопись на этом обрывается.

Все редакторские поправки Ленина публикуются впервые.

«ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ»

В течение долгого безвременья, когда партия наша была осуждена на подготовительную подпольную работу, мы взирали с чувством грустной зависти на наших западноевропейских товарищей, которые могли вести открытую парламентскую борьбу. Мы сознавали, что не можем перенести их тактику, их приемы, их политическую мудрость на отечественную почву, но мы в мечтах приветствовали тот день, когда РСДРП войдет в качестве сильной оппозиции в российский парламент. Законная мечта! Кто упрекнет нас за нее? Но мы не менее ясно сознавали, что между⁵ парламентским будущим и тяжелым настоящим лежит революция. Мы всеми силами старались приготовить почву для нее, накопить тот горячий материал, который должен был вспыхнуть грозным пожаром при благоприятных обстоятельствах. Мы так были уверены в неизбежности революции в России, хотя ничто еще не служило тогда явным предвестником ее близкого наступления, что среди нас, социал-демократов революционеров (легальные марксистобразные Струве и струвики не в счет), парламентский кретинизм Бернштейнов и Жоресов вызывал лишь смех и презрение. Мы склонны были думать, что

¹ Было: ужасная для них им

² Было: на 350 миллионов рублей богатств этой страны. Слова «этой странь» Ленин зачеркнул.

³ Было: права

⁴ Было: истории

⁵ Далее Ленин вычеркнул: относительно сносным

немцы и особенно французы слишком увлекаются «легальными» методами борьбы, переоценивают значение парламента, недооценивают значение революции. Нам странно видеть теперь обратное.

Германская социал-демократия под влиянием дальнейшего развития обстоятельств, а в значительной мере также под влиянием последних событий в России пересматривает установившиеся взгляды на парламентаризм, ставит его на настоящее место, выдвигает *вопрос о новых формах*¹ борьбы общественных сил. Германской социал-демократии вполне основательно кажется, что буржуазия хочет и может обездушить, обескровить парламентаризм, и она горячо, торопливо обсуждает революционные оружия, какими располагает сейчас пролетариат, потому что на ослабленном парламентаризме пролетариат не может помириться ни на один день.

А у нас?.. — А у нас с изданием закона о Гос. думе² з апахло в воздухе фальсификацией парламента, правительство показало из-под полы жалкую карикатуру на представительство... и парламентский кретинизм уже расцвел пышным цветом.

Ах, как хочется в парламент! словно чеховским трем сестрам в Москву! Правда, в презренное подобие парламента представителей рабочих не пускают... но это ничего! Не бойкотируйте сладкого³ миража, ради бога не бойкотируйте, а то он распылится в воздухе! Если нельзя представить собою парламентариев в креслах Думы, то нельзя ли поиграть в парламент хоть на задворках? Давайте выбирать! Правда, выборные иногда попадут в кутузку, а не в Думу, но все-таки давайте выбирать. Так сладко выбирать, господа!.. Выбирать представителей... Выбирать своих депутатов — членов революционного самоуправления совместно с «обществом»...

Правда, то будет жалчайшая кампания, более жалкая, чем комиссия Луи Блана Альбера, — сон мужей совета, лишенных всякой силы, ибо до восстания, помимо восстания, вне восстания — какая же у них может быть сила? Моральная? Да?!.. Вот до чего дошли некоторые социал-демократы! Перечитайте статьи, в которых Каутский издевается снова и снова над этими «моральными» расчетами, моральными усилиями! Это будет лишь комедия, но разве не революционная комедия? Важно лишь то для господ парламентариев из «Искры», чтобы революционные акты в России проходили в парламентских формах, а не в бланкистских, фи! не в якобинских!..

Но, по-видимому, парламентарии наши, Парвусы и Магнусы, и сами не очень-то рассчитывают на какой-либо толк от революционного самоуправления, и сами понимают, что это означает конкретно лишь посылку десятка рабочих представителей в одолеваемый собачьей старостью комитет Союза Советов, и вот у них готов и другой ультрапарламентский план.

Раз нас не пустят в Думу для того, чтобы там мы могли, как истинные Ледрю-Роллэны, чисто парламентским, отнюдь не «бланкистским» путем бороться за расширение Думы и хвататься за даваемые правительством «зацепки», то что же! — пошлем туда либералов, поддержим Петрункевича, но обяжем его хвататься за «зацепки» и расширять Думу! Это будет вполне парламентский компромисс... Помилуйте, разве пример Фольмара не доказал? А Жорес разве не свидетельствует?.. Но забывают наши первые ласточки *лжепарламентаризма*⁴, что при ны-

¹ Было: на первый план реальную борьбу

² Было: вследствие изменнического соглашения либералов с правительством

³ Далее Ленин вычеркнул слово: пирожка

⁴ Было: кретинизма

нешних порядках, при нынешней сомнительной «весне» об открытом, ясном, точном, официальном, партийном договоре не может быть и речи! Что речь может быть лишь о подпольном договоре, о голословных обещаниях... Забывают наши «подснежные парламентарии»¹, что в парламенте, при компромиссе, партия не исчезает, не предоставляет все свои права либеральным краснобаям, а входит лишь во временный союз, стоя рядом с ними. Мы хотим, чтобы парламентаризм осуществился, но путь для этого — революционная борьба! Но парламентские парламентарии так жгуче хотят в парламент, что готовы опарламентариться и без парламента.

А только этого и нужно конституционно-монархической партии! Когда в английском парламенте произошла однажды драка, старик Гладстон грустными глазами смотрел на свалку и, наконец, сказал: «Джентльмены, среди потасовки я величина ничтожная». И господа либералы, глядя на развертывающуюся *грандиозную*² картину гражданской войны, чувствуют, что тут они «величина ничтожная». Зато мы, социал-демократы, зато революционный пролетариат знает, что здесь ему принадлежит первое место среди прогрессивных сил, и не только первое место в бою, как отважнейшему, но и первое место в том революционном правительстве, которое будет дитятей революции, *когда ей удастся одержать полную победу*³. Напротив, стоит лишь нам нарядиться в парламентские сюртуки и занять подобающие места по парламентскому удельному весу: и вот вырастают маленькие Петрункевичи и Стаховичи и, заложив большой палец за жилет, так и трещат именем народа, так соловьями и заливаются! А пролетарии толпятся на задворках и выражают свое мнение, как древние греки у Гомера, одобрительным или протестующим гулом. Разве только смилостивится «Наша жизнь» и позволит «трибуну плембеев» Парвусу внести маленькую скамеечку, поставить ее у порога собрания и скромненько присесть.

Но ведь «Искра» хочет «давить» на Думу. Пусть Дума — китайская пушка из фарфора: «Искра» заставит ее палить бумажными шариками прямо в твердыню самодержавия! Пусть это картонный кинжал, но «Искра» заставит Милюкова трагически приставить его к закованной в медь груди самодержавия! И в то время, как оппозиция его величества под диктовку Мартова будет делать интерpellации министрам, а в случае нужды даже по-роллэновски «удаляться в другую комнату», пролетарии будут ждать, когда, наконец, либералы, которые пуще огня боятся падения монархии, ее подкопают, когда, наконец, либеральная Пенелопа соткет саван для Романовых.

Нет! Если бы социал-демократия вступила на этот путь, рабочие отвернулись бы от нее, массы пошли бы за революционными самоучками, за демагогами, за анархистами. К счастью, до этого далеко. Они могут идти под знаменем РСДРП, отвергнув пустые планы мечтающего о парламенте крайнего правого крыла ее⁴.

¹ Было: кретины

² Было: страшную

³ Было: которое будет организацией революции

⁴ Далее Ленин вычеркнул следующий текст: «Быть может, однако, Парвус хочет устроить всю эту комедию парламентаризма для того, чтобы расшевелить рабочих? чтобы вызвать их на активность? О, какой Маккиавели этот добрый Парвус! Смотрите, что он пишет в № Искры: рабочие, мол, выберут своих представителей. Полиция их сейчас — цап-царап! „Тогда будем устраивать бунты, штурмовать тюрьмы!“ Очень тонко, не правда ли? Но, хотя тов. Парвус и не бывал давно в России, но и по газетам пора знать, что...» (На этом рукопись обрывается.)

«ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ»

Статья эта появилась в «Пролетарии» 16/3 ноября 1905 г., № 25, стр. 1—2. Ее текст на 13 страницах, частично написанный Луначарским (1½ стр.) и рукой неизвестного, с большой редакционной правкой, хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2410, лл. 1—13. Ленин сделал не только поправки и пометки, но значительно сократил статью. Так, на стр. 3—4 он к большой части текста сделал следующее замечание: «Очень неясное и рискованное место», затем весь этот текст вместе со своим замечанием перечеркнул пятью наклонными линиями. Далее он еще в двух местах сократил текст таким же образом. Так как желаемого «разбора» новоискрывцев, «играющих в парламент», и ошибок Парвуса и Мартова в статье Луначарского «не вышло», Ленин решил вернуть статью. Но он не просто вернул, а дал исчерпывающие советы, на обороте, отделив чертой свободную часть листа от текста статьи, Ленин написал пространное письмо (11 октября 1905 г.). Похвалив Луначарского за то, что статья «берет чрезвычайно интересную тему, крайне современную», Ленин просил автора срочно переделать статью «в одном из двух направлений: либо перенести центр тяжести на наших... „новоискрывцев“... либо взять Гильфердинга... дав ей другое заглавие». Однако, давая свои рекомендации, Ленин не считал их обязательными, наоборот, предлагал Луначарскому «найти» самому другой «план переделки». Он настаивал только на необходимости сделать «обстоятельную статейку и прислать к 17.Х», в надежде, что из нее получится передовая (см. наст. изд., том, стр. 30).

Получив обратно статью и письмо с таким жестким сроком, «к 17.Х», Луначарский взял за основу тот вариант Ленина, который требовал меньше переделки. Он изменил название, как рекомендовал Ленин. Прежнее заглавие «Парламентаризм и революция» Луначарский зачеркнул и написал «Парламент и его значение». Согласившись с сокращениями Ленина (перечеркнувшего часть текста), Луначарский сам еще раз зачеркнул этот текст жирной черной чертой, причём каждую строчку в отдельности.

Прислал ли Луначарский свою статью к намеченному Лениным сроку, неизвестно, данных об этом не обнаружено, но в 21 номере, вышедшем 17/4 октября, т. е. в том номере, для которого Ленин просил Луначарского поторопиться, статьи не оказалось. Она была напечатана только в 25 номере «Пролетария». Передовые статьи № 21 и 25 были написаны Лениным («Политическая стачка и уличная борьба в Москве» — см. т. 11, стр. 345—353 и «Приближение развязки» — см. т. 12, стр. 73—80), значит надежда на то, что Луначарский успеет переделать статью, видимо, не оправдалась.

В 23 номере «Пролетария» напечатана статья Луначарского «Парламентаризм и революция», близкая по своей тематике к предыдущей статье.

Отношению большевистской партии к буржуазному парламенту Ленин уделял очень большое внимание и опубликовал ряд работ на эту тему. Основательную критику тактики меньшевиков, и в частности взглядов Парвуса, Ленин дал в статье «Игра в парламентаризм», напечатанной в № 18 «Пролетария» 26/13 сентября 1905 г. и в других статьях (см. т. 11, стр. 249—265).

ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

«Парламента у нас еще нет, но парламентского кретинизма сколько угодно», — эта фраза, если и не полно, то во всяком случае довольно метко характеризует современное положение дел в России. Между тем и Западная Европа серьезнейшим образом пересматривает установившееся несколько поверхностное отношение к парламентаризму. В номере 51 журнала «Neue Zeit» Рудольф Гильфердинг высказывает несколько чрезвычайно интересных мыслей о борьбе парламентской и борьбе реальной. Поводом для Гильфердинга послужили непрекращающиеся споры на поднятую Жоресом тему: «Почему столь сильная германская соц.-демократия имеет так мало влияния на государственную жизнь Германии?»¹.

¹ Далее Ленин вычеркнул следующий текст: «Мысли Гильфердинга имеют для нас и прямой и косвенный интерес, поэтому мы считаем нужным обязательно познакомить с ними читателя „Пролетария“».

«Число голосов слишком часто принимают за точное выражение политической силы партии», — говорит Гильфердинг. — «Между тем число, как и название партии, меняют свое значение в зависимости от взаимоотношений различных партий. Парламентаризм считают обыкновенно предохранительным клапаном; достаточно развитый парламентаризм приводит в ясность имеющиеся в обществе противоречия, выражая их в определенных числах и давая таким образом возможность точно вычислять силы отдельных борющихся направлений. Ясное представление о взаимных силах приводит к соглашениям без бесконечной борьбы. На место насильственного развития становится развитие мирное».

«Но такое рассмотрение парламентской системы оставляет без внимания то обстоятельство, что эта система действует и должна действовать различно при различных обстоятельствах и смотря по характеру тех противоречий, которые она призвана примирить. Упускается из виду, что парламентаризм может осилить лишь незначительные противоречия между партиями, в противном случае они почти всегда решатся померяться силами в непосредственной реальной борьбе. И это потому, что парламентская система вовсе не точно отражает силы партий. Выборы выражают лишь число сторонников партии, да и то приблизительно. Между тем избиратели могут представить из себя весьма различные величины. Прежде всего прочность и широта организации играют большую роль...» Гильфердинг перечисляет и другие причины, делающие возможным несоответствие между реальными силами партий и количеством голосов, подаваемых за них, а тем более принадлежащих им в парламенте.

Далее наш автор переходит к рассмотрению тех путей, какими большинство, вообще правящая партия, может бороться с меньшинством¹. Большинство обыкновенно пытается сначала выполнить самостоятельно те требования оппозиции, которые наиболее популярны среди избирателей; таким образом надеются направить ветер на свой паруса. Эта тактика удается наиболее легко тогда, когда требования обеих партий не заключают в себе слишком резких противоречий. Но если противоречия между меньшинством и большинством принципиальны, тогда подобная политика приобретает иной характер. Она становится демагогической. Уступки делаются в ничтожных пунктах, и этим стараются примирить с собою сторонников большинства, удержать под своим знаменем индифферентную публику и лишить таким образом меньшинство возможности провести свою гибельную для правящего класса программу».

При политическом положении, наблюдаемом теперь в России, либералы, конечно, постараются — и уже стараются — вести именно такую политику².

В случае уступчивой политики противника, как указывает и Гильфердинг, с о с т р о н ы, а может быть, и самим наивным представителям меньшинства кажется, будто бы они играют значительную роль, ведут реальную политику, ставят свои условия правящим партиям и т. д.

¹ Далее Ленин вычеркнул следующий текст, сделав пометку: «Очень неясное и рискованное место»: «(относящиеся сюда замечания Гильфердинга имеют для нас прямой интерес. В будущем русском парламенте и в теперешней мнимо парламентской избирательной борьбе либеральная партия и сама себя рассматривает как наиболее сильную из партий и другими рассматривается так. Некоторые соц.-дем. считают безусловно неизбежным будущим оказаться партией более или менее незначительным меньшинством перед лицом либеральной буржуазии. Что же произойдет тогда? То, что происходит всегда»).

² Далее Ленин вычеркнул следующий текст: «Нужно было бы, чтобы соц.-дем. совершенно обесцветилась в России для того, чтобы русские либералы перестали усматривать принципиальную разницу между своей программой и требованиями соц.-дем., зато демагогическое удовлетворение некоторых второстепенных требований, конечно, будет иметь место».

«Но совершенно иначе обстоит дело в случае резко противоположных принципиальных позиций. Тут, — говорит Гильфердинг, — большинство быстро приходит к концу своих уступок; тактика его меняется, оно становится непримиримым и старается дискредитировать оппозицию в глазах избирателей в качестве нереальных, утопических политиков, делающих-де невозможными всякие уступки со стороны большинства. В первом случае меньшинство кажется влиятельным, во втором — нет. Но так как рост партии в значительной мере независим от непосредственных успехов, то партия оппозиции может в то же время сильно расти, внешним образом не приобретаая соответственно большего влияния».

Гильфердинг хочет сказать, что при условии непримиримости борьбы пролетарская оппозиция может очень близко подойти к власти, которой, однако, она не овладевает постепенно и легально, а которой готовится овладеть путем революционного кризиса. Политика соглашений отдаляет революцию и в революционном смысле развращает пролетариат, политика непримиримая кажется нереальной, утопической, но она ведет прямо к цели. Впрочем, соглашение соглашению рознь. Например, соглашение с революционными же партиями для полного ниспровержения монархии и завоевания полной демократии — отнюдь не подобно тем соглашениям с консервативно-буржуазными силами, которые осуждает в общей форме Гильфердинг и которые стараются теперь навязать русской социал-демократии.

В № 109 «Искры» Мартов пытается защитить свой «скромный» план. При этом он «осмеливается думать» (Мартов, как известно, одновременно и очень скромный, и очень смелый человек), что, призывая к соглашению с либералами, он все же активен, социал-демократы же, призывающие деятельно готовиться к восстанию, зовут к пассивности! Это очень смело даже для скромного Мартова. Но в чем дело? Готовясь к восстанию, мы скрыто приближаемся к полной победе, к кризису; но такая политика совершенно непонятна оппортунисту: он хочет сейчас же учесть наличные, хотя бы плохо организованные, силы, продав за сходную цену наличный политический вес партии. Если бы мы были бунтарями, Мартов понимал бы нас, но проповедь восстания рядом с сдержанностью по отношению к анархическим, беспорядочным вспышкам не уместается в его голове; он считает, что это значит призывать ж д а т ь всеобщего восстания. П о д г о т о в л я т ь всеобщее восстание, по Мартову, — б л а н к и з м. Так думают все оппортунисты¹.

Отношение оппозиционной партии к уступчивой политике правящей партии может быть двойко: оппортунистично и революционно. Когда объективные условия позволяют правящей партии делать уступки сколь-нибудь широкие, оппортунизм в оппозиции начинает расти. «Когда же эти уступки являются недостаточными, — говорит Гильфердинг, — когда политика мнимых уступок разгадана оппозицией, тогда мирные компромиссы становятся невозможными, тактические разногласия внутри оппозиционной партии оканчиваются поражением оппортунистов, принципиальное направление берет верх и физиономии обеих фракций выясняются вполне».

«Пока пролетариат слаб и недостаточно сознает с в о и цели, он служит буржуазным парламентским партиям тараном для достижения их целей. Он становится орудием в руках других партий или демагогствующего правительства. Пролетариат покупает уступки ценой своего послушания». Между прочим это как раз то положение, которое готовит русскому пролетариату новоискровское, теперь уже явно оппортунистическое направление.

¹ от слов: «... которой готовится овладеть...» до «Так думают все оппортунисты» написано рукой Луначарского.

«От высоты экономического и политического развития страны и самого пролетариата зависит длительность периода его несамостоятельности. Отсутствие принципиальных противоречий в парламенте позволяет буржуазии возвеличить его и поставить в зависимость от него правительство. Политическая слабость пролетариата есть сила буржуазного парламента».

«Совсем иное дело, когда пролетариат занимает вполне независимое положение. Резкое противоречие по отношению ко всем буржуазным партиям чувствуется ярко. Партия формулирует свои принципы с полной ясностью, стараясь освободить рабочих от всякого буржуазного влияния». Буржуазные партии в этом случае ополчаются на соц.-демократию с теми же гонениями, какие пускают в ход самые варварские правительства. Партия кажется лишенной всякого политического влияния.

Сравнивая положение Германской соц.-дем. с положением социалистических партий Франции и Австрии, Гильфердинг приходит к тому выводу, что именно угрожающая сила германской социал-демократии, именно возможность в Германии социальной революции сковывает буржуазные партии в один реакционный* блок и делает их неуступчивыми к требованиям социал-демократии. Гильфердинг полагает, что «только в той стадии, когда соц.-демократия развита еще посредственно, но уже пережила период первоначальных трудностей, в партии могут начаться разногласия, могущие довести ее до раскола. Только в этот период чисто реформистское движение в партии может иметь шансы на успех, так как оно может выдавать за плод своей примирительной тактики уступчивость противников. Ведь отличительным признаком реформистской тактики является готовность пожертвовать существенными и длительными классовыми интересами пролетариата ради мимолетных и менее важных».

Гильфердинг заканчивает свою интересную статью доказательствами, что в то время, как в Австрии, напр., при относительно слабой социал-демократии, при бессильном правительстве и раздробленной буржуазии массовая политическая стачка может иметь характер демонстрации и вынудить довольно быстро уступки, — в Германии такая стачка неминуемо должна разгореться в борьбу решительную и окончательную. Но парламентами «слабая» германская социал-демократия, по мнению Гильфердинга, более всех других подготовлена к такой борьбе.

В России массовые стачки и вооруженные восстания пролетариата в настоящий момент не направлены прямо против буржуазии: их цель — создать лишь наиболее удовлетворительные предварительные условия для дальнейшей борьбы за социализм, но в борьбе за эти удовлетворительные условия пролетариат встречает буржуазия уже теперь как врага, старающегося при помощи союза с монархией остановить развитие демократической революции, а не как союзника в борьбе с самодержавием. Буржуазные либералы в бесконечно большей степени враги наши, чем невольные союзники, и это уже теперь, когда пролетариат стремится осуществить лишь свою демократическую программу. Но этого не хотят понять наши оппортунисты, которые «клюнули» на обещание «Нашей жизни» дать социал-демократии за хорошее поведение кусочек медвежьего ушка — пару кресел в Государственной думе. От одного запаха парламентаризма, даже самого булыгински недоброкачественного, долго скрывааемый парламентский кретинизм Мартова с братией проявился во всей своей патологической красоте. Мы могли бы сказать, что раскол в русской социал-демократии проявился теперь окончательно, как раскол между революционерами и оппортунистами, если бы мы не надеялись, и притом имея на то достаточные основания, что так называемые «меньше-

* В газете опечатка — революционный.

вики» в России не пойдут за своими окончательно созревшими вождями и что вместо раскола мы будем иметь просто выделение небольшой заграничной группы оппортунистов.

«ЦВЕТЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СЛОВ ОПРЕНИЙ»

В начале августа 1905 г. Луначарский писал Ленину: «Посылаю Вам статью о Кузьмине-Караваеве» (см. *настоящ. том, стр. 24*). Несколько позднее он сообщил повторно: «Пока посылаю заметку о Кузьмине-Караваеве» (см. *настоящ. том, стр. 26*). И в конце августа Ленин оповестил Луначарского о получении «статьи насчет Кузьмина-Караваева» (см. *стр. 28*).

Статья о Кузьмине-Караваеве, одном из руководителей правого крыла кадетской партии, члене Государственной думы I и II созывов, игравшем видную политическую роль в подавлении царизмом революции 1905—1907 годов, была названа Луначарским «Цветы либеральных словопрений». Рукопись статьи на одиннадцати страницах, черными чернилами, на линованной бумаге хранится в фонде Луначарского (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 2—12). Работая над статьей, Луначарский не переписывал цитаты из газет, а вырезал их и наклеивал в текст. Когда же статью переписывал Ольминский, он все эти цитаты, наклеенные у Луначарского, тоже вырезал и вновь наклеил в переписанный им экземпляр. Поэтому в фонде Луначарского рукопись хранится без этих извлеченных Ольминским цитат.

Экземпляр статьи, переписанный рукой неизвестного, с редакторской правкой Ленина, черным карандашом, а также и правкой рукой Ольминского, хранится в ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2051, лл. 1—9.

Ленин на стр. 5 во фразе «Именно из страха перед возможностью такого превращения правительство и предпочитает более сознательных...» последнее слово зачеркнул и сверху написал «покладистых».

20 октября 1924 г. Луначарский обращается к Ольминскому с просьбой возвратить ему рукописи статей, не помещенных в «Пролетарий». Это, по-видимому, как раз «Цветы либеральных словопрений» и «Послесловие» к «Очеркам революционной борьбы западноевропейского пролетариата», которые позже вновь были сданы в архив Истпарта (на обороте письма Луначарского имеется расписка секретаря Истпарта в получении их (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 1, 1 об.).

Луначарский намеревался выпустить сборник своих статей, помещенных в газетах «Вперед» и «Пролетарий», и предполагал включить в него «Цветы либеральных словопрений». Он даже написал предисловие к книге, но издание не осуществилось.

Текст предисловия см. *настоящ. том, стр. 598—600*.

Статья «Цветы либеральных словопрений» и пометки Ленина на ней публикуются впервые.

ЦВЕТЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СЛОВОПРЕНИЙ

Читатели «Пролетария», быть может, помнят, как «либерал-прогрессист» пр(о)фессор Ковалевский победоносно сокрушал Шиповско-Булыгинскую совещательную палату и как при этой операции он обнаружил все лицемерие, все мнимо научное своекорыстие истинного либерала? Но лавры, пожатые именитым профессором на страницах национал-либеральной «Руси», не давали спать другому «либералу-прогрессисту» и тоже профессору — Кузьмину-Караваеву. Последний в свою очередь опоясался мечом науки и отправился в бой против Шипова, Хомякова и прочих «бояр». Комические позы, которые принимает в этом бою высокопочтенный ученый, затмевают собою «позитуру» Ковалевского. Кузьмин-Караваев поистине «поучает развлекая», — он смешон и значителен.

Основной аргумент Кузьмин-Караваев позаимствовал у своего предшественника Ковалевского. «Вы хотите совещательной палаты?» — спрашивает он. «Вы думаете, что так безопаснее? Ан нет! Если бы депутаты

должны были *решать*, они семь раз отмерили бы, да один раз отрезали, а *советы давать* легко; они так насоветуют, что беды не оберешься!» Основа аргументации та же, но примеры иные и... чудесные! Послушайте: «Блестящую иллюстрацию безудержности коллективной мысли в области пожеланий и советов дает развернувшаяся ныне грандиозная картина образования во всех слоях русского общества политических идеалов и начертания программ.

Все резолюции, адреса, петиции, в сущности, не что иное, как указания или советы, обращенные или к власти, или к народу. Съезды, союзы и собрания, формулирующие их, совершенно аналогичны палате представителей с совещательным голосом. Они столь же безответственны, и если их постановления еще более далеки от авторитетного решения, зато их состав обыкновенно гораздо однороднее.

Каких-нибудь пять-шесть месяцев назад впервые в одной из резолюций нашло место требование политической равноправности женщин. А теперь оно уже стало общим. И характерно не столько само требование, сколько его обоснование, поражающее односторонностью и, да позволено будет сказать, легкомыслием».

Итак, стоило бы только даровать «всем слоям русского общества» право решающего голоса — и «безудержность политической мысли» была бы тотчас же парализована! «Идеалы и программы» приобрели бы кузьминско-караваевскую прочность.

В частности, легкомысленные люди требуют политических прав для женщин. По мнению нашего ученого автора, аргументы «легкомысленных» сводятся к трем: 1) где-то на островах Тихого океана женщины равноправны мужчинам, 2) деревенские бабы принимают участие на сходах и 3) лишать женщину прав было бы несправедливо.

Победоносно разрушает эти аргументы профессор. Острова Тихого океана слишком далеко, поэтому профессор их просто отводит. Бабы участвуют на сходах, но это *не право их*, а *тяжелая обязанность*. А насчет несправедливости наш правовед негодующе возражает:

«Несправедливость! А как быть, когда сама природа к женщине несправедлива? Мужчина не знает тягости долгой беременности, мук родов, не кормит грудью детей. Он всегда способен к общественной деятельности, его болезнь — состояние исключительное. А женщина?..»

Однако какие ученые бывают эти профессора! Женщины не должны иметь прав, потому что во время беременности и родов не смогут ими пользоваться! Как это легкомысленные радикалы прозевали такое профессорски-глубокомысленное возражение! Правда, «тягости беременности и муки родов» не препятствуют участию женщин, в особенности той крестьянки, за освобождение которой от прав ратует наша гуманность, в самых тяжелых, самых вредных работах, особенно в мастерских, фабриках и заводах. Но ведь мы уже видели, что наложение *обязанностей* на «бабу» вообще оправдывается профессором даже тогда, когда ведет за собой мнимое равноправие ее с мужиком на сходе. Что тягостная обязанность возлагается на обиженную природой бабу — это дело понятное в самых тяжелых работах. Но права, настоящие права непосильно обременили бы нежные плечи слабых женщин! И профессор с меланхолической улыбкой рисует такую картину:

«Мужик настоящий в сермяге и лаптях, привыкший недоедать, работать на наделе, никого не удивит, если придет в Государственную думу. Он в ней нужен. Необходимо так делать, чтобы именно он вошел в нее, а не мужик по паспорту в поддевке тонкого сукна и лакированных сапогах. Образ бабы, забитой мужем, свекром и нуждой, бросившей корову, кур и все домообзаводство и приехавшей для занятий в Думе, — неужели он не вызывает горькой улыбки?..»

Что ни слово — то перл. Ах, какие, однако, у нас профессора! Где таких-то в Европе сыскать! Ну-ка, немцы, выдумайте этакую картинку!

Во-первых, Кузьмину-Караваеву не хочется, чтобы мужик в лакированных сапогах вошел в Думу. Нет! ему нужен такой, чтобы привык недоедать! Такой обыкновенно привык и к мордобойе и к тому, чтобы на вопрос председателя: «Ваше мнение, депутат Голодаев Иван?» отвечать: «Мы люди темные, вашество, мы, значит, согласны... вопче!» Мужик в лаптях удобен в Думе, мужик в сапогах будет покруче! Но напрасны мечты Кузьмина! Как раз недоедающий мужик и не попадет в Думу, попадет в нее мужик в сапогах, деревенский заправило, просвещенный крестьянин. Конечно, это жаль. Мы, социал-демократы, приложим все усилия, чтобы мужик в лаптях занял, наконец, подобающее место, но и к тому также, чтобы он сбросил с себя темноту и заботность и надел поскорее сапоги. Именно из страха перед возможностью такого превращения правительство и предпочитает *покладистых*¹, но и более обеспеченных.

Кузьмин-Караваев допускает, что «хозяин» может оставить лошадь и овец и приехать в Петербург, но чтобы корова и куры остались без призора — это ужасно!.. И в самом деле: вдруг от кур... хи-хи-хи!.. в Думу! И притом — как же ребенок?

Можно, конечно, успокоить Караваева в этом отношении: 1) почему бы выбрали именно бабу с младенцем? Если же уж она такая умница, что ее и с ребенком выбрали, то, *во-вторых*, еще один глубокомысленный аргумент, настолько, как нам кажется, доступный Кузьмину, что и он придумается: ведь депутаты будут получать даровой проезд и по 10 руб. суточных, — отчего же бабе за 1 рубль в день (этого достаточно) не нанять мамку и не «отдаться целиком общественному делу»? Я думаю, что корова и куры при отсутствии гроша медного мешают младенцу больше, нежели «государственные занятия» «бабы» при депутатском содержании.

«Мысли» профессора действительно вызывают горькую улыбку. А ведь он, наверно, думает, что он нужнее «бабы» в Думе. Мы же предложили бы откомандировать профессора взамен бабы депутатки ходить за курами. Там он будет «курам на смех» характеризовать «односторонность» идеи женской эмансипации.

Но другой пример профессора наводит на иные мысли. Он пишет: «Друзья, еще более смелая мысль — требование „обобществить орудия производства“ — пока стоит в немногих платформах. Если бы она стояла в платформах узко партийных, ничего странного в том бы не было. Но нет. Первоначально ее включил в свою программу съезд профессиональный, состоявший из представителей разных политических и социальных оттенков. И принята она была в две-три минуты чуть не сотней голосов против ничтожных единиц, как будто ею выражалась беспспорная азбучная истина. В две-три минуты люди образованные, привыкшие много вдумываться, в форме совета разрешили „мировую проблему“».

Тут профессор прав. Приглашаем тов. Старовера и тех, кто выступает вместе с ним под развернутым им знаменем из лакмусовой бумаги, задуматься над следующим явлением. Сойдутся радикалы погугорить. Являются лакмусовые социалисты: «Господа радикалы, как вы насчет обобществления производства мыслите?» — «Помилуйте, что за вопрос! Да мы все социалисты! вы не знали? — Как же! Обобществить, непременно обобществить! Мы идем с вами вплоть до социализма». — «Отрадно слышать», — говорят лакмусовые социал-демократы. «А насчет борьбы за республику и в связи с этим, насчет немедленного вооружения народа — вы как?» Но тут лакмусовым социал-демократам приходится густо покраснеть: происходит *кислая реакция*, т. е. красные радикалы превращают

¹ Было: сознательных

ся в *кислое молоко*: «Вооружение... гм!.. гм!.. Видите ли, по статье такой-то за это по шее полагается!.. Официально мы никак не можем... А впрочем, если вы полезете со мною под стол, я... три рубля... могу». Но и этого мало. Не только не слышно о серьезной помощи нам деньгами и оружием со стороны радикалов, но то и дело на «трибуну» на разных сходках и вечеринках выскакивает какой-нибудь радикальный Петрушка, «наш известный писатель», или «наш даровитый адвокат» и в истерике вопит: «Социал-демократы увлекают рабочих на бойню! Не хотим кровопролития!»

Или такие сценки: к «радикалу» приходит социал-демократический сборщик: «Взнос в пользу рабочих пожалуйте». — «Нет, знаете, мы желаем сами с рабочими в сношения вступить, а то вы, социал-демократы, в них классовый эгоизм возбуждаете». — «Да ведь вы же вотировали „обобществление“?» — «Обобществление вотировал, но имел в виду при этом — с общего согласия, а никак не по требованию эгоистически воспитанных вами рабочих».

Да, тут профессор прав. Пока можно болтать, — широковещательны господа радикалы; но если дойдет до дела, то их идеалы и программы действительно поджигают хвост. Но что верно для трусливых представителей промежуточных классов, то ложь, прямой самообман либерала относительно пролетариата: его программа не изменится от того, что он приобретет силу проводить ее в жизнь.

Когда какой-нибудь прогрессист, вроде нашего Караваева, полемизирует, ежеминутно ждите, что он сам покажет себя таким «либералом», что почти сольется с сокрушаемыми им «умеренными». Наш вояка в конце своего фельетона, в виде заключительного фейерверка «испускает» такую фразу:

«Принцип полноты власти монарха и при представительстве с решающим голосом сохраняет свою силу. За монархом остается абсолютное право veto. Ни одно решение не вступает в действие без санкции монарха».

Да! Этот и Ковалевского перецеголял. Тот — либерал английского, а этот — доморощенного образца.

Но где же логика, однако? Ведь решающее значение за мнениями депутатов мы признали для парализования «разнузданности их коллективной мысли»? И вдруг — без «монаршей воли» ничего решить нельзя! Ведь и «коллективная мысль» опять, пожалуй, разнуздается, и опять начнутся ужасные проекты, а там монарх умерщвляет их при помощи veto! Навлекай на себя народное недовольство, от которого так заботливо старается охранить Максим Ковалевский!

Но что за дело логике до Кузьмина и Кузьмину до логики! Он просто предлагает компромиссик на полвершка левее Булыгина, на полвершка правее Ковалевского. И все это одинаково далеко от того, что нужно народу и что он завоеует под руководством сознательного пролетариата.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПРЕДИСЛОВИЕ ЛУНАЧАРСКОГО К ПРЕДПОЛАГАВШЕМУСЯ ИЗДАНИЮ ЕГО СТАТЕЙ ИЗ ГАЗЕТ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ»

В эту книгу включена часть моих политических статей. За мою жизнь мне пришлось написать огромное количество политических статей. К сожалению, значительная часть их падает на время моего политического заблуждения. Теперь немножко смешно вспомнить, как верилось в то время, будто мы, впередовцы, остались единственными на посту подлинной революционности, будто Владимир Ильич повернул под влиянием реакции на некоторое примиренчество, на некоторый полуменьшевизм. Заблуждающийся в огромном большинстве случаев субъективно честен и создает

себе особый мир, в котором его идеи кажутся единственно правильными и подсказываемыми жизнью. Тут есть что-то вроде теории относительности Эйнштейна: принадлежишь к некоторому замкнутому миру, где есть свое время, свое пространство и своя причинная зависимость, а когда выходишь из этого мирка, когда жизненная сила выбрасывает тебя оттуда, с удивлением смотришь со стороны на его причудливо нелогичные пропорции и его чуждость окружающему большому миру (...).

Я перепечатаваю в этом сборнике все мои статьи, напечатанные в журналах «Вперед» и «Пролетарий», когда я состоял одним из редакторов этих журналов при редакционном составе: В. И. Ленин — во главе, Орловский (Воровский), Галерка (Ольминский) и я — в составе редакции.

Все статьи этой серии просматривались Владимиром Ильичем довольно тщательно; если сохранились их черновики, то там видно, как прогуливался карандаш Владимира Ильича. Я помню после первых редакционных собраний Ольминский сказал мне: «Хорошо, что люди лишены у нас специфического писательского самолюбия, все без всяких споров и амбиций подчиняются руководству Ильича». Так оно и было.

В статью «Твердый курс» Владимир Ильич внес много своего, так что в том виде, в каком она была напечатана в журнале «Вперед» и в каком печатается сейчас, она, по моему мнению, чуть ли не могла быть подписанной его именем. Кое-что от основного плана и отдельные пассажи остались от моей первоначальной статьи. Многое было вставлено Ильичем. Я все же не взял на себя смелость сейчас точно отличить, где в этой статье строки, написанные Ильичем.

По специальному заданию Владимира Ильича и источникам, им указанным, написана серия статей «Массовая политическая стачка».

После революции 1905 года, по приезде в Россию, я опять вошел в редакцию газеты «Новая жизнь», а затем сменивших ее газет «Волна» и других. Статей моих там было напечатано немного. Хотя были одна-две статьи, не лишённые значительности и которые мне не удалось разыскать. В главном же моя роль сводилась тогда к отделу обозрения печати. Я вскоре сменил в этой роли беспартийного публициста, кажется, Галича, а затем продолжал вести этот отдел через все тогдашние наши легальные газеты. Само собою разумеется, он не представляет собою теперь никакого интереса, кроме исторического, и перепечатывать его было бы неуместно.

В разгар нашей борьбы с либерализмом был напечатан мною памфлет «Три кадета». Памфлет этот был немедленно запрещен полицией, конфискован во всех книжных магазинах, куда разослало его издательство «Шиповник», и таким образом он сгинул для читателя. Я думаю, что он сейчас является библиографической редкостью. В то время я уезжал в Москву и вернулся в Петербург, когда книга была уже уничтожена, но до отъезда я послал экземпляр ее тов. Ленину. При первой же моей встрече с ним в Петербурге я спросил его, каково его впечатление от книги? Владимир Ильич ответил мне так: «Памфлет я прочел; читается он очень легко, я даже не знаю, не перебалагуриваете ли Вы несколько в иных местах. Во всяком случае очень жаль, что книжка не дошла до читателя». Выражение «перебалагуриваете» я помню совершенно отчетливо, как отчетливо помню и то, что отзыв Ильича в общем был сочувственный, поэтому я решаю считать эту мою работу в общем и целом одобренной им.

Работа «Теория синдикалистов-революционеров» прислана мною была уже из-за границы, куда мне пришлось эмигрировать в начале 1907 года, во всяком случае к этому времени никаким впередовством у меня еще не пахло, но в отличие от других статей эта статья не прошла никакой ни прямой, ни косвенной редакции Ильича. Редактором «Вестника жизни» был П. П. Румянцев. Во всяком случае журнал этот рассматривался как выходящий с полного одобрения партии. Сама статья

может иметь некоторый интерес, потому что вопрос о синдикализме, недавно перед тем возникший, стоял перед партией довольно остро, в особенности, например, на Штутгартском международном конгрессе при обсуждении вопросов о взаимоотношении профсоюзов и партии. В это время точка зрения большевиков перекрещивалась в некоторых пунктах с точкой зрения Дилиона и расходилась с точкой зрения меньшевиков и Плеханова, главным образом, конечно, потому, что мы признавали огромную чисто революционную роль профсоюзов и необходимость теснейшей увязки их работы с партией.

Соответственную работу в комиссиях по поручению партии вел я, и Владимир Ильич потом поручил мне написать специальную брошюру, комментирующую нашу точку зрения на профсоюзы. Эта брошюра была мною написана и сдана Владимиру Ильичу. Она нашла его полное одобрение, но, насколько я помню, напечатана не была и, может быть, находится в партийных архивах.

Статья «К характеристике текущего момента» была мною напечатана в так называемом «Невском сборнике», который выходил под руководством группы партийных писателей с ведома и одобрения ЦК. Владимир Ильич непосредственного участия в редактировании не принимал. Эта статья между прочим послужила основанием для предъявления мне обвинения в государственной измене и стремлении к ниспровержению существующего строя.

Статья «На повороте» была единственной политической моей статьей, написанной для «Вестника жизни» еще в России.

Сборник этот уже был сдан в издательство, когда мне удалось отыскать экземпляр моей первой прокламации, написанной по заказу ЦК партии. Таких прокламаций было несколько, но другие писались по менее важным случаям и имели характер политически менее значительный. Прокламацию об убийстве Плеве я писал при таких обстоятельствах: приехавши из ссылки в Киев, я получил приглашение от тогдашнего примиренческого ЦК через покойного Карпова поехать в Смоленск для согласования моей работы с ними. В Смоленске я застал т. Глеба (Носкова), тов. Иннокентия и тов. Вадима. В общем и целом я примкнул к их точке зрения, в которую был раньше посвящен тов. Кржижановским в Киеве. Первым актом моей совместной с ними работы должна была быть большая прокламация по поводу убийства Плеве. Эта прокламация редактировалась в течение целого дня и переписывалась три раза. Различить теперь, что в ней принадлежит мне и что переделано по указаниям упомянутых товарищей, очень трудно. Во всяком случае, тов. Иннокентий проявил здесь много активности. В основном все же прокламация, конечно, моя. Вскоре после этого я получил письмо от бывшего в то время за границей А. Богданова и при нем категорическое приглашение Ленина выехать за границу.

На третьем съезде партии я уже встретил представителей примиренцев как один из редакторов ленинского «Вперед» и совершенно убежденный «твердокаменный».

Печатаю также мою речь о вооруженном восстании, произнесенную на III съезде. Ленин, поручив мне это важное выступление, просил меня всю речь написать. Он прочел ее поздно вечером перед днем моего выступления и вернул мне ее с двумя-тремя небольшими редакционными поправками. Таким образом эта речь полностью может быть отнесена к числу моих политических работ, одобренных Владимиром Ильичем.

А. Луначарский

8/VII—1925 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПИСЬМО М. С. ОЛЬМИНСКОГО ЛУНАЧАРСКОМУ

⟨Женева, август 1905 г.⟩

Дорогой Анатолий Васильевич! Стихотворение я нашел несколько не из души идущим, но если Ленин согласится, то ничего не буду иметь против его напечатания. В № 10 кончается первая серия истор⟨ических⟩ фельетонов, издадим сейчас же брошюрой. Поспешите ответить, выставят ли ваше имя (Ленин за то, чтобы выставить), а также — не прибавите ли послесловия или предисловия? — О массовой стачке гл. IV пойдет вероятно в № 11. Хорошо, если бы вы поскорее переработали в брошюру, очень долго тянуть в газете неудобно. Вообще теперь из России, решительно из всех мест летят жалобы на полное отсутствие пропаг⟨андистских⟩ и агитац⟨ионных⟩ брошюр, и с подготовкой их надо спешить. Мы же печатаем то протоколы съезда, то брошюры о мень⟨евистской⟩ конференции, то перевод Энгельса об Испании, а отвечающих требованию времени брошюр нет, кроме разве Северцевской (очень специальной). Что касается статей для «Пр⟨олетария⟩», в них нет ни избытка, ни недостатка. Исключение — передовицы: приходится отдуваться одному Ленину каждую неделю — при этом условии не долго начать повторяться и т. п. Было бы недурно, если бы Вы помогли в эт⟨ом⟩ отношении. А затем, для разнообразия, хорошо бы пустить иногда что-нибудь вроде литературного или критич⟨еского⟩ фельетона близко к злобам дня. Как вам нравится «Корабль-Скиталец» в № 9. Это Шварцу дачный воздух и голубые небеса навяли!..

Здесь в Женеве духота, жара и хлопотливо по случаю того, что «господа разъехались на дачу». Я изрядно раздражаюсь, нервничаю, закатываю истерики Ильичу не хуже Мартова, а на днях закатил и всему ЦК in pleno *, обвиняя его в бойкоте «Пролетария». Л⟨енин⟩ меня стыдит за это, но... Посмотрите № 10: конференция принимает план ЦК, — активного бойкота, а что это такое? Приходится догадываться или судить по случайному письму из Курска. ЦК выпускает листки, а нам не только не присылает их, но даже не уведомляет о выпуске. Мы диву давались, что ЦК со времени съезда ни слова не напечатал, а теперь (на днях только) окольными путями узнаем, что листки выпускались. Наконец, на днях получилось открытое письмо ЦК к Орг. комиссии (будет в № 11). Перечтите: там говорится о циркулярах по комитетам и т. под., — мы ничегошеньки не знаем! Из сферы ближайшего влияния ЦК (столицы) никогда ни одной кор⟨респонденции⟩, если не считать случайных писем! Как же тут не закатывать истерик? Согласны?

Плеханов выпустил новое издание Энгельса о Фейербахе; в предисловии гов⟨орится⟩ м⟨ежду⟩ прочим о Махе и Авенариусе, конечно, отрицательно, но в высшей степени объективно, на фил⟨ософской⟩ почве, без всяких выходов. У нас теперь идет довольно курьезное хождение вокруг да около, гл⟨авным⟩ образом через жену Пл⟨ехано⟩ва. Последнему как будто хочется повернуть, да грехи не пускают. Все-таки, говорят, меньшевистские тараканы тревожно зашевелили усами, когда прочли в № 9 о передаче Плехановым 100 фр. в нашу эмигр⟨антскую⟩ кассу.

Я еще препираюсь с Л⟨ениным⟩ из-за протоколов съезда. Набрано страниц 200, я говорю: «печатать первый выпуск, публика ждет, интерес слабее, главное — конституирование съезда, все сразу — дорого, в России нелегальные томы рвутся и ходят по рукам частями». Ленин твердит одно:

* в совокупности (итал.).

«все сразу — внушительнее» — и выйдут протоколы осенью, чтобы лежать в подвале. Напишите ему свое мнение.

Я теперь гну в «Пролетарии» примиренскую линию, печатаю старательно о случаях соглашения в России, вычеркиваю по возможности все резкое, чтобы полемика носила как можно более корректный характер. «Хлестаковы», «ночной горшок», — это против моей линии, но, что можно, делаю. На мой взгляд, образец, как нужно бороться в *данный* момент, при *данном* настроении публики, это — открытое письмо ЦК, которое прочтете в № 11.

Вы бы очень одолжили меня, Ан. Вас., если бы сообщили, когда именно думаете (если думаете) вернуться в Женеву. Когда «господа приедут с дачи», я думаю на время освободить себя от текущих дел, и мне поэтому важно бы заранее знать возможно точно срок. Между прочим на первое мое письмо вы не ответили, не делайте того же со вторым.

В а с. В а с.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 567, лл. 4—5.

Письмо Ольминского — один из немногих дошедших до нас документов переписки между сотрудниками «Пролетария». Оно живо рисует рабочую атмосферу редакции, отмечая руководящую роль Ленина, писавшего все передовые статьи: «... приходится отдуваться одному Ленину каждую неделю».

Характерно, что свою собственную позицию Ольминский называет «примиренской». Этим и объясняются те его разногласия с Лениным, о которых упоминается в письме.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ ЛУНАЧАРСКОГО, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «ВПЕРЕД»

«Объявление об издании газеты „Вперед“»	листовка
«Сомнения двуглавого орла»	№ 1, стр. 1—2
«Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата». I. «На заре Великой Революции»	№ 2, стр. 2—3
«Твердый курс» — передовая	№ 5, стр. 1
«Плеть и посулы»	№ 5, стр. 1—2
«Самодовольные флюгера»	№ 6, стр. 2
«Комиссия государственных фокусов»	№ 8, стр. 1—2
«Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата. II. Взятие Бастилии»	№ 9, стр. 2—3
«От редакции» (к заметке «С.-Петербург»)	№ 9, стр. 6
«Банкротство полицейского режима» — передовая	№ 10, стр. 1
«Полицейские Пугачевы» — передовая	№ 12, стр. 1
«Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата». III. «После взятия Бастилии»	№ 12, стр. 3—4
«Европейский капитал и самодержавие» — передовая	№ 13, стр. 1
«Приложение к № 13 брошюры В. Воинова <Луначарского> „Как петербургские рабочие к царю ходили“»	№ 13
«Возрождение православной церкви» — передовая	№ 16, стр. 1
«Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата». IV. «Поход голодных женщин на Версаль»	№ 17, стр. 3—4
«1 Мая» — передовая	№ 18, стр. 1

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

**ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ ЛУНАЧАРСКОГО,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ГАЗЕТЕ «ПРОЛЕТАРИЙ»**

«Массовая политическая стачка»	№ 1, стр. 3—4
«Массовая политическая стачка». Статья II.	№ 4, стр. 1—2
«Два недоразумения»	№ 5, стр. 2—3
«Гоги и Магоги»	№ 6, стр. 1—2
«Конституционный пряник для Николая II»	№ 7, стр. 2—3
«Очерки по истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата». V. «Падение королевской власти»	№ 7, стр. 3—4
«Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры»	№ 8, стр. 1—2
«Победа Японии и социал-демократия»	№ 9, стр. 2
«Массовая политическая стачка». Статья III.	№ 9, стр. 2—3
«Очерки из истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата». V. «Падение королевской власти» (окончание)	№ 10, стр. 3—4
«Свидания в Бьеркоз»	№ 12, стр. 2
«Массовая политическая стачка». Статья IV.] «Экономическая стачка с политическим значением»	№ 12, стр. 2
«Победа Японии и социал-демократия». Статья II	№ 12, стр. 2—3
«„Праведная земля“ московских фабрикантов»	№ 13, стр. 1—2
«Они не оправдали ни надежд, ни опасений»	№ 13, стр. 2
«К юбилею 9 января» (стихотворение)	№ 13, стр. 3—4
«Тревоги господ либералов»	№ 16, стр. 2
«Два либерала» (баллада)	№ 16, стр. 4
«Массовая политическая стачка». Статья V.	№ 17, стр. 1—2
«Очерки по истории революционной борьбы западноевропейского пролетариата». I. «Февральская» революция и ее последствия»	№ 20, стр. 2—3
«Парламентаризм и революция»	№ 23, стр. 2—3
«Парламент и его значение»	№ 25, стр. 1—2
«Друзья порядка»	№ 26, стр. 2—3

ПРИЛОЖЕНИЕ V

**ПЕРЕЧЕНЬ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ,
В КОТОРЫХ СОТРУДНИЧАЛИ ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ
с 1905 по 1917 г.**

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ

- «Вперед», 4 января 1905 г./22 декабря 1904 г.—18/5 мая 1905 г.— Вышло 18 номеров. Женева. Ленин—редактор. Чл. редакции—Луначарский, Воровский, Ольминский.
- «Пролетарий», 27/14 мая—25/12 ноября 1905 г.— Вышло 26 номеров. Женева. Ленин—редактор. Чл. редакции—Луначарский, Воровский, Ольминский.
- «Партийные известия», 7 февраля—20 марта 1906 г.— Вышло 2 номера. Петербург. В редакцию входили Базаров, Воровский, Луначарский и др. За подписью «Большевик» напечатаны две статьи Ленина.
- «Пролетарий», 21 августа 1906 г.—28 ноября 1909 г.— Вышло 50 номеров. Выборг—Женева—Париж. Ленин—редактор, сотрудники—Луначарский, Воровский и др.

ЛЕГАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

- «Новая жизнь», 27 октября—3 декабря 1905 г.— Вышло 28 номеров. Петербург. Под руководством Ленина. Сотрудники газеты—Горький, Луначарский, Воровский, Ольминский и др.

- «Вестник жизни», 30 марта 1906 г. — сентябрь 1907 г. — Вышло 20 номеров. Петербург. Принимали участие: Ленин, Луначарский, Воровский, Ольминский, Скворцов, Степанов.
- «Волна», 26 апреля — 24 мая 1906 г. — Вышло 25 номеров. Петербург. Ленин — редактор. Принимали участие: Луначарский, Воровский, Горький, Ольминский, Скворцов-Степанов и др.
- «Вперед», 26 мая — 14 июня 1906 г. — Вышло 17 номеров. Петербург. Руководящая роль Ленина: Принимали участие: Луначарский, Воровский, Ольминский и др.
- «Эхо», 22 июня — 7 июля 1906 г. — Вышло 14 номеров. Петербург. Руководящая роль Ленина. Принимали участие: Луначарский, Ольминский и др.
- «Новый луч», 20—27 февраля 1907 г. — Вышло 7 номеров. Петербург. Руководящая роль Ленина. Принимали участие: Луначарский, Воровский, Горький, Ольминский, Скворцов-Степанов и др.
- «Радуга», июнь 1907 г. — февраль 1908 г. Вышло 4 номера. Женева. Принимали участие: Ленин, Богданов, Рожков, Кнуньянц, Луначарский и др.
- «Просвещение». Сентябрь—октябрь 1917 г. №1—2. Вышел 1 номер. Петербург. В редакцию входили Луначарский, Урицкий, Савельев и др. В журнале напечатаны две статьи Ленина.
- «Пролетарий», 13/26 августа — 24 августа/6 сентября 1917 г. Вышло 10 номеров. Петербург. В редакцию входили Луначарский, Володарский, Иоффе и др. Напечатано три статьи Ленина.

IV

РАЗЫСКАНИЯ И СООБЩЕНИЯ

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ЖЕНЕВЕ (24 декабря 1904 г.)

Сообщение В. Д. Зельдовича

В 1931 г. в XVI «Ленинском сборнике» (стр. 283) была впервые опубликована запись Ленина под заглавием «Речь Воинова» в качестве конспекта первого выступления Луначарского по приезде в Женеву.

«24 декабря 1904 г. Женева

- 1) Русское безвремье (Чехов).
 - 2) 60 и 70 гг. Поражение революционной интеллигенции.
 - 3) Рабочее движение 90 гг. Заря революции.
 - 4) Рабочее движение капитализма и милитаризма.
 - 5) Война с Японией (колониальная война).
 - 6) Колониальное безвременье. Задачи пролетариата в русской революции.
 - 7) Пролетариат и с. д. Партийный кризис.
 - 8) Революция, как звенья диалектического развития.
 - 9) Кружки и партийность в нашей социалдемократии.
 - 10) Ни печалиться, ни удивляться партийному кризису.
 - 11) «Сила» меньшинства? Проскрипции и Сулла.
 - 12) Горькое зерно (вся социалдемократия в голове Маркса).
 - 13) Практицизм.
- Ближайшие задачи большинства.

Документ рассматривался публикаторами как запись, которую Владимир Ильич вел во время выступления Луначарского, кратко формулируя для себя основные темы доклада. В т. 9 Полного собрания сочинений Ленина (стр. 562) под датой «Декабрь, 11/24» значится: «Ленин присутствует на реферате А. В. Луначарского и записывает для себя его выступление». Однако возможно, что конспект представляет собой не записи во время доклада, а тезисы, написанные Лениным предварительно, для выступления Луначарского. Об этом докладе рассказывает П. Н. Лепешинский в книге «На повороте». Он вспоминает об атмосфере острой борьбы между большевиками и меньшевиками, происходившей в Женеве в 1904 г.: «Середина лета 1904 г. была кульминационным пунктом большевистских поражений. Все цитадели перешли к меньшевикам. Владимир Ильич, еще не окончательно вышибленный из последнего убежища (из ЦК), был отдан под надзор другого представителя ЦК (Носкова), перешедшего на сторону меньшевиков. По части литераторов и ораторов мы были бедны, как испанский гидальго по части золотых монет. Около нашего вожды, ушедшего в себя, замкнувшегося в своем предместье и решительно отказывавшегося от публичных выступлений, сгрудилась небольшая лишь кучка „твердокаменных“, готовая бороться до последнего издыхания. „Но тих был наш бивак открытый...“ Зато у меньшевиков было все: не говоря уже о партийных центрах, они имели на своей

стороне всю литературную партийную и огромную аудиторию из „сочувствующей“ студенческой молодежи. Рефераты Мартова, Мартынова и других меньшевистских генералов собрали тысячи из женеvских, лозаннских, бернских, цюрихских и из прочих университетских городов „девиц и хлопцев“, как выражался насмешливый Галерка. Так же характеризует этот трудный период и сам Галерка — М. Ольминский в предисловии к переизданию газет «Вперед» и «Пролетарий»: «Вообще тов. Ленин переносил этот год очень тяжело. <...> Он долгое время ничего не писал и даже не выступал на публичных собраниях» («Вперед» и «Пролетарий», вып. 1. М., Истпарт, 1924, стр. 2).

К осени, — продолжает Лепешинский, — появляется на нашем горизонте новый интересный союзник, окрещенный нами тотчас же кличкой „Воинов“. Мы ликуем, а в меньшевистском курятнике большой переполох. И в самом деле, разве можно сколь-нибудь положиться на прочность этой меньшевистской собственности в лице сотен и тысяч населяющих швейцарские университеты интеллигентов и интеллигенточек. Ведь непременно пойдут, каналы, похлопать ушами, послушать „новенького краснобая“, который, к сожалению, затесался туда, в это презренное партийное „дно“... У большевиков получится праздник на улице... Не прошло и 3 дней с момента приезда в Женеву т. Воинова, как уже наша братия гордо расклеивала во всех пунктах афишной информации русско-женевской публики широковещательный анонс» (П. Н. Л е п е ш и н с к и й. На повороте, стр. 201—202). Далее автор подробно описывает само выступление Луначарского, о содержании которого мы знаем из ленинских тезисов.

Вначале меньшевики пытались сорвать выступление, а затем демонстративно ушли: «Мартов решительными шагами направляется к выходу. Вслед за ним движается его трехсотголовая преторианщина» (там же, стр. 205). Об этом эпизоде 26 декабря 1904 г./8 января 1905 г. Крупская писала Л. Р. Шаповаловой (Танюше): «В Женеве меньшевики безобразничают. Пробовали сорвать реферат Воинова, требовали выборов председателя, они-де за выборное начало, и орали, свистели, неистовствовали, и когда им не уступили, ушли, попытавшись по дороге отнять кассу... Теперь они постановили не ходить на рефераты большинства, а также в партийный клуб большинства» (Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 52). Лепешинский так характеризует впечатление от реферата Луначарского: «И т. Воинов, выступивший во всем блеске своего художественно-образного и красиво-музыкального ораторского искусства, скоро очаровывает аудиторию... Реферат закончился бурными аплодисментами по адресу докладчика. Была чудная лунная ночь. Не хотелось возвращаться домой. <...> И мы радостно болтали, упиваясь своей победой» (стр. 205).

Приезд Луначарского в Женеву, его успех как докладчика влили новые силы в группу большевиков, способствовали перелому в их настроении. О том, с каким нетерпением в Женеве ждали Луначарского, как энергично включился он в борьбу, свидетельствуют многочисленные, впервые публикуемые здесь письма Крупской к разным лицам. 29 сентября/12 октября 1904 г. она с горечью обращалась к Богданову (Рахметову): «Вы так скупо пишете, что берет тоска и опускаются руки. От Миноносца Легкомысленного <Луначарского. — В. З.> ни слуху, ни духу <...>, время тянется и упускается благоприятный момент, неопределенность страшно всех угнетает и расстраивает ряды, еще немного и позиция будет потеряна, несмотря на то, что Россия встала на сторону твердокаменных» (ЦПА ИМЛ, ф. 375, оп. 7н, ед. хр. 18907).

7/20 октября 1904 г. Крупская в зашифрованном письме Богданову спрашивала: «Где застрял Миноносец Легкомысленный?» (там же, ед. хр. 18826). Через несколько дней, 24 октября, Крупская повторяла ему же: «...От Легкомысленного никаких вестей» (там же, ед. хр. 18840).

2 ноября Надежда Константиновна опять писала Богданову: «О миноносце Легкомысленном ни слуху, ни духу» (Л е н и н, т. 46, стр. 396). К этому письму Ленин сделал следующую энергичную приписку: «Употребите все усилия, чтобы Миноносец Легкомысленный двигался скорее. Промедление необъяснимое и страшно вредное. Отвечайте немедленно и поподробнее, и поопределеннее» (там же, стр. 397).

21 ноября Ленин пишет Богданову: «С Легкомысленным Ленин еще не виделся, странно, что Легкомысленный уехал в сторону и держится выжидательно!» (Л е н и н, т. 46, стр. 405).

20 ноября Богданов ответил, что Луначарский задержался, так как изучает партийную литературу: «...Миноносец хотел изучить литературу, заботьтесь о нем сами» (Публикуется впервые, ЦПА ИМЛ, ф. 375, оп. 11, ед. хр. 774). По-видимому, в результате этого сообщения Богданова Ленин принял решение, будучи в Париже, куда он направлялся для чтения реферата, встретиться с Луначарским и ускорить его проезд в Женеву. Эта встреча, как известно из письма Ленина Крупской 3 декабря из Парижа, должна была произойти на следующий день (Л е н и н, т. 46, стр. 412; см. об этом в статье А. П. Трошиной, *настоящ. том*, стр. 498).

Свидание 4 декабря 1904 г. в Париже было первой встречей Ленина и Луначарского. До этого они никогда не виделись. Следует отметить, что ряд авторов, например А. Лебедев («Эстетические взгляды А. В. Луначарского». М., «Искусство», 1962, стр. 42) и А. Дэйч («А. В. Луначарский о театре и драматургии», т. 1. М., 1964, стр. 13), утверждают, что Луначарский впервые познакомился с Лениным в Женеве в августе 1904 г., на совещании 22 большевиков, хотя сам Луначарский во всех автобиографиях и воспоминаниях говорил о первой встрече в Париже. Основанием для неточной датировки послужило, видимо, то, что в т. VI третьего издания Собрания сочинений Ленина (стр. 489) и в книге «ВКП(б) в резолюциях» (т. 1, М., Партиздат, 1932, стр. 38) было ошибочно отмечено участие Луначарского в совещании 22 большевиков. Эта ошибка повторилась и в некоторых последующих изданиях книги. (Подпись Луначарского под решением совещания, очевидно, была поставлена по его просьбе.)

Доклад Луначарского в Женеве состоялся 24 декабря, а 25-го Надежда Константиновна под непосредственным впечатлением от вчерашнего дня пишет сразу несколько писем (отрывки из них публикуются нами впервые) Р. С. Землячке (Демону): «Дорогой друг, из общего письма ко всем др<узьям>, посыл<аемого> одновременно с этим, Вы узнаете о нашем настроении и теперешней позиции. <...> У нас сейчас работа кипит вовсю. Приехал Миноносец и бросился с головой в бой. Оратор он великолепный и производит фурор. Вообще у нас теперь недурно...» (ЦПА ИМЛ, ф. 25, оп. 1, ед. хр. 22). Анне Ильиничне Елизаровой: «Скажу только, что мы, решившись на революционный образ действий — издание органа, образование бюро, — чувствуем себя гораздо лучше. Работа закипела, и мы не сомневаемся в успехе. Только просим и молим россиян напрячь все силы, чтобы поставить как можно лучше корреспондентскую часть и связаться с нами как можно теснее. Переписка идет очень плохо, и не по нашей вине. Денег у нас тоже нет, а дорог буквально каждый рубль. Но сейчас настроение у нас все же приподнятое благодаря приезду нового товарища — блестящий оратор, талантливый писатель, он буквально наэлектризовывает публику. Меньшевики рвут и мечут, устраивают скандалы, вообще сволочь ужасная. <...> Старик ожил и помолодел за последние дни» (там же, ед. хр. 19). М. К. Владимирову: «Надо организовать, и притом не теряя ни минуты. У нас тут сейчас повышенное настроение. Приехал один ярый большевик — Воинов, великолепный оратор, писатель. Меньшевики злы, устраивают отчаянные скандалы, ну да на них наплевать» (там же, ед. хр. 18849).

26 января/8 февраля 1905 г., в письме к Л. М. Книпович (Чухне) Крупская сообщала: «Старик ожил и стал работать вовсю. Воинов тоже молодца, работать здоров, отдался весь делу» (там же, ед. хр. 153).

Что же дает нам основание предполагать, что документ, известный под названием «Речь Воинова», — не запись доклада Луначарского, а тезисы, составленные Лениным, вероятно, при участии докладчика. О том, что такая практика существовала, являясь у Ленина «методом общего политического руководства», рассказал Луначарский в лекции «Ленин как редактор» 13 марта 1931 г. «...Я думаю, что, вероятно, в Доме Ленина в архиве <т. е. в ЦПА ИМЛ> должны храниться такие вещи, хотя многие из них и исчезли. Он очень любил, поручая кому-либо выступать, вместе с ним <т. е. поручением. — В. З.> давать тезисы. У меня таких тезисов было очень много, но, к величайшему сожалению, все это погребло из-за переездов. Но то, что у меня оставалось, я, конечно, передал в соответствующие хранилища. Но это бывало очень часто, что Владимир Ильич брал синий или красный карандаш и на листке бумаги писал несколько тезисов и говорил: сумеете вы их развернуть в виде доклада, согласны или нет. Конечно, обыкно-

В. И. Ленин

24.12.04

- 1) Рр. Сербия (Лавр)
 - 2) 60 и 70 и Норд плюс тунг
 - 3) Рр. 90 и. Запад плюс
 - 4) Рр. Южная и митрия
 - 5) Южная - Южная (Корона. Южная)
 - 6) Кв. дубинина. Запад и Южная в. Южная
Южная.
 - 7) Южная и Южная. Южная. Южная.
 - 8) Южная, как Южная. Южная.
 - 9) Южная и Южная. Южная.
 - 10) Южная, как Южная. Южная.
 - 11) Южная и Южная. Южная.
 - 12) Южная. Южная. (Южная в. Южная)
 - 13) Южная. Южная.
- Южная. Южная Южная

1000

венно получал полное согласие. Ему отвечали — хорошо, приму во внимание, так и буду говорить. Он делал это часто и на конференциях и на съездах. Поэтому очень часто его сотрудники и сподвижники выступали со своими докладами, в которых основные аргументы давались Владимиром Ильичем.

Очень интересная подробность, и если бы можно было найти побольше таких тезисов, они показали бы сейчас, что и такая работа, которая не относится к имени Ильича, носила на себе могучую печать его гения, его прозорливости, его умения сконструировать основные тезисы» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 13, л. 35).

Примерно о том же говорил Луначарский в статье «Опять в Женеве»: «Перед моими выступлениями, среди которых бывали удачные и которые немножко распатали лучшую часть студенчества и продвинули кое-кого к нам, Ильич всегда мне давал путственные разъяснения» («Комсомольская правда», 13 декабря 1927 г., № 284).

В статье «Большевики в 1905 году» Луначарский вспоминал, как перед выступлением на III съезде РСДРП Ленин вручил ему тезисы: «Владимир Ильич дал мне все основные тезисы доклада. <...> Я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича» («Пролетарская революция», 1925, № 11, стр. 54). И там же, несколько выше, говоря о женевском периоде, Луначарский писал: «Помните, главными ораторами, выступавшими на эмигрантских собраниях с нашей стороны, были как раз Владимир Ильич и я. Было любо-дорого вместе с Владимиром Ильичем выработать наши лозунги или, вернее, претворять те лозунги, которые в обилии давал Владимир Ильич, в более или менее зажигательные речи» (там же, стр. 50).

Доказательством того, что тезисы под заглавием «Речь Воинова» написаны Лениным для Луначарского, может служить и сам характер рукописи. Каждый, кто знаком с ленинской системой составления планов для предстоящего выступления или, наоборот, с заметками, сделанными во время прослушивания чьей-либо лекции или доклада, заметит разницу между этими двумя видами записей. Первые представляют последовательный перечень основных тем или тезисов доклада по порядку. Делая же заметки в процессе какого-либо выступления, Ленин отнюдь не стремился к тематическому охвату всего сказанного. Он фиксировал наиболее существенные, верные или спорные положения, нередко отмечая свое отношение к ним. Такие записи очень выразительны в графическом отношении. Сравним, например, «Тезисы моего реферата» (2 декабря 1904 г.) и записи в прениях (см. фото на стр. 610). Совершенно очевидно, что «Речь Воинова» по характеру рукописи соответствует ленинским «Тезисам». Если наше предположение, что «Речь Воинова» — тезисы, написанные Лениным, верно, то нет сомнения — они были выработаны совместно с Луначарским в результате предварительной и, очевидно, обстоятельной беседы с ним. В отдельных положениях угадываются характерные для Луначарского темы и образы.

«Я помню, — писала Крупская, — женевский период, как часами говорил с Анатолием Васильевичем Владимир Ильич, как оба они страстно мечтали о разворачивании движения, о разворачивании работы» («Народное образование», 1960, № 11, стр. 87). И еще: «Мне приходилось несколько раз присутствовать при разговорах Владимира Ильича с Анатолием Васильевичем и наблюдать, как они „заряжали“ друг друга» («Советская печать», 1956, № 4, стр. 8).

Наверное, одна из таких бесед происходила между Лениным и Луначарским накануне доклада 24 декабря. Этому выступлению, которое благодаря блестящему ораторскому таланту Луначарского должно было прозвучать с большой силой, Ленин придавал особое значение, стремясь, чтобы речь была стройной и основные ее положения отличались точностью политического смысла.

Именно в женевский период начало складываться то отношение Владимира Ильича к Луначарскому, о котором на вечере памяти Луначарского рассказывал О. Ю. Шмидт: «А. В. был всегда глубоко партийным человеком. Мне пришлось непосредственно слышать один неопубликованный отзыв Владимира Ильича об А. В. в 1921 или 1922 гг. В ответ на какие-то упреки по адресу Анатолия Васильевича Ленин сказал: „Этот человек не только знает все и не только талантлив, — этот человек любое партийное поручение выполнит и выполнит превосходно“» («Вестник Коммунистической Академии», М., 1935, № 3, стр. 39).

ЛУНАЧАРСКИЙ О ЛЕНИНЕ НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ

Предисловие В. М. Далина

Публикация В. Д. Зельдовича

«Всякий раз, когда ко мне обращаются с просьбой, — писал Луначарский в 1930 г., — сообщить что-нибудь из моих воспоминаний о Ленине, я испытываю гнетущую тоску. Я не могу простить себе, что как-то, в каком-то порядке, хотя бы самом конспиративном (поскольку дело идет о временах не безопасных для записей), я не вел какого-то дневника, не делал каких-то заметок, которые могли бы позднее мне помочь. Огромное количество интереснейших личных разговоров, всякого рода заседаний и коллективных работ, участниками которых мы так или иначе являлись вместе, что позволяло мне наблюдать совершение им его исторической миссии, — прошли, оставив во мне очень бледный след, иногда даже не поддающийся хронологическому определению»¹.

К числу таких моментов, когда Луначарскому, «несмотря на начавшееся, а потом разросшееся разногласие», приходилось «работать в очень тесном контакте с Лениным»², он относил международные социалистические конгрессы в Штутгарте и Копенгагене. Однако запрошенный Институтом Ленина по поводу этих встреч на конгрессах, Луначарский отвечал: «Я, вероятно, смогу быть очень мало полезным вам по части воспоминаний о Штутгартском и Копенгагенском конгрессах. Времени прошло много, записок у меня никаких нет, а в памяти моей все это порядочно поистерлось. Боюсь наделать ошибок»³.

К счастью, как раз для Штутгарта такие своеобразные записи, об отсутствии которых так жалел Луначарский, обнаружены. Это — шесть писем к жене, Анне Александровне, которые Луначарский посылал ей из Штутгарта с 17 по 21 августа 1907 г., когда он присутствовал на конгрессе. Почти в каждом из них он подробно сообщал о всех своих встречах и разговорах с Владимиром Ильичем. Письма эти — не только ценнейший источник для выяснения взаимоотношений Ленина и Луначарского. Они очень важны для изучения роли Ленина и большевиков в довоенном II Интернационале. Публикуются они впервые и требуют некоторых исторических комментариев.

Русская революция 1905 г., ее нарастание — шествие к Зимнему дворцу 9 января, восстание «красного броненосца» «Потемкина», грандиозная всероссийская политическая стачка в октябре — произвели огромное впечатление в западноевропейском социалистическом движении. Под ее влиянием партийтаги австрийской социал-демократии в Вене и германской социал-демократии в Иене приняли решение о готовности использовать оружие всеобщей политической стачки. Но поражение русской революции, ее отлив, обозначившийся уже к середине 1906 г., произвели, в свою очередь, тягостное впечатление. Оппортунистические элементы, прежде всего в германской социал-демократии, чрезвычайно недовольные иенским решением, перешли в контрнаступление. Опираясь на аппарат уже тогда довольно сильных германских профсоюзов, они добились того, что на Мангеймском партийтаге (в сентябре 1906 г.) было принято постановление, фактически аннулировавшее иенскую резолюцию. Избирательная неудача германской социал-демократии на так называемых «готтентотских» выборах 1907 г. (во время которых консервативные и либерально-буржуазные партии объединились в своем осуждении

позиции германской социал-демократии, выступившей против зверского подавления восстания племен герреро и готтентотов в африканских колониях Германии), еще более усилила колебания в верхах германской социал-демократической партии. Уклончивая позиция даже Бебеля в некоторых вопросах, в частности по вопросу о всеобщей стачке и отношении к милитаризму, вызвала недоумение и осуждение со стороны представителей левого революционно-демократического крыла во II Интернационале и прежде всего большевиков и германских левых.

Луначарский был одним из тех, кто очень быстро реагировал на эти новые процессы в международном и германском социалистическом движении. «Кельнский съезд открыл бездну экономического болота, в котором погрязли германские профессиональные союзы», писал он в 1907 г.; «Мангеймский съезд был трагическим моментом (курсив наш.— В. Д.) в жизни германского социализма. Бебель в сущности взял назад свою боевую иепскую речь. Признание равноценности и равноправия партии и профессиональных союзов при наличных условиях крайне опасно. Фактически оно означает контроль оппортунистического чиновничества... над Vorstand'ом* партии, как-никак выражающим собою квинтэссенцию мысли и воли пролетариата»⁴.

Луначарский критиковал не только Бебеля, но и К. Каутского, пользовавшегося тогда еще огромным авторитетом среди всех русских революционных марксистов. По поводу статьи Каутского о Мангейме он писал: «Не знаю, как другим, но мне было больно читать этот отчет уважаемого мною учителя. Осторожный Каутский готов даже покривить душой, лишь бы не дать буржуазным противникам позлорадствовать насчет партии (...) Мы не привыкли слушать от Каутского подобных речи (...) Каутский очень хорошо понимает, какое в общем мрачное впечатление произвел Мангеймский съезд на все левое крыло интернациональной социал-демократии»⁵. По мнению Луначарского, позиция германской социал-демократии по вопросу о взаимоотношении партии и союзов — «это не марксизм, это немецкая версия его, уклонившаяся в сторону от взглядов учителя»⁶. С таким глубоко критическим отношением к германской социал-демократии Луначарский приехал в Штутгарт. Не случайно стоявший в повестке дня вопрос о взаимоотношении социалистических партий и профсоюзов интересовал его больше всех остальных: «Для меня центр тяжести конгресса лежал в вопросе о взаимоотношении политической и экономической организации рабочего класса. Пусть и здесь нельзя было ожидать решительного шага, вернее прыжка вперед: но даже маленькое движение в новом направлении имело здесь большое значение»⁷.

Среди зарубежных историков II Интернационала до сих пор господствует убеждение, что противоречия между большевиками и Интернационалом обозначились только в 1912 г., в связи с вмешательством Международного социалистического бюро в «русские дела». Мнение это совершенно ошибочно. Как известно из статей Ленина о Штутгартском конгрессе, опубликованных тогда же, в 1907—1908 гг., и из других его произведений и писем, обнаруженных и опубликованных позднее, позиция германской социал-демократии и даже Бебеля, к которому он относился с величайшим уважением, внушала Ленину тревогу уже в те годы. «Письма из Штутгарта» — новое, ценное свидетельство по этому вопросу.

Уже при первой встрече Луначарского с Лениным со всей определенностью вскрылось это критическое отношение Ленина к руководителям германской социал-демократии, его желание и намерение попытаться на конгрессе исправить допущенные ошибки и добиться более четких марксистских решений.

О беседе с Лениным еще до открытия конгресса Луначарский писал: «Ленин мил по-прежнему, хочется ему проучить немцев, как и мне. Троцкий страшно консервативен, закостенелый немцефил. Большевики на первых же порах закатали истерику из-за голосов. Но, кажется, это уладилось. Плеханов злится. Пока он заменен в интернациональном бюро Лениным». В конце своего письма Луначарский добавляет: «Ильич страшно хорошо ко мне относится. Ругает Бебеля, ругает Геда (курсив наш.— В. Д.), вообще подает надежды, хотя о синдикализме говорит сердито». К вопросу о синдикализме, о различном отношении к нему Ленина и Луначарского мы еще вернемся.

* правлением (нем.).

Сейчас нам хотелось бы подчеркнуть все значение этого сообщения Луначарского о позиции Ленина накануне открытия Штутгартского конгресса.

Это сообщение целиком совпадает с тем, что писал Ленин спустя несколько недель после конгресса Луначарскому, ознакомившись с рукописью его брошюры по вопросу о взаимоотношениях между социалистическими партиями и профессиональными союзами (написанной, кстати, как выясняется из публикуемых ниже писем, по прямому поручению Владимира Ильича): «Бебеля мы, разумеется, должны критиковать, и я не одобряю Троцкого, приславшего нам недавно одно сплошное славословие по поводу Эссена...»⁸. Большевики, — как категорически подчеркивает в этом письме Ленин, — должны «учиться не только у немцев, но и *на* немцах (это ваше требование тысячу раз верное!)»⁹. Характерно, что в 1913 г., когда Ленин опубликовал одну из самых ярких своих статей по поводу германской социал-демократии, он дал ей такой подзаголовок: «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении»¹⁰.

В предисловии к брошюре Воинова (Луначарского)¹¹ Ленин снова подчеркивал свою солидарность с ее автором в его критическом отношении к ошибкам германской социал-демократии: «Вот почему я и в Штутгарте был солидарен во всем существенном с тов. Воиновым и теперь солидарен с ним во всем характере его революционной критики. Он тысячу раз прав, когда говорит, что нам надо учиться теперь не только у немцев, но и *на* немцах (<...> Критиковать ошибки немецких вожakov мы должны безбоязненно и открыто, если хотим быть верны духу Маркса и помогать русским социалистам стоять на высоте современных задач рабочего движения. Бебель, несомненно, ошибался и в Эссене, когда защищал Носке, когда отстаивал разделение оборонительной и наступательной войны, когда нападал на *способ* борьбы „радикалов“ против Ван Коля, когда отрицал (вместе с Зингером) неудачу и неверность тактики немецкой делегации в Штутгарте. Не скрывать эти ошибки должны мы, а показывать на их примере, что русские социал-демократы должны учиться избегать их, должны удовлетворять более строгим требованиям революционного марксизма. И пусть не пробуют российские анархисты и синдикалисты, либералы и эсеры злорадствовать по поводу нашей критики Бебеля. Мы скажем этим господам: орлам случается и ниже кур спускаться, но курам никогда, как орлы, не подняться!»¹². В 1922 г. почти в тех же выражениях Ленин писал о своем отношении к Р. Люксембург и ее ошибкам.

При всей близости взглядов Ленина и Луначарского, публикуемые ниже письма показывают, пользуясь словами самого Анатолия Васильевича, «начавшееся разногласие» по двум важнейшим вопросам международного рабочего движения: в отношении синдикализма и в общей оценке германской социал-демократии. Справедливо критикуя ошибки вожakov германской социал-демократии, Луначарский (да и не один, достаточно указать на такого большевика, как Н. В. Крыленко¹³) в течение известного периода времени испытывал на себе влияние теоретических «попутчиков» синдикализма — Ж. Сореля (о котором он, судя по письмам, готовил отдельную работу), Артуро Лабриола и др. Ему казалось даже, что итальянский синдикализм с его признанием политической борьбы «стоит ближе всего к ортодоксальному марксизму»¹⁴. Правда, на конгрессе эти свои взгляды Луначарский не решился высказать до конца. «Он (Плеханов. — В. Д.) все воображает, — писал он жене, — что я за подчинение союзов партии, то же воображают поляки и бундисты. А для меня такое подчинение — нож вострый. Но я карт не раскрываю, а резолюцию-то предложил им не о подчинении, а о тесном сближении, на началах равноправия, с целым рядом ноток в чуждом им духе. Ленина я исподволь подготавливаю».

В свою позицию по вопросу о взаимоотношениях партии и профсоюзов Ленин внес в это время известные изменения. Он сам писал об этом в 1907 г. в предисловии к первому тому своей книги «За 12 лет»: «...многие страницы в „Что делать?“ посвящены разъяснению громадного значения экономической борьбы и профессиональных союзов. В частности, я высказался тогда за *нейтральность* профессиональных союзов. С тех пор ни в брошюрах, ни в газетных статьях я не высказывался иначе, вопреки многим утверждениям моих оппонентов. Только Лондонский съезд РСДРП и Штутгартский международный социалистический конгресс заставили меня прийти к выводу, что нейтральность профессиональных союзов *принципиально* отстаивать нельзя (<...>».

Стремление сблизить и связать союзы с партией—такова должна быть наша политика, причем проводить ее необходимо настойчиво и выдержанно во всей нашей пропаганде, агитации, в организационной деятельности, не гоняясь за простыми „признаниями“ и не выгоняя несогласномыслящих из профессиональных союзов»¹⁵.

Учитывая это обстоятельство и то, что Анатолий Васильевич не решился на конгрессе «раскрыть» свои синдикалистские увлечения, мы не можем не доверять Луначарскому, когда он сообщает в своем письме: «С Лениным вчера установились великолепные отношения. Он ужасно мною доволен (...) Я буду представителем РСДРП по вопросу о синдикализме в Международной комиссии. С Лениным договорился на бельгийском типе, т. е. на усилении социалистической агитации в рядах профессиональных союзов (...) Ленин согласен также относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдикатов не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции». Никак нельзя согласиться с Н. И. Крутиковой, когда она утверждает, что «Луначарский и не думал всерьез отстаивать резолюции Лондонского съезда и нарушил директивы, данные ему Лениным (...) Луначарский был рад случаю провести свою „антибольшевистскую точку зрения“»¹⁶.

Однако некоторые сдвигания Луначарского в сторону синдикализма, проявившиеся более явно в его брошюре (и в идентичной по содержанию статье в «Радуге»), не прошли мимо внимания Ленина. Так, высказанное в брошюре предложение о создании «Генерального рабочего совета» как своего рода «суперарбитра» между партией и профсоюзами Ленин отверг категорически, как «прожект» «совершенно не практичный», как смещение «музыки будущего» с организационными формами настоящего¹⁷.

Ленин предостерегал также против «оптимизма» Луначарского насчет «примирения» с революционной социал-демократией тех экономистов, которые перешли к синдикализму¹⁸. Он считал, что в брошюре собственно «нет синдикализма», но есть ряд неосторожных формулировок, которые могут быть подхвачены и извращены противниками. «По-моему,— указывал он в письме к Луначарскому,— все Ваши мысли можно и должно излагать всегда так, чтобы критика направлялась не на ортодоксию, не на немцев вообще, а на *оппортунизм*. Тогда Вас *нельзя* будет перетолковать вкривь. Тогда ясен будет вывод: большевизм (...) сумеет взять *все живое* у синдикализма, *чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм*. Именно нам, большевикам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и плехановского оппортунизма. И только мы можем с революционной, а не педантски-кадетской точки зрения Плеханова и К⁰, опровергнуть синдикализм, несущий с собой тьму путаницы (для России особенно опасной)»¹⁹. К сожалению, Луначарский далеко не сразу последовал этому дружескому совету Владимира Ильича, и «впередовские годы» на некоторое время приостановили их тесное политическое сотрудничество.

С разногласием по вопросу о синдикализме теснейшим образом было связано и другое — об оценке германской социал-демократии. Оно было неотделимо от общих назревавших разногласий среди большевиков в оценке политической обстановки в России, в признании необходимости использования парламентских форм борьбы, германского опыта, чему противились «бойкотисты» и будущие «отзовисты» и «ультиматисты». В этом отношении очень интересна фраза Ленина, сообщаемая Луначарским: «Хотя большевики слышать не хотят, когда я говорю, что мы вышли на 3—4 года в затишье и реакцию, но я в этом убежден». В этих условиях очень важно было отмежеваться от анархо-синдикалистского высмеивания «парламентаризма» и опыта германской социал-демократии. Ленин предостерегал поэтому против преувеличений в критике Бебеля и Каутского. «Тов. Воинов неправ, по моему мнению,— писал он в предисловии к брошюре Луначарского,— когда он говорит, что немецкие ортодоксы признают идею штурма вредной (...) Про Каутского этого нельзя сказать, и сам тов. Воинов признает правильность воззрений Каутского (...) Напрасно также поверил т. Воинов Плеханову (об этом эпизоде рассказывает Луначарский в своем письме. — В. Д.), будто Бебель нарочно умолчал о русской революции в своей приветственной речи, будто

Бebelь *не хочет* говорить о России <...> Промахи бывают с самыми лучшими и опытными ораторами. Назвать „характерным“ забывчивость старого Бебеля со стороны тов. Воинова, по-моему, до последней степени несправедливо. Точно так же глубоко несправедливо говорить вообще о „теперешнем“ оппортунистическом Бебеле. Для такого обобщения данных нет <...> Тов. Воинов достаточно доказал *всей* своей брошюрой, что он стоит на стороне немецких революционных марксистов (как Каутский), что он *вместе с ними* работает над устранением старых предрассудков, оппортунистических шаблонов и близорукого самодовольства²⁰. Подчеркивая необходимость критиковать и не замалчивать ошибки Бебеля, Ленин настаивал, однако, в письме к Луначарскому: «Но надо оговорить при этом, что это ошибки человека,— с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути. Ибо у нас много людей (Вы, вероятно, не видите их литературы), злобно хихикающих над Бебелем *ради прославления* эсерства, синдикализма (à la Езерский, Козловский, Кричевский — см. «Образование» и т. д.), анархизма»²¹.

Ленин считал в 1907 г., что для обвинения Бебеля и Каутского в переходе на позицию оппортунизма «данных нет». Но он внимательнейшим образом следил за всеми опасными зигзагами и срывами в поведении руководителей германской социал-демократии. По вопросу об отношении к английской «Рабочей партии» Ленин в 1908 г. разошелся во мнениях с Каутским на сессии Международного социалистического бюро. Сразу же после начала дискуссии о «стратегии низвержения» или «изматывания» в 1910 г. он готов был принять участие в дискуссии на стороне Розы Люксембург. Он возражал против поведения Бебеля на Цюрихской сессии МСБ в 1911 г.²² Он определил позицию Каутского в его дискуссии с Панекуком в 1912 г. как «архиппортунистическую» и требовал от представителя ЦК РСДРП на Хемницком партийтаге в том же году связаться с левыми и добиться осуждения этой позиции Каутского²³. Он дал ему самую резкую оценку еще до войны в письме к Инессе Арманд: «Он личность подлая, совершенно без характера, поддающийся влияниям, постоянно меняющий позицию согласно тайным побуждениям...»²⁴ Но своей общей оценки германской социал-демократии, которую Ленин отстаивал в 1907 г. в споре с Луначарским, он не менял и после 1914 г.

В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», опубликованной в 1920 г., Ленин писал: «История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что *революционная немецкая социал-демократия* (заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 годах требовал исключить Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 г. разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина),— что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить»²⁵.

Все эти разногласия в Штутгарте, повторяем, только наметились. В основном на Штуттартском конгрессе установилась большая близость взглядов Ленина и Луначарского. Луначарский пользовался еще полным политическим доверием Владимира Ильича. Очень интересен их последний разговор в Штутгарте. «Сейчас, вечером,— сообщил Луначарский,— я долго разговаривал с Лениным. Я высказал ему почти все мои новые идеи. Указал и на то, что разрыв между нами, „еретиками“ — в глазах Плеханова,— и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б<ольшевизма>, а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов, мелких же б<ольшевиков>ов нового типа толкнул бы к некритическому синдикализму. Он страшно внимательно меня выслушал и сказал: „Это все очень похоже на правду. Это ново и важно“». В этом же разговоре Ленин, живший еще в Финляндии (он покинул ее только через несколько месяцев), предложил Луначарскому стать чем-то вроде «главного идейного агента» ЦК за границей.

* * *

Штутгартские письма интересны не только тем, что они по-новому раскрывают целую страницу из истории взаимоотношений Ленина и Луначарского. Они очень живо рисуют всю обстановку и ход работы конгресса. Очень любопытны зарисовки ряда деятелей Интернационала: Бебеля, Плеханова, Вандервельде, де Брукера. После первого же разговора с Юбером Лагарделлем — тогда еще редактором журнала «Mouvement Socialiste», а позднее другом Муссолини и министром вишистского правительства Петэна — Луначарский совершенно точно определил его как «верхогляда, вертопраха и фразера». Письма, наконец, ярко рисуют самого их автора и как революционера и как человека.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ А. В. Луначарский. Из воспоминаний о Ленине в 1905 году. — «Пролетарская революция», 1930, № 2—3, стр. 82.

² Там же, стр. 90.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 446, л. 20.

⁴ Воинов (А. В. Луначарский). Новые пути. Введение в отчет делегата РСДРП по вопросу о взаимоотношении партии и профессиональных союзов на Штутгартском международном конгрессе. — «Радуга», 1907 (Женева), № 3, ноябрь, стр. 53. Под псевдонимом «Воинов» Луначарский участвовал в работах Штутгартского конгресса, на котором он был делегатом с решающим голосом, входя вместе с В. И. Лениным, И. М. Гольденбергом-Мешковским, Б. Кнуньянцем (Радиным), В. А. Базаровым в состав его большевистской фракции.

⁵ А. В. Луначарский. Послесловие к книге А. Лабриола «Реформизм и синдикализм». СПб., 1907, стр. 252—253.

⁶ «Радуга», № 3, стр. 47.

⁷ Там же.

⁸ В Эссене в октябре 1907 г. (после Штутгарта) состоялся очередной партейтаг германской социал-демократии, на котором Бебель взял под защиту ряд оппортунистических выступлений деятелей партии (в том числе будущего военного министра в 1918—1919 гг. Г. Носке) в рейхстаге и на конгрессе в Штутгарте.

⁹ См. настоящ. том, стр. 33.

¹⁰ См. Ленин, т. 25, стр. 106—110.

¹¹ Брошюра не была опубликована из-за резкого сокращения издательских возможностей партии. Н. И. Крутикова не права, когда утверждает, что эта работа «была отвергнута, как идущая вразрез с решением партийного съезда» (Н. И. Крутикова в. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. М., 1955, стр. 156). Ленин в письме 13 января 1908 г. дал совершенно противоположную оценку брошюры: «Вашу брошюру о Штутгарте прочел всю <...> По-моему, очень хорошо у Вас вышло, и все товарищи были очень довольны брошюрой. „Исправлять“ ее все мы сочли излишним: уж очень жаль стирать Ваши краски и портить живо написанную вещь» (настоящ. том, стр. 36). «Что касается до содержания Вашей брошюры, — подчеркивал Ленин в другом письме, — то мне она чрезвычайно понравилась, как и всей нашей публике. Прейнтересная и отлично написанная вещь» (там же, стр. 33). Ленин, считавший необходимым издать брошюру и написавший к ней предисловие, предупреждал, однако, А. В. Луначарского: «Не знаю, удастся ли нашим теперь издать Вашу брошюру. Трудно теперь издавать» (там же, стр. 36).

¹² Ленин, т. 16, стр. 187—188.

¹³ См. А. Брама (Н. В. Крыленко). В поисках «ортодоксии». СПб., 1909; см. также автобиографию Н. В. Крыленко в Энциклопедическом словаре Граната, т. 41, ч. 1, стр. 242. — Просмагивая справочник «Среди книг» Н. А. Рубакина, Ленин обратил внимание на рубрику «синдикалисты (особо от большевиков)» и выписал названия книг А. Брама, Л. Козловского и В. Поссе («Ленинский сборник», XXV, стр. 311).

¹⁴ А. В. Луначарский. Послесловие к книге А. Лабриола «Реформизм и синдикализм», стр. 259.

¹⁵ Ленин, т. 16, стр. 108.

¹⁶ Н. И. Крутикова. Из истории борьбы В. И. Ленина против оппортунизма на международной арене. М., 1955, стр. 154—155.

¹⁷ Ленин, т. 16, стр. 190. Ленин тут же добавил: «...Я несколько не боюсь перспектив тов. Воинова: „подчинение политических организаций классовой социальной организации“ <...> лишь тогда (я продолжаю цитировать тов. Воинова, подчеркивая существенные слова), когда ... все профессионалисты будут социалистами».

- ¹⁸ Ленин, т. 16, стр. 190.
¹⁹ См. настоящ. том, стр. 33.
²⁰ Ленин, т. 16, стр. 186—187.
²¹ См. настоящ. том, стр. 33.
²² Ленин, т. 5, стр. 358.
²³ Ленин, т. 48, стр. 87.
²⁴ Там же, стр. 325.
²⁵ Ленин, т. 41, стр. 16.

ИЗ ПИСЕМ ЛУНАЧАРСКОГО К ЖЕНЕ

(17 августа 1907 г.)

⟨...⟩ Приезжаю в Штутгарт, признаться, голодный и усталый, обращаюсь в бюро. Эсеров стаи, с⟨оциал⟩-д⟨емократа⟩ ни одного. Немцы из бюро не знают меня, мандата у меня нет. Посылают меня немцы в Liederhalle искать кого-нибудь русского. Прихожу туда — не могу никого найти. Насилу отыскиваю Балабанову, всю запыхавшуюся и усталую. «А, — кричит, — Вы делегат! немедленно поезжайте занимать комнату, иначе останетесь под шатром-небом», — сует адрес. «В пять часов, — говорит, — русское собрание, тогда всех увидите, а теперь их собаками не отыщешь».

Отправляюсь занять комнату. Занял. Вообрази — мой сосед Дейч!! Приветствовал он меня предружелюбно. Теперь я наскоро ем, чтобы в 5 быть на собрании. Русских здесь, как чертей в болоте. Все от любопытства. Наших сейчас увижу. Вечером напишу еще. Пишу карандашом, т. к. пера еще не добыл ⟨...⟩

Одну только неприятность сообщу тебе: кажется, выехать придется не 24, а 25, т. к. 24 вечером будет последнее и важное заседание, но, может быть, удеру и 24 ⟨...⟩

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 150 об. — 151.

(18 августа 1907 г.)

⟨...⟩ Вчера видел всех, сюда приехали Ленин, И. П. ⟨Гольденберг⟩, Базаров, Рубен и я с решающими голосами и несколько человек, между ними Троцкий и Палаша ⟨Литвинов⟩, с совещательными. Меньшевиком трое: Плеханов, Мартов и Мартынов, совещательные — Дейч и прочие. В числе гостей имеется в пух и прах разодетая Коллонтайша.

Ленин мил по-прежнему, хочется ему проучить немцев, как и мне. Троцкий страшно консервативен, закоснелый немцефил. Меньшевики на первых же порах закатили истерику из-за голосов. Но, кажется, это уладилось. Плеханов злится. Пока он заменен в Интернациональном бюро Лениным.

Сегодня торжественное открытие съезда. Я говорю Festrede*. Вот почему пишу в 7 часов утра, т. к. домой пришел поздно, все равно не мог бы послать письма, а всю почти ночь проработал над речью. Надеюсь — сойдет. Орл⟨овский⟩ ⟨Воровский⟩ не приехал потому, что болен. Ал⟨ександру⟩ ⟨Богданову⟩ нельзя было по делам. Очень приятную вещь сообщил мне Котляр, которого я здесь встретил. Издательство «Зерно» предлагает мне редактировать его перевод двух томов Петцольда с моим предисловием. Всего 40 стр. по 15, а м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и 20 рублей. Это чудесно. Если Петцольд пойдет хорошо, то под моей же редакцией пойдет и сам Авенариус.

Ильич страшно хорошо ко мне относится. Ругает Бебеля, ругает Гада, вообще подает надежды, хотя о синдикализме говорит сердито.

* Торжественная речь (нем.).

Все т<оварищи> спрашивали о тебе. И. П. говорит, что думал, что ты приедешь. <...> После моей речи сегодня же напишу письмо или по крайней мере подробную открытку. Штутгарт большой и красивый город. Я пришлю тебе его вид в конверте. Волнуюсь из-за речи. <...>

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 66—67.

<18 августа 1907 г.>

<...> Пишу тебе теперь после открытия съезда и после митинга. Перед открытием немцы пели под орган что-то довольно похоронное, вроде панихиды. Затем говорил приветственную речь трогательный в своей благородной старческой красоте Бебель. Речь его меня, однако, не совсем удовлетворила. Она была односторонне парламентская. Обратили внимание, что он ничего не сказал о России. Плеханов сейчас же прицепился к этому: «Видите, о России ничего! Это потому, что он нас теперь за анархистов считает! Тут вы, большевики, постарались». Мы сидим vis à vis с Плехановым, и все время идет пикировка.

Бебель сам говорил, что «забыл». Во всяком случае Вандервельде (кстати сказать, после своей недавней болезни до неузнаваемости облысевший и похудевший) поправил Бебеля и наговорил нам комплиментов. Говорил он, как всегда, красиво, мирно, с пластичными жестами. В Плеханове вспыхнула зависть: «Актёр дурной школы», — шипит. А сам, ей-ей, — плохой подражатель именно этого актёра. Речь переводилась потом <...> Цеткиной на два другие языка, что далеко затягивает все дело и расхолаживает.

Потом состоялся митинг, я говорил на пятой трибуне, со мной говорили вождь чешской с<оциал>-д<емократии> Немец, вождь датской с<оциал>-д<емократии> Питцель, знаменитый организатор бельгийских кооперативов Anseele. Anseele говорил по-французски, остальные два по-немецки. Питцель плохо, Немец недурно, но слишком долго. Anseele по-французски говорил посредственно (он фламандец). Моя речь отчасти пропала, т. к. среди слушателей, по-видимому, лишь очень немногие знают по-французски и переводчик, мангеймский депутат Франк, мою и Ансеелеву речь уж очень упростил, но Anseele и по болезни не говоривший, но сидевший за нашей трибуной Фольмар сделали мне по комплименту. Речь Плеханова, как мне передавали, почти пропала по недостатку у него голоса.

Митинг был грандиозный, говорили с шести трибун, и около каждой было не менее тысячи слушателей. Пропасть знамен и т. д. В общем, я думаю, что будь ты здесь, ты осталась бы довольна и митингом и мною. С Базаровым вчера мы очень хорошо говорили. Но сегодня, к моему удивлению, оказалось, что здесь и его жена, приехавшая в качестве делегатки на одновременно заседающий женский с<оциал>-д<емократический> конгресс. Ты знаешь, что я не люблю эту особу. С нею я поздоровался очень холодно. И сейчас же это отразилось на Базарове! Что поделаешь! <...> Сейчас наскоро перекушу и отправлюсь сначала на большевистское собрание, а потом на концерт.

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 63—65.

<19 августа 1907 г.>

<...> Дела мои пока идут как по маслу. С Лениным вчера установились великолепные отношения. Он ужасно мною доволен. Я буду вести по предложенному мною плану всю баталию против Плеханова по вопросу о милитаризме в русской делегации. Я буду представителем РСДРП

по вопросу о синдикализме в международной комиссии. С Лениным вполне договорился на бельгийском типе, т. е. на усилении соц(иалистической) агит(ации) в рядах профессиональных союзов, на включении согласных на то синдикатов в партию на равных правах с чисто партийными организациями, на установлении организационной связи между центральными учреждениями обеих частей раб(очего) движения на равных правах. Ленин согласен также относительно необходимости подчеркнуть, что борьба синдик(атов) не сводится к борьбе за улучшение быта в пределах капиталистического общества, но что они сыграют решающую роль под углом зрения самой социальной революции.

Сегодня предстоит большущие перепалки с эсерами, а потом с меньшевиками.

Роза Люксембург предложила мне сотрудничать в «Neue Zeit», помещая от времени до времени статьи по философии. Но платить мне за это не будут, т. к. гонорар (небольшой у «N. Z.») уходит, как говорит Абрамов, целиком на плату очень дорогому, но очень хорошему переводчику, который перевел уже книги Дейча и переводит все статьи Мартова и Троцкого. Я обещал написать о русском марксистском эмпириокритицизме. С Р(оланд)-Гольст я еще не говорил, но она просила меня через Абрамова непременно повидаться с нею для делового разговора. (...) Конгресс кончается 24 числа, вряд ли сумею выехать в 3 часа (...)

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 6—7.

<20 августа 1907 г.>

<...> Хотя я страшно устал, но хочу написать тебе теперь же вечером, чтоб ты вовремя получила письмо.

Расскажу тебе, что было в эти два дня. Громадная работа навалилась на меня постольку, поскольку я попал в комиссию о синдикализме, имея там противником не кого другого, как Плеханова. По этому вопросу мы с м(еньшеви)ками совершенно разошлись. На предварительном совещании Плеханов заявил, что он стоит за полную нейтральность проф(ессиональных) союзов. Я же выставил тезис: возможно большая близость партии и профсоюзов, где можно — даже организ(ованная) связь между ними, и не только для того, чтобы п(арти)я могла уберечь молодое раб(очее) движ(ение) от участи профес(ионализ)ма и других детских болезней, а и для того, чтобы организованные массы могли контролировать и освежать партию. А поэтому и за мною все были (Ленина не было, он был в бюро), решили вотировать резолюцию бельгийца Дебрукера, составленную в том истинно синд(икалистском) духе, который мы с Базаров(ым) стараемся проводить. М(еньшеви)ки решили отстаивать при Плех(анове) нейтральность, т. е. бороться с нашей русской Лондонской резолюцией.

В комиссии я увидел и услышал Дебрукера и прямо <...> влюбился в него. Это какой-то полубог. Громадный, стройный, прекрасный, со лбом Юпитера, с глазами немерцающими, как спокойные звезды, ласковый, ровный идеалист и тактик. Мы с ним тотчас же заключили союз. Против его резолюции выдвигаются три. Одна хуже всех — Вальяна, другая немного уж в нашем духе — Геда, третья, еще немножко ближе, — Беера. К сожалению, удержать резолюцию Дебрукера в ее первоначальном виде оказалось невозможным. Каутский предложил компромисс между бельгийской и ближайшей к ней немецкой бееровской резолюцией. Так что удалось лишь подвинуть Беера еще несколько дальше от Плеханова по моему тезису.

Плеханову предстояло остаться на мели. Нейтралистов, кроме него, в комиссии не оказалось. Он переметнулся и стал отстаивать, пока в ку-

луарах, резолюцию гедистов. Но плохо для него то, что гедисты, кажется, снимут свою резолюцию.

Кроме десяти реш(ающих) голосов, принадлежащих нам — русским с-декам (теперь так: $4\frac{1}{2}$ большевикам, $2\frac{1}{2}$ меньшевикам, остальные — Бунду, латышам, армянам и 7 голосов эсеровских), — здесь есть еще 3 голоса реш(ающих) у представителей проф(ессиональ)ных союзов. Их-то и надеялся завоевать Плеханов. А я решил побороться с ним и на этой почве. За день хлопот, переговоров (на фр(анцузском) и нем(ецком) я(зыках)), беготни и волнений я страшно устал. Я веду здесь мою линию. Базаров, который ее разделяет, сказал даже, что Плех(анов) остается немножко в дурачках. Он все воображает, что я за подчинение союзов партии, то же воображают поляки и бундисты. А для меня такое подчинение — нож вострый. Но я карт не раскрываю, а резолюцию-то предложил им не о подчинении, а о тесном сближении, на началах равноправия, с целым рядом новых потоков в чуждом им духе. Ленина я исподволь подготавливаю.

Теперь о сегодняшнем еще более значительном дне. Комиссия утром не заседала, т. к. заседал пленум, но т. к. там читали телеграммы, поздравления и прочее, то мы решили использовать это время. Я и Плеханов решились на большой турнир перед рабочими-профессионалами: 2 профессиональных «чиновника» — м(еньшеви)ки и интеллигенты, два коренных рабочих метал(лист) и текстильный из Москвы, два евр(ейских) представителя, с.-р. железнодорожник и с.-р. от приказчиков Зап(адного) края.

Плеханов т(ак) был уверен, что они будут за нейтральность, что обещал отдать свой голос в к(омис)сии профессионалис(ту), если нам и дадут там по голосу на всех (т. е. большевикам, меньшевикам, эсерам, профсоюзам). Турнир был важный. Я тебе его подробно расскажу по приезде. Это пока самое сильное впечатление съезда. В результате Пл(еханов) был разбит. 6 голосов высказалось за меня. За него только 2 интеллиг(ента) — м(еньшеви)ки, да и то один чуть-чуть, эсер, кажется «хотя и рабочий?», — колебался.

Ленин предложил мне, вверне обязал меня немедленно по возвращении в Италию сесть за брошюру: Воинов «Вопрос об отношении партии и проф(ессиональных) союзов на Шт(утгартском) конгрессе. Отчет о выполнении мандата РСДРП». Это дней на 10 работы, придется потом усиленно писать книгу. Придется, детка, хочешь — не хочешь, работать по 6 часов, зато брошюру о Сореле они соглашаются ждать 2—3 месяца. Авансом за обе работы дадут 100 рублей еще, считать будут по 60 р. за лист печ(атный) (Сорель), по 30 руб. за лист (о съезде). Это я сам сказал, за съезд (?) неловко брать больше 50%. Итого о Сореле я напишу листов 4—5, так что я заработаю 360 р. минус полученные 100 = 260 руб. Главное же — из них получу 100 сейчас, либо немедленно по возвращении Ленина в Финляндию.

Вечером заседала комиссия. Записанными были так: Плеханов сначала, я потом. Целую массу труда положил я на то, чтобы составить по-фр(анцузски) ряд вариантов и предугадать всякий тон, который может взять Плеханов. Вдруг он меня спросил: «А под какой фамилией Вы записались?» Я сразу догадался, чего он хочет. Действительно, он попросил Ансееля (пред(седателя)) переставить нас. Каков шельмец! И как боится! Но хорошо, что я узнал заранее! А то предствав: у меня готовы все варианты говорить после Пл(еханова) и вдруг вызвали бы меня: я бы смутился. Но так я еще имел время переконструировать всю речь и прищелкнул там Плеха(нова). Главное было вот что: мой illustre*

* прославленный (франц.).

товарищ Плех(анов) говорил, основываясь на одном старом интервью Маркса; заявил на нашем предварит(ельном) собрании, что будет держаться чистого нейтралитета и что это единственная ортодоксальная точка зрения, а та, к которой приходит теперь наша комиссия, предст(авляет) собой смертельную опасность для профс(оюзов). Ввиду обязательства Пл(еханова) поддерживать эту точку зрения и ввиду ее резкого противоречия с резолюцией партии на Л(ондонском) съезде я должен был взять на себя представлять партийную точку зрения, совпадающую с резолюцией Б.(еера?). Правда, теперь, если не ошибаюсь, и Плех(анов) перешел на точку зрения гедистов. Я приветствую этот шаг к сближению с нами, и моя радость еще усилится, если за ним последуют следующие шаги. Конечно, я говорил и многое другое, но о Плеханове — вот это. Злится он ужасно. Но ответить ему не удалось, прервали заседание. Сегодня будем крутиться.

Сейчас, вечером, я долго разговаривал с Лениным. Я высказал ему почти все мои новые идеи. Указал и на то, что разрыв между нами, «еретиками» — в глазах Плеханова, — и большевиками твердокаменного типа был бы гибелью для б(ольшевизма), а нас превратил бы, вероятно, в висящих в воздухе литераторов, мелких же б(ольшевик)ов нового типа толкнул бы к некритическому синдикализму.

Он страшно внимательно меня выслушал и сказал: «Это все очень похоже на правду. Это ново и важно». А затем продолжил так: «хотя б(ольшевик)и и слышать не хотят, когда я говорю, что мы вошли на 3—4 года в затишье и реакцию, но я в этом убежден. Раз это так — за граница приобретает вновь большое значение. Пожалуй, хорошо, что вы и Рубен тут *поживете с годик за границей*. Я сам вошел вместе с Плех(ановым) в бюро Интер(национала). Буду жить в Финляндии, под Питером, и каждые 3 месяца ездить в Брюссель. Вам незачем никуда переезжать: живите, где хотите, Рубена же посылаем в Берлин, его назначаем оф(ициальным) предст(авителем) ЦК за границей, и он будет делать всю черную работу по колониям. Но вы должны: 1) вступить со мною в деятельную переписку через Стокгольм; 2) писать вскоре возникающего органа (ЦО); 3) переписываться с Рубеном, наставляя его по поводу всего, что он не сумеет разрешить сам; и 4) хотя изредка, раз в 2—3 месяца на 2—3 дня, и на партийный счет ездить в такие большие центры, как Берлин, Париж, Швейцария с рефератами и пр(очим). Я знаю, что вся эта работа* и слышал, что Вы нуждаетесь. Если Вы согласны взять на себя эту роль *главного идейного* агента за границей и постоянного с(отрудни)ка ЦО, то наш ЦК сможет выдавать Вам по мере надобности небольшие субсидии, так что Ваши убытки хоть наполовину да покроются, а зато мы тесно свяжемся». Я все это *принял*.

Ужасно рад, Анютка моя! Не смущайся поездками: обещаю тебе, что больше двух, максимум трех раз я *за весь год* не уеду и что ни одна моя отлучка не будет длиться больше недели (...). Завтра утром пошлю открытку, а вечером напишу о сегодняшнем дне.

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 81—87.

<21 августа 1907 г.>

<...> Только что вернулся с праздника, который закатали нам немцы. И вернулся с тоскою в душе, одиноким, с мыслью о тебе и тревогой: отчего ты не пишешь? Я пишу-пишу, держу свое обещание, а ты и строчки не написала. Шел домой с надеждой, что найду от тебя эпистолу — и,

* Так в тексте.

конечно, — ничего! Грустно мне. На празднике было шумно, но в общем несимпатично. Немцы вели себя даже пошловато, когда напились <...>

Пил я много с разными геноссами. Познакомился с Лагарделем и его женою, которые мне очень не понравились в общем (он верхогляд, вертопрах и фразер, она какая-то тонная) и с Роланд-Гольст — это очень и очень симпатичная дама, хотя уже немолодая и некрасивая. Но книгу свою она, оказывается, кончает лишь весной <...>

Ленину было, по-видимому, весело, по крайней мере он добросовестно старался быть веселым. Многие танцевали, пили, но мне было скучно. Я переходил от одного к другому, и все так выходило, что натывался на споры, на теоретические разговоры. Потом пошел после всего этого: вина, тостов и шума выпить черного кофе, с кем бы ты думала? с Мартовым! И побеседовал с час: объяснились. Ничего, расстались мирно <...> Этот вечер праздника в общем ничего не дал и не принадлежит к числу хороших впечатлений.

Удивляюсь, время идет, дела масса, а завтра англичане устраивают такой же праздник. Ну уже покорно благодарю, я туда не пойду. Лучше буду писать тебе и читать <...>

Автограф. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 152—153.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ЯНВАРЕ 1917 г. В ЖЕНЕВЕ НА МИТИНГЕ В ПАМЯТЬ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.

Сообщение А. П. Трошиной

До нас дошли документальные свидетельства о том, что в начале 1917 г. Луначарский считал историческую ситуацию, создавшуюся в России, революционной и призвал не упускать «удачного момента».

За несколько недель до Февральской революции Луначарский говорит о необходимости переворота, выступая не только как пламенный пропагандист, но и как человек, наделенный глубоким чувством реальности, знанием законов общественного развития.

Перед нами папка секретных донесений: «Материалы о вспомогательной деятельности некоторых представителей дипломатического корпуса в деле охраны старого режима. Дипломатическая переписка Швейцарской дипломатической миссии, изъятая С. Г. Сватиковым. 1915 г. 2/15.IX—1917 г. VII» (ЦГАОР, ф. XXXIV, ед. хр. 71).

Вот что говорится здесь о выступлении Луначарского:

«9/22 января 1917 г. в Женеве в Maison Communale de Plainpalais состоялся митинг, организованный с целью протеста против нашего правительства по случаю годовщины 9 января 1905 г., председательствовал Дивильковский, член „Интеллектуальной помощи“ и глава здешней группы с.-д.

⟨...⟩ Из других речей русских революционеров заслуживают внимания речи Войкова и Луначарского.

⟨...⟩ Вся речь второго была о том, что Россия должна сейчас воспользоваться бессилием правительства и усталостью солдат, чтобы с помощью революции произвести коренной переворот. Не следует упускать наиболее удобного момента, который может долго не повториться.

На митинге говорили и иностранные „товарищи“. При сем прилагается вырезка из номера газеты „La Suisse“ от 10/23 сего января».

Здесь же хранятся и донесения от 1916 г. В двух из них Луначарский упомянут как лицо опасное для царского правительства.

3/16 марта 1916 г. из Берна было отправлено отношение к русскому консулу в Женеве: «Императорская миссия покорнейше просит Вас, милостивый государь, не визировать паспортов и вообще не оказывать никакого содействия следующим лицам...» Восьмым в списке значится Луначарский. И далее: «К сему миссия считает долгом обратить Ваше внимание на то, что сообщаемые мною сведения о лицах, в чем-либо заподозренных и коим не следует оказывать содействия, весьма секретны и могут быть доступны лишь Вам и лицу, пользующемуся Вашим полным доверием. Миссия слагает с себя всякую ответственность за оглашение этих сведений в Вашем округе».

Через десять дней, 13/26 марта, русский посланник сообщал из Берна в Женевское консульство: «В ответ на отношение от 7/20 марта с/г. № 659 императорская миссия честь имеет уведомить консульство, что впредь до дальнейшего распоряжения свидетельства на возвращение Луначарского выдавать не надлежит».

ЛУНАЧАРСКИЙ О ЛЕНИНЕ НАКАНУНЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ

(март — апрель 1917 г.)

Сообщение В. Д. Зельдовича

Вспоминая о ближайших неделях после Февральской революции, Луначарский писал: «Известие о перевороте поразило нас как громом. Тотчас же начали мы готовиться к отъезду в Россию, но началась целая длинная неприятная эпопея борьбы с Антантой, которая ни за что не хотела пропустить революционеро-интернационалистов на их родину. Убедившись окончательно, что это невозможно, мы стали взвешивать мысль, которая в первую минуту показалась нам чудовищной, но которая отнюдь не испугала Ленина, мысль о возвращении в Россию через Германию» (А. Луначарский. Великий переворот. Пг., 1919, стр. 37).

Луначарский, переехавший со своей семьей из Парижа в Швейцарию еще в конце 1915 г., жил тогда в Сент-Лежье, недалеко от города Веве, возле Женевского озера. Ленин и Крупская жили в Цюрихе.

Именно в это время, после длительного перерыва, возобновилось сотрудничество и личные дружеские отношения Ленина и Луначарского. Разногласия возникли после поражения революции 1905 г., когда Луначарский вместе с А. А. Богдановым, Г. А. Алексинским, А. В. Соколовым (С. Вольским) и др. выступил против участия большевиков в Государственной думе, т. е. за отказ от легальных возможностей борьбы. Как известно, Ленин назвал отзовистов «ликвидаторами наизнанку». Вскоре расхождения между Луначарским и ленинцами усугубились: к ошибкам политическим присоединились заблуждения в области философии. Луначарский принадлежал к группе русских махистов, куда входили Богданов, В. Базаров, Н. Валентинов, П. Юшкевич и др.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин показал, как, ссылаясь на «современную теорию познания», Луначарский «договаривается до прямого фидеизма» (Ленин, т. 18, стр. 10). Приводя слова Луначарского: «заблуждаемся, но ищем», Ленин отмечал в предисловии: «Что первая половина этой фразы содержит абсолютную, а вторая — относительную истину, это я постараюсь со всей обстоятельностью показать в предлагаемой вниманию читателя книге» (там же).

В неопубликованной при жизни Луначарского статье, предназначавшейся для «Литературного наследства», он рассказал, как во время беседы, в дни Копенгагенского конгресса Ленин горячо и резко обличал богостроительство:

«... Во время наших разговоров на всевозможные темы мы очень часто беседовали мирно, и Ленин проявлял всю ту исключительную обаятельность, которую он умел внести в частные товарищеские отношения. Но когда мы заговорили о моих богостроительских домыслах, то Ленин превратился в очень строгого учителя и заговорил в самом резком тоне, не стесняясь в выборе выражений.

Мне кажется, что я и теперь могу передать с большей или меньшей точностью, что от него тогда слышал. По крайней мере то, что врезалось в мою память: „Самое позорное в этой вашей позиции, — говорил мне Ленин, — это то, что вы действительно воображаете будто делаете честь марксизму, когда называете его величайшей из религий, и будто вы чем-то украшаете его, когда, не ограничиваясь этим мерзейшим понятием — религия, еще при помощи разных ухищрений притягиваете туда и позорное слово: „бог“.

ЛЕНИН И Н. К. КРУПСКАЯ В СТОКГОЛЬМЕ 31 МАРТА/13 АПРЕЛЯ 1917 Г. С ГРУППОЙ РУССКИХ ПОЛИТЭМИГРАНТОВ
(В ДЕНЬ ПРОЕЗДА ЧЕРЕЗ ШВЕДСКУЮ СТОЛИЦУ) ПО ПУТИ ИЗ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИЮ

Фотография В. Мальстрема

В то время как научный социализм есть нечто прямо противоположное всякой религии, в то время как всякий марксист является беспощадным борцом против религии, вы пытаетесь поставить социализм в одну шеренгу с религией, вы пытаетесь перебрасывать мосты через непроходимые бездны, которые отделяют материализм от всего хотя бы слабо папахивающего поповством. Вот это непонимание, повторяю, делает ваши ложные шаги такими отвратительными» (см. «Лит. наследство», т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы М., 1970, стр. 499—500).

Отход от ленинских позиций у отзовистов и махистов принял и организационные формы — была создана фракционная группа «Вперед». Официальное оформление этой группы произошло во второй половине 1908 г. В статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» Ленин разоблачил попытки вдохновителя «впередовцев» Богданова (Максимова) изобразить оппозицию лишь как идейное течение: «обманывающие партии путем укрывания отзовизма ведется заграничной группой Максимова систематически» (Ленин, т. 19, стр. 87). В заключение статьи Ленин обращался к «новой фракции» со следующими словами: «Скатертью дорога, любезные! Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мецанскими методами политики и тактики» (там же, стр. 108).

Вспоминая этот период, в одной из статей 1925 г. Луначарский отмечал: «В то время, как получился длинный правый фланг, идущий от гениальной тактики Ленина (направленной на использование всех еще оставшихся от революции легальных возможностей и вместе с тем на напряженное строительство нелегального аппарата) через разные оттенки меньшевизма вплоть до ликвидаторства, провозглашавшего ненужность нелегального аппарата, конец революции и необходимость приспособиться к столыпинскому порядку как естественному результату сорвавшейся революции, — влево от позиции Владимира Ильича сгруппировалась группа большевиков, которые, повинувшись внутреннему импульсу революции, не хотели просто сложить оружие и мечтали о возможности непосредственного нового подъема. Само собой разумеется, что эти группы обречены были на существование непродолжительное и во всяком случае бесплодное. Я сам принадлежал к этим левым группам и поэтому могу говорить об этом с полной уверенностью. Все эти группы ультиматистов, отзовистов и т. д., за которыми, собственно говоря, скрывалось нежелание считаться с длительным периодом реакции, романтическая вера в то, что не сегодня — завтра опять подымется мятеж, — все это было головное, выдаваемое, все это было от прошлого, все это не учитывало живой действительности. Живую действительность учитывал полностью только тот авангард партии, во главе которого стоял Ленин и за которым, в конце концов, пошла вся партия» («Пролетарская революция», 1925, № 11, стр. 61).

В следующем году Луначарский вновь возвратился к этой теме в статье «Партийная школа в Болонье». Говоря об «инерции» революционного периода, которая сказывалась на настроениях будущих «впередовцев», он писал:

«Подобные явления имели мы во время дискуссии о Брестском мире и во время введения нэпа. Каждый раз при этом, когда гениальный стратег нашей партии, Ленин, давал сигнал о необходимости некоторого отступления или обхода, планомерно действующая революционная инерция партии приходила в трение с ним, и порою создавалась ситуация, напоминавшая собою создание особой фракции.

Такое же явление видим и при возникновении группы „Вперед“. Богданов явился выразителем той части партии (рабочих и партийной интеллигенции), которые не хотели поверить в конец революции 1905 г. С их точки зрения переход на новое положение, почуянный и предуказанный Лениным, на самом деле спасительный для нашей партии и давший ей возможность правильно подготовиться к событиям, последовавшим через 11 лет, был почти каким-то полуликвидаторством. Однако они были заранее осуждены историей» («Пролетарская революция», 1926, № 3, стр. 110).

Далее Луначарский подробно говорит о борьбе Ленина против идеологии и тактики группы «Вперед», о закономерности распада группы и о переходе лучших ее представителей на позиции ленинизма: «Ленин совершенно справедливо, как я теперь вижу,

усмотрел в передовстве прежде всего некоторый интеллигентский блок, в который входили люди, быть может, жившие непосредственно впечатлениями, симпатиями и т. д. Мы, несомненно, в некоторой степени были политическими импрессионистами и находились под чрезмерным влиянием революционного чувства, которое (чего мы не замечали) вело не столько к революционному делу (в открытых формах тогда невозможному), сколько к революционной фразе.

Из основных участников группы «Вперед» Ленин особо выделял Луначарского, к которому, по его собственным словам, «питал слабость»: «Луначарский вернется в партию,— говорил Ленин Горькому,— он менее индивидуалист, чем те двое <Богданов и Базаров. — В. З.>. Нередкость богато одаренная натура. Я к нему „питаю слабость“—черт возьми, какие глупые слова: питать слабость! Я его, знаете, люблю, отличный товарищ!» («В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 308).

О «пристрастии» Ленина к Луначарскому даже в период расхождения с «передовцами» вспоминала и Н. К. Крупская (см. статью А. П. Тропиной «Ленин — редактор статей Луначарского в газетах „Вперед“ и „Пролетарий“ (1905 г.)», настощ. том, стр. 514).

Луначарский был не совсем точен, когда в книге «Великий переворот» писал: «За время моей размолвки с Лениным я совершенно не встречался». Луначарский работал вместе с Лениным на Копенгагенском конгрессе, состоявшемся в августе-сентябре 1910 г. Об этом же он говорит и в другом месте книги «Великий переворот»: «В связи с этой моей работой на Штутгартском конгрессе <1907 г.— В. З.> казалось естественным, чтобы я представлял партию также и на Копенгагенском съезде; группа „Вперед“ дала мне для этого мандат. Но в этот раз мы уже были расколоты, и я ехал в Копенгаген скорее врагом, чем другом моих недавних ближайших товарищей. Не доезжая Копенгагена, уже в Дании, мы встретились с Лениным и дружески разговорились. Благодарение судьбе — мы лично не порвали отношений и не обостряли их так, как те из нас, которым приходилось жить в одном городе. Из краткого обмена мнений выяснилось, что почти по всем вопросам копенгагенской программы мы стоим на близкой точке зрения» (там же, стр. 48).

О добрых личных отношениях с Лениным в этот период писал Луначарский в книге «Революционные силуэты»: «Я очень счастлив, что мне не пришлось, так сказать, в личном соприкосновении пережить нашу длительную политическую ссору с Лениным, поскольку я вместе с Богдановым и другими в свое время уклонялся влево и состоял в группе „Вперед“, ошибочно разошедшей с Лениным в оценке необходимости для партии в эпоху столыпинской реакции пользоваться легальными возможностями» (А. Луначарский. Революционные силуэты. М., 1923, стр. 17).

Группа «Вперед» с самого ее основания не была единой. О глубоких разногласиях среди ее участников Луначарский так писал в книге «Великий переворот»: «После короткой, но довольно тяжелой распри между Богдановым и Алексинским первый покинул группу „Вперед“, и после этого Алексинский развил до кульминационного пункта свои выдающиеся способности дезорганизатора: ему удалось постепенно поссориться и отколоть от нас тов. Менжинского, Покровского и в конце концов самым нелепым и довольно гнусным образом порвать также и со мной» («Великий переворот», Пг., 1919, стр. 52). По-видимому, это произошло в начале 1914 г. В ЦПА ИМЛ хранится письмо, подписанное Луначарским:

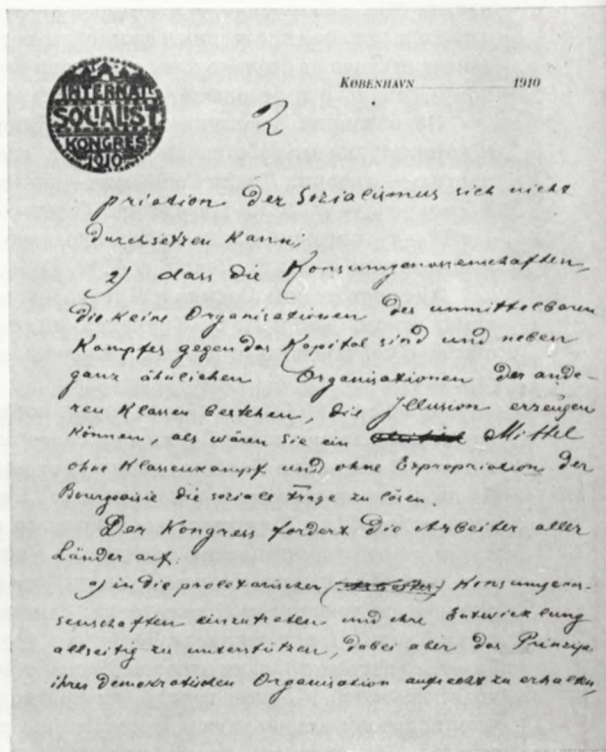
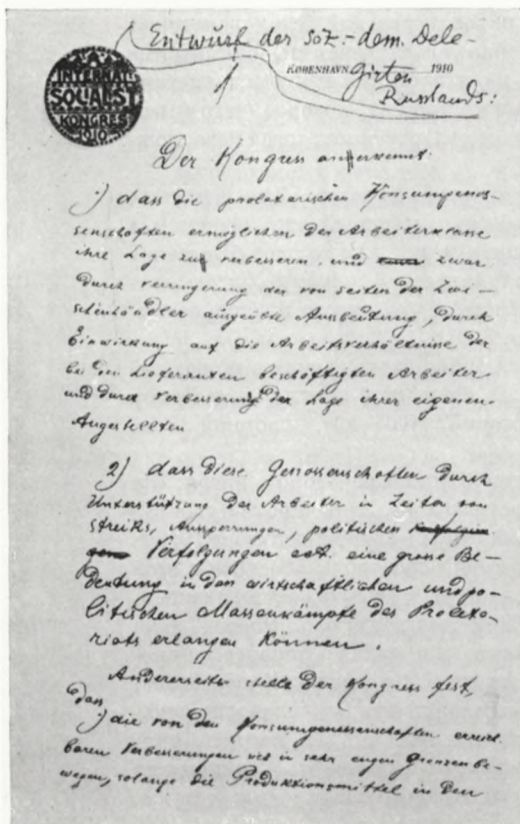
«Российская социал-демократическая рабочая партия.
Идейная группа „Вперед“
Парижская секция.

Ув. тов.!

Сим извещается, что в группе „Вперед“ произошел раскол. Большинство передовцев лишило своего доверия 2 оставшихся членов распавшейся редакции (тт. Алексинского и Безработного) и просит по всем внутрипартийным вопросам обращаться по адресу: М^{ше} А. Metschnikoff.

11, rue Roli (XIV).

Секретари А. Луначарский
А. Мечникова

На конверте написано: «М-г Косунетзофф, 102, rue Bobilox, 102 (XIII)». Дата почтового штемпеля 20 января.

Вскоре письмо было передано Ленину. Н. В. Кузнецов, которому адресовано письмо, систематически пересылал Владимиру Ильичу партийную корреспонденцию (часто через Инессу Арманд). Так, 26 января 1914 г. Ленин писал Арманд: «Возможно, что Ник. Вас. получит на свой адрес важные для нас сообщения (из МСБ или от латышей). Было бы очень важно, чтобы он их немедленно передавал тебе...» (Ленин, т. 48, стр. 254). Письмо о расколе в группе «Вперед» могло быть передано Ленину и во время его пребывания в Льеже или в Лейпциге (от 20 до 24 января). На конверте Владимир Ильич сделал надпись, которая публикуется нами впервые: «Важно! Луначарский (арский) vers(us) * Алекс(инского)» (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23799). Ленин отметил выступление Луначарского против Алексинского как важный факт, свидетельствующий о расколе группы и о неизбежности ее краха. Статья Ленина «Об А. Богданове» заканчивается такими словами: «Это просто факт, подтвержденный полным развалом группы „Вперед“. Как только возродилось рабочее движение, эта группа, склеенная из разнородных элементов, без определенной политической линии, без понимания основ классовой политики и марксизма — разложилась без остатка» (Ленин, т. 24, стр. 341). Сам Луначарский в том же «Великом перевороте» отметил: «В разных партиях раскол сложился разном; у нас он привел к быстрому сближению между впередовцами и большевиками» (стр. 54).

С момента образования группы «Вперед» вплоть до 1917 г. Владимир Ильич непрерывно и внимательно следил за деятельностью группы, за противоречиями, которые

* против (лат.).

3

KOBENHAVN

1910

РЕЗОЛЮЦИЯ КОПЕНГАГЕНСКОГО КОНГРЕССА, ПОДПИСАННАЯ ЛЕНИНЫМ И ЛУНАЧАРСКИМ

1910 г.

a) durch eine unermüdete sozialistische Propaganda in den Gemainschaften die Verbreitung der Ideen des Klassenkampfes und des Sozialismus unter den Arbeitern zu fördern;

b) gleichzeitig darauf zu streben, dass eine vollkommene Annäherung zwischen allen Formen der Arbeiterbewegung herbeigeführt wird.

Der Kongress weist ausser darauf hin, dass die Produktionsgemeinschaften eine Bedingung für den Kampf der Arbeiterklasse sind, wenn sie Bestandteile von Produktionsgemeinschaften sind.

Lenin.

Strom
Wotloff

вели к ее распаду. Не только в публицистических статьях, но и в письмах (к Горькому, Инессе Арманд, Рыкову) Ленин с большой заинтересованностью говорит об этом. Несмотря на разное личное отношение к отдельным участникам группы «Вперед», Ленин прежде всего анализирует существо возникших конфликтов. В январе 1913 г. он писал Горькому: «Не знаю, способны ли Богданов, Базаров, Вольский (полуанархист), Луначарский, Алексинский научиться из тяжелого опыта 1908—1911? Поняли ли они, что марксизм штука посерьезнее, поглубже, чем им казалось, что нельзя над ней глумиться, как дельвал Алексинский, или третировать ее как мертвую вещь, как делали остальные? Ежели поняли — тысяча им приветов, и все личное (неизбежно внесенное острой борьбой) пойдет в минуту насмарку. Ну, а ежели не поняли, не научились, тогда не вздыхайте: дружба дружбой, а служба службой. За попытки поносить марксизм или путать политику рабочей партии воевать будем не щадя живота» (Ленин, т. 48, стр. 140—141).

В письме Г. Я. Беленького (Гриши) к Инессе Арманд от мая 1915 г. говорится о все возрастающей близости Луначарского к большевизму.

«...Луначарский за последнее время везде и всюду на выступлениях подчеркивает свое духовное родство с нами. Вчера на литературном обществе он определенно и недвусмысленно заявил, что мы, б(ольшеви)чки, остались на высоте соц(иал)-демократич(еских) стремлений, что наш прогноз — оказался объективным по отношению оценки не только политич(еского) момента, но мы определили точно природу меньшевизма, кот(орый) логически дошел до оппортунизма. Он критиковал Мартова и Троцкого, кот(орые) отказываются резко критиковать и осудить.

Май 1915 г. Париж» (ЦПА ИМЛ, ф. 351, оп. 2, ед. хр. 27552).

Мировая война обострила противоречия и способствовала переходу Луначарского на позиции ленинизма. «Переезд мой в Швейцарию был для меня лично чрезвычайно

благотворен. Я действительно смог вынести оттуда более или менее широкие и верные взгляды на войну, ее причины и последствия. Во многом исправилась моя интернационалистическая точка зрения, выравниваясь под необыкновенно четкую, смелую линию, какую вел Ленин. Это привело меня в конце концов в ряды ленинской части социал-демократии» (А. В. Луначарский. Европа в пляске смерти. М., «Международные отношения», 1967, стр. 9).

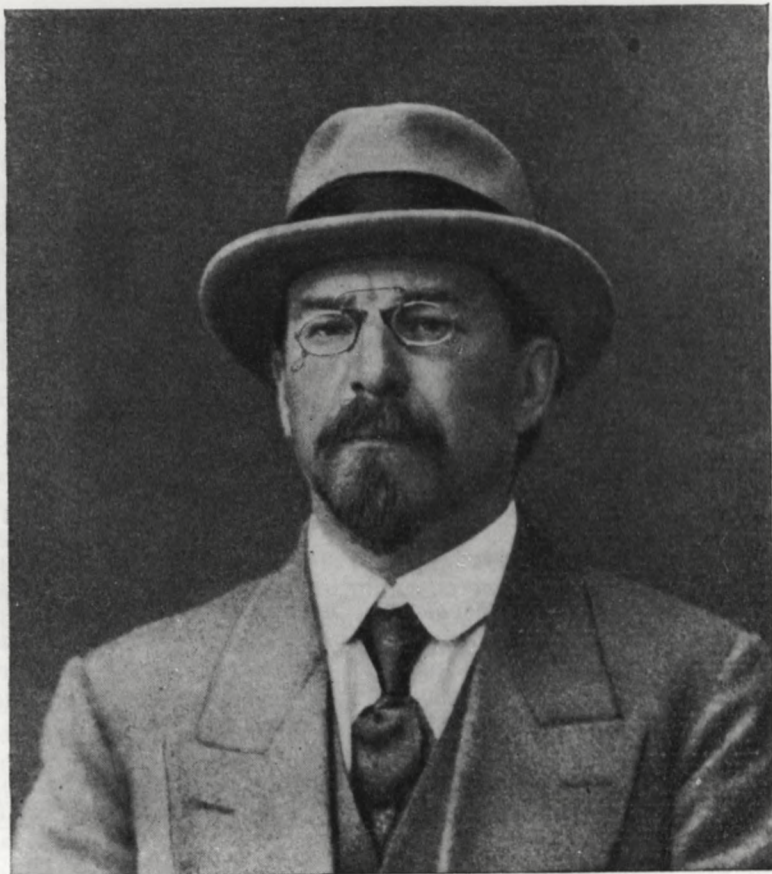
Уже с самого начала войны Луначарский-публицист выступает против шовинистического угара и националистических настроений, охвативших значительную часть социал-демократии. Он определяет свою главную тему как «войну войне». (Большая часть статей Луначарского, публиковавшихся в газетах «Киевская мысль» и «День», вошла в упоминавшийся сборник «Европа в пляске смерти».) До сих пор остаются еще не изданными замечательные выступления Луначарского против социал-патриотизма («Ответ Г. Зудерману», «Светила Германии в ее защиту», «Ближайшие причины войны» и др. — ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 27).

Известный немецкий драматург Герман Зудерман обвинял страны Антанты в развязывании мировой войны и в лжепатриотическом ослеплении идеализировал кайзеровскую Германию. Луначарский отвечал Зудерману с позиций подлинного гуманизма и интернационализма: «Мы понимаем негодование Зудермана. Мы торопимся сказать ему, что не верим, будто немецкий солдат жесточе французского, английского или русского. Война всех без различия принижает моралью. Мы одинаково осуждаем казаков, если они наделали преступлений в Восточной Пруссии, и немцев за разрушения и убийства в Бельгии и Северной Франции. Но мы должны напомнить Зудерману, что мы привыкли почитать как героев тех частных лиц — мужчин и женщин, все равно, — которые во время наших войн за независимость боролись против угнетателей на порогах своих домов» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 27, л. 7). И далее: «Если немцы хотят уверить нас в искренности своих освободительных тенденций, то ничем они не могли бы помочь в такой мере либерализму, как борясь с реакцией у себя на дому» (стр. 9).

Председатель Международного социалистического бюро II Интернационала Вандервельде в письме к русским социалистам, пересланном через русское посольство, обращаясь как частное лицо, а не как председатель Интернационала, пытался оправдать патриотическую позицию бельгийских и французских социалистов. Луначарский же утверждает, что и русские социал-демократы являются патриотами, но в более высоком, истинном смысле. Этот патриотизм неотделим от интернационализма и от ненависти к самодержавному правительству России: «И мы, русские социалисты, тоже патриоты нашего огромного, еще несуразного, страдающего и жестокого, но горячо и свято нами любимого отечества. Именно как патриот с ужасом предвижу я эту кровавую возможность: царь — как господин мира — это не прельщает наш патриотизм. Мы знаем, что это будет значить угнетение и унижение для нашего народа, который ценою собственных несчастий сделается причиной несчастья всемирного» (ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 27, л. 16—17). «Русский царь, — с грустной иронией писал Луначарский, — оказался в роли защитника свободы всего славянства и даже защитником свободы Европы. Этот исторический абсурд порождает на каждом шагу абсурдные результаты, над которыми нельзя было бы не смеяться, если бы от них не делалось так горько» (там же, л. 12).

В 82-м томе «Литературного наследия» опубликована статья «На кисельных берегах», в которой Луначарский анализирует роман Генриха Манна того же названия. Статья начинается с обобщающей характеристики заблуждений европейской интеллигенции: «Критическая мысль лучших представителей европейской интеллигенции не выдержала напора патриотического настроения. По пальцам можно перечислить тех, кто сохранил свою совесть и свое сознание независимым от пристрастий». В статье «Поэзия и война» Луначарский выступил против шовинистических и националистических настроений, окрашивающих литературу в «защитный цвет».

Таким образом, интернационалистическая позиция Луначарского сблизила его с Лениным. После Февральской революции, в 20-х числах марта, Луначарский написал Ленину письмо, предлагая созвать перед отъездом в Россию совещание с женевской группой «Вперед». Отвергая это предложение без предварительных условий, Ленин

ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография, 1917 г.

сообщал Луначарскому, что пересылает его письмо Зиновьеву, и далее писал: «просто переговорить с Вами, без всяких формальных совещаний, я был бы очень рад и считал бы для себя (и для дела) полезным» (см. настоящ. том, стр. 44). 25 марта в письме к В. А. Карпинскому Ленин упоминал о том же: «Луначарский писал мне, предлагая „совещание“. Я ответил: лично с Вами (с Луначарским) говорить согласен. (Он будет в Цюрихе.) На совещание же согласен *лишь* при условии предостеречь рабочих *против* колебаний Чхеидзе. Он (Луначарский) *промолчал*. Значит ограничимся *личной* беседой» (Ленин, т. 49, стр. 411—412).

В последних числах марта Луначарский приехал в Цюрих, чтобы повидаться с Лениным, но не застал его. Поэтому Луначарский от имени группы «Вперед» провел переговоры с Зиновьевым, а затем вновь приехал в Цюрих, где встретился с Лениным. Об этом он подробно извещал женеvскую часть «впередовцев» в двух письмах (28 марта из С.-Лежье и 3 апреля из Цюриха). Луначарский имеет в виду несостоявшееся свидание с Лениным, говоря в письме от 28 марта: «Первоначальный план переговоров, на которые я вами был уполномочен, по независимым от меня обстоятельствам несколько видоизменился»).

Эти письма впервые публикуются в Советском Союзе, ранее они были напечатаны в Женеве в сборнике «Contributions a l'Histoire du Comintern (publiées sous direction de J. Freymond)» (Genève, 1965, p. 121—139).

В бумагах Луначарского сохранилось его письмо к А. А. Луначарской, написанное под непосредственным впечатлением от встречи с Лениным (печатается впервые).

Второе письмо к группе «Вперед», 3 апреля, дает возможность точно его датировать. Обстоятельная беседа с Лениным должна была состояться 3 апреля («сегодня я буду иметь большой разговор с т. Лениным», — пишет Луначарский «впередовцам»). В письме к жене речь идет о том же: «настоящая беседа с ним <Лениным.— В. З.> будет у меня только завтра». Следовательно, письмо к Анне Александровне было написано 2 апреля.

Три письма Луначарского представляют большую ценность для изучения тех дней, которые непосредственно предшествовали отъезду Ленина из эмиграции. Значительная часть документов до нас по разным причинам не дошла. Многие из них сознательно уничтожались. Например, Н. К. Крупская, описывая последние часы перед отъездом, сообщает: «В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи, ликвидированы все дела» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 278—279).

Ниже публикуются письма Луначарского в хронологическом порядке.

І. В ГРУППУ «ВПЕРЕД»

28.III <19>17
St. Léger

Дорогие товарищи,

Первоначальный план переговоров, на которые я вами был уполномочен, по независящим от меня обстоятельствам несколько видоизменился, и пока выполнена лишь первая, менее важная, но все же не лишняя значения часть их — предварительное свидание с тов. Зиновьевым в Берне.

Из разговора моего с ним выяснилось:

1 * Относительно предложенного нами совещания — полное согласие на него заграничного большевистского центра. Является уже бесспорным, что предметом совещания будет: наметить общую тактику, насколько позволяет это наша нынешняя неполная осведомленность о положении дел в России, и выработать проект изменений, которые диктуются временем, в нашей партийной программе.

Участие в совещании будет дано: двум представителям большевиков; одному или (при желании) двум представителям группы «Вперед»; двум представителям поляков, двум или одному — от газеты «Начало»; индивидуально будет приглашен тов. Рязанов.

Тов. Зиновьев констатировал, что в оценке революции он не нашел разногласий между большевиками и Мартовым. Он опасается, однако, что Мартов и, может быть, Мартынов единственные левые меньшевики и что правому крылу секретариата опять удастся совершенно исказить их тактику. Но главное то, что с Мартовым оказалось тем не менее одно чрезвычайно существенное разногласие. При попытке выработать, согласно предложению циммервальдского бюро, воззвание от русских социалистов к рабочим всего мира т. Зиновьев требовал категорического заявления о разрыве нами организационных связей с социал-патриотами. Т. Мартов категорически отказался сделать это, говоря, что еще неизвестно, как подействовала революция на соц.-патриотов, что нужно ждать и так далее.

Кроме этого, т. Зиновьев требовал вставить заявление, что, вполне не уверенные в том, что политика центра выправится, мы предостерегаем пролетариат от возможных колебаний центра и призываем его к той определенно самостоятельной и революционной интернационалистической тактике, которая свойственна левому крылу международной соц.-демократии. Опять категорический отказ.

* Остальные абзацы автором не пронумерованы.

Кроме того, т. Зиновьев предупредил меня, что дело вовсе не обстоит так, что-де меньшевики хотят единства, а большевики их в единую партию не пускают. Наоборот — Мартов считает, что всякие переговоры о восстановлении партийного единства в настоящее время преждевременны.

Я решил ехать на днях в Цюрих для переговоров с т. Лениным и т. Мартовым. В случае уступки Мартова по вопросу о соц.-патриотах и о критическом предостережении относительно центра, т. е. в первую голову т. Чхеидзе, большевики были бы за приглашение меньшевиков на совещание.

День и место будут определены нами и центром большевиков, как по соглашению между нами определен и его, выше сообщенный, предполагаемый состав.

Тов. Зиновьев, уполномоченный своим центром, предложил литераторам-впередовцам сотрудничество в «Правде» на равных с большевиками, напр. ЦК, правах. Если мы задержимся за границей и придется выпустить еще один номер «Сборника С. Д.», то и тут мы приглашаемся к сотрудничеству.

Завтра я буду слушать реферат т. Зиновьева. Из довольно длинного разговора с ним политического характера я не усмотрел никаких разногласий между нами в этой области. Не пишу об этом подробнее, так как как раз сегодня, в день, когда я пишу вам, т. Зиновьев читает об этом реферат в Женеве, который вы конечно все прослушаете.

Очень прошу вас сообщить мне, какое впечатление произвел на вас этот реферат и какие дискуссии или толки вызвал в Женеве.

Прошу вас сообщить тоже решения и директивы, какие примет группа по поводу настоящего моего письма.

О специальных условиях политического слияния нашего — при идейной самостоятельности — с ЦК я с т. Зиновьевым не говорил. Об этом пойдет у нас разговор с т. Лениным.

Завтра я буду в Лозанне на реферате т. Зиновьева и, вероятно, возьму слово.

Когда еду в Цюрих, я еще не знаю, так как это зависит от устраиваемого мной там реферата.

С дружеским и товарищеским приветом

А. Луначарский

II. А. А. ЛУНАЧАРСКОЙ

⟨Цюрих, 2 апреля 1917 г.⟩

Дорогая детка,

Пишу тебе в 1 час ночи. Письмо отправлю утром, а чтобы оно дошло поскорее — экспрессом.

Ленин произвел на меня прекрасное, даже грандиозное, хотя и трагическое, почти мрачное впечатление.

Впрочем, наст⟨оящая⟩ беседа с ним будет у нас только завтра.

Однако согласиться с ним я не могу. Он слишком торопится ехать, и его безусловное согласие ехать при согласии одной Германии без всякой санкции из Р⟨оссии⟩ я считаю ошибкой, кот⟨орая⟩ может дурно отозваться на будущем его.

У меньшевиков же (особенно Семковского) масса ипокритства. Они собрались чуть что не судить Ленина за его «самовольный, нетоварищеский — недопустимый шаг».

Однако мы с Рязановым за отс⟨утствием⟩ Ленина так горячо встали на его защиту, что дело кончилось скорее обязат⟨ельством⟩ в случае

нападок защищать Ленина да правом нам самим объяснить, почему мы из соображений простой политической целесообразности, а отнюдь не морали, не примкнули сами к его плану.

Во мне говорит еще и то, что я все равно ехать в среду с Лениным не могу, а то я, пожалуй, из одной солидарности решил бы разделить его участь, несмотря на всю очевидную для меня опасность его шага в смысле целой тучи нареканий.

Подробности при свидании. Приеду в среду. Завтра ряд политических разговоров большой важности, в которых, так сказать, решится моя судьба.

Между прочим Семковский сказал мне, что «получены деньги из Скандинавии на отъезд совершенно определенных, особенно ценных для партии лиц, в списке значусь-де и я». Завтра расспрошу, от кого деньги. Если они абсолютно меня не связывают — то буду иметь в виду. В случае, если я не получу 1600 франков, которых запросил у Коли и Литвинова, и особенно если поедем через Англию (что мало вероятно), то придется взять франков 300 субсидии. Но лучше бы обойтись без них.

Получена еще такая телеграмма на имя Семковского: «В Петрограде начнет выходить большая ежедневная газета „Новая жизнь“. Горький, Суханов, Базаров. Просим сотрудничества лиц, работавших в „Летописи“».

Это, конечно, я решу на месте.

Возможно, что буду сотрудничать и в этой газете и в «Правде». В «Новой жизни» будет во всех отношениях свободнее. Но «Правда» будет ближе к рабочим.

Купил себе страшно симпатичные часы-хронометр за 36 франков, 5 лет гарантии.

Целую тебя и Тото. Устал сильно, спать хочу.

Мартов был вообще очень мил, и со мной в частности. Как хотелось бы сохранить с этим человеком хорошие отношения.

Но Ленин — грандиозен. Какой-то тоскующий лев, отправляющийся на отчаянный бой.

Еще целую обоих. Спокойной ночи.

Твой Тото-старший

ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 546, лл. 35—36.

III. В ГРУППУ «ВПЕРЕД»

Цюрих, 3 апреля 1917 г.)

Дорогие товарищи!

Вчера я был вызван г. Мартовым по телеграфу в Цюрих.

По приезде я нашел следующую ситуацию.

Вы знаете план ЦК по эвакуации эмигрантов* о том, чтобы через Гримма и швейцарское правительство наладить обмен нас на гражданских немцев с согласия компетентного русского правительства или хотя бы Советов Рабочих Депутатов.

Дело быстро продвинулось вперед. Германия охотно дала согласие. Даже слишком охотно. Германское правительство заявило, что оно пропустит русских из Швейцарии даже за простое обещание по приезде в Россию хлопотать о пропуске в Германию равного количества гражданских немцев.

Но Гримм советовал, да и все были того мнения, что пока то или другое компетентное русское учреждение не санкционирует этого

* Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов.

Дорогой Дядя,

Пишу тебе 1 раз в год. Прощай
дружеские слова, а ведь они дружно
всегда достигают

Каждый человек не имеет привычки, даже
уходило, но - привычки не имеют
всего этого

Учреждение - школа и моя школа, но
мне это важно.

Ваша компания и моя и в меру. Но
каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

Каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

Каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

Каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

Каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

Каждый человек не имеет привычки
своей, но у каждого своя привычка
быть самим и в своей компании.

шага, рискованно его совершить. В отравл(енной) соц(иал)-патр(иотической) клеветой атмосфере такой одност(оронне) лишь Германией данный пропуск был бы вечным и неприятным оружием против нас.

Но ленинцы, кот(орым) б(ольше) др(угих) не терпят ехать, заявили, что готовы на все и т(ак) к(ак)-де не ждут от России ничего хорошего, то решаются ехать за полной собств(енной) мор(альной) ответственностью.

Это вызвало среди остальных переполох. В воскр(есенье) удалось достигнуть соглашения между Зиновьевым и Мартовым на таких началах:

1) Немедленно посылается тел(еграмма) Чхеидзе с просьбой, чтобы Сов. Р. Деп. одобрил наш проезд через Герм(анию) ввиду невозможности ехать через Англию.

2) Немедленно вызвать меня и наладить переговоры об обмене через Красный Крест.

3) В случае если в течение 2 недель ничего нельзя будет устроить, констатировать безвыходность положения и принять одностороннее предложение Германии.

Но в тот же день Ленин порвал все обязательства, взятые на себя Зиновьевым, — заявил, что они едут немедленно и ни в какие дополнительные переговоры не входят.

Он оповестил об этом меньш(евиков) и эсеров циркуляром, в кот(ором) ссылался на то, что предлож(ение) сделал Гримм и что рискованность покрыта так(им) обр(азом) его авторитетом.

Но Гримм немедленно в крайне резком письме опроверг это утверждение З(аграничного) Б(юро) ЦК.

При таких условиях я со всей энергией советовал Вл(адимиру) И(льичу) не брать на себя из-за 2 недель столь тяжелой моральной и полит(ической) ответственности, не давать врагам дешевое и удобное оружие против себя.

Тов. Л(енин) ничего слышать не хочет.

На собр(ании) часть меньшевиков хотела бы добиться порицания поведения ленинцев, отмежеваться от них и т. д. Этих правых м(еньшеви)ков деятельно поддерживал т. Натансон.

Но мы с Рыбаковым энергично против этого восстали. Левые меньшевики сразу дрогнули. Настроение заставило все собрание прийти к мнению, что в случае нападок на Ленина мы, оставшиеся, должны защищать его. В случае же если он или др(угое) какое-нибудь уважаемое нами лицо или учрежд(ение) нападет на нас за то, что мы не поехали с ними (видите, как пов(ернулось) дело), мы имеем право защищаться, указывая лишь на полит(ическую) нецелесообразность преждевременного шага Ленина.

На этот предмет выработана и принята была нами на собр(ании) единогласно прилагаемая резолюция. Она, однако, не может быть опубликована без нового опроса групп. Т(ак) что группа «Вперед» может обсудить ее и, если пожелает, в любой момент снять свою подпись, а опубликовать ее, как принятую нами, впередовцами, никто без нашего нового разрешения не может.

Самую резолюцию я нахожу осторожной и правильной.

Вот она: Представители 5 организаций (О. К., Группа «Вперед», «Начало», П. С.-Р. и П. П. С.), принимая во внимание, что все партии согласны, ввиду очевидной невозможности ехать в Россию через Англию благодаря противодействию со стороны англ(ийских) и фр(анцузских) властей, в необходимости поднять через С. Раб. Деп. вопрос о согласии русск(ого) вр(ременного) прав(ительства) на обмен пол(итических) эмигрантов на находящихся в России германских гражд(анских) плен-ных, констатируя, что тт. загр(аничные) представители ЦК РСДРП решили, не дожидаясь результатов предпринятых в этом направлении

попыток, поехать самим в Россию через Германию за своей ответственностью, — считают политической ошибкой это решение тт. или ЦК, поскольку не доказана невозможность добиться от русского правительства согласия на предполагаемый обмен.

Сегодня я буду иметь большой разговор с т. Лениным.

Сегодня же продолж(ится) собрание для выработки конкр(етного) плана дальнейших действий по организации нашего возвр(ащения) в Россию.

Т(ак) к(ак) в Цюрихе нет ни одного впередовца и не будет ни одного б(ольшеви)ка, то защиту наших мат(ериальных) интересов в ЦК по эвакуации (распр(еделение) денег и т. п.) я поручил представителю в нем «Начала» — т. Рыбакову, кот(орый), конечно, прекрасно сумеет нас защитить, если надо будет. Вопрос это не маловажный, т(ак) к(ак) некоторые суммы предвидятся.

Жму ваши руки. Завтра пришлю дополнительный доклад.

С тов(арищеским) прив(етом)

3.1V

А. Луначарский

Несколько слов о лицах и событиях, упомянутых в письмах.

К социал-патриотам, на необходимости организационного разрыва с которыми настаивали большевики, принадлежали Г. В. Плеханов, Н. Д. Авксентьев, Л. Г. Дейч, Г. А. Алексинский и др. Англия предоставила социал-патриотам и их семьям крейсер для возвращения в Россию, в то время как проезду интернационалистов чинились всяческие препятствия. Об отказе Мартова решительно выступить против социал-патриотов вспоминал Луначарский и впоследствии: «Мартов (...) надеялся увлечь за собой самих оборонцев и не решился порвать с ними организационные связи. Это политически погубило Мартова, погубило с морально-политической точки зрения» («Великий переворот», стр. 98). И еще: «Я выдвинул лозунг, который поддержала вся редакция „Нашего слова“: рвать с оборонцами и смыкаться по линии интернационализма, независимо от других оттенков. Но Мартов рвать со своими оборонцами не хотел, старое знамя меньшевизма оказалось для него слишком дорогим. Это политически и погубило его. При всех своих блестящих способностях Мартов смог только от времени до времени подниматься и сверкать своим тонким политическим умом, но потом снова шел ко дну, потому что его всегда тянуло в бездну это несчастное пристрастие к меньшевистскому знамени как таковому» (там же, стр. 54).

Сообщая о громадном впечатлении, которое произвел на него Ленин, Луначарский, очевидно, имел в виду собрание, происшедшее в тот же день, 2 апреля, т. е. уже после принятого Лениным известного «Постановления заграничной коллегии ЦК РСДРП» от 31 марта 1917 г. о немедленном отъезде в Россию.

«... Представители некоторых направлений, — говорилось в постановлении, — к сожалению, высказываются за дальнейшие оттяжки, — решение, которое мы не можем не признать в величайшей степени ошибочным и приносящим глубочайший вред революционному движению в России» (Л е н и н, т. 31, стр. 84). В своих воспоминаниях 1926 г. Луначарский, по всей вероятности, описывает именно это собрание: «С усмешкой в лице, уверенной, спокойной и холодной, он (Ленин) заявил: „Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех“. Этот короткий спич, проникнутый гранитной верой в свое единство с рабочим классом, я помню, успокоил очень многих» («Красная газета», 16 апреля 1926 г., № 87).

Датировка этого события в комментариях к 31-му тому Полн. собр. соч. Ленина дана недостаточно точно: «после 12 марта». Луначарский, как видим, начал переговоры 28 марта. Собрание, на котором выступал Ленин, состоялось 2 апреля.

В сборнике «Contribution a l' Histoire du Comintern», где опубликованы два письма Луначарского группе «Вперед», приведены и другие новые материалы, хранящиеся в Университетской библиотеке г. Женевы. В частности, протоколы совещаний женевской группы «Вперед» 23 марта и 1 апреля 1917 г. На первом из них Луначарский был уполномочен вести переговоры, причем предпочтение отдавалось большевистской линии. 1 апреля группа обсуждала письмо Луначарского от 28 марта.

Упомянутая Луначарским газета «Начало» издавалась в Париже с сентября 1916 г. по март 1917 г. вместо газеты «Наше слово». (После Февральской революции выходила под названием «Новая эпоха».)

Луначарскому пришлось разочароваться в «свободной» «Новой жизни», так как он попал, по его словам, в окружение «... интеллигенции, проводившей до дряблости мягкую оппозицию керенщине», и уже 11/24 июня 1917 г. он вынужден был опубликовать в № 46 этой газеты письмо, в котором между прочим писал: «Моя общая политическая линия легко может разойтись с отдельными статьями отдельных редакторов этой газеты. Ответственность я несу только за статьи, мною подписанные».

Подробное описание событий, связанных с подготовкой возвращения большевистской эмиграции на Родину, см. в книге Н. И. Крутиковой «На крутом повороте» (М., Госполитиздат, 1965).

Публикуемые письма Луначарского представляют собой важные исторические свидетельства. Они не только дополняют хронику тех дней рядом новых фактов. Они прежде всего говорят о стремительной энергии Ленина, нетерпимости к малейшим оттяжкам и компромиссам перед возвращением в Россию. В нескольких ярких штрихах они воссоздают образ вождя революции.

Прежние заблуждения Луначарского, временный отход от большевизма не помешали ему увидеть все величие Ленина, громадный масштаб его личности и деятельности. Луначарский всем сердцем понимает Ленина в его горячем нетерпении ехать немедленно: «...Все равно ехать в среду с Лениным не могу, а то я, пожалуй, из одной солидарности решил бы разделить его участь...».

«...Ленин — грандиозен. Какой-то тоскующий лев, отправляющийся на отчаянный бой», — эти слова Луначарского несомненно войдут в историческую и художественную литературу, — они дают выразительную характеристику настроений Ленина в те дни.

В заключение приведем два отрывка из воспоминаний Луначарского о возвращении Ленина из эмиграции, напечатанные в 1926 и 1927 гг. Публикуемые нами письма подтверждают большую достоверность этих воспоминаний.

I

«Известия о перевороте застали меня около Женевы. Я немедленно выехал в Цюрих, чтобы переговорить с Владимиром Ильичем и отбросить все мелкие разногласия, которые еще оставались между ленинцами и группой «Вперед», просто, без оговорок, предложить ему все мои силы. В Цюрихе я, не помню почему, Владимира Ильича не застал и переговоры свой вел с т. Зиновьевым. Они были коротки. Мы сейчас же поладили. И немедленно главной заботой для всех нас стало — обеспечить за собой возможность проехать в Россию.

Был выбран Особый комитет, в котором участвовали не только большевики, но и меньшевики-интернационалисты. Мартов энергично стоял за всякие пути, которые могут привести нас на революционную родину. Но, конечно, самым решительным в этом отношении выступал Владимир Ильич. Я был только на одном собрании в Цюрихе, на котором велся соответственный спор. В это время уже выяснилось, что надежды оптимистов на пропуск через страны Антанты оказались, разумеется, праздными. Один из вождей швейцарской социал-демократии, Grimm, принимавший большое участие в этом деле, гарантировал возможность проезда через Германию. Но нашлось довольно большое количество промежуточных типов. Они не предавались моральным возмущениям, но они боялись, что окажутся скомпрометированными в глазах масс, если воспользуются таким скользким путем для возвращения домой. На собрании,

о котором я говорю, Владимир Ильич разрешил как раз эти соображения». Далее следует описание выступления Ленина на этом собрании, приведенное нами выше.

С большой быстротой велись переговоры и закончились без всяких прелиминарий. Я очень сожалею, что мои семейные обстоятельства не позволили мне поехать с первым же поездом, с которым ехал Ленин. Мы торжественно проводили этот первый эшелон эмигрантов-большевиков, направлявшихся для выполнения своей всемирно-исторической роли в страну, охваченную полуреволюцией. Мы все горели нетерпением в духе знаменитых „Писем из далека“ Ленин: толкнуть эту нерешительную революцию вперед ценой каких угодно жертв.

Ленин ехал спокойный и радостный. Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутри полон такой мыслью: „Наконец, наконец-то пришло то, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной“». (Из статьи «Приезд Ленина. Несколько воспоминаний». — «Красная газета», 16 апреля 1926 г., № 87.)

II

«Все маленькие разногласия и особенно разная эмигрантская накипь вспыхнули и сгорели в один миг в взорвавшемся пламени революции, и следующей мыслью был страстный вопрос: как же нам быть, как же нам попасть туда, на родину? А попасть нужно было во что бы то ни стало, не только потому, что хотелось жить или умереть там, где происходили великие революционные события, но и потому, что зоркое око Владимира Ильича издали заметило и в его „Письмах на родину“ отразило возможность извращения революции. Не позволить ей застыть на социал-патриотических и, в сущности, глубоко буржуазных позициях, все силы свои бросить на то, чтобы пламя ее было неугасимым и чтобы власть перешла в руки пролетариата! Это желание превратилось в какую-то бешеную тоску. Мы не находили себе места, мы рвались во все щели, через которые, казалось нам, могли покинуть мирную Швейцарию и добраться до места революционных боев.

Были испытаны все средства, ис страны Антанты сгрудилась непроницаемой стеной. Ни одного эмигранта, настроенного по камертону Кинтала или Циммервальда и тем более еще более левых, в революционную Россию не пропускать! Тут-то Владимир Ильич объявил нам о возможности через посредство социал-демократов немецкой Швейцарии добиться пропуска в Россию через Германию.

Поднялась туча споров. Одни, наивные моралисты, толковали о том, что вообще неэтично воспользоваться таким разрешением, и с головой выдавали тот социал-патриотический и мещанский душок, который в них жил. Другие корчили мину тонкого практического политика и заявляли, что хотя само по себе это допустимо, но враги наши сумеют истолковать это вкрявь и вкось и беспросветно скомпрометровать нас в глазах рабочих масс.

Владимир Ильич, весь какой-то упругий и словно пылающий внутренним огнем, торопливо, силою стихийного инстинкта, как железо к магниту, стремившийся к революции, отвечал с какой-то беззаботной усмешкой по этому поводу: „Да что вы воображаете, что я не мог бы объяснить рабочим допустимость перешагнуть через какие угодно препятствия и запутанные обстоятельства, чтобы прибыть к ним и вместе с ними бороться, вместе с ними победить или умереть?“» (Из статьи «Свержение самодержавия». — «Красная панорама», 1927, № 11).

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

22 мая/4 июня 1917 г.

Публикация В. Д. Зельдовича

Это было первое политическое выступление Луначарского «в высших сферах» (как он сам его назвал), состоявшееся через две недели после возвращения из Швейцарии. Луначарский приехал в Петроград 9/22 мая 1917 г. В Швейцарии близ г. Веве в С.-Лежье оставалась А. А. Луначарская с сыном Анатолием.

В письме Луначарский описывает свое выступление против Керенского на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 22 мая/4 июня 1917 г.

«Дорогая детка! Вчера я лишний раз уверился в существовании „провидения“, которое, несомненно, в большой мере обращает сейчас внимание на Россию и, в частности, на „мою малость“, как говаривал Бибель. Подумай — вчера я должен был говорить в Красном Селе. Товарищ, который взялся найти там помещение, пишет вдруг, что овладевшие там положением оборонцы помещения никакого сознательно и насильнически не дадут и что, кроме того, они так настроили солдат красносельского гарнизона против так называемого „пораженчества“, что выступление в Красном опасно. Конечно, я отвечаю юноше, чтоб он больше не писал мне глупостей. Если нет помещения, буду говорить на площади, а „страха не иму“. Я уже знаю теперь, как в полчаса можно не оставить от самого густого оборончества ни облачка. Мы с Каменевым буквально в полтора часа сделали из огромного завода „Вулкан“ (4000 рабочих) большевистский, а был он меньшевистско-оборонческий. Но не в этом дело. День у меня остался свободен. Это был Духов день, все порядочные рестораны закрыты. Я пообедал скверно и часов в 5 зашел к Филиппову выпить шоколаду. Вдруг кто-то меня окликает — Каменев! Чистый случай. То да се. „Вы свободны сегодня?“ — „Да“. — „Поедем в Совет¹. Сегодня министр Керенский говорит речь и оправдывается от левых нападок“.

Надо тебе сказать (<...>), что я в Совете ни разу не был, не тянуло. Мой план был закрепить свое влияние в низах. Кроме того, я, ты знаешь, сторонюсь парламентаризма, насколько могу, а культурной работы у меня скоро будет столько, что хоть отбавляй. У меня до сих пор нет даже карточки для входа на заседания Совета рабочих и солдатских депутатов. Так что когда я согласился, то не знал даже, удастся ли войти, но я почувствовал внутренний голос, совершенно явственно приказывающий: „иди, произойдет нечто. Ты сделаешь шаг вперед“. И я пошел. Прошел туда по рекомендации Каменева (члена Исполнительного Комитета) легко. Сижу. Описывать тебе блестящей залы Мариинского театра, заполненной солдатами и рабочими, сцены, затянутой занавесом из огромных цветов, президиум из министров-социалистов за красным столом — не буду. Является Керенский, молодой и стройный, в хаки и высоких са-

погах. Овация. Говорит короткими, хриплыми фразами, искренне, частью ловко, большей частью с благородной пустотой. О нас, критиках, „выражается“. Мы-де ведем с ним борьбу за глаза, путем сплетен „как трус!“

⟨...⟩ Есть один мягкотелый Каменев. Тогда решаюсь. Посылаю Чхеидзе такую записку: „Присутствую как гость, но, быть может, президиум найдет возможным предложить собранию выслушать мои возражения гражданину министру“. Между тем Керенский кончает и имеет успех. Прения решено открыть при пяти минутах каждому оратору. Кто-то заявляет: „Неужели критики нашего дорогого Александра Федоровича не выступят? А если выступят — дать им по 10 минут, ведь желательно знать, что они думают о блестящем опровержении их обвинений Керенским“. Чхеидзе заявляет: „В зале находится тов. Луначарский, по моим данным, он принадлежит к числу весьма определенных критиков правительства. Он просит слова. Желаете дать?“ — „Просим, просим“. Мои десять минут я употребил хорошо, не теряя попусту ни одного слова, я разрушил все аргументы Керенского. Хотя слово мне не продлили, хотя аплодировали мне главным образом большевики, но все собрание, равно как исполнительный комитет и министры (особенно Церетели) слушали меня с напряженным вниманием. Пусть затем перед Керенским вывешивали мешок медалей и крестов, присланных с фронта², пусть устроили ему театральную овацию — след остался. Ему не удалось серьезно пошатнуть в ответной (опять большой) речи ни одного моего положения. Он смотрел на меня, пока я говорил, прищурившись, словно мерил противника. Бедняга! Театрал и истерик ⟨...⟩. Он, вероятно, сломит себе шею на половинчатой позиции. Для буржуазии он и его все еще огромная популярность — ширма, и последняя позиция ее обороны, он последнее орудие империалистов. Ряд лиц, между ними Щупак, жена Суханова, Каменев, ряд большевиков-депутатов, поздравляли меня с речью. Это мое первое выступление в политических высших сферах, и я им доволен...»

ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 547, лл. 53—57.

Для того чтобы читатель более подробно ознакомился с описываемым Луначарским выступлением, изложим краткое содержание выступления Керенского, выступление самого Луначарского и ответы Керенского (выступления напечатаны в «Новой жизни» 24 мая/6 июня 1917 г., № 80).

Керенский начал с жалобы на то, что во время его отсутствия его деятельность подвергается критике и что Церетели ему сообщил о трех вопросах, которые этой критикой затрагиваются. Это вопрос о Финляндии и два военных. Его обвиняют в издании «декларации прав военнослужащих», хотя этот текст выработан особой комиссией Совета рабочих и солдатских депутатов еще при бывшем военном министре ⟨Гучкове⟩, но тот, опасаясь дезорганизации армии, ее не опубликовал. Зная положение солдат в демократических странах, он должен сказать, что декларация — это огромный шаг вперед, и к ней нечего добавить. Его ругают за пункт 14³, который допускает насильственное принуждение к повиновению на фронте. Но это выработал совет Р. и С. Д., и многие были за это. Восстают и против того, что декларация уничтожает выборность должностных лиц в армии. Кроме того, на него, Керенского, взводят всякие измышления, в то время как материалов для нападок на него нет. А вообще он не читает материалов о своих поездках. Пусть пишут что хотят, его судить должно за дела, а не за разговоры о них. В вопросе о мире с немцами нужно ориентироваться на международную обстановку, а не кустарничать. Дипломатия — особая статья, а могучая армия — сильнейший аргумент и поддержка. Работа его, Керенского, очень трудна, а дезорганизаторам легко, и это может привести к серьезным последствиям.

О наступлении. Он не хочет решать заранее, когда оно состоится. Это зависит от военной техники и обстановки. Армия должна быть готовой и боеспособной. Но он, Керенский, всегда настаивал на приближении конца войны. Что касается его лично, то его государственная деятельность открыта: «не первый год работаю во имя русской де-

ЛУНАЧАРСКИЙ СРЕДИ ДЕМОНСТРАНТОВ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ
НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ II СЪЕЗДА СОВЕТОВ

Петроград, октябрь 1917 г.

Фотография

мократии, отдавая все силы и время». Он-де, Керенский, шел «без окольных дорог», а к нему допускают все способы борьбы, добросовестные и недобросовестные, — например, обвиняют в узурпации. Упрекают в том, что он не является в Совет, как будто не знают, как он занят. Это непорядочно. Стремясь подорвать доверие к демократии, «подрубая сук, на котором сидят», подготавливая настоящую узурпацию и диктатора. Наше положение трудно, а критиков-противников — легче. „Кто боится, кто трусит, тот борется предположениями, сплетнями“. Если он, Керенский, может в 24 часа переменить весь командный состав, то из-за того, что за его спиной сила демократии. В армии то же настроение, что и в Совете рабочих и солдатских депутатов. Но окопы — темные массы, в чем повинно самодержавие — утомленные, раздраженные — нет элементарных удобств, и все же армия выполнит свой долг.

Финляндский вопрос ⁴. Керенского называют вторым Бобриковым ⁵. В день объявления войны он в Думе был за восстановление автономной Финляндии, а сейчас он против этого. Это дело Учредительного собрания.

По поводу вызвавшей недовольство речи и действий верховного главнокомандующего Алексеева сказано: „был Алексеев, а сейчас Брусилов“ ⁶.

Выступление Луначарского: «Не знаю, кто прячется при своих обвинениях, мы прямо и открыто говорим, если не согласны с Керенским. Керенский заявил — наступление зависит от стратегии и пр. Но плоха та демократия, которая в таких вопросах хочет полагаться на решения и мнения генералов. Ведь Вильгельм, Бетман-Гольвег и Шейдеман со всей прочей оборонческой немецкой кликой говорят, что русский народ не располагает своей судьбой. Теперь выходит, что этот важнейший из вопросов находится в зависимости не от воли народа, не от желания демократии, а от решения главнокомандующих. Сегодняшние слова Керенского сейчас же будут подхвачены германской прессой и раздуты до небывалых размеров. Будет поддерживаться басня, что русская революция — это взрыв шовинизма, и немецкая демократия поверит, что сила революционной России падает и слабеет. В вопросах, касающихся войны, нет места туманным фразам и уклончивым выражениям. Всякое такое туманное заявление — удар ножом в спину тем немецким социалистам, которые солидарны с русскими.

Относительно пункта 14 декларации, прислушавшись к мнению солдат и матросов на митингах в Кронштадте и Петрограде, надо сказать, что он встречает прямое недовольство. Керенский ссылается, что в декларации выражены взгляды боль-

шинства демократии, а не его личные. Неизвестно, как будут толковать выражение пункта 14 „в обстановке военных действий“. <...> Факт, что благодаря пункту 14 любовью солдат может быть расстрелян, если только офицер это найдет нужным. <...> Восстанавливать смертную казнь для солдата в то время, как она отменена в отношении всех остальных граждан, недопустимо. Нам нужно помнить единую великую вещь „добродетель демократии — недовольство и осторожность“. Поэтому нельзя с таким доверием относиться к тому, что постановили в своих резолюциях офицерские съезды по отношению к декларации. Мы не знаем, насколько офицеры до конца правдиво стоят против контрреволюции. Нужно помнить, что все здание русской революции покоится, главным образом, на плечах солдата. Вследствие этого недоверие к солдату в том, что он не сумеет выбрать себе настоящего начальника, является грубой и вредной политической ошибкой. Керенский сказал, будто у солдат есть право отвода нежелательных ему начальников, будто солдаты могут контролировать назначение, между тем ничего подобного в декларации прав военнослужащих нет. Хочу сказать о Финляндии, но истекает время.

Ответ Керенского: «Финляндцы спорят не о самоуправлении, а считают, что раз договор был с царем, который исчез, то Временное правительство не считается сюзеренным по отношению к Финляндии. Ответственность командного состава возможна только при ответственности каждого начальника за своего подчиненного. Советы могут контролировать назначение, как это следует из соответствующих приказов по армии. Смешно говорить о восстановлении смертной казни для солдата. Тов. Луначарский еще недавно приехал и, должно быть, не знает, что в настоящее время офицер никогда и ни за что не заставит расстрелять товарища-солдата. Об этом говорить невозможно, однако слова „во время боя“ можно исправить».

Выступление Луначарского в Петроградском Совете произвело впечатление и вынудило Керенского выступить вторично с попыткой защитить свою позицию.

Так начала разворачиваться на новом этапе боевая деятельность Луначарского, одного из крупнейших ораторов большевистской партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Роль всероссийского центра Советов играл Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

² Представитель Семеновского полка передал Керенскому серебряные георгиевские кресты и медали, пожертвованные на дело войны.

³ «Декларация прав солдата» от 11 мая 1917 г. была опубликована в газетах 14/27 мая 1917 г. По существу декларация оставалась в силе все контрреволюционные приказы Гучкова и старые царские приказы. Пункт 14 декларации гласит: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры до применения вооруженной силы исключительно против неисполняющих его приказаня подчиненных. Эти меры не считаются дисциплинарными взысканиями». Пункт 18: «Право назначения на должности в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления наложения наказания и контроля в точно определенных случаях принадлежит выборным войсковым организациям, комитетам и судам».

⁴ 11/24 марта 1917 г. в Финляндии был утвержден коалиционный сенат: 6 от с.-д. и 6 от буржуазных партий. Сейм был избран еще в 1916 г., и в нем было большинство с.-д. Ссылаясь на будущее Учредительное собрание, Временное правительство не согласилось даже на автономию Финляндии. Большевистская фракция I Всероссийского съезда Советов вынесла резолюцию о передаче всей законодательной и исполнительной власти в Финляндии сейму. Эта резолюция была положена в основу «закона о верховной власти», принятого сеймом 5/18 июня 1917 г. Временное правительство, увидев в этом нарушение своих верховных прав, объявило сейм распущенным.

⁵ *Бобриков К. И.* (1830—1904), финляндский генерал-губернатор с 1898 г., проводил русификацию края, ввел русский язык в делопроизводство Финляндии, фактически упразднил финскую конституцию. Убит 3 июля 1904 г. финским террористом.

⁶ В этот день Брусилов был назначен верховным главнокомандующим вместо Алексева.

ЗАПИСИ ЛЕНИНА ПО ДОКЛАДУ ЛУНАЧАРСКОГО НА III СЕССИИ ВЦИК 7-го СОЗЫВА (26—27 СЕНТЯБРЯ 1920 г.)

Публикация Р. А. Лаврова

Великая Октябрьская революция открыла невиданные в истории возможности для развития народного образования и культуры.

В статье «К вопросу о социалистической школе» (1918) Н. К. Крупская дала яркую характеристику насущных задач народного просвещения в Советской республике: «...Воспитание всесторонне развитых людей с сознательными и организованными общественными инстинктами, имеющих цельное, продуманное мировоззрение, ясно понимающих все то, что происходит вокруг них в природе и общественной жизни; людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду, как физическому, так и умственному, умеющих строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь».

Ленин с самых первых дней революции уделял особое внимание вопросам народного образования. Об этом, в частности, свидетельствует публикуемая выше переписка Ленина с Луначарским.

В конце сентября 1920 г. Ленин принял участие в работе III сессии ВЦИК 7-го созыва, где 26 сентября вечером Луначарский выступал с обширным отчетом о работе Наркомпроса. Ленин присутствовал также и на утреннем заседании 27 сентября. Он выслушал содоклад В. И. Невского и другие выступления, а также заключительное слово Луначарского. Записки, сделанные Лениным на этих двух заседаниях, опубликованы в журнале «Народное образование» (1958, № 4, стр. 19—25).

Однако ленинский текст воспроизведен в журнале недостаточно точно.

Ниже записи Ленина печатаются в полном соответствии с автографом (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 15531).

Основные положения доклада Луначарского, получившие отклик в записях Ленина, даны по стенограмме (ЦГАОР, ф. 1235, оп. 22, ед. хр. 12, лл. 167—323). Луначарский начал с характеристики исторической обстановки, в которой Наркомпрос вел свою работу:

«Первая трудность заключалась в том, что нужно было во что бы то ни стало изменить старую школу, на которой лежала печать духа буржуазного или духа буржуазно-помещичьего, царистско-поповского, а работ по социалистической школе в мировой литературе было мало. И нам как теоретикам пришлось выступить здесь на почти невозделанном поле. Книга Шульца <Г. Ш у л ь ц. Школьная реформа социал-демократии. Пг., 1918> по существу являлась для нас довольно оппортунистической программой реформ, которые социал-демократическая партия предполагала провести в недрах социалистического общества. Кое-какие педагогические сочинения классиков, устремлявшихся полуинстинктивно к социализму, как великие поэты и философы Германии, были, конечно, недостаточным источником. <...>

Новейшие американские и германские, швейцарские и скандинавские педагоги давали кое-какие ресурсы, но это была передовая буржуазная и передовая мелкобуржуазная школа, и надо было с величайшей критикой отнестись к этому. Какой же у нас

был источник света для того, чтобы не заблудиться на этих путях? Полторы страницы, написанные Марксом для Женевского конгресса <Интернационала>, и несколько отдельных фраз в других сочинениях.

Говоря о новом направлении в развитии советской школы, Луначарский отметил: «Во-первых, мы выдвинули идею единой школы. Мы изгнали из школы целый ряд таких предметов, преподавание которых являлось бесполезным или вредным и которые являли собой отражение буржуазных взглядов на культуру».

Нормальной работе школы мешают бытовые трудности:

«Открывается много новых школ, но все же вы знаете, что старые школы находятся в ужасном положении в смысле ремонта. Мы не имеем возможности ремонтировать. Часто бывает, что в смысле отопления школы находятся в таком положении, что их нельзя пустить в ход. Очень многие школы в городах заняты под лазареты или военные учреждения».

Луначарский говорит о необычайном приливе учащихся во все учебные заведения от низших до высших осенью 1920 г. и приводит цифры, в частности по Красной Пресне (в Москве), отражающие тягу рабочих к знанию. Большое место уделено в докладе проблемам профессионального и политехнического образования:

«В Коллегии НКП имеются педагоги-коммунисты, считающие, что профобразование следует давать не раньше чем с 16-летнего возраста. По вопросу о возрасте у нас были большие разногласия, но в настоящее время уже принято решение о том, что с 14 лет подростки могут начинать профобразование. Такое положение, правда, противоречит коммунистической программе, но оно оправдывается тем, что страна переживает в настоящее время острейшую нужду в специалистах».

«Самым новым, тем, что не вполне понимается даже очень культурными товарищами, является принцип так наз. трудовой школы. Я должен признаться, что наша идея трудовой школы в силу этого непонимания укладывалась на практике в несколько уродливые формы».

Луначарский говорит далее, что в школу прокрались мелкобуржуазные, толстовские идеи.

«По существу идея трудовой школы распадается на две главные мысли. Первая мысль в том, что знание должно идти через труд. (...) Многие учителя прежних частных буржуазных школ с удовольствием взялись за проведение идеи трудовой школы, понимаемой только как школы иллюстративной».

«С этой целью мы выдвинули на самый первый план идею Маркса о необходимости тесного объединения обучения и труда, труда, конечно, наиболее совершенного, наиболее научного, т. е. фабрично-заводского. Мы рекомендовали внедрять детей, разумеется, постарше, в школе 2-й ступени, на фабрики и заводы для работы там не слишком напряженной, гигиеничной и образовательной».

«Мы не можем отказаться от политехнического принципа вообще. Это вовсе не значит, что мы должны учить несколькими ремеслам и производствам. Мы под этим разумеем, что надо учить производству, и притом индустриальному, так, чтоб дать понятие о самих принципах производства...»

«Нам, воспитывая будущее поколение для крупной социалистической индустрии, необходимо давать детям серьезную политехническую подготовку. В 16 лет они избирают себе то или иное инженерное искусство и его проходят. Но все это верно по отношению к близкому будущему, а что же нужно сделать по отношению к нынешнему времени, к нынешнему разорению? При нынешнем разорении от нас требуют: дайте нам специалистов! И это та „беда“, на которую пришлось ответить известной уступкой. С 14 лет мы должны были допустить существование чисто профессиональной школы».

Далее Луначарский приводит цифры, характеризующие состояние дошкольного воспитания, среднего и высшего образования в Советской республике, которые записывает Ленин. Переходя к внешкольному образованию, докладчик отмечает: «Всякое образование приобретает для нас живую силу, когда рядом с этим идет политическое просвещение».

Последняя часть доклада Луначарского была посвящена вопросам культуры и искусства. Об этом же говорил он и в заключительном слове. Часть выступления

ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
В ПРЕЗИДИУМЕ — ДУНАЧАРСКИЙ

Москва, 28 августа 1946 г.

Фотограф не установлен

Луначарского на эту тему была в свое время напечатана в «Вестнике театра» (1920, № 71, стр. 13).

Луначарский начал с оценки футуризма: «Да будет всем известно, — заявил он, — что футуризма у нас совершенно нет. Да будет вам известно, что я никогда футуристом не был, не являюсь футуристом и не буду футуристом. Я написал целый ряд статей, в которых объявил футуризм своеобразным выражением буржуазной культуры».

Переходя к театральному искусству, Луначарский привел очень интересные факты: «Во Франции имеется 113 крестьянских театров, а у нас в одной Костромской губ(ернии) 400, а в России крестьянских театров 3000 <...> есть такие сведения, как напр(имер) из Варнавинского уезда Костромской губернии, что там был образован театр каким-то учителем, там старообрядцы заявили, что это антихристово учреждение, но потом заинтересовались, стали ходить и миром постановили поддерживать такой театр. <...> Театр для русского человека обладает большой притягательной силой. <...> Вся Россия, можно сказать, играет, это приводит меня в ужас, но факт тот, что это объективные симптомы».

Несколько записей Ленина относятся к выступлениям Невского, Крыленко, Брехничева и Преображенского.

В ответ на предложение: «Дать слово Ильичу» — Ленин, как свидетельствует стенограмма, сказал: «Я пришел сюда осведомиться, я не имел возможности ознакомиться с деятельностью Наркомпроса до заключительного слова оратора, потому брать слово я не хочу».

26/IX 1920.

5)

1

л. 1.

Лунач(арск)ий

Три трудности школьного дела (в Сов(етской) Рос(си)и)

1. Теорет(ическая) трудность (Новая школа не имела теории)

Книга Шульце: «довольно оппортунистична».

+ 1 $\frac{1}{2}$ стр(ани)цы Маркса

и «неск(олько) отдельных фраз»

Наши пр(ин)ци(п)ы: (α) Единая школа

(β) запретить и изгнать вредное

{ топливо
развал
занятие военными

и т. д.

Натиск на школы усиленный в 1920 г.

Z(um) В(eispiel) * Красная Пресня — на 20 тыс(яч)
уже на 22 тыс(яч)

Проф(ессиональное) обр(азование) до 16 л(ет) (Неправильно с то(чки) зре(ния) программы Р. К. П.: «политехническое». Я оправдываю эту уступку обстоятельством трудного времени).

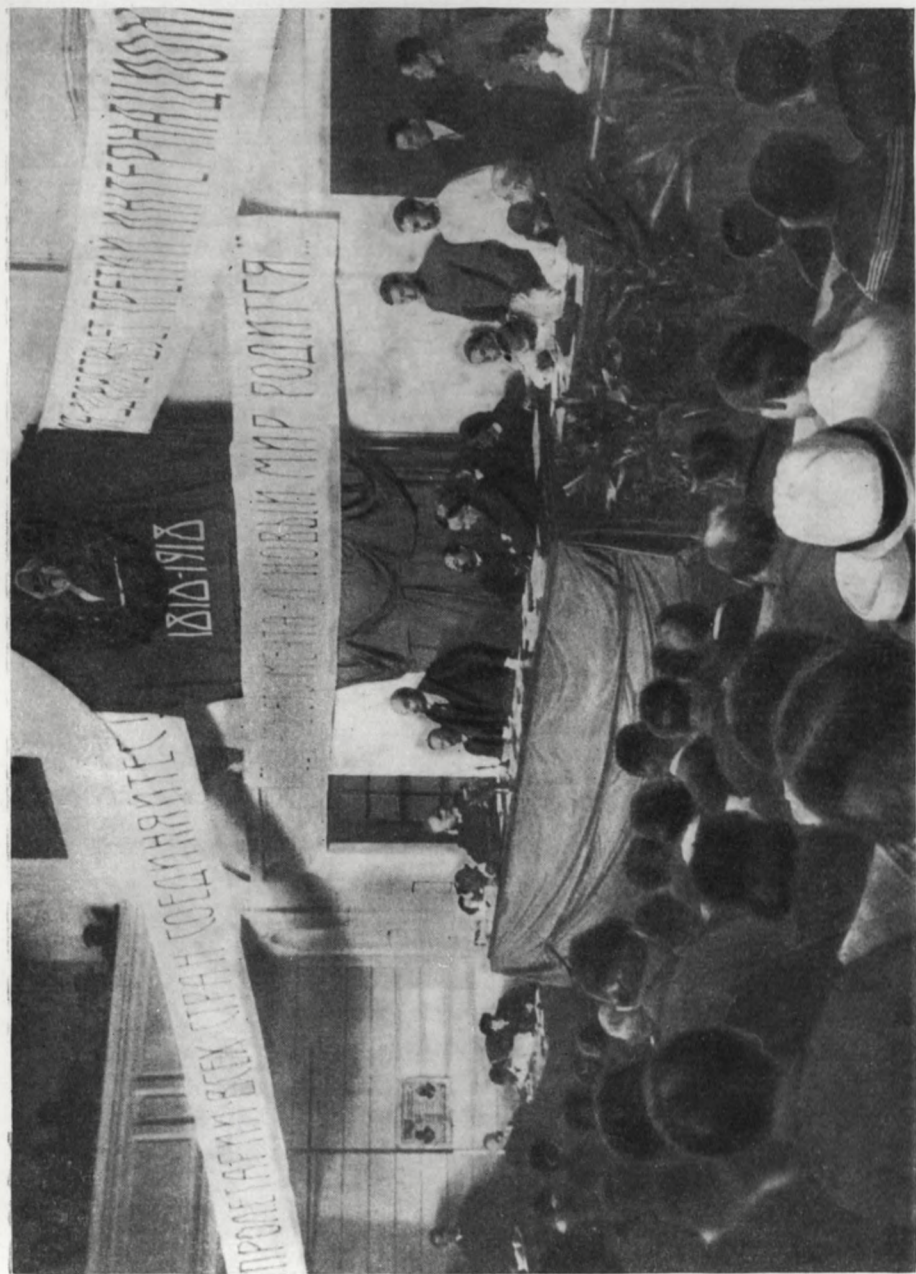
...«Единая трудовая школа»... (в идею труд(овой) школы прокрались м(елко)-б(уржуа)зно-толстовские идеи; вопреки нам).

{ = (α) к знанию через труд. Это знает и лучшая б(ур)жуа(з)ная школа.

(«Ересь» = б(уржуа)з(ная) школа).

(β) соед(инен)ие с пр(ои)зв(о)д(ительным) трудом (нем(елко)-б(уржуа)з(ной) ремесленной школе).

* Например (нем.).

ЛЕНИН ПРОИЗНОСИТ РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
В ПРЕЗИДИУМЕ — ЛУНАЧАРСКИЙ

Москва, 28 августа 1918 г.

Фотограф не установлен

л. 2. Связь школы (2-ой ступ<ени>) с ф<абрикой> и з<аводом>
 наша ошибка, >1 года, состояла в декларативности нашей программы. Наша декларация сделалась, т<ак> ск<азать>, общей (и в З<ападной> Е<вропе>) школьной пр<о>г<рам>-ме. «Политехнический принцип» не требует обучения всему, но требует обучения основам совр<е>м<енн>ой индустрии вообще...

Школы
2-ой ступ<ени>

Переход к этому (в данный тяжелый м<о>м<ен>т) — уступка: допустить с 14 лет профес<сиональ>ную школу...

элемент<арная> школ<а> (?)

1911—55.346 (могли обнять $3\frac{1}{2}$ милл<иона>)

почти

1919—73.859

не выросли

1920 — до 88 т<ысяч> (60—65% детей этого возраста) 55—
90

могут обнять $5\frac{1}{2}$ мил<лионов> детей

3.600

около $\frac{1}{2}$

милл<иона>

учеников

[7—8% детей]

учащихся
(в учителя)

Царск<ая> Р<оссия> — 4 тыс<ячи>

Сов<етская> Р<оссия> — 34 тыс<ячи>

10.305 с пособием

реально вполне

мы имеем

400.000 раб<отни>ков

просв<е>щ<ения>

нам надо

до 1.000.000

л. 3 В Дошкольном деле ничего не было

(кроме единиц для богатых)

в Сов<етской> Рос<сии> 3.623 детских сада (открываем около 1000 в год)

курсы для учителей —

в них 5 в Москве

40 в провинции

Общее количество
учителей

205 тыс<яч> для дошкольных

236 тыс<яч> заведений

(в них детей 2% всего детей этого возраста)

два % числа

2000 детск<их> домов с 200.000 детей

всего до $\frac{1}{2}$ милл<иона> детей дома + сады?

(из 8 милл<ионов>)

3

В. Орловская еще не
шла (хуже случая)
у нас стрелок

В. С. №. 3.823. Державина (приехала около 1000
д. в. в.)

Купон за ушами - 5 в. Москва.
1000 в. ушами
205 в. ушами
236 в. ушами

Сумма 9 в. ушами - 20% в. ушами - 3 в. ушами
(20%)

2000 в. ушами. Державина 200.000 в. ушами

В. ушами. Державина (в. ушами + с. д. в.?)
(в. ушами)

32.000 в. ушами - в. ушами из Москвы. ушами.

В. ушами. Державина: в. ушами + с. д. в. ушами - на в. ушами

В. ушами. Державина в. ушами 190 в. ушами
3000 в. ушами

4.

В. ушами. Державина - в. ушами. Державина.
В. ушами. Державина. Державина. Державина. Державина.
В. ушами. Державина. Державина. Державина. Державина.

ушами в. ушами. Державина.
ушами 2 в. ушами
ушами - 7 в. ушами
ушами 6 в. ушами

В. ушами. Державина.

ушами. Державина

С. ушами. Державина

ушами. Державина.

(ушами. Державина)
ушами (ушами. Державина).

32.000 детей в колониях под Москвой этот год.

Высшая школа: и проф(ессо)ра и студенты — наши враги

мы выпустим в 1920 году
3000 инженеро(в)

4

л. 4 «общ(ест)в(енный) факультет» — одно горе. Наука б(уржуа)з-
ная.

В со(циалистической) школе д(олжны) б(удем) отдать *меньшевикам*, ибо бо(льшеви)ки согласились, но ни одной лекции не прочли.

Унив(ерсите)тов в Р.С.Ф.С.Р. без Украины

царск(их) 5
сов(ет- 1919 15
ских) 1920 21

2 ветер(инарных)
— институтов
6

Внешкольное дело:

некот(орые) цифры . . .

Сближение с партией . . .

Худ(ожественный) отдел

(футуризм)

театры («Вся Россия играет»).

л. 5. 27.IX.1920

5

Невский: О выс(шей) школе и раб(очем) фак(ульте)те

един(ая) тру(довая) школа...

«Стон и вопль»

насчет обуви, одежды

перьев, карандашей, бумаги и проч.

М(ежду) пр(очим):

«уничтожить изд(а)т(ельст)во Грже-
бина, контрреволюционное»...

Крыленко: Хаос взглядов на тр(удовую) школу...

Брехничев: слабовато, хотя в основе

факт (хиреют) верен

Пр(ео)б(ра)ж(енск)ий: «Нападки (на НКПрос)
служили ему на пользу»
(поск(ольку) касались
объект(ивных) условий).

«ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПЛАН»

Предисловие А. В. Февральского
Публикация В. Д. Зельдовича

В брошюре «Очередные задачи Советской власти» Ленин, затронув вопрос об «образовательном и культурном подъеме массы населения», писал: «Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных „низах“ благодаря советской организации» (Ленин, т. 36, стр. 188).

Стремлениям народных масс, охваченных невиданной жаждой знаний, которая повседневно проявлялась с огромной силой, должно было ответить осуществление одной из тех многочисленных и совершенно новых задач, которые Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед созданной ею Советской властью. Этой задачей было — сделать искусство и, в частности, театр средством просвещения народных масс и вместе с тем орудием борьбы за революцию.

Новая задача требовала новых решений. 19 января 1918 г. состоялось первое заседание первого советского органа, ведавшего вопросами театра, — Театрального совета при Народном комиссариате по просвещению. Открывая это заседание, Луначарский говорил: «Во все периоды истории каждый новый класс вместе с победой приносил новое искусство, и победоносный пролетариат не может удовлетворяться старыми формами искусства и несет в самом себе новые формы»¹.

Эти новые формы стали непрерывно возникать в результате бесчисленных поисков и начинаний, широко развернувшихся в первые годы революции. В поисках участвовали и творческие коллективы, создававшиеся рабочими и крестьянскими массами, и выдающиеся деятели культуры. Не все талантливые замыслы, рождавшиеся в те годы, удавалось воплотить в жизнь, но подчас и неосуществленные предложения несли в себе много ценного.

В 1919 г. проект большого принципиального значения, непосредственно связанный просветительной задачей зрелищных искусств, выдвинул М. Горький. Театральный журнал, выходивший в то время в Москве, сообщал:

«На одном из последних заседаний Большого художественного совета отдела театров и зрелищ в Петрограде М. Горький выступил с обширным докладом о задачах и репертуаре театров и кинематографов.

Полагая, что огромное воспитательное значение (в смысле прививки духа историзма) и художественное значение могло бы иметь оживление характерных моментов истории культуры, М. Горький считает крайне своевременным приступить к постановке цикла исторических инсценировок как из русской, так и из европейской истории.

⟨...⟩ А. В. Луначарский, присутствовавший на докладе М. Горького и на заседании, в котором обсуждался проект инсценировок, всецело присоединился к нему и добавил, что делу этому должен быть придан общегосударственный масштаб, с тем

чтобы инициатива проведения намеченной программы была предоставлена Отделу театров и зрелищ. Между прочим А. В. Луначарский указал на желательность, если это представится возможным, вынести указанные инсценировки на улицу, устроив массовые шествия, которые могли бы быть приурочены к всенародным праздникам (например, 1 мая)².

Фактически работа над осуществлением замысла Горького началась раньше. Уже 8 марта 1919 г. А. А. Блок записал: «План картины из средних веков (Франция) — предложение Горького»³. И далее в записных книжках Блока за 1919 и 1920 гг. встречается ряд записей об «исторических картинах». Он написал и планы нескольких таких «картин»⁴.

Для разработки замысла Горького при Петроградском театральном отделении (оно же — отдел театров и зрелищ) была организована секция исторических картин, о задачах которой узнаём из доклада за собственноручной подписью председателя секции — Горького (доклад датирован 30 марта 1920 г.):

«Секция исторических картин начала свои занятия 26 августа 1919 г. и до 1 марта 1920 г. имела 45 заседаний редакционной коллегии.

Состав редакционной коллегии: председатель М. Горький, тов. председателя С. Ф. Ольденбург, секретарь А. Н. Тихонов. Члены редколлегии: А. А. Блок, Н. С. Гумилев, А. Г. Горнфельд, Е. И. Замятин, А. Н. Лаврентьев, К. И. Чуковский, В. А. Щуко.

Цель секции — дать в наглядной форме театральных и кинематографических спектаклей художественно-научное изображение наиболее характерных моментов из истории духовной и материальной культуры, начиная со времен первобытного общества вплоть до наших дней»⁵.

Сразу же после начала работы секции — 29 августа 1919 г. — Блок написал статью об исторических картинах⁶, и вскоре Горький опубликовал в трех номерах петроградской газеты статью «Инсценировка истории культуры»⁷.

Горький также составил план пантомимы на темы из истории человечества. В объяснении к плану, впоследствии опубликованному в сборнике «М. Горький. Материалы и исследования. 1» (Л., 1934), он писал: «Следует начать с пантомимы, которая давала бы возможно ясное представление о жизни первобытных людей».

В Архиве А. М. Горького хранятся несколько рукописей Горького, а также машинопись (3½ страницы), содержащие наброски сценариев пантомим из жизни первобытных людей, пантомим, показывающих накопление первичных элементов культуры. В конце машинописного текста указано, что в этом сценарии дана «наскоро набросанная сцена мимического представления», и говорится: «в этой схеме произвольно сгруппирован ряд актов творчества первобытного человека».

На первом листе машинописи имеется надпись рукой Горького: «Константину Александровичу Марджанову».

К. А. Марджанишвили (Марджанов), работавший в Петрограде в 1916—1918 гг., вернулся туда в августе 1919 г. из Киева, где он поставил спектакль, сделавшийся одним из крупнейших событий в истории советского театра, — это была постановка народной драмы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна». Вскоре по приезде в Петроград Марджанишвили был включен в состав редакционной коллегии секции исторических картин⁸.

Художественная и общественная деятельность К. А. Марджанишвили была тесно связана с творчеством и личностью Горького. Начиная с первых лет своей режиссерской работы и кончая последними, Марджанишвили ставил пьесы Горького: так, в 1903 г. в Уфе он поставил «Мещан», а в 1932 г. (за полгода до смерти) в Тбилисском государственном русском театре — «На дне».

Горький высоко ценил Марджанишвили, и не удивительно, что свой сценарий он направил именно ему, тем более что пантомима была одним из тех зрелищных жанров, над которыми Марджанишвили особенно охотно работал.

И замысел Горького, возникший в 1919 г., несомненно, был вместе с соображениями Луначарского положен в основу плана массовой постановки, осуществить который собирался Марджанишвили в 1921 г.

Опыт массового зрелища «К мировой коммуне», поставленного под руководством Марджанишвили в честь Второго конгресса Коммунистического Интернационала в Петрограде 19 июля 1920 г. при участии четырех тысяч исполнителей и в присутствии 45 тысяч зрителей, а также опыт других петроградских массовых представлений должен был получить развитие летом 1921 г. в Москве в связи с Третьим конгрессом Коминтерна.

Марджанишвили предстояло организовать грандиозную массовую постановку, которая должна была отображать различные этапы развития человечества и заканчиваться картинами Великой Октябрьской социалистической революции.

Об этом проекте упоминает брошюра «Котэ Марджанишвили. (Краткий биографический очерк)», выпущенная в Тбилиси в 1931 г. на грузинском языке и давно ставшая библиографической редкостью.

«Над сюжетом постановки,— указывается в брошюре,— работали Максим Горький и Луначарский. По этому вопросу в Кремле состоялось несколько заседаний, но так как постановка требовала больших затрат, ее осуществление оказалось невозможным».

К данному сообщению можно прибавить следующее: постановку предполагалось развернуть на Красной площади; художественное оформление массового зрелища было поручено художнику И. М. Рабиновичу (впоследствии заслуженному деятелю искусств РСФСР), работавшему совместно с Марджанишвили над спектаклем «Фуэте Овехуна» в Киеве.

Луначарский, выступая с речью, посвященной памяти Марджанишвили, рассказывал, в частности, о его «великолепном плане развернутого праздника революции»:

«Он был у него совершенно превосходно задуман. Предполагалось, что по улицам Москвы должно пройти человечество, начиная от страданий пещерного человека, который должен был начинать шествие на этом празднике, затем великолепно задумано было движение человеческого роста, культуры,— все крупные этапы этого человека, который по мере роста становился свободным и высоким. И все, в конце концов, кончалось невероятным триумфом человека, который утверждает себя, который констатирует, что у него тысячи врагов, но что, несмотря на наступление их со всех сторон, он многого достиг и так велик, что за свое будущее он не боится»⁹.

Журнал «Вестник театра» в заметке о проекте массового действия на Ходынском поле в Москве, организуемого военно-учебными заведениями (сценарий был разработан И. А. Аксеновым, постановочный план — В. Э. Мейерхольдом, оформление места действия — А. А. Весниным и Л. С. Поповой), сообщал:

«После ряда предварительных работ постановка была снята на основании общего постановления о запрещении расходования сумм и материалов на торжества Коминтерна, учитывая исключительно тяжелые экономические условия страны. Такое же запрещение вынудило снять и грандиозную постановку Марджанова — Рабиновича»¹⁰.

Когда выяснилось, что осуществить эти массовые зрелища при участии громадного количества участников и при огромных расходах невозможно, организаторы празднеств в честь Конгресса решили поставить в цирке «Мистерию-буфф» Маяковского на немецком языке, что и было выполнено, но уже другими силами.

Написанное Луначарским и публикуемое здесь изложение проекта массового действия на Красной площади впервые становится достоянием читателей. Хотя проект и не был осуществлен, он, безусловно, представляет крупный интерес — и по своему содержанию, и, разумеется, принимая во внимание имена его инициаторов, а также предполагаемое место действия. Петроградские массовые зрелища описаны в ряде работ, существует и краткое описание замысла В. Э. Мейерхольда, правда, затерянное на страницах забытого издания¹¹. Нынешняя публикация существенно дополняет наши познания о грандиозных художественных начинаниях на заре советского общества.

Участие, которое Луначарский принял в проекте массового действия, конечно, не было случайным явлением. За год до этого он выступил со статьей «О народных празднествах», в которой писал:

ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНИЯ ПЕРВОЙ
ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

7 ноября 1918 г.

Фотограф не установлен

«Является совершенно бесспорным, что главным художественным порождением революции всегда были и будут народные празднества.

Вообще всякая подлинная демократия устремляется естественно к народному празднеству»¹².

Статья эта была приурочена к первомайским торжествам 1920 г., и Луначарский в ней имел в виду художественное оформление праздничных шествий, демонстраций, народных гуляний.

В 1921 г. речь шла уже об устройстве специального праздничного представления. И, содействуя организации этого представления как народный комиссар, Луначарский в то же время помогал его созданию как драматург.

Массовое действие на Красной площади было задумано как подлинно народное торжество — и по его содержанию, и по формам выражения этого содержания, и по составу его участников и зрителей. В этом величественном проекте воплотились та идейная смелость и широта размаха, которые были свойственны лучшим культурным начинаниям советской эпохи уже в ее первые годы.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЛГАОРСС, ф. 2551, оп. 17, ед. хр. 1, л. 1.

² «М. Горький о кинематографе». — «Вестник театра», 1919, № 30, 3—8 июня, стр. 10.

³ Александр Блок. Записные книжки. М., 1965, стр. 425.

⁴ Александр Блок. Собр. соч., т. 4. М.—Л., 1961, стр. 543—548.

⁵ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 24, ед. хр. 403, л. 24.

⁶ Александр Блок. Собр. соч., т. 6, стр. 422—426.

⁷ «Жизнь искусства», 25, 26, 27—28 сентября 1919 г., №№ 251, 252 и 253—254.

⁸ Это видно из заметки «Инсценировка из истории культуры» («Жизнь искусства», 24 сентября 1919 г., № 250 и «Вестник театра», 1919, № 36, 7—12 октября, стр. 14), в которой в числе членов этой коллегии указан и К. А. Марджанов.

⁹ А. В. Луначарский. Речь на гражданской панихиде у гроба К. А. Марджанишвили в московском Малом театре 23 апреля 1933 г. Опубликовано в сборнике «К. А. Марджанишвили (Марджанов). Творческое наследие», Тбилиси, 1958, стр. 405—406.

¹⁰ Театрализация военных маневров. — «Вестник театра», 1921, № 91—92, 15 июня, стр. 16.

¹¹ С. Марголин. Массовое действо «Борьба и победа». — Журн. «Эхо», 1923, М., № 13, 15 июня, стр. 11.

¹² А. Луначарский. О народных празднествах. — «Вестник театра», 1920, № 62, 27 апреля—2 мая, стр. 4.

СЦЕНАРИЙ ДЛЯ МАССОВОГО ДЕЙСТВИЯ НА ПРАЗДНИКЕ ТРЕТЬЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Товарищами Марджановым (режиссером) и Рабиновичем (художником) предложен план организации этого действия, которое вкратце излагается мною здесь после внесения в него некоторых поправок с моей стороны.

План основан на принятии за место действия Красной площади, где оно может привлечь внимание приблизительно 50 000 зрителей. При таких условиях действия индивидуальных актеров становятся совершенно невозможными: грим теряется за дальностью расстояния, как и сколь угодно подробные подробности костюма. Многие сценарии, предложенные различными авторами, сводят поэтому действие к, так сказать, выразительно-геометрическим перемещениям разноцветно одетых масс, что дает в результате сухое впечатление. Другие сценарии основаны на действии отдельных актеров и поэтому, естественно, отпадают. Многие из них могут быть с успехом перенесены в цирк и исполняться там в качестве политических пантомим. Только сценарий товарищей Марджанова и Рабиновича представляется в идее целиком отвечающим массовому действию, к чему они подошли путем включения в действие монументальной бутафории. Это, однако, ставит перед организаторами действия особые задачи и вынуждает их требовать особых полномочий, о чем и сказано будет в настоящей записке.

Сценарий может быть развернут полностью и может быть также сжат.

В полном виде он рисуется в схеме приблизительно таким образом:

ЛЕНИН НА ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА КАРЛУ МАРКСУ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ
РАССМАТРИВАЕТ ЗАКЛАДНУЮ ДОСКУ

1 мая 1920 г.

Фотография А. И. Савельева

Место действия — особый помост, поставленный на месте памятника Минину и Пожарскому и его закрывающий *. Напротив, около могил, у стены — центральная трибуна для зрителей, и по обеим сторонам площади, вокруг оцепленного места перед помостом — зрители.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под маршевую музыку группы людей вносят бутафорию, изображающую скалы и камни, которыми усеиваются ступени помоста и площадка перед ним. Появляются первобытные люди; они зажигают костры, танцуют, размахивая дубинами; большие хороводы — корробори**; женщины

* Сценарий был написан, когда памятник Минину и Пожарскому стоял напротив кремлевской стены, а не у собора Василия Блаженного.

** Массовые церемониальные танцы у коренного населения Австралии.

пляшут на помосте (балет); группы всадников рыщут между скалами, охотясь за зверями; жизнь кажется свободной и радостной, однако отдельные группы с воем обрушиваются друг на друга и производят дикую потасовку. В то же время наверху помоста сооружается первобытный фетиш — камень, который пестро украшают. Шаманы, воля и производя шум на первобытных инструментах, зовут кланяться ему; приносится человеческая жертва. Пушечный выстрел дает понять, что первая картина кончена. Действующие лица строятся в группы и под тот же марш, с которым вносились декорации, уносят их.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На место первой группы является вторая: это рабы варварской цивилизации (стиль — Египет). Они вносят отдельные части монументального здания (бутафория) и быстро под музыку расставляют соответственную обстановку, превращающую помост в нечто вроде храма. Наверху — громадный, сфинксообразный идол; в ногах сфинкса увенчанный диадемой фараон, которому бесконечно длинная мантия придает монументальный характер. Вокруг него в иерархической неподвижности придворные и жрецы вперемешку с колоссальными животными с головами богозверей. Перед ними пляска рабынь, курение фимиамов, фокусники, акробаты (конечно, только такие номера, которые четко могут быть видны издали). Между тем на низшей ступени и на площадке рабы с заунывной песней вносят на небольших ручных тележках глыбы камня и складывают их в пирамиду; надсмотрщики ходят между ними, размахивая бичами. Фараон, концы гигантского плаща которого несут придворные, медленно спускается к народу, который, прекратив работу, в благоговении и низкопоклонстве преклоняется перед ним. Пушечный выстрел, марш, уборка постановки.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Европейская феодальная эпоха. Под звуки марша вносятся монументальные аксессуары, придающие постаменту характер готической постройки; наверху папа и император на двух тронах; по одну сторону постамента — пурпур кардиналов, фиолет епископов и черные волны духовенства; по другую сторону — рыцари в латах, герольды, дамы; внизу согбенные крестьяне производят полевые работы; представители духовенства и светской власти то и дело подходят к крестьянам, отбирают у них различные продукты, которые нагромождают на ослов и лошадей; крестьяне и крестьянки, дети плачут, умоляют оставить им что-нибудь, но черные и пестрые представители высшего общества отнимают у них и увозят дань наверх. И для этих господ устраивается праздник. Сначала разводят огромный костер; цензора и палачи приносят огромные книги и бросают их в костер, а затем ландскнехты с фантастическими алебардами подгоняют еретика; его привязывают к столбу, под ним раскладывают костер, зажигают, толпа окружает костер со всех сторон, грозят, вопят, некоторые приносят вязанки дров и подбрасывают их в огонь; еретик исчезает в клубах дыма.

Бутафория убирается под марш. Выстрел. Четвертое действие.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Капитал. Вносятся и расставляются декорации, придающие постаменту характер нагромождения зданий: фабрик, заводов, тюрем; наверху колоссальная фигура шарообразного капитала, и у ног его — цари и президенты. Окруженный обществом богатых и знатных, капитал предается развлечениям: соответственные танцы (может быть, в нарочито-футуристи-

ЛЕНИН ЗАКЛАДЫВАЕТ ПЕРВЫЙ КАМЕНЬ В ОСНОВАНИЕ ПАМЯТНИКА
КАРЛУ МАРКСУ НА ТЕАТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ

1 мая 1920 г.

Фотография А. И. Савельева

ческом духе). Внизу рабочие массы, как можно больше людей; они таскают какие-то огромные тяжести, сгибая обнаженные торсы; группы огромных ритмических мускульных усилий в духе Менье. Среди рабочих появляются агитаторы (отметить их красной одеждой). Вокруг образуются рабочие группы. Волнение растет. Группы сливаются все больше и больше. Красные агитаторы сливаются постепенно в одно красное ядро, вокруг которого бушует море полубнаженных рабочих; вся масса с пением «Марсельезы» бросается на приступ капиталистической твердыни. Немедленно на второй ступени появляется серая полоса войска; устанавливаются пушки, митральезы. Капитал, цари приходят в волнение; отдается приказ; раздается оглушительный залп; агитаторы и рабочие в массах падают. В последнем отчаянии продолжают приступ. Второй залп укладывает еще больше; рабочие бегут. Взрыв ликующих криков наверху; рабочие поднимают на носилки своих убитых. Грандиозный траурный марш (лучше всего берлиозовский). Рабочие медленно и уныло несут с площади своих убитых братьев в торжественно-похоронном шествии, потом возвращаются к работе; опять постепенно закипает она, и продолжается фальшивый, пестрый праздник наверху; перемешиваются звуки «канкана», «матчиша» и унылые рабочие песни.

Новое появление агитаторов. Повторение той сцены, которая описана выше. Снова смыкается рабочая масса вокруг ядра агитаторов, и снова идут они на приступ. Опять по мановению жезла фельдмаршала серой лентой разделяет властвующих и бунтующих армия. Опять пушки и пулеметы. Все ближе подходит, на этот раз с пением «Интернационала», масса к серому поясу, все ближе. И вот серый пояс распадается. Солдаты бегут навстречу, происходит братание. В ужасе капитал и его приспешники: там хаос и смятение. Совместно, под руководством красных рабочие и солдатские массы берут приступом одну ступень помоста за другой и торжественно сбрасывают вниз оказывающийся огромным мячом и смешно катающийся и подпрыгивающий капитал. Ликование, все более громкий хор духовых инструментов и человеческих голосов, поющих «Интернационал». Все строятся в колонны, развеваются огромные красные знамена, поднимаются плакаты с соответствующими надписями, и вся колонна через площадь направляется к трибуне с огромным плакатом с приветом делегатам III Интернационала. Колонна подходит к трибуне, и хор исполняет особую кантату в честь III Интернационала, которая должна быть для этого написана. Пушечный выстрел; бутафория капитала ритмически снимается и уносится.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Появляется группа рабочих с новой бутафорией и постепенно сооружает город будущего. Это — сияющий радужными красками комплекс чудных фантастических зданий (я рекомендовал бы преобладание легких воздушных построек) с надписями «Свободная трудовая школа», «Храм науки», «Храм искусства» и т. п. Главной задачей является создание действительно чарующей картины, которая являлась бы намеком на «взыскуемый град». Появляются дети, женщины, юноши, девушки и старцы. Дети резвятся, играют (ритмика, гимнастика, возможно более массовая). Юноши идут в гордом шествии, полубоженные, борются, бегают взапуски (использовать силы Всебубуча). Игры женщин, их шествие и хор. Взрослые идут в шествии за колесницами, везущими эмблемы победоносного труда, опирающегося на науку. Посредине площади или вообще на видном месте они уничтожают оружие взаимного истребления людей. Все собираются вокруг группы стариков, которые под музыку благословляют грядущее поколение.

КОНЕЦ

Подобное празднество имело бы, конечно, большое художественное значение.

Оно является совершенным дополнением и как раз приспособленным для того, чтобы быть зрелищем десятков тысяч людей. Однако, как легко усмотреть из сценария, особенно важным условием является изготовление монументальных аксессуаров (род декораций, своеобразная архитектурная бутафория); создать ее легко, так как для придания известного стиля обстановки нужно, в сущности говоря, не так много аксессуаров. Художник Рабинович берется создать их с минимальной затратой сил. Тем не менее для этого нужно довольно значительное количество рабочих и возможность пользоваться известной суммой материалов невозбранно и в экстренном порядке.

Если комиссия при ЦК призывает желательным сделать этот праздник действительно европейским событием и развернуть программу во всю полноту, то необходимо создать особую уполномоченную «тройку» непосредственно из председателя Московского Совета тов. Каменева, наркома по просве-

щению и заместителя заведующего Комсоора* инженера Цюрупы, с правом для первых двух замещать себя особо компетентными полномочными лицами, но с неперменным условием вхождения заместителя заведующего Комсоором и с полномочиём для этой «тройки» использовать все необходимые рабочие и материальные силы по смете, которая может быть представлена в кратчайший срок. «Тройка» назначает особого чрезвычайного комиссара по устройству массового действия в честь III Интернационала, который согласно ее указаниям и является ответственным производителем всех работ и при котором состоят в качестве главных исполнителей режиссер тов. Марджанов и художник тов. Рабинович.

Конечно, можно и сжать постановку. Так, можно отбросить первые три картины и начать прямо с капитала. Можно даже еще больше обрезать ее. Она не лишена будет значения и в том случае, если отбросить пятую картину. Тогда останется только изображение капитала, символическое изображение неудачной революции и изображение революции победоносной, чествование Интернационала. Конечно, в этом сморщенном виде сцена не может доставить того художественного наслаждения, на которое рассчитана в целом.

А. Луначарский

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, книга поступлений, 5168.

* Комитета государственных сооружений.

ИЗ ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ: «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА»

Статья Л. М. Хлебникова *

История организации и деятельности издательств, тесно связанных с именем Максима Горького, давно привлекала внимание советских исследователей. Особенно много писалось об издательстве «Всемирная литература», работа которого отражена в исследованиях литературоведов и в многочисленных воспоминаниях современников¹. Частному издательству З. И. Гржебина, главным редактором которого также был Горький, повезло меньше: единственная статья об этом издательстве О. Д. Голубевой появилась в ее работе «Горький-издатель» только в 1968 г.

Казалось бы, что история первого издательства достаточно хорошо изучена. Однако это не так. Почти все имеющиеся статьи и исследования построены приблизительно по одной и той же традиционной схеме, повторяют одни и те же факты. Авторы их ограничиваются подробным рассказом о планах издательства, перечисляют его сотрудников и т. д. и при этом значительно преувеличивают роль издательства в культурной жизни нашей страны 1918—1922 гг. При этом дается как бы «внутренняя» история издательства в отрыве от конкретных исторических условий, от истории советского издательского дела того периода. Отдельные факты из истории советской книги 1918—1921 гг. привлекаются скорее для иллюстрации, чем для освещения действительного положения горьковских издательств в системе советского государственного издательского дела.

Несмотря на наличие большого количества документов, в том числе давно опубликованных, в имеющихся исследованиях очень слабо освещена та большая помощь, которая постоянно оказывалась Горькому в осуществлении его грандиозных издательских планов Коммунистической партией и Советским правительством, прежде всего Лениным и Луначарским.

Мало и недостаточно четко освещены в имеющейся литературе сложные и противоречивые обстоятельства, те огромные трудности чаще объективного, но иногда и субъективного характера, которые сопровождали с самого начала деятельность горьковских издательств и привели к прекращению их работы.

Мы не пытались детально исследовать деятельность двух горьковских издательств, это невозможно в пределах одной статьи. Свою задачу мы видели в том, чтобы ввести в научный оборот новые документы, впервые извлеченные из архивов, и связать их в одну систему с документами, уже достаточно известными, но получившими теперь новое освещение.

Вплоть до лета 1918 г. Горький много времени и творческой энергии отдавал работе в различных научно-просветительских и общественно-литературных организациях, таких, как «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», «Культура и свобода», «Лига социального воспитания», «Союз деятелей

* Документы, хранящиеся в ЦПА ИМЛ, подготовлены к печати и предоставлены автору статьи В. Д. Зельдовичем и А. П. Тропиной.

искусств» и др. После прекращения их деятельности он обращается к мысли о необходимости издания книг для народа.

20 августа 1918 г. Горький, А. Н. Тихонов, З. И. Гржебин и И. П. Ладыжников заключили договор об организации издательства «Всемирная литература»². Первоначальная программа издательства предусматривала переводы на русский язык и издания со «вступительными статьями, примечаниями и рисунками» избранных произведений иностранной художественной литературы XVIII — нач. XX в., а также издание избранных произведений русских писателей того же времени. Договор уполномочивал Горького вести с Наркомпросом переговоры об организации издательства, причем с самого начала предполагалось, что издательство будет финансироваться Советским правительством через Наркомпрос.

Возможно, между 20 и 30 августа 1918 г. Горький и Луначарский провели несколько бесед о целях и задачах издательства. Через шесть лет Луначарский вспоминал: «Я еще помню, с какой робостью мы с Рязановым подходили к Горькому, чтобы через посредство издательства „Всемирная литература“ перекинуть к нему мост от партии. Ведь всем хотелось сохранить за нею этого блестящего писателя...»³.

Безусловно, Ленин хорошо знал об этих переговорах и приветствовал возвращение Горького к сотрудничеству с большевистской партией в деле культурного строительства в стране.

30 августа 1918 г. Луначарский, приехавший в Москву, доложил на заседании Коллегии Наркомпроса о проекте договора с Горьким и смете издательства на 2-е полугодие 1918 г., представленных Горьким⁴. По смете до конца года на расходы издательства требовалось 9 млн. 500 тыс. рублей, а так как бюджет Наркомпроса уже был утвержден, то Коллегия постановила обратиться в Совнарком с просьбой выделить Наркомпросу дополнительные средства специально для организации издательства. Проект договора и смета Коллегией были в принципе приняты, а Луначарскому было предложено «продолжить переговоры с Горьким и выяснить дальнейший план издания»⁵. Последнее замечание было вызвано намерением Горького издавать под своей редакцией также произведения классиков русской литературы, в то время как по декрету о Государственном издательстве и постановлению Коллегии Наркомпроса от 14 февраля 1918 г. это право в течение пяти лет принадлежало только Наркомпросу (его Литературно-издательскому отделу).

Обращает на себя внимание тогда же выраженное Коллегией пожелание, чтобы: 1) Максим Горький не был связан ни с какой определенной группой в качестве коллективной редакции издательства, 2) чтобы приглашение редакторов и комментаторов происходило с ведома Комиссариата и 3) чтобы текст предисловий и сопроводительных статей проходил предварительно через Комиссариат.

Эти требования будут понятны, если учесть, что именем Горького в первой половине 1918 г. не раз прикрывались различные группировки буржуазной интеллигенции, не только редакция газеты «Новая жизнь», но и Союз деятелей искусств, требовавший от Наркомпроса передачи ему руководства искусством в стране. Идея государственного партийного руководства искусством красной нитью проходит через все высказывания Луначарского того периода. В одной из статей он так писал, отвечая мелкобуржуазной интеллигенции: «Мы рады вашему сотрудничеству, мы принимаем каждого человека доброй воли, но, извините, руководство еще на более или менее длительный период должно остаться за коммунистами или лицами, пользующимися безусловным политическим доверием партии»⁶.

30 августа было совершено покушение на Ленина. Боязнь за жизнь близкого друга, вождя революции заставила Горького приехать в Москву, и он встретился с Владимиром Ильичем. В газетах сообщалось, что их беседа была посвящена взглядам Горького на задачи культурной работы Советской власти и что «тов. Ленин отнесся к планам М. Горького с большим сочувствием»⁷. В это же время Горький передает права на издание всех своих сочинений издательству ЦК РКП(б) «Коммунист». Об этом писала вся печать⁸. В газетных сообщениях подчеркивалось, что между наркомом Луначарским и Горьким достигнута договоренность о конкретной помощи писателя Наркомпросу в деле культурного строительства в стране; сообща-

лось, что создается специальное издательство во главе с Горьким, двухнедельный журнал под редакцией Луначарского и Горького, где «будут собираться все сведения о творчестве в Советской Республике» и т. д.

Уже 4 сентября 1918 г. Наркомпрос в лице Луначарского и литературно-издательская группа в лице Горького подписали договор об организации издательства «Всемирная литература»⁹.

По этому договору издательство создавалось при Наркомпросе на автономных началах и только для редакционной подготовки книг к печати. При этом Горькому предоставлялась полная свобода в руководстве делами издательства: выборе книг для издания и установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, подборе авторов, переводчиков и редакторов и т. д.

В договоре речь шла об издании только иностранной художественной литературы.

Был принят план Горького всю намеченную к изданию литературу выпускать в виде массовых брошюр и отдельных книг, причем всего предполагалось в течение трех лет издать около 2000 брошюр и 800 томов.

По договору Наркомпрос обязан был все приготовленные издательством рукописи сдавать полностью в набор «без всякой задержки» (пункт 3), т. е. должен был взять на себя все заботы по печатанию продукции издательства. Однако этому противоречили пункты 7-й и 8-й договора, по которым Наркомпрос обязывался принять все меры к тому, чтобы предоставить в полное пользование издательства «Всемирная литература» государственную или частную типографию, причем техническое наблюдение за набором и печатанием книг должно было осуществлять само издательство.

Заметим, что 21 октября 1918 г. по постановлению Президиума ВСНХ издательству была выделена в Петрограде хорошо оборудованная типография закрытой газеты «Копейка», а когда Горький выразил неудовольствие тем, что комиссар типографии плохо выполняет его указания, комиссаром типографии был назначен сам Горький¹⁰.

Но это произошло позднее, а пока Луначарский направил в Совет Народных Комиссаров постановление Коллегии от 30 августа, договор с Горьким и проект сметы, сообщая, что Горький согласился на все предложения Коллегии, взяв на себя в дополнение к подписанному договору соответствующие обязательства перед Наркомпросом¹¹.

11 сентября 1918 г. Совнарком под председательством Я. М. Свердлова (Ленин был еще болен) рассмотрел эти материалы и постановил договор с Горьким утвердить, а издательству в счет аванса предоставить 1 млн. руб. из средств Наркомпроса. Остальные деньги Наркомпрос тоже должен был выделить из своего бюджета¹².

Сделать это было очень трудно, так как все средства Наркомпроса были распределены заранее, необходимо было снова пересмотреть бюджет Комиссариата. Эта работа продолжалась около месяца, пока, наконец, Наркомпрос не представил Совнаркому убедительные данные о невозможности выкроить средства из имеющегося бюджета. 2 ноября 1918 г. Совнарком, согласившись с этими данными, постановил отпустить Наркомпросу из резерва правительства 6 млн. 657 тыс. руб. специально для издательства «Всемирная литература». При ознакомлении с текстом договора в нем были найдены указанные выше противоречия, поэтому в том же постановлении Наркомату юстиции было предложено при участии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в недельный срок «тщательно изучить этот договор» и представить в Совет Народных Комиссаров свое заключение¹³.

Комиссия, назначенная Совнаркомом, обратила внимание на противоречия в договоре, и 21 ноября по предложению этой комиссии к договору было добавлено соглашение, касающееся технической части издания¹⁴. По этому соглашению с Наркомпроса снималось обязательство издавать книги, так как это обязательство ничем не обеспечивалось: кроме и без того перегруженного, крошечного аппарата Литературно-издательского и некоторых других отделов, у Наркомпроса никаких издательско-технических сил не было. При подписании договора Луначарский явно переоценил издательские возможности своего ведомства.

Хотя договор был исправлен, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции не дал разрешения на перевод Горькому суммы, утвержденной Совнаркомом. Об этом сви-

ЛУНАЧАРСКИЙ И ГОРЬКИЙ

Москва, 1929 г.

Фотография

детельствует телеграмма Горького и заместителя наркома просвещения в Петрограде З. Г. Гринберга Луначарскому, которую, согласно распоряжению Луначарского, управление делами Наркомпроса 14 декабря 1918 г. переслало Ленину¹⁵.

После этого деньги Горькому, видимо, были высланы, так как вопрос об ассигнованиях в последующей переписке больше не затрагивался.

Пока происходили все эти заседания, совещания, велась переписка и т. д., имевшие своей целью узаконить существование издательства Горького и определить его место в системе государственных учреждений, Горький с группой ближайших сотрудников работал над подробным планом издательства, распределяя заказы между переводчиками и редакторами.

В процессе этой подготовительной работы он снова вернулся к мысли о необходимости издания русской художественной литературы XVIII—XIX вв. 19 декабря 1918 г. он представил в Наркомпрос докладную записку, в которой предложил передать ему, кроме права издания всей переводной литературы, также и издание литературы отечественной, как классической, так и современной¹⁶. Но в это время, как было сказано, уже около года работал Литературно-издательский отдел (ЛИО) Наркомпроса, который успешно осуществлял издание русских классиков в двух сериях: основной и для малоподготовленного читателя («Народная библиотека»)¹⁷.

С мая 1918 г. по май 1919 г. ЛИО издал 142 книги русской классической литературы общим тиражом более 8 миллионов экземпляров¹⁸. Это были очень дешевые книги, так как частью они печатались с дореволюционных матриц. Характеризуя работу этого издательства, Луначарский в октябре 1918 г. с гордостью писал: «...Но не назовет ли всякий чудом и то, что в год столь трагический и тяжелый, почти без бумаги и типографий государство смогло здесь, в Петербурге, развернуть такую издательскую работу, которая ставит наше государственное издательство впереди всех имеющихся до сих пор в России. Мы издали дешевых книг (собраний сочинений классиков) более

чем на десять миллионов рублей. Достаточно привести маленький пример из отчета издательства: если бы поставить все изданные за этот год (с января по октябрь 1918 г. — Л. Х.) книги на полку одну к другой, то потребовалась бы полка, равная расстоянию от Москвы до Петербурга. Пусть с этой колоссальной полки снимают мозолистые руки крестьян и рабочих томы, написанные когда-то именно для них великими русскими писателями, но до сих пор до них не доходившие»¹⁹.

План Горького дублировал уже существовавшее издательство, нарушая государственную монополию, и вызвал, по-видимому, возражения, поскольку 9 января 1919 г. Малый Совнарком, заслушав доклад заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского о проекте договора об организации нового издательства Горького «Русская литература», с не менее широкими планами, чем издательство «Всемирная литература», отложил вопрос «до приезда и личного доклада Горького». Ленин, знакомый с деятельностью Литературно-издательского отдела Наркомпроса, утвердил это решение²⁰.

Работа по переводу произведений мировой литературы продвигалась быстрыми темпами, в переводчиках и редакторах недостатка не было. С каждым месяцем накапливались рукописи, готовые к набору; в типографии «Копейки» уже не хватало шрифта для набора все новых и новых книг. Однако за полгода деятельности издательства, вопреки всем планам (по договору планировалось выпустить до 1 января 1919 г. не менее 200 брошюр и 60 томов), не было выпущено ни одной брошюры, так как издательство «Всемирная литература» не было и не могло быть включено в государственный план снабжения бумагой на 1918—1919 гг. В стране был бумажный голод, вся бумага уже была распределена между существовавшими государственными издательствами, получавшими ее по скудной норме, частные и кооперативные издательства, выпускавшие несколько книг в год, добывали бумагу почти всегда сами. Для такого огромного издательства, как «Всемирная литература», нужно было очень много бумаги, частным путем достать ее было невозможно. Выдать бумагу из государственных запасов, уже распределенных на год, — значило сократить планы издания партийных, государственных и ведомственных издательств. Вопрос еще более осложнялся тем, что издательское дело в стране в то время вообще не было упорядочено, часть издательств дублировала друг друга, велись споры из-за типографий, бумаги и т. д. Вот почему неоднократные обращения Горького в орган, ведавший производством и распределением бумаги, — Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум) и его Петроградское отделение (Правбум) результатов не давали. Положение становилось критическим.

Тогда 6 марта 1919 г. Горький обратился к Ленину с телеграммой: «Дело, в которое вложено столь много энергии и которое обещает колоссальные результаты, должно погибнуть. Прошу Вашего содействия»²¹.

Телеграмма была направлена в два адреса: Ленину и наркому торговли и промышленности Л. Б. Красину (ему в то время подчинялся Главбум). Пользуясь поездкой М. Ф. Андреевой в Москву, Горький и через нее обращается к Ленину с жалобой на Правбум, который упорно отказывался отпустить издательству бумагу, сначала выдав, а потом аннулировав свое же разрешение.

Ленин был противником «волевых» решений; несмотря на все свои симпатии к Горькому, он считал необходимым выслушать мнение и другой заинтересованной стороны. Поэтому 12 марта 1919 г. он посылает Красину записку, в которой запрашивает: «Кто такой Правбум? Нельзя ли достать копии его разрешения и его аннулирования? Кому подчинен Правбум? Я должен буду затребовать у него отзыва, а кстати, запросить поточнее, на какие книги и брошюры просит „Всемирная литература“»²².

Красин ответил (на обороте ленинской записки): «Упорный отказ Питера в отпуске этой бумаги, месяцами лежащей без употребления, есть несомненный и злостный саботаж, не знаю лишь, Правбума, Левбума или какого-либо иного бума. 17/III. К р а с и н»²³.

О дальнейших шагах, предпринятых Лениным, мы можем судить по письму, подписанному Горьким и заведующим техническим отделом издательства «Всемирная литература» Гржебиным и адресованным Петроградскому Совету. В этом письме от 26 марта говорится: «Уважаемые товарищи! Согласно резолюции <Президиума> ЦИКа

по докладу тов. Ленина о предоставлении издательству „Всемирная литература“ при Народном комиссариате по просвещению печатной бумаги, Главбум прислал по нашему адресу следующую телеграмму: „Всемирная литература“ может получить 6670 (пудов) печатной (бумаги), если Петроградский Совдеп даст согласие числить эту бумагу с фонда общественно полезных изданий (в) 2 тысячи (пудов) в месяц, находящегося (в) его распоряжении. (При) предоставлении согласия Совдепа Правбуму бумагу получите. Картон предназначен (для) железнодорожных билетов. Выясняем возможность, через день ответим». Доводя о вышеизложенном до вашего сведения, просим выдать нам в возможно срочном порядке необходимое распоряжение. Считаем нужным поставить вас в известность, что у нас набрано около 700 листов и дальнейший набор, как и продолжение самого издательства, в случае неполучения бумаги считаем бессмысленным»²⁴.

Обращение Ленина в Президиум ВЦИК свидетельствует о том, что Ленин, оставшись неудовлетворенным ответом Красина, принял все меры для того, чтобы лично разобраться в этом деле.

Несмотря на отрицательную резолюцию, наложенную каким-то ответственным работником Петроградского Совета на письме «Всемирной литературы»: «Отказать. Бумагу передать издательству Петроградского Совета», — предложение Ленина, хотя и с опозданием, было выполнено²⁵.

Между тем жизнь шла вперед. В результате работы специальной комиссии ЦК РКП(б) во главе с Луначарским произошло объединение всего издательского дела в стране, было создано единое Государственное издательство РСФСР²⁶. Во главе издательства партия поставила В. В. Воровского. В связи с начавшейся реформой издательств и ликвидацией Литературно-издательского отдела Наркомпроса, который вливался в Госиздат, Горький на этот раз в письме к Воровскому 26 апреля 1919 г. снова ставит вопрос об организации под его руководством «критико-исторического издания» «Русская литература XIX в.» в объеме 400—500 томов, «с биографиями авторов, очерками эпохи и разного рода примечаниями»²⁷. Он ссылается на одобрение Луначарским этого плана. Горький информирует Воровского о деятельности «Всемирной литературы»:

«Теперь нами организовано издание „Литературы Востока“, в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими.

Мы даем новый перевод Библии, а кроме того, тюбингенское критическое издание ее, даем литературу Китая, Японии, Тибета, Монголии, Персии, арабов, Турции и т. д., вплоть до индусской, египетской и ассирийского эпоса.

Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы. Но еще более крупным я считаю агитационное значение „Всемирной литературы“, которая охватывает в нашем плане все, что создано европейской мыслью от Вольтера до Анатоля Франса, от Свифта до Уэллса, от Гете до Рихарда Демеля и т. д.

На днях будет готов наш проспект, напечатанный по-английски, по-немецки и по-французски, мы посылаем его во все страны: в Германию, Францию, Америку, Италию, Англию, скандинавам и пр.

Как видите — задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе.

Этому делу власть должна энергично помогать, ибо пока — это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она может осуществить»²⁸.

Через два дня после письма Воровскому о «Русской литературе XIX в.» Горький подписывает с Луначарским соглашение (дополнительное к договорам 4 сентября и 21 ноября 1918 г.), по которому в составе издательства «Всемирная литература» открывался отдел «Русская литература XX века»²⁹.

Препровождая это соглашение Воровскому, Горький 4 мая 1919 г. писал ему о вновь расширившихся задачах издательства: «Цель „Всемирной литературы“ — взять в свои руки издание всей художественной литературы, в том числе и текущей» и предлагал согласовать планы издания книг в целях устранения параллелизма в работе³⁰. Тут же он запрашивал: «Как стоит дело с „Русской литературой XIX века“?»

Воровский не мог еще ответить на это письмо, так как Центральная редакционная коллегия Госиздата РСФСР была утверждена Совнаркомом 5 июня 1919 г. (Постановление ВЦИК о создании Госиздата было опубликовано 21 мая). Предстояла колоссальной сложности работа по слиянию государственных, партийных и ведомственных издательств Москвы и Петрограда в единое Государственное издательство.

Именно в это время Горький связывает свои замыслы с издательским предприятием З. И. Гржебина и становится во главе его редакционного совета.

Заманчивой для Горького явилась не столько идея огромного частного издательства естественнонаучной и общественно-политической литературы, предложенная Гржебиным, сколько найденный им выход из того тяжелого положения, в котором находилась «Всемирная литература» (и, добавим, вообще все издательства, включая Госиздат) из-за бумажного и начавшегося типографского кризиса. Перенести печатание книг за границу казалось простым и разумным выходом. Гржебин представлялся Горькому «человеком энергичным и в книжном деле опытным», как писал он Воровскому 21 мая 1919 г.³¹

«Дело — огромное, — подчеркивал Горький. — Люди, призванные к работе просвещения народа, должны всячески способствовать его осуществлению и успеху. И вот я горячо прошу Вас помочь всем, чем можете, Зиновию Гржебину осуществить это дело. Да, это будет частное предприятие, но где иной выход для снабжения страны духовной пищей?» Несколько выше в том же письме Горький заверял, что заграничные издатели «не войдут в сношения с Советской властью, но войдут в таковые с частным лицом, особенно если узнают, что дело, им затеянное, имеет чисто культурный и научный характер».

5 июня 1919 г. на первом же заседании Редакционной коллегии Госиздата в присутствии Луначарского Воровский доложил о содержании полученных им предложений Горького. По докладу Воровского были приняты два постановления. 1) *Об издательстве «Всемирная литература»*: «Признать нежелательным передачу книгоиздательству „Всемирная литература“ издания русских классиков и современных писателей. Поручить В. В. Воровскому с А. М. Пешковым рассмотреть список подготовленных и намеченных к печатанию книг для установления, в каком порядке желательно их издание». 2) *Об издательстве «З. И. Гржебин»*: «Отклонить государственное субсидирование частного издательства „З. И. Гржебин“. Предложить издательству „З. И. Гржебин“ взять на себя печатание книг, подготовленных книгоиздательством „Всемирная литература“, в Финляндии на условиях оплаты Государственным издательством всех действительных расходов по печатанию и предоставления З. И. Гржебину 5% из этой суммы на покрытие накладных расходов. Поручить В. В. Воровскому совместно с техниками Государственного издательства выработать условия, гарантирующие действительное получение книг из Финляндии»³².

16 июня 1919 г. издательством «Всемирная литература» была передана в Наркомпрос смета на 2-е полугодие 1919 г. с приложением подробной записки-отчета о его деятельности со времени возникновения³³. В записке указывалось, что в портфеле издательства, кроме рукописей, сданных в набор, только по отделу западной литературы, имеется около 3 тысяч авторских листов готового материала и что в июле на основе выданных ранее 8 тысяч пудов бумаги предполагается выпустить первые 10—15 книг.

«В будущем, — указывалось в записке, авторы которой еще не знали о состоявшемся постановлении Редколлегии Госиздата, — издательство „Всемирная литература“ предполагает расширить круг деятельности этого отдела („Русская литература XX века“), рассматривая его как часть издательской программы, включающей в себя избранные произведения всей русской литературы с момента ее возникновения».

В другом сообщении издательства Госиздату РСФСР 8 июля 1919 г. говорилось, что только что вышли из печати тиражом 10—20 тыс. экземпляров первые 5 книг издательства (Г. де Мопассан «Сильна, как смерть», А. Франс «Остров пингвинов», О. Мирбо «Деревенские рассказы», Г. Д'Аннунцио «Пескарские рассказы» и А. Франс «Дело уличного торговца») и что во втором полугодии 1919 г. планируется выпустить

50 книг основного издания и 100 брошюр народного издания. Кроме того, предполагалось издать 20 книг из серии «Русская литература XX века»³⁴.

10 июля 1919 г. Коллегия Наркомпроса, заслушав доклад Воровского о планах издательства «Всемирная литература», постановила: «Отказаться от предложения издательства „Всемирная литература“ об издании им произведений русской художественной литературы, предоставив Государственному издательству пользоваться для выполнения частных программ услугами „Всемирной литературы“ наравне с различными частными издательствами»³⁵.

Тем временем был составлен первоначальный план издательства З. И. Гржебина и в конце июня 1919 г. представлен в Госиздат³⁶. В составление этого плана Горький вложил немало сил и труда, и если более поздний вариант плана, изданный в Берлине в 1921 г.³⁷, был более или менее плодом коллективной мысли, то программа издательства 1919 г. носит яркий отпечаток личности Горького.

«Книгоиздательство, — говорилось в проспекте, — ставит себе целью напомнить народу его историческую работу в прошлом, осветить все условия настоящего, показать цели в будущем, возбудить в нем чувство историзма, самоуважения, веру в свои силы, дух деятельности, самокритики и любовь к труду, к процессу жизни».

С этой целью должна была выходить специальная историко-культурная библиотека «Жизнь мира» под общей редакцией М. Горького, В. А. Десницкого и А. П. Пинкевича. Библиотеку должны были составить популярно написанные брошюры объемом 2—5 печ. листов каждая, которые группировались в полтора десятка серий. Среди этих серий мы видим серию «История возникновения и развития русского государства» (книги этой серии должны были «дать доступный пониманию широких слоев народа очерк возникновения и развития политической, экономической и культурной жизни народа. Во всех случаях, где это будет признано необходимым, издательство намерено дать параллельные очерки государственного и культурного строительства западных государств»), серию «История развития русской промышленности» (состояла из биографий русских купцов и промышленников), серию «Организация русской церкви и ее деятели» (состояла из очерков по истории церкви, биографий русских церковников и отцов церкви Запада), серии «Деятели культуры, творцы революции и социалистической мысли», «Люди революционного дела, вожди народа», серии биографий других замечательных людей: художников и историков, филологов, педагогов и путешественников. Библиотеку «Жизнь мира» заключали три серии: «Народное творчество» (сборники песен, сказок, пословиц и поговорок), «Книжки для юношества» (произведения С. М. Степянка-Кравчинского, И. С. Тургенева, Гюго, Джованьоли, Э. Войнич и др.) и «Художественная литература» (вся русская классическая и современная литература).

Однако это был еще только первый раздел проекта. За «Жизнью мира» следовали разделы: II — «Человек и природа» (задача его: «дать для одних ряд введений в науку и технических руководств, для других — сводку новейших знаний, приблизить к широкому читателю науку и ее деятелей, сделав их понятными и близкими»), III — «Искусство», IV — «Детская литература».

Универсализм этого издательства не знает себе равных в мировой издательской практике: нет буквально ни одной отрасли науки и техники, ни одной области общественной жизни, которой бы не предполагало заняться издательство, и при этом соблюдалась строгая дифференциация: от популярных брошюр до учебников и от учебников до капитальных монографий. Издательство брало на себя издание не только книг, но даже географических карт и наглядных пособий для школ и вузов.

Много писалось и пишется о грандиозности замысла «Всемирной литературы», но ведь это издательство только художественной литературы, в то время как Гржебин брал на себя обязательство издавать чуть ли не все, что написано человечеством. Вот почему Воровский с недоумением отнесся к этому плану и предложил Гржебину приложить свою энергию прежде всего к печатанию книг «Всемирной литературы».

Однако Гржебин совершенно устранился от дел «Всемирной литературы» и начал заключать договоры с различными государственными учреждениями и получать

авансы под несуществующие издания. Таких авансов ему удалось набрать на несколько миллионов рублей³⁸.

В конце концов это обратило на себя внимание советских и партийных кругов. По поводу некоторых заказов Гржебину со стороны Отдела снабжения Петроградского Компроса бывшему члену коллегии Компроса З. Г. Гринбергу пришлось давать объяснения председателю Петроградского Совета. 25 августа 1919 г. Гринберг писал ему: «Считаю необходимым сообщить, что З. И. Гржебин действительно обратился ко мне и представил письмо тов. Луначарского о том, что издательством Гржебина намечается выпустить целый ряд изданий, в которых принимают участие выдающиеся ученые и писатели, что часть изданий уже разрешена Комиссариатом печати, пропаганды и агитации, что Государственное издательство <...> не ставит препятствий издательству, а потому предлагает Отделу снабжения <Компроса> выяснить, какие книги издательства Гржебина и в каком количестве потребны для школ, читален и библиотек.

При личном разговоре с Гржебиным речь шла о книге Н. Лескова „Запечатленный ангел“ с предисловием М. Горького, на которую обратил мое внимание Алексей Максимович, и двух книгах Горького „Воспоминания о Толстом“ и „Сказки об Италии“. Я признал желательным приобретение этих книг и сделал надписи на копии письма тов. Луначарского: „Прошу заказать согласно отношения и выдать аванс в размере 50% наличия“³⁹. Разумеется, как объяснял далее Гринберг, никаких конкретных переговоров о субсидии издательству со стороны Компроса не велось и о сумме в полтора миллиона, якобы обещанных Гржебину, он слышит впервые.

В Госиздат тоже поступил какой-то запрос, возможно, из Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, так как в протоколе заседания Редколлегии Госиздата 27 августа 1919 г. сохранилась лаконичная запись: «Гос. издательство договора с издательством Гржебина не заключало и никого на заключение этого договора не уполномочивало»⁴⁰.

В это время Гржебин начал выпускать в свет первые книги. Одной из таких книг оказалась книга Луначарского «Великий переворот», где впервые отдельным вкладным был напечатан план издания библиотеки «Жизнь мира». Вскоре после выхода этой книги на первой странице «Правды» 9 ноября 1919 г. появилась заметка «Странное недоразумение» за подписью «Коммунист-рабочий». Заметка начиналась словами: «Передо мной лежит каталог издательства З. И. Гржебина — издательства явно авантюристического». Автор заметки особенное внимание обратил на последнюю страницу каталога, где была напечатана программа серии «Летопись революции», извещавшая о предстоящем выходе в свет мемуаров «выдающихся деятелей революции»... Ф. Дана, М. Либера, Л. Мартова, А. Петросова и В. Чернова. Автор спрашивал Луначарского, книга которого открывала серию, «как он попал в эту почтенную теплую компанию» открытых врагов Советской власти и почему его книга должна была выйти у частного издателя, а не в Государственном издательстве. Тут же указывалось, что, выпустив эту книгу, Гржебин использовал имя популярнейшего партийного литератора в своих корыстных целях⁴¹.

Горький вместе с членами редакционного совета издательства (В. Строевым-Десницким, А. Пинкевичем и З. Гржебиным) обратился в редакцию «Правды» с открытым письмом, в котором протестовал против заметки. Письмо было помещено в газете 2 декабря 1919 г. вместе с «Ответом издательству З. И. Гржебина», подписанным всеми членами редакционной коллегии «Правды». Заметим, что двое из них — Н. Бухарин и Н. Мещеряков — были также членами Редакционной коллегии Госиздата.

Горький заявлял, что, «назвав издательство З. И. Гржебина „авантюристическим“, автор письма грубо оскорбил нас, нижеподписавшихся». В письме содержалось требование сообщить имя автора заметки, чтобы привлечь его к суду за оскорбление.

В ответном письме редакция «Правды» спрашивала: «Зачем издательство ищет стрелочника? Мы, редакция, целиком отвечаем за нашего товарища и готовы держать сами ответ перед кем угодно, не прячась за спину отдельного лица, как пытается спрятаться храброе издательство за спиной всеми уважаемого тов. Горького». Далее в «Ответе» говорилось: «Как назвать издательство с гигантской, поистине рекламной программой, которое принимает „заказ“ на несуществующие у него издания, а затем „платит“ „другими сочинениями“, лишь бы только покрыть полученный под мертвые души

23-го апреля 1920 г.

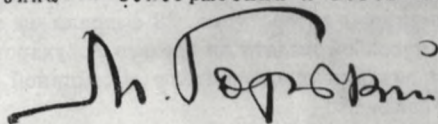
В СОВЕТ ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ.

ЗАЯВЛЕНИЕ М. ГОРЬКОГО.

Прошу Совет Оборонь рассмотреть в заседании 23-го апреля вопрос о поездке за границу моих сотрудников:

По "Всемирной Литературе" А.Н.Тихонова и А.Э.Кована.

По Издательству "З.И.Гржебина" - З.И.Гржебина и Б.Г.Скамони.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГОРЬКОГО В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ 23 АПРЕЛЯ 1920 г.

аванс?» Приводились примеры и политического характера. Лидер правых эсеров Виктор Чернов находился по другую сторону фронта гражданской войны, был объявлен Советской властью «вне закона», а тут оказывается, что Гржебин имеет с ним связь! «По нашему мнению,— писала «Правда», — это — по меньшей мере авантюра политически-коммерческого спекулянта». Вслед за этим приводились другие факты, и «Ответ» заканчивался словами: «Нам только бесконечно жаль, что ловкость привычного „издателя“ г. Гржебина помогла ему запутать в это дело М. Горького».

В конце 1919 г. в издательстве велась работа главным образом по подготовке библиотеки русских классиков в ста томах. План этой библиотеки принадлежал А. А. Блоку.

В это время над типографией «Копейки» нависла серьезная угроза. В Москве и Петрограде тогда проходила концентрация полиграфического производства, укрупнение типографий. Часть рабочих-печатников полиграфической секции Петроградского совнархоза была из типографии переведена на другие предприятия. Протесты Горького, который опасался, что эта мера приведет к разрушению типографии издательства, действия не возымели. Тогда в конце января 1920 г. он обратился к Ленину с подробным письмом, в заключение которого писал: «Просьбу мою прошу рассмотреть не медля и дать мне ответ по телеграфу, ибо разрушение типографии уже начато и ведется весьма энергично»⁴².

На письме Горького Ленин наложил резолюцию: «Воровскому для срочного отзыва. Л е н и н». 31 января Воровский отвечает: «(...) Такое же разрушение типографий продельвается и в Москве (...) Необходимо решительно нажать на ВСНХ и „приказать“. Видимо, Ленин дал соответствующее указание, так как ВСНХ в тот же день послал полиграфической секции Петроградского совнархоза телеграфное распоряжение: «Никакого вмешательства в дела типографии без согласия Горького не производить, прекратить перевод рабочих и возвратить рабочих, взятых из типографии»⁴³.

10 января 1920 г. Воровским, с одной стороны, и Горьким и Гржебиным, с другой, был подписан первый договор Госиздата с издательством Гржебина, совершенно такой же, как десятки других договоров, ранее заключенных Госиздатом с другими частными и кооперативными издательствами. По этому договору Госиздат заказывал Гржебину 16 книг русских классиков (избранные произведения Пушкина, Лермонтова-

ва, Гоголя, Достоевского, Некрасова и др.), 34 книги научно-популярного характера с иллюстрациями и 4 книги педагогической литературы ⁴⁴.

Все заказанные Гржебину издания должны были быть напечатаны за границей на заграничной бумаге, матрицы и клише допускалось изготовить в России. Гржебин обязывался сдать заказанные ему книги до 31 декабря 1920 г. и за это получал 20% комиссионных от продажной цены всего тиража.

Очевидно, решив использовать предстоящую командировку Гржебина с наибольшей пользой для Государственного издательства, Воровский 31 января подписал еще один договор (не с Гржебиным, а с Горьким, так как Гржебина в Москве уже не было), по которому Горький (подразумевался в действительности тот же Гржебин) обязывался приобрести в Финляндии и доставить в Петроград на склад Государственного издательства партию печатной бумаги на общую сумму 25 млн. рублей. Вся доставленная бумага должна была перейти в полное распоряжение Госиздата ⁴⁵.

Положительно был решен Воровским и вопрос о переносе за границу печатания книг «Всемирной литературы». 23 февраля он обратился к заместителю наркома финансов с просьбой выдать из средств Государственного издательства 10 млн. рублей думскими знаками представителю «Всемирной литературы», который готовился выехать в Ревель ⁴⁶.

С самого начала Воровский решил поставить деятельность издательства Гржебина под свой контроль, сузив его колоссальный размах до реальных потребностей и возможностей и тесно увязав его деятельность с деятельностью Государственного издательства. Вольшие сомнения у него вызывал и характер подготовки русских классиков в издательстве Гржебина. Поэтому Гржебину вменялось в обязанность издать именно тексты классиков, уже подготовленные и отредактированные в бывшем ЛИО Наркомпроса, но не вышедшие в свет из-за отсутствия типографских возможностей. Тексты эти находились в распоряжении заведующего Петроградским отделением Госиздата И. И. Ионова, но тот отказался их выдать, ссылаясь на то, что собирается издавать их сам.

Тогда Горький 3 апреля 1920 г. снова пишет Ленину, напоминая, что он уже рассказывал Владимиру Ильичу об организованном им и Гржебиным издании избранных произведений русских классиков XIX в. и что, несмотря на уже имевшуюся договоренность с Воровским, Ионов отказывается выдать Гржебину подготовленные к печати тексты ⁴⁷.

Возможно, после вмешательства Ленина 13 апреля Воровский дал категорическое предписание Ионову выдать издательству Гржебина все необходимые ему рукописи ⁴⁸.

Между тем Наркомат внешней торговли опротестовал решение Госиздата о перенесении печатания книг за границу, так как Госиздат не был правомочен решать подобного рода вопросы.

23 апреля 1920 г. этот вопрос был поставлен на заседании Совета Труда и Оборон, проходившем под председательством Ленина. На заседании были обсуждены предложения Горького и принципиальные возражения заместителя наркома внешней торговли Шейнмана ⁴⁹. Вопрос был достаточно серьезно, чтобы его решить сразу, поэтому СТО предложил рассмотреть его сначала и «в срочном порядке» в комиссии Совнаркома по внешней торговле.

Председателем этого заседания комиссии и основным докладчиком был назначен заведующий Госиздатом Воровский, и таким образом частный вопрос о разрешении двум издательствам («Всемирной литературы» и Гржебина) печатать свои издания за границей был поставлен на уровень государственной книгоиздательской политики.

Комиссия собралась 26 апреля с участием В. Р. Менжинского, представителей Наркомпроса, ВСНХ, Полиграфического отдела ВСНХ, Горького, Гржебина, Тихонова и других специально приглашенных лиц и приняла постановление: «1) Впредь до восстановления полиграфической промышленности и достаточного снабжения ее бумагой признать необходимым печатание за границей наиболее важных для страны изданий; 2) Просить Совет Народных Комиссаров забронировать некоторый фонд для оплаты расходов по печатанию книг за границей; 3) Предварительное определение размеров вышеуказанного фонда Наркомвнешторг представляет на усмотрение Председателя

СНК; 4) На сумму, соответствующую вышеуказанному фонду, Наркомвнешторг открывает Государственному издательству кредит (...) 6) На предмет выяснения возможности печатания изданий за границей разрешить выезд за границу Гржебину и Тихонову».

Уже на следующий день, 27 апреля, Совнарком под председательством Ленина утвердил это решение комиссии и определил кредит, открываемый Наркомвнешторгом Госиздату, в размере 50 тыс. фунтов стерлингов⁵⁰.

В реализации этого постановления встретились новые трудности, так как у государства не хватало валютных запасов. Наркомвнешторг, например, отказался поддержать просьбу Горького о командировке за границу вслед за Гржебиным и Тихоновым также типографских техников, считая вообще задачу печатания книг за границей неосуществимой. «Даже буквари, — телеграфировал Л. Б. Красин Горькому 10 мая 1920 г., — мы едва ли будем в состоянии печатать за границей, по отсутствию средств вынуждены отказывать лазаретам и детским приютам в отпуске сгущенного молока и лекарств. Убедительно советуя поставить крест над неосуществимым в ближайшее время планом заграничных заказов»⁵¹.

Вскоре к скептицизму наркома внешней торговли присоединились дополнительные обстоятельства.

Поскольку в постановлении Совнаркома речь шла об издании за границей только «наиболее важных для страны изданий», то когда Госиздат решил перевести за границу деньги Гржебину и Тихонову, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, основываясь на этом решении, задержал чек Госиздата.

13 мая 1920 г. Малый Совнарком, заслушав доклад Воровского, решил снять запретительный гриф Наркомата РКИ, но после протеста замнаркома РКП В. А. Аванесова, допустившего перевод денег для «Всемирной литературы», бывшей автономным отделом Госиздата, но категорически возражавшего против выдачи валюты частному издательству Гржебина, Совнарком снова вернулся к этому вопросу⁵².

24 мая Малый Совнарком постановил: «Предложить НК РКИ выяснить целесообразность исполнения договора Госиздата с Гржебиным, проверить, в какой мере исполнен договор со стороны Государственного издательства и Гржебина, и в зависимости от этого принять те или иные меры»⁵³.

Горький не остался безучастным свидетелем этого спора между Госиздатом и НК РКИ. Как это видно из письма Гржебина в Госиздат 3 июня 1920 г., «издательство через главного своего редактора М. Горького еще в апреле месяце с. г. предложило Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Ленину и члену коллегии Рабоче-крестьянской инспекции тов. Аванесову произвести ревизию дел издательства»⁵⁴.

26 июня 1920 г. Горький пишет Ленину о том, что среди отправляемых им за границу для издания рукописей, намеченных для печатания, имеются мемуары Чернова и Мартова, которые Наркоминдел может не пропустить. К письму он приложил свой отзыв, в котором одобрительно говорил об автобиографии Мартова, а относительно рукописи Чернова указывал, что она, «хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном», но содержит ряд ценных фактов⁵⁵.

Ленин направил письмо Горького и рукописи заместителю наркома иностранных дел Л. М. Карахану, попросив его показать рукописи перед отсылкой их за границу сведущим людям⁵⁶.

Разрешение этого частного вопроса, должно быть, воодушевило Горького, так как 17 июля в письме к Ленину и в приложенных к письму двух заявлениях в Совнарком он снова поднимает вопрос о финансировании на этот раз уже обоих издательств — «Всемирной литературы» и Гржебина⁵⁷. Первому издательству он просит выдать 10 миллионов думскими знаками для организации печатания книг в Германии, а издательству Гржебина — 10 миллионов рублей для оплаты специалистов в Петрограде, привлеченных им к работе издательства.

В этом письме Горький писал о «миллионах хороших книг», которые в случае выполнения его просьбы появятся «через три месяца», просил не разрушать «из-за пустяков» «два дела, которыми через три-четыре месяца Советская власть получит возможность хвастаться».

Ленин обратил внимание на содержащееся в письме Горького указание, что переведенные в Ревель 50 тыс. фунтов лежат там мертвым грузом, так как Государственному издательству, для которого предназначались эти деньги, по словам Горького, «печатать за границей — нечего». Выходило, таким образом, что немалая сумма денег в валюте, выделенная правительством для печатания за границей «наиболее важных для страны изданий», Государственным издательством не использовалась по назначению⁵⁸.

Подлинное письмо Горького и два его заявления в Малый Совнарком по распоряжению Ленина были пересланы в Госиздат.

Письмо Ленину было впервые опубликовано в 1958 г., что касается двух заявлений Горького, то они не напечатаны, а краткая аннотация этих документов в «Историческом архиве» неточно передает их содержание.

В первом из указанных документов Горький просил отменить постановление Малого Совнаркома от 24 мая, опротестовавшего выдачу издательству Гржебина 10 миллионов рублей советскими знаками. Деньги эти нужны были для платы сотрудникам «по организации издания научных и технических книг, крайне необходимых». Горький указывал, что принятое постановление «разрушает вполне налаженное дело печатания книг за границей», и просил Совнарком отменить прежнее решение и выдать 10 млн. за выездом Гржебина в Германию М. Горькому, как главному редактору и организатору книгоиздательства З. Гржебина⁵⁹.

На документе имеется надпись секретаря Ленина Л. А. Фотиевой: «Когда идет в М(алом) С(овнаркоме)?» — и чей-то ответ: «Рассматриваться вопрос будет в субботу 7/VIII—20 г.».

Во втором заявлении Горького содержится просьба отменить решение Малого Совнаркома, запретившее выдачу «Всемирной литературе» 10 млн. рублей думскими знаками для печатания книг за границей. «Этим решением, — писал Горький, — мотивы которого заведующему названным издательством не сообщены, ликвидируется предприятие, заготовившее к печати свыше 6 тысяч листов избранных сочинений европейской литературы XIX в. Это решение бесплодно уничтожает несколько десятков миллионов советских денег, затраченных на организацию издательства и на оплату сотен рукописей, которых невозможно печатать в Республике Советской по неимению бумаги. Решение это лишает работы десятки литераторов и несколько сотен переводчиков»⁶⁰. Указанную сумму он просил выдать из денег, выделенных постановлением Совнаркома 26 апреля 1920 г. Государственному издательству, «которое не может использовать эти деньги на издание за границей политической литературы и не издает там вообще никаких книг».

Как раз в это время, в июле 1920 г., Воровский тяжело заболел, и этим вопросом вновь стал заниматься Луначарский. Из протокола Малого Совета Народных Комиссаров от 29 июля видно, что он выступил докладчиком по жалобам Горького. Дело о финансировании горьковских издательств в связи с какими-то возникшими вопросами было снова отложено⁶¹.

Еще в присутствии Воровского, в конце июня 1920 г., перед Центральным Комитетом партии был поставлен вопрос о реорганизации управления Госиздатом в связи с предстоящим переходом Воровского на дипломатическую работу. ЦК РКП(б) принял проект Редколлегии Госиздата о разграничении редакционных и административно-технических функций в Госиздате, ранее выполнявшихся одним Воровским. Заведующим административно-техническим аппаратом издательства Политбюро ЦК утвердило С. М. Закса-Гладнева⁶².

Закс-Гладнев, старый издательский работник, хорошо знал Гржебина как ловкого предпринимателя, ему приходилось работать с Гржебиным еще до революции в издательстве «Шиповник», сталкивался он с ним и в то время, когда являлся заведующим техническим аппаратом «Правды» (1917 г.), а Гржебин занимался распределением уже тогда дефицитной бумаги между газетами социалистического направления.

С первых же шагов своей деятельности Закс-Гладнев занял твердую позицию по отношению к издательству Гржебина. Именно поэтому вопрос об издательстве Гржебина на продолжительное время стал в центре внимания партийных и советских органов, в то время как «Всемирная литература» в последующей переписке почти не упоминается.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«ОСВОБОЖДЕННЫЙ ДОН-
КИХОТ» (1922 г.) С ДАРСТВЕН-
НОЙ НАДПИСЬЮ
Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой
Над(ежде) Конст(антиновне)
Крупской автор. 4/1»

Уже 5 августа 1920 г. Редакционная коллегия Госиздата (М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Н. Л. Мещеряков и С. М. Закс), обсудив вопрос «О заявлении М. Горького в Малый Совнарком», единогласно постановила: «Ссылаясь на свое прежде принятое решение о З. Гржебине и М. Горьком, Коллегия постановляет: ходатайство М. Горького за З. Гржебина не удовлетворять. От „Всемирной литературы“ затребовать отчеты»⁶³.

Такая справка о книгах, изданных «Всемирной литературой» до 20 августа 1920 г., была представлена в Госиздат за подписью Горького 21 августа⁶⁴. Из нее видно, что за два года издательство выпустило в свет 13 книг основного издания (каждая тиражом 10—13 тыс. экз.), 2 каталога, 2 сборника статей и 36 брошюр народной библиотеки (каждая тиражом 20 тыс. экз.).

2 сентября 1920 г. Редколлегия Госиздата, решив проверить выполнение Гржебиным договора, заключенного им с Воровским, затребовала от него представления не перечня книг, а рукописей, подготовленных им к набору⁶⁵. При подготовке этого решения, очевидно, был учтен опыт предыдущей деятельности Гржебина, который набирал заказы и получал авансы под несуществующие издания.

Редколлегия при этом не учла, что Гржебин был за границей и за дела издательства отвечал лично Горький. Горького не могло не задеть это требование, и уже 9 сентября Редколлегия Госиздата с участием представителей всех отделов издательства снова вернулась к рассмотрению вопроса о Гржебине. По докладу Закса было принято развернутое постановление, в котором между прочим говорилось: «Если мы вынуждены терпеть до времени кустарные попытки со стороны отдельных лиц, то кустарные попытки издания книг за счет государства ни в каком случае не могут быть терпимы. В противном случае лучше просто ликвидировать Центральный издательский аппарат и обратиться к старому способу предоставления инициативы отдельным учреждениям и отдельным лицам с субсидией от государства»⁶⁶.

Заметим, что в это время еще не было известно о практической деятельности Гржебина за границей. Речь шла о том, что Редколлегия Госиздата до сих пор не видела

ни одной рукописи, которые Гржебин собирался печатать за границей на деньги того же Госиздата.

На следующий день, 10 сентября, в Госиздат из Петрограда пришло письмо заведующего Севцентропечатью А. М. Гертника, в котором тот подробно писал об истории издательства Гржебина с весны 1919 г. и заключал: «Гора родила мышь. Из сотен книг, намеченных в программе, и десятков книг, на которые приняты заказы и получены задатки, выпущено в свет свыше чем за полтора года 5 или в лучшем случае 9 названий, из них новых только 4, а остальные — перепечатки. Вся издательская деятельность Гржебина характеризуется следующим: скупка почти всех русских писателей, в том числе кое-кого из коммунистических, и, по слухам, за бесценок; разработал большую программу и разрекламировал свою деятельность, получил громадные заказы и громадные авансы и выжидал благоприятного времени, когда он сможет появиться на книжном рынке полным монополистом, а пока, чтобы была видимость деятельности, выпускает время от времени никому не нужные брошюрки»⁶⁷.

Тем временем Горький приехал в Москву и добился созыва специальной комиссии ЦК РКП(б) для рассмотрения вопроса о дальнейшей судьбе издательства Гржебина, ведь вопрос о переводе в Петроград 10 миллионов рублей для платы сотрудникам издательства так и не был решен.

Обстоятельства работы этой комиссии (руководителем ее был назначен председатель ВСНХ А. И. Рыков) нам неизвестны. В состав этой комиссии входили Луначарский, заместитель наркома внешней торговли А. М. Лежава и член Редколлегии Госиздата Е. А. Преображенский. Комиссия собиралась несколько раз и приняла несколько решений по издательству Гржебина. 15 сентября Комиссия решила «для обеспечения дальнейшего печатания рукописей», уже сданных Гржебиным в Германии в печать, отпустить ему до 500 тысяч марок. «Книгоиздательство Гржебина, — как записано в решении Комиссии, — пользуется этими деньгами как на территории Германии, так переводит их и в другие страны по представлению соответствующих договоров и счетов»⁶⁸.

Материалов самой Комиссии ЦК РКП(б) нам найти не удалось, но некоторое представление о ее работе можно получить из следующего письма Луначарского Рыкову 18 сентября 1920 г.:

«Дорогой товарищ,

Только что вернулся от Горького и, таким образом, могу одновременно послать Вам два дела в одном пакете. Прошу Вас прочесть внимательно возражения Горького на некоторые из принятых в совещании возражений (так в тексте. — Л. Х.). Часть их по пункту первому отпадают сами собой, так как практически их провести сейчас нельзя, притом же, просмотрев еще раз список отправленных за границу рукописей, я нахожу, что хотя там и есть небольшое количество вещей относительно не особенно полезных (но и не вредных), но в большинстве это все-таки очень хорошие и нужные книги.

Что касается пункта второго, то это скорей не возражение, а разъяснение. Самым важным является замечание на пункт 5 с примечанием. Я думаю, что здесь следует пойти навстречу желаниям Горького, то есть, во-первых, распорядиться, чтобы Государственное издательство все расходы по оплате гонораров отпуская не по точно предъявляемым счетам (потому что в этом есть доля какого-то недоверия к Горькому, между тем как 5 миллионов уже были истрачены и все счета были им представлены), а путем авансов.

Если цифра 10 миллионов советскими деньгами, на которой настаивает Горький, кажется Вам большой, распорядитесь, чтобы выдали 5—6 миллионов, а через несколько времени и остальные. Ведь в самом же деле, не растратит Горький этих денег, между тем это предварительное предъявление счетов из Петрограда в Москву его до крайности обижает. Так же точно думается мне, что передача всех приобретенных Гржебиным рукописей в фонд Государственного издательства преждевременна. В конце концов, они все хранятся под ответственностью Горького, и когда у нас будет достаточно сильный аппарат, чтобы взять Гржебина, рукописи, естественно, перейдут к нам.

6-й пункт также является разъяснением и, думается мне, вполне приемлем. 7-й пункт — тем более.

Итак, фактически дело идет о том, чтобы отпустить сейчас же Горькому 5—6 млн. рублей и <не> настаивать на передаче всех рукописей, за исключением печатаемых, непосредственно в фонд Государственного издательства. Горький так огорчен, что его большая культурная работа (а он-таки делает большую культурную работу в Петрограде) встречает массу придирок и препятствий. Ему, несомненно, надо развязать руки, не Гржебину, а ему. Гржебина мы достаточно связали всякого рода контролем. Надеюсь, что Вы станете на ту же точку зрения. Лежава возражать не будет. С этими сравнительно небольшими поправками договор может быть утвержден.

Прошу Вас по выяснении осведомить Горького о Вашем решении.

Пару слов по-человечески. Горького я застал ужасно расстроенным. Когда он рассказывал мне о том, каким придиркам подвергался организованный им, превосходный и вызывавший восторг всех делегатов Конгресса Коминтерна Дом Науки, то он даже чуть-чуть не расплакался и заявил мне, что в случае дальнейших придирок он просто бросит все и уйдет в какой-нибудь угол. К чему все эти мелкие придирки? Мне хотелось бы оказывать Горькому более реальную помощь, чем до сих пор, но я убеждался, что даже сочувствие Владимира Ильича к его предприятиям не освобождает его от неприятностей. Надо в этом отношении принять какое-то твердое решение и сделать какое-то распоряжение. Пусть в этой области, совершенно невинной политически области, области подкармливания ученых, использования их силы в аполитичной культурной области Горький заработает до некоторой степени карт-бланш. Худа от этого никому не будет.

Это я пишу просто как мое глубокое убеждение»⁶⁹.

Луначарский считал, что нужно дать Горькому возможность проявить себя в культурно-издательской работе, воодушевлявшей тогда Горького, не уничтожать издательство Гржебина, а поставить его под строгий контроль опять-таки ради Горького.

Следует думать, что отношение Луначарского определило собой все решения Комиссии, а последние, в свою очередь, не могли не интересоваться Лениным.

22 сентября 1920 г. Комиссия ЦК РКП(б) писала Заксу: «Комиссия Центрального Комитета партии предлагает Вам немедленно выдать М. Горькому шесть миллионов рублей для работ по исполнению договора между Воровским и Гржебиным.

Комиссия постановила отложить все вопросы об исполнении пересмотра договора до приезда Гржебина из-за границы, для ускорения которого она принимает соответствующие меры. Комиссия предлагает тов. Заксу до рассмотрения вопроса книгоиздательства Гржебина Комиссией ни в коем случае не осложнять и не затруднять работу тов. Горькому в Петрограде и за границей по книгоиздательству и поэтому требует с его стороны внимательного и бережного отношения к этому делу»⁷⁰.

В конце сентября 1920 г. на третьей сессии ВЦИК 7-го созыва обсуждался первый отчет Наркомпроса за время с октября 1917 г. В своем докладе (вечером 26 сентября) Луначарский не обошел молчанием крайне трудное положение издательского дела в стране и как на очень большое достижение указывал на то, что, несмотря на огромные трудности, все же удалось напечатать 6 миллионов букварей.

На утреннем заседании 27 сентября содокладчик от Комиссии Президиума ВЦИК по обследованию Наркомпроса В. И. Невский подверг резкой критике издательскую политику Наркомпроса. Указывая, что в стране образовался огромный дефицит на учебники, он предлагал прекратить издание литературы по всем отраслям искусства и бросить все средства на издание учебников. В своем выступлении Невский упрекнул Наркомпрос за затянувшуюся войну с издательством Гржебина, которое, по его словам, давно следовало закрыть, как издательство идеологически чуждое. Присутствовавший на этом заседании Ленин кратко отметил это в своей записи «М(ежду) пр(очим):

„уничтожить изд(ательств)во Гржебина, контрреволюционное“»⁷¹.

По-видимому, это серьезное обвинение запомнил также Закс (или ему об этом доложили работники Госиздата), и через несколько дней, когда Горький приехал в

Госиздат за деньгами для издательства Гржебина, между ними в присутствии председателя Редколлегии Госиздата Н. Л. Мещерякова произошел резкий разговор. Закс, не обладавший мягкостью Воровского или Луначарского, бестактно начал обличать Горького в покровительстве жулику.

Как позднее Заксу пришлось писать в извинительном письме к Горькому, «товарищи из Центрального Комитета нашей партии, которые заинтересовались происшедшим между нами инцидентом, доказали мне, что, стоя на государственном посту и ведя с Вами разговор *официальный*, я не имел права давать волю моим чувствам и высказывать *субъективную* оценку известных обстоятельств» ⁷².

Позиция «товарищей из Центрального Комитета партии» соответствовала, очевидно, точке зрения Владимира Ильича, нетерпимо относившегося к любому проявлению неуважительного отношения к личности посетителя. Тем более — речь шла о Горьком.

Через три месяца Закс в письме к Н. М. Федоровскому так писал об этом: «Жизнь Госиздата протекает все время чрезвычайно бурно. Главным образом приходится вести борьбу с знаменитой „частной инициативой“ в лице таких фруктов, как Э. И. Гржебин <...> У меня лично на этой почве вышел острый конфликт сначала с Горьким, а потом и с Ильичем» ⁷³.

Нет также сомнения, что именно Ленин на заседании Политбюро 6 октября, ознакомившись с докладом комиссии «по делу о столкновении т. Горького с т. Заксом», предложил столь характерную для него резолюцию: «Поручить Оргбюро назначить вместо т. Закса коммуниста заведующим и помощником его крупного спеца» ⁷⁴.

Однако подыскать нового заведующего Госиздатом было очень трудно: еще продолжалась гражданская война, каждый коммунист-организатор был на счету.

Хотя Оргбюро перевело Закса на торговую работу за границей (в Германии), ему опять пришлось заняться делами Государственного издательства, так как в ЦК РКП(б) не нашли другого кандидата на пост заведующего заграничным отделением Госиздата, организуемым для печатания за границей книг издательства.

Пока решался вопрос о Заксе (временно его заменил Д. Л. Вейс), Горький принимал все меры к тому, чтобы реабилитировать в глазах Ленина издательство Гржебина. По-видимому, в одно из своих свиданий с Лениным в конце октября 1920 г. он представил справку о двух договорах, заключенных Заксом с контрагентами Госиздата за границей: И. С. Ремизовым, постоянно жившим в Швейцарии, и А. М. Бродским, руководителем московского кооперативного издательства «Творчество», по командировке не то Госиздата, не то Наркомвнешторга выехавшим в Швецию ⁷⁵.

Сведения о заказанных Госиздатом книгах были представлены ориентировочно и, возможно, не подтвердились (в архиве Госиздата этих двух договоров нам обнаружить не удалось), но Ленин, ознакомившись с ними, 21 октября 1920 г. переслал справку Горького в Госиздат со своим отзывом о некоторых изданиях, заказанных за границей ⁷⁶. Здесь он писал, что из двух научно-популярных книг, печатавшихся Ремизовым, — «Жизнь насекомых» Ж. Фабра и «Чудеса земного шара» Г. Клейна — первая книга — «кустарничество», а книга Клейна — «хорошая книга, надо больше» (печаталось 20 тыс. экз.).

Ленин в справке Горького обратил внимание на то, что в отличие от Ремизова, расчеты с которым должны были производиться швейцарскими франками (160 тыс. франков), Бродскому были заказаны биографии музыкантов и художников, а также разрезной букварь на общую сумму в 1 200 000 золотых рублей. Ленин подчеркнул слова «золотых рублей» и написал внизу: «Никому не нужное и несвоевременное предприятие».

Когда Горький узнал, что Закс, смещенный с поста заведующего Госиздатом, тем не менее собирается за границу от Государственного издательства, он был встревожен.

Как видно из письма Луначарского Ленину, датируемого концом октября, Горький немедленно приехал к наркому и «с ужасом» сообщил, что «Закс (известный гржебиноед) назначен книжным диктатором за границу» и что, по словам Горького, «он, конечно, гржебинское дело разрушит» ⁷⁷.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«Гр. ГИАЦИНТ СЕРРАТИ, ИЛИ
РЕВОЛЮЦИОННО-ОПОРТУНИСТИЧЕСКАЯ АМФИ-
БИЯ» С ДАРСТВЕННОЙ НАД-
ПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ:
«Дорогой Надежде Константи-
новне Крупской от автора 9/V
1922 г. Кремль»

Дорогой Надежде Константиновне
А. ЛУНАЧАРСКИЙ *Крупской*
от автора

19 9/2 22
Кремль

Гр. ГИАЦИНТ СЕРРАТИ,
ИЛИ РЕВОЛЮЦИОННО-
ОПОРТУНИСТИЧЕСКАЯ
АМФИБИЯ

ПЕТРОГРАД.
Издание Коммунистического Интернационала
1922.

Сообщение Горького застало Луначарского врасплох, и он с обидой в том же письме писал Ленину, что только «стороной, чуть ли не от обывателей» он узнает о решениях Центрального Комитета, относящихся к деятельности Госиздата: о назначении Закса за границу, о кандидатуре К. С. Еремеева, выдвигаемого на его место. «Либо заберите у меня Госиздат, — писал Луначарский, — либо принимайте от него решения, хотя бы с моего ведома! Тов. Крестинскому я об этом говорил. Он обещает, а дело идет по-старому».

Ленин очень внимательно ознакомился с этим письмом, сделав на нем ряд пометок ⁷⁸. Прежде всего он двумя чертами подчеркнул слова Луначарского о том, что Закс «назначен книжным диктатором» и что Луначарский ответствен за дела Госиздата, утвердительно отметив на полях «конечно».

По поводу критики Луначарским аппарата ЦК, который не информировал его о состоявшихся по Госиздату решениях, Ленин выразил свое мнение в подчеркиваниях и приписке: «Право *всякого* Наркома иметь доклад и в *О р г.* — и *П о л и т б ю р о.* *И о б я з а т ь.* Вы виноваты, что *з е в а е т е*».

Тут же Ленин сделал практическое предложение Луначарскому договориться с Н. Н. Крестинским и внести проект соответствующей резолюции в Политбюро ЦК.

1 ноября 1920 г. Луначарский обратился с большим письмом к секретарю ЦК Крестинскому, в котором между прочим писал:

«Мне очень не по вкусу, что я узнаю частным образом о разных мероприятиях в области Государственного издательства: назначение Закса за границу, которое бесконечно взволновало Горького, предполагаемое назначение Еремеева в Гос<ударствен-
ное> изд<ательство>. Горький, который принимает все это близко к сердцу, жаловался

Ильичу на случайность политики Гос<ударственного> изд<ательства> и на то, что там как бы нет хозяина, а Ильич ответил на это: „Хозяин там Луначарский, он за все отвечает, с него и спрашивайте“. Положение идиотское, ибо на самом деле ЦК не только не советуется со мной по этим вопросам, но даже часто не извещает меня о принимаемых им мерах. Беседовал я об этом с Ильичем, который подтвердил, что я целиком ответствен за Гос<ударственное> изд<ательство>, и упрекнул меня в том, что я „зеваю“ в то время, как должен был бы соответственно давить на Оргбюро. Все это очень неприятно. С одной стороны, мне отнюдь не хочется выходить из естественной субординации по отношению к ЦК, а с другой стороны, создавшаяся ситуация прямо невыносима. Я не имею претензий ни особенно защищать Гржебина, ни особенно настаивать на том или другом назначении в Гос<ударственное> изд<ательство>, но я еще раз просил бы вас (я уже раз обращался к вам с этой просьбой), чтобы вопрос этот был обсужден в моем присутствии. Мне надо знать самые аргументы ЦК для такого рода назначения и твердо выяснить его линию. Свою линию я отнюдь не хочу противопоставить ЦК, но я хочу, чтобы эта линия была общей, м<ожет> б<ыть>, она и изменится несколько, если тот или другой мой аргумент окажется сильным»⁷⁹.

К своему письму Крестинскому Луначарский приложил адресованное ему письмо Горького с протестом против назначения Закса заграничным представителем Госиздата.

Текст письма Горького почти идентичен одновременно написанному такому же письму Горького Ленину⁸⁰. Как можно предполагать, Горький перед поездкой к Луначарскому опасался не застать его в комиссариате и на этот случай написал письмо, которое передал Луначарскому при личном свидании.

В письме Ленину Горький выражал сомнение в целесообразности командировки Закса за границу, так как буржуазные книгоиздательские фирмы, по его мнению, не захотят иметь дела с официальным представителем Советской власти, поэтому, как писал Горький, «для меня ясно, что Закс едет со специальной целью подорвать доверие к делу, организованному мною и Гржебиным». Горький просил Ленина лично вмешаться в это дело и «употребить все усилия для того, чтобы Гржебину не мешали довести до конца дела важнейшего значения, успешно начатого им».

В постскриптуме Горький ставил вопрос уже принципиально: «Мне совершенно необходимо знать, как относится Российское Издательство к дальнейшему существованию дела, организованного мною и осуществленного Гржебиным».

Как мы видим, в письме речь шла только о Гржебине, а ведь одновременно с ним за границу выехал и А. Н. Тихонов. Это объяснялось как тем обстоятельством, что Тихонов в начале октября 1920 г. (побывав в Эстонии, Швеции и Англии) уже вернулся в Россию, так и тем, что в отличие от Гржебина Тихонов имел в виду не столько узкие интересы своего издательства, сколько интересы советского книжного дела вообще. Так, 20 октября 1920 г. он докладывал Госиздату: «Можно категорически утверждать, что в настоящее время имеется полная возможность, вне прямой зависимости от политических отношений европейских государств и Советской России, поставить за границей печатание русских книг культурно-просветительного содержания в любом объеме. Наиболее надежным и удобным местом для этого является Швеция, наиболее дешевым — Чехословакия и Эстония»⁸¹.

Гржебин, наоборот, 2 ноября 1920 г. писал Горькому, что Заксу за границей делать нечего, так как буржуазные издатели не захотят иметь дело с коммунистом⁸². Интересно, что это письмо Горький передал председателю Комиссии ЦК по делам горьковских издательств Рыкову, тот распорядился переслать его Ленину, а Ленин, в свою очередь, передал его Луначарскому⁸³.

Немного ранее, 1 ноября 1920 г., Ленин переслал или передал на каком-то заседании полученное им письмо Горького Е. А. Преображенскому, члену Центрального Комитета партии, по решению Политбюро от 30 июня 1920 г. введенному в состав Редакционной коллегии Государственного издательства. В небольшой записочке, приложенной к горьковскому письму, Владимир Ильич просил Преображенского вернуть ему это письмо с «парой слов» о его содержании. Здесь же Ленин спрашивал: «Неужели правда, что Закса пустили *от* Гос<ударственного> Изд<ательства>?? Ведь он действительно *с о р в е т* *в с е*»⁸⁴.

Преображенский в тот же день прислал Ленину свое разъяснение: «1) В ЦК мы решили организовать собственное издательство за границей. Поскольку Закс едет за границу независимо от этого решения, все возражения против личности Закса ни в какой мере не могут колебать принятого вполне целесообразного решения. Спросите Горького, возражает ли он против самой идеи собственного отделения Госиздата за границей. Если возражает, то выводы ясны. II) Мы не предполагаем ликвидировать сразу уже начатой работы Гржебина, а хотим сделать излишним частное издательство, раз будем иметь свое. При своем издательстве будем выпускать книги профессионально-технического характера, естественнонаучные и медицинские. III) Закс вполне годен для заграничного отделения. В крайнем случае ему можно дать инструкцию не входить в непосредственные сношения с Гржебиным, ограничив его ролью наблюдателя и информатора нас о работе первого. Его прямые обязанности и главные будут заключаться в постановке собственного нашего издательства»⁸⁵. Все подчеркивания в тексте сделаны Лениным.

Тут же Ленин кратко подытожил состоявшийся обмен мнениями: «Итак, пришлите *сию инструкцию* (никакого касательства к Гржебину, *не мешать* ему и пр. и пр.). Пришлите *текст инструкции*. Ленин»⁸⁶.

На заседании Редколлегии Госиздата 4 ноября 1920 г. (Преображенский, Покровский и Закс) Преображенский, сообщив собравшимся мнение Ленина, предложил Заксу самому написать инструкцию о деятельности отделения Госиздата за границей и после утверждения Редколлегией представить ее в ЦК РКП(б)⁸⁷.

В тот же день Коллегия Наркомпроса под председательством Луначарского постановила «командировать за границу Закса-Гладнева для объединения всех делавшихся до сих пор попыток Государственного издательства и прочих советских учреждений по печатанию за границей книг для РСФСР»⁸⁸. Таким образом, Луначарский согласился с кандидатурой Закса.

19 ноября, через две недели после того, как инструкция Заксу была рассмотрена и утверждена ЦК (возможно, что Ленин тоже с ней ознакомился), Заксу был выдан пространный мандат за подписью Луначарского, согласно которому он был командирован за границу со специальным поручением «организовать Центральное заграничное отделение Государственного издательства РСФСР для издания и для покупки за границей книг для нужд РСФСР»⁸⁹.

Далее перечислялись права и обязанности Закса — своеобразная инструкция, нормировавшая его деятельность. По этой инструкции все ранее командированные за границу различными ведомствами лица обязаны были подчиняться Заксу. Рукописи для издания Закс должен был получать только по спискам, утвержденным Редакционной коллегией Госиздата, причем непосредственной задачей Заграничного отделения Госиздата должно было быть печатание уже готовых рукописей: а) учебно-научной и учебно-технической литературы — по планам и заданиям соответствующих отделов Наркомпроса (Научный, Главпрофобр, Главсоцвос и др.); б) научно-технической литературы по заданиям Научно-технического отдела ВСНХ; в) педагогической, детской, научно-популярной, художественной и т. п. литературы — по планам соответствующих учреждений Наркомпроса.

Для нас интересен пункт 7 этой инструкции: «По отношению к издательству Гржебина — Горького С. М. Закс обязан руководствоваться положением, выработанным Комиссией тов. А. И. Рыкова 15 сентября 1920 г.».

Пока Закс собирался в дорогу, Горький обратился к Рыкову с письмом, в котором напоминал ему о решении Комиссии от 15 сентября 1920 г. и о том, что фактические расходы издательства Гржебина уже превысили выделенную ему ранее сумму в 500 тысяч германских марок, причем даже и эти деньги Гржебиным еще не получены.

15 ноября 1920 г. Рыков отправил в четыре адреса — Ленину, Луначарскому, Лежаве и Преображенскому — телефонограмму, в которой сообщал: «Считаю необходимым какой-нибудь сумме финансировать тов. Гржебина. Отпустить ему немедленно 500 тысяч марок, согласно первоначального предположения, и поставить вопрос, разрешив его в кратчайший срок, об увеличении указанной суммы до трех миллионов марок или соответственно уменьшить»⁹⁰.

Луначарский эту телефонограмму передал члену Редколлегии Госиздата М. Н. Покровскому, который на следующий день, 16 ноября, на очередном заседании Редакционной «тройки» Госиздата (Покровский, Преображенский и Скворцов-Степанов) доложил ее содержание. Тут же было принято решение: «Вопрос о трех миллионах марок передать на ближайшее заседание Политбюро ЦК РКП. Доклад об этом в Политбюро поручить сделать тов. Покровскому»⁹¹.

Однако до Политбюро этот вопрос не дошел. Можно думать, что Ленин после разговора с Покровским предложил Луначарскому принципиально решить вопрос о дальнейшей работе издательства «Всемирная литература» и Гржебина. Ведь валютные возможности государства были крайне ограничены, ранее выделенные 50 тысяч фунтов стерлингов были, очевидно, израсходованы на другие, более насущные нужды государства. А между тем только что образовавшемуся Заграничному отделению Госиздата тоже нужна была валюта, и немалая.

23 ноября 1920 г. Луначарский вызвал к себе Д. Л. Вейса, временно исполнявшего обязанности заведующего Госиздатом, и после подробного доклада об отношении Госиздата к «Всемирной литературе» (в целом благоприятного) тут же продиктовал письмо Горькому⁹².

В этом письме Луначарский указывал, что изложенная ему точка зрения Госиздата, по его мнению, должна быть приемлема и для Горького, тут же оговариваясь, что, не зная мнения Горького, он воздерживается от принятия окончательного решения. Госиздат же предлагал, сохранив автономию редакционного аппарата «Всемирной литературы» (с обязательным утверждением заключаемых договоров в Редколлегии Госиздата), влить технический аппарат издательства в Петроградское отделение Госиздата. Тем самым горьковское издательство становилось одним из отделов Государственного издательства.

Однако Горький (в письме к Луначарскому 13 декабря 1920 г.) не согласился с этим предложением, требуя для своего издательства особого положения⁹³. Это его письмо, как и его обращение к VIII Всероссийскому съезду Советов (22 декабря 1920 г.)⁹⁴, требовало предоставления более широкого поля деятельности для частных и кооперативных издательств.

И. И. Скворцов-Степанов в двух своих статьях — «Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия»⁹⁵ и «Государственное издательство и ведомства, художественная литература и совмещенаты»⁹⁶, — написанных в то же время, резко критиковал работу горьковских издательств за выпуск несвоевременных изданий («Неужели издатели серьезно думают, что современный русский рабочий ни в чем так не нуждается, как в „Милом друге“ или „Сильна, как смерть“ Мопассана»⁹⁷) и за состав его редакционных коллегий («люди, которые живут в прошлом и прошлом»⁹⁸). Но Горький в письме Луначарскому отвергал принцип утверждения Редколлекцией Госиздата договоров, заключавшихся издательством, ссылаясь на то, что «выбором книг издательства ведает коллегия специалистов, компетенция которой в этом вопросе вне подозрений»⁹⁹. При этом Горький ссылался на отзывы «таких авторитетов, как Уэллс, Ан. Франс, Королевская библиотека в Стокгольме», о каталоге книг (проспекте) издательства. Оказалось, что «ежедневно заключается 5—10 договоров» и что «общая сумма заключенных договоров превышает 1500»¹⁰⁰.

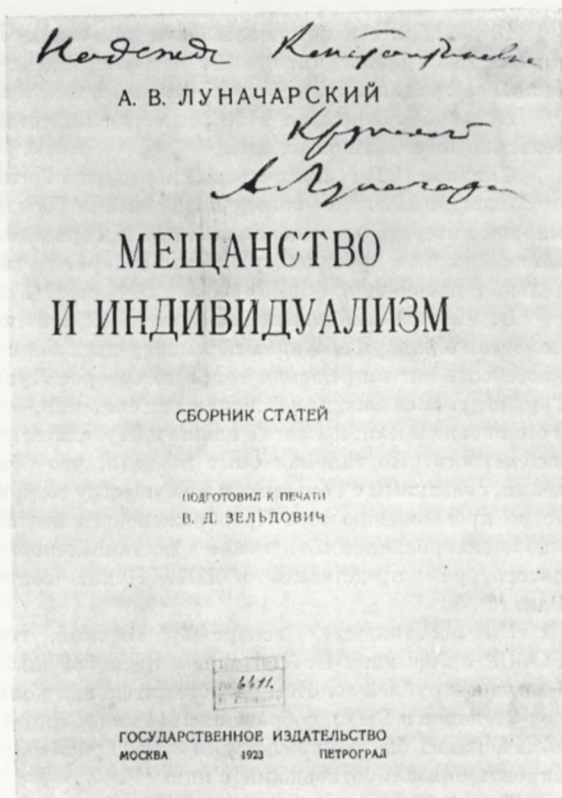
Отверг он также и предложение влить в Госиздат технический аппарат издательства.

В заключение письма Горький писал: «Вы, я полагаю, понимаете огромное культурное значение „Всемирной литературы“. За полтора года работы издательство сосредоточило около себя все наиболее видные литературные силы и сделалось естественным центром культурного общения, не говоря уже о том, что оно является для огромного количества сотрудников единственным источником их заработка. Все это заставляет относиться с большой осторожностью к возможным переменам в ее организации, тем более, что надобности в них, я повторяю, нет никакой»¹⁰¹.

Еще до получения этого письма Горького Луначарский 9 декабря 1920 г. сообщал Ленину: «Только что говорил по телефону с Вейсом о том, что вы желаете вызвать Гржебина срочно и сами подписаться под соответственной телеграммой»¹⁰². К письму

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«МЕЩАНСТВО И ИНДИВИДУАЛИЗМ» С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ
1923 г.

«Надежде Константиновне Крупской. А. Луначарский».

он приложил составленный им текст телеграммы: «Берлин. Коппу. Необходимо Гржебину выехать немедленно <в> Москву. Максимальный срок 48 часов»¹⁰³.

По невыясненным причинам телеграмма Гржебину отправлена не была, и он вернулся в Россию только в феврале 1921 г.

В начале декабря 1920 г. Наркомпрос и Госиздат обратились в Совет Народных Комиссаров с обширной докладной запиской «К производственной программе Государственного издательства за границей»¹⁰⁴.

В этой записке обосновывалась необходимость перенесения печатания «наиболее нужной и срочной литературы» за границу и указывалось, что издательство Гржебина—Горького возлагавшихся на него надежд не оправдало, так как за 11 месяцев, прошедших со дня подписания договора, «ни одной книги Государственному издательству не сдало, ни одной из заказанных книг в Советскую Россию не доставило».

Авторы докладной записки сообщали, что для печатания за границей «в первую очередь» Госиздатом уже отобрано 230 отредактированных рукописей, и просили Совнарком отпустить для их печатания 6 миллионов рублей золотом.

16 декабря 1920 г. состоялось первое заседание Редколлегии Госиздата под председательством Н. Л. Мещерякова, только что назначенного на этот пост¹⁰⁵. На этом заседании были заслушаны полученные из Полиграфического отдела ВСНХ документы, отрицательно характеризовавшие деятельность Гржебина за границей. В них указывались конкретные факты спекулятивных сделок Гржебина с буржуазными фирмами, когда Гржебин и его представители (среди них оказался бывший посол генерала Юденича в Лондоне Кирдицов), действовавшие от имени Государственного издательства, требовали с издателей и владельцев типографии за предоставление им заказов определенных, иногда значительный «процент» в свою пользу¹⁰⁶.

Редколлегия постановила все эти материалы представить в ВЧК, копии — тов. Ленину, в ЦК РКП(б), в Наркомвнешторг и наркому просвещения.

18 декабря эти материалы были пересланы Ленину, причем в сопроводительном письме Вейс разъяснил, что «по настоящий день никаких напечатанных З. И. Гржебиным за границей книг Государственным издательством не получено»¹⁰⁷.

22 декабря открылся VIII Всероссийский съезд Советов. В связи с этим все издательские дела были отложены.

4 января 1921 г. Луначарский переслал в Госиздат (в копии) свой запрос Горькому от 23 ноября 1920 г. по поводу предложения Госиздата об изменении конституции «Всемирной литературы» и подлинный ответ Горького от 13 декабря. В сопроводительной записке нарком просил обсудить эти материалы на Редколлегии и сообщить ему обязательно в письменной форме свое заключение¹⁰⁸.

От имени Редколлегии Госиздата Вейс ответил Луначарскому, что Редакционная коллегия 6 января обсудила переписку наркома с Горьким и единогласно постановила настаивать на том решении вопроса, которое Луначарский изложил в своем письме к Горькому. «Все доводы и фактические сведения, — писал Вейс, — приведенные Горьким в его письме к Вам, коллегия нашла и неубедительными и не совсем отвечающими действительности. Но так как опыт показал, что решения, принимаемые Госиздатом по делам, связанным с Горьким, и по существу совершенно бесспорные, часто отменяются, то по предложению тов. Преображенского постановлено: поручить тов. Скворцову и мне мотивированное объяснение к постановлению Госиздата по вопросу о „Всемирной литературе“ представить в ЦК. Копию записки в ЦК одновременно перешлю Вам»¹⁰⁹.

На поступившую вскоре из Берлина телеграмму торгового представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа с просьбой выслать Гржебину «дополнительно» еще 1 миллион рублей золотом распорядительная коллегия Госиздата (Мещеряков, Скворцов-Степанов и Вейс), собравшаяся 11 января, ответила так: «Категорически отказать в выдаче каких бы то ни было сумм З. И. Гржебину до его приезда в Москву и до урегулирования взаимоотношений с ним»¹¹⁰.

Тем временем организация Заграничного отделения Госиздата натолкнулась на значительные трудности. Заксу, тесно связанному с германским коммунистическим движением, активному участнику Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, немецкое правительство отказалось выдать въездную визу, и он застрял в Риге.

«С огромным опозданием, со всяческими задержками, отчасти они Вам известны, — писал Закс 12 января Ленину, — выехал я с поручениями Госиздата за границу. Сiju уже недели две тут, в Риге, и пока успел только сделать предварительную „разведку“: послал ряд писем и телеграмм целому ряду типографий в Германию, Швецию, Вену, Прагу и т. д. Обследовал возможности печатания в Риге и Эстонии <...>»¹¹¹.

Большие трудности испытывало и единственное советское издательство, которому удалось обосноваться за границей, — маленькое издательство Научно-технического отдела ВСНХ. Заведующий этим издательством, писатель Евг. Лундберг подробно информировал о них Закса.

Об этих трудностях было известно также Ленину, под председательством которого Совнарком два раза, 17 и 21 января 1921 г., обсуждал вопрос об организации печатания книг за границей и принял решение обязать Госиздат и НТО ВСНХ «не реже одного раза в месяц» отчитываться перед Совнаркомом в этой своей деятельности.

26 января Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад Госиздата о реорганизации «Всемирной литературы» и постановило принять за основу предложения Госиздата, а для более подробного изучения вопроса создать Комиссию ЦК РКП(б) в составе Преображенского, Зиновьева, Каменева и Рыкова¹¹².

28 января Закс, приехавший на несколько дней в Москву, обратился к Ленину с письменной просьбой о приеме для доклада. На этой записке Ленин сделал надпись: «Прошу узнать телефон и напомнить мне завтра. Ленин»¹¹³.

1 февраля Закс был принят Лениным и имел с ним беседу¹¹⁴, о содержании которой сведений не сохранилось.

5 февраля Политбюро ЦК РКП(б) вновь вернулось к вопросу об издательской деятельности Гржебина за границей и для ускорения решения этого вопроса произвело персональные замены в комиссии, назначенной 26 января¹¹⁵.

9 февраля представитель НТО ВСНХ в Берлине проф. Н. М. Федоровский спешил письменно предупредить Луначарского, что его сотрудники, только что вернувшиеся из Лейпцига, сообщают тревожные сведения об издательстве Гржебина. В отчете Гржебина напечатанными значились книги, которые существовали лишь как пробные экземпляры, сделанные на дорогой бумаге и по заниженным сметам, для того «чтобы вернее получить крупные казенные заказы»¹¹⁶.

16 февраля Горький направил Ленину составленные им краткие «Тезисы доклада о печатании за границей изданий „Всемирной литературы“»¹¹⁷.

В этих тезисах он предложил из-за отсутствия бумаги полностью перенести печатание книг издательства за границу. Новым было предложение Горького часть тиража издаваемых книг распространять на заграничном рынке. По «предварительной» калькуляции, предложенной Горьким и, конечно, составленной Гржебиным, выходило, что при продаже книг издательства за границей оно не только окупит все расходы, но и позволит почти бесплатно пересылать в Советскую Россию от 10 до 15 тысяч экземпляров каждой книги, изданной за границей. В качестве оборотного фонда для издания первых 20 книг Горький просил ассигновать «Всемирной литературе» один миллион германских марок и командировать в Берлин представителя издательства.

В тот же день Редколлегия Госиздата рассмотрела вопрос о горьковских издательствах и, принципиально одоблив проект нового соглашения с Горьким по «Всемирной литературе», в то же время постановила «приступить к немедленной ликвидации при посредстве Рабкрин отношений с З. И. Гржебиным»¹¹⁸.

На следующий день издательством Гржебина занялась уже Коллегия Наркомпроса. На этом заседании, проходившем под председательством Луначарского, мнение Госиздата о необходимости расторжения договора с Гржебиным не получило большинства голосов. Было принято более мягкое решение: «Принимая во внимание заявление М. Н. Покровского о принятых Государственным издательством мерах к открытию за границей в ближайшем будущем официального отделения и вместе с тем учитывая огромную нужду Российской Республики в учебниках, выразить пожелание о рассмотрении Госиздатом в кратчайший срок вопроса о том, может ли Государственное издательство впредь до конструирования за границей своего отделения издать в России нужное количество учебников и не будет ли рациональным передать издание некоторых из них издательству Гржебина»¹¹⁹. Итак, Луначарский выдвинул план приспособления издательства Гржебина для печатания учебников.

В Госиздате тем временем было получено письмо Зака, в котором тот сообщал новые факты о Гржебине: «В ноябре прошлого года, т. е. тогда, когда для него уже очевидно было, что печатание обходится значительно дешевле в Германии, нежели в Швеции, он заключает контракт на печатание 5 млн. экз. книг в Швеции, говорит об общем заказе в 20 млн экз. и имеет от Госиздата заказов всего лишь на 2½ млн. экз. Если до сих пор я соглашался с доброжелателями и покровителями Гржебина в <...> том, что он человек полезный, ибо он чрезвычайно энергичен, то теперь окончательно убеждаюсь в обратном — энергия его вся уходит на аферы. В Швеции он, несомненно, сильно нам нагадил и скомпрометировал нас чрезвычайно среди деловых людей»¹²⁰.

Почти одновременно Луначарский получил личное письмо от Федоровского, который обращал внимание наркома на «рекламирование Комиссариатом просвещения некоего Гржебина. Пользуясь деньгами от вас и сотрудничеством посланных вами же профессоров (<Ф. А.> Браун), этот господин по всей Европе разрекламировал себя: „Издательство Гржебина. Стокгольм — Берлин — Петербург“. Это значит на всех книжках и даже на глобусах, которые сей предприниматель посылает к вам. Получилась совершенно дикая вещь. Германский книжный и типографский мир не знает РСФСР, не знает Комиссариата просвещения, но хорошо теперь знает Гржебина, живущего в спекулянтской гостинице „Адлан“, где останавливаются мировые „пибера“. Между тем непосредственное Издательство РСФСР здесь экономит массу денег и поднимет наше значение в Германии. Мне удалось организовать такое издательство, и я прошу вас ликвидировать Гржебина и обращаться к советскому учреждению „Бюро ин(остранной) науки и техники“. Мы получили согласие на сотрудничество швейцарских, шведских, голландских и, конечно, германских ученых. Проф. Альберт Эйнштейн по моей просьбе

даже написал приветственное письмо в Россию, которое я послал. Жду от вас самого энергичного содействия»¹²¹.

Эти ли письма сыграли свою роль или какие-нибудь другие дополнительные обстоятельства, но 24 февраля на пленарном заседании Редколлегии Госиздата среди присутствующих мы видим и Луначарского.

На этом заседании после обсуждения тезисов доклада Горького о печатании за границей изданий «Всемирной литературы» было принято решение «защищать в ЦК РКП точку зрения Госиздата о нерациональности при данных обстоятельствах переносить издательство „Всемирная литература“ в Берлин. Просить ЦК РКП вызвать на заседание по этому вопросу А. В. Луначарского и представителя Госиздата»¹²².

Об издательстве Гржебина тогда же было постановлено: «Обратиться в Оргбюро ЦК РКП с указанием на неправильный порядок рассмотрения дела З. И. Гржебина в Особой комиссии при ЦК, так как это дело должно быть передано или в коллегию Наркомпроса или в Малый Совнарком».

Как можно видеть из этих документов, Луначарский был подробно проинформирован членами Редколлегии о создавшемся положении с изданием книг за границей и принял сторону Госиздата. Об этом же свидетельствует отрывок из большого письма-отчета Закса Луначарскому из Риги 3 марта: «Из Госиздата мне сообщили, что 24 февраля вы участвовали в заседании Центральной редакционной коллегии и что вы собирались пойти к Владимиру Ильичу и толковать с ним по поводу препятствий, чинимых мне при хлопотах моих о моем допущении в Берлин. Смею вас уверить, дорогой Анатолий Васильевич, что еще куда важнее моего проезда в Берлин предоставление мне реальной валюты для производства стоящих на очереди работ»¹²³.

Из подробной докладной записки Закса в Центральный Комитет партии о его работе за границей видно, что торговый представитель РСФСР в Берлине В. Л. Копп, почему-то покровительствовавший Гржебину, чинил всяческие препятствия Заксу в его деятельности: отказался хлопотать о его въезде в Германию, не давал денег на печатание книг и т. д.

В этом письме, проникнутом большой горечью и личной обидой, Закс рассказывал о истории своей поездки за границу и между прочим писал: «Постановлением Центральной редакционной коллегии Госиздата я был командирован за границу. Командировка эта была предметом обсуждения ЦК нашей партии. Выданный мне тов. Луначарским мандат предварительный, до его подписания, посылался на утверждение тов. Ленину. Со стороны тов. Ленина существовало опасение, что моя командировка может иметь последствием приостановление издательской работы З. И. Гржебина, о полезности которой протрубил всем уши М. Горький. Более того — уже после подписания мне мандата М. Горький не раз делал попытки (беседы его с тт. Лениным, Рыковым и Преображенским в начале и середине декабря) убедить влиятельных товарищей в совершенной излишности моей командировки. Попытки эти оказались безуспешны»¹²⁴.

Наконец, 2 марта 1921 г. состоялось заседание комиссии Госиздата по ликвидации дел с Гржебиным. Как это и было решено Редколлегией Госиздата 16 февраля, кроме представителей Госиздата (Мещеряков и Вейс) и З. И. и Т. Н. Гржебиных, в заседании комиссии приняли участие представители Рабкрини и Наркомюста¹²⁵.

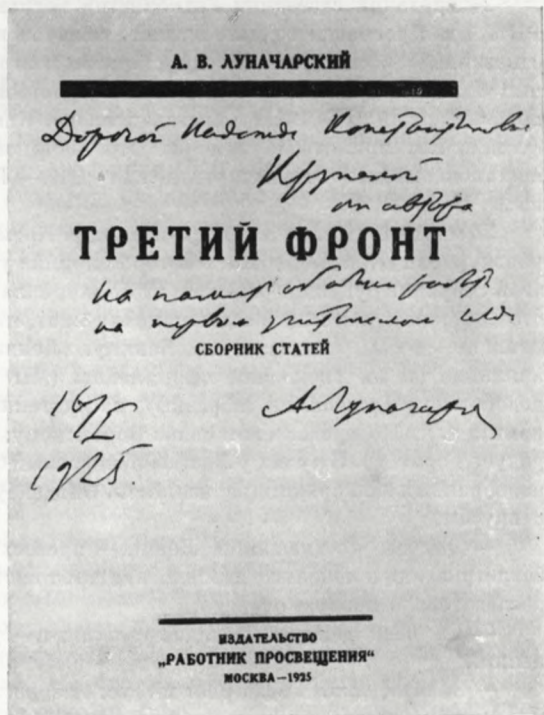
В решении комиссии констатировалось, что договор от 10 января 1920 г. был нарушен по вине Гржебина и что сделанные им за границей заказы по своим ценам на 20% превышали нормальные цены, существовавшие на заграничном рынке.

Как можно видеть из протокола комиссии, Гржебин признал все обвинения, выдвинутые против него. В свое оправдание он мог высказать только сомнение в том, что Госиздату удастся печатать книги за границей дешевле, чем это удалось ему. 4 марта Госиздат все материалы о ликвидации дел с Гржебиным препроводил Ленину¹²⁶.

Кроме официальных материалов, Ленину была послана копия письма Мещерякова к члену Особой комиссии ЦК А. М. Лежаве — ответ на обвинение Лежавой Мещерякова в особом пристрастии к Гржебину¹²⁷. Мещеряков писал, что он в течение долгого времени присматривался к Гржебину и «затруднялся принять то или иное решение, внимательно выслушивая обе стороны», но теперь убедился, что по сию пору Гржебин не выполнил ни одного обещания Госиздату («взялся изготовить сотни тысяч книг, но до

СБОРНИК СТАТЕЙ ЛУНАЧАРСКОГО «ТРЕТИЙ ФРОНТ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой Надежде Константиновне Крупской от автора на память об общей работе на первом учительском съезде. А. Луначарский. 16/1 1925»

сих пор не доставил Госиздату ни одной из них, ни в одном экземпляре). В заключение своего письма Мещеряков указывал, что если Гржебин уже самостоятельно, без поддержки Советского правительства, продолжая свою издательскую деятельность за границей, предложит нужную книгу за подходящую цену, то Госиздат с удовольствием возьмет эту книгу.

В этом же письме Мещеряков указывает, что представитель Госиздата Закс за очень короткое время, находясь в Риге, сделал много больше, чем Гржебин, почти год провазавший за границей в Швеции и Германии.

Об этом же более подробно 4 марта в докладной записке в Малый Совнарком писал Д. Л. Вейс¹²⁸. Он указывал, что Закс завязал отношения с немецкими типографиями и имеет полностью подготовленные к набору 34 книги, в том числе учебники для вузов — Северцева «Теория эволюции», Реформатского «Органическая химия» и др., — учебники для школ Цингера, Лебединцева и др., книги по педагогике Крупской, Дьюи, научно-популярные книги — Костычева «Появление жизни на Земле», Ю. Вагнера «Рассказы о животных» и «Рассказы о растениях» и др.

Вейс обращал внимание Совнаркома на то, что, в отличие от Гржебина, Госиздат так и не получил отпущенных ему Совнаркомом еще в апреле 1920 г. денег, и просил отпустить 20 млн. германских марок (примерно 1 млн. золотых рублей).

Материалы о расторжении договора Госиздата с Гржебиным Ленин передал в комиссию ЦК, которая ознакомилась с этими материалами и, выслушав личные объяснения Вейса и Гржебина, единогласно пришла к заключению о том, что договор был нарушен по вине Гржебина. Комиссия сочла необходимым, чтобы Гржебин вернул авансы, полученные им от разных советских учреждений, в том числе Госиздату — 500 тысяч германских марок¹²⁹. Это постановление глубоко встревожило Гржебина, и он обратился за помощью к Горькому¹³⁰.

Горький приехал в Москву и встретился с Лениным. Между 21 и 24 марта 1921 г. Ленин написал своему секретарю: «Найдите мне текст решения ЦК (последнего) о деле Гржебина»¹³¹.

24 марта на заседании Редколлегии Госиздата в присутствии представителя ЦК РКП Ем. Ярославского было принято решение проверить счета и уплатить за книги, заказанные Гржебиным в Швеции, хотя бы и втридорога, но только за книги, заказанные Гржебину Госиздатом и другими советскими учреждениями¹⁸². Через несколько дней комиссия ЦК РКП в составе Рыкова, Каменева, Зиновьева и Преображенского постановила принять к сведению это постановление Редколлегии Госиздата. «Этим постановлением,— отметила комиссия ЦК,— Гржебин считает себя удовлетворенным»¹⁸³.

26 марта 1921 г. на квартире Ленина в Кремле состоялось организационное собрание журнала «Красная новь», в котором принял участие Горький. Присутствовавший на этом собрании будущий редактор этого журнала А. К. Воронский позднее вспоминал, что Горький принес на заседание пачку книг, изданных Гржебиным за границей, специально, чтобы показать их Ленину. Ленин бегло просмотрел книги, обратив внимание на их роскошное оформление. (Мы уже знаем, что это были специально подобранные Гржебиным «образцы», напечатанные на лучшей бумаге, лучшими красками и т. д.) Но предоставим слово Воронскому: «Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранных М. Горьким (вернее, С. Ф. Ольденбургом.—Л. Х.) с большим мастерством и вкусом.

— Да, да,— соглашается Ленин,— превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделаться в первую очередь.

— Да ведь дешевка, Владимир Ильич,— убеждает М. Горький,— пустяки, копейки...

— Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...»¹⁸⁴.

В это же время специальная комиссия ЦК РКП занялась рассмотрением предложения Горького о переносе издания книг «Всемирной литературы» за границу на началах самоокупаемости.

7 марта Закс представил комиссии свои соображения по поводу проекта Горького¹⁸⁵. По его мнению, Горький был введен в заблуждение Гржебиным, который составил все расчеты, явно приукрашивая действительное положение русского книжного рынка за границей. Закс указывал на конкретные ошибки в калькуляции, например, на то, что средняя продажная цена каждой русской книги за границей не 20, а 12—15 марок, а указание на распространение за рубежом 5—10 тыс. экземпляров каждого названия русской книги слишком оптимистично, так как до сих пор в таком количестве экземпляров расходились только сочинения русских классиков, в том числе и самого Горького. Русской белой эмиграции, ошеломленной событиями революции и гражданской войны, неуверенно смотрящей в завтрашний день, было не до приобретения и чтения изящной словесности. Иностранцев же, читающих по-русски, в те годы было очень мало. При этих условиях часть тиража русских книг, предназначенная для распространения за границей, могла быть продана не раньше, чем через год-два. Таким образом, затраченные на издание за границей русских книг деньги не могли столь быстро, как это указывалось в «Тезисах доклада о печатании за границей изданий „Всемирной литературы“, вернуться обратно и почти окупить другую часть тиража, предназначенную для ввоза в Советскую Россию.

Что же касается книг иностранных писателей, которые, собственно, и собиралась продавать за рубежом «Всемирная литература», то они, по мнению Закса, сбыта бы себе не нашли: «Та часть белой эмиграции, которая владеет языками, предпочтет оригинал. Не купят их и иностранцы, которые изучают русский язык и русскую литературу; им не нужны переводы. Таким образом, самое большое в год может разойтись за границей каждого выпуска „Всемирной“ около 2000—2500 экз.».

Пользуясь случаем, Закс напоминал Центральному Комитету, что, несмотря на решение комиссии Совнаркома 20 декабря 1920 г. ассигновать на осуществление производственного плана Госиздата за границей 13 миллионов шведских крон и несмотря на то, что этим планом предусматривалось печатание книг особой, ударной важности, преимущественно учебников, медицинской, педагогической и другой литературы,

Наркомвнешторг до сих пор выдал Госиздату менее 2% ассигнованной суммы, что сорвало все планы издательства.

Какое решение приняла комиссия ЦК по проекту Горького — нам неизвестно.

Решение комиссии ЦК по делу о Гржебине еще подлежало утверждению Политбюро ЦК, и поэтому по распоряжению Мецерыкова 9 апреля 1921 г. секретарь Редколлегии Госиздата Ш. М. Манучарьянц переслала Ленину яркий документ — копию служебного письма Федоровского своему начальнику М. Я. Лапирову-Скобло¹³⁶.

В этом письме, датированном еще 17 марта, Федоровский писал из Берлина: «До меня дошли здесь известия о шуме, поднятом Гржебиным вокруг его издательского дела в Берлине. Прошу вас сообщить всем, кто в этом заинтересован, в частности Мецерыкову и Лежаве, мое мнение об этом господине в следующих словах.

Осведомившись о неожиданной поддержке, оказанной Гржебину нашими партийными товарищами, сообщаю, что:

а) По приезде в Берлин я познакомился с деятельностью Гржебина. Все показанное им и он сам произвели на меня положительное впечатление. Я (<...>) решил поддерживать Гржебина как у Коппа, так и в Москве.

б) Наблюдая деятельность Гржебина в продолжение трех месяцев, осмотревши работы в Лейпциге и познакомившись с его коммерческими методами, я пришел в ужас. За внешней деловитостью скрывается бездарность. Методы работы компрометируют Советскую Россию до последней степени. Работоспособность его — это работоспособность биржевика, будирующего себя комбинациями и махинациями.

<...> Я встречался лично со всеми теми типографщиками, с которыми имел дело Гржебин. Кроме самого неприятного впечатления и отношения к РСФСР на основании спекулянтских приемов Гржебина, выступавшего здесь как представитель Наркомпроса, я ничего не встретил. Как председатель Научно-технического отдела (<ВСНХ>), как старый партийный работник, самым решительным образом высказываюсь против участия Гржебина в работе РСФСР за границей»¹³⁷.

Ленин уважал мнение Федоровского, который был коммунистом, известным ученым, профессором-кристаллографом. Ознакомившись с этим письмом, он переслал его в комиссию ЦК по делу Гржебина, надписав: «Л. Б. Каменеву. К сведению»¹³⁸.

27 апреля Политбюро ЦК под председательством Ленина рассмотрело вопрос о судьбе обоих горьковских издательств¹³⁹.

Постановление комиссии ЦК об аннулировании договора с Гржебиным и о выкупе у него всех заказанных ему изданий было утверждено Политбюро. При этом Госиздату предписывалось через неделю доложить об исполнении этого решения, а Мецерыкову представить доклад о заказанных Гржебину книгах.

Следующим стоял вопрос о «Всемирной литературе». Политбюро приняло предложение Горького о печатании книг издательства в Германии и поддержало его мысль о продаже части тиража за границей. При этом, однако, было оговорено, что «Госиздату принадлежит право контроля и выбор рукописей для печати».

Во исполнение этого постановления Политбюро поручило заместителю наркома внешней торговли Лежаве в недельный срок выработать «определение сумм, которые должны быть выданы „Всемирной литературе“ как оборотный фонд, а также способа контроля над расходованием этих средств».

Это решение Политбюро, по которому Гржебин мог продолжать свою издательскую деятельность, правда, над старыми заказами, дошло в преувеличенном виде до «гржебиноода» Закса, все еще сидевшего в Риге с готовыми рукописями, но без визы и без денег.

Закс немедленно подал в отставку и 18 мая писал в Рим Воровскому, отвечая на его запрос, как идут дела в Госиздате: «Послезавтра я уезжаю в Москву с тем, чтобы окончательно проститься с Госиздатом и пойти на другую работу. Представительство Госиздата в Риге пока остается. По постановлению ЦК все прежние отрицательные решения по отношению к Гржебину отменены и сейчас он, что называется, вполне на коне: увлекается грюндерством за советский счет»¹⁴⁰.

Однако отставкой Закса дело не закончилось. В тот же день, 18 мая 1921 г., в ЦК РКП(б) (и в копии Ленину) из Берлина поступила телеграмма, подписанная новым

торговым представителем РСФСР в Германии Б. С. Стомоняковым, его заместителем Ю. Х. Лутовиновым и Н. М. Федоровским. В этой телеграмме содержался протест против решения Политбюро о дальнейшей деятельности Гржебина за границей, так как там только что началось налаживание советского издательского аппарата. Авторы телеграммы просили отстранить Гржебина от дел и заявляли о готовности в противном случае подать в отставку¹⁴¹.

20 мая Лутовинов направил Ленину большое письмо, в котором между прочим писал и о своем отношении к делу Гржебина.

25 мая нарком внешней торговли Л. Б. Красин, находившийся в Берлине, телеграфировал Ленину, Лежаве, Менжинскому и Луначарскому о том, что, заслушав доклад Лутовинова и Стомонякова, он опротестовывает решение ЦК об оставлении издательства Гржебина за границей. В телеграмме Гржебин обвинялся в том, что он подстрекал немецкие фирмы поднимать цены для заказов советских учреждений.

Эту телеграмму Ленин переслал председателю комиссии ЦК по делу Гржебина Зиновьеву, попросив его напомнить ему точное решение комиссии¹⁴². Зиновьев ответил, что комиссия решала вопрос только о прежде сделанных заказах, новых поручений Гржебину не давала, но согласилась на то, чтобы были доведены до конца прежние заказы¹⁴³.

30 мая 1921 г. Ленин написал ответное письмо Лутовинову, в котором, подробно останавливаясь на всех критических замечаниях Лутовинова и убедительно их опровергая, сообщал: «5) Гржебин. Вот о нем, и *только* о нем, прочел вчера Ваш и Стомонякова протест в ЦК. Рассмотрим его в первом заседании.

О Гржебине были разногласия у нас в ЦК. Одни говорили: вовсе убрать, ибо надуть может как издатель. Другие говорили: как издатель издаст дешевле. Пусть лучше надует на 10 000, но издаст дешевле и лучше.

Выбрали комиссию поровну из обоих оттенков. Я не вошел в нее ввиду моего „пристрастия“ (по мнению кое-кого) к Горькому, защитнику Гржебина.

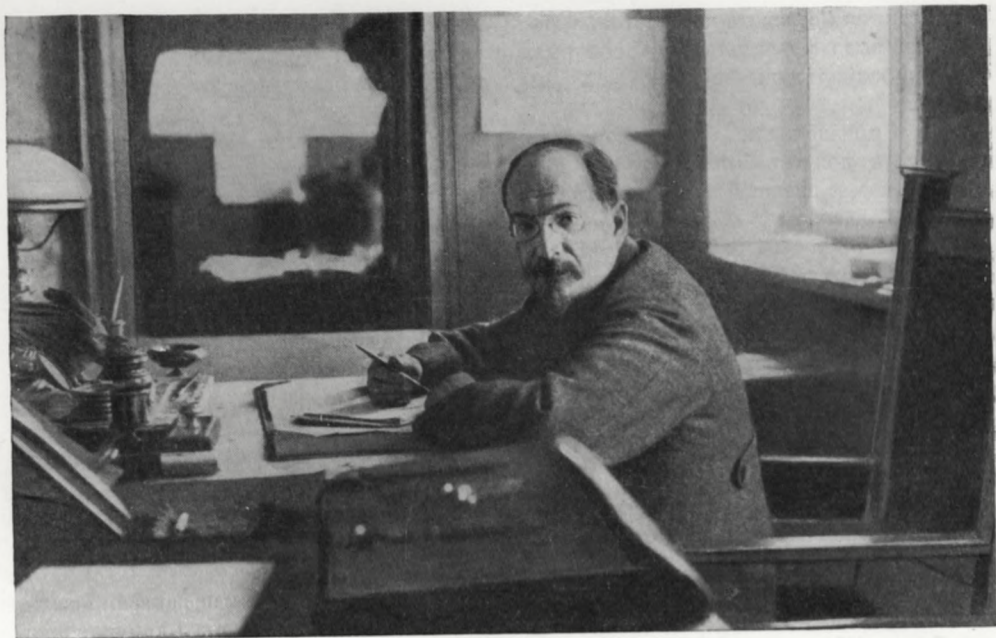
Комиссия решила дело *единогласно*. Не помню точно, как решила: кажись — покупать у Гржебина, если будет дешевле. Следовательно, Ваше заключение: „руководились не государственными соображениями“, а успокоением Горького, — прямая неправда. А Вы пишете: „Я убежден“!!! Если люди составляют себе „убеждения“ раньше проверки фактов, кои не трудно проверить, то как это называется?“¹⁴⁴.

На следующий день Политбюро ЦК заслушало протест Лутовинова и других по делу Гржебина и поручило председателю комиссии ЦК переслать утвержденного Политбюро 27 апреля текст постановления комиссии группе коммунистов, обжаловавших это решение, дав одновременно свои пояснения этого постановления¹⁴⁵.

Госиздат тем временем пытался наладить свой издательский аппарат за границей. После ухода Закса на заседании коллегии Наркомпроса 30 мая по докладу Луначарского было принято решение о командировании для закупки и издания книг за границей «наиболее компетентного и ответственного лица». Таковым оказался член коллегии Наркомпроса, заведующий его Организационным центром З. Г. Гринберг, долгое время работавший в Петрограде и в отличие от взыскливого Закса славившийся своей мягкостью и доброжелательностью¹⁴⁶.

Возможно, что при этом назначении Луначарский вспомнил отзыв Ленина о Гринберге, о котором он упоминал в своем письме Е. А. Литкенсу в октябре 1921 г.: «Передам Вам один маленький факт. Когда в ЦК обсуждался вопрос о Гринберге, то Томский между прочим заявил, что он умеет вежливо принимать посетителей. На это Владимир Ильич заметил: „Если это так, то его необходимо оставить, потому что это одна из важнейших сторон настоящего администратора и этим нас наши ответственные работники не балуют“. Эти слова врезались в мою память, и я с ними совершенно согласен»¹⁴⁷.

20 мая 1921 г. Совет Труда и Оборона под председательством Ленина, заслушав доклад Госплана об импортном плане на 1921 г., предложил ведомствам в недельный срок представить в СТО сведения о всех существовавших тогда за рубежом издательствах, выпускавших литературу для РСФСР, и о расходе средств в валюте, отпущенных для этих целей¹⁴⁸.

ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография

1923 г.

7 июня Закс, работавший уже в Наркомвнешторге, представил в СТО подробный доклад, в котором в последний раз писал о надоевшей всем истории с издательством Гржебина.

«Первым по времени такого рода (т. е. работавшим за границей. — Л. Х.) издательством, — писал Закс, — было издательство З. И. Гржебина (договор с Госиздатом 5/1—20 г.), причем по валютным и политическим условиям момента заключения договора предполагалось, что работа этого издательства будет протекать в Финляндии, Эстонии и Швеции и за основу расчета будут приняты так наз. „думские рубли“. В течение многих месяцев от этого издательства не было сведений, а потом выяснилось, что оно печатает книги в Швеции и Германии, и притом многие книги, в заказ Госиздата не вошедшие. К сроку договора, т. е. в течение года со дня подписания договора с Госиздатом, издательство Гржебина ни одной заказанной ему книги в Россию не доставило, хотя и получило в октябре 1920 г. 500 тыс. германских марок, а несколько позднее начало требовать иностранную валюту в уплату за книги, из коих многие даже по названию не были одобрены Госиздатом (сочинения Ф. Купера) и ни одна не была Госиздатом проредактирована.

Постановление Госиздата об аннулировании договора с Гржебиным и отказ в дальнейшем отпуске валюты на издания этой фирмы имели последствием рассмотрение этого вопроса в ряде междуведомственных комиссий, в результате чего, несмотря на очевидную невыгодность предложения этой фирмы, Госиздату было предписано утвердить за Гржебиным заказ в размере 8 115 574 германских марки и уплатить по счетам Гржебина за напечатанные в Швеции по баснословно высоким ценам русские книги, из коих многие не были заказаны Государственным издательством»¹⁴⁹.

Далее Закс подробно рассказывал историю мытарств издательства НТО ВСНХ в Берлине и Заграничного представительства Госиздата.

6 сентября 1921 г. Политбюро ЦК поручило секретарю ЦК напомнить Госиздату и Наркомвнешторгу о своем решении 27 апреля, по которому ими ничего не было сделано¹⁵⁰.

Реакция Госиздата неизвестна, а Наркомвнешторг внес в Малый Совнарком предложение выдать издательству «Всемирная литература» для печатания книг за границей ссуду в размере даже не одного, а $2\frac{1}{2}$ млн. германских марок на срок не свыше трех лет ¹⁵¹.

Это предложение было оформлено в виде постановления Малого Совнаркома, но деньги должен был выдать сам Наркомат внешней торговли в счет своей сметы. Наркомат внешней торговли издательство финансировать отказался, что вызвало протест Горького.

17 сентября 1921 г. Ленин писал Рыкову: «Тов. Рыков! По-моему, надо 1) созвать *завтра* старую пеккистскую комиссию; Сталин, Троцкий (приедет сегодня), Вы, 2) подтвердить *с т а р ы й* договор; 3) отменить *в с е* его изменения и „поправки“; 4) дать *архиагоняй* Заку *е щ е* от цеккистской комиссии. Иначе выйдет архискандал с уходом Горького, и мы будем неправы, ибо однажды комиссия цеккистов уже решила вопрос. Перерешать нельзя» ¹⁵².

Неизвестно, как реагировал Рыков на эту записку, но деньги Горькому в это время выданы не были, так как ситуация с печатанием книг за границей существенно изменилась.

Сентябрь 1921 г. был как бы поворотным пунктом в положении советского издательского дела. Началось наступление на разруху, восстановление народного хозяйства.

Из-за границы вместе с первыми восемью вагонами напечатанных по заказам Госиздата в Берлине учебников для школ и вузов начала вагонами поступать закупленная там бумага ¹⁵³.

Работа в московских типографиях настолько наладилась, что в ответ на требования Гринберга присылать новые рукописи для печатания Госиздат отвечал, что выгоднее теперь печатать книги на месте ¹⁵⁴.

27 сентября Гринберг и Федоровский телеграфировали в Наркомпрос, что их буквально осаждают владельцы типографий и что крупный немецкий концерн обратился к ним с предложением «восстановить полиграфическую промышленность России, исподволь перенести туда печатание книг, предоставить значительный кредит» ¹⁵⁵.

Даже частные русские издатели за границей начали предлагать свои книги на комиссию для продажи в России на условиях долгосрочного кредита ¹⁵⁶. К этому времени они уже начали понимать всю необъятную емкость книжного рынка в глубинах России, где к книге тянулись руки не одиночек-интеллигентов, как на Западе, а многомиллионного массового читателя.

В этих условиях издание и тем более продажа книг «Всемирной литературы» за границей потеряли всякий смысл. Стало ненужным и советское издательство за границей, тем более что рабочие-печатники, вернувшиеся в свои типографии после демобилизации из Красной Армии, сидели без работы.

11 октября 1921 г. Совнарком принял постановление, которым все государственные учреждения и предприятия обязывались издавать необходимую им литературу исключительно в России. В случае особой технической сложности изданий печатание разрешалось за границей не иначе, как по особому всякий раз постановлению СТО. Все существовавшие за границей государственные издательские органы должны были быть ликвидированы ¹⁵⁷.

Несколько ранее, 3 октября 1921 г., Политбюро ЦК по письму В. Р. Менжинского разрешило Гржебину с семьей уехать за границу ¹⁵⁸.

Надо было решать вопрос и о дальнейшей судьбе «Всемирной литературы», и 10 октября Горький обратился к Ленину с просьбой принять для беседы А. Н. Тихонова, его заместителя по руководству издательством ¹⁵⁹.

16 октября 1921 г. по настоянию Ленина Горький уехал за границу, заместителем его по «Всемирной литературе» остался Тихонов.

В декабре 1921 г. Луначарский сделал попытку прийти на помощь издательству, которое в условиях перехода на основы хозяйственного расчета попало в сложное и неопределенное положение. По его инициативе Организационный центр Наркомпроса заключил с издательством соглашение о предоставлении «Всемирной литературе»

заказа Наркомпроса на книги. Этим соглашением предусматривалась выдача издательству аванса в размере 100 тыс. руб. золотом¹⁶⁰.

Однако Отдел снабжения Наркомпроса отказал в авансе: не было денег. Тихонов вспоминал позднее, что, узнав об этом, Луначарский «обратился к тов. Ленину с письмом, прося его оказать содействие „Всемирной литературе» и дать в этом отношении директиву тов. Литкенсу. По предложению тов. Ленина вопрос был отдан на рассмотрение тов. Каменеву, который дал благоприятный для „Всемирной литературы“ отзыв и внес дело в Политбюро ЦК, ЦК, в свою очередь, также постановил удовлетворить ходатайство „Всемирной литературы“ и предложил Наркомпросу выдать аванс»¹⁶¹.

Не все правильно в этом сообщении, вернее в той его части, которая относится к решению Политбюро.

Политбюро действительно рассматривало вопрос о «Всемирной литературе» 17 января и 2 февраля 1922 г., но в первый раз оно отложило решение вопроса, чтобы вызвать на следующее заседание Луначарского и Литкенса¹⁶². Во второй раз Политбюро, заслушав сообщения Луначарского и Литкенса, постановило: «Отклонить предложение тов. Луначарского»¹⁶³.

Если предложение Луначарского заключалось только в финансировании издательства, то оно, конечно, к этому времени уже устарело, так как 11 января 1922 г. Правление Госиздата по соглашению с издательством приняло постановление, по которому «Отдел Госиздата „Всемирная литература“ становится независимым от Госиздата частным издательством, работающим на общегражданских основаниях»¹⁶⁴.

Издательство «Всемирная литература» прекратило свое существование в декабре 1924 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Из последних исследовательских работ, посвященных этому издательству, можно отметить следующие: О. Д. Г о л у б е в а. Горький-издатель. М., «Книга», 1968; Н. А. Ш о м р а к о в а. Издательство «Всемирная литература» (1918—1924). — В кн.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 14. М., 1967, стр. 175—193; В. А. М а к с и м о в а. Горький-редактор (1918—1936). М., «Наука», 1965; Р. М. С а м а р и н. А. М. Горький и «Всемирная литература». — «Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 7. Филология», 1963, № 1, стр. 3—14; Г. Б. О к у н ь. Деятельность А. М. Горького по переводам, изданию и пропаганде западноевропейской литературы в СССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1962; А. А. Б о д р о в а. Горький и Восточная коллегия «Всемирной литературы». — «Сов. востоковедение», 1958, № 5, стр. 124—127.

² «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 71.

³ А. В. Л у н а ч а р с к и й. Максим Горький. — «Призыв», 1924, № 5, стр. 119.

⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 48, л. 2. В публикации «А. М. Горький — организатор издательства „Всемирная литература“» («Исторический архив», 1958, № 2, стр. 67—95) первая смета издательства отсутствует. Однако смета, вернее предисловие к ней, представляет известный интерес, так как это первый набросок программы издательства. Приведем только начало этого предисловия: «Задача издательства „Всемирная литература“ — познакомить русскую демократию с художественной литературой Запада и в особенности с теми из ее образцов, в которых с наибольшей яркостью отразились характерные черты западноевропейских народов, их истории, быта и духа. С этой целью издательство „Всемирная литература“ предлагает перевести и издать на русском языке избранные произведения европейской литературы и в первую очередь произведения английских, германских и французских писателей начиная с конца XVIII в. вплоть до наших дней.

По мере надобности и возможности все эти произведения будут снабжены необходимыми для русского демократического читателя редакционными примечаниями, пояснениями и вступительными статьями, дающими краткие сведения как относительно биографии приводимого автора, так и относительно художественных и социальных особенностей его произведений.

Предполагается издать книги двух типов: во-первых, дешевые брошюры объемом около двух печатных листов, заключающие один или несколько небольших рассказов, наиболее доступных по своей теме пониманию самых широких слоев демократии, и, во-вторых, отдельные тома размером около 20 печатных листов, а также целые серии книг, посвященные целиком произведениям наиболее крупных европейских писателей, выбранные с таким расчетом, чтобы они могли составить небольшую, но систематически подобранную библиотеку европейских литературных классиков.

Все названные книги будут изданы под общей редакцией М. Горького.

К работе по обследованию отдельных литератур предполагается привлечь компетентных специалистов.

Помимо содержания, издательство „Всемирная литература“ намерено обратить самое серьезное внимание также на художественную внешность издаваемых им брошюр и книг, снабдив их художественными рисунками и портретами авторов...» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3, л. 73).

⁵ Там же.

⁶ А. В. Луначарский. Комиссариат народного просвещения и писатели. — «Известия», 1919, № 27, 6 февраля.

⁷ См., например, «Вечерние известия Московского Совета», 1918, № 51, 17 сентября.

⁸ См. «Известия ВЦИК», 1918, № 197, 12 сентября; «Вечерние известия Московского Совета», 1918, № 48, 13 сентября и др.

⁹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 72—73.

¹⁰ См.: «Максим Горький — комиссар типографии „Копейка“». Сообщ. И. Зюбенкова, Т. Калмыковой и А. Новиковой. — «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 63—66, а также воспоминания З. Давыдова «Максим Горький — комиссар типографии». — «Печатник», 1928, № 11, стр. 27.

¹¹ См. письмо 60 в настоящ. томе.

¹² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 3, л. 52.

¹³ Там же, оп. 3, ед. хр. 29, л. 17.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 9, л. 3.

¹⁵ См. письмо 69 в настоящ. томе.

¹⁶ Докладную записку Горького см.: М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24, стр. 190—192.

¹⁷ См.: Б. С. Мейлах. Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917—1919). — «Русская литература», 1967, № 3, стр. 27—42, а также «Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Наркомпроса (К годовщине Октябрьской революции. 7/XI 1917 — 7/XI 1918)». М., изд-во Наркомпроса, 1918.

¹⁸ «Вестник литературы», 1919, № 7, стр. 11.

¹⁹ «Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области», 1918, № 6—8, стр. 29.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 2, он. 1, ед. хр. 8217, л. 1—1 об.

²¹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 73.

²² Ленин, т. 50, стр. 269.

²³ «Ленин о литературе и искусстве». Изд. 3-е. М., «Худож. лит.», 1967, стр. 762 (примеч. 163).

²⁴ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, ед. хр. 146, л. 159—159а.

²⁵ 26 апреля 1919 г. Горький сообщил Воровскому: «Только неделю тому назад мы получили 8000 пудов...» («Исторический архив», 1958, № 2, стр. 74).

²⁶ О роли Луначарского в объединении работы советских издательств см. наш комментарий к письму 73 в этом томе. Воровский как будущий заведующий Госиздатом был назначен членом Коллегии Наркомпроса постановлением Совнаркома от 14 марта 1919 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 180, л. 162).

²⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 74—75.

²⁸ Там же, стр. 75.

²⁹ Там же, стр. 75—76.

³⁰ Там же, стр. 76.

³¹ Там же, стр. 77.

³² ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 77 об.

³³ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 78—81.

³⁴ Там же, стр. 82.

³⁵ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 181, л. 128 об.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, лл. 7—15; оп. 1, ед. хр. 46, лл. 203—222, 225—231, 243.

³⁷ «Каталог издательства З. И. Гржебина». С предисл. М. Горького. Пб. — Берлин, 1921.

³⁸ См., например, договор Гржебина с Центропечатью от 28 мая 1919 г. об условиях продажи 9 книг издательства на сумму более 2 млн. рублей (ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 2). Всего Гржебин в 1918—1920 гг. получил от советских учреждений авансов на сумму в 23 млн. рублей и не издал ни одной заказанной ему книги (там же, л. 181).

³⁹ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, ед. хр. 146, л. 222.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 58 об.

⁴¹ Этот факт Луначарский разъяснил позднее в письме к Зиновьеву 12 февраля 1923 г.: «С Гржебиным вышло чистейшее недоразумение. Когда он был еще в России, мы сговорились с ним о печатании моих мемуаров, причем я предполагал, что мемуары эти начнут печататься только через пару лет минимум и во всяком случае с особого моего разрешения. Так мы с ним и сговаривались. В то время мне крайне нужны были деньги, и я сдал ему первую часть этих мемуаров, за что получил некоторый,

довольно скромный гонорар. Каково же было мое возмущение, когда эта первая глава *через две недели после этого* оказалась напечатанной отдельным томом (<...> В некоторое оправдание моему тогдашнему поступку приведу то, что бывший в то время в самых лучших отношениях со всеми нами Алексей Максимович не только всячески настаивал на моем соглашении с Гржебиным, но и всячески оправдывал Гржебина и называл недоразумением преждевременное появление первой главы моих мемуаров. Только поэтому я тогда оставил их появление без протеста» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3367, л. 15).

⁴² «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 167.

⁴³ Там же, стр. 565.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, лл. 48—49, 60—61.

⁴⁵ Там же, л. 72. Из этого ничего не получилось, и позднее Горький объяснял в письме Воровскому, что бумага была закуплена на 5 млн. рублей, но «доставить ее не удалось» (там же, оп. 1, ед. хр. 91, л. 244).

⁴⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 88, л. 298.

⁴⁷ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 178.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 128, л. 606.

⁴⁹ Письмо Горького — ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 114, л. 42 (автограф).
Постановление СТО — ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13695.

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13729. Интересно отметить, что, узнав о представлении Госиздату такой крупной суммы в валюте, Гржебин сразу же обратился в издательство, предлагая свои услуги для выполнения любых поручений Госиздата за границей (ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 167).

⁵¹ «М. Горький и советская печать» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1). М., «Наука», 1964, стр. 12.

⁵² Протокол МСНК № 474 от 13 мая 1920 г. подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13969).

⁵³ Протокол № 479 также подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14074).

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 68, л. 18.

⁵⁵ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 183—184.

⁵⁶ Там же, стр. 183—184. Книга Чернова «Записки социалиста-революционера» вышла в издательстве Гржебина в 1922 г. (см. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». М., 1961, стр. 187, № 1570). Автобиография Мартова под заглавием «Записки социал-демократа» была издана в 1924 г. издательством «Красная новь».

⁵⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 84—85.

⁵⁸ Это было не совсем так. 8 апреля 1920 г. заведующий техническим отделом Госиздата И. Ф. Сафьян был командирован за границу, в Ревель (ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 103, л. 32). 10 июня он отчитался на Редколлегии Госиздата о своей командировке, и по его докладу было принято постановление: «Признать желательным печатание научных и учебных книг за границей, сосредоточив дело предпочтительно в Эстонии». Было предложено подготовить первую партию рукописей для отправки в Ревель и Юрьев. Вопрос о печатании в Германии и Швеции решили рассмотреть дополнительно, «по получению сведений о ценах» (там же, л. 28).

Происшедшая вскоре реорганизация Госиздата помешала немедленно выполнить этот план. 9 августа 1920 г. Закс писал полномочному представителю РСФСР в Эстонии И. Э. Гуковскому: «Главная беда та, что Гржебин и Тихонов разъезжают по границам и на деньги, которые мы им предлагали было отпустить, вздувают цены, конкурируют с нами у поставщиков бумаги и типографов» (там же, оп. 1, ед. хр. 136, л. 318).

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 27, л. 9.

⁶⁰ Там же, л. 12.

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14835.

⁶² ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 52, л. 39, и оп. 9, ед. хр. 108, л. 25.

⁶³ Там же, оп. 9, ед. хр. 108, л. 19 об.

⁶⁴ Она опубликована: «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 85—87.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 15.

⁶⁶ Там же, л. 14.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 176.

⁶⁸ Там же, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 8.

⁶⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 167—167 об.

⁷⁰ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 87.

⁷¹ «Народное образование», 1958, № 4, стр. 25.

⁷² ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13.

⁷³ Там же, оп. 1, ед. хр. 120, л. 303.

⁷⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 112, лл. 1—2.

⁷⁵ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 191.

⁷⁶ Там же, стр. 192.

⁷⁷ См. письмо 165 в настоящ. томе.

⁷⁸ См. там же.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 686, лл. 18—20. Большой интерес представляет отрывок из другого письма Луначарского Крестинскому, отправленного через несколько дней вдогонку за первым. В этом письме Луначарский писал: «Вопрос о Заксе отпадает, так как с Заксом мы совершенно договорились. Остается для меня совершенно открытым и почему-то преисполненным невероятным количеством слухов вопрос о назначении заведующего Гос<ударственным> издательством. Я еще раз прошу Вас не принимать решения, не переговорив предварительно со мной. Дело это в настоящее время до крайности остро. Ходят слухи, что ЦК остановился на кандидатуре Еремеева. Простите меня, Николай Николаевич, — это никуда не годная кандидатура. Если бы Вы спросили раньше того же Вацлава Вацлавовича <Воровского>, он сказал бы Вам, какую ужасную хозяйственную, деловую и идейную разруху застал он в том чудовищном наследстве от так называемого <Издательства ВЦИК. Еще до сих пор издательство открывает в разных типографиях никуда не годные полуграмотные рукописи, которые благополучно печатаются через день по столовой ложке. Я самым решительным образом протестую против такого назначения, несмотря на то, что очень люблю и уважаю Еремеева. Во всяком случае прошу кандидатуру взвесить вместе со мной. Я не могу шутя относиться к моей фактической ответственности за Государственное издательство. Ко мне обращаются писатели, партийные и непартийные, частные издательства, Алексей Максимыч, всевозможные комиссариаты, обращаются по совершенно правильному адресу, и мне необходим постоянный контакт с человеком, стоящим фактически во главе Государственного издательства, и известное единство взглядов» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3335, л. 6).

⁸⁰ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 206—207.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, л. 85. Еще до этого доклада Тихонова Закс в начале октября писал Горькому, пытаюсь переубедить его: «Сведения и опыт А. Н. Тихонова, добытые и приобретенные им в командировке от Государственного издательства, должны, конечно, быть использованы не только и не столько для печатания отдельных томов серии „Всемирной литературы“, сколько для спешного издания целого ряда учебников общих и специальных, профессиональных, а равно других книг большой срочности» (там же, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13 об.).

⁸² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 796, лл. 94—95.

⁸³ Это следует из карандашных пометок на письме, сделанных секретарем Рыкова, и из отсутствия на письме делопроизводственного штампа (для входящих бумаг) Наркомпроса.

⁸⁴ «Ленинский сб.» XXXVII, стр. 264.

⁸⁵ Там же, стр. 264—265.

⁸⁶ Там же, стр. 265.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 8.

⁸⁸ Там же, оп. 1, ед. хр. 12, л. 101.

⁸⁹ Там же, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 47.

⁹⁰ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 2, ед. хр. 9, л. 485.

⁹¹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 7об.

⁹² «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 87—88. В публикации письмо печатается по недатированной копии, но нам удалось обнаружить другую копию этого же письма с точной датой: 23 ноября 1920 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 395).

⁹³ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 88—91.

⁹⁴ М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 29, стр. 396—398. См. также более раннее его письмо (5 июня 1919 г.) комиссару печати и пропаганды в Петрограде М. Лисовскому в кн.: П. В и т я з е в. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921, стр. 20—21, а также «Русская книга», Берлин, 1921, № 7—8, стр. 13.

⁹⁵ «Книга и революция», 1920, № 6, стр. 4—9.

⁹⁶ Там же, 1920, № 7, стр. 1—6.

⁹⁷ Там же, 1920, № 6, стр. 4.

⁹⁸ Там же, 1920, № 7, стр. 9.

⁹⁹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 88.

¹⁰⁰ Там же, стр. 88.

¹⁰¹ Там же, стр. 91.

¹⁰² См. письмо 172 в настоящем томе.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 128, л. 128—128 об.

¹⁰⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 73, л. 375.

¹⁰⁶ Там же, оп. 9, ед. хр. 108, л. 2. Значительно раньше, еще 2 сентября 1920 г., о спекуляциях Гржебина в Стокгольме сообщал в письме к Луначарскому корреспондент РОСТА в Швеции В. Смирнов (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, л. 92).

¹⁰⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32298.

¹⁰⁸ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 180, л. 2.

¹⁰⁹ Там же, л. 3. Протокол заседания Редколлегии Госиздата от 6 января 1921 г. см. там же, оп. 1, ед. хр. 158, л. 6.

¹¹⁰ Там же, оп. 9, ед. хр. 139, л. 7.

- 111 Там же, оп. 1, ед. хр. 119, л. 22.
- 112 Постановления Совнаркома см. там же, оп. 1, ед. хр. 187, л. 53. Постановления Политбюро 26 января.— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 56, л. 2.
- 113 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16969, л. 1.
- 114 М. И. Г л я с с е р. Два месяца работы В. И. Ленина. М., Партиздат, 1934, стр. 47.
- 115 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 129, л. 1.
- 116 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 316, л. 182.
- 117 «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 91—92.
- 118 ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 197, л. 8.
- 119 Там же, оп. 1, ед. хр. 63, л. 114.
- 120 Там же, оп. 1, ед. хр. 119, л. 46.
- 121 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 696, л. 63—63 об.
- 122 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 158, л. 31.
- 123 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 795, л. 83—83 об.
- 124 ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 128, л. 154.
- 125 ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, ед. хр. 376, л. 7.
- 126 ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32294, лл. 1—5.
- 127 Там же, л. 3.
- 128 ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 100.
- 129 Там же, оп. 6, ед. хр. 27, л. 35. См. также копию телеграммы Луначарского в Берлин 24 марта 1921 г. с сообщением о решении комиссии (там же, оп. 1, ед. хр. 228, л. 43).
- 130 Там же, оп. 1, ед. хр. 228, л. 73.
- 131 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17733.
- 132 ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 197, л. 6. Интересно отметить, что председатель Редколлегии Госиздата Н. Л. Мещеряков с решением Редколлегии не согласился и подал особое мнение: «Книги, напечатанные Гржебиным в Швеции, не приобретать совсем».
- 133 Там же, оп. 1, ед. хр. 226, лл. 197—198.
- 134 А. В о р о н с к и й. Эпизод.— «Прожектор», 1923, № 14, стр. 21—22. См. также более поздний и более известный вариант этих воспоминаний Воронского, опубликованный в журнале «Прожектор» в 1927 г. (№ 6, стр. 19—20) и вошедший во все издания сборников «В. И. Ленин о литературе и искусстве» и «В. И. Ленин и А. М. Горький».
- 135 ЦГАОР, ф. 395, оп. 13, д. 1а, л. 66.
- 136 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18127.
- 137 ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 128, л. 32.
- 138 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18127, л. 1.
- 139 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 155, л. 5, или ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 229. Часть постановления (о «Всемирной литературе») см.: «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 92.
- 140 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 32, л. 51.
- 141 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3341, л. 2.
- 142 Л е н и н, т. 52, стр. 416.
- 143 Там же.
- 144 Там же, стр. 226.
- 145 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 172, лл. 1—4.
- 146 ЦГА РСФСР, ф. 2308, оп. 1, ед. хр. 14, л. 316.
- 147 Там же, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3337, л. 151.
- 148 ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 215, лл. 3—4.
- 149 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 169, л. 43.
- 150 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 198, лл. 4—5.
- 151 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20795, лл. 1—4. Протокол МСНК № 747 от 12 сентября 1921 г. подписан Лениным.
- 152 Л е н и н, т. 53, стр. 198. В комментарии к этому письму ошибочно разъясняется, что речь шла о «договоре Госиздата с издательством Гржебина на сокращенное издание им за границей русских классиков» (см. там же, стр. 417, примеч. 230).
- 153 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 180, л. 166.
- 154 Там же, л. 191.
- 155 Там же, л. 168.
- 156 Там же, л. 170.
- 157 Там же, оп. 1, ед. хр. 274, л. 90.
- 158 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 210, л. 4.
- 159 «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 217.
- 160 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 456, л. 31.
- 161 Там же, оп. 1, ед. хр. 1540, л. 5.
- 162 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 253, лл. 1—3.
- 163 Там же, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 259, л. 3.
- 164 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, л. 91.

БОРЬБА РЕАЛИСТОВ И ФУТУРИСТОВ ВО ВХУТЕМАСе (Новые материалы)

Публикация Л. М. Хлебникова

Вечером 25 февраля 1921 г. Ленин посетил Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) и беседовал с молодыми художниками. Этот факт широко освещен в литературе. Воспоминания об этом вечере Н. К. Крупской, ездившей вместе с Лениным в училище, и студентов А. Арманд и С. Сенькина, принимавших участие в беседе с Лениным, всегда включаются в тематические сборники «В. И. Ленин о литературе и искусстве».

В литературе справедливо указывается, что посещение Лениным училища имело исключительно важное значение не только в деле становления художественной школы, но и в развитии советского изобразительного искусства вообще.

Недавно удалось выявить ряд новых документов, которые позволяют более полно осветить борьбу реалистических и футуристических тенденций во ВХУТЕМАСе.

Целиком или в выдержках эти документы с соответствующим комментарием публикуются ниже.

Еще до своего приезда во ВХУТЕМАС Ленин был осведомлен о напряженной борьбе, которую вели в стенах училища сторонники двух господствовавших тогда направлений в изобразительном искусстве: футуризма и реализма. Вот почему его глубоко встревожили слова студентов-коммунистов, когда в ответ на шуточный вопрос: «Ну, а что вы делаете в школе, должно быть, боретесь с футуристами?» — ему отвечали хором: «Да нет, Владимир Ильич, мы сами все футуристы» («В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., ГИХЛ, 1967, стр. 717). Это и вызвало известный упрек Ленина Луначарскому: «Хорошая, очень хорошая у Вас молодежь, но чему Вы ее учите!» (там же, стр. 715).

18 декабря 1920 г. Ленин подписал постановление Совнаркома, определившее профиль ВХУТЕМАСа как «специального художественного и высшего художественно-промышленного учебного заведения», созданного для подготовки «художников — мастеров высшей квалификации для промышленности».

Очевидно, в это время Ленин еще не был поставлен в известность о теоретических установках руководителей ИЗО (Отдела изобразительных искусств Наркомпроса) и ВХУТЕМАСа в области «производственного искусства». В проекте постановления о ВХУТЕМАСе ничего не говорилось и о методике преподавания в Мастерских.

А этот вопрос интересовал Ленина, который еще в ноябре, при знакомстве с проектом постановления, готовившимся в Малом Совнаркоме, обратил внимание на отсутствие сведений о дисциплинах, преподаваемых в училище, и со своей стороны потребовал внести туда пункт об обязательном преподавании в Мастерских политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения (Ленин, т. 52, стр. 17).

После исправления проекта декрета с учетом требования Ленина, при его окончательном утверждении, Владимир Ильич внес новое добавление в тот же пункт, уточнив, что преподавание марксистской философии должно вестись не только на подготовительном отделении Мастерских, но и на всех его курсах («Ленинский сб.», XXXV, стр. 174).

Нет никакого сомнения, что эти ленинские поправки были тесно связаны по содержанию с письмом ЦК РКП «О Пролеткультах», в котором объявлялась война «буржуазным выдумкам» в области идеологии.

ЛЕНИН ОТКРЫВАЕТ МЕМОРИАЛЬНУЮ ДОСКУ
В ПАМЯТЬ ПАВШИХ ЗА МИР И БРАТСТВО НАРОДОВ

Москва, 7 ноября 1918 г.

Фотограф не установлен.

1 декабря 1920 г. в «Правде» было опубликовано письмо ЦК РКП «О Пролеткультах». В этом письме осуждались «нелепые, извращенные вкусы (футуризм)» и говорилось о «далеких по существу от коммунизма и враждебных ему художниках, которые вместо того, чтобы помогать пролетарской молодежи серьезно учиться, углублять ее коммунистический подход ко всем вопросам жизни и искусства», навязывали им свои собственные «системы» и выдумки.

Письмо «О Пролеткультах» воодушевило сторонников реалистического направления в искусстве как среди профессоров, так и среди студентов ВХУТЕМАСа. Они решили обратиться за поддержкой к ЦК партии. Так появился следующий документ, датированный 10 декабря 1920 г. и подписанный от имени организационной ко-

миссии ее председателем — студентом С. А. Богдановым — и членом комиссии — преподавателем Е. А. Кацманом:

«В Центральный Комитет РКП
Докладная записка

С первых дней революции дело художественного образования Республики, руководимое Отделом ИЗО Наркомпроса, где безусловно преобладало (называющее себя левым) футуристическое направление в искусстве, пошло по путям совершенно неправильным и прямо противоположным интересам пролетариата.

После первой реформы школы Свободные государственные художественные мастерские были построены так, что, вопреки положению о мастерских, утвержденному наркомом просвещения, обуславливающему свободу выборов руководителей, большинство выбранных учащимися руководителей реалистического направления Отделом ИЗО не были утверждены, а взамен их были назначены в состав руководителей представители буржуазных — футуристических течений в искусстве, которых никто не выбирал. Определенной учебной программы выработано не было, и, просуществовав 2 года, это странное учреждение, естественно, развалилось, так как учащиеся там не получали никаких знаний и не видели конца своего пребывания в мастерских.

Подчиняясь велению жизни, Отделом ИЗО Наркомпроса в июне с. г. была созвана Всероссийская конференция учащихся и учащихся Государственных художественных и Художественно-промышленных мастерских по вопросам о реформе школы. Представители Отдела ИЗО на конференции развивали какие-то туманные теории о производственном искусстве, отрицая искусство в доступных всем понятиях, становясь на точку зрения новейших буржуазно-идеалистических запутанных философских идей в искусстве и отвергая все великие принципы, выработанные человечеством на протяжении всей его истории. Все эти идеи, малопонятные для высококультурного человека, конечно, безусловно не усваивались большинством участников конференции, культурный уровень которых был весьма невысок, и, пользуясь этим, Отделом ИЗО были проведены свои, новые принципы художественной педагогики. Между тем все мы знаем, что во все великие революционные эпохи рождалось искусство, огромное по своему уровню, и, что особенно важно подчеркнуть, оно было всегда общедоступным.

Новые Государственные художественные мастерские, построенные на основании постановлений конференции, получили и определенную деловую программу и строгие принципы прохождения ее. Казалось бы, что, наконец, все устроено и дело художественного образования Республики поставлено на правильные рельсы. Но не успели мастерские сорганизоваться, как выяснилась полная их несостоятельность.

Новая программа, удовлетворявшая ее составителей, не удовлетворила студентов. Более чуткая и сознательная часть учащихся Московских, Петербургских и некоторых провинциальных мастерских поняла, куда ведет их новая программа. Среди учащихся началось брожение, и в Московских мастерских группа студентов до 150 человек отказалась учиться у футуристов, доказывая, что программа, вопреки заявлениям ИЗО и руководителей мастерских, совершенно необъективна, что объективных методов преподавания нет и что методы преподавания, а равно и преподаватели новых мастерских, — явно выраженные представители кубистических и иных извращенных направлений в искусстве.

Учащимся удалось после долгих хлопот добиться разрешения на открытие самостоятельных мастерских со своей программой, основанных на принципе свободного избрания себе руководителей.

Учащиеся, поддержанные группой художников, искренне любящих искусство и стремящихся к его возрождению и оздоровлению, решили основать мастерские, где всякий желающий мог бы получить все необходимые знания для того, чтобы стать мастером и приобрести прочный фундамент к дальнейшей его деятельности как художника, не предпреляя его направления в искусстве.

Для того, чтобы художественное образование было доступнее широким пролетарским массам, решено было при мастерских организовать рабочий факультет, где наряду с основными первоначальными подходами к изучению искусства преподавались бы

политико-экономические науки, прохождение которых предусматривалось в течение основного курса мастерских.

Но чаяния и пожелания студентов и художников разбиваются о рогатки и заслоны, поставленные ИЗО Наркомпроса. Боясь популярности новых мастерских, как откровенно заявляют руководители и представители ИЗО (Штеренберг, Равдель), студентам отказано:

1) в организации справочного стола при существующих Государственных мастерских, тогда как в организации такового бюро большая нужда, ибо интерес к нашей группе среди студенчества чрезвычайно большой;

2) студентам отказано в предоставлении под мастерские части вполне оборудованного и в данное время никем не занятого помещения в бывшем Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой улице и предложено найти помещение самим, что при остроте квартирного вопроса в данное время почти невозможно;

3) предоставляется право организовать мастерские только для данного кадра отколовшейся группы студентов, не разрешая вступления в мастерские новых кадров учащихся, дабы покончить сразу с реализмом, изжив его в стенах организуемых мастерских. Очевидно, что здесь мы имеем дело с лицами, желающими задуть в корне здоровое, жизненное стремление лучшей части учащихся.

Ознакомившись на страницах „Правды“ от 1. XII с. г. с письмом ЦК РКП о пролеткультах, где партией проводятся взгляды и принципы, совершенно одинаковые с принципами, выдвинутыми протестующей группой студенчества, мы обращаемся в ЦК РКП с просьбой принять нас под свое покровительство и помочь нам организовать мастерские, где пролетариат мог бы получить нужные ему знания для выявления своих творческих устремлений в искусстве» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 156, л. 2—2об.).

18 декабря 1920 г. с пометкой «Срочно» три копии этой докладной записки были пересланы Управляющим Делами Совнаркома Н. П. Горбуновым Луначарскому, Е. А. Литкенсу и в Главполитпросвет. В сопроводительной бумаге Горбунов просит уведомить Центральный Комитет о мерах, предпринятых в связи с этой докладной запиской (там же, л. 1).

Эти материалы Луначарский сразу же распорядился переслать заведующему ИЗО Д. П. Штеренбергу, затребовав от него письменных объяснений.

Штеренберг с ответом не спешил, но после повторного запроса Управления делами ЦК РКП(б) от 5 января 1921 г. Луначарскому (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 596, л. 31) и последующего объяснения с наркомом, через несколько дней представил Луначарскому следующее объяснение происшедших событий:

«В ответ на ходатайство группы учеников об открытии „независимых“ мастерских в Высшей художественной школе Отдел ИЗО считает необходимым довести до Вашего сведения следующее.

Задачей Высшей художественной школы является создание такого кадра мастеров изобразительного искусства, которые могли бы выполнить требования государства в деле искусства, в максимальной степени совершенства техники, с одной стороны, и ясного понимания основных задач строительства Рабоче-крестьянского государства, с другой. Поэтому:

а) Вся организация мастерских представляет собою органически связанное целое и построена на системе совершенно объективных дисциплин.

б) Подход к здоровому реализму может быть осуществлен только путем строгого проведения такой системы, без всякого отклонения в сторону бессистемного руководства отдельных художников, хотя бы именующих себя реалистами.

в) Никаких привилегий крайним течениям в Школе не предоставлено. В значительной мере там представлены и правое течение, и центр, и левое. Как представитель правого течения специально откомандирован из Петрограда в Московские мастерские профессор Кардовский.

г) Согласие всех руководителей на принятие выработанной Отделом ИЗО программы на заседании Художественного совета мастерских и тот факт, что общая политика в деле художественного образования, а также тезисы, положенные Отделом ИЗО в основу всей художественно-педагогической работы, были одобрены и приняты не

только конференцией учащихся, но и Всероссийской конференцией заведующих отделами искусств,— указывают на правильность и объективную беспристрастность принятого Отделом ИЗО курса.

д) Если часть учеников под давлением бывших руководителей, из которых Коровин и Архипов, халатно относившиеся к своей работе даже тогда, когда им была предоставлена полная возможность руководить по своему усмотрению, не приступили к занятиям, проживая в течение зимы в бывшем своем имении, имея вместо себя в мастерских совершенно никчемных заместителей под названием ассистентов,— стремится изменить общий план работы, требуя „независимых“ мастерских, то это объясняется их социальной и индивидуальной отсталостью в области художественной педагогики, с одной стороны, и личным самолюбием, с другой стороны. <...>

е) Никакого препятствия к созданию свободных студий Отдел ИЗО не чинил, наоборот, готов всеми мерами дать возможность всем художникам работать свободно, поддерживая материально их организации, но Высшая художественная школа, органически спаянная в своих недрах, не может иметь организации, построенной на других основаниях, чем вся школьная система. Отдел ИЗО считает внедрение в школу независимых мастеров разрушением всей начатой работы. Всякая попытка тех или других эстетических группировок, под тем или иным предлогом желающих изменить общий план работ мастерских, должна быть пресечена, иначе никакой планомерной работы осуществлено быть не может, тем более что программа мастерских в основе своей тесно связана с задачами политики государства в области просвещения и производства и была одобрена Главпрофобром и профсоюзом.

Требование означенной группы неизбежно вызовет такого же рода требование со стороны родственных ей по духу и социальной отсталости левых футуристов и других существующих и могущих образоваться эстетических групп, далеких от общих задач строительства. Этим фактом Высшая художественная школа будет совершенно разрушена и явится рассадником анархической бегемы.

ж) Учитывая все изложенное, Отдел ИЗО предлагает: выставить свою кандидатуру вышеперечисленным художникам в Совете живописного факультета мастерских и, в случае принятия их в число руководителей, приступить к занятиям на общих основаниях, подчиняясь общему плану учебных занятий мастерских, или же предлагает означенной группе учащихся организовать свободную студию под руководством означенных художников вне стен Высших художественных мастерских, причем Отдел берет на себя материальное обеспечение таковой студии» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 560, лл. 4—5).

Кроме этого объяснения, составленного в достаточно дипломатичной форме, Штеренберг одновременно представил Луначарскому адресованное в Отдел ИЗО письмо комячейки ВХУТЕМАСа, подписанное также председателем Исполкома студентов. Разница между этими двумя документами была разве в форме, но не в содержании. Однако здесь было немало и ценных подробностей. Письмо студентов, убежденных футуристов, как они сами себя называли, может быть, тех самых, с которыми через месяц беседовал Ленин, заканчивалось так:

«Что же касается работы наших мастерских, то никакого футуризма, ни кубизма, ни реализма как таковых у нас нет, мы от них отказались, еще на конференции поставив вместо направления или течения точное знание и мастерство; среди теперешних преподавателей есть художники всяких направлений, но с той только разницей, что теперь они обучают не как бог на душу положит, по своему индивидуальному направлению, а по определенным дисциплинам, точно установленным в программе.

Нас особенно возмущает та развязность, с которой всегдашние враги коммунистов пытаются провести свои личные выгоды, и, конечно, совершенно естественно, они встречают поддержку (правда, численно очень малую) среди той части студенчества, которая в социальном отношении оставляет желать многого; для достижения своих целей они даже могут открыть рабочий факультет!?!»

Все это, как было указано выше, является прделкой небольшой группы карьеристов, не без участия оставленной профессуры» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 560, лл. 2—3).

ЛЕНИН И Я. М. СВЕРДЛОВ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ ВО ВРЕМЯ
ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
7 ноября 1918 г.

Фотограф не установлен

Неизвестно, что предпринял Луначарский после знакомства с этими документами. Дело было передано в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции. Именно этот наркомат, а не руководство Наркомпроса, как это следовало бы ожидать, принял на себя инициативу подробного ознакомления с положением в Мастерских.

В начале февраля 1921 г. туда был командирован известный историк искусства проф. В. А. Никольский, работавший старшим инспектором НКРКИ. Всестороннее обследование работы Мастерских продолжалось почти месяц, после чего Никольским был представлен в Инспекцию просвещения НКРКИ рапорт о необходимости реформы Высшей художественной школы. В этом пространном рапорте говорилось следующее:

«Обследование современной организации и деятельности Московских высших художественно-технических мастерских, произведенное под моим наблюдением инспекторами Осколковой и Смирновым, в связи с личными моими наблюдениями за ходом дела по организации высшего художественного образования в течение двух лет, приводит к некоторым окончательным выводам, которые я считаю необходимым довести до Вашего сведения.

Как известно, с первых моментов революции группа молодых художников-футуристов захватила в свои руки дело управления государственной политикой в делах изящных искусств, провозглашая именно свое искусство либо чисто пролетарским, либо указующим верные пути к созданию коллективистического искусства будущего.

Почти трехлетняя деятельность этой группы изобразительных искусств привела к тому, что и ВЦИК, и Совнарком, и ЦК РКП, и Московский Совет РД неоднократно и по различным поводам высказали свое определенное отрицательное отношение к порабощению всего изящного искусства Республики новыми футуристическими течениями. Поддерживавший первоначально футуристов нарком просвещения силою вещей должен был изменить свою точку зрения и признать, что „все строительство Республики в вопросах искусства нельзя подводить под футуризм“ — знак, под которым идет Отдел изобразительных искусств Наркомпроса.

За все время своего существования Отдел ИЗО не сумел выполнить основной своей задачи — стать регулятором государственной политики в делах изобразительных искусств. Диктуемая группой крайних новаторов близорукая и вредная политика ИЗО только раскалывала художественную жизнь страны на враждующие лагери и тем создавала новые бесчисленные препятствия к сосредоточению управления делами искусства в руках одного авторитетного государственного органа. Ряд неудач, которые потерпел в своей практической деятельности охваченный футуристическими тенденциями ИЗО, привел к тому, что нуждающиеся в художественных работах ведомства всячески стараются выполнить их помимо ИЗО, например, ГУВУЗ <Главное управление военными учебными заведениями>, не желающий покровительствовать футуризму, сдал многомиллионный заказ на десятки панно для военных клубов ученикам художника Кончаловского; новые театральные постановки почти все осуществляются вне ИЗО и т. д.

Не имея ни авторитета, ни сил, чтобы действительно стать во главе художественной жизни страны, Отдел ИЗО по праву сильного захватил в свои руки дело художественного образования Республики, стремясь и здесь насаждать во что бы то ни стало излюбленный им футуризм.

Летом 1920 г. ИЗО провозгласил идею „производственного искусства“, т. е. искусства, влитого непосредственно в производство, имеющего целью повысить художественное совершенство вырабатываемых на фабриках и заводах изделий и вместе с тем повысить интенсивность производства вообще. Эта идея, по существу вполне здоровая и с успехом могущая найти применение во многих из производств, вырабатывающих предметы, так или иначе соприкасающиеся с искусством, была понятна, однако проведение этой идеи в жизнь Московских государственных художественных мастерских вызвало глубокий раскол среди учащихся, на котором я и считаю необходимым остановиться подробнее, исходя из мысли, что настал, наконец, момент, когда РКИ должна вмешаться в дела изобразительных искусств.

В основных своих чертах история деятельности ИЗО в области организации высшего художественного образования такова. 7 сентября 1918 г. нарком просвещения утвердил новую организацию художественных школ Республики, преобразующую их в свободные государственные художественные мастерские. Всем учащимся было предоставлено право свободного избрания руководителей. Однако когда выборы в Московских 1-х и 2-х свободных мастерских показали руководителям ИЗО, что художественная молодежь значительно менее сочувствует футуризму, чем рассчитывали новые педагоги из ИЗО, в мастерские, как в доброе старое время, были назначены Отделом ИЗО свои руководители-футуристы, не получившие на выборах законного большинства голосов. Провозглашенная свобода школы была нарушена самым беспечермонным образом и, естественно, что с этого момента в школе началось брожение. Чересчур прямолинейное проведение в жизнь идей производственного искусства ускорило процесс этого брожения, и в настоящее время оно вылилось в открытый протест нескольких сотен лиц, к слову сказать, поддерживаемый самим верховным руководителем просветительной и художественной жизни страны — тов. Луначарским.

Дело в том, что после провозглашения принципа производственного искусства

все прежние учебные планы и самая структура Московских художественных мастерских были изменены. Прежде всего обе мастерские (чисто художественная и прикладного искусства) были соединены в одну, и на первый план выдвинуто преподавание прикладных искусств. Новые единые государственные, но уже не свободные Художественно-технические мастерские разделены на 9 факультетов, и учебный их план построен так, что каждый новый ученик может пробыть в мастерских целые 7 лет. Из 1670 человек, числящихся студентами Московских художественно-технических мастерских, больше всего записалось на подготовительный факультет (671 человек), а затем на художественный (654 человека), архитектурный (152 человека) и скульптурный (66 человек), то есть громадное число молодежи все-таки пожелало учиться так называемому чистому искусству, а не прикладным искусствам. На отдельных художественно-технических факультетах мастерских доходит до таких курьезов, что на металлическом факультете состоит всего 2 (два) слушателя при 7 профессорах, на текстильном факультете 86 слушателей при 24 профессорах, на керамическом факультете при 17 профессорах — 21 слушатель и т. д.

Таким образом, идея производственного искусства не встретила большого сочувствия среди учащейся молодежи, отчасти по вине самих руководителей мастерских, так как, не оборудовав необходимых мастерских для практических занятий, они поспешили открыть прием учащихся на факультеты. Из прилагаемого акта от 4-го февраля видно, что на керамико-стекольном и текстильном факультетах вовсе нет практических занятий за отсутствием печей для обжига и машин, металлический факультет не может работать нормально за отсутствием помещения, а деревообделочный факультет поставлен перед лицом полной невозможности приобрести запас материалов и инструментов.

Так как весь смысл насаждения производственного искусства заключается, очевидно, не в бумажной, теоретической, а в чисто практической подготовке столь необходимых Республике высококвалифицированных работников, то естественно возникает вопрос о целесообразности затраты миллионных сумм на обслуживание более или менее теоретическими курсами 127 студентов, с которыми занимаются 75 преподавателей. Во сколько же обойдется государству каждый питомец производственного искусства, если принять во внимание пустынность аудиторий и общий семилетний курс!

Но крайнее нетерпение ИЗО в вопросах практического осуществления провозглашенной им идеи производственного искусства сказалось не только в организованном напех преподавании без необходимых пособий и почти без учеников (имеющееся в нашем распоряжении число лиц, записавшихся на отдельные факультеты, конечно, во много раз выше числа действительно посещающих лекции слушателей). Самые программы преподавания дисциплин чистого искусства, и в частности живописи, построены так, что у учащихся зародилось серьезное сомнение в том, приведет ли их новая школа к знанию хотя бы приемов живописного мастерства, т. е. к минимуму знаний, какие должна давать всякая школа искусства. Поскольку кажется сравнительно легким проведение принципов производственного искусства в области искусств прикладных, связанных с промышленностью, постольку же оно затруднительно в отношении чистого искусства, органически несоединимого с фабрикой и заводом. Правда, поклонники идеи производственного искусства заявили, что разница между чистым и прикладным искусством уничтожается, но это заявление, конечно, осталось и останется пустым звуком для всякого человека, понимающего разницу между суриковскою картиной и самой прекрасной тарелкой Петроградского фарфорового завода. Эти сомнения еще более усилились тем, что в реформированных мастерских продолжалась прежняя система покровительства футуристическим течениям. Так, во главе основного отделения живописного факультета, того отделения, с которого начинается собственно настоящее обучение живописи, поставлены два футуриста: Баранов-Россинэ и Клюб.

Эти сомнения вылились, наконец, в открытый протест группы учеников Художественно-технических мастерских, нашедший поддержку среди некоторых художников и художественных деятелей и у наркома просвещения. Протестанты выбрали особую комиссию по организации новых, действительно свободных государственных мастер-

ских живописи, выработавшую положение и программу этих мастерских, но, несмотря на сочувствие тов. Луначарского, им не удалось до сих пор не только получить помещение бывших 1-х Мастерских на Мясницкой ул., но ИЗО отказало протестантам даже в праве устроить справочный стол при существующих Государственных художественно-технических мастерских и воспрещает им принимать в свои ряды новых учащихся, словом, старается всячески затормозить или потушить неприятное для него дело. Поводом к такой тревоге со стороны ИЗО служит, очевидно, тот факт, что в ноябре 1920 г. протестантов было 115 человек, а к половине января их число возросло до 240 человек, причем 90% — студенты недавно созданных ИЗО Художественно-технических мастерских производственного искусства.

В настоящее время организационная комиссия протестантов обратилась с просьбой о содействии в Главпрофобр, куда передано все вообще дело об организации независимых от ИЗО художественных мастерских нефутиристического направления.

Резюмируя все сказанное, приходим к следующей цепи выводов: футуризм, конечно, далеко не покрывает собою всех течений современного искусства, имеющих равные с футуризмом права на существование и развитие. Если футуризм не оправдал возлагавшихся на него чаяний — стать единственным верным путем к пролетарскому искусству, то он, естественно, не может быть признан единственным покровительствуемым государством направлением в искусстве, как это было фактически до сих пор. Стремясь к созданию нового пролетарского изобразительного искусства, государство должно предоставить в этой области такую же свободу исканий и преподавания, какую оно предоставляет в области театра и музыки.

Создавшаяся теперь положение вопроса о художественной школе возвращает Россию ко времени царизма. В 60-х годах покровительствуемая царями и двором Академия художеств гнала и поработала все неугодные ей течения в искусстве и дождалась, наконец, бунта и разрыва с нею, создавшего передвижников. Так и теперь, покровительствуемая ИЗО новая футуристическая академия гонит всех несогласных и хочет насиловать всякий талант, хотя бы и пролетарский, если он не преклоняется пред узкими догмами всяческих кубо-футуристов и прочих последних слов буржуазного искусства Запада. Как тогда, так и теперь, — налицо бунт молодежи, открытый разрыв с футуризмом, стремящимся стать таким же помощником в искусстве, каким была прокламируемая всею историей царская Академия (художеств).

Исходя из этих положений и принимая во внимание, что создаваемая протестантами художественная школа будет вполне доступной для пролетариата при посредстве учреждаемого при ней рабочего факультета, считал бы в высшей степени желательным оказать поддержку этой школе, для чего было бы необходимо:

1) Обратиться в Главпрофобр с указанием на желательность удовлетворения ходатайства организационной комиссии по созданию Свободных государственных мастерских живописи в Москве, поддерживаемого наркомом просвещения.

2) Предложить Отделу ИЗО временно закрыть те из технических факультетов бывшего Государственного художественно-технического училища в Москве, на которых не могут вестись практические занятия из-за отсутствия необходимых помещений, материалов и приборов, и все те факультеты, на которые записалось менее 30 учащихся, используя освобождающиеся помещения для развертывания работы других факультетов; и впредь открывать для занятий только те технические и художественные факультеты, которые будут оборудованы для практических работ и привлекут не менее 30 слушателей каждый.

3) Ввиду обращения организационной комиссии с просьбой о содействии в ЦК РКП — поставить его в известность о мнении РКП по настоящему делу и о принятых ею мерах» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 156, лл. 13—15).

Докладная записка Никольского датирована 2 марта, а уже 4 марта 1921 г. с пометкой «Срочно» член коллегии НКРКИ М. К. Ветошкин переслал ее копию в коллегию Наркомпроса, указав, что НКРКИ считает необходимыми следующие меры со стороны Наркомпроса:

1) Немедленно предписать Отделу ИЗО закрыть временно те из факультетов Высшего государственного художественно-технического училища Москвы, на которых

ЛЕНИН У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОМАЙСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ

1 мая 1919 г.

Фотограф не установлен.

не могут вестись практические занятия из-за отсутствия необходимых помещений, материалов и приборов, а также те факультеты, на которых в настоящее время состоит менее 30 человек слушателей.

2) Указать в категорической форме на недопустимость со стороны ИЗО отказа в организации справочного стола при существующих государственных мастерских.

3) Предписать ИЗО (если это еще не сделано) немедленно и без всяких отговорок предоставить организационной комиссии по созданию Государственных мастерских живописи помещение в бывшем Училище живописи и ваяния на Мясницкой.

4) Разрешить организовать указанные мастерские не только для данного кадра отколовшейся группы антифутуристов, но и для всех поступающих вновь, указав ИЗО на недопустимость применяемых им способов борьбы с реалистическим направлением в искусстве (там же, л. 7).

О всех сделанных по этому поводу распоряжениях Ветошкин просил «немедленно уведомить» его лично.

Как можно предполагать, в разрешении этого вопроса Луначарский пошел наиболее трудным путем, не выделяя «богдановцев», т. е. группу вхутемасовцев, от имени которой выступал студент Богданов, из состава ВХУТЕМАСа, а заботясь о дальнейшей судьбе остальных студентов, предоставленных самим себе. Необходима была реформа преподавания в Мастерских в целом.

14 апреля 1921 г. под председательством Луначарского состоялось расширенное заседание коллегии ИЗО Наркомпроса, созванное для рассмотрения положения во ВХУТЕМАСе. После непродолжительного обмена мнениями было принято решение создать специальную комиссию для рассмотрения учебной программы Мастерских. Комиссию возглавил Луначарский, в ее состав вошли первый председатель Главного художественного комитета Наркомпроса А. М. Росский, Д. П. Штеренберг, Е. В. Равдель и представитель Рабкрин А. Иванов. Поскольку инициатива в пересмотре программы преподавания принадлежала «богдановцам», им было предложено представить свой проект новой программы (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 58, л. 36).

Копия протокола этого расширенного заседания коллегии ИЗО была направлена в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции.

Одновременно Луначарский решил произвести ряд персональных перемещений. 16 апреля он направил две телефонограммы секретарю Коллегии Наркомпроса Ф. Я. Зимовскому. Извещая того, что он не сможет лично присутствовать на заседании Коллегии, Луначарский в первой телефонограмме просил Коллегию утвердить заведующим ИЗО вместо Штеренберга — Натана Альтмана (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 560, л. 9 об).

Во второй телефонограмме он информировал о своем отношении к «отводу Глачкомом» заведующего отделом ИЗО Главполитпросвета П. Ю. Киселиса: «Я лично очень уважаю тов. Киселиса и хочу видеть его и впредь в роли ответственного инспектора или чего-нибудь в этом духе. Однако как его организационные навыки, так и отношения, которые установились у него с другими художниками, являются серьезным препятствием к оставлению его на основном посту. Это мое мнение прошу огласить в Коллегии» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 560, л. 19).

Трудно сказать, чем было вызвано это решение. Киселис был художником реалистического направления, в будущем — один из руководящих деятелей АХРР. Вероятно, Ленину стало известно отношение Луначарского к Киселису, и поэтому 6 мая в записке М. Н. Покровскому он просил «помочь в борьбе с футуризмом» и между прочим указывал: «Киселиса, который, говорят, художник-„реалист“, Луначарский-де опять выжил, проводя-де футуриста и прямо и косвенно».

Нельзя ли найти надежных антифутуристов?» (Ленин, т. 52, стр. 180).

Опасения Ленина имели основания: новый заведующий ИЗО Натан Альтман все три года являлся одним из ближайших помощников Штеренберга.

В этот день, 6 мая, Луначарский присутствовал на заседании Совнаркома, где обменялся с Лениным записками по поводу «150 000 000» Маяковского (см. стр. 281).

Возможно, в недошедшей до нас записке или устно Ленин напомнил Луначарскому также и о намечавшейся реформе ВХУТЕМАСа. Косвенно об этом свидетельствует

его записка Покровскому, где он с тревогой писал об устранении Киселиса, и особенно тот факт, что именно в этот день, наконец, впервые собралась комиссия по реформе ВХУТЕМАСа, спешно созванная Луначарским.

Комиссия была расширена: сверх ранее намеченных членов комиссии (кроме Штеренберга, сюда входил Альтман), в нее вошли также художник-реалист К. Ф. Юон и два студента-вхутемасовца: «футурист» С. Сенькин (тот самый, который оставил интересные воспоминания о посещении Лениным ВХУТЕМАСа) и «реалист» С. Богданов (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 88, л. 63).

На заседании комиссии началось предварительное рассмотрение программы основного, живописного факультета Мастерских. Поскольку студенты «богдановцы» свой проект программы не подготовили, по предложению Луначарского составить проект было поручено преподавателю училища — Юону и следующее заседание комиссии было назначено на 9 мая.

На втором заседании комиссии Юон сделал доклад, в котором пытался примирить обе точки зрения, выдвинув основной тезис: «Нет искусства ни правого, ни левого, а есть хорошее или дурное, нужное или ненужное, желательное или нежелательное» (там же, л. 65).

В то же время Юон высказался за реалистическое направление в искусстве, предложив вернуться к классической постановке художественного образования: сначала общее для всех художников изучение техники живописи и только затем учеба в индивидуальных мастерских.

К сожалению, большое выступление Луначарского по докладу Юона не стенографировалось. В протоколе имеется следующая секретарская запись: «Он <Луначарский. — Л. Х.> отмечает, что художниками правого направления отвергается аналитический подход к живописи. Среди левых художников мы можем легче найти аналитиков. В 60—70-х годах прошлого столетия стали приходиться к заключению, что техника утрачена. В самом деле, теперь искусство строится на отдельных именах, в то время как в старой голландской школе все художники были мастерами. Первый удар по синтетическому искусству был нанесен импрессионистами, и начались аналитические поиски. Тов. Луначарский утверждает, что нет такого искусства, которое нельзя изучать аналитически, так как все можно расчлнить, но следует поставить аналитическое преподавание на второй план. Что касается дисциплин, то тов. Луначарский предлагает следующее деление:

1. Цвет (краска как таковая, научить давать тот тон, который задуман, какая краска с какой ассоциирует или диссоциирует).

2. Форма (в светотенях, в однотонных воспроизведениях, при рассеянном дневном свете).

3. Вариация основной окраски (форма и цвет).

4. Красочная композиция (эту дисциплину можно разделить между пп. 1 и 3).

5. Пространственная композиция и конструкция (умение изобразить предмет в пространстве и распределить изображение на полотне).

6. Фактура (вся техника мастерства, подробное изучение масляной краски и ее свойств, техника фрески, акварель).

7. Аналитическое изучение полотен. Мысль об аналитическом курсе правильна, но сначала в испытательном отделении учащийся должен показать, что он может быть живописцем (синтетический метод). Затем на основном отделении ученик изучает живопись аналитически, путем дисциплин, и далее, в специальных мастерских, опять синтетический метод. Так построенная школа удовлетворила бы всех и, может быть, не было бы необходимости в параллельном курсе» (там же, л. 64).

Больше никто не выступал, и была единогласно принята предложенная Луначарским резолюция:

«1. Преподавание построить так: 1) испытательное, подготовительное отделение; 2) основное (аналитическое) отделение; 3) специальное (синтетическое) отделение.

2. Признать в принципе возможным для так называемой группы богдановцев как временную меру переход в специальные мастерские без прохождения дисциплин, с соответствующей отметкой в аттестате.

3. Признать за кончающимися учащимися право создавать коллективы под руководством школы» (там же).

Казалось бы, вопрос исчерпан, студенты-реалисты, наконец, получили право на создание собственных мастерских, монополия футуристов в высшем художественном образовании была уничтожена. Однако дело этим не закончилось: «левая» профессура ВХУТЕМАСа — А. М. Родченко, К. С. Малевич, А. В. Лентулов и др. — отказалась признать решения комиссии, мотивируя свой отказ тем, что в работе комиссии не было ее представителя (Штеренберг и Альтман, никогда не бывшие теоретиками, на заседаниях обычно отмалчивались, а ректор ВХУТЕМАСа Равдель был временно по партразверстке мобилизован на работу в деревню и в работе комиссии не участвовал).

18 мая комиссия снова собралась под председательством Луначарского, здесь же присутствовали многие преподаватели Мастерских, как «левые», так и «правые», более двадцати человек.

От имени профессуры с энергичным протестом против новой программы выступил А. В. Лентулов. По предложению Луначарского, собравшиеся обязали «оппозиционеров» в недельный срок представить для обсуждения свой собственный вариант программы.

Далее в протоколе записано: «После обмена мнениями тов. Луначарский предлагает приостановить работу Комиссии на недельный срок, чтобы дать профессорам познакомиться с предыдущей работой Комиссии и представить свои тезисы к программе. Не нужно впадать в такой трагизм. Мы все — дети кризиса, и этот кризис разложения резче сказан в живописи, но он необходим для будущего. Создалась чрезвычайно резкая борьба направлений, но государственная власть не даст ни одному направлению предпочтения, и если пришлось опереться на группу левых, то потому, что другие не организованы и опереться на них нет никакой возможности. Недочеты в работе и недовольство этой работой, конечно, есть, но если бы во главе стояла другая группа, было бы то же самое. В условиях переживаемого времени трудно выработать программу. Попытаемся договориться об аквизите, для всех приемлемо, и если не окажется группы, могущей вести работы, или не удастся сговориться о минимуме, приемлемом для всех, то выход только один — создать Свободные мастерские. Учить научно можно там, где есть научные базы, учить искать — можно в индивидуальных мастерских» (там же, л. 66).

Со своей стороны Луначарский решил предпринять меры для усиления влияния художников-реалистов в руководстве художественной жизнью страны. Об этом свидетельствует содержание следующей, присланной ему выписки из журнала заседания общества художников «Мир искусства» от 25 мая 1921 г. В ней говорится: «Просить народного комиссара по просвещению А. В. Луначарского подтвердить свое совершенно определенно сделанное заявление на собрании художников, происходившем на квартире П. П. Кончаловского, об уходе Д. П. Штеренберга, после чего Общество „Мир искусства“ воспользуется предложением наркома А. В. Луначарского и укажет своих уже намеченных кандидатов по Главпрофобру, АКИЗО и ПолитИЗО, с которыми Общество считает возможным войти в контакт для урегулирования художественной жизни страны и создания нормальной здоровой школы.

Программные тезисы для ВГХТМ Общество не представляет, так как заседание Живописного факультета Мастерских по неизвестным причинам не было созвано и, таким образом, профессора ВГХТМ, входящие в Общество в качестве его членов, лишены были возможности даже ознакомиться с протоколами заседаний программной комиссии и выполнить соответственные задания наркома. Принципиальное отношение к вопросу о составлении программ Обществом выработано» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 735, л. 451—451 об.).

Как мы видим, в «недельный срок» профессура ВХУТЕМАСа свой проект новой программы обучения не представила. В то же время постановление Комиссии Луначарского от 18 мая 1921 г., предоставлявшее «богдановцам» право создать свои мастерские реалистического типа, было опротестовано «левой» профессурой Мастерских и осталось на бумаге.

ЛУНАЧАРСКИЙ В ЧЕЛЯБИНСКЕ, В КАБИНЕТЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОБЛИСПОЛКОМА
1924 г.

Фотография

Последнее обстоятельство заставило студентов-«реалистов», хорошо помнивших посещение Лениным ВХУТЕМАСа, обратиться лично к Владимиру Ильичу с просьбой о помощи в борьбе против футуристов.

13 июня 1921 г. на имя Ленина (а в копиях также Луначарскому, председателю коллегии Главпрофобра Е. А. Преображенскому, председателю коллегии Главполитпросвета Н. К. Крупской (Ульяновой) и Народному комиссариату рабоче-крестьянской инспекции) было направлено следующее письмо:

«От имени группы студентов Московских высших государственных художественно-технических мастерских в количестве: живописцев — до 400 человек, скульпторов — до 50 человек и архитекторов — до 150 человек, организационная комиссия обращается к Вам по нижеследующему поводу.

После Октябрьской революции последовало несколько попыток переорганизовать художественную школу. Наконец школа была переорганизована по выкройкам футуристски настроенных теоретиков, занимающих посты у рычагов государственного аппарата в делах искусства и художественного образования. По собственному выражению футуристов, они осуществляли «диктатуру пролетариата в делах искусства, через свое творчество».

Пользуясь официальным положением у власти стоящих своих сторонников, футуристы беспощадно подавляли и подавляют все остальные течения в искусстве, создавая себе материально-привилегированное положение и ставя художников других направлений в безвыходное положение.

Через переорганизованную школу они стремятся чисто принудительным путем культивировать футуристическое и беспредметное творчество. Основной кадр преподавателей школы подобран с определенной целью. Учащихся бесцеремонно превращают в кривляющихся «новаторов».

Последнее обстоятельство вызвало бурные протесты со стороны наиболее серьезного большинства учащихся, и последовали неоднократные обращения к наркому

Луначарскому, а равно и обращение в ЦК РКП с просьбой защиты и предоставления возможности работать серьезно, а не терять время даром на безобразное кривляние футуристического толка. Нарком Луначарский давал организационной комиссии заверения, что просьба студентов будет удовлетворена „в ближайшем будущем“. *С тех пор прошло более восьми месяцев* и обещания остались лишь обещаниями. Студенты приходят в отчаяние. Благодаря усердному противодействию футурообразных администраторов дело осуществления организационного плана серьезной художественной школы затягивается бессовестным образом под разными предложениями и даже без всяких предложений.

За три с половиной года „диктаторства“ футуристической группы искусство стремительно упало. Школа потеряла признак школы и превратилась в богадельню. „Новаторы“ футуристического толка успели зарекомендовать себя уже достаточно, и двух мнений о их полезности или бесполезности быть не может, они вселили в широкие массы народа через себя отвращение к искусству. В лучшем случае они вызывают смех, чаще негодование. Взамен поглощаемых ими средств народа они дают одно лишь безобразие. Страна рискует остаться без серьезно подготовленных художников. Государство должно в экстренном порядке выявить на деле свое отношение к искусству и озаботиться созданием серьезной школы изобразительных искусств.

Мы просим назначить специальную комиссию с широкими полномочиями для окончательного разрешения вопроса об осуществлении организационного плана Государственной школы изобразительных искусств, над которым организационная комиссия работала более полгода.

Комиссия должна составить из представителей заинтересованных учреждений, по одному представителю от Главпрофобра, Главполитпросвета, Рабрина и Организационной комиссии под председательством *представителя ЦК РКП* с правом кооптации специалистов-художников с совещательным голосом

Председатель организационной комиссии С. Богданов
Секретарь <подпись>

Москва, 13 июля 1921 г.» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 794, л. 113—113 об.).

Это письмо серьезно встревожило Луначарского. 2 июля он пишет Ленину, что сам занимался этим вопросом, что «вопрос этот сложный» и что «сведения, даваемые Богдановым, сплошь безобразно преувеличены и тенденциозны» (см. настоящ. том, стр. 292).

Судя по помете Н. П. Горбунова на письме Луначарского: «Я записки Богданова не получал. Послать Л. А. Фотиевой: не попала ли эта записка непосредственно к Вл<адимиру> Ил<ьичу>» (см. стр. 292), письмо Богданова не проходило обычным путем — через Управление делами Совнаркома.

Свои экземпляры докладной записки Богданова Н. К. Крупская и Е. А. Преображенский переслали Луначарскому, и они сохранились в бумагах секретариата Наркомпроса. Что же касается подлинника записки Богданова, адресованной Ленину, то найти ее в архивах до сих пор не удалось. Возможно, что Ленин переслал ее в Рабкрин, архив которого сохранился не полностью. Как раз в это время Наркомат рабоче-крестьянской инспекции по постановлению Совнаркома от 13 июля проводил расследование по жалобам на действия ИЗО Наркомпроса, от имени государства закупавшего преимущественно произведения футуристов.

Закупочная деятельность ИЗО Наркомпроса заслуживает отдельного рассмотрения, отметим здесь только то любопытное обстоятельство, что когда Совнарком под председательством Ленина, заслушав доклад представителя Рабрина о проведенном расследовании, принял по этому докладу развернутое постановление, то пункт третий этого решения вышел за пределы обсуждавшейся частной проблемы. В нем говорилось: «Предложить Народному комиссариату просвещения в его практической деятельности точно руководствоваться декларированными НК просвещения принципами: не проводить политики в интересах групп и течений и, в частности, принять срочные меры к реорганизации высшего художественного образования, обеспечив в первую очередь

возможность художественного развития реалистических течений в живописи и скульптуре» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 58, л. 26).

В октябре начинался новый учебный год во ВХУТЕМАСе, а положение оставалось прежним: новых программ не было, Мастерские раздирала междоусобная борьба двух партий, «реалисты» приобретали все больше сторонников, «футуристы» упорно обороняли свои позиции.

Необходимо было принимать меры, тем более что Луначарский обещал Ленину: «с будущего осеннего сезона мы во всяком случае удовлетворим важнейшие требования художников-реалистов и пересмотрим самым тщательным образом и общие порядки художественных мастерских» (см. настоящ. том, стр. 292).

После очередного обращения к наркому в сентябре 1921 г., когда группа из 22 профессоров живописного и скульптурного факультетов (Коненков, Кончаловский, Машков, Кузнецов и др.) потребовала отставки активного сторонника «производственного обучения», ректора Е. В. Равделя, а другая группа вместе с комячейкой студентов выступила в его защиту, Луначарский опять взялся за трудное дело примирения враждующих сторон на общей платформе.

20 октября 1921 г. под его председательством состоялось новое совещание по ВХУТЕМАСу, на котором присутствовали Е. А. Преображенский, П. С. Коган, В. Ф. Плетнев, Д. П. Штеренберг и Н. И. Альтман. После обмена мнениями участники совещания приняли предложение Луначарского «создать при АИЗО компетентную комиссию под общим контролем и за ответственностью Глахкома с привлечением художников всех направлений для выработки программы высших учебных заведений по изобразительному искусству, причем в основу программы должна быть положена полная объективность преподавания художественного мастерства на 1-й ступени, проведение возможно большей систематичности на факультетах производственного порядка и предоставление большей свободы индивидуальности на факультетах станковой живописи и скульптуры. Если комиссия не придет к единообразной программе, то за отдельными ее участниками или группами остается право представлять на рассмотрение Гохкомом или Охобром <Отдел художественного образования Главпрофобра> варианты программы. Ввиду особой важности вопроса на пленарных заседаниях комиссии председательствует нарком». Совещание реорганизовало правление ВХУТЕМАСа, сделав его коллегиальным, и предложило всем работникам вуза «приступить к работе и приложить все усилия к прекращению какой бы то ни было внутренней борьбы и к налаживанию продуктивной совместной работы» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 662, л. 2).

В конце 1921 г. выпускники ВХУТЕМАСа, художники-реалисты, образовали свое общество «Бытие» (туда вошел и художник Богданов), с 1922 г. возобновили свою деятельность некоторые из старых обществ (например, «Мир искусства»), возникли новые творческие группировки художников как реалистического (АХРР), так и новейших, «формалистических течений».

Споры о путях развития советского изобразительного искусства вышли из стен училища на художественные выставки, диспуты, страницы печати.

Что касается собственно методики преподавания в художественном вузе, то споры на эту тему, тесно связанные со спорами о художественном методе в искусстве, продолжались еще долго, пока не были разрешены постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г.

ЛЕНИН О КОРОЛЕНКО

Предисловие Г. А. Бялого

Публикация В. Я. Зевина

О В. Г. Короленко Ленин впервые упомянул в своей классической книге «Развитие капитализма в России» (1899). Говоря о невозможности массового превращения кустарей в самостоятельных хозяев, Ленин сослался на «Павловские очерки» Короленко, где речь шла о полной зависимости кустарей от «далекого рынка» и от близких скупщиков, от зажиточных мастеров и фабрикантов. Кустари стремятся быть самостоятельными, они приобретают жалкие домишки, разводят садики, но все это, как показывает Короленко, только иллюзия самостоятельности, и не больше того: «Кустарь хватается за последнюю возможность самостоятельной жизни с такими же усилиями, как эти домишки за каждый выступ глинистого обрыва».

Это настойчивое стремление кустарей сохранить хотя бы видимость самостоятельности было как нельзя более характерно для периода превращения мелкого производителя в работника капиталистической мануфактуры. Типичность этого явления и отметил Ленин в «Развитии капитализма в России». Он указал, что многие кустари «обольщают еще себя всяческими иллюзиями о возможности (посредством крайнего напряжения работы, посредством бережливости и изворотливости) превратиться в самостоятельного хозяина»¹.

В «Павловских очерках» Короленко есть образ кустаря Дужкина, сурового «экономического человека», которому удалось именно посредством бережливости, беспощадной настойчивости и изворотливости открыть собственную торговлю и добиться положения «самостоятельного хозяина». Короленко показал, что это редчайший случай, почти что чудо. В цитированном труде Ленин сразу вслед за приведенной выше цитатой подчеркнул характерность короленковского Дужкина именно как исключительного явления. «Для единичных героев самодеятельности (вроде Дужкина в „Павловских очерках“ Короленко), — писал Ленин, — такое превращение в мануфактурный период еще возможно, но, конечно, не для массы неимущих деталей рабочих»². Ленин отметил, следовательно, жизненную правдивость одного из важных художественных образов Короленко и воспользовался этим образом в своем анализе судеб и перспектив кустарного производства в России.

Вторично Ленин вспомнил Короленко в 1907 г. в «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе». К этому времени Короленко был уже широко популярен и как художник-беллетрист и как выдающийся общественный деятель. У всех в памяти было его мужественное выступление в защиту удмуртов, осужденных царским правительством по изуверскому обвинению в человеческих жертвоприношениях; выступление это завершилось полным оправданием удмуртских крестьян. С 1906 г. начинают появляться статьи и заметки Короленко по поводу бесчеловечного истязания украинских крестьян в Сорочинцах действительным статским советником Филоновым. Вскоре после появления в газете «Полтавщина» открытого письма Короленко, в котором разоблачались зверства Филонова, этот свирепый «каратель» был убит на одной из самых людных улиц Полтавы. Против Короленко началась черносотенная травля за «подстрекательство к убийству». 12 марта 1907 г. в Государственной думе монархист В. Шульгин назвал Короленко «писателем-убийцей».

В апреле того же года с речью по аграрному вопросу должен был выступать социал-демократический депутат Г. Алексинский. Для этого выступления Ленин написал «Проект речи». Упомянув сборник статистических материалов департамента земледе-

лия, обработанных неким С. А. Короленко, Ленин предостерег против смешения С. Короленко с его знаменитым однофамильцем, имя которого в заседании Думы не так давно было злобно упомянуто черносотенным депутатом. Ленин писал: «Обработал эти сведения г. С. А. Короленко — не смешивать с В. Г. Короленко; не прогрессивный писатель, а реакционный чиновник, вот кто этот г. С. А. Короленко»³. Так, в попутном замечании Короленко был охарактеризован Лениным как прогрессивный писатель.

Прогрессивный, демократический характер творчества и деятельности Короленко ясно сказывался и в последующей его борьбе против самодержавного произвола. В 1913 г. в статье, посвященной 60-летию Короленко, большевистская газета «Рабочая правда» писала: «В. Г. Короленко стоит в стороне от рабочего движения. Он лишь представитель радикальной, демократической интеллигенции с народнической закваской. Для своих печатных выступлений он даже избирает иногда такие чисто либеральные газеты, как „Речь“ и „Русские ведомости“. Но он сам несомненный демократ, всякий шаг народа на пути к демократии всегда найдет в нем сочувствие и поддержку.

Такие люди, как Короленко, редки и ценны»⁴. Однако, как указывал Ленин, «только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму *не безусловна*, демократизм их всегда оглядывается назад»⁵. Короленко стоял в стороне от рабочего движения, поэтому при общем демократическом характере его деятельности ему свойственны были колебания, некоторые уступки либерализму, иной раз стремление выступать в союзе с либеральными кругами, словом «оглядка назад». В его деятельности были, таким образом, и сильные и слабые стороны.

Об этом говорят и публикуемые заметки Ленина на полях сборников, посвященных Короленко. Так, в письме Короленко к С. Д. Протопопову 9 августа 1911 г. (из сборника статей под ред. А. В. Петрицева) Ленин с сочувствием отмечает сильные слова Короленко против столыпинской реакции, против кадетов и октябристов, всегда подыгрывавших реакции и нападавших на левые партии. «Бороться и быть побежденными — это вовсе не глупо», — пишет Короленко по поводу поражения левых партий в ходе революции 1905 г., и Ленин особо выделяет эти слова.

Зато в 1916 г. в связи с организацией газеты «Русская воля», тесную связь которой с банкирами и промышленниками Короленко ясно видел, он в то же время выступил не против данной классовой организации газеты, а против «классовой точки зрения» вообще, наивно предполагая возможность внеклассовой позиции печатного органа. Это замечание Короленко, свидетельствующее об ограниченности его взглядов, также было отмечено Лениным, как и выпад против газет, открыто связанных с революционным пролетариатом в письме Короленко 9 ноября 1917 г.

Во время первой мировой войны, выступая против «воинственности» кадетов, против завоевательных планов буржуазии и ее публицистов, против лицемерных возгласов кадетов о «защите малых народностей» и т. д.⁶, Короленко в то же время в августе 1917 г. написал статью «Война, отечество и человечество», выпущенную затем отдельной брошюрой, в которой высказался за продолжение войны ради защиты отечества. Короленко, таким образом, не принял интернационалистской точки зрения революционных противников войны. Ленин познакомился с этой брошюрой лишь в 1919 г., и в письме к Горькому 15 сентября этого года резко осудил ее: «А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистской войны, прикрытая слащавыми фразами!» — писал он⁷. Когда в 1922 г. И. П. Белокопский в предисловии к сборнику писем Короленко написал о нем как о «писателе — гуманисте наших дней», Ленин вспомнил брошюру «Война, отечество и человечество» и написал на полях: «А брошюра его *за* войну 1917 года?» (см. стр. 724—725 настоящ. тома).

Короленко, считавший себя беспартийным социалистом, не принял идей большевиков и принципов диктатуры пролетариата. Это не помешало ему в июне — августе 1917 г. выступать против клеветы буржуазной печати на большевистских деятелей. В «Открытом письме В. Л. Бурцеву» Короленко обвинил его в том, что тот сделался «отголоском непроверенной клеветы против честных людей». «Вы открываете простор эпидемии клеветничества как орудия политической борьбы», — писал Короленко⁸.

После победы Октября Короленко, по-прежнему не соглашаясь с большевизмом, вместе с тем неоднократно выступал против произвола и бесчинств белогвардейских властей⁹. Об отношении Ленина к Короленко в этот период его деятельности дают ясное представление воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича.

«С наступлением Октябрьской революции мне пришлось неоднократно получать официальные сведения, как Управляющему делами Совета Народных Комиссаров, о том, что В. Г. Короленко весьма неодобрительно относится к деятельности представителей советской власти, считает совершенно ненужным и зловердным решительную борьбу диктатуры пролетариата с эксплуататорскими классами, называя ее „излишней жестокостью“. Он доказывал, что мирная эволюция в лоне республиканской конституции скорее достигнет желанной цели, чем решительная, беспощадная, нередко кровавая борьба классов, которая, по его мнению, только напрасно озлобляет народ. С присущей ему откровенностью и бесстрашием, Владимир Галактионович это свое мнение, шедшее вразрез с указаниями директивных органов партии и правительства, открыто высказывал всюду и везде, как в письмах, так и устно при разговорах, и на собраниях. Все сведения об этих фактах были известны Владимиру Ильичу.

— Не понимает он задачи нашей революции, — говорил Владимир Ильич. — Вот они все так: называют себя революционерами, социалистами, да еще народными, а что нужно для народа, даже и не представляют. Они готовы оставить и помещика, и фабриканта, и попа — всех на старых своих местах, лишь бы была возможность поболтать о тех или иных свободах в какой угодно гостиной. А осуществить революцию на деле — на это у них не хватает пороха и никогда не хватит. Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробней. Надо просить А. В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как Комиссару народного просвещения и к тому же писателю. Пусть попытается, как он это отлично умеет, все поподробней рассказать Владимиру Галактионовичу — по крайней мере пусть он знает мотивы всего, что совершается. Может быть, перестанет осуждать и поможет нам в деле утверждения советского строя на местах.

При первом же свидании с Анатолием Васильевичем Владимир Ильич рассказал ему о возмущениях В. Г. Короленко и распорядился все сведения из Полтавы о выступлениях Короленко в дальнейшем пересылать лично А. В. Луначарскому.

— А сочинения Владимира Галактионовича надо сейчас же переиздать в Государственном издательстве как можно дешевле: они очень полезны для чтения широкими массами, — сказал Владимир Ильич, обращаясь к А. В. Луначарскому, члену редакции Госиздата¹⁰.

В 1921 году во время тяжелой болезни Короленко В. И. Ленин проявил заботу о больном писателе. В письме Наркомздраву Н. А. Семашко он писал: «Очень прошу назначить специальное лицо (лучше известного врача, знающего *за границу и известного за границей*) для отправки за границу, в Германию (Цюрупы, Крестинского, Осинского, Кураева, Горького, Короленко и других). Надо *умело* запросить, попросить, сагитировать, написать в Германию, помочь больным и т. д.

Сделать *архивкуратно*
(тщательно)»¹¹

Однако поглощенный работой над «Историей моего современника», Короленко выехать за границу не захотел, да он и понимал, что жить ему остается недолго. 25 декабря 1921 г. Владимир Галактионович скончался в Полтаве.

В это время в Москве, при ближайшем участии Ленина, происходил IX Всероссийский съезд Советов. На утреннем заседании 28 декабря председатель сообщил о смерти Короленко и предоставил слово Феликсу Коцу. «Уважаемые товарищи, — сказал Ф. Коц, — умер Короленко. Еще десяток лет назад это известие потрясло бы всю Россию снизу доверху как известие о смерти человека, который с ранних лет шел оудить темное крестьянское царство и призывать его к жизни. Но волны жизни катятся гораздо быстрее, чем мысль наших крупных людей, и тот, кто будил крестьянина и звал на борьбу, не успел за движением жизни. Он стал идеалистом, чутким ко всякой неправде, но с реальной жизнью и реальной борьбой в ногу идти не смог. Но для нас

дорог Короленко потому, что на всем протяжении его жизни, где горе слышится, где обидно чувствуется, там мы видим Короленко». Обрисовав роль писателя в деле Бейлиса, Ф. Кон продолжал: «Я не стану здесь описывать многострадальную жизнь Короленко, признанного в свое время русской совестью. Я только напомню вам один эпизод, который нам очень дорог. Я вам напомню ту оргию, которая разыгралась после февральских дней против большевиков, ту оргию всяких Алексинских, Бурцевых, когда они лучших наших вождей пытались смешать с грязью». Оратор рассказал о выступлении Короленко против Бурцева, о котором говорилось выше, и закончил речь такими словами: «Вот чем велик Короленко. У него всегда хватало гражданского мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал. Товарищи, я думаю, что и съезд этого погибшего борца, этого поборника правды, верного себе до конца жизни, должен почтить. Я предлагаю почтить его память вставанием»¹².

Через год после смерти Короленко Ленин изучал сборники, посвященные его памяти, и сделал публикуемые пометы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ленин, т. 3, стр. 436.

² Там же.

³ Ленин, т. 15, стр. 132.

⁴ «Доктябрьская „Правда“ об искусстве и литературе». М., ГИХЛ, 1937, стр. 171.

⁵ Ленин, т. 2, стр. 454.

⁶ См. об этом в моей книге «В. Г. Короленко». М.—Л., 1949, стр. 293 и сл.

⁷ Ленин, т. 51, стр. 48.

⁸ «Русские ведомости», 1917, № 184. См. также: В. Короленко. Письмо в редакцию. «Русские ведомости», 1917, № 136.

⁹ О позиции Короленко в революционные годы см.: С. В. Короленко. Книга об отце. Ижевск, «Удмуртия», 1968, стр. 301 и сл.

¹⁰ «В. Г. Короленко в воспоминаниях современников». М., ГИХЛ, 1962, стр. 507—508.

¹¹ Ленин, т. 52, стр. 95.

¹² «Известия ВЦИК», 1921, № 294.

ПОМЕТЫ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА
НА КНИГАХ:ПИСЬМА В. Г. КОРОЛЕНКО К И. П. БЕЛОКОНОСКОМУ
1883—1921 гг. М., «Задруга», 1922

(5)* ОТ РЕДАКЦИИ

В литературном наследстве В. Г. Короленко наряду с чисто литературными произведениями видное место должны занять его письма. За время своей жизни Владимир Галактионович вел очень обширную и разнообразную переписку с широким кругом лиц, и переписка эта, из которой до сих пор в печати появились лишь небольшие отрывки, представляет чрезвычайно большой интерес как для личности самого писателя, так и для истории его времени. И это тем более, что В. Г. Короленко был одним из несчастных у нас мастеров эпистолярного мастерства. Написанные не для печати, набросанные наскоро под живым впечатлением того или иного события, той или иной мысли, его письма являются в своем роде образцовыми произведениями: так ярко встречающиеся в них жизненные картинки, так глубоко вложенные в них мысли, так сильно при всей сдержанности, скромности и беспритязательности их внешней формы скальвается в них пафос художника, мыслителя и гражданина.

Собрать и опубликовать все письма В. Г. Короленко, ввести их целиком в наследство, оставленное нам покойным писателем, — задача будущего, быть может, и не так далекого,

* В скобках указаны страницы книги.— *Ред.*

но все же будущего. Пока возможны лишь первые шаги по пути к выполнению этой задачи. Одним из таких шагов является и настоящая книга, (6) в которой И. П. Белоконосским собраны и прокомментированы письма к нему В. Г. Короленко — письма, охватывающие с некоторыми промежутками почти сорокалетний период, с 1883 г. по 1921 г. Не все письма этого собрания оказалось возможным сейчас опубликовать. Некоторые — правда, очень немногие — из них пришлось опустить, как неподлежащие пока опубликованию по условиям настоящего момента. Что касается публикуемых в настоящей книге писем, то их содержание крайне разнообразно. В них немало сведений автобиографического характера, немало данных, рисующих обстановку жизни и работы покойного писателя в разные эпохи, начиная с пребывания его в восьмидесятих годах в Якутской области и кончая последними годами его жизни в Полтаве, и рядом с этим немало данных, касающихся общих судеб русской литературы, и журналистики. Много места в этих письмах занимает изображение фактического положения русской литературы и есть в них страницы, посвященные защите достоинства и чести литературы и ее деятелей. Особенно замечательно в этом смысле письмо, попавшее в коллекцию И. П. Белоконосского потому, что оно было прислано ему В. Г. Короленко в копии, — письмо Короленко к А. Н. Веселовскому по поводу исключения М. Горького из Академии. Это письмо по проникающему его моральному пафосу смело можно поставить наряду с заявлением В. Г. Короленко в 1881 г. об отказе от присяги. Наконец, в данной коллекции писем имеется немало ценных данных для истории русской общественности за то время, которое охватывают эти письма. И вместе с тем в них разбросан ряд замечаний и соображений о прошлом, настоящем и будущем нашей родины, замечаний, подчас скорбных, но неизменно полных глубокой мысли и проникнутых неиссякаемой бодростью.

(7) Пробегая эти письма, эту непритязательную по форме, но богатую содержанием беседу с приятелем на протяжении почти сорока лет, читатель, которому был и остается дорог писатель Короленко, встретится с многим из того, что волновало его в произведениях ушедшего от нас писателя, но вместе с тем встретит и немало нового, в частности — узнает, как относился Короленко к событиям последних лет нашей жизни. И в результате перед таким читателем отчетливее и яснее встанут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому присвоил имя «совести русского общества».

А брошюра его
за войну 1917 года?

В. Г. КОРОЛЕНКО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.
СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕД. А. В. ПЕТРИЩЕВА
Пб., «Мысль», 1922

ИЗ ПИСЕМ В. Г. КОРОЛЕНКО С. Д. ПРОТОПОПОВУ

Сообщено С. Д. Протопоповым

(126)*

9 августа 1911. Полтава

Совершенно не согласен с мнением, будто «левые» сначала сделали, а потом погубили революцию. Не они сделали и не они погубили. «Левые» кого-то оттеснили? Но кого? Кто эти оттесненные, более умеренные? Ведь первая Дума была кадетской. Так разве и кадеты еще недостаточно умеренные? Что же — и кадеты напрасно оттеснили октябристов, которые так умеренно одобряли все глупости вроде полевых и военных судов? В третьей Думе были господами октябристы, а «левые» в это время уже были на каторге и в ссылке. Оказалось, что Столыпину нужны еще более «умеренные» — националисты. Значит, и октябристов надо винить в излишествах. «Дураков

NB

* Здесь и далее курсивом обозначены подчеркивания, сделанные Лениным.

сыграли» не одни левые, а вся Россия, и, может быть, октябристы всех больше. Борьба и быть побежденными — это вовсе не глупо. Но угрождать, поддерживать «печальные необходимости», применяться к желаниям торжествующей реакции с потерей достоинства и все-таки быть вышвырнутыми — это, действительно, далеко не умное положение, и каким (127) образом можно в этом винить «левых» — не понимаю. Вообще — не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, но он-то, пожалуй, и ошибается всех глубже.

(132)

10 сентября 1916. Полтава

Вы спрашиваете: «если бы от вашего совета зависело сделать возникающую газету на несколько градусов либеральнее и левее — дали бы вы этот совет?» Без сомнения, дал бы и вообще охотно дал бы советы, если бы ко мне обратились вы или кто-нибудь из близких. А что мог бы я посоветовать в данном случае? Прежде всего устранить всякую двусмысленность, т. е. собирать средства для будущей газеты не у банкиров и промышленников, как таковых, а лишь у сочувствующих людей всякого звания, связанных известными взглядами, а не профессией или классовыми интересами. Это и было первородным грехом «нового органа». Нужно было не только не обещать защиту «справедливых интересов», но, наоборот, *подчеркнуть особенно и сугубо, что газета постарается отрешиться от классовой точки зрения.* Впоследствии это и было заявлено, но уже в полемике. На днях я прочитал, что будто банки уже отшатнулись. Не знаю, результат ли это именно выяснения дела в смысле последнего заявления или по другим причинам, но я несколько бы не удивился, если бы оказалось, что это вызвано именно выяснением дела. Дескать: вот оно что! Хорошо, что сказано еще не слишком поздно. Спасибо на приглашении, но банки — учреждения деловые и давать деньги на газету, в которой, быть может, будут «талантливо» громить наши же аппетиты, — слуги покорные! Так ведь это, Сергей Дмитриевич? И не происходит ли это именно от некоторой неясности в постановке вопроса у самих инициаторов? Такая ведь это невинная фраза: «газета будет защищать ваши справедливые интересы». Дайте денег. И вот это — «дайте денег» — совершенно изменяет невинное значение фразы. Этот узелок все равно должен быть вскрыт рано или поздно. Так вот, если бы у меня

NB

— 7 —

Пробегая эти письма, эту неприятную по форме, но богатую содержанием беседу с приятелем на протяжении почти сорока лет, читатель, которому бы и остается дорог писатель Короленко, встретится с многим из того, что волновало его в произведениях ушедшего от нас писателя, но вместе с тем встретит и не мало нового, в частности — узнает, как относился Короленко к событиям последних лет нашей жизни. И в результате перед таким читателем отчетливо и яснее встанут жизнь, работа и весь духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому в последние его годы единодушный голос родной литературы присвоил имя «совести русского общества».

НАДПИСЬ ЛЕНИНА НА КНИГЕ «В. Г. КОРОЛЕНКО. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО. СБ. СТАТЕЙ ПОД РЕД. А. В. ПЕТРИЩЕВА», Пр., «МЫСЛЬ», 1922 г.

спросили совета, как у доброго знакомого, я бы посоветовал выяснить этот вопрос сразу. И тогда, вероятно, сразу же оказалось бы, что затея или мертворожденная в идее, или... должна силою вещей привести к служению только «классовому либерализму». А тогда, конечно, и литературные силы надо искать в других лагерях.

Вы напоминаете случай со статьей о холере¹. Но это — эпизод совершенно иного порядка. Или, как теперь говорят: лежит (133) в другой плоскости. Вашу статью о мерзостях Баранова боялись поместить либеральные газеты. Вы спрашиваете: а что если поместить в «Гражданине»? Статья явно не «гражданская», но Мещерский, может быть, поместил бы из вражды к Баранову. Центр тяжести не в сотрудничестве в «Гражданине», а в оглашении факта или ряда фактов. Это вроде «письма в редакцию» или объявления, которые можно поместить всюду. Я помню одну статью в «Гражданине», по тону написанную разве для заграничного издания и направленную против тогдашнего вятского губернатора. Было очевидно, что писал не «гражданинец», а человек, настроенный чуть не революционно, и статья прошла благодаря особой конъюнктуре: бывший губернатор Троицкий сводил счеты со своим преемником (кажется, Анастасьевым), и Мещерский тоже имел против него зуб. Тут именно иная плоскость. Речь идет не о демонстрации единомыслия с данной газетой, а о политическом ходе в борьбе. И вы тогда были еще не профессиональный писатель, а судебный следователь и гласный, вообще нижегородский общественный деятель, ведущий борьбу с губернаторскими подлостями хотя бы «письмом в редакцию» «Гражданина». Но когда дело идет о литературном участии, о демонстрации идейного единомыслия, тут дело совсем другого рода, и в этом отношении я стою за полную ясность и за отсутствие всяких поводов для недоразумений.

Еще два-три слова. Надеюсь, что вас не волнуют эти мои письма. Вы пишете: «отнеситесь снисходительно к вопросу» и т. д. Дорогой Сергей Дмитриевич, я тоже мог бы сказать: отнеситесь снисходительно к моей полемике. Я не только отношусь снисходительно, но хорошо помню, что это наше разногласие не покрывает многого, в чем так давно мы были согласны. Я не забываю из-за них... минувшие дни и битвы, где вместе рубились они (т. е. мы с вами).

Мне хочется еще сказать два слова: на днях кончился процесс Парамоновых. Лучшая статья о нем была в «Русск. вед.». В ней говорится, что клевета клеветой, но в действительности Парамоновых было все-таки кое-что, чего с общественной точки зрения допускать не следует. Тут и либерализм, и оппозиционность, и «Донская речь», и травля со стороны черносотенцев и... своя выгода, все-таки *своя* рубашка, которая ближе к телу. Помните Бугрова? Это был человек искренний. У него было правило: благотворительность своим порядком, а при продаже «цена ценой», цену «бог ставит». Можно то же сказать и о другом: либерализм либерализмом, а интересы интересами, и никакому доброму желанию инициаторов новой газеты сего «закона» не изменить.

(134)

9 ноября 1917. Полтава

Получил №№ 3 и 4 «Нижегородск. листка». Там положение было серьезное. Но все-таки обошлось, слава те господи, без кровопролития. Порадовало меня отношение наборщиков к закрытию «Листка» и «Волгаря». А еще недавно принимали idiotские резолюции о праве наборщиков цензуровать и не набирать статей, которые они признают вредными «своему классу». И Стан. Ив. Гриневицкий это поддерживал. Я не сомневался, что никакими «приказами» нельзя дать перевеса в печати ни «правительственным вестникам», ни «рептилиям», *хотя бы это были рептилии его величества пролетариата*. Преобладание в прессе всегда будет за печатью независимой. NB

19 ноября 1917. Полтава

Надеялся вскоре прислать вам новую брошюру — «Война, отечество и человечество». Этой работе я придаю некоторое значение. Я думал об этих вопросах еще во Франции, читая наши русские интернационалистские газеты, в которых так опошлялся интернационализм, что в нем не было бы места ни Бебелю, ни Жоресу. Книжечка должна была бы уже выйти, но последние события ее задержали. NB

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 23273 и 23272.

¹ Эта статья была написана мною и обличала губернатора Баранова. «Русские ведомости» не решились ее принять, и я отнес ее, по совету Короленко, в «Гражданин» Мещерскому.

V
ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛУНАЧАРСКИЙ. ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Я узнал о смерти Владимира Ильича со значительным опозданием. В день 9-го января* я должен был утром сделать доклад на съезде Советов РСФСР о ликвидации неграмотности и в 7 часов выступить на большом собрании студентов вузов в Зиминском театре с характеристикой значеня событий 9-го января 1905 года. Я приехал в Большой театр в начале 12-го часа для доклада и с удивлением констатировал, что навстречу мне в то время, как я поднимался по лестнице, густо повалила толпа товарищей со сцены театра. Лица у всех были расстроены и некоторые плакали. У меня сразу сжалось сердце, и я понял, что случилось что-то тяжелое. Я подошел к т. Лепешинской, глаза которой были полны слез, и спросил ее, в чем дело. От нее-то я и узнал, что накануне вечером скончался Владимир Ильич. Потрясенный этим известием, я отправился домой и не знал даже, за что мне приняться, так как в первую минуту на меня прежде всего нахлынула какая-то своеобразная апатия. Между тем оказывается, что меня вызванивали в Наркомпросе и в Кремле и в конце концов прислали даже за мной автомобиль. <...>

Я отправился в МК. Там товарищи только начали собираться. Я получил поручение выступить вместо 7 часов в 4½ в том же Зиминском театре с тем, чтобы речь посвятить главным образом потрясшему всех событию. <...>

Товарищи предложили мне приехать вечером на Павелецкий вокзал для того, чтобы вместе с ними провести ночь у гроба учителя и сопроводить его тело в Москву. <...> Я направился прямо в театр Зимина. Народ собирался медленно, не потому, конечно, чтобы не было охотников прийти в зал, а потому, что их было слишком много, и, как обыкновенно, дело затянулось с пропуском масс внутрь театра. В 5½ часов кто-то в зале стал громко читать вышедший за несколько минут перед тем бюллетень о смерти Владимира Ильича. До начала заседания Президиум ВЦИК позвонил мне, чтобы я озаботился организацией тщательной фотографической и кинематографической засъемки всех обстоятельств, относящихся к смерти и погребению Владимира Ильича. Я немедленно снесся с заведующим Госкино т. Кадомцевым и выяснил, что различные киноорганизации сговорились создать единый комитет на создание соответственного исторического фильма и все средства от эксплуатации его сдать в особый фонд имени Ильича. Я сказал Кадомцеву, что кинематографисты, которых он пошлет в Горки, могут обращаться ко мне в случае каких-либо недоразумений, так как я пробуду там всю ночь.

* 9 января ст. ст. — 22 января н. ст. — *Ред.*

Началось собрание. Говорить о Владимире Ильиче было трудно, как всегда в момент слишком больших потрясений. То, что я говорил, записано стенографически и, кажется, невольно вылилось в речь достаточного воодушевления, так как В. В. Маяковский, с которым я встретился сейчас же по окончании моего выступления, крепко пожал мне руку, сказал мне: «Хорошо говорили». Настроение собравшегося студенчества было чрезвычайно торжественное, приподнятое и глубоко омраченное.

На Павелецкий вокзал я приехал, как было условлено, к 9 часам. Заведующий поездом сказал мне, что специальный поезд пойдет только в 10, но что он уже подан. Я вошел в почти пустой вагон, там сидел только т. Нариманов, один из председателей ЦИК Союза, и какой-то его ближайший сотрудник. Но очень скоро после меня пришли товарищи из ЦКК — Гусев, Шкирятов, Киселев, с ними пришел и поэт Демьян Бедный. Поезд отправился на самом деле в 11 часов и шел полчаса, так что мы имели больше двух часов для разговора. Разговор вертелся, конечно, вокруг Владимира Ильича и был полон воспоминаниями о нем <...>

Когда мы приехали на станцию, то оказалось, что нас довольно много. Кроме делегации от партии, в которую входил и я, была еще делегация от Московской ее организации, от ВЦСПС, все наличные в Москве члены ЦКК, делегации обоих съездов Советов, всего человек, я думаю, 40, если не 50. Были и некоторые наркомы, приехавшие по собственному почину, в том числе т. Красин. На станцию было послано 3 или 4 подводы, приблизительно человек на 16. Я понадеялся на свои силы и пошел вместе с большинством пешком.

Уже давно я освободился от приступов сердечной боли, которые прежде не давали мне возможности ходить далеко, и поэтому рассчитывал и сейчас благополучно пройти 4 версты. Но, по-видимому, впечатление от смерти учителя было слишком сильно, и, пройдя несколько сот шагов, я почувствовал сильную боль в аорте. Пришлось, не говоря ни слова ни одному из товарищей, пропустить их всех вперед себя и очень медленно и осторожно пуститься в дальнейший путь. Я вынужден был останавливаться каждые сто—пятьдесят шагов. Ввиду этого я пришел в Горки с опозданием, но зато пережил несколько торжественных минут, которые слились для меня как-то со всеми впечатлениями этой ночи. Ночь была очень морозная, но безветренная. Идти было совсем не холодно. Светила необыкновенно яркая луна, так что вся громадная равнина расстилалась синевато-серебряной пеленой, куда глаз хватит. Дорога была укатана и разметена. Несколько раз я встречал крестьян, которые по чьему-то приказу расширяли и утрамбовывали эту дорогу для пронесения гроба на другой день. Идешь, и еще долго сзади раздается шуршание лопат и сдержанные, словно в церкви, речи рабочих. Так один среди необъятного поля, под этой спокойной холодной луной я мог хорошенько вспомнить, обдумать и приспособиться как-то к огромному горю, на всех нас обрушившемуся.

Дорога в Горки идет большими зигзагами. Когда я вышел на шоссе, то не знал, куда повернуть. Встретился маленький мальчик, и я спросил его без большой надежды на точный ответ: «Ты не знаешь, куда идти к даче Ленина?» Но мальчик сейчас же бойким голосом очень точно и подробно рассказал мне, как туда пройти. Недалеко от дачи входишь в лес. Сначала он имеет вид обыкновенного, довольно запущенного леса, потом превращается в очень длинную, с версту, пожалуй, аллею елей. По дороге есть какие-то дачи. Над ними ярко горело электричество. Я несколько раз думал, что это и есть дача, в которой лежит великий покойник, но оказывалось, что я ошибался. Наконец дошел я до Горок. Ленин жил в центральном доме целой группы зданий. Здесь, очевидно, жил какой-то большой помещик и жил с большой роскошью. Центральный дом представлялся настоящим дворцом с величественной колоннадой. Его немножко тяжеловатая, но

ЛЕНИН, Н. К. КРУПСКАЯ, А. И. ЕЛИЗАРОВА С ПЛЕМЯННИКОМ
ВИКТОРОМ УЛЬЯНОВЫМ И ДОЧЕРЬЮ РАБОЧЕГО ВЕРОЙ В ГОРКАХ

Начало августа 1922 г.

Фотография В. В. Лободы

все же ампирно-стройная громада под бледно-синим светом луны казалась достойным мавзолеем. По широкой лестнице входил внутрь дома. Так как я опоздал сильно, то все товарищи уже повидали к этому времени Владимира Ильича и сидели кто где может, на стульях, диванах, просто на полу. Были тут и крестьяне, и из числа представителей съездов, были и некоторые делегаты восточных народов. Царила абсолютная тишина. Кто говорил, говорил шёпотом. Распоряжался т. Беленький из ГПУ, который во все последние месяцы был, так сказать, заведующим охраной Владимира Ильича. Позднее общее распоряжение перешло к т. Лашевичу, члену ЦК. Тов. Беленький показал мне, куда пройти к телу. Это на втором этаже, куда входят по довольно большой лестнице, сперва в комнату, такую же ампирно-нарядную, как и зала нижнего этажа, увешанную старыми картинами, все главным образом во вкусе тридцатых годов, потом в комнату, где покоится Владимир Ильич. Эта не очень большая овальная комната была к этому времени уже убрана вечнозелеными растениями, хвойными, пальмами и лаврами. Владимир Ильич лежал в коричневом френче, необыкновенно спокойный, и лицо его сразу меня поразило и, если можно так выразиться, как бы обрадовало. <...> Я бессознательно боялся, что увижу его каким-то чужим, а вместо этого на столе

лежал наш Ленин, наш Ильич, абсолютно такой, каким он был до своей болезни, только не улыбающимся. А ему была так присуща эта живая лукавая и ласковая улыбка. Но, конечно, приходилось нам видеть его и серьезным. Вот таким лежал он тут на столе. Лицо величественное, властное, сильное, с той же бородкой и подстриженными усами, закрытыми глазами, но такими, которые, казалось, вот-вот откроются. И руки положены на груди, одна сжатая в кулак, другая естественно и спокойно слегка согнутая в пальцах, казались тоже совершенно живыми. <...> Казалось, что это только на минуту уснувший вождь. Казалось, что, пока стоишь около него, он вдруг откроет глаза и скажет, может быть, что-либо вроде того, что сказал он мне в дни своего ранения Каплаи.

Кстати приведу эту небольшую сцену. Поздно вечером в день ранения, почти ночью, я прибежал в квартиру Ленина, чтобы узнать, как он себя чувствует. Застал врачей, некоторых товарищей и Надежду Константиновну. Надежда Константиновна была тогда очень потрясена, как и все мы. Говорила, что Владимир Ильич тяжело страдает, но вдруг, не знаю по какому мотиву, предложила мне пройти к нему. Я сначала поколебался. Я вошел в полутемную комнату и увидел Владимира Ильича, лежащего под одеялом, но с лицом совершенно таким, как я видел его теперь мертвым. Он был страшно бледен. Глаза его были закрыты. <...> Все же он услышал, что кто-то вошел в комнату и, не открывая глаз, спросил: кто здесь. Я назвал свою фамилию. Тогда Владимир Ильич сказал: «Что же, любоваться нечем. Штука неприятная». <...> Я постарался скорее выйти из комнаты. И вот так же казалось мне и теперь, что может совершиться какое-то чудо и этот спокойно, но с какой-то давящей его думой лежащий человек откроет глаза и скажет: «Неприятная штука».

Был организован почетный караул, каждые десять минут сменявшийся. В каждый караул входили четыре товарища из присутствующих. Мне пришлось быть на карауле одним из первых, и я имел возможность долго всматриваться в это и без того, впрочем, незабвенное лицо. Когда я кончил караул, вышла из своей комнаты Надежда Константиновна. Она присела ко мне и к товарищу Пятакову и стала рассказывать о Владимире Ильиче вещи очень любопытные и существенные. Некоторые из них я хочу передать здесь.

Надежда Константиновна говорила: «Я не думаю, чтобы даже в эти тяжелые, последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным. В нем жила надежда на то, что он приобретет вновь речь. Он деятельно и страстно учился, так сказать, вцеплялся в занятия. С тех пор, как он получил возможность читать, он с большим интересом читал газеты, выбирал то, что для него особенно важно. Особенно любил все фактическое и <...> статьи, имеющие агитационное значение. В последнее время стал читать и беллетристику. Ему принесли большую грудку книг, и он отобрал себе исключительно вещи Джека Лондона, которые и просил читать ему вслух. Политический интерес преобладал все время над всеми остальными. С глубоким интересом относился Владимир Ильич к крестьянской конференции. Читал все, что сюда относилось. Вздволнован был по поводу дискуссии. <...> Затем подчеркивал часто разные фамилии и спрашивал: „Что, что?“. Не позже, как на другой день, нужно было дать ему сведения об этих лицах. Так он подчеркнул фамилию Аксельрода, Богданова и некоторых других. Интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами. Жизнь давала ему некоторые несомненные радости. Очень любил природу, любил ездить на охоту. Ездил с каким-то товарищем Михайловым и получал большое удовольствие, хотя иногда и переутомлялся. <...> Очень любил детей. Когда

ЛЕНИН И КРУПСКАЯ В ГОРКАХ

Август — начало сентября 1922 г.

Фотография М. И. Ульяновой

приходили к нему дети, то радовался. А дети, не понимая его тяжелой болезни, относились к нему просто, без всяких опасений и неловкостей».

Для развлечения Владимира Ильича был устроен комнатный кинематограф. Он охотно соглашался после обеда вместе с Надеждой Константиновной и сестрой смотреть это кино, но большого удовольствия оно ему не доставляло. Он иронически смеялся и махал рукой. Действительно программа этих кино вечеров в Горках была, по словам Надежды Константиновны, ниже всякой критики. Редко, редко какой-нибудь кусочек хроники или более или менее революционная постановка вызвали некоторое одобрение Ильича, но, полагая, что все его домашние

ИЗДАНИЕ РЕЧИ ЛУНАЧАРСКОГО, ПРОИЗНЕСЕННОЙ В ДЕНЬ ПОХОРОН ЛЕНИНА, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой Надежде Константиновне
Крупской. 10/III»

*Дорогой Надежде Константиновне
Крупской*

10/III

ЛЕНИН

Речь, произнесенная в день похорон на общезначительном собрании работников искусства Москвы
А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

очень интересуются этим кино, он сам с поспешной любезностью всегда соглашался посидеть и посмотреть. Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног. В первый раз когда Владимир Ильич решил пойти сам, он выгнал из комнаты решительно всех, а потом показал со сконфуженной и счастливой улыбкой Надежде Константиновне, что он может ходить. <...>

Ночь мы провели кое-как. <...> Рано утром все поднялись, и начались разговоры о том, как и кому выносить гроб. Гроб оказался страшно тяжелым и вместе с телом весил более 10 пудов. Боялись относительно спуска с лестницы, тем более что простынь или длинных полотенец не оказалось. Выбрали первую очередь несущих, а потом решили вступать по очереди и другие определенными группами по 9 человек мужчин, несущих гроб. <...> Всякий добивался чести пройти хоть одну очередь с гробом Владимира Ильича.

В начале десятого часа шествие тронулось. Вышло так, что я большую часть дороги, на этот раз без всякой сердечной боли, шел с крестьянами и крестьянками соседних сел. <...> Ясно, что приходили, привлеченные великим словом Ленин, и совсем темные люди. Были, конечно, просто любопытствующие, но в огромном большинстве были люди, потрясенные и огорченные, сознающие понесенную утрату. На этот раз 4 версты сделаны были так великолепно и мы скоро пришли на вокзал. Едва я сел в вагон, как меня попросили в другое купе <...> Оказалось, что возник вопрос о приглашении художников и скульпторов. Мы сейчас же наметили из московских художников Юона, Малютина, Ульянова, Голубкину и

решили выписать из Петербурга Гинцбурга. <...> Позднее к этим лицам были прибавлены еще граверы Гознака Ксидиас и Шор.

От Павелецкого вокзала до Дома Союзов приблизительно 6 верст. Я удивлялся Надежде Константиновне, которая оба больших куска от Горок до железной дороги и от вокзала до центра города прошла пешком. По бокам с ней шли Мария Ильинична и Анна Ильинична.

Как в Горках, так и во время пути даже с аэропланов производили кинематографические и фотографические съемки. Они были произведены немедленно по установлении гроба посреди пылающей покрытыми флером люстрами залы. Опять установлен почетный караул, и потянулось нескончаемое, все более густое шествие, можно сказать, целого народа вокруг покойного. В первый же день при мне, а я оставался в зале не так долго, было два обморока среди проходившей публики. Установлен был даже медицинский пост для подачи помощи в этих случаях. В этот день мне пришлось еще два раза быть в почетном карауле и один раз ночью. Лицо Владимира Ильича мало изменилось, пожалуй, даже никаких изменений не было заметно. Он был также и тут таким, каким я видел его в Горках.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 30—41.

АВТОБИОГРАФИЯ ЛУНАЧАРСКОГО

В ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

В ответ на Ваше письмо от 1/II (1926 г.) я, к сожалению, с опозданием отвечаю Вам на Ваше письмо от 19/X, хотя, мне помнится, что я уже делал это.

1. Из бывших редакторов и сотрудников «Пролетария» в составлении тактической платформы к объединительному съезду РСДРП, насколько я помню и знаю, принимал участие только Воровский.

Какие поправки были внесены в платформу, я не знаю.

Текст платформы был предложен Лениным.

Где происходило совещание, не помню.

2. У какого «просвещенного, чрезвычайно любезного кадета» выступал Ленин, совершенно не знаю.

3. Не знаю также о подробностях выступления Ленина в доме Паниной.

4. Не могу, к сожалению, быть Вам полезен и по вопросу о выступлении Ленина с докладами на объединительном съезде, т. к. по возвращении с объединительного съезда я остался в Финляндии. В подготовительной кампании к съезду я принимал участие вместе с Зиновьевым и Лениным. На 2—3 собраниях мы выступали вместе с ним, но в отчетной кампании я участия не принимал.

По пятому вопросу ничего не могу Вам сообщить. Думаю, что об этом должна быть самым тщательным образом осведомлена Надежда Константиновна.

При сем сообщаю краткую мою биографию.

Родился я в 1875 г., 24 ноября в гор. Полтаве. 3-летним ребенком я переехал оттуда в Нижний-Новгород, где жил и воспитывался под руководством моего родного отца (я ношу фамилию мужа моей матери) А. И. Антонова, управляющего контрольной палатой. Это был человек радикальных настроений, несмотря на крупный пост, который он занимал. От него я получил первый толчок к атеизму и революционно-демократическому воззрению на окружающее. А. И. Антонов умер, когда мне было около 9 лет, и после короткого пребывания в Москве, где последовала его смерть, семья моя переехала в Киев. Я поступил в Киевскую 1-ю гимназию. Формально учился в гимназии неважно, но очень много работал дома. В 15 лет был знаком не только с нелегальными брошюрами по марксизму, но протудировал первый том «Капитала». Лицами, познакомившими меня с марксизмом, были польские старшие товарищи по гимназии — И. Мошинский и А. Рабчевский. Под влиянием первых социал-демократических кружков в университете, приблизительно в то же время, то есть в 1890—91 гг., мы организовали большую революционную организацию (главным образом в целях самообразования), охватившую постепенно все средние учебные заведения, включая сюда и много женских гимназий. Вскоре я

сделался членом центральной группы этой организации. Под влиянием одного товарища по организации, Д. Неточаева, жившего на Соломенке, среди рабочих, я решил перейти к практической революционной деятельности и вошел в кружок, состоящий из рабочих Киевского железнодорожного депо и из ремесленников, где работал довольно долгое время в качестве агитатора и пропагандиста. Мои революционные воззрения были известны и гимназическому начальству, в результате чего в аттестате зрелости мне было поставлено 4 за поведение. Это лишило меня возможности поступить в университет, о чем я, однако, не горевал, так как уже решил ехать в заграничный университет.

В 1893 г. я выехал за границу, имея рекомендательное письмо к П. Б. Аксельроду. Я поселился в Цюрихе и поступил в Цюрихский университет, а также в цюрихскую студенческую социал-демократическую организацию. П. Б. Аксельрод отнесся ко мне по-отечески, и я чрезвычайно много обязан ему в деле правильного усвоения марксизма, который к тому времени был засорен у меня стремлением примирить марксизм с учением Спенсера. Но, в то же время, не менее сильное влияние, чем Аксельрод, оказывало на меня учение Авенариуса, казавшееся мне естественным гносеологическим дополнением к марксизму. К тому же времени относится мое знакомство с Плехановым. Под его влиянием я занялся изучением великих немецких идеалистов и Фейербаха, но, несмотря на его строгую критику, остался и учеником Авенариуса. Некоторая слабость его критики объяснялась тем, что сам он с философией Авенариуса был знаком весьма поверхностно. Мои университетские занятия и работы по марксизму под руководством Аксельрода были прерваны тяжелой болезнью моего брата Платона Васильевича, к которому я должен был выехать в Ниццу в начале 1895 г. Пребывание мое на юге Франции имело для меня значение благодаря знакомству с М. М. Ковалевским. Пользуясь его указаниями и библиотекой, я сильно расширил мой кругозор. Этому способствовали постоянные споры, которые я вел с ним и с другим известным цивилистом профес. Гамбаровым. Почти год заняла борьба за жизнь моего брата в Ницце и Реймсе. Когда он оправился от тяжелой болезни, мы переехали в Париж (в 1896 г.). За время болезни брата я окончательно привил марксистский образ мысли ему и его жене С. Н. Луначарской, ныне Смидович, и мы решили по возвращении в Россию начать практическую работу совместно.

В Париже я получил официальное письмо от Аксельрода, уполномочивающее меня быть представителем заграничной организации русских социал-демократов в Париже. Я возвращался ненадолго в Россию в конце 1896 г. для призыва и был освобожден по близорукости от военной службы. После этого вернулся опять в Париж и только в конце 1897 г. приехал в Москву. Я имел рекомендательные письма от Аксельрода и Плеханова к А. И. Елизаровой и к т. Владимирскому, оставшимся после недавнего разгрома Московской организации и пытавшимся создать новый комитет. Нам вскоре удалось это сделать. В комитете участвовали я, мой брат и его жена Софья Николаевна, А. И. Елизарова, Владимирский и Гусев (которого я недавно встретил живым и здоровым) и несколько рабочих с фабрик Бромлея и Листа, фамилии и псевдонимы которых я не помню. Оказывала нам услуги по части конспиративной квартиры и т. д. А. Серебрякова, потом оказавшаяся провокаторшей. Она и провалила напу работу. Лично я вел работу в разных кружках рабочих, в разных местах Москвы, а также составлял прокламации для организации забастовки на заводе Листа, составлял прокламации и в других случаях. Перед самым разгромом нашей организации нам удалось завести небольшую типографию. В это же время в организации нашей стала работать О. Г. Смидович, занимавшаяся размножением наших прокламаций. Я был арестован зимой 1899 г., но

вскоре за отсутствием прямых улик выпущен с высылкой к отцу, т. е. к В. Луначарскому, в деревню Супруновку Полтавской губ., где он жил. Затем мне было разрешено переехать в Киев, к моей матери. В Киеве я немедленно вступил в сношения с местной организацией через тт. Путянского, Вокара, Дрелинга и других.

В то же время я стал работать в легальной, но в значительной степени марксистской газете «Киевские отклики», душой которой был В. В. Водозов. В то же время я поместил первые мои очерки, означенные инициалами, в «Русской мысли». На реферате, который я читал с благотворительной целью на частной квартире, кажется, у Кульженко, где собралось очень много левых элементов из киевской интеллигенции, я был схвачен жандармами и вместе со всеми присутствующими препровожден в тюрьму. После 2-месячного пребывания там я был отпущен, но через 2 недели вновь арестован по приказу из Москвы, по делу о Московском комитете. Очевидно, Серебрякова дала более точные обо мне показания, и на этот раз мне пришлось просидеть около 8 месяцев. Убедившись в том, что на основании показаний других лиц все дело для жандармов совершенно выяснено, я и сам дал показания, направленные, однако, к тому, чтобы снять по возможности вину или подозрение с других, замешанных в процессе лиц, подтверждая лишь то, что отрицать было невозможно за полной выясненностью. В ожидании приговора я был послан в гор. Калугу. Здесь я вел сначала замкнутую работу по расширению нашего собственного кругозора в кружке, состоявшем из Богданова, Базарова, Скворцова, Б. Авилова. Вместе с тем, привлекая в наши кружки радикально настроенного фабриканта Д. Д. Гончарова, мы пытались издавать некоторые важные для развития социал-демократии книги.

После ссылки Авилова и Богданова мы со Скворцовым начали неорганизованную революционную работу. Она велась среди железнодорожных рабочих калужских мастерских, среди низовой интеллигенции, особенно среди учительства городских и ремесленных школ. Я лично, кроме того, вел довольно интенсивную пропагандистскую работу среди рабочих фабрики Гончарова «Полотняный Завод», ныне носящей даже мое имя. Меня несколько раз вызывали к губернатору, который указывал мне на предосудительность моего политического поведения, да еще в состоянии ссыльного. Наконец, я получил приговор, сравнительно мягкий, ссылавший меня на 2 года в Вологодскую губернию. Сначала я поселился в гор. Вологде. Колония ссыльных была в то время чрезвычайно блестяща и включала в себя ряд крупных людей. Там были Богданов, Шен, Жданов, Савинков, Ремизов, Щеголев, Крыжановский, Тучапский, Бердяев, Суворов и др. Вологда жила очень интересной жизнью, причем сильное влияние приобрел Бердяев, тогда уже быстро склонявшийся от марксизма к идеализму. Я выступал в качестве главного застрельщика борьбы против идеализма. К тому же времени относятся мои первые статьи в журналах «Вестник философии и психологии», «Образование» и т. д. Вскоре началось и мое сотрудничество в социал-демократическом журнале В. Кожевникова «Правда».

Вследствие столкновений с губернатором Лодыженским я был послан в Тотьму, где первое время также пытался организовать по крайней мере для теоретической революционной работы (для революционного самообразования) преподавателей и учеников тамошней учительской семинарии и некоторые наиболее передовые элементы городка. В результате было официально запрещено всякое знакомство со мною как учителям и учащимся, так и чиновникам. В 1901 г. я вернулся из ссылки в Киев, но пробыл там очень недолго. За это время, однако, ко мне обратились тт. Крыжановский и Карпов с просьбой поддержать линию примиренцев тогдашнего, вышедшего из 2-го съезда ЦК. Для совещания с этим ЦК я ездил

в Смоленск. Там я встретил Постолюнского, Носкова, Карпова и т. Иннокентия, с которыми вместе составил большую прокламацию по поводу убийства Плеве и заключил союз для дальнейшей работы. Там же я слышал, что главой объединительной тенденции почитается т. Красин, тогда под псевдонимом Винтер. Едва вернувшись из Смоленска, я застал у себя конспиративное письмо Богданова, извещавшего меня довольно подробно о положении вещей и, от своего и Ленина имени, настаивавшего на моем немедленном отъезде за границу для участия в центральном органе большевиков. Хотя я еще не был уверен в правильности линии большевиков и считал себя примиренцем, тем не менее за границу я выехал и даже примкнул в Париже к очень немногочисленной там группе большевиков. Я принялся интенсивно читать литературу вокруг раскола.

В Париже я окончательно определился как сторонник непримиримых большевиков. Для моих публичных выступлений и нелегальной литературной работы я там же изобрел себе псевдоним Воинов. Если не ошибаюсь, в мае 1904 г. в Париж приехал Владимир Ильич *, там мы с ним и познакомились. У нас было несколько общих выступлений, согласованность оказалась полная, и Владимир Ильич предложил мне как можно скорее перебраться в Женеву, чтобы принять участие в редакции журнала «Вперед». Редакция должна была состоять из пяти человек: Владимир Ильич как главный редактор, т. Воровский, Ольминский и я как соредакторы, и В. Д. Бонч-Бруевич как администратор. Летом 1904 г. я приехал в Женеву и начал сотрудничать во «Вперед», начались также в большой мере мои устные выступления, что Владимир Ильич считал особенно важным именно для меня, в котором он ценил неплохого оратора. Выступал я со всякого рода докладами и диспутами, чтобы отвоевать как можно большее количество среди эмигрантов и студентов на нашу сторону. С этой целью я объезжал не только Швейцарию, но и все эмигрантские и студенческие колонии в Европе, т. е. бывал во Франции, Бельгии, Германии, Италии и читал там доклады; первые годы, доклады исключительно политического большевистского характера. Конец 1904 г. проходил оживленно. Во-первых, велась борьба за партийный съезд. Разногласия с меньшевиками стали приобретать острый политический характер в связи с общим оживлением в России. 1905 год принес с собою гигантские события января. Программа большевиков и меньшевиков определилась до крайней остроты. По поводу 9 января я выступал вместе с Владимиром Ильичем на большом собрании в Женеве, где мне как никогда стало ясно, что меньшевики являются нашими прямыми политическими врагами, поскольку они никак не могут взять в толк ни характера грядущей революции, ни активной роли в ней революционной партии. Весной 1905 г. я поехал в Лондон на 3-й партийный съезд. На этом съезде примиренцы, представленные Красиным, пошли на полное соглашение с ленинцами. Большевики достигли безусловного единства. Мне поручен был один из основных докладов — доклад о вооруженном восстании. Владимир Ильич просил меня изложить его письменно и дать ему на просмотр. Это было мною сделано.

Вскоре после съезда я заболел. Действительно все это время за границей мне приходилось работать необычайно усиленно, тем более что я продолжал и мою легальную журнальную работу. Я уехал в Италию, во Флоренцию, и прожил там до октября, все время поддерживая, однако, деятельную переписку и посылая отдельные статьи в газету «Пролетарий». Тотчас же после октябрьской конституции я получил телеграмму от ЦК во что бы то ни стало и немедленно выехать в Петербург. Это было мною

* Луначарский ошибся: Ленин приехал в Париж в начале декабря 1904 г.

В этой автобиографии Луначарского имеются некоторые другие неточности, которые отмечены в примечании на стр. 743.

сделано буквально на следующий день после получения телеграммы. В Петербурге я вступил тотчас же в редакцию «Новой жизни». В то время в этой редакции еще играли довольно большую роль наши неожиданные пспутчики — Минский и компания. Я принял довольно активное участие в том, чтобы высадить их из «Новой жизни», что мы благополучно и сделали. Кроме работы в «Новой жизни», я, конечно, много выступал на постепенно становившихся все более полулегальными рабочих собраниях, а также с огромным количеством лекций перед студенчеством и другой публикой, лекций платных, сбор с которых поступал в кассу партии. Я принимал участие в редакции всех газет, сменявших одна после другой редакции «Новой жизни». Перед Новым годом в 1906 г. я был арестован на рабочем собрании. В сущности говоря, можно было бы привести против меня очень много обвинений, но я отделался дешево. Просидев приблизительно 2¹/₂ месяца, а был выпущен, и мне не было даже предьявлено сначала никакого обвинительного акта. Выйдя из тюрьмы, если не ошибаюсь, в половине марта, я сейчас же был вовлечен Лениным в кампанию по выборам на Стокгольмский съезд. Уже и раньше мне приходилось принимать участие, большей частью даже в качестве представителя, в переговорах, которые велись большевиками и меньшевиками о формах соглашения. Главную роль в этих переговорах играли Ленин и Мартов, но место переговоров о соглашении, несмотря на то, что съезд должен был быть объединительным, заняли весьма жгучие споры. На объединительном съезде в Стокгольме я принимал участие во всех, как наших фракционных, так и общих заседаниях. По поручению Ленина, я принял участие в дискуссии, выступив с речью против основной политической задачи Плеханова, а затем, по поручению большевиков вообще, вместе с Таратутой был назначен в комиссию по окончательному соглашению с меньшевиками относительно грядущего объединения ЦК партии.

По возвращении из Стокгольма я задержался в Финляндии, в Териоках. Революция шла на убыль. Некоторые большие политические митинги, связанные с работой Думы, происходили тогда в Териоках, и мне пришлось там неоднократно выступать. В результате мне было предьявлено тяжелое политическое обвинение финляндскими властями, грозившее длительной тюрьмой. К счастью, финляндский суд оправдал нас. Меня и других двух-трех агитаторов русских, обвинявшихся вместе со мною, защищали адвокаты Зеллингер и Маргулис. Едва вернувшись в Петербург, я оказался под новым ударом. Распространились слухи, будто партия хочет выставить меня кандидатом¹. Позднее на эту самую кандидатуру выдвинут был Алексинский. Полиции захотелось отшибить от меня эту возможность, и мне был прислан грозный обвинительный акт без ареста, однако присяжный поверенный Чекерулькуш объявил мне и сделал соответствующий доклад в партийной организации (вероятно, П.К.), что он видит в этом факте как бы прямое указание царского правительства, чтобы я, пока есть возможность, уезжал из России. «Если вы не эмигрируете, — сказал он мне, — то вы, несомненно, попадете в тюрьму на 5—6 лет». Партия постановила, чтобы я уехал, и дала мне необходимые для этого возможности. Я поехал через Финляндию и Копенгаген в Германию, где оставался некоторое время и выступал с докладами, а затем — в Италию. Одновременно развивалась и моя литературная деятельность. Вышла моя первая драма «Королевский брадобрей», много мелких статей, большой памфлет «Три кадета», одобренный между прочим Владимиром Ильичем. Задумана была и затем постепенно выполнена моя большая книга «Религия и социализм». Из Италии я вскоре был вызван партией для участия на Штутгартском съезде. Там мне было поручено представлять нашу партию в комиссии по

¹ На выборах в Государственную думу. — *Ред.*

профсоюзам, где мне пришлось вести непосредственную борьбу против Плеханова, стоящего на точке зрения безусловного отделения профессионального движения от партийного. Ленин поручил мне тогда изложить всю эту дискуссию в особой брошюре, что было мною сделано. Хотя я получил затем от Ленина записку (сейчас мною утерянную) с одобрением этой брошюры, тем не менее, она так и не была издана, вероятно, затерявшись в ходе дальнейших событий.

Дискуссия, оторвавшая от главного партийного руслу отзовистов, ультимативистов и т. д., прошла без моего участия, так как я в то время был уже за границей. Но вскоре приехал Богданов и действительно занялся пропагандированием моим и Горького, с которым я в то время сдружился, вследствие чего переселился даже на Капри <...>

Само собою разумеется, что рядом с этой политической работой, выражавшейся также в издании наших собственных листов и отдельных номеров нашего журнала, шла и моя общая литературная работа в легальных органах, наиболее близких к нам и дороживших участием революционеров <...>

В 1909 г. я поехал на Копенгагенский съезд с мандатом, теперь уже от впередовской группы. На этот съезд я был допущен лишь с совещательным голосом, но практически оказалось, что я по всем вопросам съезда полностью сошелся с ленинцами, вследствие чего Лениным и его делегацией мне было поручено представлять их по вопросам кооперации, где мне вновь пришлось оказаться на разных позициях с Плехановым. По постановлению группы «Вперед» я переехал, если не ошибаюсь, в начале 1910 г. в Париж. Начался постепенный разлад в рядах впередовцев, ушли Менжинский, Покровский, Богданов. Переменилось и общее направление <...>, партия связалась с довольно сильной петербургской группой межрайонцев. (Эта группа определилась, насколько я помню, несколько позднее.) В Париже мне пришлось вести очень большую работу, куда входила легальная и нелегальная журнальная деятельность, многочисленные разъезды с платными рефератами, так как группа «Вперед» на добрых 50% жила за счет моего, так сказать, ораторского заработка. Вместе с тем вокруг меня собиралось огромное количество всяких кружков, курсов и т. д., занимавшихся главным образом вопросами пролетарской культуры. Отношение к большевикам ленинского толка у нас было довольно враждебное. Существенных изменений этого положения вплоть до объявления войны не происходило.

Объявление войны сразу поставило меня на интернациональную точку зрения. (Хотя, не скрою, первое время симпатии мои были все-таки скорее на стороне «союзников».) Но после возвращения моего с берега моря в Париж, что произошло в середине сентября, я отбросил даже эти мимолетные черты пристрастия и сразу же выступил на большом митинге, собранном Черновым, как самый яростный интернационалист. Т. Мануильский и Антонов-Овсеенко, один быв. впередовец, упедший, однако, от нас к ленинцам, другой — быв. меньшевик, разошедшийся с Мартовым ради более энергичного интернационализма, пригласили меня в газету «Наше слово» <...> В начале 1915 г. в Париже сделалось душно. Если бы я не уехал оттуда, то, вероятно, был бы выслан <...> Мне хотелось обозреть войну из нейтральной страны, и я уехал в Швейцарию. Группа «Вперед» перенесла свой центр в Женеву. Мы заняли интернациональную, очень близкую к ленинцам позицию, хотя пытались в каких-то мелочах и деталях отмежеваться от левого Циммервальда, т. е. Ленина и Зиновьева. На основе всех моих наблюдений, я ждал скорого взрыва революции. Я был уверен, что революция поставит передо мною вопрос о широкой работе в области культуры и просвещения, и поэтому стал деятельно заниматься вопросами педагогики, школьного строительства, да и вообще просве-

щенскими вопросами в самом широком смысле этого слова. Революция 17-го года застала меня в этом состоянии. Немедленно же после первых известий о ней я поехал в Цюрих. Не помню, по каким причинам мне не удалось повидаться с Лениным, и я вступил в переговоры с Зиновьевым, заявив ему, что я отбрасываю все остатки разногласий, полностью примыкаю к ленинской части нашей партии и отдаю себя в ее распоряжение. Раздоры по поводу поездки в Россию через Германию заняли тогда чрезвычайно видное место. Здесь я выступал совершенно единым фронтом с Лениным и Зиновьевым. Я поехал через Германию вторым поездом, т. к. не успел собраться ко времени отъезда первого поезда, повезшего Ленина. Немедленно по приезде в Петербург я вступил в самую горячую революционную работу. Никогда, ни до, ни после, не приходилось мне жить такой кипучей жизнью. Откуда только брались силы!(<...>) Помимо моей работы агитатора и журналиста, я был выбран в первую послереволюционную Городскую думу и по поручению партии был лидером нашей фракции. В то время мне приходилось непосредственно сталкиваться с Милюковым, Набоковым и Шингаревым, также гласными Думы, весьма усердно ее посещавшими.

Наступили июльские дни. В начале этой демонстрации я был вызван в дом Кшесинской и, таким образом, принимал участие в этом деле, так сказать, неразлучно находясь с Лениным и Свердловым. Свердлов и я приветствовали с балкона попеременно всю происходившую демонстрацию. После разгрома демонстрации я некоторое время не ночевал дома, но тем не менее открыто выступал и в цирке «Модерн», и на заседаниях Совета, стараясь по возможности прикрыть наш тыл. Однако в конце июля, когда я опять стал ночевать дома, меня арестовали. В тюрьме положение было довольно скверное. Нам передавали слухи, будто уголовники хотят нас перебить. Но в то время началась уже наступательная волна рабочего движения, которая и вырвала нас из тюрьмы. Я был вновь выбран в Думу, и на этот раз мы оказались второй по численности партией. Эсерам пришлось поделиться с нами местами в Управе, и я оказался товарищем городского головы, который должен был сосредоточить в своих руках все культурные функции Управы. Во время корниловского похода мною, по поручению Думы, написаны были те листки, которые в огромном количестве разбрасывались над корниловской армией с аэропланов. После падения корниловского движения главной политической работой моей стало разоблачение заговора правительства Керенского о передаче Петербурга немецким войскам и более усиленная, чем когда-нибудь, моя агитация за свержение Временного правительства. Действовал я совершенно открыто и до сих пор не понимаю, почему я не был арестован второй раз.

Во время самого переворота я был все время в распоряжении Военно-революционного комитета и тотчас же после переворота был призван партией на занимаемый мною и ныне пост народного комиссара по просвещению.

Я думаю, что рассказывать о дальнейших событиях не стоит, могу сказать только, что при перенесении правительства в Москву я ходатайствовал об оставлении меня в Ленинграде, где я оставался еще более года (<...>) и лишь в начале 1919 г. я выбрался окончательно в Москву. Первые годы моей деятельности были отданы на меньшую половину народному просвещению, так как в качестве уполномоченного Реввоенсовета я объезжал беспрестанно различные фронты. В дальнейшем рядом с моей работой по революции и во вверенном мне комиссариате я продолжал широко заниматься научной и журнальной работой, а также написал несколько драм.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Луначарскому не однажды на протяжении его жизни приходилось писать автобиографические заметки, заполнять различные анкеты. При этом он, как правило, не переписывал автоматически старую автобиографию, хронологически продолжая ее, а писал или диктовал стенографистке каждый раз заново, полагаясь только на свою память.

Это привело к тому, что в выявленных в настоящее время семи его автобиографиях (две из них еще не опубликованы) есть существенные различия; особенно это касается датировок.

Создание научной биографии Луначарского, летописи его жизни и деятельности, основанной на изучении сохранившихся в архивах и современной прессе документов и свидетельств, — дело ближайшего будущего. Пока же мы имеем возможность внести несколько фактических поправок в даты публикуемого здесь наиболее пространныго и содержательного варианта его автобиографии. Делаем это в порядке хронологического изложения событий жизни Луначарского.

За границу Луначарский впервые выехал не в 1893 г., а летом 1895 г., после окончания Киевской гимназии.

В Ниццу к больному брату Платону Васильевичу он приехал не в начале 1895 г., а в начале 1896 г.

В Москву из-за границы он вернулся не в конце 1897 г., а в августе или сентябре 1898 г.

Арест членов Московской организации РСДРП произошел не «зимой 1899 г.», а в апреле 1899 г. Вообще в изложении событий 1899—1905 гг. память подводила Луначарского не только в датах, но и в изложении последовательности событий (см.: Н. А. Трифонов и И. Ф. Шостаков. Луначарский и «московское дело» 1899 г. и И. П. Кохно. Вологодская ссылка Луначарского («Лит. наследство», т. 82. А. В. Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970, стр. 587—620).

Из вологодской ссылки Луначарский вернулся в Киев не в 1901 г., а в июне 1904 г. В Женеву он переехал не летом 1904 г., а в конце декабря того же года, после встречи с Лениным.

Международный социалистический конгресс в Копенгагене работал не в 1909 г., а в августе — сентябре 1910 г.

В Париж Луначарский переехал из Италии не в начале 1910 г., а в 1911 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Л е н и н — В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений в 55 томах. М., 1958—1965.
- Л у н а ч а р с к и й — А. В. Л у н а ч а р с к и й. Собрание сочинений в восьми томах М., 1963—1967.
- «В. И. Ленин и А. М. Горький» — «В. И. Ленин и А. М. Горький. Переписка. Документы. Воспоминания». Изд. 3, М., «Наука», 1970.
- «Декреты» — «Декреты Советской власти», тт. I—IV (1917—1919 гг.), М., 1957—1969.
- «Собрание узаконений» — «Собрание узаконений и распоряжений Советского правительства» (1917—1922 гг.).
- С м и р н о в — И. С. С м и р н о в. Ленин и советская культура. Государственная деятельность В. И. Ленина в области культурного строительства (октябрь 1917 — лето 1918 гг.). М., Изд-во АН СССР, 1960.
- АВП — Архив внешней политики Министерства иностранных дел СССР.
- ЛГАОРСС — Ленинградский государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (Москва).
- ЦГА РСФСР — Центральный государственный архив РСФСР (Москва).
- ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии (Москва).
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Москва).
- ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (Москва).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. 423
 Аванесов В. А. XXXVI, 158, 162, 186,
 282, 284, 312, 351, 679
 Август Гай Октавий 272
 Авенариус Рихард XVI—XX, 8, 11, 14,
 26, 601, 619, 737
 Аверченко А. Т. XLII
 Авилов Б. В. 738
 Авксентьев Н. Д. 642
 Авраменко Т. Ф. VIII
 Аврамов П. В. (Абрамов) 622
 Авриаль Огюстен 578
 Авуан 578
 Агол М. И. 279
 Агранов Я. С. 148
 Адамс Дженни 108
 Акашев 269
 Аким 109
 Аксельрод Л. И. 124
 Аксельрод П. Б. 13, 29, 497, 732, 737
 Аксенов И. А. 660
 Албац 341
 Алейников Ю. А. 310
 Александр III 62, 156
 Александров 448
 Александров В. А. 268
 Алексеев М. В. 647—648
 Алексеев Н. 245
 Алексинский Г. А. 43, 338, 628, 631—633,
 642, 720, 723, 740
 Алешин С. С. XXXVI, LI, 147—149, 182
 Аллилуева Н. С. 133
 Альский А. О. 296
 Альтер 65
 Альтман Н. И. XLVI, 62, 84, 714—716,
 719
 Анастасьев 726
 Ангарский Н. С. 95, 100
 Андерсон В. М. 181—182
 Андреев А. А. 282—284
 Андреев Н. А. LI, 88, 148
 Андреева М. Ф. 38, 134, 190, 195, 260,
 672
 Аникст О. Г. 248, 256, 291, 306
 Апохин 390, 392
 Ансеель Эдуард (Anseele) 620, 624
 Антипова 72
 Антонов А. И. 736
 Антонов А. С. 243—244, 478, 484—485
 Антонов-Овсеенко В. А. 198, 741
 Аралов С. И. 455
 Аристов 426
 Арманд А. А. 704
 Арманд И. Ф. 617, 632—633
 Аронов Г. Я. 198—199
 Аронов С. 279, 286, 316, 340—341
 Артамонов 90
 Архипов А. Е. 708
 Арцыбашев М. П. XLII—XLIII, 206—
 208, 211
 Асси Адольф Альфонс 578
 Астров 473—474
 Афанасьева А. С. 180
 Афросимов 408
 Ашукин Н. С. 294
 Бадаев А. Е. 191
 Базаров В. А. XII, XX—XXI, 39, 43,
 603, 618—620, 622, 624, 628, 631, 633,
 638, 738
 Бакст Л. П. 324
 Бакунин М. А. XLIX—L, 211—212, 214,
 299—300, 302, 572
 Балабанова А. И. 619
 Балашев 465
 Бальи Жан Сильвен 532
 Бальмонт К. Д. XXXVI, XLII—XLIII,
 206—208, 210—211, 293
 Балтрушайтис Ю. К. 143, 150—151
 Барабашев 226
 Баранов Н. М. 726
 Баранов-Россинэ 711
 Бартель Макс 464
 Батурин Н. Н. 239, 242
 Баччи Джованни 337, 338
 Бебель Август 33—34, 140, 584, 614—
 620, 645, 726
 Бегутов В. М. 294—295
 Бедный Демьян 164, 166—167, 730
 Беер Генрих 622, 625

- Бейлис М. Т. 723
 Бек 294—295
 Беккер 454
 Белецкий А. Я. 286, 731
 Белецкий Г. Я. (Гриша) 633
 Белинский В. Г. XLIX, 70, 138
 Белобородов А. Г. 465—466
 Белокогонский И. П. XL—XLI, 721, 723—724
 Белотто Бернардо 155
 Белоусов И. А. XXXVIII, 346
 Беляев 409
 Беляев С. А. 268
 Бем О. Л. 313
 Бентиволио 336, 338
 Бенуа А. Н. XXXVI, LI, 154—155, 175, 260
 Бердяев Н. А. XI, 738
 Березов 178
 Берзин Р. И. 257
 Берзинь А. М. 158
 Бернштейн Эдуард 564, 586, 617
 Беслэ Шарль (Беслей) 578
 Бестужев Н. А. 90
 Бетман-Гольвег Теобальд 647
 Бехтерев В. М. XXXVI, 260
 Бисмарк Отто 526
 Битти Бесси 325—326, 328
 Блажневич А. Н. LI
 Блан Луи 587
 Блок А. А. XXXVI, XXXVIII, XLI—XLII, LV, 260—261, 292—294, 659, 662, 677
 Блох М. Я. LI
 Бляхин-Сафонов 408
 Бобриков Н. И. 647—648
 Богданов А. А. (Максимов, Рахметов, Рядовой) XII, XVI, XIX—XXI, 8, 13, 20, 26, 36—37, 39—40, 43, 498, 510, 600, 604, 608—609, 619, 628, 630—633, 732, 738—739, 741
 Богданов С. А. 292, 706, 714—715, 718—719
 Богданова Н. Б. 37
 Богуславский М. С. 94
 Бодрова А. А. 699
 Бойцов 394, 408
 Бомбачи Никола 464
 Бономи Иваноэ 337—338
 Бонч-Бруевич В. Д. V, XXXV XL, LV, 4, 7—8, 16, 24, 29, 47—48, 50—51, 60, 87—88, 91, 95, 100, 114, 119, 123—124, 138, 147—148, 172, 191—192, 194, 196—198, 232, 384, 499—500, 502, 515, 522, 722, 739
 Бордига Амадео 329, 464
 Боттичелли Сандро 65
 Браз О. Э. 154—155, 175
 Брайант Луиза 241, 325, 328
 Браун Ф. А. 691
 Брендер В. А. 150
 Брентано Луийо 566
 Бриан Аристид 564, 566
 Брик О. М. XLVI, 146
 Брингман Август 39
 Брихничев И. (Брехничев) 454, 652, 657
 Бричкина С. Б. 142, 158
 Бродский А. М. 684
 Бродский И. И. XXXVI, 52, 293
 Бромлей 737
 Брукер Луи де (де Брукер, Дебрукер) 618, 622
 Брусилов А. А. 108, 647—648
 Брюсов В. Я. 62—63, 210, 282
 Брюханов Н. П. 218
 Бугаенко П. А. 479
 Бугров 726
 Буденный С. М. 186—187, 199, 448
 Будников 382
 Булгаков В. Ф. XXVII, 172
 Булгаков С. Н. XI
 Булла В. К. 213, 287, 293, 297, 301, 309
 Булыгин А. Г. 17—18, 543, 595, 598
 Бумажный Е. И. 382
 Бунин И. А. XLII—XLIII, 211
 Буракова М. Н. 359
 Буров М. Н. 460
 Бурцев В. Л. 721, 723
 Буслаев А. А. 142
 Бухарин Н. И. 221—222, 477—478, 482, 485—486, 488, 676
 Буцевич А. 238
 Бушко О. М. 322
 Бушко-Жук М. И. 322
 Быковская Б. 203
 Быковская М. 203
 Бюлов Бернхард 584
 Бялый Г. А. VIII, 720
 Вагнер Рихард 295
 Вагнер Ю. 693
 Вадим 600
 Вакулин 490
 Валентинов 453
 Валентинов Н. (см. Вольский Н. В.)
 Валецкий М. Г. (Валецкий В.) 318, 329, 336, 339
 Валлуа Е. 21
 Вальдгауэр О. Ф. 175
 Вальян (Вайян) Эдуард Мари 140, 622
 Ван Коль Генрих 615
 Вандервельде Эмиль 618, 620, 634

- Ванханен 136
 Варакин 164
 Варлен Луи Эжен 578
 Васильев 408
 Васильев Б. А. 482—484
 Васильев Н. И. 154
 Васильчиков С. И. 554
 Вахирев 225
 Вацегис И. И. 447
 Везинье Пьер 578
 Вейнер П. П. 175
 Вейс Д. Л. 237, 684, 688, 690, 692—693
 Величкина В. М. (Перова В.) 8, 499
 Венгров 226
 Вербицкий 446
 Веселовский А. Н. 724
 Веснин А. А. XXXVI, 148, 660
 Веснин В. А. XXXVI, 148
 Ветошкин М. К. 254, 712, 714
 Виктор Эммануил II 574
 Вильгельм II 584, 647
 Вильямс Альберт Рис 325, 328
 Винавер М. М. 126, 128
 Виноградов Н. Д. 62—63, 76, 80, 83, 89
 Винокуров А. М. 433
 Витте С. Ю. 26—27, 516, 524—525
 Витязев П. 305—307, 702
 Владимир (Романов В. А.) 554—555
 Владимиров М. К. (Лев) 457, 517, 609
 Владимирский М. Ф. 34, 124, 497, 737
 Водозовов В. В. 738
 Воеводин П. И. 327, 341—342
 Войков П. Л. 340, 627
 Войнич Этель 675
 Вокар 738
 Волгин В. П. 274
 Волин Б. М. 464
 Волков Ф. Г. 378
 Волконский С. Г. 90—91
 Волконский С. М. 90—91
 Волнухин С. М. LI
 Володарский В. 82, 604
 Вольский Н. В. (Валентинов Н.) 29, 43, 628
 Вольский С. (Соколов А. В.) 628, 633
 Вольтер (Аруэ Франсуа Мари) 673
 Воровский В. В. (Орловский П., Шварц) IX, XVII, 3—4, 12—13, 18, 20, 22—24, 27, 34, 100, 499—500, 502—504, 510, 515, 573—574, 599, 601, 603—604, 619, 673—675, 677—681, 683—684, 695, 700—702, 736, 739
 Воронский А. К. 694, 703
 Воротилов 411
 Ворошилов К. Е. 186
 Воскресенский 180
 Врангель П. Н. 166, 187, 448, 450, 465—466, 470, 471
 Габрилович Л. Е. (Галич) 599
 Галкин А. В. XXXV, 110, 124, 136, 371
 Галлон 246
 Гальковский 382
 Гамарник Я. Б. 439
 Гамбаров Ю. С. 737
 Гапон Г. А. 534, 547—549, 552, 554—555
 Гарибальди Джузеппе 140, 574
 Гарин 295
 Гвоздев К. А. 44
 Гед Жюль 614, 619, 622
 Гейне Генрих 62
 Гейрих 268
 Гельцер Е. В. 153
 Генрих IV 532
 Гертик А. М. 682
 Герцен А. И. XLIX, 82, 138, 140—141
 Герцен Н. А. XLIX, 140
 Герштейн 273—274, 276
 Гершуни Г. А. 542
 Гете Иоганн Вольфганг 673
 Гидинский 404
 Гильбо Анри XXXVI, 284, 314—315
 Гильом Джеймс 211
 Гильфердинг Рудольф 30, 32, 589, 592—594
 Гинзбург И. Я. LI, 735
 Гинзбург Ю. Н. 95, 108, 131, 137, 158, 170, 176
 Гишпиус З. Н. XLI—XLII
 Гладстон Уильям 588
 Глазунов А. К. XXXVI, LI, 289—290
 Гливенко И. И. 142, 331
 Глинка М. И. 372
 Гляссер М. И. 703
 Гоголь Н. В. XLIX, 678
 Гойхбарг А. Г. 237
 Голованов Н. С. 371
 Головань В. 175
 Голодаев И. 597
 Голубева О. Д. 668, 699
 Голубкина А. С. 734
 Гольденберг И. П. (Мешковский) 618—620
 Гольдман Эмма 284
 Гольдштейн Г. П. 377
 Гомер 588
 Гончаров Д. Д. 738
 Горацій Флакв Квинт 272, 362
 Горбунов В. В. 222
 Горбунов Н. П. XXXVI, 48, 50—51, 69—70, 72, 87—88, 142, 190, 194, 198, 241—243, 257—258, 261, 269, 271—272, 278—

- 280, 285, 288, 291—292, 294, 296, 299—
300, 302, 304—307, 312, 341, 344, 344, 346,
348—349, 359—360, 366, 707, 718
- Гордон Г. О. 246, 264
- Горин 295
- Горнфельд А. Г. 659
- Горький Максим (Пешков А. М.) VIII—
X, XVI, XVIII—XXI, XXVI,
XXXVI—XXXIX, XLI—XLII, XLVIII,
L—LI, LV—LVI, 36—40, 42—43,
52, 80—81, 92, 141—142, 166, 174—177,
182, 184—185, 190, 193—194, 196, 226,
228, 260, 289—294, 312, 340, 510—
511, 576, 603—604, 631, 633, 638, 658—
660, 662, 668—696, 698—703, 721—
722, 724, 741, 744
- Гофман Эрнст Теодор Амадей 204
- Гош Лаазар Луи 531
- Грабарь И. Э. XXVII, LV, 354
- Гранат, изд. 618
- Грановский Т. Н. 138
- Грейлих Герман 23
- Гржебин З. И. 92, 228, 237—238, 657,
668—669, 672, 674—684, 686—698,
700—703
- Гржебина Т. Н. 692
- Григорьев Н. А. 109, 376
- Гримм Роберт 638, 641, 643
- Гринберг З. Г. 92, 239, 246, 256, 264,
266, 298, 307—308, 356, 671, 676, 696,
698
- Грипмут В. А. 558
- Гриневицкий С. И. 726
- Гринер Я. И. 90
- Гринько Г. Ф. 222, 224—226, 230—231,
247, 458
- Груздев 426
- Грузинский А. Е. 142
- Гуковский И. Э. 206—208, 210, 701
- Гумилев Н. С. 659
- Гусев С. И. 134, 499, 527, 730, 737
- Гучков А. И. 646, 648
- Гюго Виктор 675
- Гюрджан А. М. 148, 196
- Давыдов В. Н. XXXVI, LI, 289—290
- Давыдов З. 700
- Давыдов И. А. 26
- Далин В. М. VIII, 613
- Даль В. И. 141
- Дан Ф. И. 20, 29, 126, 128, 676
- Данилов 95
- Данилов С. С. 106, 376, 386, 389, 407
- Д'Аннунцио Габриеле 674
- Дантон Жорж Жак 62, 140
- Деева 453
- Дейч А. И. 609
- Дейч Л. Г. 619, 622, 642
- Демель Рихард 673
- Демосфен 434
- Дени (Денисов) В. Н. XXXVI, LI, 164,
166—167, 170, 354—355
- Деникин А. И. 156, 166, 438—441, 443,
453, 459, 472, 475
- Дербашев 463—464
- Десницкий (Строев) В. А. 249, 256, 675—
676
- Джованьоли Рафаэло 675
- Дзержинский Ф. Э. 88, 142—143, 186,
198—199, 232, 286—287, 462, 475, 490
- Дивильковский А. А. 627
- Диксон Элеонора XLII, 206—207
- Дилион 600
- Динерштейн Е. А. VIII
- Дицген Евгений (Дитцген) 26, 28
- Дмитриев Н. 175
- Добролюбов Н. А. XLIX, 70, 82, 140
- Доброхотов 379—380, 382, 409, 411, 460
- Долгоруков Г. С. 108
- Долматов 390, 407
- Домогацкий В. Н. LI
- Дороватовский С. П. LV
- Дорошенко 467
- Достоевский Ф. М. XLIX, 132, 678
- Дрейцер П. 54
- Дрелинг 738
- Дридзо В. С. 229
- Дубровинский И. Ф. (Инноцентий) 34,
36, 600, 739
- Дужкин 720
- Дурново Н. Н. 142
- Дьюи Джон 693
- Дюваль Эмиль Виктор (Дювиль) 578
- Дюпон Амент 578
- Евелинов Б. Е. 144, 150
- Егоров А. И. 447, 452, 464
- Егорова П. 116
- Езерский Ф. 33, 35, 617
- Екатерина II XXVIII
- Елизаров М. Т. 497
- Елисеев 480
- Енукидзе А. С. 179, 288, 349, 351
- Еремеев К. С. 95, 100, 228, 685, 702
- Еринова К. С. 332, 341, 344
- Ермаков А. С. 151
- Ермолаев 115—116
- Ермолова М. Н. XXXVI—XXXVII, LI,
151—153, 288—290
- Ефимов Б. Е. 166
- Ефимов И. С. 206

- Ждан-Пушкин 456—457
 Жданко М. 242
 Жданов 738
 Жебелев С. А. 175
 Желобов 406
 Желябужский Ю. А. 37
 Жерар 400
 Жолтовский И. В. 82, 371—372
 Жордания Н. Н. (Костров) 18, 20, 22—23, 511
 Жорес Жан 32, 40, 42, 140, 586—587, 589, 726
 Жуков К. А. 256—257
 Жуков П. С. 209
 Журд Франсуа 578

 Задорин 408
 Зазубрин В. Я. XXXVI, XXXVIII, 325, 336, 340
 Зайцев 268
 Зайцев Б. К. XLII, 4
 Зайцев Д. 35
 Зайцева Е. Д. 168
 Закс (Гладнев) С. М. 226, 228, 680—681, 683—687, 690—698, 701—702
 Залуцкий 266, 272—273
 Залуцкий П. А. 460, 474
 Залькалнс Т. LI
 Замятин Е. И. 659
 Зандер 225
 Западов А. В. 506, 516
 Засулич В. И. 13, 29
 Загонский В. П. 455
 Захаров А. Д. 410
 Захарьин 523
 Зварькин 398
 Звездов 454
 Зевин В. Я. VIII, 720
 Зеллингер 740
 Зелов Н. С. VIII
 Зельдович В. Д. VIII, 375, 446, 447, 477, 607, 613, 628, 645, 658, 668
 Землячка Р. С. (Демон) 375, 379, 451, 503, 517, 609
 Зернов Д. И. 261—263, 491
 Зилоти А. А. 154—155
 Зильберштейн И. С. VIII, 52, 324
 Зимовский Ф. Я. 116, 714
 Зингер Пауль 615
 Зиновьев Г. Е. 44, 58, 84, 168, 191—192, 222, 239, 247, 260, 272, 318, 321, 330, 332, 334, 336—337, 442, 635—637, 641, 643, 690, 694, 696, 700, 736, 741—742
 Знаменский 465
 Золотарев Д. 175
 Зубков Ф. 319

 Зудерман Генрих 634
 Зюзенков И. 700

 Иванов 198
 Иванов 489, 491
 Иванов А. 714
 Иванов Вяч. И. XXXVI, XLII—XLIII, 188, 208, 211
 Игнатов Е. Н. 477
 Игнатов К. М. 273
 Игнатова 418
 Илиар 7
 Ильинский И. В. 280
 Иоанн Кронштадтский (Сергеев И. И.) 523
 Ионов И. И. 95, 100, 314, 678
 Иорданский 390, 404, 408
 Иорданский Н. И. 29
 Иоффе А. А. 604
 Иоффе А. Ф. XXXVI, 258
 Исаев 226, 264
 Исаков С. К. 154—155
 Истомин И. К. 204, 206

 Каганович П. К. 107, 115, 387—390, 394, 403, 407—409
 Кадомцев 729
 Казанцева 404
 Казимиров 199
 Калинин 408
 Калинин М. И. 100, 102—103, 105, 135, 166—167, 179, 187—188, 320, 325, 351—352, 465—466, 468
 Калинин Ф. И. 104—105
 Калмыкова Т. 700
 Кальвин М. 90
 Каменев Л. Б. XXI, 63, 128, 133, 135, 186, 278, 312—313, 317, 322, 349, 358, 366—367, 383, 645—646, 666, 690, 694—695, 699
 Каменева О. Д. 124
 Каменский А. З. 100
 Каменский В. В. XLVII—XLVIII, 479, 492, 494
 Камецев Е. И. 87
 Кант Иммануил 566
 Капелинский 128
 Каплун 194
 Карахан Л. М. 679
 Кардашев Н. Н. 94
 Кардовский Д. Н. 707
 Карелин 268
 Карманова 408
 Кароти А. 341—342
 Карпинский А. П. 60—61

- Карпинский В. А. XXII, 27, 44, 499, 502, 503, 515, 517, 635
 Карпов Л. Я. 600, 738—739
 Карпович П. В. 542
 Карро 409
 Карякин В. В. 38
 Катилина Луций Сергей 261
 Каутский Карл 7, 569, 584—585, 587, 614, 616—617, 622
 Кацман Е. А. 706
 Качалов В. И. XXXV, 311
 Кашкина 316
 Кваренги Джакомо 410
 Кель С. 230
 Керенский А. Ф. 50, 128, 645—648, 742
 Керзон Джордж Натаниел 586
 Кин 462—463
 Кипренский О. А. XLIX, 73
 Кирдицов 689
 Киселев А. С. 186, 295, 298, 307—308, 730
 Киселев Г. Ф. 87—88
 Киселис П. Ю. 136, 714—715
 Клейн Герман 684
 Клингер Г. К. 95
 Клинцов 455
 Ключ 711
 Книпович Л. М. (Чухна) 609
 Книшпер-Чехова О. Л. 311
 Кнуньянц Б. М. (Радин, Рубен) 604, 618—619, 625
 Княжнин В. Н. 294
 Ковалев 407
 Ковалевский М. М. 595, 598, 737
 Коган П. С. 282, 284, 719
 Кожевников В. 29, 738
 Козелев 225, 264
 Козлов 407—408
 Козловский Л. 33, 35, 617—618
 Козловский М. Ю. 124, 151, 172, 180, 218—219
 Козырев 239
 Коковцев В. Н. 524, 558
 Колегаев А. Л. 313, 368
 Колесников 479—481
 Коллонтай А. М. 285, 619
 Колчак А. В. 195, 375, 386, 402, 410, 438—440
 Кольцов С. В. 148
 Коля 638
 Комура Д. 26—27
 Комяков 418—420
 Кон Ф. Я. 722—723
 Коненков С. Т. LI, 719
 Конеткевич 465
 Кони А. Ф. 258
 Кончаловский П. П. 335, 710, 716, 719
 Коонен А. Г. 206
 Кош В. Л. 233—234, 238, 689—690, 692, 695
 Коробов 108
 Коровин К. А. 283, 708
 Короленко В. Г. VIII, XXXVI, XXXIX, XL—XLI, LV, 120, 198—199, 207, 720—726
 Короленко С. А. 721
 Короленко С. В. 723
 Костычев 693
 Котляр Г. А. 619
 Котляревский 462, 473, 475
 Кохно И. П. 743
 Кочнев 406
 Краевский 490—492
 Красиков П. А. 23, 136, 163, 285
 Красин Б. Б. 324
 Красин Л. Б. (Винтер) 13, 20, 94, 109, 128, 169, 311, 387, 672—673, 679, 696, 730, 739
 Краснощеков А. М. 326
 Краснощекова Г. Б. (см. Тобинсон-Краснощекова)
 Крестинский Н. Н. 78, 135, 168, 228, 236, 312, 685—686, 702, 722
 Кржижановский Г. М. 168, 273—274, 277, 360, 497, 600, 738
 Кристи А. 156
 Кристи М. П. 194
 Кричевский Б. Н. 33, 35, 617
 Кромвель Оливер 531
 Кроточкин П. А. 147
 Круг К. А. 273
 Крумин Г. И. 268
 Крупская Н. К. VII—VIII, XII—XIII, XXIII, XXVIII, XXX, XXXII, XLVII, LI, LV, 17, 19, 36, 44, 51, 56, 60, 65, 75, 77, 82, 85, 104—105, 107, 111, 163, 195, 205, 220, 222, 225—226, 229, 231, 235, 237, 239—241, 246—248, 263—264, 270, 284, 313, 334—335, 369, 390, 401, 413, 450, 497—499, 502, 506, 509, 511, 513—517, 608—609, 612, 628—629, 631, 636, 649, 681, 685, 689, 693, 704, 717—718, 731—736
 Крутикова Н. И. 616, 618, 643
 Крыжановский 460
 Крыжановский 738
 Крыленко Н. В. (Брам А.) 615, 618, 652, 657
 Ксидиас 735
 Кубланов А. А. 446
 Кугельман Людвиг 40, 42, 576
 Кузмин М. А. 204, 206

- Кузнецов К. А. 399
 Кузнецов Н. В. 632
 Кузнецов П. В. 719
 Кузьмин-Караваев В. Д. 4, 24—26, 28, 595, 597—598
 Куклин Г. А. 4
 Кукушкин 404
 Кульженко 738
 Кульпе 394, 409
 Кульчинский 157
 Купер Джемс Фенимор 697
 Кураев В. В. 722
 Курский Д. И. 114, 136, 187, 218, 229, 276
 Кустодиев Б. М. XXXVI, LI, 260
 Кутузов И. И. 282—284
 Кшесинская М. Ф. 742
 Кьюбс В. 205
- Лабриола Антонио 37, 615, 618
 Лаврентьев А. Н. 659
 Лавров Р. А. VIII, 649
 Лагардель Юбер 564, 618, 626
 Ладыжников И. П. 37, 669
 Лазуркина Д. А. 77
 Лалаянц П. И. (Мышка) 517
 Ланге Н. Н. 134
 Ландер К. И. 124, 294—296, 298
 Ландстреди 332
 Лапиров-Скобло М. Я. 695
 Лапицкий 128
 Ларин Ю. 349—350, 477
 Лассаль Фердинанд 3—4, 6, 62, 89—90, 140, 508
 Лафайет Мари Жозеф 531—532
 Лафарг Поль 140
 Лаццари Константино (Ладзари) 330, 338
 Лашевич М. М. 731
 Лебедев 404
 Лебедев А. 609
 Лебедев-Полянский П. И. 51, 56, 104—105, 220, 222
 Лебединцев 693
 Левин К. Н. 242
 Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 260
 Левитин С. 190, 195
 Левицкий А. А. 327
 Легин Карл 617
 Леднев 404
 Ледрю-Роллен Александр Огюст 587
 Лежава А. М. 300, 682—683, 687, 692, 695—696
 Лейтейзен Г. Д. 499
 Лемберг 273
 Ленгник Ф. В. 104—105
 Ленин М. Ф. 143, 150
- Лентулов А. В. 716
 Леонидов Л. Я. 73, 101, 103, 123, 259, 265, 275
 Лепешинская Н. С. 224, 230, 332, 348, 729
 Лепешинский П. Н. (Олин) IX, XIII, XXXV, LV, 22—23, 77, 371, 499, 504, 515, 576, 607—608
 Лермонтов М. Ю. XLIX, 677
 Леру Гастон 14
 Лесгафт П. Ф. 280
 Лесков Н. С. 676
 Лессинг Готхольд Эфраим 151
 Лещенко Д. И. 51, 54, 252, 451
 Лещинская 157
 Либер М. И. 676
 Либкнехт Карл 34, 167—168
 Либкнехт С. Б. (Рисс) 168
 Лидов П. П. 150
 Лилина З. И. 260
 Линник Я. 246—248
 Липгарт Э. 175
 Лисовский М. 451, 702
 Лиссагаре Проспер Оливье 578
 Лист 737
 Литвинов М. М. (Папаша) 619, 638
 Литкенс Е. А. XXXII, 141—142, 177, 222, 225, 229, 236—237, 239, 242, 244, 246, 256—257, 263—264, 266—268, 271, 286, 290—291, 298, 300, 307—308, 314—321, 324, 331—332, 340—343, 345, 353, 696, 699, 707
 Лишев В. В. LI
 Лобко 558
 Лобода В. В. 347, 731
 Лодыженский А. А. 738
 Лозовский С. А. 34, 477
 Ломоносов Ю. В. 108, 130
 Лонге Шарль 578
 Лондон Джек 732
 Лопе де Вега Карньо 151, 659
 Лопухин А. А. 541—542
 Лукомский 412
 Лукьянов Л. 203
 Луначарская А. А. V, 7, 8, 26, 31, 34, 46, 177, 186, 188, 199, 375, 378—379, 447—448, 522, 528, 533, 536, 540, 546, 563, 582, 613, 621, 623, 625, 635, 636—637, 639—640, 645
 Луначарская (Смидович) С. Н. 737
 Луначарский А. А. 638, 645
 Луначарский В. Ф. 738
 Луначарский П. В. 497, 737, 743
 Лундберг Е. Г. 690
 Луппол А. Н. 87
 Лутовинов Ю. Х. 477, 696

- Львов-Рогачевский В. Л. 294, 304
 Любишева В. А. 87—88
 Людовик XVI 155, 523, 531—532, 582
 Люксембург Роза 34, 615, 617, 622
 Лютер Мартин 16
 Лядов М. Н. 34
 Лященко М. 87

 Магнус Леонард 587
 Мадзини (Маззини) Джузеппе VII, XV,
 3, 510, 572—574
 Мазер 90
 Майнор Роберт 326
 Макаров В. К. 154—155
 Макиавелли Никколо 588
 Максвелл Джеймс Клерк 491
 Максимова В. А. 699
 Максимова М. 175
 Максимовский В. Н. 315
 Малевич К. С. XLVI, 716
 Малецкий 490
 Малинин 408
 Малинин К. 125
 Малиновская Е. К. 110—112, 185, 283,
 312, 350—351, 371
 Малиновский П. П. 61—62, 74, 76, 80
 Малон Бенуа 578
 Малышев С. В. 66, 68—69
 Мальмстрем В. 629
 Мальяр 529—530
 Малютин Д. П. 407
 Малютин С. В. 734
 Малявин Ф. А. XXXVI, 139, 145, 346,
 348—349, 352—356, 358, 461
 Мамонтов К. К. 243
 Мамонтов П. Н. 150
 Мамушин 491
 Манизер М. Г. LI
 Манн Генрих 634
 Мануильский Д. З. (Безработный) 464,
 631, 741
 Мануйлов А. П. 30
 Манучарьянц Ш. М. 695
 Марат Жан Поль 140
 Марголин С. 662
 Маргулис 740
 Марджанишвили (Марджанов) К. А. 659—
 660, 662, 667
 Мария Антуанетта 531
 Марков А. К. 175
 Марков С. Д. 468
 Маркс Карл XVI—XVII, LI, 8, 11, 27,
 31—33, 40, 42, 62, 82—83, 132—133,
 135, 140, 145—149, 165, 183, 187, 302,
 362, 479, 488, 494, 512, 572, 576—578,
 580, 582, 607, 615, 625, 650, 652, 663,
 665
 Марр Н. Я. 175—176, 182
 Мартов Л. (Мартов Ю.) XIV, 8, 16, 20,
 22—23, 28—31, 44, 46, 126, 128, 337,
 460, 511, 588—589, 593—594, 601, 607—
 608, 619, 622, 626, 633, 636—638, 641—
 643, 676, 679, 701, 740—741
 Мартынов А. 29, 538, 577, 582, 607, 619,
 636
 Мартынов А. Е. 155
 Мартьянов Н. М. 346
 Марьянов 188
 Матвеев А. Т. XXXVI, LI, 83, 132—133
 Маторин 490
 Маффи Фабрицио 338
 Мах Эрнст XVII—XX, 8, 11, 14, 26, 601
 Махно Н. И. 492
 Мацулевич Л. 175
 Машков И. И. 719
 Машталлер 408
 Маяковский В. В. XXVIII, XLV, XLVII—
 XLVIII, LII, 281—282, 295, 356, 660,
 714, 730
 Межанинов А. С. 455
 Мезенцев С. А. 147—148
 Мейендорф 556
 Мейерхольд В. Э. 294—295, 660
 Мейлах Б. С. 700
 Мельничанский Г. Н. 312
 Мельдер Ф. Ф. 156
 Мендель Кот 460
 Менжинская Л. Р. 51, 114—115, 125,
 195, 214, 258
 Менжинский В. Р. 208, 292, 631, 678,
 696, 698, 741
 Меньс Константин 665
 Меньшиков Е. С. 268
 Мережковский Д. С. XLII
 Меркуров С. Д. XXXVI, LI, 132—133,
 145, 147—149, 182
 Метлин 412
 Метнер Н. К. XXXVI, LI, 289—290
 Мехоношин К. А. 454
 Мечникова А. 631
 Мещерская Е. П. 65—66
 Мещерский В. П. 726
 Мещеряков В. Н. 478, 482, 485
 Мещеряков П. Л. 268, 306—307, 676,
 681, 684, 689—690, 692—693, 695, 703
 Миллер А. 175
 Миллюков П. Н. 30, 32, 278, 588, 742
 Милютин В. П. 130
 Минин К. М. 663
 Минина Е. К. 328
 Минский Н. М. 740

- Мирбо Октав 674
 Миркин С. М. 198—199
 Митрофанов 465
 Митрофанов А. X. 100
 Митрохин Д. И. 175
 Митурич 84, 88
 Михайлов 732
 Михайлов В. М. 328
 Михайловская 427
 Мишулин М. 310
 Молотов В. М. 264, 276, 294, 307, 312, 315, 328, 360
 Моно О. А. XLIX, 140
 Мопассан Ги де 674, 688
 Мор Томас 62
 Мордвинкин В. Ю. 267
 Мординов Н. С. 154
 Морозов А. И. 183
 Морозов Н. А. 269, 271—272, 279—281, 308, 310
 Морозова 204
 Мошинский И. Н. 736
 Мунье Жан Жозеф 530
 Муравьев 408
 Муравьев Н. В. 524—526
 Муралов Н. И. 455
 Мусоргский М. П. XLIX
 Муссолини Бенито 338, 618
 Мухина В. И. LI
 Мюнценберг Вильгельм 464
 Набоков В. Д. 742
 Назаретян 464
 Назаров 450, 465—466
 Найда С. Ф. VIII, 446—447
 Найденова 138
 Наполеон I (Бонапарт) 90—91, 580
 Напфельбаум М. С. 217
 Нариманов Н. Н. 730
 Натан 574
 Натансон М. А. 641
 Наумов Е. И. 282
 Невельсон 315—317
 Невский 390, 408, 426
 Невский В. И. 136, 256—257, 264, 270, 649, 652, 657, 683
 Незимаев 406
 Незлобин К. Н. 229
 Нейкирх М. Л. 219
 Некрасов Н. А. XLIX, 678
 Неменов М. И. XXXVI, 233—234, 258
 Немирович-Данченко Вл. И. XXXVI, LI, 311—312, 325
 Немцов Н. М. 482—484
 Нерадовский П. 175
 Неточаев Д. 737
 Неттлау Макс (Неттляу) 211—212, 302
 Никитин Гурий 411
 Никитин И. С. 63
 Никитин Н. П. 154—155
 Никифоров 390
 Никифоров П. М. 170
 Николаев Л. В. (Михаил Иванович) 500
 Николай I 410
 Николай II 156, 412, 523, 542, 555, 603
 Никольский В. А. 709, 712
 Никольский Н. К. 272
 Никольский Н. М. 310
 Никулин В. И. 151
 Новерт 147
 Новикова А. 700
 Новомирский 144
 Ногин В. П. 397—398, 402
 Носке Густав 615, 618
 Носков В. А. (Глеб) 600, 607, 739
 Обиндер 484
 Оболенский Л. Л. 208
 Образцов С. В. 206
 Огарев Н. П. 138
 Околович Н. А. 154—155
 Окулов А. И. XXXVIII, 346
 Окунь Г. Б. 699
 Олин (см. Лепешинский П. Н.)
 Ольденбург С. Ф. XXXVI, 60, 169—170, 175, 242, 291, 659, 694
 Ольминский М. С. (Вас. Вас., Василий Васильевич, Галерка) IX, XIII, XVII, 3—4, 8, 11—13, 16, 19—20, 22—23, 498—499, 502—504, 506, 514—517, 527, 538, 540, 558, 562—563, 573, 576, 595, 599, 601—604, 608, 739
 Орджоникидзе Г. К. 470
 Орехов 406
 Оржа 68
 Осадчий П. С. 274
 Осинский Н. (Оболенский В. В.) 238, 344—345, 477, 722
 Осколкова 709
 Осман XXVIII, 49—51
 Остин Франсуа Шарль (Остен) 578
 Островский А. Н. 151—152
 Оцуп П. А. 93, 357, 361
 Павел I 155—156
 Павлинов П. Я. 203, 206
 Павлов 146
 Павлов А. В. 243, 447, 478, 484, 492
 Павлов И. П. XXXVI, XXXVII, LV, 190—194, 288, 290, 330—332
 Павлович С. А. 244, 246, 249
 Павлуновский И. П. 128

- Падерина А. А. 317, 348
 Палеолог Морис Жорж 208
 Панина С. В. 736
 Паннекук Антони 617
 Пармоновы 726
 Парвус (Гельфанд) А. Л. 11, 30—32, 577, 587—589
 Пеллетье (Леппельтье) Мадлен 284—285
 Перунов 398
 Пестель П. И. 140
 Пеген Анри Филипп 618
 Петр I 526
 Петрищев А. В. XL—XLI, 721, 724—725
 Петрова Е. Д. 146, 154, 164, 221
 Петровский Г. И. 464, 475
 Петрункевич И. И. XIV, 35, 587—588
 Петцольдт Иосиф 619
 Пешехонов А. В. 3—4
 Пешков З. А. 37
 Пигит Д. С. 110, 120, 125
 Пинди Жан Луи 578
 Пинкевич А. П. 218, 675—676
 Пинцон 482—484
 Питцель 620
 Платонов С. Ф. XXXVI, 258
 Плеве В. К. 518, 523, 600, 739
 Плетнев В. Ф. 312, 719
 Плеханов Г. В. (Бельтов Н.) XX, XXII, LI, 3, 8, 11, 13—14, 16—18, 22—24, 26—28, 34—37, 39, 274, 419, 511—512, 537—538, 600—601, 614—620, 622, 624—625, 642, 737, 740—741
 Победоносцев К. П. 524, 526, 559—560
 Подбельский В. Н. 69
 Подвойский Н. И. 446
 Пожарский Д. М. 663
 Познер В. М. XXXII, 51, 56, 75, 77, 104—105
 Покровский М. М. 108
 Покровский М. Н. XXX—XXXI, XXXIII, XXXVIII, XLIX, LI, 62—63, 65, 67, 72, 77—78, 83—84, 91, 94, 104—105, 114—115, 124, 131, 133, 141, 188, 194, 196, 215, 218—219, 222—223, 225, 239, 244, 258, 263—264, 266, 271, 273—275, 282, 284, 291, 302, 310—311, 314—315, 318, 328, 331—332, 341—342, 346, 360, 491, 631, 672, 681, 687—688, 691, 714—715, 741
 Полидоров С. С. 136
 Половинкин 68
 Попов 368
 Попов А. Д. 428
 Попов Н. А. 150
 Попова Л. С. 660
 Попова О. Н. 4
 Портянкин И. А. 515
 Поссе В. А. 618
 Постоловский Д. С. 11, 13, 546, 739
 Потемкин В. П. XXXII, 75, 77—78, 247—248, 452, 458
 Потопчина Е. В. 144, 151
 Потресов А. Н. (Старовер) XIV, 13, 20, 22, 28—29, 126, 128, 511, 571, 597, 676
 Преображенский XXXVI, 260
 Преображенский Е. А. 229, 239, 247, 264, 266, 272—276, 278—279, 284, 335, 477, 481, 489, 652, 657, 681—682, 686—688, 690, 692, 694, 717—719
 Преображенский П. Ф. 310
 Протопопов С. Д. XLI, 721, 724—726
 Прошьян П. П. 58
 Прудон Пьер 572
 Прянишников 399
 Пугачевы 602
 Пунин Н. Н. XLVI, L
 Путянский 738
 Пуше 564, 566
 Пушкин А. С. XLIX, 141—142, 155, 164, 219, 677
 Пушкин Л. С. 219
 Пятаков Г. Л. 732
 Рабинович И. М. 660, 662, 666—667
 Рабчевский А. 736
 Равдель Е. В. 707, 714, 716, 719
 Радек К. Б. 168
 Радищев А. Н. 70, 82—84, 89—90, 140
 Раевский 468, 470
 Раевский Н. В. 218
 Раковский Х. Г. 230, 456—457, 462, 464, 475
 Растрелли В. В. 411
 Рафаил 454
 Рахманов 147
 Рашевич 464
 Ребельский 486
 Регель Р. Э. 94
 Реденс С. Ф. 460
 Редкин 177
 Рейнштейн Б. И. 327
 Ремизов 738
 Ремизов А. М. XLII
 Ремизов И. С. 684
 Ретовский О. 175
 Рефевти 464
 Реформатский А. Н. 693
 Рибольди Эцио (Рибальди) 338
 Рид Джон 241, 325, 328
 Ринальди Антонио 155

- Робен Шарль 3—4, 508
Робеспьер Максимильен 63, 90—91, 140
Робинс Раймонд 328
Рогальский И. Б. 51
Родин И. 141
Родченко А. М. 716
Рожков Н. А. 604
Розенберг О. О. 169
Розенблюм Л. М. VIII
Розенгольц А. П. 264
Розенфельд Н. Б. 61, 204
Розинг Б. Л. 170
Розмирович Е. Ф. 143
Розов 418—419
Роланд-Гольст Генриетта (Roland-Holst)
6—7, 569—572, 622, 626
Роллан Ромен XLIII, 211, 260, 293
Романов XXXVI, 260
Романов К. 175
Романов М. Ф. 412
Романов С. А. 541
Романовы 412, 588
Росс Арманд (см. Сажин М. П.)
Росси К. И. 410
Росский А. М. 714
Ростопчин Н. П. 390, 407
Ростопчина М. А. 408
Ротштейн Ф. И. 326
Рубакин Н. А. 618
Рублев Андрей XLIX
Рудзутак Я. Э. 130
Рудометов Д. 268
Румянцев П. П. 13, 599
Русakov И. 247—248
Русанов Н. С. (Н. Кудрин) 3—4
Русецкая Ю. Н. 73
Рыбаков 641—642
Рыков А. И. 109, 168, 273, 276, 311, 360,
378, 390, 393—394, 397, 400, 450, 456—
457, 633, 682, 686—687, 690, 692, 694,
698, 702
Рылеев К. Ф. 82, 140
Рюммин Е. А. 324
Рябушинский П. П. 429—430
Рязанов Д. Б. 72, 82, 102—105, 258, 477,
636—637, 669
Сабанин 195
Саблер В. К. 559
Савельев А. И. 189, 193, 663, 665
Савельев М. А. 604
Савин Сила 411
Савинков Б. В. 458, 738
Савосин 470
Сагидов К. М. 50—51
Садофьев И. И. 451
Сажин М. П. (Росс Арманд) XLIX—L,
211—212, 214, 280, 299—300, 302
Сажина Е. Н. 212, 280
Сакулин П. Н. 142, 304
Салтыков-Щедрин М. Е. XLIX
Самарин Р. М. 699
Самков В. А. 324
Саммер И. А. 116, 456—457
Саморуков 478, 480—483, 486, 488, 492
Самуэли Тибор 399
Санин А. А. 371
Сапронов Т. В. 477, 489
Сафьян И. Ф. 701
Сватяков С. Г. 627
Свердлов Я. М. 61, 68, 88, 100, 133, 146,
149, 320, 670, 709, 742
Свидерский А. И. 312, 366—367
Свистулев 404
Свифт Джонатан 673
Святополк-Мирский П. Д. (Святополк)
522—526
Северцев В. (см. Филатов В. В.)
Северцев А. Н. 693
Северянин И. В. XLII
Селиванова 332, 340—341, 344
Селивачев В. И. 447
Семашко Н. А. XLI, 34, 188, 194, 285,
332, 491, 722
Семенов Н. 163—164
Семковский С. 637—638
Семячкин 405
Сенькин С. 704, 715
Серафимов 454
Серебряков 100
Серебряков Л. П. 447, 477
Серебрякова А. Е. 737—738
Середа С. П. 108, 238, 376
Серов А. Н. 324
Серов В. А. 324—325
Серова В. С. 324—325
Серова О. Ф. 324
Серрати Джачинто 318, 329—330, 332,
336—340, 685
Симонович-Ефимова Н. Я. 206
Синайский В. А. LI, 90
Синклер Эптон XXXVI, 239—241
Скаткин М. Н. 230
Скворцов-Степанов И. И. IX, 63, 167,
360, 604, 688, 690, 738
Скирмунт Р. А. 7
Склянский Э. М. 94, 106, 109, 155, 269,
376, 389
Скорородов 390
Скрябин А. Н. 324
Славинский Ю. М. 282—284
Смидович О. Г. 737

- Смидович П. Г. 282, 284, 497
Смирнов 709
Смирнов В. 702
Смирнов В. М. 477
Смирнов И. С. 55, 61, 75, 83, 87—88, 198, 237, 744
Смолянинов В. А. XLIX, 299—300, 302, 360
Собинов Л. В. 325
Соколов В. А. 203
Сокольников Г. Я. 360, 477
Соловьев А. А. VIII
Соловьев В. И. 229, 236
Соловьев И. Н. 184
Сологуб Федор (Тетерников В. К.) 293
Сольц А. А. 298
Соррель Жорж 615, 624
Сосновский Л. С. 283—284, 351
Спенсер Герберт 737
Спиноза Барух 27
Срезневский В. И. 227
Сталин И. В. 47, 50, 62, 107, 257, 278, 313, 318, 387, 394—395, 447, 451—452, 478, 484—486, 492, 494, 698
Станиславский К. С. XXXVI, LI, 196—198, 283, 311, 325
Станкевич Н. В. 138
Стасова Е. Д. 213, 378, 405—406
Стахович А. А. 558
Стахович М. А. 558
Стеклов В. А. XXXVI, 258, 291
Стеклов Ю. М. 302, 382, 404
Степняк С. (Кравчинский С. М.) 675
Столыпин П. А. 724
Стомоняков Б. С. 696
Страуниг В. И. (Вера) 731
Стрижак 474
Струве В. В. 175
Струве П. Б. 28, 497, 514, 586
Суворин А. С. 356
Суворов С. А. XII, 738
Сук В. И. 153
Сулла Луций Корнелий 607
Султан-Заде А. (Заде-Султан А.) 464
Суханов Н. (Гиммер Н. И.) 638, 646
Сухоцкая Н. С. 206
- Таганцев Н. С. 258
Таиров А. Я. 203, 325
Танеев П. В. 268
Таратута В. К. 740
Татлин В. Е. XLVI, 62, 75, 78, 80, 89
Тейс Альбер 578
Тедорович И. А. 310, 344
Теруан де Мерикур 528, 530
Тимофеев А. В. 191
- Титов 382
Тихон (патриарх) 108
Тихонов А. Н. 659, 669, 678—679, 686, 698—699, 701—702
Тищенко 278
Тобинсон-Краснощекова Г. Б. 325—326
Токумбетов У. Г. 50, 51
Толстой Л. Н. XXVII, XLIX, 171—172, 196, 541, 564, 676
Толстопятов 398
Томский М. П. 477, 696
Тонков В. Н. 291
Тоня 480
Третьяков 429—430, 489
Третьяков П. М. XXVII, 65
Третьяков С. М. XXVII, 65
Триллессер Д. А. 356
Трифонов В. А. 465
Трифонов Н. А. 16, 743
Тройницкий 726
Тройницкий С. 175
Троцкая Н. И. 75, 173, 183, 356
Троцкий Л. Д. XXII, 33, 170, 218, 349, 466, 470, 477—478, 480, 482, 485—486, 488—489, 538, 577, 614—615, 619, 622, 633, 698
Трошина А. П. VIII, 3, 497, 609, 627, 631, 668
Трубецкой Е. Н. XIV, 30, 35
Трубников 408
Туган-Барановский М. И. 497
Турати Филиппо 329, 336—340
Тургенев И. С. 535, 675
Тучапский И. С. 738
Тютюнник Юрий 449, 459
- Ульянов Виктор 731
Ульянов Н. П. 734
Ульянова М. И. LI, 166, 733, 735
Ульянова-Елизарова А. И. 142—144, 175—176, 497, 499, 609, 731, 735, 737
Уншлихт И. С. 331—332, 356
Урицкий М. С. 604
Усачев 404
Ушаков Д. Н. 142
Уэллс Герберт 221, 673, 688
- Фаворский В. А. 204, 206
Фабр Жан Анри 684
Фасмер Р. 175
Февральский А. В. VIII, 658
Федоровский Н. М. 684, 691, 695—696, 698
Федяевский 295

- Фейербах Людвиг 8, 11, 14, 17—18, 601, 737
 Феофанов Ф. В. 235
 Ферри Энрико 39—40
 Фигнер В. Н. 200, 202, 212, 280
 Филатов 408
 Филатов В. В. (Северцев В.) 20
 Филатов М. Н. VIII
 Филимонов 294
 Филиппов Д. И. 645
 Филонов Ф. В. 720
 Философов Д. В. 211
 Флаксерман А. Н. 159, 182, 184, 188, 190, 200, 202, 207, 264, 285—286, 292, 299, 303—304, 308, 310, 315—317, 331, 341
 Флеровский И. П. 478, 488
 Фольмар Георг 587, 620
 Фомин И. А. XXXVI, 260
 Фортер Анри 204
 Фортил 574
 Фотиева Л. А. 114—115, 119, 123—124, 142, 148, 170, 172, 199, 207—208, 214, 281, 292, 304, 310, 312, 314, 325, 349, 515, 680, 718
 Франк Людвиг 620
 Франкель Лео 578, 580
 Франс Анатолий 260, 673—674, 688
 Фриче В. М. 62—63
 Фрумкин М. И. 108, 378
 Фурсов 412
- Халатов А. Б. 159, 162, 173, 180, 200, 218, 291, 365
 Ханин М. Б. 515
 Хемфриз Уинфрид 221
 Херст Уильям Рандольф 326
 Хилков М. И. 516
 Хлебников Л. М. VIII, 92, 375, 668, 704
 Хмельницкий 186
 Хоменко В. Я. 446
 Хомяков А. С. 595
 Христенсен Парлей Паргер 327
- Цаликов А. Т. 50
 Цветков Г. Г. 380, 382
 Цезарь Гай Юлий 272, 337
 Церетели И. Г. 339, 646
 Цеткин Клара XXXIV, LII, 35, 88, 97, 318, 329, 336, 339, 620
 Цингер 693
 Цицерон Марк Туллий 62, 272
 Цюрупа А. Д. 66, 68, 107, 116, 218, 232, 243, 353, 356, 360, 361, 478, 484, 722
 Цюрупа Г. Д. 667
- Чарушников А. П. LV
 Чебаррио 342
 Черкуль-Куш Н. К. 740
 Червяков 408
 Череванин Н. (Липкин Ф. А., Нежданов П.) 26
 Чернов В. М. 339—340, 676—677, 679, 701, 741
 Чернышевский Н. Г. XLIX, 62, 70
 Чехов А. П. 607
 Чехонин С. В. 84, 89
 Чижов 427
 Чириков Е. Н. XLII
 Чичерин Г. В. 160, 169—170, 208, 284
 Чуковский К. И. 324, 659
 Чуцкаев С. Е. 180
 Чхеддзе Н. С. 44, 635, 637, 641, 646
- Шаблевский 467
 Шалагинова Е. П. 64
 Шален Луи 578
 Шаляпин Ф. И. XXXVI—XXXVII, 151—152, 186, 288—290
 Шанцер В. Л. 34
 Шапиро Л. А. VIII
 Шапиро Л. Г. (Шанин М.) 229, 263, 452
 Шаповалова Л. Р. (Танюша) 608
 Шаумян С. Г. IX
 Шахматов А. А. 175, 242—243
 Шевердин С. Н. 124, 356
 Шейн 115
 Шейдеман Филипп 647
 Шейнман А. Л. XLIII, 168—170, 188—189, 678
 Шелехов 115, 403
 Шен 738
 Шервуд Л. В. LI, 82—83, 90, 140
 Шеффер П. 175
 Шидловский Н. В. 538, 540, 544
 Шиллер Фридрих 62, 151, 436
 Шингарев А. И. 742
 Шипов Д. Н. 595
 Шкалов 68
 Шкирятов М. Ф. 730
 Шлихтер А. Г. 68, 478, 482, 484—485
 Шляпников А. Г. 477—478, 480, 488—489, 503
 Шмелев И. С. XLII, 246, 248
 Шмидт Д. 175
 Шмидт О. Ю. XXXII—XXXIII, 131, 225, 239, 246—248, 257, 264, 269, 306—307, 360, 491, 612
 Шомракова Н. А. 699
 Шор 735
 Шорин В. И. 447
 Шостак И. Ф. 743

- Шпильрейн Я. Н. 168
 Штеренберг Д. П. XLVI, LI, 54, 93, 146—147, 195, 707, 714—716, 719
 Штернберг П. К. 59
 Штумм 566
 Шу Ф. Ф. 128—134, 134—135
 Шубин Н. С. 404
 Шульгин В. В. 720
 Шульгин В. Н. 225
 Шульц Генрих 649, 652

 Щеголев П. Е. 738
 Щедрин С. Ф. 155
 Щекотов 136
 Щепкин М. С. 152
 Щербацкий Ф. И. 168—170, 188, 258
 Щербина В. Р. VIII, IX
 Щукин С. С. 91, 183
 Щуко В. А. XXXVI, 260, 659
 Щупак 646
 Щусев А. В. 372

 Эдельман 454
 Эйнштейн Альберт 599, 601
 Эйр Линкольн 205
 Экк Густав 577—578, 580
 Эксузович И. В. 195
 Энгельс Фридрих 8, 11, 14, 17—18, 26—27, 32, 42, 140, 147—148, 466, 478, 560, 577, 580, 601
 Эпштейн 390

 Эрн В. Ф. 272
 Эссен М. М. 498—499, 514, 517
 Эфрос А. М. 304

 Юденич Н. Н. XXVI, 440, 689
 Южин А. И. 124, 283, 325
 Юков 128
 Юлиан Отступник 272
 Юон К. Ф. 715, 734
 Юренев К. К. 100, 464
 Юров Ю. М. 87
 Юшкевич П. С. 628

 Языков 407
 Яковлева В. Н. 313, 477
 Якубов А. С. 218
 Ян 462
 Яремич С. П. 175
 Ярославский Е. М. 264, 335, 694
 Ятманов 173, 177, 183

 Anseele (см. Ансеель Эдуард)
 Berliner 233
 Dubreil Louis 40, 42
 Emde 168
 Freymand J. 635
 Kammerer 44
 Lehrfeund 233
 Levy-Dorn 233
 Liesigang E. 233, 234

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ V

ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ

Статья В. Р. Щербини IX

I. ПЕРЕПИСКА ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО (1905—1922 гг.)

Письма (1905—1917 гг.)

Письма и документы (1917—1922 гг.)

1905 г.

1. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Вторая половина июля н. ст.	3
2. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 июня/2 июля	6
3. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 5/18 июля	6
4. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 14/27 июля	7
5. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 19 июля/1 августа	8
6. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 20 июля/2 августа	11
7. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 20 июля/2 августа и 3/16 августа	13
8. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. После 21 июля/3 августа	15
9. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 20 июля/2 августа и 3/16 августа	17
10. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 3/16 и 6/19 августа	18
11. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 3/16 августа	20
12. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Между 4/17 и 6/19 августа	22
13. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 6/19 и 9/22 августа	24
14. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 9/22 августа и 23 августа/5 сентября	26
15. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Конец августа	27
16. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Последние числа августа	28
17. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 16/29 августа и 1/14 сентября	29
18. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 28 сентября/11 октября	30

1907 г.

19. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Между 20 октября/2 ноября и 29 октября/11 ноября	33
--	----

1908 г.

20. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 31 декабря 1907 г./13 января	36
21. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 2/15 января	38
22. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 20 января/2 февраля	38
23. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 31 января/13 февраля	39
24. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Горький — Луначарскому 12/25 февраля	40
25. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 14/27 февраля	40
26. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 3/16 апреля	42

1917 г.

27. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Март, не позднее 12/25	44
28. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 2/15 ноября 1917 г.	46
29. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. МАНДАТ О НАЗНАЧЕНИИ ЛУНАЧАРСКОГО НАРОДНЫМ КОМИССАРОМ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ. 18 ноября	48
30. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 9 декабря	49
31. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 23 декабря	51

1918 г.

32. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Начало 1918 г.	52
33. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 26/13 февраля	52
34. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА. 7 марта/22 февраля	54
35. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА. 9 марта	56
36. РЕЗОЛЮЦИИ ЛЕНИНА И ЛУНАЧАРСКОГО НА ХОДАТАЙСТВЕ ДИРЕКТОРА ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКИХ ИНЖЕНЕРОВ. 9 марта	56
37. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. Март, не позднее 10	58
38. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 9 апреля	60
39. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 13 мая	61
40. ЛУНАЧАРСКИЙ В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. Между 16 и 30 мая	64
41. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА. 22 мая	65
42. ЛУНАЧАРСКИЙ В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 28 мая	65
43. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 июня	66
44. ЛЕНИН — В КОМИССАРИАТЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ИМУЩЕСТВ РЕСПУБЛИКИ. 15 июня	69
45. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 21 июня	69
46. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 21 июня	70
47. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 21 июня	70
48. ЛУНАЧАРСКИЙ — ГОРБУНОВУ. 26 июня	72
49. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 27 июня	72
50. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 8 июля	74
51. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 10 июля	74
52. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 12 июля	75
53. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 июля	75
54. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ (ОБМЕН ЗАПИСКАМИ). 12 июля	76
55. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 24 августа	77
56. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ (ОБМЕН ЗАПИСКАМИ). 26 августа	77
57. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 26 августа	78
58. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 27 августа	78
59. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. НАДПИСЬ НА ПИСЬМЕ В. Е. ТАТЛИНА. Конец августа	78
60. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 10 сентября	80
61. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Середина сентября	82
62. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 18 сентября	83
63. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 сентября	84
64. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 20 сентября	89
65. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 23 сентября	89
66. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. Октябрь, не ранее 6	90
67. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 28 октября	91
68. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 11 ноября	91
69. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Декабрь, не позднее 14	92
70. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. Декабрь, не позднее 21	93
71. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 декабря	94
72. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 30 декабря	94

1919 г.

73. СЕКРЕТАРЬ ЛУНАЧАРСКОГО — ЛЕНИНУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ НАРКОМА). 30 января	95
74. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 4 февраля	100
75. ЛУНАЧАРСКИЙ — В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА. 5 февраля	102
76. ЛУНАЧАРСКИЙ — В ЦК РКП(б) И НАДПИСИ ЛЕНИНА. 15 апреля	102
77. ЛУНАЧАРСКИЙ — В ЦК РКП(б). 15—16 апреля	105
78. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. КОПИЯ СКЛЯНСКОМУ И ДАНИЛОВУ. 11 мая	107
79. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. КОПИИ ЦЮРУПЕ И СТАЛИНУ. 11 мая	107
80. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Май, после 12	108
81. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 15 мая	109
82. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 16 мая	109
83. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВСНХ И НАРКОМПУТЬ. 22 мая	109
84. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 30 мая	110

85.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА. 9 июня	111
86.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 14 июня	112
87.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 июля	114
88.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 21 июля	115
89.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 18 августа	116
90.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 22 августа	118
91.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 23 августа	120
92.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 26 августа	125
93.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСИ ЛЕНИНА. 3 сентября	126
94.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 29 октября	126
95.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 24 ноября	128
96.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 ноября	128
97.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 19 декабря	131
98.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 24 декабря	132
99.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И НАДПИСИ ЛЕНИНА. Декабрь, до 25	134
100.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 декабря ¹	134
101.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. Не позднее 31 декабря	135
102.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ	136

1920 г.

103.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. Середина января	137
104.	ЛЕНИН И ЛУНАЧАРСКИЙ О ЮБИЛЕЕ А. И. ГЕРЦЕНА. 17 января	138
105.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 18 января	141
106.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА С ОТВЕТОМ ДЗЕРЖИНСКОГО. 21 января	142
107.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МОССОВЕТ. КОПИЯ ЛЕНИНУ. 23 января	143
108.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МОССОВЕТ. КОПИЯ ЛЕНИНУ. Январь, не ранее 24 января	144
109.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 2 февраля	145
110.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 5 февраля	149
111.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 10 февраля	150
112.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 16 февраля	151
113.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ. 27 февраля	153
114.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 5 марта	156
115.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И РЕЗОЛЮЦИЯ ЛЕНИНА. 5 марта	157
116.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ. ОБМЕН ЗАПИСКАМИ. Между 1 и 6 марта	158
117.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 8 марта	158
118.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПОРУЧЕНИЕ СЕКРЕТАРЮ). 8 марта	163
119.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 16 марта	164
120.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 17 марта	164
121.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 23 марта	167
122.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 27 марта	168
123.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 27 марта	170
124.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 29 марта	171
125.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Март-апрель	172
126.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ (НАДПИСИ И ПОМЕТКИ ЛЕНИНА НА ПИСЬМЕ ГОРЬБКОГО 2 АПРЕЛЯ). Не ранее 3 апреля	174
127.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. Не ранее 3 апреля	176
128.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 6 апреля	176
129.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 6 апреля	177
130.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 8 апреля	178
131.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. РЕЗОЛЮЦИЯ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА. 15 апреля	180
132.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 16 или 17 апреля	181
133.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 19 апреля	182
134.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 27 апреля	182
135.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 28 апреля	184
136.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И НАРКОМПРОДУ. 29 апреля	184
137.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 3 мая	185
138.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 3 мая	185
139.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 16 мая	186
140.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 18 июня	188
141.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 18 июня	190
142.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 21 июня	190
143.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ОТВЕТЫ ЛЕНИНА. 22 июня	195
144.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 23 июня	196
145.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 2 июля	196
146.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 7 июля	198
147.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 10 июля	199
148.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 13 июля	200
149.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 21 июля	202

150. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 22 июля	206
151. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 июля	207
152. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 28 июля	207
153. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 4 августа	211
154. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Август, до 11	212
155. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ 11 августа	214
156. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. МАНДАТ. 14 августа	214
157. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 14 августа	214
158. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ПОКРОВСКОМУ. 16 сентября	215
159. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ПОКРОВСКОМУ. 17 сентября	218
160. ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 7 октября	219
161. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 8 октября	219
162. ЛУНАЧАРСКИЙ — В ПОЛИТБЮРО. 8 октября	222
163. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ НА ПИСЬМЕ Г. Ф. ГРИНЬКО. 29 октября	222
164. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 30 октября	224
165. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ОТВЕТЫ ЛЕНИНА. Конец октября, не ранее 21 октября	226
166. ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 3 ноября	228
167. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 5 ноября	229
168. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 ноября	230
169. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 20 ноября	233
170. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 20 ноября	234
171. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. КОПИИ ЛИТКЕНСУ, СОЛОВЬЕВУ, КРЕСТИНСКОМУ. 29 ноября	236
172. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 9 декабря	237
173. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 13 декабря	238
1924 г.	
174. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 5 января	239
175. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ И ЛИТКЕНСУ. 14 января	242
176. АКАДЕМИЯ НАУК — В СОВНАРКОМ С РЕЗОЛЮЦИЯМИ ЛЕНИНА, ЛУНАЧАРСКОГО И ГОРБУНОВА. 21 января	242
177. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ, ПРЕЗИДИУМУ ВЦИК И ЦЮРУПЕ. 2 февраля	243
178. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 9 февраля	244
179. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. КОПИИ ПОКРОВСКОМУ И ЛИТКЕНСУ. 14 февраля	244
180. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 февраля	246
181. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 22 февраля	249
182. ЛУНАЧАРСКИЙ — В СОВНАРКОМ. 22 февраля	249
183. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 февраля	253
184. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 4 марта	256
185. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 8 марта	257
186. ЛУНАЧАРСКИЙ — ГОРБУНОВУ (ДЛЯ ЛЕНИНА). 9 марта	258
187. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 21 марта	261
188. ЛЕНИН — ЛИТКЕНСУ. КОПИИ ПОКРОВСКОМУ И ЛУНАЧАРСКОМУ. 27 марта	263
189. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСИ ЛЕНИНА. 29 марта	263
190. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА. 2 апреля	264
191. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 8 апреля	266
192. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 9 апреля	267
193. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 11 апреля	269
194. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 апреля	269
195. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 13 апреля	271
196. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 13 апреля	272
197. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 14 апреля	278
198. ЛУНАЧАРСКИЙ — ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ, КОПИЯ ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 15 апреля	279
199. ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 23 апреля	279
200. ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ. ОБМЕН ЗАПИСКАМИ. 6 мая	281
201. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 мая	282
202. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 12 мая	284
203. ЧИЧЕРИН — ЛЕНИНУ (С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПИСЬМА ЛУНАЧАРСКОГО) И ОТВЕТ ЛЕНИНА. 13 мая	284
204. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 17 мая	285
205. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 31 мая	285
206. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 3 июня	286
207. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 14 июня	286
208. ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ (НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО). 24 июня	288
209. ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 25 июня	290
210. ЛУНАЧАРСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ — ГОРБУНОВУ (ДЛЯ ЛЕНИНА). 28 июня	291

211.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 2 июля	292
212.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЦК РКП И ЛЕНИНУ. 11 июля	292
213.	ГОРБУНОВ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 13 июля	294
214.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И КИСЕЛЕВУ. 26 июля	298
215.	УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА — ЛУНАЧАРСКОМУ. 27 июля	299
216.	ЛУНАЧАРСКИЙ В УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА. 2 августа	303
217.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. КОПИИ ЛИТКЕНСУ, МОЛОТОВУ, КИСЕЛЕВУ. 3 августа	307
218.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 4 августа	308
219.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ (ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ СОВНАРКОМА) И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 12 августа	308
220.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 25 августа	310
221.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 26 августа	313
222.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 3 сентября	314
223.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. КОПИИ МОЛОТОВУ, ЛИТКЕНСУ, ПОКРОВСКОМУ И НАДПИСИ ЛЕНИНА. 7 сентября	315
224.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ЗАПИСКА ЛЕНИНА СЕКРЕТАРЮ. Сентябрь, не ранее 10.	317
225.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСИ, ПОДЧЕРКИВАНИЯ ЛЕНИНА. 11 сентября	318
226.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. КОПИЯ ЛИТКЕНСУ. 12 сентября	321
227.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 13 сентября	322
228.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 4 октября	324
229.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 22 октября	325
230.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ОТВЕТ ЛЕНИНА. 24 октября	325
231.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ОТВЕТ ЛЕНИНА. 25 октября	328
232.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 26 октября	328
233.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ. ОБМЕН ЗАПИСКАМИ. 1 ноября	329
234.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 2 ноября	329
235.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 2 ноября	330
236.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ. 15 ноября	330
237.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И ЗАПИСКА ЛЕНИНА. 15 ноября	330
238.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 ноября	332
239.	Н. С. ЛЕПЕШИНСКАЯ — ЛУНАЧАРСКОМУ (ПО ПОРУЧЕНИЮ ЛЕНИНА). 19 ноября	332
240.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 23 ноября	334
241.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 24 ноября	334
242.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 25 ноября	335
243.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 28 ноября	336
244.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. До 1 декабря	340
245.	СЕКРЕТАРЬ ЛУНАЧАРСКОГО — ЛЕНИНУ ПО ПОРУЧЕНИЮ НАРКОМА. 2 декабря	341
246.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. 3 декабря	341
247.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ, ПОКРОВСКОМУ, ЛИТКЕНСУ. 17 декабря	342
248.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКОМУ, ПОКРОВСКОМУ, ЛИТКЕНСУ. 17 декабря	342
249.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 22 декабря	343
250.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 29 декабря	344

1922 г.

251.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 11 января	346
252.	ЛЕНИН — ГОРБУНОВУ С ПОРУЧЕНИЕМ ЛУНАЧАРСКОМУ. 14 января	346
253.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 16 января	348
254.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. Между 12 и 17 января	349
255.	ЛУНАЧАРСКИЙ — В МАЛЫЙ СОВНАРКОМ. 1 февраля	352
256.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ С ПОМЕТКОЙ ЛЕНИНА. 4 марта	358
257.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 13 марта	359
258.	ЛЕНИН — СМОЛЬЯНИНОВУ ДЛЯ ЛУНАЧАРСКОГО, ПОКРОВСКОГО, РЫКОВА, ЦЮРУПЫ. 17 мая	360
259.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 18 октября	362
260.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 октября	362
261.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 31 октября	362
262.	ЛЕНИН — ЛУНАЧАРСКИЙ. ОБМЕН ЗАПИСКАМИ. 31 октября	366
263.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 8 ноября	367
264.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 10 ноября	369

ДОПОЛНЕНИЕ

265.	ЛУНАЧАРСКИЙ — ЛЕНИНУ. 19 июля 1918 г.	371
------	---	-----

II. ДОКЛАДЫ ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ (1919—1921 гг.)

ДОКЛАДЫ ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ И КОСТРОМЫ

Публикация В. Д. Зельдовича 375

ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ. 9 мая 1919 г.	380
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ. 11 мая 1919 г.	383
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ И РЫКОВУ. Май, последние числа 1919 г.	390
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ И РЫКОВУ. 31 мая 1919 г.	397
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ. 1 июля 1919 г.	401

ОТЧЕТ О ГАЛИЧСКОЙ И БУЙСКОЙ ГРУППАХ КОММУНИСТОВ ЦК РКП (июнь 1919 г.)	403
В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП ТОВ. СТАСОВОЙ (О ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В Г. НЕ- РЕХТА, июнь 1919 г.)	405
В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП ТОВ. СТАСОВОЙ (О КОСТРОМСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОМ- МУНИСТОВ, июнь 1919 г.)	406

СТАТЬИ ЛУНАЧАРСКОГО, НАПИСАННЫЕ В ЯРОСЛАВЛЕ И КОСТРОМЕ ДЛЯ РОС- ТА И ДЛЯ МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ: «ПИСЬМА ИЗ ПРОВИНЦИИ»; «В КОСТРОМЕ»; «ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО Г. КОСТРОМЫ»; «ТИПЫ»; «КОСТРОМСКОЕ КРЕСТЬЯН- СТВО»; «НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОСТРОМЕ»; «ИЗ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ (ЛОКАЛОВСКАЯ МАНУФАКТУРА)»; «ДЕТСКИЕ КЛУБЫ В Г. КОСТРОМЕ»	409
ОБРАЩЕНИЯ: «КО ВСЕМ КРЕСТЬЯНАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ»	437
«КО ВСЕМ ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ»	440

ЛУНАЧАРСКИЙ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И В ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНАХ

Предисловие С. Ф. Найды

Публикация В. Д. Зельдовича 446

ОБЩИЙ ДОКЛАД О ПОЕЗДКЕ НА ФРОНТ. 28 ОКТЯБРЯ — 14 НОЯБРЯ 1919 г.	451
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ. ХАРЬКОВ, 6 МАЯ 1920 г.	456
ДОКЛАД ЛУНАЧАРСКОГО ЛЕНИНУ И НАДПИСЬ ЛЕНИНА. КРАТКИЙ ОТЧЕТ ОБ ОБЩЕМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ НИКОЛАЕВСКОЙ И ОДЕССКОЙ ГУ- БЕРНИИ. Май 1920 г.	458
ДОКЛАД. РОСТОВ-НА-ДОНУ, 18 августа 1920 г.	464
ОТЧЕТ. РОСТОВ-НА-ДОНУ. 20 августа 1920 г.	465
ОТЧЕТ. РОСТОВ-НА-ДОНУ. 24 августа 1920 г.	467
ОТЧЕТ. НОВОЧЕРКАССК. 28 августа 1920 г.	468
ОТЧЕТ. РОСТОВ-НА-ДОНУ. 30 августа 1920 г.	470

СТАТЬЯ ДЛЯ РОСТА. ПО ЮГУ	472
------------------------------------	-----

ДОКЛАДЫ ИЗ РЯЗАНИ, ТАМБОВА И САРАТОВА

Публикация В. Д. Зельдовича 477

ОТЧЕТ О РАБОТЕ В Г. РЯЗАНИ. 29 января 1921 г.	479
ОТЧЕТ О РАБОТЕ В ТАМБОВЕ. 2 февраля 1921 г.	482
ЛУНАЧАРСКИЙ — СТАЛИН. ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ	485
ОТЧЕТ О САРАТОВСКОЙ РАБОТЕ. 14 февраля 1921 г.	486

III. ЛЕНИН РЕДАКТИРУЕТ СТАТЬИ ЛУНАЧАРСКОГО В ГАЗЕТАХ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ» (1905 г.)

РЕДАКТОРСКАЯ ПРАВКА ЛЕНИНА В СТАТЬЯХ ЛУНАЧАРСКОГО В ГАЗЕТАХ «ВПЕРЕД» И «ПРОЛЕТАРИЙ» (1905 г.)	
Статья, публикация и примечания А. П. Трошиной	497
ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»	517
«СОМНЕНИЯ ДВУГЛАВОГО ОРЛА»	522
«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТА- РИАТА»	527
«ТВЕРДЫЙ КУРС»	533
КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ ИЗ ПЕТЕРБУРГА	538
«БАНКРОТСТВО ПОЛИЦЕЙСКОГО РЕЖИМА»	540
«КАК ПЕТЕРБУРГСКИЕ РАБОЧИЕ КИ ЦАРЮ ХОДИЛИ»	546
«ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»	558
«МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА»	560
«СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ МАДЗИНИ В РИМЕ»	572
«ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ»	574
«ПОВЕДА ЯПОНИИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ»	582
«ПАРЛАМЕНТАРИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ»	586
«ПАРЛАМЕНТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ»	589
«ЦВЕТЫ ЛИБЕРАЛЬНЫХ СЛОВОПРЕНИЙ»	595
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
Предисловие Луначарского к предполагавшемуся изданию его статей из газет «Вперед» и «Пролетарий»	598
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
Письмо М. С. Ольминского Луначарскому. Август 1905 г.	601
ПРИЛОЖЕНИЕ III	
Перечень статей Луначарского, опубликованных в газете «Вперед»	602
ПРИЛОЖЕНИЕ IV	
Перечень статей Луначарского, опубликованных в газете «Пролетарий»	603
ПРИЛОЖЕНИЕ V	
Перечень большевистских газет и журналов, в которых сотрудничали Ленин и Луначарский с 1905 по 1917 г.	603
IV. РАЗЫСКАНИЯ И СООБЩЕНИЯ	
ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ЖЕНЕВЕ (24 ДЕКАБРЯ 1904 г.)	607
Сообщение В. Д. Зельдовича	
ЛУНАЧАРСКИЙ О ЛЕНИНЕ НА ШТУТГАРТСКОМ КОНГРЕССЕ	613
Предисловие В. М. Далина	
Публикация В. Д. Зельдовича	
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ЯНВАРЕ 1917 г. В ЖЕНЕВЕ НА МИТИНГЕ В ПАМЯТЬ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.	627
Сообщение А. П. Трошиной	
ЛУНАЧАРСКИЙ О ЛЕНИНЕ НАКАНУНЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В РОССИЮ (МАРТ — АПРЕЛЬ 1917 г.)	628
Сообщение В. Д. Зельдовича	
ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛУНАЧАРСКОГО В ПЕТРОГРАДСКОМ СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛ- ДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ 22 МАЯ/4 ИЮНЯ 1917 г.	645
Публикация В. Д. Зельдовича	
ЗАПИСИ ЛЕНИНА ПО ДОКЛАДУ ЛУНАЧАРСКОГО НА III СЕССИИ ВЦИК 7-го СО- ЗЫВА (26—27 СЕНТЯБРЯ 1920 г.)	649
Публикация Р. А. Лаврова	

«ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПЛАН»

Предисловие А. В. Февральского	658
Публикация В. Д. Зельдовича	

ИЗ ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ: «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕВИНА»

Статья Л. М. Хлебникова	668
-----------------------------------	-----

БОРЬБА РЕАЛИСТОВ И ФУТУРИСТОВ ВО ВХУТЕМАСе (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

Публикация Л. М. Хлебникова	704
---------------------------------------	-----

ЛЕНИН О КОРОЛЕНКО

Предисловие Г. А. Бялого	720
Публикация В. Я. Зевина	

V. ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛУНАЧАРСКИЙ. ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ	729
АВТОБИОГРАФИЯ ЛУНАЧАРСКОГО	733
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	744
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	745

В томе 172 иллюстрации и 1 вклейка

Литературное наследство,

том 80

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. В. Белова,*
В. Ч. Воровская и *А. Т. Лифшиц*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Л. Н. Золотухина*
Корректоры *В. Г. Богословский* и *Т. А. Пономарев*

Сдано в набор 23/ХII 1969 г.
Подписано к печати 2/IX 1971 г. А-11735.
Формат 70×108^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 72,3.
Уч.-изд. л. 73,8. Тираж 12 000. Тип. зак. 3335.
Цена 5 р. 10 к.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

5 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·